

Общедоступная Богословская Библиотека.

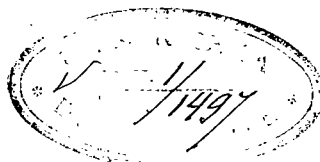
ВЫПУСКЪ XXIII.

БОГОСЛОВСКАЯ ЭНЦИКЛОПЕДІЯ.

89
31

ТОМЪ X.

КИННАМОНЪ-КІОНЪ.

Съ 13-ю рисунками и двумя картами.

Составленъ подъ редакціей

Н. Н. ГЛУБОКОВСКАГО,

Д-ра богословія, ординарнаго профессора С.-Петербургской
Духовной Академіи.

ИЗДАНІЕ

преемниковъ † профессора

А. П. Лопухина.

С.-ПЕТЕРБУРГЪ.

БЕЗПЛАТНОЕ ПРИЛОЖЕНІЕ КЪ ДУХОВНОМУ ЖУРНАЛУ „СТРАННИКЪ“ ЗА

1909 г.

СПИСОКЪ СОТРУДНИКОВЪ

X-го тома „Богословской Энциклопедіи“.

- 1) **Андреевъ**, Иванъ Димитріевичъ, магистръ богословія, экстра-ординарный профессоръ церковной исторіи Спб. Университета (Спб., Петербургская сторона, Песочная улица, д. № 29, кв. 18).
- Богоявленскій**, Іоаннъ Яковлевичъ, священникъ, кандидатъ богословія, настоятель кладбищенской церкви въ г. Кронштадтѣ С.-Петербургской губерніи.
- Бронзовъ**, Александръ Александровичъ, докторъ богословія, ординарный профессоръ Спб. Духовной Академіи (Спб., Невскій пр., д. № 182, кв. 3).
- Воскресенскій**, Григорій Александровичъ, д-ръ богословія, заслуженный орд. проф. Московскій Дух. Академіи, членъ-корреспондентъ Императорской Академіи Наукъ (Сергіевскій Посадъ Московской губ., св. домъ).
- 5) **Глаголевъ**, Александръ Александровичъ, священникъ, магистръ богословія, э.-ординар. проф. Кіевской Дух. Академіи и настоятель Николо-Добринской церкви (Кіевъ, Подоль, уголь Боричева тока и Покровскаго проулка, д. № 20—4).
- Глубоковскій**, Николай Никаноровичъ, д-ръ богословія, ординар. проф. Спб. Дух. Академіи (Спб., Невскій пр., д. № 180, кв. 5). Имъ проредактированы въ этомъ томѣ рѣшительно всѣ статьи, которыя въ нужныхъ случаяхъ исправлены и дополнены, при чемъ ему принадлежатъ и вставки (въ текстѣ и примѣчаніяхъ), помѣщенные въ угольныхъ скобкахъ [], хотя бы онѣ не были отмѣчены его именемъ или инициалами, какъ это иногда встрѣчается.
- Груздевъ**, Борисъ Ивановичъ, кандидатъ богословія, справщикъ Спб. Синодальной типографіи (Спб., Кабинетская ул., д. № 15).
- Евдокимъ** (Мещерскій), магистръ богословія, епископъ кашпрскій, викарій тульской епархіи, бывшій ректоръ Московской Дух. Академіи (г. Тула).
- Егоровъ**, Николай Андреевичъ, канд. богословія, псаломщикъ Александро-Невской церкви при Императорской Россійской миссіи въ Копенгагенѣ, въ Даніи (Dänemark, Kopenhagen, Amaliengade 34^{II}).
- 10) **Елеонскій**, Николай Александровичъ, протоіерей, магистръ богословія, заслуженный проф. богословія Московскаго Университета (Москва, зданіе Университета, по Моховой улицѣ).
- Жузе**, Пантелеймонъ Крестовичъ, магистръ богословія, лекторъ въ Казанской Дух. Академіи (Казань, 1-я академическая ул., д. № 11).
- Заринъ**, Сергій Михайловичъ, магистръ богословія, смотритель Александро-Невскаго Дух. Училища и доцентъ Духовной Академіи въ г. С.-Петербургѣ (Спб., Обводный каналъ, д. № 17б).
- Здравомысловъ**, Константинъ Яковлевичъ, кандидатъ богословія, начальникъ Архива при Св. Синодѣ (Спб., Васкова ул., д. № 6).
- Ивановскій**, Николай Ивановичъ, д-ръ богословія, заслуж. орд. проф. Казанской Дух. Академіи (Казань, Новая Горшечная ул., св. домъ).
- 15) **Катановъ**, Николай Феодоровичъ, магистръ турецко-татарской словесности, э.-орд. проф. Казанскаго Университета (Казань, Переулочъ къ 3-й гимназій, домъ Гурьякова).

Кисель-Киселевскій, Діонисій, священникъ, настоятель православной церкви въ Садыгора (Буковина въ Австріи.—Oesterreich, Bukovina, Sadagora: Pfarrer Dionisij de Kiesel-Kisielevskij).

Колокольцевъ, Вениаминъ Васильевичъ, магистръ богословія, помощникъ инспектора Казанской Духовной Академіи.

Коржавинъ, Александръ Ивановичъ, кандидатъ богословія, преподаватель Псковской мужской гимназіи (г. Псковъ, Успенская ул., д. Дергачевой).

Крашенинниковъ, Георгій Львовичъ, священникъ, студентъ Оренбургской Дух. Семинаріи, настоятель Казанско-Богородицкой церкви въ г. Уральскѣ и областной миссіонеръ Киргизской миссіи Уральской области.

20) **Ласкѣвъ**, Павелъ Михайловичъ, кандидатъ богословія, старшій ревизоръ Смоленской Контрольной палаты (г. Смоленскъ).

Лебедевъ, Алексѣй Петровичъ, д-ръ церковной исторіи, заслуж. ординар. проф. Московскаго Университета (скончался 14 юлія 1908 года).

Лопаревъ, Хрисанъ Мефодіевичъ, магистрантъ Спб. Университета, помощникъ заведующаго рукописнымъ отдѣломъ Императорской Публичной бібліотеки (Спб., Садовая ул., д. № 20).

Мацевичъ, Левъ Степановичъ, кандидатъ богословія, преподаватель Одесской Дух. Семинаріи въ отставкѣ (Одесса, Слободка Ромаовка, Психіатрическая больница, павильонъ Атабековой).

Митропольскій, Алексѣй Арсеніевичъ, протоіерей Входа-Іерусалимской Знаменской церкви въ Спб., кандидатъ богословія (Спб., Лиговская ул., д. № 39).

25) **Мухинъ**, Николай Θεодосіевичъ, магистръ богословія, э.-ординар. проф. Кіевской Дух. Академіи (Кіевъ, Захарьевская ул., д. № 29).

Петровскій, Александръ Васильевичъ, магистръ богословія, священникъ Успенской Спасо-Сѣнновской церкви (Спб., Садовая ул., д. № 40, кв. 6).

Петровъ, Николай Ивановичъ, д-ръ богословія, заслуженный орд. проф. Кіевской Дух. Академіи (Кіевъ, Ильинская ул., д. № 5).

Писаревъ, Леонидъ Ивановичъ, магистръ богословія, э.-ординар. проф. Казанск. Дух. Академіи (Казань, 1-я академическая ул., д. № 11).

Пономаревъ, Павелъ Петровичъ, д-ръ богословія, э.-орд. проф. Казанской Дух. Академіи (Казань, зданіе Академіи, кв. помощника инспектора).

30) **Поповъ**, Александръ Васильевичъ, кандидатъ Спб. Историко-филологическаго Института, преподаватель прогимназіи въ г. Новомосковскѣ Екатеринославской губ.

Поповъ, Николай Васильевичъ, кандидатъ богословія, священникъ русскихъ православныхъ церквей въ г.г. По и Біарицъ на югѣ Франціи, въ департаментѣ Нижнихъ Пиринеевъ, France, Basses Pyrénées. Pau (rue Jean Réveille, 18) или Biarritz (Avenue du Palais, 8), église Russe.

Преображенскій, Антонинъ Викторовичъ, кандидатъ богословія, бібліотекарь Придворной Пѣвческой Капеллы (Спб., Мойка, д. № 20).

Прохоровъ, Григорій Васильевичъ, кандидатъ богословія, помощникъ инспектора Спб. Дух. Академіи (Спб., зданіе Академіи, Обводный каналъ, д. № 17).

Родосскій, Алексѣй Степановичъ, кандидатъ богословія, бібліотекарь Спб. Дух. Академіи (скончался 8 юнія 1908 года).

35) **Рункевичъ**, Степанъ Григорьевичъ, д-ръ церковной исторіи, оберъ-секретарь Св. Синода, членъ Учебнаго Комитета при послѣднемъ и приватъ-доцентъ Спб. Университета (Спб., Кабинетская ул., д. № 17).

Смирновъ, Сергій Ивановичъ, магистръ богословія, э.-орд. проф. Московской Дух. Академіи (Сергіевскій Посадъ Московской губ.).

Соболевскій, Алексѣй Ивановичъ, д-ръ русскаго языка и словесности, ординар. академикъ Императорской Академіи Наукъ, заслуженный профессоръ (Спб., Пушкинская ул., д. № 15, кв. 5).

- Судаковъ**, Анатолий Семеновичъ, кандидатъ богословія, помощникъ инспектора Спб. Дух. Семинаріи (Спб., зданіе Семинаріи, Обводный каналъ, д. № 19).
- Соколовъ**, Иванъ Ивановичъ, д-ръ церков. исторіи, ординар. проф. Спб. Дух. Академіи, редакторъ „Сообщеній Императорскаго Православнаго Палестинскаго Общества“ (Спб., Невскій пр., д. № 139, кв. 3).
- 40) **Сумцовъ**, Николай Теодоровичъ, д-ръ исторіи русской литературы, орд. проф. Харьковскаго Университета (Харьковъ, Малогончаровская ул., д. № 38).
- Титовъ**, Теодоръ Ивановичъ, протоіерей, д-ръ церков. исторіи, ординар. проф. Кіевской Дух. Академіи, настоятель Андреевской церкви въ Кіевѣ, редакторъ „Кіевскихъ Епархіальныхъ Вѣдомостей“ и членъ Консисторіи (Кіевъ, Андреевскій спускъ, д. № 21, кв. 1).
- Тодорскій**, Павелъ Петровичъ, кандидатъ богословія, помощникъ бібліотекаря Спб. Дух. Академіи (Спб., зданіе Академіи, Обводный каналъ, д. № 17).
- Троицкій**, Сергій Викторовичъ, кандидатъ богословія, преподаватель Александро-Невскаго Дух. Училища въ Спб., членъ редакціи „Церковныхъ Вѣдомостей“ (Спб., Обводный каналъ, д. № 17б).
- Тураевъ**, Борисъ Александровичъ, д-ръ всеобщей исторіи, орд. проф. Спб. Университета (Спб., Васильевскій Островъ, 2-я линія, д. № 3, кв. 8).
- 45) **Хахановъ**, Александръ Соломоновичъ, магистрантъ Московскаго Университета, проф. Лазаревскаго Института восточныхъ языковъ въ Москвѣ.
- 46) **Яворскій**, Василій Степановичъ, магистръ богословія, преподаватель Тульской Дух. Семинаріи (Тула, Жуковская ул., домъ прот. А. Е. Глаголева).

Съ запросами касательно подробностей содержанія статей X-го тома „Богословской Энциклопедіи“ (печатавшейся подъ наблюденіемъ помощника бібліотекаря Спб. Дух. Академіи П. П. Тодорскаго) читатели приглашаются обращаться непосредственно къ самимъ авторамъ по вышеуказаннымъ адресамъ.

Содержаніе X-го тома

„Богословской Энциклопедіи“.

1. Списокъ сотрудниковъ	III—V стр.
Статьи: Киннамонъ—Кіонъ	1—694 стб.
Оглавленіе X-го тома	695—697 стр.
Перечень иллюстрацій X-го тома	697 ”
Дополненія и поправки къ I-му тому	698 ”
” ” ” II ”	698 ”
” ” ” V ”	678—701 ”
” ” ” VI ”	702 ”
” ” ” VII ”	702 ”
” ” ” VIII ”	702—703 ”
” ” ” IX ”	703—705 ”
” ” ” X ”	705—707 ”

Киннамонъ см. „Корица“.

Кинноръ; евр. קִנּוֹר — Kinnor, у LXX и въ Новомъ Завѣтѣ *κινάρα* (ср. 1 Кор. 14, 7. Апок. 5, 8. 14, 2. 15, 2), иногда у LXX — *κινύρα*, какъ и у Иосифа Флавія (Древн. 7, 12: *α: κινύρα, δέχα χορδαῖς ἐξημενὴ τῶπ-тетαι πλήκτρῳ*), однажды, въ Пс. 136, 2 — *ὄργανον*, слав.-русс. — „гусли“, „цѣтра“, рѣдко — „цѣвница“. Это — струнный національный музыкальный инструментъ у древнихъ евреевъ; кинноръ и невелъ (псалтирь) — струнные музыкальные инструменты — составляли главный аппаратъ священной древнееврейской музыки. Кинноръ, — можетъ быть, древнѣйшій изъ музыкальныхъ инструментовъ (изобрѣтеніе его приписывается еще сыну Ламеха Іувалу: Быт. 4, 21), инструментъ, на которомъ въ своей молодости игралъ Давидъ (1 Цар. 16, 23. 18, 10. 19, 9). По І. Флавію (loc. cit.), кинноръ или „кинора имѣла десять струнъ, по которымъ ударяли палочкою“; но, вѣроятно, число струнъ киннора было различно, такъ какъ на маккавейскихъ монетахъ изображенъ кинноръ восьмиструнный; на монетахъ Баръ-Кохбы — трехструнный, а на монетахъ Симона Наси (квazia) — 6-ти струнный; равнымъ образомъ смычекъ могъ не употребляться при игрѣ на киннорѣ, такъ какъ о Давидѣ изъ Библии (loc. cit. изъ 1 Цар.) извѣстно, что онъ игралъ на киннорѣ рукою или пальцами. По устройству, кинноръ имѣлъ, можетъ быть, сходство съ трехугольною египетскою и греческою лирой *φόρμιγίς*; отъ невла же, по преданію, кинноръ различался мѣстонахожденіемъ резонансирующаго ящика (у киннора послѣдній находился вънизу, въ видѣ бара-

бана, у невла — псалтири — вверху). Игра на киннорѣ (и невлѣ) служила выраженіемъ жизнерадостнаго настроенія, а не печали, при которой кинноръ замолкалъ, замѣнялся сѣтованіемъ, вѣшался на вербахъ (Иса. 24, 8. Плач. 5, 14. Іез. 26, 13. Іов. 30, 31. Пс. 136, 2. 1 Макк. 3, 45). Оба инструмента употреблялись и при свѣтскомъ пѣніи, напр., на пиршествахъ (Иса. 5, 12), но гораздо чаще они служили богослужебнымъ цѣлямъ — при торжественныхъ процессіяхъ (1 Цар. 10, 5. 2 Цар. 6, 5. 2 Цар. 20, 28.) и въ храмовомъ богослуженіи (Неем. 12, 27. 1 Цар. 25, 6), при чемъ къ нимъ иногда присоединяется кимвалъ; а игрою на нихъ всегда аккомпанируется пѣснь хвалы и благодаренія (1 Цар. 15, 16. 2 Цар. 5, 12. Пс. 32, 2. 56, 9. 70, 21. 80, 2. 150, 3). Однако есть и знаменательныя различія въ употребленіи киннора и невла — псалтири.

Кинноръ имѣетъ гораздо болѣе широкое употребленіе, чѣмъ невелъ; почему первый не рѣдко встрѣчается отдѣльно, чего нельзя сказать о невлѣ. Кинноръ употреблялся въ житейскомъ быту людьми разныхъ положеній до блудницы включительно (Быт. 31, 27. Іов. 21, 12. 1 Цар. 16, 16. Иса. 23, 16); напротивъ, употребленіе невла въ застольной музыкѣ у прор. Амоса (6, 5) представляется оскверненіемъ св. инструмента. Повидному, между кинноромъ и невлѣмъ существовало такое же отношеніе и различіе, какъ между греческими лирой (*φόρμιγίς*) и кинорой (*κινάρα*): 1-й инструментъ былъ болѣе древнимъ народнымъ инструментомъ и употреблялся какъ для мірскихъ, такъ и для богослужебныхъ цѣлей, послѣдній же

имѣлъ только или по преимуществу священное и, по крайней мѣрѣ, торжественно важное употребленіе. Кинноръ, какъ и вѣлѣ—исалтерій, долженъ быть удобоносимъ: играли на обоихъ инструментахъ и на ходу (1 Цар. 10, 5. 2 Цар. 6, 5. 1 Пар. 16, 28. Иса. 23, 16).

О Киннорѣ и др. музыкальныхъ инструментовъ древнихъ евреевъ можно читать въ статьѣ *Kamphausen* а у Riem, *Handwörterbuch des biblischen Alterthums II* (Auff. 2, 1894), S. 1042—1059; ср. *W. Nowack*, *Lehrbuch der Hebräischen Archäologie I* (Lpzg 1894), S. 272 ff. [См. еще въ библейскихъ «Словаряхъ» и «Энциклопедіяхъ» *W. Smith* а, *H. Guthe*, *J. Hastings* а, *I. K. Cheyne*, *F. Vigouroux*].

Свящ. А. Глаголевъ.

Киновія или „общежитіе“ (*κοινός*—общій и *βίος*—жизнь) есть одна изъ формъ монашеской жизни. Первичнымъ и элементарнымъ бытомъ иноческаго міра было анахоретство или одиночный образъ жизни. За нѣмъ слѣдовало келліотство. Въ противоположность анахоретамъ, подвизавшимся въ совершенномъ одиночествѣ и уединеніи, келліоты жили по-двое, а иногда по-трое въ одно келліи—небольшомъ обособленномъ помѣщеніи,—подъ руководствомъ опытнаго въ духовной жизни старца. Келліотство, какъ вторая—послѣ анахоретства—стадія въ развитіи иноческой системы, было какъ бы семейною жизнью въ монашескомъ мірѣ. Третью стадію въ этомъ развитіи составляла жизнь скитская. Скитомъ или лаврою называлась совокупность нѣсколькихъ келлій на опредѣленной территоріи, находившихся подъ наблюденіемъ и управленіемъ общаго аввы—руководителя. Значить, скитъ или лавра представляла своего рода товарищество въ жизни иноческой. Отъ жизни скитской—прямой переходъ къ жизни монастырской или общинному быту въ иноческомъ мірѣ. Монастырь—это своего рода община, отдѣльная корпорація въ ряду другихъ подобныхъ же корпорацій иноческаго міра. Монастырская жизнь въ древнее время отличалась только въ одну форму—общежитіе или киновію. Въ византійскую же эпоху,—наряду съ киновіей,—въ монастыряхъ образовалась новая форма жизни, такъ наз., „идіоритъ“ или сосожитіе (См. о немъ въ статьѣ „Афонъ“: „Энци.“ II, 216—217). Начало общежитію положили преподобный

Пахомій Великій († 348 г.), который устроилъ мужскую и женскую киновію въ Табенниси (въ верхнемъ Египтѣ) и далъ нѣмъ общежительный уставъ, сообщенный ему,—по сказанію житія,—Ангеломъ. Уставъ препод. Пахомія отличался краткостію, не принималъ всего строя монастырской жизни, содержалъ частныя, случайныя и отрывочныя предписанія, которыя слѣдуетъ называть скорѣе нравственными наставленіями, чѣмъ уставными постановленіями,—записанными обычаями, чѣмъ опредѣленными законами,—духовными опытами аввы, чѣмъ возведенною въ теорію дисциплиною. Иной характеръ имѣютъ „Правила“ и „Подвижническіе уставы“ св. Василія великаго († 379 г.), второго законоположника киновіи, утвердившаго и распространившаго этотъ родъ монашеской жизни въ обителяхъ Малой Азіи. Общежительный уставъ св. Василія организуетъ цѣлый строй аскетической жизни, утверждаетъ его на принципахъ и основаніи идеѣ этой жизни, указываетъ разумныя основанія для различныхъ частныхъ вышняго и внутренняго строя подвижничества, находитъ оправданіе для отдѣльныхъ своихъ положеній въ Свящ. Писаніи. Уставы свв. Пахомія и Василія великихъ легли въ основу киновіальнаго строя всего православнаго восточнаго монашества. На этой основѣ возникли, прежде всего, типичныя замѣнявшіеся представителями византійско-восточнаго иночества—іерусалимскій св. Саввы Освященнаго († 532 г.), константинопольскій св. Θεодора Студита († 826 г.) и афонскій св. Афонсія († 1001 г.), а затѣмъ—появился цѣлый рядъ такъ называемыхъ „китторскихъ уставовъ“ (τοῦ κτῆτορος ἑστῆτος). Последніе уставы получили свое начало въ средневѣковой Византіи, гдѣ ктиторы монастырей имѣли обыкновеніе давать устроеннымъ ими обителямъ свои уставы, въ которыхъ и регламентировали внутреннюю ихъ жизнь сообразно своимъ желаніямъ и потребностямъ новой общины. Отличаясь разнообразіемъ содержанія, китторскіе уставы въ своихъ принципахъ примыкали къ уставамъ іерусалимскому, студійскому и афонскому, а чрезъ посредство ихъ восходилъ къ своей первоосновѣ—типикамъ Пахомія в. и особенно Василія великаго. Изъ китторскихъ общежительныхъ уставовъ византійской эпо-

хи для примѣра можно отмѣтить слѣдующіе: константинопольскаго патріарха Алексія Студита, написанный между 1034—1043 годами для монастыря Успенія Богоматери, Михаила Аттала (1077 г.) для обители Всемилоствяго Спаса въ г. Редесто, Григорія Бакуриана для Вачковскаго монастыря Богородицы Петридонитиссы (1084 г.), св. Христодула (1091 г.) для патмоскаго монастыря Апостола Іоанна Богослова, императрицы Ирины для константинопольскаго монастыря Богородицы Благодатной (1114 г.), императора Іоанна Комнина для Пантократорскаго монастыря въ Константинополѣ (1136 г.), императора Мануила Комнина для монастыря τῶν Ἐλεῦθρων въ Константинополѣ (1162 г.), іеромонаха Нила для монастыря Богородицы Махера на Кипрѣ (1210 г.) и другіе. Общежительные уставы свв. Пахомія и Василія великихъ имѣли вліяніе на устройство киновій и на Западѣ, равно какъ въ славянскихъ странахъ и въ Россіи. Въ частности, у насъ общежительный или истинно-монашескій уставъ былъ введенъ препод. Теодосіемъ печерскимъ, именно — въ видѣ „типика“ Студійскаго, который былъ извѣстенъ препод. Теодосію въ записяхъ краткой, сдѣланной въ Студійскомъ монастырѣ, и подробной, сохранившейся въ уставѣ патріарха Алексія Студита. Типъ киновій,—насколько онъ опредѣлился въ отмѣченныхъ уставахъ,—можно представить въ слѣдующемъ видѣ.

Во главѣ киновіи стоятъ настоятель или игуменъ (πρωτοῦς, προϊστάμενος, ἡγούμενος, καθ' ἡγούμενος), въ санѣ обыкновенно іеромонаха или архимандрита (а на Синаѣ — архіепископа съ IX в.). Игумену принадлежатъ дисциплинарно-пасторская и административная власть. Игуменъ есть пастырь и учитель, а лучше сказать — отецъ и духовный предстатель всѣхъ монаховъ. О всѣхъ нхъ онъ долженъ заботиться, какъ о своихъ дѣтяхъ, какъ о членахъ собственной семьи, ко всѣмъ долженъ относиться съ равною любовью и попечительностію. Прежде всего и главнымъ образомъ онъ заботится о нравственномъ совершенствѣ монаховъ. Онъ главный руководитель всѣхъ вообще и каждый порознь въ дѣлѣ сплсненія, онъ — управитель нхъ душъ (οἰκονόμος τῶν ψυχῶν). Со всей заботой и приложеніемъ онъ долженъ убѣждать монаховъ, увѣщевать, учить,

призрѣвать, больныхъ врачевать, слабыхъ поддерживать, малодушныхъ укрѣплять, согрѣшившихъ возвращать на путь истинны. Съ другой стороны, онъ долженъ быть для всѣхъ примѣромъ въ нравственномъ отношеніи, образцомъ строгости и справедливости, осторожности, воздержанія, точности, умерщвленія страстей. Онъ долженъ быть примѣрнымъ исполнителемъ обѣтовъ плочества и нимало не измѣнять достоинству своего положенія и значенію монастыря. Въ видахъ лучшаго выполненія долга пастырства и учительства, игуменъ самымъ ревностнымъ образомъ долженъ слѣдить за поведеніемъ монаховъ. Онъ руководитъ всѣми нхъ дѣйствіями. Безъ его дозволенія и благословенія никто не долженъ былъ ничего дѣлать. Каждый монахъ всегда и всецѣло находится подъ его надзоромъ и властію. Око игумена бодрствовало надъ нимъ отъ момента вступленія въ монастырь до смерти. Самое постриженіе въ монахи совершалось лишь послѣ достаточнаго испытанія пришельца и всецѣло по желанію и съ согласія игумена. А послѣ постриженія игуменъ имѣлъ право входить въ келлію монаха въ какое угодно время. Онъ постоянно наблюдалъ, не занимаются ли монахи дѣломъ безъ его воли и желанія, не предаются ли безлѣлю или пустословію. Особенно строго игуменъ долженъ слѣдить за исполненіемъ монахами обѣта нестяжательности. Всякія лишнія вещи, найденныя въ келліи монаха, беззастѣсливо должно отнимать, предавать огню или раздавать бѣднымъ, а виновнаго монаха подвергать наказанію. Игуменъ долженъ заботиться и о матеріальномъ обезпеченіи монаховъ. Въ его распоряженіи находились монастырскія имущества, онъ слѣдилъ за нхъ цѣлостію и употреблялъ на монастырскія нужды. Въ его завѣдываніи были и монастырскія зданія, въ томъ числѣ—храмъ. Онъ заботился объ нхъ благоустройствѣ, предпринималъ,—въ случаѣ нужды,—ремонтъ и поправки. Вообще, на попеченіи игумена состоялъ весь монастырь со всею своею разнообразною жизнью и дѣятельностію. Все совершается здѣсь по его волѣ и желанію; отъ него все исходитъ и къ нему все возвращается. Онъ является центромъ всего общежитія. Но власть игумена не была произвольна или безконтрольна и не имѣла абсолютнаго зна-

ченія. Въ своей дѣятельности онъ долженъ былъ руководиться уставомъ монастыря и строго исполнять его предписанія. Въ случаѣ какихъ-либо нарушеній этого устава, братія монастыря имѣла право чрезъ посредство старѣйшихъ своихъ членовъ и наиболѣе видныхъ должностныхъ монастырскихъ лицъ (эконома, еккліасіарха) сдѣлать игумену напоминаніе о заблужденіи и даже увѣщаніе исправиться. Если игуменъ исправлялся, настоятельская власть оставалась за нимъ, въ противномъ же случаѣ онъ лишался власти и замѣнялся другимъ лицомъ. А затѣмъ игуменъ подлежалъ духовной юрисдикціи мѣстной епархіальной власти, отъ которой получалъ утвержденіе въ должности и которой отдавалъ отчетъ въ своей дѣятельности.

Игуменъ былъ главнымъ начальникомъ киновіи, но не единолично несъ бремя монастырскаго управленія. У него былъ цѣлый штатъ помощниковъ, которые заведывали различными отраслями монастырской жизни. Должностныя монастырскія лица своими избравіемъ были обязаны всецѣло игумену. Послѣдній поставлялъ ихъ въ ту или другую должность единственно силою собственной власти и воли, при чемъ совершался особый литургическій чинъ поставленія. Должностныя монастырскія лица обязаны были дѣйствовать подъ руководствомъ игумена, съ его вѣдома и согласія, и во всемъ отдавать ему отчетъ. Игумену же принадлежало и право смѣщать ихъ. Изъ монастырскихъ лицъ одни заведывали монастырской собственностію и хозяйствомъ (экономъ и его помощникъ, епитропъ, наблюдавшій за недвижимыми имуществами киновіи, дохіаръ или казначей, кедаръ, виночерпій, трапезничій, хартофілаксъ, заведывавшій архивомъ и канцелярією киновіи, и другіе), иные наблюдали за монастырскимъ храмомъ, его принадлежностями и за совершеніемъ богослуженія (еккліасіархъ, скоместникъ, протокавонархъ и канонархъ, доместикъ, параномаръ, кандилапъ и др.), третьи вѣдали нравственный надзоръ за монахами и водвореніе въ киновіи дисциплины (епистимонархъ, епитиритъ, таксіархъ, афпинистъ—будильщикъ и остіаріи—привратники). Изъ указанныхъ монастырскихъ лицъ главное значеніе имѣли экономъ, еккліасіархъ и дохіаръ. Въ позднѣйшее

время въ киновіяхъ Востока возникъ игуменскій совѣтъ (ἡγουμενοσυμβούλιον), въ составъ коего входять нѣкоторые изъ должностныхъ лицъ и почетные геронты (старцы) монастыря.

Всѣ монахи киновіи по отношенію къ своему игумену—духовныя дѣти, ученики. Они безпрекословно подчиняются его власти. Слово игумена для всѣхъ есть изъясненіе Господней воли: что бы онъ ни сказалъ, что бы ни повелѣлъ дѣлать,—всегда и во всемъ ему должно оказывать безусловное повиновеніе и послушаніе. Между собою всѣ иноки—братья и друзья. Они всѣ равны и не различаются ни по роду, ни по заслугамъ. Другъ къ другу они питаютъ чувство любви, между собою хранятъ миръ и единомысліе, наслаждаются духовной радостію, сильные носятъ тяготы немощныхъ. У монаховъ въ киновіи все—общее. Они живутъ въ общемъ помѣщеніи. Никто изъ монаховъ не долженъ имѣть частной собственности, какого бы рода она ни была, но каждое личное приобрѣтеніе должно идти въ общую кассу. У всѣхъ монаховъ должна быть одна и таже, положенная уставомъ, пища въ общей трапезѣ, которую они вкушали вмѣстѣ и въ опредѣленные часы, одна и таже одежда изъ монастырской казны и въ одинаковомъ количествѣ, одинъ и тотъ же порядокъ жизни. Всѣ монахи должны заниматься исключительно молитвою, чтеніемъ божественныхъ писаній и трудомъ, часы которыхъ правильно и точно распределены. Молитву они совершаютъ въ храмѣ, гдѣ ежедневно происходили всѣ положенныя уставомъ церковныя службы, и въ келіяхъ. Трудъ ихъ состоитъ въ ремеслахъ и хозяйственныхъ работахъ. Молитвы они не должны прекращать и во время физическихъ трудовъ, такъ какъ она есть самый благоустроенный и пріятный для Господа оніамъ. Монахи киновіи никогда не должны выходить изъ монастыря, во всегда быть въ обители и строго исполнять предписанія устава. Лишь въ крайнемъ случаѣ (запръ, для посѣщенія умирающихъ родныхъ и родственниковъ) и съ разрѣшенія игумена монахи могли на короткое время оставлять обитель. Монахъ, если выходилъ изъ монастыря, долженъ былъ соблюдать приличествующую ему скромность, не говорить лишняго, не поднимать глазъ,—особенно при

встрѣчѣ съ женщинами,—но идти съ молитвою на устахъ и съ опущенными глазами. Что касается посѣщенія монастырей мирянами, то оно не возбраняется—въ мужскихъ киновіяхъ мужчинамъ, а въ женскихъ—женщинамъ, но обязательно—съ разрѣшенія игумена или игуменн, на небольшое время и для дѣйствительной надобности. Безусловно воспрещается женщинамъ посѣщать мужскіе монастыри и мужчинамъ—женскіе. Въ монастыри безпреставственно могли поступать достигшія совершеннолѣтія и свободныя лица. Поступающій въ монастырь долженъ порвать всѣ связи съ міромъ. Въ силу этого, онъ прежде поступленія долженъ былъ сдѣлать завѣщаніе относительно своего имущества, въ противномъ же случаѣ оно поступало въ собственность монастыря. Впрочемъ, пятою новеллою византійскаго императора Льва VI Мудраго (886—911 г.) узаконялось, что монахъ не лишается права личной собственности и завѣщанія въ томъ случаѣ, если приобрѣталъ имущество послѣ постриженія. Онъ имѣлъ право быть полнымъ хозяиномъ этого имущества въ томъ случаѣ, если пожертвовалъ что-нибудь монастырю, когда вступалъ въ него, и долженъ былъ дать монастырю третью часть изъ приобрѣтеннаго, если при постриженіи ничего не внесъ въ его казну. Люди, находившіеся въ брачномъ сожитіи, могли принимать монашество не иначе, какъ одна сторона съ согласія другой. Но признавалось лучшимъ устранить брачное сожитіе такимъ образомъ, чтобы обѣ стороны шли въ монастырь. Постриженію предшествовало трехгодичное испытаніе; для людей благосовѣтныхъ и живущихъ подобно монахамъ искусъ сокращался до шестимѣсячнаго срока. Поступленіе производилось въ опредѣленномъ монастырѣ и въ присутствіи игумена, имѣющаго принять постригаемаго и устроить въ братствѣ своего монастыря. Постриженіе должно совершаться даромъ. Никто не въ правѣ требовать отъ стремящагося къ монашеству какого-либо приношенія. Но добровольныя приношенія принимались. Однако жертвователи не должны имѣть никакого преимущества предъ тѣми братьями, которые не сдѣлали киновіи никакого взноса, но должны быть равны со всѣми. Съ другой стороны, они не имѣли права возвращать себѣ то, что разъ было

пожертвовано киновіи. Постриженники чужихъ монастырей обыкновенно не принимались въ другія киновіи. По совершеніи постриженія принявшій его дѣлался членомъ киновіи, облызывался впокогда не удаляться изъ своего монастыря въ другой и строго исполнять три главные обѣты монашества: послушаніе, нестяжательность и дѣвство. Онъ долженъ жить для Бога, посвящать время молитвѣ, чтенію божественныхъ Писаній, размышленію о Богѣ, труду и благотворительности. Монашескіе обѣты должны имѣть для него вѣчное значеніе. Киновіи обыкновенно имѣли опредѣленный штатъ братства, въ зависимости отъ матеріальныхъ своихъ средствъ. Наконецъ, братія киновіи—или въ полномъ составѣ, или въ лицѣ старѣйшихъ иноковъ—принимаетъ участіе въ избраніи игумена. Утвержденіе нововыбраннаго игумена зависѣло отъ той высшей церковной власти, духовной юрисдикціи которой принадлежить тотъ или иной монастырь. Въ такой организаціи киновіи существовала на Востокѣ въ пору наибольшаго здѣсь развитія монашества. при чемъ въ различныхъ пунктахъ иночества были тѣ или иные второстепенныя разности сравнимыя съ отмѣченными типомъ, зависѣвшія отъ мѣстныхъ условій въ судьбѣ киновіи, напр., на Аѳонѣ и Синаѣ, на горахъ Метеорскихъ, въ Сарп и пр. Но основныя черты киновіальнаго быта всегда и вездѣ сохранялись и хранятся неизмѣнно, вплоть до настоящаго времени.

Такимъ образомъ, киновіа по своему устройству носитъ, такъ сказать, монархическій характеръ и основывается на принципѣ подчиненія и общиннаго житія. Она,—по сравненію св. Симеона Новаго Богослова (XI в.),—есть своего рода организмъ, главою котораго служитъ игуменъ, а членами—иноки. Какъ въ человеческомъ организмѣ всѣ члены выполняютъ свои функціи подъ управленіемъ головы, такъ и въ киновіи каждый инокъ дѣйствуетъ по распоряженію игумена. Каждый органъ человеческого тѣла способенъ только къ одному назначенію, а голова комбинируетъ разнообразную дѣятельность членовъ и даетъ ей единство и стройность,—такъ и въ киновіи подъ властію одного игумена, совѣщающаго въ себѣ разнообразныя духовныя совершенства и водворяющаго среди всѣхъ братій послушаніе и повиновеніе, создается благоустроен-

ная община, стремящаяся къ одному назначенію—въ возможной полнотѣ и совершенствѣ осуществить иноческіе идеалы.

Въ исторической судьбѣ киновіи на православномъ Востоку особое значеніе принадлежало киновіархамъ. *Киновіархъ* (κοινοβιάρχης) имѣлъ различное отношеніе къ киновіи или къ иноческому общежитію. Такъ, въ Египтѣ, въ монастыряхъ Тавеннисіотскихъ, киновіархъ, по уставу препод. Пахомія, занималъ положеніе „главнаго аввы“ всѣхъ девяти, а потомъ тринадцати монастырей, устроенныхъ препод. Пахомиемъ и препод. Теодоромъ Освященнымъ. Инокъ всѣхъ этихъ монастырей составлялъ одно братство, связанное единствомъ духа, управленія и хозяйства. Каждый изъ тринадцати Тавеннисіотскихъ монастырей имѣлъ своего отдѣльнаго авву или настоятеля, но во главѣ всѣхъ монастырей и ихъ настоятелей былъ первый авва, который всѣмъ ими заведывалъ и управлялъ. Это и былъ „киновіархъ“. Первымъ киновіархомъ Тавеннисіотскихъ монастырей былъ препод. Пахомій великій, какъ основатель первыхъ девяти иноческихъ общежитій, ихъ устроитель и руководитель, общій для всѣхъ иноковъ отецъ и начальникъ, законоположникъ египетскаго монашества. Незадолго до своей кончины препод. Пахомій призвалъ настоятелей всѣхъ монастырей и спросилъ ихъ, кого они желаютъ имѣть своимъ аввою или киновіархомъ. Аввы отвѣтили, что это зависитъ отъ воли препод. Пахомія, который и избралъ киновіархомъ Петровія, а послѣдній избралъ своимъ преемникомъ Орсісія, послѣ котораго главнымъ аввою киновіархомъ былъ препод. Теодоръ Освященный. Препод. Пахомій, какъ общій для всѣхъ авва и киновіархъ, имѣлъ пребываніе сперва въ монастырѣ Тавеннисіотскомъ, а потомъ въ обители Кабо, откуда и управлялъ всѣми монастырями. Киновіархъ или главный авва имѣлъ своею обязанностию неуспынно наблюдать за жизнью въ киновіяхъ, слѣдить за исполненіемъ общежительнаго устава, руководить братствомъ въ дѣлѣ духовнаго преуспѣянія и вообще представлять въ своемъ лицѣ высшую монастырскую власть. Съ этою цѣлію главный авва лично посѣщалъ монастыри, входилъ въ сношенія съ отдѣльными настоятелями и иноками, преподавалъ имъ свои наставленія, разрѣшалъ недоумѣнія и т. п. О всѣхъ болѣе или

мѣнѣ выдающихся фактахъ въ жизни монастырей ихъ настоятели сѣщали сами извѣстить главнаго авву. Послѣдній, въ случаѣ необходимости, обращался и съ письменными посланіями къ аввамъ и инокамъ отдѣльных монастырей. Киновіархъ дважды въ годъ—на Пасху и къ 13-му августу—устраивалъ въ своемъ монастырѣ общія собранія, на которыя являлись всѣ аввы отдѣльных монастырей и почти всѣ братія. Первое собраніе созывалось для совмѣстнаго празднованія свѣтлаго Христова Воскресенія, а второе имѣло цѣлію ревизію общаго монастырскаго хозяйства и разрѣшеніе различныхъ недоумѣній и разногласій, дабы во всѣхъ монастыряхъ царствовали миръ и любовь. Главный авва или киновіархъ самъ избиралъ настоятелей отдѣльных монастырей, которые и являлись его намѣстниками, его окомъ и слухомъ. Аввы монастырей во всемъ отдавали отчетъ своему киновіарху, какъ начальнику всѣхъ общежителѣй и главному ихъ руководителю.

И св. Василій Великій былъ киновіархомъ для основанныхъ имъ въ Понтѣ общежительныхъ монастырей, для которыхъ онъ вѣдѣрталъ свой уставъ, въ которомъ онъ водворилъ иноческую жизнь на началахъ киновіи, былъ главнымъ руководителемъ и общимъ духовнымъ отцомъ.

Далѣе, палестинское монашество имѣло своего киновіарха въ лицѣ св. Теодосія († 529 г.), который былъ первымъ устроителемъ пустынной киновіи въ Палестинѣ и придавалъ ей самостоятельное и вполне независимое отъ лавры положеніе. Основавши свои киновіи въ шести верстахъ отъ Іерусалима, въ вышней мѣстности Дер-Досъ, св. Теодосій постепенно умножилъ составъ своего братства (до 700 человекъ); увеличилъ размѣры монастырскихъ помѣщеній, устроилъ внутри монастыря четыре церкви (для грековъ, грузинъ, армянъ и для братьевъ, одержимыхъ злыми демонами) и сообщалъ весьма прочную внутреннюю организацию своей иноческой общинѣ. Въ основу своего устава св. Теодосій положилъ уставы св. Василія великаго и препод. Пахомія великаго. Великая и многолюдная киновія св. Теодосія превзошла по своему внутреннему благоустройству другія киновіи Палестины и стала во главѣ ихъ. Ея основатель и руководитель получилъ наименованіе „Кино-

віарха“ въ собственномъ смыслѣ. За свои заслуги для монашества св. Θεοδοσίј Киновіархъ, по распоряженію іерусалимскаго патріарха Саллюстія (486—494 г.), былъ назначенъ старѣйшиною и архимандритомъ великаго общежительнаго пноческаго сословія, обитающаго близъ Іерусалима, главнымъ аввою многочисленныхъ монастырей іудейской пустыни и святаго города. Такимъ образомъ, киновіархъ—архимандритъ распространялъ въ Палестинѣ свою власть на все мѣстное монашество и былъ духовнымъ руководителемъ всѣхъ киновій, являясь главнымъ помощникомъ іерусалимскому патріарху въ управленіи палестинскому монашескому общинѣ. Архимандритъ-киновіархъ имѣлъ право избирать настоятелей отдѣльныхъ монастырей и вѣдалъ общее наблюденіе за ралигіозно-правственной жизнью въ палестинскихъ обителяхъ. Вообще права и обязанности архимандритовъ-киновіарховъ, а равно и ихъ избраніе были въ Палестинѣ аналогичны съ положеніемъ главнаго аввы въ Египтѣ. Св. Θεοδοσίј былъ „киновіархомъ“ въ собственномъ смыслѣ и по преимуществу, какъ основатель первой и главной киновій въ Палестинѣ, по образцу которой здѣсь стали устроиться и другія пноческія общины. Но были въ Святой Землѣ киновіархи и въ смыслѣ несобственномъ, оказавшіе тѣ или нныя заслуги для мѣстнаго общежительнаго монашества. Такъ, настоятель монашеской общины въ Внодеемѣ авва Маріанъ (V в.) былъ киновіархомъ для своей обители. Палестинскіе аввы-архимандриты, продолжавшіе дѣло св. Θεοδοсіја Киновіарха, напримѣръ Геласій, Софроній, также являлись киновіархами для мѣстныхъ пноческихъ обществій.

Въ такомъ общемъ смыслѣ терминъ *κοινοβιάρχης* встрѣчается въ различныхъ древнихъ памятникахъ аскетичной письменности и примѣнительно къ различнымъ основателямъ, руководителямъ и настоятелямъ монашескихъ обществій. Такъ, въ „Изреченіяхъ святыхъ отцовъ“ (*Ἀποφθέγματα τῶν ἁγίων πατέρων*) авва Исаакъ говоритъ: „вѣдь я не киновіархъ, чтобы приказывать... Въ „Дугѣ Духовной“ (*Δεσφω-νάριον*) упоминается „авва Мива киновіархъ“ (гл. 146—147).

Для аеонскаго монашества киновіархомъ былъ препод. Аеавасій († 1001 г.), осно-

ватель образцоваго пноческаго общежитія въ лаврѣ,—хотя въ его житіи этотъ терминъ не встрѣчается.

Въ аеонскихъ документахъ новѣйшаго времени киновіархомъ называется вообще игуменъ каждаго общежительнаго монастыря. Такъ въ сиплліи константинопольскаго патріарха Каллиника V объ учрежденіи въ 1803 г., киновій въ русскомъ Пантелеймоновомъ монастырѣ сказано: „игуменомъ и начальникомъ общежитія (*κοινοβιάρχῃ*) назначить преподобнѣйшаго въ іеромонахахъ господина Савву изъ священнаго скита Ксенофонтова, какъ мужа благочестиваго, неусыпнаго ревнителя, благоразумнаго, достойнаго взять на себя хорошее распоряженіе, благоустройство и общежительное управленіе св. монастыря,—способнаго хранить и наученіе монаховъ и состояніе общежитія, дабы онъ наблюдалъ за ними; начальствовалъ надъ монашествующими и заботился объ общемъ благозаконіи, порядкѣ и боголюбивомъ поведеніи желающихъ монашествовать общежително“ (*Акты русскаго на св. Аѳонѣ монастыря св. великомученика и цѣлителя Пантелеймона, Киевъ 1873, стр. 240—241; ср. стр. 250*). Патріархъ Константиій, своимъ сиплліемъ отъ 1833 г. подтверждавшій киновію въ Русскихъ и избраніе настоятелемъ іеромонаха Герасима, также назвалъ его „киновіархомъ“—*ἡγουμενὸς καὶ κοινοβιάρχης* (тамъ же, 280—281; ср. 274, 276). Наконецъ, патріархъ Іоакимъ II въ сиплліи отъ 1875 г. утвердилъ архимандрита Макарія „игуменомъ и киновіархомъ“ патріаршаго и ставропигіальнаго монастыря св. Пантелеймона на Аѳонѣ (*Ph. Meyer, Die Haupturkunden für die Geschichte der Athosklöster, Lpzg 1894, S. 267*).

Въ заключеніе прибавимъ, что при нѣкоторыхъ русскихъ лаврахъ (Александроневской въ Петербургѣ, Св.-Троицкой Сергіевой въ Сергіевомъ Посадѣ близъ Москвы) существуютъ небольшіе монастыри или метохі, называемыя *киновіями*. Положеніе такихъ киновій при большихъ лаврахъ имѣетъ особый историческій смыслъ. Дѣло въ томъ, что лавры въ древнее время (напр., въ Палестинѣ) имѣли у подвижниковъ предпочтеніе сравнительно съ другими формами пноческой жизни, такъ какъ совмѣщали въ себѣ выгоды одиночества и общинаго житія, и признавались наиболѣе цѣле-

сообразными и образцовыми фронтистиріями для подвиговъ; киновіи же (до св. Θεодосія Киновіарха въ Палестинѣ) не считались самостоятельной формой монашеской жизни, наравнѣ съ лаврами, а имѣли обязанность готовить иноковъ къ болѣ совершенной лаврской жизни и находились въ подчиненіи у настоятелей лавры. И на Азѣѣ киновія возникла послѣ довольно продолжительной борьбы съ другими формами иноческой жизни, которая признавалась болѣе цѣлесообразными и спасительными („Энци.“ II, 195—197). На Руси монашество возникло и развилось подъ прямымъ воздѣйствіемъ иночества греческаго. Въ киновіяхъ, которые и теперь существуютъ при нѣкоторыхъ русскихъ лаврахъ, и сохранились, вѣроятно, слѣды указаннаго переходнаго момента въ исторіи восточнаго монашества, — тѣмъ болѣе, что на Руси, до появленія монастырей собственныхъ и настоящихъ, возникли монастыри несобственные, монастырки или монашескія слободки при приходскихъ церквахъ (академикъ *Е. Е. Голубинскій*, *Исторія русской церкви* I, 2, изд. второе, Москва 1904, стр. 559), иначе — первоначальныя и не вполне совершенныя киновіи.

Литература. — *Св. Василій великій*, „Правила, пространно изложенныя въ вопросахъ и отвѣтахъ“, „Правила, кратко изложенныя въ вопросахъ и отвѣтахъ“, „Подвижническіе уставы“: см. Творенія въ русскомъ переводѣ при Московской Дух. Акад. ч. V [3-е изд. Сергіевъ Посадъ 1892, гдѣ еще „Предназначеніе подвижничества“, „Слово подвижническое и увѣщаніе объ отреченіи отъ міра“, три „Слова о подвижничествѣ“]; *Annales du musée Guimet*, t. XVII: *Monuments pour servir à l'histoire de l'Égypte chrétienne au IV siècle. Histoire de saint Pakhôme et des ses communantés. Documents coptes et arabe inédits, publiés et traduits par E. Amélineau*. Paris 1899; *Mémoires publiés par les membres de la mission archéologique française au Saire*, t. IV: *Monuments pour servir à l'histoire de l'Égypte Chrétienne aux IV—VII siècles. Texte copte publié et traduit par E. Amélineau*. Paris 1895; † проф. *И. С. Казанскій*, *Исторія православнаго монашества на Востоку*, ч. I, Москва 1854, ч. II. М. 1856; *ежегод.*, „Общій очеркъ жизни иноковъ египетскихъ въ IV и V вѣкахъ“, М. 1872; архимандритъ (епископъ) *Паладій* (Доброврововъ), *Св. Пахомій Великій и первое иноческое общеніе*, по новооткрытымъ коптскимъ документамъ, Казань 1899; архимандритъ *Даниилъ*, *Жизнь св. Василия Великаго и его*

пастырская дѣятельность, Спб. 1873; *іеромонахъ* (нынѣ епископъ) *Θεοδόσιος* (Олтаржевскій), *Палестинское монашество съ IV до VI вѣка*, Спб. 1896 [есть и второе изданіе г. Киевъ, 1899]; *Θεόδωρος ὁ Στουδίτης*, *Ἰστορικαὶς χητατοσίαις τῆς μονῆς τῶν Στουδίου καὶ Διαβήκη* (Migne gr. ser. t. XCIX); проф. *А. Н. Дмитриевскій*, *Описаніе литургическихъ рукописей, хранящихся въ бібліотекахъ православнаго Востока*, т. I: *Τοπικά*, Киевъ 1895; академикъ *Е. Е. Голубинскій*, *Исторія русской церкви* VI, т. первый, вторая половина тома (Москва 1904); проф. *И. И. Соколовъ*, *Состояніе монашества въ византийской церкви съ половины IX до начала XIII вѣка*, Казань 1894. См. также литературу къ статьѣ „Азѣѣ“ въ „Энци.“ II, 236 Въ дополненіе прибавимъ: *іеромонахъ* Γεράσιμος Σμουράκης, *Τὸ Ἅγιον Ὄρος*, Ἀθήναι 1903; *Ὁ Ἄθως καὶ ἡ Χαλκιδίκη*, Ἀθήναι 1902; *іеродіахонος* Κοσμάς Βλάχος, *Ἡ ὑπεράνωτος τοῦ Ἁγίου Ὄρους Ἄθω καὶ αἱ ἐν αὐτῇ μοναὶ καὶ οἱ μοναχοί*, Ἐν Βόλῳ 1903; въ концѣ этой книги (с. 343) помѣщенъ довольно полный указатель литературы объ Азѣѣ — русской, сербской, болгарской, греческой и западно-европейской. Къ вопросу относятся также: *іеромонахъ* (архим.) *Θεόδωρος* (Позднѣвскій), *Аскетическія воззрѣнія препод. Іоанна Кассіана Римлянина, пресвитера массалийскаго*, Казань 1902; *Montalembert*, *Les moines d'Occident*, Paris 1860; *J. Besse*, *Les moines d'Orient, antérieurs au concil de Chalcedoine*, Paris 1900; *Marin*, *Les moines de Constantinople*, Paris 1897; *Nissen*, *Die Diataxis der Michael Attaleiates*, Jena 1894; *Nissen*, *Die Regelung des Klosterwesens im Rhömäerreiche bis zum Ende des 9 Jahrhunderts*, Hamburg 1907. *И. И. Троицкій*, *Обозрѣніе источниковъ въ начальной исторіи египетскаго монашества* (Сергіевъ Посадъ 1907); *А. Петрахакос*, *Οἱ μοναχοὶ θεομὴς ἐν τῇ ὀρθόδοξῃ ἀνατολικῇ Ἐκκλησίᾳ. Τόμος Α΄*, Ἐν Λειψίᾳ καὶ Ἀθήναις 1907 (трудъ серьезный, съ обширнымъ указателемъ литературы вопроса, даже русской; все изслѣдованіе разсчитано на три тома); проф. *А. А. Снаескій*, *Пахомій и Θεόδωρος*, первые основатели киновитскаго подвижничества по греческимъ и коптскимъ сказаніямъ: критическіе наброски („Богословскій Вѣстникъ“ 1908 г. № 1 и 2); *Н. И. Сахаровъ*, *Киновія и идиоритмы на Азѣѣ въ „Сообщеніяхъ Импер., Прав. Палестинскаго Общества“ 1908 г. (XIX) I*, 58—102.

И. И. Соколовъ.

Киновіи (κοινωνίαις отъ κοινώνια), или причастенъ — стихъ, исполняемый пѣвцами во время приобщенія священнослужителей. По своему содержанію онъ имѣетъ отношеніе или къ службѣ дня, или воспоминаемаго святого, или праздника, а потому и называется „причастенъ дне“, „причастенъ свята-

го" (Типиконъ, гл. 2,4), „причастенъ праздника" (Типик., послѣдованіе 8-го сентября). Въ качествѣ составной литургической части, предназначенной занять вниманіе вѣрующихъ во время приобщенія священнослужителей, причастны извѣстны съ глубокой древности. Такъ, въ литургіи VIII кн. Апостольскихъ Постановленій причастнымъ стихомъ является 33 Пс.: „Благословлю Господа"; въ литургіи, изложенной Кирилломъ іерусалимскимъ, — 23 Пс.: „Вкусите и видите, яко благъ Господь" (5-ое огласительное слово); онъ же полагается и въ греческой литургіи Ап. Іакова. Въ послѣдующіе вѣка съ распределеніемъ по днямъ года памятей святыхъ и праздниковъ былъ выработанъ и установленъ цѣлый кругъ причастныхъ стиховъ. Съ ними мы встречаемся прежде всего въ Типиконѣ константинопольской церкви IX—X вв. Наиболее обычнымъ причастнымъ стихомъ является въ немъ „Радуйтесь праведніи о Господѣ". Онъ полагается по преимуществу въ дни памяти мучениковъ (проф. А. А. Дмитриевскій, Описание литургическихъ рукописей I, стр. 2—4; 6—7; 9—12; 14—15; 47.56.65.66.69.78.80 и др.), а также святыхъ (ibid., стр. 100), Апостоловъ (ibid., стр. 84) и безплотныхъ силъ (ibid., стр. 22). Въ первые дни исполняется, кромѣ него, и другой причастный стихъ — „Хвалите Господа" (ibid., стр. 71.79.107). Этотъ послѣдній назначенъ равнымъ образомъ для недѣли мясопустной, сыропустной и недѣли Вайи (ibid., стр. 111.113.127). Причастнымъ стихомъ богородичныхъ праздниковъ, ихъ предпразднествъ и поспразднествъ служить „Чашу спасенія прииму" (ibid., стр. 37.48.57.60.86.98.106.124.141), Рождества Христова — „Избавленіе посла Богъ людямъ своимъ" (ibid., стр. 37), Богоявленія — „Явися благодать Божія" (стр. 42), Пасхи — „Тѣло Христово приимите" (ibid., стр. 136), Вознесенія — „Взыде Богъ въ восклицновеній" и „Чашу спасенія приему" (ibid., стр. 145), Пятидесятницы — „Духъ твой благій" (ibid., стр. 148), преждеосвященной литургіи — „Вкусите и видате" (ibid., стр. 113), великаго четверга — „Вечери Твоя" (ibid., стр. 131), субботы — „Хвалите Господа" и „Возста яко спя Господь и воскресе, спаша насъ" (ibid., стр. 135). Наконецъ, въ дни памяти нѣкоторыхъ святителей поется „Въ память вѣчную" (ibid., стр. 108). Пе-

речисленные причастные стихи повторяются и въ двухъ другихъ памятникѣхъ, — синайскомъ Канонарѣ X—XI в. и Типиконѣ константинопольскаго Евергетидскаго монастыря по рукописи XII в. № 788 библиотекки зенинскаго Университета (А. А. Дмитриевскій, ibid., стр. 174—6; 180.182.191.193.195.197.205—207. 212. 210. 216. 260.278. 281.284.286.288.291.297.305—306.324; 263.265.268—269.407; 320; 358; 559; 586; 595). Одновременно съ этими прежніе причастные стихи смѣняются новыми, болѣе соответствующими воспоминаемымъ событіямъ. Такъ, вмѣсто причастнаго стиха на дни памяти Апостоловъ Типикона константинопольской церкви „Радуйтесь праведніи" (ibid., стр. 84) въ Уставѣ Евергетидскаго монастыря полагается иной — „Во всю землю изыде вѣщаніе ихъ" (ibid., стр. 282.285.288.291.293.299.313.317). Тотъ же причастный стихъ назначается въ первомъ памятникѣ и въ дни памяти безплотныхъ силъ (ibid., стр. 22), во второмъ же — другой — „Творяй ангелы своя духи" (ibid., стр. 262.308). Въ указанныхъ случаяхъ Евергетидскій Типиконъ воспроизводитъ современный порядокъ. Тоже самое явленіе замѣчается и относительно великопостныхъ причастныхъ стиховъ. Именно, для литургіи первой, второй, четвертой и пятой недѣли въ немъ назначается „Хвалите Господа" (ibid., стр. 522.525.535.539), третьей — „Хвалите" и „Знаменася" (ibid., стр. 529) и шестой — „Хвалите" и „Благословенъ грядый во имя Господне" (ibid., стр. 542). Въ субботу первой и второй недѣли — „Радуйтесь" и „мертвыхъ" (ibid., стр. 524.527), пятой — „Чашу спасенія" (ibid., стр. 538) и шестой — „Изъ устъ младенцевъ" (ibid., стр. 540; ср. Типиконъ констант. церкви IX—X вв. ibid., стр. 115—116.118.124.127).

Какъ въ греческой, такъ и въ древнерусской церкви киноникъ составлялъ единственное пѣснопѣіе, исполняемое во время приобщенія священнослужителей. Сообразно съ этимъ Высочайшимъ указомъ отъ 10-го мая 1799 г. и 31-го мая 1850 г. было постановлено не замѣнять причастные стихи концертами.

[См. Rev. William Edward Scudamore въ A Dictionary of Christian Antiquities ed. by W. Smith und S. Cheetham II (London 1880), p. 903.]

Свщ. А. Петровскій.

Кипарисовъ, Василій Теодоровичъ, докторъ богословія, ординарный профессоръ моск. Дух. Академіи по кафедрѣ гомилетики и исторіи проповѣдничества. Сынъ священника саратовской епархіи, родился 29 марта 1849 г. Начальное и среднее образованіе получалъ въ духовно-учебныхъ заведеніяхъ родной епархіи, а высшее въ моск. Дух. Академіи, куда поступилъ въ 1870 г., зачисленный въ составъ студентовъ XXIX курса (1870—1874 г.). Для спеціального изученія избралъ науки церковно-практическаго отдѣленія. Кандидатское сочиненіе писалъ на тему: „Понятіе о терпимости, индифферентизмѣ и фанатизмѣ на основаніи церковныхъ правилъ и государственныхъ законовъ“. Сочиненіе было признано Совѣтомъ Академіи однимъ изъ лучшихъ на курсъ и удостоено Іосифовской преміи въ 250 руб. („Журн. Сов.“ 1874 г., стр. 105—106). По окончаніи курса, 11 іюня 1874 г., назначенъ на должность преподавателя греческаго языка въ литовскую Дух. Семинарію. Въ началѣ 1875—1876 уч. г. Совѣтомъ Академіи приглашенъ къ занятію кафедрой гомилетики и исторіи проповѣдничества и пастырскаго богословія. Лекцій по пастырскому богословію не читалъ до 1883 г. Въ лекціяхъ по гомилетикѣ до 1883 г. ограничивался изложеніемъ исторіи проповѣдничества церквей восточной, римско-католической и протестантской. Степени магистра богословія удостоенъ въ 1883 г. за сочиненіе: „О свободѣ совѣсти. Опытъ изслѣдованія вопроса въ области исторіи церкви и государства, съ I по IX в.“, вып. I, Москва 1883. Сочиненіе затрогивало одинъ изъ гнучихъ и весьма важныхъ въ церковно-практическомъ отношеніи религиозныхъ вопросовъ (въ отношеніи, напр., раскола, сектанства, инновѣрія). Во время почти всеобщихъ требованій свободы совѣсти въ дѣлахъ вѣры было особенно благопотребно дать точный, опредѣленный, твердо обоснованный, научный отвѣтъ на этотъ вопросъ. Путемъ изученія обширной церковно-исторической литературы первыхъ девяти вѣковъ авторъ пришелъ къ рѣшительному убѣжденію въ необходимости свободы совѣсти по отношенію къ религіи, ради благоуспѣшности самой послѣдней.—Недостатокъ матеріальнаго обезпеченія вынуждалъ В. Θ., кромѣ должности доцента, занимать разномѣ-

ременно должности помощника секретаря совѣта и правленія (1882—1884 г.), помощника инспектора Акад. (1884—1887 г.). Въ 1889 г. избранъ Совѣтомъ Академіи въ званіе экстраординарнаго профессора. Въ 1897 г. удостоенъ степени доктора богословія за сочиненіе: „О церковной дисциплинѣ“, Сергіевъ Посадъ 1897 г. Сочиненіе это находится въ тѣсной связи съ магистерскою диссертацией. Если первая главнымъ образомъ трактовала о вѣрѣ и рѣшала вопросъ въ смыслѣ свободы совѣсти, то вторая естественно должна была рѣшать его въ смыслѣ возможности ея измѣненія, путемъ выдѣленія изъ каноновъ церкви всѣхъ условныхъ элементовъ, т. е. мѣстныхъ и временныхъ (стр. 214—215). Признаніе свободы совѣсти естественно должно было влечь за собою и другое признаніе свободы въ дисциплинѣ и обрядѣ. Авторъ работалъ надъ своею диссертацией болѣе 12 лѣтъ, изучилъ за это время поразительную массу церковно-историческаго матеріала, имѣлъ дѣло съ весьма серьезными противниками, какъ Іоаннъ еп. смоленскій и др. Поэтому онъ могъ по праву сказать о своей теоріи: „и это—сміемъ утверждать—не будетъ противъцерковною теоріей“ (стр. 221). Общественно оправдливо дали (см. „Журналы Совѣта моск. Дух. Акад.“ за 1897 г., стр. 304) весьма лестные отзывы о докторской диссертациі В. Θ. [см. еще спеціальную этюдъ проф. *И. С. Бердникова*, Къ вопросу о церковной дисциплинѣ, Казань 1902, изъ „Православнаго Собесѣдника“ за 1902 г.]. 1 янв. 1897 г. В. Θ. Совѣтомъ Академіи былъ избранъ въ ординарные профессора. Усиленные занятія наукою подорвали здоровье В. Θ. и 12 іюня 1898 г. онъ былъ уволенъ отъ духовно-учебной службы, согласно прошенію, по разстроенному здоровью. Скончался 28 янв. 1899 г., на 50-мъ году отъ рожденія.

Кромѣ перечисленныхъ ученыхъ трудовъ у В. Θ. есть нѣсколько еще другихъ. Обстоятельства ихъ происхожденія опредѣляются, съ одной стороны, тяготѣніемъ В. Θ. еще съ студенческой скамьи къ вопросамъ каноническаго права, съ другой, преподаваніемъ гомилетики. Къ первой категоріи относятся слѣдующія статьи: Католицизмъ и протестанство въ отношеніи къ свободѣ совѣсти („Правосл. Обзор.“ 1881 г. № 10;

1882 г. № 1—2). О вѣротерпимости (ibid. 1883 г. № 5—6). Дисциплина древней церкви въ отношеніи къ свободѣ совѣсти. („Приб. къ твор. св. отц.“ 1884 г., XXXIII; 1886 г., XXXVII) и, наконецъ, выходившія подъ различными заглавіями статьи, составившія вмѣстѣ съ предшествующими изслѣдованіями докторскую диссертацию („Бог. Вѣстн.“ 1896—1897 г.). Ко второй категоріи относятся статьи: Объ условіяхъ существованія современнаго русскаго проповѣдничества („Приб. къ твор. св. отц.“ 1884 г., XXXIII; 1885 г., XXXV). Принять ли пользу церковная проповѣдь? („Приб. къ Церк. Вѣдомостямъ“ 1888 г., № 41—43, 46—47). Слово обличенія въ церковной проповѣди (ibid.—1889 г., № 28—29). Чѣмъ долженъ руководиться пастырь въ словѣ обличенія? (ibid.—№ 30, 32—33). Митрополитъ Московскій Макарій (Булаковъ), какъ проповѣдникъ („Бог. Вѣстн.“ 1893 г., I—III). За последнее произведеніе автору Совѣтомъ Академіи была присуждена половинная Макарьевская премія въ 250 руб.

В. Θ. не оставилъ послѣ себя какой-либо опредѣленной гомилетической теоріи. Лекціи его по гомилетикѣ не напечатаны; онѣ хранятся у его родныхъ. Онъ писалъ по гомилетикѣ немного и отрывочно. Лучшія силы свои отдалъ другой наукѣ, которою занимался съ самой школьной скамьи. Говорятъ даже, что онъ не разъ пытался промѣнять кафедру гомилетики на кафедру церковнаго права въ Университетѣ или въ Академіи. Но ему не суждено было добиться этого. Нѣкоторые изъ его гомилетическихъ взглядовъ заслуживаютъ вниманія и уваженія. В. Θ. весьма сочувствовалъ отведенію болѣе виднаго мѣста кафедрѣ гомилетики въ ряду другихъ академическихъ кафедръ. Сдѣлавшись самостоятельной, она получила характеръ специально церковной науки, перестала тонуть въ отбѣлахъ общей риторики, получила возможность расширить программу и увеличить количество учебныхъ проповѣдей. Не смотря на это довольно видное положеніе науки въ ряду другихъ наукъ, В. Θ. желалъ, чтобы гомилетика была поставлена еще шире. „Еслибы идеаломъ образованія юношества дѣйствительно было приуготовленіе „проповѣдниковъ слова Божія“, то это будетъ самое большее, чего

можно пожелать духовному образованію“. Проповѣдь онъ считалъ одною изъ важнѣйшихъ обязанностей пастыря. Проповѣдь, какъ искусство ораторское, послѣднею цѣлію котораго было умѣнье потрясать души, отрицалъ. Проповѣдь должна пзъяснять прежде всего Свящ. Писаніе затѣмъ св. отцовъ, не разбѣиваясь на внѣшній блескъ различныхъ западныхъ и русскихъ проповѣдниковъ. Заслуживаетъ вниманія его разсужденіе о причиннахъ упадка проповѣди въ настоящее время. Дѣло проповѣдничества существуетъ среди такихъ неблагоприятныхъ условій, что нельзя обвинять пастырей за ихъ молчаніе, за отсутствіе у насъ живого, правдиваго, свободного слова. Цѣнны разсужденія его о современности проповѣди, о московскомъ и кievскомъ направленіи у насъ въ проповѣди. Въ теченіе всей своей жизни В. Θ. отличался необыкновеннымъ трудолюбіемъ. О немъ говорили: „ему мало 24 час. въ суткахъ.“ Всѣ ученые изслѣдованія и небольшія статьи носятъ на себѣ слѣды кропотливаго, усидчиваго, напряженнаго труда, широкаго знакомства съ литературою предмета, о чемъ бы онъ ни велъ свою рѣчь. „Въ лицѣ В. Θ. сошлись въ могилу истинный ученый, достойный представитель богословской науки“ (проф. *И. Н. Корсунскій*). „Широта ученаго кругозора, отвѣченность предмета изученія, тонкость умозрительнаго разьясненія, искусство умозрительнаго сочлененія и связи, точность выраженія, — выдающіяся коренныя черты В. Θ.“ (проф. *Н. А. Заозерскій*). Къ исполненію своихъ обязанностей онъ относился весьма строго. На лекціи приходилъ даже во время своей болѣзни, напрягая свои послѣднія силы и едва справляясь со своимъ разбитымъ параличомъ языкомъ. Не рѣдко физическая слабость вынуждала его прерывать лекцію — и студенты безмолвно вслѣдъ за нимъ оставляли аудиторію, не дѣлая даже ни съ кѣмъ тяжелымъ чувствомъ и безъ того понятнымъ каждому (студентъ Чистосердовъ).

Епископъ *Евдокимъ*.

Кипариссіотъ Іоаннъ, извѣстный съ зпитетомъ „мудреца“ (ὁ σοφός), былъ послѣ Никифора Григоріа самымъ выдающимся противникомъ св. Григорія Паламы въ извѣстныхъ спорахъ паламитовъ и варлаамитовъ.

(см. „Энци.“ III, 149—157). Обстоятельства жизни Іоанна Кипариссіота совершенно неизвѣстны. Можно лишь полагать, что расцвѣтъ его дѣятельности падаетъ на послѣднюю треть XIV вѣка и что онъ скончался послѣ Никифора Григоры, о которомъ онъ упоминаетъ въ одномъ изъ своихъ трудовъ. Большая часть догматико-полемиическихъ сочиненій І. Кипариссіота хранится еще въ рукописяхъ. Парижскій кодексъ № 1246 (отъ XV в.) содержитъ слѣдующія сочиненія Кипариссіота, написанныя противъ Григорія Паламы и его сторонниковъ: 1) Четыре книги паламитскихъ заблужденій, 2) Восемь книгъ противъ Григорія Паламы и его исповѣданія вѣры, 3) Восемь книгъ о несозданномъ свѣтѣ противъ Паламы, 4) Три книги объ отступничествѣ паламитовъ. Изъ перечисленныхъ сочиненій Кипариссіота изданы только первая и четвертая книги „Паламитскихъ заблужденій“. Изъ нихъ видно, что Кипариссіотъ имѣлъ обширныя познанія въ богословіи, обладалъ острымъ умомъ и былъ вообще сильнымъ противникомъ Паламы и его послѣдователей. Въ четвертой книгѣ „Паламитскихъ заблужденій“ писатель указываетъ и на свое сочиненіе „О ересяхъ“, которое находится въ томъ же парижскомъ кодексѣ № 1246. Затѣмъ, къ его твореніямъ надо также присоединить пять книгъ противъ Нила Кавасилы, а Фабрицій сообщаетъ, что Кипариссіотъ написалъ и еще одно сочиненіе противъ Паламы, по времени предшествующее всѣмъ другимъ полемиическимъ его трактатамъ и по объему равное всѣмъ имъ вмѣстѣ. Наконецъ, въ полномъ видѣ, хотя и въ латинскомъ переводѣ, издано его сочиненіе *Ἐκθεσις τοῦ τοῦ ὁμοῦ λόγου θεολογικῶν* „въ которомъ содержится систематическое изложеніе того, что разными богословами высказывалось о Богѣ. Сочиненіе состоитъ изъ десяти отдѣловъ, каждый изъ которыхъ дѣлится на десять главъ. Первая декада говоритъ о богословіи таинственномъ, вторая—о богословіи доказательномъ, третья—о божественныхъ дѣйствіяхъ, четвертая—о происхожденіи божественнаго имени и т. д. Словомъ, сочиненіе представляетъ какъ бы систематическое руководство по догматикѣ, съ схоластическимъ подраздѣленіемъ матеріала. Это вѣдшее сходство труда византійскаго богослова съ аналогичными памят-

никами западной схоластики дало поводъ переводчику его на латинскій языкъ Турриану видѣть здѣсь влияние латинскаго богословія на византійское. Но такое мнѣніе повсе не подтверждается содержаніемъ сочиненія Кипариссіота, которое представляетъ сводъ воззрѣній исключительно византійскихъ богослововъ, безъ всякаго упоминанія отцовъ и учителей западной церкви. Самый главный авторитетъ для І. Кипариссіота представляетъ Діонисій Псевдоареопажитъ, а затѣмъ онъ цитируетъ свв. Аѳанасія в., Василія в., Григорія Богослова, Григорія великаго, Іоанна Златоуста, Кприлла александ. и Іоанна Дамаскина. Самымъ равнинъ по времени писателемъ здѣсь называется Іустинъ Мученикъ, при чемъ указываются подложныя его сочиненія, а болѣе поздними Никифоръ, патріархъ константинопольскій, который ошибочно названъ Θεοδωρὸς Начертаннымъ, и Евномій Зигавинъ. Что же касается формы разсматриваемаго сочиненія, то она не имѣетъ рѣшающаго значенія и не можетъ быть признана безусловнымъ заимствованіемъ изъ западной схоластической литературы, такъ какъ выборка и систематизація отдѣльныхъ мѣстъ изъ Свящ. Писанія и твореній отцовъ церкви, примѣнительно къ определенной задачѣ, были и въ Византіи довольно обычнымъ литературнымъ явленіемъ. А то обстоятельство, что Кипариссіотъ ограничился однимъ восточнымъ богословомъ и не привлекъ къ освѣщенію, яко бы, схоластическихъ вопросовъ и западныхъ богослововъ, ясно показываетъ, что между двумя половинами христіанскаго міра и въ отношеніи богословскихъ воззрѣній существовали различіе и раздѣленіе, которыя, по крайней мѣрѣ, для византійскихъ богослововъ не представлялись легко устранимыми личнымъ воззрѣніемъ и желаніемъ. Во всякомъ случаѣ, на основаніи *Ἐκθεσις* Іоанна Кипариссіота нельзя ставить тезиса о влияніи западнаго схоластическаго богословія на византійское. *Ἐκθεσις* представляетъ византійскую богословскую энциклопедію.

Литература. Первую и четвертую книги „Паламитскихъ заблужденій“ Кипариссіота первоначально издали *Fr. Combefis, Auctarium novissimum* II (1672), 68—103, а потомъ перепечаталъ *Migne, Patr. gr. CLII, 664—737*. *Ἐκθεσις* издана въ латинскомъ переводѣ *Fr. Turrianus* (Римъ 1581),

перепечатавъ *Migne* gr. CLII, 741—992 (упоминаніе сочиненія „О ересяхъ“ см. col. 721. 785). О Кипариссіотъ также говорятъ: *Fabricius*, *Bibl. gr.* XI, 507—512, *J. Langen* въ „*Revue internationale de théologie*“ III (1895), 300—303, *K. Krumbacher*, *Geschichte der byzantinischen Litteratur* (München 1897), § 35. См. также *Nicéphorus Gregoras*, *Ryzantina historia* II (Bonnae 1830), *Annotationes*, p. 1287. 1289. 1300. 1305. [*A. Vacant et E. Mangenot*, *Dictionnaire de théologie catholique* III, Paris 1908, col. 2458].

И. И. Соколовъ.

Киперъ (*Lawsonia alba*, евр. *sopher*) — растеніе въ формѣ куста, достигающее въ высоту пяти и болѣе аршинъ (4—х метровъ). Растеніе это имѣетъ продолговатые листья, мелкіе, состоящіе изъ четырехъ лепестковъ бѣлые и желтоватые цвѣтки, собранные въ кисти, съ ароматнымъ, напоминающимъ резеду, запахомъ. Древесина кипера очень твердая, кора шероховатая, покрыта (у одного изъ видовъ растенія — *Lawsonia spinosa* L.) острыми шипами. Киперъ произрастаетъ, между прочимъ, въ Египтѣ, Остѣ-Индіи, Аравіи; въ Палестинѣ онъ встрѣчается нынѣ въ окрестностяхъ Іерихона и въ долинѣ Энгедди (въ пустышъ Іудеи). Египтянки носятъ на груди букетъ изъ благоухающихъ цвѣтовъ кипера. Въ Остѣ-Индіи разводятъ это растеніе, какъ предметъ торговли. Порошокъ (изъ листьевъ и цвѣтовъ) кипера даетъ оранжевую краску; восточныя женщины окрашиваютъ имъ волосы, концы пальцевъ, ногти, нѣкоторыя части лица. Въ Палестинѣ, во времена библейскія, киперъ разводился въ садахъ, какъ ароматное растеніе. О киперѣ, произрастающемъ въ садахъ, о кистяхъ его цвѣтовъ говорится въ кн. Пѣсн. (1, 13. 4, 13. 14).

См. *Riehm*, *NW* 21, S. 283; *Guthe*, *KBW*, S. 112 [а также въ другихъ Энциклопедіяхъ и Словаряхъ.]

Прот. Н. Елеонскій.

Киприлла или *Кирилл*а, св. мученица кипренская (въ Ливіи), III—IV столѣтія. Она пострадала вмѣстѣ съ Анною (или Агвою, Агніею) во времена имп. Діоклитіана. *Память 5 іюля.*

АА. SS. Boll. 5 іюля II, 224; *Минологіи* Василіевъ; *Макар. Ч.-Минея*; прологъ (4 іюля, подъ теодоромъ кирвскимъ). — *Сергій.*

Хр. Л.—сѣ.

Кипріановичъ Григорій Яковлевичъ — магистръ богословія, писатель. Сынъ древле-православнаго священника виленской губ., присоединившаго къ православію свой униатскій (крайскій) приходъ — онъ обучался первоначально въ виленскомъ Дух. Училищѣ и литовской Дух. Семинаріи; въ 1867 г., какъ первый студентъ, съ благословенія митрополита Іасифа Сѣмашки, посланъ былъ для дальнѣйшаго образованія въ с.-петербургскую Духовную Академію, гдѣ и окончилъ курсъ на историческомъ отдѣленіи въ 1871 г., въ періодъ ректорства о. І. Л. Янышева, кандидатомъ богословія съ правомъ на степень магистра безъ новаго университета. 23 авг. 1871 г. Кипріановичъ былъ опредѣленъ преподавателемъ латинскаго языка въ самарскую Духовную Семинарію, а спустя ровно годъ переведенъ на ту же должность въ литовскую Дух. Семинарію, гдѣ состоятъ старшимъ преподавателемъ. Одновременно съ должностю старшаго преподавателя Семинаріи Григорій Яковлевичъ занималъ должность смотрителя и преподавателя педагогики въ виленскомъ женскомъ училищѣ духовнаго вѣдомства (1876—1902 гг.), а также — руководителемъ образцовой при немъ школы для дѣвочекъ (1897 г.). Съ 1896 г. Кипріановичъ состоитъ штатнымъ преподавателемъ педагогики и дидактики въ виленской женской гимназіи вѣдомства учреждений Императрицы Маріи.

Важнѣйшіе литературные труды Г. Я. Кипріановича: въ журналѣ „Заря“ (1871 г.) рядъ статей подъ заглавіемъ: *Очерки политической и домашней жизни грековъ въ средніе вѣка*; въ „Православномъ Обзорніи“ (1875 г., № 7 за іюль, стр. 378—407; № 8 за августъ, стр. 533—572): *Жизнь и ученіе богомысловъ по Павопліи Евонмія Зигабена и др. источникамъ*, — кандидатская диссертация; въ „Виленскомъ Вѣстникѣ“ (1876 г.) и отдѣльно рядъ историческихъ очерковъ: *Русская цивилизація въ Литвѣ до Гедимина*; въ „Церковномъ Вѣстникѣ“ (1878 г.) и отдѣльно: *Судьбы религіозно-церковной жизни въ западной Руси и Литвѣ*, — рѣчь на торжеств. актѣ по случаю 50-лѣтняго юбилея литовской Дух. Семинаріи; въ „Литовскихъ Епархіальныхъ Вѣдомостяхъ“: *Митрополитъ Іосифъ Сѣмашко и его сподвижники въ дѣлѣ возсоединенія униатовъ съ православною.*

церковію,—рѣчь, произнесенная на торжеств. актѣ по случаю 50-лѣтія возсоединенія уніи (1889 г.); Старшій соборный протоіерей І. Сѣмашко, отецъ митрополита Іосифа (1892 г.); Сорокалѣтіе польскаго возстанія 1863 года и его итоги (1903 г. № 20, 21); Римскій католицизмъ въ западной Россіи,—историческій очеркъ (1904 г. № 23); въ „Христіанскомъ Чтеніи“ (1900 г. мартъ): Къ исторіи возсоединенія уніатовъ,—рѣчь, сказанная въ актовомъ залѣ свб. Дух. Академіи предъ защитою магистерской диссертациі, подъ заглавіемъ: Жизнь митроп. Іосифа Сѣмашки. Отдѣльно изданныя книги: Очеркъ жизни и дѣятельности Іосифа Сѣмашки, митрополита литовскаго, Вильна 1894 г., стр. 146 (рекомендовано для приобрѣтенія въ бібліотеки Учеб. Комит. и Училищ. Сов. при Св. Синодѣ и Учен. Комит. при Мин. Нар. Просв.); Историческій очеркъ православія, католичества и уніи въ Вѣлоруссіи и Литвѣ съ древн. до настоящаго времени, Вильна 1899 г., изд. 2-е, стр. 304 (см. о немъ у проф. И. Любарскаго въ „Историческомъ Вѣстникѣ“ 1899 г., стр. 701—703, а равно въ „Русскомъ Вѣстникѣ“ 1901 г., „Церковн. Вѣдомостяхъ“ 1899 г., „Литовск. Епарх. Вѣд.“ и др.). Самымъ обширнымъ трудомъ Кипріановича является: „Жизнь Іосифа Сѣмашки, митрополита литовскаго; и возсоединеніе западно-русскихъ уніатовъ съ православною церковію въ 1839 г.“; о первомъ изданіи, доставившемъ автору степеніи магистра богословія и удостоенномъ отъ Св. Синода преміи митр. Макарія (въ 1000 р.), см. у проф. С. Ѳ. Платонова („Журналъ Мин. Нар. Просв.“, 1893 г., ноябрь, стр. 191), а о второмъ — у проф. П. Н. Жуковича („Записки Академіи Наукъ“, 1899 г.), признаваго сочиненіе заслуживающимъ преміи графа Уварова. Кромѣ того, Г. Я. Кипріановичъ помѣщалъ въ разное время, начиная еще со школьной скамьи (съ 1866 г.), небольшія статьи историч. содержанія, рецензіи и историческіе документы съ объясненіями ихъ въ „Литовск. Епарх. Вѣд.“, „Вилеиск. Вѣстн.“, „Памятной книжкѣ вилеиск. губ.“ въ „Путеводителѣ по г. Вильнѣ“ и др.

[По указу Св. Синода 31 дек. 1907 г. Г. Я. Кипріановичъ назначенъ членомъ издательскаго комитета при Вилеиск. Свято

Духовскомъ братствѣ и при издаваемомъ послѣднимъ журналѣ „Вѣстникъ Вилеискаго братства“, гдѣ состоитъ постояннымъ сотрудникомъ, какъ и въ „Вилеиск. Вѣстникѣ“, но еще печатаетъ статьи („Изъ сѣверо-западнаго края“, „изъ Вильны“, рецензіи) въ „Прибавленіяхъ къ Церковнымъ Вѣдомостямъ“ и въ „Московскихъ Вѣдомостяхъ“.—Какъ видимъ Г. Я. Кипріановичъ—писатель не только неутомимый, но и разносторонній, часто касающийся „свѣтскихъ“ темъ и вопросовъ, а потому въ дополнителномъ томѣ Словаря Брокгауза и Ефрона онъ неправильно названъ просто „духовнымъ писателемъ“].

Свщч. Н. В. П.—съ.

Кипріанъ, св.-мученикъ коринѣскій, III столѣтія. Онъ вмѣстѣ съ Авектомъ и Крискентомъ былъ обращенъ ко Христу юношею Кидратомъ, съ которымъ всѣ они и были обезглавлены въ Коринѣ въ царствованіе имп. Декія (249—251 г.). *Память встѣхъ ихъ 10 марта.*

(Макар. Ч.-Минея, Прологъ).

Хр. Л.—съ.

Кипріанъ, св.-мученикъ никомадійскій, IV столѣтія. Уроженецъ Антиохіи финикійской, онъ былъ философомъ и волхвомъ и отличался богатствомъ. Снисходя на просьбы вѣокаго Аглайда, почувствовавшаго влеченіе къ Іустинѣ, Кипріанъ пріобрѣтъ къ помощи бѣсовъ, чтобы „прислушнть“ дѣвицу къ Аглайду, но безуспѣшно. Увидѣвъ тщетность своихъ знаній въ волхвованіи, онъ увѣровалъ во Христа, крестился и сжегъ свои волхвовательныя книги. Позже онъ былъ поставленъ во епископа. Мучень по распоряженію дамасскаго комита и наконецъ обезглавленъ въ Никомадіи на р. Галлѣ, притоцѣ Сангарія, 26 или 28 сентября 304 года. Мощи его почиваютъ въ Латеранскомъ соборѣ въ Римѣ. *Память его 2 октября.*

Время жизни мучениковъ одни относятъ ко временамъ имп. Декія (249—252 г.), другіе ко временамъ Клавдія I (268—270 г.). АА. SS. Boll 26 сентября VII, 217; *Migne* gr. CXV, col. 847; *Th. Zahn*, *Cyprian von Antiochien und die deutsche Faustsage*, 1892 (нач. словами: Τῆς ἐκφανείας; стр. 116), на иппающееся словами: Πολλὰ καὶ μεγάλα, въ изданіи: De sancto Cypriano et de pri-

maera Carthageniensi ecclesia, ed. B la m-
pign on, Paris 1 62; Микологія Василіевъ;
Макар. Ч.-Минея („Пророческимъ словесемъ
сбывающимся“; тутъ же и „Покаяніе
Кипріанъ-во“; Прологъ.—*Серій*. [The Catho-
lic Encyclopedia IV, p. 583.]

Хр. Лопаревъ.

Кипріанъ или Киринъ (Квиринъ), св.-
мученикъ сицилійскій, IV столѣтія. Уроже-
нецъ южно-итальянскаго города Басты
(близъ Сициліи), сынъ италійскаго князя,
Кипріанъ вмѣстѣ со своимъ братьями Ал-
фіемъ и Флладельфомъ былъ крещенъ во
Христову вѣру св. Онисимомъ. Во времена
имп. Ликинія (307—323 г.) всѣ они были
вызваны въ Римъ, гдѣ св. Онисимъ съ
Еразмомъ и 14 другими были обезглавлены,
а три брата были препровождены къ на-
чальнику Диониду въ Сицилію, гдѣ, въ Ме-
сеполѣ леонтинскомъ (въ Леонтинахъ) и
приняли мученическіе вѣнцы. Кипріанъ (Ки-
ринъ) соженъ на сковородѣ. Обрѣненіе
мочей мучениковъ имѣло мѣсто въ 1517 г.
Память всѣхъ ихъ 10 мая.

АА. SS. Boll. май II, 502, 772; Микологія
Василіевъ; житіе Евваліи (2 марта); Макар.
Ч.-Минея („бѣжу отъ Васанскія страны“);
Прологъ.—*Серій*.

Хр. Л—въ.

Кипріанъ, св.-мученикъ никомидійскій,
неизвѣснаго времени. Видя, что Стратонъ,
Филиппъ, Евстихіанъ и Кипріанъ совраждаютъ
народъ ко Христу и заставляютъ презирать
дѣдовскіе обычаи (напр., однажды театръ
былъ совершенно пустой), начальникъ об-
ласти привлекъ ихъ на судъ, подвергъ раз-
нымъ пыткамъ, отдавалъ ихъ на съѣденіе
звѣрей и, наконецъ, велѣлъ бросить ихъ
въ огонь. *Память всѣхъ ихъ 17 ав-
густа.*

Въ Макар. Ч.-Минеѣ одно заглавіе;
Прологъ.

Хр. Л—въ.

Кипріанъ, Фасцій Цецилій, епископъ кар-
тагенскій, святой отецъ и учитель церкви,
извѣстный литературный дѣятель и бого-
словъ III вѣка. Родился въ концѣ II-го или
самомъ началѣ III столѣтія, вѣроятно, въ
Картагенѣ, въ богатой и знатной языческой
семьѣ. Главнымъ источникомъ для его жизне-
описанія является сочиненіе его діакона Пон-

тія: „О жизни и страданіяхъ св. Кипріана“
(Migne, gr. t. III, col. 1483), — сочиненіе
несомнѣнно подлинное (Иерон., Каталогъ,
гл. 68). Источникомъ служатъ также много-
численныя произведенія самого Кипріана,
особенно же его письма. Получивши бле-
стящее литературное и ораторское образо-
ваніе, Кипріанъ сдѣлался преподавателемъ
риторики въ картагенской школѣ и пѣлъ,
кромѣ того, широкую адвокатскую практику.
Но даровитый адвокат, познакомившись съ
жизнію христіанъ и ихъ вѣрованіями, подъ
вліяніемъ пресвитера Цециліана, скоро всту-
пилъ на новый путь жизни. Онъ сдѣлался
христіаномъ (письмо 1 къ Донату) и, при-
нявши крещеніе (вѣроятно, въ 246 году),
обратился къ аскетическому образу жизни
(письмо къ Дон., гл. 3—4). По свидѣтель-
ству Иеронима (письмо 33 къ Паммахию;
Каталогъ, гл. 53), особенное воздѣйствіе на
образование нравственно-религіознаго уклада
его жизни имѣлъ Тертулліанъ со своими
возвышенно-аскетическими твореніями. Че-
резъ годъ послѣ крещенія Кипріанъ былъ
сдѣланъ пресвитеромъ, а въ 249 г. (или въ
концѣ 248 г.) онъ, по желанію народа и
клера, былъ избранъ на епископскую ка-
athedру Картагена, этой столицы сѣверной
Африки. Вмѣстѣ съ этимъ началась его
административная и широкая литературно-
богословская дѣятельность. Съ самаго мо-
мента вступленія на епископію ему пришлось
перенести много волненій и невзгодъ вслѣд-
ствіе начавшихся тогда гоненій на хри-
стіанъ со стороны императоровъ Десія, Галла
и Валеріана. Самъ Кипріанъ почти 2 года
(съ января 250 по 23 марта 251 года:
см. „О жизни и страданіяхъ“ Понтія; письмо
40-е Кипріана) провелъ въ добровольномъ
изгнаніи въ одномъ уединенномъ мѣстечкѣ,
откуда своими посланіями и поддерживалъ
духъ и энергію своей паствы. Гоненія въ
то время выдвинули на очередь вопросъ о
падшихъ (lapsi), т. е. о такихъ христіанахъ,
которые въ той или другой степени (sacrifi-
cati, thurificati, libellatici), по малодушію,
отрекались отъ христіанства, а въ моменты
затишья снова выражали желаніе соеди-
ниться съ церковью. Кипріанъ въ данномъ
случаѣ былъ сторонникомъ самыхъ строгихъ
хиропріятій, проведеніе которыхъ, по его
мнѣнію, должно зависѣть исключительно отъ
воли епископа, какъ главы церкви. Между

тѣмъ въ практикѣ жизни въ это время установился обычай, по которому для желающихъ снова соединиться съ церковію было достаточно заручиться только ходатайствомъ за падшихъ со стороны „исповѣдниковъ“ и полученіемъ отъ нихъ особой „отпустительной грамоты“ (*libellus pacis*), при чемъ эти грамоты раздавались исповѣдниками часто легкомысленно безъ всякаго соображенія со степенью нравственной готовности „падшихъ“ соединиться съ церковію. Противникомъ этого обычая, крайне вредно отзывавшагося на нравственномъ настроеніи общества и унижавшаго достоинство и власть церкви „вязать и рѣшить“, Киприанъ и выступилъ, главнымъ образомъ, въ своихъ трехъ знаменитыхъ посланіяхъ: къ а) *клиру* (12-е), б) *мученикамъ и исповѣдникамъ* (10-е) и в) *ко всему народу* (11-е). Пришлось Киприану выдержать упорную борьбу и съ расколомъ, возбужденнымъ въ кароагенской церкви Фелициссимомъ и Новатомъ, которые съ своими умѣренными взглядами по вопросу о падшихъ связали чисто іерархическую распрю, имѣющую въ своемъ основаніи главнымъ образомъ личныя отношенія къ Киприану. Принималъ Киприанъ нѣкоторое косвенное участіе въ борьбѣ и съ другимъ раскольниковымъ движеніемъ, которое было возбуждено въ Римѣ пресвитеромъ Новаціаномъ и являлось собственно отзвукомъ кароагенскаго раскола, если не во взглядахъ по вопросу о „падшихъ“ (—Новаціанъ былъ защитникомъ ригористическихъ отношеній къ падшимъ—), то, по крайней мѣрѣ, по оппозиціи къ личности самого Киприана, съ одной стороны, и къ личности (друга Киприана) Корнилія, римскаго епископа, съ другой стороны. Въ борьбѣ съ кароагенскими и римскими раскольниками Киприанъ и написалъ свои лучшія произведенія: а) „О единствѣ католической церкви“ (иначе: „О единствѣ церкви“ или; „О чистосердечіи архіерейскомъ“) и б) „О падшихъ“ (оба въ 251 году), въ которыхъ и рѣшается весьма важный вопросъ о церкви и ея сущности и, въ связи съ этимъ, высказывается ригористическій взглядъ по вопросу о принятіи падшихъ въ общеніе съ церковію. Отзвукомъ борьбы Киприана съ раскольниками были въ это время два кароагенскихъ собора (251—252 г.), которые были составлены по его собственной инициативѣ и

происходили подъ его предсѣдательствомъ. На нихъ рѣшался и вопросъ о „падшихъ“. Заключительную стадію административной и литературной дѣятельности Киприана составляли его споры съ римскимъ епископомъ Стефаномъ по вопросу о способѣ принятія еретиковъ въ общеніе съ церковію. Кароагенскій епископъ былъ рѣшительнымъ защитникомъ перекрещиванія еретиковъ, вступающихъ въ церковь, въ противоположность взгляду Стефана, который отстаивалъ простое только возложеніе руки епископской на присоединяющагося еретика, какъ на условіе его общенія съ церковію. Плодомъ этихъ очень жаркихъ споровъ со стороны Киприана и было появленіе цѣлаго ряда произведеній (особенно письма 55, 62, 57, 58, 59, 60, 61 — по кievск. русскому пзд.) и, между прочимъ, собраніе въ Кароагенѣ цѣлаго ряда соборовъ (255 г. два раза, 256 г. — въ маѣ и сентябрѣ). Въ гоненіе императора Валеріана, послѣ цѣлаго года, проведеннаго въ городѣ Керубитѣ въ изгнанничествѣ, Киприанъ, наконецъ, палъ жертвою языческаго наслія: въ 258 г., 31 августа, въ Кароагенѣ онъ былъ обезглавленъ. Мощи св. мученика, сначала покоившіяся въ Кароагенѣ, въ VII в. были подарены Гарунталъ-Рашидомъ Карлу великому и перенесены во Францію, гдѣ и теперь находятся въ городѣ Компаньенѣ въ монастырѣ св. Корнилія. *Память св. Киприана* въ католической церкви совершается 14 сентября, а въ православной 31 августа.

Кромѣ вышеуказанныхъ сочиненій, Киприанъ по различнымъ поводамъ написалъ еще слѣдующія произведенія, въ формѣ отдѣльныхъ трактатовъ. Прекрасный анализъ и исторію обращенія Киприана въ христіанство представляетъ его первый по времени написанія (вскорѣ послѣ обращенія въ христіанство) трудъ: „О благодати Божіей“ (иначе „Къ Донату“), съ которымъ имѣетъ ближайшую связь произведеніе: „Почему идолы не суть боги?“ (иначе: „О тщетѣ идоловъ“ — въ 15 главахъ), которое написано подъ сильнымъ вліяніемъ сочиненій Минуція Феликса („Октавія“) и Тертулліана („Апологетикъ“) и посвящено критикѣ языческаго политеизма. Въ сочиненіи: „Къ Квирина“ (иначе: „Книги свидѣтельствъ противъ іудеевъ“, въ трехъ книгахъ, 248 года) онъ представилъ критику іудейства,

обоснованную главным образом на свидетельствах из Свящ. Писания; это произведение впоследствии несколько раз подвергалось переработкѣ (Коммодіаномъ, Лактанціемъ и Фирмикомъ Матерномъ) и легло въ основание трактата: „Противъ игроковъ“ (Adversus aleatores), которое неправильно приписывается самому Кипріяну. Въ борьбѣ съ обычаями, въ силу котораго современныи ему дѣвственницы подѣ видомъ духовныхъ сестеръ (subintroductae) проживали въ домахъ клириковъ, было написано сочиненіе: „Къ дѣвственницамъ“ (въ 24 главахъ, 249 г.). Въ сочиненіи: „О смертности“ (26 гл., 252 г.), написанномъ во время моровой язвы, Кипріянь даетъ уроки терпѣнія и покаянія, а въ сочиненіи: „Къ Деметріану“ (26 гл., 253 г.), написанномъ точно также по поводу моровой язвы, опровергаетъ указаніе язычниковъ на это бѣдствіе, какъ на результатъ гнѣва боговъ. Сочиненіе „О молитвѣ Господней“ (36 гл., въ 252 г.), написанное подѣ влияніемъ Тертуліана („О молитвѣ“), посвящено анализу молитвы Господней и обрисовкѣ молитвеннаго образа Христа. Гоненія на христіанъ вызвали написаніе сочиненія: „Къ Фортунату объ увѣщаніи къ мученичеству“ (13 гл., въ 253 г.), въ которомъ онъ призываетъ христіанъ къ твердости духа при перенесеніи гоненій. Въ сочиненіяхъ: „О благѣ терпѣнія“ (24 гл. — подѣ влияніемъ сочиненія Тертуліана: „О терпѣніи“) и „О ревности и зависти“, написанныхъ во время споровъ о крещеніи еретиковъ, призываетъ пастырей къ укрѣпленію мира церковнаго. Наконецъ, въ сочиненіи: „О трудѣ и милостыняхъ“ (26 гл.) призываетъ христіанъ къ дѣятельной любви къ ближнимъ.

Кромѣ трактатовъ, съ именемъ Кипріяна связывается цѣлый рядъ писемъ, числомъ 81, изъ которыхъ 65 принадлежатъ ему самому, а 16 были написаны ему различными другими авторами. Всѣ они появились въ періодъ времени отъ 248 по 258 годъ, въ бытность его епископомъ, и составляютъ результатъ его административныхъ сношеній, съ современниками, — главнымъ образомъ, — по вопросамъ о „падшихъ“ и о перекрещиваніи еретиковъ. Особенно замѣчательно письмо 63 (по кiev. изд.), посвященное изясненію ученія о таинствѣ причащенія.

Много писемъ — церковно-каноническаго и пасторологическаго характера.

Сочиненія: „О зрѣлищахъ“, „О благѣ цѣломудрія“, „О похвалѣ мученичеству“, „Еъ Новаціану“, „Увѣщанія къ терпѣнію“ — приписываются Кипріяну подѣ сомнѣніемъ. Трактаты, связываемые иногда съ именемъ Кипріяна, — „Противъ игроковъ“, „Разговоръ Язона и Паписка“, „О простосердечіи клириковъ“ и нѣкоторые другіе, Кипріяну ни въ какомъ случаѣ не принадлежатъ. Нѣкоторыя сочиненія Кипріяна, извѣстныя ранѣе, до сихъ поръ еще не открыты.

Кипріянь былъ по преимуществу практическій дѣятель. Все его вниманіе было обращено главнымъ образомъ на упорядоченіе нравственно-религіозной жизни христіанскаго общества. Практическій складъ его характера наложили соотвѣтствующій отпечатокъ и на его богословскую дѣятельность. Центральнымъ пунктомъ его богословія былъ вопросъ о церкви, — вопросъ по преимуществу практической. Полагая цѣлю всей своей административной дѣятельности нравственно-религіозное объединеніе вѣрующахъ въ союзѣ мира и любви, Кипріянь и въ самомъ рѣшеніи вопроса о церкви особенно отлѣивалъ идею церковнаго единства. При этомъ въ противоположность своимъ предшественникамъ (Клименту римскому и Игнатію Богоносцу) — онъ обращалъ преимущественное вниманіе на выясненіе вѣдѣнныхъ условий церковнаго единства. Тогда какъ Климентъ р. полагалъ въ основѣ церковнаго единенія по преимуществу вѣру и любовь, эти внутренне-психологическія основы христіанской жизни вообще и церковнаго союза въ частности, а Игнатій Богоносецъ такою основой считалъ вообще „пастырство“ со всѣми его внутренними и вѣдѣнными признаками, — Кипріянь, наоборотъ, епископскую власть считалъ главнымъ организующимъ началомъ христіанской жизни. Собственно епископская власть, по нему, придаетъ особенную прочность и устойчивость церковному организму. Она существенно необходима для единства церкви. Эту послѣднюю мысль Кипріянь выдвигаетъ настолько рельефно, что самое понятіе о церкви у него какъ бы совпадаетъ съ понятіемъ о епископской власти. Отсюда былъ у него естественный переходъ къ мысли, что и

единеніе съ церковію для пасомыхъ можетъ мыслиться только при безусловномъ единеніи съ епископомъ церкви. Раскольники и еретики потому не съ церковію и въѣ церкви, что они не подчиняются епископу и не находятся въ общеніи съ нимъ. Часто въѣшай—по преимуществу юридическій,—взглядъ на церковъ и условія ея единства отразился и на воззрѣніяхъ Кипріана по вопросу о дѣйствительности таинства крещенія,—этому вопросу, выдвинутому спорами о перекрещиваніи еретиковъ. Дѣйствительность таинства крещенія у него обуславливается по преимуществу въѣшнимъ юридическимъ факторомъ епископской власти, въ себѣ сосредоточивающей источникъ благодатныхъ даровъ. Изъ теоріи Кипріана естественно вытекало, что еретиковъ нужно перекрещивать потому, что они въѣ епископской власти и въѣ единенія съ нею. Рѣшеніе вопроса во всякомъ случаѣ одностороннее. Вотъ почему взглядъ Кипріана въослѣдствіи былъ значительно исправленъ въ томъ смыслѣ, что еретиковъ и раскольниковъ перекрещивать слѣдуетъ только тогда, если самая система ихъ вѣроученія разрушаетъ въ то же время нравственно-религіозныя основы дѣйствительности таинства крещенія, — православный смыслъ самой формулы крещенія во имя Отца, Сына и Св. Духа (1 всел. соб. пр. 8; 2 всел. соб. пр. 7; 6 всел. соб. пр. 95; Вас. в. пр. 1). Такимъ обр. ученіе Кипріана о церкви и таинствѣ крещенія заключаетъ въ себѣ нѣсколько своеобразную, въѣшне-юридическую окраску и составляетъ совершенно новую ступень въ историческомъ процессѣ раскрытія данного ученія.

Источники и пособія. Творенія Кипріана въ первый разъ были изданы Еразмомъ (Basil. 1520). Затѣмъ много разъ ихъ издавали: Морелій (Paris. 1562), Памелій (Antwerpen 1563), Ригаллій (Paris. 1648). Фелльусъ и Пирсонъ (Oxford 1682), Валюзій и Маранъ (Paris 1726). Изданіе Валюзія со всеми его ошибками и недостатками воспроизвелъ и Минъ въ своемъ *Patr. curs. compl.* (s. lat. t. IV, Paris 1844). Новѣйшее и безусловно лучшее, критически проверенное, изданіе сдѣлалъ Гартель (Wien 1868—1871 въ *Corpus script. eccles. lat.*, vol. III, pars 1—3). Въ Россіи творенія Кипріана издавались только въ переводѣ на русскій языкъ—въ отрывкахъ и по частямъ въ разныхъ повременныхъ изданіяхъ (главнымъ образомъ въ «Христ. Чтеніи» за 1825—1847 гг.) и въ полномъ составѣ при

Кіевской Дух. Академіи (въ качествѣ приложенія къ журналу: «Труд. Кіевской Дух. Академіи» и отдѣльно въ двухъ томахъ). Лучшія и болѣе полныя изслѣдованія о Кипріанѣ на западѣ представили: *E. Freppel*, *St. Cyprien et l'église d'Afrique au III siècle*, 1863—1864 (2-е изд. 1865, 3-е изд. 1890). *J. Peters*, *Der Cyprian von Karthago, Bischof Kirchenvater und Blutzeuge Christi, in seinem Leben und Wirken dargestellt*, Regensburg 1877. *B. Fecttrup*, *Der h. Cyprian; sein Leben und seine Lehre dargestellt*, Münster 1878. *J. Peters*, *Die Lehre d. h. Cyprian v. Einheit der Kirche, gegenüber den beiden Schismen in Karthago und Rom*, Luxemburg 1870. *J. H. Reinkens*, *Die Lehre d. h. Cyprian v. der Einheit d. Kirche*, Würzburg 1873. *O. Ritschl*, *Cyprian v. Karthago und die Verfassung der Kirche*, Göttingen 1885. Другія изслѣдованія и статьи о Кипріанѣ см. у *Bardenheuer'a*, *Patrol.* 1894, S. 202—203, и у *Chevalier*, *Répert. des sources hist.* 530—531; 2538. *J. A. Faulkner*, *Cyprian, the Churchman*. Cincinnati 1906. *Charles Thomas Crutwell*, *A Literary History of Early Christianity II* (London 1893), p. 593—612. † *Prof F. J. A. Hort*, *Six Lectures on the Ante-Nicene Fathers* (London 1895), p. 93—115: *Tertulian and Cyprian*. *J. Turmel*, *S. Cyprien et la papauté pendant la controverse baptismale* въ «*Revue catholique des Eglises*» 1905, déc., p. 577—599. [См. также *Herzog-Hauck*, *R. E.* IV³, S. 367—375 (и ср. V, 799); *Wetzer und Welte*, *Kirchenlexikon III*², Sp. 1273—1277. II, 1999. *F. Lichtenberger*, *Encyclopédie III*, p. 547—549. *W. Smith* und *H. Wace*, *A Dictionary of Christian Biography etc.* I, p. 737—755. *A. Vacant* et *E. Mangenot*, *Dictionnaire de théologie catholique III*, Paris 1908, col. 2459—2470. *The Catholic Encyclopedia IV*, p. 583—589.] Русская литература точно также довольно богата изслѣдованіями и статьями о Кипріанѣ. Таковы: *Жизнь* св. Кипріана Кареагенскаго (введеніе къ изд. его твореній и въ «Труд. Кіевск. Дух. Академіи». 1860 г., I); † проф. *К. И. Скворцовъ*, *Св. Кипріанъ во время моровой язвы* («Тр. К. Д. А.» 1866 г., № 8); *Жизнь* св. Кипріана Кареагенскаго («Хр. Чт.» 1825 г., XV^{II}, стр. 237); *Страданія* св. муч. Кипріана Кареаг. («Воскр. Чт.» IV, 248); архим. *Порфирій*, *Св. Кипріанъ еп. Кареаг.* («Приб. къ твор. св. отц.» 1856 г., IV); *Христіанскій Востокъ и Западъ въ III в.: Оригенъ и Кипріанъ* («Хр. Чт.» 1865 г., I, 3, 227); *Ученіе* св. Кипріана о церкви («Воскр. Чт.» XI); *Кипріанъ*, какъ побраникъ единства церкви («Хр. Чт.» 1858 г., I, 28); о. *А. В. Молчановъ* (нынѣ епископъ Алексій), *Св. Кипріанъ Кареагенскій и его ученіе о церкви*, Казань 1883 (это—самый полный и обстоятельный анализъ жизни и богословской дѣятельности св. Кипріана на рус. яз.); о. *А. Балаховскій*, *Взглядъ* св. Ки-

пріана на церкви и епископскую власть въ его отношеніи къ вопросу о власти римскаго папы («Прав. Обзоръ» 1886 г., III, 596—614.). † Ф. Фарраръ, Св. Кипріанъ каре. (глава изъ соч.: «Жизнь и труды св. отцовъ и уч. церкви» въ переводѣ т. проф. А. П. Лопухина, спб. 1891, стр. 144—192; 2-е изд. 1902 г., стр. 177—236. См. также у пресв. Филарета черниговскаго (въ его «Истор. ученіи объ отцахъ церкви» I, изд. 1859 г., стр. 118—132).

Л. Писаревъ.

Кипріанъ — константинопольскій патріархъ—дважды занималъ вселескій престолъ (1708 г.—май 1709 г. и 7 ноября 1713 г.—28 февраля 1714 г.). Біографическія о немъ свѣдѣнія не сообщаются греческими историками. Извѣстно лишь то, что до патріаршества онъ былъ митрополитомъ Кесаріи каппадокіекой, а на патріаршемъ престолѣ заявилъ себя строгимъ и ревностнымъ исполненіемъ обязанностей. Отличаясь простотою въ личной жизни и невзыскательностію во внѣшнихъ условіяхъ быта, онъ и отъ подчиненнаго духовенства требовалъ простоты и скромности и сурово осуждалъ склонность къ внѣшнимъ удобствамъ. Равнымъ образомъ, мірянамъ патріархъ запрещалъ носить богатые и нарядные одежды, женщинамъ не позволялъ пользоваться драгоценными украшеніями и т. п. Аскетическая настроенность патріарха и суровыя требованія отъ всѣхъ жить просто и скромно создали ему многочисленныхъ враговъ среди клириковъ и народа,—которые и обратились съ жалобою на него къ правительству и обвиняли энергичнаго первоіерарха въ неспособности къ управленію. Безъ всякаго разслѣдованія вины Кипріанъ былъ низложенъ и удаленъ въ ссылку на гору Афонъ, гдѣ и жилъ въ Ватопедскомъ монастырѣ вплоть до вторичнаго вступленія на вселенскій престолъ.

Изъ дѣяній перваго патріаршества Кипріана извѣстно, прежде всего, учрежденіе завѣщанія архонта Сервана Каятакузива (въ мартѣ 1708 г.), жившаго въ Унговлахіи. Этотъ Каятакузій не имѣлъ прямыхъ наслѣдниковъ и, опасаясь за судьбу своего богатого наслѣдства, просилъ патріарха признать за составленнымъ имъ завѣщаніемъ законную силу. Патріархъ совѣстился съ синодомъ и издалъ соответствующую грамоту на имя унговлахійскаго

митрополита. Ему же приписывается грамота, изданная на имя священниковъ, іеромонаховъ и діаконѣвъ, запрещающая имъ носить парадныя одежды и украшенія, подѣ страхомъ лишенія сана. Затѣмъ, извѣстившись о томъ, что халдійскій митрополитъ вторгся въ предѣлы епархіи трапезунтской (въ мѣстности Кьюрдунія и Керасунтъ), патріархъ особой грамотой предписалъ ему впредь не допускать нарушенія чужихъ правъ. Въ февралѣ 1708 г. Кипріанъ утвердилъ права ставропигіальнаго монастыря Христа Спасителя Литовіаници въ Эпирѣ, въ апрѣлѣ присоединилъ къ монастырю Дусика, въ качествѣ метоха, находившійся въ епархіи фанаріо-неохорійской монастырь св. Георгія, въ октябрѣ того же года объявилъ ставропигіальнымъ монастырь Іоанна Златоуста на Милосѣ. Къ 1708 г. относится и опредѣленіе патріарха о томъ, чтобы митрополиты Арты рукополагали клириковъ въ подчиненныхъ ему епископіяхъ Вондицы, Аэта, Ахелоя, Ригонъ и Фотики, гдѣ въ то время кафедръ не были заимствованы. Наконецъ, отъ перваго патріаршества Кипріана сохранились двѣ грамоты касательно сбора пожертвованій на нужды Святого Гроба. Одна была отправлена митрополиту Хіоса, а другая — митрополитамъ Кизика, Никомидіи, Никеи, Прусы, Тригліи и Муданія и архіепископу Приконниса и обѣ извѣщали указанныхъ іерарховъ, что для сбора пожертвованій въ пользу Святогробской казны назначено четыре поименованные въ грамотахъ епитропа, — которымъ и слѣдуетъ оказать содѣйствіе въ ихъ трудахъ.

Хотя патріархъ своею суровостію и нажилъ себѣ много враговъ, по винѣ которыхъ потомъ былъ низложенъ, но лучшие члены церкви константинопольской хорошо понимали, что для нея Кипріанъ, отличавшійся твердостію характера и яснымъ пониманіемъ церковныхъ потребностей, являлся вполне желательнымъ первоіерархомъ. Поэтому, когда патріарха Кирилла IV (1711—1713 г.) удалили съ престола, взоры всѣхъ обратились на Кипріана, который и былъ вызванъ съ Афона и вторично занялъ вселенскую кафедру. Но вторичное его патріаршество продолжалось около четырехъ мѣсяцевъ. Турецкое правительство, въ своемъ посягательствѣ на права православной церкви

и народа, дошло до того, что наложило определенный денежный налог и на самого Кипріяна, хотя по брату, получившему начало отъ завоевателя Византии Магомета II, патриархи освобождались отъ всякихъ податей и повинностей. Разумѣется, Кипріянь протестовалъ противъ дѣйствій правительства и за это опять былъ изгнанъ на Афонъ, гдѣ и скончался въ Ватопедскомъ монастырѣ въ 1714 г. Во второе патриаршество Кипріянь, между прочимъ, въдалъ грамоту о снятіи съ александрійскаго патриарха Самуила отлученія, которому тотъ подвергся отъ вселенскаго патриарха Кирилла IV по несправедливому обвиненію со стороны Космы, епископа кланупольскаго, претендовавшаго занять александрійскій престолъ. А Космѣ патриархъ распорядился ежегодно выдавать тысячу гросіевъ изъ константинопольской патриаршей казны,—пока онъ не займетъ какуюлибо кафедру. Наконецъ, извѣстно, что Кипріянь въ 1714 г. пожертвовалъ въ храмъ св. Георгія при патриархѣ 30 гросіевъ на поминъ своей души.

Литература. Κομνηνός Ήψηλάντης, Τὰ μετὰ τὴν Ἀλωσιν., Μαθ᾽ ας, Κατάλογος ἱστορικός...; М. Γεδεών: 1) Πατριαρχικοί πίνακες; 2) Κανονικά διατάξεις, I—II, 3) Χρονικά τοῦ πατριαρχικοῦ σίτου καὶ ναοῦ...; Καλλίνικος Δελιάνης, Πατριαρχικά Ἐγγραφα. Т. II—III (см. литературу о патриархахъ Каллиникѣ II и Каллиникѣ V въ „Энци.“ VIII, столб. 45, 58).

И. И. Соколовъ.

Кипріянь стороженскій, основатель нынѣ упраздненнаго Николаевского Сторожен(в)скаго монастыря, который находился въ новгородской Оболенской пятинѣ при Ладожскомъ озерѣ. Кипріянь жилъ въ XVI—XVII в.; свѣдѣній о его жизни сохранилось немного. Преданіе гласитъ, что онъ сначала былъ разбойникомъ; потомъ, подъ влияніемъ преп. Адріана Оядрусовскаго (память 26 августа), обратился на путь покаянія и на мѣстѣ разбойничьяго притона, на Стороженскомъ мысу основалъ иноческую обитель, въ которой постригся самъ и подвизался до смерти. По преставленіи, Кипріянь погребенъ здѣсь; доселѣ въ с. Сторожномъ, ново-ладожскаго уѣзда, видна могила Кипріяна, къ которой стекаются богомольцы.

Кипріянь не находится въ числѣ канонизованныхъ святыхъ въ „Вѣрномъ мѣсяцѣ-

словѣ всѣхъ рус. св.“, Москва 1903. Проф. *Е. Е. Голубинскій* помѣщаетъ его въ числѣ „почитаемыхъ усопшихъ“ (Истор. канон. св., изд. 2-е, стр. 331).

Ср. *Сергій*, Полный мѣсяц. востока. II², стр. 341—342, на 2 января. *Н. П. Барсуковъ*, Источники русс. агиогр. столб. 289—290. † *Димитрій*, Мѣсяцесловъ св., ноябрь (вып. 3-й) 2-го, стр. 8—9 (изд. 1894 г.). *Филаретъ*, Русскіе св., кн. 2-я, стр. 535—536 (изд. 1838 г.). Больше подробно у іеромон. (архим.) *Никодима*, Русскіе св. и подвижники благочестія С.-Петербургской епархіи, XIV—XVII вв. Спб. 1901, стр. 32—37.

Ан. С—въ.

Кипріянь суздальскій отшельникъ, подвизавшій въ юродствѣ. Онъ происходилъ изъ простолюдиновъ, жилъ среди лѣса на небольшомъ островѣ р. Уводи, а въ воскресные и праздничные дни ходилъ молиться въ храмъ сосѣдняго села Воскресенскаго (въ ковровскомъ уѣздѣ, владимир. губ.), гдѣ онъ по кончинѣ (22 іюня 1622 г.) и погребенъ. Въ 1751 г. надъ его гробомъ пристроенъ въ храму придѣлъ въ честь Покрова Божіей Матери, и тогда же положено отправлять торжественно службу 2 октября св. мученику Кипріяну, въ память о блажен. Кипріянь. Къ могилѣ Кипріяна богомольцы приходятъ для служенія панихидъ, особенно 2 октября, когда въ селѣ Воскресенскомъ бываетъ ярмарка.

Кипріянь не канонизованъ: въ „Вѣрномъ мѣсяцесловѣ всѣхъ рус. св.“ (Москва 1903) его нѣтъ. Проф. *Е. Е. Голубинскій* помѣщаетъ его въ спискѣ „почитаемыхъ усопшихъ“ (Исторія канон. св., изд. 2-е, стр. 331).

Ср. *Сергій*, Полный мѣсяцесл. Востока. II², стр. 306. *Димитрій*, Мѣсяцесловъ св., на 2-е октября (вып. 2, стр. 21 по изд. 1893 г.) и на 22 іюля (вып. 11, стр. 248—250 по изд. 1901 г.). *Н. П. Барсуковъ*, Источники русс. агиогр., столб. 290. *Филаретъ*, Русскіе св., кн. 3, 189—191 (изд. 1882 г.).

Ан. С—въ.

Кипріянь устюжскій, основатель Михайло-архангельскаго монастыря близъ города Устюга, вологодской губерніи. Онъ былъ богатый землевладѣлецъ устюжской волости, рано удалился отъ міра, принявъ постриженіе въ обители Пресв. Троицы въ

г. Гледевѣ, съ именемъ Кипріяна. Послѣ основанія города Устюга, куда перешли жители Гледена, Кипріянь также перешелъ на новое мѣсто и сначала поставилъ малую келію вблизи города. Потомъ, въ 1212 г., уступая просьбамъ гражданъ, онъ началъ строить храмъ и обитель. Устюжане усердно помогали ему въ святомъ дѣлѣ трудомъ и приношеніями, а иные и навсегда оставались въ обители. Съ любовью принималъ всѣхъ Кипріянь, подавая примѣръ трудовой подвижнической жизни, нестяжательности и смиренія: свои богатые земельныя угодья онъ отдалъ обителямъ; по общему признанію, будучи „начальникомъ св. обители и пастыремъ Христова стада“, онъ считалъ себя недостойнымъ священнаго сана и навсегда остался простымъ монахомъ. Не ослабѣвая въ трудахъ и подвигахъ, безвыходно пребывая въ обители, Кипріянь скончался въ преклонныхъ лѣтахъ 29 сентября 1276 г. Гробница его находится въ монастырскомъ храмѣ Преполовенія; близъ гробницы лежитъ камень, служившій подвижнику вмѣсто изголовья. Правед. Кипріянь принадлежитъ къ числу „почитаемыхъ усопшихъ“ (см. *Е. Е. Голубинскій*, *Истор. канониз. св.*, изд. 2-е, стр. 331. Ср. *Сергій*, *Полный мѣсяцесл. Востока*, II², стр. 303, на 29 сентября). Въ „Вѣрномъ мѣсяцесловѣ всѣхъ рус. св.“ онъ не помѣщенъ.

Филаретъ, Русскіе св., кн. 3, 169—171, на 29 сентября (изд. 1882 г.). *Н. П. Барсуковъ*, *Источ. русс. агиогр. стлб.* 290. *Димитрій*, *Мѣсяцесл. св.*, вып. 1-й (свят. 29-го, стр. 200—201 (изд. 1893 г.). Свѣщ. *І. Вѣрхожскій*, *Историческія сказанія о Вологодс. св.* 53—57. *Словарь истор. о св.*, стр. 146—147 (изд. 1836 г.)

Ан. С—въ.

Кипріянь, святой—[16-го сентября преставленіе, 27-го мая обрѣтеніе мощей, о чемъ см. у профессора Е. Е. Голубинскаго, *Исторія канонизаціи святыхъ въ русской церкви*, 2-е изд., Москва 1903, стр. 191 сл. 559—560]—митрополитъ всея Россіи, былъ болгаринъ (см. у проф. Е. Е. Голубинскаго и А. И. Ядмирскаго, а также у архим. Амфилохія въ „Трудахъ 3-го Археологическаго съѣзда“), хотя въ Никоновской Лѣтописи и Степенной книгѣ называется „сербиномъ“ и, по словамъ его племянника Григорія Цамблэка (извѣстнаго литовскаго

митрополита), происходилъ изъ города Тернова. Безъ сомнѣнія, по влеченію къ монашеской жизни онъ рано поселился на Афонѣ и затѣмъ былъ чиновникомъ въ клиръ константинопольскомъ. Его первое появленіе въ Россію относится къ концу 1373 или началу 1374 г., когда онъ упоминается (Ник. Лѣт. IV, 40) въ качествѣ патріаршаго посла для разслѣдованія отношеній митрополита Алексія къ западно-русскимъ церквамъ по поводу жалобъ Ольгерда на забвеніе его владѣній митрополитомъ Московскимъ и на суровость послѣдняго (Acta II, 118). Въ теченіе этого пребыванія онъ сумѣлъ понять интересы литовскихъ князей, склонилъ ихъ на свою сторону и написалъ отъ лица ихъ просительную грамоту къ патріарху о постановленіи его въ санъ митрополита русскаго со многими обвиненіями на митрополита Алексія, котораго увѣрилъ въ своемъ полномъ расположеніи. Вернувшись обратно, Кипріянь повелѣ дѣло такъ, что былъ избранъ (Acta II, 13—14 и ср. 120) и „поставленъ Филоосемъ, паріархомъ цареградскимъ“, въ санъ митрополита кievскаго и литовскаго, съ правомъ на всю Россію по смерти митрополита Алексія. Это былъ актъ неканоническій (Acta II, 17), и самъ Кипріянь послѣ вынужденъ былъ затуманивать его туманною фразой: „не вѣмъ, како судьбами, ими же вѣсть Богъ, и азъ смиренный возведенъ быхъ на великій престолъ митрополитъ русскій“ (Степ. кн. I, 40).

Получивъ такимъ образомъ въ декабрѣ 1375 г. (или, — по тогдашнему счету съ сентября, — въ началѣ 1376 г.) пока только часть послѣдней, Кипріянь пожелалъ немедленно же завладѣть всею и съ этою мыслию 9 юня „выѣхалъ въ Кіевъ“ („Прав. Собес.“ 1860 г., II, 95). Отсюда онъ хотѣлъ проникнуть въ Москву, но тутъ ему „прилучилось мало вѣтхо противное“ (Ст. кн. I, 422): вел. кн. Димитрій Іоанновичъ (Донской) не принялъ Кипріяна, а его хлопоты въ Новгородѣ и Псковѣ остались безуспѣшны. Тогда Кипріянь рѣшился выжидать въ Кіевѣ благоприятныхъ обстоятельствъ. Смерть св. Алексія († 12 февраля 1378 г.), повидимому, открывала ему свободную дорогу къ достиженію митрополитіи московской; однако великій князь избралъ своего кандидата въ лицѣ духовника и любимца своего, спасскаго архимандрита Михаила, по прозванію Митяя.

Несомнѣнно, что извѣстія Никоновской лѣтописи—и, вѣроятно, не безъ вліянія Кипріяна—объ этомъ лицѣ сильно преувеличены въ дурную для него сторону. Тѣмъ не менѣе, если не поведеніе, то странное и нелегальное положеніе Михайла въ качествѣ несыханнаго доселѣ намѣстника митрополита, со всѣми правами и привилегіями послѣдняго, вызвало въ Москвѣ немалое затрудненіе и замѣшательствъ. Кипріянь счелъ этотъ моментъ удобнымъ для осуществленія своихъ плановъ и въ маѣ 1378 г. двинулся въ Москву въ утѣренности, что найдетъ себѣ энергичную поддержку въ средѣ недовольныхъ Митяемъ и что великій князь долженъ будетъ примириться съ совершившимся фактомъ, который теперь получалъ и каноническое оправданіе. Его надежды казались ему тѣмъ болѣе основательными, что у него были хорошія связи, напр., съ такими людьми, какъ Сергій радонежскій и Феодоръ симоновскій, которымъ онъ и писалъ съ дороги 3-го іюня изъ Любутска (нынѣ село Любудское въ калужскомъ уѣздѣ), приглашая ихъ повидаться съ нимъ, „гдѣ они сами погадаютъ“. Но всѣ эти расчеты не оправдались: великій князь изгналъ прешельца изъ Москвы съ величайшимъ срамомъ, почему Кипріянь готовъ былъ подозревать замыслы о его „убіеніи или потопленіи“. Въ необычайномъ раздраженіи по этому случаю онъ написалъ 23-го іюня новое посланіе тѣмъ же лицамъ, съ изображеніемъ своихъ злоключеній, и положилъ клятву на всѣхъ виновныхъ и причастныхъ къ нимъ, поскольку „аще братъ мой (Алексій) представился, азъ есмь святитель на его мѣстѣ, моя есть митрополія“ („Прав. Собес.“ 1860 г., II, 94). Въ этомъ убѣжденіи онъ начертываетъ такую программу дальнѣйшихъ дѣйствій: „а ко Царюгороду ѣду оборонитися Богомъ и святымъ патріархомъ и великимъ соборомъ“ съ цѣлю извлечь нѣкую пользу и изъ самаго позора своего: „мнѣ ихъ бещестіе большу честь приложило по всей земли и въ Царюгородѣ“ (ibid., 102). Съ одной стороны, ему ничего иного не оставалось, а съ другой—необходимо было предотвратить или отразить вліяніе противниковъ, которые и сами помышляли о поѣздѣ въ Константинополь. Кипріянь зналъ еще, что на Москвѣ у него имѣются добрые защитники, въ лицѣ,

напр., тѣхъ же Сергія и Феодора, потому что на второе его письмо они отвѣтили „со смиреніемъ и повинovenіемъ и любовію“ къ нему (ibid., 103), не взирая на всѣ скорбныя обстоятельства. Посему уже отъ 18-го октября 1378 г. онъ увѣдомлялъ ихъ, что „безъ измѣны ѣдетъ ко Царюгороду“. Прибывъ туда, Кипріянь потомъ былъ ободренъ неожиданнымъ и благоприятнымъ для него оборотомъ дѣлъ. Прежде всего, подвергся опалѣ и былъ свергнутъ съ престола покровитель Митяя патріархъ Макарій, который—по смерти св. Алексія—нарочитано писалъ Димитрію Іоанновичу, чтобы Кипріяна ни въ какомъ случаѣ не принимали (Acta II, 120—121); непризнанному пока претенденту на митрополию русскую пришлось даже судить неприятнаго ему патріарха, и это показываетъ, что его прерогативы въ извѣстной мѣрѣ уважались. Затѣмъ и торжественная поѣздка самого Митяя кончилась совершенно плачевно, ибо онъ „волею Божію“ померъ почти въ виду Константинополя. Правда, его спутники избрали новаго кандидата, Пимена, архимандрита переяславскаго горницкаго монастыря, вписали его имя на чистый бланкъ за великокняжескою печатью и представили патріарху Нилу для утвержденія въ санѣ митрополита русскаго, но тотъ сначала рѣшительно отказалъ въ этомъ. Однако свята успѣла „закупить“ вліятельныхъ лицъ, затративъ громадыны суммы, и въ іюнѣ 1380 г. Кипріянь соборно былъ лишенъ даже Кіева, съ сохраненіемъ за нимъ (и то по свисхожденію) малой Россіи и Литвы, а митрополитомъ русскимъ назначенъ Пимень. (Acta II, 12). Кипріяну ожидать больше было нечего, и въ концѣ 1380 г., не простившись ни съ кѣмъ, онъ направился въ Кіевъ; здѣсь ему и суждено было скоро получить желанное въ награду за свои страданія и усердную ревность. Великій князь отвергъ Пимена, чрезъ игумена Феодора симоновскаго пригласилъ къ себѣ Кипріяна, а Пимена потомъ въ концѣ 1381 г. схватилъ въ Коломиѣ и заточилъ въ Чухому, черезъ годъ переведши въ Тверь (Н. С. Р. Л. I, 233; VIII, 32. 42. Ник. Лѣт. IV, 77—78). Кипріянь не замедлилъ, и въ праздники Вознесенія Господня, 23-го мая 1381 г., былъ встрѣченъ и принятъ Москвою съ особливо торжественностію. Впрочемъ, и на этотъ

разъ Кипріанъ не долго продержался въ столицѣ и ничего особеннаго не сдѣлалъ, такъ какъ упоминается лишь о поѣздкѣ его въ Новгородъ. Уже подѣ 7-мъ октября 1382 г. мы читаемъ: „тояжъ осени не восхоѣ великій князь Димитрій Ивановичъ московскій Кипріана митрополита всея Руси и нияше къ нему нелюбіе“ (Ник. Лѣт. IV, 139). Въ близкихъ къ изгнанному памятникахъ сообщается только, что это случилось вскорѣ послѣ того, какъ Кипріанъ, вернувшись въ Москву изъ Новгорода предъ самымъ нашествіемъ хана Тохтамыша (8-го августа) и „видя рознство и распрю во градѣ, отойде во Тверь и тамо избысть“ (Ник. Лѣт. IV, 137). Но другой источникъ ясно передаетъ, что „разгѣвался на него (Кипріана) князь великій Димитрій того ради, яко не сидѣлъ въ осадѣ на Москвѣ, но съѣхалъ въ Тверь, боящися татарскаго нахожденія“ (П. С. Р. Л. V, 238). Очевидно, великій князь подозревалъ митрополита въ томъ, что онъ не вѣрилъ въ силу русскихъ, почему и искалъ спасенія въ бѣгствѣ, умоливъ гражданъ выпустить изъ города (Ник. Лѣт. IV, 133) и покинувъ его въ ту минуту, когда именно святителю нужно было показать примѣръ бодрости и вдохновлять всѣхъ. Еще болѣе раздражило Димитрія Іоанновича то, что Кипріанъ уѣхалъ подѣ кровь ненавистнаго ему, родственника Ольгердова, Михаила Александровича тверскаго, который посылалъ дары Тохтамышу и получилъ отъ него ярлыкъ. Великій князь рѣшился теперь воспользоваться тѣмъ, что раньше предлагалъ ему патріархъ Нилъ въ своихъ многократныхъ и усердныхъ моленіяхъ за Пимена (Acta II, 120): Кипріанъ (осенью 1382 г.) былъ удаленъ въ Кіевъ, а Пимень вызванъ изъ заточенія и встрѣченъ съ честью (Acta II, 122. П. С. Р. Л. I, 233; V, 238; VIII, 48. Ник. Лѣт. IV, 139—140). На прежнемъ мѣстѣ Кипріанъ нашелъ преданнаго покровителя въ кievскомъ князѣ, сынѣ Ольгерда, Владимірѣ, который настолько благоволилъ къ избраннику своего отца, что послѣ не пропустилъ въ Москву поставленнаго въ митрополиты Діонисія суздальскаго и задержалъ его въ Кіевѣ, гдѣ онъ и умеръ 15-го октября 1385 г. Однако Кипріанъ не могъ забыть Москвы и, можетъ быть, уже въ 1383 г. онъ снова предпринялъ „путь трудный“ въ

Константинополь съ надеждою „борзо быти у васъ (т. е. при великокняжескомъ московскомъ столѣ) изъ Царягорода“ („Прав. Собес.“ 1860 г., II, 104—106). Но константинопольское пребываніе затянулось и хлопоты не убѣдились успѣхомъ, когда въ маѣ 1387 г. по неизвѣстнымъ въ точности причинамъ императоръ командировалъ Кипріана въ юго-западную Россію, при чемъ съ него взято было обязательство священнодѣйствовать только въ этихъ предѣлахъ и непременно вернуться на судъ предъ соборомъ (Acta II, 98. П. С. Р. Л. V, 239; VIII, 50. Ник. Лѣт. IV, 151), что онъ и исполнилъ. Что случилось потомъ, — неизвѣстно; но въ концѣ 1387 г. или въ самомъ началѣ 1388 г. было соборно опредѣлено, чтобы „митрополитомъ кievскимъ и всея Россіи и былъ и назывался киръ Кипріанъ, который до конца своей жизни да завѣдываетъ ею и всѣмъ областями ея“ (Acta II, 116—119. П. С. Р. Л. IV, 96; V, 243; VIII, 52. Ник. Лѣт. IV, 156—158. 162. 170. 192. Акты ист. I, № 252). Это рѣшеніе патр. Нила подтвердилъ въ февралѣ 1389 г. и его преемникъ Антоній. Тою порой сошли со сцены и недруги и враги Кипріана; 19-го мая 1389 г. умеръ Димитрій Іоанновичъ, а 11-го сентября скончался въ Халкидонѣ Пимень (Ник. Лѣт. IV, 192). Всѣ препятствія были устранены, — и (какъ кажется) 1-го октября 1389 г. Кипріанъ выѣхалъ изъ Константинополя (ibid., 171), въ февралѣ 1390 г. былъ въ Кіевѣ и на четвертой („средокрестной“) недѣлѣ великаго поста торжественно вступилъ въ Москву (ibid., 192—193. П. С. Р. Л. I, 233; V, 244; VIII, 60). Теперь, черезъ четырнадцать лѣтъ усиленныхъ стараній, онъ получилъ больше, чѣмъ желалъ нѣкогда, ибо фактически соединялъ подѣ своею властію раздѣленные части митрополіи русской и до самой своей смерти управлялъ ими въ качествѣ митрополита всероссійскаго, усердно охраняя авторитетъ патріарха (Acta II, 177. 180. 181. 188. 197. 282. 359).

Съ этого времени начинается періодъ спокойной дѣятельности Кипріана. Къ сожалѣнію, именно о данномъ времени и сохранилось мало извѣстій. Больше таковыхъ осталось касательно епархіальнаго управленія. Мы знаемъ, что еще въ концѣ іюня 1390 г. онъ ѣздилъ въ Тверь къ князю Михаилу

Александровичу и тамъ „оставилъ отъ епископства Евенмія Висленя“, назначеннаго сюда въ 1374 г. св. Алексіемъ, „по клеветамъ тяжкимъ зѣло и неудобноосимымъ“, хотя въ началѣ и самъ находилъ подсудимаго не совѣмъ виновнымъ (Ник. Лѣт. IV, 195—196. 197. 198); повидимому, все совершилось по волѣ тверскаго князя, но дѣлу только придава была соборная санкція; Евенмій былъ отправленъ въ Чудовъ монастырь и замѣщенъ архидіакономъ (протодіакономъ) митрополичьимъ Арсеніемъ. Но особенно много хлопотъ доставлялъ Кипріану Новгородъ, который рѣшилъ (въ 1385 г., великимъ постомъ) не обращаться къ нему для апелляціоннаго суда (бывавшаго чрезъ три года на четвертый и длившагося одинъ мѣсяць, почему онъ назывался „мѣсячнымъ“), довольствуясь судомъ мѣстнаго архіепископа, какъ бы независимаго отъ митрополичьей власти, и пренебрежительно отнесся къ грамотѣ патр. Антонія, выхлопотанной митрополитомъ предъ своимъ управленіемъ въ Россію (Ник. Лѣт. IV, 195. 201. П. С. Р. Л. V, 244; VIII, 61). Этотъ отказъ былъ весьма чувствителенъ и въ матеріальномъ отношеніи, отнимая значительный доходъ (м. б., до 200 тыс. руб. ассигнаціями на наши деньги, по Е. Е. Голубинскому). Кипріанъ самъ прѣхалъ къ непокорнымъ: они приняли его (11-го февраля 1392 г.) торжественно и внимательно слушали его поученія, но относительно главнаго предмета отвѣтили категорическимъ отказомъ. Наложивъ на всѣхъ отлученіе и запретивъ духовенству службы, митрополитъ воротался ни съ чѣмъ и побудилъ патриарха (въ сентябрѣ 1393 г.) адресовать новгородцамъ обширную грамоту, которую тотъ подтвердилъ снова, когда къ нему явились потомъ ходатаи изъ Новгорода (Ник. Лѣт. IV, 200—202. П. С. Р. Л. III, 96; IV, 99; V, 245. Acta II, 181—187. 177—180). Лишь великому князю Василію Димитріевичу „многую ратью“ удалось смирить упрямцевъ, и они изъявили полное послушаніе князю и митрополиту (Ник. Лѣт. IV, 252—254. П. С. Р. Л. IV, 100; III, 96; V, 246. Ст. кв. I, 521. Собр. госуд. грам. II, № 13). Между тѣмъ изъ Константинополя пришелъ посолъ съ упомянутыми грамотами патриарха, и митрополитъ опять (въ великомъ посту 1395 г.) прѣхалъ въ

Новгородъ, гдѣ и послѣ значительнаго сопротивленія сначала не добился своего (П. С. Р. Л. III, 97. Ник. Лѣт. IV, 257. Ст. кв. I, 522). Для достиженія своихъ цѣлей онъ постарался оградить права новгородскаго святителя надъ псковичами (Акт. истор. I, №№ 9. 10), которыхъ, въ лицѣ мірянъ и духовенства, поучалъ касательно ихъ обязанностей (ibid. I, №№ 8. 11). Новгородцы были тронуты такою заботливостію объ ихъ привилегіяхъ, а Кипріанъ „благословилъ съ любовію сына своего Ивана владыку новгородскаго архіепископа и весь великій Новгородъ“ и преподавалъ наставленія насчетъ богослуженія и церковнаго управленія (ibid. I, № 11). Хотя вскорѣ и самъ Іоаннъ удостоился въ Москвѣ внимательнаго приѣма отъ митрополита, но миръ не былъ прочнымъ. По крайней мѣрѣ, въ 1401 г. Іоаннъ—вмѣстѣ съ луцкимъ епископомъ Саввой (см. стлб. 49)—на соборѣ московскомъ долженъ былъ „отпиться отъ своей епископіи“, „за нѣкія вещи святительскія“ и пробылъ „въ поиманіи“ у Кипріана три года и четыре мѣсяца (Ник. Лѣт. IV, 300—301. 311. П. С. Р. Л. III, 48. 102. 134), вѣроятно, тоже изъ-за „мѣсячнаго суда“.

Наряду съ этимъ Кипріанъ старался держать свое имя не менѣе славно и грозно и въ другихъ подвѣдомыхъ ему областяхъ, а въ частности и въ югозападной Россіи, гдѣ онъ правилъ чрезъ своихъ кievскихъ намѣстниковъ. Въ январѣ 1396 г. умеръ подозрительною смертію кievскій князь Скиригайло Ольгердовичъ, и великій князь литовскій Витовтъ получилъ власть надъ Кіевомъ. Могли быть неожиданныя затрудненія, и митрополитъ немедленно отправился въ Смоленскъ вмѣстѣ съ Василіемъ Димитріевичемъ. Витовтъ оказалъ должное почтеніе своему тестю и Кипріану, который свѣнилъ ставленника Пименова Михаила и назначилъ (2-го апрѣля) епископомъ смоленскимъ Касіана (ср. у Карамз. V, прим. 116). Затѣмъ Кипріанъ поселился въ Кіевѣ, гдѣ и провѣлъ полтора года (П. С. Р. Л. V, 246. 249; VI, 128; VIII, 61. Ник. Лѣт. IV, 267—268). Можетъ быть, столь долго задерживали его и распространеніе латинства въ Литвѣ (при чемъ Кипріанъ, будто бы, мечталъ вмѣстѣ съ королемъ Ягайломъ о нѣкоей уніи папы съ греками) и внутреннія дѣла православныхъ епархій. О послѣднемъ можно

догадываться потому, что нѣкто (епископъ) Іоаннъ изъ Луцка потомъ предлагалъ Кипріяну 300 русскихъ гривенъ и 30 копей за возведеніе его на митрополію галицкую (чего, кажется, онъ и достигъ послѣ), а въ 1401 г. митрополитъ (конечно, не безъ причины) заставлялъ епископа луцкаго Савву „отписаться“ отъ епископін (см. стлб. 48).

Не безъ смущенія вернулся Кипріянь въ Москву 7-го октября 1397 г., но здѣсь былъ угѣшенъ извѣстіями о новыхъ приобрѣтеніяхъ для православной вѣры въ предѣлахъ пермскихъ незадолго предъ тѣмъ (26-го апрѣля 1396 г.) скончавшимся въ Москвѣ св. Стефаномъ пермскимъ, просвѣтителемъ зырянъ. Впрочемъ, вскорѣ Кипріяну опять пришлось устраивать отношенія съ новгородцами и сноситься съ патріархомъ насчетъ галицкой митрополіи, для которой онъ посвящалъ одного епископа (перемышльскаго); тѣмъ не менѣе, въ общемъ, онъ могъ теперь наслаждаться большимъ спокойствіемъ и почасту жилъ въ уединеніи то въ подмосковномъ селеніи Голенищевѣ (нынѣ Троицкое Голенищевое въ 3-хъ верстахъ отъ Москвы; см. о немъ у † прот. В. И. Жмакина, Село Троицкое Голенищевое близъ Москвы, бывшая патріаршая дача, въ „Прибавленіяхъ къ Церковнымъ Вѣдомостямъ“ 1905 г. № 5 за 29 января, стр. 195—200), гдѣ построилъ храмъ во имя трехъ святителей (Ст. кн. I, 556), то во владимірской области на „святомъ озерѣ“, также украсивъ это мѣсто церковію Преображенія Господня (Ник. Лѣт. V, 37). Великій князь оказывалъ полное почтеніе митрополиту, (въ 1392-мъ или въ 1404 г.) особою грамотой утвердилъ его высокія права и обезпечилъ съ матеріальной стороны, даровавъ немалыя льготы его вочинамъ и установивъ съ церковью опредѣленный митрополитскій сборъ (Акты археогр. экспед. I, № 9). Лишь въ 1404 г. начали приходить тревожныя вѣсти изъ южной Россіи, и Кипріянь поѣхалъ туда въ іюнь или іюль. Его намѣстникъ архимандритъ Тимофей, очевидно, недостаточно охранялъ митрополитскіе интересы, либо крайне корыстно злоупотреблялъ своимъ положеніемъ, почему удаленъ былъ вмѣстѣ съ прежними слугами и замѣщенъ Феодосіемъ спаскимъ съ новымъ штатомъ (Ник. Лѣт. IV, 312). Потомъ митрополитъ посѣтилъ Луцкъ и посвятилъ тамъ епископа во Владимір-волинскій, въ Мило-

любѣи или Милолюбѣ видѣлся съ королемъ польскимъ Ягайломъ и великимъ княземъ литовскимъ Витовтомъ, по настоянію послѣдняго отрѣшилъ невинно оклеветаннаго въ сношеніяхъ съ ордынскимъ ханомъ Шадибекомъ Антонія туровскаго и отослалъ его на покой въ московскій Симоновъ монастырь (Карамз. V, примѣч. 232. Ник. Лѣт. IV, 315. Татищ. IV, 419—420). 1-го января 1406 года онъ былъ уже въ Москвѣ, 26-го августа торжественно отпраздновалъ день избавленія отъ Тамерлана (въ 1395 г.), посвятивъ симоновскаго архимандрита Иларіона въ Коломну и чрезъ двѣ недѣли рукоположилъ Митрофана во епископа суздальскаго. Но 1-го сентября 1406 г. онъ слегъ въ постель и въ ночь на 16-е число скончался. Ростовскій архіепископъ Григорій вмѣстѣ съ двумя упомянутыми іерархами совершилъ его погребеніе, при чемъ была прочитана и написанная за четыре дня до смерти прощальная грамота почившаго. Тѣло его съ честію было предано землѣ въ Успенскомъ соборѣ (Ник. Лѣт. IV, 312—318; V, 3—7. Ст. кн. I, 557—562. П. С. Р. Л. III, 130; V, 254—256; VI, 130—133; VIII, 70.77—80), гдѣ почитается и нынѣ. Историческая память благосклонно отнеслась къ Кипріяну и, цѣня лишь однѣ заслуги, высоко почтила его почти тридцатилѣтнее служеніе. Уже митрополитъ Фотій называлъ его „свято почившимъ“, а въ 1472 году при перестройкѣ собора открыты мощи Кипріяна, который и былъ послѣ „канонизованъ“ съ установленіемъ нарочитыхъ празднованій.

Не менѣе былъ почитаемъ Кипріянь и за свои литературные труды, которые, впрочемъ, требуютъ особаго разсмотрѣнія. Несомненно, что онъ былъ большимъ любителемъ книжной мудрости и усердно занимался даже переписываніемъ полезныхъ книгъ, но извѣстія о немъ по этому предмету (Ник. Лѣт. V, 2—3. Ст. кн. I, 558), кажется, сильно преувеличены. В. Н. Татищевъ († 1750 г.) даже утверждаетъ (Истор. Росс. IV, Слб. 1784, стр. 424), что „въ наставленіе душевное (Кипріянь) переписалъ соборы бывшіе на Руси, много житія святыхъ русскихъ, и степени великихъ князей русскихъ, (нынѣ) же въ наставленіе плотское, яко правды и суды и лѣтопись Рускую отъ начала земли Рускіи и, многи книги къ тому собрать, повелѣлъ архимандриту Игна-

тію спасескому докончатъ, яже и соблюдохъ“. Большинство прежнихъ историковъ принимало это свидѣтельство съ довѣріемъ; митр. Макарій (V, 191—193) уже выразилъ основательныя сомнѣнія, которыя оправдываются и детальнымъ разборомъ сообщенія Татищевскаго (см. у проф. Е. Е. Голубинскаго). Что касается соборовъ, то изъ таковыхъ до Кипріяна на Руси былъ лишь одинъ владимірскій (1274 г.), почему подразумеваютъ еще константинопольскій (1301 г.?), гдѣ епископъ сарайскій Теогностъ предлагалъ свои недоумѣнные вопросы; но послѣдній былъ не на Русь, а затѣмъ дѣянія владимірскія, будучи небольшою статьей, не обращались въ отдѣльных спискахъ и помѣщались при Кормчихъ. Говорятъ, что соборно-русскія опредѣленія Кипріяна именно и присовокупилъ къ своей Кормчей, привезенной имъ изъ Константинополя (Ст. кн. II, 248). О ней, дѣйствительно, упоминается въ разсказѣ о московскіхъ пожарахъ 1547 г., но неясно, такъ что или совсѣмъ не передается о правилахъ (Ник. Лѣт. VII, 56), или не устанавливается ихъ принадлежность какому-нибудь лицу (Карамз. VIII, прим. 173). Въ 1627 г. московскій Богоявленскій игуменъ Ілія и книжный сирвичикъ Григорій въ спорѣ съ Лаврентіемъ Зизаніемъ прямо заявляли о переводѣ Кипріяномъ „правильныхъ книгъ христіанскаго закона, греческаго языка правилъ“ (у Тихонова въ „Лѣт.“ IV, 2, стр. 99), однако слова ихъ подозрительны, ибо славянская Кормчая у насъ была давно. Розенкампфъ (стр. 75) думалъ считать Кипріяновскимъ переводомъ правилъ списокъ, найденный имъ въ сводной Кормчей („Лавтеской“) 1615 г., но еще ф. о. А. В. Горскій устранилъ это предположеніе, — тѣмъ болѣе, что и самъ Кипріяна ссылается на прежній старый Номоканонъ, а вскорѣ послѣ его смерти митрополитъ Фотій въ своей грамотѣ противъ Григорія Цамблака приводитъ до 15 правилъ въ изложеніи сходномъ съ редакціями рязанскою и софійскою, тогда какъ Кормчая Розенкамфа „различествовала отъ всѣхъ прочихъ“, хотя, находясь въ Константинополѣ, Кипріяна, конечно, могъ написать собственноручно копію Кормчей (рязанскаго или іосифовскаго извода, идущаго отъ св. Саввы сербскаго).

Съ именемъ Кипріяна до насъ дошло толь-

ко житіе св. митрополита Петра. Оно составляетъ несомнѣнную его собственность, но дальше мы не имѣемъ права съ увѣренностью утверждать, что „къ нему могли быть приложены и другія исправленныя Кипріяномъ въ слогѣ“ (Горскій, 354) и считать таковыми тѣ, которыя помѣщены въ Степенной книгѣ.

Подъ „степенями князей русскихъ“ должно разумѣть, безъ сомнѣнія, „степенныя книги“. Что въ настоящемъ своемъ видѣ онѣ не Кипріяновскаго происхожденія, — это неоспоримо. *Пл. Гр. Васенко* называетъ ихъ „Аванасье-Макаріевскими“, приписывая инициативу въ дѣлѣ составленія этого труда митрополиту Макарію, а исполнителемъ считавія Аванасія, ранѣе протопопа Андрея, бывшаго съ Іоанномъ Грознымъ въ казанскомъ походѣ, въ 1562 г. принявшаго постриженіе и съ 1564 г. занимавшаго митрополитичью кафедру всероссійскую; завершеніе относится къ 1560—1563 годамъ (см., Книга степенная царскаго родословія и ея значеніе въ древне-русской исторической письменности“ I, Спб. 1904, стр. 199. 211—212 и др.). Но академикъ проф. А. И. Соболевскій въ „Запискахъ о степенной книгѣ“ (по поводу сочиненія г. Васенка) въ „Сборникѣ отдѣленія русскаго языка и словесности Академіи Наукъ“, т. LXXXII (1907 г.) скорѣе склоненъ усвоить инициативу всего предпріятія царю Іоанну Грозному, а не митроп. Макарію, и, различая двухъ творцовъ книги Степенной, перваго усматриваетъ въ знаменитомъ священникѣ Сильвестрѣ и митроп. Аванасія признаетъ лишь „собрателемъ“ труда; равно онъ сомнѣется, что послѣдній составленъ къ 1560—1563 г., поскольку это — работа незаконныя. Указываютъ (Горскій, 355; Филар.: Обз. 87 и И. Р. Ц. II, 44, прим. 108) на болѣе краткій списокъ (ркп. Румянц. музея № 415), говоря, что „тринадцатымъ степенемъ и должно было оканчиваться сочиненіе Кипріяна“, но на самомъ дѣлѣ этого нѣтъ, ибо тамъ повѣствуется и о дальнѣйшихъ поколѣніяхъ русскихъ князей. Посему всякія догадки о характерѣ и содержаніи Кипріяновскихъ „степенныхъ книгъ“ совершенно напрасны.

„Правды и суды“ обыкновенно относятъ (Горскій, 356) къ русско-византійскимъ законамъ суднымъ и уголовнымъ, принятымъ въ составъ Кормчей, но византійскія постановленія справедливо исключить и понимать слова

Татищева въ смыслѣ вообще памятниковъ церковно-гражданскихъ. Однако и въ этомъ случаѣ данное извѣстіе сомнительно, потому что особой Кипріяновской Кормчей не было, а въ 1402 г. торжественно былъ одобренъ древній Номоканонъ съ уставами свв. Владиміра и Ярослава и другими узаконеніями церковно-гражданскаго характера. Въ своемъ посланіи противъ Діонисія суздальскаго Кипріянь упоминаетъ о „записываніи грамотъ“ (Акты истор. I, № 10, стр. 19), но тамъ рѣчь идетъ просто о томъ, что свѣтская власть издастъ опредѣленія, записанныя на бумагѣ.

„Лѣтопись отъ начала земли русской“, какъ трудъ Кипріяна, настолько невѣроятна, что и защитники мнѣнія Татищева говорятъ лишь о „замышленіи“ ея, ибо упоминаніе Троицкой лѣтописи (у Карамз. V, прим. 148) о „лѣтописцѣ великомъ русскомъ“ не имѣетъ никакого отношенія къ этому митрополиту. Гораздо правдоподобнѣе догадка объ участіи митрополита Кипріяна въ веденіи записей ему современныхъ. Горскій (356) находилъ ихъ въ Троицкой лѣтописи, открытой Карамзинымъ и погибшей во время Московскаго пожара 1812 г. Она „болѣе всѣхъ другихъ сообщаетъ о княженіи Василія Дмитріевича“ и заключается описаніемъ нашествія Эдигея (1408 г.). Это весьма возможно, хотя и не для всего объема отъ Юрика, но сохранившіеся отрывки не велики и не достаточно характерны. Съ немалой увѣренностію можно предполагать Кипріяновское вліяніе и на Никоновскую лѣтопись; впрочемъ, слѣды сего могутъ быть указаны лишь приблизительно.

Несомнѣнные же труды митрополита Кипріяна слѣдующіе.

Прежде всего, этого восемь грамотъ (Акты истор. I, №№ 7—11. 253. 255. Акты археогр. эксп. I, № 11) и четыре письма, изъ коихъ три адресованы преп. Сергію радонежскому съ его племянникомъ и ученикомъ Теодоромъ самовновскимъ и одно неизвѣстному по имени игумену („Прав. Собес.“ 1860 г., II, 84—106). Во всѣхъ ихъ видѣнъ пастырь заботливый и образованный, но все-же они не чисто литературныя произведенія, такъ какъ или имѣютъ частный интересъ и лишь біографически важное значеніе, или занимаютъ разрѣше-

ніемъ различныхъ церковно-обрядовыхъ вопросовъ, при чемъ авторъ обнаруживаетъ хорошее знаніе церковныхъ законовъ и искусство въ ихъ толкованіи и примѣненіи.

Болѣе общими наставленіями отличается „посланіе игумену Аванасію“ (Акты истор. I, № 253, стр. 474—482), котораго принимаютъ за ученика Сергіева, бывшаго настоятелемъ въ Высоцкомъ монастырѣ, основанномъ въ 1374 г. серпуховскимъ княземъ Владиміромъ Андреевичемъ. Въ 1382 г. этотъ Аванасій сопутствовалъ Кипріяну въ Кіевъ и затѣмъ въ Константинополь, гдѣ и остался въ монастырѣ св. Іоанна Предтечи, занимаясь списываніемъ книгъ; какъ кажется, туда и адресовано это письмо, ибо Аванасій, повидимому, находился далеко отъ автора. Время его составленія нужно относить ближе къ 1392 г. въ виду высказываемой въ немъ мысли о „послѣднихъ лѣтахъ“, а мысль эта всего естественнѣе могла явиться при началѣ седьмой тысячи лѣтъ отъ сотворенія міра; за это говоритъ и ссылка на „многія попеченія“, что указываетъ на недавнее утвержденіе автора на митрополіи. По своему содержанію это посланіе представляетъ отвѣтъ Аванасію, вопросившему „о нѣкоихъ потребныхъ вещехъ“, и потому изложено не особенно связно. Хотя недоумѣнія касались преимущественно общихъ началъ христіанской жизни и дѣятельности, но Кипріянь съ большою охотой занимается разъясненіемъ разныхъ церковно-обрядовыхъ постановленій и обычаевъ, чѣмъ онъ интересовался издавна. Разсужденія его отличаются обстоятельностью и трезвостію воззрѣній, напр., касательно благоразумной сдержанности при употребленіи эпитимій и мудрой осторожности въ принятіи и пользованіи церковными имуществами. Всюду авторъ руководится апостольскими и соборными опредѣленіями безъ послабленій ради утвердившихся порядковъ. Такъ, онъ прямо запрещаетъ совершеніе браковъ монашествующими, хотя примѣры этого на Руси бывали не рѣдко, особенно при вѣнчаніяхъ лицъ княжеской крови, и хотя самъ онъ иногда уступалъ сложившейся практикѣ (Ст. кн. I, 518). Въ Стоглавѣ (гл. 64 и 65) разъясненія Кипріяна насчетъ правъ церкви признаются каноническими и включаются въ число соборныхъ постановленій;

митрополитъ Петръ Могила помѣстилъ въ своемъ „Требникѣ“ его правила касательно богослуженія, а нѣкоторые изъ нихъ вошли и въ „учительное извѣстіе“, печатаемое при нашихъ служебникахъ. — Въ концѣ Кипріяна обращается къ назидательнымъ темамъ и, говоря о важности самоусовершенствованія и духовнаго бдѣнія, сильнѣйшее побужденіе къ тому находитъ въ близости кончины міра; несомнѣннымъ признакомъ послѣдняго служить для него необыкновенное развитіе пороковъ и—особенно—зависти. Это аргументъ новый и оригинальный, но онъ вѣлъ къ слишкомъ рѣзкой суровости обвинительнаго изъясненія, что съ крайностію выступаетъ уже у митрополита Фотія. Необходимость любви христіанской и учительства не просто словомъ, но и дѣломъ развита далеко не столь подробно. Впрочемъ, посланіе написано весьма вразумительно, языкомъ яснымъ и изобразительнымъ, безъ излишней многорѣчивости, и тономъ искреннимъ.

Сходно съ разобраннымъ по замыслу „Посланіе игуменомъ, и попомъ, и діакономъ, и во мнихомъ и во всѣмъ православнымъ христіанномъ“, которое яко бы находится между рукописей Московской синодальной бібліотеки и выдается за Кипріяновское (м. Евгенія Словарь I, 323; Шевырева Ист. р. слов. III, 210, прим. 10); оно доселѣ не издано.

Нѣкоторые церковные историки утверждаютъ, что прежде существовало немало поученій Кипріяна, но намъ извѣстно лишь, что въ бытность свою въ Новгородѣ онъ „нача учити (въ Софійскомъ соборѣ) людѣ новгородскія велегласно во всю церковь“ (П. С. Р. Л. IV, 99). Въ Никоновскомъ спискѣ приводятся (IV, 200—201) двѣ рѣчи, сказанныя митрополитомъ въ Новгородѣ и,—по сходству съ изложеніемъ новгородскихъ лѣтописей о тогдашнихъ событіяхъ,—ихъ можно признать довольно точнымъ (хотя бы и фрагментарнымъ) воспроизведеніемъ импровизацій Кипріяна. Онѣ немного говорятъ въ пользу его пастырской учительности: въ нихъ слышится голосъ раздраженія, стремленіе подвести непокорныхъ подъ клятву закона, а не духъ любви и кротости, допускающій суровыя мѣры только въ исключительныхъ случаяхъ; при

томъ же и новгородцы были не совсѣмъ неправы (митр. Макар. V, 89).

Гораздо выше по своимъ достоинствамъ прощальная грамота Кипріяна (Ст. кв. I, 559—562; Ник. Лѣт. V, 3—7, и др.), которую лѣтописцы называютъ твореніемъ „чуднымъ, незнаемымъ и страннѣйшимъ“; поэтому „по отшествіи сего митрополита и прочіи митрополиты рускіи, и до нынѣ преписывающе сію грамоту, повелѣвають во преставленіи своемъ, во гробъ вкладующеся, тако же прочитати во услышаніе всѣмъ“, какъ она была прочитана и при погребеніи ея перваго составителя. Указавъ на свое болѣзненное состояніе, авторъ свидѣтельствуемъ въ началѣ „святую богопреданную апостольскую вѣру и православіи истинное благочестіе“, кратко повторяя здѣсь содержаніе „исповѣданій“, дававшихся при посвященіи въ епископскій санъ, а въ заключеніе „всѣхъ православныхъ прощаетъ и благословляетъ, тако же и самъ отъ всѣхъ прощенія и благословенія требуя“, согласно распространенному среди русскихъ и исполнѣ естественному обычаю этого рода. По основнымъ своимъ идеямъ, это завѣщаніе не исполнѣ оригинально, но оно написано хорошо и задумчиво и, дѣйствительно, является предсмертнымъ наставленіемъ пастыря-отца своимъ духовнымъ дѣтямъ. А сохраненное Степенною книгой и Никоновскимъ спискомъ „философское дополненіе“ къ этой грамотѣ, съ размышленіями о суетности и скорбности жизни человѣческой и съ указаніемъ необходимости упованія на милосердіе Божіе,—повидимому неподлинно: оно нестройно въ развитіи мыслей и изложено витиевато, темно и по мѣстамъ запутанно.

„Житіе св. митрополита Петра“ (Ст. кв. I, 410—424) написано Кипріяномъ послѣ 23-го мая 1381 г., ибо въ немъ сообщается о встрѣчѣ его на Москвѣ великимъ княземъ Дмитріемъ Іоанновичемъ (Ст. кв. I, 424); затѣмъ, авторъ довольно опредѣленно высказываетъ, что бурный періодъ исканій московской митрополіи прошель, и онъ утвердился на ней прочно, что было лишь въ 1390 г.; но и теперь онъ приступилъ къ жизнеописанію не сразу и, кажется, уже послѣ 1397 г., потому что ранѣе едва ли располагалъ нужнымъ досугомъ. И сказаніе о Кипріянѣ, дѣйстви-

тельно, сообщаетъ, что это произведение составлено имъ въ селѣ Голенищевѣ среди другихъ книжныхъ работъ. Въ основѣ его, несомнѣнно, лежитъ болѣе древнее повѣствованіе о св. Петрѣ, но совсѣмъ увѣренно усвояемое епископу ростовскому Прохору, хотя о своихъ источникахъ авторъ выражается довольно туманно: „елико отъ сказателей слышахъ“. Дополненія касаются только волынского происхожденія Петра, тогдашняго состоянія Волыни и замысловъ волынскаго князя объ особой митрополіи при отправленіи въ Царьградъ святителя, но въ замѣну того опускается важное извѣстіе объ избраніи послѣднимъ на митрополію архимандрита Теодора и о пастырской дѣятельности Петра передается короче. Въ этомъ большой недостатокъ разсматриваемаго труда: Киприанъ не позаботился о собраніи всего матеріала, какой ему могъ быть доступенъ. Повидимому, онъ и не считалъ этого нужнымъ, такъ какъ желалъ лишь „похвалами украсить“ (Ст. кн. I, 558) жизнь святого, для чего часто вдается въ излишнюю витіеватость, а сильное стремленіе „встать подъ снѣгъ“ похваляемаго чудотворца увлекало его до нѣкоторой тенденціозности въ интересахъ собственной апологетики. Поэтому Киприанъ—наряду съ Пахоміемъ Логоветомъ—справедливо причисляется (проф. В. О. Ключевскимъ) къ „творцамъ новой (и нездоровой) агіобіографіи на русскомъ сѣверѣ или, по крайней мѣрѣ, къ ея первымъ мастерамъ“, съ которыми сходится и по языку, напыщенному и не всегда вразумительному. Однако его изображеніе болѣе внимательно къ исторической и художественной естественности.

Въ числѣ самостоятельныхъ трудовъ Кипріана должно назвать и его „молитву разрѣшити царя и князя и всякаго христіанина“ (у митроп. Макара IV, 370—371), написанную имъ въ Луцкѣ и впервые прочитанную при гробѣ луцкаго князя Дмитрія. Это родъ „разрѣшительной грамоты“, изложенной въ тоѣ возвышенномъ и умилительномъ.

Не меньше, если не больше, значенія въ исторіи нашего просвѣщенія имѣютъ „списанія“ и переводы (Ник. Лѣт. V, 2. Ст. кн. I, 558) Кипріана, къ чему онъ измлада чувствовалъ склонность и въ чемъ обнару-

жилъ довольно искусства и пастырской ревности. Эти труды относятся главнымъ образомъ къ церковно-богослужебной области, упорядоченіе которой всегда занимало его вниманіе; онъ ввелъ у насъ (привнесены изъ Болгаріи) новую редакцію (именно редакцію патр. Филоея † 1376 г.) Служебника (назъ которую, повидимому, болѣе или менѣе потрудился самъ), новыя редакціи главныхъ богослужебныхъ книгъ (Евангелія, Апостола, Тріоди и др.) съ текстами болѣе исправными, чѣмъ употреблявшіеся до него и искаженные писцами, а равно ввелъ и новый богослужебный уставъ (іерусалимскій—Саввы освященнаго). Изъ посланія къ псковскому духовенству мы знаемъ, что митрополитъ отправлялъ во Псковъ списки литургіи Іоанна Златоуста и Василия в., чинослѣдованія крещенія, браковѣчанія, освященія воды въ первый день августа и обряда православія—съ общаніемъ, по мѣрѣ переноски, препровождавъ и другія полезныя книги (Акты истор. I, № 8 и ср. № 35 на стр. 69). Переносчикъ рукописи московскаго Успенскаго собора 1403 г. восхваляетъ его за то, что при немъ церковъ Божіи „исправленіемъ книжнымъ... свѣтлѣется паче солнечныхъ зарей“ (см. проф. А. И. Соболевскій, Переводная литература Моск. Руси XIV—XVII вв., Спб. 1903, стр. 13). Совершенно несомнѣнно, что Кипріану принадлежатъ переписаніе „Лѣтвицы“ св. Іоанна Лѣтвичника (автографъ коей въ Московской Духовной Академіи № 152) и „Псалтыри“, подходящей по составу къ „слѣдованной“. Безспорно также, что Киприанъ хорошо былъ знакомъ съ трудами своего покровителя патріарха константинопольскаго Филоея, но что именно было переведено изъ нихъ нашимъ митрополитомъ, — не можетъ быть опредѣлено съ полною точностію. Всего чаще надписываются его „потруженіемъ“ канонъ и молитва на поганые, канонъ „о гобзніи плода“, канонъ молебень „о усобицѣ бранехъ иноплемненнымъ“, нѣсколько молитвъ. О переводахъ Кипріана сотрудникъ Максима Грека Нилъ Курлятевъ далъ плохой отзывъ, но таковой не воплотъ справедливъ, а мнѣніе о „негораздоумъ разумнѣи“ Кипріаномъ греческаго языка и совершенно ложно. Вообще же Киприанъ, будучи „любодѣтельною пчелой“, немало поработалъ на пользу русскаго

просвѣщенія и въ этихъ интересахъ самъ много книжныхъ сокровищъ вывезъ изъ Константинополя и славянскихъ земель и другимъ поручалъ заботы въ этомъ смыслѣ. Въ итогѣ—литературная дѣятельность Кипріана заслуживаетъ не меньшаго почтенія, чѣмъ и пастырская.

Литература о митрополитѣ Кипріанѣ. О. А. В. Горскій, Св. Кипріанъ, митрополитъ Кіевскій и всея Россіи (въ VI й части „Прибавленій къ твореніямъ святыхъ отцовъ“, Москва 1848, стр. 295—369). А. Л. († Архим. Леонидъ Кавелинъ), Кипріанъ до восточества на Московскую митрополию (въ „Чтеніяхъ Московскаго Общества исторіи и древностей российскихъ“ 1867 г., кн. II, отд. 1, стр. 11—32). † Проф. И. Д. Мансветовъ: О трудахъ митрополита Кипріана по части богослуженія (въ „Прибавленіяхъ къ твореніямъ святыхъ отцовъ“ 1882 г. кн. I, стр. 152—205; кн. II, стр. 413—495; кн. III, стр. 71—175); Митрополитъ Кипріанъ въ его литературной дѣятельности, Москва 1882. Архим. (епископъ) *Инокентій* (Вѣляевъ), Постриженіе въ монашество (Вильна 1899), ч. II, гл. 2. Проф. прот. М. И. Орловъ, Литургія св. Василія Великаго (Спб. 1909), стр. LII—LX: „Существенныя свѣдѣнія о литургическ. дѣятельности митрополита Кипріана“. Н. Н. Глубоковский, Св. Кипріанъ, митрополитъ всея Россіи, какъ писатель (въ „Чтеніяхъ въ Обществѣ любителей духовнаго просвѣщенія“ 1892 г., № 2, стр. 358—424 и въ „Русскомъ биографическомъ словарѣ“, томъ: Ибакъ-Ключаревъ, Спб. 1897, стр. 636—644). † Прот. М. С. Боголюбскій, Московская іерархія: Митрополиты (въ „Чтен. въ Общ. люб. дух. просв.“ 1894 г., № 9, стр. 454—457). † Митр. *Макарій* въ Исторіи русской церкви (т. IV и V). † Архiep. *Филаретъ*: Исторія русской церкви (кн. II) и Обзоръ русской духовной литературы (§§ 74—75). Особенно см. у проф. Е. Е. Голубинскаго, Исторія русской церкви, т. II (Москва 1900), стр. 297—356 и выше въ рѣчи о св. Алексѣѣ и о Митѣ. Исторія литературы *Щегирева* (ч. II и III), *Галахова* и *Порфирьева* (ч. I). Ср. у П. Гр. *Васенко*, Цит. соч. и брошюра: Трегубовская степенная, Спб. 1907, изъ „Извѣстій отдѣленія русскаго языка и словесности Академіи Наукъ“ и у А. Н. Якимирскаго, Григорій Памблукъ: очеркъ его жизни, административной и книжной дѣятельности, Спб. 1904. О болгарскомъ происхожденіи Кипріана и его рукописяхъ—автографъ см. рефератъ архим. († еписк.) *Амфилохія* въ „Трудахъ 3-го Археологическаго съезда“. Проф. В. С. *Иконниковъ*, Опытъ русской историографіи, т. II, кн. 2 (Кіевъ 1903), стр. 1308—1349. V XXXVII—XXXVIII (о Степен. книгѣ). Источники: Acta patriarchatus Constantinopolitani ed. Fr.

Mikloschich et Joh. Müller, II; „Полное собраніе русскихъ лѣтописей“, кн. III, IV, V, VI—по указателю; „Никоновская лѣтопись“—ч. IV и V; „Русская Историческая Библиотека“ ч. VI; „Степенная книга“ I и др.

Н. Глубоковский.

Кипріанъ (*Староруссенниковъ*), митрополитъ новгородскій, великолуцкій и всего поморья, великороссіянинъ, родился въ концѣ XVI в. и умеръ 17 декабря 1635 года. Въ 1611 г. онъ былъ архимандритомъ новгородскаго Хутынскаго монастыря и много страдалъ отъ шведовъ за хожденіе въ Москву съ прошеніемъ о помощи. Въ 1620 г. 8 сентября хиротонисанъ въ перваго архіепископа сибирскаго и тобольскаго. Извѣстны труды его по устройству новоучрежденной сибирской епархіи, по обращенію сибирскихъ язычниковъ въ православіе и по обузданію правыхъ сибиряковъ. Въ 1624 г. 15 февр. по государевой и патриаршей грамотѣ вызванъ въ Москву и 12 декабря возведенъ въ санъ митрополита сарскаго и подонскаго, или крутицкаго, въ ближайшіе помощники патриарху Филарету. Въ 1626 г. 20 окт. перемещенъ на новгородскую митрополию. Принималъ дѣятельное участіе въ избраніи на патриаршество Іоасафа. Онъ первый положилъ начало „Сибирской лѣтописи“, записавши со словъ казаковъ-товарищей Ермака Тимофеевича—извѣстія о всѣхъ обстоятеляхъ ихъ прихода въ Сибирь, столкновеніяхъ съ туземцами и др.; имена убитыхъ казаковъ записалъ въ синодикъ соборной церкви. Кромѣ „Кипріановой лѣтописи“, или „Записки о походахъ Ермака и его товарищей“, извѣстны еще: „Духовная грамота митрополита“ (Собр. лѣт. IV, 179; III, 188); „Распорядительная его грамота, между прочимъ, объ отобраніи устава, печатаннаго уставщикомъ Логгиномъ“; „Переписка его во время сношеній Новгорода съ Швеціей“ (Акты ист. III, №№ 186, 221, 228, 333 и дополн. II, №№ 13—15); „Грамота съ запрещеніемъ принимать шведскихъ перебѣжчиковъ“ (Опис. Солов. м.—ря, ч. III, стр. 214); „Канонъ и стихиры въ честь Ризы Господней, подаренной Михаилу Феодоровичу персидскимъ шахомъ Аббасомъ“.

Литература. М. Евгений, Словарь, 329; архіеп. *Филаретъ*, Обзоръ, 234; м. *Макарій*, Исторія, т. XI; прот. *Сулжикій*, Тобол. и Томск. архипастыри; К. Я. *Здравомысловъ*, Іерархи

Новгород. епархіи; „Странникъ“ 1864 г. № 8; „Прав. Обоз.“ 1866 г. № 8, стр. 377; „Чтеніе въ Общ. вѣст. и др. Росс.“ 1862 г. I, 93; „Жур. Мѣн. Нар. Просв.“ 1849 г. ч. 64, стр. 1—8 и 1854 г. № 2 и мѣн. др. [ср. и „Русскій біографическій словарь“, томъ „Ибакъ-Киячаревъ“, стр. 646].

К. Здравомысловъ.

Кипріянь Жоховскій, униатскій западно-русскій митрополитъ (1674—1693 г.), родился въ Литвѣ, а образованіе свое закончилъ въ римской коллегіи св. Аванасія, при чемъ былъ удостоенъ степени доктора богословія. Съ 1665 г. Кипріянь Жоховскій становится извѣстнымъ среди дѣятелей западно-русской униі въ качествѣ архимандрита Дерманскаго и Дубенскаго монастырей. Въ 1668 г. онъ былъ назначенъ архимандритомъ Леотинскаго монастыря, а въ 1671 г. былъ призванъ тогдашнимъ униатскимъ митрополитомъ Гавріиломъ Колендою въ помощники себѣ въ званіи епископа витебскаго и мстиславскаго и вмѣстѣ коадьютора полоцкой архіепископіи. Послѣ смерти м. Гавріила Коленды въ 1674 г., Кипріянь Жоховскій былъ избранъ и утвержденъ въ должности униатскаго митрополита. Кипріянь Жоховскій до самой смерти сохранилъ за собою и полоцкую архіепископію. Продолжительное время управленія Кипріяна Жоховскаго западно-русскою униатскою церковію, по справедливости, составляетъ одну изъ важѣйшихъ эпохъ въ исторіи этой послѣдней. Сильный умъ, хорошее образованіе, практическій талантъ организатора и горячая преданность дѣлу побуждали Кипріяна Жоховскаго, а современные историческія условія, — особенно наступившее тогда внутреннее успокоеніе Польши послѣ бывшихъ войнъ и примиреніе ея съ Москвою, — давали ему возможность заняться внутреннимъ устройствомъ и дальнѣйшимъ упроченіемъ западно-русской униатской церкви. Этой послѣдней цѣли Кипріянь Жоховскій стремился достигнуть двумя путями: съ одной стороны, возвышеніемъ образовательнаго уровня униатскаго духовенства и религіозно-нравственнаго состоянія всей вообще своей паствы, а съ другой стороны, обращеніемъ православныхъ западнорусовъ въ унию. Къ 1680г. положеніе униі было настолько прочно, по мнѣнію Кипріяна Жоховскаго, что онъ задумалъ было предпри-

нять новую попытку обращенія всей западной Руси въ унию, подобную той, какую устроили Ипатій Поцѣй и Кириллъ Терлецкій сто лѣтъ тому назадъ. Въ январѣ 1680 г., съ согласія короля Яна III Собѣскаго, предполагено было устроить Люблинскій съѣздъ и на немъ подготовить новое и, какъ казалось инициаторамъ дѣла, окончательное и полное, соединеніе Западной Руси съ римскимъ костеломъ. Кипріянь Жоховскій вмѣстѣ со своими сподвижниками имѣли тѣмъ болѣе права заранѣе торжествовать свою побѣду, что и нѣкоторые изъ среды православныхъ западно-русскихъ епископовъ сочувствовали и содѣйствовали его предпріятію. Однако-же православными дѣтелями, особенно православными западно-русскими братствами были своевременно приняты мѣры, благодаря которымъ затѣя Кипріяна Жоховскаго не удалась. Кипріянь Жоховскій старался вознаграждать себя за понесенную неудачу тѣмъ, что въ 1689 г. устроилъ весьма торжественное празднованіе столѣтняго юбилея униі (со времени начала приготовленій ко введенію Брестской униі 1595 г.) и путемъ насильственныхъ захватовъ превращалъ на унию разные православные монастыри и церкви. Среди православныхъ западно-руссовъ надолго сохранилась память о Кипріянь Жоховскомъ, какъ объ одномъ изъ жестокихъ гонителей „благочестія“. Наоборотъ, латино-униатскіе историки не находятъ словъ для восхваленія великихъ подвиговъ его. Кипріянь Жоховскій извѣстенъ въ литературѣ своимъ сочиненіемъ подъ заглавіемъ: *Colloquium Lublinense, Zamocs 1680*, въ которомъ описывается вышеупомянутый Люблинскій съѣздъ 1680 г. Кипріянь Жоховскій умеръ 2 октября 1693 г. и погребенъ въ Супрасльскомъ монастырѣ.

Литература. † Проф. И. А. Чистовичъ, Очеркъ исторіи западно-русской церкви. Спб. 1884, ч. II, стр. 394—396; *Stetelskiego, Ostatnie prace. Scriptores rerum Polonicarum*, t. IV, p. 276 и Dr. Jul. Pelesz. *Geschichte der Union der ruthenischen Kirche mit Rom*, Wien. 1888, Band 2, S. 274—288.

Протоіерей *Ө. Титовъ.*

Кипріянь, въ мѣрѣ Ксенофонтъ, бывшій расколуучитель, потомъ монахъ Балаамскаго монастыря; умеръ послѣ 1792 г.

Онъ происходилъ изъ крестьянъ Цывозерской волости, Устюжскаго уѣзда и уже въ зрѣломъ возрастѣ сдѣлался послѣдователемъ пастуха Василя Степанова, основавшаго такъ наз. „Пастуховское согласіе“. За распространеніе своего ученія Кипріанъ, по доносу мѣстнаго священника, былъ взятъ полиціей. Фанатичный расколоучитель держался крайне дерзко съ представителями власти и тѣмъ навлекалъ на себя съ ихъ стороны жестокое обращеніе. Его возили въ Устюгъ, Вологду и потомъ помѣстили для увѣщанія въ Александро-Невскую лавру. Здѣсь увѣщанія митр. Гавріила обратили упорнаго расколника къ православію. Обстоятельства своего обращенія Кипріанъ самъ разсказалъ въ книгѣ: „Краткая повѣсть о обращеніи изъ раскола многогрѣшнаго Ксенофонта, а по постриженіи во иночество Кипріана...“ и т. д., М. 1798 и 1806 г.

См. „Русскій биографическій словарь“ (Иб.—Кл.), изд. подъ наблюден. А. А. Половцева, Спб. 1897, стр. 645—646.

Ан. С-въ.

Кипръ, островъ, лежитъ въ сѣверо-восточномъ углу (подъ $34^{\circ} 33'$ — $35^{\circ} 41'$ сѣверной широты и подъ $32^{\circ} 17'$ — $34^{\circ} 36'$ восточной долготы) Средиземнаго моря, близъ сходящихся между собою береговъ Киликіи и Сиріи. Отъ сѣверной конечности его до ближайшихъ береговъ Киликіи — 46 англійскихъ миль (около 70 верстъ), а отъ восточной конечности до сирійскаго побережья — 60 англ. миль (около 95 вер.). Так. обр. съ береговъ Кипра, съ высоты уровня моря можно видѣть всю лівійскую киликійскаго побережья, тогда какъ ливанскія горы, при восходѣ солнца, замѣтны съ Кипра съ возвышенности въ 2.260 футовъ близъ Ларнаки. Наибольшая ширина острова, между сѣверною и южною конечностями его, — 60 англ. миль (около 95 верстъ), наибольшая длина его, между восточною и западною конечностями, — 145 англ. миль (около 219 верстъ). Весь островъ занимаетъ площадь въ 3.707 кв. миль; слѣд., по пространству Кипръ больше Корсики или Крита, но меньше Сициліи или Сардиніи. Островъ состоитъ изъ двухъ горныхъ массивовъ, раздѣленныхъ между собою широко низменною равниной.

Въ древнемъ мірѣ и въ эпоху среднихъ вѣковъ Кипръ былъ извѣстенъ своею мѣдью, получившею свое имя отъ названія острова, и строевымъ лѣсомъ. Залежи мѣди въ средніе вѣка уже истощаются. Желѣзо добывалось на островѣ съ IX-го вѣка до р. Хр., но въ меньшемъ, по сравненію съ мѣдью, количествѣ. Плиній говоритъ (Hist. natur. XXXIV, 2), что въ его время на островѣ добывалось желѣзо только низшаго качества. Въ римскую эпоху здѣсь изготовляли также много стекла (ibid. XXXVI, 193). Лѣсъ не совсѣмъ еще исчезъ въ эпоху римской имперіи, хотя онъ служилъ предметомъ непрерывнаго вывоза съ острова (Страбонъ XIV, 5). На островѣ всегда производилось много вина, масла, аниса. Во время Августа на островѣ урожай хлѣба былъ достаточенъ для собственнаго населенія (ibid. XIV, 5); избытокъ его вывозился и теперь. Ладанъ и смола служили предметомъ вывоза во времена римской имперіи (Плиній, Hist. natur. XII, 74, XIV, 123, XXIV, 34). По свидѣтельству Плинія (ibid. XXVII, 23, 58, 121) и Страбона (III, 15) на островѣ попадались также драгоцѣнные камни, добывались также квасцы, гипсъ и соль (Hist. natur. XXXVI, 183; XXXI, 75, 84).

Мѣдь и строевой лѣсъ, пока запасы ихъ не истощились, сообщали острову важное значеніе въ коммерческомъ и культурномъ отношеніи. Въ древнѣйшую эпоху на островѣ было значительное населеніе, стоявшее на довольно развитой ступени культуры. Кипрская мѣдь вывозилась, въ Сирію, Киликію и, по всей вѣроятности въ Египетъ, Малую Азію и даже въ центральную Европу. Вліяніе кипрской керамики сказывалось въ Сиріи и въ Малой Азіи. Кипрскія тонкія издѣлія находятъ въ Египтѣ, южной Палестинѣ, Ассирии, Троадѣ.

Кипръ былъ завоеванъ Тутмесомъ III, фараономъ XVIII-й династіи (1503—1449 г. до р. Хр.), и сдѣлался данникомъ Египта. Въ слѣдующій періодъ исторіи острова на немъ находятъ слѣды Микенской культуры. Столкновеніе съ вышею культурой имѣло важное значеніе для туземнаго населенія. Около этого времени стали разрабатывать богатые залежи желѣза сначала для украшеній, а затѣмъ для изготовленія оружія и др. предметовъ. Островъ, особенно города

Куріонъ и Саламинъ,—становятся центрами греческой колонизаціи. На островъ входят въ употребленіе примитивный эолическій диалектъ и особенное силлабическое письмо, которое не могло быть вытѣснено греческимъ алфавитомъ до IV-го столѣтія (до р. Хр.). Съ другой стороны, на островѣ находятъ еще болѣе ранніе слѣды воздѣйствія другой культуры. Къ IX-му вѣку относятся открытія на островѣ финикійскія надписи. Центромъ финикійской культуры былъ городъ Килтіонъ (современная Ларнака). По всей вѣроятности, финикійскія и греческія поселенія, бокъ-о-бокъ другъ съ другомъ, были разсѣяны по всему острову. Килтіонъ, а можетъ быть и весь Кипръ, въ X—VIII вѣкахъ были, по временамъ, данниками Тира (Иосифъ Флавій, Противъ Апіона I, 18; Древности VIII, 5 : 3; X, 14). Затѣмъ, въ 709 г. Кипръ, вмѣстѣ съ Финикією, былъ завоеванъ Саргономъ. Позднѣе Асаргадонъ и Ассурбанипалъ упоминаютъ въ числѣ своихъ данниковъ двѣнадцать царей Кипра, изъ коихъ нѣкоторые носятъ греческія имена, а самый островъ въ ассирійскихъ надписяхъ носитъ названіе „Іавна“ (Ionia).

Около 560 г. Кипръ былъ завоеванъ и присоединенъ къ Египту, Амазисомъ (Геродотъ II, 182), а потомъ, послѣ паденія Египта въ 525 г., былъ подчиненъ Камбизомъ Персін (ibid. III, 19, 21). Въ 501 г. кипрскіе греки, желая выразить свою солидарность съ греческимъ населеніемъ Іоніи, подняли возстаніе противъ персовъ, но безуспѣшно. Возстаніе было подавлено, и въ 480 г. Кипръ сварядилъ 150 кораблей для флота Ксеркса (ibid. VII, 90). Не смотря на возобновлявшіяся попытки присоединить островъ къ Аѳинамъ, Кипръ въ теченіе V-го вѣка остается въ зависимости отъ Персін, но торговля мѣдью ведется, главнымъ образомъ, съ Аѳинами, доставлявшими, въ замѣнъ, керамическія и бронзовыя издѣлія. Въ началѣ IV-го столѣтія Эвагору удалось поставить Саламинъ во главѣ кипрскихъ государствъ, и онъ произвелъ возстаніе противъ Персін. Однако финикійскій элементъ былъ противъ него, греки же, по обыкновенію, раздѣлились,—и возстаніе не удалось. Послѣ битвы при Иссъ, кипрскія государства добровольно подчинились Александру в. и дѣятельно

помогали ему при осадѣ Тира и флотомъ и доставкою строевого лѣса. По смерти Александра великаго (въ 323 г.) Кипръ, вмѣстѣ съ Египтомъ, достался Птолемею, но, послѣ морского сраженія и упорной осады Саламина (Диодоръ XX, 759—761), имъ завладѣлъ Димитрій Полиаркетъ. Впрочемъ, въ 295 г. Птоломей снова завладѣлъ островомъ, и онъ надолго остался присоединеннымъ къ Египту. Въ это время мы впервые встрѣчаемъ на островѣ іудейскія поселенія (1 Макк. 15, 23). Нѣкоторое время (107—89 г. до р. Хр.), при Птоломѣѣ Лаэртѣ, Кипръ представлялъ собою отдѣльное, хотя и зависимое, государство. Въ 58 г. Кипръ былъ присоединенъ къ римскимъ владѣніямъ, въ видѣ залога за ссуду, взятую въ Римѣ Птолемеємъ Авлеатомъ. Затѣмъ онъ былъ присоединенъ къ провинціи Киликіи, а послѣ сраженія при Акциумѣ, былъ превращенъ Августомъ въ отдѣльную провинцію. Пока на востокѣ Риму угрожала опасность, Кипръ, вмѣстѣ съ соседними областями, принадлежалъ къ числу императорскихъ провинцій и управлялся пропретеромъ (Діонъ Кассій ЕІІІ, 12; Страбонъ XIV, 683). Засимъ Кипръ былъ перечисленъ въ разрядъ сенатскихъ провинцій. Изъ проконсуловъ, управлявшихъ Кипромъ, извѣстны: Сергій Павелъ (46 г. р. Хр.; Дѣян. 13, 7), Юлій Кордъ, Анній Вассъ (52 г.).

Изъ городовъ, бывшихъ важными административными пунктами острова, нужно упомянуть Пафъ въ западной половинѣ острова и Саламинъ на восточной сторонѣ, обязанный своимъ возвышеніемъ близости къ сирійскому побережью. Эти города были соединены между собою двумя дорогами; одна, протяженіемъ въ 4 дня пути, шла внутренними областями острова, а другая, болѣе краткая (три дня пути), — южнымъ побережьемъ.

Иудеи появляются въ большомъ количествѣ на островѣ при Птоломеяхъ. Приливъ ихъ могъ усилиться послѣ того, какъ Иродъ в. взялъ въ аренду кипрскіе мѣдные рудники. (Иосифъ Флавій, Древности XVI, 4 : 5. XIX, 26. 28). По всей вѣроятности, въ Саламинѣ была не одна іудейская синагога (Дѣян. 13, 5).

Послѣ смерти первомученика Стефана, христіанство проникаетъ въ Кипръ (Дѣян.

11, 19), и вскорѣ послѣ этого киприане выступаютъ съ проповѣдью христіанства въ Антиохіи (Дѣян. 11, 20). Изъ кипрскихъ христіанъ намъ извѣстны: Мнасонъ, „давній ученикъ“ (Дѣян. 21, 16), и Іосія Левитъ, прозванный Варнавою, другъ и спутникъ Ап. Павла (Дѣян. 4, 36).

Въ 117 г. іудей прозвели взбіеніе 240 тысячъ язычниковъ и разрушили большую часть Саламина, но были усмиренны императоромъ Адріаномъ и изгнаны съ острова (Millan, III, 111—112).

Съ утвержденіемъ христіанства на островѣ, онъ раздѣляеъ былъ на 13 епископій. Кипрскій соборъ 401 г., подъ давленіемъ Теофила александрійскаго, запретилъ чтеніе сочиненій Оригена.

Названіе Кипръ не встрѣчается въ Ветх. Заветѣ, но островъ и городъ Китіонъ якобы подразумеваются тамъ подъ именемъ „Kittim“ (см. ниже „Китимъ“), какое название Іосифъ Флавій отождествляетъ съ словомъ Кипръ. (Древности I, 6 : 1).

Литература. Cobham, An Attempt at a Bibliographie of Cyprus, 1894. Engel, Kypros, I—III Bände, Berlin 1841. Unger und Kotschy, Die Insel Cypern, Wien 1865—1866. Oberhammer: Aus Cypern, Berlin 1890—1892; Studien zur alten Geographie von Cypern, München 1891; A Dictionary of the Bible ed. by J. Hastings I, p. 539—540 [Cheyne, Encyclopaedia biblica I, 975—977. «The Jewish Encyclopedia» IV, 400—401. Vigouroux, Dictionnaire de la Bible II 1166—1171. Wetzer und Welte, Kirchenlexikon III, 1266—1273. Vacant et Mangenot, Dictionnaire de théologie catholique II, 2424—2472. W. Smith, A Dictionary of the Bible I, 376—378. Guthe Kurzes Bibelwörterbuch, S. 112. Mart. Hagen, Lexicon Biblicum I, col. 1030—1031. † о. П. Θ. Солярскій, Библ. Словарь II, 415—416. Брокгаузъ и Ефронъ, Энциклопедическій словарь XV (29), 89—90, гдѣ указана русская литература. И. А. Артоболевскій, 1-е путешествіе св. Ап. Павла, Св.-Тр. Лавра 1900, стр. 59 сл. R. v. Lichtenberg, Beiträge zur ältesten Geschichte von Kypros въ «Mitteilungen der Vorderasiatischen Gesellschaft» XI (1906), 2: ср. «Biblische Zeitschrift» V (1907), 1, S. 90].

Н. Мушинъ.

Кипръ — въ христіанской исторіи. Прошлая политическая исторія острова представляетъ смѣну вѣдствительствъ здѣсь римлянъ, византійцевъ, сарацинъ, франковъ-латинянъ, турокъ, египетскаго паши

Мегмета-Али. Во время берлинскаго конгресса Англія настояла на уступкѣ ей Кипра, подѣлгогомъ временной оккупации, которая и дана британскому правительству конвенціей отъ 1—13 іюня 1878 г. Но и теперь островъ находится подъ управленіемъ Англіи, съ признаніемъ номинальнаго владычества высокой Порты. Въ послѣднее время въ греческой печати усиленно защищался проектъ о политическомъ присоединеніи Кипра къ Греціи. По свѣдѣніямъ отъ 1901 года, на островѣ было 237.022 жителей, изъ нихъ 183.239 православныхъ, 51.309 магометанъ, а остальные—католики, протестанты и евреи. Изъ городовъ на Кипрѣ извѣстны: Левкосія (=Никосія, Ледросъ), Ларнакъ (=Китіонъ), Лемассосъ (=Немесосъ, Неаполь), Пафъ, Киринія, Фамагуста (=Аммохустъ, Арсиноя), Тамазосъ, Соли, Тримнуатъ. Въ административномъ отношеніи Кипръ зависить непосредственно отъ министра колоній Великобританіи и управляется губернаторомъ, назначаемымъ на пять лѣтъ. На островѣ существуютъ два совѣта — исполнительный, состоящій изъ шести членовъ, назначаемыхъ непосредственно губернаторомъ, и законодательный, состоящій изъ 18 членовъ, въ числѣ которыхъ шесть англичанъ, назначаемыхъ правительствомъ, девять христіанъ и три мусульманна, избираемыхъ жителями на четыре года. Островъ раздѣляется на шесть округовъ, каждый изъ которыхъ именуется по названію своего главнаго города (Левкосія, Ларнакъ и т. д.), въ которомъ живетъ гражданскій начальникъ округа; окружные начальники назначаются исключительно изъ англичанъ. Въ судебномъ отношеніи Кипръ составляетъ отдѣльный округъ съ судебной палатою (въ Левкосіи), членами которой состоятъ одни англичане; въ другихъ городахъ существуютъ шесть окружныхъ судовъ съ предсѣдателями изъ англичанъ и двумя товарищами предсѣдателя, одинъ изъ которыхъ долженъ быть христіанинъ, а другой—мусульманинъ; наконецъ, на островѣ имѣется шесть мировыхъ судей, которые назначаются пѣз жителей Кипра. Окружные суды засѣдаютъ одинъ или два раза въ годъ въ городахъ округовъ. Населеніе острова занимается хлѣбопашествомъ, скотоводствомъ, шелководствомъ, выдѣлкою ковровъ, глиняной посуды и кожъ. Главные

предметы вывоза — вино, ячмень, пшеница и особенно южные фрукты, которые отправляются преимущественно въ Англію, Францію, Италію и Россію. Предметы ввоза — ткани, лекарства, техническія принадлежности, табакъ, кофе, сахаръ и т. п., привозимые изъ Египта, Англіи, Австріи, Турціи и Греціи. Культурная жизнь на островѣ постепенно повышается. Здѣсь въ недавнее время издавались или теперь издаются журналы и газеты: „*Ἀλήθεια*“ (въ Лемносѣ), „*Σάλπιγξ*“ (тамъ же), „*Κυπριακός Κήρυξ*“ (тамъ же), „*Φωνὴ τοῦ Κύπρου*“ (въ Левкосіи), „*Cyprus Gazette*“ (тамъ же, — официальное англійское изданіе), „*Times of Cyprus*“ (въ Ларнакѣ), „*Ἐνωσις*“ (тамъ же), „*Χριστιανικὴ Ἀλήθεια*“ (въ Левкосіи) и другія.

Литература. Σακελλάριος. Τὰ Κυπριακά, ἡτοι γεωγραφία, ἱστορία, καὶ γλῶσσα τῆς νήσου Κύπρου ἀπὸ τῶν ἀρχαιότατων χρόνων μέχρι σήμερον т. I—III. Ἀθήναι 1891; *Meursius*, *Creta, Cyprus, Rhodus sive de nobilissimarum harum insularum rebus et antiquitatibus commentarii*, Amstelodami 1675; *Engel*, *Kypros*, Bd. I—III, Berlin 1841; *Danville*, *Mémoire sur la géographie de l'île de Chypre* («*Mémoires de l'Académie des inscriptions et belles lettres*», т. XXXII); *Laconoix*, *Iles de la Grèce*, Paris 1853; *Cesnola*, *Cyprus, its Ancient Cities, Tombs and Temples*, London 1877; *Cyprus: Commercial report*, London 1863; *Mis. de Sasepau*, *Chypre* («*Revue de géographie*» 1878, т. III); *Deschamps*, *Au pays d'Aphrodite*, Paris 1897. Дополнительныя свѣдѣнія о литературѣ помѣщены въ библиографическомъ указателѣ слѣдующей статьи.

И. И. Соколовъ.

Кипрская православная церковь.—Островъ Кипръ образуетъ особую автокефальную православную церковь, историческая судьба которой представляется весьма интересной въ научномъ отношеніи и важной.

Исторію кипрской православной церкви можно раздѣлять на *четыре* періода. *Первый* періодъ обнимаетъ время отъ основанія ея и до водворенія на островѣ латинянъ (45—1191 г.), *второй*—совпадаетъ съ эпохою латинскаго господства на Кипрѣ (1191—1571 г.), *третій* періодъ обнимаетъ время турецкаго владычества на островѣ (1571 — 1878 г.) и, наконецъ, *четвертый* періодъ совпадаетъ съ новѣйшимъ временемъ англійскаго протектората надъ островомъ (съ 1878 г. и доннынѣ).

I. Христіанство распространилось на Кипрѣ во времена апостольскія и связывается съ проповѣдническою дѣятельностью Апостоловъ Варнавы, родомъ кипріянина (Дѣян. 4, 36—37) и св. Павла, которые были въ городѣ Саламинѣ и проповѣдывали слово Божіе въ синагогахъ іудейскихъ, а потомъ прошли весь островъ до Пафа и обратили ко Христу проконсула Сергія Павла (Дѣян. 13, 4—13). Кромѣ того, кипряне были въ Іерусалимѣ въ день Пятидесятницы и слышали проповѣдь апостола Петра (Дѣян. 11, 19—20), а послѣ апостольскаго іерусалимскаго собора многие христіане, избѣгая гоненій, переселились на Кипрѣ. Варнава и вторично былъ на Кипрѣ вмѣстѣ съ Іоанномъ, называемымъ Маркомъ (Дѣян. 15, 37, 39), здѣсь провелъ послѣдніе годы, потерявъ мученическую кончину отъ іудеевъ, которые били его камнями и былъ погребенъ въ пещерѣ близъ Саламина. Вѣроятно, на Кипрѣ Апостолъ Варнава написалъ и свое „Посланіе“—въ назиданіе тѣхъ изъ своихъ единоплемениковъ, которые и послѣ принятія христіанства продолжали исполнять обрядовой законъ Моисея. Трудами Апостоловъ Варнавы и Павла на Кипрѣ было основано нѣсколько отдѣльных общинъ, во главѣ которыхъ стояли ихъ ученики. Они продолжали проповѣдническую миссію на островѣ и еще болѣе укрѣпили здѣсь Христову вѣру. Но въ то время, какъ греческое населеніе острова сочувственно относилось къ христіанству, многочисленныя іудеи, жившіе на Кипрѣ, оказывали ему сильное сопротивленіе и, наконецъ, объявили христіанамъ жестокою войну. Въ 116 г. они, подъ предводительствомъ Артеміона, истребили до 24.000 христіанъ и разрушили г. Саламинъ. Римляне жестоко наказали іудеевъ за это возстаніе, носившее и противоправительственный характеръ. Военачальникъ Лисій, посланный императоромъ Траяномъ во главѣ римскихъ легіоновъ, истребилъ на островѣ почти всѣхъ евреевъ: спаслись только тѣ, которымъ удалось бѣжать. Кромѣ того, былъ изданъ законъ (недолго, впрочемъ, примѣнявшійся), которымъ было запрещено іудеямъ поселяться на островѣ. Гоненія на христіанъ со стороны римскаго правительства и іудеевъ сопровождались и на Кипрѣ многочисленными фактами муче-

ничества въ первые вѣка существованія мѣстной церкви, а минологіи называютъ и многихъ святыхъ изъ церковныхъ дѣятелей Кипра. Такъ, Іоаннъ Маркъ, племянникъ Варнавы (Колос. 4, 10), бывший его со-трудникомъ и помощникомъ въ устройствѣ кипрской церкви, послѣ мученической его кончины—по нѣкоторымъ сказаніямъ—удалился въ Малую Азію и былъ рукоположенъ въ епископа Аполлоніады, гдѣ мученически скончался (σὺν λίθοις κρεμασθεὶς). Затѣмъ, Гираклидись, первый епископъ Тамаса, рукоположенный Апостолами Павломъ и Варнавою, построившій много церквей, совершившій много чудесъ и вообще, оказавшій большое вліяніе на распространіе христіанства на Кипрѣ, мученически скончался въ Саламинѣ (память 17 сентября). Въ Саламинѣ мученически скончался и Аристѳонъ, епископъ Кипра. Аристовулъ, братъ св. Варнавы, одинъ изъ 70-ти Апостоловъ Господа, былъ рукоположенъ Апостоломъ Павломъ въ епископа Бретаніи, гдѣ и скончался послѣ многихъ мученій (память 15 марта). Мнасонъ кипрянинъ (Дѣян. 21, 16) былъ епископомъ острова и скончался здѣсь смертію мученика, утѣченный мечемъ (память 19 марта). Еуфрастъ, одинъ изъ 70-ти учениковъ Господа, упоминаемый въ посланіяхъ Ап. Павла къ Колос. 4, 12 и Филим. 23, былъ первымъ епископомъ Пафа, куда онъ былъ рукоположенъ Гираклидисомъ по повелѣнію св. Варнавы, и также скончался мученически (память 19 іюля). Тихикъ, по повелѣнію Ап. Павла, былъ рукоположенъ Гираклидисомъ въ епископа Неаполя на Кипрѣ. Филагорій, ученикъ Ап. Павла былъ епископомъ на Кипрѣ, гдѣ училъ народъ вѣрѣ Христовой и скончался; память его 9 февраля. Лазарь, послѣ воскресенія Господомъ, прибылъ по предавію на Кипръ и былъ здѣсь епископомъ Кітія, гдѣ и теперь показывается его пустой гробъ, такъ какъ мощи его около 890 г. были перенесены императоромъ Львомъ VI Мудрымъ въ Константинополь. Титъ, ученикъ Ап. Павла, былъ родомъ изъ города Пафа на Кипрѣ, гдѣ потомъ и подвергся мученію. Сергій Павелъ, римскій проконсулъ, обращенный ко Христу Ап. Павломъ, умеръ по предавію епископомъ Нарбонны. Никаворъ кипрянинъ, одинъ изъ семи первыхъ діаконъ въ Іерусалимѣ, также скончался муче-

нически. Вообще, кипрская православная церковь въ первые вѣка христіанства была прославлена многими святыми и мучениками, имена которыхъ отъ-части сохранины въ историческихъ источникахъ (см., напр., Хронику Леонтія Махера у Σάθας, Μεσαιωνική Βιβλιοθήκη т. II, с. 62—72). Второй и третій вѣка въ исторіи этой церкви были ознаменованы преимущественно горячею привязанностію кипрянъ къ православной вѣрѣ, которая и создала здѣсь многихъ исповѣдниковъ и мучениковъ. Другіе же факты изъ церковной исторіи острова за это время очень темны и рѣдки. Болѣе ясныя свѣдѣнія относятся къ четвертому вѣку.

Древнѣйшій изъ хронографовъ Кипра Леонтія Махера (1410 г.) рассказываетъ, что островъ посѣтила на обратномъ пути изъ Іерусалима равноапостольная царица Елена (327 г.), мать Константина в., вышедшая на берегъ въ мѣстности Маріонъ или Маринъ, на восточной сторонѣ Кипра. Пораженная малонаселенностію вѣкогда цвѣтущаго острова, благочестивая царица построила въ Василлотамѣ и Тогвѣ церкви, которымъ и подарила частицы обрѣтеннаго честнаго креста Господня, а потомъ озабоченная привлеченіемъ сюда населенія изъ соседнихъ острововъ и возвратила бѣглецовъ, давъ имъ земли для воздѣлыванія. Прибывши въ Константинополь, она рекомендовала этотъ многострадалый островъ особому покровительству императора Константина в. Послѣдній отправилъ сюда новаго правителя въ лицѣ Калокера, который дѣятельно принялся за благоустройство острова. Центромъ церковной жизни на Кипрѣ въ это время сдѣлался городъ Саламинъ или Констанція (на сѣверо-восточной сторонѣ острова), тогда какъ раньше митрополіей былъ городъ Пафъ (на юго-западной сторонѣ). Такъ, на первомъ все-ленскомъ соборѣ присутствовала епископъ Пафа—Кириллъ, а Саламина — Геласій, которые въ указанномъ порядкѣ и подписались подъ актами собора. Кромѣ нихъ, съ острова Кипра на этомъ соборѣ присутствовали и другіе двѣнадцать епископовъ, въ томъ числѣ св. Спиридоній триміуунтскій, исповѣдникъ, славный смреніемъ и чудесами, принимавшій участіе въ разсужденіяхъ на соборѣ. Что касается г. Саламина, то онъ, и раньше подвергавшійся землетрясеніямъ,

въ 333 г. былъ почти совершенно разрушенъ весьма сильнымъ колебаніемъ почвы. Едва городъ нѣсколько оправился отъ этого бѣдствія,—въ 343 г. произошло еще болѣе сильное землетрясеніе, отъ котораго пострадали Неокесарія, Родосъ, Римъ, Антиохія и особенно Саламинъ на Кипрѣ. Современный императоръ Флавій Констанцій, сынъ Константина в., сдѣлавшійся съ 342 г. единовластителемъ Востока, наряду съ другими разрушенными городами предпринялъ возстановленіе и Саламина, который и названъ Констанціею, хотя городъ и потомъ удержалъ свое прежнее имя. Украсивъ Констанцію многими прекрасными зданіями, императоръ Констанцій сдѣлалъ его главнымъ городомъ и въ гражданско-церковномъ отношеніи. Къ концу IV в. христіанство утвердилось на всемъ островѣ и вступило въ борьбу съ различными ересями, распространенными здѣсь. Главнымъ дѣятелемъ въ этой борьбѣ былъ св. Епифаній, епископъ Констанціи (367—403 г.), который воздѣйствовалъ на язычниковъ своими христіанскими добродѣтелями, а еретиковъ поражаея своими литературными трудами. Изъ его епархіи было много послѣдователей ереси валентиніанъ, во главѣ съ епископомъ Аетіемъ, съ которымъ св. Епифаній часто вступалъ въ пренія. Были на островѣ и другіе еретики—офиты, савелліане, нуклаиты, симониане, василидиане, карпократіаны. Въ виду того, что многіе изъ еретиковъ занимали общественныя должности и были богаты, борьба съ ними св. Епифанія имѣла мало успѣха, поэтому онъ обратился къ императору Феодосію I съ просьбою изгнать ихъ съ острова. Получивъ посланіе Епифанія, царь издалъ такой письменный приказъ: если кто не станетъ почитать божественнымъ словомъ св. отца Епифанія, епископа кипрской страны, тотъ долженъ удалиться съ острова и жить, гдѣ пожелаетъ; а всѣ тѣ, кои сдѣлаются друзьями и чадами покаянія и исповѣдуютъ предъ общимъ своимъ отцомъ готовность обратиться на путь истины, могутъ остаться на островѣ и слушать поученія сего отца. Послѣ этого развитіе ересей на островѣ значительно уменьшилось. Епифаній долженъ былъ присутствовать на второмъ вселенскомъ соборѣ (381 г.) вмѣстѣ съ епископами Кипра—Юліемъ пафскимъ, Теофемомъ три-

миуентскимъ, Тихономъ тамасскимъ и Мнимономъ китійскимъ. Горя ревностію о православіи, Епифаній въ 394 г. путешествовалъ въ Іерусалимъ, съ цѣлію убѣдить мѣстнаго епископа Іоанна и его друзей Руфина и Іеронима осудить Оригена, какъ еретика [см. „Энци.“ VI, 983—985]. Но онъ склонилъ на свою сторону только Іеронима. Въ 401 г. онъ созвалъ соборъ епископовъ въ Констанціи и осудилъ Оригена. Послѣ этого, узнавъ, что ученіе оригенистовъ распространяется и въ Константинополь, онъ отправился сюда, нашелъ благословенный пріемъ у царицы Евдокии и сталъ склонять находившихся въ столицѣ епископовъ подписаться подъ опредѣленіями кипрскаго собора о твореніяхъ Оригена. Но эта попытка имѣла мало успѣха тѣмъ болѣе, что на первыхъ порахъ Епифаній разошелся со св. Іоанномъ Златоустомъ, архіепископомъ константинопольскимъ. Онъ скончался на пути изъ Константинополя въ свою епархію (403 г.).

Пятый вѣкъ былъ ознаменованъ борьбою кипрской церкви за свои автокефальныя права. Опираясь на свое апостольское происхожденіе и на мѣстныя традиціи, образовавшіяся въ первые вѣка христіанства, основываясь и на 6 правилѣ I вселенскаго собора („подобно и въ Антиохіи, и въ иныхъ областяхъ да сохраняются преимущественно церквей“—*ἐν ταῖς ἄλλαις ἐπαρχίαις τὰ πρεσβεῖα ὥς εἶναι ταῖς ἐκκλησίαις*), кипрская церковь признавала себя автокефальною, съ правомъ мѣстныхъ епископовъ избирать на соборѣ предстоятеля церкви изъ своей среды. Правами автокефальности кипрская церковь пользовалась не видя и на то, что Кипръ сперва при императорѣ Адріанѣ, а потомъ при Констанціи в., послѣ новаго дѣленія имперіи на провинціи, былъ причисленъ къ восточнымъ ея областямъ и въ гражданскомъ отношеніи былъ подчиненъ (вмѣстѣ съ Сиріей, Финикіей, Палестиной и Киликіей) стратигу Антиохіи, который назначалъ на островъ особаго правителя. Но въ пятomъ вѣкѣ патріархи Антиохіи рѣшили воспользоваться политическою зависимостію Кипра отъ мѣстнаго стратига, какъ средствомъ и для церковнаго его подчиненія антиохійскому престолу. Это послужило поводомъ къ различнымъ столкновеніямъ между обѣими церквями.

Прежде всего, когда два епископа Кипра, Троянъ и Теодоръ, прибыли по своимъ дѣламъ въ Антиохію, то мѣстный архіепископъ Іоаннъ I [429 — 44^{1/2} г.: см. „Энци.“ VI, 987—995] сталъ принуждать ихъ къ подчиненію антиохійскому престолу, но всѣ его усилія остались тщетными. Затѣмъ, вскорѣ скончался архіепископъ Констанціи Троянъ. Архiep. Іоаннъ захотѣлъ воспользоваться этимъ случаемъ для подчиненія себѣ кипрской церкви и склонилъ на свою сторону стратига „Востока“, Флавія Діонисія. Послѣдній, подъ влияніемъ архіеп. Іоанна, въ іюнѣ 431 г. написалъ правителю Кипра Теодору, чтобы онъ всѣми средствами противился избранію новаго епископа для Констанціи, потому что вопросъ о рукоположеніи епископовъ для Кипра будетъ предметомъ обсужденія на созванномъ по повелѣнію императора Теодосія Младшаго соборѣ въ Ефесѣ; еслибы избраніе епископа Констанціи состоялось до прибытія распоряженія Флавія Діонисія, то Теодоръ долженъ былъ позаботиться о томъ, чтобы новый епископъ, вмѣстѣ съ остальными кипрскими епископами, отправился въ Ефесъ для оправданія предъ соборомъ; въ случаѣ неисполненія Теодоромъ этого повелѣнія, онъ и войско, ему подчиненное, должны были ввести въ государственную казну по пяти лигръ золота. Флавій Діонисій такое же приказаніе послалъ и клиру митрополіи Констанціи, предложивъ не приступать къ избранію новаго епископа до тѣхъ поръ, пока вопросъ объ этомъ не будетъ рѣшенъ на Ефесскомъ соборѣ,—въ противномъ же случаѣ епископы должны предстать предъ этимъ соборомъ для оправданія и суда. Того порою кипряне приступили къ приготовительнымъ для избранія епископа дѣйствіямъ и, не послушавшись приказа стратига „Востока“, избрали на вакантную въ Констанціи кафедру Ригина, который, взявши епископовъ Саприкія пафскаго, Зенона курійскаго и Евagriя соловскаго, а также протопресвитера (πρωτοπαῖς) Кесарія, отправился въ Ефесъ—не для оправданія въ своихъ дѣйствіяхъ, а для протеста предъ отцами собора по поводу притязаній антиохійскаго архіепископа на права автокефальности кипрской церкви. Вопросъ объ автокефальности правъ кипрской церкви разсматривался на седьмомъ засѣданіи Ефесскаго собора и об-

суждался въ такомъ родѣ. Прежде всего, епископъ Ригинъ, отъ имени всѣхъ епископовъ Кипра, прочиталъ предъ отцами собора свою жалобу (ἀίτελλος) на антиохійскаго архіеп. Іоанна (не присутствовавшаго на засѣданіи вмѣстѣ съ другими „восточными“ іерархами), который, въ союзѣ съ стратигомъ Діонисіемъ, пытается подчинить себѣ кипрскую церковь. Это есть нововведеніе, противное канонамъ Никейскаго собора и не оправдываемое предшествующею церковною практикою. Флавій Діонисій, позволивъ себѣ вмѣшаться въ церковное дѣло, былъ введенъ въ заблужденіе. Между тѣмъ незаконное вмѣшательство вызвало большую смуту въ епархіи Констанціи. „Мы просимъ,—сказано въ грамотѣ кипрскихъ епископовъ,—принадаетъ къ вашимъ колѣнамъ, чтобы какъ изначала, отъ временъ апостольскихъ, посредствомъ постановленій и каноновъ святѣйшаго и великаго собора въ Никее, нашъ синодъ на Кипрѣ по каноническому рѣшенію пребывалъ внѣ всякой опасности и постороннихъ притязаній и былъ выше всякаго подчиненія, такъ и теперь мы желаемъ, чтобы посредствомъ вашего неподкупнаго и справедливаго рѣшенія и вашего повелѣнія намъ была воздана справедливость“. Затѣмъ Ригинъ, съ разрѣшенія собора, прочиталъ два письменные приказа Флавія Діонисія архонту Кипра и клиру митрополіи Констанціи, послѣ чего соборъ нашелъ необходимымъ выслушать объясненія со стороны епископовъ Кипра, такъ какъ для членовъ собора представлялись не совсѣмъ ясными мотивы вмѣшательства стратига въ кипрское церковное дѣло. На это епископъ Зеновъ сказалъ, что, по свидѣтельству недавно скончавшагося епископа Саприкія, Діонисій, дѣйствительно, написалъ архонту и клиру Кипра письма запрещавшія избирать епископа Саламина безъ участія антиохійскаго архіепископа. На вопросъ, чего же добивался послѣдній, епископъ Евagriй отвѣтилъ: „онъ старался подчинить себѣ нашъ островъ и похитить право хиротоніи, вопреки канонамъ и издревле господствующему обычаю“. Соборъ спросилъ, были ли равные факты хиротоніи епископовъ Констанціи архіепископами Антиохіи; на это епископъ Зеновъ сказалъ, что со временъ апостольскихъ не было ни одного случая такой хиротоніи и вообще іерархи Антиохіи никогда

не являлись на остров для хиротоніи кипрских епископовъ, которые избирались и хиротонисались всегда мѣстными соборами, какъ объ этомъ свидѣлствуютъ, въ частности, факты избранія епископовъ Троила и Савина. Выслушавъ эти и другіе доводы кипрскихъ епископовъ въ пользу пзначальной автокефальности кипрской церкви, соборъ въ своемъ рѣшеніи (ψήφος) опредѣлилъ, что начальствующіе (οἱ πρωτοκλήτοι) во святыхъ кипрскихъ церквахъ сохраняютъ за собою свободу самостоятельно производить на соборахъ избраніе епископовъ и рукополагать ихъ безъ всякаго посторонняго вмѣшательства, какъ это издревле установлено святыми отцами и мѣстною практикой. Опредѣленіе собора о кипрской церкви составило содержаніе 8-го его правила¹⁾. Не смотря на ясное опредѣленіе Ефесскаго собора, притязанія антиохійскихъ патріарховъ на самостоятельность кипрской церкви не прекращались. Патріархъ-монофизитъ Петръ Кнафевъ, вступивъ вторично на антиохійскій престолъ (около 485 г.), пытался снова подчинять кипрскую церковь подъ тѣмъ предлогомъ, что киприане некогда получили вѣру Христову изъ Антиохіи. Но эти притязанія были отвергнуты архіепископомъ Констанціи Анеиміемъ, который сошелся на Дѣян. 11, 19 — 26, на господствовавшій на Кипрѣ древній обычай и на опредѣленіе третьяго вселенскаго собора. Къ тому же, въ это время около Констанціи были обрѣтены мощи св. Апостола Варнавы (яко бы) съ Евангеліемъ отъ Матфея, собственноручно имъ написаннымъ. Впоследствии этимъ обстоятельствомъ, епископъ Анеимій отправился въ Константинополь къ императору Зенону, представилъ ему открытое Евангеліе, описать испытанія, коимъ церковь кипрская подвергается со стороны антиохійскаго патріарха и просилъ покровительства и защиты. По распоряженію императора Евангеліе Ап. Варнавы было положено въ дворцовой церкви св. Стефана, а

¹⁾ Однако касательно всей этой исторіи о кипрской церковной автокефалии см. у проф. *А. П. Лебедева* въ „Душеполезномъ Чтеніи“ 1906 г., № 1, стр. 47—54, а также у проф. *А. И. Амазова* и *А. И. Бриллиантова* въ „Журналахъ и протоколахъ Предсоборнаго Присутствія“, т. III (Спб. 1907), стр. 253—254, 265—266 и ср. 286, — *Н. Н. Г.*

столкновеніе Кипра съ Антиохіей поручено разсмотрѣть константинопольскому патріарху Акакію (471—489 г.) и собору. На соборѣ находился и архіепископъ Анеимій, указавшій на распространеніе христіанства на Кипрѣ апостольскими трудами св. Варнавы киприянина, мощи котораго были обрѣтены на островѣ и на другія, уже извѣстныя, привилегіи кипрской церкви, по поводу коихъ представители антиохійскаго патріарха не могли представить основательныхъ возраженій. Соборъ опять высказался въ пользу автокефальныхъ правъ кипрской церкви, а императоръ Зенонъ, въ свою очередь, издалъ грамоту, которою антиохійскому патріарху запрещалось вмѣшиваться въ дѣла кипрской церкви, епископъ Констанціи поставлялся архіепископомъ всего острова съ правомъ носить во время богослуженій красную мантию, держать скипетръ вышестеирыскаго жезла, подписываться красными чернилами, титуловаться—по праву автокефальнаго предстоятеля—„блаженствомъ“ (μακαρίότης) и „блаженнѣйшимъ“ (μακαριώτατος); кромѣ того, архіепископъ Констанціи имѣлъ право стоять во главѣ своего синода и совместно съ нимъ избирать и рукополагать епископовъ для Кипра и управлять всѣми церковными дѣлами. Византійскіе историки, рассказывающіе объ этомъ событіи (Феодоръ Чтецъ, Кедринъ, Іоанъ, Накифоръ, Каллистъ), признаютъ его началомъ автокефальности кипрской церкви, но, по нашему мнѣнію, болѣе справедливы византійскіе канонисты—Вальсамонъ, Зонара и Аристинъ, которые приурочиваютъ это начало къ каноническому опредѣленію третьяго вселенскаго собора. Далѣе, изъ исторіи автокефалии кипрской церкви заслуживаютъ вниманія обстоятельства, вызванныя нашествіемъ на Кипръ арабовъ въ VII вѣкѣ. Въ 647 г. арабскія полчища, подъ предводительствомъ Моавія, напали на Кипръ и овладѣли Констанціей, въ которой хранились свезенныя со всего острова сокровища, истребили очень много народу, осквернили великолѣпный архіепископскій храмъ во имя св. Епифанія и предали островъ огню и мечу. Узнавъ, что противъ нихъ отправленъ византійскій флотъ, арабы удалились съ острова, а въ слѣдующемъ году опять напали на Кипръ, опустошили почти весь островъ, ограбили г. Пафъ

и снова удалились. Въ послѣдующее время арабы неоднократно дѣлали набѣги на Кипръ, пока византійскій императоръ Юстиніанъ II Ринотмитъ и дамасскій халифъ Абд-ал-Мелекъ не заключили въ 686 г. между собою миръ, по которому они должны были дѣлить поровну доходы съ острова Кипра, а халифъ еще обязался платить въ византійскую казну ежедневно тысячу золотыхъ. Но потомъ халифъ отказался платить Юстиніану II эту дань византійскою монетою, а приказалъ вычеканить золотые арабскаго образца, меньшей сравнительно съ византійскими цѣнности. Это послужило поводомъ къ разрыву договора между Византіею и Дамаскомъ (688 г.). Не надѣясь защитить кипривъ отъ нашествій арабовъ, Юстиніанъ II сдѣлалъ распоряженіе о выселеніи жителей въ провинцію Геллеспонтъ въ Малой Азіи. И вотъ, православное населеніе Кипра, во главѣ съ архіепископомъ Констанціемъ Іоанномъ, предприняло переселеніе въ основанный близъ Кизика городъ новый Юстиніанополь. Это переселеніе оказалось гибельнымъ и для жителей и для острова, такъ какъ многие погибли во время морского пути, другіе умерли въ новой колоніи, мало приспособленной на первыхъ порахъ для нормальной жизни, почти всѣ понесли огромные матеріальные убытки, вынужденные оставить на Кипрѣ прекрасныя зданія и обработанныя земли, такъ какъ новая земля, пожалованная переселенцамъ близъ Кизика, оказались менѣе удобными, а островъ лишился свойственнаго ему процвѣтанія и благоустройства. Съ архіепископомъ Іоанномъ съ острова выселились и нѣкоторые епископы, другіе же остались здѣсь съ паствою, которую духовно и управляли до возвращенія архіепископа. Дабы архіепископъ Кипра, переселившійся въ Геллеспонтъ по волѣ императора, не лишился древнихъ преимуществъ, Юстиніанъ II призналъ ихъ за Іоанномъ и на новіе его каедрѣ—въ Юстиніанополѣ, который не только былъ объявленъ автокефальною архіепископіею, но и поставленъ въ церковномъ отношеніи во главѣ всѣхъ епархій Геллеспонта, съ подчиненіемъ архіепископу Юстиніанополя и кизикской митрополіи, съ правомъ архіепископа рукополагать всѣхъ епископовъ Геллеспонта. Состоявшійся въ царствованіе Юстиніана II Трульскій соборъ

опредѣлялъ эти права кипрскаго предстоятеля въ 39 своемъ правилѣ. „Такъ какъ братъ и сослужитель нашъ Іоаннъ, предстоятель острова Кипра (сказано въ этомъ правилѣ), вмѣстѣ съ своимъ народомъ, вслѣдствіе варварскихъ нашествій и съ цѣлью освободиться отъ язвическаго рабства и вѣрно покориться скипетру христіаннѣйшей державы, переселился съ убоимаго острова въ геллеспонтскую область, промышленіемъ челолюбиваго Бога и усердіемъ Христолюбиваго и благочестиваго царя нашего: то мы постановляемъ, чтобы неизмѣнными были сохранены преимущества, данныя престолу названнаго мужа богоносными отцами Ефесскаго собора, чтобы Новый Юстиніанополь имѣлъ права Константинополя, боголюбивѣйшій его епископъ начальствовалъ надъ всеми епископами Геллеспонтской области и поставлялъ соборомъ своихъ епископовъ, по древнему обычаю; предстоятелю Юстиніанополя долженъ подчиняться и епископъ города Кизика и, въ случаѣ необходимости, поставляться отъ него“. Такимъ образомъ, по опредѣленію Трульскаго собора, архіепископы Кипра и въ новой своей резиденціи не только сохранили прежнія автокефальныя права, утвержденныя за ними Ефесскимъ соборомъ, но и получили въ отношеніи епископовъ Геллеспонта и митрополита кизикскаго тѣ права, которыя издавна принадлежали здѣсь константинопольскому патріарху. Это уже было исключительно привилегіею кипрскаго архіепископа, пожалованной ему не безъ содѣйствія императорской власти. Къ тому же она была временной. Въ царствованіе Тиверія II его братъ Ираклій навесѣ (въ 790 г.) пораженіе арабамъ и изгналъ ихъ съ острова Кипра.

Послѣ этого часть кипривъ возвратилась изъ Геллеспонта на родину. Окончательное же переселеніе архіепископа Новаго Юстиніанополя на Кипръ совершилось въ царствованіе Константина Копронима около 747 г., когда епархія Геллеспонта и Кизика опять подчинились византійскому патріарху. Прибывши на Кипръ, архіепископъ избралъ своею резиденціею городъ Арсиною (нынѣ Фамагуста или *Ἀρσινόωσις*), такъ какъ Саламинъ или Констанція была разрушена. Іерархическія его права и привилегіи сохранились прежнія. Оставивъ въ своемъ офи-

ціальномъ титулѣ наименованіе „Юстиніанопольскаго“, архіепископъ сталъ пользоваться древнимъ титуломъ — „Констанцінъ“ или „Кипра“, употребляя эти наименованія безразлично, какъ видно изъ подписей отцовъ седьмого вселенскаго собора. Съ теченіемъ же времени оъ сталъ именоваться лишь архіепископомъ „Кипра“, а иногда и только въ официальныхъ бумагахъ подписывался — „архіепископомъ Новой Юстиніаны (вмѣсто Юстиніанополя) и всего Кипра“. Въ Арсиноѣ архіепископская кафедра оставалась до начала XIII вѣка (1215 г.), когда латяныя перевесли ее въ Левкосію. Что касается автокефальныхъ правъ кипрской церкви, то въ византійскую эпоху притязаній на нихъ со стороны антиохійскихъ патріарховъ не было. Лишь по соглашенію между церквами, а не въ знакъ зависимости одной отъ другой, кипрская церковь получала отъ антиохійскихъ патріарховъ св. миро. Такая практика продолжалась до 1860 года, когда, вслѣдствіе извѣстной рѣзни христіанъ въ Дамаскѣ и возникшаго отсюда неурядиства церковныхъ дѣлъ въ Сиріи, кипрская церковь не могла получать св. миро изъ Дамаска. Въ 1864 г. архіепископъ Макарій, вслѣдствіе встрѣтившейся необходимости, обратился къ церкви константинопольской съ просьбою прислать на Кипръ св. миро. Просьба была исполнена, и съ того времени кипрская церковь, какъ и всѣ остальные греческія церкви православнаго Востока, получаетъ св. миро изъ Константинополя отъ вселенскаго патріаршаго престола.

Изъ другихъ фактовъ внутренней церковной жизни на Кипрѣ въ византійскую эпоху нужно отмѣтить участіе этой церкви въ важнѣйшихъ событіяхъ православнаго Востока, свидѣтельствующее о тѣсномъ, органическомъ ея союзѣ съ остальными автокефальными церквами и о совмѣстной дѣятельности въ вопросахъ каеоліческаго значенія. Такъ, на Ефесскомъ соборѣ 449 г. присутствовалъ Олимпій, архіепископъ Констанціи. Между членами четвертаго вселенскаго собора были кипрскіе епископы — Епифаній солонскій, Евафродитъ тамасскій и Сотиръ еодосіаскій. Во время моноелитскихъ споровъ архіепископъ Констанціи Сергій энергично боролся противъ новой ереси и на частномъ соборѣ осудилъ „эке-

сисъ“ Ираклія. Постановленіе собора, анаеоматствующее еретиковъ, было послано Сергіемъ римскому папѣ Теодору I (642—649 г.). Во время иконоборческихъ споровъ горячимъ защитникомъ иконопочитанія и православія былъ архіепископъ Констанціи Георгій, который не ограничился устною борьбой съ еретиками, но и написалъ апологетическій трудъ „*Notheotia yeronotos perit ton ayion eikonon*“, раскрывъ здѣсь догматы иконопочитанія. Иконоборческий соборъ 754 г. предаль его анаемѣ вмѣстѣ съ константинопольскимъ патріархомъ Германомъ и св. Іоанномъ Дамаскимъ, но седьмой вселенскій соборъ, утвердившій иконопочитаніе, провозгласилъ Георгію и Іоанну вѣчную память. На седьмомъ вселенскомъ соборѣ, во главѣ съ архіепископомъ Константиномъ, присутствовали епископы — Евстаоій солонскій, Спиридонъ кипрскій, Теодоръ китійскій, Георгій тримиеунтскій и Александръ амавійскій. На пятомъ засѣданіи собора архіепископъ Константинъ принималъ участіе въ преніяхъ и имѣлъ вліяніе на ходъ соборныхъ совѣщаній. Въ эпоху иконоборчества, когда въ Константинополѣ и другихъ городахъ было поднято гоненіе на монаховъ, какъ защитниковъ иконопочитанія, многіе изъ нихъ, спасаясь отъ преслѣдованія, удалились на Кипръ, хотя и здѣсь вѣвшія условія положенія были въ это время не вполне благоприятны.

Дѣло въ томъ, что, начиная съ VIII вѣка, Кипръ сдѣлался легкою добычей для арабовъ, которые, пользуясь отдаленностію острова отъ столицы византійской имперіи и сравнительно слабюю его защитой имперскими войсками, дѣлали частые на островъ набѣги, подвергали его систематическому опустошенію, разоряли и грабили города, истребляли жителей и вообще совершали здѣсь всякаго рода безчинства. Первое нашествіе мусульманъ на островъ было въ 632 г. при императорѣ Иракліи, когда Халифъ Абу-Векръ, пользуясь ослабленіемъ, вслѣдствіе небрежности, военныхъ силъ ромеевъ, взялъ городъ Китій. Въ 647 г. Халифъ Моавія, имѣя флотъ изъ 1.700 кораблей, утвердилъ свое владѣчество на Кипрѣ, разорилъ Констанцію, а потомъ Пафъ. Въ 747 г. при Константинѣ V Копронимѣ византійскій флотъ отразилъ на-

бѣгъ арабскаго флота, въ числѣ тысячи кораблей устремившагося пзъ Александріи на Кипръ, а въ концѣ царствованія Копринона Кипръ опять былъ (около 770 г.) подъ властію Византіи. Въ 790 г. арабы предприняли новое нападеніе на Кипръ, но царица Ирина быстро снарядила византійскій флотъ, который подъ начальствомъ Теофила, стратига кивиреотскаго, далъ битву арабамъ; послѣдніе вынуждены были отступить, но Теодоръ былъ взятъ въ плѣнъ и, по приказанію халифа Гарунъ-аль-Рашида, усѣченъ мечемъ. При Никифорѣ I халифъ Гарунъ нарушилъ договоръ съ византійцами (806 г.) и послалъ флотъ на Кипръ, гдѣ были разрушены церкви и монастыри, многіе жители были перебиты, архіепископъ Констанціи былъ взятъ въ плѣнъ, отъ котораго освободился за тысячу динаровъ. Въ 816 г. при царѣ Михаилѣ Рангаве на Кипръ отравились многочисленные бѣглецы—монахи и міряне—пзъ Сиріи, спасаясь отъ жестокихъ преслѣдованій арабовъ; одинъ изъ нихъ на пути были мученически умерщвлены, а другіе благополучно достигли острова; царь приказалъ выдать имъ талантъ золота и оказалъ всякое покровительство. Въ 824 г. послѣ завоеванія арабами острова Крита, опасность грозила и Кипру, но византійскій флотъ, во время снаряженный, устранилъ эту опасность. При императорахъ Василии I Македонянинѣ (867—886 гг.) и Львѣ VI Мудромъ (886—911 гг.) Кипръ на вѣкоторое время былъ освобожденъ отъ тяжелаго мусульманскаго ига, но потомъ опять подпалъ господству арабовъ и оставался подъ ихъ властію до императора Никифора Фоки, который, отнявши въ 961 г. у арабовъ о. Критъ, въ 964 г. изгналъ ихъ съ о. Кипра. Постоянные набѣги арабовъ на Кипръ и война ихъ съ византійцами крайне неблагоприятно отразились на церковно-общественной жизни острова. Монастыри и храмы или лежали въ развалинахъ, или были ограблены и лишены необходимыхъ священныхъ принадлежностей, духовенство и народъ платили побѣдителямъ подати и налога за жизнь и за право свободно вѣровать; арабы не вмѣшивались въ религиозную жизнь христіанъ, но послѣдніе покупали эту независимость дорогою цѣной повинностей, униженій и презрѣнія со стороны побѣдителей; для му-

сульманъ они были народомъ ничтожнымъ и заслуживающимъ истребленія—только правительство, изъ видовъ политическыхъ, предотвращало ихъ полную гибель отъ фанатичныхъ солдатъ. Побѣдители и побѣжденные составляли два враждебные лагеря, между которыми не было ничего общаго и сліяніе было совершенно невозможно. Греки старались хранить полный нейтралитетъ и избѣгали всякаго сочувствія въ отношеніи къ византійцамъ, такъ какъ въ противномъ случаѣ имъ грозила смерть. Но, въ виду частыхъ столкновеній между арабами и византійцами, трудно было такъ или иначе не выразить сочувствіе родному народу, боровшемуся за свободу кипрцевъ. Поэтому пораженіе арабовъ часто опрокидывалось на головы ни въ чемъ невинныхъ жителей Кипра. При такихъ условіяхъ возмизшаго положенія христіанъ, совершенно невозможно говорить о какомъ-либо благосостояніи кипрской церкви подъ властію арабовъ. Положеніе это улучшилось когда Кипръ при императорѣ Никифорѣ Фокѣ опять вошелъ въ составъ византійской имперіи и былъ совершенно освобожденъ отъ арабскаго ига. Церковная жизнь вновь расцвѣла на островѣ, храмы и монастыри были возстановлены,—хотя многія драгоценности и библіотеки погибли безвозвратно,—епископскія кафедръ были сполна замѣщены, церковное управленіе вновь было организовано на соборномъ началѣ, попрежнему установились тѣсныя отношенія Кипра къ автокефальнымъ церквамъ православнаго Востока. Между прочимъ, въ это время получило большое развитіе на Кипрѣ и греческое монашество. Въ царствованіе императора Алексѣя Комнина (1081—1118 г.) здѣсь былъ построенъ и нынѣ существующій монастырь Богородицы Кикка или Кокка. Ктиторомъ его былъ монахъ Исаія, которому императоръ далъ икону Богоматери *Ευλαβοῦσα* и нынѣ пребывающую въ монастырѣ, а также пожаловалъ средства на постройку монастыря; когда монастырь былъ построенъ, царь надѣлилъ его имуществомъ и далъ хрисовуль, освобождавшій отъ всякихъ повинностей. Монастырь въ теченіе своего продолжительнаго существованія испыталъ много бѣдствій, но и теперь служитъ предметомъ поклоненія христіанъ. Овъ управляется

игуменовъ, пожизненно избираемыхъ братіею и утверждаемыхъ архіепископомъ острова. Братство въ послѣдніе годы простиралось отъ 40 до 50 человекъ. Въ царствованіе Мануила Комнина (1142—1180 гг.) былъ построенъ монастырь Богородицы на горѣ Махера. Ктиторами его были монахи Игнатій и іеромонахъ Нилъ, впоследствии епископъ Тамасса, которые получили отъ императора гору Махера съ окрестностями, 50 золотыхъ ежегодно и другое вспоможеніе на постройку монастыря; когда монастырь былъ готовъ, царь объявилъ его свободнымъ и независимымъ отъ мѣстной епархіальной власти и далъ ему различныя привилегіи. Императоръ Исаакъ Ангелъ, по просьбѣ монаховъ обители Махера, утвердилъ (1186 г.) за ними хрисовулы, данныя Мануиломъ Комниномъ, подарилъ имъ садъ изъ царскихъ владѣній въ Левкосіи и 12 золотыхъ. Императоръ Алексій III подтвердилъ независимость этого монастыря (1195 г.) и укрѣпилъ за нимъ навѣчно всѣ его недвижимыя имѣнія, съ 24 париками; за эту милость царя монахи возносили во время богослуженія особое молитвенное объ Алексѣѣ прошеніе. Въ 1210 г. іеромонахъ, потомъ епископъ тамасскій, Нилъ далъ монастырю Богородицы Махера свой очень обширный уставъ (изъ 47 главъ), въ которомъ весьма подробно регламентирована вся внутренняя жизнь этой обители. Іеромонахъ Нилъ основалъ въ Тамассѣ и другой—женскій—монастырь и также написалъ для него особый уставъ. Въ царствованіе Исаака II Ангела (съ 1185 г.) былъ устроенъ въ Пафѣ монастырь св. Неофита Затворника и объявленъ ставропигіею. И этотъ монастырь, какъ и Махера, существуетъ понынѣ. Кроме того, въ пафской епархіи существуютъ монастыри Богородицы Хрисорригатиссы и Троодитиссы, въ кирийской епархіи св. Пантелеимона Мирта и Нерукотвореннаго Спаса, возникшіе въ византійскую эпоху; нынѣ оны бѣдны и малонаселенны. Въ византійскія времена на Кипрѣ были монастырскія именныя *Κοιτοβερνίκου* (1157 г.: *Miklosich et Müller*, Acta VI, 106), а въ Левкосіи существовали православныя обители—Ципи, Андрея, Манкана и Серен-Платронъ. Въ письмѣ константинопольскаго патріарха Гермава (1223 г.) упоминается монастырь Аспия-

оіонъ. Кроме того были извѣстны женскіе монастыри—Паллуріотиссы, св. Македонія, Всѣхъ Святыхъ и Фанеромены. Изъ нихъ монастырь Ципи существовалъ до XVII в., а потомъ былъ обращенъ въ резиденцію архіепископа и остается съ этимъ назначеніемъ до настоящаго времени; церковь св. Іоанна Богослова, здѣсь существующая была построена въ 1662 г. архіепископомъ Никифоромъ. Остальные монастыри частью были въ дальнѣйшее время разрушены, частью обращены въ приходскія церкви, какъ, напр., монастырь Фанеромены.

Кипрская церковь попрежнему была въ общеніи съ другими автокефальными православными церквями. Такъ, архіепископъ кипрскій Іоаннъ присутствовалъ въ сорокѣ XII в. на константинопольскихъ соборахъ по поводу заблужденій Сотриха и другихъ, неправильно понимавшихъ слова молитвы въ литургіи—„Ты еси приноситель и приносимый“. У этого Іоанна было и столкновеніе съ константинопольскимъ патріархомъ Лукою Хрисовергомъ (1156—1169 г.), о которомъ рассказываетъ Вальсамонъ. Архіепископъ Іоаннъ извергъ изъ сана, подчиненнаго ему амавунтскаго епископа Іоанна, о чемъ и было сообщено императору Мануилу Комнину. Но такъ какъ изверженіе было произнесено одиннадцатію епископами и самимъ архіепископомъ, между тѣмъ какъ 12-мъ правиломъ Кароагенскаго собора требовалось, чтобы судъ производился соборомъ изъ 12-ти епископовъ, кромѣ предсѣдателя, то патріархъ Лука Хрисовергъ съ синодомъ, а также царскій синклитъ признали это изверженіе недѣйствительнымъ. Въ тоже время кипрская церковь признавалась въ Византіи автокефальною, какъ это видно изъ сочиненія Нила Доксопатра „О патріаршихъ престолахъ“ (1143 г.) и изъ толкованія Теодора Вальсамова (въ 8 пр. III вс. соб., 39-е Трул. соб.), позднѣе (XIV в.)—изъ Синтагмы Матоса Властара (*Ράλληης καὶ Ποτλῆης Σύνταγμα* VI, 258). На островѣ было до 15 епископскихъ кафедръ въ разныхъ городахъ.

Въ XI и XII в. на Кипрѣ было возстаніе правителей противъ центральной византійской власти, неблагоприятно отразившееся и на положеніи мѣстной церкви. Одно возстаніе было поднято въ маѣ 1040 г. стратигомъ Теофиломъ Еротикомъ и было

подавлено лишь въ 1043 г. Константиномъ Мономахомъ, другое поднялъ Рапсодатисъ въ 1092 г. и т. д. Особенно же ужасна была для кипрцаго тиранія Исаака Комнина, внука императора Мануила. Отличаясь большою жестокостію, онъ безчеловѣчно поступалъ съ жителями острова и совершалъ надъ ними тысячи злодѣяній,—безъ всякой вины мучилъ и убивалъ грековъ, лишалъ ихъ имущества, безчестилъ женщинъ. Императоръ Андроникъ Комнинъ не могъ изгнать тирана съ острова. Исаакъ II Ангелъ отправилъ противъ него флотъ, но Исаакъ разбилъ его и взялъ византійское войско въ плѣнъ. Господство этого тирана на Кипрѣ продолжалось до завоеванія его латинянами (1191 г.) и принесло много зла церкви, духовенству и народу (*Никита Хоніатъ*, Исторія).

II. Второй періодъ въ исторіи православной церкви на Кипрѣ (1191—1571 г.) былъ временемъ тяжелыхъ для нея испытаній, которымъ она подвергалась со стороны латинянъ. Въ 1191 г. англійскій король Ричардъ Львиное Сердце съ громаднымъ флотомъ и войскомъ отправился въ Св. Землю для освобожденія Гроба Господня отъ рукъ невѣрныхъ. Между Критомъ и Кипромъ буря разбитала его корабли, а тиранъ кипрскій Исаакъ Комнинъ, бывшій свидѣтелемъ этого несчастія крестоносцевъ, очень жестоко поступилъ съ потерѣвшими кораблекрушеніе франками, произвелъ грабежъ разбитыхъ бурей судовъ и перебилъ много воиновъ Ричарда. Это рѣшило дальнѣйшую судьбу Кипра. Метя Исааку, Ричардъ напалъ на Кипръ, разорилъ города Амаоуэты и Тримвеуэты, а Исаака взялъ въ плѣнъ. Захвативъ островъ, Ричардъ въ некоторое время владѣлъ имъ, а потомъ продалъ рыцарямъ ордена тамплиеровъ за 100.000 золотыхъ, которые, давъ въ уплату 40.000, водворились въ Никосію. Господство тамплиеровъ весьма не понравилась жителямъ Кипра, такъ какъ они воздвигли открытое гоненіе на православіе и принуждали грековъ принимать латинство. Кипріане составили планъ истребить всѣхъ тамплиеровъ. Планъ не удался, но вѣсто того въ апрѣлѣ 1192 г. на островѣ вспыхнулъ бунтъ. При такихъ условіяхъ тамплиеры не могли оставаться на Кипрѣ и вынуждены были возвратитъ его Ричарду, который въ 1193 г. продалъ островъ номинальному іерусалимскому королю Гю

[Вату] Лузиньяну (Guy de Lusignan), съ обязательствомъ для послѣдняго возвратитъ тамплиерамъ данныя ими 40.000 золотыхъ. Господство династіи лузиньянской продолжалось на Кипрѣ до 1489 г., а потомъ островъ перешелъ подъ власть венеціанцевъ.

Гюи [Ватъ] явился на островъ съ 300 представителями французскаго дворянства и съ войскомъ, раздѣливъ островъ на нѣсколько баронствъ и объявилъ, что права дворянства могутъ принадлежать только лицамъ папскаго вѣроисповѣданія. Къ православной церкви онъ относился толерантно, предоставлялъ народу свободно пѣснопѣывать свою вѣру и сохранялъ за монастырями и храмами ихъ владѣнія. Въ виду безразличнаго отношенія Гюи къ интересамъ латинства, на островъ прибыли изъ Палестины, Финикіи и другихъ странъ представители иныхъ народностей—грузины, православные сирійцы, латиняне, армяне, марониты, копты и несторіане. Всѣмъ имъ Гюи далъ мѣста для жительства, свободу строить храмы и безпрепятственно исполнять обряды своей вѣры, имѣть своихъ епископовъ и духовенство. Но управленіе Гюи продолжалось недолго: въ 1194 г. власть надъ островомъ перешла къ его пріемнику Амори Лузиньянскому († 1205 г.), который круто измѣнилъ политику относительно православной церкви. Амори рѣшилъ утвердить на островѣ латинскую іерархію и пригласилъ сюда латинское духовенство и монаховъ.

На это приглашеніе изъ Палестины и Европы на Кипръ явились монахи различныхъ палестинскихъ орденовъ, благосклонно были здѣсь приняты и завяли господствующее положеніе. Римскій папа Целестинъ III горячо привѣтствовалъ распоряженіе Амори и въ письмѣ отъ 20 февраля 1196 г. хвалилъ его ревность по распространенію на островѣ латинства. Положеніе православной церкви сдѣлалось очень тяжелымъ. До латинскаго господства, епископы и клиръ признавали предстоятелемъ церкви своего архіепископа, который вмѣстѣ съ синодомъ и имѣлъ высшую административно-судебную власть на островѣ. Весь народъ православный подчинялся также архіепископу. Церкви, монастыри и епископін имѣли свои владѣнія и земли, на доходы отъ которыхъ они и содержались; духовенство также получало отъ нихъ свое содержаніе. Латин-

скій клиръ, явившись на островъ, имѣлъ небольшую паству, но у него не было ни храмовъ, ни монастырей, ни имѣній. Но латиняне составляли господствующую часть населенія и находились подъ покровительствомъ правительства острова. И вотъ на Кипрѣ начались всякаго рода безчинства: латиняне стали отнимать у православныхъ церкви и монастыри, захватили ихъ движимыя и недвижимыя имущества, начали преслѣдовать православное духовенство и принуждать народъ къ переходу въ латинство. Затѣмъ, Амори, учредивъ на островѣ, четыре епископіи, надѣлили ихъ имѣніями, отнятыми у греческаго духовенства, и обратился къ папѣ Целестину съ просьбою оказать содѣйствіе въ подчиненіи православнаго архіепископа латинскому митрополиту Левкосіи. Но православные оказали противодѣйствіе этой мѣрѣ и остались подъ властію своихъ епископовъ, а епископъ Кипра сохранилъ свою независимость отъ рѣшенія папы, — тѣмъ болѣе, что Амори долженъ былъ оставить островъ и отправиться въ Палестину для военныхъ дѣйствій. Попрежнему епархіальными городами у православныхъ оставались: Тамассосъ, Катій, Амавунтъ, Куріонъ, Пафъ, Арсияно, Соли, Лапиеъ, Киринаея, Кипры, Тримеунтъ, Левкосія, Арсиянея, Карпасій и Кіорея. Положеніе православныхъ было настолько тяжело подъ властію латинявъ, что они неоднократно обращались къ византійскимъ царямъ съ просьбою объ ихъ освобожденіи отъ ненавистнаго ига. Объ этомъ императоръ Исаакъ II Ангелъ писалъ папѣ Иннокентію III (1199 г.), но въ отвѣтъ на ходатайство папа приказалъ латинянамъ Сиріи принять всѣ мѣры къ удержанію Кипра подъ своей властію. И другія попытки грековъ къ освобожденію острова отъ латинявъ остались тщетными. Каково было положеніе православныхъ въ первые годы латинскаго господства на Кипрѣ, — видно изъ записи современнаго монаха Неофита Затворника о бѣдствіяхъ на островѣ. „Туча закрываетъ солнце и туманъ покрываетъ горы и холмы, на которые и пересталъ падать теплый и свѣтлый лучъ солнца: — такъ и насъ двѣнадцать уже лѣтъ покрываютъ туманъ и облако непрерывно слѣдующихъ несчастій, происходящихъ въ нашей странѣ... Битвы и войны, безпорядки и возстанія, тайныя нападенія и ужасныя

столкновенія стали покрывать, какъ облако и туманъ, нашу землю. И вотъ въ теченіе двѣнадцати лѣтъ волны (несчастій) вздымаются все болѣе и выше. Необычайныя и неслыханныя бѣдствія случались въ этой странѣ: всѣ богатые лишились своихъ богатствъ, прекрасныхъ зданій, родныхъ, рабовъ, слугъ, обиліе стадъ и пастбищъ, плодородныхъ земель, обильныхъ виноградниковъ, тайно оставили родину и отплыли въ другія мѣста и въ столицу имперіи. А кто не могъ убѣжать, тѣхъ и бѣдствія невозможно изобразить. Кто опишетъ истязанія ихъ, заключенія въ темницы, требованіе денегъ во столько-то тысячъ?.. (Со времени водворенія латинявъ) на Кипрѣ и появились плачъ и крикъ, невыносимый сирадъ, пригнанный съ сѣвера, о чемъ подробно и невозможно разсказать. Положеніе дѣлъ въ нашей странѣ нельзя даже и сравнивать съ волнующимися и бушующимъ отъ сильной бури моремъ, — оно гораздо хуже свирѣпаго моря, такъ какъ на морѣ послѣ бури наступаетъ тишина, а у насъ буря съ каждымъ днемъ увеличивается и конца ея не предвидится...“ А вотъ новѣйшее мнѣніе извѣстнаго ученаго Константина Сады. „Конечно, мы не сдѣлаемъ несправедливости, — пишетъ онъ, — если латинское владычество на Востокѣ сравнимъ съ нынѣ давящимъ грековъ турецкимъ игомъ, хотя варварство этой дикой орды составляетъ исключительное во всемірной исторіи явленіе. И сама исторія могла бы, конечно, потребовать болѣе гуманнаго отношенія отъ народовъ, которые, вооружившись для освобожденія оскорбленнаго Гроба Господня, опрокинулись, вопреки ожиданію, на невинныхъ христіанъ. Историкъ показалъ бы себя безсовѣстнымъ, еслибы онъ не заклеилъ варварскія дѣйствія, совершенныя на Востокѣ культурными христіанами-латинянами, разбойнически захватившими христіанскія владѣнія, обратившихъ въ торговые слитки и на деньги цѣнныя художественныя произведенія древняго искусства, — что хуже всего — съ торжествомъ сожигавшихъ на кострахъ ни въ чемъ неповинныхъ монаховъ, которые служили одному съ нимъ Богу, оставались вѣрными отеческимъ преданіямъ, освященнымъ тысячелѣтнею исторіей, и не могли признать нѣкоторыхъ догматическихъ опредѣленій, созданныхъ на Западѣ по чисто эгонистическимъ мотивамъ“.

Подъ управленіемъ Гуго I (1205—1218 г.) или — вѣрнѣе — его жены Алисы кипрская православная церковь подверглась новымъ испытаніямъ. Алиса, управлявшая Кипромъ за отсутствіемъ своего мужа, обратилась къ римскому папѣ Иннокентію III и латеранскому собору (1215 г.) съ ходатайствомъ постепенно сократить до четырехъ число православныхъ епископовъ на островѣ, назначить четырехъ латинскихъ епископовъ въ Никосію, Фамагусту, Пафъ и Лемиссоу, съ правомъ епископа Никосіи или Левкосіи пользоваться архіепископскимъ титуломъ, предоставить латинскому архіепископу, послѣ смерти греческаго архіепископа Симеона, права духовной юрисдикціи надъ всѣмъ населеніемъ Кипра православнымъ и латинскимъ, при чемъ къ нему же должны были перейти и имущественныя владѣнія православной архіепископії; равнымъ образомъ латиняне должны были сдѣлаться собственниками и епархіальныхъ имуществъ грековъ, по мѣрѣ сокращенія ихъ кааедръ, а греческіе архіереи могли пользоваться по-томя однимъ доходами отъ духовенства. Вообще, папѣ былъ предложенъ планъ насильственнаго захвата латинянами на Кипрѣ какъ имущественныхъ, такъ и духовныхъ правъ греческаго клира, который постепенно долженъ былъ подпасть подъ власть латинскаго архіепископа. Планъ въ принципѣ былъ одобренъ, и папа Иннокентій III далъ приказъ о его постепенномъ выполненіи. На почвѣ имущественныхъ отношеній у греческаго и латинскаго духовенства на первыхъ же порахъ было много столкновеній, которыхъ не скрываютъ и латинскіе писатели, но при всѣхъ усиліяхъ грековъ защитить свои права и удержать имѣнія церквей и монастырей въ ихъ пользованіи, латиняне мало-по-малу брали верхъ, встрѣчая покровительство и поддержку со стороны королевы Алисы и латинскаго дворянства. Вдохновителемъ церковной политики на Востокъ былъ папа Иннокентій III, горѣвшій желаніемъ видѣть схизматическую имперію у ногъ своихъ. Онъ непрерывно посылалъ латинскимъ королямъ на Востокъ свои энциклики, въ которыхъ просилъ ихъ не забывать объ интересахъ римской церкви и побуждалъ всѣми средствами содѣйствовать ея торжеству среди схизматиковъ. Но такъ какъ свѣтскіе дѣятели латинства, —

по мѣтнію папы, — не совсѣмъ энергично дѣйствовали въ пользу церкви, то папа рѣшилъ прибѣгнуть къ насилью. Его выборъ подходящаго дѣятеля палъ на кардинала Пелагія, котораго папа и отправилъ въ 1213 г. на Востокъ, какъ албанскаго епископа и апостольскаго экарха съ абсолютною властію, и предислалъ всѣмъ латинскимъ вождямъ отъ Ахаіи до Византіи и Сиріи оказывать ему всякое содѣйствіе. Это былъ надменный, жестокій и вѣзлаломошный человекъ, который принесъ мало пользы латинству, но много вреда православію. Потерпѣвъ неудачу въ Константинополѣ, Пелагій прибылъ на Кипръ и занялся здѣсь организаціею латинской церкви и обращеніемъ въ латинство схизматиковъ. Какъ Пелагій дѣйствовалъ на Кипрѣ, — лучше всего можно видѣть изъ слѣдующаго факта. По его приказанію, въ уединенномъ психастиріи были схвачены тринадцать монаховъ, которымъ и предъявлено было требованіе немедленно отказаться отъ православія и принять латинство. Монахи отвѣтили, что предварительно слѣдовало бы путемъ устныхъ доказательствъ или посредствомъ чудеснаго знаменія убѣдить ихъ въ томъ, что православіе есть заблужденіе, — иначе они останутся навсегда преданными сынами ортодоксіи. Но ни то, ни другое Пелагію не представлялось возможнымъ; поэтому онъ приказалъ вернуть монаховъ въ заключеніе, гдѣ они мучились въ теченіе трехъ лѣтъ. Однако они не хотѣли измѣнять вѣрѣ отцовъ и путемъ ренегатства получить свободу. Отчаявшись достигнуть своей цѣли, Пелагій приказалъ устроить костеръ и при торжественной обстановкѣ, въ присутствіи гражданскихъ властей острова и латинскаго духовенства и народа, велѣлъ сжечь несчастныхъ „схизматиковъ“ (1221 г.). Православная церковь причислила этихъ мучениковъ къ лику святыхъ. Этотъ фактъ, вызвавшій усиленную ненависть грековъ къ латинянамъ, долженъ былъ бы убѣдить послѣднихъ въ глупости ихъ усилій распространить напизтъ среди православнаго населенія Кипра, а испытаніи, бѣдствіи и столкновенія грековъ съ латинянами продолжались и въ послѣдующее время. Скончался православный архіепископъ Симеонъ (около 1221 г.), и греки, слѣдуя установившемуся обычаю, избрали

его преемникомъ Исаію. Воспользовавшись этою смѣной, латиняне опять стали добиваться подчиненія православнаго архіепископа и епископовъ латинскимъ, дабы свести ихъ на положеніе викарныхъ при латинскихъ архіереяхъ, которые одни и должны пользоваться всѣми правами духовной юрисдикціи, а греческая церковь низводилась на положеніе терпимой. Латинянамъ отъ-части удалось достигнуть своей цѣли, такъ какъ Исаія, тѣснимый этими врагами православія, вынужденъ былъ временно признать надъ собою власть папы. Но затѣмъ онъ раскаялся, оставилъ свою каетру и ушелъ въ Никію къ византійскому патріарху Маврулу, предъ которымъ, въ одномъ изъ засѣданій синода, принесъ покаяніе въ заблужденіи и получилъ прощеніе. Но послѣ этого Исаія уже не возвратился на Кипръ. Его преемникомъ былъ избранъ Неофитъ. Это обстоятельство послужило новымъ поводомъ для столкновенія между греками и латинянами, такъ какъ Неофитъ не хотѣлъ подчиниться латинскому архіепископу. Къ тому же папа Гонарій III, узнавъ объ избраніи Неофита, былъ этимъ недоволенъ, а въ отвѣтъ на просьбу кипрскаго короля Генриха I Толстого (1219—1253 г.) разрѣшилъ грекамъ, во избѣжаніе смуты и междоусобій, поставлять себѣ епископовъ безъ подчиненія ихъ римской каетрѣ, писалъ королю, что такое разрѣшеніе было бы нечестіемъ, которое уже осуждено латеранскимъ соборомъ, такъ какъ чудовищно имѣть двухъ епископовъ въ одной церкви съ одинаковыми правами и титуломъ; посему греческій епископъ и клирикъ Кипра должны безусловно повиноваться латинской іерархіи, которой они подчинены, и обязаны, какъ дѣти послушанія, во всемъ сообразоваться съ своею матерью церковію римской. Воля папы нашла усерднаго исполнителя въ лицѣ кардинала Пелагія. Греческій архіепископъ Неофитъ,—послѣ того какъ отказался признать подъ собою власть папы,—былъ изгнанъ съ о. Кипра, вмѣстѣ со многими греческими клириками, которые остались ему вѣрны. Вмѣстѣ съ тѣмъ было объявлено (14 сент. 1222 г.), что на островѣ, вмѣсто прежнихъ 14 епископій греческихъ, остаются только четыре—въ Никосіи, Пафѣ, Фамагустѣ и Лемисосѣ, епископы которыхъ должны были чрезъ

подаваніе руки (διὰ τῆς χειραφίας) выразить свои вассальныя отношенія къ латинскому архіепископу и дать обязательство въ подчиненіи ему; архіепископъ латинскій получалъ право суда надъ ними и избранія ихъ преемниковъ. Для большаго униженія греческихъ архіереевъ предъ латинскими, имъ запрещено было жить въ своихъ каетральныхъ городахъ, а резиденціи ихъ были назначены въ городкахъ Соли, Арсинуѣ, Карпасіи и Леокарѣ. Латинскимъ епископамъ должны были подчиняться *secundum Deum et statuta canonum* и греческіе игумены, равно отъ нихъ зависѣло опредѣленіе штата никоихъ греческихъ монастырей. Словомъ, греческое духовенство обязано было подчиняться римской церкви, латинскому архіепископу и епископамъ, согласно обычаю іерусалимскаго королевства.

Разумѣется, греки никогда не могли примириться съ такими притязаніями латинянъ, считали оскорбительнымъ и унижательнымъ для себя подчиняться „латинской ереси“, которая давно уже сдѣлалась предметомъ страстной ненависти всего православнаго міра. И вотъ, кипряне вступили въ новую борьбу со своими духовными поработителями. Не разсчитывая на свои силы, они обратились за помощію къ византійскому патріарху Герману II (1222 — 1240 г.), имѣвшему свою резиденцію въ Никіѣ. Сюда были отправлены въ качествѣ депутатовъ отъ населенія, епископъ Соли и Леонтій игуменъ монастыря Апсинеіонъ Леонтій, которые и описали патріарху тяжелое положеніе кипрской церкви и народа. Въ тоже время и архіепископъ Неофитъ оновѣстилъ патріарха о своемъ вынужденномъ удаленіи съ острова и просилъ защиты. Посланные предстали предъ синодомъ византійской церкви и сообщили, что латиняне требуютъ отъ нихъ вассальнаго обязательства (διὰ χειραφίας) въ подчиненіи, усвоивъ себѣ право назначать православныхъ епископовъ, игуменовъ и клириковъ, отъ которыхъ и берутъ за поставленіе деньги, предоставляли латинскому архіепископу право суда по апелляціи по дѣламъ православныхъ клириковъ и мірянъ. Синодъ, обсудивъ критическое положеніе кипрской церкви, рекомендовалъ мѣстному духовенству и народу принять требованіе латинянъ, пока не

минует опасность. Въ то время, когда византійскій патріархъ и синодъ еще совѣщались по кипрскому дѣлу, въ Ницію прибыли многія другія жертвы латинскаго гоненія—клирики, монахи и міряне, которые, узнавъ о совѣщаніяхъ синода, явились въ патріархію и въ пламенныхъ рѣчахъ рассказали обо всемъ, что они испытали отъ латинянъ.—„Да просвятится свѣтъ вашъ предъ челоуѣки,—говорили они,— не только посредствомъ дѣлъ, но и посредствомъ словъ, и пусть для вашего знанія не будетъ ничего темнаго и неяснаго. Мы хорошо узнали латинскую хитрость изъ того, что мы претерпѣли. Мы уже довольно съ ними сталкивались, перенесли большое испытаніе, подвергаясь заключеніямъ, изгнаніямъ изъ отечества, оскорбленіямъ—это остриженіе бороды—и разнообразнымъ злодѣяніямъ. Латиняне одно говорятъ, а другое держать въ утѣ. Они требуютъ, чтобы мы клали свои руки въ ихъ руки и всюду утверждаютъ, что это не имѣетъ значенія и послѣдствій, а между тѣмъ это означаетъ не иное что, какъ измѣну отцепреданной вѣрѣ и подчиненіе ихъ церкви со всеми измышленіями древняго Рима. Постоянно занимаясь военными дѣйствіями, будучи всѣ—какъ свѣтскіе, такъ и духовные—воинственными и хорошо зная военные обычаи, они подачу руки считаютъ знакомъ пораженія и совершеннаго рабства, какъ обыкновенно и дѣлаютъ плѣнники на войнѣ. Итакъ, просимъ васъ ясно опредѣлить, чтобы киприане не давали рукъ своимъ итальянцамъ¹⁾, ибо если такъ не будетъ, то явная представится опасность паденія зданія, воздвигнутаго предшествующими архіереями посредствомъ многихъ и усиленныхъ трудовъ“. Это непредвидѣнное внимательство и пламенные рѣчи жертвъ латинскаго насилія заставили патріарха Германа и синодъ измѣнить свое первоначальное рѣ-

шеніе. Поэтому патріархъ въ посланіи на Кипръ въ 1223 г. писалъ, чтобы они до мученичества оставались вѣрны отеческому ученію, отвергли подчиненіе латинскимъ епископамъ и въ крайнемъ лишь случаѣ соглашались на ихъ денежныя требованія. Въ другомъ синодальномъ посланіи на Кипръ (1229 г.) патріархъ, указавъ на разности между латинскою и греческою церквами, Богомъ заклиналъ православныхъ грековъ и сирійцевъ быть мужественными, избѣгать всякаго общенія съ тѣми, кто по страху, или въ силу матеріальныхъ расчетовъ отрекся отъ вѣры отцовъ, за исключеніемъ случаевъ искренняго раскаянія измѣнниковъ въ своей ошибкѣ. Между тѣмъ преслѣдованія православныхъ на Кипрѣ не прекращались; патріархъ Германъ, узнавъ объ этомъ и желая хотя бы чѣмъ-нибудь защитить вѣрное стадо отъ грозившей ему отъ латинянъ опасности, призвалъ за лучшее обратиться съ посланіями къ римскому папѣ Григорію IX и кардиналамъ (1231 г.). Въ посланіи къ папѣ патріархъ указалъ на бѣдствія, которымъ кипрская церковь подвергается со стороны латинянъ за свои съ ними разности въ вопросахъ вѣры. Существуетъ,—писалъ патріархъ,— пять патріарховъ съ опредѣленными для каждого границами, установленными издревле и для всѣхъ обязательными. Между тѣмъ въ послѣднее время среди нихъ возникла схизма, начало которой положила дерзновенная церковная рука, ищущая преобладанія и господства въ церкви. Глава церкви есть Христосъ, всякое же домогательство со стороны папы главенства въ церкви противно Его ученію. Оно именно привело къ разногласію даже въ догматахъ, къ упраздненію каноновъ, къ измѣненію отцепреданныхъ обычаевъ, и вотъ между церквами выросло средостѣвіе, которое и раскололо ее на двѣ половины, уничтожило миръ и согласіе, вызвало войну противъ грековъ и ненависть противъ всего греческаго, до богослужебнаго греческаго языка включительно. Дѣло дошло и до открытаго гоненія латинянами грековъ на Кипрѣ, гдѣ вновь возродилось мученичество за вѣру и опять не стало мира и единодушія, какъ сообщили патріарху кипрскіе обители, просившіе у него помощи и защиты противъ жестокихъ гонителей. Хорошо-ли это, свя-

1) Эта просьба имѣетъ такой смыслъ. Какъ рыцари и вассалы давали присягу на вѣрность своимъ сюзеренамъ тѣмъ, что, ставъ на одно колено, клали свои руки въ ихъ руки и произносили клятву, такъ и латинскіе архіепископы и епископы на Кипрѣ обязывали православныхъ грековъ къ вассальной отъ нихъ зависимости посредствомъ акта подачи руки (δία χειρῶν).

тѣйшій папа, преемникъ Апостола Петра? Объ этомъ ли долженъ возвѣщать ученикъ кроткаго и смиреннаго сердцемъ Христа?— Въѣдъ каждый получить по дѣламъ своимъ. Правда, римская церковь признаетъ себя правою. Но для того, чтобы съ увѣренностію говорить это, необходимо взглянуть въ зеркало и сопоставить образъ съ дѣйствительностію. Мы, греки, имѣемъ многія, великія и ясныя зеркала въ Евангеліи Христовомъ, посланіяхъ апостольскихъ и писаніяхъ мужей апостольскихъ, которыя и доказываютъ нашу вѣрность вселенской истинѣ. Будемъ молиться, чтобы Господь послалъ всѣмъ намъ Ангела мира. Такимъ образомъ, патріархъ Германъ указалъ причину латинскихъ гоненій на Кипрѣ въ вѣроисповѣдномъ антагонизмѣ и непосредственно самому папѣ далъ понять, что система папскаго главенства въ церкви представляетъ явленіе антихристіанское, съ которымъ никакъ не можетъ примириться церковь православная. Въ посланіи къ кардиналамъ по дѣламъ кипрской церкви патріархъ отмѣчаетъ, что гоненія латинянъ на Кипрѣ обусловливаются ихъ тиранніей и жестокостію, склонностію къ угнетеніямъ и вымогательству со стороны римской церкви, которая изъ матери сдѣлалась мачихою,—любовію латинянъ къ собранію и увеличенію земныхъ владѣній, золота и серебра. Патріархъ смиренно проситъ кардиналовъ умѣрять несправедливый свой гнѣвъ противъ грековъ на Кипрѣ, а по вопросу о догматическихъ разностяхъ предлагаетъ устроить новое совѣщаніе, въ интересахъ заблуждающейся римской церкви. Римскій папа Григорій IX прислалъ патріарху Герману два отвѣта. Въ одномъ изъ нихъ, написанномъ на латинскомъ языкѣ (1232 г.), онъ распространяется о главенствѣ папы въ церкви и прямо говоритъ, что причиною гоненій греческой церкви на Кипрѣ служитъ ея отдѣленіе отъ церкви римской, а во второмъ отвѣтѣ, написанномъ по-гречески, Григорій, „рабъ рабовъ Божіихъ“, старается доказать на основаніи Евангелія и творений отцовъ право римской церкви владѣть двумя мечами—духовнымъ и мірскимъ, и требуетъ подчиненія Риму схизматической греческой церкви; одновременно въ Никою были посланы папою четыре латинскихъ монаха для переговоровъ объ уніи.

Послѣ этого преслѣдованія кипрянъ латинянами на дѣкоторое время прекратились, такъ какъ инициаторъ ихъ, кардиналъ Пеллагій, оставилъ островъ, а свѣтскіе его правители, занятые междоусобною борьбой, не имѣли ни времени, ни возможности исполнить опредѣленія грознаго папскаго легата относительно греческаго духовенства. Но въ 1240 г. у грековъ опять произошло столкновение съ латинянами. Въ этомъ году латинскій архіепископъ Евсторгій, исполняя приказъ папы Григорія IX, сталъ требовать отъ греческихъ епископовъ полного себѣ подчиненія, а вмѣстѣ съ тѣмъ побуждалъ ихъ запрещать въ священнослуженіи всѣхъ клириковъ, которые открыто не присягнутъ на вѣрность и покорность римскому папѣ и не осудятъ всѣ догматическія и обрядовыя разности церкви восточной сравнительно съ западною. Насилия латинянъ были такъ невыносимы, что многіе клирики и монахи, во главѣ съ своими епископами, рѣшили покинуть родной островъ и, захвативъ священные предметы, удалились въ киликійскую Арменію. Но латиняне этого не добивались. По распоряженію папы Григорія IX, они посѣщали завладѣвъ оставленными греками храмами и монастырями съ имуществомъ, при чемъ гражданская власть острова содѣйствовала имъ въ захватѣ чужого достоянія. При римскомъ папѣ Иннокентіи IV (1243—1254 г.) греки сдѣлали попытку возратить себѣ церковныя привилегіи, которыми они пользовались въ древности. Особенно они хлопотали предъ папою о возстановленіи на островѣ 14-ти греческихъ епархій, бывшихъ здѣсь до латинскаго господства, объ освобожденіи ихъ отъ подчиненія латинскому клиру и о независимости въ области церковно-религіозныхъ отношеній. Но зсѣ ходатайства грековъ имѣли мало успѣха, хотя имъ попрежнему было дозволено имѣть своего архіепископа. Однако положеніе послѣдняго было очень тяжелое, такъ какъ латинскій архіепископъ острова желалъ во всемъ и всюду главенствовать. Въ 1248 году греческій архіепископъ Исаія, не вынося притязаній латинскаго архіепископа, удалился въ Никее, гдѣ и былъ благосклонно принятъ патріархомъ Мануиломъ. Но на Кипрѣ отсутствіе православнаго архіепископа имѣло неблагоприятныя послѣдствія: греки были

объявлены еретиками, их церкви были закрыты, народъ подвергался гоненіямъ. Положеніе церковныхъ дѣлъ нѣсколько улучшилось послѣ возвращенія Исаи на островъ въ 1249 году, при чемъ со стороны папы Инокентія IV послѣдовало распоряженіе объ отнѣиъ сильныхъ мѣръ латинскаго архіепископа противъ грековъ. Воспользовавшись послѣднимъ обстоятельствомъ, греки опять стали ходатайствовать предъ папой о восстановленіи на островѣ 14-ти православныхъ епархій, но получили лишь разрѣшеніе избрать новаго архіепископа (1250 г.). Впрочемъ, и это скромное проявленіе папскаго благоволенія къ грекамъ вызвало сильное противодѣйствіе латинскаго архіепископа въ Левкосіи Гуго Fagiolo ревностнаго и страстнаго папскаго клеветника, поставившаго себѣ цѣлію обратитъ всѣхъ грековъ острова въ католицизмъ. Главное препятствіе въ осуществленіи своего плана латинскій архіепископъ встрѣтилъ въ лицѣ вновь избраннаго греческаго архіепископа Германа, достойнѣйшаго во всѣхъ отношеніяхъ мужа, всѣми уважаемаго за свое благоразуміе и добротѣтели. И вотъ Гуго объявлялъ жестокою войну Герману, а также современному королю Генриху I, который не раздѣлялъ неразумныхъ претензій латинскаго архіепископа. Гуго добивался низложенія Германа, но, потерявъ надежду на достиженіе этой цѣли и вообще разочаровавшись въ возможности подчинить греческое духовенство и народъ папской власти, наложилъ на весь островъ интердиктъ (1251 г.) и удалился въ Тоскану. Въ 1253 г., по смерти короля Генриха I, Гуго опять прибылъ на Кипръ и еще сильнѣе напалъ на несчастнаго греческаго архіепископа Германа, подвергалъ его гоненіямъ, требовалъ отъ него отчета въ управленіи, вызывалъ къ себѣ на судъ для оправданія въ несправедливо вводимыхъ на Германа обвиненіяхъ и т. п. Германъ, видя, что его жизнь на островѣ совершенно невыносима, рѣшилъ отправиться въ Римъ съ жалобой къ папѣ на латинскаго архіепископа и съ просьбой защитить его отъ притѣсненій Гуго. Послѣдній, узнавъ объ этомъ, подвергъ Германа отлученію и поспѣшилъ отправить въ Римъ своихъ делегатовъ для оправданія себя отъ обвиненій греческаго архіепископа. Въ сво-

емъ оправданіи предъ папой Гуго указывалъ на то, что еще папа Целестинъ III (1191—1198 г.) издалъ приказъ объ изгнаніи съ Кипра греческихъ епископовъ и объ учрежденіи здѣсь четырехъ латинскихъ архіепископій, а въ послѣдствіи папскій легатъ Пеллагій сдѣлалъ уступку грекамъ и опредѣлилъ, чтобы на островѣ оставались четыре греческихъ епископа, но съ обязательствомъ для нихъ подчиняться латинскому архіепископу; отсюда Гуго замѣчалъ, что въ Левкосіи, гдѣ онъ жилъ, не долженъ находиться другой архіепископъ. Въ Римѣ было произведено формальное разслѣдованіе дѣла, а потомъ устроенъ былъ и судъ. Но дѣло велось въ высшей степени пристрастно, несправедливо и медленно. Германъ и его клирики очень обѣдствовали въ Римѣ и умоляли скорѣе удовлетворить ихъ просьбу о восстановленіи правъ греческой церкви на Кипрѣ. Наконецъ, послѣ многихъ и долгихъ ходатайствъ грековъ, дѣло о столкновеніи Германа съ латинскимъ архіепископомъ было окончено, но далеко не въ пользу греческой церкви. 3 іюля 1260 года папа Александръ IV издалъ свою знаменитую буллу о кипрской церкви, которая и примѣнялась латинянами вплоть до конца ихъ господства на островѣ. Булла утвердила полное подчиненіе греческой церкви латинскому архіепископу въ Левкосіи. Всѣ церковныя имущества на островѣ признавались, — въ силу этой буллы, — неотъемлемою собственностью латинскаго клира. На островѣ были признаны только четыре греческіе епископа, каѳедры которыхъ, къ тому же, были перенесены изъ городовъ въ бѣдныя и незначительныя села острова; такъ, епископъ Левкосіи былъ перемѣщенъ въ село Солонъ и сталъ титуловаться по имени этого села; епископъ Пафа былъ переселенъ въ Арсиноу, Аммохоста въ Ризокарпосъ и Немиса въ Левкару около Амагута и также стали именоваться по названію своихъ резиденцій. Латинскій архіепископъ Левкосіи одинъ только признавался въ этомъ званіи и имѣлъ въ подчиненіи у себя и четырехъ греческихъ епископовъ, каждый изъ которыхъ, въ тоже время, подчинялся и латинскому епископу своей каѳедры; латинскіе же епископы, въ свою очередь, пользовались правомъ предстоятельства и въ греческихъ епархіяхъ. Избранный греческимъ

клиромъ епископъ предварительно долженъ былъ получить утверждение со стороны кипрскаго короля, а затѣмъ являлся къ латинскому архіепископу и обязанъ былъ принести предъ нимъ присягу въ вѣрности и повиновеніи, послѣ чего и возводился въ епископское достоинство. Клятва же давалась въ такой редакціи: „Я, епископъ... города..., съ этого часа и впредь подчиняюсь престолу латинской церкви, исповѣдую папу святымъ и подчиняюсь господину моему... архіепископу Левкосіи и его преемникамъ, канонически поставленнымъ. Святейшаго папу римской церкви, святительство латинявъ въ Левкосіи и всѣ ихъ законы постараюсь защищать со всей силой и помогать при сохраненіи моего чина (salvo ordine meo); и какъ я стану помогать, такъ да поможетъ мнѣ Богъ и святое Евангеліе“. Текстъ этой присяги былъ внесенъ и въ упомянутую буллу папы Александра IV, а каждый греческій кандидатъ епископства послѣ ея произнесенія обязанъ былъ и подписать ея текстъ. Кромѣ того, каждый греческій кандидатъ архіерейства давалъ латинскому епископу своей епархіи и другія частныя обязательства и клятвы. Латинскій епископъ устраивалъ для этой цѣли особое засѣданіе духовныхъ лицъ, на которое приглашался и греческій кандидатъ. Сидя среди латинскихъ клириковъ, латинскій епископъ спрашивалъ стоявшаго передъ нимъ греческаго клирика, кандидата на епископскую кафедру: „подчиняется ли онъ церкви римской?“—„Да, господинъ мой святой,—ради это я и предстою здѣсь“. Потомъ, послѣ небольшого молчанія, слѣдовалъ другой вопросъ: „исповѣдуешь ли ты римскаго папу святымъ и святую римскую церковь православною и кафолическою церковію?“ Греческій клирикъ исповѣдывалъ и это. Затѣмъ латинскій епископъ опять спрашивалъ: „Дѣйствительно ли ты общаешься быть впредь вѣрнымъ латинскому епископу Левкосіи во всемъ, признавать его во всѣхъ дѣлахъ и чтить, какъ своего митрополита, и кромѣ того, когда будешь позванъ на соборъ, безпрепятственно являться, а если не исполнишь, то подлежишь наказанію? Когда же прибудетъ отъ папы легатъ, то общаешься ли въ моментъ его прибытія почтить его литанією и выйдешь для встрѣчи его самъ и всѣ подчиненные тебѣ? Общаешься

ли сопутствовать ему и содѣйствовать по возможности во всемъ, чтобы ему угодно ни было, какъ поступали и твои предшественники? Пустьъ все это будетъ на тебѣ возложено и ты общайся передъ лицомъ всѣхъ неизмѣнно исполнять.

Въ удостовѣреніе же своихъ словъ и дѣлъ, протяни руку свою и положи на лежащее предъ тобою святое Евангеліе и поклонившись, что во всю жизнь свою самъ и подчиненные твои станете соблюдать то, что теперь устно и письменно въ твоемъ присутствіи здѣсь было возвѣщено“. По окончаніи присяги, совершался обрядъ возведенія: греческій кандидатъ епископства склонялъ голову предъ латинскимъ епископомъ, а этотъ, положивъ на нее книгу, читалъ относящуюся къ обряду молитву, при чемъ латинскій клиръ пѣлъ: „Слава въ вышнихъ Богу“. По окончаніи молитвы, греческій клирикъ кланялся латинскому епископу, цѣловалъ его руку и уста, а епископъ благословлялъ его; потомъ два латинскіе священника сопровождали его вплоть до епископіи и передавали ему церковь, предстоятелю которой онъ назначался; они открывали двери этой церкви и, обратившись къ греческому нареченному епископу, говорили: „Прими эту церковь, которую тебѣ, нареченный епископъ, вручаетъ чрезъ насъ епископъ латинскій“. Такъ совершалось возведеніе всѣхъ православныхъ епископовъ Кипра.

Кромѣ того,—по предписанію буллы папы Александра IV,—епископы грековъ и ихъ клирики въ торжественные дни обязаны были являться въ латинскія епископіи для участія въ богослуженіи, при чемъ греческій протоіерей во время литургіи читалъ апостоль, а греческій епископъ читалъ Евангеліе, обращаясь предварительно къ латинскому епископу съ возгласомъ—„Благослови, владыко, благовѣстителя“ и цѣловалъ его руку. Греческіе епископы приглашались для выноса умершихъ латинявъ, а равно для совершенія заупокойныхъ богослуженій; греческіе клирики участвовали въ латинскихъ церковныхъ торжествахъ, получая вознагражденіе наравнѣ съ клириками латинявъ. Далѣе, православные епископы обязаны были являться на соборы, которые время отъ времени устраивались сосѣдними латинскими епископами, а на соборъ, созываемый ла-

тинскимъ архіепископомъ Левкосіи, должны были пріѣзжать греческіе епископы и клирики со всего острова. Греческимъ архіереямъ было предоставлено полное право судить православныхъ мірянъ, но всѣ судебные процессы смѣшаннаго состава, т. е. возникавшіе между православными и латинянами, подлежали вѣдѣнію латинскихъ епископовъ. Наконецъ, несчастному греческому архіепископу Герману папа Александръ IV даровалъ своею буллою небольшую милость, позволивъ ему пользоваться пменемъ и честію архіепископа до самой смерти и жить при церквѣ Ап. Варнавы въ Никосіи. Однако, эта пожизненная привилегія греческаго архіепископа вызвала горячій протестъ со стороны честолюбиваго латинскаго архіепископа Гуго, для котораго пребываніе въ Никосіи греческаго архіепископа было невыносимо и служило причиною постоянного недовольства. Не добившись отмены этой привилегіи, Гуго въ гнѣвѣ принесть отреченіе отъ кафедры, удалился въ Тоскану и основалъ здѣсь свою монастырь, назвавши его Левкосіей.

Булла папы Александра IV опредѣлила отношеніе греческой іерархіи къ латинской на триста лѣтъ впередъ, вплоть до завоеванія Кипра турками, и принесла большой вредъ православнои церкви. Автокефальная кипрская церковь потеряла свою независимость и была совершенно поработана пришлою латинскою іерархіею. Латиняне заявля господствующее положеніе на Кипрѣ и высокомерно относились къ греческому духовенству и народу. Преемникъ Гуго, латинскій архіепископъ Левкосіи Рафаилъ, въ своемъ воззваніи къ жителямъ Кипра, называлъ латинявъ истинными пастырями острова, греки же съ его точки зрѣнія были только терпимы здѣсь. На островѣ усилились гоненія противъ православныхъ, спасеніе отъ которыхъ они находили лишь въ измѣнѣ вѣрѣ отцовъ. И, несомнѣнно, среди грековъ таковыя были. Выѣстъ съ тѣмъ на островѣ развивались страшная вражда и ненависть грековъ не только противъ своихъ поработителей, которые посылали на лучшее ихъ достоинствѣ—православную вѣру, но и противъ ренегатовъ, измѣнившихъ вѣрѣ отцовъ. Латинскій архіепископъ острова Рафаилъ былъ не въ силахъ защитить ихъ отъ гнѣва и возмездія со

стороны бывшихъ единовѣрцевъ и обратился къ королю Гуго II за помощію. Не огранчившись этимъ, онъ просилъ и папу Urbana IV оказать ему содѣйствіе, обѣявивъ, что если король Кипра не будетъ ревностнымъ его сотрудникомъ въ благоустроеніи острова въ церковномъ отношеніи, то онъ не въ силахъ будетъ обезпечить здѣсь интересы латинской церкви. Папа Urbanъ IV въ письмѣ къ Гуго Антиохійскому (1263 г.) обвинялъ грековъ въ непризнаніи папскаго главенства и приматства римской церкви, осуждалъ за то, что они враждебно относились къ клирикамъ и мірянамъ, измѣнившимъ православію, и горячо призывалъ короля принять строгія мѣры противъ схизматиковъ—подданныхъ его, рѣшившихся съ большимъ безстыдствомъ причинять зло вѣрнымъ чадамъ латинской церкви и презирающимъ эту церковь. А каково фактически было положеніе православія на Кипрѣ, можно видѣть, напр., изъ церковныхъ торжествъ, совершавшихся здѣсь въ большіе праздники латинской церкви. Въ эти дни устраивались религіозныя процессіи, для возвеличенія латинской церкви. Въ процессіяхъ обыкновенно несли впереди крестъ православныхъ, за которымъ шло духовенство съ иконою Богоматери и масса народа, преимущественно женщинъ. Далѣе слѣдовали латинскіе монахи, а за ними шли абиссинъ, несторіане, яковиты, марониты, копты и армяне, при чемъ клирики всѣхъ этихъ участниковъ торжества были облачены въ праздничныя священныя одежды; наконецъ, величественно шествовалъ латинскій архіепископъ, въ сопровожденіи своего клира. Шествіе замыкалось представителями гражданской власти и войска. Вообще, латиняне самымъ торжественнымъ образомъ обставляли свои религіозныя процессіи и принуждали участвовать въ нихъ и грековъ съ ихъ святинами, а греческія церковныя торжества латинянами совершенно игнорировались и даже вызывали съ ихъ стороны всякія противоудѣйствія. Но, разумѣется, греки участвовали въ латинскихъ церковно-религіозныхъ процессіяхъ не добровольно, а по принужденію.

Не смотря на тяжелыя внѣшнія условія, греческое духовенство и народъ Кипра энергично защищали свои вѣрованія и не безъ борьбы уступали латинянамъ свои

привилегіи. Время шло, а между тѣмъ римская церковь съ величайшимъ прискорбіемъ убѣждалась, что подчиненный вѣрнымъ ея чадамъ островъ Кипръ весьма медленно воспринимаетъ латинскую вѣру и весьма неохотно отказывается отъ вѣры православной. Были факты и открытаго сопротивленія латинянамъ. Такъ, въ 1313 г. въ Никосіи папскій легатъ, архіепископъ Петръ, вынужденъ былъ спасаться бѣгствомъ отъ греческаго народа, возмущеннаго мѣрами прозелитизма, предпринятыми этимъ слугою Рима. Въ октябрѣ 1326 г. папа Іоаннъ XXII, недовольный противодѣйствіемъ грековъ распространенію „латинской ереси“ на островѣ, убѣждалъ іерусалимскаго латинскаго патріарха Раймунда съ корнемъ вырвать православіе на островѣ, но всѣ его побужденія оказались тщетными. И вотъ, напрасно истративъ много бумаги и чернилъ, римская церковь рѣшила опять прибѣгнуть къ опасному эксперименту легата Пелагія, состоявшему въ насильственной латинизаціи православнаго населенія Кипра. Исполненіе этого рискованнаго предпріятія было возложено на французскаго кармелита Петра Ому, папскаго легата на Востокѣ, о ревности и рѣшительности котораго Римъ имѣлъ самыя достовѣрныя свидѣтельства. Этотъ Ома былъ извѣстенъ на Востокѣ тѣмъ, что въ 1356 г. былъ отправленъ папою Іянокентіемъ IV въ Византію къ императору Іоанну Палеологу для переговоровъ объ униіи между восточною и западною церквами; послѣ этого онъ былъ назначенъ епископомъ Короны и, оказавъ здѣсь латинской церкви большія услуги, былъ въ 1359 г. назначенъ легатомъ апостольской церкви въ общій экарзомъ для всего Востока, съ правами абсолютной власти, а вмѣстѣ съ тѣмъ получилъ для ближайшаго завѣдыванія и надзора латинскія восточныя епархіи на Кипрѣ и Критѣ, въ Смирнѣ, Афинахъ, Ойвахъ, Коринаѣ, Керкирѣ, на о. Наксосѣ, въ Диррахіи, Навпактѣ и Новыхъ Патрахъ. По свидѣтельству многихъ біографовъ Омы, онъ съ ревностію, достойною самой высокой похвалы, исполнялъ свои высшія обязанности, постоянно странствовалъ изъ одного, подчиненнаго ему города въ другой, назидалъ и благоустроилъ вѣрующихъ латинянъ, обращалъ въ латинство „схизматиковъ“—грековъ, подвергаясь иногда опасности за

свою жизнь со стороны невѣрныхъ. Этого выдающагося представителя латинской церкви на Востокѣ и рѣшено было отправить на Кипръ для насильственной латинизаціи грековъ, въ которой онъ уже былъ испытаннымъ дѣятелемъ. И обстоятельства благопріятствовали такой миссіи Омы. На Кипрѣ провозглашенъ былъ новый король Петръ I, который самъ пригласилъ папскаго легата, Ому для вѣнчанія его на царство. Послѣ совершенія этого чина, Ома совѣтство съ королемъ составили и планъ насильственнаго обращенія грековъ въ латинство. Въ сопровожденіи многочисленнаго клира, Ома отправился въ храмъ Святой Софіи въ Никосію, куда подъ какимъ-то предлогомъ пригласилъ греческихъ епископовъ и священниковъ. Послѣдніе, не подозревая ничего дурного, явились въ храмъ. И вотъ, какъ только греки вошли сюда, немедленно были закрыты всѣ двери храма, и находчивый папскій легатъ и его послушные подчиненные стали силою обращать ихъ въ латинство. Поднялся шумъ, раздались крики. Греческій народъ, также пришедшій изъ любопытства къ храму, когда услышалъ крики своихъ епископовъ и священниковъ, бросился на помощь къ нимъ, справедливо полагая, что имъ грозитъ опасность. Но такъ какъ всѣ ходы были закрыты, то народъ сталъ ломать двери. Нѣкоторые поспѣшили положить даже огонь. Предвидѣлось большое несчастье. Король, узнавъ о смятеніи въ городѣ, послалъ къ храму Святой Софіи своего брата съ другими придворными чинами и съ войсками, которые отворили двери, освободили православныхъ епископовъ и клириковъ и передали ихъ грекамъ. Подъ охраною солдатъ Ома вышелъ изъ церкви и былъ отведенъ въ королевскій дворецъ. Потерпѣвъ неудачу въ насильственной латинизаціи грековъ на Кипрѣ, папскій легатъ вскорѣ уѣхалъ отсюда въ Корону. Латиняне торжественно прославляютъ кипрское дѣяніе Омы, а греки считаютъ его позорнымъ—тѣмъ болѣе, что Ома требовалъ отъ короля наказать „схизматиковъ“ за противодѣйствіе ихъ насильственному обращенію въ латинство, въ чемъ онъ усматривалъ оскорбленіе римской церкви. Но примѣчательное дѣло: вмѣстѣ съ отъѣздомъ изъ Кипра легата Омы и съ прекращеніемъ насилія надъ

греками, взаимныя их отношенія съ латинянами постепенно стали улучшаться, борьба мало-по-малу стала прекращаться, взаимная ненависть исчезать... Греки, жившіе до послѣдняго времени въ рабскомъ состояніи, стали получать нѣкоторыя должности, священники и епископы греческіе братски со-вѣщаются съ свѣтскими должностными лицами о лучшемъ устройствѣ церковныхъ дѣлъ и пользуются ихъ содѣйствіями въ обезпеченіи церковныхъ интересовъ. Латиняне, особенно женщины, стали посѣщать греческія церкви, а латинская знать, слѣдуя греческому обычаю, стала устраивать вѣчанія и крещенія въ домахъ, а не въ храмахъ. Папа Урбанъ V въ посланіи къ архіепископу Раймунду (отъ 29 мая 1368 г.) обличалъ латинявъ за симпатіи къ грекамъ, за снисходительность въ вопросахъ вѣры и убѣждалъ архіепископа принять мѣры противъ утвердившихся злоупотребленій. Общевіе грековъ съ латинянами in divinis допускалось, — по смыслу постановленія архіепископа Филиппа (1350 г.), — лишь въ случаяхъ необходимости. Но, не смотря на письменныя прегрѣды и запрещенія папъ и ихъ сподвижниковъ, греческое вліяніе на островѣ постепенно стало развиваться, какъ только ослабѣли насильственные пріемы латинизаціи, а факты общенія и мирныхъ отношеній между греками и латинянами стали умножаться. Удивительнѣе же всего то, что въ представленіи кипрскаго народа лузиньянская династія стала пріобрѣтать народный характеръ, особенно послѣ того, какъ король Петръ I женился на Маргаритѣ, происходившей изъ лузиньянскаго дома и бывшей въ первый разъ въ замужествѣ за пелопонесскимъ деспотомъ Мануиломъ Кантакузеномъ; когда она прибыла на Кипръ, греки стали называть ее Βασιλίσα (царица).

Послѣ того какъ на Кипрѣ водворились латиняне и подчинили себѣ православную церковь, послѣдняя, вслѣдствіи крайне неблагоприятныхъ вѣншихъ условій, вынуждена была порвать свои сношенія съ остальными православными церквами Востока, причѣмъ кипрскіе православные архіепископы, по винѣ латинявъ, лишены были возможности посылать восточнымъ патріархамъ свои мирныя и общительныя грамоты, сообщать имъ о правахъ своей церкви и просить братскаго ихъ содѣйствія и помощи въ затруд-

нительныхъ обстоятельствахъ. Въ свою очередь, восточные патріархи не всегда имѣли возможность доводить до свѣдѣнія предстоителя православной кипрской церкви о состоявшихся въ патріархатахъ административныхъ цереміахъ и о событіяхъ въ нихъ общецерковнаго значенія. Но, не смотря на вѣншію обособленность православной кипрской церкви, внутренно она пребывала въ союзѣ со всею православно-восточною католическою церковью, мыслилась и фактически была членомъ этой церкви и не отсѣкалась отъ каноническаго общенія съ автокефальными православными церквами. Кипрская православная церковь, при всѣхъ бѣдствіяхъ и принужденіяхъ со стороны латинявъ, въ точности хранила святуя православную вѣру, не воспринимала латинскихъ ересей, внутренно не подчинялась папѣ, признавая главою церкви Господа Іисуса Христа, не поминала папу и на богослуженіяхъ, какъ своего предстоятеля, и вообще, если и допускала какія-либо нововведенія въ области церковнаго управленія и устройства, то дѣлала это по насилію и недобровольно, внутренно ихъ осуждала и ожидала лишь вѣншихъ благоприятныхъ условій для возстановленія во всей полнотѣ своего прежняго автокефальнаго устройства и самостоятельнаго положенія. Чтоже касается церкви византійской, то въ представленіи ея іерархій и членовъ кипрская православная церковь мыслилась и была автокефальною, ортодоксальною, членомъ единой, святой, соборной и апостольской церкви. Знаменитый византійскій канонистъ XII в. Феодоръ Вальсамовъ, хорошо, конечно, знакомый съ общимъ современнымъ состояніемъ кипрской православной церкви, относитъ ее къ числу автокефальныхъ церквей православнаго Востока (см., напр., его толкованіе на 2 пр. II всел. соб.). Никейскій патріархъ Германъ II (XIII в.), когда кипріяне обратились къ нему съ просьбой о помощи въ виду притѣсненій латинявъ, не воспользовался этимъ случаемъ для заявленія своихъ притязаній на самостоятельность кипрской церкви и, въ противоположность римскимъ папамъ, стремившимся къ господству на Кипрѣ и главенству, отстаивалъ, напротивъ, независимость этой церкви отъ латинскихъ домогательствъ и указывалъ на ея древнее автокефальное достоинство. Мат-

оёй Властарь (XIV в.) въ своей Синтагмѣ также признаёт кипрскую церковь автокефальной (Ράλλη καὶ Πουλλής VI, 258). Наконецъ, къ участию въ обсужденіи и оцѣнкѣ вопросовъ общецерковнаго значенія, возникавшихъ въ Византіи, приглашалась и кипрская церковь. Такъ, во время исихастскихъ споровъ, волновавшихъ византійскую церковь (XIV в.), изъ Константинополя отправлялись относительно ихъ посланія не только къ патріархамъ Антиохіи, Александріи и Іерусалима, но и на Кипръ (*Miklosich et Müller, Acta I, 400*). Значить, нужны были лишь благопріятныя условія для возстановленія нормальныхъ и каноническихъ сношеній кипрской церкви съ остальными восточными церквами, въ интересахъ духовнаго союза и единства.

Такія благопріятныя условія наступили въ началѣ XV вѣка, когда латиняне, потерпѣвъ въ прежнее время рядъ неудачъ въ насильственной латинизаціи православнаго населенія Кипра, ослабѣли въ своей миссіонерской энергіи и даже пошли на нѣкоторыя уступки православнымъ грекамъ, оказавшимъ большую преданность вѣрѣ отцовъ. На этой почвѣ возникли попытки кипрской церкви присоединиться къ церкви константинопольской, съ цѣлю избѣжать дальнѣйшаго латинскаго ига и обезпечить себѣ правильное внутреннее развитіе въ союзѣ съ Византіей. Въ Константинополѣ было отправлено кипрскую церковь соответствующее посланіе. Въ 1405 г. по рѣшенію патріарха Маттея и синода великой Христовой церкви на Кипръ былъ посланъ съ синодальными грамотами извѣстный своимъ образованіемъ, ревностію по вѣрѣ и краснорѣчіемъ монахъ Сгудійскаго монастыря Іосифъ Вріенній, чтобы онъ лично ознакомился съ положеніемъ кипрской церкви, побесѣдовалъ съ мѣстными епископами объ освобожденіи ихъ отъ латинскаго ига и о средствахъ соединенія кипрской православной церкви съ византійскою. Іосифъ Вріенній прибылъ на островъ и, ознакомившись съ состояніемъ церковныхъ дѣлъ, не нашелъ возможности возбуждать вопросъ о фактической уніи между церквами. Ревностный монахъ былъ недоуменъ тѣмъ, что греки папу именovali святымъ, вынуждались признавать надъ собою и власть латинскихъ епископовъ и шлѣли общеніе съ латинянами.

Хотя все это дѣлалось греками по принужденію и насилью, безъ всякаго добровольнаго расположенія и желанія, съ византійской точки зрѣнія, создавшейся на основѣ принципа „акривіи канонѡвъ“, такое отношеніе грековъ къ латинянамъ было ненормальнымъ и исключало возможность общенія кипрянъ съ византійцами.

Черезъ семь лѣтъ, при византійскомъ патріархѣ Еввѡмѣ II (1410—1416 г.), кипріане вновь возбудили предъ константинопольскою церковію вопросъ о соединеніи. Православные епископы Кипра опять писали великой Христовой церкви, что они общаются все призывать и исполнять, что исповѣдуетъ великая церковь, и ищутъ единенія съ нею въ виду грозящей имъ опасности со стороны церкви латинской. Патріаршій византійскій синодъ, повидимому, былъ склоненъ исполнять эту просьбу и готовъ былъ придти на помощь православнымъ кипрской церкви, но вліятельный и просвѣщенный монахъ Іосифъ Вріенній, оцѣнивавшій дѣло со своей точки зрѣнія, явился на соборъ, засѣдавшій въ храмѣ Святой Софіи, и произнесъ блестящую рѣчь противъ соединенія, отмѣтивъ, главнымъ образомъ, практическую неосуществимость его. Онъ указалъ на то, что кипрскіе епископы, безспорно, добиваются искренно соединенія съ церковію византійской и готовы будутъ исполнять всѣ обязательства, данныя ими въ интересахъ единенія, но все ихъ несчастье заключается въ латинскомъ рабствѣ, не столько церковномъ, сколько политическомъ, отъ котораго Византія пока не въ состояніи ихъ освободить; а вмѣстѣ съ этимъ падаетъ и все значеніе данныхъ ими обязательствъ. Такъ, если византійская церковь отправитъ кипрскимъ епископамъ грамоты съ приглашеніемъ на соборъ, то никто изъ нихъ, при всемъ желаніи своемъ, прибыть въ Византію не можетъ, такъ какъ встрѣтитъ въ этомъ полное противодѣйствіе со стороны латинской власти, не только церковной, но и гражданской. Равнымъ образомъ, при всемъ дерзновеніи православныхъ епископовъ Кипра къ исполненію благочестивыхъ требованій православія, они не могутъ освободиться отъ участія въ латинскихъ богослуженіяхъ, въ совершеніи погребеній, поминовеній и т. д., и византійцы не имѣютъ возможности обезпечить имъ нормальныя условія для свобод-

ной церковной жизни. А принятие киприятъ въ общеніе при настоящихъ условіяхъ, когда они по необходимости соблюдаютъ латинскіе обычаи, будетъ равносильно общенію православной церкви съ латинской, что запрещается канонами. Горячее и краснорѣчивое слово Іосифа Врѣннія повліяло на синодъ, — и вопросъ о соединеніи кипрской церкви съ византійскою опять не получилъ практическаго осуществленія. Въ такомъ исходѣ второй уніанальной попытки важное значеніе имѣло тяжелое политическое условіе Византіи, уже находившейся на краю гибели.

Между тѣмъ кипріоты, хотя въ общественной жизни болѣе или менѣе дружили съ латинянами, въ церковно-религіозномъ отношеніи попрежнему стояли далеко отъ нихъ и тяготѣли къ Византіи, не смотря на неудачныя попытки къ церковному единенію между ними. Въ частности, соборъ Флорентійскій (1439 г.), превозгласившій унію между восточною и западною церквами, не изменилъ религіозныхъ отношеній грековъ Кипра къ латинянамъ и не сопровождался благими результатами для церковнаго между ними мира. Греки попрежнему чуждались латинянь, а послѣдніе имѣли много поводовъ не довѣрять искренности немногихъ грековъ, которые по тѣмъ или инымъ причинамъ склонялись на унію. Въ это время православіе на Кипрѣ пользовалось довольно сильнымъ покровительствомъ королевы Елены. Кипрскій король Іоаннъ II, по смерти первой своей супруги, женился въ 1441 г. на гречанкѣ Еленѣ Палеологъ, дочери Теодора, деспота целопопесскаго. Греческая королева, отличавшаяся красотою, умомъ и энергіей, сумѣла захватить въ свои руки правительственную власть, такъ какъ ей слабохарактерный мужъ былъ мало способенъ къ управленію и, подъ воздѣйствіемъ жены, издалъ буллу съ провозглашеніемъ ся въ качествѣ своей соправительницы. Во время управленія Елены греческій языкъ, до того времени лишь терпимый на Кипрѣ, признанъ былъ языкомъ официальнымъ и употреблялся при заключеніи международныхъ договоровъ; правительственныя должности одинаково стали предоставляться грекамъ и франкамъ, греческая церковь, освободившись въ значительной степени отъ угнетающаго ее ига, стала наравнѣ съ латинской пользоваться имуществами, которыхъ она лишилась по

беззаконному произволу латинянь. Не довольствуясь этими льготами для православной церкви, королева Елена рѣшилась ограничить латинскую церковь въ привилегіяхъ, которыя раньше сохранялись во всей строгости и соблюдались съ какою-то благоговѣніемъ. По смерти латинскаго архіепископа на Кипрѣ, королева Елена, — вмѣсто того, чтобы ожидать новаго назначенія архіепископа изъ Рима, — отправила къ папѣ посольство съ просьбою утвердить въ званіи кипрскаго архіепископа предложеннаго ею кандидата — православнаго грека. Папа, отвергнувъ это смѣлое предложеніе, назначилъ архіепископомъ кипра Галезіо де Монтоливъ, славившагося умомъ и религіозной ревностію. Но королева Елена не только отказалась принять назначеннаго папой архіепископа, но и приказала схватить папскаго посла и заключить въ тюрьму. Папа, узнавъ о такомъ дѣйствіи королевы Елены, не пожелалъ, какъ говорятъ латинскіе лѣтописцы, возбуждать къ возстанію склонное къ греческой религіи кипрское царство, но приказалъ главному генералу ордена св. Іоанна Іерусалимскаго на Родосѣ отправиться на островъ Кипръ и убѣдить короля Іоанна согласиться на папское постановленіе, въ противномъ же случаѣ грозилъ ему и духовнымъ и мірскимъ мечемъ Рима. Папскій посолъ, воспользовавшись отсутствіемъ королевы Елены изъ Левкосіи, прибылъ на Кипръ съ латинскимъ архіепископомъ и убѣдилъ Іоанна II не противиться Риму. Елена, узнавъ о согласіи своего слабохарактернаго мужа на принятіе папскаго кандидата на архіепископскую кафедру, послѣдила возвратиться въ Левкосію, но, не желая обострять отношеній съ Римомъ, должна была принять и признать Галезіо. Однако мира между ними не было, и Галезіо въ 1442 г. долженъ былъ бѣжать отъ преслѣдованій Елены на островъ Родосъ. Видя возрастающее вліяніе на Кипрѣ греческой церкви, римскій престолъ опять вступилъ съ нею въ борьбу. Папа Николай V въ письмѣ къ архіепископу Кипра и легату Востока Андрею (отъ 3 августа 1447 г.) побуждалъ его болѣе ревностно заботиться обращеніемъ грековъ въ латинство, пользуясь, въ случаѣ нужды, помощію и гражданской власти. Но пока во главѣ власти стояла королева Елена Палеологъ († 1458 г.), по-

ложеіе православной церкви на Кипрѣ было довольно благополучно. Она оказывала ей всякое покровительство и содѣйствіе, заботилась о матеріальномъ благополучіи, защищала духовенство и народъ отъ оскорбленій и насплій со стороны латинянъ, украшала храмы и монастыри. Между прочимъ, она построила въ Левкосіи монастырь, который и наименовала Манганскимъ, по названію одноименнаго монастыря въ Константинополѣ. Но покровительственная для православныхъ и грековъ дѣятельность королевы Елены создала ей много враговъ, которые и стали возстановлять противъ королевы ея мужа Іоанна. У Елены была единственная дочь Шарлотта, которую отецъ, по интригамъ враговъ царицы, выдалъ замужъ за португальскаго принца—латинянина Іоанна комбурскаго (1456 г.), а спустя нѣкоторое время онъ объявилъ зятя своимъ соперникомъ. Послѣдній, не любя грековъ, сталъ ихъ сильно преслѣдовать, пользуясь помощію и родосскихъ рыцарей, которыхъ онъ пригласилъ на Кипръ. Ему удалось даже вновь предоставить латинскому клиру первенство и снабдить латинскую церковь имуществами, которыя онъ отнялъ у греческихъ храмовъ и монастырей. Королева Елена вынуждена была вступить съ своимъ зитемъ въ борьбу, вслѣдствіе которой Іоаннъ удалился изъ Левкосіи, а вскорѣ и погибъ (1457 г.), по вину своихъ сподвижниковъ, родосскихъ рыцарей. По смерти же Елены и ея мужа Іоанна (около 1458 г.), Кипръ сдѣлался ареной политическихъ распрей, такъ какъ изъ среды лузиньянскаго дома явилось нѣсколько претендентовъ на власть. Положеніе православной церкви въ это время было весьма печально, такъ какъ латиняне опять заняли господствующее положеніе и завладѣли всеми церковными имуществами. Вѣдствія православныхъ продолжались до конца господства на островѣ лузиньянской фамиліи.

Въ 1489 году островъ Кипръ былъ завоеванъ венеціанцами и находился подъ ихъ властью восемьдесятъ лѣтъ (до 1571 г.). Все время господства либеральныхъ венеціанцевъ было сплошнымъ мученіемъ православнаго населенія острова Кипра. Православная церковь была лишена свободы и имущества, греческое духовенство подчи-

нено латинскому, народъ подвергался насильственной латинизаціи. Венеціанцы закрыли школы острова и не позволяли грекамъ учить своихъ дѣтей родному языку. Притѣсненія и тираннія венеціанцевъ, называвшихся христіанами, были такъ велики, что многіе изъ жителей Кипра предпочитали турецкое иго и бѣжали въ Малую Азію, гдѣ утвердились османскіе турки. Кипряне сильно желали побѣды туркамъ и надъ венеціанцами, а когда турки овладѣли городами Никосіей и Фамагустой на Кипрѣ, то это событіе сопровождалось большою радостію греческаго населенія, которое разсчитывало на болѣе сносную жизнь подъ владычествомъ мусульманъ.

Такимъ образомъ, четырехвѣковое господство латинянъ на Кипрѣ было весьма тяжелымъ періодомъ въ исторіи мѣстной православной церкви. Самымъ убѣдительнымъ доказательствомъ этого является страстное желаніе кипрянъ замѣнить иго христіанъ—латинянъ подчиненіемъ игу мусульманъ—турокъ. А когда островъ былъ покоренъ турками (1571 г.), кипряне съ радостію привѣтствовали эту политическую перемѣну. И дѣйствительно, почти весь періодъ латинскаго владычества на Кипрѣ прошелъ въ сплошномъ и прогрессивномъ притѣсненіи православныхъ грековъ съ цѣлю насильственнаго обращенія ихъ въ католицизмъ. Даже одно вынужденное подчиненіе греческой іерархіи латинскому архіепископу и внѣшнее общеніе грековъ съ латинянами возбудили на Востокѣ сомнѣнія относительно чистоты православія на Кипрѣ. Особенно тягостно было положеніе тѣхъ православныхъ грековъ острова Кипра, которые совершали путешествіе въ Іерусалимъ для поклоненія Гробу Господню: іерусалимскіе патріархи и члены Святोगробскаго братства уклонялись отъ общенія съ ними, какъ съ иномыслящими. А если имѣть въ виду и различныя бѣдствія—матеріальныя и моральныя, въ которыхъ выражалось господство франковъ надъ греками Кипра, то вполне понятнымъ станетъ желаніе послѣднихъ видѣть здѣсь лучше мусульманскую чалму, чѣмъ папскую тиару. Однако и мусульманское господство сопровождалось большими бѣдствіями для православной церкви на Кипрѣ и было также печальнымъ періодомъ въ ея исторіи.

Духовенство и народъ и въ этотъ періодъ страдали и бѣдствовали не меньше, чѣмъ въ предшествующее время.

III. Кипръ былъ завоеванъ турками болѣе чѣмъ черезъ сто лѣтъ послѣ паденія Византіи (1453 г.). Въ 1570 г. султанъ Селимъ II, намѣреваясь нарушить мирный договоръ съ венеціанцами съ тѣмъ, чтобы завоевать принадлежавшія имъ островъ Кипръ, предложилъ шейхъ-уль-исламу такой вопросъ: позволительно-ли нарушить договоръ съ христіанами и посредствомъ оружія завоевать ихъ земли? На это шейхъ-уль-исламъ издалъ такую фетву: „договоръ съ нечѣстными только тогда можетъ имѣть законное значеніе, когда онъ приноситъ пользу исламу“. Основываясь на такомъ отвѣтѣ верховнаго толкователя закона и правительственнаго юрисконсульта, султанъ Селимъ II отправилъ на Кипръ войско въ 120.000 человекъ и произвелъ большое опустошеніе на островѣ. 9 сентября 1570 г. турки овладѣли городомъ Левкосіей, гдѣ истребили до 20.000 взрослыхъ христіанъ, а до 2.000 мальчиковъ и дѣвочекъ посадили на суда, чтобы отправить всѣхъ въ Константинополь. Матери, чтобы избавить своихъ дѣтей отъ предстоящаго имъ позора, сами умерщвляли ихъ на глазахъ турокъ, а потомъ убивали и себя. А одна гречавка, имя которой исторія не сохранила, подожгла турецкую эскадру съ молодыми плѣнниками и, взявъ въ серала и гарема, предпочла погибнуть вмѣстѣ со всѣми. Полное истребленіе постигло и христіанъ городовъ Пафа, Лемисса и Ларнакса, гдѣ были разрушены и христіанскіе храмы. 1 августа 1571 г. турецкія войска овладѣли Фамагустой, а населеніе города, вопреки предварительному договору, было или умерщвлено или отправлено въ Константинополь, гдѣ христіанъ продавали на рынкахъ, какъ животныхъ. Такимъ образомъ, въ концѣ 1571 г. весь островъ Кипръ оказался во власти мусульманъ. Города Левкосія и Фамагуста въ византійскую и франкскую эпоху были украшены многими и богатыми зданіями, частными и общественными, монастырями и церквами, число которыхъ въ одной Левкосіи, — по словамъ греческаго автора Филиппа Георгіу, — превышало 250. Все это перешло во владѣніе турокъ, которые большую часть церквей обратили въ мечети, другія сдѣлали скла-

дами и даже конюшнями и лишь немногія изъ нихъ сохранили во владѣніи христіанъ. Между прочимъ, въ Левкосіи турки обратили въ мечеть замѣчательный храмъ Святой Софіи, въ которомъ короновались короли лузиньянскаго дома. Также участь постигла и одноименной храмъ въ Фамагустѣ. И въ другихъ городахъ острова, церкви и монастыри болѣею частью были или разрушены, или обращены въ мечети, епископы греческіе и клирики были въ громадномъ числѣ умерщвлены, населеніе также подвергалось или избіенію, или изгнанію. Послѣ завоеванія острова населеніе было обложено податями и повинностями. Всего здѣсь оказалось 85.000 мужчинъ и юношей (въ возрастѣ отъ 14 до 50 лѣтъ), которымъ позволено было за небольшую плату приобретать на островѣ землю и воздѣлывать ее подъ условіемъ внесенія въ пользу казны и властей десятины урожая, при чемъ эта недвижимость переходила по наслѣдству. Населеніе обязано было платить правительству и цоголовную подать—хараджъ. Что касается церковной жизни, то и она подъ управленіемъ турокъ получила новую организацию. Когда завоеватель острова Мустафа-паша, устроивъ гражданское его управленіе, отправился съ войскомъ въ Константинополь, православные греки, избрали особую комиссію изъ духовныхъ и свѣтскихъ лицъ и послали ее къ великому визирю съ просьбою утвердить состоявшееся между греками и Мустафой-пашей соглашеніе по церковно-религіознымъ дѣламъ. Ихъ просьба была удовлетворена. Въ силу постановленія визиря, православные христіане получили право исполнять уставы и обряды своей вѣры и имѣть свои церкви, приобрѣли права покупать находившіеся во владѣніи мусульманъ монастыри, дома, поля и другія доходныя имѣнія и передавать ихъ по наслѣдству, признаны первенствующими изъ всѣхъ жителей острова.

Затѣмъ, христіанамъ опять даровано было право имѣть своихъ самостоятельныхъ епископовъ, во главѣ съ архіепископомъ, поселившимся въ Левкосіи; при архіепископѣ надлежало учредить постоянный синодъ съ высшими правами управленія и суда. Словомъ, на первыхъ же порахъ турецкаго господства кипрская церковь опять получила de jure прежнія свои права и приви-

легія, восстановила свой прежній административный status, какой имѣла до латинскаго владычества и въ формально-правовомъ отношеніи была поставлена сравнительно въ благопріятныя вѣдшія условія. Латинская же церковь потеряла свое недавнее господствующее положеніе. Въ это время, какъ греческіе епископы и клирики вѣдѣтъ съ паствою встрѣтили грозное нашествіе турокъ, не захотѣли оставлять греческій народъ безъ своей поддержки и убѣжденія и за эту приверженность своему дѣлу многіе изъ іерарховъ и духовенства, игуменовъ и монаховъ частію были убиты, частію взяты въ плѣнъ, — латинскіе клирики въ большинствѣ числѣ предпочли заблаговременно оставить островъ, а латинскій архіепископъ и совѣтъ не явился сюда, оставаясь во время войны съ турками въ Венеціи. Когда же островъ былъ завоеванъ, то Мустафа-паша, встрѣтивъ здѣсь почти исключительно греческихъ клириковъ, съ ними и заключилъ предварительное соглашеніе по церковно-религіознымъ дѣламъ. Латинянамъ не позволено было имѣть на Кипрѣ ни церквей, ни домовъ, ни имѣній; поэтому они вынуждены были на первыхъ порахъ посѣщать православные храмы. Кафедральная латинская церковь св. Николая въ Левкосіи была обращена въ мусульманскую мечеть, а другіе латинскіе храмы сдѣланы складами для хлѣба, имуществъ и т. п.

Фактическое положеніе кипрской церкви на первыхъ порахъ турецкаго господства было не вполне благопріятно. Православнымъ кипрянамъ надлежало избрать новаго архіепископа, предстоятеля церкви. Но во время приготовительныхъ къ этому дѣйствій одинъ арабскій монахъ, родомъ изъ Сиріи, находясь въ Константинополѣ и узнавъ о намѣреніи кипрянъ избрать себѣ архіепископа, захотѣлъ пріобрѣсти архіепископскую на островѣ кафедру путемъ подкупа турецкихъ властей, которыя въ концѣ XVI вѣка, можно сказать, уже узаконили такой способъ замѣщенія патріаршихъ и иныхъ кафедръ на православномъ Востокѣ. Предложивъ великому визирю Махмедъ-пашѣ взятку въ 3.000 венеціанскихъ золотыхъ, онъ достигъ цѣли и, въ санѣ епископа, отправился на Кипръ, какъ предстоятель мѣстной церкви. Не надѣясь встрѣтить

здѣсь сочувствіе, онъ выпросилъ себѣ у Порты конвой изъ двухъ янычаровъ; кипрскому же пашѣ Мусарефу былъ данъ изъ Константинополя приказъ водворить новаго архіепископа, — если потребуется, — при содѣйствіи войска. Разумѣется, православное населеніе Кипра не приняло этого ставленника Порты. Не стѣняясь этимъ, онъ требовалъ себѣ отъ грековъ полного подчиненія и тираннически расправлялся съ тѣми, кто не хотѣлъ его признавать. Главныя старанія архіепископа-араба были направлены къ тому, чтобы возвратитъ съ населенія тѣ три тысячи золотыхъ, за которыя онъ купилъ себѣ архіепископскій престолъ. Но власть этого самозванца, явившагося на Кипръ въ періодъ неурядицъ церковныхъ и общественныхъ дѣлъ, продолжалась недолго. Кипряне въ концѣ 1571 г. отправили въ Константинополь своего кандидата для замѣщенія вакантной архіепископской кафедры. Въ столицѣ турецкой имперіи въ это время находился и другой претендентъ архіепископской власти, одинъ кипрскій монахъ изъ благородной фамиліи Акре, по имени Тимофей, бывшій въ дружественныхъ отношеніяхъ съ современными константинопольскимъ патріархомъ Митрофаномъ III. Этотъ Тимофей, при содѣйствіи патріарха, и былъ назначенъ законнымъ архіепископомъ — предстоятелемъ Кипра. Кандидатъ же, рекомендованный кипрскимъ населеніемъ, хотя и былъ поддерживаемъ турецкимъ правительствомъ въ своихъ домогательствахъ архіепископскаго престола, согласился занять епископскую кафедру въ Пафѣ. Затѣмъ, игуменъ монастыря Кудовенти или Куцувинята, находившійся въ плѣну у турокъ въ Константинополѣ, а потомъ освобожденный изъ рабства, былъ назначенъ на епископскую кафедру Лемвеса. Наконецъ, одинъ кипрскій монахъ, состоявшій приходскимъ священникомъ храма св. Симеона въ Фамагустѣ, получилъ епископскую кафедру въ этомъ городѣ. Такимъ образомъ, въ первое же время послѣ завоеванія Кипра турками были замѣщены православными архіереями четыре епископскія кафедры, при чемъ эти кафедры были перенесены въ города изъ селъ, въ которыхъ онѣ находились во время владычества франковъ. Въ числѣ этихъ епархій не упомянута епархія киринійская,

такъ какъ городъ Киринія былъ совершенно разрушенъ турками и отъ него остались одѣль крѣпостныя стѣны, окрестности же его были совершенно пустыни. Въ началѣ XVII вѣка епархія Фамагусты была присоединена къ архіепископіи Левкосіи, а взамѣстъ ея учреждена древняя епархія киринійская. Въ первый разъ послѣ взятія острова имя киринійскаго епископа встречается въ 1609 г. въ письмѣ кипрскихъ епископовъ къ савойскому князю. Въ 1600 году существовала уже и епархія китійская. Первый архіепископъ Кипра Тимоѳей возстановилъ древнее устройство православной церкви и вновь обезпечилъ ей права автокефальности. При немъ былъ учрежденъ синодъ. Пользуясь высшими церковными правами, архіепископъ Тимоѳей получилъ отъ султана и привилегіи гражданскаго представительства предъ Портой за свою паству—подобно тому, какъ константинопольскій патріархъ состоялъ главою (милеть-баши) своего народа.

Въ послѣдующее время внутренняя жизнь православной церкви на Кипрѣ проходила не совсѣмъ ровно и спокойно. Въ 1592 г., по смерти архіепископа Тимоѳея, на островѣ возникли разногласія изъ-за выбора новаго архіепископа; народъ указывалъ своего кандидата, а епископы рекомендовали другого. Въ этихъ спорахъ большое участіе принималъ Леонтій—Евстратій, игуменъ монастыря св. Іоанна Πικρῆ въ Левкосіи, ученикъ извѣстнаго греческаго ученаго Максима Маргунія, другъ знаменитаго alexandрійскаго патріарха Мелетія Пигаса. Этотъ Леонтій обратился къ Мелетію съ просьбой отъ имени православнаго населенія въ Левкосіи и просилъ его быть посредникомъ въ этомъ дѣлѣ между кипрянами и вселенскимъ патріархомъ. Мелетій въ отвѣтномъ письмѣ Леонтію (1592 г.) высказалъ свою печаль по поводу волненій на островѣ и сообщалъ ему, что онъ немедленно написалъ бы по кипрскому дѣлу вселенскому патріарху, еслибы былъ болѣе освѣдомленъ о немъ, теперь же онъ рекомендуетъ Леонтію руководиться въ своей дѣятельности началами правды и добра, ибо „лучше безмолвствовать въ неизвѣстности, чѣмъ незаконно похищать знаменитыя каѳедры“. Въ томъ же году Мелетій alexandрійскій отправилъ посланіе іеромонаху

Пансію съ начальниками Лемисса и прочими христіанами по вопросамъ объ опрѣсновакахъ и исхожденіи Святаго Духа, которые были возбуждены вышеозначеннымъ монахомъ Леонтіемъ и рѣшались имъ несогласно съ ученіемъ православной церкви. Въ этомъ посланіи Леонтій, прибывшій съ Запада, обвиняется въ сочувствіи латинянамъ; но православные, по настоянію Мелетія, должны держаться уже раскрытаго восточною церковію ученія, какъ объ опрѣсновакахъ, такъ и объ исхожденіи Святаго Духа, при чемъ патріархъ обстоятельно раскрываетъ то и другое. Это письмо патріарха Мелетія имѣло большое значеніе для кипрскаго духовенства и народа, такъ какъ опредѣлило ихъ въ православныхъ воззрѣніяхъ, и въ послѣдующее время вопросы объ опрѣсновакахъ и исхожденіи Святаго Духа болѣе на островѣ не возникали. Но Мелетій и послѣ писалъ на островъ по другимъ церковнымъ дѣламъ и вообще привнималъ,—по просьбѣ кипрявъ,—немалое участіе въ ихъ церковно-общественной жизни. Когда онъ былъ еще патріархомъ alexandрійскимъ, ему была принесена жалоба на кипрскаго архіепископа Аонасія, обвиненнаго въ различныхъ преступленіяхъ. Въ частности этотъ Аонасій съ корыстной цѣлью разрывалъ на части и сожигалъ старыя антипны, а потомъ замѣнялъ ихъ новыми, разрывалъ незаконные браки, неправильно рукополагалъ клириковъ. По поводу этой жалобы Мелетій отправилъ Аонасію посланіе, въ которомъ упрекалъ его за указанныя проступки и увѣщевалъ исправиться. Но это посланіе не достигло цѣли, и кипряне снова жаловались на Аонасія Мелетію, когда послѣдній былъ мѣстоблюстителемъ константинопольскаго патріаршаго престола (1597—1599 г.). Тогда Мелетій послалъ изъ Константинополя на Кипръ экзарховъ, которые и должны были совмѣстно съ кипрскими архіереями произвести разслѣдованіе взведенныхъ на Аонасія обвиненій. Экзархи, по уполномочію патріарха, составили на Кипрѣ соборъ изъ мѣстныхъ епископовъ, на который трижды приглашали архіепископа для оправданій, но онъ не явился на соборъ и не представилъ письменнаго оправданія; тогда соборъ осудилъ Аонасія на лишеніе архіепископскаго достоинства (1598 г.)

Когда на константинопольскій патриаршій престолъ вступилъ Матоей II (1599 г.), а Мелетій опять отпразднелъ въ Александрію, кипрскія дѣла по прежнему находились въ большомъ неурядицѣ, вслѣдствіе злоупотребленій архіепископа Аѳанасія своею властію. Такимъ положеніемъ дѣлъ рѣшилъ воспользоваться современный антиохійскій патриархъ Іоакимъ, съ цѣлію подчинить себѣ кипрскую церковь, и объявилъ, что кипрскій архіепископъ долженъ судиться у него. Въ свое оправданіе патриархъ Іоакимъ то указывалъ на предоставленіе ему константинопольскимъ патриархомъ права епитропіи относительно Кипра, то ссылался на 37 и 42 правила перваго вселенскаго собора въ арабской редакціи, которыя будто бы предоставляютъ антиохійскимъ патриархамъ право хиротоніи предстоятелей кипрской церкви. Въ своихъ притязаніяхъ на самостоятельность этой церкви антиохійскій патриархъ Іоакимъ старался заинтересовать и александрійскаго патриарха Мелетія. Но просвѣщенный александрійскій патриархъ, хорошо знавшій предѣлы патриаршей власти на Востокѣ и основанія автокефальности кипрской церкви, не оказался единомышленникомъ Іоакима. Онъ, во-первыхъ, рекомендовалъ духовенству и народу Кипра обратиться за братскою помощію въ затрудненіи къ вселенскому патриарху, сохранившему первенство чести среди первоиерарховъ православнаго Востока, и, во вторыхъ, написалъ антиохійскому патриарху Іоакиму посланіе, въ которомъ осудилъ его притязанія на юрисдикцію въ церкви кипрской. Эти притязанія, писалъ Мелетій Іоакиму, — ведомыя патриарха. Тогда какъ Іоакимъ сообщаетъ, будто константинопольскій патриархъ поручилъ ему, какъ епитропу, рассмотреть кипрскій вопросъ, современный патриархъ іерусалимскій увѣдомилъ Мелетія, что кипрское дѣло будетъ судиться въ Константинополѣ соборомъ изъ двѣнадцати архіереевъ. Іоакимъ писалъ, что право хиротоніи кипрскаго архіепископа принадлежитъ ему въ силу 42 правила перваго вселенскаго собора; но въ такомъ случаѣ, какой смыслъ имѣетъ назначеніе его епитропомъ, какъ онъ увѣдомилъ Мелетія? Да и можно ли признавать законной хиротонію архіепископа Аѳанасія, коль скоро она была совершена патриархомъ

константинопольскимъ, а не іерусалимскимъ? Далѣе, антиохійскій патриархъ Іоакимъ ссылается на 42 правило перваго вселенскаго собора, а между тѣмъ православная церковь признаетъ только двадцать канонъ этого собора, и третій вселенскій соборъ, утвердившій независимость кипрской церкви отъ антиохійскихъ патриарховъ, ничего не говоритъ о 42 правилѣ Никейскаго собора; очевидно, правила свыше двадцатаго суть апокрифическія, поэтому церковь и не признаетъ ихъ; между тѣмъ антиохійскій патриархъ слушаетъ невѣжественныхъ людей и, подъ ихъ воздѣйствіемъ, поступаетъ несогласно съ божественными законами. Да и вообще антиохійскій патриархъ неправъ, когда по кипрскому вопросу обращается за совѣтомъ и помощію къ александрійскому, а не ко вселенскому патриарху. Письмо александрійскаго патриарха Мелетія, отклонившее антиохійскаго Іоакима отъ посягательства на автокефальныя права кипрской церкви, сохранило свое авторитетное для этого вопроса значеніе и на послѣдующее время.

Что касается вселенскаго патриарха Матоея II, къ которому духовенство и народъ, — по совѣту александрійскаго патриарха Мелетія, — обратились за помощію въ дѣлѣ архіепископа Аѳанасія, то онъ въ юнѣ 1600 года на соборѣ подвергъ послѣдняго лишенію каедръ. Сигиллій патриарха по этому дѣлу былъ адресованъ епископамъ святѣйшей архіепископіи Новой Юстиніани — Іакову таманескому, Филоею пафскому, Вевіамину солійскому и Іереміи китійскому, каонигуменамъ — архимандритамъ и прото-симвелламъ, протоіереямъ и викаріямъ, архонтамъ и остальному христіанскому народу Кипра. Въ сигилліи сообщается, что къ патриарху и синоду великой Христовой церкви поступила жалоба духовенства и мірянъ Кипра на архіепископа Аѳанасія, который, не смотря на сдѣланныя ему Мелетіемъ, патриархомъ александрійскимъ, предупрежденія о запрещеніи и низложеніи за злоупотребленія властію, продолжаетъ къ прежнимъ грѣхамъ и проступкамъ прибавлять новыя и еще большіе и совершать беззаконныя дѣла вопреки канонамъ. Александрійскій патриархъ Мелетій, къ которому кипріане обращались за помощію, произвелъ и разслѣдованіе обвиненій Аѳанасія, которая и

подтвердились. Доказано, что архіепископъ рвалъ священные антимины съ мощами мучениковъ и взаи́мъ ихъ за подарки и деньги выдавалъ другіе, разрѣшалъ четвертый бракъ, рукополагалъ въ священники двоеженцевъ и троеженцевъ, допускалъ незаконныя сожителства, неправильно совершалъ брачныя разводы, разрубилъ топоромъ древній патріаршій тронъ іерусалимскаго патріарха Германа и взялъ находившіяся въ немъ мученическія мощи и т. п. Когда на Аванасія была цѣложена Мелетіемъ епитимія, то онъ, опираясь на покровительство вышней (турецкой) власти, отказался ей подчиниться. Затѣмъ Мелетій послалъ на Кипръ экзарховъ священника Іеремію и діакона Анѳима, которые устроили здѣсь помѣстный соборъ для суда надъ Аванасіемъ. На соборѣ вновь было произведено самое тщательное разслѣдованіе преступленій Аванасія, въ присутствіи многихъ свидѣтелей изъ духовенства и мірянъ. Узнавъ о своемъ низложеніи съ престола, Аванасій, при помощи турецкихъ властей, схватилъ патріаршихъ экзарховъ и заключилъ въ тюрьму, гдѣ ихъ подвергли истязаніямъ. Константинопольскій патріархъ Матѳей и его синодъ, ознакомившись со всѣми обстоятельствами дѣла и простирая руку братской помощи кипрянамъ, постановили низложить архіепископа Аванасія съ кафедръ, о чемъ и увѣдомили кипрскую церковь особымъ сигилліемъ, который былъ отправленъ на островъ съ патріаршимъ экзархомъ—великимъ архимандритомъ патріаршихъ Арсеніемъ.

Преемникомъ кипрскаго архіепископа Аванасія былъ избранъ Веніаминъ. Его избраніе состоялось при участіи вселенскаго патріаршаго престола, который рекомендовалъ новаго архіепископа, а соборъ кипрской церкви, состоявшій изъ епископовъ, клириковъ и архонтовъ, въ свою очередь, произвелъ каноническое голосованіе и согласился на хиротонію Веніаминна. При содѣйствіи вселенскаго патріарха, Веніаминъ въ концѣ 1600 г. получилъ султанскій бератъ о своихъ правахъ и привилегіяхъ и, въ сопровожденіи константинопольскаго великаго архимандрита Арсенія, снабженнаго патріаршими грамотами,—отправился на Кипръ. Но здѣсь противъ новаго архіепископа сторонники низложеннаго Аванасія

произвели народное возмущеніе, при чемъ всѣ патріаршія грамоты и султанскій бератъ были объявлены неподлинными, а великій архимандритъ Арсеній—самозванцемъ. Въ виду этого, патріархъ Матѳей II въ январѣ 1601 г. отправилъ на островъ грамоту объ утвержденіи архіепископа Веніаминна, объявивъ его избраніе правильнымъ и увѣщевалъ духовенство и народъ Кипра повиноваться ему, какъ законному архипастырю. Въ этой грамотѣ, между прочимъ, упоминаются епископы—Іеремія китійскій, Филовей пафскій, Веніаминъ солійскій, епископы Арсено и Курія, монастыри—св. Маманта, близъ мѣстности Корфу и Неруктвореннаго, почетѣйшіе клирики—великій эконо́мъ, великій логоветъ, великій дикеофилаксъ, великій протэкиакъ, великій протонотарій и „остальные викаріи“. Преемникъ Матѳея II, патріархъ Неофитъ II въ августѣ 1602 г., въ свою очередь, обратился къ клиру и народу Кипра съ увѣщательною грамотою въ пользу того же архіепископа Веніаминна. Дѣло въ томъ, что спокойствіе на островѣ наступало медленно, такъ какъ низложенный архіепископъ Аванасій никакъ не хотѣлъ разстаться съ прежнею властію и возмущалъ духовенство и народъ. Поэтому Веніаминъ самъ поѣхалъ въ Константинополь и, разсказавъ новому патріарху Неофиту о недавнихъ событіяхъ на Кипрѣ, просилъ его умнотворить островъ. Патріархъ и отправилъ синодальное посланіе епископамъ, викаріямъ, епитропамъ и ефорамъ церквей и монастырей Кипра, церковнымъ властямъ и чинамъ, клиру, архонтамъ и народу его, которыхъ и назвалъ православными и послушными чадами восточной, каволической и апостольской церкви Константинополя, оказывавшей имъ, во времена опасностей, помощь и покровительство. Въ этомъ посланіи патріархъ сообщаетъ, что забота о мирѣ въ епархіяхъ острова всегда была свойственна великой Христовой церкви. Но въ послѣднее время этотъ миръ нарушенъ зловредными дѣйствіями бывшаго архіепископа Аванасія, который открыто возстаетъ противъ новаго архіепископа Веніаминна. Однако въѣздъ избраніе Веніаминна, — пишетъ Неофитъ, — состоялось правильно—на кипрскомъ соборѣ, которому, въ силу его прономій, принадлежить право выбирать, кого онъ желаетъ

потому что кипрская церковь „никому не подчинена, кромѣ Бога, и почтена автономіею“. Патриархъ Неофитъ увѣщаваетъ всѣхъ признавать Веніамина законнымъ архіепископомъ и во всемъ ему повиноваться — тѣмъ болѣе, что онъ получилъ и султанскій берать. Объ архіепископѣ Веніаминѣ извѣстно, что онъ былъ большимъ любителемъ просвѣщенія, имѣлъ намереніе устроить на Кипрѣ высшую школу для клира и народа и по этому поводу велъ переписку съ савойскимъ княземъ, убѣждая его оказать въ этомъ дѣлѣ помощь. Но идея Веніамина объ открытіи кипрскаго университета не получила практическаго осуществленія.

Въ іюлѣ 1618 г. вселенскій патриархъ Тимофей II, по просьбѣ кипрскаго архіепископа Христула и его синода, въ свою очередь подтвердилъ ихъ опредѣленіе о лишеніи сана кипрскаго іеромонаха Кирилла, который съ нѣкоторыми единомышленниками захотѣлъ овладѣть солійскою епископскою кафедрой, усмѣя уже получить султанскій берать, навесить оскорбленіе законному солійскому епископу Макарію и произвелъ большую смуту на островѣ. Въ своей грамотѣ на Кипръ патриархъ Тимофей увѣщавалъ всѣхъ признавать Макарія законнымъ пастыремъ, а Кирилла не принимать въ каноническое общеніе.

Въ половинѣ XVII вѣка на Кипрѣ возникло разногласіе между архіепископомъ и епископами по вопросу о границахъ духовной юрисдикціи той и другой стороны. Епископы, вопреки ясному каноническому разграниченію ихъ власти отъ полномочій архіепископа, по невѣжеству или честолюбію стали предьявлять притязанія на равночестность и равноправіе съ архіепископомъ, хотѣли совершать въ епархіи послѣдніяго тоже самое, что архіепископъ имѣлъ право дѣлать въ ихъ епархіяхъ, — подписываться въ официальныхъ бумагахъ подобно архіепископу и т. д. Дѣло восходило на разсмотрѣніе и рѣшеніе вселенскаго патриарха Іоанникія, который въ іюлѣ 1751 г. выдалъ примѣчательную патриаршую и синодальную грамоту о предѣлахъ каноническихъ отношеній архіереевъ Кипра къ своему архіепископу въ управленіи церковными дѣлами и въ соблюденіи чина во время богослуженій въ архіепископскомъ храмѣ. Патриархъ Іоанникій въ своей грамотѣ указываетъ,

прежде всего, на вредъ честолюбія, которое печалитъ братьевъ, нарушаетъ законы, претупаетъ священные преданія отцовъ, вторгаясь въ чужія области и въ предѣлы чужой власти. Вселенскій патриархъ, имѣя попечительность о всѣхъ помѣстныхъ церквахъ православнаго Востока, не можетъ допустить на Кипрѣ нарушенія со стороны мѣстныхъ епископовъ тѣхъ „вѣчныхъ предѣловъ“, которые установлены святыми отцами. И вотъ, въ патриаршемъ синодѣ были большія объ этомъ разсужденія и было постановлено, чтобы замѣченными на Кипрѣ злоупотребленіямъ впредь не быть. Прониміи кипрскаго архіепископа должны сохраняться непоколебимо, при братскомъ содѣйствіи патриарха и впредь никто изъ епископовъ и іереевъ не долженъ ихъ нарушать, но всѣ обязаны находиться въ границахъ своей власти, полномочій и положенія. Если кто-либо изъ священниковъ прибудетъ изъ своей епархіи въ другую, тотъ обязанъ представить мѣстному предстоятелю свою рекомендательную грамоту и можетъ исполнять здѣсь священнодѣйствія только съ его разрѣшенія, дабы въ церкви Христовой не было смятенія и безпорядковъ. Кромѣ того, архіерей, какія бы прономіи они не имѣли, когда прибудутъ въ архіепископскій городъ Левкосію, пользуются здѣсь отъ священниковъ въ ихъ церквахъ соотвѣтствующею честию; они занимаютъ первое мѣсто послѣ архіепископскаго трона, а кажденіе для нихъ совершается троекратно въ прямомъ направленіи, но не крестообразно. Во время малаго входа, священникъ, прочитавъ молитву по срединѣ церкви, долженъ подойти къ архіерею и дать ему облобызать святое Евангеліе, послѣ чего опять идетъ на средину и говоритъ: *премудрость, прости*. Во время великаго входа священникъ громко долженъ сказать: *да помянетъ Господь Богъ архіерейство твоё*. Желая же причаститься святыхъ тѣнъ, архіерей долженъ войти внутрь алтаря и причащается первый, но не даетъ священнодѣйствующему; антидоръ посылается архіерею на то мѣсто, гдѣ онъ стоитъ, и онъ беретъ его, а потомъ антидоръ посылается священнику, который и раздаетъ его народу. Во время выхода изъ церкви архіерей всѣмъ предшествуетъ. Ничего больше этого іерей и не

должны воздавать архіереямъ. Если же кто-либо изъ іереевъ будетъ предоставлять архіереямъ иныя почести, тотъ долженъ подвергнуться запрещенію въ священнослуженіи на три года, а потомъ, въ случаѣ упорства, и совсѣмъ лишается сана. Почетнѣйшимъ клирикамъ кипрской архіепископѣ патріархъ запретилъ воздавать архіереямъ, гдѣ бы то ни было, больше того, что и сколько требуется, и всѣми силами отклонять ихъ отъ несвойственнаго епископскому достоинству; если же клирики добровольно станутъ имъ уступать и не будутъ, по силѣ возможности препятствовать, то будутъ подлежать наказанію до лишенія сана включительно. Кромѣ того, патріархъ запретилъ и архіереямъ требовать больше установленнаго, но предписалъ довольствоваться въ столицѣ Кипра тѣмъ, что имъ принадлежитъ по сану. Входя въ церковь, они не должны требовать, чтобы ихъ встрѣчали пѣніемъ,—не могутъ ни держать жезлъ, ни благословлять народъ, ни возглашать—*миръ вамъ*, ни получать кажденія крестообразно, ни благославлять при кажденіи, ни раздавать антидоръ и т. п., такъ какъ все это архіереямъ позволительно совершать лишь въ своихъ епархіяхъ. Такъ—слѣдуетъ поступать архіереямъ въ отсутствіе кипрскаго архіепископа, а въ его присутствіи они тѣмъ болѣе ничего не должны присвоить себѣ, кромѣ лишь стоянія возлѣ него. Когда же архіепископъ пожелаетъ служить вмѣстѣ съ ними, то никто изъ архіереевъ не долженъ одновременно съ нимъ входить въ храмъ, лобызать св. иконы, но все обязанности въ это время стоять въ стасидіяхъ; когда же архіепископъ облобызаетъ иконы, благословитъ народъ и сядетъ на каедрѣ посрединѣ храма, то архіереи по двое подходятъ къ нему и, получивъ разрѣшеніе, входятъ въ алтарь для облаченія, за ними получаютъ отъ архіепископа благословеніе священники и діаконы, и вообще епископы во время этого богослуженія не имѣютъ другихъ преимуществъ предъ іереями, какъ только въ одеждѣ и въ томъ, что предшествуютъ имъ и сидятъ вмѣстѣ съ архіепископомъ. Когда же архіепископъ пожелаетъ обозрѣть всю архіепископію, то онъ на всемъ островѣ можетъ все совершать, какъ и въ самомъ городѣ Левкосіи, и никто совершенно не можетъ ему проти-

вѣдѣйствовать. Всѣ должны ему повиноваться и почитать, какъ отца, слушаться и уважать, ни въ чемъ не противиться и не преступать его повелѣній, такъ какъ за это предстоитъ вѣчное осужденіе, — особенно тѣмъ, которые, уклоняясь на сторону „внѣшнихъ“, оскорбляютъ святую мать церковь и, какъ лошаки (*ἵμῶνοι*), отвергаютъ наставленія, не понимая, что святѣйшій вселенскій престолъ заботится о нихъ и не повинующихся накажетъ, дабы были послушными. Вѣдь соборъ въ Никее повелѣлъ, чтобы хранились древніе обычаи. А древній обычай и состоитъ въ томъ, что архіепископъ и есть архіепископъ въ сонмѣ епископовъ и послѣдніе во всей архіепископѣ не могутъ совершать того же самаго, что совершаетъ онъ, во каждый долженъ пребывать въ своихъ собственныхъ предѣлахъ,—ибо власть тѣхъ, кому свойственны дѣло, сила и прономія, не тождественна съ властію вообще. Вѣдь не пустое же имя—архіепископъ, но съ нимъ соединяется и фактическая власть, дабы во святой церкви не было безпорядка и безначальственнаго многовластія. Позоръ бываетъ когда съ женою одной сожительствуютъ многіе, подвергающіеся смерти и физической, и моральной; не тѣмъ ли болѣе нравственную чистоту слѣдуетъ соблюдать въ дѣлахъ духовныхъ, особенно архіереямъ? Посему все они должны соблюдать эту грамоту патріарха, во избѣжаніе наказанія. Повсюду должны сохраняться правила отцовъ и обычаи всѣхъ церквей, особенно церкви великой. Въ заключеніе грамота патріарха говоритъ, что по приказанію архіепископа ова должна быть прочитана на всемъ островѣ. Сигваллій патріарха Іоаннікии произвелъ глубокое дѣйствіе на духовенство и народъ острова,—и съ того времени точно стали соблюдаться предѣлы юрисдикціи архіепископа и епископа кипрской церкви.

И въ другихъ случаяхъ, когда кипрская церковь просила помощи, церковь константинопольская, какъ первенствующая по чести между всѣми православными церквами Востока и обладавшая наивысшимъ духовнымъ авторитетомъ, съ готовностію и братски оказывала такое содѣйствіе, а иногда и самостоятельно, по личному побужденію вселенскихъ патріарховъ, предотвращала тѣ или другія опасности для право-

славія на Кипрѣ. Такъ, въ іюлѣ 1672 г. константинопольскій патріархъ Діонисій IV издалъ грамоту о ставропигиальныхъ правахъ монастыря Богородицы Кикка, подписанную также патріархомъ Неофитомъ антиохійскимъ и Досиеемъ іерусалимскимъ и архіепископомъ кипрскимъ Никифоромъ. Этотъ Никифоръ въ указанномъ году прибылъ въ Константинополь по личному дѣлу. Въ 1671 г. былъ лишенъ вселенскаго престола патріархъ Пароеній IV, подвергнутъ отлученію за неправославный образъ мыслей и сосланъ въ изгнаніе на Кипръ. Престарѣлый мѣстный архіепископъ Никифоръ вошелъ, однако, въ общеніе съ нимъ и за это навлекъ на себя негодованіе вселенскаго патріарха Діонисія IV. Послѣдній образовалъ соборъ, при участіи патріарховъ Неофита антиохійскаго и Досиея іерусалимскаго и мѣстныхъ митрополитовъ, и подвергъ кипрскаго архіепископа отлученію отъ церкви за общеніе съ изгнаннымъ и осужденнымъ Пароеніемъ. Такое наказаніе сильно опечалило Никифора, который по старости не былъ въ состояніи оцѣнить должнымъ образомъ положеніе низложеннаго патріарха Пароенія и, склоняясь на его хитрые прописки, вошелъ съ нимъ въ общеніе. И вотъ Никифоръ отправился въ Константинополь и предсталъ на вселенское судилище (οἶκον τοῦ κυρίου). На судѣ оный чистосердечно во всемъ раскаялся и просилъ у собора прощенія. Списавши къ старости Никифора и трудности предпринятаго имъ путешествія, имѣя въ виду его искреннее раскаяніе и сознаніе въ томъ, что оный сдѣлался жертвою коварныхъ рѣчей низложеннаго патріарха Пароенія IV, соборъ возстановилъ его въ архіепископскихъ правахъ и въ посланіи на Кипръ увѣщевалъ духовенство и народъ встрѣтить Никифора со всею любовью и расположеніемъ, съ честію и почтеніемъ, принимать отъ него благословеніе и освященіе и не ставить ему въ вину прежнее общеніе съ Пароеніемъ.

Архіепископъ Никифоръ, будучи предстоятелемъ автокефальной кипрской церкви и живя въ то время, когда православная восточная церковь возвысила свой голосъ противъ протестантизма и доказывала его несогласіе съ ученіемъ вселенскихъ соборовъ, также призналъ молчаніе неблаго-

временнымъ и, по примѣру іерусалимскаго собора 1648 г., созвалъ въ 1668 г. соборъ въ Левкосіи. Соборъ состоялся въ апрѣлѣ этого года въ храмѣ св. Архангела, подъ предѣлательствомъ Никифора и въ присутствіи митрополитовъ Макарія пафскаго, Никифора кипринйскаго и Герасима немесскаго, іеромонаха Иларіона Кягала и Кягала, экзарховъ Аммохоста, Арсина, Курія и Солоя, многихъ каингуменовъ, почетныхъ клириковъ и монаховъ и занимался обсужденіемъ ученія кальвинистовъ. Дѣянія этого собора, осудившаго заблужденія кальвинистовъ, были составлены іеромонахомъ Иларіономъ Кягала, который и сообщилъ ихъ капуцинамъ на Кипрѣ, а эти послѣдніе переслали ихъ во Францію, гдѣ они и были напечатаны на латинскомъ языкѣ. Но на Кипрѣ въ архіепископіи сохранилась, по свидѣтельству Георгію, греческая копія соборныхъ опредѣленій, которыя касаются таинства, архіерейства, св. мѣра, поста, монашества, почитанія иконъ, молитвы и поминovenія усопшихъ. Въ заключеніи соборныхъ опредѣленій сказано, что согласно съ церковію кипрской учать и первыи константинопольская, александрійская, антиохійская, іерусалимская и русская, а также народы Болгаріи, Сербіи, Мизіи, Эппра, арабы и египтяне.

Въ 1674 г. архіепископъ Никифоръ по болѣзни и старости отказался отъ власти¹⁾, и предстоятелемъ кипрской церкви былъ избранъ іеромонахъ Иларіонъ Кягала, отличавшійся большею ученостію въ области наукъ богословскихъ и свѣтскихъ, знавшій, — по словамъ іерусалимскаго патріарха Досиея, — всю латинскую мудрость, знакомый съ италіянскимъ языкомъ. Овъ родился въ Левкосіи, учился въ греческой коллегіи въ Римѣ, гдѣ изучилъ богословіе, риторику и пиитику. Потомъ, по порученію римской пропаганды, Иларіонъ отправился на Востокъ для проповѣди, обѣхалъ многія мѣстности и долго жаль въ Эпирѣ. Возвратившись въ Римъ, овъ былъ назначенъ

¹⁾ Филиппъ Георгію говорить, что Никифоръ въ 1674 г. скончался (стр. 95). Это невѣрно, такъ какъ изъ протокола объ избраніи въ 1676 г. пафскаго митрополита Нектарія видно, что на избирательномъ соборѣ присутствовалъ и бывшій архіепископъ Никифоръ (Δελ. α. γ. η. σ., Πατριρχικά έγγραφα II, 662).

учителем греческой коллегии въ Патавин. Прибывъ затѣмъ въ Константинополь, Иларіонъ былъ удостоенъ великою церковію титула „вселенскаго дидакала, великаго богослова, равночестнаго епископамъ, господина архидидакала и экзарха всѣхъ дидакаловъ“; онъ пользовался одинаковыми съ епископами почестями въ словѣ, письмѣ и на кафедрѣ, не имѣлъ лишь права носить омофоръ и совершать рукоположенія. Послѣ весьма успѣшнаго исполненія въ Константинополѣ обязанностей вселенскаго учителя, Иларіонъ Кигала прибылъ на Кипръ, принималъ здѣсь участіе на соборѣ 1668 г. противъ кальвинистовъ и составилъ его дѣянія. Въ 1671 г., находясь въ Іерусалимѣ, онъ много помогалъ патріарху Нектарію въ составленіи сочиненія о власти папы, перевелъ для него многія, относящіяся къ вопросу, извлеченія изъ твореній отцовъ и былъ истолкователемъ самыхъ принциповъ папства. Возвратившись на Кипръ, Иларіонъ въ 1674 г. былъ избранъ архіепископомъ. О его управленіи кипрскою церковію нѣтъ почти никакихъ свѣдѣній. Извѣстно лишь, что въ 1676 г. Иларіонъ составилъ соборъ для избранія пафскаго митрополита, при участіи бывшаго архіепископа Никифора, митрополитовъ Леонтія киринійскаго, Варнавы амаоунтскаго и немесскаго и Леонтія бывшаго пафскаго и въ присутствіи іереевъ и почетвѣйшихъ клириковъ; выборъ палъ на іеромонаха Нектарія. Соборъ и постановилъ, что въ составъ пафской митрополіи долженъ входить и городъ Тримнууть. Иларіонъ скончался въ 1692 г. въ Константинополѣ, куда онъ за нѣсколько лѣтъ до этого времени долженъ былъ удалиться съ острова Кипра вслѣдствіе разногласія съ папскою по вопросамъ вѣры и вслѣдствіе жалобы на него вселенскому патріарху за склонность къ латинскимъ мнѣніямъ. Но послѣдній пунктъ является спорнымъ и неизрѣченнымъ. Наконецъ, въ Константинополѣ Иларіонъ Кигала написалъ сочиненіе о праздникѣ Пасхи.

Послѣ Иларіона архіепископскую кафедру на Кипрѣ занималъ Іаковъ I (1679—1689 г.), о которомъ не сохранилось никакихъ свѣдѣній, а послѣ Іакова—Германъ II (1690—1705 г.). При этомъ архіепископъ вселенскій патріархъ Калиникъ II въ маѣ 1700 г., по просьбѣ немесскаго и китій-

скаго митрополита Іоанникія, объявилъ приходскимъ или епархіальнымъ монастырь по имени Амасгу. Дѣло въ томъ, что въ 1633 г. мѣстный митрополитъ Леонтій подарилъ этотъ монастырь александрійскому патріарху Герасиму I, который потомъ далъ письменное удостовѣреніе въ томъ, что отказывается владѣть этимъ монастыремъ. Въ такомъ же родѣ заявилъ и александрійскій патріархъ Герасимъ II (1700 г.), въ отвѣтъ на просьбу митрополита Іоанникія. Оба эти документа были засвидѣтельствованы кипрскимъ архіепископомъ Германомъ II, а немесскій митрополитъ Іоанникій обратился къ вселенскому патріарху Калинику II съ просьбою вновь признать монастырь Амасгу подчиненнымъ епархіальному архіерею. Калиникъ въ этомъ родѣ и опубликовалъ свой сигиллій. Архіепископъ Германъ недобровольно оставилъ кафедру. Духовенство и народъ острова обратились къ вселенскому патріарху Гавріилу III съ жалобой на его несправедливости и жестокости и просили защиты у великой Христовой церкви. Когда мѣры патріаршаго воздѣйствія на Германа оказались безуспѣшными, на островѣ была созвана соборъ, который и постановилъ лишить его архіепископскаго престола. Затѣмъ кипрскіе митрополиты принуждены были и сами отправиться въ Константинополь, чтобы искать помощи у патріарха Гавріила III противъ беспокойнаго и мстительнаго Германа II. Въ Константинополѣ составилъ надъ Германомъ патріаршій судъ, лишившій его кафедры. Потомъ кипрскіе митрополиты составили соборъ и избрали на архіепископскій престолъ бывшаго антійхійскаго патріарха Аонасія. По этому дѣлу константинопольскій патріархъ Гавріилъ III отправилъ на Кипръ посланіе, въ которомъ объявилъ о справедливомъ изложеніи Германа II, признавъ дѣйствія избирательнаго собора законными и увѣщевалъ всѣхъ считать Аонасія своимъ архипастыремъ, какъ мужа вполне достойнаго предстоятельства въ церкви кипрской. Между тѣмъ бывшій архіепископъ Германъ не захотѣлъ подчиниться соборному рѣшенію, а когда оно было подтверждено и патріаршею грамотой, то онъ постыжился избрать своимъ преемникомъ священника Іакова, состоявшаго въ бракѣ, при чемъ новый архіепископъ оставилъ свою жену. Германъ даже и хирото-

писалъ его въ санъ епископа. Іаковъ II, повидимому, въ которое время фактически занималъ архіепископскій престолъ; большое содѣйствіе въ захватѣ власти оказывалъ ему одинъ мірянинъ, по имени Константинъ. На островѣ водворилась церковная смута, такъ какъ одновременно здѣсь оказались три архіепископа: — изложенный Германъ II, поставленный имъ Іаковъ II и избранный соборомъ бывшій антиохійскій патріархъ Аванасій. Восстановленію мира и порядка опять-таки содѣйствовала вселенская церковь въ лицѣ патріарха Гавріила III и синода, которые еще разъ обратились къ кипрцямъ съ окружнымъ посланіемъ, осудивъ въ немъ Германа II и Іакова II и повелѣвъ признавать законно избраннымъ архіепископомъ Аванасія. Въ свою очередь, Аванасій, „Божіею милостію бывшій патріархъ Антиохіи и проедръ святѣйшей архіепископін Кипра и нової Юстиніаны“, около 1707 г. обратился къ духовенству и народу острова съ пастырскимъ окружнымъ посланіемъ, въ которомъ изложилъ обстоятельства своего избранія на кипрскую кафедру и преподавалъ всѣмъ свои архипастырскія наставленія. Здѣсь, между прочимъ, сообщается, что митрополиты Кипра нѣсколько разъ жаловались вселенской патріархіи на тираническое управленіе бывшаго архіепископа Германа. Патріаршій синодъ потребовалъ Германа на судъ, но онъ не явился. Синодъ лишилъ его престола, а потомъ патріархъ Гавріилъ предложилъ кипрскимъ митрополитамъ устроить соборъ для избранія новаго архіепископа. Выборъ собора палъ на Аванасія, который, уступая общей просьбѣ, и принялъ избраніе. Извѣщая объ этомъ духовенство и народъ Кипра, Аванасій повелѣвалъ возносить за богослуженіемъ его имя и отдавать ему должное повновѣніе.

Послѣ Аванасія архіепископомъ кипрской церкви былъ Сильвестръ (1718—1731 г.), который, между прочимъ, въ 1720 г. на свои средства возобновилъ зданіе архіепископін. Въ 1730 г. онъ, какъ гражданскій представитель (ἐθνάρχης) греческаго народа на островѣ, по общему рѣшенію духовенства и мірянъ отправился съ подчиненными ему архіереями въ Константинополь для ходатайства предъ правительствомъ о нѣкоторыхъ ихъ нуждахъ. Явившись въ столицу турецкой имперіи, Силь-

вестръ и митрополиты принесли великому визирю жалобу на притѣсненія въ сборѣ податей и вообще на беззаконное управленіе мѣстныхъ турецкихъ властей и смиренно просили у Порты защиты. Но султанъ Махмудъ I призналъ это ходатайство за народное возмущеніе и, считая виновниками его, главнымъ образомъ, современнаго константинопольскаго патріарха Кирилла I, какъ отвѣтственнаго предъ Портой за всю ромейскую райю имперіи, и драгомана Порты христіанина Іоанна Каллимахи, лишилъ первого престола, удаливъ и въ ссылку на островъ Халки, а второго изгнавъ на островъ Теведосъ. Затѣмъ гроза разразилась и надъ непосредственными виновниками народнаго „бунта“ на Кипрѣ, архіепископомъ Сильвестромъ и митрополитами, осмѣлившимися обращаться къ правительству съ жалобой на поставленныхъ имъ чиновиниковъ. Архіепископъ Сильвестръ и китійскій митрополитъ Іоанникій были сосланы въ Авратъотаси, а митрополиты Іоакимъ пафскій и Никифоръ киринійскій сперва подверглись опалѣ, а потомъ оправдались и получили разрѣшеніе отъ правительства возвратиться на Кипръ. Это обстоятельство послужило поводомъ къ новымъ церковнымъ смутамъ на островѣ. Одинъ іеромонахъ, по имени Варнава Викосъ, державшійся латинскаго образа мыслей (латинοφρων), воспользовался изгнаніемъ китійскаго митрополита Іоанникія и попытался захватить его кафедру, при содѣйствіи свѣтской власти и при помощи подкупа (обѣщалъ заплатить 2.000 гросіевъ). Онъ имѣлъ даже дерзость обратиться за содѣйствіемъ къ вселенскому престолу, но патріархъ Паисій II въ 1730 г. подвергъ его отлученію, о чемъ и сообщилъ кипрцямъ. Спустя немного, митрополиты киринійскій Никифоръ и пафскій Іоакимъ, забывъ о благодѣяніяхъ, сдѣланныхъ имъ удаленнымъ въ ссылку архіепископомъ Сильвестромъ, и пренебрегши церковные каноны, захватили — первый архіепископію, а второй китійскую митрополію. Напрасно архіепископъ Сильвестръ писалъ Никифору по поводу самозванства и убѣждалъ его и Іоакима оставить чужія епархіи и возвратиться въ свои: — оба митрополита распорядились въ архіепископін и митрополіи китійской, какъ въ своихъ епархіяхъ, навѣшали много долговъ, отняли у церквей

деньги и даже священную утварь и вообще произвел большой беспорядокъ въ церковной жизни Кипра. Между тѣмъ, въ 1731 г. архіепископъ Сильвестръ и митрополитъ Іоанникій были возвращены изъ ссылки и получили султанскіе бераты на восстановленіе своихъ правъ. Прибывши въ Константинополь, они обратились къ патриарху Паисію II съ просьбой оказать имъ содѣйствіе въ возвращеніи своихъ епархій. Въ виду этого, патриархъ и синодъ вселенской церкви лишили митрополитовъ киринійскаго Никифора и пафскаго Іоакима епископскаго сана, а христіанамъ Кипра повелѣли признавать Сильвестра архіепископомъ, а Іоанникія—кирійскимъ митрополитомъ. Возвратившись въ 1731 г. на Кипръ, Сильвестръ приступилъ къ украшенію живописью каедральнаго храма во имя Апостола Іоанна Богослова, но закончить этого дѣла не успѣлъ, вслѣдствіе внезапной смерти. Его преемникомъ по архіепископской кафедрѣ былъ Филоеѣ (1731—1759 г.), человекъ образованный и энергичный, пользовавшійся въ Константинополѣ, гдѣ онъ жилъ изъ архіепископства, славой выдающагося дидакакала. И на Кипрѣ (въ Левкосіи) онъ устроилъ школы греческаго языка и церковнаго пѣнія, помогалъ и всячески поощрялъ народныхъ учителей къ дѣятельности, имѣлъ переписку по церковнымъ и школьнымъ дѣламъ съ извѣстными на Востокѣ дидакаломъ Іаковомъ Патмосскимъ, былъ большимъ ревнителемъ церковнаго чина и обычаевъ, отличался щедростію и любовію къ благотворенію. Онъ горячо къ сердцу принималъ и народную нужду и, какъ этнархъ, обращался много разъ къ турецкому правительству съ просьбами объ уменьшеніи податей и повинностей съ грековъ острова. Ему даже удалось, путемъ личнаго ходатайства предъ великимъ визиремъ, уменьшить общую сумму хараджа (поголовной подати) съ христіанъ его архіепископіи. Но враги Филоеѣ — какъ изъ турокъ, такъ и изъ христіанъ—оклеветали его во взиманіи съ народа по три и пяти гросіевъ безъ особаго на этого правительства фирмана, и великій визирь приказалъ заключить его въ оковы и посадить на Кипрѣ въ тюрьму. Филоеѣ потомъ оправдался предъ Портой и былъ признанъ невиннымъ. Но въ 1745 г. съ нимъ произошла новая бѣда: Порта, по

дополнительнымъ доносамъ, лишила его престола и сдѣлала приказъ объ избраніи новаго архіепископа. Враги Филоеѣ изъ клириковъ и мірянъ постѣжили найти кандидата для архіепископства въ лицѣ іеромонаха Неофита, а три митрополита константинопольской церкви Іоакимъ, просеръ епархій Имвроса, Мелетій съ о. Тивоса и Іоанникій меленекскій, устройвъ избирательное собраніе, провозгласили Неофита архіепископомъ новой Юстиніаны и всего Кипра (23 февраля 1745 г.). Но это избраніе было опротестовано одиннадцатью другими митрополитами константинопольской церкви, признавшими распоряженіе правительства объ изгнаніи Филоеѣ незаконнымъ и несправедливымъ и не пожелавшими участвовать въ его избраніи. А затѣмъ въ іюнѣ 1745 г. на Кипръ было отправлено изъ Константинополя патриаршее (Паисія II) и синодальное посланіе, которымъ подвергались отлученію незаконно управлявшій церковію архіепископъ Неофитъ и всѣ его сообщники, такъ какъ процессъ его избранія представлялъ рядъ каноническихъ нарушеній. Эти событія крайне неблагоприятно подѣйствовали на здоровье Филоеѣ, который къ тому же вынужденъ былъ удалиться съ Кипра въ Дамаскъ. Но онъ не оставлялъ управленія и продолжалъ руководить дѣлами кипрской церкви чрезъ посредство митрополитовъ. Между прочимъ, Филоеѣ послалъ въ Константинополь митрополитовъ Іоакима пафскаго, Макарія китійскаго и Никифора киринійскаго для ходатайства предъ правительствомъ объ уменьшеніи налоговъ на жителей Кипра (1754 г.). Ходатайство было отчасти удовлетворено и, кромѣ того, архіереи получили отъ великаго визиря фирманъ, которымъ за райей Кипра было признано право избрать особыхъ старшинъ (коджабаши) или епитроповъ съ тѣмъ, чтобы они непосредственно обращались къ правительству съ просьбами относительно различныхъ нуждъ Кипра. Возвратившись на островъ, Филоеѣ успѣлъ исхлопотать у правительства и нѣкоторыя льготы для монаховъ острова. Но управленіе архіепископа Филоеѣ было неспокойно до конца его жизни († 1759 г.). Объ этомъ свидѣтельствуетъ прошеніе, отправленное въ 1759 г. константинопольскому патриарху Серафиму II и синоду и

подписанное митрополитами Макаріемъ, Іоакимомъ и Никифоромъ, священниками въ числѣ 21, должностными клириками и почетными мірянами въ томъ же числѣ. Въ прошеніи отмѣчается попечительность великой Христовой церкви о всѣхъ автокефальныхъ помѣстныхъ церквахъ, особенно кипрской во время возникшихъ здѣсь безпорядковъ, происшедшихъ по винѣ самозваннаго архіепископа Неофита и его злыхъ сообщниковъ. При поддержкѣ великой церкви правое дѣло восторжествовало, и законный архіепископъ Филоеѣй остался у власти. Но, удрученный болѣзнями, онъ три раза отказывался отъ архіепископской кафедры, однако, митрополитъ, кларъ и народъ удержали его. Это лишь содѣйствовало благу кипрской церкви, такъ какъ Филоеѣй извѣстенъ своими административными способностями и всѣ клирики и міряне острова весьма довольны его управленіемъ. Но въ послѣднее время объявились новые враги этого выдающагося архипастыря, которые опять стали повсюду дѣйствовать въ пользу незаконнаго архіепископа Неофита. Они снова обратились за помощью къ великой Христовой церкви, но она ихъ отвергла. Митрополитъ, представители клира и мірянъ Кипра просятъ великую Христову церковь, чтобы она и впредь поддерживала ея законнаго архипастыря, отсѣкала негодные члены отъ общей матери церкви и всѣми средствами оказывала помощь и покровительство церкви кипрской, которую возмущаютъ ея враги.

Преемникомъ архіепископа Филоеѣя былъ Панаіѣй (1759—1766 г.), также одинъ изъ лучшихъ архипастырей Кипра по образованію и нравственнымъ качествамъ. Онъ былъ родомъ изъ Киланія (на Кипрѣ) и въ теченіе 32 лѣтъ служилъ въ архіепископѣ въ званіи діакона и архимандрита. Во время непродолжительнаго (7 лѣтъ) управленія кипрскою церковію онъ совершилъ много важныхъ и полезныхъ дѣлъ, хотя и перенесъ много страданій. Между прочимъ, островъ въ 1760 г. постигла чума, произведшая здѣсь полное опустошеніе въ населеніи. Архіепископъ Панаіѣй приложилъ всѣ усилія къ уврачеванію страданій народа. Въ 1761 г. онъ послалъ въ Константинополь китійскаго митрополита Макарія и дидакакала іеромонаха Вѣрема для ходатайства предъ

правительствомъ объ уменьшеніи податей съ христіанскаго населенія. Китійскій митрополитъ скоро возвратился на островъ, а дидакакалъ Вѣремъ отправился на великую лавру на Афонѣ и привезъ отсюда главу св. Михаила Синадскаго, дабы предотвратить на будущее время бѣдствіе на островѣ. Но едва миновала эта бѣда, какъ враги Панаіѣя оклеветали его предъ Портой, которая и осудила его на изгнаніе. Панаіѣй долженъ былъ бѣжать въ Бейрутъ, находившійся подъ управленіемъ автономнаго князя Ливанской горы. По требованію турецкаго правительства, архіепископомъ Кипра былъ избранъ іеродиаконъ Кипріанъ, исполнявшій обязанности дидакакала въ Константинополѣ. Но онъ не былъ хиротонисанъ въ епископа и согласился управлять кипрскою церковію лишь временно. Это былъ клирикъ просвѣщенный, избранный потомъ (1766 г.) на патриаршую александрійскую кафедру. Но на Кипрѣ, въ виду исключительныхъ обстоятельствъ, онъ не успѣлъ сдѣлать ничего полезнаго. Онъ не могъ и примирять здѣшнія партіи, одна изъ которыхъ продолжала признавать своимъ архіепископомъ Панаіѣя и не входила въ общеніе съ Кипріаномъ. Послѣдній даже прибѣгъ къ мѣрамъ строгости,—заставивъ нѣкоторые церкви и монастыри вносить повышенные налоги, обложивъ повинностями и частными лицъ, но все-таки вынужденъ былъ оставить островъ. Панаіѣй недолго оставался въ Бейрутѣ и, послѣ удаленія Кипріана, возвратился на Кипръ и вторично занялъ архіепископскій престолъ. Бѣдствія были удѣломъ и этой половины управленія Панаіѣя.

Въ 1764 году на островъ явился новый турецкій паша Османъ, который сильно тѣснилъ христіанъ и требовалъ съ церковей и монастырей большіе налоги. Панаіѣю и архіереямъ пришлось испытать много страданій, такъ какъ ихъ попытки принести на Осману жалобу не увѣнчались успѣхомъ. На этой почвѣ потомъ произошелъ на островѣ бунтъ, для усмиренія котораго прибыли турецкія войска. Столкновение населенія и солдатъ сопровождалось убійствами, а затѣмъ послѣдовало разсѣдованіе дѣла съ неизбежными вымогательствами и насиліями турецкихъ властей. Панаіѣю, какъ отвѣстному предъ Портой представителю народа, пришлось много перестрадать и испытать

большія бѣдствія. Онъ ѣздилъ въ Константинополь для защиты христіанъ предъ Портой, собиралъ деньги для уплаты налоговой пени, защищалъ церкви и монастыри отъ посягательства турецкой администраціи. Вѣдшія бѣдствія не позволяли Паисію всецѣло посвятить себя благоустройству внутреннихъ дѣлъ церкви. Но онъ имѣлъ переписку съ додаскаломъ Іаковомъ патмосскимъ и патриаршимъ епитропомъ въ Іерусалимѣ. Неофитомъ относительно внутреннего положенія церкви. Удрученный бѣдствіями и болѣзнями, подъ вліяніемъ страха отъ турокъ за свою жизнь, Паисій по совѣту врачей въ ноябрѣ 1766 г. оставилъ Левкосію и перѣхалъ въ Скалу, гдѣ 1 января 1767 г. скончался и былъ погребенъ въ храмѣ св. Лазаря.

По смерти Паисія общимъ голосомъ и рѣшеніемъ духовенства и народа на кипрскую архіепископскую кафедру былъ избранъ пафскій митрополитъ Хрисанъ (1767—1810 г.). Вѣдшее положеніе кипрской церкви и при этомъ архіепископѣ было весьма печально. Виновники этого были турецкіе начальники острова, которые немилосердно эксплуатировали мѣстныхъ христіанъ и старались какъ можно больше собрать съ нихъ налоговъ деньгами и натурою. Въ 1775 году правителемъ острова былъ Хаджи Баки-ага, который, вопреки всѣмъ распоряженіямъ султановъ, обложилъ каждого христіанина налогомъ въ восемь гросіевъ. Архіепископъ Хрисанъ и архіереи заявили протестъ противъ такого произвола, но Баки-ага приказалъ взимать налогъ силою. По просьбѣ народа, всѣ архіереи тайно отправились въ Константинополь съ жалобою на притѣсненія и несправедливости пашы. Узнавъ объ этомъ, Баки-ага, съ согласія великаго визаря, издалъ приказъ схватить ихъ и отправить на Афонъ. Архіепископъ Хрисанъ едва успѣлъ избавиться отъ ссылки, скрывшись въ домѣ голландскаго консула въ Смирнѣ; митрополиты также принуждены были искать пріюта у своихъ смирнскихъ друзей. Между тѣмъ, Баки-ага получилъ изъ Константинополя разрѣшеніе избрать новыхъ архіереевъ для Кипра и немедленно приступилъ къ этому дѣлу въ отсутствіе Хрисанъ и митрополитовъ, укрывшихся въ Смирнѣ. Вселенскій патриархъ Гавріилъ IV (1780—1785 г.), по требованію Порты, вынужденъ былъ даже

написать антиохійскому патриарху Даниилу, чтобы онъ отправилъ на Кипръ трехъ подчиненныхъ ему епископовъ для „хиритонія новаго архіепископа и трехъ находящихся подъ его властію архіереевъ, какъ уже предъизбранныхъ“. Объ этомъ Даниилу писать и Баки-ага. Но антиохійскій патриархъ понималъ, что въ этомъ дѣлѣ есть неправда и наспліе, и отказался командировать на Кипръ своихъ архіереевъ. Между тѣмъ, изъ Смирны былъ отправленъ китійскій митрополитъ Мелетій, которому и удалось исхлопотать у Порты разрѣшеніе архіепископу Хрисану и архіереямъ Кипра пріѣхать въ столицу. Явившись къ султану и великому визарю, они представили убѣдительныя доказательства несправедливаго управленія Баки-аги и просили смѣстить его. Просьба ихъ была уважена. Архіепископъ Хрисанъ и пафскій митрополитъ немедленно возвратились на Кипръ, а митрополитъ китійскій и киринійскій и драгоманъ Кипра остались въ столицѣ впредъ до окончанія суда надъ Баки-агой. Судебный процессъ они выиграли, доказавъ, что Баки-ага жестоко грабилъ христіанъ, но денегъ своихъ обратно не получили отъ правительства, а, напротивъ, сдѣлали новые долги во время процесса. Возвратившись на островъ, архіепископъ Хрисанъ и архіереи нашли все здѣсь въ крайне печальномъ положеніи. Четыре архіерейскія кааедры, по винѣ Баки-аги, имѣли громадный долгъ въ 484.836 гросіевъ, изъ которыхъ на архіепископію пала сумма въ 193.934 гросія. Населеніе бѣдствовало отъ голода, церковныя дѣла были въ упадкѣ, назначенные Баки четыре новые архіерея (игуменъ обители Махера Іоанникій—архіепископъ, игуменъ обители Паллургіотиссы Іоакимъ—митрополитъ Пафа, игуменъ монастыря св. Лазаря Хрисанъ—митрополитъ Китія и экзархъ киринійской кааедры Іоанникій—митрополитъ Киривіи), собравъ около себя единомышленниковъ, не хотѣли отказаться отъ власти. По ходатайству архіепископа Хрисанова, великая Христова церковь лишила священства всѣхъ этихъ лицъ, добивавшихся архіерейства изъ честолюбія, незаконно и разбойнически, послѣ чего они раскаялись и отказались отъ своихъ притязаній. А затѣмъ, мало-по-малу, и другія церковныя дѣла стали приходить въ нормальное положеніе. Баки-ага, по смерти

великаго визаря Халиль-пашы, опять сталъ добиваться власти на Кипрѣ. Узнавъ объ этомъ, многіе жители острова отравились въ Константинополь и предъ зданіемъ Порты устроили демонстрацію по поводу предполагаемаго назначенія Баки, заявивъ, что, если оно состоится, жители совѣмъ уйдутъ съ Кипра и островъ опустѣетъ. Правительство послѣ этого отказалось отъ назначенія Баки.

При архіепископѣ Хрисановѣ вселенскій патріархъ Прокопій I въ 1787 г. издалъ сигиллій о возобновленіи ставропигіальнаго достоинства монастыря Богородицы Кикка и о порядкѣ жизни въ немъ покоевъ и управленіи; сигиллій подписали и патріархи Θεодосій бывшій константинопольскій и Аврамій іерусалимскій¹⁾. Патріархъ Герасимъ III въ февралѣ 1795 г. издалъ сигиллій о ставропигіальныхъ правахъ монастыря Богородицы Махера, регулировавшій и внутреннюю здѣсь жизнь монаховъ, а также управленіе.

Архіепископъ Хрисановъ черезъ 25 лѣтъ управленія кипрскою церковію, достигъ почтенной старости и впалъ въ болѣзнь, такъ что не могъ и совершать богослуженія. Созвавши въ 1791 г. соборъ архіереевъ и клириковъ, онъ сообщилъ имъ о своемъ рѣшеніи отказаться отъ власти и провести остатокъ своей жизни на покой. Но соборъ не согласился съ такимъ рѣшеніемъ архіепископа Хрисанова и постановилъ избрать для него епископа помощника съ тѣмъ, чтобы онъ ежегодно обозрѣвалъ епархію епископа, какъ епитропъ, и совершалъ богослуженія и все архіпаствырскія обязанности. Такимъ „викарнымъ“ архіереемъ былъ сдѣланъ одинъ іеромонахъ, получившій титулъ епископа тамасскаго. Черезъ десять лѣтъ епископъ Хрисановъ опять возобновилъ свою просьбу объ удаленіи съ каведры, такъ какъ тамасскій епископъ былъ перемѣщенъ на другую самостоятельную каведру, — но митрополиты и клиръ опять отвергли ходатайство своего престарѣлаго и большаго архіепископа; особенно хлопотали въ этомъ дѣлѣ митрополиты пафскій и китійскій,

оба — племянника Хрисанова. Соборъ рѣшилъ опять избрать помощника архіепископу — въ лицѣ вновь хиротонисаннаго тримнеунтскаго епископа Спиридона. Однако усилія родственниковъ Хрисанова во чтобы то ни стало удержать его на престолѣ, — хотя церковныя дѣла пришли въ большой упадокъ, — возстали противъ нихъ, а также и противъ самого архіепископа многіе клирики и миряне. Въ результатѣ возникла борьба, окончившаяся тѣмъ, что архіепископъ Хрисановъ и китійскій митрополитъ Хрисановъ, по распоряженію турецкаго правительства, были лишены своихъ каведръ и удалены въ ссылку на островъ Евбею. Вниманіе большинства кипрцевъ послѣ этого было сосредоточено на іеромонахѣ Кипріанѣ, который состоялъ экономомъ архіепископіи. Это былъ просвѣщенный, умный и дѣятельный клирикъ, пользовавшійся общимъ расположеніемъ за свою разнообразную службу роднѣй. Въ 1804 г., когда городъ Левкосія, вслѣдствіе столкновенія съ турецкими нашей, подвергся правительственной осадѣ со стороны турецкихъ войскъ, іеромонахъ Кипріанъ, во главѣ посольства, назначеннаго растерявшимся населеніемъ, вступилъ съ турками въ переговоры и достигъ временнаго съ ними соглашенія, спасшаго городъ отъ разгрома, а жителей отъ истребленія, послѣ же добился заступничества за грековъ у европейскихъ консуловъ. Кипріанъ принималъ главное участіе и въ управленіи церковными дѣлами архіепископіи, такъ какъ архіепископъ Хрисановъ, вслѣдствіе болѣзни и старости не могъ ими заниматься. Около Кипріана образовалась сильная партія, которая, вѣроятно, и подготовила насильственное удаленіе престарѣлаго Хрисанова съ архіепископской каведры съ тѣмъ, чтобы предоставить ее молодому, образованному и энергичному Кипріану.

Кипріанъ единогласно былъ избранъ архіепископомъ, но хиротоніи принять не могъ, такъ какъ его предшественникъ по каведрѣ Хрисановъ, насильственно низложенный съ престола распоряженіемъ турецкаго правительства, не принесъ каноническаго отреченія отъ власти, да и не соглашался дать его, въ виду вмѣшательства Порты въ церковное дѣло. При такихъ обстоятельствахъ архіереи Кипра и вновь избранный архіепископъ обратились за со вспоможеніемъ къ архіепископу Синая Константино-

¹⁾ Ставропигіальныя права этого монастыря были потомъ подтверждены вселенскимъ патріархомъ Кирилломъ VI въ сентябрѣ 1815 г.

(впоследствии—вселенскому патриарху) временно находившемуся въ Ларнакѣ, и просили его указать имъ выходъ изъ затрудненія. Константиій рекомендовалъ имъ обратиться за содѣйствіемъ къ константинопольской церкви, которая одна компетентна дать разрѣшеніе на хиротонію Кипріана. 28 іюня 1810 г. митрополиты Кипра (Хрисанъ пафскій и Евгеній киринійскій), должностные клирики архіепископіи (экономъ Николай, сакелларій Христодулъ, риторъ Давидъ, примкирій Христодулъ, сакеллій Савва) и другіе священники обратились къ великой Христовой церкви съ прошеніемъ, гдѣ указавъ на изгнаніе кипрскаго архіепископа Хрисанеа и китійскаго митрополита Хрисанеа, которому (изгнанію) ихъ подвергло турецкое правительство, и на избраніе ихъ преемниками іеромонаха эконома Кипріана и архимандрита Мелетія, просили дать разрѣшеніе пребывающему на островѣ синайскому архіепископу Константію вмѣстѣ съ другими архіереями хиротонисать ихъ въ епископскій санъ. 15 іюля того же года патриархъ Іеремія III и синодъ особою грамотою, отправленною на имя синайскаго архіепископа Константія, предложили ему и двумъ кипрскимъ митрополитамъ, по просьбѣ клира и народа кипрской церкви, хиротонисать Кипріана въ санъ архіепископа острова и Мелетія въ санъ китійскаго митрополита.

Архіепископъ Кипріанъ (1810—1821 г.) былъ выдающимся архинастыремъ кипрской церкви. Онъ упорядочилъ теченіе церковныхъ дѣлъ на островѣ, энергично защищалъ народъ отъ притѣсненій турецкихъ властей, заботился о просвѣщеніи духовенства и народа. Между прочимъ, 1 января 1812 г. онъ учредилъ въ Левкосіи при архіепископіи греческую школу, посвященную Св. Троицѣ, для обученія греческой молодежи въ духъ православной церкви и для подготовки клириковъ. Школа имѣла большое значеніе для греческаго населенія, образовательный уровень котораго былъ вообще не высокъ, и привлекала учащихся со всего острова. Но всѣ плоды неустанныхъ и разнообразныхъ трудовъ Кипріана по благоустройству церковно-общественной жизни на островѣ были грубо уничтожены турками въ 1821 г.,

при чемъ мученически скончался и самъ архіепископъ съ другими іерархами и клириками. Когда возникло греческое возстаніе противъ турокъ, населеніе Кипра находилось въ общеніи съ нимъ и не считало для себя удобнымъ примкнуть къ этому опасному движенію. Греческое населеніе острова, хотя и вдвое превосходило по численности населеніе мусульманское, но было безоружно, затѣмъ оно жило разобщенно и, наконецъ, было окружено мусульманскимъ населеніемъ (Египта, Сиріи и Киликіи), которое всегда могло подавить греческое возстаніе. Тѣмъ не менѣе, когда въ Константинополѣ начался терроръ, то и на Кипрѣ былъ посланъ приказъ отобрать у христіанъ и то небольшое оружіе, которое они имѣли. Муселлимъ острова Кучукъ-Мехмедъ исполнилъ приказъ правительства, а затѣмъ, желая обогатиться на счетъ кипрскихъ христіанъ, отправилъ въ Константинополь списокъ лицъ, которыхъ, по его мнѣнію, слѣдовало предать смерти за поддержку и сочувствіе мтежникамъ. Въ списокъ было занесено 486 человекъ, въ томъ числѣ архіепископъ, три митрополита, игумены всѣхъ монастырей, почетные клирики проэстосы всѣхъ греческихъ кинотовъ острова. Порта утвердила списокъ въ цѣломъ объемѣ и приказала Кучукъ-Мехмеду умертвить всѣхъ названныхъ въ каталогѣ лицъ, а имущество ихъ конфисковать. Мехмедъ началъ съ того, что въ іюнѣ 1821 г. заключилъ представителей общинъ въ тюрьму, а всѣхъ архіереевъ вызвалъ въ Левкосію, потребовалъ отъ нихъ заложниковъ въ лицѣ почетнѣйшихъ должностныхъ клириковъ и задержалъ въ городѣ тѣхъ и другихъ. Въ іюлѣ въ Левкосію были созданы всѣ турецкіе начальники острова, посвящены въ распоряженіе султана и получали приказъ его исполнить. 9 іюля Левкосія была мѣстомъ ужаснѣйшихъ событій. Съ утра ворота города были закрыты и туркамъ было дано повелѣніе избивать христіанъ. Прежде всего были обезглавлены три митрополита—Хрисанъ пафскій, Мелетій китійскій и Лавренцій киринійскій. Кучукъ-Мехмедъ сперва увѣрилъ архіепископа Кипріана въ безопасности, а потомъ самъ привлекъ его къ висѣлицѣ, устроенной на вѣтвяхъ смоковницы. На сосѣднемъ

платанъ былъ повѣшенъ его архидіаконъ и секретарь. Въ тотъ же день были обезглавлены три прозоса христіанъ, а на слѣдующій день были умерщвлены игумены монастырей и многіе изъ гражданъ. Избѣженіе христіанъ продолжалось десять дней. Изъ болѣе или менѣе выдающихся жителей острова отъ смерти спаслись только тѣ немногіе, которые прибѣгли къ покровительству иностранцевъ и европейскихъ консуловъ. Почти все движимое и недвижимое имущество умерщвленныхъ епископовъ, клириковъ и христіанъ, а равно церквей и монастырей было расхищено и конфисковано мусульманами и Кучукъ-Мехмедомъ. Вскорѣ послѣ убійства архіереевъ Кучукъ-Мехмедъ пригласилъ къ себѣ задержанныхъ заложниковъ—архіерейскихъ клириковъ, одѣлъ ихъ въ особыя одежды и объявилъ гражданскими преемниками умерщвленныхъ іерарховъ; посадивъ ихъ потомъ на муловъ, на которыхъ прибыли въ Левкосію архіереи, Мехмедъ отправилъ ихъ, въ сопровожденіи отряда солдатъ, въ архіепископію. Христіане, получивъ отъ мусульманъ трупы умерщвленныхъ епископовъ и другихъ жертвъ турецкаго звѣрства, похоронили ихъ въ оградѣ храма Фанеромены, гдѣ они и оставались до 1872 года, когда храмъ былъ вновь построенъ и кости мучениковъ были погребены въ предѣлахъ алтаря.

Когда на Кипрѣ наступило относительное спокойствіе, клирики различныхъ епархій обратились къ великой Христовой церкви съ просьбою помочь имъ въ замѣщеніи вакантныхъ архіерейскихъ кафедръ. Они сообщили, что уже намѣтили для этой цѣли исполитъ компетентныхъ лицъ, и просили вселенскаго патріарха снести съ патріархомъ антиохійскимъ, чтобы послѣдній прислалъ на островъ трехъ подчиненныхъ ему архіереевъ для хиротоніи новыхъ кипрскихъ епископовъ. Вселенскій патріархъ Евгеній, напуганный бѣдствіями бывшаго въ Константинополѣ террора, отвѣтилъ кипрскимъ клирикамъ, что вслѣдствіе политическихъ обстоятельствъ просьба ихъ трудно исполнима, и совѣтовалъ имъ въ время успокоиться, пока великая церковь не укажетъ, что слѣдуетъ имъ дѣлать. Клірики поблагодарили патріарха за будущую о нихъ попечительность, но и сообщили его свя-

тѣйшеству, что кипрская церковь, какъ автокефальная, издревле пользуется правомъ избирать и хиротонисать епископовъ соборомъ своихъ іерарховъ, но въ данномъ случаѣ—положеніе исключительное, и не будетъ никакого соблазна, если на Кипрѣ прибѣдутъ архіереи изъ сосѣдней Финикіи и, съ согласія своего патріарха и по просьбѣ кипрскихъ клириковъ, совершатъ хиротонію мѣстныхъ епископовъ; разумѣется, предварительно будетъ испрошено разрѣшеніе турецкаго правительства. Послѣ второй просьбы кипрянъ патріархъ Евгеній обратился къ антиохійскому патріарху Серафиму съ предложеніемъ послать на Кипръ трехъ подчиненныхъ ему митрополитовъ для хиротоніи вновь избранныхъ трехъ епископовъ. Одновременно и киприане обратились къ Серафиму съ аналогичною просьбою. Антиохійскій патріархъ командировалъ на островъ митрополитовъ Іоанника епифанійскаго, Геннадія селевкійскаго и Меѳодія емесскаго, которые, прибывъ въ Левкосію, хиротонисали въ архіепископа Кипра іеромонаха Іоакима, эконома монастыря Апостола Варнавы, въ митрополита Пафа—архидіакона Панарета, въ митрополита Китія—архимандрита Леонтія и въ митрополита Кириніи—экзарха Дамаскина. Всѣ четыре хиротоніи были совершены въ декабрѣ 1821 г. Вновь избранные іерархи были признаны и турецкимъ правительствомъ, и каждый изъ нихъ вслѣдъ за тѣмъ вступилъ въ управленіе своей паствой.

Архіепископъ Іоакимъ (1821—1824 г.) не отличался выдающимися достоинствами, хотя, какъ и другіе епископы острова, принадлежалъ къ лучшимъ представителямъ кипрскаго духовенства своего времени. Онъ, между прочимъ, прекрасно зналъ турецкій языкъ. Онъ недобровольно оставилъ архіепископскій престолъ, такъ какъ между нимъ и паствой возникли разногласія. Духовенство и народъ Кипра, недовольные Іоакимомъ, обратились съ жалобою къ турецкому правительству и обвинили его въ административной неопытности, въ неумѣнн и нежеланіи учить народъ, въ неспособности къ гражданскому представительству. Порта препроводила эту жалобу въ синодъ великой Христовой церкви. По этому поводу вселенскій патріархъ Ананій III и синодъ въ сентябрѣ 1823 г. отправили

на Кипръ три посланія — одно клиру и народу съ увѣщаніемъ прекратить споръ съ архіепископомъ и холодныя и недоброжелательныя къ нему отношенія, замѣнивъ ихъ любовію и послушаніемъ, второе къ архіепископу Іоакиму съ сообщеніемъ о жалобѣ клира и народа и о недовольствахъ Порты этимъ, а также съ увѣщаніемъ принять всѣ мѣры къ правильному исполненію своихъ обязанностей, и третье — къ митрополитамъ Кипра, которымъ была поставлена на видъ неадекватность ихъ дѣйствій въ столкновеніи между паствой и архіепископомъ, ибо они, — вѣсто того, чтобы благотворно воздѣйствовать на народъ, — индифферентно относились къ столкновению и не принимали никакихъ мѣръ къ его прекращенію; патриархъ и синодъ рекомендовали имъ содѣйствовать примиренію между враждующими сторонами. Въ другомъ посланіи къ архіепископу Іоакиму (отъ 27 сентября 1823 г.) патриархъ Анемъ и синодъ выражали свое удовольствіе по тому поводу, что на Кипрѣ наступило нѣкоторое умиротвореніе, и рекомендовали архіепископу продолжать свою политику въ примирительномъ направленіи, такъ какъ правительство готовится къ реформамъ, а великая церковь, въ свою очередь, будетъ прилагать усилія къ созданію наиболѣе благопріятныхъ условий для жизни ромейской райи. Въ ноябрѣ (17) того же года патриархъ Анемъ III писалъ клиру и народу Кипра, предлагая съ любовію встрѣтить новаго антиохійскаго патриарха Меводія, отправляющагося къ своей паствѣ. 28-го декабря 1823 г. патриархъ рекомендовалъ архіепископу Іоакиму распорядиться, чтобы кипряне не чинили препятствій французскимъ купцамъ въ производствѣ торговли, на что жаловался французскій консулъ. Въ 1824 г. между архіепископомъ и паствой существовали пренія разногласія, и патриархъ Анемъ выражалъ скорбь церкви по поводу прекращающихся здѣсь безпорядковъ. Но Іоакимъ не отвѣчалъ патриарху на его увѣщательныя грамоты, а патриархъ не разъ выражалъ свое неудовольствіе и недоумѣніе по поводу этого молчанія. Въ срединѣ 1824 г. Іоакимъ принесъ каноническое отреченіе отъ архіепископской власти.

Его преемникъ Дамаскинъ (1824—1827 г.),

бывшій митрополитъ киринійскій, имѣлъ постоянныя столкновенія съ правителемъ Кипра Али-Рухи, очень жестоко и несправедливо относившимся къ христианамъ. Рухи оклеветалъ архіепископа — защитника предъ Портой, по распоряженію которой Дамаскинъ былъ сосланъ въ Спарту. Константинопольскіе патриархи Хрисановъ I и Агаоангелъ I имѣли съ Дамаскиномъ перипику по дѣламъ ставропигіальнаго монастыря Кипка и по поводу долговъ архіепископін частнымъ лицамъ. Въ маѣ 1827 г. патриархъ Агаоангелъ обратился къ духовенству и народу Кипра съ запрещеніемъ вступать въ бракъ съ армянами и угрожалъ отлученіемъ какъ непосредственнымъ виновникамъ, такъ и лицамъ, содѣйствовавшимъ такимъ бракамъ; имѣлись въ виду, главнымъ образомъ, тѣ случаи, когда православныя женщины, поступая въ услуженіе къ армянамъ, измѣняли вѣрѣ отцовъ.

Великая церковь не забывала о Дамаскинѣ и въ изгнаніи и оказывала ему моральную и матеріальную помощь. Дамаскинъ, послѣ нѣсколькихъ лѣтъ изгнанія, возвратился на Кипръ и получилъ въ управленіе китійскую митрополию, проедромъ которой и состоялъ до самой смерти своей.

Преемникомъ Дамаскина былъ Панаретъ (1827—1840 г.), перемѣщенный на архіепископскую кафедру съ митрополичьей кафедры Пафа. Панаретъ заявилъ себя, прежде всего, заботами о вѣншинемъ благосостояніи ромейской райи Кипра. Въ 1830 г. онъ созвалъ собраніе изъ представителей народа, на которомъ была избрана четырехчленная коммиссія и отправлена въ Константинополь для ходатайства о уступкахъ бѣдныхъ жителей острова. Коммиссія успѣшно выполнила свое дѣло и получила шесть опредѣленной султана о милостяхъ къ бѣднякамъ и добила прощенія долга съ острова до 700.000 піастровъ. Въ 1837 г. Панаретъ, по общему рѣшенію клира и народа, послалъ въ Константинополь новую епитропию, которая исхлопотала уменьшеніе годовыхъ податей съ острова до 3.179.082 піастровъ (или гросіевъ по 8 коп.); кромѣ того, жители острова должны были платить 480.000 гросіевъ турецкому пашѣ и 120.000 начальнику военного гарнизона. Панаретъ и лично ходатайствовалъ предъ Портой о различныхъ общественныхъ и экономиче-

скихъ нуждахъ христіанъ и, большею частію, достигалъ своихъ цѣлей, пользуясь содѣйствіемъ вселенскихъ патріарховъ Агаангела I, Константія I и Григорія VI. Между прочимъ, патріархъ Константій въ своемъ посланіи въ іюлѣ 1830 г. рекомендовалъ Панарету заботиться объ успокоеніи умовъ на Кипрѣ, въ виду возникшихъ здѣсь общественныхъ движеній. Тотъ же патріархъ извѣстилъ Панарета (4 апрѣля 1831 г.), что правительство готовится оказать острову новыя милости по поводу его ходатайства и т. д. Впрочемъ, въ одномъ посланіи 1831 г. патріархъ сообщилъ архіепископу, что на него принесена жалоба за бездѣятельность, и рекомендовалъ ему усердно заниматься дѣлами архіепископскаго престола. Далѣе, архіепископъ Панаретъ возстановилъ въ Левкосіи греческую школу (въ 1830 г.), которая прекратила существованіе въ 1821 г., пригласивъ сюда дидаскаломъ питомца народной школы въ Константинополь Онуфрія Микелланда и вообще заботился о просвѣщеніи клира и мірянъ острова. Когда на Востокѣ распространилось антицерковное ученіе Теофила Капри, то Панаретъ распротравлялъ на островѣ окружныя противъ него посланія, составленныя вселенскимъ патріархомъ Григоріемъ VI. Архіепископы имѣли переписку съ вселенскими патріархами по дѣламъ брачнымъ и монастырскимъ. Между прочимъ, патріархъ Константій I по мотивамъ „экономіи“ разрѣшилъ бракъ въ шестой степени кровнаго родства (дочери консула Антонія Вондикіана), приказавъ совершить его тайно, во избѣжаніе соблазна. Но архіепископія по прежнему была обременена долгами. Объ общемъ же положеніи кипрской церкви въ это время можетъ свидѣтельствовать и такой фактъ. Христіане Венеціи подарили нѣсколько колоколовъ монастырямъ св. Маманта, Нерукотвореннаго Спаса и св. Пантелеймона. По этому поводу австрійскій консулъ Антоній Капрапа обратился къ Портѣ съ просьбою разрѣшить монастырямъ пользоваться подаренными колоколами. 2 августа 1840 г. патріархъ Анонимъ IV увѣдомилъ консула, что разрѣшенія на это правительствомъ не дано, такъ какъ христіане турецкой имперіи могутъ пользоваться въ храмахъ только билами.

Среди кипрскихъ бѣглецовъ 1821 г. былъ,

между прочимъ, архіепископскій экзархъ Іоанникій, который благополучно прибылъ въ Парижъ, гостепріимно здѣсь былъ принятъ и даже получалъ отъ французскаго правительства 250 франковъ ежемѣсячно на свое содержаніе. Когда въ Парижъ пріѣхалъ извѣстный турецкій дѣятель Решидъ-паша, то онъ, познакомившись съ Іоанникіемъ, взялъ его съ собою въ Константинополь, а потомъ отправилъ въ 1839 г. на Кипръ, назначивъ жалованье въ 1.000 гросіевъ ежемѣсячно. Въ это время положеніе кипрскаго архіепископа Панарета сдѣлалось уже непрочнымъ, такъ какъ онъ имѣлъ неосторожность вмѣшаться въ борьбу двухъ мѣстныхъ партій и возстановилъ противъ себя народныхъ представителей. Враждебная Панарету партія, желая добиться его низложенія, сгруппировалась около Іоанникія и рекомендовала его правительству, какъ достойнаго претендента архіепископской власти. Это ей и удалось достигнуть при содѣйствіи Порты, и Панаретъ вынужденъ былъ принести отреченіе отъ власти (13 октября 1840 года) и удалился въ монастырь св. Честнаго Креста. Его сторонники дважды потомъ пытались возстановить его на престолѣ, но всякій разъ встрѣчали сильное противодѣйствіе со стороны партій Іоанникія и турецкихъ чиновниковъ. Между прочимъ, вселенскій патріархъ Германъ IV, въ отвѣтъ на просьбу димогеротовъ и прокритовъ острова, ходатайствовавшихъ въ пользу возвращенія Панарета, 9 августа 1842 г. писалъ, что по дѣлу будетъ произведено разслѣдованіе на мѣстѣ и христіане, какъ истинные сыны церкви, обязаны говорить на допросѣ одну только правду. Панаретъ въ глубокой старости скончался въ монастырѣ Честнаго Креста.

Архіепископъ Іоанникій (1840—1849 г.), по примѣру своихъ предшественниковъ, защищалъ свою паству отъ притѣсненій турецкихъ чиновниковъ, посылалъ въ Константинополь своихъ представителей (1842 г.) для ходатайства о нуждахъ народа, не разъ писалъ вселенскимъ патріархамъ объ этихъ нуждахъ и просилъ помощи и содѣйствія предъ Портой (напр., въ 1845 году—патріарху Мелетію III), самъ путешествовалъ въ Константинополь (1848 г.) для непосредственной защиты интересовъ своей паствы. Но во времена Іоанникія политическое зна-

чеіе кипрскаго архіепископа уменьшилось и не имѣло прежнихъ границъ. Такъ, раньше архіепископъ имѣлъ возможность облегчать положеніе бѣдныхъ христіанъ при сборѣ податей, который производился при содѣйствіи уполномоченныхъ отъ архіепископіи, а теперь сборамъ стали завѣдывать исключительно турецкіе чиновники, которые безжалостно взыскивали налоги и повинности и съ бѣдныхъ христіанъ. Далѣе, архіепископъ Іоанникій прислалъ патриарху Герману IV 5.000 гросіевъ на содержаніе вновь открывавшейся богословской школы въ монастырѣ Св. Троицы на Халкѣ, хотя финансовое положеніе архіепископіи было очень стѣсненное.

По смерти Іоанникія, его преемникомъ былъ избранъ Кириллъ (1849 — 1854 г.), родственникъ архіепископа-мученика Кипріана. Онъ отличался опытностію въ церковныхъ дѣлахъ и пользовался уваженіемъ народа за свои гражданскія заслуги, такъ какъ не разъ путешествовалъ въ Константинополь для ходатайства о мѣстныхъ общественныхъ нуждахъ. 2 мая 1849 г. патриархъ вселенскій Анеимъ IV привѣтствовалъ Кирилла съ избраніемъ и выражалъ увѣренность въ плодотворности его управленія кипрскою церковію. И о Кириллѣ дѣйствительно извѣстно, что на архіепископской кафедрѣ онъ оказался на высотѣ призванія и успѣшно руководилъ церковною жизнью острова. Но управленіе его, вслѣдствіе кратковременности, не могло ознаменоваться дѣлами выдающагося значенія. Онъ скончался въ 1854 году вслѣдствіе перенесенныхъ имъ сильныхъ волненій, вызванныхъ опасеніями за свою жизнь и за судьбу греческаго народа. Когда началась крымская война, — на Кипрѣ были распространены анонимные листки, призывавшіе грековъ къ возстанію. Составителемъ ихъ былъ, какъ впоследствии оказалось, учитель греческой школы въ Левкосіи Епиминондъ Франкудисъ, жившій въ архіепископіи. Лишь только турки узнали объ этихъ листкахъ, немедленно потребовали у властей отобрать у христіанъ оружіе и принять мѣры къ подавленію готовящагося возстанія. Хотя реальныхъ его признаковъ не было, но общественное мнѣніе стало обвинять Кирилла въ соучастіи мятежу и въ покровительствѣ его участникамъ. Кириллу стояло большихъ трудовъ

убѣждать мусульманъ въ томъ, что греки и не думаютъ о возстаніи, а воззваніе къ нему есть дѣло одного лица. Онъ предостерегалъ надвигавшуюся на народъ бѣду, но самъ отъ волненій заболѣлъ и въ іюнѣ 1854 г. скончался въ монастырѣ Ираклида.

Счастливецъ Кипрла былъ его преемникъ архіепископъ Макарій (1854 — 1865 г.). Онъ 27 лѣтъ служилъ въ архіепископшій діакономъ, былъ человѣкъ разумный и осторожный и въ теченіе 11 лѣтъ мирно и благополучно правилъ церковію. Главное свое вниманіе Макарій сосредоточилъ на просвѣщеніи клира и народа. Въ Левкосіи онъ покровительствовалъ школамъ—греческой, для которой назначилъ трехъ учителей, и взаимнаго обученія, увеличивъ ея средства. Въ городѣ не было женской школы, и Макарій, при содѣйствіи синаита-протосниекла Грпгорія и митрополитовъ іерусалимской церкви (уроженцевъ Кипра) Мелетія петро-аравійскаго и Филимона газскаго, открылъ такую школу въ 1857 г., обезпечивъ ея существованіе постоянными взносами церковей, монастырей и христіанъ архіепископіи. Макарій на собственные средства обучалъ стипендіатовъ въ школахъ Аоніи. Архипастыръ поощрялъ и христіанъ подчиненныхъ ему городовъ и селъ къ устройству школъ, и при его нравственномъ содѣйствіи во многихъ мѣстахъ Кипра были открыты училища греческія, взаимнаго обученія и женскія. Въ 1862 — 1863 г. онъ перестроилъ зданіе архіепископіи, въ частности—домъ для синодальныхъ засѣданій. И въ гражданско-политическомъ отношеніи дѣятельность Макарія была успѣшна. Онъ удачно ходатайствовалъ предъ правительствомъ по дѣламъ народа, находился въ хорошихъ отношеніяхъ съ турецкими властями и даже пользовался уваженіемъ ихъ и мусульманскаго населенія острова. Съ вселенскими патриархами онъ находился въ перепискѣ по дѣламъ ставропигіальныхъ монастырей на Кипрѣ и дѣйствовалъ примѣнительно къ ихъ распоряженіямъ. Макарій скончался 4 августа 1864 года въ Левосіи отъ холеры, свирѣпствовавшей на Кипрѣ,—такъ какъ не хотѣлъ и на короткое время оставить свою паству, за которую онъ, какъ пастыръ добрый, и душу свою положилъ.

Когда скончался архіепископъ Макарій,

многіе изъ жителей городовъ, боясь холеры, оставили свои дома и удалились въ села на возвышенныхъ мѣстахъ острова. Поэтому избраніе новаго архіепископа было отложено на три мѣсяца, пока болѣзнь не прекратилась. Затѣмъ три митрополита и представители всего острова устроили избирательное собраніе, на которомъ архіепископомъ были избраны схолархъ школы въ Левкосіи Софроній (1865—1900 г.). Софроній принадлежалъ къ числу наиболѣе выдающихся архіепископовъ острова. Онъ отличался обширнымъ образованіемъ, прекраснымъ даромъ слова и пользовался большою любовью народа за помощь въ несчастіяхъ и содѣйствіе всякому доброму дѣлу. Вступивъ на архіепископскій тронъ, Софроній первой своей заботой имѣлъ религіозно-нравственное просвѣщеніе паствы. Онъ съ большою ревностію занимался проповѣдью слова Божія въ городахъ и селахъ своей епархіи, которую ежегодно обозрѣвалъ для непосредственнаго ознакомленія съ дѣлами и для поученія народа. Онъ и поощрялъ христіанъ строить школы, слѣдуя въ этомъ отношеніи по стопамъ своего предшественника. Въ первые годы управленія Софронія христіане Кипра много страдали отъ бездождія, засухи и саранчи. Архіепископъ вмѣстѣ съ турецкими властями принималъ мѣры борьбы съ саранчою, ходатайствовалъ предъ правительствомъ о снабженіи жителей хлѣбомъ и сѣменами и вообще проявлялъ удивительную энергію въ защитѣ интересовъ ромейской райи. Ему удалось также добиться выдѣленія Кипра въ административномъ отношеніи изъ номархіи острововъ и образовывать здѣсь самостоятельный округъ съ правами непосредственнаго обращенія администраціи и народа къ турецкому правительству. За свою дѣятельность архіепископъ пользовался уваженіемъ даже мусульманъ. Извѣстенъ бератъ, данный архіепископу Софронію султаномъ Абдуль-Азисомъ въ 1865 г. относительно его правъ и преимуществъ. Интересно ознакомиться съ этимъ документомъ, который проливаетъ свѣтъ на характеръ и предѣлы власти архіепископовъ Кипра и вообще на положеніе мѣстной церкви въ эпоху турецкаго здѣсь владычества.

Софроній наследовалъ архіепископію Кипра согласно древнему обычаю. Находящіеся подъ его юрисдикцію мѣстные митрополиты,

епископы, игумены, священники, монахи всѣ христіане, по древнему обычаю и религіозной обязанности, должны признавать его архіепископомъ и не должны выходить изъ-подъ послушанія ему. Никто другой не можетъ препятствовать Софронію въ его архіепископскомъ достоинствѣ, вмѣшиваться въ его дѣла и причинять ему безпокойство. Никто безъ высочайшаго повелѣнія не можетъ изъять изъ его власти пздревле подчиненные архіепископу Кипра церкви и монастыри. Никто не долженъ вмѣшиваться въ дѣла его епархіи, вмѣющей установленныя пздревле границы и права. Безъ письменнаго разрѣшенія архіепископа никто не занимаетъ мѣсто митрополита или епископа, не допускается и приобрѣтеніе или уменьшеніе ихъ правъ. Когда христіанинъ желаетъ жениться или развестись по своимъ религіознымъ правиламъ, то въ этомъ посредствуетъ архіепископъ или его епитропы, назначенные царскимъ опредѣленіемъ, и никто другой не вмѣшивается и не принимаетъ въ этомъ участія. Если кто-либо изъ монаховъ и остальныхъ христіанъ посвятить предъ смертію что-либо бѣднымъ церквамъ или архіепископу, согласно своимъ религіознымъ обычаямъ, то онъ, архіепископъ, принимаетъ это въ присутствіи свидѣтелей христіанъ. Когда подчиненные архіепископу митрополиты, епископы, игумены, священники и остальные монахи нарушатъ свои религіозныя обязанности и совершатъ преступленіе, то они наказываются архіепископомъ соотвѣтственно религіознымъ правиламъ, дабы раскаялись и исправились, и никто другой не имѣетъ права вмѣшиваться въ эти дѣла. Если кто-либо изъ священниковъ и патріаршихъ епитроповъ противозаконно совершитъ бракъ, безъ разрѣшенія и согласія архіепископа, то онъ подвергается суду и наказанію. Когда, согласно религіознымъ правиламъ, надлежитъ удалить или замѣнить митрополитовъ, епископовъ, священниковъ, монаховъ и игуменовъ, то архіепископъ поступаетъ примѣнительно къ религіознымъ своимъ правамъ, при чемъ объ этомъ сообщаетъ въ столицу имперіи; вновь назначенныя или перемѣщенные духовныя лица вносятъ въ государственную казну установленныя пошлины и получаютъ султанскій бератъ на свои мѣста и необходимыя священныя повелѣнія. Архіепископъ имѣетъ

право получать съ митрополитовъ, клириковъ, монаховъ и христіанъ установленные денежные взносы; турецкіе чиновники, въ случаѣ необходимости, содѣйствуютъ ему въ ихъ взиманіи. Все взносы отъ христіанъ, церквей и монастырей должны безпрепятственно доставляться архіепископу. Архіепископъ имѣетъ право водворять въ монастыряхъ тѣхъ монаховъ, которые изъ любви къ мірскимъ интересамъ оставляютъ ихъ и поступаютъ несогласно съ церковно-религіозными предписаніями. Въ случаѣ опасности, грозящей архіепископу и митрополитамъ, они съ цѣлю избѣжать ее могутъ переселиться (*μετασφύττωσιν*), а въ случаѣ необходимости турецкіе чиновники и солдаты съ оружіемъ въ рукахъ должны защищать ихъ жизнь. Никто не долженъ насильственно обращать христіанина въ мусульманскую вѣру. Подчиненные архіепископу митрополиты, въ случаѣ необходимости поѣхать по своимъ дѣламъ въ столицу, могутъ сдѣлать это лишь съ разрѣшенія архіепископа, и никто другой не долженъ ему препятствовать въ этомъ. Если митрополиты и епископы будутъ платить архіепископу свой каноническій взносъ не деньгами, а тканями и одеждой, то турецкія власти и таможенные чиновники не должны безпокоить архіепископскихъ епитроповъ какими-либо повинностями и пошлинами, когда они будутъ отправлять эти предметы по назначенію. Турецкіе чиновники не должны предъявлять никакихъ требованій о пошлинахъ и повинностяхъ за принадлежатіе архіепископу виноградники, на вино, масло, медъ и другіе продукты, данные ему по древнему обычаю христіанами. Священные земли, принадлежащія церквямъ архіепископа, виноградники, метохы, пастбища, священные источники (агіазмы), мельницы, инвентарь и т. д.—все это находится во владѣніи и завѣдываніи архіепископа, и никто другой не предъявляетъ на нихъ права. Когда отъ имени нашей, кади и наибовъ будетъ представлено прошеніе противъ того или другого митрополита или епископа Кипра съ обвиненіемъ его въ дурной жизни и съ ходатайствомъ объ изгнаніи или изложеніи ихъ, то предварительно необходимо произвести разслѣдованіе обвиненія, а потомъ по дѣлу издается высокій фирманъ, безъ котораго вся жалоба не имѣетъ силы.

Но и въ случаѣ изданія фирмана обвиняемые могутъ обращаться къ правительству съ своими прошеніями и разъяснять пункты ихъ обвиненій. Если христіане при жизни своей посвящаютъ церкви или завѣщаютъ въ пользу архіепископа, митрополитовъ и епископовъ какія-либо вещи, согласно обычаю своей вѣры, то ихъ наслѣдники обязаны исполнить посмертную волю жертвователей. Никто не долженъ препятствовать митрополитамъ, епископамъ или ихъ уполномоченнымъ получать съ христіанъ установленные каноническіе взносы. Когда между двумя христіанами возникнетъ споръ относительно брака или развода или другихъ дѣлъ, то архіепископъ съ согласія ихъ разбираетъ возникшее дѣло. Когда христіане, по обрядамъ своей вѣры, приносятъ присягу или подвергаются церковному наказанію, то турецкія судебныя власти не имѣютъ права вмѣшиваться въ эти дѣла и причинять какое-либо безпокойство. Безъ согласія и разрѣшенія архіепископа и митрополитовъ находящіеся подъ ихъ духовной юрисдикціей священники не могутъ совершать браки, несогласные съ религіозными опредѣленіями и канонами. Когда умираютъ митрополиты, епископы, монахи и монахини, не имѣющие наслѣдниковъ, то все ихъ имущество получаетъ архіепископъ, а турецкіе чиновники не должны предъявлять на него правъ казны. Если кто-либо изъ сильныхъ людей станетъ требовать, чтобъ былъ совершенъ бракъ вопреки церковнымъ опредѣленіямъ, то ихъ насиліе должно быть отвергнуто. Равнымъ образомъ не должны удовлетворяться и требованія какихъ-либо сильныхъ людей о перемѣщеніи священниковъ съ одного прихода въ другой. Никто не долженъ препятствовать архіепископу въ томъ случаѣ, когда онъ для наказанія или исправленія христіанъ подвергаетъ ихъ отлученію. Когда умираютъ лица, находившіеся подъ церковнымъ отлученіемъ за незаконный бракъ или по другой винѣ, то никто изъ судебныхъ и гражданскихъ властей острова не долженъ заставлять священниковъ совершать отгѣваніе и погребеніе умершихъ по христіанскому обряду. Никто не долженъ препятствовать архіепископу перемѣщать и вообще наказывать епископовъ и священниковъ за церковно-религіозныя проступки. Когда христіане по завѣщанію оставляютъ въ пользу церкви, мона-

стыря и архіепископа третью часть своего имущества, то онъ безпрепятственно долженъ получать это отъ наследниковъ. Когда по опредѣленію гражданскаго суда предстоитъ задержать священника, монаха или монахиню, то это задержаніе должно производиться чрезъ посредство архіепископа. Когда монахи, не принадлежащіе къ какой-либо одной церкви или монастырю, станутъ переходить съ мѣста на мѣсто и производить соблазнъ, то архіепископъ имѣетъ право ихъ задержать и наказать. Архіепископъ имѣетъ долгъ ежегодно контролировать денежные отчеты епитроповъ церквей и монастырей и, въ случаѣ замѣченныхъ неправильностей, можетъ требовать чрезъ гражданскій судъ возмѣщенія виновными причиненныхъ убытковъ, а также смѣщать однихъ епитроповъ и назначать другихъ и никто не имѣетъ права препятствовать ему въ этомъ. Никто изъ гражданскихъ чиновниковъ не долженъ препятствовать митрополитамъ и епископамъ въ исполненіи ихъ обязанностей и причинять имъ какіе-либо убытки. Въ случаѣ ихъ смерти, преемникамъ ихъ, согласно древнему обычаю, должны быть выданы царскіе бераты. Архіепископъ Кипра безъ вины не лишается власти и не замѣняется другимъ лицомъ, пользующимся покровительствомъ гражданскихъ властей. Прошенія архіепископа, представляемые правительству, должны приниматься, а его ходатайства по религиознымъ дѣламъ должны благосклонно выслушиваться. Относительно кандидатовъ архіепископства у правительства не должно быть и малѣйшаго подозрѣнія, такъ какъ епископами избираются лица свѣдущія, предавныя религиознымъ обязанностямъ, способныя во всѣхъ отношеніяхъ и безукоризненныя съ гражданско-политической точки зрѣнія. Никто изъ гражданскихъ чиновниковъ не долженъ препятствовать архіепископу держать въ рукѣ жезлъ, ѣхать на конѣ или мулѣ. Вопреки волѣ архіепископа никто не долженъ являться къ нему на служеніе и причинять беспокойство своими требованіями. Вообще, въ дѣлахъ религіознаго управленія архіепископъ долженъ быть свободенъ и независимъ отъ всякихъ постороннихъ притязаній.

Архіепископъ Софроній пережилъ конецъ турецкаго владычества на Кипрѣ, отразившагося крайне неблагоприятно на положеніи

мѣстной православной церкви, и былъ первымъ (и пока единственнымъ) первоіерархомъ ея въ новую эпоху ея исторіи — подъ англійскимъ протекторатомъ острова.

IV. Въ 1878 году Кипръ былъ оккупированъ Англією. Православная кипрская церковь освободилась отъ трехвѣковаго мусульманскаго ига и съ радостію привѣтствовала политическое покровительство христіанскаго государства. Но, къ сожалѣнію, эта радость была непродолжительна, и греки скоро стали проклинать тотъ часъ, когда, — вмѣсто мусульманскаго полумѣсяца, — всюду сталъ развѣваться англійскій флагъ. Изъ видовъ политическихъ англичане потворствовали и покровительствовали туркамъ и неблагоклонно относились къ грекамъ, игнорировали нужды православной церкви, открыли широкій доступъ на островъ протестантизму и даже латинству. Въ 1889 г. кипрскій архіепископъ Софроній путешествовалъ въ Англію и былъ торжественно здѣсь встрѣченъ. Англиканское духовенство воспользовалось этимъ визитомъ для новыхъ переговоровъ о соединеніи православной и англиканской церквей, но дальше словъ дѣло не пошло, такъ какъ отъ греческой церкви были потребованы нѣкоторыя уступки. Господство англичанъ сопровождается усиленіемъ на Кипрѣ протестантизма. Здѣсь учреждено протестантское общество „The Cyprus Society“, которое имѣетъ задачей помогать православнымъ епископамъ въ воспитаніи ихъ клира. Но, разумеется, такая помощь для православной церкви не приемлема. Далѣе, одинъ англиканскій пасторъ наблюдаетъ за школами христіанскими и мусульманскими. Англичане стараются увѣрить грековъ, что имъ хорошо живется подъ покровительствомъ Англіи, но греки держатся особаго на этотъ счетъ мнѣнія и въ послѣднее время стали усиленно стремиться къ соединенію съ королевствомъ греческимъ.

Въ концѣ XIX вѣка на Кипрѣ было, — какъ и теперь есть, — четыре епархіи: одна архіепископія и три митрополіи. Каедрa архіепископа находится въ г. Левкосіи, а въ составъ его епархіи входятъ и слѣдующіе города: Кипръ, Карпасія, Саламина, Фамагуста, Тримнеутъ и Тамасозъ. Полный титулъ представителя кипрской церкви таковъ: „Блаженнѣйшій архіепископъ Новой Юстиніана и всего Кипра“. Въ 1895 г.

при архіепископіи были слѣдующія должностныя лица: архимандритъ, вѣдавшій внутреннія дѣла, экзархъ, заботившійся о дѣлахъ вѣншихъ, архидіаконъ, исполнявшій различнаго рода служенія, и экономъ; три первые клирика, по полномочию архіепископа, также разсматривали частныя дѣла христіанъ и примиряли враждовавшихъ, а кромя того обзирѣвали монастыри. Общее число священниковъ архіепископіи, брачныхъ и безбрачныхъ, простиралось отъ 280 до 300 человекъ. Изъ монастырей въ предѣлахъ архіепископіи одинъ находились довольно въ хорошемъ состояніи, а другіе были въ упадкѣ. Изъ первыхъ: монастыри Кикка и Махера относятся къ разряду ставропигіальныхъ и имѣютъ игуменскіе совѣты, которые управляютъ имуществомъ монастырей и заботятся объ экономическихъ дѣлахъ. Въ составѣ братства (отъ 15 до 30 человекъ) они имѣютъ архимандритовъ, протосинкелловъ, іеромонаховъ, іеродіаконовъ и монаховъ, которые и несутъ различные труды при монастырѣ по назначенію игуменскаго совѣта. Въ монастырѣ соблюдается общежительный уставъ. Въ архіепископіи также существуютъ монастыри—Апостола Варнавы, Апостола Андрея и Палліургіотиссы, имѣющіе отъ 4 до 7 монаховъ. Упраздненные монастыри сохранили за собою имущество, которое отдается въ аренду на вполнѣ гарантированныхъ условіяхъ; доходы съ этихъ имѣній идутъ на улучшеніе ихъ, а также на бѣдныхъ, школы, митрополіи, такъ какъ кипріане теперь бѣдны и даютъ въ пользу церкви лишь третью часть того, что давали раньше. По сообщенію архіепископа Софронія отъ 1894 г., тогдашнее положеніе кипрской церкви было печально во всѣхъ отношеніяхъ, въ частности—экономическомъ. Его блаженство уповало, что въ будущемъ оно улучшится и „несчастные“ кипріане будутъ жить въ болѣе благоприятныхъ религіозныхъ и нравственныхъ условіяхъ. Но Софроній скончался († 22 мая 1900 г.), не дождавшись этого счастливаго времени. Послѣ его кончины, вызвавшей общее сожалѣніе, церковныя дѣла на Кипрѣ ухудшились. Достаточно сказать, что преемникъ Софронія не избрался въ теченіе семи лѣтъ. Относительно вообще избранія кипрскаго архіепископа нужно сказать, что оно въ турецкую эпоху производилось митрополитами и представи-

телями отъ духовенства и мірянъ. Утвержденіе новозабраннаго зависѣло отъ султана, который выдавалъ ему и беретъ о правахъ и привилегіяхъ. Хиротонію новозабраннаго совершали мѣстные митрополиты—члены синода. Управление церковными дѣлами архіепископъ производитъ не единолично, а совместно съ постоянно находящимися при немъ синодомъ. За богослуженіемъ онъ поминаетъ „всякое епископство православныхъ“, а митрополиты возносятъ имя архіепископа.

Далѣе, пафская митрополія состоитъ изъ городовъ—Пафа, Килокедара, Авдима и Хрисокха съ ихъ округами. Пафскій митрополитъ занимаетъ первое мѣсто въ ряду подчиненныхъ кипрскому архіепископу іерарховъ. Онъ именуется „преосвященнымъ митрополитомъ Пафа, вселестнымъ и экзархомъ Арсініи и Ромеонъ“. Въ 1894 г. при митрополитѣ Елифаніи всѣхъ священнослужителей въ епархіи 240, изъ нихъ 225 пресвитеровъ и 15 іеродіаконовъ; монаховъ „великосхимниковъ“ въ епархіи не было, а имѣлись одни „рысофоры“. Изъ 225 пресвитеровъ, 205 принадлежали къ брачному духовенству и занимали мѣста въ 96 селахъ; остальные же двадцать были іеромонахи, вѣрнѣе—„рысофоры“. Доходы митрополіи получались отъ имѣній и отъ добровольныхъ пожертвованій христіанъ. Въ предѣлахъ пафской епархіи имѣются монастыри: св. Неофита, Богородицы *Χρυσοβροῦτισσας* и Богородицы *Τροοδωτισσας*. Первый монастырь подчиняетъ архіепископу, а остальные мѣстному митрополиту. Каждый монастырь управляется своимъ игуменомъ, который обязанъ во всемъ отдавать отчетъ своей духовной власти. Митрополиту въ управленіи церковными дѣлами помогаетъ архимандритъ и экзархъ; при немъ состоятъ и іеродіаконы. Въ приходахъ—церковнымъ имуществомъ заведуютъ енотропіи изъ прихожанъ, утверждаемыхъ митрополитомъ. По смерти митрополита Елифанія пафская кафедра до настоящаго времени пребываетъ вакантною.

Митрополія китійская въ 1894 г. состояла изъ городовъ Ларнакса и Лемисса и около 100 селъ. Всѣхъ священниковъ въ епархіи было 174 и іеродіаконовъ 18, а именно: митрополія имѣла 2 священниковъ и 3 іеродіаконовъ, городъ Ларнакса—10 священниковъ и 3 іеродіакона, городъ

Лемиссъ—6 священниковъ и 3 іеродіакона, монастырь св. Георгія—2 священника и 1 іеродіакона, монастырь Ставровунія—1 священника и 1 іеродіакона, а во всѣхъ селахъ было 153 священника и 7 іеродіаконовъ. Приходское духовенство городовъ имѣетъ достаточный доходъ отъ прихожанъ, а клирики сель принуждены имѣть и частныя занятія, какъ и прихожане ихъ, дабы болѣе или менѣе сносно существовать. Всѣмъ церквами городовъ и сель заведуютъ епитропій, избираемые прихожанами на одинъ или два года, утверждаемые митрополитомъ и обязанныя отдавать отчетъ приходу и церковной власти. Митрополитъ именуется проедромъ Амавунта, новаго города Лемисса и Курія. Нынѣ кафедрѣ Кітія занимаетъ преосвященный Кириллъ.

Киринійская митрополія состоитъ изъ городовъ Кириніи, Морфу и Соли. Митрополитъ (нынѣ—Кириллъ) именуется и проедромъ Соли. Въ епархіи имѣются до 180 клириковъ.

По свѣдѣніямъ отъ 1905 г. греческихъ церквей на Кипрѣ было 607, монастырей штатныхъ и упраздненныхъ до 37, греческихъ школъ 287, учащихся 19.111. Общее содержаніе школъ стоило 5.761 англійскихъ лиръ въ годъ. Въ Левкосіи для противодѣйствія протестантской пропагандѣ существуетъ общество „*Ὁρθοδοξία*“, которое издаетъ религіозно-правственныя книги и устраиваетъ народныя чтенія и бесѣды. Кипръ въ образовательномъ отношеніи до послѣдняго времени стоялъ невысоко: бѣдствія латинскаго владычества и мусульманскаго ига сказываются и донинѣ. Матеріальное его положеніе также оставляетъ желать многого. Впрочемъ, архіепископъ и митрополиты получаютъ такъ наз. каноническіе взносы (τὰ κανονικά) отъ всѣхъ церквей своихъ епархій, филотимонъ или подарки отъ духовенства, плату за совершеніе богослуженій въ приходахъ (τὰ λειτουργικά), десятину отъ произведеній земли (αἱ ζῆταια), доходы отъ недвижимыхъ имѣній и отъ монастырей. Но сельское духовенство терпитъ большую нужду.

Новѣйшія церковныя событія на Кипрѣ представляютъ рядъ крупныхъ нестроений, вызванныхъ борьбою партій изъ-за вакантнаго архіепископскаго престола. Возникъ такъ наз. кипрскій церковный вопросъ,

имѣющей и свою литературу. Благопріятное рѣшеніе вопроса ожидается только въ настоящее время. Извѣстно, что еще въ маѣ 1900 г. скончался предстоятель кипрской церкви, архіепископъ Софроній, и съ того времени церковь остается безъ своего начальствующаго, хотя, по установившемуся на Кипрѣ обычаю, новаго архіепископа надлежало избрать лѣтомъ того же 1900 года. На островѣ Кипрѣ образовались двѣ партіи, одна—во главѣ съ киринійскимъ митрополитомъ Кирилломъ, а другая—во главѣ съ китійскимъ митрополитомъ Кирилломъ. Каждая изъ этихъ партій выставила своего кандидата на вакантную архіепископскую кафедру острова, при чемъ наиболѣе достойнымъ претендентомъ, по мнѣнію духовенства, былъ кипрнійскій митрополитъ Кириллъ, председатель священнаго синода кипрской церкви, почтенный и уважаемый дѣятель, строгій исполнитель церковныхъ каноническихъ постановленій, желавшій произвести избраніе архіепископа по издавна дѣйствовавшему здѣсь церковному уставу, не смотря на новыя политическія условія въ положеніи острова, вызванныя протекторатомъ Англіи. Но избраніе на архіепископскую кафедру киринійскаго митрополита не вошло въ планы другой партіи, преимущественно изъ мірянъ и проводившей кандидатуру китійскаго митрополита Кирилла. Но этотъ претендентъ имѣлъ мало шансовъ на полученіе предстоятельства въ кипрской церкви. И вотъ онъ предпринялъ борьбу изъ-за престола, принесшую кипрской церкви много вреда. Онъ прежде всего привлекъ на свою сторону губернатора Кипра, который, по мотивамъ политическихъ, принялъ участіе въ неподлежащемъ его компетенціи церковномъ дѣлѣ и, конечно, сталъ защищать кандидатуру китійскаго митрополита. Когда же помощь свѣтской власти оказалась недостаточною, китійскій митрополитъ апеллировалъ къ вселенскому патріарху Константинопольскому V, прося его защиты и помощи. Но патріархъ не нашелъ возможнымъ поддерживать кандидата, котораго не одобрилъ синодъ. Въ кипрское церковное дѣло поставились вмѣшаться не только протестанты, но и латиняне, получившіе свободный доступъ на Кипрѣ послѣ его подчиненія Англіи, и еще болѣе обострили отношенія между двумя партіями. И чѣмъ дальше шло время,

тѣмъ страсти разгорались сильнѣе, и вопросъ простой и ясный заутывался и осложнялся болѣе и болѣе. Въ виду того, что митрополитъ китійскій опирался на покровительство правительственной власти и на содѣйствіе свѣтскихъ лицъ, воспользовавшихся актомъ избранія новаго архіепископа, какъ средствомъ для осуществленія своихъ національно-политическихъ стремленій, митрополитъ кипрійскій вѣсть съ синодомъ, въ свой очередь, обратился къ посредничеству великой Христовой церкви и просилъ патріарховъ—сперва Константинова V, а потомъ Іоакима III оказать кипрской церкви свое братское содѣйствіе въ затруднительномъ ея положеніи. Оба патріарха съ полнымъ сочувствіемъ отнеслись къ этой просьбѣ и постарались оказать кипрскому синоду свое возможное содѣйствіе. На островъ неоднократно посылались изъ Константинополя экзархи для примиренія партій (напр., въ 1901 г.—іеродіаконъ Димитрій Георгіадисъ, профессоръ богословской школы на Халки), кипрскому синоду предлагались нейтральные кандидаты на архіепископскую кафедру изъ среды іерарховъ другихъ престоловъ (напр., Іоакимъ, митрополитъ мелетинскій, Филаретъ, митрополитъ лидимотихскій, архимандритъ вселенскаго престола Григорій Константинопольскій, Мелетій, архіепископъ кириакопольскій—въ Палестинѣ), къ совѣстному обсужденію кипрскаго церковнаго вопроса были привлечены и патріархи іерусалимскій Даміанъ и александрійскій Фотій. Патріархъ Іоакимъ III посылалъ на Кипръ посланія къ духовенству и народу и приглашалъ всѣхъ къ миру и единенію,—но все было напрасно: китійскій митрополитъ и его сторонники, стремясь во что бы то ни стало захватить архіепископскій престолъ въ свои руки, отвергали всякую помощь и содѣйствіе со стороны греческихъ патріарховъ, тормозили правильное движеніе избирательнаго процесса и сводили на нѣтъ всѣ стремленія противной партіи руководиться въ этомъ актѣ церковными канонами и опредѣленіями. Такъ дѣло это тянулось до 1907 года. Излишне говорить, что церковныя дѣла на Кипрѣ, вслѣдствіе семилѣтняго административнаго кризиса, пришли въ большое неурядство, духовенство и народъ подѣлились на враждебныя партіи, борьба которыхъ крайне неблагопрі-

ятно отражалась на церковно-религіозной жизни острова, церковной смутой воспользовались инославные миссіонеры и масоны и опутали многихъ изъ православнаго населенія сѣтью своихъ религіозныхъ воззрѣній. Но мало того,—въ началѣ 1907 г. въ области кипрскаго церковнаго вопроса возникли новыя осложненія, грозившія православной кипрской церкви опасными послѣдствіями. 24-го марта 1907 г. изъ города Левкосіи священный синодъ кипрской церкви прислалъ константинопольскому патріарху Іоакиму III слѣдующую телеграмму: „Политическіе единомышленники китійскаго митрополита Кирилла представили въ законодательный совѣтъ, состоящій изъ англичанъ, турокъ и грековъ, проектъ закона объ избраніи архіепископа, противный священнымъ канонамъ православной церкви, лишаящій ее правъ, которыя усваются некомпетентнымъ мірянамъ. Священный синодъ Кипра, подвергаясь притѣсненію, проситъ у великой церкви содѣйствія для устраненія опасности“. Эта телеграмма вызвала въ патріархіи большую скорбь и недовольство лицамъ, рѣшившимся въ церковномъ дѣлѣ поступать противоканонически и незаконно. Извѣстно, что законодательный совѣтъ Кипра состоитъ изъ членовъ христіанъ и нехристіанъ, при чемъ православныхъ здѣсь только половина общаго числа,—находится подъ предѣлательствомъ губернатора-англичанина, имѣетъ совершенно особое политическое назначеніе и, естественно, по самой природѣ своей и въ силу многоразличныхъ каноническихъ основаній, не можетъ вмѣшиваться или участвовать въ преобразованіи церковныхъ дѣлъ православной церкви на Кипрѣ, въ частности же не имѣетъ ни малѣйшаго права касаться избранія архіепископа и остальныхъ духовныхъ пастырей острова. Къ тому же, починъ привлеченія законодательнаго совѣта острова къ участію въ церковныхъ дѣлахъ принадлежитъ лицамъ, которыя, какъ митрополитъ китійскій и его сторонники, всѣми средствами препятствовали вмѣшательству въ избраніе мѣстнаго архіепископа со стороны остальныхъ патріаршихъ престоловъ, мотивируя это тѣмъ, что такимъ вмѣшательствомъ будто бы нарушаются или умаляются права автокефальной кипрской церкви, хотя всѣмъ было ясно, что восточные патріархи не про-

являли ни малѣйшихъ притязаній за права этой церкви, а лишь старались оказать ей братскую помощь въ затруднительномъ положеніи, какъ это много разъ бывало и раньше не только на Кипрѣ, но и въ патріархатахъ іерусалимскомъ, антиохійскомъ и александрійскомъ. Однако, теперь тѣ же самыя лица, привлекиши къ участию въ составленіи церковнаго устава гражданское законодательное учрежденіе, полухристіанское и полуправославное, колебали и самыя основныя начала устройства православной церкви на Кипрѣ. Что касается новаго законопроекта объ избраніи архіепископа кипрской церкви, внесеннаго въ законодательный совѣтъ острова членомъ его Киріакидомъ, то онъ, дѣйствительно, составленъ въ прямое нарушение церковныхъ правилъ и постановленій и колеблетъ автокефальное достоинство кипрской церкви, имѣющей свой административный, законодательный и судебный высшій органъ въ постоянномъ священномъ ея синодѣ. Въ виду этого, священный синодъ, въ составѣ предсѣдателя кипрійскаго митрополита Кирилла, игуменовъ монастырей Кикка Герасима и Махера—Митрофана и архимандрита архіепископіи Филоея, заявилъ свой протестъ относительно законопроекта, представивъ его губернатору Кипра, какъ предсѣдателю законодательнаго совѣта. Въ своемъ докладѣ синодъ заявляетъ, что онъ больше всѣхъ скорбитъ по поводу продолжительнаго вдовства кипрской церкви и весьма сильно желаетъ, чтобы оно, какъ можно, скорѣе окончилось. Однако, вновь составленный законопроектъ, подлежащій разсмотрѣнію гражданскаго законодательнаго совѣта, вмѣсто успокоенія церкви и пользы для изстрадавшихся православныхъ жителей острова, принесетъ новый раздоръ и вредъ и послужитъ поводомъ для дальнѣйшей церковной схизмы. Избраніе епископовъ всегда было и будетъ дѣломъ церковнымъ, какъ это видно изъ Новаго Завѣта и изъ церковныхъ канонѣвъ, сила и значеніе которыхъ для церкви обязательны.

Между тѣмъ, новый законопроектъ совершенно игнорируетъ каноны церкви и сообщаетъ предмету чуждый ему характеръ, нарушая основныя принципы всего акта; поэтому англійское правительство не должно обращать на него вниманія. Такъ, по пред-

писанію новаго закона, „два митрополита, или одинъ изъ нихъ, издають окружное посланіе и объявляютъ объ избраніи избирателей архіепископа на основаніи каталоговъ, которые они получаютъ отъ губернатора“. Это постановленіе, по мнѣнію членовъ синода, противорѣчитъ правамъ высшей церковной власти на Кипрѣ, именно священнаго синода, которому издавна принадлежатъ каноническое право дѣлать объявленія объ избраніи епископовъ (2 прав. II всел. соб., 34 и 35 апост., 6 и 7 пр. I всел. соб.). Церковь кипрская всегда имѣла свой синодъ, одною изъ обязанностей котораго и было заботиться объ избраніи, хиротоніи и интронизации епископовъ и церковныхъ начальствующихъ. И въ самыя критическія эпохи исторіи кипрской церкви этотъ чинъ и обычай дѣйствовали и соблюдались. А когда скончался кипрскій архіепископъ Софроній, то синодъ, по своему праву и обязанности, принялъ на себя заботы о замѣщеніи двухъ вдовствовавшихъ каведръ—архіепископской и митрополитчей въ г. Пафѣ. Объ этомъ синодѣ официально сообщалъ англійскому правительству и опубликовалъ окружное посланіе къ православному населенію Кипра. Послѣ этого синодъ оповѣстилъ уставъ для избранія архіепископа и издалъ новое по этому поводу окружное посланіе, въ силу котораго въ епархіяхъ были произведены выборы избирателей. Дѣло пошло нормальнымъ порядкомъ и давно было бы закончено, если бы митрополитъ китійскій, помогавшій архіепископскаго престола, не предложилъ представить дѣло на рѣшеніе великой константинопольской церкви, разсчитывая затормозить выборы и найти тотъ или иной путь къ предостоятельству. Священный синодъ кипрской церкви, высоко цѣня каноническое общеніе съ остальными православными автокефальными церквами, согласился съ этимъ и сталъ спокойно ожидать продолженія дѣла. Константинопольскій патріархъ, получивъ просьбу о содѣйствіи кипрской церкви, призналъ необходимымъ предложить кипрское церковное дѣло на обсужденіе и остальныхъ патріарховъ Востока. А затѣмъ восточные патріархи постановили общее рѣшеніе, возложивъ избраніе архіепископа Кипра на мѣстный священный синодъ пріимчивительно къ составленному имъ канонизму. И англійскій министръ колоній, какъ это видно изъ сообщенія губернатора

Кипра на имя председателя синода отъ 18 сентября 1902 года, призналъ право избранія архіепископа также за синодомъ. Между тѣмъ, въ новомъ законопроектѣ о синодѣ не говорится ни слова:—онъ проектируетъ предоставить распоряженіе объ избраніи архіепископа двумъ или даже одному (конечно, китійскому) митрополиту, въ прямое нарушеніе каноновъ православной церкви, обычаевъ и постановленій автокефальной кипрской церкви, общаго рѣшенія ad hoc восточныхъ патріарховъ. Значить, законопроектъ въ самой основѣ своей несостоятеленъ и ложенъ и нѣкомымъ образомъ не можетъ быть принятъ священнымъ синодомъ. Далѣе, новый законопроектъ, вопреки церковнымъ правиламъ и постановленіямъ, предоставляетъ въ избраніи архіепископа слишкомъ большое участіе свѣтскимъ чиновникамъ и вообще мірянѣмъ, а нѣкоторыхъ представителей гражданской власти ставить даже выше всякой власти церковной. Этого по принципу никакъ нельзя допустить въ церкви православной, гдѣ церковная іерархія всегда занимала и должна занимать особое мѣсто и имѣть исключительное значеніе, которое никакъ нельзя замѣнить какимы-либо представительствомъ мірянъ или свести на ту или иную роль гражданской власти. Въ церкви православной, въ случаѣ какихъ-либо непреодолимыхъ затрудненій въ рѣшеніи церковныхъ вопросовъ, издревле установился обычай обращаться къ братской помощи другихъ помѣстныхъ церквей и въ ихъ содѣйствіи находить выходъ изъ встрѣтившихся коллизій. Что же касается участія въ избраніи кипрскаго архіепископа мірянъ, о которомъ говорится въ законопроектѣ Кипракиды, то по этому поводу умѣстно привести 30-е апостольское правило, которое гласитъ: „Аще который епископъ, мірскихъ начальниковъ употребивъ, чрезъ нихъ получить епископскую въ церкви власть, да будетъ изверженъ и отлученъ, и всѣ сообщающіеся съ нимъ“ (ср. 2 пр. IV всел. соб., 3 и 5 пр. VII всел. соб., 13 лаод.). Ясно, значить, что новый законопроектъ, какъ антиканоническій, не можетъ быть принятъ. Особенно враждебными православной церкви нужно признать 29 и 30 параграфы новаго законопроекта, редактированные такимъ образомъ: „Кандидатъ, получившій большинство голосовъ, считается законно избраннымъ (на кафедру

архіепископа) со стороны клира и народа греческой православной общины острова и согласно съ установленіями автокефальной греческой православной церкви Кипра. Результатъ избранія немедленно сообщается председателемъ избирательнаго собранія губернатору Кипра, а греческому православному народу острова—избраннымъ архіепископомъ посредствомъ надлежащаго объявленія“. Здѣсь рѣчь идетъ вовсе не объ избраніи архіепископа, главы и предстоятеля автокефальной православной церкви и началовождя многочисленной православной паствы, а какъ будто объ избраніи председателя какого-либо общества или политическаго клуба. Законопроектъ совершенно умалчиваетъ объ оцѣнкѣ и испытаніи кандидатовъ архіерейства, обыкновенно производимыхъ высшей церковной властію соборно, о хиротоніи новозбраннаго и его интронизаціи или торжественномъ посаженіи на престолѣ. Законопроектъ даже и не подозреваетъ, что по церковнымъ правиламъ сперва указываются три кандидата для замѣненія той или иной епископской кафедры, а затѣмъ соборъ или синодъ избираетъ одного изъ нихъ. А если кандидатъ для епископства будетъ избранъ изъ мірянъ, то вѣдь предварительно необходимо провести его по всѣмъ степенямъ священства, соблюдая опредѣленные сроки для каждой степени. Наконецъ, кто совершаетъ хиротонію новозбраннаго архіепископа и какъ происходитъ его интронизація?—Объ этомъ законопроектъ также хранитъ абсолютное молчаніе. Вообще, новый уставъ объ избраніи кипрскаго архіепископа грубо противорѣчитъ церковнымъ канонамъ, обычаямъ и порядкамъ автокефальной кипрской церкви и, вѣстиво рѣшенія крупнаго и сложнаго вопроса, создаетъ лишь новыя затрудненія и осложненія, которыя поведутъ къ большимъ нестроеніямъ въ церковной жизни Кипра и создадутъ весьма опасную схизму.—Островъ Кипръ въ предшествующей своей исторіи испыталъ уже много бѣдствій. Но греческій народъ, его населявшій, всегда, какъ зеницу ока, хранилъ св. православную вѣру. Новый законопроектъ объ избраніи архіепископа, составленный Кипракидомъ, представляетъ не иное что, какъ походъ противъ православія на Кипрѣ, попытку оторвать греческій народъ отъ этого достоинства отцовъ и отъ каноническаго общенія съ остальными православными

церквами, къ прямой гибели кипрскаго православнаго населенія. Но священный синодъ кипрской церкви, заявляя свой протестъ противъ этого враждебнаго ей законопроекта, выражаетъ увѣренность, что гуманное и справедливое англійское правительство не утвердитъ и не введетъ въ дѣйствіе этотъ уставъ и не дастъ миролюбивому православному - христіанскому народу Кипра повода къ возстанію.

Такимъ образомъ, синодъ кипрской церкви подвергъ новый законопроектъ объ избраніи архіепископа обстоятельной критикѣ, съ которою законодательный совѣтъ острова не могъ не считаться. Со своей стороны, вселенскій патріархъ Іоакимъ III, ознакомившись съ новымъ канонизмомъ и имѣя въ виду просьбу кипрскаго синода, отправилъ ему и китійскому митрополиту Кириллу слѣдующую отвѣтную депешу: „Церковь константинопольская не одобряетъ всякое дѣло, несогласное съ священными канонами и устройствомъ церковнаго управленія, желая сестрѣ своей церкви кипрской единомыслія и помощи свыше на этомъ пути“. Вслѣдъ затѣмъ церковныя обстоятельства на Кипрѣ круто измѣнились. Китійскій митрополитъ Кириллъ, долго враждовавшій съ мѣстнымъ священнымъ синодомъ, наконецъ, примирился съ нимъ и согласился единодушно дѣйствовать въ избраніи новаго архіепископа острова. Объ этомъ радостномъ событіи въ серединѣ апрѣля 1907 г. синодъ извѣстилъ вселенскаго патріарха Іоакима III и опять просилъ его принять, вмѣстѣ съ остальными греческими патріархами, участіе въ избраніи архіепископа кипрской церкви. По этому поводу патріархъ вошелъ въ сношеніе съ блаженнѣйшими Даміаномъ іерусалимскимъ и Фотіемъ александрійскимъ; было постановлено отправить на островъ экзарховъ отъ имени предстателей греческихъ церквей, которые и помогутъ церкви кипрской выйти изъ продолжительнаго и опаснаго кризиса.

Въ силу соглашенія между греческими патріархами, лѣтомъ 1907 года на островъ Критъ прибыли—блаженнѣйшій Фотій, патріархъ александрійскій, экзархъ вселенскаго патріарха ахійскій митрополитъ Василій и экзархъ іерусалимскаго патріарха архимандритъ Мелетій Метаксакисъ. Заданіе этихъ представителей греческихъ церквей состояла въ содѣйствіи синоду кипр-

ской церкви въ каноническомъ избраніи архіепископа. Сначала между этими представителями и кипрскимъ священнымъ синодомъ установились мирныя отношенія, при чемъ патріархъ Фотій и іерусалимскій экзархъ архимандритъ Мелетій находились въ полномъ согласіи и съ константинопольскимъ экзархомъ митрополитомъ Василіемъ, который, по руководству данной ему инструкции, поддерживалъ сторону кипрнїйскаго митрополита Кирилла, какъ дѣйствовавшего, въ теченіе всего кризиса, на строго каноническомъ основаніи и въ защиту внутривенной свободы кипрской церкви. Но въ концѣ 1907 года патріархъ Фотій перешелъ на сторону катійскаго митрополита Кирилла, который опять сталъ въ оппозицію къ синоду кипрской церкви и началъ домогаться архіепископскаго престола. Іерусалимскій архимандритъ Мелетій, нарушивъ данную ему патріархомъ Даміаномъ инструкцію—дѣйствовать въ союзѣ съ экзархомъ константинопольской церкви, также примкнулъ къ партіи Фотія и китійскаго митрополита Кирилла. И вотъ, вопреки всеобщему ожиданію, представители восточныхъ церквей опять принесли на Кипрѣ раздоръ, вмѣсто мира, и вновь подняли на островѣ партійную борьбу изъ-за архіепископскаго престола, нѣсколько затихшую въ предшествующее время. Борьба получила весьма страстный и даже ожесточенный характеръ, вышла за предѣлы кипрской церкви и взволновала почти весь греческій Востокъ, такъ какъ участниками столкновенія теперь явились александрійскій патріархъ и патріаршіе экзархи константинопольскій и іерусалимскій, за которыми стояли святѣйшій Іоакимъ III и блаженнѣйшій Даміанъ. Вся греческая печать оживленно начала обсуждать церковныя дѣла на Кипрѣ, а православное населеніе этого острова вновь подблѣлось на двѣ партіи и съ повышенной энергіею вступило во взаимныя пререканія о томъ, быть ли архіепископомъ Кипра митрополиту катійскому, или кипрнїйскому. Китійскій митрополитъ Кириллъ, поддерживаемый патріархомъ Фотіемъ и іерусалимскимъ архимандритомъ Мелетіемъ, а также мирянами и англійскимъ правительствомъ, настойчиво домогался избранія на архіепископскій престолъ, тогда какъ кипрнїйскій митрополитъ Кириллъ,

поддерживаемый константинопольским экзархом митрополитомъ Василиемъ, синодомъ кипрской церкви и духовенствомъ, отклонялъ отъ себя кандидатуру и просилъ великую Христову церковь принять мѣры къ избранію архіепископа изъ среды іерарховъ константинопольскаго и иныхъ патріаршихъ престоловъ. Вообще, партія китійскаго митрополита руководилась въ своихъ притязаніяхъ преимущественно національно-политическими мотивами, тогда какъ партія кипривійскаго митрополита держалась строго церковныхъ и каноническихъ основаній. На сторонѣ китійскаго митрополита былъ и представитель англійскаго правительства на Кипрѣ, ибо при содѣйствіи этого митрополита предполагалось ввести на островѣ новый церковно-административный законъ. Дѣло о разсмотрѣніи и введеніи въ дѣйствіе новаго церковно-административнаго закона опять сдѣлалось предметомъ обсуждения народныхъ представителей, при чемъ были замѣтны симпатіи большинства къ законопроекту, хотя онъ враждебно относился къ православной церкви. При такомъ положеніи дѣлъ кипривійскій митрополитъ Кириллъ и синодъ кипрской церкви умоляли патріарха Іоакима III и его синодъ послѣдовать съ дѣломъ избранія новаго архіепископа Кипра, такъ какъ въ началѣ 1908 г. на островѣ долженъ былъ приступить къ своимъ занятіямъ народный совѣтъ, который на первую очередь и поставилъ новый законъ объ избраніи кипрскаго архіепископа. Кстати, патріархъ Фотій и архимандритъ Мелетій, сторонники китійскаго митрополита, къ празднику Рождества Христова выехали съ острова. Константинопольская церковь, склоняясь на просьбы кипрскаго священнаго синода, вошла въ сношеніе съ іерусалимскимъ патріархомъ Даміаномъ по поводу избранія кипрскаго архіепископа изъ среды своихъ іерарховъ и, такимъ образомъ, признала необходимымъ оказать кипрской церкви свое братское содѣйствіе въ затруднительномъ положеніи, имѣя въ виду аналогичные факты въ прошломъ. Между тѣмъ, патріархъ Фотій, проведшій на Кипрѣ всю вторую половину 1907 года, въ началѣ 1908 г. опять рѣшилъ отправиться на островъ, дабы во что бы то ни стало посадить на архіепископскій престолъ острова кипривійскаго митрополита. Узнавъ объ этомъ, синодъ

кипрской церкви цѣлымъ рядомъ телеграммъ и пославій просилъ константинопольскаго патріарха Іоакима III воспрепятствовать Фотію вторично пріѣзжать на островъ, такъ какъ это прибытіе грозитъ церкви новыми осложненіями въ области ея мѣстныхъ интересовъ; въ тоже время синодъ самымъ настойчивымъ образомъ просилъ патріарха Іоакима III и константинопольскій синодъ возможно скорѣе избрать архіепископа для кипрской церкви. Патріархъ Іоакимъ III телеграфировалъ блаженнѣйшему Фотію, что вторичный его пріѣздъ на Кипръ нецѣлесообразенъ, поскольку полномочія патріаршихъ экзарховъ уже окончились. Но Фотій настоялъ на своемъ и отправился на Кипръ, при чемъ проѣздомъ постигъ Яффу и имѣлъ съ іерусалимскимъ патріархомъ Даміаномъ секретное совѣщаніе по кипрскому дѣлу. Результатомъ этого свиданія было то, что патріархъ Даміанъ уклонился отъ участія въ избраніи кипрскаго архіепископа, несмотря на приглашеніе константинопольскаго патріарха. Но Фотій прибылъ на Кипръ уже тогда, когда архіепископъ былъ избранъ. Константинопольскій патріархъ Іоакимъ III и его синодъ, уступая усиленной просьбѣ синода кипрской церкви и желая оказать ей братскую помощь въ весьма тяжеломъ положеніи, 19 февраля 1908 г. приступилъ къ выборамъ кипрскаго архіепископа. Кандидатами были три митрополита: кипривійскій Кириллъ, авхальскій Василій и касандрійскій Иринеи. Синодъ единогласно избралъ на архіепископскую кафедру Кипра кипривійскаго митрополита Кирилла. Вѣсть объ этомъ избраніи произвела на островѣ, какъ и естественно, двойственное впечатлѣніе: сторонники китійскаго митрополита были крайне недовольны этимъ избраніемъ, грозили церкви новыми бѣдами и напастьми и рѣзко осуждали константинопольскаго патріарха Іоакима III, тогда какъ сторонники новаго архіепископа торжествовали и благодарили святѣйшаго Іоакима. Въ первое время послѣ избранія архіепископа на Кипрѣ были и народные волненія, но ответственность за нихъ должна падать вовсе не на константинопольскаго патріарха (какъ старались представить дѣло враги кипрской церкви), а на сильныхъ и вліятельныхъ покровителей китійскаго митрополита, которому не удалось занять архіепископскій престолъ. Новый архіепископъ, подъ вліяніемъ смуты на островѣ

и давлению извне сначала отказывался от престола, а потом принял избрание. Но это не создало умиротворения на острове, где попрежнему продолжались волнения и смуты из-за архиепископского вопроса. Синод кипрской церкви, признавая избрание Кирилла правильным, совместно с ним вел защиту церкви от притязаний английского правительства, зашедшего, в течение восьми лет, слишком далеко во своем вмешательстве в церковные дела, не подлежащие его компетенции, и потерявшего возможность выхода из затруднения без ущерба для своего престижа. Между прочим, кипрский священный синод 10 марта 1908 г. отправил английскому министру колоний официальный протест по поводу нарушения английским правительством прав автокефальной кипрской церкви, обвинив его и в поощрении смут на острове, раздражающих эту церковь в течение восьми лет. В другом официальном документе (от 22 марта) на имя того же министра синод заявил протест по поводу занятия правительством зданий архиепископии, состоявшегося без достаточного основания, в угоду лишь героям мятежной уличной толпы. Английское правительство, в свою очередь, не находило возможным оставить занятую им позицию в отношении к постороннему для него делу, попрежнему добивалось возведения на архиепископскую кафедру угодного ему кандидата—китийского митрополита, не признало Кирилла в достоинстве архиепископа кипрской церкви и подвергало его возмутительному допросу и понуждению с целью заставить отказаться от архиепископской кафедры. Но архиепископ Кирилл был не склонен к уступкам и не подчинился произвольному действию иностранной державы. На его стороне была и значительная часть кипрского населения. 27 марта 1908 г. в городе Левкосии состоялось общее собрание народа, сдѣлавшее слѣдующія опредѣленія: 1) собрание выражает глубокую благодарность константинопольскому патриарху Иоакиму III и его священному синоду за каноническое избрание архиепископа Новой Юстинианы и всего Кипра; 2) собрание объявляет, что главным виновником бѣдствій и раздоровъ кипрскаго народа является китійскій митрополитъ Кириллъ; 3) собрание заявляет, что поведение китійскаго митро-

полита всегда было и теперь остается противохристіанскимъ и соблазняетъ православныхъ жителей острова. Что касается китійскаго митрополита Кирилла, то онъ, опираясь на поддержку англійскаго правительства, также не отказывался отъ архіепископской кафедры. Далѣе, константинопольскій патриархъ Іоакимъ и его синодъ занимали въ началѣ 1908 г. относително кипрскаго вопроса ясное и опредѣленное положеніе. Избравши для кипрскаго церкви архіепископа, по просьбѣ мѣстнаго синода, и оказавши ему братское содѣйствіе въ затруднительныхъ обстоятельствахъ и для блага православна на островѣ, великая Христова церковь имѣла и основанія, и возможность привести кипрскую церковь въ полное умиротвореніе и обезпечить ей и дальнѣйшее спокойное состояніе. Іерусалимскій патриархъ Даміанъ,—по свойству его характера и церковной политики,—и въ кипрскомъ церковномъ вопросѣ обнаружилъ колебаніе и нерѣшительность. Сначала онъ раздѣлилъ взглядъ константинопольскаго патриарха на это дѣло, а потомъ уклонился отъ единомыслія съ нимъ. Однако, патриархъ Даміанъ заявилъ протестъ по поводу новаго закона объ избраніи архіепископа Кипра, поддерживаемаго англійскимъ правительствомъ, за что патриархъ Іоакимъ высказалъ ему свою благодарность. Александрійскій патриархъ Фотій сталъ въ прямую оппозицію къ новому кипрскому архіепископу, не призналъ его избранія законнымъ и заявилъ по этому поводу протестъ предъ константинопольскимъ патриархомъ. Затѣмъ Фотій перешелъ отъ словъ къ дѣлу. Въ сентябрѣ 1908 г. онъ образовалъ патриаршій синодъ, коего въ александрійской церкви давно уже не было, а въ октябрѣ отправилъ на Кипръ митрополитовъ Михайла цтолемайдскаго и Христофора аксомскаго, а также Нектарія халепійскаго (въ Сиріи), которымъ и поручилъ заваться избраніемъ новаго кипрскаго архіепископа, совершенно игнорируя Кирилла, уже избраннаго константинопольскою церковію предстоятелемъ церкви кипрскаго. Получилось крайне соблазнительное зрѣлище, какого давно не видѣлъ православный Востокъ, даже въ самыя тяжелыя времена турецкаго ига; александрійскій патриархъ, безъ всякаго участія другихъ восточныхъ патриарховъ, готовился къ избранію архіепископа для автокефальной

церкви, противъ желанія синода, при громкомъ протестѣ архіепископа, большей части духовенства и народы острова, но за-то въ угоду своему властолюбію, съ дѣлю подорвать авторитетъ константинопольскаго патріарха, сдѣлать пріятное и англійскому правительству, дружба съ которымъ такъ необходима Фотію въ Египтѣ. Нужно при этомъ имѣть въ виду, что съ архіепископомъ Кирилломъ, какъ съ законнымъ представителемъ, уже вошли въ каноническія сношенія церкви константинопольская, эладская и еербская. Не смотря, конечно, на угодность предъ англійскимъ правительствомъ, Фотію пришлось вступить въ униительныя для православнаго патріарха сношенія съ англійскимъ комиссаромъ Кипра по вопросу о каноническомъ достоинствѣ двухъ его митрополитовъ (Михаила и Нектарія) и доказывать ихъ правоспособность въ исполненіи экархескихъ полномочій. Одновременно и часть духовенства Кипра вмѣстѣ съ народомъ отказалась признавать авторитетъ патріарха Фотія и его экарховъ въ разрѣшеніи мѣстнаго архіепископскаго вопроса; поэтому митрополиты александрійской церкви фактически не могли приступить къ исполненію возложеннаго на нихъ патріархомъ порученія и въ теченіе полугода бездѣйствовали на Кипрѣ, оставивъ и свои епархіи въ Египтѣ безъ архипастырскаго своего надзора и попеченія. Тѣмъ временемъ константинопольскій патріархъ Іоакимъ III и синодъ извѣстили патріарховъ Фотія александрійскаго и Даміана іерусалимскаго, что 1) патріархъ Фотій долженъ воздержаться отъ всякаго единоличнаго дѣйствія въ кипрскомъ вопросѣ; 2) китійскій митрополитъ Кириллъ долженъ письменно отказаться отъ всякаго домогательства архіепископскаго престола на Кипрѣ, а его партія должна письменно сообщить тремъ восточнымъ патріархамъ, что она станетъ воздерживаться отъ избранія его, и 3) при такомъ несомнѣнномъ и миролюбивомъ настроеніи, ради мира на островѣ и для прекращенія дальнѣйшихъ бѣдствій, могущихъ поколебать церковь Кипра, константинопольская церковь соглашается посоветовать и указать избравшему ея архіепископу Кириллу на пользу принести письменное каноническое отреченіе, а партія его должна безъ возраженія принять это отреченіе. Такимъ образомъ, константинопольская церковь

условно намѣтила будущій путь своихъ дѣйствій въ кипрскомъ вопросѣ, о чемъ патріархъ Іоакимъ 16 декабря 1908 г. увѣдомилъ и „блаженнѣйшаго архіепископа Новой Юстиніаны и всего Кипра, высокопреосвященнаго Кирилла“. Однако и до конца марта 1909 года архіепископскій вопросъ на Кипрѣ еще не получилъ окончательнаго рѣшенія и дѣло остается безъ движенія: митрополиты александрійской церкви все еще пребываютъ на Кипрѣ, китійскій митрополитъ Кирилл и его партія не представили письменнаго отказа отъ притязаній на архіепископство, патріархъ Фотій въ январѣ 1909 г. выбылъ изъ Александріи въ Константинополь для совѣстнаго обсужденія съ патріархомъ Іоакимомъ III церковныхъ вопросовъ кипрскаго, іерусалимскаго, возникшаго послѣ низложенія съ престола блаженнѣйшаго Даміана (13 декабря 1908 г.), антиохійскаго и другихъ, а кипрскій архіепископъ Кириллъ пребываетъ во главѣ синода и предстоятельствуетъ въ церкви... Впрочемъ, англійское правительство усиливается произвести новые выборы архіепископа для православной автокефальной церкви на Кипрѣ. При господствующемъ въ послѣднее время настроеніи въ церковной жизни православнаго Востока, усилія инославной гражданской власти, при благосклонномъ содѣйствіи александрійскаго патріарха Фотія, могутъ оказаться и нецѣльными.

Архіепископскій вопросъ болѣе восьми лѣтъ сосредоточивалъ на Кипрѣ всеобщее вниманіе и отвлекалъ мѣстныхъ церковныхъ дѣятелей отъ другихъ серьезныхъ и важныхъ дѣлъ. Тѣмъ не менѣе, кипрскій священникъ синодъ во главѣ съ кипрскими митрополитами Кирилломъ, имѣя въ виду недостаточность образовательнаго уровня мѣстнаго приходскаго духовенства, еще въ сентябрѣ 1907 г. открылъ спеціальную священническую школу въ г. Левкосіи. Эта школа является нынѣ единственнымъ духовно-учебнымъ заведеніемъ на всемъ островѣ. Помѣщеніемъ для нея служатъ опустѣвшія зданія загороднаго монастыря св. Параскевы. Курсъ обученія въ этой школѣ назначенъ въ три года. Здѣсь преподаются науки общеобразовательныя и богословскія. Учителями въ школѣ за небольшую плату согласились быть преподаватели главной кипрской гимназіи (Παγχοπίου)—г. г. Палаіоанну и Палапорфіріу, іерокирикскъ

архіепископіи о. Филаретъ и другіе. Въ школахъ преподаются также педагогика и дидактика, дабы воспитанники, по примѣру учащихся въ духовной школѣ на о. Самостъ, могли, по окончаніи ученія и до полученія должностей клириковъ, состоять учителями въ начальныхъ народныхъ школахъ. Обученіе и содержаніе учащихся предлагаются бесплатно, при чемъ всѣ воспитанники обязаны жить въ пансіонатахъ. Всѣ они даютъ обязательство въ томъ, что, по окончаніи ученія и по достиженіи каноническаго возраста, сдѣлаются священниками. Средства на содержаніе школы собраны изъ пожертвованій кипрской архіепископіи, митрополій, монастырей и церквей на островѣ, а также изъ добровольныхъ приношеній благотворителей. Но вообще въ послѣднія тридцать лѣтъ греческое народное просвѣщеніе на Кипрѣ сдѣлало большіе успѣхи. Такъ, въ 1906 году на всемъ островѣ существовало 325 мужскихъ и женскихъ греческихъ школъ съ 412 учителями и учительницами, тогда какъ до англійскаго протектората островъ съ 140.000 жителей—грековъ имѣли 72 мужскихъ школы и 4 женскихъ. Между прочимъ, теперь въ Левкосіи существуетъ гимназія, а въ Киматѣ, Ларнакѣ и Нежесосѣ имѣются прогимназіи. Въ Левкосіи и двухъ послѣднихъ городахъ устроены и женскіе институты. Всѣ школы содержатся, главнымъ образомъ, на средства греческихъ клятозовъ Кипра, а правительство англійское отпускаетъ изъ своей казны лишь 80.000 франковъ, такъ что своими успѣхами греческое просвѣщеніе на островѣ обязано вовсе не англичанамъ, а самимъ грекамъ.

Въ заключеніе необходимо добавить, что изъ проживавшихъ народностей на Кипрѣ, кромѣ грековъ, жили сирійскіе арабы, грузины и абиссинцы. Сирійцы поселились здѣсь еще во время крестовыхъ походовъ, группировались около Никосіи и Фамагусты, въ гражданскомъ отношеніи зависѣло отъ свѣтскаго магистрата, называвшагося „reis“, а въ церковно-религиозномъ они объединились съ греками и составляли единую по ученію и обрядамъ общину. Никейскій патріархъ Германъ II, отправившій на Кипръ въскольکو посланій, обращался въ нихъ къ ромеямъ и сирійцамъ, какъ къ членамъ одной православной церкви. Грузины, жившіе на Кипрѣ въ небольшомъ числѣ, имѣли монастырь око-

ло Аламина, въ округѣ Мазота, а также въ другихъ мѣстахъ острова. Они находились въ тѣсномъ религиозномъ общеніи съ греками, отличались преданностію православной церкви и питали полное нерасположеніе къ латинянамъ¹⁾. Наконецъ, абиссинцы, сосредоточившись около Никосіи, управляемой епископомъ, который посылался изъ Абиссиніи, и на чужбинѣ не переставали держаться нѣкоторыхъ религиозныхъ обрядовъ своей родины. Многочисленна была на Кипрѣ и церковь латинская, которая пмѣетъ свою исторію.

Литература. Исторія православной церкви на Кипрѣ разработана въ научномъ отношеніи весьма мало и еще ждетъ своего объективнаго, трудолюбиваго и талантливаго исследователя. Изъ немногихъ опытовъ этой исторіи заслуживаютъ вниманіе: К. Σάβας, *Μεσαιωνική Βιβλιοθήκη*, т. II (въ предисловіи помѣщена обстоятельная исторія Кипра до 1489 г., легшая въ основу изслѣдованій и другихъ ученыхъ), 'Εν Βενατίαις 1873; Φίλιππος Γεωργίου, *Ειδήσεις ιστορικαὶ περὶ τῆς ἐκκλησίας τῆς Κύπρου*, 'Αθήναις 1875 (книга составлена подъ сильнымъ вліяніемъ К. Саавы въ первой своей части, доведена до указаннаго года изданія, написана съ любовью и вообще очень полезна для историка; для ващей статьи она послужила въ качествѣ одного изъ главныхъ пособій); J. Hackette, *History of the Orthodox Church in Cyprus from the Coming of the Apostles Paul and Barnabas to the Commencement of the British Occupation (45—1878)*, London 1901 (книга богата содержаніемъ, обильно заимствованнымъ изъ греческихъ источниковъ, но проникнута протестантскимъ духомъ и не всегда объективно излагаетъ исторію православной церкви); Aurelio Palmieri, *Eglise de Chypre* (въ Dictionnaire de théologie catholique par A. Vacant et Mangenot, т. II, Paris 1905, 2425—2449). Источники и для исторіи кипрской церкви: Σάβας, *Μεσαιωνική Βιβλιοθήκη*, т. II: 1) Περιγραφή τῆς σεβαστίας καὶ βασιλικῆς μονῆς τοῦ Κύκκου, 2) Τῶν τῆς διάταξης Νεῖλου ἐπερομοναχῶν καὶ καθήκοντων καὶ κτήτορες τῆς σεβαστίας μονῆς τῆς υπεραστίας Θεοτόκου τοῦ Μαχαρα (Miklosich et Muller, *Acta et diplomata graeca*, т. V, Vindobonae 1887, p. 392—432), 3) Νεοφύτου πρότερον μοναχῶν καὶ ἐγκλείστου περὶ τῶν κατὰ τὴν χώραν Κύπρου σκηνῶν, 4) Νόμοι καὶ διατάγματα περὶ τῶν ἐν τῇ νήσῳ Κύπρῳ ἐλλήνων, 5) Διήγησις τῶν ἁγίων τριῶν καὶ δέκα ὁσίων πατέρων τῶν διὰ

¹⁾ Ср. къ сему у проф. Н. Я. Марра въ „Журналахъ и Протоколахъ Предсоборнаго Присутствія“, т. III (Спб. 1907), стр. 119а отдала „Объ устроеніи церковныхъ дѣлъ на Кавказѣ“.—Н. Н. Г.

πυρός τελειωθέντων παρὰ τῶν λατίνων ἐν τῇ νήσῳ Κύπρῳ, 6) Γερμανοῦ πατριάρχου Κωνσταντινουπόλεως ἐπιστολαὶ δύο πρὸς τοὺς κύπριους, 7) Γερμανοῦ πατριάρχου ἐπιστολὴ πρὸς τὸν πάπαν Γρηγόριον καὶ ἡ πρὸς αὐτὴν ἀπάντησις, 8) Λαοντίνου Μαχαίρα ἐξηγήσις τῆς γλυκείας χώρας Κύπρου, 9) Γεωργίου Βουστρανίου χρονικὸν (1456—1501). Κλημης Καρναπας, *Ανέκδοτα κυπριακά ἐγγράφα τοῦ ΙΗ' αἰῶνος* (въ предисловіи кратко излагаются и история православной церкви Кипра), 'Εν Ἀρμοχούστῃ 1904. Ἀρχιμ. Καλλινίκος Δελικάνης, Τὰ ἐν τοῖς κώδιξι τοῦ πατριαρχικοῦ ἀρχιεπισκοπείου σωζόμενα ἐπίσημα ἐκκλησιαστικὰ ἐγγράφα τὰ ἀφορώμενα εἰς τὰς σχέσεις τοῦ οἰκουμενικοῦ πατριαρχείου πρὸς τὰς ἐκκλησίας Ἀλεξανδρείας, Ἀντιοχείας, Ἱεροσολύμων καὶ Κύπρου (1574—1863). 'Εν Κωνσταντινουπόλει: 1904. Μανουὴλ Γεδεών, *Κανονικαὶ διατάξεις*, τ. II, σ. 384—390. Κωνσταντινουπόλις 1859. Дрвнне-христiанскiе и византийскiе историки: Евсевiй, Сократъ, Созоменъ, Θεοδοριτiς, Θεοφανъ, Κωνσταντiνъ Πορφυρογενитъ, Κεδρiνъ, Анна Κομνηνα, Κιρκιανъ, Зонара, Γουль, Никити Хонiатъ, Γεорγiй Ακροποлитъ, Никифоръ Каллистъ, Никифоръ Γριгоръ, Γεорγiй Παхимъ, Ιωανнъ Καптанъ, Зонара, Γουль, Никити Хонiатъ, Γεорγiй Ακροποлитъ, Никифоръ Каллистъ, Никифоръ Γριгоръ, Γεорγiй Παхимъ, Ιωανнъ Καптанъ, Мухаилъ Гликъ и другiе. Κανониъ Θεοдоръ Βαλсамонъ и др. Къ общей исторiи православной церкви на Кипрѣ относятся: *Steffano Lusignano*: 1) *Chronografia et breve historia universale: dell'isole de Cipro*. Bologna 1573, 2) *Raccolta di cinque discorsi intitolate Corone per compendiare in sè cose appartenenti a gran re e a principi*, Padova 1577, 3) *Histoire générale des roiaumes de Hierusalem, Cypre, Arménie et lieux circonvoisins*, Paris 1613, 4) *Description de toute l'isle de Chypre*. Paris 1580, 5) *Chronique et brieve histoire général de l'isle et roiaume de Chypre, depuis l'an CXLII après le déluge universel, jusques à l'an de notre Sauveur Jesus—Christ MDLXXII*. *Loredano*, Histoire de ré Lusigniani, Venetia 1653. Ροδινός, *Περὶ ἡρώων, στρατηγῶν, φιλοσόφων, ἁγίων καὶ ἄλλων ὀνομαστῶν, ὅπου εὐρήχθη ἀπὸ τοῦ νησι τῆς Κύπρου*, Rome 1658. Δοσίθεος, *πατριάρχης Ἱεροσολύμων*, *Ἱστορία περὶ τῶν ἐν Ἱεροσολύμοις πατριαρχουσάντων*, Ἐν Βουκουρεστίῳ 1715. *Le Quien*, *Oriens christianus*; I—III (Paris 1740 squ.). *Pococke*, *A Description of the East*, London 1743. *Dominique Jauna*, *Histoire générale des roiaumes de Chypre, de Jérusalem, d'Armenie et d'Egypte*, t. I—II (Leiden 1747). *Εφραίμιοις πατριάρχης Ἱεροσολύμων*, *Ἡ περιγραφή τῆς σεβαστίας καὶ Βασιλικῆς μονῆς τοῦ Κόκκου, ᾧτοι διήγησις περὶ τῆς ἐν Κύπρῳ ἀποκομισεως τῆς θαυματουργοῦ ἁγίας εἰκόνης τῆς ὑπεραγίας Θεοτόκου τῆς λεγομένης Κυκοτίσσης*, Ἐνετίῃσι 1751. *Εφραίμιοις π.* Ἱερ., *Τοπικὴ διατάξις τῆς κατὰ τὴν νήσον Κύπρον σεβαστίας καὶ Βασιλικῆς μονῆς τῆς ὑπεραγίας Θεοτόκου, Μαχαίραδος ἐπιλεγμένης*, Ἐνετίῃσι 1756. Ἀρχιμ. ἀνδρὶ τῆς Κυπριανός: *Τοπικὴ διατάξις Νεοφύτου τοῦ ἐγγλείστου*, Ἐνετίῃσι 1779 (второе издание въ Лѣвкоши

1893); 2) *Ἱστορία χρονολογικὴ τῆς νήσου Κύπρου*, ἐρανισθεῖσα ἐκ διαφόρων ιστοριῶν καὶ συντεθεισα: ἀπλὴ φράσις, Ἐνετίῃσι 1788 (второе издание въ Лѣвкоши 1902). *Reinhard*, *Vollständige Geschichte des Königreichs Cypren*. Erlangen 1766; *Ἰωσήφ Βρυέννιος*, *Τὰ εὐρεθέντα*, τ. II: *Μελέτη περὶ τῆς τῶν κυπρίων πρὸς τὴν ὀρθόδοξον ἐκκλησίαν μελετηθεῖσης ἐνώσεως*, Ἐν Λειψία, 1768. *Mariti*, *Voyages dans l'isle de Chypre*, Neuwid 1791. *Neale*: 1) *History of the Holy Eastern Church*, London 1850; 2) *The Patriarchate of Alexandria*, I—II (London 1874). *Annali Veneti* dall'anno 1457 al 1500 del senatore Domenico Malpiero («Archivio storico italiano», 1843, t. VII, p. 590—612). *Mas-Latrie*: 1) *Notice sur la situation actuelle de l'île de Chypre* («Archives des missions scientifiques et littéraires», 1850, t. I, p. 161—183, 502—556); 2) *Histoire de l'île de Chypre sous le règne des princes de la maison de Lusignan*, t. 1—3 (Paris 1861—1865); 3) *L'île de Chypre, sa situation présente et ses souvenirs du moyen âge*, Paris 1879; 4) *Documents nouveaux servant de preuves à l'histoire de l'île de Chypre*, Paris 1882. Ἀθανάσιος Κομνηνός *Ἰψήλαντες*, *Τὰ μετὰ τὴν ἄλωσιν, Κωνσταντινουπόλις 1870*. Κ. Σάβας: 1) *Νεοελληνικὴ φιλολογία*, Ἀθῆναι 1868; 2) *Τουρκοκρατομένη Ἑλλάς*, Ἀθῆναι 1869. *Stanley*, *Lectures on the History of the Eastern Church*, London 1908. *Adrian Fortescue*, *The Orthodox Eastern Church*, London 1907. *Louis Bréhier*, *L'église et l'Orient au moyen âge: Les croisades*, Paris 1907. *Achille Luchaire*, *Innocent III: La question d'Orient*, Paris 1907. *J. d'Orct*, *Paphos, ses monastères et la fête de Venus* («Revue britannique», 1874, t. V). *Harris*, *Cyprus, its Past, Present and Futur*, London 1878. *Backer*, *Cyprus as J saw it in 1879*, London 1879. *Hamilton*, *Cyprus, its History, its Present Ressources and Futur Prospects*, London 1878. *Davidson*, *Cyprus, its Place in Bible History*, London 1878. Βοντιζιάνος, *Ἱστορία τῆς νήσου Κύπρου*, Ἀθῆναι 1877. *Sassey*, *Chypre: Histoire et géographie*, Paris 1878. *Max Ohnefalsch-Richter*: 1) *Cypren, ein Kulturbild aus dem Jahre, 1883* («Unsere Zeit» 1884, Bd. I, S. 346—266, 778—796: *церкви и монастыри*); 2) *Kypros Bd. I—II* (Berlin 1892), *Massaruni*, *Cipro antica et moderna* («Nuova Antologia» 1888, t. III, p. 41—70, 255—279). *Lenorman*, *Kittim: Etude ethnographique biblique* («Revue des questions historiques» 1885, t. XXXIV). *Levkosia*, the Capital of Cyprus, London 1881. Παπαδάκης: 1) *Ἡ μονὴ τῆς Πελλαπαίδος ἐν Κύπρῳ* («Ἐσπερος» 1882, σ. 290 κτλ.); 2) *Ἡ μονὴ τοῦ Κιτίου* («Ἐσπερος» 1884). *Warren*, *The Ritual Ordinance of Neophytus, and an Account of the Misfortunes of Cyprus by Neophytus and the Condition of the Island in Kis Time* («Archaeologia» 1882, t. XLVII, p. 1—40). *Herquet*, *Cypriische Königsgestalten des Hauses Lusignan*, Halle 1881. *Sandford*, *Our*

Church in Cyprus, Oxford 1886. Παῖσιος, Ἐγγχειρίδιον τοπογραφίας καὶ ἱστορίας τῆς νήσου Κύπρου, 1887. Κυπρίαδης, Ἀπομνημονεύματα τῶν κατὰ τὸ 1821 ἐν τῇ νήσῳ Κύπρῳ τραγικῶν σκηνῶν, Ἀλεξάνδρεια 1888. Εὐαγγελίδης, Ἐγγχειρίδιον γεωγραφίας καὶ γενικῆς ἱστορίας τῆς Κύπρου, Ἀλεξάνδρεια, 1885. *Philippe de Navarre et Gérard de Monreal, Les gestes des chypriotes*, Genève 1877 («Société de l'Orient latin»). Βασίλειος, Βιογραφία, θάνατος καὶ κηδεία τοῦ μητροπολίτου Κυτίου Κυπριανοῦ, Ἀλεξάνδρεια 1887. Χρ. Παπαδόπουλος: 1) Αἱ ἐν Κύπρῳ χριστιανικαὶ ἀρχαιοτάτες («Σωτήρ», τ. XI, σ. 275—277, τ. XIII, σ. 153—158; 2) Ὅλγια περὶ τῆς ἐν Κύπρῳ ἐκκλησιαστικῆς ἀρχιεπισκοπικῆς («Σωτήρ», τ. XIII—XIV); 3) Περιγραφή μόνων τινῶν τῆς νήσου Κύπρου μετὰ τῶν ἐν αὐταῖς χειρογράφων («Σωτήρ», τ. XIII—XIV); 4) Μελέται περὶ τῆς ἐκκλησίας τῆς Κύπρου («Ὀμόνοια ἐν Ἀλεξανδρείᾳ» 1889, № 2607—2610). Ἀθανάσιος Παπαδόπουλος Κεραμεύς: 1) Αἱ νέαι ἐν Κύπρῳ ἀνασκαφαί («Νεολόγος» Κωνσταντινούπολις, 9 янв. 1886, № 4996); 2) Ὅλγια περὶ Κιτίου («Νεολόγος», 19 дек. 1886, № 5264, 2 авр. 1895, № 7836—7837); 3) Περὶ τινῶν χειρογράφων τῆς ἀρτι ἀποτεφρωθείσης μονῆς τῆς Μαχαίρας ἐν Κύπρῳ («Νεολόγος» Ἐβδόμηται Ἐπιθεώρησις» 1892, σ. 830 κ.λ.). *Sathas*, Cipro nel medio evo («Nuovo archivio veneto» 1893, t. VIIb). *Deschamps*, Quinze mois a l'île de Chypre («Tour du monde», nouvelle série, 3-e année, 1897). *Cobham*, Excerpta Cypria, Nicosie 1895. *Я. Д. Смирновъ*, Христианскія мозаики Кипра («Византийскій Временникъ» 1897 т. VI, стр. 1—93). Ἀ. Παπαδόπουλος Κεραμεύς, Περὶ τινὸς συγγραφῆς Ἀρχαδίου ἀρχιεπισκόπου Κύπρου, μνημονευθείσης ἐν τοῖς πρακτικαῖς τῆς ἐβδόμης οἰκουμένης συνόδου («Византийскій Временникъ» 1894, т. I, стр. 601—612). *Richter*, Cyprus, the Bible and Homer, London 1893. *Petit*, Vie et ouvrages de Néophyte le reclus («Echos d'Orient, 1898—1899, p. 257 etc.). *Duckworth*, Church of Cyprus, London 1900. *Farcinet*, Le rois de Jerusalem et de Chypre de la maison de Lusignan, Fontenay-le-Comte 1900. *Cobham*, A Handbook of Cyprus, London 1901. Χρ. Παπαδόπουλος, Ὁ ἐν Ἀρμολύστῳ καθεδριζόμενος ναὸς τοῦ ἁγίου Νικολάου («Ταχυδρόμος» 1902, № 1235). Проф. *И. И. Соколовъ*: 1) Очерки истории православия греко-восточн. церкви въ XIX в., Спб. 1901 (и во II т. Истор. христ. церкви въ XIX в., изд. проф. А. П. Лопухина, Спб. 1901); 2) Состояние монашества въ византийской церкви съ половины IX до начала XIII вѣка (842—1204), Казань 1894. Παξιμάδας, Ἱστορία τοῦ συγχρόνου ἐκκλησιαστικοῦ ζητήματος τῆς Κύπρου, Ἀθήναι 1902; † επ. *Арсеній* (Ивашенко), Лѣтопись церковныхъ событій и гражданскихъ, поясняющихъ церковныя, отъ Р. X. до 1898 г. Спб. 1899. Ἀγαθάγγελος Νικολάκης, Ἡ πρὸς τοὺς Κρήτας ἀλληλογραφία Μελετίου τοῦ Πηγᾶ, ἥ προστεθῇ καὶ τὸ περισπούδαστον ἔργον αὐτοῦ «Κατὰ τῆς ἀρχῆς τοῦ πάπα.

Χανία 1908. Κ. Σάθας, Κυπριακὰ ἱστορήματα (въ сочинении Λόγιοι καὶ ἄλλα 1878—1902, т. 478 κ.л.), Ἀθήναι 1902. Проф. С. А. Терновскій, Очерки изъ церковно-исторической географіи. Области восточныхъ патріарховъ православной церкви до IX вѣка, вып. I, Казань 1899. Ἀκολούθια Σπυρίδωνος ἐπισκόπου Τριμυθούδου, Ἐνετίαν 1880. Ἀκολούθια τῶν ὁσίων Ἀναστασίου, Χαρίτωνος, Αὐξεντίου καὶ Κενδεᾶ, τοῦ ἀποστόλου καὶ εὐαγγελιστοῦ Λουκᾶ, τοῦ ἁγίου Δημητρίου ἀναγνώστη Κυθήρης καὶ Κωνσταντίνου μαρτυροῦ, νῦν τὸ πρῶτον ἐκδοθεῖσαι σπουδῇ καὶ δαπάνῃ τοῦ ἀρχιεπισκόπου πάσης Κύπρου κ. κ. Χρυσάνθου, † ἐπιστάσις δε τοῦ Κυπριανοῦ ἀρχιμανδρίτου, διορθωθείσαι ὑπὸ τοῦ ἱεροδιακόνου Ἀνθίμου, τῶν κυπρίων, Ἐνετίαν 1779. Πέτρος Παπαγεωργίου, Βίος καὶ πολιτεία τοῦ ἁγίου Δημητρίου, ἐπισκόπου Κυπρίων ἐν Κύπρῳ («Ἐκκλησιαστικὴ Ἀλήθεια» 1907, № 18, отъ 4 мая, σ. 269—271. Ср. «Byzantinische Zeitschrift» 1907 (XVI), Heft. 1—2, S. 204—240: *H. Gvögöine*, Saint Démétrianos, évêque de Chytri (île de Chypre). *Sathas*, Vies des saints de l'église de Chypre, Gênes 1884. Ἀ. Διομήδης Κυριακός, Ἐκκλησιαστικὴ ἱστορία, т. I—III (Ἀθήναι 1897). Χαρίλαος Παπαϊωάννου, Κατάλογος τῶν χειρογράφων τῆς βιβλιοθήκης τῆς ἀρχιεπισκοπῆς Κύπρου, Ἀθήναι 1906. *F. Oberhummer*, Die Inseln Cypren, München 1903. Σίμος Μενάρδος: 1) Περὶ τῶν ὀνομάτων τῶν κυπρίων (Ἀθηνᾶ 1904, XVI, 257—294); 2) Ὁ Διγενὴς τῆς Κύπρου («Ἀκρίδας» I, 295—300). «Ἐκκλησιαστικὴ Ἀλήθεια» 1901, №№ 43, 44, 46; 1902, №№ 5—7, 11, 18, 31, 46, 51; 1903, № 33; 1904, №№ 12, 37; 1907, №№ 13—16. Другія библиографическія указанія соображаютъ: *Reinhard*, Vollständige Geschichte des Königreiches Cypren, S. I—XX; *Oberhummer*, Bericht über Geographie von Griechenland («Jahresbericht über die Fortschritte der classischen Alterthumwissenschaft, Bd. LXIV, S. 347—446, Bd. LXIX, S. 251—286, Bd. LXXVII, S. 29—96); *Claude Delaval Cobham*, An attempt at a bibliography of Cyprus, Nicosie 1900. (Здѣсь указано до 700 сочиненій, относящихся къ кѣ Кипру); *Bibliographie de l'Orient latin*, («Archives de l'Orient latin» 1881, I, Paris); *Σακελλάριος*, Τὰ Κυπριακὰ, т. I, σ. ιβ'—κδ'. Ἀθήναι 1891; *Hackett*, указ., соч., стр. XV—XVIII; *A. Palmieri*, указ. изслѣд., стрб. 2469—2471; † prof. *Hermann Usener*, Der heilige Tychon, Leipzig und Berlin 1907. Διάκονος Φιλάρетος Κουρίτης, Ἡ ὁρθόδοξος ἐκκλησία ἐν Κύπρῳ ἐπὶ φραγκοκρατίας, 1907. Φραγκοῦδης, Ἱστορία τοῦ ἀρχιεπισκοπικοῦ ζητήματος Κύπρου. Ἐν Ἀλεξανδρείᾳ 1908. Ὑπόμνημα μητροπολίτου Κιτίου κ. Κυρίλλου πρὸς τοὺς σεπτοὺς πατριархικούς ἐξάρχας περὶ τοῦ ἀρχιεπισκοπικοῦ ζητήματος ἀπὸ τοῦ θανάτου τοῦ ἀρχιεπισκόπου Σωφρονίου μέχρι σήμερον (1900—1907). 1908. Δύο πατριαρχικά ἐπιστολάκι περὶ τοῦ ζητήματος τῆς ἁγιατάτης ἐν Κύπρῳ ἐκκλησίας. Ἐν Λευκωσίᾳ (Κύπρου), 1907. О кипрскомъ церковномъ вопросѣ новѣйшаго

времени см. наши статьи въ «Прибавл. къ Церк. Вѣдом.» 1903, №№ 5, 7, 11, 19, 21, 25, 29, 41, 49 и въ «Странникъ» 1909 г., № 1, стр. 79—91. [*F. Nau, La légende des saints évêques Héraclide, Mnason et Rhodon on l'apostolicité de l'église de Chypre; Une lettre apocryphe de Paul et Barnabé aux Cypriotes* въ „Revue de l'Orient chrétien“ 1907, p. 125—133. *H. Delehaye, Saints le Chypre* въ „Analecta Bollandiana“ 1907, 2, p. 161—301 и отдѣльно. *Rev. H. T. F. Duchworth, The Church in Cyprus*, London 1900. *Sir I. T. Hutchinson and C. Delaval Cabham, A Handbook of Cyprus*, London 1907. *The Catholic Encyclopedia IV* (London 1908), p. 589—591. *The History of the Orthodox Church of Cyprus* въ „The Church Quarterly Review“ LVI, 112 (July 1903), p. 313—328. *The Archbishopric of Cyprus* *ibid.* LXVII, 133 (October 1908), p. 121—133. Академикъ *В. В. Латышевъ*, Матеріалы для исторіи архіепископіи Синайской горы: „Православный Палестинскій Сборникъ“, выпускъ LVIII, 2-я полов. (Спб. 1909), стр. 20, 21, 77, 89, 133, 134, 138, 160, 261, 283, 284, 289, 290, 341, 394, 397, 398, 401, 465 и соотвѣствующія страницы греческаго оригинала въ 1-й половинѣ LVIII выпуска.] *А. И. Соколовъ.*

Кипрская Латинская церковь была организована папою Целестинномъ III (1191—1198 г.). Впрочемъ, представители латинскаго клира появились на Кипрѣ гораздо раньше, прибывши сюда изъ Сиріи, — въ Левкосіи (=Никосіи) былъ и небольшой штатъ канониковъ; латиняне имѣли на островѣ и нѣсколько церквей, но строго организованной латинской іерархіи здѣсь не было; затѣмъ, и греки весьма враждебно относились къ латинянамъ и не разъ дѣлали попытки совершенно вытѣснить ихъ отсюда. Существовавшую услугу въ дѣлѣ водворенія латинянъ на Кипрѣ оказалъ король Аморіи II Лузиньянскій, который въ 1195 г. отправилъ въ Римъ лаодикійскаго архидіакона просить папу Целестина даровать латинской церкви на островѣ законное устройство. Папа исполнилъ эту просьбу и буллою отъ 20 февраля 1196 года поручилъ архидіаконамъ Лаодикіи и Ланды озаботиться устройствомъ латинской церкви на Кипрѣ. Архіепископская латинская кафедра была учреждена въ Левкосіи и ея юрисдикціи были подчинены епископіи Пафа, Лемпса и Фамагусты. Латинская архіепископія имѣла въ своемъ составѣ древне-греческія епархіи Левкосіи, Триниунта, Катія, Лапиноа, Киринии, Катра, Соли и Тамасса; епархія

пафская обнимала территорію греческихъ епархій Пафа и Арсиноя; епархія лемпсская равнялась по пространству древне-греческимъ епархіямъ Курія и Амавунта; наконецъ, фамагустская латинская епархія обнимала епархіи Саламина и Карпасіи. Первымъ латинскимъ архіепископомъ былъ Алэътъ, избранный представителями латинской церкви острова въ 1196 г. и утверждаемый папою. Буллою отъ 13 декабря 1196 г. папа Целестинъ III утвердилъ привилегіи и владѣнія архіепископа, предоставивъ въ пользованіе ему села Орниоосъ и Афандію и давши ему право собирать десятину въ 17-ти мѣстностяхъ; архіепископу даровано право носить и паллѣмъ за богослуженіемъ въ большіе праздники. Затѣмъ, по предписанію указанной папской буллы, клирики не могли, безъ согласія митрополита, уступать свои бенефіціи другимъ или передавать ихъ по наследству. Вторымъ латинскимъ архіепископомъ былъ, по сообщенію Lebuien'a, Дюранъ (Durand), а вѣрнѣе — Тьерп (Thierry, Terry, Terrius), какъ говорить Mas-Latrie. Онъ управлялъ латинскою церковію въ 1206—1211 г. Въ это время латинскій патріархъ въ Константинополѣ Ома Морозани пытался подчинить своей власти церковную область Кипра, но эта попытка не увѣчалась успѣхомъ. По этому поводу папа Иннокентій III сдѣлалъ распоряженіе, чтобы латинскій архіепископъ или самъ прибылъ въ Римъ для защиты своихъ правъ, или прислалъ своихъ делегатовъ. Однако, кипрская церковь сохранила свою автокефальность. Въ 1211 г. клирики Левкосіи избрали на архіепископскую кафедру Дюрана, но этотъ выборъ не былъ одобренъ папою. Противъ новаго архіепископа были представлены различныя обвиненія, разслѣдованіе которыхъ было папою поручено іерусалимскому патріарху Альберту; въ дѣло затѣмъ вмѣшался кипрскій король Гуго I Лузиньянскій, и по этому поводу папа Иннокентій III отправилъ нѣсколько посланій на Кипръ; въ результатъ же Дюранъ всегдѣ фактически не занималъ архіепископской кафедры. Въ 1217 году архіепископскую кафедру на Кипрѣ занялъ Евсторгій, который въ теченіе продолжительнаго своего управленія (до 1250 г.) оказалъ большія услуги латинской церкви. Онъ усердно зашищалъ ея права, былъ опытнымъ и пре-

даннымъ церкви администраторомъ, заботился о дисциплинѣ и просвѣщеніи клира, благоустроялъ матеріальный бытъ духовенства, закончилъ постройку храма святой Софіи въ Левкосіи, заложенного бывшимъ іерусалимскимъ патріархомъ Альбертомъ и т. д.

Двѣ конвенціи въ Лемнессѣ (1220 г.) и Фамагустѣ (1222 г.) регулировали отношенія между баронами и клиромъ по предмету о десятинахъ и подчинили греческій клиръ латинской церкви. Въ силу этихъ конвенцій латинская знать обязана была платить церкви десятину со всѣхъ доходовъ отъ своихъ владѣній, а клиръ со своей стороны обѣщаль оставить за дворянами въ свободномъ пользованіи тѣ владѣнія, которыя нѣкогда принадлежали греческимъ церквамъ и монастырямъ. Указанныя обязательства бароновъ оказались очень для нихъ тяжелыми и въ царствованіе Алисы они апеллировали по этому дѣлу къ папѣ, но ихъ ходатайства оставлены безъ послѣдствій. Сохранилось нѣсколько документовъ, относящихся ко времени Евсторгія и свидѣтельствующихъ о ревности римскаго престола увеличить матеріальное благосостояніе латинской церкви на Кипрѣ, устранить злоупотребленія и поддержать дисциплину. Такъ, папа Гонорій III (1216 — 1227 г.) рекомендовалъ архіепископу Евсторгію не увеличивать безъ необходимости число церквей, подчинить латинскимъ епископамъ нестерпанъ и яковитовъ, поселившихся на островѣ, назначить къ церквамъ священниковъ въ дополненіе къ существующему штату и т. д. Но и при Евсторгіи на Кипрѣ было мало латинскихъ школъ какъ въ городахъ, такъ и въ селахъ, духовенство не отличалось образованіемъ, и невѣжество служило источникомъ всякаго рода ошибокъ, какъ въ средѣ клира, такъ и въ народѣ, число приходовъ не соответствовало общей численности латинскаго населенія. Преемникомъ Евсторгія на архіепископской кафедрѣ былъ Гуго Фагіано (посвященъ въ епископа 9 апр. 1251 г.), отличавшійся ревностію въ управленіи церковію. Онъ часто обращался къ клиру съ наставленіями относительно усерднаго исполненія обязанностей, энергично защищалъ права церкви отъ притязаній королевской власти и дворянъ, проводилъ жизнь строгую, но въ то же время былъ крайне несправедливъ къ грекамъ и пренебре-

жительно относился къ православію. По смерти Гуго въ Тосканѣ, архіепископскую кафедру въ Левкосіи занялъ Вертвавъ, а потомъ Рафаилъ, при которомъ состоялся соборъ по вопросу объ отношеніи латинянъ къ грекамъ. При Іоаннѣ Анконскомъ, францисканцѣ (1288 г.), іерусалимскій латинскій патріархъ пытался лишить кипрскую церковь ея привилегій и доходовъ, и эти попытки, вслѣдствіе слабости и свисходительности архіепископа, могли бы увѣнчаться успѣхомъ, если бы папа Урбанъ IV буллою отъ 26 апрѣля 1291 г. не прекратилъ узурпаціи іерусалимскаго патріарха. Изъ архіепископовъ послѣдующаго времени болѣе другихъ извѣстенъ доминиканецъ Іоаннъ del Conte (1312 — 1319 г.), назначенный папою Климентом V. При немъ кипрская церковь жила спокойно, но среди духовенства стала развиваться роскошь, съ которою архіепископъ и вступилъ въ борьбу. Онъ энергично настаивалъ на соблюденіи клиромъ дисциплины, запретилъ духовенству заниматься торговлей, сдѣлалъ нѣсколько распоряженій относительно религіозно-нравственной жизни народа, благоустроилъ зданіе архіепископіи, отягачалъ любовью къ бѣднымъ, покровительственно относился къ народу и щедро помогалъ во время народныхъ бѣдствій. Но эта ревность о церкви латинской по обыкновенію крайне неблагопріятно отразилась на положеніи церкви греческой, на счетъ и въ ущербъ которой преимущественно и совершались Іоанномъ дѣянія, прославляемыя латинскими писателями. Съ роскошью латинскаго клира боролся и архіепископъ Ілія de Nabinaux, назначенный 16 ноября 1332 г. папою Іоанномъ XXII. Но и онъ въ своихъ распоряженіяхъ горько жаловался на то, что его декреты остаются мертвою буквой и что честолюбіе и любовь къ богатству попрежнему господствуютъ въ нравахъ духовенства. Архіепископъ Филиппъ I de Chambarlhac (1344 г.) получалъ отъ папы Климента VI различныя привилегіи, между прочимъ, по судебнымъ дѣламъ, архіепископъ Реймонъ de la Pradel (1366 г.), по предписанію папы Урбана V, долженъ былъ предохранять латинянъ отъ посяженій греческихъ церквей. Андрей Родосскій (1447 г.), доминиканецъ, игралъ выдающуюся роль на Флорентійскомъ соборѣ и извѣстенъ своими попытками рас-

пространить уюю и на Кипръ, архіепископъ Людовикъ Perez Fabrice (1447 г.) былъ рѣшительнымъ противникомъ венеціанской политики на Кипрѣ, а архіепископъ Бенедиктъ Soranzo (1484 г.) подвергся гоненіямъ со стороны венеціанцевъ за разномысліе въ вопросахъ церковно-религіознаго характера. Послѣднимъ архіепископомъ Кипра предъ завоеваніемъ его турками былъ Филиппъ Мосеніго, возведенный въ это достоинство папою Піемъ IV въ концѣ 1559 г. и извѣстный своими заботами о повышеніи религіозно-нравственной жизни въ народѣ. Въ XVI в. папскій престолъ вступилъ съ венеціанскою республикой въ соглашеніе по церковнымъ дѣламъ и предоставилъ ей право патроната надъ архіепископіей въ Левкосіи. При избраніи новаго архіепископа венеціанское правительство представляло папѣ четырехъ кандидатовъ, изъ которыхъ онъ выбиралъ одного.

Всѣхъ латинскихъ архіепископовъ на Кипрѣ въ періодъ 1196 — 1571 годовъ было 34. Латинскіе писатели хвалятъ ихъ за ревность въ исполненіи обязанностей и за защиту права церкви отъ притязаній вѣншаго государства гражданской власти. Но, съ другой стороны, извѣстно, что нѣкоторые архіепископы (Гуго Фагіано, Gerard de Langres, Іоаннъ del Conte), вслѣдствіе столкновеній съ свѣтскимъ правительствомъ, вынуждены были оставлять островъ на болѣе или менѣе продолжительное время, когда и паства оставалась безъ архипастырскаго надзора и руководства; другіе знали о кипрской церкви лишь по доходамъ, которые получали отъ нея, сами не являясь на островъ (Конрадъ Карачиоли 1402 г., Стефанъ Карраръ 1406 г., Гуго II Лузиньянскій, Антоній Тунето, Іоаннъ Brusato), вслѣдствіе чего дисциплина среди духовенства падала и народныя нравы грубыли; третьи архіепископы, преимущественно изъ знатныхъ фамалій родомъ, болѣе занимались государственными дѣлами, чѣмъ церковными, проводили свѣтскую жизнь и пренебрежительно относились къ церковно-религіознымъ интересамъ.

Что касается взаимныхъ отношеній латинской церковной и гражданской власти на Кипрѣ, то со времени организаціи здѣсь латинской церкви между этими сторонами не было мира и согласія. Правители изъ Лузиньянска-

го дома, по видамъ политическимъ, признавали нецѣлесообразнымъ пренебрежительно относиться къ православнымъ грекамъ и оскорблять ихъ религіозныя чувства. Между тѣмъ латинскіе епископы, руководясь своими задачами, не находили возможнымъ всегда согласоваться съ политикою гражданскихъ властей, не рѣдко шли въ разрѣзъ съ ея видами и упрекали потомъ королей въ систематическомъ пренебреженіи болѣе важныхъ интересовъ церкви. Одновременно шла жестокая вѣроисповѣдная борьба латинянъ противъ грековъ, сопровождавшаяся грубыми оскорбленіями послѣднихъ и насиліями вальними. Свѣтское правительство не всегда сочувствовало сильной сторонѣ и становилось по временамъ на защиту грековъ. Отсюда возникала усиленная вражда латинской іерархіи противъ королей и знати, пытавшихся поставить ее въ должныя границы. Далѣе, кипрская латинская іерархія вела борьбу и съ папскими легатами, о чемъ свидѣлствуютъ многочисленные документы папъ о правахъ и привилегіяхъ архіепископовъ и епископовъ на Кипрѣ. Особенно же большія притязанія на самостоятельность кипрской церкви заявляли латинскіе патриархи въ Іерусалимѣ, которые приглашались въ качествѣ третейскихъ судей, для коронаціи королей, для искорененія большихъ злоупотребленій и т. п., а въ дѣйствительности выходили изъ предѣловъ своихъ полномочій и пытались подчинить себѣ кипрскую церковь. Такъ, патриархъ Рауль de Grandville (1291), пользуясь слабостью архіепископа Іоанна Авконескаго, вторгся въ границы его юрисдикціи, исполнялъ епископскія обязанности въ его епархіи, получалъ его доходы. Пана Николай IV написалъ ему рѣзкое по этому поводу обличеніе. Въ 1481 г. архіепископъ Викторъ долженъ былъ разъяснить папѣ Сиксту IV, что кипрскій архіепископъ никогда не подлежалъ юрисдикціи іерусалимскаго патриарха. Особенно часто нарушались права архіепископовъ постѣ того, какъ патриархи въ Іерусалимѣ имѣли лишь титулярное значеніе и вынуждены были оставлять Палестину; въ послѣднемъ случаѣ они обыкновенно подвоярлялись на Кипрѣ, а нѣкоторые изъ нихъ занимали даже архіепископскую кафедру (легаты Петръ de Pleine-Chassaigne XIV в., Ілія de Nabinaux). При защитѣ своихъ правъ отъ притязаній іерусалимскихъ па-

триарховъ, кипрскіе архіепископы указывали на то, что латинская церковь на островѣ автокефальна, какъ автокефальна и церковь греческая, отъ которой первая унаследовала свою независимость. Другой причиной столкновений между латинскимъ духовенствомъ и свѣтскимъ правительствомъ служилъ имущественный вопросъ. Дѣло въ томъ, что латинскіе епископы желали овладѣть всѣми имуществами, которыя раньше принадлежали греческой церкви, но встрѣтили въ этомъ корыстолюбіи противодѣйствіе со стороны и грековъ, и королей, и дворянъ, а съ другой стороны свѣтскіе собственники на Кипрѣ, обязанные платить латинской церкви десятину и другіе налоги, весьма неаккуратно исполняли это обязательство, а потому вступили съ латинскою іерархіею въ упорную изъ-за десятины борьбу; тянувшуюся въ теченіе всего періода латинскаго господства на островѣ. Напрасно архіепископы и епископы Кипра обращались къ папамъ съ жалобами на королей и бароновъ, тщетно и сами папы писали послѣднимъ грозныя посланія, требуя подчиненія церковной власти;—имущественные разногласія и споры составляли устойчивую особенность въ латинской церковной жизни вплоть до завоеванія Кипра турками.

Однако и среди борьбы изъ-за матеріальныхъ расчетовъ латинское духовенство не забывало о своихъ обязанностяхъ. Вопросы дисциплины и разностей между греческой и латинской церквами обсуждались на общихъ собраніяхъ латинскихъ епископовъ, но архіепископы и отдѣльно дѣлали постановленія по поводу тѣхъ или другихъ недостатковъ въ церковно-общественной жизни. Такъ, Гуго въ 1253 г. издалъ постановленіе о томъ, что міряне должны повиноваться клирикамъ и оказывать имъ почтеніе, а другими постановленіями регулировалъ отношенія между клириками, предписалъ имъ усердно исполнять свои обязанности, осудилъ ростовщичество и грозилъ повиннымъ въ немъ церковнымъ наказаніемъ. Въ 1298 г. архіепископъ Gérard de Langres вмѣстѣ съ епископами Пафа и Лемисса составилъ нѣсколько дисциплинарныхъ правилъ относительно совершенія таинствъ, сбора десятины и т. д. Другіе архіепископы регулировали жизнь приходскую, дѣлали распоряженія о школахъ, правахъ духовенства, монастырей, смѣшен-

ныхъ бракахъ, исполненіи клириками своихъ обязанностей. Къ концу латинскаго владычества на Кипрѣ, мѣстная латинская церковь достигла значительнаго благоустройства въ своей внутренней жизни. Въ частности, латинское монашество на Кипрѣ представляло внушительную моральную силу. Монахи появились здѣсь главнымъ образомъ, во время короля Гюи Лузиньянскаго († 1194 г.), а затѣмъ число ихъ постепенно умножалось вслѣдствіе постоянного притока новыхъ никовъ изъ Палестины и Сиріи. Здѣсь были августинцы, бенедиктинцы, кармелиты, картезианцы, доминиканцы, францисканцы, премонстранты и другіе монахи. Центромъ монашества былъ столичный городъ Левкосія, гдѣ жили представители всѣхъ указанныхъ латинскихъ орденовъ. А затѣмъ, доминиканскіе монастыри были въ Фамагустѣ, Лемисѣ и Вальвѣ, францисканскіе — въ двухъ первыхъ городахъ и въ Пафѣ, кармелиты жили въ Фамагустѣ, Лемисѣ и близъ Апелемидіи, августинцы въ двухъ первыхъ городахъ и т. д. Монашескіе ордена дали латинской церкви многихъ епископовъ и архіепископовъ, оказали латинской церкви большія услуги въ разныхъ отношеніяхъ. Но нравственность монаховъ не всегда стояла на высокомъ уровнѣ, и поэтому поводъ духовная власть сдѣлала рядъ распоряженій съ цѣлью подчинять никовъ монастырскимъ уставамъ. Кромѣ того, латинскіе монахи зачитывали себя грубымъ и дерзкимъ отношеніемъ къ православной церкви и ея вѣрнымъ чадамъ. Они поселились почти исключительно въ греческихъ монастыряхъ, которые и отняли у прежнихъ ихъ собственниковъ—православныхъ монаховъ, овладѣли чужими имуществами, безсердечно выгоняли греческихъ монаховъ изъ ихъ владѣній, отнимали у нихъ святыни, стремились подчинить греческихъ никовъ своей власти, оскорбляли православную вѣру и вообще причиняли православнымъ никомъ неисчислимые бѣды—моральныя и матеріальныя—своими нехристіанскими по отношенію къ нимъ дѣйствіями. Этого пятна на латинскомъ монашествѣ Кипра не могутъ смыть и тѣ его заслуги для латинской церкви, о которыхъ любятъ распространяться католическіе писатели, забывающіе обращать вниманіе на другую сторону восхваляемыхъ ими историческихъ фактовъ.

Ненавистное для греков латинское иго было низвержено турками, которые, овладев сперва Левкосией, а потом Фамагустой, съ яростію направились на латинянъ (1571 г.), овладѣли ихъ церквами и монастырями и обратили ихъ въ мечети, перебили очень много кипрковъ и монаховъ, другихъ взяли въ плѣнъ, нѣкихъ загнали въ отдаленныя мѣста острова, два латинскіе епископа (Контарини пафскій и доминиканецъ Серафимъ лемискій) пали смертію мучениковъ. Вообще, оказавъ нѣкоторое снисхожденіе грекамъ и оставивъ въ ихъ пользованіи нѣкоторые православные храмы, турки безъ всякаго милосердія и пощады постребляли латинянъ и ихъ достояніе, такъ что отъ цвѣтущей латинской церкви послѣ завоеванія острова масульманами ничего не осталось. Здѣсь въ первое время турецкаго владычества не было даже ни одного латинянина; по крайней мѣрѣ, латиняне скрывали свою вѣру и выдавали себя за православныхъ. Но въ 1572 г. францисканцы уже возвратились на Кипръ и заняли въ Ларнакѣ церковь св. Лазаря. Они исполняли обязанности духовниковъ у латинскихъ купцовъ, поселившихся на островѣ, а также латинскихъ паломниковъ, отправлявшихся въ Святую Землю; постепенно францисканскій монастырь св. Лазаря сталъ благоустроиться и прибрѣлъ отъ купцовъ и паломниковъ достаточныя средства. Въ концѣ XVI в. въ Левкосію была единственная латинская церковь, служившая нуждамъ западно-европейскихъ купцовъ. Въ 1636 г. при папѣ Урбанѣ VIII на Кипръ водворился францисканецъ Іоаннъ-Валтисъ де Тодя, который и занялся здѣсь пропагандой католицизма. Онъ устроилъ въ деревнѣ Марги церковь для маронитовъ, изъ которыхъ многие перешли въ прежнее время въ исламъ. Затѣмъ ему удалось сдѣлаться епископомъ Пафа. Въ Левкосіи онъ возстановилъ церковь въ францисканскомъ госпиталѣ св. Креста и основалъ монашескую общину, получивъ на это денежное вспомошествованіе изъ Венеціи. Въ 1667 г. кустодія Святой Земли объявила францисканскій госпиталь въ Левкосіи своею собственностію, такъ какъ она нуждалась въ коллегіи, гдѣ юные миссіонеры могли бы изучать греческій языкъ. Пропаганда въ Римѣ, въ свою очередь, потребовала, чтобы францисканцы оставили монастырь. Последніе

устроили церковь близъ храма св. Креста и продолжали свое миссіонерское дѣло. Оно было довольно успѣшно и велось среди маронитовъ, армянъ и даже турокъ. Общее число католиковъ простиралось до 2.000 чело-вѣкъ. Но въ концѣ XVII в. миссія францисканцевъ пришла въ полный упадокъ. Въ послѣдующее время латиняне на Кипрѣ были подчинены духовной юрисдикціи апостольскаго патриаршаго викарія въ Константиноплѣ. Въ 1762 году Сирія, Палестина и островъ Кипръ были выдѣлены изъ константинопольскаго викаріата и образовали самостоятельный латинскій викаріатъ, подъ именемъ алеппскаго. Въ 1848 г. Палестина и Кипръ образовали іерусалимскій патриархатъ и подчинены латинскому патриарху св. города. Первый патриархъ Іерусалима, извѣстный Валерга, организовалъ на островѣ миссію на новыхъ началахъ. Онъ послалъ сюда миссіонеровъ и монаховъ различныхъ орденовъ и учредилъ здѣсь нѣсколько школъ. Между прочимъ, на островѣ занимаются пропагандой монахини ордена Явленія св. Іосифа, которыя имѣютъ здѣсь свои школы, церковь и госпиталь въ Ларнакѣ. Въ 1905 г. всѣхъ сестеръ этого ордена было 11, въ ихъ школахъ обучалось 107 чело-вѣкъ, изъ нихъ 50 бесплатно, въ своемъ госпиталѣ онѣ давали пріютъ и лечили больныхъ. Кроме того сестры ордена наблюдали за дѣтскимъ пріютомъ, устроенномъ въ Ларнакѣ францисканцами Кустодіи. Послѣдніе основали здѣсь и монастырь, церковь котораго служить нуждамъ мѣстнаго латинскаго прихода. Въ Ларнакѣ есть другая латинская церковь св. Іосифа, построенная въ 1882 году. Въ 1877 г. латинскій патриархъ въ Іерусалимѣ Брачко послалъ сестеръ ордена св. Іосифа въ Левкосію, гдѣ онѣ и основали школу, въ которую поступають для обученія дѣти лучшихъ фамилій города. Въ 1888—1889 г. онѣ устроили новое зданіе для своей школы и занялись еще уходомъ за больными. Въ 1905 г. община имѣла 5 сестеръ и 42 ученицы, изъ нихъ 22 безплатныхъ. Францисканцы въ этомъ городѣ имѣютъ приходъ въ составѣ болѣе 300 чело-вѣкъ, церковь св. Креста и школы. Монахини францисканскаго ордена занимаются пропагандой въ Лемисѣ. Вообще латинская пропаганда на островѣ постепенно усиливается, не встрѣчая никакого противодѣ-

ствія со стороны англійскаго правительства, которое безразлично относится къ вопросам вѣры. Лишь православная церковь испытываетъ на себѣ всѣ невзгоды англійскаго видифференцизма и латинскаго фанатизма, такъ какъ миссія латинскаго ордена имѣетъ въ виду прежде всего „схизматики“—греческую и направлена, главнымъ образомъ, противъ православіа.

На Кипрѣ еще въ VIII в. водворились марониты, число которыхъ постепенно умножалось и въ XIII в. дошло до 800.000 человекъ. Нынѣ они (въ гораздо меньшемъ числѣ) живутъ въ Левкосіи, Ларнакѣ, Фамагустѣ, Лемисѣ и Пафѣ, имѣютъ свои храмы, монастыри и школы, говорятъ на новогреческомъ языкѣ, подчиняются въ церковномъ отношеніи латинскому маронитскому патриарху Ливана.

Кромѣ того, на островѣ живутъ—армяне, которые также имѣютъ свои храмы и монастыри и подчиняются армянскому патриарху въ Иерусалимѣ; яковиты, подчиненные антиохійскому яковитскому патриарху; копты, находящіеся въ зависимости отъ кайрскаго патриарха; несториане или халдеи, подчиненные халдейскому митрополиту Тарса; такъ называемые *linobambaci*, вѣровавія которыхъ представляютъ смѣсь христіанства съ мусульманствомъ, и евреи, водворившіеся на островѣ подъ покровительствомъ англійца, во вопреки желанію коренного туземнаго населенія. Общее число представителей всѣхъ указанныхъ вѣроисповѣданій, болѣею частью, невелико, хотя нѣкоторые изъ нихъ водворились на Кипрѣ еще въ византійскую эпоху или въ періодъ латинскаго господства на островѣ.

Литература. Исторія латинской церкви на Кипрѣ изложена въ X—XII главахъ книги *J. Hackett'a*, *A. Histori of the Orthodox Church of Cyprus etc.*, London 1901, а также въ статьѣ *A. Palmieri*, *L'église latine* („Dictionnaire de théologie catholique“ par Vacant et Mangenot, t. II, col. 2449—2472), гдѣ указана и литература, къ которой относятся: *Joannes Cotovicius*, *Itinerarium hierosolymitanum et syriacum*, Antwerpiae 1619; *Riccardo*, *Constitutio cypria Alaxandri papae III graece nunc primum reperta latineque reddita ac notis illustrata*, Romae 1636; *Dandini*, *Missione apostolica al patriarca e maroniti del monte Libano e sua pellegrinazione a Gierusalemme*, Cesena 1656; *Ducange*, *Le familles d'outre-mer*, edit. Rey, Paris 1869; *Mas-Latriu*: 1) Premier et

second rapport sur sa mission en Chypre („Archives des missions scientifiques et littéraires“ 1850, t. I); 2) Documents nouveaux servant de preuves à l'histoire de l'île Chypre sous le règne des princes de la maison de Lusignan („Collections des documents inédits sur l'histoire de France: Mélanges historiques“, t. IV. Paris 1882); 3) Un chapitre à supprimer dans l'Oriens christianus („Comptes rendus de l'Académie des inscriptions et belles-lettres“ 1896, t. XXIV); 4) Nouvelles preuves de l'histoire de Chypre (Bibliothèque de l'école des chartes, 1872); 5) Histoire des archevêques latins de l'île de Chypre („Archives de l'Orient latin“, t. II, Paris 1884, p. 207—328); 6) Les patriarches latins de Jérusalem („Revue de l'Orient latin“ 1893, t. I). *Rosi*, *La difesa di un archivescovo di Cipro proleto da Pietro Bembo* („Rendiconti del Lincei“, t. VI); *Seesselberg*, *Das Prämonstratenser-Kloster Delapais auf den Insel Cyprien*, Berlin 1901; *Trudon des Ormes*, *Liste des maisons et de quelques dignitaires de l'ordre du Temple en Syrie, en Chypre et en France, d'après les pièces du procès* („Revue de l'Orient latin“ 1900, t. VII); *Enlart*: 1) *L'art gothique champenois dans l'île de Chypre* („Revue de Champagne et de Brie“, 1898); *L'art gothique et la renaissance en Chypre*, t. I—II (Paris 1899); 2) *L'abbaye de Lapais en Chypre* („L'ami des monuments et des arts“ 1898, № 62); 3) *Les monuments français de l'île de Chypre, église métropolitaine de Sainte-Sophie à Nicosie* (ibid. 1898, p. 259—278); *Die Lage der katholischen Kirche auf Cypern* („Das heilige Land“ 1878, S. 157, 184 ff.); *Die englischen Katholiken auf Cypern* (ibid. 1879, S. 103 ff.); *Galt*, *Die maronistische Hierarchie* (ibid. 1880, S. 122 ff.); *Oberhummer*: 1) *Aus Cypern: Tagebuchblätter und Studien* („Zeitschrift der Gesellschaft für Erdkunde“, Bd. III, Berlin 1890, S. 183. 420 ff.); 2) *Der Berg des heiligen Kreuzes auf Cypern*, Ausland 1892; *Desimoni*, *Actes passés à Famagouste devant le notaire génois lamberto di Sambuceti* („Revue de l'Orient latin“ 1893, t. I); *Album missionis Terrae Sanctae*, t. II. Milan 1893; *Liber peregrinationis fratris Jacobi de Verona*, ed. Röhricht („Revue de l'Orient latin“ 1895, t. III, p. 176—180); *Nicolaï de Marthono notarii*, *Liber peregrinationis ad loca sancta* (ibid., p. 627—638); *Parraud*, *Vie de saint Pierre Thomas, de l'ordre de carmes, patriarche titulaire de Constantinople, légat de la croisade de 1365*, Avignon 1895; *Enlart*, *Notes sur le voyage de Nicolas de Martoni en Chypre* („Revue de l'Orient latin“ 1896, t. IV); *Diehl*, *Les monuments de l'Orient latin* (ibid. 1897, t. IV, p. 293 suiv.); *L'église grecque en Chypre* („La Terre Sainte“ 1902, t. XIX, p. 205—208); *Pascal*, *Histoire de la maison royale des Lusignans*, Paris 1896; *Bérard*, *Cyprien: Chronique de l'île de Chypre au moyen âge*, Paris 1902; *Chamberlayne*, *Lacrymae Nicosienses: Recueil d'inscriptions funéraires, la*

plupart françaises, suivi d'un armorial chypriote, et d'une description topographique et archéologique de la ville de Nicosie, Paris 1894; *Giuseppe dela Santa*, Alcuni documenti per la storia della chiesa di Limisso in Cypro durante la seconda metà del secolo XV („Nuovo archivio veneto“ 1898, t. XCVI, p. 150—187; *Röhricht*: 1) Regesta regin hierosolymitani, MXXCVII—MCCXCI, Innsbruck 1893; 2) Additamenta, Innsbruck 1904; *Golubovitch*, Il trattato di Terra Santa e dell'Oriente di frate Francesco Suriano, Milano 1900; *Kohler*, Mélanges pour servir à l'histoire de l'Orient latin et des croisades, Paris 1900; *A. Palmieri*: 1) De monasteriis ac sodalibus ord. erem. s. Augustini in insula Cyprj („Analecta augustiniana“ 1905, t. I, p. 118 etc.); 2) Una versione greco della constitutio cypria di Alessandro IV („Bessarione“, 2-e série, 1905, t. VIII, p. 141—149); *J. Delaville le Roulx*, Les hospitaliers en Terre Sainte et à Chypre (1100—1310), Paris 1904; Грековиты острова Кипра XIII—XVI в. въ „Духовномъ Вѣстникъ“ за 1866 г.

И. П. Соколовъ.

Кира, преподобная подвижница сирійская, V столѣтія. Родомъ изъ сирійскаго города Веруцъ, она вмѣстѣ съ Маринною проводила суровый отшельнической образъ жизни, носила вериги, посѣтила Іерусалимъ для поклоненія Гробу Господню, а равно храмъ св. всехвальнѣи Оеклы. Почила въ мртѣ послѣ 50-лѣтней подвижнической жизни, ок. 450 года. *Память ея 28 февраля.*

См. *Теодоритъ Кирскій*, Исторія боголюбцевъ; *Макар. Ч.-Миней* („Корра“, „бѣста отъ града Вѣроуя киликійска“). Прологъ. *Хр. Л—въ.*

Киргизы и ихъ религія. Подъ именемъ *киргизовъ* у насъ извѣстны 2 племени, изъ которыхъ одно называется *киргизъ-кайсаками* или, —правильнѣе,—*казакъ-киргизами*, а другое *кара-киргизами* или *бурутами* (а не бурятами, какъ сказано на стр. 893 „Энциклопедическаго Словаря“ Ф. Павленкова, Сиб. 1899); второе племя называется еще и *дикоканменными киргизами*, такъ какъ занимаетъ горныя хребты Тянь-Шаня и смежныя съ ними хребты семирѣченской и сыръ-дарьинской областей. Оба киргизскія племени въ подданствѣ и у Россіи и у Китая. Кара-киргизовъ насчитывается всего до 850.000, а казакъ-киргизовъ до 2 миллионѣвъ. Послѣднее племя занимаетъ степи въ астраханской губерніи и въ областяхъ: уральской, тургайской, акмолинской, сыръ-дарьинской, семирѣченской, семи-

палатинской, самаркандской и закаспійской. (Киргизы-казаки, или киргизъ-кайсаки раздѣляются на нѣсколько родовъ—„рыу“; таковы по роду: адаевцы, табанцы и пр.—*Г. К.*). Оба племени по языку—чистые турки, по религіи—мусульмане суннитскаго исповѣданія *) и ханефитскаго законоположенія, т.-е., другими словами, у нихъ дѣла религіознаго характера и мелкія рѣшаются по преимуществу по законовѣдѣнію Абу-Ханифы Нумана бенъ Сабитъ, жившаго съ 699 по 767 годъ отъ р. Хр. и дѣйствовавшего въ Месопотаміи; дѣла же уголовного характера рѣшаются двояко: или по обычному праву, если виновное и пострадавшее или убитое лица—киргизы, или по закону государственному, если одно изъ такихъ лицъ—изъ другого племени. Исламъ пустилъ болѣе глубокіе корни у киргизовъ, живущихъ смежно или вмѣстѣ съ сартами и татарами, которые издавна проповѣдуютъ и навязываютъ имъ исламъ. Мѣстами общественнаго моленія служатъ въ селеніяхъ и городахъ татарскія и сартскія мечети (въ киргизскихъ степяхъ также встрѣчаются теперь мечети съ минаретами и молитвенные дома.—*Г. К.*). Не смотря на номинальное исповѣдываніе ислама, у киргизовъ, отдаленныхъ отъ вліянія сартовъ и татаръ, сохраняются до сихъ поръ

*) Въ совѣщаніи по дѣламъ вѣры 1906 г. членъ Государственнаго Совѣта В. П. Череванскій въ обстоятельной запискѣ убѣдительно доказывалъ, что русскихъ киргизовъ лишь татары хотѣли выставить истинными поклонниками Магомета, дабы этимъ приемомъ закрѣпить ихъ въ своей религіи. В. П. Череванскій раскрываетъ, что киргизы никогда не были мусульманами, и отнюдь не управляются на основаніи постановленій шаріата, для этой цѣли они прибѣгаютъ къ „адату“, т.-е. своду обычаевъ, что же касается исповѣдуемой киргизами религіи, то они прежде шаманили, а затѣмъ понемногу переходятъ въ мусульманство. Авторъ предостерегаетъ правительство отъ вторженія въ степь мусульманства, которое, по его мнѣнію, мертвитъ все, съ чѣмъ сталкивается, и если коранъ захватитъ киргизовъ, то они погибнутъ для цивилизаціи и культуры; необходимо ввести въ степи русскіе законы, навѣнявъ ихъ примѣнительно къ мѣстнымъ обычаямъ населенія (см. „Новое Время“ № 10.753 за 20-е февраля 1906 г., стр. 3, столб. 3—4 въ „Хроникъ“; ср. *ibid.* № 10.758 за 25-е февраля).—*Н. Н. Г.*

остатки прежней ихъ религіи, шаманства. Наибольше крупнымъ остаткомъ надобно считать: знахарей, называемыхъ баксами¹⁾ и играющихъ ту же роль, какъ и шаманы у восточно-сибирскихъ племенъ; далѣе, зажиганіе свѣтильниковъ вокругъ кибиточнаго огня; потомъ, гаданіе на жженной бараньей лопаткѣ и, наконецъ, встрѣчу перваго грома постукиваніемъ угловъ кибитки кошемъ по теченію солнца. Все это у киргизовъ держится еще потому, что слова и фразы, сопровождающія то или другое дѣйствіе, приправляются именами Мухаммеда (Магомета), Хасана и Хусейна и др. лицъ мусульманской религіи. Обряды при нареченіи имени, обрѣзаніи, женитбѣ и погребеніи все справляется по мусульманскому положенію, но дѣла, касающіяся владѣнія, отчужденія, раздѣла имущества и развода—по адату, т.-е. по обычаю²⁾. Такимъ образомъ, выходить, что и русскіе, и китайцы представляють киргизамъ судиться и рядиться, если только нѣтъ уголовщины по отношенію къ не киргизамъ, и справлять свои обряды, какъ имъ угодно. (Въ виду этого у нихъ дѣла рѣшаются иногда самосудомъ, проявляющимся въ формѣ „баранты“, т. е. грабежа скота и родовой мести; при чемъ бываетъ и такъ, что, напр., за убійство одного человѣка цѣлый родъ возстаетъ на другой родъ и мститъ до тѣхъ поръ, пока не нанесетъ тяжелыхъ обдѣлѣй противнику—*Г. К.*). Въмѣстѣ съ исламомъ къ киргизамъ проникли и тѣ заговоры и молитвы, повѣрія и легенды, которыя у строгихъ мусульманъ, въ родѣ турокъ, считаются „отреченными“ и противными древнему, наиболѣе чистому, исламу; такъ, напр., киргизы вѣрятъ въ духовъ горъ, водъ, степей, жилищъ и огня и спасаются отъ нихъ разными нашептываніями³⁾).

1) „Баксы“, главнымъ образомъ, сохранились у племенъ кочующихъ, т.-е. въ теченіе цѣлаго года переходящихъ съ мѣста на мѣсто; напр., въ уральской обл. у адаевцевъ и табынцевъ.—*Г. К.*

2) Въ дѣлахъ, которыя рѣшаются по адату—обычаю, главную роль играютъ *биі*, т.-е. народные судьи въ рѣшеніи этихъ дѣлъ. Въ биі избираются, обыкновенно, родовые старшины.—*Г. К.*

3) Самая употребительная молитва при изгнаніи духовъ,—это нареченіе корана: *Аузо биллѣи миша шайтани раджииз* т.-е. „Прибѣгаю къ Богу за помощію отъ діавола, побиваемаго камнями“. Изреченіе это—въ видѣ печатаго листка —

Таблицъ съ разными душеспасительными заговорами и молитвами особенно много печатается въ казанскихъ литографіяхъ (см. „Дѣятель“ за 1903 г., стр. 235—240 и 360—365). Здѣсь же, въ Казани, киргизы получаютъ и большую часть своихъ религіозныхъ книгъ и книгъ литературныхъ, исаванныхъ по-арабски и по-татарски¹⁾; напр., біографіи ветхозавѣтныхъ патріарховъ, пророковъ, судей и царей, начиная съ Адама и кончая Іисусомъ Христомъ (Иса и Айса); біографіи Мухаммеда, его родни и сподвижниковъ и пр. Киргизамъ извѣстно также сказаніе о 7 ефесскихъ отрокахъ (аска-буль-кахфъ). По вліянію корана и его комментаріевъ киргизы признають, подобно другимъ мусульманамъ, въ числѣ святыхъ и Александра великаго (Искандэръ Зулькарнайнъ, Александръ Двурогій), который, по нимъ, вмѣстѣ съ пророкомъ Іліей (Кыдыръ) ходилъ искать восточникъ „живой воды“, т. е. воды безсмертія. Имя „Кыдыра“ спасаетъ человѣка отъ опасности, Соломона (Сулейманъ) — отъ злыхъ духовъ, семь ефесскихъ отроковъ — отъ враговъ, кредиторовъ, огня и воды (а хлѣбъ — отъ саранчи), Ноя (Нухъ) — отъ потопленія, Іисуса Христа — отъ злыхъ людей, а Іосифа (Юсуфъ) — отъ результата дурныхъ сновъ. Подобно сартамъ и татарамъ, киргизы прибѣгаютъ къ заступничеству скрытыхъ отъ чужого взора амулетовъ, которые носятъ то въ кушакахъ, то за пазухами, то въ волосахъ (женщины), то подмышками, то держатъ въ шеляхъ и углахъ жилищъ и пр. Первою по качеству поучительною книгою у киргизовъ, понятно, считается коранъ (а затѣмъ шаріатъ—мусульманскій катехизисъ, въ которомъ изложены главныя обязанности мусульманъ въ отношеніи религіи.—*Г. К.*). Коранъ употребляется и для гаданія, какъ и у сартовъ. Изъ другихъ способовъ гаданія, оставшихся у киргизовъ отъ прежнихъ временъ, извѣстны,—кромѣ гаданія на бараньей лопаткѣ, существующаго нынѣ также у монголовъ, урянхайцевъ и инородцевъ—тюрокъ томской, енисейской и пркутской губ.,—также гаданія: по цвѣту пламени,

приклеивается, обыкновенно, въ домахъ надъ косяками дверей.—*Г. К.*

1) Письменность у киргизовъ только татарская, а самобытною киргизскою нѣтъ; нарѣчія разныя.—*Г. К.*

въ которое бросается сало, по звѣздамъ, по экскременту овецъ и по камешкамъ. При рѣшеніи дѣлъ религіозныхъ и мелкихъ житейскихъ киргизы пользуются, — кромѣ „Большого Законовѣдѣнія“ (фиххъ акбаръ) вышеупомянутого Абу-Ханифы, называемаго обыкновенно „Имамъ Азамъ“, т.-е. великій имамъ, — сочиненіями: „Гидая“ (руководительство) Алія-бечъ-Аблбекръ изъ Ферганы, умершаго 1197 г. по р. Хр., „Джаміур-румұзъ“ (собрание намовъ) Мухаммеда Кахистани, умершаго 1557 г., и нѣкоторыми другими, писанными на араб. языкѣ, почему обыкновенно выигрываетъ та сторона, гдѣ удача и явнѣ истолкуютъ соотвѣтствующее дѣлу мѣсто. Молитвы, омовенія и посты соблюдаются по правиламъ ислама, причемъ, какъ и другимъ мусульманамъ, даются льготы; напр., ъ положенныхъ въ сутки молитвъ можно читать и порознь и вмѣстѣ, когда порознь не удастся; если воды для омовенія подъ руками нѣтъ, или если она дорога, напр. въ пустынѣ, то вмѣсто воды можно употребить песокъ; постъ соблюдается лишь днемъ и т. д. Отъ молитвъ, омовеній и постовъ можно откупиться также пшеницей или другимъ хлѣбомъ: напр., 1 молитва стоитъ $4\frac{1}{4}$ фунта пшеницы по толкованію въ кн. „Джаміур-румұзъ“. Въ школахъ учатъ по корану хефтьёку т. е. $\frac{1}{7}$ корана, шариату и другимъ книгамъ, печатающимся въ Казани и касающимся исключительно религіи. Кромѣ собственно мусульманскихъ школъ — медресе и мектеде ¹⁾ — у киргизовъ имѣются и русскія, напр., въ астраханской губ., уральской и тургайской областяхъ. (Школы эти открываются съ разрѣшенія русскаго правительства, и въ нихъ преподаютъ тѣ же предметы, что и въ начальныхъ школахъ русскихъ — одноклассныхъ и двухклассныхъ; въ нѣкоторыя школы допущены и муллы для преподаванія мусульманскаго вѣроученія.

Татары и сарты, проникающіе въ самые отдаленные и глухіе уголки киргизскихъ степей въ качествѣ весьма невыгодныхъ для киргизовъ сначала мелочниковъ-торгашей, а потомъ и скоро зажиточныхъ торгов-

цевъ, по своей привычкѣ сбывать среди киргизовъ гнилую или ничтожную вещь въ тридорога, зорко слѣдятъ за обрусеніемъ киргизовъ въ русскихъ школахъ, стараются всѣми мѣрами враждебно настроить киргизовъ какъ противъ русскихъ школъ, такъ и вообще противъ русскихъ, и убѣдительно ввѣщаютъ киргизамъ поступать въ русскія школы лишь при томъ условіи, если допущенъ будетъ въ школу мусульманскій мулла; а этотъ послѣдній старается поставить въ школѣ дѣло такъ, что киргизскіе мальчики, обыкновенно, *показно и механически* изучаютъ въ школахъ русскій языкъ и другіе предметы, большую же часть времени и все вниманіе свое удѣляютъ изученію мусульманскаго вѣроученія; такъ, за урокомъ русскаго языка или ариметики часто можно найти у ученика киргиза за партой мусульманскую книгу: хефтьёкъ, шариатъ, имани в др. — *Г. К.*). Киргизы, живущіе около русскихъ городовъ и селеній, охотнѣе отдають своихъ дѣтей въ русскія школы, чѣмъ живущіе внутри степей или около татаръ и сартовъ. (Но вообще киргизы — большіе охотники учиться въ русскихъ школахъ, даже въ миссіонерскихъ — церковно-приходскихъ школахъ; почему крайне жаль, что на открытіе русскихъ школъ среди киргизовъ, отпускается мало казенныхъ средствъ. — *Г. К.*). Еще медленнѣе того идетъ обращеніе киргизовъ въ православіе. (Въ настоящее время имѣется нѣсколько киргизскихъ миссій, главнымъ образомъ, въ епархіяхъ астраханской, омской и оренбургской. Всѣ эти миссії подчинены мѣстнымъ епархіальнымъ комитетамъ, а послѣдніе въ свою очередь подчинены московскому православно-миссіонерскому обществу.

Изданіе книгъ на инородческихъ языкахъ для миссіонерскихъ учрежденій главнымъ образомъ вѣдаютъ переводческая коммиссія православнаго миссіонерскаго общества и братство св. Гурія въ Казани. — *Г. К.*). Нынѣ имѣются евангелія, учебники, буквары, словари, священная исторія обоихъ заветовъ, житія нѣкоторыхъ святыхъ и даже служебникъ. Всѣ эти изданія вышли въ количествѣ отъ 300 до 3.000 экз.

¹⁾ Высшія мусульманскія школы имѣются въ Стамбулѣ (Константинополѣ), Каирѣ, Бухарѣ; въ большой славѣ также медресе въ Карагалинскомъ (иначѣ — Сидскомъ) посадѣ оренбургскаго уѣзда. — *Г. К.*

Библиографія о киргизахъ имѣется въ слѣдующихъ книгахъ: 1) *А. Е. Алекторовъ*, Указатель книгъ, журнальных и газетныхъ статей и замѣтокъ о кирги-

захъ (Казань 1900, 970+14); 2) *В. И. Межовъ*, Туркестан. сборникъ: сборникъ сочиненій и статей, относящихся до Средней Азии вообще и туркестанскаго края въ особенности (Спб. 1878—1888. 184+166+134 стр.); 3) *В. И. Межовъ*, Библиографія Азии, томы 1 и II (Спб. 1891—1894, 389+257 стр.); 4) *А. Н. Харузинъ*, Библиограф. указатель при сочиненіи „Киргизы Бунеевской орды“ (Москва 1839, 60 стр.); 5) *Н. Landsell*, библиографическ. указатель при сочиненіи „Wissenschaftlicher Anhang zu Russisch—Central—Asien“ (Leipzig 1883, 26 стр.); 7) *П. П. Семениловъ*, подъ словами „Киргизъ-кайсаки“ „Киргизы“ во II т. „Географическо-статистическаго словаря Россійской Имперіи“ (Спб. 1865). Въ этихъ 7 указателяхъ приведено нѣсколько тысячъ названій книгъ и статей, въ которыхъ говорится о киргизахъ, ихъ религіи и бытѣ. (Ср. еще *А. В. Васильевъ*, Матеріалы къ характеристикѣ взаимныхъ отношеній татаръ и киргизовъ съ предварительнымъ краткимъ очеркомъ этихъ отношеній). [См. также статьи „Киргизъ-кайсаки“ проф. *А. М. Позднѣва*, и „Киргизы“ *А. Е. Любского*, въ „Энцикл. Словарѣ“ Брокгауза и Ефрона, полутомъ XXIX, стр. 95—101 и 101—109], а изъ болѣе старыхъ трудовъ, напр., *А. Левшина*, Описание киргизъ-казачьихъ или киргизъ-кайсацкихъ ордъ и степей, 1—3 тома, Спб. 1832. *Н. Неводничанскій*, Матеріалы къ выясненію взаимно-отношеній уральскихъ казаковъ и киргизъ-кайсаковъ, Спб. 1907. Корреспонденція въ „Новомъ Времени“ № 11.786 за 3 января 1909 г. изъ Селенгого Туркестана г. *В. С. В.*, который описываетъ киргизовъ со стороны привилегированныхъ „маначьевъ“ по отношенію къ „бухарамъ“, или простонародью.]

Н. Катановъ *).

Киреметь (*кереметь*) происходитъ, по всей вѣроятности, отъ арабскаго каръматъ (= уваженіе, почитаніе, обожаніе, чудо) и перешло къ чувашамъ, черемисамъ, вотякамъ и другимъ язычникамъ-инородцамъ отъ татаръ-мусульманъ или непосредственно отъ арабовъ, которые когда-то имѣли живыя торговыя сношенія съ инородцами волжско-камскаго края. Подъ словомъ киреметь инородцы-язычники разумѣли,—по мнѣнію однихъ,—культъ предковъ или душъ умершихъ, а по мнѣнію другихъ—культъ непонятныхъ чмъ силъ природы какъ благотворныхъ, такъ и злыхъ и разрушительныхъ, что видно изъ сохранившихся на языкахъ выше-

*) Нѣкоторыя дополненія и вставки принадлежатъ свящ. *Георгію Крушенниченко*.

упомянутыхъ инородцевъ молитвенныхъ обращеній къ киреметямъ. Однако, въ настоящее время подъ „киреметь“ язычники-инородцы разумѣютъ почти исключительно разрушительныя явленія природы, злыхъ предковъ и, главнымъ образомъ, душъ извѣстныхъ разбойниковъ, наводившихъ при жизни панический страхъ на мирное население того или другого округа. Съ цѣлью умилостивить злыхъ киреметей и какъ бы подкупить ихъ, язычники-инородцы приносятъ пмъ всевозможныя жертвоприношенія. Жертвы эти приносятся и на дому, и въ лѣсахъ, оврагахъ и другихъ потаенныхъ мѣстахъ. Мѣста, посвященные особымъ присутствіемъ той или другой киремети, сохраняются по возможности въ тайнѣ и профанамъ не открываются. Въ каждой мѣстности живетъ особая киреметь, которая является полновластною госпожей въ своемъ округѣ. Въ существованіе киремети вѣрують не только полудикіе язычники волжско-камскаго края, но отчасти и православные изъ нихъ, большинство которыхъ и до сихъ поръ остаются въ сущности язычниками, такъ что неудивительно, если свои старо-языческія понятія о киремети они цѣликомъ перенесли на святыхъ православной церкви и на ихъ иконы.

См. о киремети: *В. Малицкий*, Матеріалы къ объясненію старой чувашской вѣры (Казань 1881); *его же*, Изъ быта чувашъ казанской губерніи („Этнограф. Обзоръ“ кн. XVІІІ). *Ф. Фуксъ*, Записки о черемисахъ и чувашахъ (Казань 1840). Проф. *Сбоевъ*, Исслѣдованія объ инородцахъ казанской губерніи (Казань 1856). Прот. *В. Вишневскій*, Изъ записокъ миссіонера о религіозныхъ повѣрьяхъ чувашъ. Проф. *Н. Смирновъ*, Черемисы: историко-этнографическій очеркъ (Казань 1889). *Н. И. Золотницкій*, Невидимый міръ по шаманскимъ воззрѣніямъ черемисъ (Казань 1877). о. *М. Васильевъ*, О киреметяхъ у чувашъ и черемисъ (Казань 1904).

П. Жузе.

Кирена см. „Киринія“.

Киренаика, прежде Кирена (*Κυρήνη*), первая греческая колонія въ верхней Ливіи, по Плинію (Hist. Nat. V, 5) находилась въ одиннадцати римскихъ миляхъ отъ моря (около 15¼ верстъ), по Страбону (Географія XVII, 3: 20) — въ восьмидесяти стадіяхъ отъ Аполлоніи (= 14 верстъ). Ее

основалъ Баттусъ, съ острова Керы, согласно указанію дельфійскаго оракула и владѣлъ ею въ продолженіе 40 лѣтъ. Послѣ него здѣсь царствовалъ 16 лѣтъ сынъ его Аркезіай. За все это время колонія почти не увеличивалась. Только при ввукѣ основателя колоніи Баттуса II она быстро успѣлась благодаря большому наплыву новыхъ колонистовъ изъ грековъ (Геродотъ IV, 153 сл.) и сдѣлалась богатѣйшимъ и славнѣйшимъ городомъ сѣверной Африки послѣ Карфагена. Кромѣ грековъ населеніе ея состояло еще изъ ливійцевъ и римлянъ, а при Птоломѣ Лагѣ сюда пришли и іудеи (Іосифъ Фл., Противъ Апіона II, 4). Іудеи быстро размножились здѣсь и приобрѣли большое значеніе (Іосифъ Фл., Древности XIV, 7:2. XVI, 6:1; 1 Макк. 15, 23). Впослѣдствіи нѣкоторые киринейскіе іудеи возвратились въ Іерусалимъ и во времена Христа уже имѣли здѣсь свою синагогу (Дѣян. 6, 9); многіе изъ нихъ сдѣлались христіанами (Дѣян. 11, 20, 13, 1). Симонъ, отецъ Александра и Руза (Марк. 15, 21), несшій крестъ Спасителя (Мѡ. 27, 32. Мрк. 15, 21. Лк. 23, 26), былъ киринейскимъ іудеемъ. По преданію, здѣсь проповѣдовалъ Евангелистъ Маркъ (ср. Мрк. 15, 21). Судящій Северъ (Dialog. I, 5) такъ восхваляетъ нравы киринейскихъ христіанъ: „Онѣ не покупаютъ и не продаютъ. Онѣ не знаютъ, что такое обманъ и воровство. Онѣ не имѣютъ ни золота, ни серебра, которыя считаютъ смертоносными, да и не желаютъ имѣть ихъ“. Первымъ епископомъ здѣсь, по преданію, былъ Луцій киринейнинъ (ср. Дѣян. 13, 1. Рим. 16, 21). Вмѣстѣ съ Синезіемъ, послѣднимъ великимъ своимъ представителемъ (410—415 г.), Киренаика сходитъ съ исторической сцены. Нынѣ Киренаика находится подъ владычествомъ магометанъ. Развалины ея привлекаютъ особенное вниманіе путешественниковъ и ученыхъ (ср. *Belley* въ „*Memoires de l'Academie des inscript.*“, Paris 1774, XXXVII, 363 сл.; *Guil. Gesenius*, De inscript. phoenico-graeca in Cyrenaica nuper reperta... Halae 1825; *Gottschick*, Gesch. d. Gründung d. hellen. Staates in Kyrenaika, Lpzg 1858). Во время крестовыхъ походовъ Киренаика сдѣлалась кафедрою латинскаго епископа, но ни одинъ епископъ не жилъ тамъ. Теперь у католиковъ *Diocesis Cyrenensis* счи-

тается въ числѣ епархій *in partibus infidelium*. См. ниже „Кирикъ и Кирена“.

Литература. *Le Quien*, Oriens christ. II, 622. III, 1151 сл.; *Wültsch*, Kirchh. Geogr. und Statistik II, 306 сл.; *Guthke*, Kurzes Bibelwörterbuch, 381; архим. († еп.) *Михаилъ*, (Лузанъ), Толковый Апостолъ на Дѣян. 2, 6. 11, 13; † о. *П. Θ. Солярекій*, Опытъ библ. словаря II, 417; архим. *Никифоръ*, Библийская Энциклопедія II (М. 1892), стр. 142. [Библийскіе и церковно-историческіе Словари и Энциклопедіи, напр., *Vigouroux*, *Hastings*, *Cheyne*. Ср. у † проф. *См. Вас. Ешевскаго*, Сочиненія, ч. I (Москва 1870), стр. 133 („Киренаика была страню чисто греческаго образованія“), 234—235 и въ магистерской диссертациі *А. А. Остроумова*, Синезіій философъ, епископъ птолемандскій, Москва 1879, стр. 21—33 и др.]

С. Троицкій.

Киренскій свято-троицкій монастырь, Иркутской еп., мужской, см. „Энци.“ V, 1035—1036.

Киренское викаріатство, Иркутской еп., см. „Энци.“ V, 1032—1033.

Кирикъ и Кирика Вопросаніе. Памятникъ половины XII ст., извѣстный съ этимъ именемъ—произведеніе трехъ новгородскихъ духовниковъ: Кирика, Саввы и Іліа. Заглавіе первой части, которое обычно распространяется и на весь памятникъ, слѣдующее: „се есть въпрошаніе Кюриково, еже въпраша епископа новгородскаго Нифонта и инѣхъ“. Вторая часть надписывается: „Саввыны главы“, третья: „Ільино въпрошаніе“. Вопросаніе сохранилось въ рк. копия XIII в. (Новг. Кормч. Моск. Синод. Б-ки № 132) и позднѣйшихъ. Первая часть представляетъ сплошной текстъ, вторая и третья раздѣлены на статьи, при чемъ каждая часть имѣетъ отдѣльный счетъ ихъ. Принято думать, что всѣ части памятника принадлежатъ Кирику, какъ автору, что Савва и Іліа были епископами, которыхъ Кирикъ вопрошалъ, какъ Нифонта, на которыхъ намекаетъ и надписавшіе памятника („и инѣхъ“). Однако, вѣрнѣе предполагать съ покойнымъ А. С. Павловымъ, что Савва и Іліа были такими же вопрошателями и духовниками, какъ и Кирикъ, и что памятникъ, такимъ образомъ, представляетъ соединеніе трехъ однородныхъ произведеній одного и того же времени и

мѣста. А вмѣстѣ соединены они потому, что содержатъ отвѣты преимущественно одного и того же новгородскаго владыки Нифонта (1130—1156 г.).

Биографическія свѣдѣнія объ авторахъ скудны и неустойчивы. Принято думать, что авторъ „Вопрошанія“ есть одно и то же лицо съ іеродиакономъ Кирикомъ, domestikомъ монастыря преп. Антонія римлянина, написавшимъ пасхалію въ 1136 (6644) г., гдѣ есть нѣкоторыя автобіографическія данныя. Принимая это предположеніе, о Кирикѣ можно сказать слѣдующее. Онъ родился въ 1110 г., 26 лѣтъ въ санѣ діакона занималъ должность domestikа (уставщика и регента) въ новгородскомъ монастырѣ преп. Антонія. Принявъ санъ іеромонаха, получилъ должность духовника и сталъ писать „Вопрошаніе“ Кирика только послѣ 1136 г.; умеръ ранѣе 1156 г. Такимъ образомъ первая часть „Вопрошанія“ явилась между 1136—1156 гг.

Авторъ второй части „Вопрошанія“ Савва былъ бѣлымъ священникомъ и духовникомъ. Въ „главахъ“ его встрѣчаемъ заимствованіе изъ „Вопрошанія“ Кирика; значитъ, Савва зналъ его произведеніе, а можетъ быть и самого автора и во всякомъ случаѣ писалъ свои записки не раньше Кирика. Съ своими вопросами Савва обращался исключительно къ епископу Нифонту.

„Ильню вопрошаніе“, по предположенію, принадлежатъ Ильѣ, священнику у святого Власія на Волосовѣ улицѣ, который былъ возведенъ потомъ въ новгородскіе владыки и сдѣлался первымъ архіепископомъ Новгорода. Въ исторіи Ильи извѣстенъ болѣе своею архипастырскою дѣятельностію.

Такимъ обр., въ этихъ трехъ новгородскихъ духовникахъ мы должны видѣть выдающихся людей епархій, жившихъ въ самомъ Новгородѣ, враждавшихъ около епископа и, навѣрно, хорошо знакомыхъ между собою. Но изъ всѣхъ ихъ для насъ живѣе и отчетливѣе представляется фигура Кирика, „Вопрошаніе“ котораго гораздо обширнѣе, чѣмъ оба остальныхъ вмѣстѣ. Отвѣтственное положеніе духовнаго отца обязывало Кирика интересоваться вопросами каноническаго порядка и считаться съ правами и бытомъ общества. Его духовная семья была разнообразна по составу и вопросы духовнической практики, а также жизни окружающей среды не рѣдко повергали Кирика въ

недоумѣніе, что дѣлать. Онъ принужденъ былъ искать отвѣта прежде всего въ книгахъ. Но мало начитанный, неразвитый и благоговѣвшій предъ книгой, Кирикъ плохо различалъ достоинство книгъ. Онъ не разъ ссылался на каноническія посланія Василія в., на отвѣты Тимофея алекс., на правило Іоанна Постника, въ которыхъ, впрочемъ, не все понималъ вълѣдствіе темноты перевода или лаконичности статей, наконецъ—на древнѣйшій славянскій епитимейникъ „Заповѣдь святыхъ отецъ“. Но вмѣстѣ съ тѣмъ Кирикъ безусловно довѣрялъ такимъ произведеніямъ, которые назывались „худыми помокануцями“: апокрифическое правило митр. Георгія или „уставъ бѣлесчскій“, писанье какого-то Θεодоса, записавшаго въкоторыя каноническія постановленія неизвѣстно какого митрополита, „нѣкоторая заповѣдь“ и другіе епитимейники. Кирикъ усердно обращается съ вопросами къ живымъ авторитетамъ, что было въ обычаяхъ времени. Чаше всего онъ ходилъ къ своему епархіальному епископу—знаменитому Нифонту, задавалъ ему свои недоумѣнные вопросы, чтобы записать отвѣты владыки; спрашивалъ и многихъ другихъ лицъ,—начиная съ кіевского митрополита Климента Смолятича и кончая епископскимъ чернецомъ Лукой—Овдокимомъ. Заинтересовавшись какимъ-нибудь вопросомъ, Кирикъ старался добиться его рѣшенія отъ многихъ компетентныхъ лицъ. Живые авторитеты для него были такъ же многочисленны, какъ и письменные. Его довѣрчивость и неразборчивость сказались и здѣсь.

Въ „Вопрошаніи“ не мало разсыяно чертъ, рисующихъ бесѣды Кирика съ своимъ владыкой и отношенія ихъ между собою. Встрѣтится Кирику затрудненіе въ его практикѣ, замѣтитъ онъ какой-нибудь странный обычай или узнаетъ о непонятномъ ему распоряженіи владыки,—онъ идетъ къ Нифонту. Кажется, Кирикъ готовился къ бесѣдамъ и являлся съ книгами, читалъ изъ нихъ владыкѣ, требуя обсужденія или толкованія. Нифонтъ не рѣдко соглашался съ прочитаннымъ, разъяснялъ Кирику практическое приложеніе разныхъ статей, иногда же рѣшительно осуждалъ книги. На этихъ аудіенціяхъ попросту присутствовалъ домовый священникъ Нифонта и вставлялъ свое слово. Бывали тутъ и другія лица. Вообще, здѣсь незамѣтно строгаго этикета. Кирикъ не стѣс-

няется возражать епископу, пуская въ ход свою эрудицію. Задавъ владыкѣ вопросъ и не дождавшись его мнѣнія, онъ иногда предлагалъ свое собственное рѣшеніе. И епископъ соглашался съ своимъ собесѣдникомъ, даже хвалилъ его, когда онъ думалъ или дѣйствовать правильно; Кирикъ же ударялъ ему челомъ. Но подъ-часъ Нифонтъ смѣялся надъ вопрошаемымъ и укорялъ его, приходя въ удивленіе отъ его аргументаціи, настойчиво запрещалъ, сильно гнѣвался или отгадывался. Видно, что новгородскій владыка обладалъ живымъ темпераментомъ, былъ вспыльчивъ,—и собесѣдникъ приводилъ его въ гнѣвъ своимъ доверіемъ къ сомнительнымъ источникамъ, возмущалъ своею казуистикой, такъ что Нифонтъ запрещалъ ему дальнѣйшіе разспросы. Но, вообще, отношенія между Кирикомъ и Нифонтомъ, очень хороши. Кирикъ былъ близокъ къ Нифонту и имѣлъ возможность наблюдать его. Владыка не смотрѣлъ свысока на своего наивнаго собесѣдника: онъ ему разъясняетъ скрытую цѣль нѣкоторыхъ распоряженій своихъ, входитъ въ личныя дѣла Кирика и даетъ ему совѣты, когда тотъ ихъ проситъ. Кирикъ платитъ владыкѣ великимъ уваженіемъ, записываетъ не только его слова и настроеніе при бесѣдахъ, но и происшествія частной жизни Нифонта, подтверждающія его рѣчи.

Плодомъ бесѣдъ Кирика съ своимъ владыкой и съ другими церковными дѣятелями, наблюденій надъ современной жизнью и значимости въ тогдашней канонической и апокрифической письменности и было его *Вопрошаніе*. Заглавіе памятника не совсемъ точно. Здѣсь содержатся не одни вопросы,—хотя ихъ большая часть,—но вмѣстѣ съ тѣмъ положенія, неизвѣстно откуда взятые, или выписки изъ нужной книги. „Вопрошаніе“ Кирика представляетъ собою рядъ замѣтокъ и набросковъ въ памятной книжкѣ дѣловаго человѣка. Вѣроятно, статьи записались хронологически по мѣрѣ того, какъ Кирикъ добывалъ по вопросу точное указаніе,—и не приводились въ систему. Отъ того памятникъ отличается черновымъ характеромъ своей редакціи.

Записки Кирика отвѣчаютъ на три вопроса, касающіеся того класса, къ которому онъ принадлежалъ, именно—класса древняго духовника: 1) Въ чемъ онъ полагалъ сущ-

ность нравственной жизни вѣрующаго, сгущеніемъ которой былъ поставленъ? 2) какъ смотрѣлъ на человѣческій грѣхъ, который принималъ на свою душу? и 3) на тѣ средства противъ грѣха, которыя онъ предписывалъ своимъ духовнымъ дѣтямъ?

I. У Кирика было определенное этическое міросозерцаніе. Въ его основѣ лежатъ идея чистоты, понимаемой почти исключительно въ физическомъ смыслѣ. *Сущность нравственныхъ обязанностей* христіанина Кирикъ видитъ главнымъ образомъ въ его отношеніяхъ къ христіанской святынѣ. Его взглядъ развивается такъ. Церковь припсела съ собою святыню таинствъ, храма и всѣхъ предметовъ богослужебнаго употребленія. А между тѣмъ человѣкъ нечистъ и можетъ осквернить святиню. Источникъ нечистоты его въ плоти. Отсюда задача: какъ сохранить отъ человѣческой скверны христіанскую святиню, а человѣку избѣжать грѣха, и какъ получить прощеніе за грѣхъ разъ онъ произошелъ. Кирикъ думалъ, что церковь имѣетъ такую норму, подъ которую можно подвести всю жизнь человѣка во всѣхъ подробностяхъ ея и мелочахъ, и что противъ нарушеній христіанской нравственности въ церкви опредѣлено точное наказаніе. Съ его точки зрѣнія, нѣтъ дѣйствій нравственно безразличныхъ даже въ житейскомъ обиходѣ. Поэтому вопросы Кирика носятъ казуистическій характеръ и имѣютъ направленіе подъ опредѣленнымъ угломъ зрѣнія.

II. *Кирикъ защитникъ чистоты.*

Такъ какъ нечистота человѣка, по его представленію, происходитъ изъ двухъ источниковъ—изъ похоти и изъ употребленія пищи, то большая часть казуовъ нравственной жизни, его интересующихъ, сводится къ нечистотѣ перваго или втораго порядка. Въ основѣ вопросовъ о половой нечистотѣ лежатъ представленіе, что супружескія отношенія—только терпимое зло, что во избѣжаніе грѣха эти отношенія христіанъ можно регламентировать самымъ точнымъ образомъ. Два существа обращаютъ особенное вниманіе Кирика въ вопросахъ этого дѣла: священникъ, часто соприкасающийся со святенною, и женщина, часто нечистая. Изъ „Вопрошанія“ священникъ узнавалъ, какъ онъ долженъ вести себя съ женою, если у него служба черезъ день, гдѣ стоять ему въ церкви послѣ ночи, проведенной съ женою, какъ посту-

цать въ случаѣ ночного оскверненія и что дѣлать ему, если жена измѣнитъ. — Въ вопросахъ Кирика о *женщинѣ* сквозитъ ясная мысль о ея особенной нечистотѣ. Нѣкоторыя болѣзни дѣлають ее нечистою и лишаютъ права вступать въ церковь, цѣловать евангеліе, ѣсть антидоръ. Рожденіе ребенка разсматривалось, какъ явленіе, оскверняющее не только мать, но даже и ту храницу, гдѣ оно произошло, а равно и женщинъ, присутствующихъ при родахъ. Женщину, нужную въ церковномъ хозяйствѣ, очень осторожно допускали до святыни. И вотъ почему наши древнія церковныя правила много занимаются просвирнею. Такъ, нашъ древній духовникъ доходилъ до мысли о женщинахъ, какъ сосудѣ нечистоты, и у Саввы, женатаго священника, является знаменитый вопросъ владыкъ: „аще случится платъ женскій въ портъ шити попу, достоинъ ли въ томъ служить портъ?“ Своимъ отвѣтомъ владыка вскрылъ тайную мысль духовника о нечистотѣ женщины: „ци погана есть жена?“

Вопросомъ о пищѣ Кирикъ занимается также довольно подробно. Какъ и въ половую сферу онъ стремится внести сюда строгую регламентацію. Нѣкоторые роды пищи воспрещаются совершенно (мясо, бѣлки, удавленіина, кровь и молозиво, т. е. первое молоко послѣ родовъ). На извѣстные дни церковнаго года даются точныя предписанія насчетъ стола. Посты строго должны быть соблюдаемы, такъ что даже младенецъ можетъ нарушать только одинъ первый постъ своей жизни, на второй его отнимали отъ груди. Постъ очищаетъ человѣка, приготовляетъ его къ святынь. Особенно строгое воздержаніе требовалось предъ причащеніемъ св. Таянъ и послѣ. Кирикъ убѣжденъ, что пріобщаться можно только натошакъ, и его слушали даже грудныя дѣти, которыя не могутъ поститься. Человѣка, приступающаго къ великому таинству, оскверняетъ даже мысль о пищѣ, даже намеки на процессъ ѣды. Отсюда непозволительно пріобщаться св. Таянъ, если чловѣкъ „яйцемъ толчетъ въ зубы до обѣдни“ въ день св. пасхи, когда древне-русскіе христіане обыкновенно пріобщались.

III. *Средствами прощенія* были — выполнение епитимій самымъ вѣрующимъ и служение литургій его духовнымъ отцомъ. Представленіе древне-русскаго духовника объ *епитиміи* значительно расходилось со взгля-

домъ на нее церкви, какъ на врачество отъ болѣзни совѣсти. Епитиміи онъ считалъ актомъ юридическимъ, совершенно вышнимъ. Состоя въ воздержаніи отъ мяса, молока и меда, въ удаленіи отъ святыни и въ исполненіи предписанныхъ молитвъ и поклоновъ, она представлялась Кирику тяжелою повинностью. Епитиміею наказывали гораздо чаще за грѣховное дѣяніе, чѣмъ за намѣреніе. Какъ отбываніе повинности, ее переносили для молодыхъ на старость, когда возрастъ чловѣка избавлялъ его отъ того грѣха, который наказывался епитиміею. Епитимію раздѣляли: жена помогала мужу „терпѣть епитимію“ или мужъ женѣ, брать помогалъ брату, другъ другу, вся семья участвовала въ несеніи епитиміи своего главы. Это раздѣленіе позволяло и Нифонтъ.

Также оригинально понималось Кирикомъ и другое средство избавиться отъ грѣховъ — *служеніе литургій*. Неизвѣстно, съ какого времени возникъ на Руси, а можетъ быть перешелъ изъ Греціи, обычай служить сорокоустъ по живымъ. Только извѣстно, что поддерживали его „чревоугодики попы“, т. е. духовники, для которыхъ сорокоусты были доходною статью. Значить, сорокоустъ Кирикъ понимаетъ, какъ средство примиренія съ Богомъ, опять-таки чисто вышнимъ, юридическимъ образомъ. Новгородскій владыка не осуждаетъ его. Огдывая предпочтеніе сорокоусту послѣ смерти чловѣка, онъ говоритъ Кирику, что нельзя отказать, разъ приносятъ сорокоустъ при жизни, „спасенія хотяче души своей“, и совѣтуетъ ему пользоваться случаемъ въ интересахъ назиданія. Принимая сорокоустъ, духовникъ долженъ поучать вѣрующаго: „братъ, еслибы ты не грѣшилъ! Смотри, мертвецъ не грѣшить“.

Въ неразрывной связи съ мыслию о спасительности сорокоуста по живымъ стоитъ *обычай замѣнять епитимію обѣднями*. Кирикъ раздѣляетъ это мнѣніе, подтвержденіе которому нашелъ въ какомъ-то худомъ помокануницѣ. Руководство Кирика указывало и пропорцію между срокомъ епитиміи и количествомъ литургій: 10 литургій шли за 4 мѣсяца епитиміи, 20 за 8 мѣсяцевъ, 30 за цѣлый годъ. Но еп. Нифонтъ высказался рѣшительно противъ такого обычая, разсуждая, что въ такомъ случаѣ было бы легко спастись людямъ знатымъ и богатымъ, которые могли заказывать сколько

угодно литургій и жить въ свое удовольствіе.

Содержаніе нравственной жизни христіанина, по Кирику, сводится къ требованію физической чистоты: жить по-христіански, значить не оскверняться и не осквернять святыни. Такимъ образомъ, съ *формальной стороны* къ нравственной жизни вѣрующаго предъявлялось требованіе, чтобы она текла по обязательной церковной норѣ. Кирикъ не развился до возвышеннаго содержанія нравственныхъ идей новозавѣтнаго ученія и до уваженія человѣческой совѣсти, какъ единственнаго руководителя нравственной жизни и рѣшителя ея казусовъ. По своимъ этическимъ воззрѣніямъ, какъ проповѣдникъ чистоты и строгій номистъ, Кирикъ стоитъ на точкѣ зрѣнія Ветхаго Завета, влияніе котораго замѣтно въ „Вопрошаніи“. Но какъ ни было низко міросозерцаніе Кирика, мы не пишемъ никакого права смотрѣть на него свысока, что замѣтно въ сужденіяхъ о немъ ученыхъ. Кирикъ является если не впереди, то по крайней мѣрѣ, въ уровень со своимъ вѣкомъ. Міровоззрѣніе этого простаго грамотія выросло на очень распространенной тогда ценитвенціальной письменности—отъ-части апокрифическаго характера. Кирикъ хорошо усвоилъ ея взгляды, только не ставъ выше ихъ. Но его нельзя винить за послѣднее. Развитію Кирика не помогала живая среда, изъ которой онъ вышелъ, и та паства, на которую онъ дѣйствовалъ. „Вопрошаніе“ Кирика охватываетъ рядъ задачъ и вопросовъ времени: вотъ почему оно много трактуетъ о пищѣ и наполнено нецензурными подробностями о половой жизни; его ближайшая задача уяснить церковную дисциплину во всѣхъ ея деталяхъ. Вся философія Кирика состоитъ изъ ближайшихъ принциповъ и основъ, осмысливающихъ эти вопросы и задачи (идея физической чистоты и номизмъ).

Но міровоззрѣніе, развитое въ „Вопрошаніи“, шло на Руси распространеніе болѣе обширное по времени и мѣсту. Кирикъ—типъ. Степень его развитія и характеръ міросозерцанія свойственны древне-русскому духовнику всѣхъ послѣдующихъ вѣковъ. Изъ дух. отцовъ послѣдующаго времени можно подробно характеризовать со стороны міросозерцанія только двухъ—Іосифа волоколамскаго и протопопа Аввакума. И это были хоро-

шіе ученики Кирика, не ставшіе выше своего учителя. Масса духовниковъ жила понятіями Кирика, потому что она имѣла дѣло съ тѣми же руководителями—епитимейниками. Незавѣстные авторы и редакторы послѣднихъ стояли на стелени развитія Кирика, пользовались тѣми же самыми сомнительными источниками, которые были подъ руками новгородскаго духовника. Нѣкоторые исповѣдные вопросы въ этихъ руководствахъ навѣяны „Вопрошаніемъ“ Кирика, и по нимъ проходить красною нитью основная идея міровоззрѣнія Кирика о физической чистотѣ.—Насколько типично міросозерцаніе Кирика, можетъ свидѣтельствовать слѣдующій фактъ. Мы знаемъ, что его „Вопрошаніе“ представляетъ нѣсколько вопросовъ, относительно которыхъ мнѣніе автора совершенно расходится съ воззрѣніями его епископа. И вотъ, слѣдя за судьбою этихъ вопросовъ въ нашихъ епитимейникахъ и другихъ памятникахъ, мы видимъ, что взгляды Кирика переживаютъ воззрѣнія его владыки. Очевидно, для древне-русскаго духовника были не по плечу воззрѣнія новгородскаго епископа XII в. И въ „уставѣ блаженнаго Нифонта“, какъ называли въ древности „Вопрошаніе“, онъ считалъ для себя болѣе обязательными мнѣнія Кирика.

Вопрошаніе Кирика издано два раза: *К. Калайдовичемъ* въ „Памятн. Росс. Словесн. XII в.“ (съ пропусками) и проф. *А. С. Павловымъ* въ „Русск. Истор. Библіотекѣ“ т. VI (въ полномъ видѣ). О Кирикѣ можно читать: 1) у митр. *Евгенія*, Кирика діакона и domestика новгор. Антоніева мон. ученіе, имже вѣдати человеку числа всѣхъ лѣтъ, въ „Трудахъ Общ. Ист. и Др.“ ч. IV, кн. I; также въ Словарѣ Историч. ч. I подъ словами: Кирикъ п Нифонтъ; 2) въ Исторіи Р. Церкви *Филарета* т. I; 3) *Макарія* т. III, гл. V; 4) проф. *Е. Е. Голубинскаго* т. I, 2 пол. по 2 вад. стр. 421—461; 5) въ статьѣ *Гр. Малышкина*, О Кирикѣ писателѣ XII в. и его сочиненіяхъ въ „Смол. Еп. Вѣд.“ 1868 г. № 20 и 1869 г. №№ 4 и 5; 6) въ очеркѣ *С. И. Смирнова*, Древне-русскій духовникъ, Серг. Пос. 1899 г., гл. III. [Проф. *В. Н. Бенешевичъ*, „Отвѣты епископа Нифонта Кирику въ изложеніи Герберштейна въ „Русской Исторической Библіотекѣ“, изд. Императ. Археогр. Ком., т. VI, изд. 2, ч. 1 (Памятники древне-русскаго каноническаго права XI—XV в.), Спб. 1908 г.]

С. Смирновъ.

Кирикъ, св. мученикъ тарсѣйскій (въ Киликии), III столѣтія. Во время гоненія Іулитта вмѣстѣ съ 3-хлѣбнымъ сыномъ Кирикомъ отправилась изъ своей родины Иконіи въ Селевкию; отсюда она, спасаясь отъ преслѣдованія, прибыла въ Тарсъ. Здѣшній суровый игемонъ Александръ потребовалъ ихъ на судъ, разбилъ голову Кирику и обезглавилъ мать его Іулитту. Соборъ мучениковъ совершался въ придѣлѣ ихъ близъ Архистратига Михаила въ Аддахъ. Въ Константинополѣ былъ монастырь во имя св. Кирика, а въ Фасалидѣ, близъ Іерихона (въ Іудеѣ), стоялъ храмъ въ честь этихъ мучениковъ. Мощи св. Кирика въ XII и слѣдующихъ столѣтіяхъ находились во св. Софін Цареградской. Оксеррскій епископъ Аматоу (388—418 г.) часть мощей мучениковъ принесъ въ Оксерръ изъ Антиохіи, но ученые Волаандисты различаютъ нашихъ мучениковъ отъ мучениковъ антиохійскихъ.

Память св. Кирика и Іулитты 15 іюля.

Analecta Bollandiana I, 194 (AA. ss. Boll. 16 іюня III, 17); иконійскаго епископа Теодора посланіе о мученичествѣ ихъ у *Комбениса*: *Illustrium Christi martyrum lecti triumphi, Parisiis 1660; Mai, Nova Patrum Bibliotheca VI, 2 (1853), p. 417; Migne gr. CXX, col. 165; славянская минея*; Макаръ Ч.-Минея („повелѣвшу твоему преподобству честными твоими книгами“, съ молитвою Іулитты); прологъ—*Cepgij, [W. Smith and H. Wace, A Dictionary of Christian Biography I, p. 759].*

Хр. Л.—сѣ.

Кирилла см. выше „Кирилла“, „Энд.“ X, 25.

КИРИЛЛИЦА и ГЛАГОЛИЦА. Кириллица есть ничто иное, какъ дополненное нѣсколькими новыми буквами греческое уставное письмо, извѣстное изъ греческихъ богослужебныхъ книгъ IX—XI вв. (старшая изъ нихъ, дошедшая до насъ съ датой, — Порфиріевская Псалтырь 862 г.). Кирилловскія буквы для звуковъ общихъ славянскому языку съ греческимъ въ древнѣйшихъ памятникахъ не только сходны, но иногда даже тождественны съ соотвѣтствующими греческими. Что до кирилловскихъ буквъ для звуковъ неизвѣстныхъ или сравнительно мало извѣстныхъ греческому языку, то относительно можно сказать, что это — одна изъ разновидностей β, встрѣчающаяся въ греческихъ

рукописяхъ (напр., въ Псалтыри 862 г.; надобно имѣть въ виду, что греки византийской эпохи произносили β въ большинствѣ словъ какъ в, въ меньшинствѣ, особенно послѣ μ—въ λαμβάνω и т. п., — какъ б). Буква ζ, писавшаяся въ древнѣйшихъ памятникахъ, какъ ζ перечеркнутое по срединѣ вполнѣ или отчасти (см. въ таблицѣ II снимокъ съ нея между буквами ж и з, взятый изъ Евангельскихъ Листковъ Ундольскаго XI в.), и произносившаяся, какъ сложный согласный dz, — повидному, одна изъ разновидностей греческаго ξ, не рѣдкая въ греческихъ рукописяхъ VIII—IX в. (напр., въ Стихихарѣ VIII—IX в.; см. снимокъ въ The Palaeographical Society, 2-я серия, № 4, London 1888). Буквы ц и ш по формѣ и значенію такъ близки къ еврейскимъ צ и ש (и къ ихъ самарянскимъ вариантамъ), что въ восточномъ ихъ происхожденіи трудно сомнѣваться; профессоръ Д. А. Хвольсонъ въ палеографической таблицѣ при его „Сборникѣ еврейскихъ надписей“ (Спб., 1884), показываетъ, что еврейское ש въ IX—X в. иногда писалось почти тождественно со славянскимъ ш. Буква ц, произносившаяся въ древнемъ церковно-славянскомъ языкѣ, какъ *ит*, представляетъ вязъ (соединеніе, лигатуру) буквъ ш и т, изъ которыхъ вторая подписана подъ первой (рядомъ съ буквой — вязью ц: ѡсѣиш, употребляются простыя буквы шт: ѡсѣиши; а изрѣдка вмѣсто ц пишется ш съ написаннымъ надъ нимъ т). Буква ю — представляетъ сокращеніе юу = греч. ιου; другія ютированные буквы (см. таблицу II) по своему составу повторяютъ греческія ια, ιε (произносились, какъ наши я, е), или подражаютъ имъ. Остальные буквы кириллицы для звуковъ неизвѣстныхъ греческому языку уже неясны по своему происхожденію. О ж можно думать, что это есть видоизмѣненіе своей сосѣдки буквы ζ въ ея вышеуказанной древнѣйшей формѣ; надобно имѣть въ виду, что греки славянскій звукъ ж передавали черезъ свое ζ, также какъ и славянскій звукъ з. Буква ч въ ея древнѣйшей формѣ чаши (см. таблицу II) такъ близка къ ц, что можетъ быть видоизмѣненіемъ послѣдней; не лишне замѣтить, что греки славянскіе звуки ч и ѣ передавали однимъ и тѣмъ же сочетаніемъ τζ. О буквахъ х, ѣ, ѣ можно сказать лишь то, что онѣ од-

яѣть, можетъ быть, — существит. женск. р., съ значеніемъ ѣзда (ѣ въ древнемъ церковно-славянскомъ языкѣ могло произноситься какъ я); *фертѣ* (древн. *фѣртѣ*) и *хѣртѣ*, можетъ быть, — греч. слова, *φόρτος* и *χέρ*, употреблявшіяся у древнихъ болгаръ, жившихъ въ греческомъ сосѣдствѣ. Тѣ буквы, которыя теперь не имѣютъ названій: ш, ѡ, ѣ, въ древности его могли имѣть; во всякомъ случаѣ въ акростихѣ Константина стихъ для ѣ начинается словомъ *печаль*, а въ статьѣ Храбра названіе этой буквы сокращенно передано черезъ *нѣ*; въ одномъ изъ Скитскихъ Патериковъ (иногда называемомъ Азбучнымъ; Троицк. Лавры № 701, Рум. Муз. № 307), переведенномъ въ древности, мы читаемъ такіа названія: „ѡта еже есть твердо веліе“, ѡ — „онъ великій“.

Мы не имѣемъ ни одного памятника, писаннаго кириллицей, который бы дошелъ до насъ въ подлинникѣ отъ временъ слав. первоучителей. Древнѣйшій изъ дошедшихъ — надпись болгарскаго царя Самуила 993 г., сдѣланная на надгробномъ камнѣ — при могилѣхъ его отца, матери и брата въ церкви близъ озера Преспы въ Македоніи. Слѣдующіе за нею кирилловскіе памятники, собственно церковно-славянскіе или древне-болгарскіе, написанные въ разныхъ мѣстностяхъ древней Болгаріи, лишены датъ и только по особенностямъ письма (по палеографическимъ признакамъ) относятся къ XI в. Это — Саввино Евангеліе (или Саввина Книга), очень неполное; Евангельскіе Листки Ундольскаго (два листа), Супрасльская рукопись (Четья-Миней на мартъ мѣсяцѣ), Хиландарскіе Листки (два отрывка словъ Кирилла іерусалимскаго). Позднѣйшихъ памятниковъ, XII и XIII вв., писанныхъ кириллицей въ древней Болгаріи, такъ называемыхъ средне-болгарскихъ, уже относительнаго много; съ XIV в. однородные памятники пишутся не только въ Болгаріи, но и въ румынскихъ земляхъ — Молдавіи, Валахіи и Вуковинѣ. Старіе кирилловскіе памятники, написанные въ древней Сербіи и Босніи, начинаются съ конца XII в. Древняя Русь стала пользоваться кириллицей, повидимому, еще до крещенія св. Владимира, со времени появленія первыхъ христіанъ въ Кіевѣ (при Игорѣ); древнѣйшій русскій ея памятникъ, означенный годомъ, — великолѣпное Остромирово Евангеліе, написанное, вѣроятно, въ Кіевѣ

для новгородскаго посадника Остромира въ 1056—1057 годахъ. Есть основаніе думать, что кириллица имѣла въ которое распространеніе въ Моравіи (гдѣ дѣйствовали Константинъ и Меодій) и изъ нея въ Чехію; во всякомъ случаѣ *Martyrologium Odonis*, латинская рукопись XII в., находящаяся теперь въ бенедиктинскомъ монастырѣ въ Райградѣ, близъ Брюнна (въ Моравіи), имѣетъ приписки одного изъ своихъ чтецовъ, сдѣланныя въ XII или XIII в. кириллицей (между прочимъ, начало одного изъ словъ Іоанна Златоуста въ обычномъ церков. его переводѣ).

Употребляясь въ разныхъ странахъ православнаго славянскаго міра, кирилловская азбука имѣла въ которое разнообразіе какъ въ своемъ составѣ, такъ — особенно — въ формѣ буквъ, смотря по мѣсту и времени, въ зависимости отъ особенностей языковъ и діалектовъ тѣхъ славянъ, которые ею пользовались.

Болгары X—XIII вѣковъ знали ее въ наибольшей полнотѣ и въ наибольшей близости формъ буквъ къ ихъ греческимъ оригиналамъ. Это не мѣшало имъ пользоваться то большимъ, то меньшимъ числомъ буквъ. Въ однихъ ихъ рукописяхъ есть и з, и ѣ, въ другихъ только з, въ третьихъ только ѣ. Однѣ рукописи имѣютъ іотированныя буквы иѣ, іѣ, ѡѣ, въ другихъ ихъ нѣтъ. Однѣ рукописи имѣютъ букву ѣ въ одной изъ ея формъ, другія не имѣютъ, и т. д. Форма буквъ у нихъ была также не вполнѣ одна и та же. Такъ, ѡ пишется то ѡ, то ѡ; рядомъ съ вязью ѡ употребляется шт; буквы ц и ч въ однихъ рукописяхъ стоятъ на строкѣ, въ другихъ имѣютъ (какъ у насъ) нижнюю черту подъ строкою, и т. д. Болгары конца XIV в. уже перестали употреблять іотированныя буквы (кроме ѡ и ѡ); и формы буквъ подъ ихъ перомъ значительно уклонились отъ формъ XI в. Что до сербовъ, то ихъ рукописи отличаются отсутствіемъ буквъ ж и л (юсовъ простыхъ и іотированныхъ) и буквы з (у нихъ обыкновенно только ѣ); сербы-боснійцы не употребляли сверхъ того буквы м, пользуясь вмѣсто нея буквою ч. Формы буквъ у сербовъ также имѣютъ свои особенности (всего больше у сербовъ-боснійцевъ). Русскіе рано утратили буквы ж, іѣ, ѡѣ; формы буквъ, не смотря на известную устойчивость русскаго письма,

также повенному измѣнились. Древнія русскія рукописи сохраняютъ первоначальный *уставной* видъ буквъ; съ XIV в. въ нихъ появляются сперва болѣе бѣглое письмо *полууставъ*, а затѣмъ вполне бѣглое—*скоропись*. Московскій полууставъ XVI в. послужилъ образцомъ для шрифта московскихъ печатныхъ книгъ этого времени, который сохраняется до сихъ поръ въ нашихъ церковныхъ книгахъ (см. ниже въ особой статьѣ о „Книгахъ и Книжномъ дѣлѣ“). При Петрѣ I, по инициативѣ великаго государя, рядомъ съ церковнымъ шрифтомъ былъ введенъ въ употребленіе въ печати для книгъ свѣтскаго содержанія *гражданскій шрифтъ*, представляющій въ *общемъ* небольшое видоизмѣненіе церковнаго шрифта; онъ былъ изготовленъ впервые въ 1707 г. голландскимъ мастеромъ—„словолитцемъ“. Первая книга, напечатанная этимъ шрифтомъ въ Москвѣ,—Геометрія 1708 г.

Кириллица, въ *общемъ* одна и та же, сохраняется теперь всѣми славянами православными и униатами. Черноризецъ Храбръ относитъ составленіе кириллицы св. Константиномъ-Кирилломъ къ 6363 г. отъ сотворенія міра, когда жили Борисъ князь болгарскій, Растизъ (т. е. Ростиславъ) князь моравскій и Коцель князь блатенскій (панновскій). Эта дата, вполне заслуживающая вѣры, можетъ быть переведена на современное лѣтосчисленіе двояко: или 855 г. (если считать отъ сотворенія міра до рождества Христова, какъ считали одни греки,—5508 лѣтъ), или же 863 г. (если считать то же время, вмѣстѣ съ другими греками,—въ 5500 лѣтъ). Историческія данныя, сообщаемыя житіями свв. Кирилла и Меодія и другими источниками, заставляютъ рѣшительно остановиться на 863 г. (Бодянский и Дювернуа, игнорировавшие Храбра, на основаніи этихъ данныхъ пришли къ 862 г.).

Рядомъ съ кириллицею издревле существуетъ другая славянская азбука—**глаголица**. Памятники, ею написанные, почти столь же древни, какъ и кирилловскіе; ничего глаголическаго, подобнаго надписи 993 г., нѣтъ; но, напр., Зографское Евангеліе XI в. ничѣмъ не уступаетъ упомянутому выше Саввину Евангелію. Къ сожалѣнію, всѣ глаголическіе тексты, до насъ дошедшіе (Зографское Ев., Ассеманово или

Ватиканское Ев., Маринское или Григоровичево Ев., Синайская Псалтырь, Синайскій Требникъ, Клоцовъ сборникъ со словами Іоанна Златуста и другихъ отцовъ), не имѣютъ даты, и мы лишь по особенностямъ письма и языка можемъ считать ихъ написанными въ XI в.

Глаголическія буквы въ полномъ ихъ составѣ не имѣютъ сколько-нибудь значительнаго сходства ни съ одною изъ извѣстныхъ азбукъ. Изъ многочисленныхъ попытокъ ученыхъ указать источникъ глаголицы ни одну нельзя считать удачною. Большинство ученыхъ въ настоящее время держится теоріи происхожденія глаголицы отъ греческой скорописи (минускульнаго письма) VIII—IX в.,—теоріи, впервые выставленной Тэйлоромъ,—и вѣрить, 1) что глаголица—то письмо, которое вошло въ употребленіе у славянъ, сосѣднихъ съ греками и принявшихъ христіанство еще до славянскихъ первоучителей (Храбръ сообщаетъ, что эти славяне „римскими и греческими писмены нуждахуся писати словенску рѣчь безъ устроа“); 2) что она была Константиномъ приспособлена къ звукамъ славянскаго языка, и 3) что она древнѣе кириллицы, а потому именно ей должно принадлежать названіе кириллицы. Но эта теорія не выдерживаетъ критики. Сколько грубыхъ натяжекъ ни дѣлается, чтобы объяснить, напр., глаголическое *б* изъ вѣзи (соединенія) греческихъ скорописныхъ *μβ*, *ж* изъ *θθ*, *з* изъ *θ*, *ц* изъ *ζ*, *ч* изъ *τσ*, *ш* изъ *σσ*,—ничего удовлетворительнаго не получается; во всякомъ случаѣ игнорируется тотъ фактъ, что греки, учителя славянъ, около IX в. держались уже извѣстной системы при передачѣ славянскихъ звуковъ греческими буквами и довольно послѣдовательно изображали звуки *б* черезъ *β* (Βοβλγαρος, Βορίσγς), *ж* черезъ *ζ* (Ζουπάνος=жупанъ), *ц* и *ч* черезъ *τς* (Κοτςίλγς=Коцель, Κριβίτςοι=Кривичи), *ш* черезъ *σ* (Βουσεγρადε=Вышеградъ). Свидѣтельство Храбра о составленіи Константиномъ азбуки изъ греческихъ буквъ съ прибавленіемъ новыхъ, имъ изобрѣтенныхъ, письменъ—говоритъ вполне ясно, что во времена Храбра, черезъ какія-нибудь 50 лѣтъ послѣ кончины славянскаго первоучителя Меодія (885 г.), видѣли въ Константиновѣ составителя кириллицы. Молчаніе Храбра о другой славянской азбукѣ рядомъ съ кириллицею указываетъ

на неизвѣстность ему чего-нибудь похожего на кириллицу. Мы не знаемъ, гдѣ жилъ Храбръ; какъ видно изъ его статьи, онъ взялся за перо, чтобы показать противникамъ славянской азбуки и письменности, — грекамъ и грекомамамъ, — что славянская азбука, составленная святымъ человекомъ Константиномъ (какъ это извѣстно „всѣмъ“ славянскимъ книжнымъ людямъ), нисколько не ниже греческой азбуки, честь избрѣтенія

основаніе думать, что Храбръ лучше чѣмъ кто другой могъ знать о древнѣйшей славянской азбукѣ, ея происхожденіи и ея творцѣ. Не мѣшаетъ имѣть въ виду, что кирилловская надпись царя Самуила 993 г. свидѣтельствуетъ о томъ, что въ концѣ X в. въ Македоніи, сравнительно близко отъ Солуны, кириллица была наиболѣе обычнымъ, если не единственнымъ славянскимъ письмомъ.

Т а б л и ц а I.

Ⲡ ₍₁₎ Ⲡ,	Ⲣ ₍₂₎ Ⲣ,	Ⲥ ₍₃₎ Ⲥ,	Ⲧ ₍₄₎ Ⲧ,	Ⲩ ₍₅₎ Ⲩ,	Ⲫ ₍₆₎ Ⲫ,	Ⲭ ₍₇₎ Ⲭ,	Ⲯ ₍₈₎ Ⲯ,	Ⲱ ₍₉₎ Ⲱ,
Ⲡ ₍₁₎ Ⲡ,	Ⲣⲣ,	Ⲥ ₍₂₎ Ⲥ,	Ⲧ ₍₃₎ Ⲧ,	Ⲩ ₍₄₎ Ⲩ,	Ⲫ ₍₅₎ Ⲫ,	ⲬⲬ,	Ⲯ ₍₆₎ Ⲯ,	Ⲱ ₍₇₎ Ⲱ,
Ⲫ ₍₁₀₎ Ⲫ,	Ⲯ ₍₁₀₎ Ⲯ,	Ⲱ ₍₂₀₎ Ⲱ,	Ⲳ ₍₃₀₎ Ⲳ,	Ⲵ ₍₄₀₎ Ⲵ,	Ⲷ ₍₅₀₎ Ⲷ,	Ⲹ ₍₆₀₎ Ⲹ,	Ⲻ ₍₇₀₎ Ⲻ,	
Ⲵ ₍₁₀₎ Ⲵ,	Ⲷ ₍₁₀₎ Ⲷ,	Ⲹ ₍₈₎ Ⲹ,	ⲺⲺ,	Ⲽ ₍₂₀₎ Ⲽ,	Ⲿ ₍₃₀₎ Ⲿ,	Ⲽ ₍₄₀₎ Ⲽ,	Ⲽ ₍₅₀₎ Ⲽ,	
Ⲽ ₍₈₀₎ Ⲽ,	Ⲿ ₍₉₀₎ Ⲿ,	Ⲽ ₍₁₀₀₎ Ⲽ,	Ⲽ ₍₂₀₀₎ Ⲽ,	Ⲽ ₍₃₀₀₎ Ⲽ,	Ⲽ ₍₄₀₀₎ Ⲽ,	Ⲽ ₍₅₀₀₎ Ⲽ,		
Ⲽ ₍₇₀₎ Ⲽ,	Ⲽ ₍₈₀₎ Ⲽ,	Ⲽ ₍₁₀₀₎ Ⲽ,	Ⲽ ₍₂₀₀₎ Ⲽ,	Ⲽ ₍₃₀₀₎ Ⲽ,	Ⲽ ₍₄₀₀₎ Ⲽ,	Ⲽ ₍₅₀₀₎ Ⲽ,		
Ⲽ ₍₅₀₀₎ Ⲽ,	Ⲽ ₍₆₀₀₎ Ⲽ,	Ⲽ ₍₇₀₀₎ Ⲽ,	Ⲽ ₍₈₀₀₎ Ⲽ,	Ⲽ ₍₉₀₀₎ Ⲽ,	Ⲽ ₍₁₀₀₀₎ Ⲽ,	ⲼⲼ,		
Ⲽ ₍₉₎ Ⲽ,	Ⲽ ₍₆₀₀₎ Ⲽ,	Ⲽ ₍₈₀₀₎ Ⲽ,	ⲼⲼ,	Ⲽ ₍₉₀₀₎ Ⲽ,	Ⲽ ₍₉₀₎ Ⲽ,	ⲼⲼ,		
Ⲽ,	ⲼⲼ,	ⲼⲼ,	ⲼⲼ,	Ⲽ,	ⲼⲼ,	ⲼⲼ,	ⲼⲼ,	ⲼⲼ,
Ⲽ,	ⲼⲼ,	ⲼⲼ,	ⲼⲼ,	Ⲽ,	ⲼⲼ,	ⲼⲼ,	ⲼⲼ,	ⲼⲼ,
ⲼⲼⲼ,	ⲼⲼ,							
ⲼⲼⲼ,	Ⲽ ₍₄₀₀₎ Ⲽ,	Ⲽ ₍₆₀₎ Ⲽ,	Ⲽ ₍₇₀₀₎ Ⲽ,	Ⲽ ₍₉₀₀₎ Ⲽ,				

которой принадлежатъ язычникамъ; слѣдовательно, Храбръ писалъ тамъ, гдѣ славянская азбука и письменность подвергались нападка и нуждались въ защитѣ, гдѣ греки были сильны, гдѣ славянскіе книжники жили рядомъ съ греческими. Мы вправѣ предположить, что мѣстомъ, гдѣ жилъ Храбръ, былъ греческій Солунь, окруженный славянскими селами, пользовавшійся славянами, какъ рабочими, прислугой и т. п., дававшій въ своихъ монастыряхъ пріютъ монахамъ славянамъ; иначе говоря, есть

Мы не беремся дать какое-нибудь новое объясненіе глаголицѣ, но не можемъ не указать на близость ея къ кириллицѣ и на возможность видѣть въ ней искусственно передѣланную кириллицу. Глаголическія буквы, въ общемъ, не лишены сходства съ кирилловскими (а черезъ нихъ иногда и съ греческими уставными). Если кирилловская буква проста по своимъ составнымъ элементамъ, то столь же проста и соответствующая ей глаголическая (сравни *с, о, н, р*); если кирилловская, напротивъ, отличается слож-

ностью своей фигуры,—то же можно сказать и о глаголической (сравни *г, ѓ, л, м, т*). Что особенно важно, это—значительное сходство новыхъ буквъ кириллицы съ ихъ глаголическими сестрами, особенно *б, ж, џ, ч, ш, щ, ю*, могущее получить объясненіе лишь при допущеніи вліянія кириллицы на образованіе глаголицы, а не наоборотъ (см. выше сказанное о кирилл. *б, џ, ш, щ, ю*). Не лишне также замѣтить, что гдѣ кириллица, вслѣдъ за греческою азбукой, безъ всякой надобности имѣетъ сложныя буквы (*оу, ѡ*), тамъ и въ глаголицѣ сложныя буквы; какъ кириллица заключаетъ въ себѣ совсѣтъ не буквы для славянскаго языка, совершенно лишнія греческія буквы (*ι, υ, α*), такъ дѣлаетъ то же самое и глаголица.

Во всякомъ случаѣ связь глаголицы съ кириллицею не подлежитъ сомнѣнію.

Глаголическія буквы, подобно кирилловскимъ, имѣютъ также числовое значеніе. Въ то время какъ кириллица слѣдуетъ здѣсь вполнѣ за своимъ греческимъ оригиналомъ, глаголица имѣетъ естественный порядокъ, такъ что въ ней *а = 1, б = 2, в = 3, г = 4* и т. д., но—что любопытно—въ означеніи первыхъ сотенъ обѣ азбуки совпадаютъ (*р* и въ той и въ другой = 100, *с* = 200, *т* = 300, *г* = 400, *ѡ* = 500, *х* = 600).

Порядокъ буквъ въ глаголицѣ—тотъ же, что и въ кириллицѣ; названія глаголическихъ буквъ—тѣ же, что и кирилловскихъ. Это видно изъ такъ называемаго *Abesenariush bulgaricus*, глаголической азбуки съ названіями ея буквъ въ латинской рукописи XII вѣка.

Изъ древнѣйшихъ глаголическихъ памятниковъ, выше названныхъ, два—Зографское и Ассеманово Евангеліе—имѣютъ кирилловскія приписки своихъ читателей, показывающія, что ими пользовались болгары, привыкшіе къ кириллицѣ. Въ Синайской Псалтыри въ крупномъ письмѣ (въ заглавіяхъ) есть кирилловскія буквы. Въ свою очередь въ древнихъ кирилловскихъ книгахъ встрѣчается глаголица. Такъ, въ среднеболгарскомъ Охридскомъ Апостолѣ XII в. въ кирилловскомъ текстѣ то отдѣльныя слова, то цѣлыя строки написаны глаголицею.

Очевидно, глаголица употреблялась тамъ же, гдѣ и кириллица. Изслѣдованіе языка древнѣйшихъ глаголическихъ текстовъ пока-

зываетъ, что главныя изъ нихъ—Зографское и Ассеманово Евангеліе и Синайская Псалтырь—написаны въ древней Болгаріи, всего скорѣе—въ Македоніи. Святцы при Ассемановомъ Ев. имѣютъ имена нѣсколькихъ мѣстныхъ солунскихъ и струмичскихъ святыхъ (сверхъ того, Климента, епископа величскаго, автора ряда церк.-славянскихъ поученій), что указываетъ на происхожденіе писма этого Евангелія изъ Солуны или изъ близкаго къ этому городу мѣста. Что до Маріинскаго Ев. и Клопова сборника, то разставленіе въ ихъ языкѣ сербизмы говоритъ за написаніе ихъ въ области сербовъ или хорватовъ. Два глаголическія памятника—Пражскіе отрывки (два листа съ стихирами восточной церкви въ обычномъ церк.-славянскомъ переводѣ съ греческаго) и Киевскіе отрывки (также два листа съ отрывкомъ богослужебнаго текста по западному обряду въ переводѣ съ латинскаго)—по даннымъ ихъ языка написаны у западныхъ славянъ:—первый въ Чехіи, второй едва ли не въ Польшѣ, что указываетъ на употребленіе глаголицы въ предѣлахъ епархіи первоучителя Методія. Такимъ образомъ, въ XI и XII вв. глаголица была въ употребленіи въ Болгаріи, Сербіи и Хорватіи, въ Моравіи и Чехіи, можетъ быть въ Польшѣ. О Россіи этого времени мы имѣемъ данныя лишь отрицательныя. Русскіе писцы, по крайней мѣрѣ нѣкоторые, умѣли читать глаголицу и могли переписать глаголическую книгу кирилловскимъ письмомъ; но сами не пользовались глаголицею. Лишь въ видѣ исключеній мы встрѣчаемъ въ русскихъ книгахъ XI—XII в. отдѣльныя глаголическія буквы среди кирилловскаго текста. Такъ, въ отрывкѣ Евгеніевской Псалтыри XI в. (20 листовъ) есть три глаголическія буквы (иниціалы); въ сборникѣ словъ Григорія Богослова XI в. есть одна глаголическая буква, и др. Только въ Московскихъ глаголическихъ отрывкахъ, изъ сборника поученій XII в. (два листа), глаголическія буквы разсыпаны по всему кирилловскому тексту. Въ XV—XVI в. русскіе грамотники еще сохраняли понятіе о глаголицѣ и иногда пользовались ею для криптографіи (тайнописи).

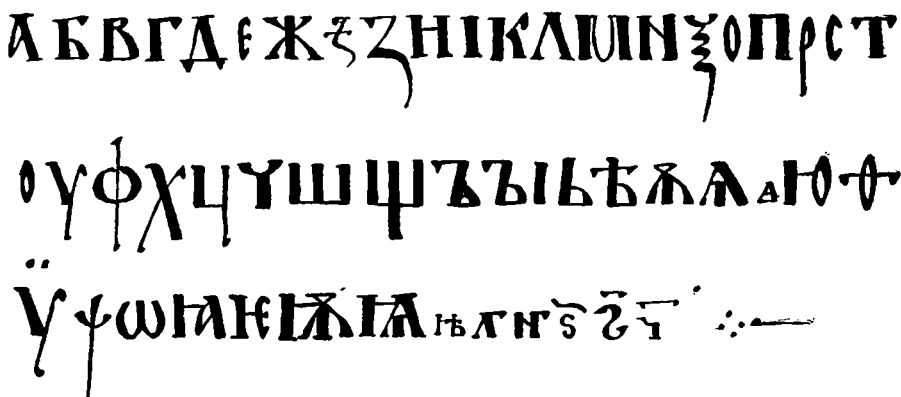
Глаголица также имѣла нѣкоторое разнообразіе и въ своемъ составѣ, и въ своихъ формахъ, смотря по мѣсту и времени, въ зависимости отъ особенностей языковъ употреблявшихъ ее славянъ. Старшіе памятники

имѣютъ круглую, или болгарскую глаголицу; младшіе, съ XII—XIII в., почти исключительно хорватскіе, пользуются уже угловатой, или хорватскою глаголицей, близкой по типу къ латинскому готическому письму и, вѣроятно, происшедшей подъ вліяніемъ послѣдняго. Глаголическія рукописи XIV и XV в., по большей части богослужебныя (часто съ тѣми же церк.-славянскими текстами, которые употреблялись въ то время въ Болгаріи, Сербіи и Россіи), довольно многочисленны; первая печатная глаголическая книга (служебникъ) появилась въ Венеціи въ 1483 г. Въ концѣ XIV в. на короткое время, имѣвшій съ богослуженіемъ на церковно-славянскомъ языкѣ, глаголица перешла отъ хорватовъ къ чехамъ и черезъ чеховъ къ полякамъ, но ни у тѣхъ, ни у другихъ не удержалась, оставивъ по себѣ слѣдъ лишь въ нѣсколькихъ глаголическихъ рукописяхъ чешскаго происхожденія.

Въ настоящее время глаголица сохраняется у тѣхъ немногихъ хорватовъ Адриатическаго побережья и на островахъ Адриатическаго моря, которые, будучи католиками, еще пользуются богослуженіемъ на церковно-славянскомъ языкѣ и извѣстны подъ именемъ „гла-

голашей“. Эти хорваты пользуются церковными книгами новѣйшей глаголической печати. Хорватское преданіе приписываетъ составленіе (или изобрѣтеніе) глаголицы блаженному Іерониму. Но изъ сказаннаго нами выше можно видѣть, что это преданіе не имѣетъ никакой цѣны. Поэтому остается довольствоваться догадками о творцѣ (или творцахъ) глаголицы и о времени ея появленія. Мы считаемъ вѣроятною лишь одну изъ нихъ: глаголица составлена ученикомъ (или учениками) первоучителя Меоодія въ предѣлахъ его моравской епархіи во время подвѣтаго здѣсь латинниками (вѣтцами и ихъ сторонниками славянами) гоненія на славянское богослуженіе и славянскую письменность, ради спасенія этого богослуженія и этой письменности, такъ какъ главною причиною гоненія былъ явно греческій характеръ кирилловскаго письма, исчезнувшій при замѣнѣ кириллицы глаголицею. Объ этомъ гоненіи, принудившемъ часть учениковъ Меоодія бѣжать изъ Моравіи, рассказываетъ намъ греческое житіе Меоодіева ученика Климента Словенскаго (см. ниже статью: „Климентъ еп. словенскій“).

Т а б л и ц а II.

писей. Такъ, *зѣло* (между *ж* и *з*) взято изъ Листковъ Ундольскаго XI в., второй *юсъ малый* (передъ *ю*)—изъ Саввина Евангелія XI в., іотированный *ѣ* (6-я буква отъ конца)—изъ Святославова Сборника 1073 г., *л* и *н* съ крючками (5-я и 4-я буквы отъ конца)—изъ Мстиславова Евангелія начала XII в.; послѣдніе три знака—двѣ формы цифры 6 (употреблявшіеся также въ значеніи буквы *зѣло*) и копца=90.

Литература.—† Проф. О. М. Бодянский, О времени происхожденія славянскихъ письменъ (Москва 1855); Московскіе глагольскіе отрывки („Чтенія въ общ. ист. и древн.“ 1859, № 1).—† Проф. Д. Θ. Вильевъ, Исторія алфавита и новое мнѣніе (Тейлора) о происхожденіи глаголицы (Казань 1886). С. Г. Вилинскій, Сказаніе черноризца Храбра о письменахъ славянскихъ („Лѣтопись историко-филологич. общ. при Новоросс. Унив.“, т. IX).—† А. Е. Викторовъ, Послѣднее мнѣніе Шафарика о глаголицѣ („Лѣтопись русской литературы и древности“, изд. проф. Н. С. Тихомировымъ, т. II и III). Prof. W. Vondrak, Zur Frage nach der Herkunft des glagolitischen Alphabets („Arch. für slav. Philol.“, т. XIX). Geitler, Die Albanesischen und slavischen Schriften, Wien 1883. Проф. Н. К. Грумский, Памятники и вопросы древнеславянской письменности, т. I, Юрьевъ 1904 (Кіевскіе и Пражскіе глагол. листы). † Проф. А. Л. Дювернуа, О годѣ изобрѣтенія славянскихъ письменъ („Чтенія въ общ. ист. и древн.“ 1862, № 2). Исслѣдованія по русскому языку; изд. Академіи Наукъ, т. I. Спб. 1885—1895 (статья Храбра). Кирилло-Меоодіевскій сборникъ, изд. † М. П. Погодинъ, Москва 1865. Проф. Е. Θ. Карский, Очеркъ славянской кирилловской палеографіи (Варшава 1901); Надпись Самуила 993 г. („Русск. Филолог. Вѣстн.“ 1889 г., № 4). † Архим. Леонидъ (Кавелинъ), О родинѣ и происхожденіи глаголицы и объ ея отношеніи къ кириллицѣ („Сборникъ Ак. Наукъ“, т. LIII). Меоодіевскій юбилейный сборникъ, изд. подъ редакціею проф. А. С. Будиловича (Варшава 1885). Проф. В. Θ. Миллеръ, Къ вопросу о славянской азбукѣ („Журн. Мин. Нар. Пр.“ 1884, № 3). В. А. Погореловъ, Замѣтка по поводу сказанія Храбра о письменахъ („Извѣстія Отдѣленія русск. яз. и словесн. Ак. Наукъ“ 1901, кн. 4). Проф. А. И. Соболевскій, Древній церковно-славяскій языкъ. Фонетика (Москва 1891); Церковно-славянскіе стихотворенія конца IX—начала X вѣковъ („Выблгографъ“ 1892 г.); Церковно-славянскіе стихотворенія IX—X вѣковъ и ихъ значеніе для изученія перк.-слав. языка („Труды XI Археологич. Съезда въ Кіевѣ“, т. II); Къ исторіи древнѣйшей церк.-слав. письменности („Русскій Филол. Вѣстн.“

1902 № 1); Славяно-русская палеографія, конспектъ лекцій, читан. въ Спб. Археологическомъ Институтѣ, два курса (Спб. 1908). † Акад. И. И. Срезневскій, Древніе глаголическіе памятники сравнительно съ памятниками кириллицы (Спб. 1866); Славяно-русская палеографія XI—XIV вѣковъ. Лекцій (Спб. 1885). Taylor, Ueber den Ursprung des glagolitischen Alphabets („Arch. für slav. Philologie“, т. V). Проф.: Θ. И. Успенскій, Т. Д. Флоринскій и Л. Милетичъ, Надпись царя Самуила („Извѣстія Русскаго Археологическ. Института въ Константинополѣ“, т. VI). Проф. Е. В. Ягичъ (V. Jagic), Четыре палеографическія статьи, Спб. 1884 (разборъ теоріи Гейтлера); Glagolitica, Würdigung neuer entdeckter Fragmente, Wien 1890 (рецензія Т. Д. Флоринскаго въ „Кіевск. Университ. Извѣстіяхъ“ 1890 г., № 11); Zur Entstehungsgeschichte der kirchenslavischen Sprache, Wien 1900 (рецензія Т. Д. Флоринскаго тамъ же 1901, № 4).

А. Соболевскій.

Кириллова книга. Это не—произведеніе св. Кирилла іерусалимскаго, отца церкви IV вѣка. Названіе книги искусственное, придуманное издателями. Это—русскій сборникъ XVII вѣка, въ коемъ помѣщены разныя статьи догматико-полемическаго содержания противъ латинъ, лютеранъ и армянъ. Названіе „Кирилловъ книги“ дано этому сборнику отъ первой статьи, представляющей толкованіе 15-го огласительнаго слова св. Кирилла. Толкованіе составлено западно-русскимъ ученымъ Стефаномъ Зизаніемъ, однимъ изъ противниковъ уніи съ латинствомъ. Толкованіе Зизанія было написано на бѣлорусскомъ нарѣчій и напечатано въ Вильнѣ, въ 1596 году, подъ названіемъ: „Казанье св. Кирилла патріарха іерусалимскаго о антихристѣ“. Экземпляръ его имѣется въ библіотекѣ казанской Дух. Академіи. Переведенное на языкъ церковно-славянскій, оно и помѣщено первою статьею въ названномъ сборникѣ. Цѣль толкованія Зизанія была та, чтобы доказать, что римскій папа есть антихристъ, или „наивышній его предтеча“. Мысль объ этомъ предносилась въ то время и у другихъ ревнителей православія юго-западной Россіи и достигала до Аеоонскихъ монастырей (см. Посланія аеоонскаго монаха Іоанна Вишенскаго въ „Акгахъ юго-западной Россіи“, т. 2-й).

Всѣхъ главъ или статей въ Кирилловой

книгѣ 48. Изъ нихъ 15 направлены противъ латинства: 25—27 и 31—46. Наибольше примѣчательныя статьи „о римскомъ отпаденіи, како отступилъ отъ православныхъ вѣры“ (25) и „римскихъ ересей“ (26). Обѣ эти статьи переведены съ греческаго и суть произведенія неизвѣстныхъ греческихъ писателей-полемисговъ. Противъ ереси армянской помѣщены 4 статьи: 30—33 гл. Противъ лютеранъ тоже 4 статьи: главы 11, 12, 19 и 29. Остальныя статьи имѣютъ болѣе положительный характеръ. Въ этомъ отношеніи особенно выдается глава 47, состоящая изъ нѣсколькихъ статей древнихъ авторитетныхъ писателей: Фотія патріарха константинопольскаго посланіе къ князю Болгарскому, Символъ Аванасія александрійскаго, Отвѣты Анастасія патріарха антиохійскаго и Кирилла александрійскаго и Максима исповѣдника и Истолкованіе молитвы „Господи Іѣе Христе Боже яви нѣ“.

Всѣ эти разнообразнаго содержанія и далеко неодинаковаго достоинства статьи и собраны были въ одну книгу съ упомянутымъ названіемъ протопопомъ московскаго Архангельскаго собора Михаиломъ Роговымъ и напечатанную въ Москвѣ въ патріаршество Іосифа (1644 г.).

Поводомъ къ изданію полемической противъ разныхъ современныхъ ересей книги послужило желаніе царя Михаила Теодоровича выдать свою дочь за датскаго принца Вольдемара, но при томъ условіи, если онъ приметъ православную вѣру. Начались по этому обстоятельству религіозныя пренія между лютеранскими пасторомъ и православными священниками,—въ числѣ коихъ принималъ участіе и Михаилъ Роговъ (Сборн. Солов. библ. № 1604, л. 134). Пренія остались безрезультатны и были для царя непріятны. Онъ и повелѣлъ поэтому составить „предобрую книгу (обличеніе на ереси) отъ различныхъ святыхъ отецъ учиненную во единѣ купъ совокупити и яко корабль многими богатствомъ наполнити туго“ (Послѣд., л. 560 об.).

Но богатство отъ святыхъ отецъ въ сборникѣ Рогова слишкомъ незначительно; да и какого-нибудь серьезнаго значенія въ обличеніи ересей книга и въ свое время не имѣла, а теперь и рѣчи о томъ бытъ не можетъ. Но со времени появленія раскола

Кириллова книга получила у насъ свое особенное, специальное значеніе. Какъ напечатанная до вѣтъ патріарха Никона, она явилась наряду съ другими (Большой Катихизисъ, Книга о Вѣрѣ и т. п.) однимъ изъ источниковъ „истинно-древняго благочестія“, т. е. старообрядства и раскола. Съ этой стороны она не потеряла своего значенія и до настоящаго времени. Повитно отсюда, что особенно въ прежнее время, вѣтъ за полтораста и болѣе назадъ, она была предметомъ преувеличенныхъ, но противорѣчивыхъ отзывовъ со стороны раскольническихъ писателей, съ одной стороны, и православныхъ писателей, съ другой, такъ что насколько первые восхваляли ее не по достоинству, настолько послѣдніе порицали все, что и не заслуживаетъ жестокихъ порицаній. По отзывамъ первыхъ, въ ней положены слова „меда сладчайшія, въ ней вѣтъ жи на святыхъ, вѣтъ людемъ обману и прелести, но отъ многихъ священныхъ писаній утверждаетъ люди во благочестіи, объясняетъ и утверждаетъ восточное православіе и научаетъ священной богословіи“ (Поморскіе отв. 37—39). По призывъ такого уваженія и такой восторженной похвалы Кириллова книга въ XVIII столѣтіи была вновь напечатана старообрядцами (Гродна 1786 г.). Съ другой же стороны, еще патріархъ Никонъ потребовалъ протопопа Михаила къ отвѣту и, по словамъ протопопа Неронова, лишилъ его скуфы и даже проклялъ за еретическія мысли въ изданной имъ книгѣ (Житіе Неронова). Затѣмъ православные полемисты XVIII стол. давали о Кирилловой книгѣ самыя рѣзкіе отзывы, которые, главнымъ образомъ, относились къ Стефану Зизанію, съ именемъ котораго соединяли всю книгу (Феофилактъ Лопатинскій въ „Обличеніи раскольниковъ. неправды“, л. 138 и дал.).

Въ послѣднее время взглядъ на нее до того смягчился, что она печатается въ московской единовѣрческой типографіи и употребляется миссіонерами для борьбы съ расколомъ. И на самомъ дѣлѣ, въ т. н. Кирилловой книгѣ, наряду съ совершенными нелѣпостями и старообрядческими мнѣніями и установленіями, не мало и такого, что даетъ миссіонерамъ оружіе въ борьбѣ съ расколомъ.

1) Въ числѣ нелѣпыхъ сказаній, мнѣній

и обличеній латинства встрѣчаются такіе, будто папа Левъ гунгивій (Левъ IX) повелѣлъ поамать имѣть по седемъ женъ, а наложницъ — кто сколько хочетъ, а также и безъ епитиміи грѣхъ прощать, или что Богородицу латины не называютъ Богородицею, — какъ разъ все наоборотъ. Къ довершенію всего въ статьѣ „о римскихъ ересяхъ“ помѣщенъ обличительно циническій рассказъ о томъ, почему латинское духовенство брѣшетъ бороды (гл. 26). — Не менѣе нелѣпъ обличительный рассказъ объ армянахъ, что у нихъ установленъ постъ Арціурцевъ, — въ честь съѣденной волками собаки нѣхъ учителя *Арцы* (собаку звали *Урцы*), а также и о „арменскомъ причастіи“ (главы 31 и 32).

2) Раскольники пользуются, главнымъ образомъ, статью о крестномъ знаменіи (л. 180 об.), въ подтвержденіе двуперстнаго сложенія, чтеніемъ символа вѣры (л. 506), — въ частности, безполовцы указываютъ изъ статьи Зизанія тѣ строки, гдѣ говорится, что „антихристъ прежде своего прішествія вездѣ жертвенники и жертву истребить“ (л. 32) и нѣкоторыми другими. Последнее мѣсто рассмотрѣно въ нашемъ „Критическомъ разборѣ...“, стр. 310—311.

3) Православные полемисты находятъ въ свою очередь мѣста о вѣчности священства (л. 77), о вѣчномъ же приношеніи Христовой жертвы, заимствовав. изъ „Толковаго Апостола“ (л. 37, 351), о кратковременномъ царствованіи послѣдняго антихриста (л. 48 об.) и по нѣкоторымъ вопросамъ обрядовымъ (л. 285, 552, 554).

Исслѣдованіе о Кирилловой книгѣ бакалавра *Александра Ильича Лилова*, Казань 1858 (печаталось и въ „Прав. Собесѣдникѣ“).

Н. Ивановскій.

Кирилловъ, А. А., редакт. „Донск. Вѣдом.“, ср. „Энци.“ V, 22.

КИРИЛЛЫ СВАТЫЕ ВОСТОЧНЫЕ 1—5:

1) **Кириллъ**, св. епископъ катанскій, I столѣтія. Антиохіанинъ родомъ, ученикъ св. Апостола Петра, отъ котораго получилъ и савъ епископскій въ сицилійскомъ городѣ Катанѣ. Кириллъ занимался обращеніемъ язычниковъ ко Христу и творилъ много чудесъ: между прочимъ, горькую воду источ-

ника молитвою сдѣлалъ сладкою. Видя это чудо, обратился въ христіанство и катанскій началыникъ, родомъ грекъ. Св. Кириллъ почилъ въ мирѣ въ почтенной старости. Тѣло его положено было въ Сициліи. *Память его 21 марта*. Макарь Ч.-Минея; прологъ.

Хр. Л.—сѣ.

2) **Кириллъ**, св. священномученикъ гортынскій, III столѣтія. По доносу своихъ рабовъ Теофана и Теохириста онъ былъ схваченъ и заключенъ въ темницу. Здѣсь во свѣ онъ услышалъ голосъ: „Кириллъ, требую, чтобы ты былъ въ Римѣ“. Это говорилъ преподобный Филоксенъ. Когда Кириллъ увидѣлся съ Филоксеномъ, послѣдній сказалъ: „ты примешь два вѣнца—епископскій и мученичeskій; иди въ Римъ и утверждай тамъ вѣру“. Когда наступило гоненіе, Кириллъ хотѣлъ ѣхать въ Іерусалимъ; но проѣзжая мимо Пеловоннеса, онъ услышалъ голосъ: „не мновать Крита, такъ какъ здѣсь есть нужда въ тебѣ“. Въ возрастѣ 60 лѣтъ Кириллъ былъ поставленъ въ архіепископы Крита и митрополиты Гортины и правилъ кафедрою 25 лѣтъ. Затѣмъ схваченный вгеомомъ Агриллиномъ (или Лукіемъ), онъ за исповѣданіе Христа перенесъ много мученій и, наконецъ, по приказанію игемона Адріана былъ обезглавленъ въ мѣстности „Ракъ“ на 90 или 95 году жизни, въ царствованіе императора Декія (249—251 г.), или Максиміліана (286—308 г.). *Память его 9 іюля*.

АА. ss. Boll. 9 іюля II, 684—687; славянская минея; Типикъ Великой Церкви (А. А. Дмитріевскій. I, 88); Никодимовъ *Συναξαριστής*; Макарь Ч.-Минея; прологъ.

Хр. Л.—сѣ.

3) **Кириллъ**, св. мученикъ севастіійскій, IV столѣтія. Это одинъ изъ 40 мучениковъ севастіійскихъ, пострадавшихъ въ 320 году. См. „Іоаннъ“ (въ „Энци.“ VI, 869—870). *Память его 9 марта*.

Хр. Л.—сѣ.

4) **Кириллъ**, св. мученикъ иліопольскій, IV столѣтія. Въ царствованіе имп. Юліана, во время гоненія на христіанъ, когда былъ мученъ ареоусійскій епископъ Маркъ, вѣт-

сѣ съ нимъ страдалъ и діаконъ Кириллѣ за разореніе идольскихъ кумиренъ. Ему разсѣкли утробу, и въ ввугренности его вышли наружу. *Память его 29 марта.*

АА. ss. Boll. мартъ III, 774; Григорій Богословъ, Слово противъ Юліана Отступника; Оеодоритъ Кирскій (Исторія Боголюбцевъ, кн. III, гл. 6); Макарь Ч.-Минея („Уже благочестію просіявши Христовою благодатію и еллинскѣи прелести потемнѣвши, въ времена Константина Великаго“); прологъ.—*Сергій.*

Хр. Л.—съ.

5) **Кириллѣ Филеотѣ**, св. подвижникъ византійскій, XI—XII столѣтія. Киріакъ (мірское имя Кирилла) родился на еракійскомъ берегу Чернаго моря въ мѣстечкѣ Филеасѣ, не далеко отъ Византіи, въ 1015 году. По достиженіи возраста онъ отъ руки мѣстнаго архіепископа былъ поставленъ въ чтеца. Въ званіи клирика онъ имѣлъ такой успѣхъ, что Дерскій архіепископъ пожелалъ имѣть его у себя. Въ 1035 году Киріакъ женился и сталъ отцомъ семейства. Почувствовавъ въ себѣ призваніе къ подвижнической жизни, онъ поступилъ на судно, на которомъ три года плавалъ по рѣкѣ Дунаю. Съ раняго возраста въ немъ проявилась склонность къ юродству, которой не понимали ни его жена, ни другія близкія къ нему лица. „Однажды,—разсказывалъ святой своему ученику и біографу Николаю Катаскепину,—когда мы плыли по рѣкѣ, я началъ плакать, бить себя по лицу, и заявилъ, что эга рѣка, какъ я узналъ, вытекаетъ изъ рая и обтекаетъ всю землю; я заключилъ, что она есть хартия, содержащая написанные грѣхи мои“. Путешественники только смѣялись передъ такимъ огкровеніемъ. Затѣмъ Киріакъ хотѣлъ было бросить свою жену и дѣтей и предаться отшельнической жизни, но уступалъ просьбамъ семейства и остался въ своей келліи, наложивъ на себя желѣзные вериги. Изъ своего уединенія онъ однажды ходилъ въ Константинополь для поклоненія въ храмъ Влахернской Богоматери, каковой путь считался въ 36 или 40 миль. Во время голода и мороваго повѣтрія Киріакъ оставилъ семью послѣдній хлѣбъ, а самъ отправился опять въ Константинополь. Изнемогая отъ голода и трудностей дорога, святой помогался,—и Господь даровалъ ему пищу. Воз-

неся благодарственные молитвы въ храмъ Богоматери, онъ прибылъ въ мѣстечко Неаполь. Здѣшній кураторъ освѣдомился о личности пришельца, но не получивъ отвѣта, прибилъ его; въпрочемъ, сообразивъ, что это юродивый, кураторъ просилъ у него прощенія. Во второе свое пребываніе въ столицѣ Киріакъ познакомился съ инокомъ Иларіономъ, а черезъ послѣдняго съ Анною Комниною, матерью будущаго императора Алексѣя I Комнина (1081—1118 гг.), которая послѣ одной бесѣды убѣдила Киріака взять отъ нея нѣсколько денегъ. Затѣмъ святой отправился въ г. Хоны съ намѣреніемъ лично поклониться на томъ мѣстѣ, гдѣ совершилось чудо Архистратига Михаила. Отсюда онъ прибылъ въ предіестье Византіи Стенъ, въ мѣстечко Неаполь, гдѣ въ монастырѣ св. Филиппа жилъ его духовный отецъ. Слава о блаженномъ Киріакѣ распространилась далеко, и многіе міряне и даже наиболѣе благочестивые изъ игуменовъ стали посѣщать его. Въ это время два его родственника, въ чаяніи исцѣленія отъ своихъ болѣзней, ѣздили въ старій Римъ для поклоненія мощамъ св. Апостоловъ; а братъ Киріака Михайлѣ построился въ церкви Спаса, принявъ во иночество имя Матеея, и создалъ свой монастырь, для устроенія котораго приходилъ туда самъ святой. Въ 1086 году, во время печенѣжскаго нашествія на Еракію, инокъ Матеей укрылся въ крѣпости Дерской, а Киріакъ ушелъ въ болѣе пустынное мѣсто залива и жилъ тамъ до удаленія непріятеля. Съ этого времени святой уже не возвращался въ свою семью, но, уйдя въ монастырь Спаса, принявъ тамъ постраженіе подъ именемъ Кирилла. Здѣсь онъ прожилъ молчаливымъ три года. Видя одного христолюбца, шедшаго въ Анхіалъ, Кириллѣ далъ ему 11 камилавокъ собственнаго издѣлія съ тѣмъ, чтобы тотъ продалъ ихъ себѣ на хлѣбъ; но христолюбецъ, забывъ о порученіи, возвращалъ эти камилавки святому. Влюденіе чистоты вѣры сказалось у Кирилла при встрѣчѣ его съ армянинномъ: результатомъ ихъ бесѣды было присоединеніе армянина въ лоно православной католической и апостольской церкви. Живя въ уединенномъ мѣстѣ залива, Кириллѣ былъ часто осаждаемъ пришельцами; для избѣжанія этого онъ покинулъ свою обитель. Источникъ воды, устроенный святымъ, ока-

зался цѣлебнымъ; агиографъ Кирилловъ Николай Катакенинъ свидѣтельствуеъ, что онъ самъ пилъ изъ него воду и выздоровѣлъ отъ боли въ желудкѣ. Молитами святаго получили исцѣленіе жители Филеаса Кіапа и Мелимавра. Въ числѣ почитателей Кирилла былъ извѣстный Константинъ Хирсфактъ, сначала преторъ Еллады и Пелопониса, а потомъ проедръ, одинъ изъ близкихъ чиновниковъ при дворѣ имп. Алексѣя Комнина, богатый землевладѣлецъ, имѣнія котораго были разбросаны въ разныхъ мѣстахъ, и одно изъ нихъ находилось вблизи Кирилловой обители; это послѣднее Константинъ Хирсфактъ принесъ въ даръ святому. Другимъ виднымъ человѣкомъ, имѣвшимъ связи съ Кирилломъ, былъ Евмаѳій Филокалисъ, начальникъ „кретскаго флота“, т. е. византійскаго флота, крейсировавшаго въ кретскихъ водахъ. Онъ былъ хромъ на обѣ ноги; отличался благочестіемъ и поддерживалъ дружбу съ филеотскимъ аскетомъ. И многіе изъ членовъ царствующаго дома Комниновъ считали за честь видѣться съ Кирилломъ и бесѣдовать съ нимъ по вопросамъ нравственнаго, по вопросу о спасеніи души. Въ 1108 году, когда имп. Алексѣй Комнинъ велъ войну съ Визмундомъ Таревтскимъ и когда невѣстность исхода этой борьбы угнетала многихъ, Николай Катакенинъ рѣшился обратиться къ своему учителю съ вопросомъ: „авва, кто достоинъ знать вопетину, съ какими успѣхомъ совершить походъ свой царь нашъ?“ Кирилль отвѣтилъ ему: „достойный и истину знаетъ Богъ, а вотъ я скажу тебѣ, что я видѣлъ нѣсколько дней тому назадъ, —отъ Бога ли это, или отъ демоновъ. По исполненіи мною ночного славословія, имѣя обычай поминать въ немъ царей, недостойный, я началъ возносить моленія Богу о царѣ Алексѣѣ со слезами и душевнымъ напряженіемъ; ибо кто не молится за такого человѣка? Потомъ произнесъ Трисвятое и исполнивъ псаломъ „Господи, силою Твоею возвеселится царь“, я сѣлъ на свою постель и, думая о немъ, предавался размышленію о степени вѣроятности побѣды. И заснувъ не много, я вижу, что я отправлялся въ нѣкое ровное и освѣщенное мѣсто и, глядявывая пристально туда и сюда, вижу по правую сторону царскую палатку, имѣющую видъ церкви, и множество военнаго народа около нея, а вну-

три ея — царя, сидящаго на высокомъ и царскомъ тронѣ. Взглянувъ же въ лѣвую сторону, вижу страшное море со множествомъ небольшихъ судовъ, разбивающее ихъ и разбрасывающее по берегу. Лежалъ же превеликій черный пестъ съ налитыми кровью глазами, смотрѣвшій какъ бы на императора; держалъ же его на цѣпи вѣкій блестящій мужъ. Потомъ вскорѣ я вижу, что тотъ же блестящій воинъ влечетъ насильно пса и, подойдя, повергаетъ его къ стопамъ благочестивѣйшаго царя нашего. Какъ я думаю, — закончилъ свою рѣчь Кирилль, — царь Алексѣй подчинитъ Визмунда“. Дѣйствительно, пророчество святаго оправдалось. Знакомство имп. Алексѣя съ Кирилломъ началось слѣдующимъ образомъ. Однажды Алексѣй бесѣдовалъ съ однимъ инокомъ, хорошимъ знакомымъ Кирилла. Монахъ упомянулъ имя Кирилла, и императоръ спросилъ: „кто этотъ авва Кирилль? и если онъ таковъ, какъ ты о немъ говоришь, то какъ я его не знаю?“ И монахъ отвѣтилъ: „кто я, несмысленный, чтобы могъ говорить о немъ и свидѣтельствовать объ истинѣ, ибо глаза достовѣрнѣе ушей, — я такъ вѣрю, что Богъ свидѣтельствуеъ о немъ, какъ объ истинномъ своемъ рабѣ“. Услышавъ объ этомъ, царь немедленно послалъ къ святому своего родственника, протостратора Михаила Дуку, котораго Кирилль принялъ сначала не особенно гостепріимно. Святой, повидимому, находилъ безсмыслицу въ общеупотребительномъ въ иноческомъ обиходѣ возгласѣ „благослови, отче“, особенно въ устахъ мірянина; онъ возмущался собственно словомъ „отче“ и до тѣхъ поръ не впускалъ къ себѣ Михаила, пока тотъ не называлъ его „аввою“. Пробысѣдовавъ съ аскетомъ всю ночь, Михаилъ утромъ явился къ императору и разсказалъ ему о Кириллѣ въ восторженныхъ выраженіяхъ. Тогда имп. Алексѣй рѣшился лично посѣтить подвижника. „Итакъ царь отправился къ преподобному со всѣмъ семействомъ. Когда они наклонили главы, благословили другъ друга и обнялись, царь не хотѣлъ сѣсть, пока старецъ, убѣжденный его величествомъ, не сѣлъ первымъ. Затѣмъ онъ сказалъ: „почто прибылъ сюда, благочестивѣйшій государь, къ негодному старику, не имѣющему ничего хорошаго?“ Слухи о словахъ и дѣлахъ монаха достигли и до

твоей державы"... И царь сказалъ: „ты знаешь, авва, что меньшее украшается лучшимъ: ибо мыѣ въвѣрена Богомъ (хотя и недостойно) такая власть; зботами о ней я днемъ и ночью завяѣ и обезпкоенъ настолько, что иногда некогда вспомнить и о Богѣ. Не слѣдуетъ ли мыѣ почитать боящихся Бога, каковы бы они ни были по вѣишности? Мало того, но еще ходить къ нимъ и такъ сказать запастись ихъ святыми молитвами для просвѣтленія помраченной души моей и для благоустѣишности войска; ты знаешь, что многое можетъ дѣйствиенная молитва праведнаго, хотя моя безпечность не позволяѣтъ мыѣ дѣйствовать по святымъ вашимъ молитвамъ; но я вѣрю въ то, что вашими святыми молитвами это дѣлается возможнымъ; таково мое настроеніе; и отовсюду ясно, что всѣхъ избравшихъ мірскую и высокую жизнь, хотя бы они и отличались благоприличіемъ, много почтеннѣе тѣ, которые посвятили себя монашескому и отшельническому житію"... Въ знакъ своего особаго благоволенія Алексѣй при прощаніи съ Кирилломъ снялъ свое платье и отдалъ его братѣ; за нимъ послѣдовали и вся его семья и свита. Кромѣ того Алексѣй далъ Кириллу для раздачи бѣднымъ пять литръ и для монастыря одну литру золота, послѣ чего вернуся въ столицу. Эти пять литръ Кирилль роздалъ вѣислѣдствіи бѣднымъ, когда страну посѣтилъ голодъ; а братія продала царскія одежды за большія деньги опять тому же императорскому семейству. Св. Кирилль скончался 2 декабря 1110 года въ глубокой старости, въ возрастѣ 95 лѣтъ. *Память его 2 декабря.*

Житіе св. Кирилля, написанное его ученикомъ и землякомъ Николаемъ Катаскепиномъ, сохранилось въ греческой рукописи Аѣонскаго Каракаллова монастыря № 42, 1341 года. Въ сокращенномъ видѣ оно напечатано въ „Великомъ Синаксарисѣ“ К. Дукаки (Дукакиса). Въ 1896 г. мы лично читали въ Аѣонѣ это житіе въ упомянутой рукописи и извлекли изъ него важнѣишія истокро-біографическія данныя («Византійскій Временникъ» IV, 378—401); наконецъ, въ 1904 году мы получили изъ Каракаллова монастыря полную копію этого интереснаго памятника и имѣемъ въ виду напечатать ее. На славянскій почвъ это житіе не было извѣстно.

Хр. Лопарева.

Кирилль, архіепископъ іерусалимскій, св. отецъ церкви IV вѣка, извѣстенъ главнымъ образомъ по своимъ огласительнымъ (catecheses) и тайноводственнымъ (catech. mystagogica) словамъ. 1) Родился Кирилль въ 315 году, „въ вѣдрахъ іерусалимской церкви“. Аскетъ по жизни, Кирилль въ 345 году еп. Максимомъ рукоположенъ былъ во пресвитера іерусалимской церкви и въ этомъ санѣ въ 347 или 348 году говорилъ свои знаменитыя слова (во дни святой четьредесятницы) къ готовящимся ко крещенію и (въ праздничные дни св. пасхи) къ новокрещеннымъ (Catech. 18, 32—33),—слова, остававшіяся въ вниманіи многихъ западныхъ богослововъ, а также нѣкоторыхъ русскихъ (Проф. И. В. Чельцовъ, Собраніе символовъ и вѣроизл., Спб. 1869, стр. 37—38) тѣмъ, что въ нихъ нѣтъ слова: *орисос*, хотя Кирилль произносилъ ихъ послѣ 1 вселенскаго никейскаго собора, употребившаго это слово. По смерти еп. Максима, въ 350 или 351 году, Кирилль посвященъ былъ во епископа іерусалимскаго Акакіемъ, еп. кесарійскимъ. Въ 351 году, „въ святыя дни пятидесятницы“, 7 мая „около третьяго часа“ (или—по нашему счисленію—около 9 часовъ утра) на небѣ явилось великое небесное знаменіе, простиравшееся надъ Іерусалимомъ отъ Голгофы до Елеова; сіяніе его было сильнѣе сіянія самого солнца; не одинъ вли двое, но все народонаселеніе города созерцало видѣніе это, продолжавшееся въ теченіе нѣсколькихъ часовъ; объятый страхомъ и вмѣстѣ радостію, народъ толпами стекался въ св. церковь—прославлять Господа. По этому поводу Кирилль отпривилъ „Посланіе въ благочестивому царю Констанцію“ обывшемъ знаменіи креста изъ лучей свѣта. Въ періодъ времени съ 357 г. по 378 г. Кирилль былъ трижды лишаемъ каедедры. Въ первый разъ онъ принужденъ былъ оставить каедедру по происканію Акакія, еп. кесарійскаго, который,—вопреки 7 правилу 1 вселенскаго собора,—хотѣлъ было воспользоваться принадлежащей іерусалимскому епископу (епископу Элїи) честію первенства между областнымъ епископамъ. Провозшедшая по этому поводу ссора между Акакіемъ и Кирилломъ осложнилась еще требованіемъ Акакія отъ Кирилла согласиться на мыѣнія арианъ. На состоявшемся, по требованію Акакія, мли-

тинскомъ соборѣ въ 357 г. Кирилль, не смотря на твердое противодѣйствіе насилію аріанъ, партію Акакія былъ объявленъ лишеннымъ кафедръ за то, что „онъ во время голода продалъ въ пользу бѣдныхъ церковныя вещи“. Изгнанный силою изъ Іерусалима, Кирилль нашелъ себѣ пріютъ у еп. Силуана въ Тарсѣ, гдѣ пробылъ до 359 года, когда соборомъ селевкійскимъ былъ возстановленъ въ своихъ правахъ, а недоброжелатель его Акакій былъ осужденъ, какъ аріанинъ. Вторично Кирилль былъ лишенъ кафедръ съ ссылкой въ заточеніе въ 360 году соборомъ Евдоксія константинопольскаго, открытаго аріанина, сообщника Акакія. Въ 361 г. импер. Юліанъ однако возвратилъ Кирилля своей паствѣ.

Въ управленіе Кирилля іерусалимскаго церковію послѣ этой ссылки произошла извѣстная въ исторіи попытка возстановленія храма іерусалимскаго (іудейскаго), сдѣланная префектомъ по приказу самого импер. Юліана, но не допущенная волею Божіей, когда огонь пожиралъ работу вмѣстѣ съ дѣлателями неправды. Для вразумленія слѣпцовъ Кирилль указывалъ на пророчества Давида 9, 26—27 и Спасителя у Матт. 24, 2. Наконецъ, въ третій разъ Кирилль былъ изгнанъ изъ Іерусалима импер. Валентомъ въ 367 г. Эта послѣдняя ссылка продолжалась до 378 г.—съ печальными послѣдствіями для іерусалимской паствы, выразившимися въ раздорахъ въ силу преобладанія неправославной власти, такъ что по возвращеніи изъ ссылки, по приказанію импер. Θεодосія великаго въ 378 г., Кирилль долженъ былъ трудиться надъ водвореніемъ мира—въ большинствѣ случаевъ съ успѣхомъ. Подвергаясь изгнаніямъ дома, на Востокъ, Кирилль вмѣстѣ съ тѣмъ вызвалъ противъ себя неудовольствіе на Западѣ, гдѣ почему-то соинѣвались въ его православіи. Въ 381 году Кирилль присутствовалъ на 2 вселенскомъ соборѣ. Подписавъ здѣсь осужденіе еретикамъ, признававшимъ Св. Духа вмѣстѣ съ Сыномъ Божіимъ тварью (Дѣян. вс. соб., рус. пер., т. I, изд. 2-е, Казань 1887, стр. 112), Кирилль тѣмъ самымъ освободилъ себя отъ подозрѣнія относительно его православія. Скончался Кирилль въ 386 году. *Память Кирилля* празднуется православною церковію 18 марта.

2) Въ основу 18 огласительныхъ словъ,

предваряемыхъ словомъ предогласительнымъ,—по свидѣтельству самого Кирилля, (Catech. 9, 4; 10, 4; 11, 1; 18, 22), древній символъ вѣры іерусалимской церкви (или просто *ἡ πίστις*), истолковываемый однако съ тою особенностію, что,—сообразно съ цѣлію ознакомитъ просвѣщаемыхъ раньше всего съ тѣмъ, что имъ предстоитъ пережить и принять предъ и при самомъ вступленіи въ лоно христіанства,—члены о покаяніи и крещеніи раскрываются *прежде* другихъ членовъ символа вѣры. Такимъ образомъ, первыя три поученія представляютъ изъ себя ни что иное, какъ истолкованіе словъ символа: *и во едино крещеніе покаянія во оставленіе грѣховъ* (Cateches. 18, 22), въ частности, первое поученіе говоритъ объ обновленіи, или освобожденіи отъ грѣха, второе—о покаяніи и третье—о крещеніи, какъ средствахъ освобожденія отъ грѣха. Сказавъ затѣмъ въ четвертомъ словѣ о предметахъ христіанскаго вѣдѣнія, а въ пятомъ о вѣрѣ догматической и дѣятельной, Кирилль съ шестого поученія до 18 включительно раскрываетъ уже символъ вѣры съ самаго его начала, постепенно переходя отъ одного члена къ другому, въ томъ порядкѣ въ какомъ онъ *устно* исповѣдывался въ іерусалимской церкви. Шестое поученіе именно раскрываетъ слова символа: *вѣрую во единого Бога, 7-е—слова: (Бога) Отца, 8-е—Вседержителя, 9-е—Творца неба и земли, видимымъ уже вѣмъ и невидимымъ, 10-е—и во единого Господа Іисуса Христа, 11-е—Сына Божія Единороднаго, Изъ Отца рожденнаго прежде всѣхъ вѣкъ, Имъ же вся быша, 12-е—воплотившагося и во плоть жившаго, 13-е—распятаго и погребеннаго, 14-е—и воскресшаго изъ мертвыхъ въ третій день и восшедшаго на небеса, и сядущаго одесную Отца, 15-е—и грядущаго со славою судити живымъ и мертвымъ, Его же царствію не будетъ конца, 16-е и 17-е—и въ Духа Святаго Утѣшителя, глаголашаго пророки, и 18-е—и во едину, соборную церковъ и въ воскресеніе плоти, и въ жизнь вѣчную.* Смотря на символъ вѣры (или просто на вѣру—живое преданіе церкви), какъ на краткое въ „немногихъ словахъ“ объясненіе всего вѣдѣнія благочестія, заключающагося въ

Ветхомъ или Новомъ Заветѣ (Catech. 5, 12), Кирилль раскрываетъ символъ путемъ соотношенія членовъ вѣры съ тѣми или другими мѣстами святи. Писанія. Вслѣдствіе этого методъ Кирилла естественно принялъ форму метода: Sacra parallela, который въ нѣкоторыхъ случаяхъ въ цѣляхъ апологетики захватываетъ еще указанія на „священныя“ языческія басни. „Черезъ Дѣву Еву вошла смерть, надлежало чрезъ Дѣву же, а лучше сказать, отъ Дѣвы явиться Жизни; какъ ту обольстилъ змій, такъ сей благовѣтствовалъ Гавріиль“ (Catech. 12, 15). „Изъ ребра мужа безъ матери Ева родиться могла, а изъ утробы дѣвической безъ мужа ужели младенецъ родиться не можетъ?“ (Catech. 12, 29). „Влннамъ заградимъ уста собственными ихъ баснями. Вы говорящіе, что бросаемые камни превращались въ людей, почему утверждаете, что невозможно родитъ дѣвъ? Вы баснословиящіе, что изъ мозга родилась дочь, почему считаете невозможнымъ родиться сыну изъ дѣвическаго чрева? Вы стоящіе за свою ложь, будто бы Діонисъ родился изъ бедра вашего Діа, почему отвергаете наше истинное ученіе?“ (Catech. 12, 27). Въ результатѣ соотношенія символа вѣры съ библейскими выраженіями, понимаемыми Кирилломъ въ большинствѣ случаевъ буквально, получилась у него *догматика*.

Въ 5 тайноводственныхъ словахъ Кирилль не обосновываетъ уже, какъ въ 18 огласительныхъ словахъ, а только *изъясняетъ* затронутые здѣсь предметы преданія (*парадосисъ*; Mystag. 5, 23). Такимъ путемъ онъ изъясняетъ слѣдующіе обряды крещенія, мѣропомазанія и евхаристіи, составляющіе въ своей совокупности образъ совершенія этихъ таинствъ: образъ совершенія крещенія: входъ просвѣщаемыхъ въ притворъ—мѣсто совершенія крещенія; обращеніе ихъ лицомъ къ западу; простертіе или руки и отрицаніе отъ сатаны: „отрицаюсь тебя, сатана, и всѣхъ дѣлъ твоихъ и всея гордыни твоей и всего служенія твоего“; обращеніе отъ запада на востокъ (отъ тмы къ свѣту); произношеніе словъ: „вѣрую въ Отца и Сына и Св. Духа и во едино крещеніе покаянія“; помазаніе закліпательнымъ елеемъ отъ волосъ до ногъ; подведеніе къ св. купели божественнаго крещенія; опросъ каждого просвѣщаемаго: вѣруетъ ли онъ въ Отца и Сына и Св. Духа и произношеніе

исповѣданія вѣры и троекратное погруженіе въ воду съ „изъикновеніемъ“ изъ воды послѣ каждого погруженія. Мѣропомазаніе, совершавшееся точчасъ послѣ крещенія, состояло въ помазаніи освященнымъ, чрезъ призваніе Св. Духа, мѣромъ чела, ушей, ноздрей и персей крестившагося. Образъ совершенія евхаристіи: умовеніе іереемъ (предстоятелемъ) и пресвитерами, окружающими Вожій жертвенникъ, своихъ рукъ водою, поданною діакономъ; возгласъ діакона: „примите другъ друга“, и „облобызаемъ другъ друга“; возгласъ іерея: „горѣ сердца!“ отвѣтъ народа: „нимамъ ко Господу“; опять возгласъ іерея: „благодаримъ Господа“; отвѣтъ народа: „достойно и праведно“; воспоминаніе, о небѣ, землѣ, морѣ, солнцѣ, луиѣ, звѣздахъ о всей разумной, видимой и невидимой твари, объ Ангелахъ, архангелахъ, силахъ, господствахъ; началахъ, властяхъ, престолахъ, херувимахъ, серафимахъ съ повтореніемъ серафимской пѣсни: „святъ, святъ, святъ Господь Саваоѣ“; молитва о ниспосланіи Св. Духа на предлагащіе дары (τὰ προκείμενα), да сотворитъ Онъ хлѣбъ тѣломъ Христовымъ, а вино кровію Христовой (что представляетъ изъ себя совершеніе духовной—безкровной умилостивительной жертвы); моленіе надъ этою умилостивительною жертвою Богу объ общемъ мирѣ церквей, о благосостояніи міра, о царяхъ, о войнахъ, о поборникахъ, о сущихъ въ вѣмощахъ, о трудящихся и, однимъ словомъ, о всѣхъ требующихъ помощи; воспоминаніе, далѣе, преждеусопшихъ: патріарховъ, пророковъ, Апостоловъ, мучениковъ—съ надеждою, чтобы Богъ, по молитвамъ и предстательству ихъ, пріиалъ наше прошеніе, а также поминовеніе отцовъ и епископовъ, и вообще всѣхъ преждеусопшихъ христіанъ—съ вѣрою, что великая польза будетъ душамъ, о которыхъ приносится моленіе, когда предлагается святая и страшная жертва; чтеніе затѣмъ молитвы: „Огче нашъ, Иже еси на небесѣхъ“; возгласъ іерея: „Святая Святыхъ“; отвѣтъ народа: „единъ Святъ, единъ Господь Ісусъ Христосъ“; приглашеніе къ приобщенію святыхъ Таинъ словами Псалмопѣвца: „вкусите и видите, яко благъ Господъ“ (Пс. 33, 9), и самое приобщеніе сперва Тѣла, а потомъ чаши или крови Господней. Концемъ евхаристіи служила благодарственная молитва Богу, сподобившему приобщиться „толикихъ тайнъ“. Въ рѣчи

объ евхаристіи Кирилль очевидно ясно учитъ о претвореніи (μεταβάλλειν) хлѣба и вина въ тѣло и кровь Христа (Catech. 23, 7) и объ евхаристіи, какъ жертвѣ.

Другія сохранившіяся сочиненія Кирилла:—упомянутое уже „Постаніе къ импер. Констанцію“, „Бесѣды о разслабленномъ при купели“ и три гомилетические фрагмента: первые два изъ „Бесѣды о претвореніи Господомъ воды въ вино“ и третій изъ слова на Ин. 16, 28: „азъ иду ко Отцу Моему“. Такъ называемая Кириллова книга (см. выше особую статью) Кириллу іерусалим. не принадлежитъ, представляя изъ себя произведение XVII столѣтія; хотя глава ея объ антихристѣ, правда, воспроизводитъ, за немалыми исключениями, 15 огласительное поученіе Кирилла.

3) *Значеніе* твореній Кирилла опредѣляется тѣмъ, что они сообщаютъ извѣстныя данныя для наукъ: Свящ. Писанія и Свящ. Преданія, догматики, литургики и гомилетики. Для Свящ. Писанія цѣнными служатъ, главнымъ образомъ, свѣдѣнія о канонѣ божественныхъ книгъ Ветхаго и Новаго Завета (Catech. 4, 33—36). Руководясь, впрочемъ, въ данномъ случаѣ мотивомъ—практикой іерусалим. церкви: указать для домашняго чтенія лишь то, что читается въ церкви (ὅσα μὲν ἐν ἐκκλησίαις μὴ ἀναγινώσκειται ταῦτα μὴδὲ κατὰ σαυτὸν ἀναγινώσκει. Migne gr. XXXIII, col. 500—501), Кирилль, надо думать, въ перечнѣ книгъ Новаго Завета опустилъ Апокалипсисъ, —неудобопонятную, а потому не читаемую въ церкви (П. П. Пономаревъ, Изъ исторіи Св. Преданія въ „Прав. Соб.“, январь 1903 г. П. А. Юнгеровъ, Общее истор.-кр. введ. въ свящ. ветх. книги, Казань 1902 г., 161—162. Н. К. Дагаевъ, Исторія ветхозав. канона, Сб. 1898 г.). Въ отношеніи Свящ. Преданія творенія Кирилла содержатъ въ себѣ свѣдѣтельства какъ объ апостольскомъ преданіи въ духѣ св. Иринея лійскаго, творенія котораго извѣстны Кириллу (Cat. 16, 6), такъ о преданіи собственно отеческомъ, т. е. о тѣхъ положеніяхъ отцовъ, которыя, по времени появленія въ свѣтъ не относятся къ апостольскому вѣку, однако составляютъ изъ себя истину церкви, если въ содержаніи своемъ находятъ подтвержденіе въ Свящ. Писаніи. „Не просто вѣръ мнѣ (=учителю церковному).—писалъ (Catech. 4, 17) по этому поводу Кирилль, устанавливая прин-

ципъ для оцѣнки истинности собственно отеческихъ сужденій,—если на то, о чемъ возвѣщаю, не получишь доказательства изъ божественныхъ писаній“ (П. Пономаревъ, указ. соч. Свящ. І. Филевскій, Ученіе прав. церкви о Свящ. Преданіи, Харьковъ 1902, стр. 285—295). Представляя въ 18 огласительныхъ поученіяхъ своего рода опытъ собранія догматовъ въ одно цѣлое съ ясно отгнѣненной здѣсь идеей, что догматика есть нечто иное, какъ соотношеніе Свящ. Преданія=живого ученія церкви со Свящ. Писаніемъ, творенія Кирилла входятъ въ извѣстной мѣрѣ въ область науки догматическаго богословія (Макарий, Прав.-догм. богословіе, т. I, Сб. 1850, стр. 52—53. Проф. И. В. Чельцовъ, указ. соч., стр. 30—41 и т. п.); затѣмъ они сообщаютъ данныя для догматическаго ученія: о благодати и свободѣ (Проф. А. Л. Каганскій, Ученіе о благодати Божіей въ твор. др. св. оо. и уч. церкви до бл. Августина, Сб. 1902, стр. 137—150), о таинствахъ крещенія, миропомазанія и евхаристіи, условіяхъ ихъ дѣйствительности и дѣйствительности (Свящ. Ал. Голосовъ, Ученіе св. Кирилла іерусал. о таинствахъ, Самаркандъ 1901; А. Кирилловъ, Догматическое ученіе о таинствѣ евхаристіи въ твор. двухъ катих. IV в.: св. Кирилла іерусалим., представ. школы антиох. и св. Григорія нисск., представителя школы александр., Новочеркасскъ 1898). Литургика почерпаетъ изъ твореній Кирилла свѣдѣнія объ образѣ совершенія указанныхъ таинствъ въ древнѣйшей церкви. Значеніе твореній Кирилла для гомилетики ясно само собою.

На радѣ съ положительнымъ отношеніемъ къ твореніямъ Кирилла въ наукѣ встрѣчаются и сомнительные взгляды, касающіеся неподлинности твореній Кирилла, его ученія и дѣятельности. Мысль о неподлинности твореній Кирилла, особенно защищавшаяся калъвинистомъ Удэномъ безспорно явилась на почвѣ того, что творенія Кирилла благоприятствуютъ не протестантству или реформатству, а именно православію. Внутреннія, заимствуемыя изъ самыхъ твореній Кирилла, и внѣшнія свѣдѣтельства, однако, основательно ниспровергаютъ указанную мысль (Архiep. Филаретъ, Историческое ученіе объ отцахъ церкви II, Сб. 1859, стр. 94), утверждая вмѣсто нея подлинность твореній Кирилла. По взгляду, имѣющему

дѣло съ ученіемъ Кирилла, предполагается, что будто бы Кириллѣ былъ сторонникомъ полуаріанской партіи (оміевъ), а не исповѣдникомъ православія, или что, по меньшей мѣрѣ, онъ нѣкоторое время колебался между полуаріанствомъ и православіемъ въ ученіи о Сынѣ Божіемъ. Въ качествѣ основанія для такого предположенія приводятъ то, что Кириллѣ не употребляетъ въ *Cateches.* термина единосущный, хотя онъ жилъ послѣ 1 вселенскаго собора, что въ ученіи о Сынѣ Божіемъ онъ, напротивъ, допускаетъ (*Catech.* 9, 9: *Migne gr.* XXXIII, col. 700) выраженіе о подобіи Сына Отцу: Θεός ὁμοιωτός τῷ ὁ Πατήρ, ὁμοιον (similem) εἰωσῶ ἐγέννηα τὸν Υἱόν, Θεὸν ὁμοιωτόν. Означенное предположеніе опровергается какъ борьбою Кирилла съ Акакіемъ, державшимся аріанскихъ мыслей,—его исповѣданіемъ единосущія на 2 вселенскомъ соборѣ, такъ, главнымъ образомъ, тщательнымъ анализомъ ученія Кирилла, откуда видно, что съ выраженіемъ: „Сынъ подобенъ Отцу“ Кириллѣ соединяетъ мысль о соестественности Сына Божія съ Отцомъ (*Migne gr.* XXXIII, col. 700—701: *ὁμοῦσος υἱός*), что, неупотребляя термина „единосущный“ въ огласительныхъ и тайноводственныхъ словахъ, Кириллѣ, однако, пользуется имъ въ „Посланиіи къ импер. Константію“ (*Migne gr.* XXXIII, col. 1175: *ὁμοούσιον Τριάδα*), что, наконецъ, терминъ „единосущный“ Кириллѣ не вноситъ въ символъ вѣры іерусалимской церкви, вѣроятно, вѣдствие малой еще распространенности въ то время символа никейскаго, когда, поэтому, не было еще нужды переносить древнія вѣронзложенія по образцу вѣронзложенія никейскаго.—Наконецъ, за послѣднее время высказывается мнѣніе, что Кириллѣ будто бы былъ авторомъ никеоцареградскаго символа, переработавшимъ для этого еще до 2 вселенскаго собора символъ іерусалимской церкви на почвѣ символа никейскаго: F. J. A. Hort, A. Гарнакъ, отчасти Шмидтъ; см. о выхъ у проф. *Ал. П. Лебедева*, О символѣ... 2 вс. собора въ Собр. цер.-истор. соч. III, стр. 285—322.—О нашемъ символѣ вѣры въ „Бог. Вѣст.“, январь—февр. 1902 г. и отд. [а также см. у него въ книгѣ, Изъ исторіи вселенскихъ соборовъ IV и V вѣковъ, Москва 1882, стр. 227—233]. Соединенное съ признаніемъ подлинности твореній Кирилла и его православія, это мнѣніе имѣетъ значеніе въ

критикѣ двухъ указанныхъ предположеній ученыхъ, но—взятое въ своемъ существѣ—оно тоже чуждо прочныхъ фактическихъ основаній (Проф. *Ал. П. Лебедевъ* указ.).

Литература. *Migne*, *Patrol. curs. complet.*, s. gr., t. XXXIII: изданіе твореній Кирилла со свѣдѣніями о его жизни, ученіи и подлинности твореній. *Bardenhewer*, *Patrologie*, 1894, S. 249—252, съ указаніемъ изданій и изслѣдованій твореній Кирилла. [*Vacant et E. Mangenot*, *Dictionnaire de théologie catholique* III, Paris 1908, col. 2527—2577. *The Catholic Encyclopedia* IV, London 1908, p. 595—596.]. Переводы твореній Кирилла—славянскій архіеп. *Амвросій*, Москва 1772 г.; русскіе 1822 г. (ярославской Дух. Семинаріи). 1855 и 1891 г.г.—московск. Дух. Акад. [2-е изданіе со введеніемъ † проф. *Ал. П. Лебедева*.]. Архіеп. *Филаретъ*, Историческое ученіе объ отцахъ церкви, Спб. 1859, стр. 89—98. [*Herzog-Hauck*, *RE.* IV³, S. 381—384 и ср. IV. 812; V, 799. *W. Smith and H. Wace*, *A Dictionary of Christian Biography* I, p. 760—763]. *П. Пономаревъ*.

Кириллѣ, архіепископъ александрійскій, св. отецъ и учитель Восточной церкви первой половины V столѣтія († 444). Его имя и вся церковно-общественная и литературная дѣятельность тѣсно связаны съ извѣстнымъ въ исторіи христіанской церкви противонесторіанскимъ движеніемъ, жизненнымъ нервомъ котораго были долгіе споры о лицѣ Христа, какъ Искупителя и Спасителя міра, о способѣ соединенія въ единой личности Христа божеской и челоувѣческой природы. Значеніе и положеніе св. Кирилла ал. вполне справедливо приравнивается къ положенію св. Афанасія в. Какъ этотъ послѣдній былъ главнымъ дѣйствующимъ лицомъ въ великую эпоху противоаріанскихъ споровъ, такъ и св. Кириллѣ ал. былъ главнымъ вдохновителемъ церковнаго самосознанія во времена несторіанскихъ движеній, смѣнившихъ собою аріанскую смуту. Замѣчательно, что и на этотъ разъ доминирующее значеніе принадлежало александрійской церкви въ лицѣ ея виднаго представителя, какимъ дѣйствительно и былъ св. Кириллѣ ал. и по своей административной, и, главнымъ образомъ, по литературной дѣятельности. Св. Кириллѣ ал.—безусловно великій отецъ Восточной церкви. О его жизни до временъ выступленія въ 412 году въ званіи архіепископа александрійской церкви намъ извѣстно очень мало. Сохранились

только краткія свѣдѣнія, что онъ приходился племянникомъ знаменитаго Теофила, архі-епископа александрійскаго, и еще въ молодости прекрасно изучалъ Свящ. Писаніе и творенія лучшихъ представителей христіанской учености—Дионисія ал.,—Афанасія в., Василія в., Амфилохія икон., Аммона адрианопольскаго, Іоанна Златоуста (о чемъ свидѣлствуютъ многочисленныя выдержки изъ твореній указанныхъ отцовъ въ его сочиненіяхъ). Нѣкоторое время онъ былъ строгимъ подвижникомъ нитрійскихъ монастырей (письмо 25 къ Кириллу Исихора Пелус.). По желанію Теофила, Кирилль вступилъ въ кларъ ал. церкви, среди которой пользовался большою популярностію, какъ назидательный проповѣдникъ. Когда въ 412 году скончался Теофилъ, александрійскіе христіане предпочли Кирилла всѣмъ прочимъ кандидатамъ и выразили желаніе видѣть его архіепископомъ александрійской церкви. Такимъ образомъ, въ 412 г. началась его церковно-общественная дѣятельность въ званіи епископа. По своему характеру она раздѣляется на два періода: а) *донесторіанскій*, до 428 г., обнимающій первые семнадцать лѣтъ его епископскаго служенія, и б) *несторіанскій*, до 444 года, —года его смерти,—посвященный, главнымъ образомъ, на борьбу съ Несторіемъ и его ересью.

Еще до борьбы съ несторіанствомъ, св. Кирилль ал. проявлялъ энергичную административно-научную дѣятельность. Главнымъ образомъ, онъ боролся съ *новацианствомъ* (Сократъ, Ц. И. VII, 7), *иудействомъ* и *язычествомъ*. Особенно упрона была его борьба съ язычествомъ, которое въ данное время пользовалось покровительствомъ александрійскаго префекта-язычника Ореста и вдохновлялось философскою дѣятельностію извѣстной Ипатія, женщины-философа. Ипатія, находившая административную поддержку въ Орестѣ, считалась оплотомъ язычества и вызывала чувство недовольства въ христіанскомъ населеніи. Это чувство негодованія не рѣдко отливалось въ форму открытыя столкновенія между язычниками и христіанами. Во время одной демонстраціи Ипатія была убита. Нѣкоторые историки (Шреккъ, Толандъ, Арнольдъ и др.), на основаніи свидѣтельств древняго языческаго писателя Дамасція, считаютъ самого Кирилля ал. непосредственнымъ вдохновителемъ убій-

ства Ипатія, но другіе болѣе безпристрастные ученые (Коппаликъ; см. подробности въ его сочиненіи: Syriacus von Alexandrien: eine Biographie nach den Quellen gearbeitet, 1881) совершенно оправдываютъ Кирилля ал. въ непосредственномъ и даже косвенномъ участіи въ убійствѣ Ипатія, считая это злодѣяніе дѣломъ такъ называемыхъ *параволановъ*,—этихъ членовъ погребальной общины, которые на ряду съ выполненіемъ погребальной профессіи отличались крайнею разнузданностію своихъ нравовъ и являлись постоянными участниками всевозможныхъ возмущеній. Замѣчательно, что историкъ Сократъ (въ Церк. Ист.), при своемъ враждебномъ отношеніи къ Кириллу ал., оправдываетъ его въ убійствѣ Ипатія. Ни разу не возводили на него вину въ этотъ злодѣяніи и всѣ его многочисленныя несторіанскіе оппоненты, старавшіеся отыскать темныя стороны въ его жизни и дѣятельности. Кирилль ал. дѣйствовалъ въ борьбѣ съ язычествомъ, а равно — съ иудействомъ и новацианствомъ исключительно мирными средствами нравственнаго воздѣйствія путемъ слова и убѣжденій. Уже въ донесторіанскій (до 428 г.) періодъ Кирилль ал. написалъ цѣлый рядъ сочиненій, которыя обнаруживаютъ въ немъ неожиданныя литературныя таланты и глубокую богословскую эрудицію. Главное вниманіе Кирилля ал. за этотъ періодъ было обращено на изученіе Свящ. Писанія. *Насциодоръ* (Lib. de inst. div. lit. t. II, p. 508 г.) и *Никифоръ Каллистъ* (Hist. eccles. кн. XIV, гл. 14) свидѣлствуютъ, что Кирилль ал. объяснялъ въ своихъ трудахъ все Свящ. Писаніе. Если объединить всю экзегетическую литературную производительность св. отца, то она сводится къ слѣдующимъ результатамъ: 1) „О поклоненія Богу духомъ и истинною“—трактатъ въ 17 книгахъ (Migne gr. t. LXVIII), въ которомъ раскрывается главная мысль, что Христосъ отбѣнилъ законъ Моисея только въ буквѣ, а не по духу; характеризизуя въ послѣдовательномъ изложеніи таинственный духовный смыслъ всѣхъ постановленій Моисеева обрядоваго закона, св. отецъ представляетъ связную исторію божественнаго домостроительства нашего спасенія. 2) „Изясныя изреченія“ (Глаголы у Migne gr. t. LXIX, col. 1—678)—сочиненіе (въ 13 книгахъ), составляющее продолженіе предыдущаго трактата; въ немъ,

на основаніи Пятокнижія Моисея, дѣлается попытка представить связную исторію ветхозавѣтной церкви отъ Адама до Ісуса Навина, съ отбѣненіемъ выдающихся фактовъ ветхозавѣтной исторіи, характеризующихъ христіанскую идею божественнаго домостроительства о спасеніи людей. Эту же идею проводить онъ и въ дальнѣйшихъ истолковательныхъ трудахъ. 3) „Толкованіяхъ на книги пророка Ісаіи“ (Migne gr. t. LXX, 4) „Толкованіяхъ на 12 малыхъ пророковъ“ (на Захарію и Малахію у Migne gr. t. LXXII, col. 9 — 364, а на остальныхъ 10-ти въ LXXI-мъ томѣ) и 5) „Толкованіяхъ на Псалмы“ (Migne gr. t. LXIX, col. 699—1247), по 19-й Пс. включительно. Всѣ эти толкованія сохранились въ полномъ видѣ. Извѣстны также отрывки его толкованій и на другія ветхозавѣтныя книги—на пророка Іезекііля, книги Царствъ, Пѣснь Пѣсней, пророка Іереміи, Варуха и Давіида (Migne gr. t. LXIX, col. 679—1294; t. LXX, col. 1451—1462). Изъ новозавѣтныхъ книгъ сохранились толкованія на Евангелія Луки и Іоанна (изъ 12-ти книгъ послѣдняго имѣются нынѣ только 7-я и 8-я *) Migne gr. t. LXXIII—LXXIV, col. 9—756), а въ незначительныхъ отрывкахъ также толкованія на Евангеліе Матвея, на Дѣянія Апостольскія, на посланія Ап. Павла къ Коринѳеямъ (первое и второе), къ Евреямъ и Римлянамъ, на соборныя посланія Ап. Іакова, Петра (первое и второе), Іоанна (первое) и Іуды (Migne gr. t. LXXIV, col. 758—1024). Во всѣхъ своихъ толкованіяхъ Кириллѣ ал. придерживается александрійскаго метода: усматриваетъ не только историческій, но и духовно-таинственный смыслъ. Въ новозавѣтныхъ толкованіяхъ особое вниманіе обращаетъ на уясненіе ученія о лицѣ Сына Божія, что вызывалось, конечно, потребностями противояріанской борьбы.

Этими же потребностями было вызвано написаніе имъ и специальныхъ догматико-полемическихъ трактатовъ, изъ которыхъ теперь извѣстны слѣдующіе три: 1) „Сокровище ученія о Святой и Единосущной Троицѣ“ (Migne gr. t. LXXV, col. 9—656), 2) „Семь

сообщеній о Святой и Животворящей Троицѣ“ (Migne gr. t. LXXV, col. 657—1124) и 3) „Книга о святой и Животворящей Троицѣ“ (Migne gr. t. LXXV, col. 1124—1146). Въ этихъ произведеніяхъ главною темою служатъ раскрытіе ученія о Божествѣ Сына Божія и Св. Духа противъ лжеученія Евномія и духоборцевъ. Особенно цѣнны его разсужденія по вопросу о Св. Духѣ. Къ нимъ обращаются очень часто католики для доказательства своего ученія о Filioque, хотя самое обоснованіе филиоквистическихъ тенденцій не выдерживаетъ строго-научной критики (см. объ этомъ въ сочиненіи † проф. А. Θ. Гусева, Старокатолическій отвѣтъ на наши тезисы по вопросу о Filioque и пресуществленіи, Казань 1903 стр. 77 сл., гдѣ можно найти и католическое, а также старокатолическое, толкованіе мѣстъ изъ сочиненій св. Кирилла ал., по вопросу о Filioque). Первое и третье изъ указанныхъ сочиненій по преимуществу положительнаго характера: они посвящены выясненію основъ положительнаго христіанскаго ученія о Сынѣ и Св. Духѣ. Третье же сочиненіе—полемическаго содержанія и посвящено критикѣ евноміанскихъ положеній. Между прочимъ, „Сокровище ученія...“ замѣчательно еще въ томъ отношеніи, что въ немъ проглядываютъ первые проблески позднѣйшаго схоластицизма: здѣсь цѣлый рядъ подраздѣленій—вопросовъ и отвѣтовъ, мельчайшихъ доказательствъ и обоснованій.

Съ момента распространенія въ обществѣ несторіанскихъ заблужденій (съ 428 г.) начинается второй и послѣдній періодъ жизни и дѣятельности св. Кирилла ал. Борьба съ несторіанствомъ и его заблужденіями съ этихъ поръ поглощаетъ все вниманіе св. отца до самаго конца его жизни. Св. Кириллѣ началъ борьбу съ Несторіемъ—лишь только прошла первая молва объ его заблужденіи, лишь только его злополучныя рѣчи, произнесенныя въ Константинополѣ въ порядкѣ термина „Вогородицы“ (Θεοτόκος), проникли въ Египетъ, въ различные египетскіе монастыри и произвели здѣсь среди монаховъ сильную смуту. Александрійскій пастырь, блжавшій своимъ богословскимъ образованіемъ, умомъ и начитанностію и въ то время отличавшійся неуспѣшною пастырскою дѣятельностію и энергіей, сразу замѣтилъ своимъ тонкимъ умомъ, что въ основѣ на-

*) По *Mahé* (La date du commentaire de s. Cyrille sur s. Jean въ „Bulletin de littérature ecclésiastique“ 1907, 2, p. 41—45), толкованіе на Евангеліе Іоанна составлено св. Кирилломъ, до 428 года.—Н. Н. Г.

задокъ Несторія на терминъ „Вогородипца“ лежать вовсе не простое недомыслие, а цѣлая доктрина, послыки которой заключаютъ въ себѣ положенія, противныя общему духу христіанскаго міросозерпанія. И вотъ, желая предостеречь отъ лжеученія Несторія весь христіанскій міръ и, въ частности, монаховъ подчиненныхъ ему египетскихъ монастырей, онъ посылаетъ одно за другимъ свои первыя противонесторіанскія сочиненія во всѣ концы римской имперіи. Прежде всего онъ предостерегаетъ отъ ереси *особымъ окружающимъ посланіемъ*, которое прямо предназначалось монахамъ нитрійскихъ монастырей. Далѣе такъ называемое *пасхальное посланіе*, которое ежегодно разсылалось александрійскимъ епископомъ въ силу постановленія никейскаго собора (325 г.), съ извѣщеніемъ о днѣ празднованія Пасхи, точно также содержало въ себѣ подобное предостереженіе. А послѣ того какъ св. Кириллу ал. сдѣлалось извѣстно, что Несторій не только не прекращалъ своей пропаганды, а, напротивъ, сдѣлалъ даже порученіе пресвитеру Фотію написать особое опроверженіе на указанныя выше посланія, получившія въ это время широкое распространеніе, — тогда св. Кирилль ал. нашелъ нужнымъ сдѣлать предостереженіе уже самому Несторію и съ этою цѣлью написалъ ему дружественное письмо съ указаніемъ на его неправомысліе.

Конечно, во всѣхъ этихъ случаяхъ, — какъ показываетъ самый тонъ указанныхъ посланій, — александрійскій пастырь руководился благими цѣлями: онъ желалъ предостеречь отъ вновь нарождающагося заблужденія, въ смыслъ котораго, можетъ быть, — особенно на первыхъ порахъ — проникали очень немногіе. Нельзя думать, что оппозиція Кирилла въ данномъ случаѣ носила личный характеръ. До выступленія Несторія съ своими заблужденіемъ Кирилль ал. находился съ нимъ въ дружескихъ отношеніяхъ, и когда получилъ извѣстіе объ избраніи (въ 428 г.) Несторія на кафедру Константинополя, то выразилъ письменно свое чувство восторга по поводу такого избранія. Словомъ, ясно, что Кирилль ал. дѣйствовалъ безкорыстно. Но въ Константинополѣ при дворѣ на дѣло взглянули иначе. Тамъ на внутренніе мотивы дѣятельности Кирилла ал. обратили менѣе всего внима-

нія и выказали недовольство по поводу того, что Кирилль своими посланіями производилъ въ церкви новыя смуты. Была недовольны главнымъ образомъ тѣмъ, что только что установившееся въ церкви спокойствіе — послѣ упорныхъ аріанскихъ споровъ — снова нарушается. Конечно, подобное недовольство двора было произведено не безъ участія Несторія, который въ виду надвигающейся на него бури прежде всего долженъ былъ и, конечно, счелъ нужнымъ заручиться симпатіями двора по отношенію къ себѣ и антипатіями — по отношенію къ Кириллу ал. Пушны были въ дѣло и обычные въ данномъ случаѣ наговоры. Нашлись и какія-то обвинители св. Кирилла ал. изъ числа лицъ, проживавшихъ въ Константинополѣ и недовольныхъ его распоряженіями, какъ патріарха, въ сферѣ компетенціи александрійской церкви. Кратко сказать, началась все та же интрига, невяною жертвой которой былъ одно время и Аознасій в.

Когда св. Кирилль ал. получилъ извѣстіе изъ Константинополя о подобномъ положеніи дѣла, то счелъ необходимымъ снова заявить себя защитникомъ истины и противникомъ заблужденія. Въ данномъ случаѣ онъ снова написалъ Несторію *второе письмо*; въ очень сдержанномъ широколюбовномъ тонѣ, авторъ убѣждалъ здѣсь своего противника оставить соблазнъ и отказать отъ своихъ заблужденій. При этомъ Кирилль ал. въ очень подробныхъ чертахъ излагаетъ и свои положительныя воззрѣнія по затронутому Несторіемъ вопросу и подтверждаетъ ихъ ссылками на Свящ. Писаніе и на произведенія христіанской письменности. Несторій съ своей стороны обвинялъ св. Кирилла ал. главнымъ образомъ въ томъ, что онъ самъ-де является еретикомъ и проводить по затронутому вопросу взгляды Аполлینарія. По мнѣнію Несторія, Кирилль ал. говоря объ ἐνωσις καὶ ὁμότατις яко бы утверждаетъ тѣснѣйшее — до безразличія — соединеніе и сліяніе двухъ природъ во Христѣ. Въ виду этого Кирилль ал. въ данномъ письмѣ и старается, между прочимъ, показать несправедливость такого обвиненія со стороны Несторія. Кирилль ал. ясно показалъ своему противнику, что онъ говорить объ ἐνωσις не въ смыслѣ ἡρώσις, не въ смыслѣ поглощенія въ единой личности

Христа особенностей какъ божеской, такъ и человѣческой природы, а лишь въ томъ смыслѣ, что эта природы нельзя представлять себѣ раздѣленными до полного разобщенія, при которомъ только и можно говорить о чисто вѣдшемъ механически-нравственномъ сочетаніи природъ, какъ это выходитъ съ точки зрѣнія ученія Несторія.

Св. Кириллу ал. въ то же время необходимо было такъ или иначе оправдаться и передъ дворомъ и разсѣять всѣ предубѣжденія его, наведенныя по поводу несторіанскаго движенія; посему онъ счелъ за лучшее обратиться и къ представителямъ державной власти съ особыми посланіями. И вотъ, одновременно съ вышеуказаннымъ письмомъ (вторымъ) къ Несторію, онъ написалъ свои *три книги о вѣрѣ* (Migne gr. t. LXXVI, col. 1133—1420),—это свое первое болѣе или менѣе обширное произведеніе по поводу несторіанскаго лжеученія. Данное сочиненіе, представляющее подробное изложеніе собственно вѣручительной стороны несторіанскихъ споровъ, съ приведеніемъ доводовъ „за“ и „противъ“, и было отослано (въ 430 г.) въ Константинополь императору Теодосію II, при чемъ *первая книга* предназначалась специально для самого императора, а *двѣ послѣднія*—его супругѣ Евдокіи и тремъ сестрамъ—царевнамъ: Пульхеріи, Аркадіи и Маринѣ. Однако Кирилль ал. не только не достигъ цѣли этимъ своимъ сочиненіемъ, но даже возбудилъ въ императорѣ еще новое неудовольствіе, между тѣмъ женская половина двора была болѣе отзывчивою на призывъ истины и приняла явно сторону св. Кирилла ал. Тою порою Несторій продолжалъ сѣять свои сѣмена и приобрѣлъ себѣ довольно многочисленную партію приверженцевъ, которые, если и не вполне раздѣляли его собственныя воззрѣнія, то, по крайней мѣрѣ, были рьяными противниками положеній св. Кирилла ал. Особенно Дорофей, митрополитъ мизійскій, дошелъ въ своемъ противоборствѣ Кириллу ал. до крайнихъ предѣловъ и даже прездалъ анафемѣ всѣхъ, держащихся исповѣдываеъ св. Дѣву Богородицею. Такой дерзкій поступокъ послѣдователя Несторія произвелъ удручающее впечатлѣніе на православную партію, и многіе епископы константинопольскаго діоцеза прямо и рѣши-

тельно отложились отъ Несторія, покровительствовавшаго Дорофеемъ. Так. обр. обстоятельство борьбы Кирилла ал. и Несторія еще болѣе осложнились. Къ этому времени, можно думать, и относится еще новое произведеніе Кирилла, подъ заглавіемъ: „Пять книгъ противъ Несторія“ (Migne gr. t. LXXVI, col. 9—248), въ которомъ онъ поставилъ своею цѣлію еще разъ опровергнуть всѣ тѣ заблужденія, которыя были высказаны Несторіемъ въ его собственныхъ рѣчахъ. Въ этомъ сочиненіи св. Кирилль ал. особенно подробно касается какъ опроверженія положеній несторіанскихъ доктринъ, такъ—равнымъ образомъ—и положенія и выясненія своихъ собственныхъ воззрѣній, которыя онъ попрежнему обстоятельно обосновываетъ на свидѣльствахъ Свящ. Писанія и святоотеческой литературы.

Благодаря всѣмъ этимъ произведеніямъ св. Кирилла ал.—съ одной стороны—и рѣчамъ Несторія—съ другой стороны—уже и Востокъ и Западъ познакомились, наконецъ, съ характеромъ споровъ и съ сущностію затронутыхъ вопросовъ. Словомъ, теперь каждый уже могъ разобратъ въ истинѣ и сообразно со своими убѣжденіями примкнуть къ той или другой партіи. И, дѣйствительно, въ данный моментъ весь христіанскій міръ, какъ и во времена аріанскихъ споровъ, явно былъ раздѣленъ на два противоположные лагера. Во главѣ православныхъ дѣйствовалъ св. Кирилль ал., а во главѣ противной партіи—Несторій съ цѣлымъ сонмомъ іерарховъ, все больше представителей антиохійскаго школьнаго богословія; среди послѣднихъ особенно выделялся бл. Теодоритъ, еп. кирскій, знаменитый богословъ той эпохи, бывшій въ некоторое время для несторіанцевъ ученымъ оплотомъ.

Когда, такимъ образомъ, для самого Кирилла ал. и для всѣхъ его оппонентовъ стало ясно, что соглашеніе между враждебными партіями не можетъ быть достигнуто путемъ одной только переписки и литературной полемики,—вся эта борьба переносится уже на почву административныхъ мѣропріятій, къ которымъ литературная полемика между сторонами является лишь простой иллюстраціей и добавленіемъ.

Прежде всего, св. Кирилль ал. завелъ сношенія по спорнымъ вопросамъ съ римскимъ папою Целестіномъ, которому онъ

вмѣстѣ со своимъ письмомъ, подробно излагающимъ суть дѣла, представилъ строго обоснованныя положенія своихъ собственныхъ взглядовъ по затронутому вопросу. Обратился къ Целестину и Несторію. Но римская церковь, по рассмотрѣніи дѣла, рѣшительно встала на сторону взглядовъ Кирилла ал. и осудила Несторія, пославши ему увѣщаніе оставить свои заблужденія въ десятидневный срокъ. Вслѣдъ за римскимъ соборомъ составилъ помѣстный соборъ въ александрійской церкви, въ которомъ дѣло было рѣшено точно также не въ пользу Несторія. По представленію Кирилла ал., а равно и Целестина римскаго, такіе же соборы должны были составиться въ Антиохіи и Іерусалимѣ. Состоявшійся антиохійскій соборъ подъ предсѣдательствомъ Іоанна антиохійскаго, хотя и не высказался „за“ Кирилла ал., но все-таки вынелъ нужнымъ слѣдять предостереженіе Несторію относительно крайностей его ученія.

Однако Несторію, не смотря на всѣ эти заявленія со стороны соборовъ римскаго, александрійскаго и антиохійскаго, продолжалъ упорствовать и своими рѣчами разжигалъ страсти константинопольскаго населенія. При такихъ обстоятельствахъ св. Кирилл ал., вслѣдъ за рѣшеніемъ александрійскаго собора, и послалъ своему упорному противнику *третье письмо*, уже не отъ своего лица, а отъ лица александрійскаго собора, и съ своей стороны присоединилъ къ письму *двѣнадцать анафематизмовъ*, т. е. двѣнадцать положеній, къ которымъ сводились всѣ заблужденія Несторія, съ опроверженіемъ самыхъ положеній. Эти *анафематизмы* такъ же, какъ и всѣ предшествующія сочиненія св. Кирилла ал. только еще болѣе разожгли страсти и самого Несторія и его послѣдователей. По порученію Несторія явились даже опроверженія на эти анафематизмы, написанныя Андреемъ самосатскимъ и Теодоритомъ кирскимъ; изъ нихъ особенно послѣдній выступилъ рьянымъ противникомъ положеній св. Кирилла ал. Самъ Несторію, между прочимъ, выступилъ предъ лицомъ константинопольскаго населенія съ обличительною рѣчью, направленной точно также противъ Кирилла ал. И замѣчательно, что всѣ эти противники александрійскаго богослова одинаково ставили ему въ упрекъ сродство его уче-

вія съ воззрѣніями Аполлинарія. Вотъ почему св. Кирилл ал. со своей стороны напелъ умѣстнымъ снова выступить противъ своихъ оппонентовъ со словомъ обличенія и защиты, и на этотъ разъ написалъ въ защиту своихъ анафематизмовъ и въ опроверженіе упрека въ аполлинаризмѣ одно за другимъ три сочиненія, изъ которыхъ *одно* было направлено противъ Андрея самосатскаго (*Ἀπολογία τῶν δώδεκα κεφαλαίων*), *другое* предназначалось въ опроверженіе доводовъ Теодорита кирскаго (*Ἐπιστολή πρὸς Εὐόπτιον πρὸς τὴν παρὰ Θεοδορίτου κατὰ τῶν δώδεκα κεφαλαίων ἀντίρριον*), а *третье* было послано уже въпослѣдствіи къ отцамъ ефесскаго вселенскаго собора (*Ἐπίλογος τῶν δώδεκα κεφαλαίων*; Migne gr., t. LXXVI col. 293—312; 315—386; 386—452), въ вѣдѣствіи разъясненія къ вышеуказаннымъ анафематизмамъ.

Так. обр. представители двухъ противоположныхъ богословскихъ направленій не достигли соглашенія ни путемъ литературно-полемическихъ сношеній, ни путемъ помѣстныхъ-соборныхъ административныхъ рѣшеній. Въ виду этого та и другая партія одинаково обратилась къ мысли о созваніи вселенскаго собора, который и былъ составленъ 431 года въ Ефесѣ. Съ 431 года, именно съ момента собранія третьяго вселенскаго собора, противонесторіанскій споръ вступаетъ въ новый фазисъ своего развитія. Теперь рѣшеніе спорныхъ вопросовъ отдается уже на компетенцію вселенскаго голоса церкви. Казалось бы, что такая, повидимому, рѣшительная, исключительная мѣра должна была бы разомъ закончить дѣло и подавить несторіанское волненіе. Но въ дѣйствительности оказалось совсѣмъ иначе. Исторія дѣяній ефесскаго вселенскаго собора и затѣмъ исторія послѣдующихъ богословскихъ споровъ представляютъ изъ себя позорище самой ожесточенной борьбы между двумя враждебными богословскими партіями. Только уже къ концу тридцатыхъ годовъ церковный миръ былъ, наконецъ, восстановленъ. Мы не будемъ слѣдить за всѣми перипетіями противонесторіанской борьбы, за всѣми фазисами ея развитія, а скажемъ только, что св. Кирилл ал. во всей этой борьбѣ былъ строгимъ охранителемъ началъ православнаго ученія и, подобно св. Афанасію в., для тор-

жества естны не становилася на помѣрахъ ни предъ какою личною опасностію. Ему, какъ и св. Аванасію в., пришлось выдержать сильную оппозицію со стороны самого императора, перетерѣть даже заключеніе подъ стражу вмѣстѣ съ другими представителями православія (Мемномъ ефесскимъ), но все-же въ концѣ концовъ выйти побѣдителемъ изъ продолжительной и часто неравной распри. И эта побѣда была въ значительной степени результатомъ его литературныхъ произведеній, которыя онъ попрежнему продолжалъ писать для разясненія истины. Когда Кирилль ал. ѣхалъ еще въ Ефесъ въ сопровожденіи пятидесяти іерарховъ подчиненнаго ему Египта, то онъ изъ города Родоса писалъ къ своему alexandрійскому клиру два письма, въ которыхъ онъ просилъ у него молитвъ, могущихъ поддержать его силы въ предстоящей борьбѣ съ врагами истины. Подобныя, сильно дѣйствующія, посланія св. Кирилль ал. писалъ и въ послѣдующее время и при томъ не только въ Александрію, но и въ Константинополь. А въ Ефесѣ онъ уже самъ лично—съ живымъ словомъ—выступалъ предъ лицомъ ефесскихъ гражданъ и предъ лицомъ цѣлаго сонма іерарховъ, собравшихся на вселенскій соборъ, съ цѣлю разсѣять тѣ спорные вопросы, которые были предметами занятій ефесскаго собора и которые, вообще, составляли предметъ спора въ данный моментъ. Такихъ ефесскихъ рѣчей въ настоящее время извѣстно семь. Всѣ онѣ частію догматическаго содержанія и стремятся, съ одной стороны, къ опроверженію несторіанскихъ положеній, а съ другой—къ защитѣ православнаго ученія. Такъ какъ его противники попрежнему продолжаютъ обвинять его въ прикосновенности къ заблужденію Аполлинарія, то онъ не разъ направляется въ этихъ рѣчахъ и противъ указанныхъ обвиненій, высказывая опроверженіе и осужденіе аполлинаріанской ереси. Так. обр. всѣми этими рѣчами св. Кирилль ал. ясно давалъ понять, что его собственныя воззрѣнія по затронутому вопросу не имѣютъ ничего общаго какъ со взглядами Несторія, такъ и со взглядами Аполлинарія. Несомѣнно, что результатомъ этой богословской борьбы св. Кирилла ал. было то, что на его сторону склонилось большинство представителей ефесскаго собора (чис-

ломъ около 200), его взгляды были признаны православными, а воззрѣнія Несторія объявлены еретическими и достойными осужденія. Но замѣчательно, что представители несторіанской партіи, не смотря на всѣ эти довольно ясныя осужденія св. Кирилломъ ал. аполлинаріанства, еще долгое время продолжали разглашать объ его еретичествѣ. Главнымъ предметомъ нападокъ съ ихъ стороны въ данномъ отношеніи попрежнему продолжали служить его пресловутыя „анаксаметизмы“, въ которыхъ онъ, по ихъ мнѣнію, явно допускалъ неясность мыслей, граничащую, по ихъ убѣжденію, съ мнѣніями ереси Аполлинарія. Вотъ почему и св. Кирилль ал. не умолкалъ и уже послѣ окончанія засѣданій ефесскаго собора, въ отвѣтъ своимъ литературнымъ противникамъ, написалъ въ разное время еще цѣлый рядъ полемическихъ произведеній; изъ нихъ въ настоящее время извѣстны слѣдующія: „О воплощеніи Бога Слова“ (Migne gr. t. LXXV, col. 1413—1420),—очень коротенькое, но въ то же время очень выразительное сочиненіе, въ которомъ въ формѣ вопросовъ и отвѣтовъ онъ рѣшаетъ вопросъ о тайнѣ воплощенія; далѣе, сочиненіе подъ заглавіемъ: „О единствѣ Христа“ (Migne gr. t. LXXV, col. 1253—1362), въ которомъ св. Кирилль ал.,—на томъ основаніи, что Христосъ есть Сынъ Божій и Сынъ Давидовъ,—признаетъ общеніе свойствъ человѣческаго и божественнаго естества въ единой божественно-человѣческой личности Христа; потомъ—сочиненіе подъ заглавіемъ: „Разсужденіе съ Несторіемъ“ (Migne gr. t. LXXVI, col. 249—256),—это маленькое произведеніе, специально посвященное рѣшенію того вопроса, что Марія есть не челоѣкородича, а Богородица. Къ этому послѣднему сочиненію прямо примыкаетъ еще трактатъ, подъ заглавіемъ: „Противъ тѣхъ, которые не желаютъ признавать святую Дѣву Богородицею“ (Migne gr. t. LXXVI, col. 256—292). А въ своемъ специальномъ трудѣ подъ заглавіемъ „О воплощеніи Единороднаго“ (Migne gr. t. LXXV, col. 1369—1412), св. Кирилль ал. обращаетъ свое вниманіе на раскрытіе общихъ библейскихъ названій, которыя прилагаются къ личности Христа и такъ или иначе освѣщаютъ вопросъ объ Его воплощеніи.

Не смотря на то, что св. отецъ во всѣхъ этихъ произведеніяхъ высказался съ достаточною ясностію, — для предубѣжденнаго противъ него теодосія виновность Кирилла ал. въ произведенныхъ смутахъ и даже приверженность къ ереси Аполлпнарія продолжали казаться фактомъ несомнѣннымъ. Вотъ почему св. отецъ въ то время, когда императоръ освободилъ его изъ заключенія и далъ ему возможность отравиться къ своей паствѣ, нашелъ благовременнымъ еще разъ попытаться раскрыть истину предъ очами самого императора и оправдать свои собственныя убѣжденія, а также отгнать заблужденія Несторія. Съ этою цѣлю онъ написалъ лично къ самому императору свое второе апологетико-полемиическое сочиненіе подъ заглавіемъ: „Апологетическая рѣчь къ благочестивѣйшему царю Теодосію“ (Migne gr. t. LXXVI, col. 453—488). Каковъ былъ въ частности результатъ давняго сочиненія, — невѣстно; но тѣмъ не менѣе несомнѣнно, что къ концу 30-хъ годовъ отношенія императора къ св. Кириллу ал. явно измѣнились, и самъ „Александріецъ“ предсталъ предъ его очами въ своемъ истинномъ видѣ. Теодосій теперь уже замѣтно склоняется на сторону Кирилла ал. и принимаетъ цѣлый рядъ административно-дипломатическихъ мѣръ, направленныхъ къ тому, чтобы привлечь къ его воззрѣніямъ всѣхъ враждующихъ съ нимъ представителей антиохійской партіи. Да и сами антиохійцы (Теодоритъ кирскій, Іоаннъ антиохійскій), утомленные въ долгой борьбѣ съ призраками неправославія св. Кирилла ал., къ концу 30-хъ годовъ, видимо, перемѣняютъ свои взгляды на своего противника. Итакъ, всенсѣляющее время произвело, наконецъ, свое благотворное воздѣйствіе и обѣ противныя партіи подали другъ другу руку примиренія. И замѣательно, что св. Кирилль ал. въ моментъ этого примиренія представлялъ изъ себя торжествующаго побѣдителя. Онъ, со своей стороны, согласился на признаніе антиохійскаго символа, составленнаго отцами антиохійской партіи, но только потому, что онъ былъ исполнѣ православнымъ исповѣданіемъ вѣры въ божественно-человѣческое лицо Искупителя міра, но въ то же время Кирилль ал. не отказался отъ своихъ сочиненій и въ частности отъ своихъ „анаематизмовъ“, а

также и отъ осужденія Несторія, какъ еретика. Отцы же антиохійской партіи (Іоаннъ, Теодоритъ, Павелъ емесскій и др.) должны были признать не только самое исповѣданіе вѣры св. Кирилла ал., особо составленное имъ и посланное въ Антиохію, какъ образецъ истинно-православной вѣры, но еще подписаться подъ осужденіемъ и самой личности Несторія. Послѣдній, — какъ извѣстно, — въ 435 г., былъ единогласно и уже окончательно осужденъ всею христіанскою церковію и долженъ былъ въ полной безысцѣстности закончить свою жизнь († въ 440 г.). Послѣ всѣхъ упорныхъ трудовъ св. Кирилль ал. долженъ былъ наконецъ, насладиться, результатами достигнутаго имъ торжества истины и въ мирѣ и спокойствіи дожить остатокъ дней своихъ. И въ этотъ предсмертный періодъ своей жизни онъ успѣлъ написать новое замѣчательное произведеніе, которое на этотъ разъ было посвящено общему опроверженію взглядовъ знаменитаго императора Юліана — богоотступника. Юліанъ умеръ еще въ 363 г. и плодомъ своей богоотступнической, направленной противъ христіанства, литературной дѣятельности, оставилъ обширное произведеніе подъ заглавіемъ: „Рѣчи противъ христіанъ“. Теперь это сочиненіе почти все утрачено (за исключеніемъ незначительныхъ отрывковъ, изданныхъ Neunhapp'омъ), но тогда — во времена самого Юліана — имѣло большое распространеніе среди общества и заключало въ себѣ очень обстоятельное и рѣзкое опроверженіе христіанства, при томъ главнымъ образомъ на основаніи источниковъ самого же христіанскаго вѣроученія. Несомнѣнно, оно производило очень много соблазновъ не только среди язычниковъ, но и среди самихъ христіанъ, однако до временъ св. Кирилла ал. оно не было опровергнуто представителями христіанской вѣры. Только св. Кирилль ал., — спустя цѣлое полустолѣтіе со временъ его выхода въ свѣтъ, — написалъ на него (вѣроятно, въ 433 г., а по мнѣнію Варонія — въ 439 г.) обширное, обстоятельное и сильное опроверженіе въ двадцати книгахъ, подъ заглавіемъ: „Объ истинной религіи христіанъ противъ Юліана“ (Migne gr. t. LXXVI, col. 557—1064). Изъ числа двадцати книгъ этого сочиненія до нашего времени сохранились въ полномъ видѣ только первыя десять книгъ, посвя-

ценныя опроверженію первой части (изъ 3) указанного сочиненія Юліана. Этотъ противникъ христіанства, главнымъ образомъ упрекая христіанъ въ томъ, что они не слѣдуютъ ни закону Моисееву, ни ученію философовъ, при этомъ старается доказать превосходство философскаго языческаго ученія какъ предъ ветхозавѣтнымъ, такъ и предъ новозавѣтнымъ ученіемъ. По его мнѣнію, несостоятельность христіанства явствуетъ еще и изъ того, что между основами его ученія—именно между Вѣтхимъ и Новымъ завѣтомъ—существуетъ полное противорѣчіе. Для доказательства этого положенія Юліанъ приводитъ цѣлый рядъ выдержекъ изъ текста Свящ. Писанія Н. и В. завѣтовъ, при чемъ выказываетъ чисто вѣтшнее буквальное пониманіе этого текста, которымъ онъ пользуется болѣею частью въ формѣ отрывочныхъ безсистемныхъ положеній. Въ виду этого и св. Кирилль ал. значительную долю своего сочиненія отводитъ выясненію подлиннаго смысла приводимыхъ Юліаномъ мѣстъ Свящ. Писанія, и на основаніи внутренняго значенія ихъ доказываетъ возвышенность христіанскаго вѣроученія и превосходство его предъ языческою философіей.—Сочиненіе это было посвящено самому императору Θεодосію и за свои внутреннія и вѣтшія качества заслужило похвалу современниковъ. Даже бл. Θεодоритъ—его антагонистъ—превозносилъ это сочиненіе своими похвалами, и, между прочимъ, частью на немъ основалъ свое примиреніе съ знаменитымъ александрийцемъ.—Кромѣ означеннаго апологетическаго сочиненія, св. Кирилль ал. въ послѣдніе годы своей жизни написалъ еще полемическое произведеніе направленное противъ заблужденія антропоморфитовъ, этихъ лжеучителей, которые имѣли ложное представленіе о существѣ Божіемъ, не лишеномъ, будто бы, въ некоторой тѣлесности, и въ вѣрили въ то же время въ освящающую силу божественныхъ даровъ, оставляемыхъ до слѣдующаго дня. Противъ этихъ лжеучителей, распространявшихъ свое ученіе главнымъ образомъ среди монаховъ горы Каломонской, св. Кирилль ал. и написалъ свое произведеніе подъ заглавіемъ: „Противъ антропоморфитовъ“ (Migne gr. t. LXXXVI, col. 1065—1132). Фесслеръ (Iustit. patr. II, 563 sq.) считаетъ это

сочиненіе неподлиннымъ, но безъ достаточныхъ основаній.—Значительная доля литературной производительности отлилась у Кирилла также въ форму обычныхъ церковныхъ бесѣдъ и писемъ. Изъ множества рѣчей, о которыхъ упоминаютъ его современники, до нашего времени сохранилось 46. Изъ нихъ 29 такъ называемыхъ пасхальныхъ посланій или пасхальныхъ рѣчей (Migne gr. t. LXXVII, col. 391—396) были написаны имъ въ качествѣ обычныхъ пастырскихъ посланій, обычно разсылавшихся александрийскими пастырями предъ праздникомъ Пасхи. Большинство другихъ рѣчей посвящено ршенію различныхъ догматическихъ вопросовъ и, между прочимъ, вопросу объ отношеніи естества въ личности Христа и о названіи Маріи Дѣвы Богородицею. Такимъ образомъ, многія изъ рѣчей св. Кирилла ал. (особенно семь вышеупомянутыхъ ефесскихъ бесѣдъ) прямо и непосредственно примыкаютъ къ его противонесторіанской полемико-догматической дѣятельности. Что касается писемъ св. Кирилла, то ихъ всего сохранилось до нашего времени 68. Изъ нихъ нѣкоторыя только въ отрывкахъ; болѣшая часть на греч. яз., а незначительная часть въ переводѣ на лат. яз. (Migne gr. t. LXXVII col. 9—390). Всѣ письма главнымъ образомъ составляютъ отзывъ полемической противонесторіанской дѣятельности Кирилла ал. и имѣютъ весьма важное значеніе, какъ историческіе документы, могущіе пролить значительную долю свѣта на противонесторіанскую эпоху христіанской жизни. Многія изъ нихъ не лишены значенія и въ догматическомъ отношеніи, въ особенности тѣ три письма, которыя были написаны св. Кирилломъ ал. къ Несторію, а также и тѣ, которыя составляютъ результатъ его переписки съ Іоанномъ антиохійскимъ, Θεодоритомъ и другими антиохійскими отцами. Среди такой многотрудной дѣятельности и протекла жизнь св. Кирилла ал., этого главнаго дѣятеля бурной противонесторіанской эпохи. Св. александрийскій пастырь, одинъ изъ достойныхъ преемниковъ св. Аонасія в., умеръ по однимъ даннымъ въ 444 году (вѣроятно, 9 іюня), а по другимъ—въ 445 г. (28 января). *Латинская церковь чтитъ его память 28 января, а православная 8 іюня и 18 января* (Acta sanct. Bolland. in 28 Jan).

Св. Кириллѣ ал. при всемъ обиліи своей литературной производительности, имѣть главное и выдающееся значеніе, какъ литературный противникъ еретика Несторія. Его противонесторіанскія сочиненія, посвященные детальному выясненію догматическаго вопроса объ образѣ соединенія двухъ естествъ въ единой личности Богочеловѣка Христа, составляютъ цѣлую эпоху въ исторіи христіанской мысли, при чемъ въ рѣшеніи данного вопроса св. Кириллѣ ал. имѣетъ для христіанскаго самосознанія особый авторитетъ. Высокое уваженіе къ нему древней церкви, какъ учителю вѣры по данному вопросу, засвидѣтельствовали сами вселенскіе соборы. 3-й—ефесскій и 4-й—халкидонскій—всел. соборы два посланія св. отца къ Несторію и одно (4-е) къ Іоанну антиохійскому признали правиломъ вѣры для всѣхъ временъ.

Спрашивается: если богословская дѣятельность св. Кирилла по суду послѣдующаго общаго христіанскаго самосознанія была признана православною, то почему же она встрѣтила такую сильную оппозицію въ самый моментъ разгара несторіанской борьбы, при томъ со стороны такихъ представителей христіанской мысли, какимъ былъ особенно ученѣйшій Теодоритъ кирскій? Почему потребовалась столь упорная борьба двухъ доволно многочисленныхъ партій—партіи александрійцевъ и партіи антиохійцевъ,—прежде чѣмъ восторжествовала истина Кирилловыхъ воззрѣній? Да ужели и самые враги Кирилла были безусловно ослѣплены и выказали полную несправедливость по отношенію къ этому св. отцу, когда обвиняли его въ аполлинаріанскихъ заблужденіяхъ?

Разгадка несторіанской распри двухъ враждующихъ лагерей—александрійцевъ и антиохійцевъ,—а вѣстѣ съ тѣмъ и отвѣтъ на всѣ вышепоставленные вопросы скрывается прежде всего въ самомъ характерѣ и направленіи этихъ двухъ богословскихъ школъ. Школа александрійская,—къ составу которой принадлежали Кириллѣ ал. и цѣлый рядъ его послѣдователей, развивала свои воззрѣнія, главнымъ образомъ, на почвѣ платоновскаго идеализма, а школа антиохійская,—къ составу которой принадлежали Іоаннъ антиохійскій, Теодоритъ кирскій, самъ Несторій и пр.,—наоборотъ, особенно питалась реализмомъ Аристотеля. Отсюда вполне естественно, что главнымъ опредѣ-

ляющимъ началомъ богословствованія александрійцевъ была абсолютная идея божества, антиохійцы же, наоборотъ, на первый планъ выдвигали отношенія божества къ міру, такъ сказать, реально-внѣшнюю сторону божественной жизни. Въ частности, въ рѣшеніи вопроса объ отношеніи естествъ въ личности Христа Спасителя, александрійская школа всегда особенно рельефно оттъняла божественную сторону и при этомъ выдвигала мысль о строгомъ *единствѣ* двухъ объединенныхъ природъ Христа, *ἑωςς καθ' ὑπόστασιν*, какъ выражается св. Кириллѣ ал., а антиохійская школа, наоборотъ, всегда преимущественно вниманіе сосредоточивала на человѣческой природѣ Христа и выдвигала на первый планъ идею строгаго *различія* (*διαρέσις*) между Его природами. При одностороннемъ развитіи указаннаго принципа, александрійская школа естественно предрасполагала, а, въ случаѣ перехода въ крайность, и дѣйствительно приводила своихъ послѣдователей къ такимъ мистическимъ воззрѣніямъ на взаимное отношеніе и соединеніе двухъ естествъ во Христѣ, при которыхъ человѣческое естество понималось далеко не во всей полнотѣ и истинѣ атрибутовъ дѣйствительной Его человѣчности: — человѣческое естество Христа при крайнемъ развитіи основнаго принципа александрійскаго богословія, дѣйствительно, представлялось имъ умаленнымъ въ существенныхъ своихъ свойствахъ и униженнымъ въ своей субстанціальности, или же и существенно измѣненнымъ и преображеннымъ въ какой-то иной высшій видъ бытія. Какъ бы то ни было, но еретическія воззрѣнія Аполлинарія, а затѣмъ Евтихія были именно такими крайностями, которыя развились на почвѣ александрійскаго богословія. Въ понятіи и ученіи Кирилла ал. о взаимномъ отношеніи и соединеніи во Христѣ двухъ естествъ, конечно, не было подобныхъ крайностей. Но при неустановившейся еще точной богословской терминологіи и въ пылу полемики противъ несторіанства, стремившагося возвести человѣческое естество Христа на степень самостоятельной и отдѣльной отъ Его божества личности, и у Кирилла ал. не разъ срывались съ языка такіа фразы, въ которыхъ критика словъ и разсудочная діалектика, присущая богословамъ антиохійской школы, могла усмотрѣть своего рода крайности, приближающія богословіе Ки-

риллѣ ал. къ заблужденію Аполлинарія. Такъ, напр., св. Кириллѣ ал. не рѣдко употреблялъ такія выраженія, какъ: „два естества въ Іисусѣ Христѣ составляютъ одно“, или: „божеское и человѣческое существо само по себѣ, до соединенія своего въ Іисусѣ Христѣ, существенно различны, но въ соединеніи и по соединеніи своимъ составляютъ одно существо“. Конечно, для подозрительныхъ антиохійцевъ, всегда ревниво и подозрительно относившихся къ превысшимъ созерцаніямъ александрійской школы, всѣ эти и подобныя выраженія св. Кирилла ал. легко могли показаться выраженіемъ ученія о *сопоставленіи* и *слиянніи* естествъ до уничтоженія ихъ особенностей. И мы знаемъ, что такія не совсѣмъ точныя фразы Кирилла ал. въ послѣдствіи времени, дѣйствительно, послужили для монофизита Евтихія исходнымъ пунктомъ и опорой монофизитскихъ его мечтаній. Да и въ „анаематизмахъ“ св. Кирилла ал., которыя были направлены имъ прямо и непосредственно противъ крайнихъ мѣтій и выраженій Несторія, и которыя, вслѣдствіе этого, были составлены, большею частью, въ формѣ противоположенія двухъ, одно другому противныхъ предложеній, — исполъ естественно (уже въ силу односторонняго направленія ихъ, особенно при крайней сжатости мысли) встрѣчались и такія положенія (напр., во 2 и 3 анаематизмахъ), гдѣ богословами Востока, принадлежавшими къ антиохійской школѣ, предчувствовался страшный и вѣнзавистный призракъ монофизитства. Отсюда и возникли тѣ бурные споры, которые составляли душу несторіанскихъ движеній. И св. Кириллѣ ал. нужно было много и долго объясняться, чтобы успокоить встревоженное воображеніе ученыхъ богослововъ Востока и довести ихъ до сознанія, что его воззрѣнія не заключаютъ въ себѣ ереси, а что ересью является ученіе Несторія. Впрочемъ, нужно замѣтить, что и самое ученіе Несторія, а, слѣдовательно, и міровоззрѣніе Теодора мопсуетійскаго, послужившее для него основою, не были лишены нѣкоторой доли истины. Хорошую и здравую сторону несторіанства составляла именно идея *несліянности* естествъ во Христѣ, — та идея, которая и была такъ дорога антиохійскимъ богословамъ и изъ-за которой они вели столь упорную борьбу съ призраками монофизитства у Кирилла ал. Антиохійцы были настолько на-

электризованы идею несліяннаго отношенія двухъ природъ въ личности Христа, что за нею не видѣли — и не видѣли очень долго — того крайняго развитія, какое получила эта идея въ доктринѣ Несторія. Словомъ, обѣ враждующія партіи долго боролись взаимно съ призраками: съ одной стороны — съ призраками несторіанства, а съ другой стороны — съ призраками аполлинаризма и монофизитства. Но какъ св. Кириллѣ ал. былъ менѣе всего аполлинарианиномъ, такъ и антиохійцы — особенно Теодоритъ, Андрей самосат., Іоаннъ антиохійскій, — не были несторіанами въ собственномъ смыслѣ этого слова, а боролись только за идею несліянности естествъ, — за ту именно идею, носителемъ и защитникомъ которой въ ея чистомъ и нетронутомъ видѣ — представлялась имъ и самая личность Несторія. Что, дѣйствительно, антиохійцы (Теодоритъ, Іоаннъ антиох.) были чужды крайнихъ взглядовъ Несторія, за исключеніемъ одной только его идеи о несліянности естествъ, — показываетъ уже самый символъ этихъ антиохійскихъ отцовъ, составленный въ 435 г., — тотъ символъ, съ которымъ согласился и св. Кириллѣ ал., и который, такимъ образомъ, послужилъ соединительнымъ мостомъ къ примиренію александрійцевъ и антиохійцевъ.

Впрочемъ, немаловажное влияніе на поддержаніе споровъ оказала также и самая личность св. Кирилла ал. Кириллѣ былъ племянникомъ Теофила александрійскаго, — этого честолюбиваго, гордаго іерарха, стяжавшаго себѣ печальную память осужденіемъ св. Іоанна Златоуста. Самъ Кириллѣ, выйдя съ своимъ дядей, тоже принималъ очень дѣятельное участіе въ дѣлѣ осужденія этой уважаемой антиохійцами личности. Естественно, что антиохійцы, къ которымъ принадлежали Іоаннъ антиох., Андрей самосатскій и Теодоритъ, — не могли не относиться къ личности св. Кирилла ал. съ значительною долей предубѣжденія и не видѣть въ немъ дѣятельнаго продолжателя ненавистнаго имъ Теофила. Конечно, подобное предубѣжденіе по отношенію къ личности Кирилла ал., — честнаго, гуманнаго, самоотверженнаго, стойкаго защитника истины ради самой же истины, — было неосновательно. Но, какъ бы то ни было, нужно было время, чтобы изгладить тѣ неприятыя впечатлѣнія, которыя соединялись для антиохій-

цевъ съ мнѣніемъ объ Іоаннѣ Златоустѣ этого знаменитаго борца истины.

Наконецъ, нельзя не отмѣтить и того факта, что св. Кириллъ ал. ужъ слишкомъ энергично и рьяно взялся за дѣло искорененія ереси Несторія. А эта энергичность его дѣятельности—особенно при существованіи двухъ вышеуказанныхъ главныхъ причинъ—точно также не могла не возбуждать значительной доли неудовольствія въ подозрительныхъ антиохійцахъ.

Значеніе Кирилла ал. въ догматическомъ отношеніи главнымъ образомъ сосредоточивается въ ученіи о боговоплощеніи,—въ ученіи объ отношеніи и способѣ соединенія въ единой личности Христа божеской и человѣческой природѣ. Раскрытіе даннаго ученія обуславливалось въ его твореніяхъ противоположною точкой зрѣнія Несторія.

Несторій объективную и реальную сторону въ личности Христа усматриваетъ въ раздѣльномъ существованіи самыхъ природъ Его; при чемъ единство ихъ онъ допускалъ только въ мысли и представленіи. Св. Кириллъ ал., наоборотъ, считалъ реальнымъ самое единство природъ, а различіе ихъ представлялъ чѣмъ-то идеальнымъ, мыслимымъ. Отсюда стремленіе выставить какъ можно рельефнѣе и отчетливѣе единство личности Христа при различіи природъ въ ея объективной реальности—и составляетъ центръ тяжести всѣхъ его богословскихъ изысканій по данному вопросу. Въ этомъ отношеніи его значеніе въ исторіи христіанскаго вѣроученія можно приравнять къ значенію Аполлинарія, только съ тѣмъ различіемъ, что у послѣдняго стремленіе выиснить истину единства личности Христа, при существованіи двухъ природъ, разрѣшилось ересью: Аполлинарій въ концѣ концовъ—въ погонѣ за идеею единства лишилъ человѣческую природу Христа цѣлости и полноты, и призналъ въ ней только тѣло человѣческое и душу, а духъ, или разумъ замѣнилъ въ ней Божественнымъ Словомъ. Св. Кириллъ ал. избѣгъ этой крайности Аполлинарія и установилъ такую точку зрѣнія на вопросъ, при которой истина единства личности Христа не идетъ въ разрѣзъ съ признаніемъ цѣлости и полноты какъ божественной, такъ и человѣческой природъ. Слѣдовательно, онъ устанавливалъ такую точку зрѣнія, которая исключала также и крайность ученія Несторія. Послѣдній, увлекался

идею различія природъ во Христѣ, настолько разобщилъ ихъ, что въ концѣ концовъ превратилъ ихъ въ два самостоятельныя лица,—и Христосъ, такимъ образомъ, оказался у него двухприроднымъ и въ тоже время двухличнымъ существомъ. Кириллъ же ал.,—повторяемъ,—наоборотъ, мыслить двѣ природы во Христѣ въ такомъ тѣсномъ, нераздѣльномъ, строго гармоническомъ сочетаніи и единствѣ, что имѣлъ полное право говорить только о единой личности Христа Искупителя. По его собственнымъ словамъ, чрезъ непостижимое соединеніе и объединеніе двухъ разнородныхъ и неподобныхъ природъ образовалась единая личность. Мы знаемъ,—говоритъ онъ,—только единого Христа и Господа Ісуса, Сына Божія, который въ одно и тоже время есть и *Богъ и человекъ*. Единство Бога и человѣка въ личности Христа настолько совершенно и неразрывно, что въ Немъ Единородный и Первородный является однимъ и тѣмъ же; Единородный такъ же, какъ и Логосъ, рожденный изъ существа Бога Отца, соединились настолько тѣсно, что мы должны исповѣдывать Христа не только „*Богомъ по существу*“, но и *человѣкомъ по плоти*“. При этомъ нельзя мыслить ни о какомъ разобщеніи этихъ природъ; такъ что Еммануила (—это любимое наименованіе св. Кирилла ал. употребляетъ для обозначенія единой богочеловѣческой личности Христа—) нельзя уже болѣе представлять себѣ въ отдѣльности ни Богомъ, ни человѣкомъ, а только Богочеловѣкомъ. Правда, для обыкновеннаго сознанія человѣка и послѣ своего соединенія природы Христа кажутся еще двумя различными сущностями, но уже настолько тѣсно связанными одна съ другой, что должны представляться въ то же время единымъ цѣлымъ, сохраняющимъ только особенности той и другой. Слѣдовательно, это единство природъ должно понимать не въ томъ смыслѣ, что между ними произошли полное смѣшеніе, полное сліяніе и поглощеніе одной природы другою,—какъ это допускалъ въ приложеніи къ теоріи Кирилла ал. его противникъ Несторій. Подобнаго сліянія и смѣшенія природъ въ единой личности Христа св. Кириллъ ал. совершенно не допускалъ. Что это дѣйствительно такъ,—доказываетъ въ значительной степени его ученіе о непзмѣнѣемости божественнаго существа. Богъ не-

измѣняемъ по природѣ, слѣдовательно, и Сынъ Божій, Божественное Слово, соединившись съ человѣкомъ,—Христомъ, не могъ слиться съ человѣческой природой послѣднего до степени полного смѣшенія, полного поглощенія божеской природы человѣческой природой. Что Богъ, даже въ томъ случаѣ, когда связался до человѣческой природы и сдѣлался так. обр. плотію, не пересталъ быть Богомъ; что онъ, сдѣлавшись человѣкомъ, все равно остается самъ по себѣ Богомъ, при томъ Богомъ абсолютнымъ, вѣчно и неизмѣнно тождественнымъ,—это положеніе составляетъ, можно сказать, главный и существенный пунктъ во всей теоріи св. Кирилла ал.,—такой пунктъ, къ которому онъ возвращается и который защищаетъ всякій разъ, когда его противники упрекаютъ его въ допущеніи мысли о сліянніи и смѣшеніи природъ.

Если же, такимъ образомъ, св. Кириллъ ал. былъ чуждъ идеи сорастворенія божества съ человѣчествомъ, т. е. идеи поглощенія божества человѣчествомъ Христа, то онъ былъ чуждъ и какъ разъ обратной крайности, именно идеи поглощенія человѣчества Христа божествомъ Божественнаго Слова,—какъ это выходило съ точки зрѣнія умозрѣній Аполлинарія. По ученію св. Кирилла ал., человекъ Христосъ, сдѣлавшись Богомъ, не пересталъ быть въ то же время и человекомъ въ полномъ смыслѣ этого слова, въ полномъ составѣ его природы. Если мы допустимъ и признаемъ справедливымъ противоположное мнѣніе, граничащее съ заблужденіемъ Аполлинарія, то тогда, — по мнѣнію св. Кирилла ал., — нужно будетъ признать призрачнымъ и самое воплощеніе Бога Слова, тогда потерять истинный смыслъ и самое дѣло искупленія; слѣд., тогда нужно встать на докетическую точку зрѣнія. Такимъ образомъ, св. Кириллъ ал. одинаково твердо держался какъ того положенія, что Христосъ есть истинный и совершенный Богъ, такъ и того положенія, что онъ есть столь же истинный и совершенный человекъ.

Правда, аполлинаристы, при такомъ пониманіи общаго состава единой личности Христа, могли поставить св. Кириллу ал. въ упрекъ то, что въ данномъ случаѣ при-
знавше

о двухъ ипостасности Христа; словомъ, они могли изболочить его въ крайности несторіанства. Но св. Кириллъ ал., постоянно имѣя въ виду подобное возраженіе и съ цѣлію опровергнуть и отвергнуть крайность несторіанскаго представленія о двухъ ипостасности Христа, открыто и ясно заявлялъ въ своихъ сочиненіяхъ, что двойственность полныхъ и совершенныхъ природъ должно представлять себѣ тѣсно объединенною въ единой личности Христа. Такое объединеніе,—по его мнѣнію,—нужно представлять не только въ мысли, въ идеѣ,—какъ этого хотѣлъ Несторій и какъ это выходило съ точки зрѣнія его общихъ посылокъ, — но именно объединеніемъ и единеніемъ реальнымъ, при которомъ съ личностію Христа нельзя соединять представленія о двухъ, но только объ одномъ Христѣ. Христосъ составляетъ единое лицо и именно единое лицо Богочеловѣка; при чемъ и двойственность природъ и единство лица во Христѣ, — по мнѣнію св. Кирилла ал., — нужно мыслить совершенно реально.

Признавши, так. обр., положеніе о реальномъ объединеніи въ личности Христа двухъ реально существующихъ природъ—божеской и человѣческой, св. Кириллъ ал., воплотивъ естественно, долженъ былъ провести также мысль о реальномъ общеніи свойствъ этихъ двухъ присущихъ Христу природъ.

Но, однако, въ данномъ случаѣ мы встречаемся уже съ такимъ пунктомъ ученія св. Кирилла ал., при которомъ онъ чувствовалъ большое затрудненіе и, видимо, самъ опасался, какъ бы ему при своемъ ученіи о единствѣ личности Христа, не впасть въ противорѣчіе съ самимъ собою. Если Богъ родился, какъ человекъ, то не можетъ ли показаться въ то же время, что, въ виду тѣснаго общенія человѣка съ Богомъ, и родился-то точно также самъ Богъ, т. е. Богъ по Своему божеству? Вѣдь, если единство, какъ такое, можетъ быть истинно реальнымъ и существеннымъ только тогда, когда все, прилагаемое къ Богу, мы должны относить въ то же время и къ человеку,—то не слѣдуетъ ли отсюда прямо и естественно заключеніе, что все, чѣмъ обладаетъ человекъ и что свойственно ему по природѣ, должно съ такимъ же правомъ быть отнесено и къ Богу? Но св. Кириллъ ал., насколько рѣшительно допускаетъ вы-

раженіе „Вогородица“ въ его полномъ догматическомъ значеніи въ приложеніи къ личности св. Дѣвы Маріи, насколько рѣшительно полагается это выраженіе въ основу всѣхъ своихъ догматическихъ построеній,— настолько же осторожно онъ умалчиваетъ о томъ, чтобы признать рожденіе Бога по существу при посредствѣ св. Дѣвы. Во многихъ мѣстахъ своихъ сочиненій онъ прямо и рѣшительно возражаетъ противъ той мысли, что Сынъ Божій, будто бы, только при посредствѣ Маріи въ первый разъ родился. Рожденіе Бога Слова по божественному естеству нельзя мыслить въ актѣ рожденія Христа Дѣвою Маріей уже по одному тому, что признаніе такого рожденія прямо противорѣчило бы вѣчности и неизмѣнимости божественнаго существа. Такъ обр., какъ въ приложеніи къ Сыну Божію нельзя говорить, что Богъ родился по божественному существу, точно такъ же нельзя говорить въ приложеніи къ нему и того, что Богъ страдалъ, умеръ, возрастать, былъ обрѣзанъ и пр. Во всѣхъ этихъ случаяхъ св. Кирилль ал. выражается, что Богъ страдалъ, какъ человѣкъ; Богъ умеръ, возрасталъ, былъ обрѣзанъ и т. д., какъ человѣкъ.

Но, — спрашивается, — если Богу нельзя приписывать того, что свойственно Христу, какъ человѣку, то не значить ли это уничтожать единство и общеніе свойствъ двухъ пресущихъ Христу природъ? Не значить ли это уничтожить жизненность основного принципа всей христологіи св. Кирилла ал.? Св. отецъ устраняетъ силу этого возраженія указаніемъ самаго момента, когда Сынъ Божій соединился съ человѣкомъ Іисусомъ. По его общему положенію, таинство воплощенія имѣетъ двѣ стороны: идеальную и реальную. До момента зачатія Дѣвою Сына Христа Божественный Логосъ еще только въ идеѣ, въ представленіи Божественнаго разума имѣлъ совершить воплощеніе; тогда, — стало быть, — и самое соединеніе Логоса со Христомъ было еще только идеальнымъ, умопредставляемымъ, промыслительнымъ въ тѣсномъ смыслѣ этого слова, *οἰκονομικός*, какъ онъ выражается. Послѣ же зачатія св. Дѣвою чловѣка-Христа совершилось уже реальное соединеніе Логоса со Христомъ; только съ этого момента Сынъ Божій вступилъ въ тѣсное существенное общеніе съ рожденнымъ сыномъ Маріи и составлялъ съ

нимъ единую личность Богочеловѣка. Следовательно, только съ этого момента существенно-реального объединенія двухъ природъ — божественной и человѣческой въ единой личности Христа — наступило и самое общеніе свойствъ той и другой природы.

Утверждая положеніе о богочеловѣчествѣ Христа, св. Кирилль ал. долженъ былъ рѣшить также и спеціальнѣйшій вопросъ о способѣ *ипостаснаго* соединенія божества и чловѣчества. Разрѣшить вполне эту непостижимую тайну, — по его мнѣнію, — невозможно, но приблизить, хотя нѣсколько, къ чловѣческому сознанію можно. Поэтому св. Кирилль ал. обращается къ нѣкоторымъ аналогіямъ и при помощи ихъ старается, насколько возможно, выяснитъ, какъ именно образомъ Богъ и чловѣкъ соединились между собою въ одну ипостась Сына Божія, не раздѣляя и не славя при этомъ своихъ разныхъ природъ. Между прочимъ, онъ сравниваетъ ипостасное единеніе съ отношеніемъ огня къ горючимъ матеріаламъ. Огонь неразрывно соединяется съ горючимъ веществомъ, такъ что отдѣлить его совершенно невозможно; но, при этомъ единеніи огня и вещества, оба элемента все-таки остаются совершенно различными, такъ что ни огонь не есть вещество, ни вещество не есть огонь. Подобно этому неразрывному и неслиянному единенію огня и вещества, св. Кирилль ал. и думалъ представить себѣ единеніе и сближеніе божества и чловѣчества во Христѣ. Само собою понятно, что грубый примѣръ не могъ точно выяснитъ подлинной мысли церковнаго ученія. Огонь уничтожаетъ горючее вещество, между тѣмъ какъ божество Спасителя не уничтожаетъ Его чловѣчества, а только соединилось съ нимъ въ также же неразрывное единеніе, въ какъ и находятся между собою огонь и вещество горящаго свѣтланика. Чтобы точнѣе выразить свою мысль о возможности неизмѣннаго существованія соединенныхъ воедино природъ Спасителя, св. Кирилль ал. обращается еще къ другой аналогіи, — къ сравненію этой истины съ истинною соединеніемъ тѣла и души въ единствѣ личности чловѣка. Душа и тѣло чловѣка составляютъ въ немъ двѣ сущности, совершенно различныя, которыя, сохраняя всѣ свои особенности и свойства, въ то же время тѣсно соединены между собою, но при томъ

такъ, что взаимно не поглощаютъ другъ друга. Точно такъ же нужно мыслить и способъ сочетанія и единенія природы въ лицѣ Спасителя. Онѣ составляютъ одно въ личности Христа, онѣ—*ἑνωσις καὶ ὑπόστασις*, но въ то же время онѣ нераздѣльно-несліянны между собою и, такъ обр., не претворяясь одна въ другую и не поглощаясь взаимно одна другою, составляютъ собственно двѣ природы, а не одно общее претворенное существо. Спаситель жнть совершенно человѣческою жзннію; слѣдовательно, Его человѣческая природа отъ соединенія съ божествомъ не потерпѣла никакого измѣненія, не сдѣлалась какою-либо другою въ сравненіи съ общою человѣческою природою, такъ что всѣ необходимыя человѣческія отправленія нашей природы были въ той же мѣрѣ присущи челоѣчеству Сына Божія, въ какой онѣ присущи и намъ. Въ Н-мъ не слились и не отождествились божество и челоѣчество, а остались разными природами, каждая съ своими естественными свойствами, такъ что какъ свойство тѣла нельзя представить въ Словѣ, Которое было въ началѣ, такъ, наоборотъ, — и свойствъ Божества нельзя мыслить въ природѣ плоти. Созданныя во едино природы Христа существовали, хотя и неразрывно (*ἀδιακετόν*) въ силу гипостаснаго единства божества и челоѣчества (*ἑνωσις καὶ ὑπόστασις*), однако и *несліянно* (*ἀσύγχυτος*) въ силу ихъ совершеннаго различія по сущности и свойствамъ.

Такимъ образомъ, въ противоположность ученію своего противника Несторія, св. Кирилль ал. настаивалъ на той мысли, что Иисусъ Христосъ есть истинный и совершенный Богъ, а въ противоположность аполинаріанской точкѣ зрѣнія, въ которой его самого обвиняли антиохійцы, — онъ утверждалъ, что въ лицѣ Иисуса Христа истинный и совершенный Богъ вступалъ въ единеніе съ истиннымъ и совершеннымъ челоѣкомъ.

Но противники св. отца усматривали въ такой постановкѣ и формулировкѣ ученія неразрѣшимыя противорѣчія; самый фактъ воплощенія — въ смыслѣ ученія св. Кирилла ал. — являлся невозможнымъ. Основанія этой невозможности сводились собственно къ слѣдующимъ тремъ положеніямъ: а) воплощеніе унижаетъ собою божество; б) оно подвергаетъ сраданію Безстрастнаго и в)

оно ограничиваетъ вещественными формами плоти Безпредѣльнаго. — Св. Кирилль ал. разрѣшаетъ всѣ эти возраженія. Касаясь перваго изъ нихъ, онъ совершенно законно ставитъ слѣдующій вопросъ: въ чемъ же собственно нужно усматривать это униженіе? Еслибы мы предложили этотъ вопросъ древнимъ гностикамъ, то они, конечно, увѣрили бы, что божество унижается отъ соприкосновенія съ принципомъ зла — матеріей, и потому вполне согласились бы дать Спасителю не матеріальное, а какое-нибудь другое, особенное тѣло. Св. Кирилль ал. эту гностическую точку зрѣнія, отъ-части присущую аполинаріанамъ, а отъ-части и Несторію, опровергъ указаніемъ полной безцѣльности такого рода воплощенія. По его мнѣнію, чтобы дѣйствительно исцѣлить больного, нужно, конечно, давать лекарство не здоровому, а самому больному; больнымъ же былъ челоѣкъ; слѣдовательно, и въ воплощеніи нужно было воспринять Б-гу для уврачеванія обыкновенную челоѣческую природу. Въ противномъ случаѣ и самое дѣло искупленія потеряло бы свое реальное значеніе и само по себѣ было бы дѣломъ призваннымъ и не достигающимъ цѣли. И, наоборотъ, если бы дѣло искупленія было совершенно не самимъ воплотившимся Богомъ, а только челоѣкомъ — носителемъ божества, — то тогда и самое искупленіе было бы невозможно, потому что оно представлялось бы только дѣломъ челоѣческихъ, нѣбущимъ лишь нравственную силу и принудительность.

Врочемъ, противникамъ св. Кирилла ал. казалось униженнымъ не столько то, что Богъ воплотился, сколько то, что Онъ повиновался повѣліямъ, подчинялся челоѣческимъ законамъ и несъ крестъ. Въ этомъ они видѣли крайнее униженіе божества и вместе съ тѣмъ преніяствіе къ Его воплощенію. Но св. Кирилль ал. замѣчаетъ, что въ фактѣ истиннаго и гипостаснаго соединенія Бога съ челоѣкомъ проявляется вовсе не униженіе, а, напротивъ, необычайное дѣйствіе божественной силы, которое вполнѣ справедливо составляетъ предметъ вѣчнаго удивленія для всѣхъ разумныхъ веществъ. Богъ почему всѣ проповѣдники христіанства называютъ премоушественное чудо таинства воплощенія въ томъ, что Богъ явился во плоти, что Слово стало плотию, и явилось, такимъ образомъ, избытокъ Своей божественности

ственной силы. Итакъ, воплощеніе не унижаетъ божества, потому что подъ кажуцимъ покровомъ униженія съ невыразимою силой сіяетъ Его глѣная слава.

Но если самый фактъ воплощенія не унижаетъ божества, то не унижается ли божество тѣмъ, что оно въ данномъ случаѣ, принявши истинную плотъ человѣка, должно жить пзмѣнчивою жизнью этой плоти и потому само должно какъ бы страдать и пзмѣняться? Въ такомъ видѣ противники св. Кирилла ал. выставляли второе возраженіе противъ его ученія о воплощеніи Слова.

Разбирая это второе возраженіе, св. Кирилль ал. прежде всего попытался установить точное понятіе страсти, страданія. По его мнѣнію, страстію нужно называть далеко не все то, что обыкновенно называется этимъ именемъ. Обыкновенно мы называемъ страстными всѣ измѣненія, какія происходятъ въ нашей жизни и природѣ: рожденіе, голодъ, жажду, печаль, гнѣвъ, сонъ, смерть и т. д., между тѣмъ какъ всѣ эти дѣйствія природы не могутъ быть страстными. Съ этой точки зрѣнія св. отецъ и разсматриваетъ самые факты человеческой жизни Спасителя, на которые указывали, какъ на унижающіе божество факты страсти. По мнѣнію св. Кирилла ал., въ рожденіи Бога Слова, а равнымъ образомъ и во всѣхъ дѣйствіяхъ, и проявленіяхъ усвоенной имъ человеческой природы, какъ „дѣйствійхъ природныхъ“, нѣтъ ничего унижающаго достоинство божественной сущности. Постыденъ только порокъ, а не природа; слѣдовательно, только общеніе съ порокомъ было бы недостойно Божества. Вотъ почему, отвергая причастіе Слова Вожія пороку, св. Кирилль ал. въ то же время не усматривалъ ничего невозможнаго и унижающаго для божественнаго Слова въ самомъ фактѣ Его воплощенія и въ самомъ обитаніи Его въ человѣческомъ тѣлѣ. Тѣмъ болѣе, что и самое рожденіе, по его мнѣнію, совершилось абсолютно безстрастно и непорочно. Слѣдовательно, высота божества вполнѣ сохранилась и въ человѣческомъ рожденіи Спасителя.

Опровергнувши два указанныхъ возраженія, св. Кирилль ал. касается далѣе и третьяго возраженія, по которому воплощеніе Бога Слова, будто бы, должно вести къ ограниченію безпредѣльнаго Бога. Впрочемъ, св. Кирилль ал. опроверженіемъ этого

возраженія занимается очень мало въ виду его крайней нелѣпости въ самой его основѣ; да это возраженіе и вообще было неприменимо къ ученію св. отца. Послѣдній, проводя мысль объ ипостасномъ единеніи въ личности Христа двухъ естествъ, и не думалъ даже говорить объ ограниченіи божественнаго естества. По нему, Богъ Слово какъ до воплощенія, такъ и по воплощеніи одинаково есть безпредѣльный и неограниченный Богъ. А чтобы прояснить возможность пребыванія въ конечномъ человѣкѣ безпредѣльнаго Бога, св. Отецъ снова обращается къ сравненію этого пребыванія съ отношеніемъ души къ тѣлу. Тѣло, противоположное духу по своей природѣ, строго ограничено своими матеріальными очертаніями и постоянно находится въ извѣстныхъ предѣлахъ; между тѣмъ духъ, свободный отъ всякихъ матеріальныхъ очертаній, хотя и связанъ неразрывно со своимъ матеріальнымъ тѣломъ, однако, имѣетъ полную возможность своею мыслию выступать за предѣлы своего ограниченаго бытія, возноситься до небесъ, погружаться въ бездны, проходить всю широту вселенной. Дѣйствительно, на основаніи этого примѣра можно сдѣлать вполне вѣрное предположеніе, что если ограниченная по своей природѣ душа, несмотря на свою связь съ опредѣленными очертаніями тѣла, все-таки до нѣкоторой степени представляется безразличною по своей мысли, то тѣмъ болѣе безграничное въ собственномъ смыслѣ божество, не смотря на свое соединеніе съ человѣчествомъ, должно быть безграничнымъ не только въ мысли, но и по природѣ.

Въ тѣсной логической связи съ христологіею св. Кирилла ал. находится его ученіе о таинствѣ евхаристіи, которое служитъ теперь предметомъ оживленнаго спора между старокатолическими и православными богословами (см. у проф. *II. П. Пономарева*, Ученіе св. Кирилла объ евхаристіи въ „Прав. Собесѣдн.“ 1903 г., стр. 659—736). Какъ и въ христологіи, св. Кирилль ал. отглаголяетъ по преимуществу духовную сторону таинства, но въ то же время ясно и очень опредѣленно учитъ о реальномъ присутствіи истиннаго тѣла и крови Христовыхъ въ евхаристическихъ дарахъ. Особенно важное мѣсто, гдѣ изображаются ученіе св. Кирилла ал. во всей полнотѣ и ясности, находится въ Толк.

на Ев. Матоея (Migne gr. t. LXXII, col. 452). „Господь ясно сказалъ: *sic est tñlo Moe и сія есть кровь Моя*, чтобы ты не смелъ того, что видѣши, просто за образъ, но чтобы ты звалъ, что предлагаемое тебѣ несомнѣнно *превращается* (μεταποιεῖσθαι) въ нѣкихъ таинственнымъ образомъ въ тѣло и кровь Христа. Приобщаясь ихъ, мы принимаемъ въ себя животворящую и освещающую силу Христа. Ибо должно, чтобы Онъ чрезъ Св. Духа, какъ прилично Богу, сорастворялся въ насъ дѣйствительно съ нашими тѣлами чрезъ святую Его плоть и драгоценную кровь, что мы подлинно и получаемъ въ животворящемъ благословеніи *какъ бы въ хлебъ и вино* съ тою цѣлью, чтобы мы не смущались, видя предлагаемая плоть и кровь на святыхъ церковныхъ жертвенникахъ“. Такимъ образомъ ясно, что мысль о простой только консубстанціи (въ духѣ старокатолическаго ученія) совершенно не приложима къ ученію объ евхаристіи св. Кирилла ал.

Литература. Источники и пособія. 1) Изданія твореній св. Кирилла. Первое полное, до сихъ поръ считающееся лучшимъ и относительно очень исправнымъ, изданіе твореній св. Кирилла было сдѣлано въ 1638 г. *J. Aubert*’омъ (Paris) въ 7 томахъ; оно же было переиздано затѣмъ и въ *Cursus patr. compl.* *Migne*’я (1843—1859 г.), гдѣ твореніямъ К. отведены 68—77 томы греческой серіи. Существеннымъ дополненіемъ къ изданіямъ *Aubert*’а и *Migne*’я являюся частичныя изданія отдѣльных произведеній св. Кирилла ал. Изъ нихъ особенно важное значеніе имѣютъ: изданія—а) *K. J. Neumann*’а (Lpzg 1880), который въ своемъ собраніи фрагментовъ изъ сочиненія Юліана Отступника (*Juliani imperatoris librorum contra christianos quae supersunt*) издалъ также и сочиненіе Кирилла: „Противъ Юліана“ (р. 42—63; 64—87); б) *Ph. Ed. Passey*’я, который въ отдѣльнсти издалъ: *Epistulae tres oecumenicae, Libri quinque contra Nestorium, XII Caputū explanatio. XII Capitum defensio utraque, Scholia de incarnatio Unigeniti* (Oxonii 1875), *De recta fide ad imperatorem, De incarnatione Unigeniti dialogus, De recta fide ad princessas, De recte fide ad augustas, Quod unus Christus dialogus, Apologeticus ad imperatorem* (Oxonii 1877), *Tractatus ad Tiberium diaconum duo* или *Contra antropomorphitas* (въ связи съ изданіемъ Комментарія на св. Іоанна, Oxford 1872: Vol. III, p. 476—607), въ XII prophetas (Oxonii 1868, 2 voll.), фрагменты изъ Комментар. на посл. къ Римл., 1 и 2 Кор. и Евр., Дьян. Ап., Іакова, 1 и 2 Петра, 1 Іоанна и Іуды (Oxonii 1872, p. 441—451, съ кри-

тическими замѣчаніями на изданіе Мипя), *Epistulae tres oecumenicae* (ibid.); в) *R. Smith*’а (цѣлый рядъ сирійскихъ фрагментовъ изъ Комментар. на Ев. Луки съ переводомъ ихъ на лат. яз.: *Commentarii in Lucae evangelium*... Oxonii 1858; Oxford 1859, voll. 2); г) *W. Wright*’а (тоже сирійскіе фрагменты изъ Комментар. на Ев. Луки, London 1874), д) *Pitra* (сочиненіе *Liber thesaurorum de sancta et consubstantiali trinitate* въ *Analecta sacra et class.*, Paris 1888, pars 1, p. 38—46).—Въ переводѣ на русскій языкъ сочиненія св. Кирилла ал. издаются при московск. Дух. Акад. (выпущено 1—12 т., но изданіе еще не совсемъ закончено). 2) Важнѣйшія монографіи и статьи о св. Кириллѣ въ западной литературѣ: *J. Korpahk*, *Cyrrillis von Alexandrien: eine Biographie nach Quellen gearbeitet*, Mainz 1881 (исключительно біографія и обзоръ литературности; объ этой книгѣ см. обстоятельную рецензію проф. *Ал. П. Лебедева* въ „Приб. къ твор. оо. Церкви“ 1882, ч. 30, стр. 546 сл. [а также † проф. *В. В. Болотова* въ „Христ. Чтеніи“ 1883 г., т. I]). *A. Largent*, *Études d'histoire ecclesiastique*, St. Cyrille d'Alexandrie et le concile d'Epheze, Paris 1892. *Hefele*, *Conciliengeschichte* (2 Aufl.), II, 141—288: „Die Dritte allgemeine Synode zu Ephesus im Jahre 431“. *E. Michaud*, *S. Basile de Cesarée et S. Cyrille d'Alexandrie sur la question trinitaire* („Revue internat. de theol.“ 1898, p. 354—371; (важна, какъ извлеченіе свидѣтельствъ о Св. Троицѣ въ интеррегатахъ католическаго и старокат. ученія о Filioque). *Schäfer*, *D. Christologie d. h. Cyrillus von Alexandrien in d. rom. Kirche* 432—534. („Theol. Quartalschrift“ 1895, 3, S. 421—447). *Behrmann*, *Die Christologie d. h. Cyrill. o. Alexandrien*, Heidesheim 1902. *N. Παγίως*, *Κύριλλος ὁ Ἀλεξανδρείας ἀρχιεπίσκοπος*, Lipsiae 1884. [Dr. *Eduard Weigl*, *Die Heilslehre des heiligen Kyrrill von Alexandrien* въ „Forschungen zur christlichen Literatur und Dogmengeschichte herausg. von A. Ebrhard und J. P. Kirsch V. 2—3 Mainz 1905,—(ср. „Theologische Rundschau“ X, 1: Januar 1907, S. 23—26). *W. Smith* and *H. Wace*, *A Dictionary of Christian—Biography* I, p. 763—773. *Herzog-Hauck*, *RE*. IV³ S. 377—381. *J. Mahé*, *Les anathématismes de Saint Cyrille d'Alexandrie et les évêques orientaux du patriarchat d'Antioche* въ „Revue d'histoire ecclesiastique“ VII, 3 (15 Juillet 1906), p. 505—442; *עוה מע*, *T'ucharistie d'après saint Cyrille d'Alexandrie* ibid. VIII, 4 (15 Octobre 1907), p. 677—696. *F. C. Conybeare*, *The Armenian Version of Revelation and Cyril of Alexandria's Scholia on the incarnation and Epistle on Easter*, London 1907. *J. Mahé*, *S. J.*, *La date du commentaire de saint Cyrille d'Alexandrie sur l'Evangile saillon saint Jean* въ „Bulletin de littérature ecclesiastique“ 1907, p. 40—45. *A. Vacant* et *E. Mangenot*, *Dictionnaire de théologie catholique* III, Paris 1908, col. 2476—

2527. Prof. J. Sickenberger, Fragmente—der Homilien der Cyrill von Alexandrien zum Lukasevangelium въ „Texte und Untersuchungen“ III Reihe, IV Band. Heft I, Lpzg. 1908. The Catholic Encyclopedia IV, p. 592—595]. 3) Статьи о св. Кириллѣ ал. въ русской литературѣ: † іером. *Порфирий*, Св. Кириллѣ, архіепископѣ alexandрійскій, въ „Приб. къ твор. св. отц.“ 1854, ч. XIII (біографія и обзоръ сочиненій). Св. *Кириллѣ alexandрійскій* и Целестинъ пала въ борьбѣ съ несторіанствомъ („Духовн. Весѣдѣ“ 1872 г.). *Жизнь* св. Кирилла alexandрійскаго въ „Христ. Чтен.“ 1840 г., II, 356.—Св. *Кириллѣ* alexandрійскій, какъ проповѣдникъ („Руков. для сельск. паст.“ 1877 г.). Проф. П. П. *Пономаревъ*, Ученіе св. Кирилла, архіепископа alexandрійскаго, объ евхаристіи въ „Прав. Собесѣдн.“ 1903 г., май, стр. 659—694; июнь, стр. 695—736 (статья написана по поводу этюда проф. Мишо: St. Cyrille d'Alex. et l'Eucharistie въ „Revue intern. de theol.“ 1902, p. 599—614; 675—692). † Проф. А. О. *Гусевъ*. Старокатолическій отвѣтъ на наши тезисы по вопросу о Filioque и пресуществленіи, Казань 1903. (Здѣсь приводится, между прочимъ, апологетическій анализъ ученія св. Кирилла ал. о св. Духѣ и евхаристіи, стр. 77 сл.). *Филаретъ*, арх. черныговскій, Историческое ученіе объ отцахъ церкви II (1859), стр. 91—115. Я. *Алфіоновъ*, Императоръ Юліанъ и его отношеніе къ христіанству, Казань 1877 (въ связи съ антихристіанскою дѣятельностію Юліана разсматривается отъ-части и апологетическая дѣятельность св. Кирилла ал. противъ Юліана). Проф. А. П. *Лебедевъ*, Вселенскіе соборы IV и V вв.: обзоръ ихъ догматической дѣятельности въ Собр. сочиненій, изд. 2, Сергіевскій Посадъ 1896. (въ 3 т. характеризуется догмат. дѣятельность 3-го вселенскаго собора и въ связи съ этимъ дѣятельность св. Кирилла ал.).—Проф. Н. Н. *Глубоковский*, Блаж. Теодоритъ епископъ кирскій: его жизнь и литерат. дѣятельность, I—II т., Москва 1890. Здѣсь можно найти много цѣнныхъ историч. указаній, характеризующихъ церковно-общественную и литературную дѣятельность Кирилла alexc. (а равно переводъ писемъ блж. Теодорита—со введеніемъ и примѣчаніями—того же проф. Н. Н. *Глубоковского* (Св.—Тр. Сергіева Лавра 1908) и ср. его статью „Іоаннъ, архіеп. антиокійскій“, въ „Энци.“ VI, 987—995].

Проф. Л. *Писаревъ*.

Кирилл Скиеопольскій—выдающійся греческій агиографъ VI вѣка. Во многихъ житіяхъ святыхъ, составленныхъ Кирилломъ, содержатся и автобіографическія свѣдѣнія. Изъ нихъ видно, что Кириллъ родился въ галилейскомъ (въ Палестинѣ) городѣ Скиеополѣ въ 514 году и еще въ моло-

дыхъ годахъ, живя въ домѣ родителей, почувствовалъ влеченіе къ иноческой жизни, подвліяніемъ палестинскихъ подвижниковъ, приходившихъ въ Скиеополь. Одинъ изъ нихъ, знаменитый Савва Освященный, предвидя значеніе Кирилла, называлъ его „своимъ ученикомъ, сыномъ пустынныхъ отцовъ“ и обращалъ на него вниманіе скиеопольскаго митрополита. Подъ руководствомъ послѣдняго Кириллъ и посвящалъ себя монашеской жизни. Его постриженіе состоялось въ одномъ изъ монастырей Скиеополя, гдѣ юный подвижникъ и прожилъ до 543 года, а потомъ,—съ разрѣшенія духовнаго своего отца, аввы Григорія,—отправился въ Іерусалимъ. Здѣсь онъ,—по совету своей матери,—сдѣлался на нѣкоторое время ученикомъ подвижника Великой лавры Іоанна Молчальника [см. „Энци.“ VI, 883—884], подъ руководствомъ котораго не только усовершенался въ аскетизмѣ, но и противостоялъ заблужденіямъ послѣдователей Оригена, имѣвшихъ успѣхъ среди современнаго палестинскаго монашества. Затѣмъ Іоаннъ Молчальникъ направилъ Кирилла въ лавру св. Езекии (въ Іудейской пустынѣ, близъ Іерусалима), которая была,—по его мнѣнію,—наиболѣе удобною для подвиговъ. Но Кириллъ,—по юности и суетности,—преслушалъ волю своего руководителя и направился къ Іордану въ одинъ изъ здѣшнихъ монастырей. Это непослушаніе юнаго подвижника было наказано шестимѣсячною болѣзнію, перенесши которую, Кириллъ рѣшился водвориться въ лаврѣ св. Езекии. Прибывъ туда (въ концѣ 543 или въ началѣ 544 г.), Кириллъ со всѣмъ пыломъ юности предавался аскетическимъ подвигамъ. Онъ часто посѣщалъ и своего духовнаго отца—Іоанна Молчальника, предъ которымъ раскрывалъ свою душу, пользуясь его пастырскими врачеваніями и назиданіями. Здѣсь Кириллъ прожилъ около десяти лѣтъ. Когда пятый вселенскій соборъ осудилъ заблужденія оригенистовъ, часть коихъ была изгнана и изъ палестинской Новой лавры, то въ число тѣхъ 120 иноковъ, которые должны были водвориться въ этой лаврѣ вмѣсто удаленныхъ оригенистовъ, былъ включенъ и Кириллъ. Здѣсь онъ пробылъ два года (554—555), а потомъ перешелъ въ Великую лавру Саввы Освященной (въ Іудейской пустынѣ), устроилъ

здѣсь себѣ келлію, гдѣ и жилъ до самой смерти, послѣдовавшей около 557 года.

Такимъ образомъ, Кирилль почти цѣлую жизнь провелъ среди палестинскихъ монаховъ. Любовь къ подвижничеству и глубокое уваженіе къ выдающимся его представителямъ побудили Кирилла, вскорѣ послѣ принятія монашества, посвятить свои силы и труды описанію подвиговъ и дѣятельности великихъ аскетовъ и устроителей иночества въ Святой Землѣ. Къ этому поощрялъ Кирилла и его духовный отецъ Іоаннъ Молчальникъ, который, высоко цѣня аскетическіе подвиги свв. Евѣмія и Саввы, совѣтовалъ своему ученику составить полезныя о нихъ сказанія. Кирилль былъ вполне подготовленъ къ труду агіографа. Онъ обладалъ достаточнымъ образованіемъ и способностію къ литературной дѣятельности, а главное—находился въ самыхъ благопріятныхъ условіяхъ для всесторонняго ознакомленія съ состояніемъ палестинскаго монашества въ V—VI вѣкахъ и съ дѣятельностію выдающихся его представителей, для собиранія необходимаго матеріала и критики его. Онъ былъ близокъ къ Іоанну Молчальнику и другимъ ученикамъ Саввы Освященнаго, жилъ въ Великой лаврѣ и киновіи св. Евѣмія, имѣлъ возможность бесѣдовать съ свидѣтелями подвиговъ и жизни палестинскихъ аскетовъ, непосредственно многое изучать и провѣрять. Въ прологѣ къ житію Саввы Освященнаго монахъ Кирилль умоляетъ читателей вѣрить всему, что онъ уже сказалъ или скажетъ о палестинскихъ подвижникахъ, такъ какъ писатель старался съ точностію упомянуть о времени, мѣстахъ, лицахъ и именахъ и вообще съ полнѣмъ усердіемъ изслѣдовалъ истину своего повѣствованія. И на такое довѣріе со стороны читателей Кирилль имѣетъ полное право, потому что онъ, дѣйствительно, сдѣлалъ все возможное для успѣшнаго выполненія сложной и важной задачи агіографа. Первымъ его трудомъ было житіе Евѣмія Великаго († 473 г.). Къ составленію этого житія Кирилль приступилъ тотчасъ же послѣ водворенія въ монастырѣ св. Евѣмія. Со времени кончины этого подвижника минуло уже около 80 лѣтъ, но въ обители хранились и преемственно передавались многія сказанія о жизни и трудахъ его, причемъ,—наряду съ разсказами достовѣрны-

ми,—поддерживались и распространялись сказанія легендарныя. Писателю предстояло „выбрать изъ многого немногое“. Съ цѣлію собрать вполне достовѣрные свѣдѣнія, Кирилль отыскивалъ въ разныхъ мѣстахъ Іудейской пустыни ближайшихъ къ св. Евѣмію подвижниковъ и обращался къ нимъ за душеспасительными и достовѣрными сказаніями о великомъ аскетѣ. Большую часть разсказовъ о жизни св. Евѣмія Кирилль получилъ отъ отшельника Киріака, постриженника этого св. аввы, долгое время жившаго съ его учениками, отъ которыхъ онъ и слышалъ достовѣрные и точныя свѣдѣнія о его жизни и подвигахъ. Затѣмъ, не мало свѣдѣній Кириллу сообщили Іоаннъ Молчальникъ и пресвитеръ Фалалей, на основаніи разсказовъ Саввы Освященнаго. „Житіе иже во святыхъ отца нашего Евѣмія Великаго“ оказалось труднымъ вполне удачнымъ какъ по содержанию, достовѣрному и правдивому, такъ и по изложенію, чуждому риторическихъ украшеній, простому и ясному. Вторымъ произведеніемъ Кирилла было „Житіе преподобнаго отца нашего Саввы Освященнаго“ († 531 г.), стоившее автору сравнительно меньшаго труда, такъ какъ во время его составленія въ памяти современниковъ еще были живы подвиги преподобнаго и его заслуги для палестинскаго монашества. Ученики и сподвижники св. Саввы сообщили Кириллу достовѣрные и обширные разсказы о немъ, почему это житіе содержитъ больше упоминаній о мѣстахъ, лицахъ, писаныхъ и времени, а также имѣетъ болѣе большой объемъ. Кроме того, Кирилль составилъ житія — Іоанна Молчальника, епископа колонійскаго, преподобнаго Киріака Отшельника († 556 г.), Теофіла, епископа вифилійскаго, раньше—палестинскаго монаха, Аврамія, ученика св. Саввы и епископа кратііскаго и аввы Теофілія Киновіарха († 529 г.). Составленные Кирилломъ житія палестинскихъ подвижниковъ имѣютъ весьма важное значеніе для исторіи монашества во Святой Землѣ. Сообщая весьма обстоятельныя и достовѣрные свѣдѣнія объ отдѣльныхъ дѣятеляхъ палестинскаго монашества, эти житія изображаютъ и общій строй монашеской жизни во Святой Землѣ, сообщаютъ историческія данныя о мѣстныхъ монастыряхъ, ихъ возникновеніи и

устройствѣ, объ общемъ ходѣ развитія иночества, его идеалахъ, задачахъ и способѣ ихъ осуществленія, о значеніи монашества въ церковной жизни и о благотворномъ его вліяніи на мірское общество и т. п. Не безъ снованія ученый Узенеръ называлъ литературное наслѣдіе Кирилла „исторіею палестинскаго монашества“. Но житія, написанныя Кирилломъ, имѣютъ значеніе и вообще для церковной исторіи Востока, такъ какъ въ нихъ содержатся цѣнныя свѣдѣнія объ іерусалимскихъ епископахъ V и VI вѣковъ, объ оригеневскихъ волненіяхъ, о взаимныхъ отношеніяхъ восточныхъ патріарховъ и ихъ представителей въ эпоху монофизитскихъ споровъ, имѣются важныя данныя и для церковной хронологіи V—VI столѣтій. Къ формальнымъ достоинствамъ житій слѣдуетъ отнести отсутствіе риторическихъ украшеній, простоту рѣчи и безыскусственность изложенія. Въ житіяхъ св. Евѣмія (гл. 84) Кириллъ прямо называетъ себя „невѣдущимъ словъ и оборотовъ“ и говорить, что онъ хотѣлъ совѣтъ „оставить хартіи“ и отказаться отъ литературнаго труда, но былъ подвигнутъ къ этому дѣлу особою помощію святыхъ Евѣмія и Саввы.

Въ виду высокаго значенія житій монаха Кирилла, богатства и цѣнности церковно-историческаго ихъ содержанія, ученый Узенеръ склоненъ былъ предполагать, что сохранившіяся житія составляютъ часть обширнаго агіографическаго труда, выполненіе котораго было предпринято Кирилломъ по заранѣ намѣченному плану. Такой же взглядъ на дѣятельность Кирилла высказанъ и въ „Исторіи византійской литературы“ Крумбахаера. Его реальное обоснованіе можно усматривать въ томъ, что всѣ житія изображаютъ цвѣтущій періодъ монашеской жизни въ Палестинѣ, а—съ другой стороны—по пѣдойному значенію и внутренней взаимной связи, ихъ можно раздѣлить на двѣ части, изъ коихъ первую составляютъ житія свв. Евѣмія, Саввы и Теодосія, а вторую—остальныя. Но, повидимому, преждевременная смерть помѣшала Кириллу исполнить свою задачу. Однако и сохранившееся литературное наслѣдіе Кирилла, отличающееся достовѣрностію рассказовъ, точностію хронологическихъ указаній, историческою предусмотрительностію, правильностію и широтою аскетическихъ понятій

и простотою изложенія, даетъ этому писателю почетное мѣсто среди византійскихъ агіографовъ.

Литература. Цѣльнаго изданія житій, написанныхъ Кирилломъ, еще нѣтъ, хотя оно совершенно необходимо. Въ частности, *житіе св. Евѣмія* издалъ *Mintfacon*, *Analecta graeca* I (Paris 1688), 1—99; русскій переводъ его сдѣланъ проф. *И. В. Помяловскимъ* въ „Палестинскомъ Патерикѣ“, вып. 2 (Изданіе „Им. Правосл. Палест. Общества“), съ добавленіемъ изъ Метафраста и славянской рукописи Соловецкой бібліотеки № 648 (814). *Житіе св. Саввы* опубликовать *Cotelerius*, *Ecclesiae graecae monumenta* III (Paris 1636), 220—376; русскій переводъ—въ „Христіанскомъ Чтеніи“ 1823, ч. XII, стр. 95—284 и въ „Палестинскомъ Патерикѣ“, вып. 1. (ср. *Κλέοπας Κοικούλιδης, Βίος καὶ πολιτεία τοῦ ὁσίου πατρὸς ἡμῶν Σάββα*, Іерусалиμъ 1905 г.) и въ журналѣ „*Νέα Σιών*“ за 1904—1905 г.). *Житіе Иоанна Молчальника* издано въ *Acta Sanctorum* (Болландистовъ), Mai III; русскій переводъ проф. *И. В. Помяловскаго* въ „Палестинскомъ Патерикѣ“, вып. 3. *Житіе Кирилла Отшельника* издано въ *Acta Sanct.*, Septembris t. VIII; русскій переводъ проф. *И. В. Помяловскаго* въ „Пал. Патерикѣ“, вып. 7. *Житіе препод. Θεοδοσίου* опубликовалъ проф. *Hermann Usener*, *Der heilige Theodosios: Schriften des Theodoros und Kyrillos*, Lpzg 1890; исправленія и дополненія къ этому изданію предложилъ *Karl Krumbacher*, *Studien zu den Legenden des hl. Theodosios*, München 1892; русскій переводъ проф. *И. В. Помяловскаго* въ „Палестинскомъ Патерикѣ“, вып. 8. *Житіе препод. Θεωνία* издали *P. J. van den Gheyn* въ *Analecta Bollandiana* X (1891 г.) и *А. И. Панадопуло-Керамевъ* въ „Православномъ Палестинскомъ Сборникѣ“, вып. XXXII, Спб. 1891, съ русскимъ переводомъ проф. *Г. С. Дестуниса*. *Житіе Авраама Кратійскаго* опубликовалъ архим. *Клеона Киклидисъ* въ журналѣ „*Νέα Σιών*“ за 1906 г. (Іерусалимъ) по кодексу № 494 Синайской бібліотеки, дополненію древнимъ арабскимъ переводомъ житія, который издалъ д-ръ *G. Graf* въ иезуитскомъ бейрутскомъ журналѣ „*L'Orient*“ (1905, мартъ). *Древне-синайское житіе Саввы Овечьянина* издалъ проф. *И. В. Помяловскій* (Спб. 1890) съ греческимъ оригиналомъ и введеніемъ. Пособіями, кромѣ указанныхъ трудовъ *Узенера*, *Крумбахаера* и *Gheyn'a*, могутъ также служить: *Fr. Loofs*, *Leontius von Byzanz*, Lpzg 1887, S. 274—297 (здѣсь рѣчь идетъ о хронологіи Евѣмія и Саввы и объ оригеневцѣ Леонтіи), *A. Ehrhard*, *Das griechische Kloster Mär Sabba* (въ „*Römische Quartalschrift*“ VII (1893), *K. Krumbacher*, *Geschichte der byzantinischen Litteratur*, München 1897; іеромонахъ (нынѣ епископъ) *Θεοδοσίος* (Олтаржевскій), Палестина

ское монашество съ IV до VI вѣка. Спб. 1896 [2-е изд. Киевъ 1899]. Κλεόπαρος Κοινοβίου, Βιβλιογραφικὸν δελτίον въ „Néa Siwá“, 1906, ἀκτῶν 362—363; H. Gregoire, La vie anonyme de S. Gerasime въ „Byzantinische Zeitschrift“ XIII, 1904, S. 114—135: по поводу Βίος τοῦ ἁγίου Γερασίου въ изданіи А. И. Панадопуло-Кермесса Ἀνέκκτα τῆς ἱεροσολυμιτικῆς σταυρολογίας, т. IV, с. 175—174. Πετροῦπολις, 1897. [A. Vacant et E. Mangenot, Dictionnaire de théologie catholique III, Paris 1908, col. 2531—2582].

П. И. Соколовъ.

Св. Кирилль философъ (до принятія, за 50 дней до смерти, иночества носившій имя *Константина*), первоучитель славянскій, родился въ 827 г. въ главномъ городѣ македонской области византійской имперіи Фессалоникѣ (Солунн). Отецъ его, Левъ, занималъ въ родномъ городѣ должность друнгарія (δρουγγάριος), т. е. помощника областного военнаго начальника. Въ многочисленной семьѣ Льва одинъ изъ старшихъ сыновей былъ Меѳодій, а самый младшій Константинъ. Древніе источники не говорятъ опредѣлительно о томъ, кто были по происхожденію отецъ и мать Константина, греки или славяне, — и вопросъ этотъ рѣшается учеными различно. Большинство ученыхъ считаетъ ихъ (—по нашему мнѣнію, совершенно основательно) греками. Но были голоса и за славянское происхожденіе родителей Константина какъ въ древнее время („Успеніе св. Кирилла философа“), такъ и въ новое (*М. П. Погодинъ* — въ Кирилло-Меѳодіевскомъ Сборникѣ, М. 1865, 96—105). Аѳонское преданіе, записанное Арсеніемъ Сухановымъ въ XVII в., называетъ славянскихъ первоучителей славянами по отцу и греками по матери (тамъ же, 269, подстрочное примѣчаніе *Григоровича*). По мнѣнію проф. А. С. Будиловича, они не были ни греками, ни славянами въ тѣсномъ смыслѣ, а греко-славянами въ отношеніи какъ физическомъ, такъ и духовномъ („Нѣсколько мыслей о греко-славянскомъ характерѣ дѣятельности свв. Кирилла и Меѳодія“, Варшава 1885 г., 1—5). Акад. А. И. Соболевскій отвергаетъ мысль о существованіи въ VIII—IX в. особаго греко-славянскаго типа и говоритъ, что „въ свѣтлыхъ братьяхъ мы должны признать представителей того космополитическаго христіанства, для котораго нѣтъ варваровъ и іудеевъ и которое во всѣхъ людяхъ видитъ

служителей Христа“ („Кирилло-Меѳодіевскіе вопросы“ — въ „Кіев. универ. Извѣст.“ 1885 г., сент., 298). По характеру братья Константинъ и Меѳодій довольно отличались одинъ отъ другого. Старшій, Меѳодій, довольно долгое время былъ начальникомъ славянской области („княженіа“). Природа же Константина была по преимуществу созерцательная: онъ не чувствовалъ охоты къ свѣтской жизни. „Константинъ, человекъ исключительный по своей натурѣ, говорить акад. Е. Е. Голубинскій, — съ самаго дѣтства давалъ ожидать въ себѣ не чиновника и не человека отъ міра сего, а учителя христіанской мудрости созерцательной и дѣятельной“ (Ист. рус. ц., I: 2, изд. 2-ое, М. 1904 г., 335). Когда онъ достигъ семилѣтняго возраста и сталъ уже учиться грамотѣ, то — по сказанію его житія т. н. лавнонскаго (гл. 3) — видѣлъ, какъ разсказывалъ самъ отцу съ матерью, замѣчательный сонъ, будто бы страгелъ (главный областной начальник), собравъ предъ нимъ дѣвницъ со всего города, сказалъ ему: выбирай себѣ подругу, и онъ, посмотрѣвъ, выбралъ одну, блиставшую красотой и дорогими одеждами; ее звали Софія, мудрость. Надѣленный отъ природы исключительно блестящими талантами, Константинъ весьма рано началъ проявлять ихъ; на школьной скамьѣ первоначальнаго училища грамотности онъ превосходилъ всѣхъ своихъ товарищей успѣхами, памятью, острою мысли, такъ что всѣ удивлялись ему. Въ одно время отрокъ вышелъ было съ своимъ ястребомъ на охоту, но вѣтеръ занесъ его птицу, и огорченный Константинъ оставилъ навсегда эту забаву, привязавшись еще усердѣе къ ученію. Его особенно плѣняло изученіе твореній св. Григорія Богослова, и онъ еще въ юности написалъ у себя на стѣнѣ, подъ знаменіемъ креста, похвалу св. Григорію въ слѣдующихъ словахъ: „о Григоріе, тѣломъ человекѣ, а душою Ангелѣ! ты бо тѣломъ человекъ еси, и Ангелъ явился. Уста бо твоя, яко единъ отъ Серафимъ, Бога прославляютъ и всю вселенную просвѣщаютъ правды вѣры наказаніемъ. Тѣмъ же и мене, припадающа къ тебѣ любовію и вѣрою, прини́мь и буди ми просвѣтителемъ и учителемъ“ (Жит. гл. 3). Уносясь за Григоріемъ Богословомъ въ его богословскія созерцанія, юный Константинъ не всегда могъ постигать глубину ихъ и впа-

далъ въ великое уныніе. Просилъ онъ и умолялъ случившагося въ Солуни странствующаго ученаго книжника подѣлиться съ нимъ своимъ знаніемъ, предлагая ему за это всю долю своего наслѣдства послѣ стца († 841 г.), но ученый грамотѣй не могъ или не хотѣлъ исполнить просьбу юноши. Опечаленный, — весь онъ предается молитвѣ, чтобы Богъ помогъ исполниться желанію его сердца, и молитва его скоро была услышана.

Въ 842 г. скончался императоръ Теофилъ, оставивъ престолъ 3-лѣтнему сыну Михаилу III подъ опеку матери Теодоры и сановниковъ: логовѣта Теоктиста и кесаря Варды, брата императрицы. Теоктистъ, видимо, хорошо звалъ семью Константина, а можетъ быть состоялъ съ нею и въ родствѣ. Зная о страстномъ желаніи Константина учиться, Теоктистъ вызвалъ его ко двору, чтобы дать ему возможность продолжить образованіе, а впослѣдствіи воспользоваться имъ въ дѣлѣ воспитанія царя. Въ константинопольской высшей придворной школѣ, незадолго предъ тѣмъ основанной Вардою, Константинъ изучилъ въ первые три мѣсяца грамматику, а потомъ принялся за другіе предметы, изучалъ арифметику, геометрію, астрономію, музыку, Гомера, т. е. вообще древнюю поэзію, діалектику и философію, которая тогда раздѣлялась на вѣдѣнную, обвинявшую вообще мірскія науки и особенно эллинскую философію, и внутреннюю, т. е. христіанское богословіе. Въ числѣ своихъ учителей онъ имѣлъ знаменитаго ученаго Льва, бывшаго ранѣе митрополитомъ солунскимъ, и еще болѣе знаменитаго Фотія, впослѣдствіи патріарха константинопольскаго. Даровитый и привлекательный ученикъ дѣлалъ быстрые успѣхи во всѣхъ наукахъ, и въ частности въ грамматикѣ и философій, превосходя всѣхъ своихъ сверстниковъ: еще во время ученія усвоено ему было названіе „философа“. Вмѣстѣ съ успѣхами въ философій Константинъ приобрѣлъ и искреннюю дружбу ея знаменитаго профессора, какъ объ этомъ свидѣтельствуєтъ ватиканскій бібліотекаръ Анастасій, выражаясь, что „Константинъ философъ, великой святости мужъ, былъ fortissimus amicus Фотія“. (Предисловіе къ описанію константинопольскаго собора 869 г.). Сильно полюбилъ его и логовѣтъ Теоктистъ, у котораго въ домѣ онъ и жилъ во время ученія. Не имѣя собственныхъ дѣтей и же-

лая какъ бы усыновить Константина, онъ задумалъ жевить его на своей крестницѣ и создать ему блестящую карьеру. Но Константинъ рѣшительно отказался отъ предложенія Теоктиста, разсчитывая, по окончаніи ученія, поселиться гдѣ-нибудь въ уединеніи, чтобы вести образъ жизни, свойственный своимъ наклонностямъ, и предаться своимъ любимымъ занятіямъ съ полной свободой. Чтобы удержать его въ столицѣ, поставили его въ священники (холостого) и назначили патріаршимъ хартофилаксомъ и бібліотекаремъ въ Св. Софій. Однако, не долго пробылъ онъ на своей должности, тайно оставилъ столицу и укрылся въ одномъ изъ монастырей на побережьи Мраморнаго моря. Нашли его едва чрезъ шесть мѣсяцевъ, и такъ какъ онъ, не смотря на всѣ настоянія, не хотѣлъ принимать прежней должности, то (по выраженію его житія) „умомили“ его принять должность учителя въ той же высшей придворной школѣ и учить философію вѣдѣнной и внутренней, т. е. эллинской и христіанской, — чрезъ что еще болѣе упрочилось за нимъ названіе „философа“.

Въ бытность Константина профессоромъ философій, на него возлагаемы были правительствомъ два порученія, требовавшія особой діалектической способности. Это — два богословскіе диспута, одинъ — домашній, другой — международный. Первый диспутъ — съ представителемъ иконоборства, изложеннымъ константинопольскимъ патріархомъ Іоанномъ или Іанніемъ. Гордый своею ученостію и своимъ прошлымъ, низложенный патріархъ, въ поддержаніе своей чести, разглашалъ, что онъ побѣжденъ только насиліемъ, а не силою доказательствъ, и что „препирѣть“ его никто не можетъ. Такими рѣчами нѣкогда сильный патріархъ производилъ соблазнъ, тѣмъ болѣе опасный, что, не смотря на продолжавшееся возстановленіе иконопочитанія, противниковъ его было не мало. Чтобы пресѣчь соблазнъ, Константинъ призванъ былъ держать преемъ съ иконоборствующимъ бывшимъ патріархомъ въ особомъ назначенномъ для сего собраніи. Упорный патріархъ и молодой философъ состязались, и первый долженъ былъ замолчать. Второй диспутъ Константина — съ магометанами относится, по житію, къ 851 г. (когда исполнилось Константину 24 года). Въ этомъ году прибыло въ Константинополь посольство отъ сарациновъ съ вызовомъ

Святые первоучители славянскіе Кирилль и Мееодій.
Православное авторизованное изображеніе, изданія С.-Петербур-
бургскаго Славянскаго Благотворительнаго Общества.

для пренія о божественности Св. Троицы и съ приглашеніемъ для этого человѣка, который могъ бы состязаться съ ними о семъ догматѣ, не допускаемомъ магометанскою вѣрою. Выборъ палъ опять на Константина съ присоединеніемъ къ нему въ помощь про-
свѣщенныхъ мужей аскрита (секретаря) и Георгія Полаши. Въсѣтъ съ своими спутни-
ками Константинъ предпринялъ далекое и опасное путешествіе въ тогдашнюю столицу

арабской имперіи Багдадъ къ калифу Джафаръ Мутаваккилю (847—861 г.), Житіе довольно подробно излагаетъ пренія Константина съ учеными представителями магометанства (ученою „чадью“ и книжною, учившеюся и геометріи, и астрономіи, и прочимъ наукамъ) о предметахъ, касающихся различія въ вѣрѣ и обычаяхъ. Константинъ вышелъ и здѣсь побѣдителемъ, избавился и отъ смертной опасности, когда сарацины, въ чувствѣ досады за неудавшійся споръ, хотѣли было погубить его отравою, и здравымъ возвратился въ свою страну.

По возвращеніи изъ сарацинской миссіи, Константинъ нѣкоторое время продолжалъ преподавать философію, а потомъ, такъ какъ жизнь при дворѣ и близъ двора была не по его настроенію, снова оставилъ столицу, и прожилъ нѣкоторое время гдѣ-то въ уединенномъ мѣстѣ, при чемъ, по житію, показалъ себя въ своемъ поведеніи не только философомъ, но и великимъ нищелюбцемъ и подвижникомъ, а потомъ отправился къ своему брату Меодію въ его олимпійскій монастырь (около 852 г.). Гдѣ находился этотъ монастырь? Известны два Олимпа—еессалійскій и малоазійскій. Прежде думали, что Олимпъ паннонскихъ житій — Олимпъ еессалійскій. Это мнѣніе защищаетъ акад. *А. И. Соболевскій* (Кирилло-Меодіевскіе вопросы, 298—299). Но другіе ученые высказались за Олимпъ малоазійскій, находившійся на берегу Мраморнаго моря, въ Впониіи (акад. *Е. Е. Голубинскій*, Ист. рус. ц. I: 2, изд. 2-е, 335; *А. С. Будиловичъ*, Нѣск. мыслей о греко-слав. хар. дѣят. свв. К. и М., 14—15; проф. *И. И. Малышевскій*, Свв. Кирилль и Меодій, первоучители славянскіе, Киевъ 1886 — приложение въ концѣ книги: „Олимпъ, на которомъ жили свв. Константинъ и Меодій“, 441—479). Было пущено въ ходъ также мнѣніе (неосновательное), будто подъ Олимпомъ житій паннонскихъ слѣдуетъ разумѣть не Олимпъ, а Аѳонъ. Мнѣніе это высказано впервые *Пигулевскимъ* въ его сочиненіи: „Дѣятельность свв. Константина (Кирилла) и Меодія среди оракійскихъ, македонскихъ и болгарскихъ славянъ, Киевъ 1862“, повторено въ томъ же году о. *Лебединцевымъ* въ „Кіевскихъ Еп. Вѣдомостяхъ“ № 16, и усвоено *В. А. Бильба-совымъ* въ его изданіи: „Кирилль и Ме-

одій“, ч. 2, Спб. 1871, 161.—Въ Олимпѣ прожили братья нѣсколько лѣтъ въ подвигахъ молитвы и въ книжныхъ занятіяхъ, пока не вызваны были въ Константинополь для отправленія въ миссію хозарскую.

Миссіонерская дѣятельность Константина въ первую домаравскую пору его жизни — можетъ быть потому, что сосредоточивалась въ мѣстностяхъ отдаленныхъ отъ цивилизованнаго міра, бѣдна источниками для своей исторіи, мало разработана и представляетъ много спорныхъ вопросовъ. Достаточно сказать, что раздавались сомнѣнія даже въ дѣятельности путешествій Константина на Востокъ (а также и диспута Константина съ патріархомъ Іоанномъ). Выказавъ мысль, что „книги“ Константина, содержащія подробное изложеніе его бестѣдъ или преній, переведенныя братомъ его Меодіемъ съ греческаго на славянскій языкъ и раздѣленныя на 8 словъ (о чемъ — въ 10 гл. житія К.), были не отчетъ или донесеніе о хозарской миссіи, а нарочитое полемическое сочиненіе Константина противъ иконоборства, іудейства и магометанства, составленное пять, какъ опытнымъ полемистомъ, въ защиту вѣры и въ интересахъ константинопольской церкви, покойный проф. *А. Д. Вороновъ* поставилъ вопросъ: „насколько исторической правды въ этихъ преніяхъ, даже болѣе: насколько достовѣрять споръ св. Константина съ патріархомъ Яніемъ и насколько достовѣрны различныя его миссіи? Не потому ли и возникли извѣстія о нѣкоторыхъ изъ этихъ дальнѣхъ миссій, что были извѣстны пренія св. Константина, т. е. не сочиненіе ли его дало поводъ къ легендѣ объ этихъ миссіонерскихъ преніяхъ?“ (Кирилль и Меодій, Главнѣйшіе источники для исторіи свв. Кирилла и Меодія, Киевъ 1877, 60—61, примѣч. 3-е). Сомнѣнія проф. Воронова, правда, не раздѣляются большинствомъ ученыхъ, но во всякомъ случаѣ они доказываютъ настоятельную необходимость спеціальныхъ изслѣдованій по вопросу о миссіонерской дѣятельности Константина на Востокѣ. Новыя и любопытныя данныя по вопросамъ о сарацинской и хозарской миссіяхъ Константина находимъ въ недавно обнародованномъ изслѣдованіи акад. *В. И. Ламанскаго*: Славянское житіе св. Кирилла, какъ религіозно-эпическое произве-

деніе и какъ историческій источникъ: критическія замѣтки (Памяти Дюбровскаго)—въ „Журн. Мин. Нар. Просв.“ 1903 г., апрѣль, май, июнь, декабрь; 1904 г., январь, апрѣль, май и слѣд. По изслѣдованіямъ почтеннаго ученаго, византійское посольство къ сарацинамъ дѣйствительно состоялось, но не въ 851 г., едва ли было въ Багдадѣ, и во всякомъ случаѣ не для объясненія халифу догмата о Св. Троицѣ. Были въ этомъ посольствѣ и аскритъ Фотій, впоследствии знаменитый патріархъ, и Георгій, и Константій философъ. Арабскіе историки *Табари* (839—923 г.) и *Масуди* († 956—958 г.) сообщаютъ любопытныя свѣдѣнія о взаимныхъ отношеніяхъ арабовъ и Византіи въ правленіе Мутаваккіла съ 851 по 861 г. Кроме извѣстій военныхъ попадаются свѣдѣнія о перемиріяхъ и посольствахъ по случаю обмѣна плѣнныхъ. Табари и Масуди сохранили извѣстія о перемиріи и обмѣнѣ плѣнныхъ въ 845 г. Передъ тѣмъ обмѣна плѣнныхъ не было съ 809—811 г., а слѣдующее за перемиріемъ 845 г. происходило, по свидѣтельству арабскихъ историковъ, въ концѣ 855—въ началѣ 856 г. Такъ называемая сарацинская миссія Константина была ни что иное, какъ посольство византійское, отправленное къ сарацинамъ для заключенія перемирія и для обмѣна плѣнныхъ. Въ 851—853 г. не могло быть посольства изъ Византіи къ арабамъ и предметомъ посольства не могло быть преніе о Св. Троицѣ, потому что тогда происходили военныя дѣйствія между Византіей и арабами. Въ 855—856 г. дѣйствительно состоялось отправленіе посольства, при чемъ Константинъ философъ былъ взятъ въ эту поѣздку къ арабамъ какъ знатокъ языка славянъ, игравшихъ немаловажную роль въ военныхъ дѣйствіяхъ арабовъ съ византійцами. И византійскіе и арабскіе писатели говорятъ о поселеніяхъ славянъ въ Малой Азіи, начиная съ VII в. Славяне состояли въ военной службѣ у арабовъ. По догадкѣ акад. Ламанскаго, Константинъ философъ уговоренъ былъ ѣхать съ посольствомъ въ 855 г. не потому лишь, что онъ былъ близокъ къ одному изъ главныхъ участниковъ его, аскриту Фотію, и къ вліятельному при дворѣ логовету Теоکتесту. Правительство византійское желало попытать счастья, не удастся ли состоя-

вшихъ на службѣ у арабовъ славянъ и такъ или иначе помусульманенныхъ обратить въ христіанство. Что касается приводимыхъ въ житіи Константина бесѣдъ его съ сарацинами, то рѣчи эти — по Ламанскому — внесены были въ первоначальный текстъ житія гораздо позже его написанія, въ XII—XIII в., изъ разныхъ обличительныхъ статей противъ мусульманства, весьма распространенныхъ въ старой славянской письменности („Журн. Мин. Нар. Просв.“ 1903 г., апрѣль, 352—359) ¹⁾.

Хозарская миссія отиѣчена въ итальянской легендѣ и въ т. н. паннонскомъ житіи Константина. Но первая касается хозарской миссіи только слегка, такъ какъ прямое содержаніе ея составляетъ исторія открытія и перенесенія въ Римъ мощей св. Климента, папы римскаго. Въ паннонскомъ же житіи Константина исторія хозарской миссіи излагается подробно и обстоятельно. Сказаніе о посольствѣ къ хозарамъ начинается здѣсь съ повѣствованія о томъ, какъ въ Константинополь пришли послы отъ хозарскаго кагана и объявили императору, что хотя народъ ихъ и вѣдуетъ единаго вышняго Бога и поклоняется Ему, но держится нѣкоторыхъ постыдныхъ обычаевъ, при чемъ, съ одной стороны, евреи убѣждаютъ ихъ принять ихъ вѣру и правила, а, съ другой стороны, сараины, общая имѣть съ ними миръ и даже общая имъ подарки, неотступно твердятъ, что ихъ вѣра лучше всѣхъ,—и что вслѣдствіе этого каганъ, держась существовавшей доселѣ между греками и хозарами дружбы и уважая истекающую отъ Бога власть греческаго императора, испрашиваетъ у него въ этомъ дѣлѣ совѣта и проситъ прислать къ нему какого либо княжнаго человека, для пренія съ евреями и сарацинами, общая, въ случаѣ пораженія ихъ, принять вѣру греческую... Хозары, народъ советенно турканскаго племени, представляли изъ себя къ VIII—IX в. смѣсь племенъ тюркскихъ, финскихъ и славяно-русскихъ. Не удовлетворяясь болѣе

¹⁾ [Соображенія противъ В. И. Ламанскаго см. у проф. Е. Е. Голубинскаго: По поводу перестроя В. И. Ламанскимъ исторіи дѣятельности Константина философа, первоучителя Славянскаго, въ „Извѣстіяхъ Отдѣленія русскаго языка и словесности“, XII (1907), 2, стр. 368—380].

язычествомъ, хозары въ VIII в. принявъ государственную религію іудейство, можетъ быть по политическимъ разсчетомъ — какъ нейтральномъ между христіанствомъ и мусульманствомъ. Но къ іудейской религіи принадлежали только каганъ и его приближенные. Прочіе были или мусульмане, или язычники. Іудейство не получило въ Хозаріи значенія единой вѣры, духовно объединяющей и скрѣпляющей политическій союзъ разноплеменныхъ народовъ, не приобрѣло прочнаго положенія въ хозарскомъ государствѣ, и отсюда обыкновенно объясняютъ тотъ религіозный кризисъ, который былъ причиною появленія хозарскихъ пословъ въ Византію. Просьба хозаръ о присылкѣ учителя шла, какъ видно, отъ хозаръ-язычниковъ, вызванная тѣмъ, что евреи и мусульмане, хваля, тѣ свою вѣру, а эти — свою, старались привлечь ихъ каждый въ свою вѣру, чѣмъ поставляли ихъ въ затруднительное положеніе по вопросу о религіи. Но жили въ Хозаріи и христіане, которые также могли подать мысль о посольствѣ въ Константинополь. Императоръ Михаилъ III вызвалъ Константина изъ Олимпа, передалъ ему рѣчь хозарскую и предложилъ идти къ хозарамъ для объясненія имъ существа христіанской вѣры и для защиты догмата о Св. Троицѣ. Константинъ выразилъ полную готовность на такой апостольскій подвигъ, хотя бы даже пришлось умереть за вѣру Христову. Съ Константиномъ пожелалъ идти и братъ его Меодій. Снабженные отъ царя всѣмъ необходимымъ для пути, братья отправились Чернымъ моремъ и прибыли въ Херсонъ. Тутъ они остановились на вѣкоторое время, желая, — по выраженію итальянской легенды (гл. 2), — обучиться языку хозарскому. Здѣсь, — по сказанію панновскаго житія, — научился Константинъ еврейскому языку и еврейскимъ книгамъ, а также самарянскому языку и самарянскимъ книгамъ, при чемъ обратилъ въ христіанство и крестилъ двухъ самарянъ: отца, приносившаго ему самарянскія книги, и его сына. Здѣсь же — по сказанію того же житія (гл. 8) — „нашелъ онъ евангеліе и псалтирь, писанныя русскими письменами, нашелъ и человѣка, говорящаго русскою рѣчью, бесѣдовалъ съ нимъ, воспринялъ отъ него силу русской рѣчи и принѣняя къ своей рѣчи письмена русской, гласныя и соглас-

ныя, трудясь надъ этимъ съ молитвою къ Богу въ сердцѣ своемъ, скоро сталъ читать и объяснять русское евангеліе, такъ что многіе удивлялись этому и хвалили Бога“. Это загадочное мѣсто житія служило и служить предметомъ многихъ споровъ въ наукѣ (см. ниже). Пребываніе въ Херсонѣ ознаменовано было также еще однимъ важнымъ въ исторіи церкви событіемъ. По сказанію панновскаго житія и итальянскихъ легендъ, Константинъ, услышавъ, что мощи св. Климента, папы римскаго (сосланнаго въ Херсонъ и утопленнаго здѣсь по приказанію Траяна), все еще находятся въ морѣ, — съ помощью херсонскаго архіепископа Георгія и клира предпринялъ трудъ отыскать мощи, сѣлъ на корабль и дѣйствительно нашелъ ихъ. Упомянувъ о семъ событіи, панновскій жизнеописатель ссылается на сказаніе объ обрѣтеніи мощей св. Климента, говоря: „якоже пишеть (т. е. — должно думать Константинъ), въ обрѣтеніи его“ (о семъ словъ скажемъ ниже, въ обзорѣ литературной дѣятельности св. Кирилла). Вскорѣ послѣ обрѣтенія мощей, когда братья собирались уже въ дальнѣйшій путь, хозарскій воевода осадилъ христіанскій городъ, сосѣдній ли съ Херсономъ, или можетъ быть самый Херсонъ. Узнавъ объ этомъ Константинъ отправился къ этому воеводѣ и успѣлъ расположить его къ христіанству и освободить городъ. На пути братья подверглись нападенію со стороны кочевавшихъ здѣсь племенъ Угровъ, которые, впрочемъ, не причинили имъ никакого вреда. Достигнувъ Азовскаго моря, сѣли они на корабль и отправились въ Хозарію къ Каспійскимъ воротамъ кавказскихъ горъ (Каспійскія ворота — *portae Caspiae* древнихъ — полагаютъ между Кизляромъ и Дербентомъ). Прибывъ ко двору кагана, какъ надобно думать, въ г. Итилъ (нынѣшней Астрахань), братья были приняты тамъ съ подобающею честию. Вскорѣ по прибытіи начались пренія о вѣрѣ. Константинъ пришлось состязаться и съ хозарами, и съ іудеями, и съ сарацинами. Пренія продолжались нѣсколько дней, въ присутствіи кагана. Прежде всего былъ споръ съ „мужемъ хитрымъ и лукавымъ“ изъ хозаръ — по выраженію панновскаго житія (гл. 9), — Константинъ объяснилъ хозарамъ догматы о Богѣ единомъ по существу, по троячнотѣ въ лицахъ. Коснувшись затѣмъ іудейской религіи

и ея отношенія къ христіанству, указаль превосходство Новаго Завѣта предъ Вѣтхимъ. Препираясь съ евреями, Константинъ въ одномъ мѣстѣ указаль на слова Авилы, котораго переводъ Вѣтхаго Завѣта съ еврейскаго на греческій языкъ былъ въ особенномъ уваженіи у евреевъ (панновскаго житія глава 9 въ концѣ). Побѣдоносно отразивъ нападенія іудейскихъ ученыхъ, Константинъ также побѣдоносно отразилъ возраженія мусульманъ, которыми онъ въ истинномъ свѣтѣ изобразилъ пророческую роль Магомета. Каковы были послѣдствія этихъ религіозныхъ преній? По итальянской легендѣ, весь хозарскій народъ былъ обращенъ въ христіанство (гл. 6). По свидѣтельству же панновскаго житія (гл. 11), дано позволеніе всѣмъ, кто хочетъ, креститься, и крестилось до 200 человекъ, а обращающимися изъ грековъ въ вѣру хозарскую, или іудейскую, или магометанскую объявлена смертная казнь. Каганъ написалъ императору греческому грамоту, въ которой весьма благодарилъ за Константина и извѣщалъ, что дозволилъ всѣмъ желающимъ изъ своего народа креститься, присвокупивъ обѣщаніе, что современемъ, быть можетъ, и самъ крестится. Провожая Константина, каганъ предлагалъ ему богатые дары, но вмѣсто нихъ философъ выпросилъ свободу плѣннымъ греческимъ христіанамъ, которыхъ найдено и отпущено до 20-ти. Религіозныя пренія Константина въ Хозаріи занимаютъ почти $\frac{1}{3}$ пространнаго или т. н. панновскаго его житія (въ лучшемъ изданіи житія — *Fontes rerum bohemicarum*, T. I: *Vitae Sanctorum*, Praha 1871, подъ редакціею *Фр. Палацкаго* съ чешскимъ переводомъ *Первольфа*, — изъ 38 страницъ всего житія на долю хозарскихъ преній приходится страницы 13—24), но на самомъ дѣлѣ они были еще обширнѣе и пространнѣе. Авторъ панновскаго житія послѣ изложенія преній съ іудеями замѣчаетъ, что онъ передалъ лишь немного изъ этихъ преній, которыя странно изложены въ книгахъ Константина и переведены (съ греческаго) на славянской языкъ, съ раздѣленіемъ ихъ на восемь частей или словъ. До насъ однако не дошло ни греческаго подлинника, ни славянскаго перевода книгъ преній. Различныя толкованія и предположенія по поводу вышеозначенной замѣтки о книгахъ Константина изложены

въ книгѣ покойнаго проф. *И. И. Малышевскаго*: „Святые Кирилль и Меодій первоучители славянскіе, Кіевъ 1886“, стр. 60—63.

На возвратномъ пути изъ Хозаріи Константинъ, для утоленія нестерпимой жажды, молитвою преложилъ соленую воду въ сладкую. Въ Херсонѣ предрекъ близкую кончину тамошняго архіепископа. Въ окрестностяхъ г. Филлы (Φόλλα, „во Фульстѣ языкѣ“) престѣкъ суетврное уваженіе къ одному великому дубу, срубивъ самое дерево (панновскаго житія гл. 12). Возвратившись въ Константинополь, Константинъ жилъ здѣсь при церкви свв. Апостоловъ (служившей усыпальницей для императоровъ) до времени вызова его въ новую миссію, моравскую. Въ это время, по сказанію житія (гл. 13), Константинъ объяснилъ на одномъ потирѣ или чашѣ „Соломона дѣла“ въ церкви св. Софіи надпись, которой до него никто не могъ понять. Рассказъ объ этомъ, не связанный ни съ предшествующимъ, ни съ послѣдующимъ содержаніемъ житія, обыкновенно пропускается въ біографіяхъ свв. Кирилла и Меодія. Въ Четьи-Минее св. Димитрія Ростовскаго онъ совсѣмъ не упоминается. Въ самой подробной біографіи славянскихъ первоучителей — въ вышеназванномъ трудѣ проф. *И. И. Малышевскаго* — имѣется только краткое упоминаніе на страницѣ 122-й въ примѣчаніи. Не лишне замѣтить, что въ древнерусскихъ сборникахъ рассказъ о чашѣ встрѣчается и отдѣльно отъ житія св. Кирилла, въ формѣ самостоятельнаго сказанія. Въ отдѣльныхъ мѣстахъ апокрифа содержится и толкованіе пророческихъ соломониныхъ стиховъ. Толкованіе одно и тоже. Въ литературѣ извѣстны три списка, изданные акад. *И. И. Срезневскимъ* (Свѣдѣнія и замѣтки о малозв. в. невен. памятникахъ, № XI), проф. *И. Я. Порфирьевымъ* (Апокрифическія сказанія о ветхозавѣтныхъ лицахъ и событіяхъ въ „Сборникѣ Отд. рус. яз. и слов. Импер. Ак. Наукъ“, т. XVII, № 1), и *Петровымъ* (Апокрифическое пророчество царя Соломона о Христѣ, по списку XIII в. — въ „Памятникахъ древней письменности“, Спб. 1894, № CIV).

Хозарская миссія славянскихъ первоучителей вызываетъ — въ цѣломъ и въ частяхъ — не мало вопросовъ и недоумѣній.

Одни считаютъ все сказаніе объ этой миссіи легендой. Такъ, по *Шлецеру*, „Кирилль не былъ въ Хозаріи. Въ его время хозары считались извѣстѣйшимъ и важѣйшимъ народомъ тамошней страны. Византійскіе историки знаютъ ихъ очень коротко, самый даже дворъ имѣлъ съ ними частыя сношенія: но нигдѣ не видно ни малѣйшаго слѣда, чтобы сіи грубые азіяцы приняли христіанскую вѣру; они оставались тѣмъ, чѣмъ были, до самаго ихъ истребленія. Здѣсь доказательство молчанія сильно“ (*Несторъ*, Русскія лѣтописи на древне-славянскомъ языкѣ, II; перевелъ съ нѣмецкаго Д. Языковъ, Спб. 1816, 556). Другіе выбираютъ только то, что подходитъ къ ихъ теоріямъ (напр., *Д. И. Иловайскій* въ „Розысканія о началѣ Руси“, М. 1876, 132—155; акад. *Вл. И. Ламанскій* въ вышеупомянутыхъ критическихъ статьяхъ его: „Славянское житіе св. Кирилла, какъ религіозно-эпическое произведение и какъ историческій источникъ“. О взглядѣ Ламанскаго скажемъ ниже). Третьи ученые—и ихъ большинство—признаютъ дѣйствительность главныхъ фактовъ, передаваемыхъ житіемъ Кирилла и итальянскою легендой о хозарской миссіи. Сторонникомъ этого „прямого“ взгляда на дѣло заявилъ себя пок. проф. *И. И. Малышевскій* въ статьѣ: „Еврей въ южной Руси и Кіевѣ въ X—XII вѣкахъ“ („Труды Кіев. Дух. Акад.“, 1878 г., т. II, 595) и потомъ въ самой біографіи первоучителей славянскихъ (Кіевъ 1886). Къ числу самыхъ спорныхъ вопросовъ въ біографіи св. Кирилла принадлежить, безъ сомнѣнія, сказаніе его т. н. павлонскаго житія о найденныхъ въ Херсонѣ „русскомъ“ евангеліи и „русской“ псалтыри. Это—по выраженію акад. *И. В. Ягича*—истинный „срух interpretum“ („Archiv für slavische Philologie“ IV, 1880, 314). „Вотъ мѣсто—воскликаетъ *Платоновъ*,—составлявшее и составляющее истинную пытку, „для изыскателя славянской древности и письменности!“ (Жизнь и подвиги первоучителей славянскихъ Кирилла и Меодія въ „Дух. Вѣстникъ“ 1862 г., т. II, Харьковъ, 328). Даемъ краткій перечень мнѣній по этому вопросу. Открывшій павлонскія житія прот. *А. В. Горскій* подозрѣваетъ здѣсь вставку или дополненіе русское („Москвитянинъ“ 1843 г., ч. III,

№ 6, 409, тоже и въ „Кирилло-Меод. Сборникъ“, стр. 9). Проф. *О. М. Бодянский* также склонялся „считать извѣстіе о русскихъ письменахъ скорѣ позднѣйшей вставкой въ житіе Кирилла, чѣмъ существенной частью онаго“ (О времени пропсх. слав. письм., 101). По *Ягичу*, интерполяція эта могла быть очень древнею, и вѣроятно уже въ XI или XII в. внесена была въ текстъ житія („Archiv für slav. Philol.“ 1876, B. I, 143—144, примѣч. 7-е). *Шафарикъ* въ предисловіи къ изданію житія св. Константина, допуская позднѣйшія пововненія и вставки въ житіи, не относитъ, однако, къ такимъ вставкамъ извѣстіе о русскомъ евангеліи и псалтыри, потому что—говоритъ онъ—здѣсь слово „русскій“ указываетъ не на славяно-русовъ, а на варяго-русовъ въ Тавридѣ, преемниковъ тотскаго богослуженія. Здѣсь русскія письмена—готскія“ (Památky drevního písemnictví Jihoslovánův. U Praze 1851 IV в 2-е изд. 1873 г.). Мнѣніе Шафарика, какъ увидимъ, особенно прочно укоренилось въ наукѣ. Но и противъ него высказались въкоторыя ученые, видѣвшіе въ „русскихъ“ письменахъ не готскія, а славяно-рускія, какъ акад. *И. И. Срезневскій* („Извѣстія Импер. Акад. Наукъ по Отд. русс. яз. и слов.“ 1853 г., I, 296 и „Труды I-го археолог. съѣзда“, т. I, стр. CXV), *Гильфердингъ* (Собр. соч. I, Спб. 1868, 309), *Будиловичъ* (Нѣск. мыслей о греко-слав. хар. дѣят. свв. Кир. и Меод., 27—29), или болгаро-славянскія, какъ *Иловайскій* (Розыск. о началѣ Руси, 138—141). Акад. *А. И. Соболевскій* въ разборѣ вышеприведенной статьи Будиловича приходитъ къ тому заключенію, что въ „русскихъ письменахъ“, найденныхъ Кирилломъ въ Херсонѣ, нельзя видѣть ни азбуки славянской, ни алфавита Ульфили, т. е. готскаго („Кіев. Унив. Изв.“ 1885 г., сент., 300—301). *Григоровичъ* полагалъ, что св. Кирилль нашелъ въ Херсонѣ глаголицу (Статьи, касающіяся древняго славянскаго языка, Казань 1852, 67—69). Такъ и по словамъ епископа *Порфирія*, Константинъ досталъ въ Херсонѣ евангеліе и псалтырь, написанныя русскими буквами, т. е. глаголитскими (Отрывокъ изъ путешествія еп. Порфирія Успенскаго въ Афонскіе монастыри и скиты въ 1856 году. О св. Кириллѣ

просвѣтителѣ славянъ моравскихъ и въ „Труд. Кіев. Дух. Акад.“ 1877 г., октябрь, 95). *Гедеоновъ* предполагалъ, что Кириллъ нашелъ въ Херсонѣ переводъ евангелія и псалтыри, писанный славянскими рунами (Варяги и Русь II, Сиб. 1876, стр. СХІ, примѣч. 292). Къ этому мнѣнію склоняется проф. А. С. *Архангельскій* (Свв. Кириллъ и Меѳодій и совершенный ими переводъ Св. Писанія, Казань 1885, 8—9 и приложение, 26). Большинство же ученыхъ приняли и защищаютъ мнѣніе Шафарика, что найденныя въ Херсонѣ „русскія“ письмена суть готскія, именно: *Миклошичъ*, *Рачки* (Fontes regum bohemicarum I, 1, стр. 12, примѣч. 1), *Лежсе*

Голубинскаго и Васильевскаго, пришелъ къ слѣдующему заключенію: нѣтъ достаточныхъ данныхъ къ тому, чтобы отождествлять готовъ съ руссами. „Готы и скандинавы IX вѣка не только въ этнографическомъ отношеніи, но и въ отношеніи языка, при всей своей единоплеменности, должны были быть настолько далеки другъ отъ друга, что не только двадцати, тридцати, но можетъ и ста лѣтъ было бы мало,

чтобы слиться нѣтъ въ одинъ народъ“.

„Русское и готское никогда синонимами не были. Слѣовательно, слова житія Кириллова объ евангеліи

Святые Кириллъ и Меѳодій.
(Католическое изображеніе съ видомъ на Велеградь).

(Cyrille et Méthode, Paris 1868, 67—68), *Платоновъ* (Жизнь и подвиги первоуч. слав. въ „Дух. Вѣстанкѣ“ 1862, II, 330), *К. И. Невостревъ* (Кир.-Мѳ. Сборникъ, 224), *Е. Е. Голубинскій* (Ист. рус. церкви, I: 1, 2 изд., М. 1901, 49 и I: 2, 2 изд., М. 1904, 336, примѣч. 3), *И. И. Малышевскій* (Свв. Кириллъ и Меѳодій, 46—51), *В. Г. Васильевскій* („Журн. Мин. Нар. Просв.“ 1903, апр., — въ статьѣ Ламанскаго, стр. 376—379), *Pastrnek*, *Dějiny slovanských apostoļu Cyrilla a Methoda*, Praha 1902, 52—53, — у Ламанскаго въ „Журн. Мин. Нар. Просв.“ 1903, апрѣль, 363). Акад. *Ламанскій*, подвергнувъ критическому разбору мнѣніе

и псалтыри, писанныхъ русскими письменами, наконецъ образомъ не могутъ быть объясняемы — готскими письменами“. Просьба изъ Хозаріи въ Византію о присылкѣ духовнаго лица и о готовности принять христіанство шла, по Ламанскому, не отъ кнѣзя и правительства хозарскаго (еврейскаго и мусульманскаго), а отъ страны и народа. Кромѣ собственныхъ хозаръ, тюрковъ, евреевъ, Хозарія заключала въ себѣ цѣлый рядъ славянскихъ племенъ — язычниковъ, изъ коихъ къ половинѣ IX в. многіе приняли христіанство. Посольство въ Византію было отъ Аскольдовой руся, и вскорѣ послѣ нападенія на Константинополь, въ концѣ 860 — въ началѣ 861 г. Варяги

Аскольдовы были натравлены и подкуплены азиатскими мусульманами для нападенія на Константинополь. Постигшія русь бѣдствія подъ Константинополемъ такъ сильно на нихъ подѣйствовали, что они разувѣрились и въ помощи своихъ родныхъ боговъ и въ помощи великаго Аллаха, и подъ вліаніемъ свѣжаго сильнаго впечатлѣнія постигли обратиться къ Византіи съ изъясненіемъ готовности покориться христіанскому Богу. Принимая показаніе червооризца Храбра объ изобрѣтеніи славянскихъ письменъ и вначальномъ переводѣ священныхъ книгъ Константиномъ философомъ въ 855 г., Ламанскій утверждаетъ, что славянскіе первоучители отправились въ Хозарію уже со списками изготовленныхъ переводовъ. Имѣя при себѣ евангеліе и псалтырь своего перевода, писанныя „*словенскими письменами*“, Константинъ философъ не искалъ, не случайно обрѣлъ челоуѣка, а, имѣя своихъ спутниками посланцевъ Аскольда, одному или нѣсколькимъ изъ нихъ (русъ) читалъ свой славянской переводъ. Поздѣйшій редакторъ житія Кириллова вставилъ въ первоначальный его текстъ вымышленную моравскимъ или паннонскимъ патріотизмомъ басню объ изобрѣтеніи славянской азбуки и о началѣ перевода евангелія въ 863 г. передъ самымъ отъѣздомъ въ Моравію, и, значить, совершенныхъ Константиномъ философомъ исключительно для моравянъ („Журн. Мис. Нар. Просв.“ 1903 г., ч. 346, стр. 382; ч. 347, стр. 156, 350, 358—360). Здѣсь не лишне замѣтить, что мысль о началѣ просвѣтительной дѣятельности Константина философа у славянъ ранѣе моравской миссіи раздѣляли, кромѣ Ламанскаго, и другіе ученые, именно: *Гильфердингъ* (Собр. соч. I, 299 — 303 и Кир.-Мео. Сборникъ, 146—153), *Срезневскій* (Славянско-русская палеография XI—XIV в., Спб. 1885, 60, 68—69), *Арсангелскій* (вышеупом. соч., стр. 7—8). Проф. *П. А. Лавровъ* въ обширной бібліографической статьѣ о сочиненіи акад. Ягича „*Zur Entstehungsgeschichte der kirchenslavischen Sprache*“, (Wien 1900), сказавъ, что, до обнаруженія пространныхъ житій Кирилла и Меодія, начало дѣятельности ихъ относили къ Болгаріи, въ примѣчаніи говоритъ слѣдующее: „Нужно замѣтить, что при такомъ представленіи дѣла выплываетъ много вопросовъ

объ обращеніи Ростислава въ Константинополь даже съ точки зрѣнія паннонскаго житія. Въ самомъ дѣлѣ, для чего обращается Ростиславъ къ Византіи? Чтобы вмѣсто непонятной для народа проповѣди на чужомъ нѣмецкомъ языкѣ получить такихъ учителей, которые бы могли вести дѣло проповѣди на родномъ языкѣ. Когда теперь полагаютъ, что Кирилль и Меодій ранѣе этого призыва для славянъ византійской имперіи и Болгаріи ничего не сдѣлали, священнаго писанія не переводили и литургіи на славянскомъ языкѣ не устанавливали, является страннымъ, на чемъ-же основывались надежды Ростислава? При настоящемъ взглядѣ на ходъ дѣла приходится отвергать точную дату Храбра о изобрѣтеніи алфавита въ 855 г. Не мало затрудненій возникаетъ и при рѣшеніи вопроса, когда было установлено славянское богослуженіе у болгаръ, о чемъ нигдѣ нѣтъ упоминанія. Невольно рождается сомнѣніе, не придется ли въ данномъ случаѣ вѣры разсказу житія Кирилла больше, чѣмъ бы это слѣдовало“ (см. „Извѣстія Отд. рус. яз. слов. Импер. Ак. Наукъ“ 1901 г., VI, I, 245—246).

Отправленіе Константина и Меодія въ Моравію произошло по слѣдующему поводу. Въ 862 г. моравскій князь Ростиславъ, посоветовавшись съ своими родичами и боярами, прислалъ посольство къ царю Михаилу съ такою рѣчью: „люди наши отвергли поганства и держимъ мы теперь законъ христіанскій, но не имѣемъ учителя, который бы сказалъ намъ истинную вѣру христіанскую на нашемъ языкѣ, чтобы и другія страны, взирая на насъ, подобились намъ. Итакъ пришли къ намъ, царь, такого учителя и епископа, ибо отъ васъ добрый законъ исходитъ на всѣ страны“. Такъ въ пространномъ или паннонскомъ житіи Кирилла. Въ житіи Меодія правивается слѣдующее: „привыли къ намъ многіе учителя христіанскіе изъ волоховъ (итальянцевъ), грековъ и нѣмцевъ и учать насъ различно. А мы, славяне—люди простые и не имѣемъ никого, кто бы насъ поставилъ на истину и понятию научилъ насъ“. Императоръ Михаилъ III созвалъ соборъ или совѣтъ, и, пригласивъ на него Константина, далъ ему выслушать рѣчь пословъ и сказалъ: „слышалъ, философъ, эту рѣчь; знаю, ты не

такъ здоровъ, но этого дѣла никто другой не можетъ совершить такъ, какъ ты; дамъ тебѣ многіе дары; возьми брата твоего игумена Меѳодія, и идите; ибо вы солуняне, а солуняне всѣ чисто говорятъ послаславянски". Константинъ отвѣчалъ: „я слабъ тѣломъ и боленъ, но радъ идти туда, если они (моравскіе славяне) имѣютъ буквы (т. е. книги) на своемъ языкѣ". Царь, продолжаетъ житіе Кирилла, — сказалъ на это: „дѣдъ мой и отецъ мой и иные многіе, искушивъ этого, не обрѣли; какъ я могу обрѣсти?" Философъ сказалъ: „кто же можетъ писать бесѣду на водѣ или навлечь на себя еретическое имя?" Смыслъ этихъ словъ: опасно проповѣдывать безъ письменной подкладки, потому что изъ одной устной передачи догматовъ вѣры могутъ выдти еретическія заблужденія, и тогда вина падетъ на проповѣдника. Царь съ Вардою сказали: „если ты восхочешь (изобрѣсти буквы славянскія), то можешь дать тебѣ это Богъ, дающій всѣмъ просимое съ вѣрою и отвергающій толкующимъ". Философъ согласился идти. По обычаю, онъ уединился на молитву съ братомъ Меѳодіемъ и съ другими споспѣшниками, которые были одного духа съ ними. И вскорѣ Богъ, слышавшій молитвы рабовъ Своихъ, явилъ просимое, давъ Константину составить славянскія письмена, и онъ началъ писать евангельскія слова: „Искони бѣ Слово, и Слово бѣ у Бога, и Богъ бѣ Слово и прочая". Царь возрадовался и прославилъ Бога съ своими совѣтниками. Константинъ и Меѳодій, съ новопреведенными священными книгами, отправились въ Моравію, неся съ собою царскіе дары и грамоту къ князю Ростиславу. Такъ излагается дѣло это въ паннонскихъ житіяхъ, но, по изысканіямъ авторитетныхъ ученыхъ, не такъ происходило въ дѣйствительности. Моравы, — говоритъ акад. Е. Е. Голубинскій, — незадолго передъ тѣмъ принявшіе христіанство, никакъ не могли возмѣтить желаніе слушать богослуженіе на своемъ славянскомъ языкѣ, т. е. возстать противъ порядковъ римской церкви. Съ другой стороны и греки IX в. совершенно такъ же, какъ латиняне, были самымъ рѣшительнымъ образомъ за то, чтобы у всѣхъ народовъ ихъ греческой церкви богослуженіе совершалось на одномъ греческомъ языкѣ. Такимъ образомъ моравы не могли обращаться къ грекамъ съ просьбой перевести для нихъ

греческія богослужебныя книги на ихъ славянскій языкъ. На самомъ дѣлѣ причиной моравскаго посольства въ Византію была возгорѣвшаяся тогда ожесточенная борьба моравовъ съ вѣмцами за независимость, а цѣлю — заключеніе желательнаго для моравовъ въ интересахъ ихъ борьбы политическаго и церковнаго союза съ греками. Отправленный во главѣ церковной миссіи въ Моравію, принятую подъ власть константинопольскаго патріарха, Константинъ по собственной инициативѣ рѣшилъ дать моравамъ богослуженіе въ переводѣ на ихъ народный языкъ (*Голубинскій*, Ист. рус. церкви, I: 2, изд. 2-е, М. 1904, 326—328).

По прибытіи въ Моравію, Константинъ и Меѳодій были съ честію приняты княземъ Ростиславомъ въ его столицѣ. Ростиславъ собралъ учениковъ и далъ въ обученіе св. братьямъ и ихъ споспѣшникамъ. Подъ учениками должно разумѣть не только малолѣтнихъ, но и людей взрослыхъ, которые, немедленно послѣ обученія славянскою азбукѣ и грамотѣ, могли бы быть поставлены въ священники и прочія церковныя должности. Продолжая начатый раньше переводъ, Константинъ съ Меѳодіемъ перевелъ кругъ богослужебныхъ книгъ и службъ, утвари, часовъ, вечерни, литургіи и обучилъ имъ моравскихъ учениковъ. И отверзались, — говоритъ житіе Кирилла, — уши глухихъ къ слушанію книжныхъ словъ и службъ, и у вѣмныхъ сталъ ясенъ языкъ. Вѣстѣ съ тѣмъ, посѣщая города и села, Константинъ и Меѳодій лично проповѣдывали св. ученіе. „И ради быша словѣни, яко слышаша величія Божія своимъ языкомъ", — замѣчаетъ русскій лѣтописецъ Несторъ. Между тѣмъ, вскорѣ послѣ прибытія Константина и Меѳодія въ Моравію, моравы снова вынуждены были возвратиться подъ власть папы, отъ котораго они отложались было къ патріарху константинопольскому. Св. братья, однако, и послѣ сего не возвратились въ Константинополь, а остались въ Моравіи, чтобы въ качествѣ частныхъ лицъ-миссіонеровъ, продолжать дѣло просвѣщенія славянъ западныхъ. За свое нововведеніе пришлось внести имъ тяжелую борьбу съ латино-вѣмецкимъ духовенствомъ, борьбу, начавшуюся тотчасъ по вступленіи ихъ на моравскую почву, тянувшуюся всю ихъ жизнь, не окончившуюся и послѣ ихъ смерти. Латинно-вѣмецкіе епископы и патеры враждо-

вали противъ дѣла Константина и Меѳодія, и какъ представители нѣмецкаго королевства Людовика, имѣвшаго притязаніе на верховенство надъ славянскими княжествами, грозившее быть устраненнымъ чрезъ усиленіе чувства національной самобытности у славянъ при богослуженіи на родномъ языкѣ и чрезъ имѣвшее явиться народное духовенство, — враждовали изъ боязни за свою власть и доходы. Князь Ростиславъ не могъ оказать поддержки св. братьямъ, такъ какъ въ 864 г., осиленный королемъ Людовикомъ нѣмецкимъ, принужденъ былъ дать обязательство покорности и вѣрности, тяготѣвшее надъ нимъ два года. Боролся Константинъ съ своими врагами, какъ Давидъ съ иноплемениниками — по выраженію житія, поражая ихъ словами Писанія, и назвалъ ихъ трезычниками. Въ тоже время обличалъ различныя суевѣрія и дурныя языческіе обычаи, еще жившіе въ народѣ, отъ какихъ не только не умѣли отучить его латинско-нѣмецкіе пастыри, заботливые болѣе о своей власти и доходахъ, чѣмъ о духовномъ благѣ чуждаго имъ по племени народа, но которымъ и сами потворствовали, какъ люди своего вѣка и чуждые высшаго духовнаго просвѣщенія. Черезъ 40 мѣсяцевъ Константинъ и Меѳодій отравились съ учениками для ихъ поставленія въ церковныя степени къ латинскому митрополиту, которому принадлежала въ то время церковная власть надъ Моравіей, именно къ митрополиту венеціанскому, при чемъ на пути имѣли довольно продолжительную остановку въ Панноніи у одного подручнаго нѣмца славянскаго князя, Коцела блатенскаго, имѣвшаго столицу въ городѣ Мосбургѣ при озерѣ Влатиѣ. Коцель съ честію принялъ св. братьевъ и удержалъ у себя, полюбостествовалъ видѣть и полюбилъ славянскія книги, самъ научился имъ, далъ св. братьямъ 50 учениковъ для обученія этимъ книгамъ, и, много почтивъ, съ почетомъ проводилъ въ дальнѣйшій путь. Ни отъ Ростислава, ни отъ Коцела не взяли они ни золота, ни серебра, ни другой какой вещи, а только испросили у обоихъ князей свободу 900 плѣннымъ. Венеціанскій митрополитъ-патріархъ Виталисъ Партиципацио († 873 г.), вмѣсто посвященія учениковъ Константина, собралъ на него многочисленный соборъ изъ епископовъ митрополіи, священниковъ и монаховъ, который потребовалъ

у него отвѣта: какъ онъ дерзнулъ перевести богослужебныя книги на славянскій языкъ, когда ничего подобнаго не сдѣлали ни Апостолы, ни папы римскіе, ни великіе святые отцы и когда надлежитъ славить Бога только тремя языками: еврейскимъ, греческимъ и латинскимъ? Константинъ отвѣчалъ своимъ судьямъ горячимъ обличительнымъ словомъ: указавъ на то, что предъ Богомъ одинаково равны всѣ люди и всѣ народы, сославшись на исторію и современную дѣйствительность въ доказательство того, что на самомъ дѣлѣ христіанское богослуженіе совершалось и совершается вовсе не на трехъ только языкахъ, и приведши мѣста изъ Свящ. Писанія о томъ, что Евангеліе должно быть проповѣдано всѣмъ народамъ на понятныхъ для нихъ языкахъ (о чемъ особенно въ 1 Кор. 14), онъ прямо назвалъ своихъ судей книжниками и фарисеями-лицемѣрами, затворяющими передъ людьми царство небесное. О посвященіи учениковъ въ церковныя должности не могло быть и рѣчи. Св. братьямъ не оставалось другого исхода, какъ искать защиты своему дѣлу въ Римѣ, гдѣ между тѣмъ папа Николай уже услышалъ о нихъ и куда онъ и позвалъ ихъ. Это было до ноября 867 г. Братья, однако, прибыли въ Римъ уже при преемникѣ Николая († 13 ноября 867 г.) Адрианѣ II, вступившемъ на папскій престолъ 14 декабря того же 867 г. Услышавъ, что св. братья несутъ мощи св. Климента, папа вышелъ имъ навстрѣчу за городъ съ римскимъ клиромъ и народомъ, съ крестомъ и свѣчами. Торжественное внесение мощей въ городъ ознаменовано, по житію Константина (гл. 17), разными чудесами. Благоклонно принявъ папа отъ св. братьевъ и славянскія книги, освятилъ ихъ и положилъ въ церкви св. Маріи, называемой *Фанти* (φάντι, ясли), т. е. S. Mariae ad praesepē, и по этимъ книгамъ пѣли литургію. Потомъ папа повелѣлъ епископамъ Формозу и Гавдеріку посвятить славянскихъ учениковъ, приведенныхъ св. братьями, и были посвящены три священника и два анагиста (чтецы). Тогда же посвященъ во священники и братъ Константина игуменъ Меѳодій, оставившій дотолѣ простымъ монахомъ (ибо въ Греціи въ то время допускалось, чтобы ставимы были игуменами монастырей и простые монахи). По посвященіи, въ первый день пѣли славян-

скую литургію въ церкви св. Петра, гдѣ на алтарѣ положено было славянское евангеліе, въ другой—въ церкви св. Петрониллы, въ третій—въ церкви св. Андрея; затѣмъ пѣли еще ночью литургію въ церкви учителя народовъ св. ап. Павла надъ его гробомъ, при чемъ участвовали въ служеніи епископъ Арсеній, одинъ изъ семи кардиналовъ, и Анастасій—библіотекаръ. Не смотря, однако, на всѣ эти знаки чествованія св. братьевъ и ихъ славянскихъ книгъ, нашлись въ римскомъ духовенствѣ и противники ихъ, болѣвшіе трезычною ересью, будто богослуженіе можетъ быть отправляемо только на трехъ языкахъ Пилатовой надписи. Папа предложилъ тогда вопросъ на обсужденіе въ собораніи, куда призваны и св. братья для защиты своего дѣла. Константинъ въ своей защитѣ повторилъ то, что уже говорилъ въ Венеціи. Папа—по житію Меодія (гл. 6)—осудилъ пилатниковъ и трезычниковъ, даже проклялъ. Нѣмецкіе ученые *Фридрихъ и Гетцъ* въ послѣднее время отвергаютъ достоверность этихъ фактовъ (о почестяхъ, оказанныхъ св. братьямъ въ Римѣ, и о признаніи папою Адрианомъ II славянской литургіи), считая ихъ позднѣйшими прикрасами, но безъ достаточныхъ основаній, какъ это показало акад. *Ягичъ* (*Friedrich, Ein Brief des Anastasius Bibliothecarius an den Bischof Gandericus von Velletri über die Abfassung der „Vita cum translatione Clementis Papae“: eine Quelle zur Cyrillus und Methodius Frage, München 1892 г.; Goetz, Geschichte der Slavenapostel Konstantinus (Kyrillus) und Methodius, Gotha 1897 г. 148—152; Jagić, Zur Entstehungsgeschichte der kirchenslavischen Sprache, Wien 1900 г. См. „Изв. Отд. рус. яз. и слов. Импер. Ак. Наукъ“ 1901 г., VI:1, библиогр. статью проф. П. А. Лаврова, стр. 250—251). Конечно, весьма трудно предполагать, что благосклонность папы Адріана II была искреннею. Поэтому,—говоритъ акад. *Голубинскій*,—необходимо думать, что въ умѣ его знаменитаго предшественника, который по-звалъ Константина въ Римъ, явились по отношенію къ послѣднему и его славянскимъ книгамъ особые планы, которые требовали показать благосклонность къ одному и къ другимъ, и что Адріанъ II, являя эту благосклонность, дѣйствовалъ по мыслямъ Николая. Такимъ планомъ для Николая могло*

быть то, чтобы руками Константина устроить миссію для обращенія славянскихъ народовъ въ католическое христіанство и чтобы при этомъ славянскія книги (которые вполнѣ въ состояніи можно было запретить во всякое время) употребить, какъ средство для усильнѣйшаго привлеченія народовъ къ христіанству и католичеству (Ист. рус. ц., I, 2, 2-е изд. М. 1904 г. 338).

Изнуренный подвижническими и книжными трудами и далекими путешествіями, Константинъ въ Римѣ заболѣлъ, и, послѣ годичнаго пребыванія въ немъ, скончался 42 лѣтъ отъ роду 14 февраля 869 г., принявъ за 50 дней до смерти монашеское постриженіе съ именемъ Кирилла. Меодій хотѣлъ было отнести останки усопшаго, согласно волѣ матери относительно мѣста погребенія обоихъ братьевъ, въ свой монастырь въ Солуни, но римскіе епископы обратились къ папѣ съ представленіемъ, что если ему—Константину послѣ его путешествій по многимъ землямъ суждено было Богомъ умереть въ Римѣ, то и надлежитъ ему быть погребену въ немъ, какъ знаменитому мужу. Папа согласился съ представленіемъ епископовъ и въ свидѣтельство своего особеннаго къ нему уваженія приказалъ было, отступая отъ существовавшей обычая, положить его въ церкви св. Петра, въ усыпальницѣ самихъ папъ. Но когда Меодій обратился съ просьбою къ папѣ, что если уже хотятъ погребсти его въ Римѣ, то пусть погребутъ въ церкви св. Климента, съ мощами котораго онъ пришелъ въ него: въ этой церкви и положили его по правую сторону алтаря, при чемъ погребеніе совершено съ такою торжественностію, съ какою погребались только сами папы. При гробѣ его начали твориться многія чудеса съ самой минуты погребенія, и римляне, видя это, стали еще болѣе почитать почившаго праведника, написали икону его надъ гробомъ и засвѣтили надъ нимъ неугасимую лампаду.

Передъ смертію св. Кирилль крѣпко завѣщалъ своему брату Меодію не возвращаться на родину, а оставаться у славянъ и продолжать начатое сообщая дѣло учительства и просвѣщенія славянъ. „Мы съ тобою, — говорилъ онъ, — были, какъ параволовъ, ведущихъ одну борозду! И я падаю на своей чертѣ,—день мой кончился. А ты, я знаю, сильно любишь гору (гдѣ

въ монастырь жилъ Меодій); но, ради своей горы, не оставляя трудовъ ученія своего: этимъ ты можешь еще лучше спастись“ (Житіе Меодія, гл. 7). Меодій свято исполнилъ завѣтъ своего брата.

Литературная дѣятельность св. Кирилла. Пространное или т. н. павновское житіе св. Кирилла, упоминающая объ обрѣтеніи въ Херсонѣ мощей св. Климента, считается на особое сказаніе о семъ событіи, говоря: „якоже пишеть въ обрѣтеніи его“. Извѣстное „Слово на пренесеніе мощей преславнаго Климента, историческу имущее бесѣду“, произнесенное въ день памяти обрѣтенія 30 января, съ большою вѣроятностію можетъ быть усвоено св. Кириллу. Недавно открытое и въ 1892 г. обнаруженное мюнхенскимъ профессоромъ Фридрихомъ письмо Анастасія бібліотекаря къ епископу Гавдеріку свидѣтельствуєтъ, что св. Кирилль написалъ на греческомъ языкѣ три сочиненія, относящіяся къ св. Клименту: историческую повѣсть, торжественное слово и стихотворную похвалу. Первые два сочиненія, — можно думать, — и лежатъ въ основаніи вышеоименованнаго „Слова“, какъ показываетъ его заглавіе: „Слово... историческу имущее бесѣду“. Раньше этого открытія данное „Слово“ усвоили св. Кириллу *Шафарикъ*, *Бодянский* и особенно *Викторовъ*, противъ доводовъ котораго возражалъ *Вороновъ* (см. „Сборникъ Отд. рус. яз. и слов. Имп. Ак. Наукъ“ 1893 г., т. 54, прилож. № 3, статью акад. Гягича, стр. 14—16). Напечатано впервые въ Кирилло-Меодіевскомъ Сборникѣ, М. 1865, 319—326, изъ Макарьевскихъ Четыхъ-Миней по списку московской Синодальной бібліотеки, мѣсяць январь, подъ 23 числомъ. Въ рукописи московской Духовной Академіи № 91 (фундам.) помѣщено на лл. 677 — 683 подъ 30 января тоже слово въ болѣе древнемъ текстѣ (напр., въ акад. спискѣ: *литанія етера, к' кафоликии цркви, прелоскан, а въ спод.: литія иѣнал, въ говорноую цркви, прелогоущин...*). По этой рукописи Слово издаю *Ив. Франковъ* въ „Запискахъ товарищества имени Шевченка“, кн. 60.

По свидѣтельству того же павновскаго житія, св. Кирилль описалъ свои пренія, въ Хозаріи съ іудеями и магометанами въ особомъ сочиненіи, которое потомъ, пе-

слѣ его смерти, архіепископъ Меодій передалъ съ греческаго на славянскій языкъ и раздѣлялъ на восемь словъ. Это сочиненіе въ настоящее время неизвѣстно.

Величайшая заслуга св. Кирилла для славянъ въ томъ, что онъ—по выраженію акад. Голубинскаго—„возвѣмъ мысль и ревность и нашель въ себѣ мужество составитъ славянскую азбуку и перевести греческія богослужебныя книги на славянскій языкъ—въ то время, когда никто объ нихъ не думалъ, когда никто не находилъ ихъ нужными, когда всѣ были противъ нихъ“ („Приб. къ твор. св. отц.“, М. 1885, ч. 36, стр. 203—204). Литературная дѣятельность славянскихъ первоучителей направлена была главнымъ образомъ на переводъ Свящ. Писанія и богослужебныхъ книгъ. При семъ павновскія житія и другіе памятники отдѣляютъ ранніе труды св. Кирилла отъ позднѣйшаго труда Меодія. По свидѣтельству павновскаго житія, св. Кирилль, какъ только избобрѣлъ писмена, началъ „бесѣду писати евангельскую: Искони бѣ Слово, и Слово бѣ у Бога, и Богъ бѣ Слово и прочая“, т. е. началъ переводить евангеліе недѣльное или апракосъ (отъ греч. *ἄπρακτος*), раздѣленное на чтенія по недѣлямъ на цѣлый годъ, начиная съ пасхи. Прішедши въ Моравію, вскорѣ весь церковный чинъ предложилъ и научилъ (учениковъ) утрени, и годинамъ обѣдѣи и вечерней, повечерію и тайнѣй службѣ (литургіи). Павновское житіе св. Меодія, повѣствуя объ окончаніи перевода біблейскихъ книгъ съ греческаго на славянскій языкъ, въ слѣдъ за сими прибавляетъ: „Псалтирь бо бѣ токмо и евангеліе съ апостоломъ и избранными службами церковными съ философомъ предложилъ первѣ“. Іоаннъ экзархъ болгарскій, жившій во время болгарскаго царя Симеона (888 — 927 г.), слѣд. когда жили ученики славянскихъ первоучителей, удалившіеся изъ Моравіи, свидѣтельствуєтъ, что „святый человекъ Вожій Константинъ, философъ нарицаемый, много трудовъ понесъ, строя писмена славянскихъ книгъ и отъ Евангелія и Апостола прелагая изборъ“ (Прологъ или предисловіе къ переводу богословія Іоанна Дамаскина). Папа Адріанъ II, по смерти св. Кирилла (869 г.), въ особомъ посланіи къ славянскимъ князьямъ Ростиславу, Свято-

полку и Коцелу говорить, что папа посылаетъ къ нимъ Меодія, „да онъ научить ихъ, сказавъ книгу на ихъ языкѣ, по всему церковному чину исполнь, и съ святою миссою (missa), рекше съ службою и съ крещеніемъ“ (посланіе сохранилось на славянскомъ языкѣ въ паннонскомъ житіи Меодія). Такимъ образомъ результатомъ трудовъ св. Кирилла былъ переводъ евангельскихъ и апостольскихъ чтеній, псалтири и избранныхъ вседневныхъ службъ: утрени, часовъ, литургіи, повечерія и послѣдованія таинствъ. Этотъ начальный трудъ перевода библейскихъ и богослужебныхъ книгъ продолжалъ, по смерти св. Кирилла, братъ его Меодій въ течение шестнадцатилѣтней епископской дѣятельности своей въ Моравіи.

Кромѣ вышеуказанныхъ трудовъ, въ древней славяно-русской письменности, отъ-части и въ новой наукѣ усвоены св. Кириллу не мало литературныхъ произведеній, каковы: Слова историческаго и правоучительнаго содержанія (въ числѣ ихъ т. н. содунская легенда и „прогласъ святаго евангелія“), „Написаніе о правой вѣрѣ“, апологи и притчи. Но всѣ эти произведенія—одни съ несомнѣнностію, другіе съ наибольшею вѣроятностію—должны быть считаемы непринадлежащими св. Кириллу, славянскому первоучителю.

См. критическій обзоръ ихъ у проф. А. Д. Воронова, Кирилль и Меодій, стр. 222—265. Здѣсь и литература по данному вопросу. Укажемъ нѣкоторые труды, вышедшіе послѣ изданія книги Воронова (Кіевъ 1877): акад. А. Н. Веселовскій, Замѣтки по литературѣ и народной словесности, Спб. 1883. Къ вопросу объ апологахъ св. Кирилла; проф. Е. Пытуховъ, Къ вопросу о Кириллахъ-авторахъ въ древней русской литературѣ, Спб. 1887, въ „Сборн. Отд. рус. яз. и слов. Имп. Ак. Наукъ“, т. 42, № 3; М. В. Безобразова, Изреченія св. Кирилла въ „Изв. Отд. рус. яз. и слов. Имп. Ак. Наукъ“ III: 4, Спб. 1898; А. И. Соболевскій, Шестодневъ Кирилла философа въ „Изв. Отд. рус. яз. и слов. Имп. Ак. Наукъ“, VI: 2, Спб. 1901.

Источники. Въ исторіи христіанскаго просвѣщенія славянскаго племени и въ частности въ той отрасли научныхъ изысканій, которая именуется славянскою филологіей или славистикой, біографія св. Кирилла и Меодія занимаетъ самое видное,—можно сказать,—центральное мѣсто,

такъ какъ съ нею связаны многіе перво-степенные вопросы, какъ-то: о характерѣ первоначальнаго христіанскаго просвѣщенія и богослуженія у славянъ, о началѣ славянскаго письменности, о происхожденіи и взаимномъ отношеніи двухъ славянскихъ азбукъ—кирилловской и глаголической, о родинѣ или народности употребленнаго ими для письменности языка и т. п. Но строго научное изложеніе жизни и дѣятельности свв. Кирилла и Меодія представляетъ много существенныхъ трудностей. Нельзя сказать, чтобы мало было источниковъ для ихъ біографіи: ихъ довольно—официальныхъ и неофициальныхъ, на латинскомъ, славянскомъ и греческомъ языкахъ. Нельзя сказать и того, чтобы источники эти мало были разрабатываемы наукою. Нѣтъ,—кирилло-меодіевская литература, особенно за послѣднее время, послѣ юбилеевъ 1862, 1869 и 1885 гг. чрезвычайно разрослась. Но именно источники біографіи свв. Кирилла и Меодія и представляютъ существенныя затрудненія для изслѣдователя, благодаря крайнему разнорѣчію своихъ показаній. „Жизнь и подвиги содунскихъ братьевъ,—справедливо замѣчаетъ *Лазаровскій*,—принадлежать къ разряду тѣхъ историческихъ явленій, которыя наиболѣе богаты поздѣйшими прибавленіями, смѣшеніями и извращеніями, согласно съ народными преданіями, съ далеко не всегда твердымъ знаніемъ дѣла переписчиками и сократителями и, наконецъ, съ личными взглядами и интересами составителей позднѣйшихъ памятниковъ“ (Св. Кирилль и Меодій, какъ православные проповѣдники и учителя у западныхъ славянъ, въ связи съ современною имъ исторіею церковныхъ несогласій между востокомъ и западомъ въ „Духовномъ Вѣстникѣ“, Харьковъ 1863, т. V, 119). А. Викторовъ такъ очерчиваетъ это взаимное противорѣчіе источниковъ. „По однимъ источникамъ,—говоритъ онъ,—Кирилль и Меодій были греки, по другимъ славяне; по однимъ старшій изъ братьевъ былъ Меодій, по соображенію съ другими Кирилль; по однимъ только послѣдній путешествовалъ къ хазарамъ, по другимъ оба. Изобрѣтеніе славянской грамоты одни источники приписываютъ Кириллу, другіе Меодію, третьи обоимъ, и при томъ самыя свидѣтельства объ этомъ,

при своей неопредѣленности, даютъ возможность подѣ именемъ славянскихъ писменъ разумѣть однимъ изслѣдователямъ—азбуку кирилловскую, другимъ—глаголитскую. Мѣстомъ позбрѣтѣнія славянской азбуки одни источники называютъ Царьградъ, другіе Моравію, третьи Болгарію, четвертые наконецъ Херсонъ, гдѣ будто бы Кирилль нашелъ уже готовыя письма. Временемъ позбрѣтѣнія славянской грамоты по однимъ извѣстіямъ былъ 852-й годъ, по другимъ—855, по третьимъ—858—861, по четвертымъ 862, по пятымъ—865-й и т. д. Дѣятельность Кирилла и Меѳодія въ Моравіи по однимъ источникамъ продолжалась 3 года, по другимъ 3 года съ половиною, по третьимъ 4 года съ половиною, по инымъ наконецъ, апостолы славянскіе вовсе не были въ Моравіи, а дѣятельность ихъ ограничивалась одною Болгарією. Точно такія же противорѣчащія свидѣтельства существуютъ о санѣ Кирилла и о времени посвященія его и Меѳодія въ епископы, о мѣстѣ епископской кathedры послѣдняго, о времени кончины Кирилла, о мѣстѣ и времени кончины Меѳодія, о характерѣ дѣятельности проповѣдниковъ въ Болгаріи, о числѣ переведенныхъ ими книгъ, о славянскомъ нарѣчій, на которое сдѣланъ былъ переводъ, и проч. и проч.“ (Кир.-Меѳод. Сборникъ, 351—352). Въ виду этого существенно необходимою является критика источниковъ. Только предварительно предпосланная должная критическая оцѣнка источниковъ можетъ предложить изслѣдователю вѣрный путь добратся до истины среди огромной массы показаній разнообразныхъ.

Критикъ источниковъ посвящены слѣдующіе труды: *И. Добровскій*, Кирилль и Меѳодій, словенскіе первоучители. Историко-критическое изслѣдованіе; переводъ съ нѣмецкаго, М. 1825 (оригиналъ вышелъ въ Прагѣ, въ 1823 г.); проф. *О. М. Бодянский*, О времени происхожденія славянскихъ писменъ, М. 1855, стр. 1—170; *Лавровскій*, Св. Кирилль и Меѳодій, какъ православные проповѣдники и учителя у западныхъ славянъ—въ „Дух. Вѣстникъ“, Харьковъ 1863, т. V, стр. 83—120; *Виктороффъ*, Кирилль и Меѳодій: новые источники и ученые труды для исторіи славянскихъ апостоловъ въ „Кир.-Меѳод. Сборникъ“, стр. 343—440; *Вильсавогъ*, Кирилль и Меѳодій по документальнымъ источникамъ и по западнымъ легендамъ, ч. 1—2, Спб. 1868—1871;

Вороноффъ, Кирилль и Меѳодій: главнѣйшіе источники для ихъ исторіи, Кіевъ 1877; *Личке*: Вновь найденное свидѣтельство о дѣятельности Константина философа, первоучителя славянъ св. Кирилла (письмо ватиканскаго бібліотекаря Анастасія къ епископу веллтерійскому Гавдеріку) въ „Сборн. Отд. рус. яз. и слов. Импер. Ак. Наукъ“ т. 54, № 3, Спб. 1893, и *Zur Entstehungsgeschichte der kirchenslavischen Sprache*, Wien 1900, въ „Denkschriften der K. Akad. der Wiss. in Wien; Philos.-histor. Classe, B. XLVII (содержаніе этого труда Ягича вложено и разобрано въ статьѣ проф. *Лаврова* въ „Изм. Отд. рус. яз. и слов. Импер. Ак. Наукъ“ 1901 г., VI: 1, 242—324; см. и статью акад. *Ламанскаго*, тамъ же VI: 4, 312—339); *Ламанскій*, Славянское житіе св. Кирилла, какъ религіозно-эпическое произведеніе и какъ историческій источникъ: критическія замѣтки (памяти Добровскаго) въ „Журн. Мин. Нар. Просв.“ 1903, апрѣль, май, іюнь, декабрь и 1904, январь, апрѣль, май и слѣд.

Изъ официальныхъ документовъ о дѣятельности св. Кирилла вмѣстѣ съ Меѳодіемъ по переводу библейскихъ и богослужебныхъ книгъ съ греческаго на славянской языкъ упоминаютъ:

а) *Посланіе папы Адріана II* (867—872 г.) къ славянскимъ князьямъ *Ростиславу, Святополку и Коцелу*.

Посланіе дошло до насъ въ славянскомъ переводѣ, въ паннонскомъ житіи Меѳодія. Какъ вполне достовѣрный источникъ, оно, въ латинскомъ переводѣ Миклошича, издано *Дюммеромъ* (*Die rannonische Legende vom heiligen Methodius* въ „Archiv für Kunde österreichischer Geschichts-Quellen“, Wien 1854, B. XIII) и *Эрбеномъ* (*Regesta Bohemiae et Moraviae, pars I-ma, Pragae 1855*). Возраженія нѣмецко-католическихъ писателей: *Гиттеля*, *Фридриха* и *Гётца*, а также чеха *Вондрака* противъ подлинности этого посланія (какъ и посланія папы Іоанна VIII отъ 880 г.) разобраны—перваго—учеными *Рички* („*Arkiv za jugoslov. povjestnicu*“, Zagreb 1857, кн. IV, 281—298) и *Лавровскимъ* (Св. Кир. и Меѳ., какъ правосл. пропов. и учителя у зап. славянъ, 109—118), остальныхъ трехъ—проф. *Лавровымъ* („Визант. Временникъ“, Спб. 1900, т. VII, 116—120, 132—134) и акад. *Личкемъ* (*Zur Entstehungsgeschichte der Kirchenslav. Sprache*).

б) *Посланіе папы Іоанна VIII къ Святополку отъ іюня 880 г.*

Изданія: *Boczek*, Codex diplomaticus et epistolaris Moraviae, Olomucii 1836. t. I;

Erben, Regesta diplomatica nec non epistolaria Boh. et Moraviae, Praga 1855, pars I; *Ginzell*, Geschichte d. Sloven. apostel Cyrill und Method., Leitmeritz 1857, въ приложении, 59—62. Папа адѣсь между прочимъ одобряетъ письма, избобрѣнные Константиномъ философомъ и соглашается на славянское богослуженіе съ тѣмъ, чтобы евангеліе читалось сначала по-латини. Посланіе это призналъ было подложнымъ *Блумбергъ* въ 1824 г. въ разборѣ сочиненій Добровскаго о Кириллѣ и Меѳодіѣ (въ рус. переводѣ книги Добровскаго см. стр. 134—140), но самъ Блумбергъ отказался отъ своихъ возраженій послѣ того, какъ старавіями Паладиаго найдено было въ 1837 г. въ бібліотекѣ монтекассинскаго монастыря въ числѣ другихъ и это посланіе въ древнѣйшемъ пергаментномъ экземплярѣ конца X или начала XI вѣка (напечатано отсюда въ книгѣ *Racki*, *Vielk i djelovanje sv. Cyrilla i Methoda slovenskih apostolov*, U Zagrebu 1857, 337—339). Посланіе это содержится и въ знаменитомъ Британскомъ сборникѣ папскихъ писемъ начала XII в., каковой сборникъ открытъ былъ въ 1879 г. англійскимъ ученымъ Висшопомъ и обследованъ *Эальдомъ* въ „*Neues Archiv der Gesellschaft für ältere deutsche Geschichtskunde*“, B. V, 1880. См. ст. *Воронова*, Научное движеніе по вопросу о св. Кириллѣ и Меѳодіѣ въ „Труд. кiev. Дух. Акад.“ 1881, № 8, 391—416).

Официальный отъ-части характеръ имѣютъ три свидѣтельства ватиканскаго бібліотекаря Анастасія, аббата римской церкви, современника и большого почитателя св. Кирилла.

Первое—въ предисловіи къ его описанію константинопольскаго собора 869 г., *второе*—въ письмѣ къ Карлу Лысому, 875 г., по поводу пересылки ему сочиненій Діонисія Ареопагита, и *третье*—въ письмѣ къ епископу веллетрійскому Гавдеріку, 875—879 г. Первые два свидѣтельства напечатаны у Гинцеля въ прилож., 43—44; писмо къ епископу Гавдеріку издано и обследовано проф. *Фридрихомъ и Личемъ* (см. „С. о. и. О. д. рус. яз. и слов. Импер. Ак. Наукъ“, т. 54, № 3). О немъ еще ст. *А. Л. Пестрова*, Письмо Анастасія бібліотекаря, новый источникъ по Кирилло-Меѳодіевскому вопросу („Журн. Мин. Нар. Пр.“ 1893 г. № 1). Въ своихъ отзывкахъ о Константиновѣ философѣ, какъ о мужѣ великой святости (*magnae sanctitatis vir*), о мужѣ великомъ и апостольской жизни (*vir magnus et apostolicae vitae*—въ письмѣ къ Карлу Лысому, *vir apostolicae vitae*—въ письмѣ къ еп. Гавдеріку), Анастасій бібліотекарь выражалъ, — можно

думать—общее предствленіе о св. Кириллѣ, сложившееся о немъ въ средѣ людей ближе знавшихъ его тогда въ Римѣ.

Изъ неофициальныхъ источниковъ первое мѣсто по важности и исторической достовѣрности занимаютъ:

а) Паннонскія житія Кирилла и Меѳодія: „*Мѣсяца февруарія въ 11, житіе и жизнь и подвижи иже въ святыхъ отца нашего Константина философа, прѣваго наставника и учителя словѣнскому языку*“ (рукопись фундаментальной бібліотеки моск. Дух. Акад. XV в. № 19, л. 365) и „*Мѣсяца апріля въ 5 день память и житіе блаженнаго отца нашего и учителя Меѳодія, архіепископа моравска* (рукоп. моск. Дух. Акад. XVI в. № 63, л. 120). Обѣ рукописи, №№ 19 и 63,—съ замѣтками на поляхъ и ссылками на другія рукописи бывшаго ректора моск. Дух. Академіи прот. А. В. Горскаго, которому принадлежит честь открытія этихъ житій и указанія на ихъ глубокую важность, какъ историческаго источника (извѣстная статья Горскаго въ „Москвитинѣ“ 1843, № 6 и въ „Кир.-Меѳод. Сборникѣ“).

Въ древне-русской письменности они, впрочемъ, были извѣстны уже давно и служили для нашихъ предковъ источникомъ свѣдѣній о славянскихъ первоучителяхъ. О житіи св. Кирилла философа упоминается въ извѣстномъ Сборникѣ 1076 г. въ статьѣ, содержащей похвалу чтенію книжному. Лѣтописецъ Несторъ свои извѣстія объ избобрѣтеніи славянской грамоты, о переводѣ свш. книгъ и проч. заимствовалъ изъ паннонскихъ житій. Послѣдующіе лѣтописцы, составители и дополнители славянскихъ хронографовъ также пользовались этими житіями. Они вошли, какъ составная часть, во всѣ редакціи русскихъ Четвѣхъ-Миней и во многіе сборники, бывшіе въ столь большомъ употребленіи въ старинной русской письменности. Въ концѣ XVII в. болѣе ученый образомъ воспользовался паннонскими житіями св. *Димитрій Ростовскій*, составившій на основаніи ихъ свое жизнеописаніе славянскихъ первоучителей для изданныхъ имъ Четвѣхъ-Миней, гдѣ и помѣщено оно подъ 11 мая: „Въ тойже дѣнь житіе и труды преподобныхъ отецъ нашихъ, Меѳодіа и Константина, нареченнаго Кирилла, епископовъ Моравскихъ, оучителей Славѣнскихъ“; на полѣ: Отъ различныхъ харатейныхъ Четвѣхъ сокращеніе“ (Книга житій святыхъ за май, въ изд. 1837, Мо-

свка, лл. 150—167; лл. 167 об.—169 о ко-
варѣхъ, — на полѣ: Козары что бяху, и
что о нихъ; л. 169 об. о Меѳодіи; л.
169—170 о Кириллѣ философѣ). — Оба жи-
тія въ первый разъ были изданы *Шафари-
комъ* въ его *Průběh drevního písemnictví
Jihoslavanů, V Praze 1851* (2-е изд. 1873
г.); потомъ — *Бодянскимъ* въ „Чтеніяхъ Моск.
Общ. Ист. и Древн. Рос.“ 1863 : II; 1864 :
II; 1865 : I и 1871 : I (16 списковъ житія
Кирилла и 8 списковъ — Меѳодія, — всего
же списковъ житія св. Кирилла извѣстно
17 [сводное изданіе житій св. Кирилла
подготавливается профессоромъ суб. универ-
ситета *П. А. Лавровымъ*] см. у Воронова,
Главн. источники для исторіи свв. Кирил-
ла и Меѳодія, стр. 65, примѣч. 1); *Пала-
кивъ* въ *Fontes rerum bohemicarum, t. I:
Vitae sanctorum, Fasc. I, Praha 1871* и
Пастрикомъ въ *Dějiny slovanských apo-
stolu Cyrilla a Methoda, V Praze, 1902* (оба
житія въ восстановленномъ древне-славян-
скомъ текстѣ съ латинскимъ переводомъ).

Результатъ изслѣдованія прот. Горскаго
относительно важнаго историческаго значе-
нія паннонскихъ житій на первыхъ порахъ
согласно приняли какъ русскіе ученые
(проев. Филаретъ и Макарій, Шевыревъ),
такъ и западные (Дюмилеръ, Шафарикъ).
Но вскорѣ рядомъ съ многочисленными
представителями положительнаго направле-
нія по вопросу о паннонскихъ житіяхъ,
развивавшими воззрѣнія Горскаго, явились
сторонники и противоположнаго направле-
нія, отрицавшіе въ большей или меньшей
степени историческое значеніе обоихъ житій
и главнымъ образомъ житія Кириллова.
Таковы:

Мурашь (*Essai de Chronographie Byzantine, St. Pétersbourg 1853*), *Гинцель* (*Geschichte der Slavenapostel Cyr. und Method., 1857*), *Вильбасовъ* (Кир. и Меѳ., ч. 2, 1871, 14), о. *Мартины* (въ журналѣ „Revue des questions historiques“, 71-е livraison, Paris 1884, p. 124 — въ статьѣ объ итальянской легендѣ), *Фридрихъ* (*Ein Brief des Anastasius Bibliothecarius an den Bischof Gaudericus von Velletri, München 1892*), *Гётцъ* (*Geschichte der Slavenapostel Konst. und Methodius, Gotha 1897*), *Брюкнеръ* (*Co sądzic o „Żywotach Cyryla i Metodego“? въ „Kwartalnik Historyczny“, XXII*). Въ новѣй-
шее время акад. *Ламанскій* призналъ важ-
ность житія Константина вообще, а не
во всѣхъ частностяхъ и подробностяхъ
(„Журн. Мин. Нар. Просв.“ 1903, ч. 346,
стр. 346).

Высокую важность паннонскихъ житій
признавали и отстаивали *Ундольскій*,

Шафарикъ, *Лавровскій*, *Викторовъ*,
Голубинскій, *Вороновъ*, *Малышевскій*,
Лавровъ, *Ягичъ* и др. *Ундольскій* и
Шафарикъ („Чтен. въ Общ. ист. и древн.
рос.“ 1848, № 7) и въ новѣйшее время
проф. *Лавровъ* склоняются къ мысли, что
авторомъ Кириллова житія былъ св. Кли-
ментъ епископъ Величскій († 916 г. Лав-
ровъ въ предисловіи къ изданію Поученій
Климента Словенскаго, М. 1895 и въ „Ви-
зантизмъ. Временникъ“ 1900 г., VII 129—
131). По словамъ Викторова, „не подле-
жить ни малѣйшему сомнѣнію глубокая
древность и высочайшая степень историче-
ской достовѣрности этихъ памятниковъ, и
вмѣстѣ съ тѣмъ огромная важность ихъ для
исторіи Кирилла и Меѳодія“ (Кир.-Меѳ.
Сборн., 404—405). *Голубинскій* назы-
ваетъ паннонскія житія Константина и Ме-
ѳодія „единственно первоначальными и до-
стовѣрными“ (Ист. рус. ц. I: 2, 2-е изд.,
М. 1904, стр. 333).

б) Самая важная изъ латинскихъ легендъ —
*Итальянская: Vita SS. Cyrilli et Metho-
dii cum translatione S. Clementis*. Со-
держитъ сказаніе о перенесеніи мощей св.
Климента, папы римскаго, изъ Херсона въ
Римъ и нѣсколько извѣстій о жизни и дѣя-
тельности обрѣтателя мощей — Константина
философа, отъ-части и Меѳодія.

Изданія: *Acta Sanctorum Bolland. Martii
Tom. II, Antverpiae 1668*, *Ginzell, Geschichte
d. Slavenapostel Cyr. und Method. въ прилож.
1—11; Кир.-Меѳод. Сборникъ, 327—342* (съ
русскимъ переводомъ); *Вильбасовъ*, Кир. и
Меѳ. II, 220—227 и 314—320 (съ русскимъ
переводомъ); *Fontes rerum bohemic., T. I,
93—99* (съ чешскимъ переводомъ); *Goetz,
Geschichte d. Slavenapostel Konst. und Metho-
dus, 247—254*. Со времени изданія въ *Acta
Sanctorum* и до открытія паннонскихъ
житій (1843 г.) итальянская легенда счита-
лась главнымъ и основнымъ источникомъ
для исторіи Кирилла и Меѳодія и усво-
илась епископу веллетрійскому Гавдерику
(† 898 г.). Съ пятидесятью годовъ XIX в.
значеніе ея было поколеблено русскими
учеными. *Викторовъ* въ 1858 г. пространно и
убѣдительно доказывалъ, что она основана
на славянскомъ паннонскомъ житіи св. Ки-
рилла (Кир.-Меѳ. Сборникъ, 414—440). *о-
лубинскій* приписалъ ее не Гавдерику, а
Льву Марсикавскому, епископу остьскому,
жившему въ концѣ XI, въ нач. XII в. (Ист.
рус. ц. I: 2, 2-е изд., 333). *Вороновъ* пошелъ
дальше и доказывалъ (Главн. источ. ист.
свв. К. и М., 316—331), что авторъ ита-
льянской легенды пользовался сочиненіемъ до

мынканца Иакова де-Ворагине [род. около 1230 г.], епископа генуэзскаго (1292—†1298 или 1299 г.) и писалъ въ первой четверти XIV в. [см. „Энци.“ VI, 159—160]. *Лагровскій* также относилъ итальянскую легенду къ XIII—XIV в. (Итальянская легенда: критическій обзоръ изслѣдованій и мнѣній о ней; значеніе ея для исторіи жизни и дѣятельности славянскихъ первоучителей въ „Журн. Мин. Нар. Просв.“ 1886, июль и авг., стр. 17—59 и 234—275). Напротивъ, нѣмecto-католическіе ученые: Гинцель, Фридрихъ, Гейцъ, а также Вильбасовъ, о. Мартыновъ, Ягичъ (въ указанныхъ выше сочиненіяхъ) признавали и признаютъ итальянскую легенду первоначальнымъ, вполне достовѣрнымъ и надежнымъ источникомъ. На основаніи недавно найденнаго письма Анастасія бібліотекаря къ епископу Гавдерику Ягичъ устанавливаетъ связь легенды съ жизнеописаніемъ св. Климента, составленнымъ по порученію еп. Гавдерикиа, а что касается отношенія ея къ славянскому житію Кирилла, то, по Ягичу, „итальянская легенда и кирилловская не стоятъ въ какой-либо зависимости другъ отъ друга, а, напротивъ, та и другая брали матеріалъ независимо другъ отъ друга изъ тѣхъ же третьихъ источниковъ, каждая пользуясь ими по собственному усмотрѣнію“ („Сборникъ Отд. рус. яз. и слов. Импер. Ак. Наукъ“, т. 54, стр. 24). Новый трудъ объ отношеніяхъ итальянской легенды къ житію Кирилла это—*Ив. Франко* „Cyrillo-Methodiana“ („Arch. für slav. Philol.“ XXVIII, 1906 г.).

Позднѣе итальянской легенды и на основаніи ея составлены латинскія легенды: *моравская* (Legenda Sanctorum Cyrilli et Methodii patronorum Moraviae) и *чешская* (первая глава легенды о св. Людмилѣ, супругѣ чешскаго герцога Боривоя).

По мнѣнію Добровскаго, первая составлена въ концѣ XIV в., а вторая въ концѣ XIII в. Обѣ легенды изданы въ Acta Sanctorum (мартъ, т. II, р. 22—23 и подъ 16 сентября); другія изданія: *Dobrovsky*, Kritische Versuche, die ältere böhmische Geschichte von spätern Erdichtungen zu reinigen, I: Borivoj's Taufe, Prag 1803, 70—73, в Мährische Legende von Cyrill und Method, Prag 1826; *Ginzl* въ Прилож. 12—20; *Вильбасовъ*, II, 228—237, 247—248 и русскій переводъ—320—326, 329—330; Fontes rerum bohém., I, 100—107 (Моравская легенда).

в) Греческія житія св. Климента, епископа веллчскаго, ученика Кирилла и Меодія,—

пространное, приписываемое въ заглавіи архіепископу Теофилактѣ: „Жизнь и дѣянія, исповѣданіе и отчасти повѣствованіе о чу-

десахъ иже во святыхъ отца нашего Климента, архіепископа болгарскаго, сочиненіе, написанное святымъ и славнымъ Теофилактомъ, архіепископомъ первой Юстиніана и всей Болгаріи, и магистромъ риторовъ въ Константинополѣ“ (издано по тексту, обнаруженному въ 1847 г., въ Вѣнѣ, Миклошичемъ, съ переводомъ на русскій языкъ, въ юбилейномъ изданіи московскаго Университета: „Матеріалы для исторіи писемъ“, М. 1855), и *краткое*: „Память иже во святыхъ отца нашего архіерарха и чудотворца Климента епископа Болгаріи въ Охридѣ“ (найдено *Григоровичемъ* въ 1847 г.—въ Охридѣ и тогда же издано вмѣстѣ съ русскимъ переводомъ въ „Журн. Мин. Нар. Просв.“ ч. LIII, 1847 г., I, 1—28). Оба житія изданы также у Вильбасова—съ русскимъ переводомъ; въ Fontes rer. bohém., изданы 14 главъ (всѣхъ же главъ 29). Краткое житіе—т.-н. *охридская* легенда—найдено *Григоровичемъ* въ греческой рукописи XIII в. и стоитъ въ тѣсной связи съ пространнымъ (это—*болгарская* легенда). Пространное житіе св. Климента въ первой части содержитъ съ большею или меньшею подробностію свѣдѣнія о жизни обояхъ славянскихъ первоучителей (въ частности о св. Кириллѣ главы 1—3). *Дороговъ*, разобравъ мнѣнія предшествовавшихъ ученыхъ, полагавшихъ, что житіе это составлено въ X в. болгаринѣмъ—на славянскомъ языкѣ, относитъ его къ произведеніямъ архіепископа Теофилакта конца XI—нач. XII в. (стр. 109—139), съ чѣмъ совершенно не согласенъ акад. *Голубинскій*, по мнѣнію котораго это житіе написано много позднѣе Теофилакта, въ Болгаріи, во время господства въ ней грековъ (Ист. рус. ц., 1: 2, 2-е изд., М. 1904, 333—334).

г) Орывочныя свѣдѣтельства славянскихъ писателей:

Іоанна экзарха болгарскаго (Каландовичъ, Іоаннъ экз. болг. М. 1824), чернорадца *Храбра* (тамъ же), лѣтописца *Нестора*, славянскія *проложныя житія* Кирилла и Меодія, XIII—XVI в. (нѣкоторыя изъ этихъ житій изданы *Погодинѣмъ* въ приложеніи къ русскому переводу книги Добровскаго: Кириллъ и Меодій, М. 1825, 103—107, и въ Fontes rer. bohémic. 69—75; одно изъ нихъ „Успеніе св. Кирилла философа“, найденное *Гильфердингомъ* въ сп. XV—XVI в. южнославянскаго извода издано имъ же въ „Извѣстіяхъ II Отд. Имп. Акад. Наукъ“ 1858 г., т. VI, л. 24, стр. 381—386), болгарскій синодикъ XIV в. († проф. *Дривошъ*, Новый перек.-слав. памятникъ съ упоминаніемъ о славянскихъ первоучителяхъ въ „Ж. М. Нар. Пр.“ 1885), древнеславянскіе *канони и службы* въ честь свв. Кирилла и Меодія, *пожалы* имъ (изданы въ Кир.-Мео. Сборн., 235—318, въ Font. rer. bohémic. 53—68, въ Свѣдѣніяхъ и Замѣткахъ о малоизвѣстныхъ

и неизвѣстныхъ памятникахъ И. И. Срезневскаго — „Записки Имп. Акад. Наукъ“, т. IX, въ „Русск. Филол. Вѣстн.“ 1893 г., № 2, въ „Памятникахъ Древней Письменности“ № CVII, въ „Извѣстіяхъ Отдѣл. русск. яз. Имп. Ак. Наукъ“ 1907 г., кн. 3, см. въ „Христ. Чтеніи“ 1893 г., № 5—6 статьи *Андр. Петрова*, „Чествованіе свв. славянскихъ апостоловъ Кирилла и Меодія въ древне-русской церкви (по служебнымъ мнѣніямъ и мѣсяцесловамъ, до 1682 года).“

Исторія жизни и дѣятельности свв. Кирилла и Меодія имѣетъ обширную литературу. Надъ нею, какъ видно изъ предшествующаго, трудились многіе русскіе и иностранные ученые, именно: Архангельскій, Безобразова, Вильбасовъ, Бодянский, Будиловичъ, Васильевскій, Веселовскій, Викторовъ, Вороновъ, Гедеоновъ, Гильфердингъ, Голубинскій, Горскій, Григоровичъ, Иловайскій, Калайдовичъ, Лавровскій, Лавровъ, Ламанскій, Лебединцевъ, Малышевскій, Невоструевъ, Петровъ, Пигулевскій, Платоновъ, Погодинъ, епископъ Порфирій, Порфирьевъ, Пѣтуховъ, Соболевскій, Срезневскій, Ундольскій; Blumberg, Boczek, Dobrovsky, Dummier, Erben, Ewald, Ginzell, Goetz, Jagic, Leger, Martinoff, Miklosich, Palacky, Pastnek, Racki, Szafarik, Schlözer, Friedrich, Vondrak. Укажемъ еще слѣдующіе труды: — *Филаретъ*, еп. рижскій (впоследствии архіеп. черниговскій), Кирилль и Меодій, славянскіе просвѣтителі, М. 1846 (перепечатано въ „Кир.-Меод. Сборникъ“, 1865 г.); *Макарій*, архим. (впоследствии митрополитъ московскій), Исторія христіанства въ Россіи до равноапостольнаго князя Владиміра, какъ введеніе въ исторію русской церкви, Спб. 1846, стр. 188—259; *С. Соболевскій*, Притчи святаго Кирилла-философа, учителя славянскаго въ „Кир.-Меод. Сборникъ“; *Сухомлиновъ*, О псевдонимахъ въ древней русской словесности въ „Изв. Ак. Наукъ“, т. IV [Исслѣдованія по древней русской литературѣ академика М. И. Сухомлинова (1828—1901), Спб. 1908, стр. 177—81]; *Викторадскій*, О фрескахъ подземной базилики св. Климента въ Римѣ—въ „Сборникъ Общества древне-русскаго искусства“, 1866 г.; *И. Платоновъ*: Исслѣдованіе объ апологахъ или житіяхъ св. Кирилла въ „Журн. Мин. Нар. Пров.“ 1868 г., май и Анти-эпиклоса или братское слово православно славянина къ славянамъ-католикамъ, по поводу изданія папою Львомъ XIII буллы о празднованіи памяти свв. Кирилла и Меодія, Харьковъ 1882; *И. С. Пальмовъ*: Памятники кирилло-меодіевской старины въ Чехіи и Моравіи (Сборникъ статей, изд. учениками В. И. Ламанскаго, Спб. 1883), — Кирилло-меодіевскія преданія у юго-западныхъ славянъ латинскаго обряда („Христ. Чт.“ 1885, май—іюнь) и подробный отзывъ о сочиненіи Малышевскаго: Святые Кирилль и Меодій, первоучители

славянскихъ, Киевъ 1886 („Христ. Чт.“ 1888, іюль—августъ); *Н. О. Красносельскій*, Церковь св. Климента въ Римѣ и соединенныя съ нею воспоминанія о славянскихъ апостолахъ („Правосл. Собесѣдникъ“, 1885 г. кн. 4); акад. *О. И. Успенскій*, На память тысячелѣтней годовщины славянскихъ просвѣтителей, Одесса 1885; *Меодіевскій* юбилейный сборникъ, изданный Импер. варшавскимъ Университетомъ къ 6 апрѣля 1885 г. подъ редакцію орд. проф. *А. С. Будиловича*, Варшава 1885 г. (содержитъ статьи Лавровскаго, Будиловича, Перфольфа, Кулаковского, К. Грота и Зигеля); *Серребренниковъ*, Отношенія свв. Кирилла и Меодія къ западной церкви въ „Чтен. Общ. люб. дух. просв.“, М. 1885, мартъ и слѣд. кн.; *М. Г. Попруженко*, Замѣтки по кирилло-меодіевскому вопросу въ „Лѣтописи историко-филолог. Общества при Импер. новороссійскомъ Унив. II: Визант. Отд.“ 1, Одесса 1892; здѣсь между прочимъ о сочиненіяхъ кардинала Бартолини, патера Пресутти и др., вызванныхъ изданіемъ въ 1880 г. энцикликой папы Льва XIII „Grande Munus“; *Яцковскій*, Хазарская миссія свв. Кирилла и Меодія („Вѣра и Разумъ“ 1893 г., ч. 2, отд. церковный, стр. 49—66); *А. Петровъ*, Спорные вопросы миссіонерскаго дѣятельности св. Кирилла философа на Востокъ, Одесса 1894, — Пятидесятилѣтніе научной разработкѣ славянскихъ источниковъ для біографіи Кирилла и Меодія (1843—1893): посвящается памяти А. В. Горекаго, М. 1894. *W. Wattenbach*, Beiträge zur Geschichte der christlichen Kirche in Mähren und Böhmen, Wien 1849; *W. Stulc*, Život swatých Cyrilla a Methodia apostolov slovanských, W. Brne 1857; *J. Bily*, Dejiny sv. apostolů slovanských Cyrilla a Methodia, V Prage 1863; *Tišnovská* slovanských apostolů sv. Cirila i Metoda, V Zagrebu 1863 (статьи: Fr. Racki, Knjizevan rad sv. Cirila i Methoda; V. Jagic, Evangelije u slovanskem prievodu. Historicko-Filologicki naert; M. Mesic, Sluzba sv. Cirila i Metoda); *J. Hergenrother*, Photius, Patriarch von Constantinopel: sein Leben, seine Schriften und das griechische Schisma, Regensburg 1867; *B. Dvůdik*, Neentdeckte Fresken aus dem Leben der heil. Apostel Cirill und Method in Rom. Wien 1869; *Csell-Fels*, Römische Ausgrabungen: die Unterkerche von S. Clemente, Hildburghausen 1870; *Zakrzewski* Malowidła w podziemnej bazylice sw. Klementa w Rzymie („Rozprawy“), историко-философск. отдѣл. краковск. Ак. Наукъ, сентябрь II, т. 20, 1903 г.; *G. Wilpert*, Le pitture della basilica, primitiva di San Clemente („Mélanges d'Archéologie et d'Histoire publiés par l'Ecole Française de Rome“ т. 26) *T. Gromnicki*, Świeci Cyryl i Metody, W Krakowie 1880; еп. *Никодимъ Миланскій*, Славенскіи апостоли Кирилъ и Методије и истина православья, поводомъ римскогъ догмата у 1880—1881 противу православне церкви,

Задар 1881; Ягичъ, Вопросъ о Кириллѣ и Меодіи въ славянской филологіи (Рѣчь, читанная въ публичномъ собраніи Второго Отдѣл. Импер. Ак. Наукъ 5 апр. 1885 г.), Спб. 1885. Въ томъ же 1885 г. вышли два библиографическіе указателя литературы о свв. Кириллѣ и Меодіи:—И. Токмакова въ Москвѣ и Н. Л. (исовскаго) въ С.-Петербургѣ. Съ 1885 г. новыя книги и статьи о свв. Кириллѣ и Меодіи указываются въ журналѣ „Библиографъ“ и съ 1904 г. въ журн. Новости богословской литературы“. Новѣйшая библиографическая работа М. Г. Погруженко, Матеріалъ для библиографіи по Кир.-Мее. вопросу („Журн. Мин. Нар. Просв.“ 1905 г. № 5). [Для полноты библиографіи см. еще статью проф. N. Bonwetsch'a—Realencyklopädie von Herzog-Hauck IV. Lpzg, 1898, S. 384—389; The Catholic Encyclopedia IV, p. 592].

Г. Воскресенскій.

КИРИЛЛЫ, ПАТІАРХИ КОНСТАНТИНОПОЛЬСКІЕ 1—7:

1) Кирилль I Лукарисъ, патріархъ константинопольскій (1612—1638 г.г. со многими перерывами), родился на о. Критѣ 1 ноября 1572 года отъ бѣдныхъ родителей, но ведшихъ свое происхожденіе изъ благородной фамиліи. До принятія монашества носилъ имя Константина. Первоначальное образованіе получилъ подъ руководствомъ одного клирика. Въостѣдствіи взялъ его на свое попеченіе родной его дядя, пѣвѣстный александрійскій патріархъ Мелетій Пига. Послѣдній озабоченъ былъ дать ему европейское образованіе, для чего молодой человѣкъ былъ отправленъ въ Италію и другія просвѣщенныя страны (см. ниже стлб. 330—331). Эти путешествія онъ совершалъ, будучи уже монахомъ, при чемъ получилъ новое имя Кирилла. Въ 1595 году Мелетій, по возвращеніи Кирилла изъ заграницы, посвятилъ его сначала во діакона, а потомъ во священника (іеромонаха). Вскорѣ Кирилль возводится въ санъ архимандрита и посылается съ кѣлію укрѣпленія православія и его праверженцевъ въ тогдашнее польское королевство. Повидному, это происходило въ томъ же году. Въ качествѣ посланника съ христіанскаго Востока, Кирилль титулетъ себя такъ: Ego Cyrillus Lucari, magnus (?) archimandrita Alexandriae ecclesiae et exarchus (?) B. B. (очевидно, блаженѣйшихъ) patriarcharum Matthaei Constantinopolcos, et Meletii Alexandriae sedium, delegatus in regnum Poloniae nuncius (?) et deputatus, при этомъ

онъ прибавляетъ: obedientiae mea senioribus meis, non autem ulla levitate, aut curiositate incitatus in has partes veni [ср. у Польскаго стр. 15—16 приложеній: „Пословіе (отъ 26 мая 1601 г.) Кирилла, великаго архимандрита и экзарха Александрійскаго, къ Львовскому Стравропигіальному братству съ убѣжденіемъ крѣпко стоять въ православной вѣрѣ и съ епископомъ Гедеономъ Балабаномъ имѣть любовь и миръ“]. Въ Польшѣ, имѣя своимъ назначеніемъ охранять православіе, Кирилль велъ борьбу какъ съ униатами, такъ и съ іезуитами, вообще вооружался противъ началъ папизма. Въ александрійскомъ патріархатѣ онъ считался іерокириксомъ [см. „Энци.“ VI, 323—324], а въ Вильнѣ былъ преподавателемъ. Въ 1603 году умеръ Мелетій Пига и на его мѣсто избранъ въ патріархи Александріи Кирилль. Въ 1612 году тотъ же Кирилль призванъ былъ къ управленію церковію константинопольскою и получилъ уже султанскій бератъ; но, по интригамъ нѣкоторыхъ митрополитовъ константинопольской патріархаліи, долженъ былъ покинуть столицу и возвратиться въ Каиръ (тогдашнюю резиденцію александрійскаго патріарха), гдѣ и продолжалъ оставаться патріархомъ. Въ 1621 году онъ снова избранъ былъ въ патріархи Константинополя и занялъ кафедру здѣсь. Патріаршествованіе его въ Константинополѣ было исполнено превратностей: онъ пять разъ возводился на патріаршую кафедру и четыре раза низводился. Такимъ образомъ, его патріаршествованіе происходило съ большими или меньшими перерывами, въ теченіе коихъ кафедру занимали другія лица. Кирилль принадлежалъ къ числу образованнѣйшихъ патріарховъ XVII вѣка. Онъ заботливо относился къ такъ называемой патріаршей школѣ въ столицѣ. Его стараніями преподавателемъ въ этой школѣ сдѣлался очень образованный грекъ Теофилъ Коридаллей. Правда, этотъ Коридаллей, какъ и самъ Лукарисъ, своимъ симпатіями склонялся въ пользу протестантизма, но не видно, чтобы онъ въ этомъ отношеніи злоупотреблялъ своимъ положеніемъ преподавателя и увлекалъ своихъ учениковъ на сторону протестантизма. Кирилль извѣстенъ тѣмъ, что ему удалось открыть въ Константинополѣ греческую типографію для печатанія православныхъ греческихъ книгъ. Управленіе типографіею онъ поручилъ монаху

изъ Корфу Григорію Метаксѣ и началъ издавать книги для опроверженія тѣхъ многочисленныхъ сочиненій, которыя распространялись іезуитами во вредъ православію. Іезуиты исполнились и оклеветали его предъ турецкимъ правительствомъ, какъ хулиателя магометанской религіи; въ доказательство же ссылались на катехизическое сочиненіе самаго Кирилла, въ которомъ онъ дѣйствительно опровергалъ магометанское ученіе, но это сочиненіе не было печатано въ Константинополѣ, а было издано въ Лондонѣ,—гораздо раньше. Судьба греческой типографіи была печальна. Турки, разгнѣвавшись на Кирилла, послали своихъ солдатъ, которые до основанія разрушили типографію и уничтожили всѣ типографскія принадлежности, а управитель ея Метакса долженъ былъ искать спасенія въ бѣгствѣ. Кирилль самъ не пострадалъ только потому, что за него заступился бельгійскій посланникъ: какъ извѣстно, Кирилль въ минуту жизни трудную всегда искалъ защиты у иностранныхъ посланниковъ въ Константинополѣ, и рѣдко обманывался въ ихъ услугахъ,—въ особенности со стороны посланниковъ протестантскихъ государей. Въ заслугу Кириллу слѣдуетъ оставить то, что онъ первый ввелъ въ константинопольской греческой церкви лѣтосчисленіе отъ года рождества Христова, такъ какъ здѣсь еще оставалось устарѣлое лѣтосчисленіе отъ сотворенія міра. Это произошло въ 1628 году. Вообще же мы должны сказать, что правленіе Кирилла константинопольскою церковію очень не богато выдающимися событіями. Нравственное состояніе константинопольскаго духовенства не только не поднялось, но даже значительно понизилось. Кирилла иногда прямо называютъ (—такъ поступаетъ, напр., Доисей, патр. іерусалимскій—) „сокрушителемъ добрыхъ нравовъ“, ибо онъ и себѣ и прочимъ клирикамъ позволялъ носить шелковыя и другія не принятыя одежды; кромѣ того, онъ будто бы сквозь пальцы смотрѣлъ на то, что вѣкорные клирики (безбрачные) завели себѣ женщинъ сожительствующихъ (τὰς συνεσάχτους), т. е. такихъ, которыя являлись подозрительными съ точки зрѣнія скромности и цѣломудрія. Кирилль умеръ къ 1638 году насильственною смертію. Онъ былъ оклеветанъ предъ султаномъ Муратомъ IV, какъ опасный и достойный казни измѣнникъ. По

приказанію султана, онъ сначала былъ заточенъ въ одну крѣпость близъ Константинополя, а потомъ задушенъ и тѣло его брошено было въ море. Кончина его въ одномъ греческомъ сказаніи (о немъ см. въ слѣд. статьѣ стлб. 343—345) осынена многими чудесами, но сказаніе это—плодъ досужей фантазіи одного слѣплаго приверженца Кириллова.

Γεδεών, Πατριάρχης πίνακες, Константинополь 1890, стр. 547—550. 563. Μαθῶ, Κατάλογος τῶν πατριάρχων ἐν Κωνσταντινουπόλει, Аѳины 1884 (изд. 2-е), стр. 120—121. 123. Историческій списокъ патріарховъ Константинопольской церкви (не безошибочный переводъ сейчасъ названнаго сочиненія по первому его изданію), Спб. 1862, стр. 114 сл. † Проф. И. И. Малышевскій, Александрійскій патріархъ Мелетій Пинасъ и его участіе въ дѣлахъ русской церкви II (Кіевъ 1872), приложение 1, стр. 60. 63. 159. † Проф. А. П. Лебедевъ, Історія греко-вост. церкви подъ властью турокъ, Спб. 1904, стр. 231. 311. 402 [см. и ниже при слѣдующей статьѣ стлб. 346—348. Акад. В. В. Латышевъ, Матеріалы для исторіи архіепископій Синайской горы: „Православный Палестинскій Сборникъ“ вып. LVIII, 2-я пол. (Спб. 1909), стр. 23—25. 27. 30. 31. 34. 42—44. 51. 54. 211. 213. 250. 265. 290. 326. 402 (и соответствующія страницы греческаго оригинала въ 1-й половинѣ LVIII выпуска). Ph. Meyer въ Realencyklopädie von Herzog-Hauck XI³, Lpzg. 1902, S. 682—690. А. Врянцевъ, Патріархъ Кирилль Лукарисъ и его заслуги для православной церкви, Спб. 1870. Проф. П. А. Жуковичъ, Сѣймовая борьба православнаго западно-русскаго дворянства съ церковной унией (до 1609 г.), Спб. 1901, стр. 181. 187. 222. 224. 296. 316. 439. 440. 592. К. В. Харламповичъ, Западно-русская православная школа XVI и начала XVII вѣка, отношеніе ихъ къ инославнымъ, религиозное обученіе въ нихъ и заслуги ихъ въ дѣлѣ защиты православной вѣры и церкви, Казань 1898, стр. 109. 211. 212. 222. 251. 253. 254. 255. 253. 264. 265. 266. 267. 274. 309. 310. 323. 324. 343. 352. 353. 359. 367. 387. 388. 391. 394. 407. 408. 470. А. С. Крыловскій, Львовское Ставропигиальное братство: опытъ церковно-историческаго изслѣдованія (Кіевъ 1904), особенно въ „приложеніяхъ“ на стр. 15—16. 41—44. 67—71. 99—101. „Архивъ Хрусоστόμου Παπαδόπουλος, Ιστορικαὶ μελέται, Ἐν Ἱεροσολύμοις 1906, гдѣ на стр. 207—233 трактаты: Κύριλλος ὁ Λούχαρις καὶ ἡ ἐν Ῥώμῃ, ἑλληνικὴ σχολὴ τοῦ ἁγίου Ἀθανασίου. Ἐπεὶ καὶ Κύριλλος Λούχαρις, Ἐν Τεράστῃ 1907. Τοῦ ἐκ τῇ Βελαντιπόδῃ, Ὁ πολύσημος καὶ πολὺσωφρος Κύριλλος ὁ Λούχαρις οἰκουμένης πατριάρχης (съ изображеніемъ его), Ἐν Ἀθῆναις 1907 (см. въ Ph. Meyer въ «Theol. Literaturzeitung» 1908, 23, Sp. 653—654)].

А. П. Лебедевъ

Кирилль Лукарись и вопросъ о его православіи.—Сношенія греческой церкви съ протестантами, достигшія значительнаго развитія въ XVI-мъ вѣкѣ при константинопольскомъ патріархѣ Іереміи II-мъ, не только не ослабѣваютъ въ дальнѣйшемъ XVII вѣкѣ, но еще расширяются, усложняются и вызываютъ знаменательныя движенія въ греческой церкви. Начало XVII-го вѣка было особенно благоприятно для сношенія грековъ съ протестантами. Въ это время усиливается вліяніе на Порту правительствъ западныхъ протестантскихъ народовъ — англичанъ, голландцевъ, шведовъ. Послы этихъ протестантскихъ правительствъ получали большой вѣсъ въ глазахъ главнѣйшихъ представителей Порты. Это преимущественно должно сказать о посольствахъ англійскомъ и голландскомъ. Порта и вообще благосклонно относилась къ протестантскимъ державамъ, а въ свою очередь послы этихъ державъ, находясь въ Константинополѣ, покровительствовали греческой церкви, видя ее непріязненно настроенною противъ папства, что было пріятно представителямъ протестантскихъ государствъ. Между протестантскими послами и греческою церковію устанавливались вообще добрыя отношенія, а это располагало грековъ къ болѣе обстоятельному и близкому ознакомленію съ протестантскимъ строемъ мысли и съ ученіемъ протестантскихъ религиозныхъ обществъ. Наиболѣе важнымъ средствомъ къ такому ознакомленію служили путешествія на Западъ жаждающихъ просвѣщенія грековъ. Примѣры такихъ путешествій умножились къ концу XVI-го вѣка и возросли въ началѣ XVII-го. Путешествовавшіе съ научною цѣлію греки избирали мѣстомъ своего пребыванія чаще всего протестантскія страны, въ которыхъ, какъ и естественно, они находили ученыхъ учрежденія и ученыхъ профессоровъ протестантскаго направленія. Выборъ этихъ именно странъ опредѣлялся прежде всего тѣмъ, что греки, если пускались въ ученое путешествіе съ ясно созванными наміреніями, избѣгали такихъ западныхъ центровъ просвѣщенія, въ которыхъ господствовала папская ферула. Не рѣдко, при томъ же, путешествующіе по Западу, греки предпринимали это трудное дѣло съ прямымъ наміреніемъ отыскать для себя орудія, наиболѣе

пригодныя въ борьбѣ съ притязательнымъ и неугомоннымъ римско-католицизмомъ. Въ виду всего этого греки, желавшіе изучать науки, болѣе всего устремлялись въ Англію, Германію, Швейцарію, Голландію. Такъ было и съ Кириллемъ Лукарисомъ. Родственникъ его извѣстный александрійскій патріархъ Мелетій Пигасъ, заботившійся о послѣднемъ,—по достиженіи имъ двѣнадцатилѣтняго возраста—отправилъ юношу на Западъ, гдѣ только и можно было тогдашнему греку получить основательное научное образованіе. Сначала Кирилль учился въ Венеціи: здѣсь имъ пріобрѣтено было образованіе, подготавливавшее его къ прохожденію высшаго курса наукъ, для чего онъ переправляется въ Падуу ради занятій въ тамошнемъ университетѣ. Этотъ городъ принадлежалъ венеціанской республикѣ, а потому здѣсь наука мало была стѣснена по отношенію къ свободѣ преподаванія; папскій гнетъ, котораго такъ опасались и боялись греки того времени, тутъ отсутствовалъ. У кого же и чему учился Кирилль въ Падуѣ? Насколько правительство здѣсь обнаруживало заботливость о нравственномъ поведеніи учащихся, настолько же оно оставляло безъ вниманія характеръ и направленіе учащихся. Уже оъ Яковѣ Забореллѣ, падуанскомъ профессорѣ, у котораго раньше учился Мелетій Пига, извѣстно, что это былъ скептикъ, и о немъ говорили даже, что онъ не вѣрилъ въ безсмертіе души. А о Цезарѣ Кромонини, считавшемся первымъ философомъ своего времени, привлекавшимъ къ себѣ сердца своихъ учениковъ, врагъ вновь возникшаго ордена іезуитовъ, ходатайствовавшимъ предъ правительствомъ страны о закрытіи іезуитскихъ школъ въ венеціанской республикѣ—о немъ сами ученики утверждали, что онъ не питалъ вѣры въ безсмертіе души и держался превратныхъ мыслей о промыслѣ Божіемъ и происхожденіи міра. Другой знаменитый падуанскій профессоръ того времени Пикколомини представлялъ собою обратную крайность, ибо былъ жаркимъ приверженцемъ папизма. Изъ двухъ этихъ преподавателей Кирилль, повидимому, отдавалъ предпочтеніе Кромонини. Но, конечно, вліяніе этого послѣдняго не могло быть благотворнымъ на умы слушающихъ у него уроки. Кирилль оставался въ Падуѣ до 23-лѣтняго возраста.

Его занятія главнымъ образомъ сосредоточивались на тѣхъ сторонахъ философской науки, на которыя въ то время принято было обращать особенное вниманіе,—на диалектикѣ, метафизикѣ и этикѣ въ духѣ аристотелизма. Кромѣ того, онъ изучилъ здѣсь древнегреческій, латинскій и итальянскій языки. Что касается богословскихъ знаній, то сомнительно, чтобы онъ могъ въ это время освоиться съ этою отраслюю науки¹⁾. Черезъ нѣсколько временъ, въ савѣ уже архимандрита, Кирилль,—кажется, по собственной инициативѣ,—предпринялъ вторичное путешествіе на Западъ, именно въ страны протестантскія. Въ началѣ XVII-го вѣка Кирилль Лукарисъ отправляется въ Женеву и Виттенбергъ,—два изыскѣннѣйшіе центра протестантизма, при чемъ вѣроятно, что уже изъ Виттенберга онъ перебрался въ Женеву. Виттенбергъ въ это время еще твердо хранилъ преданія главы протестантизма и считался Дельфами лютеранской Германіи. Безъ сомнѣнія, Кирилль проживалъ въ названномъ городѣ у кого-либо изъ профессоровъ университета, такъ какъ тогда было въ обычаѣ, что профессора брали себѣ по возможности больше нахлѣбниковъ изъ числа студентовъ. Философское образованіе въ Виттенбергѣ въ началѣ XVII-го вѣка ограничивалось исключительно учебниками Мелавхтона и вообще было очень недостаточнымъ. Еще въ XVI вѣкѣ раздавались жалобы на то, что въ лютеранскихъ университетахъ изгонялась почти всякая философія. Въ богословіи здѣсь господствовали принципы лютеранизма, все же, что носило печать кальвинизма, подвергалось преслѣдованію. Нужно думать, что Кирилль не долго оставался въ Виттенбергѣ. Но, во всякомъ случаѣ, онъ принять былъ здѣсь очень предупредительно; ему оказываемая была и помощь матеріальная и при томъ значительная (по сообщенію Льва Алліція). Изъ этого города Кирилль отправляется въ Женеву. Безъ всякаго преувеличенія можно сказать, что Женеву въ концѣ XVI го вѣка стала кальвинистическимъ Римомъ, а его теологи священной коллегіей кальвинизма. Такимъ процвѣтаніемъ разсматриваемый го-

родъ обязать къ особенностямъ талантамъ та-
мошняго профессора Деодати. И здѣсь Ки-
рилль Лукарисъ пылъ возможность расши-
рить и обогатить кругъ своихъ богослов-
скихъ познаній, равно какъ приобрѣлъ
вполнѣ достаточное знакомство съ рели-
гиозными доктринами, составлявшими ха-
рактеристическую особенность реформатской
церкви¹⁾.

Вся западная наука, какъ римско-като-
лическая, такъ и протестантская допускала
и допускаетъ, что Кирилль Лукарисъ, став-
шій потомъ константинопольскимъ патриар-
хомъ, является въ исторіи греческой церкви
сторонникомъ протестантскихъ воззрѣній.
Основаніемъ для такого научнаго отношенія
къ Кириллу Лукарису служатъ многочи-
сленныя письма его къ нѣкоторымъ пред-
ставителямъ протестантизма того времени,
письма—своимъ содержаніемъ, а также су-
ществующее подъ его именемъ „Исповѣданіе
вѣры“, какъ извѣстно, протестантскаго
или точнѣе кальвинистическаго характера.
Впрочемъ, указанное воззрѣніе можно на-
ходить у значительнаго числа греческихъ и
русскихъ писателей и ученыхъ.

Вотъ прежде всего слова Досноея, па-
триарха іерусалимскаго (XVII в.): „Ки-
рилль Лукарисъ былъ тайный еретикъ,
какъ это открылось изъ многочисленной
его корреспонденціи,—конечно, скрытной
и веденой воровски“²⁾; еще въ „молодо-
сти Кирилль оказалъ пользу католической
церкви въ различныхъ мѣстахъ, въ осо-
бенности тогда, когда, будучи отправленъ
въ Россію alexandрійскимъ патриархомъ
Мелетіемъ, много и сильно ратовалъ за
православіе, но подъ конецъ своей жизни
умолкъ и не вступилъ въ надлежащую
борьбу противъ кальвинистовъ, а потому
показалъ себя злосуднымъ и недобрымъ
престола и сана; онъ, какъ разрушитель
правовъ и какъ злоумышлявшій про-
тивъ православія, не можетъ получить
никакой пользы отъ того, что его гробъ
находится въ церкви“; при этомъ Досноей
прибавляетъ, что одинъ изъ почитателей
Кирилла, пресвитеръ Евгеній изъ Этолій,
человѣкъ пропитанный кальвинизмомъ, со-

¹⁾ Pichler, Geschichte des Protestantismus in d. orientalischen Kirche im 17 Jahrhundert. (München 1862), S. 45—47. 50.

¹⁾ Pichler. ibid., S. 61—64.

²⁾ Ἱστορία περὶ τῶν ἐν Ἱερουσόλοις πατρι-
αρχουσάντων..., стр. 1171 (кн. 11, гл. 10),

чинилъ канонъ и вообще цѣлую службу въ честь Кирилла, какъ святого, однако былъ отлученъ за это отъ церкви¹⁾. Въ другомъ своемъ сочиненіи, написанномъ въ 1694 г., тотъ же Досноей помѣщаетъ имя Кирилла Лукариса между именами Лютера, Кальвина и другими, пользовавшимися дурной репутаціей²⁾. Греческій писатель Александръ Элладій (кон. XVII и нач. XVIII в.) пишетъ: „люди ученые не ставятъ отрицать, что Кириллъ былъ пропитанъ мѣнями Іоанна Кальвина“; „Кириллъ былъ ученикъ Кальвина, а не сынъ церкви греческой“, подтверждая такое свое сужденіе выдержками изъ писемъ Кирилловыхъ къ нѣкоторымъ протестантамъ³⁾. Ученый греческій архимандритъ Андроникъ Димитракопулъ († 1872 г.) не находилъ основаній обличать Кирилла, когда ему пришлось выразить свое мѣненіе о послѣднемъ, и не усматриваетъ возможности приписывать составленіе извѣстнаго „Исповѣданія“ злонамѣреннымъ людямъ, желавшимъ повредить названному константинопольскому патріарху⁴⁾. Греческій ученый нашего времени Маркъ Реніерисъ, касаясь личности Лукариса, тоже не сомнѣвается, что тяготящее надъ нимъ обвиненіе принадлежитъ къ области историческихъ фактовъ, а для характеристики его онъ влагаетъ отъ себя слѣдующія слова въ уста Кирилла Лукариса (слова, которыхъ послѣдній, можетъ быть, никогда и не произносилъ): „теперь должно рѣшиться будущее христіанскаго міра: изъ гигантской борьбы долженъ выйти побѣдителемъ или напизвъ или протестанство; Нотара (извѣстное историческое лицо) нѣкогда говорилъ: „лучше видѣть въ Кон-

стантинополѣ турецкую чалму, чѣмъ латинскую тиару, я же (Кирилль) скажу: лучше видѣть здѣсь протестаномудрствующаго патріарха, чѣмъ жалкаго іезуита“, въ другомъ мѣстѣ М. Реніерисъ замѣчаетъ: „издавъ извѣстное Исповѣданіе, Кирилль тѣмъ самымъ явно протянулъ руку кальвинизму“¹⁾. Что касается русскихъ ученыхъ, то и между ними можно находить такихъ, которые не становятся на сторонѣ защитниковъ правотѣрія Кирилла Лукариса. Такъ, † проф. И. Е. Троицкій присоединяется къ воззрѣніямъ приведеннымъ выше о. Димитракопула²⁾. Не стремится сколько-нибудь защитить Кирилла, хотя къ этому — былъ очень прямой поводъ, и извѣстный нашъ ученый пресвящ. Порфирій (Успенскій)³⁾.

Однако, другіе изъ ученыхъ и писателей безо всякаго колебанія становятся на сторону апологетовъ Кирилла Лукариса и стараются очистить его отъ всякихъ обвиненій въ неправоловіи. Такъ поступаетъ большинство современныхъ намъ греческихъ историковъ. Константинъ Саоа, принимая во вниманіе отзывъ о Кириллѣ іерусалимскаго патріарха Теофана (нач. XVII в.), именуется его „мудрѣйшимъ патріархомъ“ и замѣчаетъ, что Кирилль „былъ настолько далекъ отъ ереси, что это во истину такой архіерей, котораго, согласно слову Ап. Павла (Евр. 7, 26), можно называть преподобнымъ, незлобивымъ“ и проч. Этотъ писатель отрицаетъ принадлежность Лукарису, — изданнаго съ именемъ послѣдняго, — Исповѣданія, считая его подлогомъ. А на возможное возраженіе, почему въ такомъ случаѣ патріархъ не заявилъ публично объ этомъ подлогѣ, Саа говоритъ, что для Кирилла было не безопасно рѣшиться на такой шагъ, вмѣшавшій разгнѣвать протестантское посольство въ Константи-

¹⁾ Παπαδόπουλος Κεραμέως 'Ανάλεξα ιστορολογικῆς σταχυολογίας, т. I (Спб. 1891), стр. 278; въ этомъ томѣ напечатаны, между прочимъ, отрывки изъ Досноеево „Исторіи іерусалимскихъ патріарховъ“, въ свое время почему-то въ нее не вошедшіе; у насъ приводится изъ 12-й главы II книги.

²⁾ *Legrand*, *Bibliographie hellénique* III (Paris 1895), р. 35 (здѣсь помѣщенъ отрывокъ изъ сочиненія Досноея: 'Εγγερίδιον κατὰ Ἰωάννου τοῦ Καρυοφύλλου).

³⁾ *Helladii Status praesens ecclesiae Graecae* (Спб. 1714), р. 242. 246.

⁴⁾ Проф. И. Е. Троицкаго, Учено-литературные труды архимандр. Андроника Димитракопула („Христ. Чтен.“ 1873, III, 622).

¹⁾ Рενіέρης, Μητροφάνης Κριτόπουλος καὶ οἱ ἐν Ἀγγλίᾳ καὶ Γερμανίᾳ φίλοι αὐτοῦ (Аѳины 1893), стр. 100. 104.

²⁾ „Христ. Чтен.“ 1873, III, 622—623.

³⁾ Еп. Порфирія Первое путешествіе въ Аѳонскіе монастыри II, отд. 2 (Москва 1890), стр. 229—231 (здѣсь приведено у автора очень вѣтливое письмо Кирилла къ архіепископу кантербурійскому, не чуждое похвалъ по адресу того вѣроисповѣданія, къ которому принадлежалъ послѣдній).

нополѣ, на которое онъ опирался въ борьбѣ съ иезуитами, всячески вредившими этому патриарху, но что онъ намѣревался сдѣлать заявленіе о такомъ подлогѣ въсѣдствіи, при болѣе благоприятныхъ обстоятельствахъ¹⁾. Изъ числа греческихъ ученыхъ нашего времени приведемъ сужденіе профессора церковной исторіи въ афинскомъ университетѣ Діомида Кириака; это сужденіе, при всей его краткости, можетъ однако служить типическимъ образчикомъ воззрѣній греческой богословской науки. „Въ 1629 году,—пишетъ онъ,—появилось въ Женевѣ кальвинистическаго характера «Исповѣданіе восточной церкви» съ именемъ Кирилла. Незвѣстно, — заявляетъ Кириакъ, — кто написалъ это Испо- вѣданіе. Вѣроятно же всего, его издалъ иезуитъ, чтобы возбудить къ патриарху непримиримую вражду. Кирилль, впрочемъ, не преминулъ объявить на словахъ, что онъ не былъ авторомъ «Исповѣданія», да и проповѣди, которыя онъ произносилъ до этого случая и послѣ него, свидѣтельство- вали, что онъ не держался ложнаго уче- нія²⁾. При томъ невѣроятно, чтобы столь благоразумный человѣкъ, какъ Кирилль, могъ разсчитывать, что путемъ такого легкомысленнаго обмана (т. е. путемъ обнаро- дованія «Исповѣданія» протестантскаго ха- рактера съ именемъ патриарха) возможно было въ самомъ дѣлѣ обратитъ восточную церковь въ протестантство. А если же Ки- рилль письменно не заявилъ о томъ, что онъ не былъ авторомъ «Исповѣданія», то такъ поступилъ онъ изъ деликатности предъ своими многочисленными протестантскими друзьями и изъ чувства признательности къ посольствамъ протестантскихъ державъ въ Константинополь, расположеніемъ како- выхъ посольствъ онъ дорожилъ въ тяжелой борьбѣ съ иезуитами и папизмомъ“. Ки- риакъ, впрочемъ, не молчитъ о той бли-

зости къ протестантамъ, которая отличала этого патриарха; онъ замѣчаетъ: „его отношенія къ теологамъ — кальвинистамъ были извѣстны, поскольку онъ не тайлъ ихъ, и въ столицѣ“ (Константинополь); но въ чемъ заключались эти отношенія, какъ смотрѣтъ на переписку его съ подобными теологами, историкъ не объясняетъ¹⁾.— Нѣкоторые русскіе богословы съ своей стороны присоединяются къ голосу сейчасъ указанныхъ греческихъ ученыхъ. Авторъ монографіи о Кириллѣ Лукарисѣ, архимандритъ (архіеп.) Арсеній (Врянцевъ) пишетъ: „протестанты, какъ оказалось, вели зна- комство съ этимъ патриархомъ между про- чимъ и съ тою цѣлю, чтобы склонить его, а затѣмъ и его церковь къ церковному единенію съ собою; но со стороны Кирилла никогда не видно было сочувствія этому. Съ твердыхъ упованіемъ на Бога и съ совершеннымъ довѣріемъ къ своей паствѣ, Кирилль, единственно по нуждамъ церкви, дозволялъ себѣ вступитъ въ сношенія съ протестантскими государями и ихъ пред- ставителями на Востокѣ... Сильное слово его почти не умолкало. Изъ устъ его съ церковной каеэды слышались постоянно святыя пѣснии вѣры и обличеніе неправомыслящихъ“²⁾. Авторъ отвергаетъ принад- лежность Кириллу какъ извѣстнаго «Испо- вѣданія вѣры», такъ и всѣхъ писемъ его къ протестантамъ, наиболѣе компромети- рующихъ этого патриарха. Съ такою же рѣшительностію принимаетъ подъ свою за- щиту Лукариса и ꙗ проф. И. И. Малышев- скій. Вотъ его слова: „Подозрѣнія въ про- тестантствѣ касательно Лукариса были такъ серьезны, что перенесены были съ его лица и на всю восточную церковь, причи- нили немало соблазновъ и смутъ. Дѣйстви- тельно, Кирилль выражался, что желаетъ такого единенія съ протестантами, которое основывалось бы на единомъ краеугольномъ камнѣ Іисусѣ Христѣ. Однако онъ не ста- новился на протестантскую точку зрѣнія, твердо стоялъ за догматы и существенныя установленія православной церкви. Что

1) Σάθα, Νεοελληνική φιλολογία (Афины 1868), стр. 246—247.

2) По поводу проповѣдей Кирилла бу- деть умѣстно привести слѣдующее замѣ- чаніе извѣстнаго ученаго ректора моск. Дух. Академіи протоіерея А. В. Горскаго: „Церковныя поученія (Кирилла Лукариса) не представляли удобства для проповѣ- данія новыхъ (т. е. протестантскихъ) мнѣ- ній“, см. „Прибавл. къ твор. св. отцовъ“, т. 24 (1871 г.), стр. 603.

1) Κυριάκου Ἐκκλησιαστικῆ ἱστορία III, (Афины 1899), стр. 93—94.

2) Арх. Арсеній, Патр. К. Лукарисъ и его заслуги для церкви; изд. 2-ое (Симферо- поль 1881), стр. 204—206. Ср. о немъ „Энци.“ I, 1068.

касается до пресловутаго «Исповѣданія вѣры», явившагося за подписью Кирилла въ 1631 г. (?) и проникнутаго протестантскими мнѣніями, то въ подложности его не можетъ быть сомнѣнія. Есть мнѣніе, что его выпустили іезуиты, чтобы, выставивъ Кирилла еретикомъ, выйти между греками пособниковъ своей злобы противъ него. Мы однако склоняемся, пишетъ авторъ, къ другому мнѣнію, что это «Исповѣданіе» сочинено кѣмъ-либо изъ протестантовъ или грековъ (?), единомышленнѣе съ ними, и оглашено подъ именемъ Кирилла и что оно, быть можетъ (?), не сразу получило окончательную редакцію¹⁾. Онъ же утверждаетъ, что въ массѣ изданныхъ писемъ Кирилла нашли себѣ мѣсто и подложныя письма, выражая сожалѣніе, что подлинныя письма его далеко не всѣ изданы¹⁾.

Къ какому же изъ приведенныхъ двухъ противоположныхъ мнѣній слѣдуетъ присоединяться? Дѣло, повидимому, крайне трудное, но изслѣдователя исторіи Кирилла Лукариса выводитъ изъ затрудненій и ставитъ на торную дорогу очень извѣстный французскій ученый Эмилъ Легравъ, выпустившій въ свѣтъ (на франц. языкѣ) пятитомное изданіе подъ заглавіемъ: „Эллинская библіографія или систематическое описаніе сочиненій, обнародованныхъ греками въ XVII-мъ вѣкѣ“ (Парижъ 1894—1903 г.), гдѣ находимъ документы и свѣдѣнія, проливающие обильный свѣтъ на занимающій насъ вопросъ. Оказывается, что въ воззрѣніяхъ на Кирилла права западная наука, а вмѣстѣ съ нею и тѣ изъ восточныхъ писателей, которые соглашались съ нею въ данномъ случаѣ или по крайней мѣрѣ, не считали справедливымъ отстаивать обратныхъ воззрѣній. Новое даетъ Легравъ прежде всего по вопросу о такъ называемомъ „Исповѣданіи вѣры“ Кирилла, — Исповѣданіи явно протестантскаго характера. Нужно сказать, что это произведеніе Кирилла издано было двукратно при его жизни: разъ на латинскомъ языкѣ и разъ на греческомъ. Первое появилось въ 1629 г. въ Женевѣ, не только отъ имени Кирилла,

но и отъ имени прочихъ восточныхъ патріарховъ. Французскій ученый имѣлъ подъ руками это самое первое изданіе (впоследствии „Исповѣданіе“ это не разъ было перепечатано) и въ немъ на послѣдней страницѣ нашелъ слѣдующую замѣтку, сдѣланную тоже на лат. языкѣ: „эта копія списана съ автографа, написаннаго собственною рукой патріарха Кирилла, которую я очень хорошо знаю, оригиналъ остается у меня, при чемъ я удостоверяю, что копія буквально сходна съ оригиналомъ, какъ показываетъ сдѣланное мною сличеніе; затѣмъ слѣдуетъ подпись имени Корнелія Гагена, голландскаго протестанта, находившагося въ это время при посольствѣ въ Константинополѣ (I, стр. 267—268). Конечно, можно бы думать, что замѣтка эта по ея содержанію есть плодъ фантазіи и злонамѣренности. Но такое предположеніе оказывается не основательнымъ при ознакомленіи съ документами и свѣдѣніями касательно греческаго изданія Кириллова „Исповѣданія“. Греческая редакція этого послѣдняго (съ латинскимъ переводомъ) появилась въ 1633 году и опять въ Женевѣ. Произведеніе это напечатано было, повидимому, послѣ продолжительнаго обсужденія этого дѣла. До насъ сохранилось что-то въ родѣ настоящихъ протоколовъ, въ которыхъ записывались различныя стадіи предпринимаемаго печатанія. Эмилъ Легравъ пишетъ: „въ архивахъ женевской консисторіи находится вѣсколко документовъ, касающихся опубликованія этого изданія *Исповѣданія вѣры*. Они помѣщены въ регистрѣ Общества пасторовъ и профессоровъ женевской церкви и школы“. Затѣмъ ученый французъ приводитъ цѣликомъ вѣкоторыя изъ протокольных записей, который велись указаннымъ Обществомъ. Вотъ, напримѣръ, одна, помѣченная: „пятница, 2 декабря, 1631 года. Господинъ Деодати (профессоръ женевского университета), нашъ братъ, доложилъ, что онъ получилъ письмо г-на Лежера (протестантскаго пастора при голландскомъ посольствѣ въ Константинополѣ) и полное *Исповѣданіе* константинопольскаго патріарха и что названный патріархъ добровольно сдѣлалъ надписаніе на немъ и посвященіе женевскому Обществу. Разсуждали о тщательномъ напечатаніи этого Исповѣ-

¹⁾ Александрийскій патріархъ Мелетій Пигасъ (Кіевъ 1872), стр. 569—571; впрочемъ, не видно, чтобы авторъ имѣлъ случай близко изучать исторію Кирилла Лукариса.

данія. Такъ какъ оно написано на греческомъ языкѣ, то опредѣлено было перевести его на латинскій и французскій языки и для этой цѣли назначались профессоръ теологій и г-нъ Лоренсъ. Что же касается посвященія его Обществу, то оно найдено было излишнимъ¹. Другая записъ изъ тѣхъ же протоколовъ. „Пятница, 22 марта 1633 года. Заявлено, что печатаніе *Исповѣданія* патріарха окончено. Въ Обществѣ шло разсужденіе о томъ, нужно ли присоединить къ нему какое-либо предисловіе; Общество нашло это нужнымъ и поручило составить предисловіе Деодати и Леклерку. Признали за благо, чтобы изданіе *Исповѣданія* помѣчено было именемъ города Женевы“. Приведа эти и еще нѣкоторые отрывки изъ протокольных записей Общества, Легранъ пишетъ: „большинство грековъ, писавшихъ о Кириллѣ Лукарисѣ, не соглашаются принимать, чтобы авторомъ *Исповѣданія* было то лицо, чье имя оно носитъ. Съ ихъ точки зрѣнія невозможно, чтобы патріархъ константинопольскій позволилъ себѣ измѣнить православію! Но этотъ вопросъ (если только это еще вопросъ),—замѣчаетъ Легранъ,—очень нетрудно распутать. Женевская публичная бібліотека владѣетъ греческимъ оригиналомъ *Исповѣданія вѣры*, написаннымъ рукою самого Кирилла Лукариса. Мы, думаемъ, что fac-simile первой страницы этого драгоценнаго документа будетъ въ состояніи разсѣять всѣ сомнѣнія на этотъ счетъ (здѣсь же французскій ученый печатаетъ fac-simile первыхъ восемнадцати строкъ оригинала, на греческомъ языкѣ). И пусть лица, отрицающія подлинность *Исповѣданія*,—продолжаетъ Легранъ,—въ особенности изъ числа тѣхъ, которые находятся въ Константинополѣ, возьмутъ на себя трудъ сравнить этотъ очень хорошо извѣстный почеркъ съ автографами Кирилла, имѣющимися въ ихъ распоряженіи, напрѣмѣръ съ манускриптами (№ 263) въ бібліотекѣ святогробскаго мѣтоха (въ Константинополѣ). Мы увѣрены, что послѣ минутнаго сличенія тождество этихъ двухъ почерковъ откроется для нихъ во всей ясности“. Затѣмъ тотъ же ученый пишетъ: „оригиналъ *Исповѣданія вѣры* Кирилла Лукариса находится въ Женевѣ между греческими рукописями“ [при этомъ ояъ

дѣлаетъ такое описаніе рукописи, какое принято дѣлать въ подобныхъ случаяхъ] и обращаетъ вниманіе на слѣдующую замѣтку, имѣющуюся на 24 страницѣ этого оригинала: „Ἀπογράφον. Confessio Cyrilli patriarchae gr. sine locis scripturae¹) manu propria auctoris ex Musaeo D. Deodati in Bibl. publ. translata auctoritate publica“. Изъ этой приписки видно, что издатели старались и на будущее время предохранить себя отъ естественнаго подозрѣнія въ подлогѣ напечатаннаго ими *Исповѣданія*²). Заканчивая передачу свѣдѣній о манускриптѣ этого послѣдняго, Легранъ говоритъ: „къ этому оригиналу приложена копія съ него, а въ концѣ ея читаются слѣдующія слова (на греческомъ языкѣ), написанныя рукою Кирилла: «настоящій списокъ согласенъ съ оригиналомъ, начертаннымъ нашею рукою. Въ списокъ такимъ образомъ буквально воспроизведено вышеписанное. И пусть никто въ этомъ не сомнѣвается». Слѣдуетъ собственноручная же подпись патріарха: „Кирилль патріархъ константинопольскій“ (Legrand I, 315—319).

Въ 1873 году † проф. И. Е. Троицкій при одномъ случаѣ говорилъ: „къ сожалѣнію, въ извѣстномъ кружкѣ греческихъ ученыхъ обвиненіе католиковъ и протестантовъ въ поддѣлкѣ сочиненій разныхъ греческихъ богослововъ сдѣлалось своего рода конькомъ, на которомъ они слишкомъ часто и весьма неосторожно выѣзжаютъ. Рѣчь идетъ здѣсь между прочимъ и объ *Исповѣданіи* Кирилла Лукариса. Обыкновенно къ нему обращаются всякій разъ, когда не оказывается другихъ средствъ опровергнуть то или другое, почему-либо не нравящееся автору (т. е. греку), мнѣніе объ извѣстномъ богословѣ, тотъ или другой взглядъ на него, основанный на томъ или другомъ его произведеніи. Безъ дальнихъ околичностей они спѣшатъ обозвать это

¹) Sine locis scripturae, т. е. безъ ссылокъ на Свящ. Писаніе, относящихся къ тому или другому пункту разсматриваемаго исповѣданія,—ссылки, которыя помѣщены въ печатномъ изданіи его, но не находятся въ оригиналѣ.

²) Тоже стремленіе ясно видно въ предисловіи къ 1-му изданію *Исповѣданія* (Legrand I, 316).

произведевіе подложнымъ и дѣлу конецъ". „А что, если отыщется,—замѣчаетъ этотъ ученый,—автографъ и несчастнаго *Исповѣданія* Кириллова, какъ отыскался [въ 60-хъ годахъ XIX в. оправдавшій его отъ подозрѣній въ преданности къ протестантству] автографъ (александрійскаго патріарха, современника Лукарисова) «Исповѣданіе» Митрофана Кривопуза? ¹⁾ И вотъ предчувствіе автора вышеприведенныхъ строкъ исполнилось! Кажется, въ настоящее время вопросъ о подлинности *Исповѣданія* Кирилла вышелъ—и при томъ навсегда—изъ области тягостныхъ сомнѣній и мучительнаго недоумѣнія...

Греческіе писатели, писавшіе о Кириллѣ Лукарисѣ и не признававшіе подлинности „Исповѣданія“ этого послѣдняго, вмѣстѣ съ тѣмъ обыкновенно, безъ дальнихъ разсужденій отвергали и подлинность изданной на Западѣ „переписки“ этого патріарха съ его протестантскими друзьями. Они, конечно, поступали правильно со своей точки зрѣнія: если „Исповѣданіе“ Кириллово подложно, то, въ значительной мѣрѣ служащая иллюстраціей къ этому Исповѣданію, переписка его съ протестантами, свѣдѣнія о которой шли съ Запада, должна была раздѣлять общую участь съ первымъ документомъ. Значитъ, когда теперь разяснено современное научное положеніе вопроса объ „Исповѣданіи“, и намъ можно было бы и не входить въ какія-либо подробности касательно указанной переписки Кирилла съ западными иновѣрцами: если должно быть признано подлиннымъ „Исповѣданіе“, то нѣтъ причинъ относиться скептически и отвергать подлинность и переписки. Но есть сему и фактическія подтвержденія. Легранъ снова издалъ почти всю переписку Кирилла съ представителями протестантизма и притомъ на основаніи лучшихъ источниковъ. Такъ, 14 писемъ Кирилла къ Давиду де-Вильгельму, писанныя частію на латинскомъ, а частію на итальянскомъ языкахъ, переизданы Леграномъ, по его словамъ (IV, 313), „на основаніи ихъ оригиналовъ, сохранившихся въ университетской бібліотекѣ въ Лейденѣ“, то есть, какъ нужно думать, на основаніи автографовъ патріарха константинопольскаго. Одно изъ ла-

тинскихъ писемъ Кирилла къ голландскому теологу Юntenбогаарту (Uytendogaert) переизданъ Леграномъ, какъ онъ говоритъ, съ автографа, принадлежащаго вышеназванной бібліотекѣ, а другое такое же письмо переиздано по копіи, сохранившейся въ женевской публичной бібліотекѣ (ibid. IV, 291—292). Въ припискѣ къ одному письму Кирилла, сохранившемуся въ копіи, читаются, по сообщенію Леграна, слѣдующія любопытныя слова: „это есть копія письма Кирилла, патріарха константинопольскаго, писаннаго его собственною рукою къ достопочтеннѣйшимъ сенаторамъ (швейцарской) республликѣ и уважаемому Обществу пасторовъ и профессоровъ женевской церкви и университета; копія буквально сходна съ оригиналомъ. Въ этомъ удостовѣряемъ мы нижеподписавшіеся отъ имени цѣлаго вышеназваннаго Общества“. Затѣмъ слѣдуютъ подписи: Превостъ, Деодати, Спангеймъ и стоитъ дата: Женева, 3 апрѣля, 1637 (ibid. IV, 456). Нѣкоторыя письма Кирилла, имѣющія интересъ въ нашемъ вопросѣ, изданы французскимъ ученымъ еще въ первый разъ, и оныя-таки, по словамъ его, „на основаніи оригинала или по крайней мѣрѣ,—привѣщаетъ осторожный издатель,—съ копіи, сдѣланной самимъ Кирилломъ Лукарисомъ“ (ibid. IV, 329). Такимъ образомъ во вновь изданныхъ письмахъ Кирилла мы находимъ не иное что, какъ документы высокой важности для исторіи этого патріарха константинопольскаго ¹⁾.

¹⁾ Греческіе писатели и вообще защитники Кирилла Лукариса, извѣляющіе стремленіе снять съ него обвиненіе въ приверженности къ протестантизму (каковы, напр., церк. историкъ Мелетій митр. аеяскій, и проф. Малышевскій) указываютъ на одно мѣсто изъ письма Кирилла къ Юntenбогаарту, писаннаго въ 1612 году, въ которомъ находятъ ясно выраженное осужденіе протестантскихъ нововведеній. Вотъ это мѣсто: „восточную церковь упрекаютъ въ невѣжествѣ (ἀρρώτια), находя, что знанія и философія перешли въ другія мѣста. Но Востокъ теперь тѣмъ и счастливъ, что неученъ: вслѣдствіе этого онъ не знаетъ тѣхъ губительныхъ вопросовъ, которые поражаютъ слухъ въ настоящее время: оныя остаются неизвѣстны новыя чудовищныя вымыслы (αἱ χαλκωτορία), которыхъ скорѣе нужно бояться, а не принимать ихъ“ (Аупон, р. 128). Но намъ удалось

¹⁾ См. „Христ. Чтен.“ 1873, III, 623—627.

Защитники православія Кирилла взираютъ на насильственную смерть этого патріарха, какъ на святое мученичество, которое будто бы сопровождалось чудесами. Но нужно знать, кто оставилъ намъ описаніе смерти Кирилла и съ какими намѣреніемъ оно сдѣлано. Описателемъ кончины Кирилла былъ грекъ Наоанаплъ Каноній. Уроженецъ острова Кипра, онъ состоялъ протосинкелломъ при патріархѣ Кириллѣ Лукарисѣ. Подобно этому послѣднему, Каноній показывалъ себя приверженцемъ протестантизма. Посѣщалъ Англію и Голландію, и въ послѣдней, прельстившись дарами и лестными общаніями, принялъ на себя трудъ перевода на греческій языкъ богословскихъ наставленій (т. е. *Institutiones*) Іоанна Кальвина¹⁾ съ тѣмъ намѣреніемъ, чтобы потомъ распространить это сочиненіе между греками. Отъ этого-то Канонія и дошло до насъ любопытное описаніе смерти Кирилла Лукариса, находящееся въ греческомъ письмѣ его къ кальвинскому пастору Антону Лежеру. „Письмо это, — по увѣренію Пихлера, — почитается кальвинистами, какъ своего рода апостольское посланіе“. Содержаніе письма Канонія таково. „Страшнѣйшее несчастье постигло насъ, такъ какъ Кирилль Контарисъ (сдѣлавшійся преемникомъ Лукариса по смерти его), это орудіе дьявольское, еще разъ разбойнически низвергъ съ патріаршей кафедръ святѣйшаго и православѣйшаго патріарха и — ужаснись солнце, подвигнись земля, возрыдай учитель [такъ наименованъ

уяснить, что на языкѣ Кирилла „новшество“ въ религиозномъ смыслѣ, означало не новыя вѣрованія протестантовъ, а нововведенія, допущенныя въ папской церкви. Въ этомъ убѣждаютъ слѣдующія слова Кирилла, находящіяся въ письмѣ его, писанномъ нѣсколько позже: „Съ давняго времени она (папская церковь) начала домогаться приматства..., выдумала многія новшества (*innovaciones*), какъ изъ источниковъ забали новыя догматы (*novas dogmata*), которые подтверждались указами, декретами, буллами“ (*Legrand IV, 337*). Что же касается протестантскихъ новшествъ, то Кирилль съ тѣхъ поръ, какъ сталъ сближаться съ протестантами, не обнаруживаетъ никакого страха предъ этимъ явленіемъ.

¹⁾ Ζαβίρα, Νέα Ἑλλάς (Афины 1872), стр. 476. По словамъ Са аѳ (стр. 403), Канонію поручали перевести „наставленія“ Лютера, но это, очевидно, ошибка.

здѣсь кальвинистъ — пасторъ Лежеръ], смѣшай свои слезы съ нашими! — убилъ праведника, мужа благочестиваго, который столь долго времени былъ убѣждаемъ благочестія (т. е. конечно, кальвинизма); увы, кто дастъ главѣ моей воду и очамъ моимъ источникъ слезъ, чтобы я могъ непрестанно оплакивать этого мужа, котораго погубили нечестивые паписты [самъ Кирилль тоже любилъ выставлять папистовъ крайними интриганамъ]; увы, увы исчезли мои тѣлесныя силы и моя душа не въ тѣлѣ моемъ“. Затѣмъ повѣствуется, при какихъ обстоятельствахъ Кирилль Контарисъ возвелъ обвиненіе на патріарха въ политическомъ преступленіи, и султанъ далъ приказаніе умертвить его. Послѣ этого Каноній продолжалъ такъ: „Пятеро палачей съ Ахметомъ Агою во главѣ неожиданно схватили престарѣлаго патріарха и повели его въ укрѣпленный замокъ на западномъ берегу Востфора. Я посѣтилъ его здѣсь и выпросилъ у него позволеніе сгнѣсь бытъгомъ въ Англію [симпатіи Лукариса всегда склонялись въ пользу протестантской Англіи, сюда же онъ склоняются и у его протосинкелла]; но такъ какъ изъ боязни предъ стражей онъ не рѣшился гнѣсь письмо, то отправилъ меня къ англійскому посланнику. Едва я счастливо избѣжалъ стражи, какъ около девяти часовъ пришли къ нему 15 янычаровъ, два судьи и палачъ, и такъ какъ Варавва (т. е., конечно, Кирилль Контарисъ) получилъ свободу, то Іисуса (!) повели на смерть [авторъ очевидно дерзаетъ проводить параллель между Господомъ Христомъ и Лукарисомъ!]. Подъ тѣмъ предлогомъ, что у семибашеннаго замка, въ Санъ-Стефано, приготовленъ корабль, на которомъ его отправятъ въ ссылку, они посадили патріарха на лодку. Блаженный патріархъ не вѣрилъ ихъ словамъ, а потому налъ на колѣни и со слезами вознесъ молитву Богу. Когда на заходѣ солнца прибыли они въ назначенное мѣсто, сдѣлавъ былъ роздыхъ, а съ наступленіемъ ночи патріархъ былъ удавленъ рукою палача. Одежды они сняли съ него и раздѣлили между собою [опять уподобленіе Христу] и продали ихъ на слѣдующее утро на городскомъ рынкѣ, говоря, что это одежды патріарха. Но какъ скоро народъ, турки (!), іудеи (!), христіане и армяне (!) услышали объ этомъ, поднялся плачъ и воз-

станіе противъ новаго узурпатора (т. е. Кирилла Контариса), который, не довольствуясь тѣмъ, что незаконнымъ образомъ захватилъ кафедру, погубилъ еще законнаго патріарха. Многіе христіане пошли къ убійцѣ и взывали: Платъ, отдай намъ мертваго для погребенія [опять прировненіе къ евангельскому разсказу]. Но преступникъ дѣлалъ видъ, что онъ ничего не знаетъ о случившемся; напрасно они просили также и каймакана (турецкій сановникъ), благо-расположеніемъ котораго пользовался убійца. Въ слѣдующую же ночь приказано было бросить тѣло убитаго въ море. Однакожъ чудесная тѣнь, которая вздымалась надъ святымъ тѣломъ, указала его христіанамъ, и они тайно извелили его изъ моря и погребли въ монастырѣ св. Андрея, пока, по изгнаніи Контариса, преемникъ послѣдняго (Парсений I) не отдалъ ему торжественно погребальныя почестей. Такъ исповѣдникъ истинны—заканчиваетъ Каноній—воспріялъ вѣнецъ мученичества 26 июня, 1638 года“ (см. Pichler, S. 175—177 и ср. у архим. Арсевія стр. 180—182).—Въ устахъ протестантскаго богослова описаніе страданій Кирилла за истину и его исповѣдничества вмѣстѣ одинъ смыслъ и очень ясный.

Въ 1905 г. іерусалимскій архимандритъ *Хризостомъ Пападопулосъ* въ іерусалимскомъ журналѣ „Новый Сіонъ“, а затѣмъ отдѣльною брошюрой издалъ,—какъ думаетъ издатель,—очень важный документъ, долженствующій служить къ оправданію Кирилла Лукариса въ приверженности къ протестантизму, именно—„Апологію“ его, съ которою онъ обратился въ 1634 году къ „братству св. Дѣвы“ въ Леонтополѣ (во Львовѣ) въ Малороссіи (?) и „ко всѣмъ православнымъ“. Документъ этотъ намъ лично извѣстенъ лишь во французскомъ переводѣ, сдѣланномъ самимъ архимандритомъ Пападопуло и помѣщенномъ въ „Revue internationale de théologie“ (1906 г., кн. апрѣль—іюнь, стр. 327—330). Какъ смотрѣтъ на этотъ документъ? Онъ столь блѣднаго содержанія, что не можетъ послужить въ пользу Кирилла. Кирилль Лукарисъ въ этой своей „Апологіи“ говоритъ о „лжеапостолахъ“ его временъ, но подъ такими лжеапостолами разумѣетъ только римско-католиковъ, а отнюдь не протестантовъ; не указываетъ тѣхъ протестантскихъ заблужденій,

въ которыхъ онъ обвинялся, и не выражаетъ несогласія съ ними; ни словомъ не говоритъ о приписываемомъ ему кальвинистическомъ *Исповѣданіи вѣры*, не смотря на то, что оно сдѣлалось извѣстно съ 1629 года. Свое православіе Кирилль Л. высказываетъ здѣсь болѣе, чѣмъ нерѣшительно. Онъ говоритъ: „мы всегда сохраняли догматы православной церкви“, но ничѣмъ этого не доказываетъ. Кирилль Л. утверждаетъ, что онъ исповѣдуется „символъ вѣры и принимаетъ семь вселенскихъ соборовъ“, но вѣдъ ни символъ, ни эти соборы не имѣли въ виду протестантизма (кальвинизма) и его заблужденій. А затѣмъ о своемъ православіи Кирилль Л. говоритъ только общими фразами. Вотъ примѣры. „По милости Божіей, мы всегда напаяли нашу паству сладкою и чистою водою, ученіемъ истиннымъ и евангельскимъ“ (а не церковнымъ?). „Всесвятой духъ, Иисусъ Христосъ, вся наша паства и въ особенности св. соборъ (?)—свидѣтели за меня“. „Кто возвѣщаетъ вамъ иное Евангеліе въ сравненіи съ тѣмъ, какое возвѣщали мы вамъ, будемъ ли это мы сами или Ангелъ съ небеси, тому — анагема [ср. Гал. I, 8]. Извѣстно, что находятся люди чуждые намъ,—это тѣ, кои, принимая видъ Ангела свѣтлаго (ср. 2 Кор. II, 24), проповѣдуютъ не Евангеліе, а разрушеніе и распаденіе“ (la ruine et la destruction). Нужно сказать, что переводъ Пападопуло очень плохъ. По нашему сужденію, эта „Апологія“ есть пустой звукъ. Такихъ писаній Кирилла Л., вѣроятно, откроется еще немало. Но всѣ они,—послѣ обнародованныхъ Лиграномъ документовъ высокой цѣны и вѣрнѣйшей подлинности,—будутъ свидѣтельствовать лишь о двуличности Кирилла Лукариса, разъ онъ столь уклончиво говоритъ о своемъ православіи въ то время, когда его стали рѣшительно обвинять въ измѣнѣ этому послѣднему.

Литература. Важнѣйшими источниками при изученіи вопроса служатъ слѣдующія изданія: 1) *Aumon*, Monuments authentiques de la religion des Grecs (la Haye 1708), гдѣ напечатана серия писемъ Кирилла къ разнымъ протестантамъ.—2) *Legrand*, Bibliographie hellénique; особенно: томъ IV-й (Paris 1896). Здѣсь многіе изъ тѣхъ документовъ, которые ранѣе были напечатаны у *Aumon*'а, перепечатаны въ болѣе исправ-

номъ видѣ и къ нимъ прибавлено много новыхъ. Книга Леграна сдѣлалась необходимѣйшимъ и лучшимъ источникомъ свѣдѣній о Кириллѣ. Самъ этотъ ученый придаетъ большое значеніе своему изданію въ этомъ отношеніи, и съ нимъ нужно согласиться. Жаль только, что Легрантъ не сдѣлалъ очерка жизни Кирилла Лукариса, на что читатели въ правѣ были бы рассчитывать. Сколько знаемъ, не смотря на важность разсматриваемаго тома Леграна издания, онъ еще нѣмѣе прежде насъ не былъ использованъ въ интересахъ изученія греческой церкви; аніисій профессоръ церковной исторіи Кирикъ въ изданной имъ въ 1898 году „Церковной Исторіи“ (о немъ мы упоминали выше) не показываетъ знакомства съ изданіемъ Леграна, даже съ первымъ томомъ его, жившимъ еще въ 1894 году), очень немаловажнымъ въ вопросѣ о Кириллѣ Лукарисѣ. Изъ отдѣльныхъ монографій, посвященныхъ изученію Кирилла, упомянемъ три. *Pichler, Geschichte des Protestantismus in der orientalischen Kirche im XVII Jahrhundert oder: der Patriarch Cyrillus Lucaris und seine Zeit* (München 1862). Сочиненіе Пихлера представляетъ собою типъ западныхъ возвращенъ на Кирилла, въ силу которыхъ онъ изображается человѣкомъ, наклоннымъ къ протестантизму и, въ частности, къ кальвинизму. Оно написано съ большимъ знаніемъ дѣла и не потеряло своей цѣны, не смотря на то, что оно появилось больше 40 лѣтъ тому назадъ. Вредитъ книгѣ главнымъ образомъ суровый и несправедливый тонъ, въ какомъ католическій изсѣдователь говорить о греко-восточномъ патриархѣ. Многія сужденія, выраженные въ книгѣ и имѣвшія проблематическій характеръ, послѣ появленія изданія Леграна получаютъ болѣе определенности и становятся болѣе надежными. Вообще же оба эти произведенія въ значительной степени подкрѣпляютъ и проясняютъ одно другое. Изучать ихъ слѣдуетъ вмѣстѣ и въ связи. Архим. *Арсенія* (Брянцевъ, нынѣ архіеп. харьковскій), Патр. Кирилль Лукарисъ и его заслуги для православной церкви (изд. 2-е, Симферополь 1881); первое изд. подъ именемъ св. а. Брянцева въ Спб. 1870. Это сочиненіе представляетъ собой типъ возвращеній, усвоенныхъ большинствомъ греческихъ (восточныхъ) ученыхъ, въ силу которыхъ Кирилль признается виновнымъ въ симпатіяхъ къ протестантизму. Авторъ называетъ и пишетъ съ одушевленіемъ. Въ особенности хорошо изложены біографическія извѣстія. Послѣ Леграна на многое приходится смотрѣть иными глазами, чѣмъ какъ смотритъ авторъ, но въ этомъ послѣдній не виноватъ: наука идетъ впередъ—и въ этомъ ея задача.—*Графъ Матв. Овсянниковъ* [нынѣ протоіерей, ректоръ витебской Духовной Семинаріи],

Патр. Кирилль Лук. и его борьба съ римско-католическою пропагандой на Востоку, части 1 и 2 (Новочеркасскъ 1903). Сочиненіе это написано во вкусѣ архим. Арсенія и кіевского профессора Малышевскаго и, если не ошибаемся, начато авторомъ подъ руководствомъ послѣдняго, давненько уже скончавшагося, но изъжившаго въ свое время одобреніе труда о. Овсянникова. Даже снисходительная критика (какова критика „Церк. Вѣдомостей“, см. 1903 г., № 32) признала эту книгу не имѣющею „характера объективности“ и представляющею собою „панегирикъ Кириллу“. Должна появиться въ свѣтъ 3-ья часть сочиненія о. Овсянникова, но появленіе ея, судя по первымъ частямъ, будетъ анахронизмомъ. О Кириллѣ находятся свѣдѣнія у проф. А. П. Лебедева, *Исторія греко-восточной церкви подъ властію турокъ* (Спб. 1904, изд. 2-е), стр. 624—627, 633—673 и друг. [† О. Θ. А. Павловичъ, Патр. Кирилль Лукарисъ въ борьбѣ съ іезуитами въ „Духовной Вѣстѣ“ за 1859 г. Δημ. Σίμων Μπαλάνοу 'Η ὁμολογία Κυρίλλου τοῦ Λουζάρως, 'Εν Ἀθήναις 1906, стр. 32; этотъ молодой греческій ученый пришелъ по разсматриваемому вопросу къ тѣмъ же выводамъ, что и проф. Ал. П. Лебедевъ, достигшіи своихъ результатовъ прежде и независимо отъ работы Дм. Валанова. См. еще [Ἐξ ἐκείνῃ Βελαντίῳ τοῖς: Ὁ ἐθνορῆατος πατριάρχης Κυρίλλος ὁ Λούκαρις, 'Εν Ἀθήναις 1906; Ὁ κατὰ Κυρίλλου τοῦ Λουζάρως Οἰκουμένη τοῦ Πατριάρχου ἀϊκὸς ἀναθεματισμὸς (ibid. 1906). Вышеупомянутый *Хрис. Παναδοпуλος* помѣстилъ еще обширную апологію Кирилла Лукариса, съ обзоромъ его жизни, въ триестской греческой газетѣ „*Νέα Πύρα*“ 1907 г., №№ 1701—1709. P. *Avrelia Palmieri* O. S. A.; *Dositeo patriarcha greco di Gerusalemme* (1641—1707). Fvonne 1909, глава 2. Ср. также въ сочиненіи еп. ромоскаго *Мелхицедеха*, О православной церкви въ борьбѣ съ протестантизмомъ и въ особенности съ кальвинизмомъ въ XVII вѣкѣ и о двухъ соборахъ въ Молдавіи противъ кальвинистовъ, о чѣмъ см. у еп. *Арсенія*, Исслѣдованія и монографіи по исторіи М. лавской церкви, Спб. 1904, стр. 500—501].

Ал. Лебедевъ.

Кирилль Лукарисъ и приписываемая ему „Наука о противной уни“. Кирилль Лукарисъ извѣстенъ между прочимъ своими близкими отношеніями къ православной юго-западной Руси [см. выше стлб. 325—326]. Онъ былъ первымъ ректоромъ Острожскаго училища послѣ преобразования его въ академію въ 1580—81 г., явилъ себя защитникомъ православія на Брестскомъ соборѣ“, гдѣ участвовалъ въ каче-

ствѣ „экарха“ александрійскаго патріарха, въ 1600 г. снова былъ посланъ александрійскимъ патріархомъ (Мелетіемъ Пыга) въ западную Россію, которую вскорѣ (въ январѣ 1601 г.) онъ долженъ былъ оставить въ виду безуспѣшности миссіи и въ виду возможной опасности со стороны латинюніа. Сдѣлавшись патріархомъ, Кирилль Лукарись продолжалъ принимать нѣкоторое участіе въ дѣлахъ западно-русской церкви, о чемъ свидѣлствуютъ его отвѣты (отъ 25 марта 1614 г.) Львовскому братству о гармоничномъ пѣніи псалмовъ въ церкви, грамота (отъ 29 мая 1620 г.) съ увѣщаніемъ крѣпко стоять въ православной вѣрѣ, отгонять отъ себя вераскавшихся преступниковъ и заступаться за бѣдныхъ, требующихъ помощи, посланіе (отъ юлія 1629 г.) о лишеніи нмъ архіерейства Мелетія Смотрицкаго и отлученія отъ церкви [см. *А. С. Крыловскій*, Львовское Ставропигіальное братство, Кіевъ 1904, стр. 42—44. 67—71. 99—101], а также упоминаемое въ книгѣ Захаріи Копыстенскаго „О вѣрѣ“ Кириллово посланіе 1614 г. Этому архипастырю, всю свою жизнь боровшемуся противъ католицизма и въ особенности противъ іезуитовъ, приписывается и еще одинъ написанный на русскомъ языкѣ любопытный памятникъ, дошедшій до насъ въ сборникѣ Румянцевскаго музея № 376 (изданъ въ VI кнѣжѣ „Чтеній въ Историческомъ Обществѣ Нестора Лѣтописца“) и озаглавленный такъ: „Святаго Кирилла, экарха Александрійскаго, игумена, Наука о противной уніи, противъ благочестивыхъ священниковъ православныхъ ясное указаніе“. „Наука о противной уніи“ состоитъ изъ 4-хъ главъ. Первая глава надписывается вышеуказаннымъ заглавіемъ, которое вмѣстѣ съ тѣмъ относится и ко всей книгѣ. Содержаніе ея слѣдующее. Авторъ книги, опредѣляя унію, какъ соединеніе двухъ исповѣдавій—греческаго и латинскаго, и указывая на ея недавнее происхожденіе, подробно останавливается на личности и дѣятельности Поцѣя; послѣднiго онъ считаетъ однимъ изъ главныхъ виновниковъ введенія уніи въ Западной Россіи и старается выставить въ самомъ неблагопріятномъ освѣщеніи, конечно, не удерживаясь на высотѣ безпристрастія и справедливости. Унія въ глазахъ автора „Науки“ является дѣломъ нечестивымъ, о

которомъ пророчествовалъ пророкъ Давидъ, дѣломъ самаго антихриста, при чемъ свою мысль, что унія не угодна Богу, авторъ подтверждаетъ ссылкой на бывшія въ Брестѣ, Владимірѣ-Волинскомъ и Слонимѣ чудеса (послѣднее—слонимское—чудо въ сентябрѣ 1617 г.). При смутности и ошибочности многихъ сообщаемыхъ въ первой главѣ историческихъ свѣдѣній, обращаетъ на себя вниманіе обстоятельное изложеніе львовскаго событія 1604 г. (пріѣздъ Поцѣя во Львовъ и его столкновеніе съ Гедеономъ Балабаномъ), въ общемъ подтверждаемое другими источниками и дополняющее ихъ. Во второй главѣ, озаглавленной: „Реляція о скрытыхъ штукахъ Езуитскихъ“, авторъ переходитъ къ порицанію и къ посрамленію іезуитовъ, въ которыхъ видитъ творцовъ уніи. Въ числѣ болѣе или менѣе достовѣрныхъ свѣдѣній о порокахъ іезуитовъ и папскаго двора находятъ себѣ мѣсто во второй главѣ „Науки“ и такія нелѣпости, какъ изгнаніе іезуитовъ изъ Парижа за то, что „въ постѣ великомъ кохалися“,—что въ „сажавкѣ“ при ихъ монастырѣ найдено вмѣсто рыбы 40.000 дѣтскихъ головъ,—что праздникъ Богоявленія Господая замѣненъ въ католической церкви праздникомъ трехъ королей по той причинѣ, что мюнхская папесса Іоанна [ср. „Энци.“ VI, 738—741] родила ребенка во время богоявленскаго крестнаго хода и что тѣмъ же обстоятельствомъ объясняется и установленіе въ римской церкви поста въ субботу. Самое происхожденіе іезуитскаго ордена авторъ понимаетъ такимъ образомъ, что іезуиты образовались изъ остатковъ крестоносцевъ, разбитыхъ королемъ польскимъ Ягелломъ въ 1410 году 7 іюля. Содержаніе третьей главы достаточно указывается уже однимъ ея надписаніемъ: „О гоненіи на церковь Божию отъ апостатовъ многотяжлаго міра сего и о спасеніи православныхъ христіанъ“... и состоитъ главнымъ образомъ изъ разсужденій о разныхъ еретическихъ заблужденіяхъ, волновавшихъ церковь; здѣсь авторъ обнаруживаетъ нѣкоторое знакомство съ церковной исторіей. Наконецъ, четвертая глава „О разности костелной зъ святою апостолскою церковію“ занята совершенно бесцѣльнымъ и бездоказательнымъ перечнемъ разностей, существующихъ между церковію православной и римско-католической,

каковыхъ разностей авторъ насчитываетъ 47, перечисляя маловажныя отличія и нвогда упуская существенныя (напр., главенство папы). Краткаго знакомства съ содержаниемъ „Науки“, которая является сочиненіемъ болѣе полемическимъ, чѣмъ учебнымъ, уже достаточно, чтобы сильно заподозрить ея принадлежность патриарху Кириллу Лукарису. Прежде всего, въ самомъ заглавіи книги Кирилль Лукарисъ называется не архимандритомъ, чѣмъ былъ на самомъ дѣлѣ до вступленія на патриаршую кафедру, а игуменомъ,—называется далѣе, святымъ, чего бы самъ о себѣ онъ никакъ не могъ сказать. Если, далѣе, мы обратимъ вниманіе на титулы, усвоенныя въ надписаніи книги Кириллу Лукарису („экзархъ Александрійскій“), который могъ бы принадлежать ему во время отъ Брестскаго собора до того момента, когда онъ окончательно оставилъ Россію (именно, въ январѣ 1601 г.) и уже болѣе не возвращался въ нее, то мы должны написать „Науку“ отнести къ промежутку между Брестскимъ соборомъ и годомъ отъѣзда его изъ Россіи. Во всякомъ случаѣ написать „Науку“ Кирилль Лукарисъ могъ никакъ не позже 1603 г., когда онъ сдѣлался патриархомъ александрійскимъ, ибо утверждать, что Кирилль Лукарисъ, будучи патриархомъ, именуетъ себя въ названіи книги игуменомъ и „экзархомъ“ патриаршимъ, значить допускать явную и безцѣльную нелѣпость. Но здѣсь-то и ждетъ насъ главное затрудненіе: какимъ же образомъ могла быть книга написана до 1603 г., когда въ ней рассказывается о пребываніи во Львовѣ Поцѣ въ 1604 г., упоминается преслѣдованіе православныхъ со стороны фанатика Крупецкаго, который только въ 1611 г. вступилъ въ Перемышль въ качествѣ перемышльскаго епископа, и передается словниское „чудо“, бывшее въ 1617 г.? Но такое доказательство непринадлежности разсматриваемой книги Кириллу Лукарису не будетъ имѣть никакого значенія при малѣйшемъ сомнѣніи въ подлинности одного лишь заглавія, на сопоставленіи котораго съ содержаніемъ книги и построена вся вышеизложенная аргументація. Поэтому, обратимся къ разсмотрѣнію другихъ характерныхъ чертъ „Науки“. Замѣчательно, что Львовское событіе 1604 г., очевидно же котораго Кирилль Лукарисъ не былъ, пере-

дается авторомъ „Науки“ съ поразительною вѣрностію и подробностями, между тѣмъ событія, несомнѣннымъ очевидцемъ коихъ былъ Кирилль Лукарисъ, или замалчиваются (напр., Брестскій соборъ), или же передаются авторомъ въ извращенномъ видѣ (напр., онъ преемникомъ митрополита Онисифора называетъ Поцѣя, а не Рагозу, какъ бы слѣдовало). Далѣе, авторъ „Науки“ допускаетъ не рѣдко такіе анахронизмы, такія ошибки въ области исторіи, которыя не могли выйти изъ-подъ пера Кирилла Лукариса, получившаго высшее образованіе въ падуанскомъ университетѣ и бывшаго ректоромъ и учителемъ Острожскаго училища съ обширнымъ сравнительно курсомъ ученія (см. „Тр. Кіев. Дух. Акад.“ 1867 г. февраль, стр. 183—184). Мы уже имѣли случай упомянуть про эти наивныя мнѣнія автора „Науки“ о происхожденіи ордена іезуитовъ, объ установленіи субботняго поста въ римской церкви, объ изгнаніи іезуитовъ изъ Царша за то, что „въ постѣ великомъ кохалися“ и т. д. Не обладавшій достаточною эрудиціей и критическимъ талантомъ, авторъ „Науки“ былъ все-же довольно начитанный человекъ и церковно-религіознымъ направленіемъ своего образованія напоминалъ московскаго начетчика; употребленія въ „Наукѣ“ типичныя русскія народныя выраженія и сравненія (напр., названіе іезуитовъ „вызутами“, потому что они людей „зъ розуму вызувать“—сравненіе уніатовъ съ цыганами, „гуляющими“ въ ярмарочный день на хромыхъ лошадахъ и т. д.) прямо изобличаютъ въ ея авторѣ русскаго человека. Можно пойти даже далѣе и установить съ нѣкоторою вѣроятностію на основаніи содержанія книги мѣсто (вблизи Львова) и время (около 1622 г.¹⁾) написанія книги. Ясно, что „Наука“ не могла принадлежать Кириллу Лукарису и только приписана ему съ цѣлію придать книгѣ болѣйшій авторитетъ, подобно тому какъ, напр., Зизаній свою полеміку противъ римской церкви издалъ подъ заглавіемъ: „Казаніе въ Кирилла Іерусалимскаго объ антихристѣ“. Такой подлогъ вообще не былъ рѣдкостію въ то время и объ враждующія

¹⁾ Ибо авторъ существованіе уніи опредѣляетъ 30-ю годами, а началомъ ея, по видимому, считаетъ 1592 г.

сторонны одинаково прибѣгали къ подобнымъ средствамъ.

См. подробности у В. В. Перепечина, „Наука“ св. Кирилла Лукариса о противоюуни, Минскъ 1894.

А. В. П.—ъ.

2) Кирилль II Контарисъ трижды занималъ вселенскій патріаршій престолъ (въ октябрѣ 1634 г., 1635—1636 и 1638—1639 г.г.). Онъ оставилъ дурную о себѣ память, такъ какъ служилъ орудіемъ іезуитской пропаганды въ церкви константинопольской и былъ выдвинутъ іезуитами въ качествѣ противника извѣстному вселенскому патріарху Кириллу I Лукарису. Кирилль Контарисъ получилъ образованіе въ іезуитской коллегіи въ Галатѣ, былъ человѣкъ довольно свѣдущій въ богословіи, но дерзкій и надменный, не пренебрегавшій никакими средствами въ достиженіи своихъ цѣлей. До патріаршества онъ занималъ митрополичью кафедру въ Веріи. Когда, по интригамъ іезуитовъ, Кирилль Лукарисъ оставилъ патріаршую кафедру въ четвертый разъ, то его врагамъ удалось, — при помощи подкупа турецкихъ властей, — возвести на вселенскій престолъ своего сторонника Кирилла Контариса, но онъ числился патріархомъ только нѣсколько дней (5—11 октября 1634 г.), ибо духовенство и народъ не хотѣли признавать его предстоятелемъ константинопольской церкви. А затѣмъ Кирилль Лукарисъ доказалъ предъ турецкимъ правительствомъ несправедливость его обвиненія іезуитами въ дружбѣ съ „франками“ и въ посягательствахъ на права Порты и снова занялъ патріаршій престолъ. Кирилль Контарисъ, по распоряженію Порты, былъ сосланъ, — вмѣстѣ со своимъ союзникомъ, амасійскимъ митрополитомъ Захаріею, — на островъ Тенедосъ. Захарія вскорѣ здѣсь и скончался, а Кириллу Контарису, при помощи іезуитовъ, удалось получить свободу и снова занять митрополичью кафедру въ Веріи. Однако онъ попрежнему остался самымъ упорнымъ и горячимъ противникомъ Кирилла Лукариса и не переставалъ интриговать противъ него предъ турецкимъ правительствомъ, пользуясь поддержкой со стороны всемогущихъ тогда въ Турціи іезуитовъ. Послѣ пятого низложенія Кирилла Лукариса, Кирилль Контарисъ во второй разъ занялъ вселенскій патріар-

шій престолъ и оставался на немъ 16 мѣсяцевъ (съ марта 1635 до юля 1635 г.). Онъ жестоко преслѣдовалъ сторонниковъ своего преемственника и сдѣлался, вълѣдствіе этого, виновникомъ большихъ нестроений въ церкви константинопольской. Между прочимъ, Кирилль Контарисъ, вопреки обычаю, не подписывался „Кирилль, Божіею милостію архіея. Константинополя, Нового Рима и вселенскій патріархъ“ но или — „Кирилль изъ Веріи, Божіею милостію“... и пр., или — „Архіея. Константинополя Божіею милостію Кирилль изъ Веріи“. Изъ дѣяній второго патріаршества Кирилла Контариса извѣстны: сгилліи о возведеніи въ ставропигіальное достоинство монастырей Богородицы Хрисоподариотассы въ епархіи Древнихъ Патръ (въ октябрѣ 1635 г.) и Вулкана въ мевимиской епархіи, объ одномъ метохѣ Иверскаго монастыря на Аѳонѣ (17 юня 1635 г.) и о Ватковскомъ монастырѣ близъ Филиппополя. Положеніе константинопольской церкви при Кириллѣ Контарисѣ было весьма печально, какъ это хорошо видно изъ постановленія мѣстнаго священнаго синода въ маѣ 1635 г. объ учрежденіи при патріархіи „экономической епитропіи“. Архіереи, члены синода, свидѣтельствуютъ здѣсь, что вся православная церковь была обременена долгами, при чемъ кредитеры въ высшей степени дерзко и жестоко обращались со своими должниками — митрополитами и клириками, многіе изъ которыхъ, не вынося оскорбленій, вынуждены были скрываться въ горахъ и пропастяхъ, а народъ вевыносно страдалъ подъ бременемъ всякаго рода налоговъ и поборовъ, — епископіи оставались безъ обитателей, храмы Божіи опустошались и разорялись, всюду были плачъ и стенанія. Съ цѣлію избавить греческое духовенство и народъ отъ смерти, синодъ рѣшилъ образовать при патріархіи особую епитропію — въ составѣ семи членовъ, въ томъ числѣ четырехъ архіереевъ и трехъ клириковъ. Эта епитропія или коммисія должна была собирать всѣ поступавшіе въ казну патріархіи взносы, за исключеніемъ назначенныхъ специально для патріарха Кирилла Контариса, расходовать деньги на нужды церкви, уплачивать долги и вести самую точную и полную запись всѣхъ своихъ денежныхъ операцій. Далѣе, одинъ патріархъ, силою своей власти, не долженъ былъ лишать митрополита, священника и клирика

занимаемыхъ ими мѣсть, но при патриархинъ была учреждена другая коммиссія въ четырехъ архіереевъ-администраторовъ, которая предвзительно и должна была разсматривать каждое дѣло о назначеніи, перемѣщеніи и устраниеніи отъ должности, а потомъ это дѣло восходило на обсужденіе синода. Значитъ, синодъ постановилъ, чтобы безъ участія членовъ этой коммиссіи не происходило ни одно избраніе митрополита или архіепископа, въ противномъ же случаѣ избраніе будетъ недействительно. Безъ вѣдома и согласія членовъ коммиссіи нельзя было и посылать въ епархіи экзарховъ, епитроповъ и архимандритовъ для сбора пожертвованій и для разслѣдованій тѣхъ или иныхъ дѣлъ. Синодъ и запретилъ клирикамъ передавать по своему усмотрѣнію другимъ лицамъ предоставленныя имъ оффиціи, т. е. должности эконома, сκεвоφλακας, сакелларія и т. д. Члены епитропіи обязаны были и наблюдать за живущими въ патриархинъ, дабы они не позволяли себѣ излишней роскоши и не возбуждали въ другихъ соблазна своимъ поведеніемъ. Члены коммиссіи были избраны на одинъ годъ съ вознагражденіемъ по усмотрѣнію великой церкви, а по минованіи года надлежало избрать другихъ семь лицъ. Въ случаѣ смерти кого-либо изъ членовъ, остальные шесть имѣли право избрать взамѣнъ его другого, по своему желанію. Наконецъ, синодъ постановилъ, что если кто-либо изъ архіереевъ или *самъ патриархъ* будетъ противодѣйствовать избранной коммиссіи въ исполненіи ея обязанностей, митрополиты имѣютъ право лишить ихъ каноны и даже сана; строгое наказаніе постигнетъ и всякаго клирика и мірянина, если они не подчинятся распоряженію епитропіи. — Представленный документъ, подписанный и патриархомъ Кирилломъ Контарисомъ, имѣетъ важное значеніе: свидѣтельству о общественномъ состояніи великой Христовой церкви, онъ вмѣстѣ съ тѣмъ показываетъ, что священный ея синодъ не довѣрялъ Кириллу Контарису и, съ цѣлью оградить церковь отъ будущихъ посягательствъ патриарха на ея права въ угоду покровительствовавшимъ ему іезуитамъ, создалъ административную епитропію съ довольно пространными полномочіями и даже подчинилъ ей и самого патриарха. Тѣмъ не менѣе, Кирилль Контарисъ обнаружилъ въ своей дѣятельности

полный разладъ съ задачами епитропіи. Митрополиты имѣли всѣ основанія къ обвиненію его предъ Портой въ корыстолюбіи, за которое Кирилль Контарисъ былъ лишенъ патриаршаго престола и сосланъ на о. Родосъ. Въ третій разъ онъ занялъ престолъ уже послѣ смерти Кирілла Лукариса, однимъ изъ виновниковъ которой, будто бы, и онъ былъ. Въ это патриаршество (съ 20 іюня 1638 г. до середины 1639 г.) константинопольская церковь также была въ бѣдственномъ состояніи: корыстолюбивый патриархъ не щадилъ ея средствъ для себя, хотя долженъ былъ еще заплатить Портѣ большую контрибуцію за свое возстановленіе на престолъ; патриархинъ, архіерей, духовенство и народъ были обременены долгами; церковная жизнь много страдала отъ мстительности патриарха, продолжавшаго жестоко преслѣдовать сторонниковъ Кирілла Лукариса. Изъ его постановленій за третье патриаршество извѣстно, прежде всего, каноническое опредѣленіе (1639 г.), запрещавшее архіереемъ пріѣзжать и жить въ Константинополѣ безъ патриаршаго разрѣшенія. Затѣмъ, онъ издалъ сигиллій (въ мѣѣ 1639 г.) о возстановленіи давно упраздненной митрополіи Бравлова и Измаила, а другимъ сигилліемъ (въ іюлѣ 1638 г.) утвердилъ права монастыря Богородицы въ Монемазії на его владѣнія. Греческій народъ былъ возмущенъ жестокостію и измѣной Кирілла Контариса православію и обвинилъ его предъ султаномъ Мурадомъ IV въ клеветничествѣ и злодѣяніяхъ, за что, по приказанію султана, былъ низложенъ съ престола, отправленъ въ ссылку въ Кароагенъ и на пути задушенъ.

Литература. Γεδεών, Πατριαρχικοί πίνακες, Κωνσταντινούπολις 1884; Μαθᾶς, Κατάλογος ιστορικός τῶν ἐπισκόπων καὶ πατριαρχῶν τῆς Μεγάλης τοῦ Χριστοῦ Ἐκκλησίας, Ἐν Ναυπλίῳ 1837; Μελέτιος μητροπολίτης Ἀθηνῶν, Ἐκκλησιαστικὴ ἱστορία, τ. III, Ἐν Βιέννῃ 1784; Ἀθανάσιος Κομνηνὸς Ὑψηλάντης, Τὰ μετὰ τὴν ἄλωσην, Κωνστ. 1870; Μ. Γεδεών, Κανονικὰ διατάξεις, τ. I, Κωνστ. 1888; Ἀρχιμ. Καλλίνικος Δελικάνης, Πατριαρχικῶν ἐγγράφων τόμος τρίτος, Κωνσταντινούπολις 1905.

И. И. Соколовъ.

3) Кирилль III, по фамиліи Спаносъ, дважды занималъ патриаршій престолъ (1652 и 1654 г.г.). Онъ былъ родомъ изъ г. Ксаненъ, состоялъ сперва митрополитомъ

Коринѳа, но Кирилломъ Лукарисомъ былъ лишенъ этой катедры; въ іюлѣ 1635 г. снова занялъ ее, въ январѣ 1637 г. былъ перемѣщенъ въ Филиппополь, откуда также на нѣкоторое время былъ удаленъ; снова водворившись въ Филиппополь, въ 1650 г. занялъ митрополичью кафедру въ Тырновъ. 25 мая 1652—г. при содѣйствіи турецкихъ властей, онъ занялъ вселенскій патріаршій престолъ. Однако ни архіереи, ни народъ не хотѣли признавать его своимъ первоіерархомъ, такъ какъ онъ занялъ престолъ неканонически. Не смотря на всѣ усилія Кирилла III добиться своего признанія со стороны церкви, это ему не удалось,—и онъ, проживъ въ патріархіи двадцать дней, долженъ былъ удалиться отсюда. Въ половинѣ марта 1654 г. Кирилл III вторично проникъ въ патріархію въ качествѣ претендента патріаршей власти, но оставался здѣсь лишь двѣ недѣли, ибо церковь опять не признала его вступленіе на престолъ правильнымъ, а съ другой стороны, не имѣлъ возможности заплатить Портъ необходимый пескезий. По приказанію султана Махмуда IV, Кирилл III былъ сосланъ на о. Кипръ, гдѣ и скончался.

Литература М. Γεδεών, Πατρ. πιν., Ὑψηλάντης, Μαθας и др. Μελέτιος въ указ. сочиненіяхъ

И. И. Соколовъ.

4) **Кирилл IV** занималъ патріаршій престолъ съ 4 декабря 1711 до конца октября 1713 г. Онъ родился на островѣ Лесбосѣ въ достаточной греческой семьѣ, былъ человѣкъ образованный и нравственный, хорошо зналъ Свящ. Писаніе, до патріаршества былъ митрополитомъ Кизика. Съ цѣлю улучшить матеріальное положеніе патріархіи, Кирилл IV въ 1711 г. путешествовалъ въ Яссы для сбора милостыни и, между прочимъ, паздалъ здѣсь патріаршую грамоту о неприкосновенности монастырскихъ имуществъ. Въ томъ же году онъ своимъ сигиліемъ подтвердилъ ставропигіальныя права монастыря пророка Іліи на Санторинѣ (въ августѣ), а другимъ сигиліемъ опредѣлялъ границы реименской епископіи. Въ виду того, что филархейскій митрополитъ Мелетій Типалдъ, управлявшій греческою общиною въ Венеціи, вышелъ изъ повиновенія патріарху, Кирилл IV удалилъ его изъ Венеціи. Въ 1713 г. одною изъ грам-

отъ онъ подтвердилъ ставропигіальныя права монастыря прор. Іліи Рустака на Критѣ (въ августѣ), а другою присоединялъ обитель Великой Панагіи (Вогородицы) на Критѣ и ея метохъ Кенурионъ къ мѣстной епископіи Петры. Въ томъ же году патріархъ и синодъ постановили—ежегодно выдавать изъ средствъ великой Христовой церкви одну тысячу гроевъ александрийскому патріарху Космѣ, жившему въ Константинополѣ и оказавшемуся въ крайне бѣдственномъ матеріальномъ положеніи, такъ какъ онъ,—вслѣдствіе политическихъ обстоятельствъ.—не имѣлъ возможности отправиться въ Египетъ, назначенная денежная субсидія должна была выдаваться Космѣ до тѣхъ поръ, пока онъ не получитъ для управленія и содержанія какую-либо епархію въ предѣлахъ константинопольскаго патріархата. Далѣе, современный антиохійскій патріархъ Аванасій обратился къ вселенскому Кириллу съ запросомъ относительно поста и брака. Дѣло въ томъ, что нѣкоторые жители Сиріи, крайне затрудняясь исполненіемъ поста св. Апостоловъ по недостатку постной пищи, просили своего патріарха разрѣшить имъ пользоваться молокомъ и масломъ; а съ другой стороны ему были представлены ходатайства о разрѣшеніи вступать въ бракъ съ родственниками, такъ какъ въ нѣкоторыхъ селахъ антиохійскаго патріархата очень трудно было заключать браки съ липами, не находившимися ни въ родствѣ, ни въ свойствѣ между собою. Затрудняясь разрѣшеніемъ этихъ недоумѣній, антиохійскій патріархъ представилъ ихъ на судъ вселенскаго Кирилла IV. Послѣдній обсудивъ вопросы совмѣстно съ находившимися въ Константинополѣ александрийскимъ патріархомъ Хрисаномъ и своимъ синодомъ, отвѣтилъ (7 ноября 1711 г.) въ томъ смыслѣ, что онъ не находитъ возможнымъ измѣнять церковныя по указаннымъ вопросамъ постановленія и вводить въ церковную практику какія-либо нововведенія, но предлагаетъ антиохійскому патріарху руководить принципомъ „якономи“ и снисхожденія примѣнительно къ каждому частному случаю, коль скоро его блаженство замѣчаетъ, что строгое и точное исполненіе правилъ можетъ повести къ душевной гибели тѣхъ или другихъ нарушителей церковныхъ постановленій; но все это находится въ предѣлахъ компетенціи предстоятеля антиохійской церкви. Въ

мартъ 1713 г. Кирилль IV обратился съ грамотами къ митрополитамъ Филиппополю и Софїи по поводу сбора въ ихъ епархіяхъ милостыни на нужды Гроба Господня. Сохранились также двѣ грамоты Кирилла IV, отправленныя въ Украину,—одна разрѣшительная на имя Димитрія Орленко съ женою Маріей, сыномъ Павломъ и дочерями Теодорой, Анной, Маріей, Параскевой и Мелавіей (1712 г.), а другая—запорожскому гетману, въ отвѣтъ на его письмо, въ которомъ выражались чувства любви и благоговѣнія запорожцевъ къ вселенскому патріаршему престолу и испрашивались гетманомъ молитвы и благословенія его святѣйшества (16 янв. 1712 г.). Пользуясь уваженіемъ и любовью со стороны восточныхъ патріарховъ и украинскаго гетмана, патріархъ Кирилль IV, при всѣхъ своихъ достоинствахъ, не могъ расположить къ себѣ турецкаго султана Ахмеда, который смотрѣлъ на патріархію и на частую сѣбѣя греческихъ патріарховъ, какъ на доходную государственную статью. Находясь съ войсками въ Адрианополѣ, султанъ вызвалъ сюда и вселенскаго патріарха. Великій визирь, воспользовавшись военнымъ временемъ и опираясь на авторитетъ султана, потребовалъ отъ патріарха денегъ на нужды государства и значительно увеличилъ налоги съ грековъ и патріархинъ въ пользу казны. Кирилль IV опротестовалъ такое требованіе и за это подвергся личному оскорбленію. При такихъ условіяхъ патріархъ не нашелъ возможнымъ оставаться на престолѣ и, полагая, что его преемникъ успѣетъ оградить свободу и неприкосновенность церкви отъ посягательствъ мусульманскаго, отказался отъ управленія церковію.

Литература. *М. Гедеонозъ*, Патр. πίν., Μαθαζ' указ. соч., Ὑψηλάντης, указ. соч., Μελέτιος, указ. соч., Ἀρχιρ. Καλλιμάχος Δελκίνης, Πατριαρχικά ἔγγραφα, т. II, К. 1904, т. III, К. 1905.

И. И. Соколовъ.

5) **Кирилль V** дважды занималъ патріаршій престолъ (окт. 1748—май 1751 и 7 сент. 1752—16 янв. 1757 г.г.). Онъ родился въ Навплии, учился въ школахъ Философа въ Димитсанѣ и на о. Патмосѣ, въ молодости служилъ въ Константинополѣ при патріархинъ, потомъ занялъ меленинскую митрополичью кафедру, въ 1745 г. былъ пе-

ремщенъ въ Никомидію, откуда и былъ возведенъ на патріаршій престолъ. Историкъ Макрей очень хвалитъ Кирилла V за нравственные качества, называя его добродѣтельнымъ, любознательнымъ, строгимъ исполнителемъ церковныхъ постановленій, свѣдущимъ въ Свящ. Писаніи и проч. Но другіе историки (Жумасть, Испланистъ) иначе оцѣниваютъ личность и труды Кирилла V и считаютъ его однимъ изъ малодостойныхъ патріарховъ константинопольской церкви. По нашему мнѣнію, правда—въ серединѣ: Кирилль V, имѣя несомнѣныя личныя достоинства, силою вѣнскихъ обстоятельствъ иногда вынуждался поступать несогласно съ благомъ церкви. Такъ, въ его патріаршество долги сильно возрасли, но извѣстно, что турецкія власти потребовали отъ Кирилла V увеличенныхъ взносовъ на государственныя и личныя нужды. Затѣмъ, Кирилль V горячо поддержалъ предъ Портою жалобу жителей Кипра на притѣсненія въ сборѣ податей и вообще на незаконное управленіе мѣстныхъ турецкихъ властей и за это навлекъ на себя недовольство султана, которое и привело потомъ къ низложенію его съ престола. Но съ другой стороны, патріарху не удалось предотвратить волненія въ церкви, вызванныя жеңропрокомъ Алексантіемъ. Изъ другихъ дѣяній Кирилла V, прежде всего, извѣстно каноническое опредѣленіе о разводѣ, вслѣдствіе сумасшествія жены, изданное въ 1748 г. по поводу частнаго случая на о. Митилинѣ; въ документѣ сдѣлано предписаніе о раздѣлѣ имущества разведенныхъ супруговъ. Въ слѣдующемъ году патріархъ отиравилъ посланіе православнымъ жителямъ Сифна и Микона по поводу ихъ общенія въ вѣрѣ съ латинянами, такъ какъ они полагали, что между православіемъ и латинствомъ нѣтъ никакого различія; патріархъ при этомъ рѣзко обличилъ въ невѣжествѣ этихъ жителей и кратко разъяснилъ имъ отличіе католичества отъ православія. Въ февралѣ 1749 г. патріархъ особымъ сигиліемъ присоединилъ къ митрополіи Христіанополя патріаршую экзархію Идрополицу съ двумя ея земельными участками и тремя монастырями—съ тѣмъ условіемъ, чтобы мѣстный митрополитъ ежегодно выдавалъ изъ средствъ епархіи 60 гроевъ архонту церковей Марку, который равнѣе заведывалъ этою экзархіей.

Въ 1750 г. патриархъ сигиллемъ написалъ село Гарасари къ халдійской митрополіи (въ январѣ), а другимъ сигиллемъ утвердилъ обмѣнъ владѣніями между митрополитами Ефеса и Смирны (въ февралѣ). Кроме того, онъ утвердилъ ставропигіальныя права монастырей—Аристратига Михаила въ Калавритахъ (въ маѣ 1749 г.), Богородицы Амπελακίотиссы въ Лидорикіи (въ юнѣ 1749 г.), Предтечи въ Веріи (въ августѣ 1750 г.) и Вачковского близъ Филиппополя.

При содѣйствіи Кирилла V состоялось умиротвореніе православнаго населенія халенійской епархіи, входившей въ составъ антиохійскаго патриархата; здѣсь водворился епископъ Максимъ, уклонившійся въ латинство и смущавшій совѣсть православныхъ; патриархъ Кириллъ V, къ которому населеніе обратилось съ просьбою о помощи, изгналъ Максима изъ епархіи и на вакантную кафедру избралъ бывшаго птолемандскаго митрополита Софронія, строгора ревнителя православія (1750 г.). Наконецъ, въ 1749 г. Кириллъ V издалъ окружное посланіе, приглашая свою православную паству къ пожертвованіямъ въ пользу обѣднѣвшей вселенской патриархіи. Тѣмъ не менѣе, Кириллъ V вынужденъ былъ въ маѣ 1751 г. оставить патриаршую кафедру, вслѣдствіе возникшихъ въ константинопольской церкви религиозныхъ смутъ, прекратить которыя онъ оказался не въ силахъ. Лишенный престола, онъ былъ удаленъ на о. Халки, гдѣ и жилъ на пожалованную ему правительствомъ пенсію.

Второе патриаршество Кирилла V прошло въ большихъ волненіяхъ, вызванныхъ вопросомъ о перекрещиваніи латинянъ при переходѣ ихъ въ греко-восточную церковь. Впослѣдствіи движеніе было мовахъ Авксентій, который сталъ проповѣдывать народу о заблужденіяхъ латинянъ и съ особенной настойчивостію говорилъ противъ дѣйствительности латинскаго крещенія. Проповѣдникъ имѣлъ многочисленныхъ послѣдователей, такъ какъ вопросъ о латинствѣ имѣлъ жизненное на Востоку значеніе, въ виду господствовавшей здѣсь инославной пропаганды. Патриархъ Кириллъ V принципиально сочувствовалъ основному выводу изъ проповѣди Авксентія—о необходимости перекрещиванія латинянъ. Движеніе получило столь острый характеръ,

что потребовалось сказать авторитетное по возбужденному вопросу слово отъ лица церкви. Въ 1756 г. въ Константинополѣ состоялся соборъ въ присутствіи патриарховъ—вселенскаго Кирилла V, александрійскаго Маттея и іерусалимскаго Пароенія и многихъ архіереевъ,—на которомъ и было составлено опредѣленіе (ἔρος) святой Христовой церкви о перекрещиваніи латинянъ. Затѣмъ, патриархъ Кириллъ V издалъ въ 1752 г. сигиллій о томъ, что метохи св. Николая въ Каламаріи, именуемый Вамвросъ, составляетъ собственность русскаго на Аѳонѣ монастыря св. Пантелеймона. Въ юнѣ 1754 г. патриархъ образовалъ новую архіепископію изъ двухъ экзархій—Зарнаты и Акова, при чемъ архіепископъ этой епархіи долженъ былъ ежегодно давать 130 гроевъ Супосу и Критію, подъ управленіемъ которыхъ были эти двѣ экзархіи. Въ мартѣ 1755 г. Кириллъ V возстановилъ на Хіосѣ экзархію изъ мѣстности Паргіа и Воллесса и предоставилъ митрополиту Арты право хиротонисать подчиненныхъ ему епископовъ Вондицы, Фотики и другихъ. Кириллу V принадлежатъ нѣсколько сигиллей относительно монастырей. Такъ, онъ объявилъ ставропигіальными монастыри Пресвятой Троицы на Олимпѣ (въ мартѣ 1753 г.), Живоноснаго Источника на необитаемомъ островѣ Пппери, Преображенія въ мѣстности Трикеріи на островѣ Алата, Благовѣщенія въ г. Патрахъ (въ ноябрѣ 1754 г.), св. Анны на островѣ Кеосѣ (въ январѣ 1755 г.), св. Николая Пешерника въ Артѣ, Богородицы Хрисоподаріотиссы и Успенія въ Патрахъ (въ маѣ 1755 г.), обителей τῶν Μουσῶν и свв. Безсребренниковъ на островѣ Хіосѣ (въ сентябрѣ 1755 г.) и Богородицы Вронта ва Самоѣ. Въ апрѣлѣ 1753 г. патриархъ подчинялъ митрополиту Крита монастыри Гувернета. Въ томъ же году онъ объявлялъ ставропигіею бывший епархіальный монастырь Христа на о. Принкипо и предоставилъ его въ заведываніе и управленіе столичной корпорациіи ремесленниковъ, которая и надѣлила его многими вѣдѣдствами. Нѣсколько документовъ были изданы по дисциплинарнымъ и имущественнымъ дѣламъ аѳонскихъ монастырей. Въ патриаршество Кирилла V столичная греческая корпорация торговцевъ бакалейными товарами на свои средства построила (1753г.)

въ Константинополѣ больницу для православнаго населенія города. Другую греческую больницу основалъ въ Адрианополѣ филантропъ Димитрій—Иосифъ. Церковно-религіозное движеніе, подвиготъ монахомъ Авксентіемъ, сопровождалось большими смутами, такъ какъ по винѣ его былъ низложенъ съ престола предшественникъ Кирилла патріархъ Пансій II, а равно противъ него дѣйствовали и нѣкоторые митрополиты. Положеніе Кирилла V, сочувствовавшего проповѣди Авксентія, оказалось непрочнымъ на престолѣ. 16 января 1757 г. онъ, по волѣ султана Османа III, былъ лишенъ власи и сосланъ на Спай. Спустя нѣкоторое время, Кириллъ получалъ разрѣшеніе прибыть въ Константинополь, а потомъ былъ удаленъ на Афонъ, гдѣ и поселился въ скитѣ св. Анны. На Св. Горѣ Кириллъ V, между прочимъ, имѣлъ столкновеніе съ знаменитымъ дядьскаломъ афонской академіи Евгеніемъ Вуларисомъ. Патріархъ здѣсь и скончался и былъ погребенъ востѣ храма скита св. Анны.

Литература. Кромѣ сочиненій, указанныхъ выше, свѣдѣнія о Кириллѣ V сообщаютъ: Σέργιος Μακραιος, Ἐπομνήματα ἐκκλησιαστικῆς ιστορίας (1750—1800) (Ἐν Βενετίας 1877 (у Σάβας, Μεσαιωνικὴ Βιβλιοθήκη, т. III); К. Κοῦμας, Ἱστορία τῶν ἀνθρωπίνων πράξεων, т. IV. Ἐν Βιέννῃ 1832; М. Γεδεών, Κανονικαὶ διατάξεις, т. I, Κωνσт. 1888; Ἀρχιμ. Καλλίνικος Δελικάνης, Περιγραφὸς κατὰλογος τῶν ἐν τοῖς κώδεϊ τοῦ Πατριαρχικοῦ, Ἀρχιεπισκοπικῆς ἐπισήμων ἐκκλησιαστικῶν ἐγγράφων περὶ τῶν ἐν Ἀθῶν μόνων, Κωνσт. 1902; проф. А. И. Лебедев, Исторія греко-восточной церкви подъ властію турокъ, Спб. 21903.

И. И. Соколовъ.

6) Кириллъ VI занималъ патріаршій престолъ съ 5 апр. 1813 до 13 декабря 1818 г. Въ мірѣ Константинъ Сербетцоглу, онъ родился въ 1775 г. въ Адрианополѣ въ небогатой греческой семьѣ, учился у мѣстнаго учителя Георгія, а потомъ вшелъ себѣ покровителя въ лицѣ адрианопольскаго митрополита Каллиника, который приблизилъ его къ себѣ, сдѣлалъ секретаремъ митрополіи, постригъ его въ монахи и посвящалъ въ санъ іеродіакона. Въ званіи секретаря, онъ былъ правою рукою своего покровителя и съ успѣхомъ выполнялъ трудныя обязанности своего отвѣтственнаго положенія, но въ тоже время усердно занимался своимъ самообразованиемъ. Въ началѣ 1801 г. Ки-

риллъ былъ сдѣланъ архидіакономъ ефесской митрополіи, а когда бывший митрополитъ Каллиникъ занялъ патріаршій престолъ (17 іюня 1801 г.), Кириллъ занялъ должность великаго архидіакона патріархіи. Ревностно исполняя свои прямыя обязанности, Кириллъ не оставлялъ и научныхъ занятій, завязавъ тѣсныя сношенія съ профессорами народной школы на Фанарѣ. Въ 1802 г. онъ напечаталъ первый свой ученый трудъ, опубликовавъ въ одномъ сборникѣ неизданныя поэтическія произведенія византійскихъ писателей: Теодора Прохотродрома, Писиды Георгія и Никифора Каллиста Ксаннопула, вмѣстѣ съ каталогомъ все-левскихъ патріарховъ. Въ сентябрѣ 1803 г. Кириллъ былъ хиротонисанъ въ епископы и занялъ митрополитичью кафедру въ Иконіи. Здѣсь для образованнаго и энергичнаго архипастыря открылось широкое поле дѣятельности. Онъ усердно защищалъ мѣстную „ромейскую райю“ отъ произвола и насилія турецкихъ власей, систематически изучалъ ее истинамъ православной вѣры и нравственности, открывалъ народныя школы и привлекалъ на должности учителей наиболѣе способныхъ и усердныхъ клириковъ и миринъ. Въ тоже время онъ продолжалъ и свои научныя занятія и между прочимъ собралъ здѣсь историческій, географическій и археологическій матеріалъ для спеціальнаго труда объ иконійской области. Въслѣдствіи оаъ, на основаніи этого матеріала, издалъ географическую карту иконійской области („Πινὰς χωρογραφικὸς τῆς μεγάλης ἀρχιεπισκοπικῆς Ἰκονίου, Ἐν Βιέννῃ 1812) и историческій къ ней комментарий (Ἱστορικὴ περιγραφή τοῦ προεχδομένου χωρογραφικοῦ πίνακος κтл., Κωνσт. 1815). Иконійскою епархіей Кириллъ управлялъ до 1810 г., когда былъ перемѣщенъ въ родной городъ Адрианополь, по просьбѣ его жителей. И здѣсь онъ заявилъ себя энергичнымъ защитникомъ своего народа и усерднымъ его просвѣтителемъ. Когда вселенскій патріархъ Іеремія IV [см. „Энци.“ VI, 303—305] отказался по болѣзни отъ патріаршескаго престола, священный константинопольскій синодъ единогласно избралъ его преемникомъ адрианопольскаго митрополита Кирилла, который 5 апрѣля 1813 г. торжественно и вступилъ на патріаршій престолъ. Его избраніе было радостно привѣтствовано грече-

скимъ духовенствомъ и народомъ. На патріаршемъ престолѣ Кирилле VI, какъ верховный представитель „ромейской райи“, защищалъ ее, гдѣ нужно, отъ наслія и произвола турокъ и былъ ея покровителемъ и ходатаемъ предъ Портой. Въ виду злоупотребленій при заключеніи браковъ среди христіанскаго населенія о. Скопела, патріархъ особымъ сигиліемъ (1814 г.) опредѣлялъ условія снабженія невѣсть приданымъ, безъ нанесенія большого ущерба родителямъ и всей семьѣ. Онъ также заботился о постройкѣ и благоустройствѣ филантропическихкихъ учреждений въ Константинополѣ и провинціальныхъ городахъ, о благолѣтіи приходскихъ храмовъ и правильномъ веденіи ихъ денежной отчетности. Въ 1814 г. при патріархѣ была образована специальная коммиссія подъ предсѣдательствомъ деврскаго митрополита Аѳеяма, которая обязана была посѣщать храмы и монастыри константинопольской архіепископіи, ревизовать ихъ денежные дѣла и заносить приходскіе отчеты въ особый кодексъ, хранившійся въ патріархѣ; въ свою очередь, епитропы храмовъ обязаны были отдавать въ своей дѣятельности отчетъ предъ общимъ собраніемъ прихожанъ. Патріархъ Кирилле VI былъ озабоченъ улучшеніемъ матеріальнаго положенія и патріархія. Въ 1818 г. общій ея долгъ простирался до 1.936.000 гросіевъ (гросій нынѣ=8 коп.). Съ дѣлю изыскать необходимыя для покрытія долга средства и предотвратить угнетавшій патріархію финансовый кризисъ, Кирилле VI въ этомъ году устроилъ специальное по дѣлу совѣщаніе, въ присутствіи 18 архіереевъ, 13 свѣтскихъ представителей народа и епитроповъ специальной церковно-народной казны. Собрание постановило: 800 пунговъ (пунгъ или колекскъ [кисе]=500 піастровъ или гросіевъ) долгу оставить за патріаршею казною, а остальные 3072 пунга разложить на всѣ епархіи патріархата соотвѣтственно ихъ матеріальному благосостоянію, о чемъ патріархъ и синодъ увѣдомили всѣхъ архіереевъ. Кромѣ того, по опредѣленію синода былъ повышеенъ взносъ отъ приходскихъ храмовъ въ пользу патріархія, дабы изыскать новую статью для уплаты долговъ. Но такой внутренній заемъ лишь отчасти и на самое короткое время улучшилъ матеріальное состояніе патріархія. Изъ другихъ

административныхъ распоряженій Кирилла VI извѣстны сигиліи о соединеніи нѣкоторыхъ епархій (напр., Ниссавы и Ниссы) или образованія новыхъ (напр., Триполицы) и т. п. Патріархъ Кирилле VI ревностно охранялъ и церковные каноны. Между прочимъ, онъ запрещалъ браки въ пятой степени свойства, не позволялъ православнымъ вступать въ браки съ инославными, подвергъ церковному наказанію одного епископа, который за одною литургіей совершалъ рукоположеніе многихъ священниковъ и діаконовъ вмѣстѣ (*ἀγέλῳρόν*) и т. д. Патріархъ былъ одушевленъ горячими заботами о благоустройствѣ и монашеской жизни въ патріархатѣ и сдѣлалъ въ этомъ отношеніи много полезнаго. Онъ издалъ много сигиліевъ о ставропигіальныхъ правахъ монастырей, обезпечивалъ имъ свободу во внутренней жизни, независимость отъ постороннихъ давленій, неблагоприятныхъ для иноческой жизни, и право на владѣніе собственностію. Затѣмъ, Кирилле VI возвелъ къ кивовію монастыри Каракалла на Аѳонѣ и св. Анастасіи Фармаколитрія (Узорѣщательницы) въ ардемерійской епархіи, въ которыхъ раньше существовало пдіоритическое (своежительное) устройство, крайне неблагоприятно отразившееся на ихъ благосостояніи. Другія распоряженія Кирилла VI касаются возвышенія монастырской дисциплины. Кирилле VI заявилъ себя большими трудами въ пользу народнаго просвѣщенія. Самъ челоувѣкъ образованный и учевый, прекрасный знатокъ языковъ греческаго и турецкаго, наукъ богословскихъ и свѣтскихъ, авторъ учено-литературныхъ трудовъ, краснорѣчивый проповѣдникъ, корреспондентъ и частый собесѣдникъ выдающихся современныхъ греческихъ учевыхъ,—Кирилле VI устраивалъ новыя школы и поддерживалъ старыя, заботился о лучшей постановкѣ учебно-воспитательнаго дѣла, входилъ въ матеріальныя нужды школъ и учителей, строго охранялъ доброе направленіе въ школьномъ дѣлѣ. Между прочимъ, онъ учредилъ при патріархѣ духовно-пѣвческую школу (1815 г.), назначилъ лучшихъ учителей въ великую народную школу, урегулировалъ взаимныя отношенія между евангелическою школою и филологическою гимназіей въ Смирнѣ, издалъ очень много сигиліевъ объ устройствѣ и организаціи школъ

въ различныхъ городахъ, и селахъ патриархата и поощрялъ архiereевъ, киноты и частныхъ лицъ заботиться объ ихъ матеріальномъ благосостояніи и усѣшномъ выслаеніи назначеніи. Патриархъ Кирилль VI считается однимъ изъ ктиторовъ патриаршей типографіи въ Константинополѣ, которую онъ возобновилъ въ 1814 г., заключивъ договоръ относительно ея завѣдыванія съ двумя арендаторами—Корессіемъ и Аргирамомъ. Патриархъ внимательно относился къ вновь выходившимъ въ свѣтъ книгамъ богословскаго содержанія, находился въ сношеніяхъ съ знаменитымъ Константиномъ Экономосомъ и велъ, въ частности, переписку съ нимъ по поводу катихизиса, содѣйствовалъ изданію „Новаго Синаксаря“ Николая Агіорита, слѣдилъ за богословско-философскимъ споромъ между двумя современными греческими учеными дидаскаломъ—іеронимикомъ Дороеемъ Вулизма и профессоромъ философіи въ ясскомъ лицей Степаномъ Дунка. Изъ сочиненій самого Кирилла VI, кромѣ упомянутыхъ выше, извѣстны: — апологія клира восточной церкви, въ виду современныхъ либеральныхъ о немъ сужденій, и изслѣдованія эпиграфическаго матеріала классической и христіанской эпохи, напечатанныя въ журналѣ „Δόμος Ἑρμῆος“. Какъ достойнѣйшій во всѣхъ отношеніяхъ администраторъ и архипастырь, Кирилль VI могъ бы долго занимать вселенскую кафедру, если бы на возведеніе и смѣну константинопольскихъ патриарховъ не вліяли и второстепенныя политическія обстоятельства. Виновиномъ его низложеніи былъ валахскій господарь Александръ Суцось, который, неожиданно получивъ господарство, желалъ имѣть въ Константинополѣ сильнаго сотрудника и защитника, но не рассчитывалъ на покровительство строгаго и добродѣтельнаго патриарха и поэтому сталъ интриговать противъ Кирилла VI предъ Портой. Интрига удалась, и Кирилль VI 13 декабря 1818 г. принесть „дорбавольное“ отреченіе отъ престола. Въ письменномъ отреченіи патриархъ съ полнымъ правомъ говорить, что интересы церкви, народа и общества онъ всегда ставилъ выше собственныхъ и совершенно свободенъ отъ упрековъ во властолюбіи и честолюбіи, какъ объ этомъ свидѣтельствуетъ вся его дѣятельность въ Иконіи, Адрианополѣ и Константинополѣ. Оставляя патриаршую кафедру, онъ уходитъ

съ сознаниемъ исполненнаго долга. Въ концѣ 1818 г. Кирилль VI поселился въ родномъ городѣ Адрианополѣ, гдѣ и жилъ частнымъ образомъ, занимаясь науками и пользуясь общимъ уваженіемъ. Когда возникло возстаніе грековъ противъ турокъ (1821 г.), Кирилль VI стоялъ въ сторонѣ отъ народнаго движенія и не принималъ въ немъ участія. Тѣмъ не менѣе Порта обратила на него вниманіе, такъ какъ онъ возмущался надъ другими греками своими личными достоинствами, — тѣмъ болѣе, что послѣ казни патриарха Григорія V синодъ избралъ Кирилла VI его преемникомъ по престолу. И вотъ, изъ Константинополя былъ посланъ въ Адрианополь приказъ повѣстать бывшаго патриарха Кирилла VI, хотя за нимъ не было никакой личной вины. Это жестокое и несправедливое приказаніе было исполнено 18 апрѣля 1821 г., когда Кирилль VI и былъ повѣшенъ на воротахъ адрианопольской митрополіи. Такимъ образомъ, патриархъ Кирилль VI принесъ на алтарь православной церкви и въ жертву родному свободолюбивому народу не только многоразличные и плодотворные свои труды, но и самую жизнь.

Литература. Очеркъ дѣятельности Кирилла VI, составленный на основаніи архивныхъ матеріаловъ, помѣщенъ въ нашей книгѣ „Константинопольская церковь въ XIX вѣкѣ“, т. I, Спб. 1904. См. также 'Αρχὴ. Καλλιζιζος Δελιζάνης, *Πατριάρχης ἑγγράφα*, т. II, Κωνστ. 1904; т. III, К. 1905.
И. И. Соколовъ.

7) Кирилль VII занималъ патриаршій престолъ съ 24 сентября 1855 до 1 іюня 1860 г. До патриаршества онъ былъ митрополитомъ Эноса и Амасіи. Образованіемъ и энергіей не отличался, тѣмъ не менѣе сдѣлалъ много важнаго и полезнаго для греческой церкви и народа. Онъ заботился объ улучшеніи матеріальнаго положенія вселенской патриархіи и съ этою цѣлію принималъ мѣры къ погашенію обременявшихъ ее долговъ, а съ другой стороны располагалъ епархіальныхъ архiereевъ къ аккуратному взносу ихъ долговъ въ пользу церковно-народной казны. Браки и семейная жизнь, церковное богослуженіе, организація приходовъ, поведеніе духовенства, устройство и дѣятельность епитропій храмовъ— все это служило предметомъ многихъ окружа-

ныхъ псславій, издаваемыхъ Кирилломъ VII на имя духовенства и народа. Въ виду усиленія католической и протестантской пропаганды въ патриархатѣ, Кирилль VII посылалъ въ епархіи миссіонеровъ, учреждалъ школы, побуждалъ архіереевъ энергичнѣе заниматься проповѣдію, издавалъ окружныя посланія, въ которыхъ раскрывалъ опасность прозелитизма и увѣщевалъ народъ держаться вѣры отцовъ. Патриархъ Кирилль VII извѣстенъ и трудами въ пользу народнаго образованія. Въ декабрѣ 1857 г. онъ особымъ посланіемъ побуждалъ духовенство и народъ открывать школы греческія и взаимнаго обученія, мужскія и женскія. Учителями въ нихъ должны быть люди вѣрующіе и нравственные, хорошо извѣстные архіерею. Христіане должны избѣгать дидакаловъ малозвѣстныхъ и подозрительныхъ, потому что они часто служатъ пнославной пропагандѣ. При патриархѣ Кириллѣ VII былъ опубликованъ (1856 г.) общій уставъ для православныхъ греческихъ школъ. Онъ много заботился о благоустройствѣ Халкинской богословской школы, утвердилъ въ 1857 г. новый (третій) уставъ для нея, предписалъ кноту Аеона и митрополитамъ Ѳракинъ, Македоніи, Волгаріи, Эпира, Сербіи, Молдавіи и Валахіи командировать для обученія въ этой школѣ способныхъ и нравственныхъ юношей, увеличилъ доходъ ея съ епархіи до 218.500 гросіевъ (вмѣсто прежнихъ 144.500 гр.), располагалъ и частными лицъ къ пожертвованіямъ школѣ. Онъ содѣйствовалъ распространенію въ духовенствѣ и народѣ „Кириакодромія“ Никифора Θεοτοки, приказывалъ архіереямъ и кнотамъ открывать школы, рекомендовалъ благонадежныхъ учителей и т. п. Внутренняя жизнь монастырей, ихъ могущественныя права, отношеніе къ епархіальной власти также служили предметомъ попеченій Кирилля VII. Много тревогъ причинилъ патриарху пресловутый вопросъ о монастыряхъ и владѣніяхъ въ Молдавіи и Валахіи, преклоненныхъ святымъ мѣстамъ Востока. Румынское правительство воздвигло систематическое гоненіе противъ монаховъ и ихъ имущество подвергло конфискаціи въ пользу казны. Особенно незаконно было отношеніе къ монастырямъ и ихъ метохамъ со стороны князя Александра Кузы (съ 1859 г.), рѣшившагося совершенно лишить ихъ всѣхъ

владѣній. Какъ извѣстно, онъ и сдѣлалъ это, не смотря на горячіе протесты патриарха Кирилля VII, совместно съ другими соборенниками молдавскійскихъ имуществъ. Въ патриаршество Кирилля VII получилъ жгучій интересъ и болгарскій церковный вопросъ. Въ епархіяхъ со смѣшаннымъ населеніемъ возникли безконечныя споры грековъ и болгаръ о чтевіи и пѣвн за богослуженіемъ, о правѣ пользованія тою или другою церковію, о рукоположеніи низшаго духовенства и архіереевъ изъ болгаръ и т. п. Патриархъ по возможности примирялъ эти разногласія, но прекратить возникшаго церковно-народнаго движенія болгаръ не могъ. 28 марта 1858 г. болгары подали Порту прошеніе объ отдѣленіи ихъ въ церковномъ отношеніи отъ вселенскаго патриарха, а 3 апрѣля того же года, въ день Воскресенія Христова, макаріупольскій епископъ Иларіонъ за литургіей помянулъ, — вмѣсто патриарха, — всякое православное епископство, чѣмъ формально и положило начало своей независимости отъ патриарха. Послѣ этого болгарскій церковный вопросъ получилъ очень бурное теченіе. Наконецъ, въ патриаршество Кирилля VII произошла знаменательная церковно-административная реформа и были составлены т. н. „Общіе канонисмы“. Патриархъ Кирилль VII не желалъ этой реформы, противодействовалъ ей и въ періодъ составленія новыхъ административныхъ уставовъ (1850—1860 г.) велъ себя крайне неопредѣленно. Ему не доставало мужества, настойчивости и послѣдовательности въ дѣйствіяхъ. Повидимому, патриархъ Кирилль VII не вполне понималъ и значеніе реформы. Поэтому у него было много враговъ, которые добились его низложенія. Положеніе Кирилля VII было поколеблено и тѣмъ, что онъ, безъ согласія іерусалимскаго патриарха, 25 ноября 1859 г. хиротонисалъ новаго синайскаго архіепископа Кирилля. Не имѣя возможности выйти изъ трудностей патриаршаго служенія, патриархъ 1 іюня 1860 г. принесъ „добровольное“ отреченіе отъ престола, удалился на о. Халки, гдѣ и скончался 13 марта 1872 года.

Литература. Очеркъ дѣятельности Кирилля VII, составленный на основаніи архивныхъ матеріаловъ, помѣщенъ въ нашей книгѣ „Константинопольская церковь въ

XIX в.", т. I. См. также 'Αρχιμ. Καλλίνικος Δελιζάνης, Πατριαρχικά έγγραφα, т. II—III.

И. И. Соколова.

Кирилль II, патриархъ іерусалимскій, занималъ престолъ въ 1845—1872 г.г. Онъ родился въ 1794 г. на островѣ Самосѣ въ греческой семьѣ простого званія, рано лишился родителей, воспитывался сперва у одной своей родственницы, а въ 1806 г. поступилъ въ духовную школу, устроенную при митрополіи самосскимъ митрополитомъ Давидомъ. Какъ способный и нравственный юноша, Кирилль (въ мірѣ Константія) обратилъ на себя вниманіе митрополита Давида, который приблизилъ его къ себѣ и позаботился дать достаточное образованіе. Въ 1814 г. Кирилль принялъ монашество и вскорѣ былъ рукоположенъ во діакона и священника. Желая посвятить себя на служеніе Гробу Господню, Кирилль оставилъ Самосъ и отправился въ Константинополь къ находившемуся здѣсь іерусалимскому патриарху Поликарпу. Последній благосклонно принялъ Кирилла и въ 1818 г. отправилъ его въ Іерусалимъ, гдѣ онъ и вступилъ въ среду Святогробскаго Братства. Въ теченіе 12 лѣтъ Кирилль состоялъ рядовымъ членомъ послѣдняго и своимъ безупречнымъ поведеніемъ, кротостію и снисходительностію приобрѣлъ общее уваженіе со стороны дѣятелей и членовъ іерусалимской патриархіи. Между прочимъ, Кирилль, какъ добросовѣстный и дѣятельный членъ братства, неоднократно путешествовалъ въ Константинополь къ іерусалимскимъ патриархамъ Поликарпу и Аванасію (съ 1827 г.) для исполненія тѣхъ или иныхъ порученій отъ имени синода Сіонской церкви. 13 ноября 1830 г. Кирилль, — по волѣ патриарха Аванасія и избранію священнаго синода, — былъ хиротонисанъ въ архіепископа Севастіи. Съ этого времени Кирилль приобрѣлъ большое вліяніе на дѣла іерусалимской церкви. Дѣло въ томъ, что іерусалимскій патриархъ Аванасій, — по примѣру своихъ предшественниковъ, — жилъ болѣею частію въ Константинополѣ для непосредственнаго ходатайства и защиты предъ турецкими правительствомъ интересовъ своей церкви. Въ Іерусалимѣ же всѣми дѣлами церкви управляли намѣстники, назначаемые патриархомъ. Архіепископъ Кирилль, вмѣстѣ съ

двумя другими іерархами, и исполнялъ обязанности такого намѣстничества, при чемъ онъ, какъ болѣе молодой, способный и дѣятельный, преимущественно несъ на себѣ бремя разнообразнаго и труднаго служенія. Онъ почти одинъ управлялъ дѣлами Святогробскаго Братства, являлся предъ турецкими властями ходатаемъ и защитникомъ по дѣламъ церкви и народа, защищалъ права православной церкви на святія мѣста отъ притязаній латинянъ. Постепенно Кирилль сосредоточилъ въ своихъ рукахъ всю власть патриаршаго намѣстника и съ успѣхомъ исполнялъ это почетное представительство. Въ 1840 г. онъ занялъ лиддекую архіепископскую кафедру и по прежнему стоялъ во главѣ высшаго церковнаго управленія въ Святой Землѣ. Своею энергією, осторожностію и опытностію въ управленіи онъ приобрѣлъ общее уваженіе со стороны не только христіанъ, но и мусульманъ и сдѣлался наиболѣе вліятельнымъ членомъ Святогробскаго Братства и въ представленіи инославныхъ дѣятелей въ Палестинѣ. Поэтому, когда скончался іерусалимскій патриархъ Аванасій (16 декабря 1844 г.), то первымъ кандидатомъ для замѣщенія вакантнаго престола Сіонской церкви былъ призванъ лиддскій архіепископъ Кирилль. Синодъ іерусалимской церкви единогласно избралъ его на кафедру Іакова брата Господня, султанъ Абдуль-Меджидъ утвердилъ это избраніе, — и 15 марта 1845 г. въ храмѣ Воскресенія торжественно была совершена интронизація новаго іерусалимскаго патриарха Кирилла II. Съ этого времени начался второй періодъ дѣятельности Кирилла II, на пользу іерусалимской церкви и Святогробскаго Братства.

Въ противоположность своимъ предшественникамъ, Кирилль II постоянно жилъ въ Іерусалимѣ и непосредственно управлялъ дѣлами церкви, лишь изрѣдка и на короткое время уѣзжалъ въ Константинополь. Затѣмъ, онъ не рѣдко предпринималъ путешествіе по Палестинѣ, знакомился на мѣстахъ съ пудами своей паствы и старался немедленно исполнять ея просьбы по благоустройству мѣстной церковно-общественной жизни. Это также было крупною особенностію въ отношеніи Кирилла II къ народу, такъ какъ туземцы обыкновенно

никогда не видѣли не только патріарха, но и своихъ архіереевъ, проживавшихъ въ Іерусалимѣ и не находившихъ нужнымъ лично обозрѣвать свои епархіи. Первое путешествіе Кирилла II по Святой Землѣ, совершенное въ 1846 г., произвело весьма благоприятное впечатлѣніе на арабовъ и сильно встревожило инославныхъ миссіонеровъ, также не привыкшихъ къ визитаціямъ палестинскихъ православныхъ іерарховъ. Въ тоже время оно обогатило патріарха многими новыми познаніями относительно современныхъ церковныхъ нуждъ Св. Земли и отъ-части опредѣлило дѣятельность его въ положеніи предсѣдателя Сіонской церкви (см. „Дѣло Архива Св. Синода“ № 131, отъ 17 августа 1846 г.). Оно показало его блаженству, что ближайшая его задача должна состоять въ религіозно-правственномъ просвѣщеніи туземнаго населенія. И вотъ, патріархъ построилъ въ Іерусалимѣ мужскую и женскую начальныя школы для мѣстнаго населенія, основалъ школу въ Назаретѣ, двѣ въ Яфѣ и постепенно открылъ цѣлую сеть народныхъ училищъ въ городахъ и селахъ Св. Земли,—особенно тамъ, гдѣ школъ никогда не было. Въ 1855 г. патріархъ открылъ богословскую школу въ монастырѣ Креста близъ Іерусалима для подготовки просвѣщенныхъ служителей церкви. Эта школа,—какъ извѣстно,—существуетъ и въ настоящее время и принесла громадные услуги дѣлу духовнаго возрожденія Палестины, такъ какъ служила и теперь является главнымъ разсадникомъ образованныхъ клириковъ и учителей для іерусалимской церкви. Далѣе, патріархъ Кирилл II заботился объ организаціи систематическаго проповѣдничества въ епархіяхъ патріархата и открылъ на средства патріархіи нѣсколько постоянныхъ должностей іерокирискоевъ, [см. „Энци.“ VI, 323—324], знакомыхъ съ арабскимъ языкомъ и способныхъ проповѣдывать слово Божіе для туземнаго населенія. При патріархѣ была учреждена греческая и арабская типографія для печатанія церковныхъ и религіозно-правственныхъ книгъ преимущественно къ мѣстнымъ потребностямъ. Патріархъ Кирилл II заявилъ себя весьма ревностнымъ въ постройкѣ новыхъ храмовъ и восстановленіи старины, изыскивалъ средства на это дѣло, жертво-

валъ деньги изъ суммъ патріархіи, привлекалъ добротныхъ дающихъ и не рѣдко обращался къ русскому Св. Синоду съ ходатайствами о матеріальной помощи для постройки храмовъ и въ свое довольно продолжительное патріаршество оказалъ и въ этомъ отношеніи большія услуги іерусалимской церкви. Между прочимъ, онъ воздвигъ соборъ въ Назаретѣ, перестроилъ церковь въ Яфѣ, вновь построилъ монастырь на горѣ Озарѣ, расширилъ зданіе патріархіи, построилъ великолѣпный храмъ во имя св. Георгія Побѣдоносца въ Лидѣ, на мѣстѣ развалинъ древняго храма, заключавшаго въ себѣ подлѣнную могилу св. великомученика и т. д. Борьба съ католическою и протестантскою пропагандою также составляла предметъ его архипастырскихъ попеченій. Проповѣдничество, православные храмы и школы оказывали не малую въ этомъ отношеніи услугу патріарху, но вмѣстѣ съ тѣмъ онъ во время своихъ путешествій по Св. Землѣ, а равно и въ постоянныхъ поученіяхъ къ народу раскрывалъ опасность прозелитизма, разоблачалъ средства и приемы инославной пропаганды и увѣщевалъ всѣхъ крѣпко держаться православія. Такъ какъ инославные миссіонеры привлекали православныхъ въ свои сѣти и посредствомъ даровой врачебной помощи, то патріархъ, отъ-части для противодѣйствія прозелитизму, отъ-части—въ виду дѣятельной потребности, устроилъ въ Іерусалимѣ прекрасную и обширную больницу, снабдивъ ее хорошо оборудованною аптекой и всѣмъ необходимымъ для хорошаго ухода и леченія больныхъ. Охрана святыхъ мѣстъ, принадлежащихъ грекамъ, отъ посягательствъ со стороны латинянъ и армянъ также характеризуетъ архипастырскую дѣятельность Кирилла II. Наконецъ, онъ съ усѣхомъ боролся съ постояннымъ въ прежнее время финансовымъ кризисомъ патріархіи и къ концу своего патріаршества сумѣлъ не только заплатить крупныя долги, обременявшіе Святогробскую казну, но и составить солидный денежный фондъ для будущихъ экономическихъ операцій Святогробскаго Братства. Вообще, Кирилл II озаменовалъ свое патріаршество выдающею архипастырскою и практическою дѣятельностью и, безспорно, оказался энергичнѣе и лучше другихъ іерусалимскихъ

патріарховъ послѣдніяго времени. Тѣмъ не менѣе онъ не до конца своей жизни оставался на патріаршемъ престолѣ, но вынужденъ былъ недобровольно оставить его. Причина отреченія находилась въ связи съ отношеніемъ Кирилла II къ болгарскому церковному движенію. Въ іюлѣ 1872 г. патріархъ прибылъ изъ Іерусалима въ Константинополь для присутствованія на соборѣ, созванномъ для обсужденія и рѣшенія болгарскаго церковнаго вопроса. Известно, что этотъ соборъ объявилъ болгарскую церковь схизматическою. Постановленіе собора представлялось Кириллу II несогласнымъ съ духомъ православна и несоотвѣтствующимъ основному характеру и смыслу болгарскаго церковнаго движенія. Поэтому Кирилль II уклонился отъ дальнѣйшаго участія на соборѣ и отказался подписать его опредѣленіе, а потомъ и совсѣмъ уѣхалъ изъ Константинополя, предполагая своимъ пребываніемъ въ Іерусалимѣ оградить Святогробское Братство отъ постороннихъ вліяній. Этотъ поступокъ Кирилла II вызвалъ бурю негодованія почти во всемъ греческомъ мірѣ, былъ истолкованъ въ смыслѣ измѣны національнымъ интересамъ и послужилъ поводомъ къ различнымъ выходкамъ противъ личности патріарха и оскорбленіямъ какъ въ Константинополѣ, такъ и на пути въ Іерусалимъ (напр., въ Смирнѣ). Прибывши въ Іерусалимъ, Кирилль II и здѣсь встрѣтилъ почти общее недовольство его отношеніемъ къ болгарскому церковному вопросу, а потомъ — и открытое ему неповиновеніе со стороны синода и Святогробскаго Братства. Началась глухая борьба между патріархомъ и Святогробскимъ Братствомъ, перешедшая въ открытое возмущеніе противъ Кирилла II со стороны духовенства и народа. Оно окончилось тѣмъ, что противники Кирилла II создали въ патріархіи соборъ, объявили его схизматикомъ и низложили съ патріаршаго престола, а турецкое правительство, подъ вліяніемъ возникшихъ въ Іерусалимѣ смутъ, распорядилось тайно отправить его въ Константинополь, куда Кирилль II, 80-лѣтній старецъ, измученный душевными тревогами, болѣзнями и продолжительнымъ морскимъ путешествіемъ, и прибылъ 25 декабря 1872 г. Здѣсь онъ поселился въ домѣ Константинидиса, одного

изъ вѣрныхъ своихъ друзей, и жилъ на пенсію, назначенную ему турецкимъ правительствомъ. Въ послѣдніе годы своей жизни низложенный патріархъ имѣлъ утѣшеніе видѣть признаки раскаянія со стороны тѣхъ, кто были виновниками несправедливаго его удаленія отъ власти. Въ 1877 г., не задолго до кончины Кирилла II, іерусалимскій патріархъ Іерофей и священный его синодъ, извѣстившись о крайне опасномъ состояніи здоровья блаженнѣйшаго Кирилла II, издали патріаршую и синодальную разрѣшительную грамоту по случаю прискорбнаго его низложенія. Грамота эта, подписанная патріархомъ и членами синода, вновь признавала Кирилла II членомъ Святогробскаго Братства. Она была вручена умравшему патріарху кизикскимъ и никейскимъ митрополитами. „Мы увѣрены, — писала по этому поводу газета *Bozantiç*, — что это событіе произведетъ самое лучшее впечатлѣніе на греческій народъ, потому что *все* раздѣляютъ тѣ *справедливыя* похвалы, которыми вся греческая печать дружно расточала бывшему іерусалимскому патріарху до 1872 г., и *все* еще помнятъ, какую любовь и сочувствіемъ всего греческаго народа пользовался этотъ патріархъ“. Однако и теперь находятся противники свѣтлой памяти замѣчательнаго іерусалимскаго патріарха, которые не могутъ простить ему отношенія къ болгарскому церковному вопросу. Аѳинскій профессоръ Діомидисъ-Кириакосъ въ своей „Церковной исторіи“ (III, 65) говоритъ, что участіе Кирилла II въ болгарскомъ вопросѣ уничтожило всю прежнюю славу этого мужа. Но богословская школа Креста, храмы и монастыри, устроенные Кирилломъ II, и теперь свидѣтельствуютъ о прежнихъ *справедливыхъ* ему похвалахъ со стороны грековъ. Изъ завѣщанія патріарха Кирилла II видно, что онъ послѣдніе годы провелъ въ бѣдности. Внезапно и вынужденно оставивъ Іерусалимъ, патріархъ имѣлъ при себѣ всего сто піастровъ (8 р.), такъ что долженъ былъ сдѣлать долги. На пенсію, выдаваемую изъ турецкаго правительства, онъ содержалъ двухъ стипендіатовъ — въ Парижѣ и Петербургѣ. Денегъ послѣ себя Кирилль II не оставилъ, а вещи и одежды, въ томъ

числѣ двѣ панагін, полученныя отъ русскихъ императоровъ Николая I (1841 г.) и Александра II (1859 г.), и крестъ, пожалованный австрійскимъ императоромъ, онъ завѣщалъ Святому Гробу, членамъ Святогробскаго Братства и школамъ на о. Самосѣ. Кирилл II скончался въ ночь съ 17 на 18 августа 1877 г. и былъ погребенъ въ Константинополѣ на средства Гроба Господня.

Литература. Ἀρχιμ. Χρυσόστομος Παπαδόπουλος, Ἡ ἐκκλησία Ἱεροσολύμων κατὰ τοὺς τέσσαρας τελευταίους αἰῶνας (1517—1900), Ἀθῆναι 1900; Ἀρχιμ. Καλλίνικος Δελιζάνης, Τὰ ἐν τοῖς κώδιξι τοῦ Πατριαρχικοῦ Ἀρχιεπισκοπικοῦ σωζόμενα ἐπιστολὰ Ἐκκλησιαστικὰ ἑγγράφα, т. II, Κωνσταντινούπολις 1904, епископъ *Порфирий* (Успенскій), Книга бытія моего, особенно т. I и II, Спб. 1894—1895; Διομήδης - Κοριαζός, Ἐκκλησιαστικὴ ἱστορία, т. III, Ἀθῆναι 1898; Ἡ ὁρθόδοξος ἐκκλησία, τὸ σχῆμα καὶ ὁ πατριάρχης Ἱεροσολύμων Κύριλλος В', Κωνσταντινούπολις 1873; ἱεροδιάκονος Γρηγόριος Παλαμάς, Ἱεροσολυμίας ἦτοι ἐπίτομος ἱστορία τῆς ἁγίας πόλεως Ἱεροσολύμων, Ἱεροσολ. 1864; В. Καλλιφρων, Ἐκκλησιαστικὴ, ἐπιθεώρησις, περίοδος В', τόμοι 4—7, Κωνσταντινούπολις 1873—1874, περίοδος Γ', т. 7. Κωνст. 1879; † архимандритъ *Антоничъ* (Капустинъ), Низложеніе іерусалимскаго патріарха Кирилла (см. „Сообщенія Импер. Правосл. Палестинскаго Общества“ XII (за 1902, стр. 75 и сл.); *С. Брановская*, Іерусалимскій патріархъ Кирилл II, переводъ съ французскаго („Русскій Паломникъ“ 1894 г., № 28); проф. *И. И. Соколовъ*. Очерки исторіи православной греко-восточной церкви въ XIX вѣкѣ, Спб. 1901 (и у него же во второмъ томѣ недавней † проф. А. И. Лопухинымъ „Исторія христіанской церкви въ XIX вѣкѣ“, Спб. 1901).

И. И. Соколовъ.

КИРИЛЛЫ святые русскіе 1 — 11:

1) Кирилл св. одинъ изъ пяти праведныхъ братьевъ *Алфановыхъ* или *Сокольниковскихъ* (Никита, Кирилл, Никифоръ, Климентъ и Исаакій). О жизни ихъ почти не сохранилось свѣдѣній. Полагаютъ, что они были не изъ простаго званія; быть можетъ, находились въ родствѣ съ извѣстнымъ по лѣтописямъ воеводоу Яковомъ Алфаномъ, который навлекъ на себя и на своихъ родичей преслѣдованія новгородцевъ за сношенія съ Москвою (въ 1398 г.). Жизнь братьевъ съ нѣкоторою вѣроятностію можно относить къ XIV и началу XV в. Въ концѣ XIV в. имъ былъ построенъ, или возобнов-

ленъ недалеко отъ Новгорода Сокольниковскій Николаевскій женскій монастырь, въ которомъ св. братья и были погребены. Послѣ пожара, истребившаго въ 1775 г. Сокольниковскій монастырь, останки св. братьевъ были перенесены въ сосѣдній монастырь Антонія Римлянина, гдѣ они днѣшнѣ главнаго храма въ одной общей рактѣ. Братья Алфановы почитаются, какъ святые канонизованные; *память ихъ 4 мая и 17 іюня* (Вѣрный мѣсяцъ всѣхъ рус. св., М. 1903, стр. 15. Ср. *Сергій*, Полный мѣсяцъ Востока II², 131 и 184).

Сказаніе о явленіи мощей св. братьевъ и о чудесахъ ихъ, написанное въ началѣ XVII в. (Рук. № 158 Румянц. муз. и др.), отражаетъ скудное и смутное преданіе о чудотворцахъ, сохранившееся въ Новгородѣ. См. проф. В. О. *Ключевскій*, Древнерус. житія св., стр. 464—465. Ср. *Н. Барсуковъ*, Источники рус. агиогр., стлб. 33—34. Преосв. *Филаретъ*, Русскіе св., кн. 2-я 260—261, на 17-е іюня (изд. 1882). Проф. *Е. Е. Голубинскій*, Исторія канон. св., изд. 2-е, стр. 147. Словарь историческій о св., стр. 154—155. *Димитрій*, Мѣсяцесловъ св., 17-го іюня, вып. 10, 139—141 (изд. 1900 г.).

Ан. С—въ.

2) Кирилл астраханскій игуменъ, основатель астраханскаго Троицкаго, нынѣ упраздненнаго, монастыря. Онъ посланъ былъ Іоанномъ Грознымъ вскорѣ послѣ покоренія Астрахани съ порученіемъ устроить въ этомъ городѣ монастырь, что онъ и исполнилъ. Пробывъ игуменомъ основаннаго имъ монастыря около 9 лѣтъ, скончался въ 1576 г. Онъ не канонизованъ, но *память его въ Астрахани чтится 18 марта*. Надъ могилой Кирилла находится каменная красивой архитектуры часовня.

Димитрій, Мѣсяцесловъ св. на 18 марта и 10-е іюля. *Сергій*, Полный мѣсяцъ Востока II², прил. 3-е, стр. 563. *Е. Е. Голубинскій*, Истор. канониз. св., изд. 2-е, стр. 331. *Н. Барсуковъ*, Источники рус. агиогр., стлб. 286—297.

Ан. С—въ.

3) Кирилл, преподобный Вѣлззерскій, XIV—XV столѣтія. Игуменъ знаменитаго, основаннаго имъ, Кирилло-Вѣлззерскаго монастыря и видный литературный дѣятель, преподобный Кирилл родился въ Москвѣ ок. 1337 г. и при крещеніи былъ нареченъ

Космоу. Принадлежа къ высшему московскому классу, онъ по смерти родителей сначала состоялъ въ должности казначея у своего родственника Тимофея Васильевича Вельяминова, окольничаго великаго князя Димитрія Довского. Религіозно настроенный, онъ любилъ посѣщать московскіе монастыри и вздыхалъ о тишинѣ иноческой обители. Познакомившись съ благочестивымъ старцемъ, преподобнымъ Стефаномъ Махрицкимъ, Косма еще болѣе сталъ тосковать о „пустыни“. Въ почтенномъ возрастѣ онъ, наконецъ, порвалъ связь съ міромъ и ушелъ въ Симоновъ монастырь къ основателю его архимандриту Теодору, родственнику преподобнаго Сергія Радонежскаго. Теодоръ привалъ Косму въ обитель и послѣ нѣкотораго искуса постригъ его во иночество подъ именемъ Кирилла. Это было до 1380 года. Симоновъ монастырь славился въ то время строгостію своего устава, почему выборъ препод. Кирилломъ этой именно обители для подвижничества становится довольно характернымъ. Какъ новоначальный инокъ, Кириллъ былъ отдавъ въ послушаніе старцу Михаилу, бывшему позже епископомъ смоленскимъ, и находился подъ его духовнымъ началомъ значительное время. Затѣмъ по повелѣнію архимандрита и Михаила Кириллъ въ теченіи девяти лѣтъ исполнялъ службу въ монастырской поварнѣ; проходилъ ее весьма старательно, мало ѣлъ самъ, прислуживалъ братіи и, вообще, годенъ былъ на всякое дѣло. Неудивительно послѣ этого, что онъ сдѣлался любимцемъ у всѣхъ. Препод. Сергія Радонежскій оказывалъ ему также извѣстное вниманіе, преподавая ему разные совѣты. Со времени пребыванія Кирилла въ Симоновомъ монастырѣ въ немъ стала замѣчаться склонность къ юродству. Видя это, отцы велѣли преподобному усугубить поствъ въ монастырскія работы, а между собою говорили, что Кириллъ дѣлается юродивымъ съ цѣлю „быть премудрымъ Богу“. Сдѣлавъ значительные успѣхи въ иноческой жизни, преподобный по повелѣнію старца Михаила былъ рукоположенъ въ санъ іеромонаха. Никогда братія не видала его празднымъ: онъ вѣчно былъ занятъ то однимъ, то другимъ дѣломъ, проводя время или въ молитвѣ, или среди любимыхъ имъ книжныхъ занятій, углублявшимся въ смыслъ Свящ. Писанія и твореній св. отцовъ, или, наконецъ, входя-

щимъ во всѣ стороны жизни монастырской братіи. Когда (ок. 1388—1390 г.) архимандритъ Теодоръ былъ поставленъ на архіепископію ростовскую и когда, вѣроятно, Михаилъ былъ уже возведенъ въ санъ епископа смоленскаго, Кириллъ по общему согласію братіи былъ пзбранъ во игумена Симонова монастыря. Теперь онъ обратилъ особенное вниманіе на монастырскую бібліотеку. Самъ любя книжное дѣло, онъ и другихъ поощрялъ къ занятіямъ по перепискѣ рукописей. Кроме того, онъ приложилъ особое рвеніе и заботы о душевномъ спасеніи братіи. Но видя, что монастырская дисциплина ослабѣла и недовольный этимъ ослабленіемъ, Кириллъ сложилъ съ себя санъ игумена. Его преемникъ Сергій Азакъ въ непродолжительномъ времени столкнулся съ преподобнымъ въ вопросахъ монастырской жизни и обихода, вслѣдствіе чего Кириллъ покинулъ обитель и ушелъ въ монастырь Рождества Богородицы „Старое Симоново“ (близъ Симонова монастыря), гдѣ началъ безмолвствовать. Задумавшись надъ выраженіемъ Акаѳиста Вожіей Матери „странно рождество видѣвше, устранимся міра“, Кириллъ сталъ помышлять о полномъ уединеніи. И услышалъ онъ голосъ: „Кириллъ, иди на Вѣлоозеро, и тамъ найдешь добрый покой“. Преподобный распахнулъ окно келліи на сѣверъ и увидѣлъ небесный свѣтъ въ сторону Вѣлоозера. Исполнившись радости, онъ повѣрилъ видѣніе своему духовному брату Терапонту, бывшему позже основателемъ Вѣлозерскаго Терапонтова монастыря, и вмѣстѣ съ нимъ ушелъ на Вѣлоозеро. Здѣсь, на берегу Сиверскаго озера, верстахъ въ семи отъ р. Шексны, они увидѣли мѣсто удобное для безмолвія и въ 1397 г. построили небольшую хижину. Впрочемъ, Кириллъ вскорѣ удалился отъ Терапонта и по близости отъ него выкопалъ себѣ въ землѣ особую пещеру. Выборъ мѣста для обители оказался очень удачнымъ. Расположенная близъ историческаго Словинскаго волочка или волоковаго пути, близъ артерій колонизаціоннаго движенія (изъ Понизовья въ предѣлы Вѣлоозера), обитель уже при жизни преподобнаго достигла значительнаго благосостоянія. Слава объ основателѣ этой обители быстро распространилась, и его стали навѣщать многіе съ просьбою принять ихъ подъ начало. Кириллъ долго не соглашался

на это, однако потомъ уступилъ в стать принимать братію. Князья считали высокою честію состоять въ общеніи съ Вѣлозерскимъ игуменомъ. Симоновскій книголюбецъ, — Кириллъ и въ своемъ монастырѣ поддерживалъ въ братіи любовь къ книжному дѣлу; онъ имѣлъ даже спеціального дьяка, на обязанности котораго лежало писать книги и учить дѣтей „грамотной хитрости“; и многие иноки монастыря трудились надъ перепискою рукописей и положили основаніе знаменитой Кирилло-Вѣлозерской бібліотекѣ. Кириллъ построилъ церковь во имя Успенія Богородицы, создалъ монастырь и далъ ему (будто бы) свой уставъ, похожій на уставъ Симонова монастыря, со строгимъ общежитіемъ, личною нестяжательностію и вочиннымъ строємъ. Игуменомъ его онъ состоялъ около 30 лѣтъ, до самой кончины, и творилъ много чудесъ. Онъ скончался отъ эпидемической болѣзни 9 іюня 1427 года, въ возрастѣ 90 лѣтъ, и погребенъ съ правой стороны Успенской церкви. Надъ мощами его находится Кирилловская церковь, построенная въ 1585—1587 годахъ и заново перестроенная въ XVIII вѣкѣ. Изображеніе преподобнаго, написанное при жизни его преп. Діонисіемъ Глушицкимъ, сохранилось донынѣ; его можно видѣть въ упомянутой ниже книгѣ проф. Никольскаго о Кирилло-Вѣлозерскомъ монастырѣ, въ самомъ началѣ. (Преп. Кириллъ канонизованъ и сталъ общепочитаемымъ святымъ русской церкви, наряду съ другими знаменитымъ подвижникомъ пр. Сергіемъ Радонежскимъ, не позднѣе, какъ съ 1447—1448 года. Мощи преподобнаго не были открываемы и доселѣ остаются подъ спудомъ. См. проф. *Е. Е. Голубинскій*, *Исторія канонизаціи святыхъ*, изд. 2-е, стр. 74; преосв. *Димитрій*, *Мѣсяцесловъ святыхъ*, іюль [вып. 10-й], стр. 55—61 по изд. 1900 г.; † преосв. *Филаретъ*, *Русскіе святые*, кн. 2, стр. 206—222.—*Ан. С—въ*).

Память его 9 іюня.

Первоначально препод. Кириллъ поселился въ Вѣлозерской „пустыни“ на холмѣ, на мѣстѣ нынѣшняго Ивановаго монастыря. На склонѣ этого холма (къ сѣверо-западу отъ нынѣшней церкви св. Іоанна Предтечи) онъ водрузилъ деревянный крестъ и соткалъ сѣнь изъ деревьевъ; вмѣстѣ съ Ѳерапентомъ онъ выкопалъ въ землѣ келлію.

По уходѣ преп. Ѳерапонта, Кириллъ подъ крестомъ построилъ деревянную часовню. Со времени поселенія здѣсь инокѣвъ вмѣстѣ земляни для игумена было построено деревянное помѣщеніе. Основаніе общежительной обители было положено преподобнымъ на полуостровѣ, вѣтзавшемся въ Сиверское озеро. Устройство ея съ самаго начала носило замѣтные слѣды подражанія московскимъ монастырямъ. При третьемъ преимникѣ Кирилла игуменѣ Трифонѣ обитель подверглась перестройкамъ, придавшимъ ей типичную наружность лавры или большого монастыря. Послѣ нѣкотораго перерыва, строительная дѣятельность въ монастырѣ возобновилась въ концѣ XV вѣка. Съ этого времени стали появляться каменные зданія — и архитектура монастыря, подъ влияніемъ каменщиковъ, получила отпечатокъ стилиа монастырей Понизовья и ростовско-ярославской области; особенно систематически каменные постройки стали возводиться со второго десятилѣтія XVI столѣтія. Съ 30-хъ годовъ, когда Кирилло-Вѣлозерскій монастырь былъ свисканъ вниманіемъ московскаго великокняжескаго двора, онъ вступилъ въ постоянныя сношенія съ Москвою, украшался и богатѣлъ. Грозный и его сыновья имѣли здѣсь свои келліи, которые постоянно обогащали; сюда стекались богатые бояре, принимавшіе иночество и оставлявшіе здѣсь значительныя средства. Въ концѣ XVI и началѣ XVII вѣка у нѣкоторыхъ старцевъ изъ богатыхъ постриженниковъ были келліи, имѣвшія нѣсколько комнатъ и, кромѣ того, помѣщенія для прислуги. Однѣ изъ нихъ приняла форму кѣлти съ подкѣлтами, другія сохраняли форму пѣзбы и т. д. Особеннымъ размѣромъ и вмѣстительностію отличались келліи старца Іоны (Шереметева) и старца Леоніида Ширшова. Рядомъ съ появленіемъ каменныхъ построекъ стали появляться и каменные могильные памятники, не смотря на то, что дѣйствовавшій до XIV вѣка въ древней Руси Студійскій богослужебный уставъ (въ редакціи патр. Алексія) и воспрещалъ погребать по монастырямъ. Во время пятилѣтней осады Кириллова монастыря, во второмъ десятилѣтіи XVII вѣка, зданія въ монастырской стѣны были разрушены, но самый монастырь выдержалъ осаду и не пострадалъ. Особенною достопримѣчательностію Кирилло-Вѣлозерскаго монастыря была его драгоцен-

ная рукописная библиотека, большая по количеству рукописей и единственная въ своемъ родѣ по рѣдкости нѣкоторыхъ старыхъ памятниковъ древне-русской литературы. Съ древняго времени эта библиотека сдѣлалась цѣлю ученыхъ путешествій. Поѣздка проф. С. Шевырева въ 1847 году только частію выяснила всю важность и цѣнность этого собранія. Впослѣдствіи библиотека была перенесена въ с.-петербургскую Духовную Академію и нынѣ занимаетъ въ ней особое мѣсто. Исслѣдователи древне-русской литературы постоянно имѣютъ надобность рыться въ этомъ собраніи и не рѣдко даже доселѣ открываютъ въ ней драгоценныя памятники. Въ послѣднее время капитальнымъ трудомъ по изученію Кирилло-Вѣлозерскаго монастыря явилась книга проф. Н. К. Никольскаго; пока вышло только начало сочиненія, трактующее о житіи преп. Кирилла и о строеніяхъ его монастыря.

Книголюбецъ, преп. Кириллъ еще въ Симоновомъ монастырѣ занимался перепискою рукописей. До насъ дошло 17 манускриптовъ, писанныхъ имъ собственноручно: 7 Евангелій, Апостолъ, Псалтирь, 3 книги правилъ, Лѣтствица, четыре канонника. Переписка эта; несомнѣнно, обогащала умъ игумена все новыми и новыми познаніями какъ въ области святоотеческой письменности, такъ и въ области собственно свѣтской. Такъ, онъ дѣлалъ выписки изъ физики Галлея о происхожденіи грома и молніи, о падающихъ звѣздахъ, объ устройствѣ земли, о землетрясеніяхъ, о четырехъ стихіяхъ и о моряхъ. Какъ самостоятельный писатель, преп. Кириллъ извѣстенъ своими посланіями къ современнымъ ему князьямъ, въ которыхъ изъ-подъ простого и незатѣйливаго языка ясно проглядываютъ сердечность, искренность и теплота. Изъ этихъ посланій сохранилось только три, къ тремъ братьямъ: къ московскому великому князю Василію Дмитріевичу (ок. 1399—1402 г.), къ можайскому удѣльному князю Андрею Дмитріевичу (1408 или 1413 г.) и къ звенигородскому удѣльному князю Георгію (Юрію) Дмитріевичу (до 1422 г.). Первое посланіе имѣетъ главною цѣлю примиреніе великаго князя съ родственниками его, князьями суздальскими. Побуждая князя къ твердости въ дѣлахъ правленія, Кириллъ дѣлаетъ сравненіе съ кормчимъ, управляющимъ кораблемъ: какъ

на корабляхъ, когда наемникъ (гребецъ) соблазнится, малый вредъ творитъ плавающимъ съ нимъ, а когда кормчій соблазнится, то всему кораблю производить гибель; тоже должно сказать и о князьяхъ: если кто изъ бояръ согрѣшитъ, не производитъ вреда всѣмъ людямъ, но только себѣ одному, но если самъ князь согрѣшитъ, то дѣлаетъ вредъ всѣмъ людямъ, ему подвластнымъ. Ты же; господине, со мною твердостію храни себя въ добрыхъ дѣлахъ; возненавиди всякую власть, влекущую тебя на грѣхъ. „Да слышелъ есмь, господине Князь Великій, что смущеніе велико между тобою и сродники твоими, князми суздальскими. Ты, господине, свою правду сказываешь, а они свою; а въ томъ, господине, между васъ хрестьяномъ кровопролитіе велико чинятся. Ино, господине, посмотри того истинно, въ чемъ будетъ ихъ правда предъ тобою, и ты, господине, своимъ смиреніемъ поступи на себе (=уступи); а въ чемъ будетъ твоя правда предъ ними, и ты, господине, за себе стой по правдѣ. А почнуть ты, господине, бити челомъ, и ты бы, господине, Бога ради, пожаловалъ ихъ, по ихъ мѣрѣ; занеже, господине, тако слышелъ есмь, что доселѣ были у тебя въ нужи, да отъ того ся, господине, и возбраняли. И ты, господине, Бога ради, покажи къ нимъ свою любовь и жалованье, чтобы не погибли въ заблуженіи въ татарскихъ странахъ, да тамо бы не скончались“. Во второмъ посланіи заключаются разныя наставленія—быть правдивымъ въ своей вотчинѣ, не принимать поклеповъ, заботиться, чтобы не было мзды неправедной, разбоя, татбы, а для этого самому не лѣниться давать управу хрестьянамъ. „Судъ бы, господине, судили праведно, какъ предъ Богомъ, право; поклеповъ бы, господине, посуловъ не имали, довольны бы были уроки своими... И ты, господине, внимай себѣ, чтобы корчмы въ твоей вотчинѣ не было; занеже, господине, то велика пагуба душамъ: хрестьяне ся, господине, пропиваютъ, а души гибнутъ. Также, господине, и мытовъ бы у тебя не было, понеже, господине, куны неправедныя; а гдѣ, господине, пригоже дати труда ради. Также, господине, и разбоя бы и татбы въ твоей вотчинѣ не было. И аще не уймутся своего злаго дѣла, и ты ихъ вели наказывати своимъ наказаніемъ, чему будутъ достойны. Тако же,

господине, уймай подь собою люди-отъ лаянія, понеже то все прогнѣваетъ Бога; и аще, господине, не подшамшия всего того управити, все то на тебѣ възмещаетъ: понеже властитель еси своимъ людямъ, отъ Бога поставленъ. А крестьяномъ, господине, не лѣньныя *управы давати самъ: то, господине, выше тебѣ отъ Бога вмыслился и молитвы и поста.* А отъ упиванія бы есте уймались, а милостыню бы есте по силѣ давали: понеже, господине, *постытисъ не можете, а молитися лѣньнися, — ино въ то мѣсто, господине, вамъ милостыня вашихъ недостатокъ исполнитъ*“. Въ третьемъ посланіи, написанномъ по случаю болѣзни супруги князя Юрія Димитріевича, читаемъ: „А что, господине, скорбишь о своей княгинѣ, что въ недужѣ лежишь: ино, господине, востыну вѣмы, яко нѣчто смотрѣніе Божіе и челоуѣколюбіе его бысть на насъ, чтобы есте исправились къ нему... А мы, господине, грѣшныи отъ вся ея душа ради Бога молятъ о ней, чтобы ея помиловалъ и облегчилъ отъ болѣзни тоя тяжкіа. И аще ли, господине, такъ пребудеть въ недужѣ томъ; то востыну, господине, вѣжъ, яко нѣчто добродѣтелей ея ради хощетъ Богъ упокоити ю отъ маловременныя сея и болѣзненныя жизни къ оному вѣстѣющемуся блаженству“. Въ отвѣтъ на запросъ князя, можетъ ли онъ посѣтить Бѣлозерскаго игумена, Кириалъ пишетъ: „А что еси, господине князь Юрьи, писалъ ко мнѣ грѣшному, *яко издава жадаю видѣтися съ тобою, —* ино, господине, Бога ради, не мози того учинити, что ти къ намъ ѣхати; занеже, господине, вѣмъ, яко нѣчто моихъ ради грѣховъ, то искушеніе приидеть на мя, аще поѣдъ: шъ ко мнѣ: занеже, господине, извѣстную ти, не можно ти насъ видѣти: покаяніа, господине, и монастырь, да ступлю прочь, куды Богъ наставитъ. Понеже, господине, вы чаете мене здѣсе, что язъ добръ и святъ; аю, господине, вѣстину всѣхъ еси челоуѣкъ окажыте и грѣшныѣ и всякаго студа исполняютъ. И ты, господине князь Юрьи, не подиви на насъ о семъ: понеже, господине, слышу, что божественное писаніе самъ вконецъ разумѣши и чтешъ, и вѣдаешъ самъ, каковъ намъ вредъ приходитъ отъ похвалы челоуѣчскія, но и паче же намъ страстнымъ. Аще кто, господине, вѣстину

святъ и чистъ сердцемъ, ино и тѣмъ поврѣженіе бываетъ отъ тоя тяготы; а намъ, господине, еще всякой страсти повиннымъ, велика спона души отъ того. Еще, господине, самъ сего поразсуди; понеже твоя вочыны въ сей странѣ нѣтъ, и только ты, господине, поѣдешъ сѣмо, ино вси челоуѣцы начнутъ глаголати: *Кирила дѣля токмо похваляхъ.* Былъ, господине, здѣсе братъ твой князь Андрей; ино, господине, его вочына, и намъ пришла нужда: нелѣзъ намъ ему, своему господину, челоуѣку не ударити. А язъ, господине, аще и грѣшенъ есмь, а радъ Бога молю и Пречистую его Матерь съ своею братьницею о тебѣ, о нашемъ господинѣ, и о твоей княгинѣ, и о твоихъ дѣткахъ и о всѣхъ крестьянѣхъ, иже подъ властію твоею, якоже ти, господине, и прежь сего писахъ“. Кромѣ этихъ трехъ посланій существуетъ еще одно поученіе преподобнаго, остающееся неизданнымъ, духовное завѣщаніе братіи, молитвы и уставъ Кирилло-Бѣлозерскаго монастыря; впрочемъ, принадлежность послѣдняго сочиненія преподобному сомнительна.

Житіе преп. Кирилла, составленное въ концѣ XV вѣка Пахоміемъ Логоветомъ, остается пока неизданнымъ; тоже должно сказать и о сокращенномъ житіи его и о похвалѣ ему. Біографическія данныя о преподобномъ имѣются еще въ житіяхъ преп. Ѳерапонта и Мартиніана Бѣлозерскихъ, которые также неизданы; въ печати существуетъ только одно проложное сказаніе (*Никольскій*, Кир.-Бѣлоз. мон., стр. XXXIV—XXVII; Прологъ, подъ 9 июня). Посланія Кирилла изданы въ Актахъ историческихъ I, №№ 12, 16, 27 (извлеченія изъ нихъ въ Исторической хрестоматіи проф. Ѳ. И. Буслаева, М. 1861, стр. 927—932). См. В. В. Златоустинскій, Матеріалы для историко-топографическаго изслѣдованія о православныхъ монастыряхъ въ Россійской имперіи, съ бібліографическимъ указателемъ II: Монастыри по штатамъ 1764, 1786 и 1795 г. (1892) № 867, стр. 166—175; Н. Барсуковъ, Источники русской агиографіи, Спб. 1882 г., стлб. 297—306. В. О. Ключевскій, Древне-русскія житія святыхъ; архим. Варлаамъ, Описаніе историко-археологическихъ древностей и рѣдкихъ вещей, находящихся въ Кирилло-Бѣлозерскомъ монастырѣ, М. 1859 (язъ „Чтен. Общ. и Древн. Россійскихъ“); *его-же* Обзорніе рукописей собственной бібліотеки преп. Кирилла Бѣлозерскаго („Чтеніа“ 1860, II, 3, стр. 1—369); проф. С. Шегуревъ, Повебка въ Кирилло-Бѣлозерскій монастырь въ 1847 г., М. 1850, 2 части; митр. Макарій, Исторія русской церкви,

т. IV и V; *Н. К. Никольский*, Кирилло-Вълозерский монастырь и его устройство до второй четверти XVII в. (1397 — 1625 г.г.) I, 1: об основании и строениях монастыря, СПб. 1897 г.; „Русский биографический словарь, изд. Имп. Русского Исторического Общества, томъ „Ибакъ-Ключарева“, СПб. 1897 г., стр. 655 — 657 (подъ словом *Кирилл*).

Хр. Лопаревъ

4) **Кирилл вельсний** — туиъ одного изъ новгородскихъ наместниковъ въ вологодскомъ краѣ, жившій до покорения Новгорода Москвою (въ 1478 г.). Сохранилось преданіе, что Кириллъ, спасаясь отъ гнѣва своего господина, который хотѣлъ его убить, бросился въ р. Вагу около нынѣшняго г. Вельска вологодской губ. Раскаившійся бояринъ приказалъ отыскать его тѣло и похоронить на берегу рѣки. Гробъ потомъ былъ вымытъ водою и въ немъ нашли тѣло совершенно неповрежденнымъ и даже одежда оказалась цѣлою. Жители г. Вельска съ честью поставили нетлѣнное тѣло въ особой часовнѣ. Въ виду совершившихся при гробницѣ чудесъ, само собою, безъ церковной канонизации, установилось мѣстное *празднованіе блаж. Кириллу 9 іюня* и мощи его были поставлены въ церкви св. Николая. Но послѣ того, какъ около половины XVIII в. во время пожара мощи вмѣстѣ съ церковью сгорѣли, празднованіе было прекращено мѣстнымъ духовенствомъ, какъ кажется, по сознанію его произвольности.

См. *Голубинскій*, Исторія канониз. св., изд. 2, стр. 150. *Димитрій*, Мѣсяцесл. св., 9 іюня, вып. 10, стр. 66—68 (изд. 1900 г.). Свщ. *І. Вгрюжскій*, Историч. сказ. о Вологодскихъ св., стр. 366—375.

Ан. С—въ.

5) **Кирилл пустынный вологодскій**; о жизни его не сохранилось свѣдѣній (см. о. *Вгрюжскій*, Историческія сказанія о жизни Вологод. св., стр. 693). Имя его находится въ нѣкоторыхъ древнихъ святцахъ. Проф. *Е. Е. Голубинскій*, сообщая, что онъ подвизался неизвестно когда на берегу Кубенскаго озера и погребенъ въ Спасо-Каменскомъ монастырѣ, помѣщаетъ Кирилла въ числѣ усопшихъ, на самомъ дѣлѣ не почитаемыхъ (Исторія канониз. св., изд. 2-е, стр. 359).

Ан. С—въ.

6) **Кириллъ препод. новоезерскій**, основатель Кириллова Новоезерскаго монастыря, находящагося въ новгородской губерніи, въ Бѣлозерскомъ уѣздѣ (въ 30-ти верстахъ къ юго-западу отъ Вѣлозерска), на Красномъ островѣ Новаго озера. Онъ происходилъ отъ богатыхъ родителей, дворянъ Вѣлыхъ; родился въ г. Галичѣ костромской губерніи. Очень рано почувствовалъ Кириллъ влеченіе къ иноческой жизни, а потому еще въ молодыхъ годахъ (около 20 лѣтъ) онъ тайно отъ родителей удалился къ преп. Корнилію Комельскому и отъ него принялъ постриженіе. Съ любовью отдался юный инокъ новой жизни, усердно исполняя всѣ ея требованія. Слухъ о молодомъ подвижникѣ дошелъ и до родителей Кирилла, которые уже считали его умершимъ. Слѣдуя примѣру сына, они также приняли иноческій образъ.

Послѣ смерти родителей, раздавъ оставшееся отъ нихъ нѣбные бѣднымъ и отпустивъ слугъ на волю, преп. Кириллъ окончательно порываетъ всѣ связи съ міромъ. Съ благословенія св. Корнилія онъ оставилъ его обитель и потомъ не мало времени провелъ въ глухихъ лѣсахъ сѣвера, испытывая всѣ невзгоды и лишенія отшельнической жизни; по временамъ онъ посѣщалъ святыхъ мѣста Новгорода и Пскова. Наконецъ, по указанію свыше, онъ пришелъ на Новоозеро и здѣсь на островѣ поставилъ себѣ хижину, — начало обители. Это было въ 1517 г. Своими руками трудился св. подвижникъ надъ устройствомъ храма и помѣщеній для братіи. Скоро около него собралось немалое число любителей благочестія, и такимъ образомъ возникъ монастырь. Среди молитвенныхъ подвиговъ и заботъ объ устройствѣ и обезпеченіи основанной имъ обители преп. Кириллъ скончался 4 февраля 1532 года, еще при жизни сподобившись дара пророчливости и чудесъ. Мѣстное почитаніе его памяти, — надо думать, — началось вскорѣ послѣ его смерти, въ виду совершившихся отъ него чудесъ. Общецерковное празднованіе преп. Кириллу было установлено послѣ открытія его мощей 7 ноября 1648 г. при копаніи фундамента для новой церкви, строившейся по обѣту спасеннаго отъ бѣды боярина Морозова. 22 августа 1652 г. мощи были перенесены въ новопостроенный храмъ, гдѣ и донныя почитаютъ

открыто. Память преп. Кирилла совершается 4 февраля и 7 ноября (см. Вѣрн. мѣсяц. всѣхъ рус. св., М. 1903 стр. 9 и 43).

Житіе преп. Кирилла, по мнѣнію проф. В. О. Ключевскаго (Древнерус. житія св., стр. 319 - 321), написано въ началѣ XVII в. монахомъ его монастыря, на основаніи изустныхъ разсказовъ учениковъ преподобнаго и записокъ о его чудесахъ. Оно встрѣчается въ рукописяхъ XVII и XVIII в.в., напр., въ Милюгинскихъ Ч.-Минейхъ на 4 февраля (см. Н. Барсуковъ, Источ. рус. агиогр., слѣб. 307). Сохранилось также слово на обрѣтеніе мощей, написанное очевидно событія въ половинѣ XVII в.; напечатано въ „Чтеніяхъ Общ. Ист. и Древн.“ 1864 г., кн. III. Въст и служба преп. Кириллу, помѣщаемая въ служебной миней на 4 февраля; списки см. у Барсукова, стр. 308. Сокращенное житіе преп. Кирилла печатается въ Прологѣ на 4 февраля.

См. Филаретъ, Русскіе св. кн. I, стр. 154—163 (изд. 1882). Димитрій, Мѣсяцесловъ св., февраль (вып. 6), стр. 44—45 (изд. 1897 г.). Е. Е. Голубинскій, Исторія канонизаціи св., изд. 2-е, стр. 129—130. Сергій, Полный мѣсяцесловъ Востока, II, стр. 33 и 347.

Ан. С.—въ.

7—8) Кириллъ I-й и II-й, епископы ростовскіе; они занимали каедрѣ одинъ за другимъ. Первый былъ поставленъ епископомъ въ 1216 году; оставилъ каедрѣ въ 1229 году; постригшись въ схиму съ именемъ Кириакъ, скончался 17 апрѣля 1230 г. Кириллъ 2-й управлялъ ростовскою епархіей очень продолжительное время, — съ 1230 г. и почти до самой смерти 21 мая 1262 года. Онъ заявилъ себя широкою и плодотворною дѣятельностію въ тяжелое время первыхъ лѣтъ татарщины. Отъ татарскаго нашествія Кириллъ сначала укрылся на Вѣлоозеро. Возвратившись оттуда, похоронилъ вел. кн. Юрія Всеволодовича, убитаго въ несчастной битвѣ съ татарами на р. Сяти. Потомъ, приблизительно въ теченіи 10-ти лѣтъ, до прибытія во Владиміръ митрополита Кирилла, онъ управлялъ епархіями сѣверо-восточной Руси, прилагая всѣ усилія къ устроению дѣлъ церковныхъ, пришедшихъ въ разстройство послѣ татар-

скаго раззоренія: возстановлялъ церкви, ставилъ священниковъ и т. п. Благотворное влияние оказывалъ Кириллъ и на дѣла гражданскія, не разъ примирялъ князей. Скончался онъ въ глубокой старости, погребенъ въ ростовскомъ соборѣ. Имя его находится въ нѣкоторыхъ древнихъ святцахъ (см. Сергій, Полный мѣсяцесл. Востока II, прил. 3-е, стр. 563), ср. Голубинскій, Исторія канониз. св., изд. 2-е, стр. 359).

См. „Чтенія въ Общ. любител. духовн. просвѣщ.“ 1890 г., отд. 4-й, стр. 90—93.

Ан. С.—въ.

9) Кириллъ сыринскій, основатель Сыринской Успенской, нынѣ упраздненной, пустыни въ каргопольскомъ уѣздѣ олонечкой губерніи. Былъ сыномъ священника Чекуевского прихода въ Онежскомъ краѣ; въ мѣрѣ назывался Кириакъ. Рано оставшись сиротой, нашелъ пріютъ въ обители Александра Ошвенскаго, гдѣ принялъ постригеніе и подвизался довольно продолжительное время. Наученный здѣсь грамотѣ, онъ отъ новгородскаго архіепископа получилъ священный санъ и нѣкоторое время священствовалъ, сначала въ селѣ Кенозерѣ, а потомъ въ родномъ селѣ, откуда переселился на близъ лежащую Сырю гору, гдѣ и основалъ обитель въ честь Успенія Божіей Матери. Скончался въ глубокой старости. Время его жизни остается неизвѣстнымъ. Можно предполагать, что онъ жилъ и дѣйствовалъ въ концѣ XV и въ началѣ XVI в. Праведный Кириллъ не канонизованъ; онъ чтится служеніемъ панихидъ. Мощи подъ спудомъ въ Успенской церкви упраздненнаго монастыря.

См. проф. Е. Е. Голубинскій; Исторія канониз. св., изд. 2-е, стр. 331. Сергій, Полный мѣсяцесл. Востока II, стр. 124, на 28 апрѣля; ср. прил. 3-е, стр. 563. Никодимъ, Архангельскій патерикъ, Спб. 1901, стр. 79—81.

Ан. С.—въ.

10) Кириллъ преп. челмскій или челмогорскій, основатель нынѣ упраздненнаго Покровскаго монастыря на Челмѣ горѣ въ 50 верстахъ отъ Каргополя, олонечкой губерніи. Мѣстомъ начальныхъ подвиговъ

преп. Кирилла былъ новгородскій монастырь Антонія Римлянина, въ которомъ онъ принялъ постриженіе. Отсюда, ища уединенія, онъ удалился въ пустынный олонецкій край и здѣсь поселился на горѣ Челмѣ. Мѣсто было дикое, но красивое. Преп. Кириллъ сначала выкопалъ себѣ въ горѣ пещеру, а потомъ построилъ келію и при ней часовню. Окрестные жители чудскаго племени недружелюбно встрѣтили пришельца; всячески ему досаждали, желая его прогнать. Но святой отшельникъ побѣдилъ ихъ злобу своею кротостію и смиреніемъ и сдѣлался апостоломъ Христовой вѣры среди окрестныхъ жителей—финновъ. Подъ влияніемъ примѣра его святой жизни и кроткихъ наставленій „все чудяне пріиша св. крещеніе“. Преп. Кириллъ скончался въ преклонныхъ лѣтахъ 8 декабря 1367 г. или 1368 г. (нѣкоторые, впрочемъ, время жизни преп. Кирилла относятъ къ XV—XVI в.), проживъ на Челмской горѣ 52 года. Мощи его подѣ спудомъ въ церкви упраздненнаго монастыря. *Память 8 сентября.*

Въ „Вѣрномъ мѣсяц. всехъ рус. св.“ (М. 1903 г., стр. 45) Кириллъ челмскій помѣщается на 8 декабря, какъ святой канонизованный. Въ рукописяхъ встрѣчается житіе преп. Кирилла, написанное не раньше конца XVI в.; Сказаніе о чудесахъ написано священникомъ Іоанномъ во 2-й половинѣ XVII в.; есть также служба преп. Кириллу (см. В. О. Ключевскій, Древне-рус. житія св., стр. 320—322. Ср. Н. Барсукова, Источн. рус. агиогр., стлб. 309). *Филаретъ*, Русскіе св., кн. 3, 537—542). *Димитрій*, Мѣсяцесловъ св., декабрь (вып. 4-й), стр. 96—98 (изд. 1895 г.). *Сергій*, Полный мѣсяцесл. Востока II, 379. „Христіан. Чтеніе“ 1889 г., мартъ: (здѣсь напечатано *Докучаевымъ* *Васковымъ* Житіе преп. Кирилла и сказаніе о чудесахъ съ предварительными замѣчаніями, стр. 469 сл.). (См. еще Минеи-Четии на русскомъ языкѣ, книга дополнительная 1, Москва 1907, стр. 503—511).

Ам. С—въ.

11) **Кириллъ и Марія** († 1337 г.), праведные родители преп. Сергія Радонежскаго, погребенные въ Хотьковомъ Покровскомъ монастырѣ (въ 10-ти верстахъ отъ Троицкой Сергіевой лавры). Тѣла ихъ покоятся въ трапезѣ монастырскаго собора; надъ ними устроена богато украшенная гробница. *Почитаются* служеніемъ пани-

хидъ, особенно 28 сентября; къ этому числу богомольцы стекаются во множествѣ изъ Троицкой лавры—послѣ праздника преп. Сергія (25 сент.).

См. Проф. Е. Е. Голубинскій, Исторія канониз. св., изд. 2-е, стр. 331. *Димитрій*, Мѣсяцесл. св., сентябрь (вып. 1-й), стр. 198—199 (изд. 1893 г.).

Ам. С—въ

Кириллъ I-й—митрополитъ кievскій и всея Руси. Онъ не упоминается въ русскихъ лѣтописяхъ, почему большинство изслѣдователей по исторіи русской церкви совсѣмъ не говорятъ о немъ, не признавая его существованія. Вслѣдствіе этого получается различный счетъ кievскихъ митрополитовъ Кирилловъ: Кирилломъ I-мъ считаютъ того Кирилла, который состоялъ митрополитомъ съ 1224-го по 1233 г. и былъ въ Россіи вторымъ съ этимъ именемъ (см. преосв. *Макарія*, Исторія русск. церкви III, 15; *Карамзина* III, 151. 155. 157), а Кирилломъ II-мъ называютъ Кирилла, занимавшаго митрополитичью кафедру съ 1242-го по 1281 г. и бывшаго по счету третьимъ.

М. Кириллъ I значитъ въ кievо-софійскомъ помянникѣ, которымъ пользовался *Захарія Копыстенскій*, наместникъ и потомъ архимандритъ печерскій († 1626), при составленіи каталога митрополитовъ въ своей „Палинодіи“ (написана въ 1621 г., напечатана въ 1878 г. въ „Русск. истор. Библіотекѣ“ т. IV, кн. 1); этотъ Кириллъ отмѣчается также въ московскихъ спискахъ митрополитовъ: при Никоновой лѣтописи (Поли. собр. лѣт., т. IX, стр. XIII, а по старому отдѣльному изданію т. I, прилож., стр. 3), напечатанномъ въ „Лѣтописяхъ Археографической Коммисіи“ (Вып. 3, отд. III, стр. 41) и читаемомъ въ волоколамской рукописи бібліотеки московской Дух. Академіи № 529 (л. 659). Годы служенія и жизни Кирилла I не извѣстны, но на основаніи указанныхъ источниковъ онъ долженъ быть помѣщенъ между м. Феопемтомъ, упоминаемымъ въ 1039 г., и м. Иларіономъ, поставленнымъ въ 1051 г.

Проф. Е. Е. Голубинскій, Истор. рус. пер. 1-ая полов. тома I (изд. 2-е, Москва 1901), стр. 285—286. —Глава изъ „Палинодіи“ З. Копытенскаго, въ которой содержится каталогъ митрополитовъ, напечатана въ

изслѣдованіи *Ф. А. Терновскаго*, Изучение византийской исторіи и ея тенденціозное приложение въ древней Руси, вып. 2 (Кіевъ 1876), стр. 200 сл.

Свящ. Н. В. П.—ъ.

Кирилль II—митрополитъ кievскій и всея Руси (нѣкоторыми изслѣдователями признаваемый за Кирилла I-го)¹⁾. По свидѣтельству лѣтописей онъ былъ родомъ грекъ и пришелъ на Русь изъ Никеи (Новгородская лѣт. подъ 1233 г.). О оставленіи его Лаврентьевская лѣтопись повѣствуетъ такъ: „въ лѣто 1224 поставленъ бысть митрополитомъ въ святой Софѣѣ (въ) Кіевѣ блаженный Кирилль Гречинъ, мѣсяца Генваря въ 6, въ праздникъ Богоявленья“. Это даетъ основаніе предполагать, что Кирилль II былъ посвященъ въ самой Россіи. По отзыву той же Лаврентьевской лѣтописи, онъ былъ „учителемъ зѣло и хитръ ученью божественныхъ книгъ“. Кирилль II былъ предшественникомъ митрополитомъ за періодъ домонгольскій; скончался въ 1233 г. Наименованіе „блаженного“, прилагаемое къ Кириллу II-му въ Новгородской и Лаврентьевской лѣтописяхъ, заставляетъ думать, что это былъ замѣчательный и выдающийся изъ ряда другихъ митрополитъ.

Проф. *Е. Е. Голубинскій*, Исторія русской церкви I-я полов. томъ I (изд. 2-е, Москва 1901), стр. 289—290, 292, 318; митр. *Макарій*, Исторія рус. церкви III, 15; *Карамзинъ*, III, 151, 155, 157; Русскій біографическій словарь *А. А. Половцева*, (Спб. 1897), стр. 663.

Свящ. Н. В. П.—ъ.

Кирилль III, митрополитъ кievскій и всея Руси († 1280) былъ преемникомъ несчастнаго Іосифа, убитаго татарами при взятіи Кіева въ 1240 г. Князь галицкій Даниилъ, самый сильный изъ князей южно-русскихъ, побоявшись объ избраніи новаго законнаго митрополита, устранивъ епископа угровскаго Іоасафа, пытавшагося было самовольно за-

нять митрополию. Какимъ образомъ былъ избранъ Кирилль, однимъ ли Данииломъ или съ другими князьями и съ согласія ли русскихъ епископовъ, равно и то, кто былъ Кирилль III до посвященія, въ какомъ году было самое избраніе,—свѣдѣній обо всемъ этомъ не сохранилось. Лѣтопись въ 1243 г. называетъ Кирилла уже митрополитомъ. Въ 1246 г. кн. Даниилъ, утвержденный ханомъ въ своемъ княжескомъ достоинствѣ, отправилъ Кирилла III въ Грецію, чтобы получить утвержденіе въ санѣ отъ патріарха. Путешествіе пришлось Кириллу III прервать. Король венгерскій Бела, чрезъ владѣнія котораго ѣхалъ митрополитъ, убѣдилъ послѣдняго вернуться обратно, чтобы помочь заключенію мира между нимъ и Данииломъ. Послѣ этого Кирилль III отправился вторично въ Никею, гдѣ въ это время находился патріархъ Мануилъ II. Когда и какъ вернулся Кирилль III на Русь,—тоже нѣтъ свѣдѣній; лишь подъ 1250 г. лѣтопись сообщаетъ о поѣздкѣ Кирилла въ Черниговъ, Рязань, Суздальскую землю для устройства дѣлъ церкви.

Южная Русь была такъ опустошена и разорена татарами, что митрополитъ Кирилль III не нашелъ удобнымъ поселиться ни въ одномъ изъ городовъ ея; не поселился онъ и въ Галицкой землѣ, такъ какъ это слишкомъ удалило бы его отъ Сѣверной Руси. Потому онъ избралъ Владиміръ Суздальскій, гдѣ и жилъ, сохраняя титулъ митрополита кievскаго. Кирилль III прожилъ такъ около 27 лѣтъ, почти все время совершая поѣздки по разнымъ областямъ русской земли. Онъ ревностно старался устроить свою паству послѣ всѣхъ ужасовъ татарскаго погрома: митрополитъ Кирилль III проходилъ „грады и веси по обычаю своему учаше, наказуаше, исправляше“, какъ выражается лѣтописецъ.

Кирилль III былъ дѣятельнымъ сотрудникомъ великаго князя Александра Ярославича Невскаго, иногда сопровождалъ его въ походахъ, напр., до Конопья въ походѣ Александра съ новгородцами на Финляндію. Кириллу III удалось заслужить довѣріе у татаръ. Когда была произведена первая переправка народа татарами, церковь русская со всеми своими имѣніями была освобождена отъ дани. Былъ данъ ханомъ Менгу-Темиромъ въ 1267 г. ярлыкъ, утверждавшій

¹⁾ Густынская лѣтопись раздѣляетъ этого Кирилла на двухъ Кирилловъ—первый съ 1225 г., второй съ 1230; по мнѣнію проф. Голубинскаго (ор. cit., стр. 283), такое раздѣленіе сдѣлано въ названной лѣтописи произвольно и ошибочно.

привилегіи духовенства. Въ 1261 г. Кирилл III успѣлъ испросить у хана позволеніе учредить православную епархію въ Сарай, гдѣ постоянно жило множество русскихъ. Епископомъ былъ поставленъ Митрофанъ.

Желая дать руководство при рѣшеніи церковныхъ дѣлъ, митрополитъ Кирилл III выписалъ изъ Болгаріи чрезъ деспота Іакова Святислава славянскій списокъ Номоканона съ толкованіями Зонары. Но такъ какъ нѣкоторые изъ греческихъ законовъ, заключавшихся въ переведенной Кормчѣ, не соответствовали условіямъ тогдашней жизни, то для рѣшенія этого вопроса, а равно и другихъ вопросовъ церковно-общественной жизни русскаго государства митрополитъ Кирилл III рѣшилъ собрать около 1274 г. владимірскій соборъ епископовъ. Первенствовалъ на соборѣ самъ Кирилл III, открывшій соборныя засѣданія рѣчью, въ которой говорилъ о необходимости для святителей бжеств. каноны, выражалъ безпредѣльную любовь къ своей патріѣ, нарицалъ картину печальнаго состоянія Руси подъ тяжкимъ иновѣрнымъ игомъ монголовъ. За рѣчью слѣдовали соборныя разсужденія, самый ходъ которыхъ для насъ остался неизвѣстнымъ. Результатомъ соборныхъ совѣщаній было 12 правилъ. Соборъ запрещалъ „святокупство“ и разные дары, „уроки“ при посвященіи въ церковныя степени, требовалъ посвящать по достаточномъ испытаніи поведенія кандидатовъ; соборъ обратилъ вниманіе на безпорядки, вкравшіеся въ совершеніе литургіи и таинствъ крещенія, миропомазанія, постановилъ „безчинно живущихъ священниковъ“ извергать, воспретилъ безчинныя народныя игры въ праздники, бои, убиваемыхъ на нихъ подвергъ проклятію; въ заключеніи соборъ іереевъ призываетъ ревностно проходить свое служеніе. „Правило“ съ соборными опредѣленіями митрополитъ Кирилл III разослалъ по всѣмъ епархіямъ. Правило было составлено Кирилломъ III, только послѣдняя часть, существующая отдѣльно и подъ другимъ заглавіемъ („поученіе къ попомъ“), вѣроятно не принадлежить ему. Скорѣе авторомъ „поученія“ былъ Кирилл II, епископъ ростовскій, современникъ Кирилла кievскаго. Можно думать, что послѣдній, изыскивая мѣры къ поднятію нравственнаго

уровня духовенства и разсылая „правило“ съ соборными опредѣленіями по епархіямъ, разрѣшилъ присоединить и означенное „поученіе къ попомъ“, чтобы оно служило руководствомъ для духовенства. Правило, какъ и поученіе, имѣли практическое значеніе, были внесены въ Кормчѣ.

Впервые „правило“ было открыто Н. М. Карамзинымъ и издано „Московскимъ Обществомъ Исторіи и Древностей Россійскихъ“ въ „Русскихъ Достопамятностяхъ“ 1815 г. ч. I, 106—115.

Въ 1274 г. былъ поставленъ Кирилломъ III на владимірскую кафедру епископъ Серапѣонъ, кievскій постриженникъ, знаменитый своими проповѣдями; самъ же Кирилл III переехалъ въ Кіевъ. Здѣсь онъ продолжалъ устраивать дѣла церковныя, рукоположилъ новгородскаго епископа Климента (1276 г.); особенное вниманіе обратилъ на защиту церкви отъ латинянъ, отъ притязаній папы Николая III, давшаго своему легату Филиппу, епископу фирманскому, право распоряжаться въ Галиціи, Волынѣ и сосѣднихъ странахъ... Вѣроятно, съ цѣлію защиты отъ папскихъ притязаній Кирилл III сносился съ константинопольскимъ патріархомъ Іоанномъ Веккомъ чрезъ Теофноста сарайскаго, но, узнавъ отъ послѣдняго объ уклоненіи патріарха въ унию съ Римомъ, прервалъ съ нимъ сношенія.

Предъ концомъ своей жизни престарѣлый святитель еще разъ отправился для обозрѣнія сѣверныхъ епархій. Извѣстенъ одинъ случай изъ его архипастырской поѣздки. Кирилл III узналъ, что ростовскій епископъ Игнатій по какимъ-то навітамъ приказалъ удалить изъ соборнаго городского храма тѣло недавно имъ самимъ здѣсь погребеннаго князя ростовскаго Глѣба Васильковича. Митрополитъ Кирилл III кротко, но вѣстѣи и властно поставилъ на видъ неблаговременность его пастырской ревности. „Кайся до смерти“—говорилъ онъ.—Когда живъ былъ князь, ты дѣлилъ съ нимъ трапезу и принималъ дары, а теперь осуждаешь мертвеца, прежде суда Божія.“ Митрополитъ отрѣшилъ было Игнатія отъ священнослуженія за злоупотребленіе церковной властію, но по ходатайству племянника покойнаго разрѣшилъ запрещеннаго епископа.

Во время своего путешествія Кирилл III

скончался въ городѣ Переяславѣ въ 1280 г. Тѣло его было перевезено въ Киево-Софійскій соборъ.

Митрополитъ Кирилль III своею неутомимой дѣятельностію по благоустройству русскаго общества въ одну изъ самыхъ тяжкихъ эпохъ русской исторіи заслужилъ глубокое уваженіе. Карамзинъ говоритъ, что едва ли какой другой митрополитъ превосходилъ Кирилла пастырскими добродѣтелями.

Митрополиту Кириллу III приписываются, кромѣ „правилъ“, еще и другія сочиненія, перечисленныя въ „Обзорѣ духовной литературы“ архіепа. Филарета, но они въ дѣйствительности ему не принадлежать.

Литература: М. Макарій, Исторія рус. церкви т. IV и V. Проф. Е. Е. Голубинскій, Исторія рус. церкви т. II, 1-ая половина. Н. М. Карамзинъ, Ист. госуд. рос. т. IV. „Прибавл. къ творен. св. отц.“ 1843 г. I, 414; „Кирилль II, митр. кievскій и всея Россіи“, „Православн. Собесѣдн.“ 1865 г. I, 51; „Правило митрополита Кирилла II“, „Владим. Вѣстн. Вѣдомости“ 1867 г. № 22; „Кирилль III, митрополитъ кievо-владимірскій и всея Руси и владимірскій соборъ 1274 г. Арх. Филаретъ, Обзоръ духовной литературы. Лучшее изд. „Правила“ въ VI т. „Русск. историч. Виблютеки“.

Б. Грудзевъ.

Кирилль VI, митрополитъ всероссійскій, до избранія на митрополию былъ архимандритомъ Троице-Сергіева монастыря (съ 1566 г.). Въ 1568 г. онъ былъ избранъ на кафедру московскаго митрополита на мѣсто святого Филіппа, но въ противоположность послѣднему отличался слабою волею и былъ безмолвнымъ свидѣтелемъ жестокостей Іоанна Грознаго. При немъ лютость царя достигла крайнихъ предѣловъ: цѣлыя города (Клинъ, Коломна) грабили и опустошали. Въ 1571 г. крымскій ханъ Девлетъ-Гирей сжегъ Москву. Митрополитъ спасся въ Успенскомъ соборѣ. Умеръ Кирилль IV 8 февраля 1572 г., погребенъ въ Новинскомъ монастырѣ.

Литература. † Прот. М. С. Боголюбовскій, Московская іерархія (Чтен. въ Общ. люб. дух. просвѣщенія“ 1894 г., сентябрь, 447). Антоній (Знаменскій), архіепа. ярославскій, О московскихъ іерархахъ (Рукопись новгородской Дух. Семинаріи № 6830).

Б. Грудзевъ.

Кирилль Туровскій, епископъ, святой, принадлежить къ числу знаменитѣйшихъ нашихъ духовныхъ писателей дотатарскаго времени. Свѣдѣнія о его жизнедѣятельности (не смотря на то, что его сочиненія пользовались широкою извѣстностію въ древней Руси и житіе его было составлено очень рано, быть можетъ, однимъ изъ современниковъ его), отличаются крайнею неопредѣленностію и сбивчивостію. О времени его жизнедѣятельности, напр., можно съ несомнѣвностію утверждать только то, что Кирилль жилъ въ XII в. Всѣ же другіе вопросы, касающіеся времени его жизни, могутъ быть рѣшаемы только предположительно, на основаніи сложныхъ заключеній. Время рожденія Кирилла полагаютъ обыкновенно не позже 1139 г.; посвященіе его во епископа могло совершаться не раньше 1146—1147 г. и не позже 1169 г. Еще болѣе трудно—хоть сколько-нибудь приблизительно—установить время кончины Кирилла Туровскаго. Есть мнѣніе, что онъ, оставивъ епископство, удалился на покой и умеръ послѣ 1182 г. Впрочемъ, это послѣднее мнѣніе далеко не общепринято. Болѣе положительныя свѣдѣнія имѣются о мѣстѣ рожденія и служенія Кирилла. По сказанію продолжателя житія, онъ былъ сыномъ богатыхъ родителей и родился въ Туровѣ, въ которомъ былъ потомъ епископомъ и отъ имени котораго получилъ свое прозваніе. Въ дѣтствѣ и отрочествѣ Кирилль, при неизвѣстныхъ намъ обстоятельствахъ, получилъ настоящее и хорошее образованіе. Въ житіи говорится, что онъ въ молодые лѣтахъ „прилежалъ исключительно ученію Вожіихъ книгъ“. Это житійное свидѣтельство нельзя понимать въ томъ смыслѣ, что Кирилль былъ самоучкою и, слѣдов., однимъ изъ тѣхъ образованныхъ начетчиковъ, какими была такъ богата наша древняя Русь. Противъ этого предположенія рѣшительно говорятъ сохранившіеся подлинныя сочиненія Кирилла Туровскаго, обличающія въ немъ положительно образованнаго человѣка. Можно думать, что родителями Кирилла, какъ богатымъ людямъ, посчастливилось прислать для своего сына одного изъ тѣхъ греческихъ учителей, которые, —при отсутствіи правительственныхъ и общественныхъ школъ,— были единственными насадителями и распространителями просвѣщенія у насъ въ древ-

ней Россіи. Независимо отъ хорошаго образованія, Кирилль Туровскій, несомнѣнно, обладалъ выдающимся ораторскимъ и писательскимъ талантомъ, равно какъ и обширную начитанностію въ древне-христіанской письменности. Принявъ монашество и будучи еще простымъ инокомъ, Кирилль заявилъ себя поученіями къ братіи, которую онъ побуждалъ къ послушанію своему игумену. Въ это же время онъ занимался усердно литературнымъ трудомъ. Позже Кирилль отдался высшему аскетическому подвигу столпничества. Слава, которая была слѣдствіемъ этихъ трудовъ и подвижнической жизни Кирилла, привлекла къ нему вниманіе кіевскаго митрополита, поставившаго его епископомъ въ Туровѣ, по просьбѣ князя и жителей послѣдняго. Въ санѣ епископа Кирилль Туровскій,—по сказанію житія его,—обличалъ „ересь Феодора епископа“, что,—по свидѣтельству лѣтописи,—имѣло мѣсто около 1169 г.

Особенную извѣстность среди современниковъ и память въ исторіи Кирилль Туровскій приобрѣлъ своими сочиненіями. Вопросъ о подлинныхъ сочиненіяхъ Кирилла Туровскаго весьма сложный и имѣетъ свою обширную литературу. Подлинныя произведенія Кирилла Туровскаго раздѣляются, по своему содержанію и способу изложенія, на три разряда: 1) церковныя слова и поученія; 2) нравоучительныя статьи, и 3) молитвы. Несомнѣнно подлинныхъ церковныхъ словъ Кирилла Туровскаго въ настоящее время насчитывается около 8. Но даже по признанію такого осторожнаго изслѣдователя, какъ проф. Е. Е. Голубинскій, Кирилль Туровскій могъ написать гораздо больше словъ. Сохранившіяся подлинныя слова Кирилла Туровскаго характеризуютъ его, какъ представителя искусственно-впитанатаго церковнаго краснорѣчія. Усвоенное ему впогдѣ имя „русскаго Златоуста XII в.“ въ дѣйствительности можетъ быть признано за нимъ только съ большими ограниченіями,—именно въ томъ только смыслѣ, что Кирилль Туровскій былъ, дѣйствительно, замѣчательнымъ и выдающимся славнымъ проповѣдникомъ у насъ въ XII в. Но произведенія его во многомъ существенно отличаются отъ проповѣдей Іоанна Златоуста. Отличительную черту проповѣдей Кирилла Туровскаго составляетъ почти совершенное

отсутствіе въ нихъ ученія и назиданія. Проповѣди его въ громадномъ большинствѣ своемъ относятся къ разряду торжественныхъ праздничныхъ словъ, въ которыхъ не столько изъясняется, сколько образно и картинно излагается воспоминаемое въ тотъ или другой праздникъ церковное событіе. — Нравоучительныя статьи Кирилла Туровскаго сохранились въ видѣ поученій, обращенныхъ или къ всѣмъ вообще христіанамъ, или къ однимъ только мірянамъ, или же, наконецъ, къ однимъ только инокамъ. Сужденія ученыхъ по вопросу о количествѣ несомнѣнно подлинныхъ нравоучительныхъ сочиненій Кирилла Туровскаго весьма разнообразны. Рѣшеніе этого вопроса въ значительной степени осложняется тѣмъ обстоятельствомъ, что нѣкоторые изслѣдователи безъ надлежащей критической провѣрки приписываютъ Кириллу Туровскому многія поученія, встрѣчающіяся въ памятникахъ древней русской письменности съ именемъ Кирилла, безъ точнаго при этомъ обозначенія, какого именно Кирилла Туровскаго, или роговскаго, или Вѣлозерскаго и т. д. Наиболѣе осторожныя ученые изъ всѣхъ нравоучительныхъ сочиненій, обыкновенно приписываемыхъ Кириллу Туровскому, съ полною несомнѣностію усвояютъ ему одно только „сказаніе о черноризцѣстѣмъ чину“. — Кромѣ церковныхъ словъ и нравоучительныхъ сочиненій, Кириллу Туровскому приписывается обыкновенно еще множество молитвъ, встрѣчающихся въ памятникѣ древне-русской письменности съ именемъ Кирилла. Однако-же вопросъ о подлинности молитвъ, приписываемыхъ Кириллу Туровскому, еще болѣе сложенъ и запутанъ, чѣмъ вопросъ о другихъ произведеніяхъ его.

Литература. а) Сочиненія Кирилла Туровскаго напечатаны были въ разное время въ слѣдующихъ изданіяхъ: Памятники россійской словесности XII вѣка, изданные К. Калайдовичемъ (М. 1821 г.), Рукописи гр. А. С. Уварова т. II: Памятники словесности, вып. I, Спб. 1858 (съ предисловіемъ ꙗ академ. М. И. Сухомлинова); Памятники древне-русской учительной литературы вып. I (Спб. 1894) (съ предисловіемъ проф. А. И. Пonomareва); Молитвы на всю седмицу св. Кирилла, епископа Туровскаго („въ Правосл. Собесѣдникѣ“ 1857 г. кн. 1—2). Отдѣльныя сочиненія, приписываемыя Кириллу Туровскому, были, кромѣ того, напечатаны въ „Прибавл. къ твореніямъ св. отцовъ“

1859 г., т. X; „Извѣст. Императорск. Академіи Наукъ“ по отдѣленію русскаго языка и словесности 1859 г. т. III, 1855 г. т. IV вып. 4; 1856 г. т. V вып. 6; 1860 г. т. VIII вып. 4; *Исторія русской церкви* м. *Макарія*, т. III; въ рускомъ переводѣ сочиненія Кирилла Туровскаго напечатаны были въ изданіи: „Творенія святаго отца нашего Кирилла Туровскаго, съ предвѣдѣтельными очеркомъ исторіи Турова и туровской іерархіи до XIII в.“. Киевъ 1880 (изданіе преосв. Евгенія). 6) *Пословія: М. Макарий, Исторія русской церкви* т. III, изд. 1888 г., стр. 125—181; проф. *Е. Е. Голубинскій, Исторія русской церкви* т. I полов. 1 (до 2-му изд. М. 1901) стр. 794—810; архіеп. *Филаретъ* (Гумилевскій), *Обзоръ русской духовной литературы*. (Спб. 1884), стр. 34—37 и ꙗ академ. *А. Н. Пылинъ, Исторія русской литературы* т. I Спб. 1898 г. стр. 101—102. [Ср. и *Русскій біографическій словарь*, томъ „Ибачъ-Ключаревъ“ стр. 647—655.]. Изслѣдованія по древней русской литературѣ академика М. И. Сухомянова (1828—1901), Спб. 1908, стр. 273—349].

Протоіерей *Ө. Титовъ*.

Кирилль Терлецкій, епископъ (сначала православный, а потомъ униатскій) луцкій и острожскій (1585—1607 г.), былъ сынъ небогатаго русскаго православнаго шляхтича Семена Терлецкаго. Систематическаго школьнаго образованія онъ, повидимому, не получилъ. Занимая въ свѣтскомъ званіи должность въ одномъ изъ мѣстныхъ судебныхъ учреждений, Кирилль Терлецкій хорошо изучилъ законодательство и судебные порядки, каковыя знанія онъ съ блестящимъ успѣхомъ въ послѣдствіи прилагалъ къ дѣлу, ведя многочисленныя судебныя процессы. Принявъ духовное званіе, Кирилль Терлецкій въ 1560-хъ годахъ занималъ должность протопопа соборной церкви г. Пинска. Потерявши жену, онъ принялъ монашество и въ 1572 г. былъ назначенъ епископомъ пинскимъ и туровскимъ. Въ теченіи 12-лѣтняго управленія пинскою епархіею Кирилль Терлецкій былъ главнымъ образомъ занятъ судебными процессами, которые велъ изъ-за недвижныхъ имѣній своей каведры. Будучи чрезвычайно корыстолюбивымъ человѣкомъ, Кирилль Терлецкій въ 1585 г. выхлопоталъ себѣ у короля переводъ на самую богатую среди тогдашнихъ западно-русскихъ архіерейскихъ каведръ—луцкую. Въ Луцкѣ на первыхъ порахъ Кирилль Терлецкій заявилъ себя, какъ дѣятельный архипастырь, чѣмъ

заслужилъ даже расположеніе выдающихся ревнителей православія, напр. кн. Острожскаго. Впрочемъ, скоро опредѣлилось, что дѣятельность Кирилла Терлецкаго была направлена преимущественно на пріобрѣтеніе имущества и денегъ. Съ другой стороны обнаружился крайне безнравственный образъ жизни Кирилла Терлецкаго. Поэтому, не смотря даже на то, что константинопольскій патріархъ Іеремія II, посѣтившій тогда лично Западную Русь, въ 1589 г. назначилъ Кирилла Терлецкаго своимъ экзархомъ и облекъ его особенными полномочіями и правами, отъ него отшатнулись истинные ревнители православія. Скоро въ Западной Руси началось общее движеніе народа, которымъ руководили въ данномъ случаѣ западно-русскія православныя братства, противъ недостойныхъ епископовъ, къ числу коихъ принадлежалъ и Кирилль Терлецкій. Это было однимъ изъ ближайшихъ поводовъ образованія давно уже подготовлявшагося въ Западной Руси (особенно среди высшей іерархіи) теченія въ пользу соединенія западно-русской православной церкви съ римско-католическимъ костеломъ. Однимъ изъ первыхъ убѣжденных и дѣятельныхъ пионеровъ этого теченія изъ числа западно-русскаго православныхъ епископовъ былъ Кирилль Терлецкій. Онъ же успѣлъ склонить на сторону униатскаго движенія и владиміровольнскаго епископа Ипатія Поцѣя, который затѣмъ сталъ главнымъ руководителемъ дѣла. Въмѣстѣ съ Ипатіемъ Поцѣемъ Кирилль Терлецкій въ 1595 г. отправлялся въ Римъ для представленій папѣ условій, на которыхъ Западная Русь желала принять унию съ католическою церковію. Вынужденно или, быть можетъ, и добровольно Кирилль Терлецкій съ Ипатіемъ Поцѣемъ въ застѣваніи священной коллегіи въ Римѣ 23 декабря 1595 г. принялъ отъ лица всѣхъ остальныхъ западно-русскихъ архіереевъ унию со всѣмъ не на тѣхъ условіяхъ, на какихъ они были уполномочены сдѣлать это. Известно, что православная западно-русская церковь отвергла такую унию, привезенную ей изъ Рима Кирилломъ Терлецкимъ и Ипатіемъ Поцѣемъ, и на соборѣ отлучила даже Кирилла Терлецкаго, лишивъ его сана. Но Кирилль Терлецкій остался на своемъ мѣстѣ въ качествѣ униатскаго луцкаго епископа. Достигнувъ того, чего онъ собственно и искалъ,

упрочивъ свое положеніе на богатѣйшей архіерейской кафедрѣ и пользуясь покровительствомъ польскаго правительства и папы, Кирилль Терлецкій почти совѣтъ пересталъ интересоваться унию, весь погрузившись въ матеріальныя заботы. До смерти Кирилль Терлецкій велъ,—къ соблазну и православныхъ и униатовъ,—образъ жизни, совершенно недостойный не только епископа, но даже и простого христіанина. Умеръ Кирилль Терлецкій въ 1607 г. Латино-униатскіе историкъ обыкновенно превозносятъ Кирилла Терлецкаго, какъ величайшаго „ревнители (zelanti) святой уни“; но даже и изъ нихъ наиболѣе правдивые не могутъ умолчать о недостойномъ поведеніи его.

Литература. М. Макарій, Исторія русской церкви IX (Спб. 1879), гл. IV, стр. 478—674; проф. М. О. Кольковичъ, Литовская церковная униа I, Спб. 1859; Проф. П. Н. Жуковичъ, Сеймовая борьба православнаго западно-русскаго дворянства съ церковной унией (до 1609 г.), Спб. 1901, особенно отд. I, гл. 4—10 и отд. II, гл. X—XIV; О. Левицкий, Кирилль Терлецкій, епископъ луцкій и острожскій, Кіевъ 1885; *Его же* Южно-русскіе архіереи въ XVI—XVII в.в. въ „Кіевск. Старинѣ“ 1869 г., кн. I, стр. 49—100; *Stebelskiego*, Ostatnie prace: scriptores rerum Polonicarum, t. IV, p. 288 и 328 и Dr. *Jul. Peless*, Geschichte der Union der ruthenischen Kirche mit Rom, W. 1878, B. 1, S. 511—556, B. 2, S. 68.

Протоіерей О. Титовъ.

Кирилль (Завидовъ), митрополитъ ростовскій и ярославскій († 7 мая 1619 г.). Съ 1580—1594 г. Кирилль былъ игуменомъ новгородскаго Антоніева монастыря, присутствовалъ на соборѣ 1589 г. о возвышеніи епархій; 31 іюля назначенъ архимандритомъ Троицкой лавры; 18 марта 1605 г. посвященъ въ митрополита ростовскаго, присутствовалъ при смерти Бориса Годунова.

Митрополитъ Кирилль управлялъ епархіею въ самое смутное время для Россіи въ эпоху самозванцевъ. Лжедимитрій удаливъ его, поставивъ на его мѣсто Филарета. Кирилль поселился въ Троице-Сергіевой лаврѣ, но, во время плѣна Филарета, ярославцы въ 1615 г. опять пригласили къ себѣ Кирилла, который и управлялъ до смерти. Имя Кирилла во вторичное управленіе епархіею упоминалось впереди другихъ іерарховъ, при

перечисленіи ихъ, такъ какъ за смертію патриарха Гермогена, Кирилль считался высшимъ духовнымъ лицомъ въ Россіи. Кирилль выступалъ при всѣхъ важнѣйшихъ событіяхъ государственной жизни; онъ участвовалъ въ приглашеніи на царство Михаила Феодоровича, встрѣчалъ его при вѣздѣ въ Москву, присутствовалъ при коронаціи. Много трудовъ положилъ Кирилль въ дѣлѣ устройства своей епархіи: онъ основалъ Аванасьевскій монастырь въ Ярославлѣ, строилъ церкви, напр., великолѣпный храмъ, уцѣлѣвшій и понынѣ, въ Спасо-Песочномъ монастырѣ надъ могилою его основательницы княгини Маріи. При митрополитѣ Кириллѣ было въ Ярославлѣ моровое повѣтріе, во время котораго обрѣтенъ чудотворный образъ Нерукотвореннаго Спаса и воздвигнута для него „обыденная церковь“, существующая доселѣ. Митрополитъ Кирилль умеръ 7 мая 1619 г. и похороненъ въ ростовскомъ соборѣ подлѣ южной стѣны.

Литература. „Іерархія ростовско-ярославской пасты въ преемственномъ порядкѣ съ 992 г. до настоящаго времени“, изд. ярославск. попечительствомъ о бѣднѣхъ духовнаго званія, Ярославль 1864 г. „Лѣтописецъ о ростовскихъ архіереяхъ“, изд. Якушкина (1869 г.). „Лѣтописецъ ростовскихъ архіереевъ“, изд. Титова (Спб. 1890). Рукописный сборникъ Антонія (Знаменскаго) архіеп. ярославскаго „О московскихъ іерархахъ“ (рукописи новгородской Дух. Семинаріи № 6830). Историческое и хронологическое описаніе іерархій ярославской и ростовской, составленное въ 1842 г. прот. М. Гумилевскимъ (Рукоп. ярославской Дух. Сем. № 9855). *К. Головицковъ*, Ростовско-ярославскіе іерархи („Ярославск. Еп. Вѣд.“ 1893, 1894 и 1895 г.г.).

В. Грудзевъ.

Кирилль Транквилионъ-Ставровецкій († 1646) былъ вначалѣ „дидакаломъ“, т. е. учителемъ и проповѣдникомъ слова Божія въ разныхъ западно-русскихъ братствахъ, особенно Замостьскомъ, Львовскомъ и Виленскомъ. Впослѣдствіи онъ былъ игуменомъ въ Лубартовскомъ монастырѣ (въ 1619 г.). Сочиненія его, невольнѣ согласныя съ православно-церковнымъ ученіемъ, вызвали осужденія автора ихъ. Подъ влияніемъ недовольства, или, быть можетъ, и по другимъ побужденіямъ, Кирилль Транквилионъ-Ставровецкій пзмѣнилъ православію и

перешелъ въ унию. Въ награду за нѣмѣну православію ему было предоставлено мѣсто архимандрита въ Черниговскомъ монастырѣ, гдѣ онъ,—по выраженію одного автора,—и „здохъ року 1646“. Особенную извѣстность Кирилль Транквилионъ-Ставровецкій приобрѣлъ въ Западной Россіи и даже въ Москвѣ своими многочисленными вѣроучительными и правоучительными сочиненіями. Изъ его сочиненій извѣстны слѣдующія: 1) Евангеліе учительное, или слова на воскресные и праздничные дни, въ томъ числѣ и на дни нѣкоторыхъ святыхъ (изд. въ Рахмановѣ 1619 и 1668 г.г., въ Уневскомъ монастырѣ въ 1696 г.); 2) Зерцало богословія (изд. въ Почаевскомъ монастырѣ въ 1618 г. и въ Уневскомъ мон. въ 1692 г.); это „Зерцало богословія“ представляетъ опытъ догматики; 3) Листъ отца Кирилла, Любартовскаго игумена, писанный въ 1619 г. до всѣхъ христіанъ вообще, или окружное посланіе, убѣждающее православныхъ западно-руссовъ „держать твердо святуя непорочную христіанскую вѣру“; 4) Перло драгоцѣнное, писанное стихами и содержащее въ себѣ похвалы Богоматери, Ангеламъ, Апостоламъ, также лекарство противъ семи грѣховъ, о страшномъ судѣ и кончинѣ мертвыхъ (изд. въ Черниговѣ 1646 г. и въ Могилевѣ 1690 г.). Сочиненія Кирилла Транквилиона-Ставровецкаго не пользовались вниманіемъ и тѣмъ болѣе любовью православныхъ западно-руссовъ. Сначала отдѣльные лица (напр., Іовъ Внягиницкій и Теодосій игуменъ Скитскій), а потомъ и соборъ кіевскій обличили и отвергли неправославныя сужденія Кирилла Транквилиона-Ставровецкаго. Въ Москвѣ, куда со временемъ проникли сочиненія Кирилла Транквилиона-Ставровецкаго, они также были осуждены.

Литература. Архіеп. Филаретъ (Гумилевскій), Обзоръ русской духовной литературы I (СПб. 1884), стр. 187—188; проф. С. Т. Голубевъ, Кіевскій митрополитъ Петръ Могилъ и его сподвижники (Опытъ историческаго изслѣдованія), I (Кіевъ 1883), Прилож. № XXXV, прим. стр. 231—234.

Протоіерей Ѳ. Титовъ.

Кирилль Шумлянскій, епископъ перемыславскій (послѣдній православный луцкій епископъ † 1726 г.), былъ сынъ прѣжняго

луцкаго епископа Аонасія Шумлянскаго. Онъ служилъ раньше при дядѣ своемъ—любовскомъ епископѣ Іосифѣ Шумлянскомъ (см. „Энци.“ VII, 467—471), и былъ, по всей вѣроятности, униатомъ. Кирилла Шумлянскаго, какъ кандидата на луцкую епархію, указалъ волинянамъ самъ король польскій. Духовенство и дворянство луцкой епархіи избрали его своимъ владыкою, но предварительно потребовали отъ него обѣщанія быть православнымъ. Не смотря на то, что король польскій выдалъ ему утвержденіе на епископство, какъ униату, Кирилль Шумлянскій пожелалъ принять посвященіе во епископа отъ кіевскаго митрополита, что было вполне согласно и съ договоромъ вѣчнаго мира между Россією и Польшею. Спавшись предварительно съ кіевскимъ митрополитомъ Іоасафомъ Кроковскимъ (см. „Энци.“ VII, 177—180), Кирилль Шумлянскій въ 1711 г. получалъ посвященіе епископское въ Кіевѣ. Это посвященіе Кирилла Шумлянскаго въ Кіевѣ отъ рукъ православнаго митрополита было величайшимъ огорченіемъ для униатовъ, которые еще со времени перехода Діонисія Жабокрицкаго въ унию (въ 1702 г.) считали луцкую епархію своею. Униаты, во главѣ съ митрополитомъ своимъ Гергіемъ Винаицкимъ, сильно всполошились и стали принимать мѣры къ тому, чтобы удалитъ Кирилла Шумлянскаго съ луцкой кафедры и снова завладѣть луцкою епархіей. Они обратились за совѣтомъ къ папѣ. Папа писалъ Августу II. Король, подѣ сильнымъ воздѣйствіемъ папы, издалъ 17 октября 1711 года свою грамоту, которою строго требовалъ отъ всего духовенства и дворянства русскаго луцкой епархіи, чтобы Кирилла Шумлянскаго никто изъ нихъ не признавалъ за епископа и не оказывалъ ему никакого послушанія и уваженія. Съ изданіемъ и обнародованіемъ этой королевской грамоты, положеніе Кирилла Шумлянскаго, подвергавшагося разнымъ преслѣдованіямъ со стороны униатовъ, сдѣлалось невозможнымъ. Онъ оставилъ Луцкъ и удалился въ Кіевъ, чтобы искать себѣ защиты и покровительства у русскаго государя. Послѣдній, къ сожалѣнію, въ то время былъ сильно занятъ тяжелою войною съ Турціей и Швеціей, а потому и не могъ тогда же обратить серьезное вниманіе на дѣло и на жа-

лобы Кирилла Шумлянскаго. Нѣсколько позже, въ 1714 году, русское правительство отправляло царскую грамоту и требовало отъ польскаго короля возстановленія Кирилла Шумлянскаго въ его правахъ луцкаго епископа. Но эти требованія нашего правительства остались безъ удовлетворенія и даже, кажется, безъ отвѣта. Луцкая епархія совсѣмъ перешла во власть уніатовъ, которые еще въ 1711 г. назначили своего управителя ею, а въ 1715 г. посвятили въ Луцкѣ и своего епископа Іосифа Выговскаго. Кирилл Шумлянскій остался навсегда жить въ Россіи. Онъ былъ назначенъ въ 1715 г. епископомъ переяславскимъ и бориспольскимъ, при чемъ ему въ управленіе была предоставлена часть кievскаго митрополіи—епархія, расположенная на лѣвой и на правой сторонѣ р. Дѣбуря. Кирилл Шумлянскій былъ коадьюторомъ (викаріемъ) кievскаго митрополита, впрочемъ, съ правами извѣстной самостоятельности. Послѣ смерти кievскаго митрополита Іоасафата Кроковскаго († 1 іюля 1718 г.) до 1722 года, до назначенія въ Кіевъ архіепископомъ Варлаама Ванатовича, Кирилл Шумлянскій управлялъ дѣлами кievской епархія. Кирилл Шумлянскій скончался 30 ноября 1726 года.

Литература. а) Источники: письма Кирилла Шумлянскаго и другіе акты и документы, касающіеся жизнедеятельности его, напечатаны въ слѣд. изданіяхъ: „Архивъ Ю.-З. Р.“ ч. I, т. IV (см. по указателю) и Памятники православія и русской народности въ Западной Россіи въ XVII—XVIII в. в., изданные кievскою Духовн. Академіею, подъ редакціею о. профессора *Θ. И. Титова*, т. II, Кіевъ 1905 (см. по указателю). б) Пособія: † проф. *И. А. Чистовичъ*, Очеркъ исторіи западно-русской церкви II (Спб. 1884), стр. 292—293; о проф. *Θ. И. Титовѣ*, Русская православная церковь въ польско-литовскомъ государствѣ въ XVII—XVIII в. в. (1686—1795 г. г.), т. II: Западная Русь въ борьбѣ за вѣру и народности въ XVII—XVIII в. в. (Кіевъ 1905), гл. II, стр. 190—192.

Протоіерей *Θ. Титовъ*.

Кирилл (Флоринскій) — архимандритъ Троице-Сергіева монастыря ¹⁾, со времени

основанія этой обители 65-ый ея настоятель (проф. *Е. Е. Голубинскій*, Преподобный Сергій Радонежскій и созданная имъ Троицкая Лавра; жизнеописаніе препод. Сергія и путеводитель по Лаврѣ, Сергіевъ Посадъ 1892, стр. 140). Онъ родился въ началѣ XVIII столѣтія въ г. Харьковѣ; обучался въ харьковскомъ коллегиумѣ и для продолженія образованія, въ 1729 г., посланъ былъ въ „нѣмецкія страны“, гдѣ оставался до 1732 г. По возвращеніи изъ-заграницы въ Харьковъ, онъ поступилъ въ монашество и въ ноябрѣ 1732 г. опредѣленъ учителемъ пѣтики въ харьковскомъ коллегиумѣ; 22 февраля 1733 г. рукоположенъ въ іеродіакона, а 13 мая того же года въ іеромонаха. Въ харьковскомъ же коллегиумѣ о. Кириллъ былъ учителемъ философіи и съ 1 сент. 1735 г. — префектомъ. 6 іюля 1736 г. онъ былъ переведенъ въ префекты московской славяно-греко-латинской Академіи и при ректорахъ Антоніи Кувшинскомъ († въ апрѣлѣ 1737 г.), Митрофанѣ Слотвенскомъ († 7 декабря 1752 г.) и Платонѣ Левницкомъ читалъ богословіе. По смерти Антонія ему было поручено управленіе Заиконоспасскимъ монастыремъ до опредѣленія ректора, а въ августѣ 1737 г. ему же вѣтрено начальствованіе надъ Симоновымъ монастыремъ (Дѣло архива моск. Синод. Ковторы 1737 г., № 249). Въ іюлѣ 1741 г. о. Кириллъ назначенъ былъ ректоромъ славяно-греко-латинской Академіи и архимандритомъ Заиконоспасскаго монастыря. Управляя Академіею, онъ сдѣлалъ попытку освободить преподаваніе въ ней отъ схоластическаго направленія. Будучи ректоромъ Академіи, арх. Кириллъ принималъ участіе въ дѣлѣ изданія Библіи и имѣлъ другія порученія отъ Св. Синода; такъ, въ 1742 г. онъ получилъ для разсмотрѣнія службу, написанную по случаю явленія чудотворнаго Руденскаго образа Богоматери. (Исторія славяно-греко-латин. Академіи † о. *С. К. Смирнова*, Москва 1855, стр. 130—131). Въ сентябрѣ 1742 г. онъ былъ опредѣленъ архимандритомъ Троице-Сергіева монастыря, послѣ Амвросія Дубневича, и 1 октября того же года открылъ въ монастырѣ троиц-

ломъ Флоринскимъ или Фліоринскимъ (род. 1729 г., † 24 сент. 1795 г.), который не былъ писателемъ.

¹⁾ Арх. Кирилла Флоринскаго не слѣдуетъ смѣшивать съ еп. свѣскимъ Кири-

кую Семинарію. Для учениковъ этой Семинаріи Кирилль написалъ правила: какъ вести себя; правилами его руководствовались и послѣ него въ семинаріи и читали ихъ ученикамъ каждую субботу (Исторія тролицкой лаврской Семинаріи † о. С. К. Смирнова, Москва 1867, примѣч. на стр. 12—13). Архимандритъ Кирилль скончался 9 января 1744 г. (ibid., стр. 8).

Кромѣ упомянутыхъ правилъ для учениковъ тролицкой Семинаріи, арх. Кириллу принадлежатъ: I) проповѣди: на день рожденія Императрицы Елизаветы 18 декабря 1741 г., на недѣлю Ваий 11 апр. 1742 г. и на освященіе храма въ Законоспаскомъ монастырѣ 15 іюля 1742 г.; II) „Установленія Богословская“— краткіе богословскіе тезисы или положенія на рускомъ языкѣ, предназначавшіеся для диспутовъ (напечатаны въ 4-мъ приложеніи къ Исторіи московской славяно-греко-латинской Академіи † о. С. К. Смирнова, Москва 1855, стр. 409—418), и III) *Theologia positiva et polemica, tradita in Mosquensi Academia a Cyrillo Florinsky (1737—1740), т. е. „Богословіе положительное и полемическое, преподаваемое въ московской Академіи Кирилломъ Флоринскимъ“*. Экземпляръ этого сочиненія, писанный собственною рукою Кирилла, хранится въ библиотекѣ московской Дух. Академіи подъ № 243.—Въ названной богословской системѣ арх. Кирилла прежде всего замѣчательнъ строгій, систематическій порядокъ: „Богословіе онъ начинаетъ ученіемъ о религіи и Свящ. Писаніи, что у схоластиковъ занимало мѣсто въ концѣ системы. Въ полемической части замѣтно болѣе стремленіе къ борьбѣ съ римско-католиками; изложеніе отличается ясностію; мѣсто нравственнымъ приложеніямъ дано у него обширное: за разрѣшеніемъ вопроса у него слѣдуетъ: облегченіе, исправленіе, наставленіе и утѣшеніе“ (Исторія московской славяно-греко-латинск. Акад., стр. 153—154).

Литература. Преосв. Филаретъ, Обзоръ, стр. 309—311. † прот. С. К. Смирновъ, „Исторія московской славяно-греко-латинской Академіи, Москва, 1855, стр. 91, 119—121, 123—125, 138, 152—154, 198—199; Исторія тролицкой лаврской Семинаріи, Москва 1867, стр. 6—8, 12—13, 24—25; Дѣло архива Св. Синода: 1736 г. № 292, 1737 г. № 279, 1738 г. № 446, 1744 г. № 212. Проф. Е. Е. Голу-

бинскій, Препод. Сергій Радонежскій и создан. имъ Тролицкая Лавра, Сергіевъ Посадъ 1892, стр. 140; Русск. біографическій словарь, томъ „Ибакъ-Ключарева“, Спб. 1897, стр. 662.

Свящ. Н. В. П.—сз

Кирилль Стефановичъ, игуменъ пинскаго богоявленскаго монастыря (1753—1756), представляетъ замѣчательный типъ игумена заграничнаго (т. е. находившагося въ Польшѣ) монастыря кievской митрополіи— епархіи второй половины XVIII в. Въ немъ удивительнымъ образомъ совмѣщались самыя добрыя и худыя стороны характера. Постриженникъ Яблоченскаго Св. - Онуфріевскаго монастыря, онъ былъ въсплѣтствіи игуменомъ этой же обители. Въ 1753 г., послѣ тщательной ревизіи всѣхъ заграничныхъ монастырей своей епархіи, кievскій митрополитъ Тимофей Щербакскій замѣнилъ въ некоторыхъ игуменовъ этихъ монастырей другими, а иныхъ вновь назначилъ. Въ это же время Кирилль Стефановичъ былъ опредѣленъ игуменомъ пинскаго Богоявленскаго монастыря, который представлялъ одинъ изъ самыхъ видныхъ пунктовъ борьбы Западной Руси за вѣру и народность въ XVIII в. Кирилль Стефановичъ, повидимому, имѣлъ многія данныя для того, чтобы сдѣлаться хорошимъ игуменомъ: онъ былъ человекъ умный, хорошо зналъ порядокъ польскаго судоустройства и судопроизводства и, при большой энергіи, обладалъ бойкимъ черомъ. Однакоже онъ не оправдалъ возлагавшихся на него надеждъ и ожиданій. Пинское Богоявленское братство, въ лицѣ нѣкоторыхъ своихъ членовъ, приняло его съ самаго начала весьма недружелюбно, какъ назначеннаго къ нимъ самими митрополитомъ, безъ ихъ предварительнаго выбора, какъ молодого еще человѣка, не всегда аккуратно исполнявшаго игуменскія и священнослужительскія обязанности. Начались обычныя въ такихъ случаяхъ прискорбныя столкновенія, жалобы, слѣдствія и суды. Однажды братчики при слѣдователяхъ говорили прямо въ глаза своему игумену Кириллу Стефановичу, что онъ когда „не упражнялся своимъ внутри монастыря, то по недѣли три и больше въ монастырѣ бѣгалъ за заяцами и прочею звѣриною съ стрельбою, а монастырь безъ радѣтеля и даже всякаго паробка оставлялъ“. Другая часть монастырской братіи и мірскихъ братчиковъ

отзывалась о Кириллѣ Стефановичѣ совѣтъ иначе и хвалила его. Кирилль Стефановичъ сначала самъ было скрылся въ сосѣдній Дятловскій монастырь, но потомъ снова возвратился въ Пинскъ. Въ 1756 г. онъ былъ уволенъ отъ должности игумена и посланъ „подъ началь“ въ Яблоченскій монастырь, гдѣ, кажется, и умеръ.

Литература а) источники: Памятники православія и русской народности въ Западной Россіи въ XVII—XVIII в. в., т. I. Акты по исторіи заграничныхъ монастырей кievской епархіи XVII—XVIII в. в. въ 3-хъ частяхъ, изданіе кievской Духовной Академіи, подъ редакціею о. профессора *Θ. И. Титова*, Кіевъ 1905 (см. по указателю); б) пособия: о. проф. *Θ. И. Титовъ*, Русская православная церковь въ польско-литовскомъ государствѣ въ XVII—XVIII в. в., (1686—1795 г.), т. I: Заграничные монастыри кievской епархіи XVII—XVIII в. в., Кіевъ 1905 (см. по указателю).

Протоіерей *Θ. Титовъ*.

Кирилль (Богословскій-Платоновъ), архіепископъ каменецъ-подольскій и брацлавскій, по своей разнообразной церковно-административной и духовно-просвѣтительной дѣятельности въ должности ректора Семинаріи и Академіи и въ епископскомъ санѣ въ разныхъ мѣстахъ Россіи, оставилъ и въ современникахъ и въ потомствѣ глубокую память о себѣ, какъ выдающемся іерархѣ второй половинѣ XVIII и первой XIX вѣка. Онъ былъ сынъ священника села Воздвиженскаго, — что въ 12 верстахъ отъ Троице-Сергіевой Лавры по дорогѣ къ Москвѣ, — родился 14 мая 1788 года. Девяти лѣтъ Кирилль (въ мѣрѣ Константинъ) поступилъ въ троицкую лаврскую Семинарію, получилъ при поступленіи фамилію „Богословскаго“. Какъ одинъ изъ лучшихъ учениковъ Семинаріи, воспитывавшійся на стипендіи митр. Платона, онъ послѣ Семинаріи поступилъ въ петербургскую Духовную Академію, а по окончаніи академическаго образованія магистромъ 1-го курса былъ оставленъ при академіи бакалавромъ церковной исторіи. 27 лѣтъ Константинъ Богословскій „по влеченію сердца“ принялъ монашество съ нареченіемъ имени Кирилль и былъ вскоре назначенъ ректоромъ полтавской Семинаріи, а въ 1819 году ректоромъ московской Духовной Академіи. Лекціи свои по Догмати-

ческому богословію Кирилль читалъ на русскомъ языкѣ, что было новостію для того времени. Читая его отличались, — по свѣдѣтельству историка, — замѣчательною теплою чувства и свойственнымъ ему аскетическимъ направленіемъ. Изъ тѣхъ же сторонъ характера и убѣжденій Кирилла вытекалы заботы его, какъ ректора Академіи, объ исполненіи религиозныхъ обязанностей студентами и объ ихъ религиозно-правственномъ воспитаніи. Въ бытность ректоромъ Академіи Кирилль принималъ дѣятельное участіе въ переводѣ на русскій языкъ Свящ. Писанія, и за труды по богословію, за усердіе въ проповѣдываніи слова Божія и, главнымъ образомъ, за опытъ истолкованія посланія Апостола Павла къ Евреямъ ему была дана степень доктора богословія. Въ 1824 г. Кирилль былъ назначенъ епископомъ дмитровскимъ, викаріемъ московской епархіи, а съ 1827 г. — епископомъ вятскимъ и слободскимъ. Епископское служеніе Кирилла въ Вяткѣ было запечатлѣно архипастырскою милостію его, отеческою нѣжностію къ сиротству, бѣдности, снисходительностію къ немощамъ и заблужденіямъ чадъ своихъ, близостію и доступностію для всѣхъ; богослуженіе, отправляемое имъ, отличалось торжественностію и наизрядельностію. Здѣсь же онъ заявилъ себя усерднымъ миссіонеромъ въ дѣлѣ распространенія православія въ средѣ инороднаго населенія епархіи. Съ грустію разставались вятчане съ своимъ архипастыремъ, когда его въ 1832 г. назначили архіепископомъ въ Каменецъ-Подольскъ. Подолія, гдѣ и послѣ присоединенія ея къ Россіи шла борьба православія съ римскимъ католицизмомъ, открывала широкое поле дѣятельности для новаго преосвященнаго, призвала его къ разнообразному труду, требовала отъ него неутомимой энергіи, высоконравственнаго авторитета и умѣнья дѣйствовать примѣнительно къ условіямъ мѣстной жизни. И Преосв. Кирилль много сдѣлалъ для возвышенія православія въ подольскомъ краѣ и для благоустройства епархіи: онъ содѣйствовалъ улучшенію положенія духовенства, — этой опоры православія, — и возвышенію его вліянія на общество, бесѣдовалъ съ католическими епископами и при ежегодномъ обзорѣ епархіи со всѣми католиками, расположенными къ православію, обращалъ

вниманіе на матеріальное обезпеченіе, на образованіе и поведеніе низшихъ клириковъ и особенно заботился объ улучшеніи православно-богослуженія, построенія церквей и благоустроенія бѣдныхъ монастырей и духовно-учебныхъ заведеній подольской епархіи. Напряженные труды и постоянныя заботы преосвященнаго Кирилла разстроили его здоровье. Для лѣченія онъ ѣздилъ въ Крымъ, но ничто не могло возстановитъ вадорваый организмъ. Въ 1839 преосвященный заболѣлъ опасно. Въ это же время онъ былъ вызванъ въ Петербургъ для присутствованія въ Синодѣ, и такъ какъ просимая имъ отсрочка отъѣзда не была дана, то въ 1840 г., полубольной, выѣхалъ въ Петербургъ. Прожилъ онъ въ Петербургѣ недолго 28 марта 1841 года онъ тихо, безъ страданій, скончался, держась за икоу. Погребенъ онъ въ Александро-Невской Лаврѣ, въ Теодоровской церкви.

Въ личной своей жизни прѣосв. Кирилль былъ строгимъ аскетомъ. Деньги онъ всѣ раздавалъ бѣднымъ, и въ Петербургѣ, напр., въ послѣдніе дни своей жизни не имѣлъ денегъ на покушку даже недорогого лѣкарства, узнавъ о чемъ, Государь прислалъ своего придворнаго медика и далъ пять тысячъ руб. на лѣченіе. Преосвященный былъ всегда и всѣмъ доступенъ, со всѣми кротокъ, христіански терпѣливъ и справедливъ. Хорошій портретъ покойнаго пожертвованъ родственницею преосвященнаго Кирилла (В. А. Вѣляевой) въ тульскую Палату Древностей.

(По личнымъ качествамъ, по кроткой, братолюбивой и боголюбивой душѣ, онъ былъ человекъ выше похвалъ; а какъ архипастырь онъ былъ замѣчательнымъ проповѣдникомъ. Гомилетическіе труды его въ свое время были прекрасны и не разъ издавались; такъ, имъ печатаны: а) Собраніе словъ, говоренныхъ къ вятской паствѣ—1832 г., но было еще нѣсколько изданій; б) Поучительныя слова и рѣчи къ подольской паствѣ—въ 2 томахъ, Москва 1837; в) Поучит. слова на воскресные праздники къ подольской паствѣ, Москва 1840). Полное собраніе его проповѣдей (въ трехъ частяхъ, Москва 1854) издано вмѣстѣ съ краткимъ жизнеописаніемъ преосвященнаго, составленнымъ его племянникомъ † проф. московской Дух. Академіи П. С. Казанскимъ, при чемъ жиз-

неописание было просмотрѣно митрополитомъ Филаретомъ, къ которому прѣосв. Кирилль былъ близокъ. Въ рукописи сохранились докторская диссертация прѣосвященнаго, нѣсколько проповѣдей и уроковъ по богословію.

Литература: Обширная біографія его *П. Тропцкаго*, въ „Подольск. Епарх. Вѣд.“ за 1863 и 1864 г. г. Статьи объ немъ *О. А. А. Вѣляева* въ „Душеполезн. Чтенія“ за 1888 г. № 6, 10, 11 и 12: 1) „Архіепископъ каменецъ-подольскій и брацлавскій Кирилль“; 2) Переписка митрополита Филарета съ архіеписк. каменецъ-подольскимъ Кирилломъ; прот. *С. К. Смирновъ*, *Исторія моск. Дух. Академіи*, „Вятскія“ и „Подольскія Епарх. Вѣдомости“, лѣтъ службы преосвященнаго въ Вяткѣ и Каменецъ-Подольскѣ. [См. „Русскій біографическій словарь“, томъ „Ибакъ-Ключаревъ“, стр. 657—658; *А. А. Титовъ*, Архіепископъ каменецъ-подольскій Кирилль и отзывъ его, въ какомъ смыслѣ должно разумѣть книгу „Пѣснь Пѣсней“ и что она содержитъ въ „Душеполезномъ Чтеніи“ 1907 г. № 11, стр. 386—397. † *А. С. Родосскій*, Библиографическій словарь студентовъ первыхъ XXVIII-ми курсовъ с.-петербургской Духовной Академіи: 1814—1869 г. г., Спб. 1907, стр. 189—200].

В. Яворскій (и А. Родосскій).

Кирилль (Василій Николаевичъ) Наумовъ, епископъ мелитопольскій начальникъ русской духовной миссіи въ Іерусалимѣ (1823 — 1856 гг.), родился 25 декабря 1823 г. въ бѣдной семьѣ діакона одной изъ приходскихъ церквей г. Калуги. По окончаніи низшаго и средняго образованія въ духовныхъ школахъ г. Калуги, онъ поступилъ въ с.-петербургскую Дух. Академію, а послѣ окончанія академическаго курса и принятія монашества, въ 1847 г. былъ опредѣленъ на службу въ родную Академію, гдѣ послѣдовательно въ теченіи 10 лѣтъ проходилъ должности: бакалавра и затѣмъ профессора по кафедрѣ нравственнаго богословія и, наконецъ, инспектора Академіи. Въ 1857 г. Кирилль Наумовъ былъ назначенъ на учрежденную тогда должность русской духовной миссіи въ Іерусалимъ, съ возведеніемъ въ санъ епископа и съ присвоеніемъ ему наименованія мелитопольскимъ. Нашей миссіи, во главѣ которой былъ поставленъ Кирилль Наумовъ, указывалась весьма высокая задача въ видѣ

возстановленія непосредственныхъ духовныхъ сношеній нашей церкви съ православнымъ Востокомъ и подвѣтныя значенія Россіи на православномъ Востоцѣ, гдѣ оно (значеніе), вслѣдствіе только что закончившейся тогда войны Россіи съ Турціей и съ большею половиной Западной Европы, было сильно подорвано. Кириллѣ Наумовъ замѣтно и существенно выдѣляется изъ ряда другихъ начальниковъ нашей іерусалимской миссіи, бывшихъ прежде и послѣ него, уже тѣмъ, что онъ одинъ среди нихъ былъ въ санѣ епископа и, кромѣ того, въ теченіи нѣкотораго времени оставался единственно официальнымъ представителемъ русскаго церковнаго и гражданскаго правительства въ Іерусалимѣ. Появленіе на православномъ Востоцѣ и въ Іерусалимѣ русскаго епископа (—уже одно это было невиданное дотогѣ на православномъ Востоцѣ явленіе—) съ такими исключительными полномочіями вызвало особенное оживленіе въ отношеніяхъ русской и восточныхъ православныхъ церквей и частію оживило уже прежде существовавшіе вопросы, а частію само вызвало новые вопросы. При Кириллѣ Наумовѣ и благодаря его живому участию въ дѣлѣ, совершилось 26 ноября 1860 г. воссоединеніе сирійско-египетскихъ униатовъ съ православною церковію. При немъ и по его участию оживились сношенія съ сиро-халдейскими восторіанами, окончившіяся, — хотя уже и послѣ его удаленія съ Востока и даже послѣ его смерти, — воссоединеніемъ ихъ съ православною церковію (25-го марта 1898 г.). При Кириллѣ Наумовѣ и благодаря ему завязались у насъ сношенія съ абиссинцами. Наконецъ, при немъ же и благодаря ему было много сдѣлано для улучшенія быта русскихъ поклонниковъ въ Святой Землѣ и для утвержденія русскаго положенія во Св. Градѣ. Такимъ образомъ, сравнительно весьма кратковременное (1858—1863 г.) пребываніе и дѣятельность Кирилла Наумова въ Іерусалимѣ составили, по справедливости, маленькую, но важную эпоху въ исторіи многовѣковыхъ сношеній Россіи съ православнымъ Востокомъ. Все это, понятно, вызываетъ глубокий интересъ къ личности и дѣятельности Кирилла Наумова на православномъ Востоцѣ. Интересъ къ его дѣятельности и

сочувствіе къ ней и его личности усиливается еще отъ того, что дѣятельность Кирилла Наумова проходила на православномъ Востоцѣ среди самыхъ неблагоприятныхъ условій и закончилась въ полномъ смыслѣ слова трагически. Не говоря уже о протестантахъ и латинянахъ, прочно водворившихся во Св. Градѣ до прибытія сюда Кирилла Наумова и старавшихся всѣми мѣрами вредить дѣлу православія, — противъ пребыванія въ Іерусалимѣ русскаго епископа, имѣвшаго руководить русскихъ паломниковъ во Св. Землѣ и защищать ихъ, были и нѣкоторые изъ своихъ — православныхъ. Правда, православные греки, которые сначала были враждебно настроены противъ Кирилла Наумова, впоследствии, ближе познакомившись съ его личностію и дѣятельностію, почти совершенно примирились съ фактомъ его пребыванія въ Іерусалимѣ и даже сдѣлались его друзьями, защитниками и покровителями. Но, къ сожалѣнію, скоро нашлись болѣе серьезные и непримиримые противники у Кирилла Наумова въ лицѣ представителей русскаго правительства (консула) и общества (агента „общества пароходства и торговли“). Эти представители русскаго правительства и общества явились въ Іерусалимѣ вскорѣ послѣ водворенія здѣсь нашей духовной миссіи, при чемъ они были призваны служить отъ-части тому же самому дѣлу, какому служила и наша духовная миссія во главѣ съ начальникомъ ея. Сфера дѣятельности этихъ представителей разныхъ вѣдомствъ и учреждений Россіи въ Іерусалимѣ не была строго разграничена, почему между ними открылись неизбежныя сначала столкновенія, а затѣмъ и настоящая прискорбная борьба. Въ 1859 г. между 25 апрѣля и 10 мая Іерусалимъ посѣтилъ великій князь Константинъ Николаевичъ, который, разслѣдовавши недоразумѣнія, возникшія между русскими дѣятелями во Св. Градѣ, указалъ предѣлы и границы дѣятельности, заботливости, правъ и обязанностей начальника нашей духовной миссіи и русскаго консула. По этому разграниченію, начальникъ духовной миссіи — епископъ изъ единственнаго и главнаго представителя русской церкви и даже русскаго правительства въ Іерусалимѣ долженъ былъ превратиться въ самаго скром-

наго настоятеля малочисленной духовной миссіи, главныя и почти единственныя обязанности котораго заключались въ совершеніи богослуженія и нравственномъ наблюденіи за нашими поклонниками. Само собою разумѣется, что Кириллу Наумову было трудно и даже почти невозможно примириться съ такимъ положеніемъ — тѣмъ болѣе, что оно рѣшительно противорѣчиво инструкціи, данной ему правительствомъ нашимъ, при отправленіи его на православный Востокъ, совершенно не соответствовало его высокому епископскому сану и устанавливалось не столько желаніемъ и видами нашего правительства, сколько дѣятельностію низшихъ органовъ его, дѣйствовавшихъ на мѣстѣ. Кирилль Наумовъ пытался удержать за собою, по возможности, то почетное положеніе, съ какимъ онъ явился на православный Востокъ. Въ этомъ и заключался главный источникъ всѣхъ послѣдующихъ прискорбныхъ столкновеній и борьбъ между Кирилломъ Наумовымъ и консуломъ, приведшихъ дѣло къ роковой развязкѣ. Въ 1863 г. Кирилль Наумовъ былъ уволенъ отъ должности начальника іерусалимской миссіи и опредѣленъ въ Спасскій монастырь въ Казани. Кирилль Наумовъ желалъ получить разъясненіе такого рѣшенія касательно его личности, но это только еще болѣе усилило недовольство высшей власти противъ него, такъ какъ возникло мнѣніе, будто онъ отказывается повиноваться Св. Синоду. Въ началѣ 1864 г. Кирилль Наумовъ выѣхалъ изъ Іерусалима, а 7 іюля того же года былъ въ Казани, гдѣ онъ въ тиши монастырской келліи проводилъ истинно подвижническую жизнь въ теченіи 1½ лѣтъ. Кирилль Наумовъ скончался 10 февраля 1866 г. на 42 году жизни, а черезъ 13 или 17 дней послѣ того былъ погребенъ въ церкви Спасскаго монастыря во имя свят. Кипріяна и Іустины. Имя Кирилла Наумова и доселѣ хранится въ памяти нѣкоторыхъ православныхъ народовъ Востока, напр., арабовъ. Въ Казани память Кирилла Наумова чтится, какъ праведнаго подвижника. Кирилль Наумовъ извѣстенъ въ нашей богословской литературѣ слѣдующими сочиненіями: 1) Минуты уединенныхъ размышленій; 2) Жизнь святого благовѣрнаго великаго князя Але-

ксандра Невскаго; 3) Акзентіа сему св. князю, и 4) Пастырское богословіе, за которое авторъ былъ удостоенъ ученой степени доктора богословія. Извѣстны еще любопытныя письма его съ Востока [есть нѣкоторыя въ рукоп. въ библіотекѣ Спб. Дух. Академіи].

Литература. а) Источники: 1) матеріалы, касающіеся жизнедѣятельности Кирилла Наумова и особенно служенія его на православномъ Востокѣ, въ рукописномъ видѣ, хранятся въ архивѣ Св. Синода и въ архивѣ Министерства Иностранныхъ Дѣлъ въ Спб.; 2) нѣкоторыя письма его были напечатаны въ „Русской Старинѣ“, „Духовномъ Вѣстникѣ“ и др. журналахъ; б) Пособія: на основаніи этихъ и другихъ источниковъ составленная монографія о. прот. *Θ. И. Титова*, Преосвященный Кирилль Наумовъ, епископъ мелитопольскій, бывшій начальникъ русской духовной миссіи въ Іерусалимѣ:— очеркъ изъ исторіи сношеній Россіи съ православнымъ Востокомъ. — Кіевъ, 1903 [а лестный отзывъ объ этой книгѣ см. у проф. *Ал. П. Лебедева*, Исторія греко-восточной церкви подъ властію турокъ; второе изданіе въ „Собраніи сочиненій“ *Ал. П. Лебедева*, т. VIII, Спб. 1903, стр. 848, прим. 2-е]. О „Пастырскомъ богословіи“ преосв. Кирилла Наумова см. у іером. (еп.) *Инокентія* (Пустынского), Пастырское богословіе въ Россіи за XIX вѣкъ, Св.-Тр. Сергіева Лавры 1899, стр. 124—136. † *А. С. Родосскій*, Биографическій словарь студентовъ первыхъ XXVIII-ми курсовъ с.-петербургской Духовной Академіи, Спб. 1907, стр. 200—202.

Протоіерей *Θ. Титовъ*.

Кирилль (Ляшевецкій), епископъ † 1770 г., см. „Эпц.“ III, 840.

Кирилль (Орловъ), епископъ, † 1890 г., см. „Эпц.“ III, 849—850 и V, 346.

Кирилль (Лопатинъ) архимандритъ, магистръ богословія, въ мірѣ Константинъ Михайловичъ, родился въ с. Рябиновскомъ, вятск. у. въ 1868 г. Первоначальное образованіе получилъ въ вятскомъ Дух. Училищѣ, вятской Дух. Семинаріи, отсюда въ 1880 г. былъ назначенъ въ казанскую Дух. Академію. На 4-мъ курсѣ принялъ монашество. Въ 1893 г., по окончаніи курса, былъ назначенъ инспекторомъ с.-петербургской Дух. Семинаріи, въ 1894 г. инспекторомъ московской Дух. Академіи, въ 1895 г. ректоромъ казанской Дух. Семинаріи, въ 1899 г. рек-

торомъ астраханской Дух. Семинаріи. Скончался 24 ноября 1900 г. въ Астрахани.

Изъ печатныхъ трудовъ о. Кирилля можемъ указать слѣдующіе: 1) Ученіе св. Аѳанасія александрійскаго о Св. Троицѣ, (Казань 1894 г.), это—магистерская диссертация. Авторъ ея,—по отзыву † проф. Д. В. Гусева,—„обладаетъ широкой богословской эрудиціей, способностью къ отвлеченному мышленію и къ тонкому богословскому анализу. Онъ обстоятельно ознакомился не только съ твореніями и ученіями св. Аѳанасія, но и съ богословскими воззрѣніями главѣйшихъ изъ церковныхъ писателей первыхъ трехъ столѣтій. Онъ изучилъ всѣ лучшія ученныя пособія по данному предмету изъ области новѣйшей богословской литературы, при чемъ пользовался ими весьма вдумчиво и разборчиво. Ученіе св. Аѳанасія и церковныхъ писателей предыдущей эпохи онъ не просто только передаетъ и излагаетъ, но обыкновенно комментируетъ его и анализируетъ, всегда старается осветить его и указать подлинный его духъ и смыслъ. Авторъ писалъ свое сочиненіе по строго обдуманному и вполне цѣлесообразному плану, который онъ выдержалъ до самаго конца. Языкъ сочиненія—точный, ясный и опредѣленный, вполне соответствующій высоте и важности предмета. Все сочиненіе проникнуто строго православнымъ духомъ“. (Протоколы изд. Дух. Академіи 1893 г., стр. 253). 2) Противники монашескихъ обѣтовъ—Іовніанъ и Вигиліанцій и обличеніе ихъ клеветъ бл. Іеронимомъ (Сиб. 1894),—это семестровое сочиненіе, писанное авторомъ на 3-мъ курсѣ Академіи. 3) „Пастырскія наставленія и заветныя пожеланія моимъ воспитанникамъ“. (Астрахань 1900) цѣль этихъ „Пастырскихъ наставленій“—оживить и закрѣпить въ памяти воспитанниковъ заветы школы, воспитавшей ихъ. Въ „Извѣстіяхъ по Казанской Епархіи“ (1895—1899 г.г.) и въ „Астраханскихъ Епархіальныхъ Вѣдомостяхъ“ (1899 и 1900 г.г.) о. Кирилль напечаталъ не мало словъ и поученій, сказанныхъ имъ въ семинарскихъ храмахъ.

В. Колокольцевъ.

Кирилль, авторъ апологовъ. Съ XIV столѣтія извѣстенъ сборникъ нравоучительныхъ притчей — Speculum sapientiae beati

Syngilli episcopi. Содержаніе притчей состоитъ въ изображеніи правилъ нравственности и добродѣтели чрезъ сопоставленіе дѣйствій и отношеній, существующихъ въ животномъ и неодушевленномъ мірѣ. Сочиненію предпослано введеніе, въ которомъ объясняется побудительная причина къ такому изложенію правилъ, предпочтительно примѣрамъ или нравоучительнымъ историческимъ разсказамъ, при чемъ дѣлается обращеніе къ „возлюбленному“, подъ которымъ надобно разумѣть всякаго требующаго и ищущаго наставленія, по подобію притчей Соломоновыхъ и Сираховыхъ, которыя авторъ и имѣлъ ближайшимъ образомъ въ виду при своихъ наставленіяхъ: тамъ, какъ извѣстно, увѣщанія обращены къ неопредѣленному лицу „сына“ или „чада“. Въ томъ же введеніи указывается основаніе къ раздѣленію сочиненія по четыремъ главнымъ добродѣтелямъ, узаконеннымъ философіею Платона: благородію, великодушію, справедливости и умирѣнности. По четыремъ добродѣтелямъ и самое сочиненіе, состоящее изъ 95 притчей, раздѣляется на четыре части или книги. Въ первой, заключающей 27 притчей, сочинитель старается внушить любовь къ мудрости и просвѣщенію, и ратуетъ противъ неразумія и невѣжества въ разнообразныхъ его видахъ; во второй части, также изъ 27 притчей, проповѣдуетъ великодушіе и смиреніе и бичуетъ гордость и надменность; въ третьей—изъ 30 притчей—выставляется во всемъ превосходствѣ правда и пріусотія во всемъ безобразіи и суетѣ жажда богатства, сребролюбіе и роскошь; въ четвертой, содержащей 11 притчей, восхваляется господство надъ страстями и предается поруганію плотоугодіе. Наставленія заимствованы или изъ Свщ. Писанія, или изъ ученія отцовъ церкви, древнихъ философовъ и богослововъ, хотя они называются по именамъ рѣдко. Изъ Эзопа заимствованы басни двѣ-три. Есть нѣкоторое сближеніе съ индійскими или персидскими баснями, именуемыми „Гитопадесъ“, которыя сдѣлались извѣстны въ Европѣ въ XV в. и были переведены на разные языки; равно нѣкоторые притчи напоминаютъ извѣстный вѣнецкій народный романъ (—басню) „Рейнеке-Фуксъ“. Въ главѣ каждой притчи выставляется предметъ или содержаніе ея, а иногда и дѣйствующія лица. Разсказы, обыкновенно са-

мый простой и краткій, какъ будто бы сдѣланъ единственно для того, чтобы служить только точкою отправления для правоученія, которое одно и занимаетъ почти все пространство притчи. Все сочиненіе заключается эпилогомъ, въ которомъ, между прочимъ, присоединяется къ имени сочинителя названіе „Doctor Graecorum, тутъ кратко излагается все содержаніе апологовъ.

Въ притчахъ авторъ постоянно дѣлаетъ очень удачныя сближенія между явлениями въ природѣ нравственно-разумной и въ неразумной и неодушевленной: весь міръ у него является училищемъ нравственности; въ наставленіяхъ его объединяются и правила Свящ. Писанія, и возвышенные взгляды разныхъ мыслителей древности, въ особенности Платона. Неудивительно поэтому, если книга была очень популярна и выдержала нѣсколько изданій, была переведена (въ прозѣ и въ стихахъ) на нѣмецкій и славянскій языки (чешскій — Никласомъ Конакомъ).

Многіе ученые занимались вопросомъ объ авторѣ притчей. Одни считаютъ авторомъ Кирилла александрійскаго, другіе — Кирилла іерусалимскаго; І. Добровскій — епископа XIII в. Кирилла (Cyrillus Episcopus, alias Quidenon, laureatus poëta) на основаніи рукописи вѣнской публичной бібліотеки. Іезуитъ Вальбиусъ приписалъ притчи Кириллу солунскому, первоучителю славянъ, будто бы написавшему ихъ на греческомъ языкѣ. Мнѣніе было потомъ повторено Стродовскимъ, Андри, у насъ въ Россіи С. Соболевскимъ („Русскій Архивъ“ 1864 г., кн. 11.), О. Коларемъ (тамъ же). Первые два мнѣнія оставлены, послѣднее подверглось серьезному разбору со стороны И. Платонова и П. Лавровскаго. Послѣдніе нашли, что притчи или апологи ни по внутреннему духу, ни по складу рѣчи не могутъ принадлежать св. Кириллу солунскому, ни даже вообще греко-славянскому міру. Способъ выраженія — чисто схоластическій; языкъ не переводный, а первоначальный латинскій; въ сочиненіи встрѣчаются термины, которыми не найдемъ соответствующихъ въ греческомъ и которые свойственны латинскому языку въ средніе вѣка, напр., causalitas, virtualitas, principalitas, substantialis, prudentialiter, gaudiosa felicitas, inconsummata deliciositas и т. п. Все это термины средневѣковой науки, тогда какъ греческій языкъ, недоступный для

средневѣковой науки, остался при терминологіи Платона и Аристотеля, съ небольшою прибавкою философскихъ выраженій неоплатониковъ. Платоновъ полагаетъ, что названіе „святаго“ (sancti) подставлено, подложно, чтобы придать сочиненію больше значенія и хода. Тоже значеніе — привлечь вниманіе публики — имѣетъ и прибавка „Doctor Graecorum“.

Что касается мѣста происхожденія апологовъ, то, по мнѣнію Платонова, вѣроятнѣе относить ихъ появленіе къ Германіи, гдѣ болѣе всего любили такой образъ нравственныхъ поученій въ XV в. Рѣшить опредѣленнѣе вопросъ о лицѣ, къ которому относятся притчи, Платоновъ отказывается, но Лавровскій въ своей статьѣ „объ авторѣ Кирилловыхъ апологовъ“ принялъ мнѣніе Добровскаго, что авторомъ притчей былъ Кирилль, епископъ гвидонскій, жившій въ XIII в. и извѣстный, какъ laureatus (коронованный) латинскій поэтъ.

Литература. С. А. Соболевскій, Притчи св. Кирилла Философа, учителя славянскаго („Русск. Архивъ“ 1864 кн. 11; ср. „Кирилло-Мееод. Сборн.“ *Погодина* 1865 г.); О. И. Коларь, О притчахъ св. Кирилла (тамъ же); И. Платоновъ, Исслѣдованіе объ апологахъ или притчахъ св. Кирилла въ „Журн. Мнѣ. Нар. Пров.“ 1868 г., № 5 (СХХХХVII); П. А. Лавровскій, Дѣйствительно ли св. Кирилль солунскій — авторъ латинскихъ апологовъ въ „Ж. М. Н. Пров.“ 1868 г. № 7 (СХХХХIX).

Б. Грудзевъ.

Кириinea или **Кирена** — главный городъ греческой колоніи *Киренаики* (или *Кентаполя* — со времени Птолемея), основанной дорянами въ 29-хъ годахъ VII ст. до р. Хр. въ сѣверной Африкѣ, къ западу отъ Египта, тамъ, гдѣ нынѣ находится плоская плодородная возвышенность *Барка*. Съ 308 г. до р. Хр. Кириinea съ ея округомъ находилась въ зависимости отъ египетскихъ Птолемеявъ, съ 96 г. перешла во владѣніе римлянъ и съ 75 г. была преобразована въ римскую провинцію. Въ Киринеѣ обитало, со времени Птолемея 1-го, очень много иудеевъ, представители которыхъ состояли членами іерусалимской синагоги (Дѣян. 6, 9). Въ Евангеліи, въ исторіи страданій Христа Спасителя, упомянутьъ иудей въ Киринеи, *Симонъ*: когда Спаситель ижемоетъ подъ тяжестью креста, римскіе воины принудили

Симона вести крестъ Христовъ (Мф. 27, 32. Мрк. 15, 21. Лук. 23, 26). Нѣкоторые изъ киринейцевъ—иудеевъ, находившихся въ Иерусалимѣ въ день Пятидесятницы (Дѣян. 2, 10), обратились ко Христу и затѣмъ проповѣдывали Евангеліе въ Антиохіи съ великимъ успѣхомъ. По словамъ кн. Дѣяній, была рука Господня съ ними, и великое число, узвѣровавъ, обратилось ко Христу (Дѣян. 11, 20, 21).—Въ числѣ пророковъ и учителей юной антиохійской церкви находился нѣкто *Луцій Киринаеянинъ* (Дѣян. 13, 1) бывшій, по преданію, первымъ епископомъ въ Киринеѣ. См. „*Киринаика*“ выше стлб. 202—204.

См. у *Richm* HW* I, S. 283—284; *Guthe* KBW., S. 381—382 [я въ другихъ Словаряхъ и Энциклопедіяхъ: *Smith*, *Vogel*, *Hastings*, *Cheyne*, а также у *J. Hastings*, A. Dictionary of Christ and the Gospels I, Edinburgh 1906, p. 405; *Mart*, *Hagen*, *Lexicon*, Biblicum I, col. 1033. Catholic Encyclopedia IV, p. 591—592; *A. A. Осиповъ*, Синаевъ философъ, епископъ птолемаидскій, Москва 1879, стр. 22 сл.]

Прот. Н. Елеонскій.

Киринъ или *Киринъ*, св. мученикъ римскій, III столѣтія. Вѣсть съ Мариномъ, Марою и другими онъ пострадалъ въ Римѣ въ 269 году. *Память его 6 іюля*.

AA. SS. Boll. январь II, 214 и 25 марта III, 545; славянская минея.—Ср. *Berthold*, *Austria sancta* I, 61; *Archiv für österreich. Geschichtsquellen** 1849, III, 283; *Pertz* оу Archiv X, 635; *Bettberg*, Deutschlands Kirchengeschichte II, 264.

Хр. Л.—въ.

Кириакия, св. мученица никомидійская, III—IV столѣтія. Дочь Доротеи и Евсевія, она во время Діоклитіанова гоненія была отправлена въ Никомидію къ кесарю Максиміану, оттуда къ вѣннскому претору Иларіону. Она непреклонно переносила всѣ мученія и мирно почилла среди пытокъ. *Память ея 7 іюля*. (Макар. Ч.-Минея; Прологъ).

Хр. Л.—въ.

Кириакия, св. мученица Кесаріи палестинской, неизвѣстнаго времени. Вѣсть съ Калерією (Валерією) и Маркією она замучена была кесарійскимъ преторомъ. *Память ея 6 іюня*.

AA. SS. Boll. іюль I, 622; Василиевъ Минологъ; Прологъ; въ Петровомъ Стиш-

номъ Прологѣ пять женъ: Марою, Марією, Кириєю, Валерією и Маркією. О св. Кириакѣ, Валеріи, Маркіи и другихъ, мученикахъ *африканскихъ*, см. въ AA. SS. Boll. 16 іюня III, 37.

Хр. Л.—въ.

Кириакъ, св. мученикъ италійскій, II столѣтія. Это былъ сынъ Есепера и Зои; всѣ они были рабы римлянина Катала и жены его Тетродіи, купленные въ Памфилии. Кириакъ и братъ его Теодулъ убѣдили своихъ родителей, что имъ, какъ христіанамъ, не возможно служить язычникамъ. Узнавъ о томъ, Каталъ велѣлъ имъ съѣсть идоложертвенной пищи, но святые бросили ее псамъ. Послѣ разныхъ мученій они были сожжены въ царствованіе имп. Адриана (118—138 г.). Въ печи они всѣ оказались лежащими лицомъ на востокъ. Соборъ ихъ совершался во св. ихъ „мученіи“. *Память всѣхъ ихъ 2 мая*. (Макар. Ч.-Минея; Прологъ).

Хр. Л.—въ.

Кириакъ, св. мученикъ Пергін памфилійской, III—IV столѣтія. Это одинъ изъ 9 мучениковъ, земледѣлецъ занятіемъ, обезглавленъ во времена имп. Діоклитіана и игемона Флавіана. См. „Катунъ“ въ „Энцикл.“ IX, 268. *Память его 1 августа*.

Хр. Л.—въ.

Кириакъ, св. воинъ, IV столѣтія. Это одинъ изъ семи братьевъ, уроженцевъ Востока, воинствовавшихъ въ Антиохіи съ 200.000-чнымъ воинствомъ, съ Родономъ во главѣ. По переходѣ во Фракію они были зачислены въ легіонъ („легеандръ“) и принимали участіе въ войнѣ со скинами, перешедшими Дунай. Скипскимъ княземъ былъ тогда Марою, который вызывалъ враговъ на единоборство. Противъ него вышелъ св. Ореватій, побѣдилъ князя и обезглавилъ его. Имп. Максиміанъ готовъ былъ одарить Ореватія, но когда послѣдній заявилъ, что онъ побѣдилъ Марою помощію Божією, а не помощію идиоловъ, онъ подвергся опалѣ: всѣ братья были сосланы по разнымъ мѣстамъ. Изъ нихъ Кириакъ былъ отведенъ въ мѣстечко Зингамъ (на восточномъ берегу Черваго моря), въ Алазонской области, гдѣ и почилъ въ мирѣ 14 іюля. *Память его 24 іюня*.

АА. SS. Boll. июль IV, 809; Никодимовъ *Συναγιστος*; Макарь. Ч.-Минея; Прологъ.
Хр. Л—въ.

Кириакъ, св. мученикъ римскій, IV столѣтія. Это былъ діаконъ при римскомъ папѣ Маркеллѣ (308—310 г.), пострадавшій вмѣстѣ съ послѣднимъ. На Западѣ онъ считается пособникомъ противъ злыхъ духовъ. *Память его 7 июня.*

Хр. Л—въ.

Кириакъ или *Иуда*, св. священномученикъ іерусалимскій, IV столѣтія. По кончинѣ іерусалимскаго патріарха Макарія (313—333 г.) онъ занималъ престолъ св. Іакова брата Господня и обрѣлъ крестъ Господень, переданный имъ царемъ Еленѣ. Онъ дожилъ до временъ имп. Юліана Отступника. Отправившись въ походъ на персовъ, Юліанъ по пути посѣтилъ Іерусалимъ и, узнавъ о Кириакѣ, поборникѣ Христовой вѣры, потребовалъ его къ допросу. Встрѣтивъ отпоръ своимъ вождельніямъ, императоръ велѣлъ отрубить ему правую руку за то, что она много писала противъ языческихъ боговъ; и лить въ уста ему расплавленное олово; наконецъ святой былъ пронзенъ копьемъ. Вмѣстѣ съ нимъ пострадала и мать его Анна, повѣшенная за волосы и растерзанная. *Память его 28 октября.*

АА. SS. Boll. май I, 439; Макарь. Ч.-Минея. Прологъ. Въ спискахъ іерусалимскихъ патріарховъ имени Кириака однако не встрѣчается.—*Serrii*. [Prof. Guidi въ „Revue de l'Orient chrétien“ 1904, p. 79—95; 311—332; 1906, p. 337—351, гдѣ изданы переводы сирійскій, коптскій и эвѣопскій житія св. Кириака, а поэтическій см. и у А. И. Панадопуло Кермеса въ „Православномъ Палестинскомъ Сборникѣ“, т. LVIII].

Хр. Лопаревъ.

Кириакъ, св. отшельникъ палестинскій, VI столѣтія. Коринѳянинъ родомъ, сынъ пресвитера Іоанна и матери Евдоксія и племянникъ епископа Петра, Кириакъ состоялъ сначала въ санѣ чтеца. 18 лѣтъ отъ роду онъ прибылъ въ Іерусалимъ и принялъ постриженіе отъ руки св. Евѣимія великаго. Проводя суровую отшельническую и подвижническую жизнь, онъ облачалъ Оригена и его единомышленниковъ. Обладая даромъ прозорливости, онъ вѣдалъ человѣческія

тайны, заочно исцѣлялъ больныхъ и творилъ много чудесъ. Почилъ въ 556 году въ глубокой старости, въ возрастѣ около 109 лѣтъ. *Память его 29 сентября.*

Житіе его, написанное его современникомъ Кирилломъ сѣверо-польскимъ, въ АА. SS. Boll. 29 сентября VIII, 147; проф. И. В. Помяловскій, Житіе Кириака отшельника („Пам. Древней Писменности“, 1890 г.); славянская минея; Метафрастово житіе его у Migne gr CXV, 919; Палестинскій патерикъ, вып. VII (1895 г.); Василіевъ Минологія; Макарь. Ч.-Минея („Благословляющихъ тя, рече Богъ къ Аврааму, благословлю и проклинающихъ проклену“); Прологъ. Въ обоихъ послѣднихъ памятникахъ святой приуроченъ ко временамъ имп. Θεοδοσία (I-го, IV вѣка).

Хр. Л—въ.

Кириакъ, св. мученикъ александрійскій, неизвѣстнаго времени. За исповѣданіе Христа онъ вмѣстѣ съ другими былъ схваченъ преторомъ Валеріемъ и обезглавленъ. Мощи мученика были положены въ Александрію. *Память его 6 сентября. Прологъ.*

Хр. Л—въ.

Кириакъ, миенчeskій *papa*, время жизни котораго относится къ 238 г. Впервые имя его дѣлается извѣстнымъ 1155 г. въ легендѣ о св. Урсулѣ. Хронисты XIII вѣка, опираясь на авторитетъ Елизаветы Шёно (см. „Энци“ V, 417—418), внесли это имя въ свои хроники. Впослѣдствіи приверженцы Бонифація VIII оправдывали примѣромъ Кириака отреченіе Целестина V. Легенда возникла такимъ образомъ. Въ 1155 г. при раскопкахъ на кладбищѣ св. Урсулы въ Кельнѣ найдено было много мужскихъ труповъ и надгробныхъ надписей кардиналовъ, епископовъ и священниковъ и въ частности слѣдующія: S. Cyriacus, Para Rom., qui cum gaudio suscepit sacras virgines et cum iisdem reversus martyrium suscepit S. Alina V. Аббатъ Герлахъ усумнился въ подлинности надписи и не безъ основанія: надпись несомнѣнно была поддѣлана съ цѣлю объяснить нахожденіе мужскихъ труповъ на агер Ursulanus, которое считалось кладбищемъ монахинь. Герлахъ послалъ надпись Елизаветѣ Шёно, которая такъ разъяснила ее: Когда Урсула съ двумя пришла въ Римъ, Кириакъ былъ папою (19-мъ по счету) уже

годъ и одиннадцать мѣсяцевъ; ночью онъ получилъ божественное указаніе отказаться отъ своей дѣятельности и идти вмѣстѣ съ двѣма, такъ какъ и его и ихъ ожидаетъ мученичество, а вмѣсто себя велѣлъ избрать Антера (см. „Эпц.“ I, 794—795); римскій клиръ будто бы настолько былъ недоволенъ его отказомъ, что имя его вычеркнуто было изъ списка папъ. Попытки отнестись время его правленія къ царствованію Максиміана или Максимиана Тракійца до епископа Антера (235—236 г.) — безуспѣшны. См. † *Döllinger*, Papstfabeln, München 1863, 45 сл. [*Herzog-Hausck*, RE. IV³. S. 375—376.].

С. Троицкій.

Киpіакъ, патріархъ константинопольскій, занимавшій кафедру съ начала 596-го года до конца октября 606-го года, преемникъ знаменитаго Іоанна IV Постника. — Императоръ Маврикій, высоко чтившій послѣдняго, долго искалъ ему пріемника и въ концѣ концовъ остановилъ свой выборъ на Киpіакѣ, пресвитерѣ и экономѣ храма св. Софіи. Этотъ выборъ вызвалъ у епископовъ, участвовавшихъ въ посвященіи новаго патріарха, восторженное восклицаніе: *свѣ денъ го же створи Господь, возрадуемся и возвеселимся въ оны* (Пс. 117, 24). Вліяніе на императора Маврикія Киpіаку принадлежало въ той же мѣрѣ, какъ и Іоанну Постнику. Даже тиранъ Фока, ни передъ чѣмъ не останавливавшійся, долженъ былъ склониться предъ твердостью патріарха. Во время смятенія, кончившагося избіеніемъ приверженцевъ Маврикія и умерщвленіемъ его самого, царица съ тремя дочерьми укрылась въ храмѣ Св. Софіи. Фока приказалъ взять оттуда женщинъ. Но Киpіакъ рѣшительно воспротивился этому и позволилъ вывести несчастныхъ только послѣ клятвы Фоки, что имъ не будетъ причинено никакого вреда. Въ наслѣдство отъ предшественника Киpіаку достался извѣстный споръ о титулѣ „вселенскій“. Папа Григорій вел. былъ живъ и не замедлил повести съ новымъ патріархомъ борьбу, которую велъ съ Іоанномъ Постникомъ. По обычаю Киpіакъ отправилъ въ Римъ представителей съ увѣдомленіемъ о вступленіи на кафедру и съ изложеніемъ вѣры. Папа поступилъ очень сурово. Прежде всего онъ выразилъ порицаніе епископамъ, ко-

торые осмѣлились слишкомъ радоваться вступленію на кафедру Киpіака. Затѣмъ онъ запретилъ служить своему константинопольскому апокрисиарію до тѣхъ поръ, пока онъ не откажется отъ титула „вселенскій“. Въ письмахъ къ Маврикію, патріархамъ антиохійскому, alexандрійскому и къ Киpіаку снова Григорій заговорилъ о culpa elationis, verbum superbiae, stultum vocabulum. Патріархъ антиохійскій попрежнему видѣлъ во всемъ этомъ одинъ вздоръ (nulla causa). Маврикій также не признавалъ основательнымъ производить scandalum per appellatione frivoli nominis. Григорій не отступалъ и при одномъ случаѣ разъяснял, что принятіе патріархомъ константинопольскимъ титула „вселенскій“ есть одинъ изъ признаковъ пришествія антихриста. Киpіакъ съ своей стороны остался непреклоннымъ. Григорій ничего не добился, пока живъ былъ Маврикій. Со вступленіемъ на престолъ Фоки положеніе дѣлъ измѣнилось. Киpіакъ былъ сторонникъ Маврикія и обличалъ Фоку за жестокости. Между тѣмъ апокрисиарій Григорія защищалъ эти жестокости. И самъ Григорій выразилъ радость по поводу вступленія на тронъ новаго императора-убійцы. Чего бы добился Григорій при такихъ обстоятельствахъ, — сказать трудно. Но онъ скоро умеръ. При его преемникѣ Сабиніанѣ дѣло о титулѣ „вселенскій“ прекратилось. Но преемникъ Сабиніана Вонифатій III, бывшій апокрисиаріемъ въ Константинополѣ при вступленіи Фоки на престолъ, возобновилъ домогательства. Биографъ этого папы сообщаетъ, что онъ obtinuit apud Phocas principem, ut sedes apostolica beati Petri apostoli caput esse omnium Ecclesiarum, id est, ecclesia Romana, quia ecclesia Constantinopolitana primam se omnium Ecclesiarum scribebat. Практическаго значенія этотъ законъ не имѣлъ. Его вліяніе сказалось, можетъ быть, только въ томъ, что съ половины VII-го вѣка и папы стали именоваться „вселенскими“. Герархи константинопольскіе во всякомъ случаѣ отъ этого титула не отказались.

Литература: *Mansi*, Sacr. conc. collectio nova et amplissima t. IX—X. *Migne*, Patrol. ser. lat. t. CXXVIII. *Baronii*, Annales ecclesiastici cum critico Pagii ad an 596—597 sqq. † *Hergerrother*, Potius, Bd. I. *Pichler*, Geschichte der Kirchlichen Trennung zwischen Orient und Occident, Bd. II. † проф. *Т. В.*

Барсовъ, Константинопольскій патриархъ и его власть надъ русскою церковью. Проф. И. Д. Андреевъ, Констант. патриархи отъ Халкидонскаго собора до Фотія, вып. I [*W. Smith and H. Wace, A Dictionary of Christian Biography* I, p. 758—759. *Herzog-Hauck, RE. IV³, S. 376*].

Проф. И. Андреевъ.

Кириакъ митрополитъ карфагенскій при папѣ Григоріи VII [22 апр. 1073 г.—25 мая 1085 г.; см. „Энци.“ IV, 671—675]. Онъ, между прочимъ, отказывался совершать неканоническія посвященія, за что подвергся обвиненію со стороны своего клира предъ сарацинскимъ эмиромъ, а этотъ потребовалъ его къ себѣ и велѣлъ жестоко бичевать. Григорій VII, къ которому Кириакъ обратился за помощію, утѣшаетъ его, хвалитъ его мужество и убѣждаетъ терпѣливо переносить испытанія; въ то же время онъ высказываетъ жестокое порицаніе по адресу обвинителей Кириака, и подъ угрозою отлученія призываетъ ихъ къ покаянію. — Когда нѣсколько поздѣе, — именно въ 1076 г. — Григорій VII назначилъ Серванда архіепископомъ Иппова Царскаго (*Ippro Regius*), то онъ далъ ему рекомендательныя письма къ эмиру тунисскому и архіепископу карфагенскому Кириаку. Въ этихъ письмахъ Григорій VII призываетъ эмира и Кириака къ миру и единенію со вновь назначеннымъ архіепископомъ Сервандомъ въ цѣляхъ поддержанія установившихся въ сѣверной Африкѣ церковныхъ отношеній.

См. *Herzog-Hauck, RE. IV³ S. 376*, гдѣ относительно Кириака дѣлаются ссылки, на *Gregorii Registr. I, 22. 23; III, 19. 39; Jaffé, Regesta Pontif. ad an. 1073, 15 Sept. Nr. 3557 sq. и 1076, Juni.*

Гр. Пр.—въ.

Кириакъ сырьинскій, см. Кириллъ сырьинскій, выше стлб. 390.

Кириаеимъ—1) городъ за Иорданомъ къ востоку солнца, данный въ удѣлъ колѣну Рувимову (Числ. 32, 37, I. Нав. 13, 19). Но сыны Рувимовы не всегда владѣли имъ; ко времени плѣна вавилонскаго онъ уже принадлежалъ моавитянамъ. О немъ, какъ моавитскомъ городѣ говорятъ пророки Іеремія и Іезекіиль и предвозвѣщаютъ его разрушеніе (Іср. 48, 1, 23, Іезек. 25, 9). У

пр. Іезекіиль Кириаеимъ называется городомъ, стоящимъ на границѣ, открытой для сыновъ востока (Іезек. 25, 9, 10), т. е. на восточной границѣ моавитской земли (съ боку Моава), на краю Сирійско-аравійской пустыни, откуда именно и являлись, въ направленіи къ западу, полчища враговъ-разрушителей. Если такъ, то Кириаеимъ былъ расположенъ на равнинѣ, славившейся съ пустынею, и потому нѣтъ достаточныхъ основаній полагать, какъ это дѣлаетъ Раумеръ (*Raumer, Palästina, 4 Aufl... Karte*), что древній Кириаеимъ находился тамъ, гдѣ нынѣ указываютъ развалины *Куреійатъ* (*Kureiyat*), т. е. въ сѣверозападной части горъ Аваримскихъ. Здѣсь, въ горахъ, ближе къ Мертвому морю, нежели къ пустынѣ, не могла проходить восточная граница моавитской земли. — Современные изслѣдователи еврейскаго текста Библии говорятъ, что Кириаеимъ упомянутъ уже въ Быт. 14, 5: на равнинѣ Кириаеима Кедорламеръ поразилъ еминовъ. Правда, въ указанномъ цитатъ по русскому тексту (равно и по LXX-ти) слово *Шаве* признано составною частію собственнаго имени; но *шаве*, какъ имя нарицательное, значитъ *плоскость, равнина*; поэтому вмѣсто: въ *шаве-Кириаеимѣ*, основательно читать *на равнинѣ Кириаеима*. — 2) Кириаеимъ—городъ въ колѣнѣ Нефеалимовомъ, данный сынамъ Гирсовымъ, изъ племенъ левитскихъ, и назначенный мѣстомъ убѣжища для невольныхъ убійцъ (I Парал. 6, 62, 76). У I. Нав. 21, 32 Кириаеимъ въ колѣнѣ Нефеалимовомъ названъ сокращенно: *Карванъ* (см. „Карванъ“. Энци.“ IX, 78).

См. *Keil und Deitzsch, Commentar I, 1, 2, Aufl., S. 149; Riehm HW², S. 848; Guthe, KBW., S. 363* (и въ другихъ Словаряхъ и Энциклопедіяхъ *Smith, Vigouroux, Hastings Gheynе, M. Hagen*).

Прот. Н. Елеонскій.

Кириаеъ—городъ въ удѣлѣ Веніаминовомъ (I. Нав. 18, 28). Кириаеъ не слѣдуетъ отождествлять (какъ это дѣлаетъ *Guthe, KBW., S. 363*) съ Кириаеъ-Іаримомъ (онъ же Кириаеъ-Вааль). Послѣдній хотя и находился на границѣ удѣловъ Іудина и Веніаминова, но въ библейскомъ текстѣ дважды и прямо названъ городомъ Іудиннымъ (I. Нав. 15, 20, 60; 18, 14).

Прот. Н. Елеонскій.

Кириаѣ-Арба см. „Хевронъ“.

Кириаѣ-Іаримъ или **Кириаѣ-Вааль** (Kirjat baal—„городъ Ваала“; *καριαθβαάλ, καριαθ*—*Baal*; *Cariathbaali*; Кириаѣ-Вааль;—*kirjat Jeirim*—„городъ дѣсовъ, дѣсной городъ“; *πόλις Ἰαρίν, πόλις Ἰαρίμ, Καριαθιαρίν, Καριαθιαρίμ*; *Cariathiarim*; Кириаѣ-Іаримъ, „поле дубравы“). Этотъ городъ до завоеванія земли Ханаанской принадлежалъ, по Нав. 9, 17, къ союзу городовъ Гаваонитскихъ; у Нав. 15, 60, 18, 14 числится городомъ колѣна Іудина. Здѣсь во времена Судей стояла станомъ Данитяне на пути въ Лансъ (Суд. 18, 12). Здѣсь же, „на вершинѣ въ домѣ Аминадава“ находился въ продолженіи 20 лѣтъ ковчегъ завета по возвращеніи его отъ Филистимлянъ (1 Цар. 6, 21, 7, 1, Пс. 132, 6); отсюда Давидъ перенесъ его въ Іерусалимъ (2 Цар. 6, 1 Цар. 14, 5, 2 Цар. 1, 4). Отсюда былъ родомъ пророкъ Урія (Іерем. 26, 20). Между возвратившимися изъ плѣна вавилонскаго были и жители Кириаѣ-Іарима (Неем. 7, 29, 1 Езд. 2, 25, 2 Езд. 5, 19); по 1 Цар. 2, 50, 52, область Ефрава, къ которой причисляется Кириаѣ-Іаримъ, была занята потомками Халева.

Мѣстоположеніе Кириаѣ-Іарима точно нельзя обозначить, хотя относительно этого существуютъ нѣкоторые свѣдѣнія. По Нав. 15, 9, 18, 15, онъ лежалъ на границѣ Іудина и Вениаминова колѣнъ, на западъ отъ Нефеода, къ востоку отъ Кесалона, къ югу отъ Вео-Орона, по 1 Цар. 6, 21 выше Веосамиса въ нынѣшней *bagi es-Sagar*, по Суд. 18, 12 на востокъ отъ Цоры и Естаола, выше этихъ мѣстъ; по Іос. Флавію 6, 1 : 4) въблизи Веосамиса. Кондеръ на основаніи словъ Нав. 15, 10, что Кесалонъ былъ расположенъ къ западу отъ Кириаѣ-Іарима, раздѣляетъ эту мысль Іос. Флавія о близости Кириаѣ-Іарима къ Веосамису и находитъ древній Кириаѣ-Іаримъ въ *Kirbet atna* на югъ отъ *wadi es-Sagar*:—мѣстность съ развалинами стѣнъ, виноградниками, цистернами, пещерами, представлявшая вѣкогда укрѣпленіе (*Memoirs*—III, 43). Если такъ то граница колѣна Іудина должна проходить слышкомъ далеко къ югу. Между тѣмъ, по Евсевію (*Onomasta* въ изд. Paul de Lagarde 271; 109) и Іерониму, Кириаѣ-Іаримъ находился въ 9 римскихъ миляхъ (18,5 килом. или 12½ верст.) на пути

изъ Іерусалима въ Диосполь. Посему Робинсонъ (*Neuere biblische Forschungen in Palästina*, 1852, S. 205) считаетъ болѣе вѣроятнымъ находить Кириаѣ-Іаримъ въ нынѣшнемъ *Karjet el-ineb*, обыкновенно сокращенно *el-karje*, или *abu-ros* въ 12 килом. (11¼ верст.) отъ Іерусалима на пути въ Яффу:—большое селеніе съ каменными домами расположено на крутомъ склонѣ горы (ср. 1 Цар. 9, 1, 2 Цар. 6, 3), окруженное рошамъ масличъ и тутовыхъ деревьевъ. Въ XII в. крестовосцами здѣсь была построена церковь; но послѣ она была заброшена, съ XVI в. служила конюшнею, а теперь на ея мѣстѣ находятся только развалины (*Keil u. Del.* на Нав. S. 74; проф. А. А. Оленицкій, Св. Земля II, стр. 260—261).

Свящ. И. Богоявленскій.

Кириаѣ-Сеферъ, Кириаѣ-Санна, Давиръ. Первые два изъ приведенныхъ названій суть древнія названія одного палестинскаго города, подъ которыми онъ былъ извѣстенъ въ то еще время, когда въ Палестинѣ господствовали хананеи. Позднѣе этому городу было дано, также хананеями, наименованіе *Давиръ* (І. Нав. 15, 15, 49. Суд. 1, 11). І. Навианъ, постепенно покоря южную часть Палестины, овладѣлъ, послѣ Хеврона, также Давиромъ и истребилъ все живущее какъ въ самомъ Давирѣ, такъ и въ городахъ ему принадлежавшихъ. Впрочемъ, хананеи вскорѣ взяли обратно и Хевронъ, и Давиръ. Это случилось, вѣроятно, въ то время, когда І. Навианъ и израильтяне предприняли завоеваніе сѣвернаго Ханаана (І. Нав. 11, 6—8). Завятіе было совершенно племенемъ енакимовъ, которые хотя и были истреблены въ горахъ Іудиныхъ, но оставались еще въ сосѣднихъ городахъ филистимскихъ—въ Газѣ, Геѣѣ и Азотѣ (І. Нав. 11, 21, 22). Поэтому-то Халевъ, получившій въ удѣлъ Іудиномъ часть—именно: города Хевронъ и Давиръ,—долженъ былъ снова завоевывать эти города. Вѣроятно, покореніе Давира представляло особенныя турбидности, и потому Халевъ объявилъ, что онъ отдастъ *Ахсу*, дочь свою, въ жены тому, кто поразитъ *Кириаѣ-Сеферъ* (*Давиръ*) и возьметъ его. Говорилъ, сынь Кеназа, брата Халевова, взялъ городъ, и Ахса стала женою героя. Ахса, оставляя

родительскій домъ, просила у отца, чтобы онъ далъ ей поле къ югу отъ Давира, а также „источники верхніе и нижніе“. Просьба ея была исполнена (I. Нав. 15, 15—19).—Давиръ съ его предмѣстями данъ былъ отъ колѣна Іудина сынамъ Аарона священника (I. Нав. 21, 15. 1 Парал. 6, 58).—Существуетъ нѣсколько различныхъ предположеній относительно мѣстонахожденія библейскаго Давира. Наиболѣе вѣроятнымъ изъ нихъ можно признать предположеніе путешественника ванъ-де-Фельде (van-de-Felde). По мнѣнію послѣдняго, древній Давиръ былъ расположенъ тамъ, гдѣ нынѣ развалины *Дилбе* (Dilbeh). Развалины эти находятся къ юго-западу отъ Хеврона, въ 2-хъ часахъ пути отъ него на вершинѣ холма. Въ развалинахъ существуетъ родникъ, вода котораго, съ помощію водопровода, направляется въ прудъ при подножій холма. Это—именно „источники верхіе и нижніе“, испрошенные Ахсою у отца, для орошенія даннаго ей южнаго поля скуднаго влагою.—Названія, подъ которыми въ давнія времена былъ извѣстенъ *Давиръ*, значать; *Кириаъ Сеферъ* = „городъ писемъ или книгъ“ (LXX: πόλις γραμμάτων славянск: градъ писемъ)—*Кириаъ-Санна* = (быть можетъ, по мнѣнію Рима) „городъ ученія“ (LXX тоже: πόλις γραμμάτων, славянск: градъ писемъ). Изъ этихъ названій,—во всякомъ случаѣ изъ перваго,—можно вывести то заключеніе, что въ Ханаанѣ до появленія тамъ израильтянъ (такимъ образомъ издавна) уже процвѣтала письменность.—Слѣдуетъ замѣтить, что съ именемъ *Давиръ* упомянутъ въ Библии другой городъ; онъ также принадлежалъ удѣлу Іудину, но находился на сѣверной границѣ удѣла (I. Нав. 15, 7). У I. Нав. 13, 26 говорится, повидимому, о третьемъ городѣ съ именемъ *Давиръ*, находившемся за Іорданомъ къ востоку; но здѣсь скорѣе разумѣется г. *Лодаваръ*, 2 Цар. 9, 4, 5, 17, 27 (см. „Лодаваръ“).

Keil u. Delitzsch, Commentar II, 1 (1863), S. 84—85; Riehm, HW². I, S. 304—305 [и въ другихъ Энциклопедіяхъ и Словаряхъ].

Прот. Н. Елгонскій.

Кириена, св. мученица русская, начала IV столѣтія. Уроженка киликійскаго города

Тарса, она была схвачена ижемономъ Маркіаномъ и въ нагомъ видѣ обвѣдена вокругъ Тарса; затѣмъ вмѣстѣ со св. Іудіаніею отвѣдена въ киликійскій городъ Рось (къ сѣверу отъ Антиохіи сирійской), гдѣ обѣ были брошены въ пламя. *Память обѣихъ 1 ноября*. (Минологія Василія: Макар. Ч.-Минея; Прологъ).

Хр. Л.—въ.

Кирионъ или Кирий, св. мученикъ севастійскій, IV столѣтія. Это одинъ изъ 40 севастійскихъ мучениковъ, пострадавшихъ въ 320 году во время имп. Ликинія въ г. Севастіи. *Память его 9 марта*. См. Прологъ (безъ имени).

Хр. Л.—въ.

Кирионъ, католикосъ грузинскій въ VI в. При немъ состоялось отдѣленіе грузинской церкви отъ армянской. Общеніе между этими церквами восходитъ къ IV в., ко времени Григорія Просвѣтителя. Поводомъ послужило слѣдующее обстоятельство. Когда армяны при Аркадіи покорилъ Ферозъ (Хасро Фарвизъ), царь персидскій, то онъ сталъ угрожать имъ переселить, если они не откажутся отъ греческаго вѣроисповѣданія. Армянскій царь и католикосъ Нерсесъ склонили покорно свою выю. Ферозъ прислалъ имъ изъ Сиріи іаковитовъ во главѣ Абдибоса, которые стали распространять въ народѣ свое ученіе. Это-то и вызвало неудовольствіе въ Грузіи. Католикосъ Кирионъ при этомъ подаль поводъ армянскому католикосу Моисею заподозрить себя въ приверженности къ грезамъ и халкидонскому ученію (451 г.), которое армяне отвергали. Кирионъ запретилъ въ грузинской Сомхетіи (Арменіи) армянское богослуженіе и ввелъ его на грузинскомъ языкѣ, но авъ уваженія къ католикосу Моисею, по желанію послѣдняго, удалил епископа Хужика, чтобы не доводить обострившіяся отношенія до разрыва. Неудовольствовавшись этимъ, Моисей прибылъ въ Тифлисъ и обличалъ Кириона въ томъ, что принялъ Халкидонскій соборъ. Обличеніе его не имѣло успѣха, и онъ вынужденъ былъ бѣжать ночью изъ Грузіи и письмененно сталъ нападать на Кириона. Преемникъ Моисея Авраамъ продолжалъ непріязненные отношенія къ Кириону. Послѣдній не пожелалъ явиться лично предъ Авраамомъ, низложилъ

епископа Цортавскаго, сочувствовавшего армянамъ и послалъ письменное изложение своего вѣроисповѣданія, которое окончательно повлекло разрывъ между армянскою и грузинскою церквами. Въ 596 г. на Двинскомъ соборѣ армянская церковь предала проклятію Кириона и грузинъ. „Мы приказали объ пверцахъ, — писалъ Авраамъ къ авгамамъ, — отнюдь не имѣть съ ними общенія ни въ ѣдѣ, ни въ дружбѣ, ни въ кормленіи дѣтей. Не ходить молиться къ Мхцтскому кресту, ни къ кресту Мангліса, не принимать ихъ въ наши церкви, удаляться отъ браковъ съ ними; только покупать и продавать имъ какъ евреямъ“. На нарушающихъ эти заветы, католикосъ призываетъ проклятіе. (См. *Моисей Хаганкатавацци*, Ист. Агвнъ; *Бакрадзе*, Исторія Грузинъ; Писатель Х в. Хтанестъ и др.). Въ исторіи Грузинъ Кирионъ извѣстенъ подъ именемъ Свижеона. Онъ былъ католикомъ при Бакурѣ III (557—570) и умеръ при Гварамѣ Куропалатѣ (575—600 г.). [Ср. у А. *Анникскаго*, Исторія армянской церкви до XIX вѣка, Книжнцевъ 1900, стр. 78 сл.].

А. Хахановъ.

Кирионъ—епископъ, историкъ, духовный писатель. Въ мірѣ Георгій Іеронимовичъ Садзагеловъ, онъ родился въ г. Тифлисѣ 10 ноября 1854 г.; по происхожденію—грузинъ (картвелъ), изъ духовнаго званія. Предки его преемственно болѣе двухъ вѣковъ служили православной церкви и были дѣятельными миссіонерами среди кавказскихъ горцевъ—осетинъ и ингушей. По завершеніи образованія въ тифлисской Духовной Семинаріи, въ 1876 г. онъ поступилъ въ кievскую Духовную Академію, на историческое ея отдѣленіе. Последнее въ годы студенчества Г. І. Садзагелова имѣло лучшихъ, сравнительно съ другими отдѣленіями кievской Академіи, и даровитыхъ профессоровъ, каковы: † И. И. Малышевскій, † Ф. А. Терновскій, М. Г. Ковальницкій (нынѣ Дмитрій, архіепископъ херсонскій), А. В. Розовъ, † Н. С. Тумасовъ и † А. Д. Вороновъ. Находясь подъ обаяніемъ личности названныхъ профессоровъ, особенно же первыхъ трехъ, студентъ Садзагеловъ полюбилъ занятія церковно-историческими вопросами, и эта любовь опредѣляла характеръ его послѣдующей учено-литературной дѣятельности, которая

посвящена главнымъ образомъ прошлымъ судьбамъ церкви въ родномъ ему краѣ.

Въ 1880 г. Г. І. Садзагеловъ кончилъ курсъ Академіи со степенію кандидата богословія и 1 августа того же года былъ назначенъ помощникомъ инспектора одесской Духовной Семинаріи; въ 1883 г. опредѣленъ на должность помощника смотрителя въ телявское Духовное Училище; въ 1885 г. перемѣщенъ на такую же должность въ горійскіе Духовное Училище; въ 1890 г. переведенъ преподавателемъ кутаисскаго Духовнаго и Епархіальнаго Женскаго Училищъ, а съ 1891 г. до постриженія въ монашество состоялъ учителемъ тифлискаго Духовнаго Училища; 2 ноября 1896 г. Г. І. Садзагеловъ постриженъ въ монашество преосв. Владимиромъ, экзархомъ Грузинъ, нынѣ митрополитомъ московскимъ и коломенскимъ, и получилъ имя Кириона; 6 ноября того же года онъ посвященъ въ іеромонахи, 9 декабря—назначенъ настоятелемъ Квѣбатавскаго Успенскаго монастыря съ возведеніемъ въ санъ игумена, а съ 31 декабря—благочиннымъ монастырей грузинской епархіи и инспекторомъ школъ „Общества возстановленія православія на Кавказѣ“; 10 мая 1898 г. игуменъ Кирионъ возведенъ въ санъ архимандрита, а 27 іюня того же года назначенъ епископомъ алавердскимъ, вторымъ викаріемъ грузинской епархіи и 23 августа хиротонисанъ въ тифлисскомъ Сіонскомъ кафедральномъ соборѣ. Одновременно съ симъ преосвящ. Кирионъ былъ назначенъ наблюдателемъ за преподаваніемъ закона Божія и религиозно-нравственнымъ направленіемъ обученія воспитанниковъ православнаго исповѣданія во всѣхъ учебныхъ заведеніяхъ Вѣдомства Императрицы Маріи и Министерства Народнаго Просвѣщенія, состоящихъ въ грузинской епархіи; 12 августа 1900 г. онъ былъ опредѣленъ епископомъ горійскимъ, первымъ викаріемъ грузинской епархіи, а 23 сентября того же года назначенъ сверхштатнымъ членомъ грузино-иеретинской Синодальной конторы. Состоя викаріемъ грузинской епархіи, преосвящ. Кирионъ въ некоторое время исполнялъ обязанности председателя комитета тифлискаго церковно-археологическаго Музея, надъ развитіемъ и обогащеніемъ котораго весьма много потрудился. Въ бытность преосвящ. Кириона председателемъ комитета названнаго Музея, послѣд-

Епископъ Киріонъ.

ний какъ бы возродился въ своемъ существованіи: число памятниковъ древнѣйшей грузинской христіанской культуры значительно въ немъ увеличилось; количество однихъ грузинскихъ рукописей главнымъ образомъ пергаментныхъ, возросло въ немъ до 1.000; въ свѣтъ стали выходить научные рефераты и изслѣдованія, обратившіе на себя вниманіе не только русскихъ столичныхъ ученыхъ сферъ, но и заграничной печати.

10 марта 1902 г. преосвящ. Кирионъ былъ назначенъ епископомъ балтскимъ, викаріемъ подольской епархіи; 3 мая 1903 г. — епископомъ новомыгородскимъ, вторымъ викаріемъ херсонской епархіи; 4 ноября того же года переименованъ въ перваго викарія херсонской епархіи, а 23 апрѣля 1904 г. — опредѣленъ епископомъ орловскимъ и сѣвскимъ; въ концѣ 1905 г. переведенъ по собственному желанію на епископскую кафедру въ г. Сухумъ; 25 января 1907 г. перемѣщенъ въ г. Ковно викаріемъ литовской епархіи; 15 февраля 1908 г. по прошенію уволенъ на покой съ назначеніемъ ему жительства въ Куряжскомъ монастырѣ, а по опредѣленію Св. Синода 20 декабря 1908 г. переведенъ въ Саваксарскій монастырь, тамбовской епархіи. Преосвящ. Кирионъ состоитъ съ 1896 г. членомъ Императорскаго Московскаго Археологическаго Общества; съ 1899 г. — членомъ церковно-археологическаго общества при кievской Духовной Академіи и Общества возстановленія православія на Кавказѣ; въ 1903 г. онъ избранъ въ почетные члены каменецъ-подольскаго историческаго и церковно-археологическаго Музея.

На всѣхъ мѣстахъ своего служенія преосвящ. Кирионъ старался и старается оживить занятія по церковной исторіи и археологіи, особенно же по разработкѣ богатаго историко-археологическаго матеріала родной ему Грузіи и грузинской церкви. Неумоимо работая самъ въ этой области, онъ поощряетъ и другихъ къ тому же. Возбудивъ своими изслѣдованіями у отечественныхъ нашихъ ученыхъ интересъ къ грузинской церковной исторіи и археологіи, онъ выдвинулъ, какъ уже вполнѣ назрѣвшій, вопросъ объ учрежденіи самостоятельной кафедры грузинской церковной исторіи при с.-петербургской Духовной Академіи, каковой вопросъ,

благодаря сочувственному отношенію митрополита Антонія, на половинну уже осуществленъ. [Преосвящ. Кирионъ является увлеченно-рѣшительнымъ защитникомъ совершенной автокефаліи грузинской церкви, въ каковомъ смыслѣ упорно дѣйствовалъ въ Комиссіи по грузинскимъ церковнымъ дѣламъ при Предсоборномъ Присутствіи, гдѣ былъ членомъ].

Преосвящ. Кириону принадлежатъ слѣдующія многочисленныя кнѣги и брошюры, касающіяся главнымъ образомъ исторіи грузинской церкви: 1) Описаніе Никозской Михайло-Архангельской церкви, 1888; 2) Историко-археологическій очеркъ Метехскаго храма, 1893; 3) Историческій очеркъ Оконской чудотворной иконы Божіей Матери; 4) Исторія Промскаго Вознесенскаго храма, 1896; 5) Пять дней въ Карталинѣ, 1897; 6) Аванурскій Успенскій соборъ и его окрестныя достопримѣчательности, 1898; 7) Повѣствованіе о чудодѣйственнымъ камнѣ Давидгареджійской пустыни; 8) Св. Давидъ III-й Возобновитель, царь Грузіи (1089 — 1125), Тифлисъ 1899; 9) Жизнь и подвиги св. Антонія столпника, чудотворца Марткопскаго, Тифлисъ 1899; 10) Або, мученикъ Тифлисскій, Тифлисъ, 1899; 11) Назрѣвшій вопросъ (къ дню столѣтія присоединенія Грузіи къ Россіи), 1900; 12) Заслуги грузинскаго монашества и монастырей для отечественной церкви и общества, 1900; 13) Двѣнадцатилѣтняя религіозная борьба православной Грузіи съ исламомъ, 1900; 14) Восковая свѣча въ греко-грузинской церкви, 1901; 15) Крестъ св. Нины въ связи съ вопросомъ о значеніи креста въ древности; 16) Двѣ святыни въ Кахетіи; 17) Давидъ Гареджели и его лавра, Тифлисъ 1901; 18) Краткій очеркъ исторіи Грузинской церкви и экзархата въ XIX вѣкѣ, Тифлисъ 1901; [въ заведеніяхъ II отдѣла Предсоборнаго Присутствія по грузинскимъ церковнымъ дѣламъ самъ авторъ не призналъ полной объективности послѣдняго труда, какъ изданія юбилейнаго: см. „Журналы и Протоколы Предсоборнаго Присутствія“ т. III, Спб. 1907 г., стр. 35]. Въ журналѣ „Пастырь“ преосвящ. Кириономъ напечатаны слѣдующія статьи и изслѣдованія: 1) Характеръ грузинской (иверской) церкви и ея значеніе для православія (1886 г., № 3); 2) Къ вопросу о

грузинской церковной историографіи (1886 г. №№ 20 п 21, 1887 г. № 2); 3) Краткій очеркъ грузинской церковной исторіи (1887 г., №№ 9—11); 4) Иудей—распространители мессіанскихъ идей въ древней Иверіи и принесеніе ими хитона Господня въ Мцхетъ (1888 г., №№ 1—3); 5) св. равноапостольная Нина, просвѣтителница Грузіи (кандидатская диссертація, 1888 г. №№ 16 и 18, 1899 г. №№ 1, 4, 5 и 6); 6) Св. царь Мірианъ Хосріани, первый христіанскій вѣяносецъ Грузіи (1889 г. №№ 23—24 и 1890 г. №№ 1—2); 7) Переводъ священо-богослужебныхъ книгъ на грузинскій языкъ и значеніе его для церкви грузинской (1892 г., №№ 2 и 4); 8) Исторія одного изъ гвоздей, которымъ пригвожденъ былъ ко кресту Господъ нашъ Іисусъ Христосъ (1892 г. №№ 1—2); 9) Послѣдній эпизодъ изъ вѣковой борьбы православной Грузіи съ мусульманами—шіитами (1895 г. №№ 23—24 и 1896 г. №№ 1—6); 10) Воскъ и восковая свѣча (1896 г. № 13). Въ „Духовномъ Вѣстникѣ Грузинскаго Экзархата“: 1) Никозскій храмъ и его древности (1881 г. № 2); 2) Описаніе Мешехскаго четвероевангелія (1892 г. № 10); 3) Религіозно-политическія сношенія православной Грузіи съ единовѣрной Россіей (юбилейный №); 4) Осетинская духовная коммиссія и ея дѣятельность (ibid.) и др. Въ сборникѣ „Весь Кавказъ“ (Тифлисъ 1903 г.): 1) Состояніе христіанства въ Абхазіи въ первой четверти XIX столѣтія и попытка организаціи въ ней миссіонерскаго дѣла въ 1831—1834 г.г.; 2) Анапурская атлешга; 3) Мцхетскій храмъ и его реставрація; 4) Народные обычаи и ихъ значеніе; 5) Харистикарная система и ея вліяніе на церковно-поземельныя отношенія въ древней Грузіи; 6) Новый варіантъ творенія Александра Сергѣевича Грибоедова. [Въ „Журналахъ и Протоколахъ Предсоборнаго Присутствія“ т. III (Спб. 1907 г.) четыре доклада въ пользу грузинской церковной автокефаліи (стр. 43—58)]. Кроме того, преосвящ. Киріону принадлежатъ множество монографій и статей, печатавшихся на русскомъ и грузинскомъ языкахъ въ „Мцкесин“, „Иверіи“, „Моамбѣ“, „Кавказѣ“, „Новомъ Обзорѣнн“, „Тифлисскомъ Листкѣ“, „Кавказскомъ Обзорѣнн“, „Трудахъ Московскаго Археологическаго Общества“ и въ „Епархіальныхъ Вѣдомо-

стяхъ“—Подольскихъ, Херсонскихъ и Орловскихъ.

См. статью А. Навроева въ „Дух. Вѣстн. Груз. Экзархата“ 1898 г., № 17; газ. „Югъ“ 1904 г. №№ 1761 и 1763; „Орловскія Епархіальныя Вѣдомости“ 1904 г. №№ 20 и 35. Составъ св. правит. всероссійскаго Синода и російской церковной іерархіи на 1905 г., Спб. 1905 г., стр. 170—171. Въ очеркѣ горійскаго викаріатства, карталанской и кахетинской епархіи въ „Энци.“ IX, 49—50.

Свящ. Н. В. П.—св.

Киркегордъ.—Сѣренъ Обюе Киркегордъ или какъ обыкновенно называютъ въ его Даніи, *Сѣренъ Киркегордъ*—въ отличіе отъ его брата Петра Христіана Киркегорда, бывшаго епископомъ ольборгскимъ,—выдающійся датскій богословъ, философъ и мораластъ, который вызвалъ въ свое время сильное движеніе въ обществѣ своими сочиненіями и вліяніе котораго до сихъ поръ отражается на многихъ сторонахъ церковно-общественной жизни, Даніи и, можетъ быть, еще надолго будетъ удерживать свою силу въ будущемъ. Оригинальный во всемъ—въ своей вѣщности, въ образѣ жизни, въ складѣ ума, въ манерѣ писанія и развитія своихъ идей—Киркегордъ оставилъ послѣ себя около 30 томовъ своихъ сочиненій, составляющихъ, по признанію датскихъ критиковъ и біографовъ, „цѣлую литературу въ литературѣ“, по своей своеобразности, глубинѣ, искренности, плѣнительности и возбудительности не находящую себѣ равной въ какой-нибудь другой литературѣ, и для постиженія которой нужна серьезная работа „чуть не подвигъ цѣлой жизни“. Въ настоящее время интересъ къ нему пробудился съ новой силой, и его произведенія особенно усердно изучаются въ Германіи.

Сѣренъ Киркегордъ родился въ Копенгагенѣ 5-го мая 1814 г. Отецъ его былъ человѣкъ съ недюжинными природными способностями, который, благодаря собственному труду и энергіи, выбился изъ бѣдности и сдѣлался богатымъ купцомъ Копенгагена. Овъ былъ строго религіознаго направленія, вѣскольکو тяжелей и своеобразный въ жизни и имѣлъ большое вліяніе на своего сына Сѣрена. Въ молодости отца былъ одинъ случай, оставившій неизгладимое впечатлѣніе на всю его послѣдующую жизнь; а именно: пася овецъ въ одномъ изъ пустынныхъ мѣстъ Ютландіи,

онъ однажды, измученный холодомъ и голодомъ и тоскою одиночества, взомель на холмъ и „произнесъ хулу на Бога“. Этого случая онъ никогда потомъ не могъ забыть, и не смотря на свое послѣдующее внѣшнее благополучіе, онъ всегда былъ задумчивъ,—точно у него камень лежалъ на душѣ и онъ чувствовалъ на себѣ гнѣвную руку Божию... Сына своего отецъ старался воспитать „въ страхъ Божіе“ и въ строгой религиозности. Впослѣдствіи Сѣренъ Киркегордъ, узнавшій эту роковую тайну жизни отца, не разъ выражался, что „въ долготѣи отца—прожившаго до 82 лѣтъ—и въ его внѣшнемъ благополучіи онъ видитъ не благословеніе Божіе, а скорѣе проклятіе“. При чтеніи же сочиненій С. Киркегорда невольно навязывается то впечатлѣніе, что представленіе „о Богѣ любви и милосердія“, у него какъ бы пересиливается представленіемъ о Богѣ—Судіи и Мздовоздающей, о Богѣ, „живущемъ во свѣтѣ неприступномъ“, мысль о которой должна вызывать „священный ужасъ“ и благоговѣніе.

Родившійся отъ довольно престарѣлыхъ уже родителей (отцу его было тогда 57 лѣтъ, а матери 45).—Сѣренъ Киркегордъ былъ мальчикомъ слабого, болѣзненнаго тѣлосложенія и не по дѣтски былъ серьезенъ, задумчивъ и самозаклоченъ: „я никогда не былъ ребенкомъ“—говорилъ онъ самъ о себѣ. Но въ его тѣдешномъ тѣлѣ скрывались большія дарованія, ясный глубокий умъ и необыкновенно богатая творческая фантазія. Развитію послѣдней, вѣроятно не мало способствовала оригинальная система его домашняго воспитанія. Такъ, его отецъ часто вмѣсто того, чтобы пустить ребенка погулять, продѣлывалъ съ нимъ своеобразныя прогулки по комнатамъ своего дома, представляя и рассказывая своему сыну, что они идутъ не черезъ комнаты, а по такой или иной улицѣ, что мимо нихъ проѣзжаютъ экипажи, omnibusы, что на улицѣ, происходить такая-то сцена, что они встрѣчаютъ такого-то знакомаго, раскланиваются съ нимъ, разговариваютъ и т. д.,—и все это, съ такою живостию и правдоподобностію, что послѣ какой-нибудь получасовой ходьбы по комнатамъ сынъ чувствовалъ утомленіе, точно онъ дѣйствительно прошелъ нѣскольکو верстъ по городу среди шума и гама уличной толкотни. Сынъ скоро вошелъ во

вкусъ подобныхъ прогулокъ и самъ началъ подражать отцу въ фантазированіи, такъ что, наконецъ, прогулки ихъ стали принимать характеръ соревнования между отцемъ и сыномъ на почвѣ изобрѣтательности и живости фантазіи. Въ школѣ Сѣренъ Киркегордъ рѣзко выдѣлялся среди другихъ своею замкнутостію. Онъ не принималъ участія въ дѣтскихъ играхъ товарищей, а на нападки и издѣвательства со стороны послѣднихъ всегда отвѣчалъ такую ѣдкою острою и насмѣшкой, которая иногда приводила его къ рискованному положенію становиться предметомъ кулачной расправы. Здѣсь нельзя не видѣть у мальчика зачатка того юмора и ироніи, которыми такъ блещутъ его произведенія. Перейдя въ Университетъ, С. Киркегордъ поступилъ на богословскій факультетъ. Занимаясь чтеніемъ древнихъ святоотеческихъ назидательныхъ твореній, онъ одновременно съ тѣмъ углубился теперь въ чтеніе и изученіе греческой философіи и миѳологіи, нѣмецкихъ философовъ, въ особенности Гегеля, и романтической поэзіи. Исторія мало интересовала Киркегорда. Онъ не чувствовалъ особой склонности и къ точнымъ и естественнымъ наукамъ. Подобно Сократу, онъ признавалъ, что „люди интересны, чѣмъ деревья“. Его особенно интересовала и привлекала внутренняя жизнь чело-вѣка, вопросы о духѣ и о духовной жизни, ея законахъ, цѣляхъ и проявленіяхъ... Въ этомъ случаѣ Сократъ былъ его любимымъ мыслителемъ. „Сократъ! Сократъ! Сократъ! писалъ Киркегордъ— Да, можно назвать твое имя три раза; было бы немного назвать его и десять разъ, если бы это могло помочь сколько-нибудь. Думаютъ, что міръ нуждается въ республикѣ, и думаютъ, что нужны новый общественный порядокъ и новая религія; но никто не думаетъ о томъ, что только Сократъ есть тотъ, въ которомъ нуждается міръ, запутавшійся въ много-знаніи“. Изъ этихъ-же словъ можно уже видѣть, что политическіе и социальныя вопросы не занимали Киркегорда. Когда война съ нѣпцами увлекала и волновала всѣ умы датчанъ, Киркегордъ спрашивалъ: „кто теперь думаетъ о томъ, чтобы дать отвѣтъ свой Богу?“. Равнымъ образомъ онъ оставался глухъ къ моднымъ либеральнымъ вѣ-нѣніямъ его времени и на всю свою жизнь остался консерваторомъ въ политикѣ, ве-

навидя всякаго рода насильственные выходки противъ власти и авторитета.

Но за-то въ вопросахъ внутренней, духовной жизни человѣка, Киркегордъ не боялся держаться своего мѣнія и былъ большою полемистъ. Такимъ образомъ, первый свой печатный трудъ изъ бумагъ еще живущаго, изданныхъ противъ его воли (1838 г.), онъ посвящаетъ вопросу о геніи, полемизируя съ извѣстнымъ баснописцемъ Андерсеномъ и доказывая вопреки ему, что геній является не какъ тихій, благодушный „игрокъ на скрипкѣ“, но „какъ грозовая туча, идущая противъ бури“. Незадолго во выхода въ свѣтъ этого сочиненія умеръ отецъ Киркегорда, котораго послѣдній такъ глубоко любилъ. Со смертію отца Киркегордъ потерялъ единственнаго близкаго къ себѣ человѣка. Въ 1840 г. Киркегордъ выдержалъ государственный экзаменъ, а черезъ годъ уже представилъ въ качествѣ магистерской диссертации сочиненіе: „Понятіе ироніи, съ постояннымъ обращеніемъ вниманія на Сократа“ (1841 г.), въ которомъ онъ сопоставляетъ романтическую иронію, основанную на противоположеніи конечному лишь фантастически-вымышленнаго безконечнаго, имѣющаго очевидно меньшую реальную цѣнность въ сравненіи съ первымъ, и иронію Сократа, основанную на противопоставленіи ничтожеству конечнаго внутренней безконечности личности. Разсматривая, такимъ образомъ, личность, какъ самую цѣнную реальность, Киркегордъ здѣсь уже намѣтилъ центральную пунть своего первоначальнаго творчества, а именно, „мысль о безконечномъ значеніи личности“. Но личность, какъ реальность, предполагаетъ еще другую высшую реальность—Бога и вопросъ объ ихъ взаимоотношеніи, вопросъ о религіи...

Среди подобныхъ размышленій и изслѣдованій Киркегордъ переживалъ, вмѣстѣ съ тѣмъ, одно событіе, имѣвшее рѣшающее значеніе въ его жизни и открывшее затѣмъ шлюзы его громаднаго творчества: въ сентябрѣ 1840 г. онъ обручился съ одной очень милويدной и жизнерадостной дѣвушкой. Но въ октябрѣ 1841 г. онъ же самъ и расторгъ это обрученіе, ибо ни по своему физическому, ни по душевному складу, съ своей постоянной тоской и самоанализированіемъ, онъ не призналъ себя подходящимъ къ подобному браку. Чтобы успокоить свою

мятущуюся душу послѣ разрыва съ страстно любимой имъ дѣвушкой и, въ тоже время, чтобы освободиться отъ разговоровъ и сплетенъ общества, не понимавшаго его поступка и видѣвшаго теперь въ Киркегордѣ лишь безжалостнаго экспериментатора, разбившаго счастье дѣвушки,—онъ на время уѣзжаетъ за-границу и здѣсь съ нимъ происходитъ душевный кризисъ. Киркегордъ всегда чувствовалъ себя „одинокимъ“, „особеннымъ“, не подходящимъ подъ общій уровень толпы. Въ обрученіи онъ сдѣлалъ попытку приобрести твердую почву въ реальной жизни и „быть, какъ всѣ прочіе“. Попытка не удалась. Теперь само собою представился вопросъ: что же дальше? что онъ долженъ дѣлать? Деньги у него были, такъ какъ онъ получилъ наслѣдство отъ отца; слѣдовательно, служить и занимать какую-либо должность онъ не имѣлъ нужды, да на это у него не было пока и охоты. Но внутри его бродили силы могучія, страстные движенія и смѣлыя мысли, которымъ нуженъ былъ выходъ. Онъ могъ бы быть поэтомъ, но задачи поэта въ его глазахъ были лишь „шуткой и ребячествомъ“. И вотъ, всегда занимавшіе его вопросы духовной жизни и съ дѣтства привитая религіозность поставили его теперь лицомъ къ лицу съ христіанствомъ. Предъ нимъ открылся теперь высокій подвигъ жизни—„христіанское образованіе современниковъ“. Но Киркегордъ не имѣлъ въ виду апологію христіанства; теорія здѣсь неумѣстна. По словамъ Киркегорда, „если бы даже самая поразительная ученость и усидчивость, если бы даже всѣ голы критиковъ сидѣли на одной шеѣ и то, въ данномъ случаѣ—никогда не пришли бы далѣе, чѣмъ только къ приближенію“. „Христіанство протестуетъ противъ всякой объективности. То, о чемъ оно спрашиваетъ, есть субъективность, только въ ней христіанство есть истина“. Слѣдовательно, задача сводится къ религіозному образованію личности, къ тому, чтобы научить человѣка не мыслить только, а жить похристіански, показать ему, какъ онъ долженъ „воплотить въ своей жизни христіанство“. Киркегордъ какъ самъ былъ „одинокъ“, такъ „къ одинокому“ онъ хочетъ теперь держать рѣчь свою. Но онъ не хочетъ этого дѣлать, какъ Апостолъ Евангелія съ открытою проповѣдью его. Люди не хо-

тять проповѣди, и ихъ нужно брать такъ, какъ они есть. Поэтому Киркегордъ избираетъ методъ сократовскій и ведетъ читателя къ намѣченной цѣли путемъ показанія несостоятельности его привычныхъ воззрѣній и убѣждений; и это дѣлаетъ онъ съ пафосомъ поэта, возбуждающимъ страсть, необходимымъ для воспріянія истины и съ юморомъ и вроніей философа, препятствующимъ останавливаться лишь на объективномъ (холодномъ) восхищеніи истинною. Болѣе того, привыкнувъ всегда скрывать свой внутренній міръ отъ нескромныхъ глазъ посторонняго, Киркегордъ старается въ своей письменности поставить какъ можно далѣе въ сторонѣ даже свою авторскую личность и пишетъ поэтому при разнаго рода вымышленныхъ обстоятельствахъ и подъ разными оригинальными псевдонимами, какъ-то: Викторъ Эремита, Константинаусъ Константиновичъ, Иоганнесъ де-Силенціо, Климакусъ, Николаусъ Нотабене и т. п.; хотя съ другой стороны, при чтеніи его произведеній въ вымышленныхъ имъ типахъ и положеніяхъ иногда не трудно видѣть лишь разнообразное варіированіе его собственной личности и его собственнаго, пережитаго имъ, опыта. И это вполнѣ естественно, ибо внутренній міръ Киркегорда былъ для него самого преимущественнымъ источникомъ творчества.

Такимъ образомъ, выступаетъ теперь Киркегордъ съ цѣлымъ рядомъ замѣчательныхъ произведеній, заставившихъ встрепенуться современниковъ, „словно — говоря словами Киркегорда — дикая птица пролетѣла надъ головами ручныхъ!“...

Въ февралѣ 1843 года вышло въ свѣтъ въ высшей степени оригинальное большое сочиненіе, озаглавленное: „Или—или“, написанное нѣкому Виктору Эремиту. Въ немъ Киркегордъ на примѣрахъ свободной любви и любви брачной развиваетъ и представляетъ на выборъ читателю два жизневоззрѣнія: эстетическое и этическое. Эстетика всегда кончается пустотою и отчаяніемъ, ибо она полагаетъ интересы жизни внѣ человѣка и, слѣдовательно, внѣ его власти. Этика отличается болѣею устойчивостію и увѣренностію, ибо она основывается на внутреннихъ движеніяхъ души и проникаетъ вѣчныя отношенія абсолютнымъ понятіемъ долга. Но разъ на этой почвѣ возникаетъ понятіе виновности и грѣховности, то возникаетъ выс-

шая стадія жизни — религія. „Религія подобна спасительному поясу, который дѣлаетъ человѣка легче всего міра“. Къ этой книгѣ приложено религіозное разсужденіе на тему: „Назидательное въ той мысли, что предъ Богомъ мы всегда неправы“, которое оканчивается словами: „Только та правда, которая назидаетъ, есть правда для тебя“. — Далѣе слѣдовали „Два назидательныя слова“, которыя, подобно послѣдующимъ многотомнымъ сочиненіямъ этого рода — отличаются простотою, дышатъ равнымъ христіанскимъ духомъ и имѣютъ цѣлю постепенное возвышеніе читателя отъ привычныхъ взглядовъ и воззрѣній въ болѣе высшія сферы идеала. Въ слѣдующемъ сочиненіи: „Страхъ и трепетъ“ на примѣрѣ „отца вѣрующаго“ — Авраама объясняется сущность вѣры, какъ парадокса. Намѣреніе Авраама принести въ жертву, зарѣзать собственнаго сына съ точки зрѣнія обычной морали является непонятнымъ, преступнымъ намѣреніемъ. Но Авраамъ рѣшается на него „въ силу частнаго, личнаго отношенія къ Богу“, въ силу вѣры, чрезъ которую вѣрующій возвышается надъ общимъ: „субъективность, — значитъ, — выше дѣйствительности“. Въ сочиненіи „Повтореніе“ подъ вымышленною фигурой поэта, который ради высшей „духовной дѣйствительности“ отказывается отъ ежедневнаго повторенія обычныхъ житейскихъ сценъ и порываетъ съ невѣстою, Киркегордъ анализируетъ психологическую исторію своего разрыва.

Послѣ ряда словъ — „Три назидательныя слова“, „Два назидательныя слова“ (1844), „Три назидательныя слова“ — Киркегордъ, въ строго философскомъ разсужденіи „Философскія мелочи“ — снова останавливается на своемъ пониманіи христіанства, какъ вѣры въ абсурдъ (идея Богочеловѣка). Здѣсь всякая спекуляція — одно воображеніе, предметъ вѣры, доступенъ лишь въ субъективномъ переживаніи. Въ сочиненіи „Понятіе: боязнь“ представляется глубоко-мысленная феноменологія грѣха. Въ поэтическомъ произведеніи: „Предисловіе“ Киркегордъ отдаетъ себѣ дань, какъ поэту, и яркими красками изображаетъ счастье новобрачнаго, общающаго своей женѣ писать лишь предисловіе... Слѣдовавшія „Четыре поучительныя слова“ (1845) отличаются особою красотою, глубиной и задумчивостію.

Въ большомъ сочиненіи „Стадіи на жизненномъ пути“ Киркегордь глубже уясняетъ идею сочиненія „Или—или“, рѣзче разграничиваетъ этическую и религиозную стадію и глубже оцѣниваетъ бракъ, хотя во взглядѣ на женшину онъ здѣсь не далеко отступаетъ отъ обычнаго эстетико-романтическаго взгляда. Издавъ „Три слова на задуманные случаи“ Киркегордь, наконецъ, пишетъ послѣднее большое произведеніе этого періода: „Заключительная ненаучная приписка къ философскимъ мелочамъ“ (въ февралѣ 1846 г.), гдѣ какъ бы подводятся итогъ всему сказанному. Историческое и философское обоснованіе христіанства, по Киркегорду, невозможны. Ни довѣріе Грундвига къ обѣтамъ крещенія, ни гигантская попытка Гегеля представить философію христіанства не достигаютъ цѣли... Всякая универсальная система—безуміе: въ абстракціи можетъ быть представлена лишь логическая система, а система бытія доступна лишь Богу. Спекуляция лишь отвлекаетъ человѣка отъ его главнаго дѣла, отъ заботы о вѣчномъ искупленіи души. Въ христіанствѣ исходнымъ пунктомъ является сознаніе грѣха, центральнымъ—вѣра въ парадоксъ (Тертуллиановское: *credo, quia absurdum*) и существеннымъ признакомъ—страданіе или мученичество, простояющее отъ необходимости обосновывать вѣчное блаженство на такомъ историческомъ фактѣ, который ставитъ крестъ надъ мыслию. Вѣрующій не получаетъ новаго разума для воспріянія парадокса, и потому радостная вѣра служитъ свидѣтельствомъ, что истиннаго общенія съ Богомъ нѣтъ. Сочиненіемъ „Литературное сообщеніе“ заканчивается этотъ періодъ письменности.

Киркегордь теперь чувствовалъ долгъ своей исполненности. Онъ уже помышлялъ о священническомъ мѣстѣ гдѣ-нибудь въ глуши, вдали отъ свѣта, какъ вдругъ случилось новое событіе, сразу переимѣнившее его намѣреніе и давшее толчекъ къ новому богатому литературному творчеству. А именно по незначительному поводу Киркегордь сдѣлался предметомъ насмѣшекъ и каррикатуръ въ юмористическомъ журналѣ „Корсаръ“, который своими болѣе или менѣе безкусными издѣвательствами надъ тонкой, нѣскольکو сторбленной фигурой Киркегорда, надъ его весоразмѣрными брюками, надъ его псевдонимами, его невѣстой и т. п. достигъ,

наконецъ, того результата, что всѣ уличные мальчишки смѣялись надъ Киркегордомъ и показывали на него пальцами, когда онъ проходилъ по улицѣ. Для такой вѣжливой-чувствительной и воспримчивой натуры, какъ Киркегордь, это пропешествіе было страшнымъ ударомъ,—и оно значило для него очень многое. Доселѣ, страстно полемизируя съ учеными и мудрецами, Киркегордь въ глубинѣ души всегда чувствовалъ влеченіе и симпатію къ простому, безхитроственному народу и втайнѣ онъ находилъ въ этомъ нѣкоторое „смягченіе своего одиночества“, нѣкоторую реальную связь съ міромъ. Но вотъ на него напалъ „Корсаръ“, и никто не заступился за него, всѣ оставили его, и та толпа, которую онъ старался образовать и которой старался открыть глаза, пошла теперь за „Корсаромъ“ и, слѣдовательно, она не знала его и знать не хочетъ. Итакъ, его проповѣдь осталась „гласомъ вопіющаго въ пустынь“ и вмѣстѣ съ тѣмъ подъ нами разрушена послѣдняя реальная почва его душевнаго равновѣсія и мужества жизни. Киркегорду оставалось теперь одно—искать утѣшенія въ своей христіанской письменности. Онъ увидѣлъ въ этомъ происшествіи перстъ Божій, зовущій его на новую проповѣдь. Только его проповѣдь теперь пняла. Онъ закончилъ свою прежнюю письменность, мыслию о мученичествѣ въ христіанствѣ; но это мученичество было, такъ сказать, интеллектуальное, теоретическое, обусловленное вѣрою въ парадоксъ. Теперь же Киркегордь увидѣлъ въ христіанствѣ другое мученичество—реальное, практическое. Изъ случая съ „Корсаромъ“ Киркегордь увидѣлъ, что толпа не только глупа и низка, но что она и „зла“ и что всякій свидѣтель истины будетъ осмѣявъ, гонимъ и преслѣдуемъ. Такъ говоритъ христіанство, и всякій истинный христіанинъ есть непременно мученикъ среди толпы, страдалецъ. И вотъ Киркегордь снова выступаетъ съ цѣлымъ рядомъ произведеній уже строго-религіознаго характера, въ которыхъ Сократъ уже всецѣло уступаетъ мѣсто Христу и въ которыхъ проводится идеаль послѣдованія Христу въ любви, въ страданіи и въ самоотреченіи к постепенно все болѣе и болѣе выясняется идеаль страдальца-аскета. Произведенія этого періода: „Назидательныя слова въ различномъ духѣ“ (въ

февраль 1847 г.), „Дѣла любви“, „Христіанскія рѣчи“, „Лилія въ полѣ и птица подъ небомъ“ (1849), „Два этико-религіозныя изслѣдованія“, „Волѣны къ смерти“. „Первосвященникъ—Мытарь—Грѣшница: три слова при причащеніи въ пятницу“, „Упражненіе въ христіанствѣ“ (1850), „Назидательное слово“ (1851), „Два назидательныя слова при причащеніи въ пятницу“, „О моей сочинительской дѣятельности“ и, наконецъ, „Для самоиспытанія, рекомендованное современникамъ“.

Въ этомъ рядѣ произведеній авторъ съ постоянно возрастающею глубиной и искренностью довелъ идеалъ христіанства до такой высоты, что теперь, наконецъ, само собою возникалъ вопросъ объ отношеніи къ этому идеалу современнаго христіанства и его представителей. Во главѣ датской церкви стоялъ тогда уважаемый всѣми выдающійся церковный проповѣдникъ и организаторъ, епископъ зеландскій Мюнстеръ. Съ дѣтства Киркегордъ относился съ большимъ уваженіемъ къ Мюнстеру, въ особенности потому, что онъ былъ „духовнымъ пастыремъ его отца“, который питалъ къ Мюнстеру безграничную преданность. Но теперь Киркегордъ видѣлъ, что примасъ датской церкви не соответствуетъ его идеалу христіанина; теперь онъ въ немъ видѣлъ лишь человѣка, „всю свою жизнь наслаждавшагося среди общаго почета и уваженія, въ благоразумномъ согласіи съ общемъ чувствъ“. Втайнѣ Киркегордъ надѣялся, что Мюнстеръ признаетъ справедливость его ученія и вмѣстѣ съ тѣмъ, „свою отдаленность отъ идеала“. Если бы Мюнстеръ сдѣлалъ это, Киркегордъ былъ бы успокоенъ и пошелъ бы дальше въ своемъ творчествѣ, ибо въ головѣ его уже предносились туманные обрисы новыхъ темъ для изслѣдованія: о примиреніи, объ оставленіи грѣховъ, о благодати... Но Мюнстеръ молчалъ. Уважая память своего отца, молчалъ и Киркегордъ, и три года съ его именемъ было тихо.

Но вотъ 3 января 1854 года умеръ Мюнстеръ. Въ слѣдующее воскресенье проф. Мартенсенъ, проповѣдуя въ дворцовой церкви, назвалъ почившаго Мюнстера „свидѣтелемъ истины, однимъ изъ истинныхъ свѣдѣтелей истины, звеномъ въ священной цѣпи, которая простирается отъ дней Апостоловъ до

нашихъ дней“. Этого для Киркегорда было довольно. Больше терпѣть онъ не могъ. Для него теперь было ясно, что официальные церкви не признаютъ его ученія и что его борьба, имѣвшая для него значеніе смысла жизни, не тронула „христіанства“, который разрушилъ и отмѣнилъ „истинное христіанство“, лишь въ принципѣ признавалъ его высшіе идеалы и въ то же время живя и дѣйствуя по болѣе низменному идеалу. Киркегордъ немедленно написалъ возраженіе; но держалъ его еще у себя 9 мѣсяцевъ, пока проф. Мартенсенъ официально былъ назначенъ преемникомъ Мюнстера по кафедрѣ епископской, и затѣмъ въ декабрѣ 1854 г. въ журналѣ „Отечество“ (Fædrelandet) напечаталъ свою статью подъ заглавіемъ: „Былъ ли епископъ Мюнстеръ свѣдѣтелемъ истины?“ Здѣсь Киркегордъ открыто заявляетъ, что Мюнстеръ въ своей проповѣди „замолчалъ, опустилъ вѣчто наиболѣе рѣшающее въ христіанствѣ...; что свѣдѣтели истины есть тотъ человѣкъ, съ котораго сдерутъ кожу, котораго измучатъ, будутъ влачить изъ одной темницы въ другую и котораго, наконецъ, повѣсятъ на крестѣ, или обезглавятъ, или сожгутъ и бездушное тѣло котораго будетъ брошено палачемъ въ одно изъ непотребныхъ мѣстъ“. Епископъ Мартенсенъ возражалъ ему, назвавъ его „Терситомъ, пляшущимъ на могилѣ героя“. Киркегордъ былъ еще болѣе возбужденъ. Съ этого времени, не обращая вниманія ни на какія возраженія, Киркегордъ выискиваетъ одну статью за другою—въ „Огечествѣ“, въ Летучихъ Листкахъ и, наконецъ, въ собственномъ періодическомъ изданіи „Мгновеніе“ (Ojeblikket), котораго вышло 9 тетрадей, въ конхъ онъ громитъ „христіанизмъ“, уличающій „христіанство“, объявляетъ протестантизмъ „неправдою, нечестностью, искаженіемъ истины“, нападаетъ на духовенство, обряды, таинства, переходитъ далѣе къ Новому Завету и говоритъ, что Ап. Павелъ уже отступилъ отъ чистоты идеала. Непозвѣстно, до чего бы договорился Киркегордъ въ своихъ страстныхъ нападкахъ на церковь, но чрезмѣрное душевное напряженіе въ этой борьбѣ надорвало и безъ того хрупкій его организмъ. Киркегордъ не выдержалъ: 2-го октября 1855 года онъ слегъ въ госпиталь, а 11-го ноября того же года онъ мирно скончался, съ твердою вѣрой на

милость Божию и въ надеждѣ, что его смерть будетъ способствовать его дѣлу.

Послѣ смерти Киркегорда были изданы слѣдующія его сочиненія: „Газетныя статьи“ (1857), „Точка зрѣнія на мою сочинительскую дѣятельность“ (1859), „Судите сами“ (1876) и „Оставшіяся бумаги“—8-й томъ дневника (1869—1881 г.).

Насколько былъ силенъ слѣдъ, оставленный Киркегордомъ въ духовной жизни его ближайшихъ современниковъ, объ этомъ можно судить изъ отзывовъ различныхъ лицъ. Такъ, на второмъ „Скандинавскомъ Церковномъ Съѣздѣ“ (въ 1859 г. въ Люндѣ): священникъ Бледель въ рѣчи о состояніи датской церкви замѣтилъ, что „священники его времени имѣли опытнаго наставника въ лицѣ С. Киркегорда, изъ твореній котораго вышелъ могучій живительный духъ.., и что многіе священники при чтеніи этихъ сочиненій были совершенно потрясены и сдвинуты съ своей старой официальной полновѣстности и туполадности“. Но на третьемъ подобномъ же съѣздѣ (въ Христианіи въ 1861 г.) священникъ Вексельсъ, говоря о норвежской церкви, съ прискорбіемъ отмѣтилъ тотъ фактъ, что сочиненія С. Киркегорда получали широкое распространеніе въ Норвегіи и „подорвали добрыя отношенія между пастырями и ихъ пасомыми“. Иначе взглянули на дѣло свѣтскіе люди. Извѣстный литературный критикъ Г. Врандесъ въ 1877 г. писалъ о Киркегордѣ: „Онъ не думалъ о томъ, что въ то время, какъ онъ стоялъ на валу и защищалъ крѣпость противъ безвредныхъ спекулянтовъ (разумѣются, въроятно, Мюнстеръ, Мартенсенъ...), *свободомыслящіе* протѣснились за его спиною и завоевали мѣсто“. А новѣйшіе издатели полного собранія сочиненій С. Киркегорда, признавая его великимъ мыслителемъ и классикомъ датской прозы, въ тоже время пишутъ: „для нашего времени болѣе и болѣе становится яснымъ, что Киркегордь не только одинъ изъ величайшихъ мыслителей XIX вѣка, но что онъ долженъ занять мѣсто между весьма немногими избранными умами, жизнедѣятельность которыхъ обозначаетъ поворотный пунктъ въ религіозномъ развитіи человѣчества“. Очевидно, такимъ образомъ, что каждый признаетъ значеніе Киркегорда сообразно со своимъ вкусомъ и со степенью своего пониманія и развитія.

Мы же, отбросивъ у Киркегорда его литературу послѣдняго „періода борьбы съ церковью“, какъ выраженіе и проявленіе извѣстнаго болѣзненнаго развитія, безвериемъ сведшаго его въ могилу, литературу, не вытекающую изъ громаднаго предыдущаго творчества автора (Киркегордь—въ 47 году имѣлъ серьезное намѣреніе сдѣлаться священникомъ, т. е. представителемъ церкви, вызвавшей жестокаго огорченія въ предсмертный годъ своей жизни), отбросивъ, говоримъ, эту литературу, мы будемъ имѣть предъ собою, хотя, быть можетъ, и не всегда непогрѣшимую, но безспорно глубоко содержательную, оригинальную, страстную и назидательную проповѣдь христіанскаго идеала и христіанскаго *аскетизма* среди протестантизма. Съ послѣдней стороны Киркегордь всего менѣе могъ быть понятъ въ Даніи, какъ странѣ протестантской, ибо для протестанта аскетизмъ является чѣмъ-то устарѣлымъ, ограниченнымъ, подавляющимъ все „естественное и человѣческое“.

Литература. *Søren Aabye Kierkegaard*, Полное собраніе его сочиненій, начатое изданіемъ съ 1901 г. подъ редакціей Dr. A. B. Drachman'a, Prof. Dr. J. L. Heiberg'a и библиокаря H. O. Lange; *Dr. L. N. Helveg*, „Den danske Kirkes Historie efter Reformationen“, IX, 1880; *L. Koch*, „Den danske Kirkes Historie i Aarene 1817—1854“; *Egozse*, „Fra Grundtvigianismens og den indre Mission Tid. 1848—1898“; *H. Martensen* (противникъ Киркегорда), „Den Christelige Etick I—II, 1879“; *Carl Koch*, *Søren Kierkegaard, Tre Foredrag 1898*; *Georg Brandes*, „Søren Kierkegaard. En kritisk Forestilling i Grundrids, 1877“; *K. Kroman* „i Dansk biografisk Lexikon“, IX, 1895; *Cl. Wilkens* i *Salmonsens st. ill. Konversationslexikon for Norden* 10, 1900; *Fr. Nielsen* (ученикъ Киркегорда) i „Realencyklopedie für protestantische Theologie und Kirche“ von Herzog-Hauck X³, 1901. [см. еще у *Eduard Platzhoff*, *Søren Kierkegaard* въ „Theologische Rundschau“ IV (1901), 4, S. 135—148; 5, S. 179—187; 6, S. 219—226. Нѣмецкій переводъ *J. v. Reinscke*, *Ausgewählte christliche Reden mit Anhang über K's Familie, Privatleben etc.*, 1901. Rev. *Alexander Griene*, *Søren Kierkegaard* въ „The Expository Times“ XIX, 5 (February 1908), p. 205—209. см. также у *II. Ганзена* въ „Энци. Словарѣ“ Брокгауза и Эфрона полут. XXIX, стр. 124—127, см. еще *Ганзена* же ibid. полут. XIX, стр. 157.] (Наиболѣе обстоятельный о Киркегордѣ трудъ принадлежитъ современному извѣстному философу датскому—*Гейфдингу (Hoffding)*, *Søren Kierkegaard als Philosoph* (Frommans „Klassiker der Philosophie“, 1896). Лестный отзывъ

Гейфдингга заслужила статья *Хр. Шремппа*, Kirkegaards Stellung zu Bibel und Dogma («Zeitschrift für Theologie und Kirche» I, S. 179—229). Сравни. статья *Гейфдингга* въ «Archiv für Geschichte der Philosophie» (1888, II Bd). См. о Киркегордѣ въ различныхъ курсахъ исторіи философіи, въ особенности въ «Исторіи новѣйшей философіи (Очеркъ исторіи философіи отъ Капта до нашихъ дней) проф. копенгагенскаго Университета *Гаральда Гейфдингга* (СПб 1900 г., стр. 240—243; здѣсь выясняется мировоззрѣніе Киркегорда талантливо и сжато). Ср. *Фалькенберга*, Исторія новой философіи (СПб. 1894 г., стр. 507—508; здѣсь кратко намѣчено положеніе Сёрена Киркегорда въ ряду другихъ, современныхъ ему, представителей датской философіи). Одинъ изъ оппонентовъ Киркегорда датскій же философъ *Георгъ Брандесъ* (род. въ 1842 г.) написалъ критику на представителя „строгаго дуализма знанія и вѣры“ (тѣмъ былъ Киркегордъ). При русскомъ переводѣ извлеченій изъ сочиненія Киркегорда «Одно изъ двухъ» помѣщено предисловіе изъ критикъ *Брандеса* („Сѣверный Вѣстникъ“ 1886 г. №5, стр. 104—127). О. Проф. *Т. И. Буткевичъ* далъ изслѣдованіе: „Датскій философъ Серенъ Киркегордъ, какъ проповѣдникъ этическихъ началъ въ развитіи личности“ („Вѣра и Разумъ“ 1886 г. № 16, стр. 182—225) № 21, стр. 493—522). Ср. проф. *Н. И. Карпеева*, Мысли объ основахъ нравственности (СПб. 1895, стр. 163: „С. Киркегоръ“; здѣсь дается краткая характеристика переведеннаго на русскій языкъ сочиненія Киркегорда: „Наслажденіе и долгъ“, СПб. 1894 г.). Вообще, датская богословская—философская литература мало извѣстна не только у насъ, но и въ Западной Европѣ, вслѣдствіе чего она игнорируется даже въ такихъ трудахъ, каковы, напр., по исторіи этики труды: *Gass'a*, *Luthard'a*, *Фулье*, *Юдья*, *Фризо*, *Sidgwick'a*, *Вундта* и др. *Ch. Schrempf*, Sören Kierkegaard. Ein unfreier Pionier der Freiheit. Mit. Vorwort v. H. Höffding, Frankfurt. a. M. 1907.—Проф. *А. А. Бронзовъ*).

Н. Егоровъ.

Кирпичниковъ Александръ Ивановичъ, историкъ всеобщей и русскій литературъ и археологъ, род. въ 1845 г. въ Мценскѣ въ купеческой семьѣ, учился въ московской первой гимназіи и москов. Университетѣ; изъ профессоровъ наибольшее вліяніе на Кирпичникова произвелъ *Θ. И. Буслаевъ*. Кирпичниковъ очень близко стоялъ къ *Буслаеву*, пользовался его совѣтами, библіотекой и навсегда сохранилъ глубокое къ нему уваженіе. *Буслаевъ* былъ первымъ его наставникомъ и руководителемъ въ дѣлѣ

изученія духовной поэзіи и церковнаго искусства. Въ 1873 г. Кирпичниковъ защитилъ магистерскую диссертацию „Поэмы ломбардскаго пика“, въ 1879 г. докторскую—„Св. Георгій и Егорій Храбрый“, съ 1883 г. обратился къ изученію исторіи церковнаго искусства и специализировался на живописныхъ изображеніяхъ Пр. Дѣвы Маріи. Кирпичниковъ занималъ послѣдовательно катедры исторіи всеобщей литературы въ 3-хъ университетахъ—харьковскомъ, новороссійскомъ и московскомъ. Во время пребыванія въ Одессѣ въ концѣ 80-хъ годовъ развились его интересы къ изученію византійскаго и древне-русскаго искусства, при содѣйствіи и подѣ вліяніемъ проф. *Н. П. Кондакова*. Скончался *А. И. Кирпичниковъ* 30 апрѣля 1903 г. въ Москвѣ. Если не считать большаго, но не совсѣмъ удачнаго изслѣдованія о повѣсти о Варлаамѣ и Іосафѣ (строгая критика акад. *А. Н. Веселовскаго* въ „Вѣст. Европы“ 1876 г. декабрь и въ „Журн. Мин. Нар. Пр.“ 1876 г. июль), то къ духовной литературѣ могутъ быть отнесены ст. „Источники нѣкоторыхъ духовныхъ стиховъ“ (въ „Журн. Мин. Нар. Пр.“ 1877 г.) и диссертация „Св. Георгій“ (въ „Журн. Мин. Нар. Пр.“ 1878—1879 г. и отдѣльно въ 193 стр.). Въ первой главѣ диссертации, самой трудной и вытѣсѣ съ тѣмъ самой лучшей, собраны и критически разобраны редакціи житія св. Георгія, опредѣлена древнѣйшая, и житіе отдѣлено отъ чуждаго змѣѣ. Во 2-ой гл. излагаются объясненія легендъ, мифовъ разныхъ западныхъ ученыхъ. Остальныя главы, 3 и 4, посвящены славянорусскому *Егорію Храброму* въ преданіяхъ, обрядахъ и духовныхъ стихахъ. Главныя заслуги Кирпичникова состоятъ въ томъ, что съ первыи охватилъ сказанія о св. Георгіи во всей ихъ органической цѣлости и представилъ генизисъ легенды отъ ея основы, коренящейся въ религіозныхъ представленіяхъ Востока, до житія и его развѣтвленій и далѣе до его различныхъ отраженій и преображеній въ народной поэзіи. Диссертация Кирпичникова вызвала обширный и весьма цѣнный „Отчетъ“ акад. *А. Н. Веселовскаго*, въ 228 стр., въ 37 т. „Записокъ И. Акад. Наукъ“ 1891 г. Такимъ образомъ, уже въ первыхъ своихъ трудахъ, въ особенности въ докторской диссертации, Кирпичниковъ достигъ близко къ темамъ, дававшимъ сюжетъ

ты иконописи; отсюда, естественно, было перейти къ изученію иконографіи. Успешная дѣятельность въ этомъ наравленіи обнаруживается съ 1883 г., когда въ „Русской Мысли“ № 7 была напечатана Кирпичниковымъ популярная статья о Рафаэлѣ Санціо, въ „Историч. Вѣстн.“ № 10 также популярная статья „Древне-христіанскія катакомбы“, составленная по соч. Шультце и въ „Журн. Мин. Нар. Пр.“ ч. 228 специальная статья „Сказанія о житіи Дѣвы Маріи и ихъ выраженіе въ средневѣковомъ искусствѣ“. Дальнѣйшія изслѣдованія по иконографіи показали, что Кирпичниковъ специализировался на изученіи иконописныхъ изображеній Пр. Богородицы. Съ первыхъ же шаговъ обнаруживается стремленіе Кирпичникова связать изученіе иконописи съ соответствующими литературными явленіями, житіями, легендами, церковными пѣснопѣніями, апокрифами, духовными стихами. Работа поведена была серьезно, съ обстоятельными изученіемъ западно-европейскихъ историковъ. Съ цѣлію историческаго опредѣленія иконописныхъ изображеній Пр. Дѣвы Кирпичниковъ посѣщалъ библіотеки и музеи въ Берлинѣ, Парижѣ, Римѣ, Венеціи, совѣтовался съ выдающимися западными специалистами. Результатомъ такихъ изученій было значительное число открытій, напр. итальянской рукописи XV в.—„Исторія Іоакима и Анны“, открытой въ библіотекѣ св. Марка въ Венеціи (изд. въ „Журн. Мин. Нар. Пр.“ 1883 г., ч. 228), лицевой рукописи XIII в. итальянскаго происхожденія, съ иконографической біографіей Богородицы; рукопись эта была найдена Кирпичниковымъ въ парижской Національной библіотекѣ и подробно имъ описана въ „Журн. Мин. Нар. Пр.“ 1892 г. № 8. Какъ энергично принялся Кирпичниковъ за изученіе иконографіи Богородицы, видно изъ того, что въ тотъ же 1893 г., одновременно со статьей о сказаніяхъ о житіи Дѣвы Маріи, въ 1 т. „Художеств. Новостей“ появилась ст. Кирпичникова „Миніатюры часослововъ Имп. Публичной библіотеки по отношенію къ легендѣ о Мадоннѣ“. Въ 1884 г. въ Академію Наукъ представлена была программа Кирпичникова о задуманныхъ имъ по иконографіи работахъ и поставленныхъ цѣляхъ. „Моя работа,—говоритъ Кирпичниковъ,—должна преслѣдовать три цѣли: 1) изложить

исторію выработки и видоизмѣненій поэтически-художественнаго образа в легенды о Богоматери на Западѣ и на Востокѣ, иначе сказать, представить опыты идеаловъ христіанской Европы, насколько они выражаются въ поэтическихъ и художественныхъ изображеніяхъ Богоматери; при этомъ спеціальной моей цѣлью будетъ выяснитъ отношеніе русскои поэзи и искусства къ византийскому и западно-европейскому; 2) уяснить нѣкоторые вопросы христіанской археологіи и словесности (вліяніе апокрифовъ, словъ, гимновъ) и 3) выяснитъ общій теоретическій вопросъ о взаимодѣйствіи поэзи и искусства“. Всѣ послѣдующія статьи Кирпичникова имѣютъ характеръ подготовительныхъ работъ или иконографическихъ этюдовъ. Работы цѣльной и стройной по этой части Кирпичниковъ не оставилъ. Статьи его, однако, въ совокупности даютъ богатый матеріалъ и для исторіи искусства, и для исторіи литературы. Во 2 и 3 томахъ „Трудовъ VI Археологич. Съѣзда 1887 г. Кирпичниковъ далъ двѣ статьи: —„Успеніе Богоматери въ легендѣ и искусствѣ“ и „Иконографія Вознесенія Христова“. Въ первой статьѣ данъ обстоятельный обзоръ легендъ объ Успеніи Богородицы и соответствующихъ изображеній въ восточныхъ и западныхъ памятникахъ искусства; во второй—обзоръ изображеній Вознесенія Христова. Въ ст. о Вознесеніи находятся дѣльныя страницы объ образѣ Оранты. Авторъ доказываетъ возможность одновременнаго существованія двухъ значеній фигуры Оранты, какъ Богоматери и церкви. Въ статьѣ объ Успеніи находятся замѣчанія о поясѣ Пр. Богородицы въ легендахъ народной поэзи и иконографіи; при этомъ указаны нѣкоторые византийскіе источники (слово Германа VIII в.). Въ „Журн. Мин. Нар. Пр.“ 1893 г. № 11 и въ „Энцикл. Слов.“ Брокгауза и Ефрона (№ 19) того же 1893 г. помѣщены статьи Кирпичникова объ иконѣ „Денсусъ“ (Спаситель, Богоматерь и Предтеча). Обѣ статьи взаимно дополняютъ одна другую: объяснение названія (изъ *δέσους* —моленіе), наибольшее старая свѣдѣтельность VII в., составъ композиціи простой и сложный, широкое распространеніе на Западѣ и въ Россіи XVII ст. Въ томъ же 1893 г. въ „Лѣтоп. истор.-филол. общ. при Имп. Новорос. Унив.-верс.“ напечатана ст. Кирпичникова „Чу-

десныя статуи Константинополя“ (статуи Судьбы, статуи Юстиніана и др.). Въ „Древн. поствѣхъ Моск. Археол. Общ.“ 1894, XV, Кирпичниковъ помѣстилъ небольшую ст. „Къ иконографіи Сочестіи Св. Духа“, въ которой отведено немало мѣста входящимъ въ нѣкоторыя композиціи этого рода изображеніямъ Богородицы. Изъ частности выдаются замѣчанія о фигурѣ Космоса, въ значеніи царя міра сего. Въ ст. „Этюды по иконографіи Рождества Христова“ въ VII т. „Запис. Имп. Рус. Археол. Общ.“ 1894 г. Кирпичниковъ останавливается на легендахъ о путешествіи св. семейства въ Влодезь и соотвѣствующихъ иконописныхъ изображеніяхъ. Изъ частности выдаются замѣчанія о сказаніяхъ о свѣ Богородицы. Въ 1896 г. въ „Чтен. въ Имп. Общ. Ист. и Древн. при Москов. Унив.“ Кирпичниковъ помѣстилъ статью „Русское сказаніе о Лоретской Богоматери“, любопытный памятникъ XVI в. Тексту подъ заглавіемъ „Повѣсть о храмѣ св. Богородицы въ немъ же родился отъцъ Іоакима и Авны“ предшествуетъ предисловіе. Въ повѣсти интересный мотивъ о переходѣ церкви съ мѣста на мѣсто. Въ 1894 г. въ „Памяти. древн. письменности“ № CV было издано Кирпичниковымъ „Сужденіе Дьяволапротивъ“ рода человѣческаго“, — переводная съ польскаго повѣсть XVII ст. Начало исторіи сходно съ „Потерянныя Раемъ“ Мильтона. Въ повѣсти, состоящей изъ 21 главы, находятся рассказы демонологическаго содержанія. Встрѣчаются повѣрья п суевѣрія. Отзывъ Кирпичникова объ изслѣдованіи проф. С. В. Соловьева „Къ легендамъ объ Іудѣ“ (1895 г.), напечат. въ „Записк. Новорос. Унив.ерс.“ 1896 г., представляетъ лишь краткую передачу содержанія книги, безъ признаковъ спеціальнаго изученія этого предмета. Сравнительно болѣе велика и болѣе содержательныя рецензіи на соч. Дюла о византійскомъ искусствѣ, напечатанныя въ 4 № „Визант. Врем.“ 1895 г., и еще лучшая рецензія соч. проф. Н. В. Покровскаго объ отраженіи Евангелія въ иконографіи, изд. въ VII т. „Зап. Имп. Рус. Археол. Общ.“ 1895 г. Наиболѣе интересныя данныя относятся къ композиціи Благовѣщенія. Въ „Журн. Мин. Нар. Пр.“ 1897 г., VII, напечатана публичная лекція „Историческій обзоръ иконописныхъ изображеній Богоматери“. Въ статьѣ

говорится о ростѣ культа Богородицы, о литературныхъ источникахъ ея иконописныхъ изображеній. Этотъ сжатый конспектъ иконографіи Богородицы представляется очень полезнымъ и интереснымъ для лицъ, ищущихъ самообразованія и какъ пособіе для высшихъ училищъ. Одною изъ лучшихъ статей Кирпичникова представляется „Взаимодѣйствіе иконописи и словесности народной и книжной въ „Трудахъ VIII археол. съѣзда“ 1895 г. (т. I). Авторъ доказываетъ, что иконографія служитъ посредствующимъ звеномъ между письменностію, съ одной стороны, и народной поэзіей, съ другой. Сначала приводятся примѣры вліянія словесности на иконопись, затѣмъ сравнительно малочисленные примѣры вліянія иконописи на словесность, преимущественно на духовные стихи. По содержанію къ этой статьѣ близко примыкаетъ маленькая замѣтка „Особый видъ творчества въ древней русской литературѣ“ въ 4 кн. „Журн. Мин. Нар. Пр.“ за 1890 г. Здѣсь говорится о вліяніи народной поэзіи на прологи и мины въ сказаніи объ одномъ чудѣ св. Димитрія. Кромѣ того, къ исторіи христіанской живописи или къ христіанскимъ древностямъ принадлежатъ слѣдующія небольшія статьи Кирпичникова: „Любопытная лицевая рукопись парижской Національной бібліотеки“ въ 8 № „Журн. Мин. Нар. Пр.“ 1892 г., „Zur byzantinischen Miniaturmalerei“ въ „Byz. Zeitschr.“ IV, рецензія на „Die Psalterillustration“ въ „Визант. Врем.“ 1896 г., III—IV, популярныя статьи о древне-христіанскихъ катакомбахъ въ „Истор. Вѣст.“ 1883 г. № 10 и „Очеркъ исторіи Херсонеса и его участія въ крещеніи Руси“ въ „Истор. Вѣст.“ 1888 г., IX, „Два недѣли на островѣ Халкѣ“ въ „Журн. Мин. Нар. Пр.“ 1887 г., IX, „Гдѣ взять матеріалъ для исторіи византійской литературы“, въ „Журн. Мин. Нар. Пр.“ 1889 г., V, рецензія на „Истор. визант. литер.“ Крумбахера въ „Визант. Врем.“ 1902 г., IX, „Переписка монаха Іакова съ императрицей“ въ „Лѣтоп. Одесск. Ист.-Филол. Общ.“ 1892 г., біографія п оцѣнка трудовъ Филлимова въ „Археол. Изв. и Замѣт.“ VII и Буелаева въ 1 ч. „Очерк. по ист. русск. литер.“ Къ циклу статей о Богородицѣ примыкаетъ ст. „Богородица въ народной поэзіи“ въ „Юбилейн. сборн. въ честь проф. В. О. Миллера“ (стопа Богородицы на камнѣ,

ревность Иосифа и др.). Какъ преподаватель-профессоръ. Кирпичниковъ содѣйствовалъ развитію интереса къ изученію христіанской археологіи и искусства совѣтомъ, указаніемъ источниковъ, сообщеніемъ многихъ свѣдѣній изъ круга личныхъ изученій и наблюденій. Изучивъ богатства западныхъ библиотекъ, ознакомившись на мѣстѣ съ древностями Византіи и Аѳона, Кирпичниковъ давалъ своимъ слушателямъ богатый научный матеріалъ и вовлекалъ ихъ въ кругъ излюбленныхъ имъ научныхъ интересовъ.

Биографіи и оцѣнку трудовъ Кирпичникова см. въ XIV т. „Сборн. Харьк. Истор.-Филол. Общества“ 1905 г. (сводъ статей о Кирпичниковѣ); проф. *Шенелевича*, „Кафедра ист. всеоб. литер. въ Харьк. Унив.“ 1897 г., спец. изслѣд. проф. *Е. К. Рядина*, „А. И. Кирпичниковъ. Обзоръ его трудовъ по ист. искусства“ (Харьковъ 1905); спец. ст. *Л. Д. Воронцовой*, „А. И. Кирпичниковъ, какъ изслѣдователь русской иконографіи“ (съ хорошимъ портретомъ) въ „Древност. Труд. И. Моск. Археол. Общ.“ 1904 г. XX, вып. 3; проф. *Н. О. Сумцова*, „Памяти А. И. Кирпичникова“ (Харьковъ 1905). [В. Лазурскаго, Научная дѣятельность проф. Кирпичникова въ „Запискахъ Новороссійскаго Университета“ XCIV (1903), стр. 61—72].

Профессоръ Н. О. Сумцовъ.

Кирхарешеть (Иса. 16, 7. 11. 4 Цар. 3, 25), или *Кирхарешъ* (Иер. 48, 31. 36)—то же, что *Киръ-Моавъ* (Иса. 15, 1). См. „Киръ-Моавъ“ ниже стлб. 472—473.

Прот. Н. Е.

Киръ—мѣстность, изъ которой вышелъ некогда арамеи (Ам. 9, 7), поселившіеся, между прочимъ, въ Дамаскъ и въ которую они должны были, согласно предсказанію пр. Амоса (1, 5), снова возвратиться, въ качествѣ плѣнниковъ. Предсказаніе исполнилось. Ассирійскій царь Теглафелласаръ (Тиглат-Пилезеръ), покоривши Дамаскъ и его царство, плѣнныхъ жителей Дамаска—арамеевъ переселилъ въ Киръ (4 Цар. 16, 9). Гдѣ находилась мѣстность *Киръ*,—съ точностію неизвѣстно. Обыкновенное мнѣніе таково, что эту мѣстность слѣдуетъ искать на Кавказѣ, въ Грузіи, на рѣкѣ Куръ; нѣкоторые (напр. Fugger) полагаютъ, что библейскій *Киръ* то же, что *Киросъ* (Кѳросъ) грековъ—округъ, съ многочислен-

ными развалинами, въ холмистой мѣстности, лежащей на востокъ отъ горъ Амана, на сѣверо-западъ отъ Антиохіи. Но едва-ли это такъ. Приведенныя мнѣнія основываются лишь на созвучіи въ названіяхъ; между тѣмъ въ западныхъ странахъ, гдѣ власть ассиріянъ никогда не была продолжительною и прочною и гдѣ къ нимъ относились непріязненно,—помѣщеніе плѣнныхъ было бы для ассирійской монархіи, несомнѣнно, опаснымъ. Вѣроятно же всего, что *Киръ* находился въ самой Ассиріи, какъ ся неразрывная часть, и при томъ на восточныхъ окраинахъ монархіи. Такъ, въ 4 Цар. 15, 29. 16, 9 повѣствуется о западныхъ походахъ Теглафелласара, царя ассирійскаго, во время которыхъ онъ покорилъ сѣверную часть царства израильскаго и Дамаскъ, при чемъ плѣнныхъ сыновъ Израилевыхъ переселилъ въ Ассирію; но, конечно, въ Ассирію же отправилъ онъ и дамасскихъ плѣнниковъ—арамеевъ, гдѣ и назначилъ для ихъ водворенія мѣстность *Киръ*. Далѣе: у Иса. 22, 6 говорится о совмѣстномъ приготовленіи къ военному походу и самомъ походѣ жителей Елама и Кира; но страна еламитянъ лежала на востокъ отъ Ассиріи; поэтому естественно предположить, что ассирійская область *Киръ* находилась на восточныхъ окраинахъ ассирійскаго царства.

См. у Schenkel, BL. III, 1871, S. 534; Richm, HW². I, S. 845; Schrader, KAT³, S. 32—29 [у Smith, Vigouroux, Hastings, Cheyne].

Прот. Н. Елеонскій.

Киръ—(Kirus, Кѳросъ въ древности переводили „Солнце“; м. б. съ эламск. Kuri—„пастырь“), основатель персидской міровой державы. Свѣдѣнія о немъ почерпаются: а) изъ двухъ клинописныхъ вавилонскихъ текстовъ, т. наз. анналовъ Набоннда и Кирова цилиндра, вторая часть—котораго содержитъ манифестъ Кира покоренному Вавилону; б) изъ книгъ пр. Исаіи, пр. Даниіла, (сл.-русс. 1-й кн.) Ездры (между прочимъ подлинный указъ Кира о возвращеніи іудеевъ); в) греческихъ и римскихъ писателей: Геродота, Ктесіона (частію въ переработкѣ Николая дамасскаго), Юстина, 2-ой части Ксенофоновой Киропедіи и др. Самъ Киръ въ манифестѣ называетъ себя „сыномъ Камбиза, великаго царя, царя Аншана, внукомъ Кира, великаго царя,

царя Анишана, потомкомъ Шининса (Тенс-па), великаго царя, царя Анишана, отъ древней царской крови". Анишанъ въ вавилонскихъ текстахъ означаетъ, кажется, область Сузъ. Очевидно, предки Кира, воспользовавшись разгромомъ послѣдняго при Ассурбанипалѣ, расширили изъ Пасаргадъ свои владѣнія, и изъ вождей племени персовъ сдѣлались господами значительной области, привавъ древній славный титулъ съ его политическими притязаніями на господство надъ переднюю Азіей. Но легенды, образовавшіяся около великаго царя, представляли первоначальную исторію Кира въ нѣмъ свѣтѣ. Геродотъ сообщаетъ персидскую версію, въ которой къ сказанію, встрѣчающемуся едва-ли не у всѣхъ народовъ о дѣтствѣ великихъ людей и основателей, присоединены также преданія дома Гарпага; Ктесія рассказываетъ враждебную Киру мидійскую легенду, весьма благосклонную къ Астиагу мидійскому, при дворѣ котораго въ которое время Киръ жилъ и противъ котораго онъ возсталъ, опираясь между прочимъ на своего приспѣшника Ивара (Οὐβάρης, вавил. Уббару). Киръ началъ царствовать въ Персидѣ 559 г. до р. Хр. Подъ 550 г. хроника Набонида сообщаетъ: „Иштуверу (Астиагъ) собралъ свои войска и двинулся противъ Кураша, царя Анишана, но противъ него возстало его войско, взяло его и выдало Курашу. Тотъ вступилъ въ Экбатану, царствующій градъ, взявъ серебро, золото и проч. и унесъ въ Анишанъ". Въ другомъ мѣстѣ Набонидъ радуется, что Киръ, низложивъ Астиага, далъ ему возможность пройти въ Харранъ. Но онъ напрасно ликовалъ: уже подъ 547 г. хроника говоритъ: „въ мѣсяцѣ Нисанѣ двинулся Курашъ, ц. Персін, съ войскомъ и перешелъ Тигръ подъ Арбелами". Такимъ обр., превращеніе мидійскаго царства въ мидо-персидское имѣло послѣдствіемъ большую энергичность завоевательной политики: новый народъ вступилъ въ права и унаследовалъ традиціи Элама и Мидіи. Выѣстъ съ тѣмъ и вѣншія условія могли только вызвать новое государство на завоеванія. Крезъ мидійскій думалъ воспользоваться переходнымъ моментомъ п.,—въ союзѣ съ Вавилономъ, Египтомъ и греками,—уничтожить персовъ, пока они не стали на ноги, и перешелъ въ наступленіе за рѣку Галисъ. Киръ былъ выданъ плавъ ефесцемъ

Еврибатомъ, и онъ поспѣшилъ 547 за Тигръ. Покоривъ на пути промежуточные области, онъ послѣ нѣсколькихъ битвъ и осады взялъ въ 546 г. Сарды; Крезъ попался въ плѣнъ, и его царство обращено въ провинцію. За этимъ послѣдовало покореніе или добровольное подчиненіе греческихъ городовъ и въ-которыхъ острововъ, Карін, Ликин, Киликин. Послѣдняя сохранила своихъ туземныхъ царей; м. б. Киръ еще раньше привлекъ на свою сторону ея царя Сизннесія, владѣвшаго горными проходами. Слѣдующія 6 лѣтъ Киръ употребилъ на подчиненіе персидскихъ племенъ на крайнемъ Востокѣ до Туркестана: постройка укрѣпленныхъ городовъ (напр., Кирополя на Яксартѣ) должна была упрочить за персами господство въ тылу, чтобы спокойно приступить къ главной задачѣ:—покоренію культурныхъ странъ Запада. Положеніе дѣлъ въ Вавилонѣ къ этому времени достаточно выяснилось; Набонидъ (Набунахидъ), не смотря на все благочестіе, не угодили жрецамъ, а для халдеевъ былъ и совсѣмъ нежелателенъ; для роли защитника города отъ надвигающейся бѣды онъ не годился, и пришлось во главѣ войска поставитъ его сына Валтасара (Вел-шаръ-уссуръ). Начиная съ 7 года своего царствованія (549 г.), Набонидъ сидѣлъ въ г. Темѣ и не являлся въ столицу даже для обычныхъ церемоній въ новый годъ. Процессій, положенныхъ на этотъ день, не могло состояться; народъ и жрецы роптали. Наконецъ, въ 539 г., когда Киръ уже двигался на Вавилонъ, Набонидъ пріѣхалъ въ столицу и даже велѣлъ собрать въ нее великихъ боговъ изъ различныхъ религіозныхъ центровъ, чувствуя себя при нихъ спокойнѣе. Но это еще болѣе возбудило противъ него какъ жрецовъ вавилонскаго Мардукъ, не желавшихъ непрощенныхъ гостей, такъ и жрецовъ послѣднихъ, негодовавшихъ на этотъ своеобразный вавилонскій „плѣнъ". Итакъ, Киръ могъ опереться на вавилонское духовенство, а также на народы, номинировавшіеся въ плѣну. Настроеніе иудеевъ намъ извѣстно изъ кн. пр. Исаіи (гл. 13, 40—55); устами великаго пророка они воспѣвали торжественную пѣснь Господу, помпловавшему свой народъ и уготовавшему ему новый исходъ чрезъ пустыню. Киръ является прообразомъ Мессіи, помазанникомъ, избранникомъ Божиимъ, пастыремъ, орломъ съ Востока. При такихъ усло-

вяхъ Киру было нетрудно сокрушить Вавилонское царство. Въ мѣсяцъ оазмузъ онъ побѣдилъ при Оишѣ, 14-го числа Синапаръ сдался безъ боя, 16-го тишири Усбара вошелъ безъ боя въ столицу. Национальнымъ святинымъ былъ оказанъ почетъ и защита отъ насилія. 3-го мархешвана (октябрь) Киръ вступилъ въ Вавилонъ и вошелъ тотчасъ въ роль законнаго вавилонскаго царя. Онъ принялъ древній вавилонскій титулъ, объявилъ себя ставленникомъ Вела и Набу, разослалъ вывезенныхъ Набонидомъ боговъ по ихъ городамъ и издалъ манифестъ, въ которомъ выставилъ себя радѣтелями Вавилона и боговъ, оскорбленныхъ Набонидомъ. Къ этому жрецы Мардука присоединили предисловіе, нѣкоторые мѣста котораго удивительно по тону приближаются къ кн. пр. Исая (напр., 44, 28). Въ манифестѣ говорится также, что царь-вассалы Вавилона „отъ верхняго моря до нижняго“ принесли ему дань и лобызали его ноги. Онъ возстановилъ разрушенные города и вернулъ въ нихъ боговъ ихъ. Этимъ, вѣроятно, была оказана Сидону и, какъ намъ хорошо извѣстно, іудеямъ и Іерусалиму. Лѣтомъ 538 г. въ Экбатанѣ Киръ издалъ дошедшій до насъ (1 Езд. 6, 3—5) указъ „о домѣ Вожею въ Іерусалимѣ“; размѣры его были точно указаны, расходы должны были производиться изъ подати іудеевъ; сосуды, похищенные Навуходносоромъ, возвращались и князь возстановленной такъ образомъ іудейской общины Шенбассаръ, м. б., сынъ Іехоній получилъ этотъ указъ для исполненія (1 Езд. 1). Покоривъ семитическій Западъ, Киръ попалъ подъ вліяніе его культуры, сохранилъ существованіе Вавилонскаго царства, придавъ завоеванію характеръ личной уніи. Новый титулъ „Царь странъ“, принятый имъ, указывалъ на господство надъ Азіей, какъ комплексомъ древнихъ царствъ

Съ 1-го писана (20 марта) 538 г. клинописныя таблички частныхъ дѣловыхъ документовъ, найденныя въ изобилии въ Вавилонѣ изъ бавка Египта, датируются 1-й годъ Кира „царя Вавилона, царя странъ“, и доходятъ до 27 числа 4-го мѣс. 9 года, т. е. 530 г., а въ іюлѣ 530 г. уже они датируются по Камбизу. Объ этихъ послѣднихъ годахъ Кира намъ ничего неизвѣстно. Очевидно, мѣры, принятія фараономъ Ама-

зисомъ для защиты Египта, удержали Кира отъ попытки завоевать эту страну, тѣмъ болѣе, что потребовались новые походы въ иранскія области. Въ одномъ изъ такихъ походовъ, по Веросу—на даховъ, по Ктесию на дербиковъ, по Геродоту—на массагетовъ, Киръ нашелъ себѣ смерть на 71 году жизни. Гробница его въ Пасаргадахъ на Мургабской долигѣ. Она состоитъ изъ небѣленаго монументальнаго зданія подъ двускатною крышей съ дверью въ египетскомъ стилѣ, помѣщеннаго на шести ступеняхъ и окруженнаго оградой съ портиками и садомъ. Гробъ покоился на золотомъ ложѣ и былъ окруженъ сосудами и драгоценностями. Все это было разграблено греческими офицерами Александра македонскаго. Здѣсь же, невдалекѣ былъ скромный дворецъ Кира. До настоящаго времени сохранилась плита съ барельефомъ, представляющимъ обоженнаго генія Кира въ ассирійской одеждѣ и египетскомъ головномъ уборѣ; надпись, вѣроятно, болѣе поздняго происхожденія, гласитъ: „Я Киръ, царь, Ахеменидъ“. Впрочемъ эти остатки нѣкоторыми относятся къ Киру младшему. У всѣхъ народовъ Киръ оставилъ благодарную память: персы называли его отцомъ, евреи сравнивали съ Мессіей, греки приписывали ему всѣ добродѣтели и даже говорилъ, что при немъ въ Персію была „свобода“ (ἐλευθερία). Ксенофонтъ избралъ его образцомъ правителя въ своей „Киропедіи“. Современная исторія, признавая за нимъ извѣстную долю азиатскаго деспотизма и лукавства, тѣмъ не менѣе, не колеблясь помѣщаетъ его наряду съ наиболѣе свѣтлыми личностями исторіи и видитъ въ немъ перваго достойнаго представителя арійской расы.

Временемъ Кира датированы главы 10-12 и 14 кн. прор. Даніила: откровеніе объ эллинистическихъ царствахъ, исторія Вила и дракона.

Литература. *Kretschmer*, Kritische Geschichte des Perserkönigs Cyrus, Brünn 1867. *Evers*, Emporkommen d. pers. Reiches unter Cyrus, Berl. 1885. *Eco-mu*, Der histor. Wert d. griech. Berichte über Cyrus, Berlin 1888. *Schubert*, Herodots Darstellung der Kyrossage, Breslau 1890. *Floigl*, Cyrus nach d. neugefundenen Keilinschriften, Lpzg 1881. *Amiand*, Cyrus, roi de Perse. *Hagen*, Keilinschrifturkunden für Geschichte des Königs Cyrus, Lpzg 1891. *Prasch*, Geschichte der

Meder und Perser I, Gotha 1906. *De latine*, Cyrus dans les monuments, Le Muséon 1888. *Strassmaier*, Inschriften von Cyrus, König v. Babylon, Lpzg 1890. † Проф. В. В. Болотовъ, Вавилонъ и Дарій Мидяннинъ „Христ. Чт.“, 1896 г., т. II, стр. 279—341 [ср. у Е. Блажковскаго, Плѣнъ вавилонскій и его значеніе въ исторіи иудеевъ, Москва 1902, стр. 237—246. а также ср. у В. Д. Попова, Возвращеніе иудеевъ изъ плѣна вавилонскаго и первые годы ихъ жизни въ Палестинѣ до прибытія Ездры въ Иерусалимъ (458 г.), Киевъ 1905. Кромѣ комментаріевъ и трудовъ по библейской исторіи—см. еще напр.: Rev. Arthur Carr, Cyrus, the Lord's Anointed, „The Expositor“ 1904, XI, p. 335—345, XII, p. 414—421. В. Linder у Herzog-Hauck IV⁸, S. 389—391. Rev. Prof. Archibald Henry Sayce у J. Hastings, A Dictionary of the Bible I, p. 541—542 и ср. p. 229 (E. Hommel), Prof. T. K. Cheyne and J. W. H. Koster's въ Encyclopaedia Publica I, col. 978—982. Prof. Eugène Lamonier у F. Vigouroux, Dictionnaire de la Bible I, col. 1191—1194. Bishop. Br. E. Westcott въ A Dictionary of the Bible ed. by W. Smith I, 379—380, Rev. T. H. Weir въ „Westminster Review“ за мартъ 1908 г., гдѣ дѣлается попытка доказать, что „рабъ леговы“ у Иса. LIII есть именно Киръ: см. The Expository Times“ XIX, 7 (April 1908), p. 291—294].

В. Тураевъ.

Киръ, св. мученикъ александрійскій, IV столѣтія. Родомъ александріецъ, Киръ состоялъ въ званіи врача; затѣмъ, поселившись около Аравіискаго моря, онъ принялъ монашество. Услышавъ о чудесахъ его, прибылъ къ нему изъ Иерусалима въ Александрію едесскій уроженецъ Іоаннъ, званіемъ также врачъ, и поселился вмѣстѣ съ нимъ. Искѣля безвозмездно болѣзни, оба беззребренника попутно поучали народъ истинамъ христіанской вѣры. Когда одна христіанка Аванасія съ тремя дочерьми была привлечена къ суду, святые Киръ и Іоаннъ явились вмѣстѣ съ нею и убѣждали ее мужественно отстаивать истину христіанства. За это они и сами были осуждены на смерть посредствомъ усѣченія главъ. Мощи святыхъ во время гоненія скрывались вѣрными; но въ царствованіе имп. Аркадія (395—408 г.) при александрійскомъ патріархѣ Теофілѣ (385—412 г.) мощи были найдены и положены въ храмъ, потомъ перенесены въ Мануэу (около Канопы-Абукира), позже въ Римъ и, наконецъ, въ Мюнхенъ. Соборъ ихъ совершался въ кон-

стантинопольской мѣстности Форакинъ (въ Аркадіанахъ). Память ихъ 28 іюня и 31 января.

АА. SS. Boll. 31 января II, 1034—1095. Мученичество ихъ, по словамъ кардинала Баронія, составлено Петромъ, который написалъ его по просьбѣ Григорія, сына консула Іоанна. По Болландистамъ, мученичество написано іерусалимскимъ патріархомъ Софроніемъ (Mai, Spicilegium Romanum III, IV). Похвальнымъ словомъ послѣдняго пользовался св. Іоаннъ Дамаскинъ. Макарь Ч.—Минейя („Богоначальное намъ слово сущаа истина Христосъ Богъ нашъ“); Прологъ (подъ 31 января время жизни мучениковъ приурочено къ царствованію имп. Діоклитіана, а подъ 28 іюня—къ царствованію имп. Θεодосіа великаго; поэтому одни приурочиваютъ кончину ихъ къ 311 году, другіе къ концу IV столѣтія). Септій. [См. еще Analecta Bollandiana vol. XXV, fasc. 3 (Julii 1906); P. Peeters, Miraculum SS. Cyri et Johannis in urbe Monembasia. Cp. у W. Smith, A Dictionary of Cristian Biography III, p. 423. The Catholic Encyclopedia IV, p. 597. † Prof. Ernst Luzius, Die Anfänge des Heiligenkultus, Tübingen 1904, S. 262—266].

Хр. Лопаревъ.

Киръ, св. патріархъ константинопольскій, VII—VIII столѣтія. Въ санѣ монаха и пресвитера Киръ жилъ затворникомъ на Амастридскомъ островѣ (около Пафлагоніи), потомъ, повидному, подвизался въ константинопольскомъ Хорскомъ монастырѣ. Онъ предсказалъ сверженному имп. Юстиніану II возстановленіе власти. И когда Юстиніанъ II дѣйствительно скоро занялъ престолъ, онъ низвелъ патріарха Каллиника и въ сентябрѣ 705 г. возвелъ на его мѣсто Кира. Во второмъ году патріаршества послѣдняго (въ 706—707 г.) были изданы акты VI вселенскаго собора. Во время шестилѣтняго правленія каведроу Киръ боролся съ ересью моноелитскою и защищалъ вселенскіе соборы пятый и шестой, особенно, когда имп. Филиппъ пытался дискредитировать послѣдній. За это Филиппъ въ январѣ 712 г. низвелъ его съ престола, назначивъ преемникомъ ему Іоанна. Киръ удалился въ Хорскій монастырь, гдѣ скончался, какъ кажется, 8 января 714 года, гдѣ и похороненъ. Соборъ его совершался въ Хорскомъ монастырѣ и во св. Софій въ воскресенье, ближайшее къ 8-му января. Память его 8 января.

Theophanes, Chronographia, ed. de Boor I, 362, 374—376, 381, 382; *Nicephorus, Opuscula historica*, ed. de Boor, p. 42; *Μηχαὶον (Βενετία, 1843, σ. 94). Sequien, Oriens christianus I, 234.*

Хр. Л.—сз.

Киръ.—греческій монофелитскій патриархъ, занимавшій патриаршій престолъ Александріи въ VII вѣкѣ,—какъ церковно-историческій дѣятель, замѣчательнъ собственно тѣмъ, что принималъ выдающееся участіе въ осуществленіи плановъ императора Ираклія, стремившагося къ достиженію уніи между монофизитами и православною церковію. Въ арабскихъ источникахъ Киръ фигурируетъ обычно подъ именемъ Мукаукиса или Мукаукаса. Что Киръ и Мукаукисъ—одна и таже личность, это съ достовѣрностію установлено только въ послѣдніе годы научными работами главнымъ образомъ Butter'a (*The Arab Conquest of Egypt and the Last Thirty Years of the Roman Dominion*, Oxford 1902, p. 508, sqq; Appendix C on the Identity of (al) Mukaukas.) Въ первый разъ мы встрѣчаемъ Кира въ Фазисѣ, митрополіи въ области лазовъ, въ Колхидѣ, на берегу Чернаго моря. Киръ былъ митрополитомъ названнаго города, когда въ 626 году, въ періодъ своего продолжительнаго пребыванія въ этихъ странахъ, возвращаясь съ усѣбнаго похода противъ персовъ, императоръ Ираклій, встрѣтившись съ Киромъ въ Фазисѣ, постарался возбудить въ этомъ іерархѣ сочувствіе къ монофелитскимъ идеямъ, которыя уже распространялъ съ осторожностію Сергій, патриархъ константинопольскій. Въ этомъ случаѣ патриархъ содѣйствовалъ политическимъ планамъ императора. Въ то время византійское государство тѣснили персы (а съ 634 года и арабы). Императоръ имѣлъ несомнѣнный политическій интересъ стремиться достигнуть примиренія многочисленныхъ монофизитовъ, жившихъ въ восточныхъ и юговосточныхъ предѣлахъ его царства, съ государственною церковію. Въ этомъ отношеніи вниманіе императора болѣе всего—естественно—привлекалъ Египетъ, который, безъ всякаго преувеличенія, былъ гнѣздомъ монофелитства: на 300.000 православныхъ приходилось тамъ 6.000.000 или—по крайней мѣрѣ—5.000.000 монофелитовъ. *Hefele, Concieliengeschichte*, Bd. III (Augs. 1858),

S. 119). Заимствованная изъ писаній т. наз. Діонисія Ареопагита (Migne gr. III, col. 107), формула — *μία θεαδική ἐνέργεια*, которую императоръ намѣревался положить въ основу уніи, сначала показалась Киру непріемлемою, но онъ обратился за совѣтомъ къ патриарху Сергію. Сергій и Киръ обмѣнялись письмами (Mansi, t. XI, col. 557—561; ср. col. 524—528. См. Дѣянія вселенскихъ соборовъ, издан. въ русск. переводѣ при казанск. Дух. Акад., т. VI, изд. 2, Казань 1882, стр. 194—195). Въ своемъ отвѣтѣ Сергій старался окончательно утвердить Кира въ монофелитскихъ идеяхъ, какія ему уже внушилъ императоръ; въ этихъ видахъ патриархъ прислалъ ему всѣ документы, относившіеся къ этому вопросу (Mansi, t. XI, col. 525—528; ср. Дѣянія вселенскихъ соборовъ, изданныя въ русскомъ переводѣ при казанской Дух. Акад. VI², стр. 178—179; ср. стр. 180), которые Киръ чрезъ нѣсколько лѣтъ соединилъ, чтобы пріобрѣсти себѣ приверженцевъ. Такъ Кира склоняли къ тому, что онъ одобрилъ декретъ императора Аркадію, архіепископу кипрскому, и письмомъ патриарха Сергія тому же Аркадію,—два документа, въ коихъ запрещалось говорить о двухъ дѣйствіяхъ въ Господѣ Исусѣ Христѣ послѣ соединенія двухъ природъ. Въ благодарность за такое усердіе Киръ получилъ патриаршій престолъ въ Александрію, который былъ предложенъ ему императоромъ послѣ смерти Георгія II (по другимъ извѣстіямъ, оставившаго свой постъ, вслѣдствіе страха или измѣны, при приближеніи арабовъ) между маемъ и августомъ мѣсяцами 631 года, по Гутшмиду (*Kleine Schriften II*, Lpzg. 1890, S. 478), или осенью того же года—по Бутлеру (*L. cit.*, p. 176). Киръ прибылъ въ Египетъ съ правами вице-короля. Соединяя въ своихъ рукахъ обѣ власти—свѣтскую и духовную, Киръ поставилъ своею опредѣленною программою устроить унію между египетскими монофизитами и византійскою официальною церковію. Къ осуществленію своего намѣренія Киръ стремился изо всѣхъ силъ, не отступая предъ преслѣдованіями и другими жестокими мѣрами. Однако его жестокости, не достигши возвращенія диссидентовъ, въ результатѣ только возставили туземцевъ противъ византійскаго владыче-

ства и подготовили наступленіе господства арабовъ. Тѣмъ не менѣе съ двусмысленною (по существу моноелитскою) формулой (Mansi, t. XI, col. 564—568. Ср. Дѣянія вселенскихъ соборовъ въ русск. переводѣ VI², стр. 195—197) Киръ въ началѣ имѣлъ нѣкоторый успѣхъ. Седьмой изъ 9 членовъ этой формулы содержалъ слѣдующее: одинъ и тотъ же Христосъ и Сынъ, совершавшій дѣла, свойственные Богу и чelовѣку, однимъ богомужнымъ дѣйствованіемъ (μὴ θεανδρικῇ ἐνεργείᾳ, Mansi, t. XI, col. 565D. Ср. Дѣянія въ русск. переводѣ VI², стр. 196). Компромиссъ былъ охотно принятъ еоодосіанами,—значительною фракціей монофизитской партіи въ Египтѣ. Теодосіане, подписавшіе эту формулу 3 іюня 633 года, открыто говорили, что не они пришли къ Халкидонскому собору, а Халкидонскій соборъ къ нимъ. (Ср. Анастасій пресвитеръ, Περὶ τοῦ κατ'εἰκόνα καὶ καθ' ὁμοίωσιν у Mai, Script. Vett. Nov. Coll. VII, p. 194; Теофанъ, Χρονογραφία по Ed. de Boor, Lipsie 1883, p. 330, 14. Vita Maximi у Migne gr. XC, col. 77D). Не смотря на это, Киръ писалъ патріарху Сергію: „извѣщаю, что всѣ клирики, держащіеся ученія такъ называемыхъ еоодосіанъ въ семь христолюбивомъ градѣ Александріи, вмѣстѣ съ блестящими въ достоинствахъ и войскахъ, а также съ принадлежащими къ народу, тысячами присоединились въ третій день іюня къ нашей святѣйшей каволической Божіей церкви и причастились вмѣстѣ съ нами непорочныхъ Божіихъ таинъ“... (Mansi, t. XI, col. 561—564. Ср. въ русск. перев. Дѣян. VI², стр. 195). Въ такомъ же тонѣ и патріархъ Сергій сообщалъ Гонорію, что „весь христолюбивый александрійскій народъ, а съ нимъ почти весь Египетъ, Оиваида и Ливія и прочія провинція египетскаго діоцеза стали одностадо Христалстиннаго Бога нашего“ (Ibid., col. 532C; Ср. въ русск. перев. Дѣян. VI², стр. 181). И такой—якобы дѣйствительно блестящій результатъ—былъ достигнутъ, по словамъ Сергія, благодаря „благоразумію и плодотворной осмотрительности“ Кира (Ibid.). Напрасно Софроній, ученый палестинскій монахъ, со слезами протестовалъ противъ пожертвованія правдою въ интересахъ мира. Въ формулѣ Софроній видѣлъ открытое допущеніе ереси Аполлинарія (Ep. ad. Petrum, Migne gr. XCI, col. 143). Киръ ссылался на то, что когда дѣло идетъ о спасеніи многихъ душъ, должна примѣняться съ уступчивостью и даже приспособляемостью (т. наз. οἰκονομία). Софроній, не теряя времени, отправился въ Константинополь и здѣсь настаивалъ на устраниеніи изъ формулы выраженія *μία ἐνεργεία* предъ патріархомъ Сергіемъ. Но послѣдній успокоилъ Софронія относительно православія своего собрата (Migne gr. XCI, col. 133, 333; Mansi, t. XI col. 529 sqq; Ср. русск. перев. Дѣян. VI², стр. 180 слѣд.), а Киру выразилъ благодарность (Mansi, t. X, col. 972—976). Такъ какъ унія была основана не на устраниеніи, а лишь на игнорированіи реального различія между православными и монофизитами въ догматическомъ ученіи, то она не могла быть прочною и продолжительною. Скоро унія потеряла всякое значеніе, и ее пренебрежительно называли „водяной уніей“ (ἐνωδες ὕδροραφής). Между тѣмъ Софроній сдѣлался патріархомъ іерусалимскимъ. Папа Гонорій, введенный въ заблужденіе письмами Сергія, въ 634 году принялъ сторону Кира противъ Софронія и запретилъ употреблять на будущее время выраженіе „одно“ или „два“ „дѣйствія“. (Mansi, t. XI, col. 529 sqq.; ср. Дѣянія въ русск. переводѣ VI², стр. 180—184; копія съ посланія Сергія константинопольскаго къ Гонорію, папѣ римскому, и стр. 184—187: отвѣтное посланіе Гонорія). Однако нѣсколько позже Гонорій отнесся къ Софронію болѣе внимательно и справедливо. Папа просилъ Софронія не употреблять впередъ выраженія „два дѣйствія“; въ свою очередь, онъ обѣщалъ просить Кира не употреблять болѣе выраженія „одно дѣйствіе“. (Mansi, t. XI, col. 580—581; Ср. русскій переводъ, Дѣян. VI², стр. 203—204). Гонорій одобрялъ Кира за его ревностныя старанія въ пользу соглашенія, но упрекалъ за введеніе догматическихъ опредѣленій, не санкціонированныхъ церковію, и выражалъ свое безпокойство по поводу того, что занимаются богословскими тонкостями, не благопріятствующими истинному богопочитанію. Въ результатѣ вопросъ оставался не выясненнымъ, и Киръ могъ хвалиться, что римскій дворъ—за него. Осенью 638 года распря по догматическимъ вопросамъ въ Египтѣ возгорѣлась съ новою силою по поводу изданнаго Иракліемъ догматическаго эдикта, называемаго *Ἐκθεσις*, который былъ

составленъ Сергіемъ въ 636 году (Mansi, t. XI, col. 9). Определение было формально принято alexandрійскимъ соборомъ подъ председательствомъ Кира, который приказалъ читать *ἐκθροισ* публично и благодарилъ Сергія за его изданіе особымъ письмомъ (Mansi, t. X, col. 1004 sqq.), написаннымъ въ октябрѣ или ноябрѣ 638 года. Вообще приверженность Кира къ моноелитизму неоспорима, и св. Максимъ Хризопольскій, а равно и соборы Латеранскій 649 г. и Константинопольскій (шестой вселенскій) 680—681 гг. (Mansi, t. X, col. 872—873, 988, 989 и др.) всегда представляютъ Кира, какъ одного изъ родоначальниковъ и главъ моноелитской ереси (см., напр., Mansi, t. X, col. 199A. 213D. 292E. 357B. 500D. 553D. 556E. 557D. 573C. 636A. 700A. 709D. 732E.; ср. въ русско-переводѣ Дѣяній VI², стр. 62. 94. 166. 191. 192. 193. 200. 202. 204. 230. 244. 259. 264. 267). Тѣмъ не менѣе слѣдуетъ замѣтить, что Киръ, по всей вѣроятности, не узналъ объ осужденіи, которое папы, преемники Гонорія, произнесли на послѣдователей ученія объ одномъ дѣйствіи и одной волѣ въ Иисусѣ Христѣ.

Послѣдніе дни Кира были заняты борьбою съ арабами. Его положеніе и титулъ вице-короля Египта обязывали его принять мѣры политическія и военныя противъ завоевателей. Египетъ подвергся нападенію войскъ Омара, подъ предводительствомъ генерала Амру, въ іюнѣ 638 года. Киръ склонилъ Амру отозвать свои войска обѣщаніемъ ежегодной уплаты дани и надеждою устроить его бракъ съ дочерью императора Евдокіей. Узнавъ объ этихъ унижательныхъ условіяхъ, Ираклій съ негодованіемъ отозвалъ Кира въ Константинополь. Только извѣстіе объ осадѣ Александріи спасло его жизнь. Киръ былъ уполномоченъ заключить миръ съ Амру. Но Киръ прибылъ слишкомъ поздно: послѣ четырнадцатимѣсячной осады городъ палъ и оказался во власти арабовъ. Это случилось 22 декабря 640 года. Киръ недолго пережилъ эту катастрофу: онъ скончался 21 марта 641 гда.

Литература. О роли Кира въ моноелитскомъ вопросѣ см. статью *S. Vailhe*, *Sophrone le sophiste et Sophrone le patriarche* въ „*Revue de l'Orient chrétien*“ 1902, p. 36—41; о значеніи его политическомъ и рели-

гиозномъ въ Египтѣ см. *A. Butler*, *Arab Conquest of Egypt and the Last Thirty Years of the Roman Dominion* (Oxford 1902); *I. Karabacek*, *Der Mokaukis von Aegypten* въ „*Mittheilungen aus der Sammlung der Papyrus Erzherzog Rainer*“, Wien 1886—1887 Bd. I—II; *F. M. Esteves Pereira*, *Vida de abba Samuel do mosteiro do Kalamon Versao Ethiopica*, Lisboa 1894, p. 49. *E. Amelineau*, *Fragmentes coptes pour servir à l'histoire de la conquête de l'Egypte par les arabes*, *Extrait du Journal Asiatique*, Paris 1889, pp. 39, 40, 10, 48, 7, 9, 45, 49; *S. Vailhé* въ *Dictionnaire de théologie catholique*... par A. Vacant et E. Mangenot III (Paris 1908), col. 2582—2584; *A Dictionary of Christian Biography, Literature, Sects and Doctrines*... by *William Smith* and *Henry Wace*, vol. I (London 1877), p. 774—775; *W. Möller—G. Krüger*, *Monotheleiten* въ *Realencyklopädie von Herzog—Hauck* XIII², S. 401—413; *Peters*, *Monotheleiten* въ *Kirchenlexicon von Wetzel und Welter* VIII², 1799—1801, 1807. [*Hefele*, *Conciliengeschichte*, Bd. III. *The Catholic encyclopedia* IV, p. 597—598; *А. П. Лебедевъ*, *Вселенскіе соборы VI, VII и VIII вѣковъ въ Собраніи сочиненій*, т. IV, СПб. 1904, стр. 81—93. *Дѣянія вселенскихъ соборовъ*, т. VI, изд. 2-е, Казань 1882. *Галинъ*, Св. Софроній, патріархъ іерусалимскій, Киевъ 1853, стр. 15—31; *Поповичъ*, Патріархъ Софроній, какъ богословъ, Киевъ 1890, стр. 12—14]; *проф. В. В. Болотовъ*, Изъ исторіи императора Ираклія. Кто былъ „аль-мукаукисъ“? Что значитъ слово „аль-мукаукисъ“? Оттискъ изъ XIV тома „Византійскаго Временника“ 1907 г. стр. 1—6; относительно хронологіи „*Chronologica*“, *ibid.*, стр. 31—39.

С. Заринъ.

Киръ-Моавъ, Кирхаресъ, Кирхарешетъ, Керакъ, Харакъ. (kir moab — „укрѣпленіе Моава“; *τείχος τῆς Μωαβίτιδος*; *murus Moab* — „стѣна Моавитская“. *Kir hares*, *kir hareschet* — „городъ глины, кирпичей, черепковъ“; *τείχος ἐνεχαίνισας*; *murus costilateris* — „стѣну обновилъ еси“. *Kirheres*; *καραδάς αἰδουῖο*; *murus fitilis*; Киріады смущенія; *Χαράς*; *Charak*; у Птоломея — *Χαρακίωβα*, у Стефана Виз. — *Χαρακίωβα*).

Это былъ одинъ изъ трехъ главныхъ городовъ моавитскихъ, каковы — кромѣ Кирхарешета — Аръ-Моавъ (Иса. 15, 1) и Равваъ-Моавъ. Когда царь Іорамъ и Іосафатъ воевали съ моавитянами, то они разрушили все въ Моавіи, кромѣ Кирхарешета, куда скрылся моавитскій царь Меса (Меша) и гдѣ онъ былъ осажденъ израильтянами. Находясь въ крайне стѣсненномъ положеніи,

Меса принесть въ жертву своего первороднаго сына, наследника престола, на стѣнахъ Кирхарешета. Это навело тогда ужасъ на израильтянъ, и они отступили отъ города (4 Цар. 3, 24—27). Въ христіанское время въ Кирхарешетъ была епископская кathedra; на іерусалимскомъ соборѣ 556 г. упоминается епископъ Харакмова Димитрій.

Киръ Моавъ есть нынѣшній el-Kerak („крѣпость“), расположенный на полуостровѣ Мецраа (въ восточной части Мертваго моря) на высотѣ 1026 метр. надъ уровнемъ моря, при рѣкѣ Kerak, которая въ сѣверной бухтѣ полуострова впадаетъ въ Мертвое море. Это мѣстоположеніе el-Kerak соответствуетъ признакамъ 4 Цар. 3, 21, 24 сл., по которымъ это мѣсто должно лежать недалеко отъ южной границы Моавіи противъ Идумей и должно быть укрѣпленнымъ мѣстомъ. И дѣйствительно, baqi el-ahsi („ручей, усаженный ивами“) образуетъ южную границу Моавіи, а el-Kerak представляетъ сильную естественную крѣпость. El-Kerak лежитъ на скалистой возвышенности; до ея вершины прежде можно было достигъ только пройдя два горные туннели. Благодаря такому своему положенію, Киръ-Моавъ представлялъ собой очень сильную крѣпость. Во времена римскаго господства эти мѣстности причислялись къ Сиріи, и Кирхарешетъ по своему положенію и прочному укрѣпленію былъ ключемъ ко всей Сирійской пустынѣ. До вторженія сарацинъ, въ Киръ-Моавѣ процвѣтала торговля. Здѣсь тянулись караваны съ товарами, и здѣсь сосредоточивалась торговля между Египтомъ, Аравією и Сирією. Но со времени сарацинъ все начало приходить здѣсь въ упадокъ. Впрочемъ, еще и въ эпоху крестовыхъ походовъ Киръ-Моавъ служилъ для крестоносцевъ важной крѣпостію, равно таковою же былъ онъ и для египетскихъ султановъ. Абульфеда, арабскій писатель XIII—XIV вв. называетъ его неприступнымъ. Теперь взорамъ путешественника представляются развалины крѣпостныхъ стѣнъ. Эти стѣны ведутъ свое начало отъ среднихъ вѣковъ (двѣ главныя башни на сѣверо-западѣ и сѣверо-востоцѣ); только нижнія части стѣнъ болѣе древняго происхожденія. Сохранились остатки древнихъ колодезевъ, цистернъ и прудовъ. Населеніе (около 20.000, среди нихъ 2.500 греческихъ христіанъ) полуид-

кое и грубое (*Фюрст* I, p. 446; II, p. 314, *Keil* и *Del.* на 4 Цар. S. 229).

[См. у *Hastings, Cheyne, Vigouroux, Guthe, W. Smith*, † о. П. Θ. *Солярскаго*, † архим. *Никифора*].

Свящ. И. Богоявленскій.

Кирѣвскій И. В. Имя Ивана Васильевича Кирѣвскаго (род. 1806 г. † 1851 г.) будетъ памятно въ лѣтописяхъ нашей церковно-общественной жизни, какъ одного изъ первыхъ основателей славянофильства,—такого направленія нашей общественной мысли, которое, отличаясь сыновнею преданностію православной церкви, особенно выдвигало значеніе православія для развитія самыхъ разнообразныхъ сторонъ государственной, общественной и духовной жизни русскаго народа.

Съ виѣшней стороны жизнь И. В. Кирѣвскаго представляется жизнію неудачника. Шесті лѣтъ отъ роду—онъ теряетъ отца. Оставшись на попеченіи матери, И. В. Кирѣвскій получаетъ блестящее образованіе. Въ теченіе двухъ лѣтъ (по 1815 г.) онъ находился подъ непосредственнымъ вліяніемъ В. А. Жуковскаго, близкаго родственника его матери, жившаго въ эти годы въ ихъ родовомъ имѣніи Долбино (бѣлевскаго уѣзда, тульской губерніи). Съ этого времени связи Жуковскаго и И. В. К. не прерываются вплоть до дня смерти перваго. Мать И. В. К. въ 1817 г. вышла замужъ за Елагина. Послѣдній былъ человекомъ философски образованнымъ и сумѣлъ привить самый серьезный интересъ къ философіи въ юношѣ. Съ 1822 г. И. В. К. учится въ Москвѣ у лучшихъ профессоровъ, которые приходятъ къ нему на домъ для чтенія лекцій. Въ 1824 г. И. В. К. поступаетъ на службу въ московскій Архивъ иностранной коллегіи, гдѣ попадаетъ въ общество, выдающихся по образованію и талантиности, молодыхъ людей. Служба въ Архивѣ, конечно, не могла удовлетворить запросовъ души молодого И. В. К., и онъ уже въ ея первые годы убѣжденно говоритъ о томъ, что его настоящее призваніе—литературное поприще. Свои задачи на этомъ поприщѣ онъ намѣчаетъ въ такихъ словахъ: „Мы возвратимъ права истинной религіи, изгнанное согласіемъ съ нравственностію, возбудимъ любовь къ правдѣ, глухой либерализмъ замѣнимъ уваже-

ніемъ законовъ и чистоту жизни возвысимъ надъ чистотою слога“.

Въ 1830 г. И. В. К. ѣдетъ въ заграничное путешествие по свѣту врачей. Причиной разстройства его здоровья была неудачная любовь. Заграницею И. В. К., несмотря на данныя обстоятельства, живо интересуется всѣмъ, и въ особенности науками, изъ коихъ философія, богословіе и исторія, преимущественно предъ другими, привлекаютъ его вниманіе. Онъ слушаетъ по этимъ предметамъ лекціи въ Берлинѣ и Мюнхенѣ; знакомится также съ профессорами и въ числѣ ихъ съ знаменитымъ Гегелемъ и Шеллингомъ. Пребываніе И. В. К. заграницею продолжалось около года. Возвратившись въ Россію, онъ берется за изданіе журнала подъ названіемъ „Европеецъ“. Изданіе это, однако, на второмъ номерѣ останавливается, такъ какъ правительство заподозрило его въ намѣреніи вести политическую пропаганду. Жуковский едва спасъ И. В. К. отъ административной высылки. Послѣ этого событія И. В. К. въ теченіе 12 лѣтъ не обнаруживаетъ никакой общественной и литературной дѣятельности. Въ 1834 г. онъ женится на давно любимой дѣвушкѣ и проводитъ мирную жизнь въ своемъ родовомъ помѣстьѣ Долбино. Въ сороковыхъ годахъ И. В. К. дѣлаетъ новую попытку выступить на арену общественной дѣятельности, но опять неудачно. Онъ ищетъ кафедры философіи при московскомъ Университетѣ и получаетъ отказъ. Желаніе высказать вполне созрѣвшія и глубоко продуманныя въ деревенской тиши философскія убѣжденія въ И. В. К., однако, было настолько настойчиво, что онъ рѣшается взяться за редактированіе журнала „Москвитянинъ“, издаваемого Погодинымъ. Цензура, боязнь и тяжелый характеръ издателя, впрочемъ, заставляютъ И. В. К. отказаться и отъ этого дѣла послѣ первыхъ трехъ книжекъ журнала; только въ 1852 г. онъ впервые высказываетъ свои религіозно-философскія убѣжденія въ статьѣ „О характерѣ просвѣщенія Европы по его отношенію къ просвѣщенію Россіи“. Статья была помѣщена въ „Московскомъ Сборникѣ“, издаваемомъ славянофильскимъ кружкомъ; она навлекла цензурное запрещеніе на „Сборникъ“ и И. В. К. опять замолчалъ. Между тѣмъ въ содержаніи статьи не было и тѣни чего-либо антиправительственнаго.

Сущность статьи заключается въ слѣдующемъ. Европейское просвѣщеніе,—по мнѣнію И. В. К.,—выросло изъ рационалистическаго начала и представляетъ собою египослѣдовательное и законченное развитіе. Рационализмъ, какъ начало культуры, Западъ воспринялъ отъ древняго Рима, въ государственныхъ и правовыхъ формахъ котораго такъ замѣтно преобладаніе юридическихъ нормъ надъ нравственною сущностію. Католичество и схоластика, протестантизмъ и новая философія суть послѣдовательныя фазисы развитія одного принципа—рационализма. Въ противоположность Западу Востокъ всегда симпатизировалъ не рационализму, а „дѣльному мышленію“ при которомъ разумокъ (ratio) не является единственнымъ провозвѣстникомъ истины и законодателемъ жизни. Отсюда постоянныя симпатіи на Востокъ къ Платону, въ противоположность симпатіямъ западныхъ христіанъ—Аристотелю. Православіе—въ противоположность католичеству и протестантизму—чуждается рационализма и заключаетъ въ себѣ нѣны начала жизни и философскаго знанія.

Послѣ запрещенія „Сборника“ И. В. К. опять уѣзжаетъ къ себѣ въ деревню, гдѣ и живетъ почти до самой смерти. Пользуясь близостію Долбина къ Оптиной пустыни, И. В. К. въ теченіе своего пребыванія въ деревнѣ дѣятельно поддерживалъ связи съ иноками этой обители. Онъ помогалъ имъ въ изданіи святоотеческихъ твореній. Извѣстный оуптинскій старецъ Макарій былъ духовникомъ И. В. К. Насколько этому обстоятельству И. В. К. придавалъ важное значеніе,—видно изъ слѣдующихъ строкъ его письма къ Кошелеву. „Существеннѣе всякихъ книгъ и всякаго мышленія,—писалъ онъ,—найти святаго православнаго старца, который бы могъ быть твоимъ руководителемъ, которому ты бы могъ сообщить каждую мысль свою и услышать о ней не его мнѣніе болѣе или менѣе умное, но сужденія св. отцовъ“.

Третью и послѣднюю попытку выступить на литературное поприще И. В. К. дѣлаетъ въ 1851 г., когда славянофильскій кружокъ задумалъ издавать журналъ „Русскую Бесѣду“. Въ этомъ журналѣ онъ помѣщаетъ статью „о возможности и необо-

димости новыхъ началъ для философіи“. Эта статья вѣряду съ той, содержаніе которой мы передавали, представляется наиболѣе важною для характеристики философскихъ воззрѣній И. В. К. Какъ и въ предыдущей статьѣ,—здѣсь И. В. К. убѣждаетъ отказаться отъ пагубнаго рационализма и собрать всѣ свои отдѣльныя силы, находящіяся въ „обыкновенномъ положеніи“ человѣка „въ состояніи разрозненности и противорѣчія въ одну недѣльную цѣльность“. Примѣнительно къ принципу познания, это должно выражаться въ томъ, чтобы „человѣкъ не признавалъ своей отвлеченной логической способности за единственный органъ разумнѣя истины, чтобы голосъ восторженнаго чувства, несогласнаго съ другими силами духа, онъ не почиталъ безошибочнымъ указаніемъ правды, чтобы внушенія отдѣльнаго эстетическаго смысла, независимо отъ развитія другихъ понятій, онъ не считалъ вѣрнымъ руководителемъ для разумнѣя высшаго міроустройства;—даже, чтобы господствующую любовь своего сердца, отдѣльно отъ другихъ требованій духа, онъ не почиталъ за непогрѣшительную руководительницу къ постиженію высшаго блага; но чтобы постоянно искалъ въ глубинѣ души того внутренняго корня разумнѣя, гдѣ всѣ отдѣльныя силы сливаются въ одно живое и цѣльное зрѣніе ума“. Но и одного цѣльнаго мышленія, однако,—по мнѣнію И. В. К.,—недостаточно для обладанія истины;—нужно еще божественное открытіе, которое при посредствѣ цѣльнаго мышленія „выражается“ „человѣкомъ и служитъ для него „руководительной звѣздой“ на пути разума къ истинѣ. Отсюда задача философіи заключается въ томъ, чтобы, собравъ всѣ боготочковенныя и святоотеческія истины, проинкнуться ихъ смысломъ и продумать въ отношеніи къ нимъ „всѣ запросы современной образованности, всѣ логическія истины, добытыя наукой, всѣ плоды тысячелѣтнихъ опытовъ разума среди его разностороннихъ дѣятельностей и, наконецъ, изъ всѣхъ этихъ соображеній вывести общія слѣдствія, соответственныя настоящимъ требованіямъ просвѣщенія; вотъ что должно дѣлать современнымъ философомъ“.

Черезъ нѣсколько мѣсяцевъ послѣ напечатанія данной статьи И. В. К. умеръ,

пріѣхавъ по дѣламъ въ Петербургъ. Его философскіе взгляды, выраженные въ указанныхъ немногихъ статьяхъ, похожихъ скорѣе на черновые наброски, были встрѣчены полнымъ недоумѣніемъ большинства общества. О немъ говорятъ лишь рѣдкіе изслѣдователи его сочиненій и тѣ, впрочемъ, не усматриваютъ въ нихъ ничего больше, кромѣ сколка съ воззрѣній Шеллинга. Между тѣмъ философія Шеллинга имѣетъ не болѣе отношенія къ И. В. К., чѣмъ философія языческихъ философовъ къ воззрѣніямъ отцовъ церкви. Къ философіи Шеллинга, какъ и ко всей западной философіи, И. В. К. относился отрицательно, и трудно думать, что это съ его стороны одно лишь недоразумѣніе. Если Шеллингъ и И. В. К. проповѣдуютъ интуицію въ противѣсть рациональному познанію, то тѣмъ не менѣе ихъ представленія объ интуиціи существенно различны. Ученіе объ интуиціи И. В. К., какъ можно съ несомнѣностію полагать, представляетъ собою переводъ на философскій языкъ ученія св. отцовъ церкви о вѣрѣ, какъ способѣ познанія истины. Недаромъ И. В. К. называется вѣру „актомъ высшей разумности“, а также рекомендуемое имъ „цѣльное мышленіе“—„первоестественнымъ“ и „первоизданнымъ“, объясняя обыкновенную въ человѣкѣ рознь отдѣльныхъ духовныхъ силъ грѣхопаденіемъ. „Гармонія душевныхъ силъ,—какъ говоритъ И. В. К. (въ своихъ отрывкахъ, изданныхъ послѣ его смерти вмѣстѣ съ другими сочиненіями Кошелевымъ),—приобрѣтается по мѣрѣ внутренняго стремленія къ нравственной высотѣ и цѣльности и исчезаетъ вмѣстѣ съ этимъ стремленіемъ, оставляя въ умѣ одну наружность своей формы“. Стоить сопоставить это ученіе съ ученіемъ св. отцовъ церкви объ опытномъ богопознаніи, какъ, напр., св. Исаака сирійскаго, творенія котораго были излюбленнымъ чтеніемъ И. В. К., чтобы убѣдиться въ основательности нашего взгляда.

Литература. Проф. К. Н. Бестужевъ-Рюминъ въ „Отеч. Зап.“ (1862. №№ 1—3); Д. И. Писаревъ, „Русскій Донъ-Кихотъ“ (Сочиненія II, Спб. 1894 г.); † проф. Ф. А. Терновскій, Два пути духовнаго развитія („Труды Кіевск. Дух. Акад.“ 1864 г.); проф. П. Г. Виноградовъ, И. В. К. и начало московскаго славянофильства („Вопр. фил. и психол.“ 1891 г.); П. М. Ласкѣвъ, Два

проекта православно-христіанской философіи („Христ. чтеніе“ 1898 г.) [См. также въ „Русскомъ Архивѣ“ за 1905 и 1907 гг].

П. Ласкѣвъ.

Кирѣвъ Александръ Алексѣевичъ—генералъ отъ кавалеріи, извѣстный „свѣтскій“ богословъ, писатель, изъ потомственныхъ дворянъ, родился въ 1833 г. въ Москвѣ. Его мать, Алябѣва, происходитъ отъ того Алябѣва, который былъ близкимъ помощникомъ кн. Д. М. Пожарскаго въ дѣлѣ изгнанія поляковъ изъ Россіи. Родители предназначали его на дипломатическое поприще и готовили ко вступленію въ московскій Университетъ, къ чему и самъ Александръ Алексѣевичъ стремился. Но въ 1849 году, по приказанію Императора Николая I, Кирѣвъ былъ назначенъ нажомъ Высочайшаго Двора. Въ 1853 году онъ вышелъ изъ Пажескаго корпуса п, поступивъ въ конную гвардію—въ тотъ же полкъ, гдѣ служилъ когда-то и А. С. Хомяковъ,—оставшись въ немъ до 1862 года, когда былъ назначенъ адъютантомъ къ Великому Князю Константину Николаевичу, которому было поручено управленіе Царствомъ Польскимъ. Съ 1856 до 1859 г. А. А. Кирѣвъ, оставаясь въ полку, былъ вольнымъ слушателемъ с.-петербургскаго Университета. Съ 1864 до 1869 г. онъ былъ однимъ изъ наиболѣе дѣятельныхъ земцевъ московской губерніи. Съ 1872 по 1877 г. состоялъ секретаремъ с.-петербургскаго „Общества любителей духовнаго просвѣщенія“. Съ этого времени онъ сблизился съ главными руководителями старокатоличества — Деллингеромъ, Лангеномъ, Рейкенсомъ, Мишо и др., съ которыми велъ и ведетъ оживленную переписку.

Литературную дѣятельность свою А. А. Кирѣвъ посвящалъ преимущественно разработкѣ вопросовъ политическихъ и богословскихъ—первыхъ съ точки зрѣнія славянофильства, вторыхъ съ точки зрѣнія древней вселенской церкви.

[Во внутренней политикѣ А. А. Кирѣвъ держится строго славянскихъ взглядовъ, исповѣдая то положеніе, что „свободный совѣтъ принадлежитъ народу, а рѣшеніе царю“. Въ международных отношеніяхъ онъ является убѣжденнымъ защитникомъ славянства, о чемъ писалъ немало (см., напр., брошюру „Россія и славяне“). Впрочемъ, такова свя-

щенная традиція всей этой фамиліи, въ которой братъ Александра Алексѣевича—Николай Кирѣвъ, выдающийся славянофилъ, кровно запечатлѣлъ свою преданность славянскому дѣлу, ибо въ 1876 г. положилъ свою жизнь на войнѣ за единокровныхъ и единовѣрныхъ славянъ. Равно его сестра—извѣстная писательница О. А. Новикова (вдова ген.-лейтенанта И. Новикова попеч. sib. учебн. округа брата русскаго посла въ Вѣнѣ) имѣла несомнѣнное вліяніе на полѣтику Англіи и много способствовала тому, что въ близкое къ славяно-турецкой войнѣ время (1867—1868 гг.) англійскій курсъ, благодаря Ольгѣ Алексѣевнѣ, принялъ направленіе, благоприятное Россіи и славянству.]

Первымъ литературнымъ трудомъ А. А. Кирѣва была брошюра, озаглавленная: „Избавимся ли мы отъ нигилизма?“ Она была представлена Императору Александру II въ 1879 году и одобрена имъ, а напечатана потомъ въ Аксаковской „Руси“. Большинство другихъ сочиненій А. А. Кирѣва, написанныхъ на русскомъ языкѣ—характера критическаго и полемическаго; наиболѣе крупныя — полемика съ † Вл. С. Соловьевымъ („Славянофильство и націонализмъ“), † проф. А. Θ. Гусевымъ, † проф. кн. С. Н. Трубецкимъ („Споръ съ западниками настоящей минуты“), † К. Н. Леонтьевымъ („Народная политика, какъ основа порядка“), публицистомъ В. В. Розановымъ, пресвящ. Сергіемъ (Страгородскимъ, нынѣ архіепископомъ финляндскимъ), проф. В. А. Керенскимъ и др. Перу А. А. Кирѣва принадлежатъ также много статей и брошюры по старокатолическому вопросу; о вѣротерпимости, отзывы о всѣхъ старокатолическихъ международных конгрессахъ; статьи объ условіяхъ сближенія церквей; о расторженіи браковъ (въ Англіи и по поводу новаго закона объ этомъ въ Россіи); *Res tua agitur*: „объ догматизмѣ“; „религіозныя задачи Россіи“; энциклика Льва XIII о соединеніи церквей, объ увѣи (противъ † Вл. С. Соловьева); о вселенскомъ соборѣ и о помѣстномъ (русской церкви); рѣчи въ торжественныхъ собраніяхъ Славянскаго Благотворительнаго Общества; критика на сочиненіе проф. Губера (объ орденѣ іезуитовъ); критическія замѣтки на „Московский Сборникъ“ К. П. Побѣдоносцева; статьи объ условіяхъ примиренія съ Польшею [гдѣ считается возможнымъ удо-

влетворяющее рѣшеніе *только* на основаніи этнографическомъ; къ такому убѣжденію А. А. Кирѣвъ давно пришелъ, когда во время службъ въ Варшавѣ, при В. К. Ковстантинѣ Николаевичѣ—близко, de visu, познакомился съ польскимъ вопросомъ], по поводу событій японской войны и друг.

Еще въ молодыхъ годахъ А. А. Кирѣвъ сблизился съ вожаками славянофильства. Хомяковъ, Кирѣвскіе, Аксаковы, Самаринъ и другіе представители этого направленія были постоянными посѣтителеми дома его родителей и сильно вліяли на воспримчивую душу юноши. А. А. Кирѣвъ и нынѣ служить вѣрой и правдой той же славянофильской идеѣ, съ которой тогда познакомился. Посему, въ продолженіе долгихъ лѣтъ А. А. Кирѣвъ былъ дѣятельнымъ членомъ „Славянскаго Влаготворительнаго Общества“; принималъ близкое участіе въ редакціи „Извѣстій“ этого Общества, начиная съ 1883 г. и напечаталъ въ нихъ, между прочимъ, „Принципы славянофильства“, вызвавшіе горячую полемику въ нѣмецкой прессѣ, нѣсколько статей „по вопросу о классическомъ образованіи“ и статьи: „Россія и славяне“, „Россія въ началѣ XX столѣтія“.

Изъ брошюръ и статей Александра Алексѣевича на иностранныхъ языкахъ слѣдуетъ отмѣтить: [Brief an J. T. Ossinin (въ 1872 г., отвѣтъ противъ „Moniteur de Rome“); дѣятельная переписка (въ 70-хъ годахъ XIX ст.) поитальянски съ итальянскими богословами либеральнаго направленія]; „Lord Halifax and the Reunion of the Churches“; „Réponse à M-r Naville sur le nouveau dogme du 1870“ [цѣлая серія писемъ поанглійски (въ органѣ „Anglo-Continental Society“) къ Мейрику объ иконопочитаіи]; „Zur papstlichen Unfehlbarkeit“. Последняя брошюра переведена на языки: русскій, англійскій, французскій, греческій и польскій. А. А. Кирѣвъ состоитъ постояннымъ сотрудникомъ „Revue Internationale de Théologie“, гдѣ онъ помѣстилъ много переводныхъ и оригинальныхъ статей; старается знакомить иностранную публику съ произведеніями русскихъ богослововъ и съ этою цѣлью написалъ на иностранныхъ названнаго журнала наприм.. подробные отзывы о сочиненіяхъ проф. Глубоковского, Бриллиантова и др.

Во всѣхъ своихъ сочиненіяхъ, касающихся религіозныхъ вопросовъ, А. А. Ки-

рѣвъ заявилъ себя православнымъ мыслителемъ, освѣдомленнымъ въ Свящ. Писаніи, церковныхъ канонахъ и святоотеческихъ твореніяхъ [почему еще въ 1903 г. былъ избранъ почетнымъ членомъ московской Духовной Академіи, а въ 1906 г. назначенъ членомъ Высочайше учрежденнаго Присутствія при Св. Синодѣ по предварительной разработкѣ вопросовъ для помѣстнаго Всероссийскаго Собора и о ходѣ дѣлъ на немъ давалъ отчеты какъ въ русской литературѣ, такъ и въ „Revue Internationale de Théologie“.

Вся — продолжительная и неутомимая—дѣятельность А. А. Кирѣва является идейнымъ служеніемъ, которое опредѣлялось чистыми побужденіями даже и въ тѣхъ случаяхъ, когда представляется намъ нѣкоторымъ увлеченіемъ (напр., въ старокатолическомъ вопросѣ) или направлено на защиту спорныхъ для насъ положеній, напр., о дуеляхъ.]

Свящ. Н. В. П.—въ (и Н. Н. Г.).

Кисель Адамъ Григорьевичъ изъ Бруслова низкеницкій, воевода кievскій, крупный дѣятель XVII в. Онъ происходилъ изъ русскихъ бояръ кievскаго великокняжескаго періода. Родоначальникъ его князь (—по словамъ королевской грамоты отъ 5 февр. 1646 г.—) кievскій воевода, князь Святольдъ или Свентолдичъ. Адамъ Григ. Кисель родился около 1580 г. и неустаннымъ своимъ трудомъ и стараніемъ, при необыкновенныхъ способностяхъ, скорѣй занялъ видное и вліятельное положеніе въ польской Рѣчи Посполитой и въ обществѣ. Со временемъ онъ составилъ себѣ огромное состояніе, владѣлъ обширными помѣстьями, массою селъ, хуторовъ, мельницъ и другихъ угодій на Волынѣ, въ Черниговщинѣ, Полтавщинѣ и въ кievскомъ воеводствѣ.

Въ 1617 г. встрѣчается онъ подъ Бусей, 1619 г. подъ Орынимомъ, 1620 г. подъ Цецорой, 1621 г. вновь въ хотинскомъ походѣ, 1628 г. начальникомъ хоругви подъ Гнѣвомъ въ битвѣ противъ Густава-Адольфа. Адамъ Григ. Кисель пользовался особеннымъ расположеніемъ польскаго королевича, впоследствии короля Владислава IV. Во время безкорольева послѣ смерти Ягымонда III былъ онъ избранъ т. наз. „капуровымъ“ судьей;

въ сеймѣ же 1631 и 1632 г. выступилъ ревностнымъ и энергичнымъ защитникомъ православія. По сей причинѣ искало въ немъ и православное казачество своего законнаго защитника, полагаясь на его громадный авторитетъ и большое влияніе. Съ 1633 г. остается онъ при дворѣ короля Владислава IV въ качествѣ „королевскаго дворянина“. Въ томъ же году участвуетъ и въ войнѣ съ Москвою. Король жалуетъ ему городъ Кобыщи и Козарградъ, также и богатое староство Новосовское. 1634 г. выступаетъ онъ на „генеральномъ сеймѣ“ въ качествѣ „комиссара при королѣ“. Вскорѣ возведенъ въ черниговскіе подкоморьи. 1637 г. Адамъ Григ. Кисель подавилъ казацкій мятежъ, что король ставитъ ему въ особенную заслугу. Въ 1638 г. заступается онъ съ усердіемъ за казаковъ, но безуспѣшно, такъ какъ Павлюкъ и товарищей казнили въ Варшавѣ. Съ 1638 г. дѣятельность Киселя получаетъ больше дипломатическое направленіе. 1639 г. онъ дѣлается каштеляномъ черниговскимъ и сенаторомъ, каковаго достоинства даже кievскій митрополитъ не могъ добиться. 1638—1645 гг. участвовалъ онъ въ коммиссіяхъ по разграниченію съ московскимъ государствомъ. 1645 г. возведенъ онъ въ каштеляне кievскіе, и посылается посломъ въ Москву. 1648 г. онъ является уже воеводою брацлавскимъ. Между тѣмъ поднимается Богданъ Хмельницкій возстаніе на Украинѣ. Послѣ разгрома подъ Корсунемъ возложено на Киселя вести, въ качествѣ комиссара польской Рѣчи Посполитой, переговоры съ Хмельниками. На конвокаціонномъ сеймѣ, созванномъ послѣ смерти Владислава IV, участвуетъ и Кисель. Здѣсь рѣшено учредить особую комиссію для переговоровъ съ Хмельниками, съ Киселемъ во главѣ. На сеймѣ, созванномъ для избранія новаго короля, играетъ онъ видѣвшую роль, обнаруживая съ одной стороны свой ораторскій талантъ, съ другой же свои здравые политическіе взгляды. И новый король Янъ-Казиміръ отличаетъ его своимъ особеннымъ довѣріемъ. Посольство Киселя къ казакамъ окончилось одваго неудачно. Послѣднія неудачи растрйоли его здоровье. Онъ 1649 г. назначенъ кievскимъ воеводою. Между тѣмъ польская шляхта начала относиться къ нему съ завистію и подозрѣніемъ, что въ 1650 г. обнаружилось на сеймѣ,

гдѣ Кисель самоотверженно ратовалъ за православіе. Въ 1651 г. онъ участвуетъ въ заключеніи бѣлоцерковскаго договора. Тѣмъ и кончается его политическая дѣятельность. Остальное время, съ 1652 г., Адамъ Кисель провелъ со своею супругою Анастасією Григоріевною изъ Новоселокъ Богусевичевой въ своихъ имѣніяхъ, вдали отъ всякихъ общественныхъ дѣлъ.

Адамъ Григ. Кисель былъ человекомъ набожнымъ и построилъ много церквей и монастырей. Онъ умеръ 3 мая 1653 г. и былъ похороненъ въ родовомъ имѣніи Низкевичахъ въ сооруженной имъ церкви. Но впоследствии его тѣло было вырыто и выброшено изъ могилы; въ церкви остались только богатый барельефный гробъ, эпитафія и бюстъ Адама.

Память о Киселѣ сохранилась до настоящей поры въ Кіевѣ въ наименованіи „Киселевской“ бывшей замковой горы, гдѣ стоялъ замокъ, въ которомъ онъ проживалъ.

Источники и литература. Семейные документы и преданія, Архивъ Южно-Западной Россіи I—IV; Акты Южно-Западной Россіи. *Niesiecki*, *Korona Polska II*; *Stupnicki*, *Michalowski*; Памятники Кіевской Коммиссіи. I—II; *Ив. Новицкаго и Рудольфа Отмана* біографическія сочиненія [*И. П. Новицкій* въ „Кіевской Старинѣ“ 1885 г., сент.—дек. Проф. Д. Базилъ въ „Словарѣ“ Вроцкауза и Эфрона XXIX полут., стр. 155—156].

Свящ. *Діонисій Кисель-Киселевскій*.

Кислевъ, евр.—Kislev, греко-слав. *Хаслевъ*, *Хаслѣв*, или *Хаселевъ*, *Хаселев* (Неем. 1,1. Захар. 7,1. 1 Макк. 1,54. 4,52)—названіе девятого мѣсяца древне-еврейскаго и (современно-еврейскаго) церковно-гражданскаго года, падающаго на послѣднюю треть нашего ноября и первую половину декабря. Подобно другимъ названіямъ еврейскихъ мѣсяцевъ, имя Кислевъ или Хаслевъ заимствовано изъ ассириавилонскаго календаря: 9-й мѣсяцъ здѣсь назывался Kislimu, позже Kislivu. 25-го числа Кислева со временъ Маккавеевъ у евреевъ празднуется праздникъ Ханукка (отъ гл. *chanach*—обновлять, посвящать) или Обновленія (תּוֹעֲחִינָא у Ів. 10,22) въ память очищенія и освещенія іерусалимскаго храма Іудео Маккавеемъ (1 Макк. 4,59. 2 Макк. 10,5—8).

Свящ. А. Глаголевъ.

Киссонъ (извилистый) современный Мукатта, — одна изъ палестинскихъ рѣкъ, протекающая по Ездринской равнинѣ вдоль сѣверо-восточной подошвы Кармилъ и впадающая въ Средиземное море ниже Птолемаиды, сѣвернѣе Геа. Киссонъ питается водами сѣвернаго склона горъ Самарійскихъ и Кармилъ, юго-западнаго склона Галбоя, западнаго склона малаго Ермона и Вавора и большей части нижнегалилейской горной страны. Но гдѣ слѣдуетъ искать начало рѣки — въ точности до сихъ поръ неизвѣстно. Одни указываютъ его на западной сторонѣ Вавора, другіе — на западномъ склонѣ Самарійской горной страны, въ потокахъ Мегиддонской долины. Не смотря на обиліе своихъ притоковъ, Киссонъ не отличается многоводіемъ; онъ полонъ воды только зимою и весной въ періодъ дождей, на что и указываетъ въ своей пѣсни Демора, называя его „быстрымъ“, „увлекающимъ“ трупы враговъ (Суд. 5, 21); въ лѣтнее же время рѣка очень незначительна. Въ Свящ. Писаніи Киссонъ извѣстенъ какъ мѣсто побѣды Деворы и Варака надъ войсками Сисары, полководца Гавина асорскаго (Суд. 4, 7, 5, 21. Пс. 82, 10), и какъ мѣсто избіенія пр. Іліею жрецовъ Вааловыхъ.

Свящ. А. Петровскій.

Кисловъ—Ваворъ (I. Нав. 19, 12) см. „Кесуловъ“ въ „Энци.“ IX, 562.

Кистеръ (Küster отъ латин. custos, стражъ) — одна изъ низшихъ церковныхъ должностей протестантской церкви. Такъ называется церковный служитель, на обязанности котораго лежитъ наблюденіе за церковными зданіями (ключи отъ послѣднихъ хранились у него) и за чѣстностію священныхъ сосудовъ и принадлежностей богослуженія. Кроме того, кистеръ долженъ былъ пѣть при богослуженіи псалмы и обучать этому народъ, особенно монашество. Въ нѣкоторыхъ мѣстахъ на нихъ же лежало обученіе дѣтей началкамъ лютеранскаго вѣроученія. Въ этомъ направленіи состоялся цѣлый рядъ опредѣленій протестантскихъ соборовъ на протяженіи XVI и XVII вѣковъ. Обязанность учительства болѣе всего касалась кистеровъ деревенскихъ церквей, гдѣ найти учителя было труднѣе, чѣмъ въ городѣ. Такъ, по Missner. Visitat Abschied

1540 г. кистеръ долженъ былъ учить пѣть псалмы, 10-ти заповѣдямъ, символу вѣру и малому катихизису. Саксонскіе General-Artikeln 1557 г. обязываютъ деревенскаго кистера во всѣ воскресные дни послѣ полудня и однажды на недѣлѣ объяснять дѣтямъ катихизисъ и обучать ихъ пѣнію псалмовъ. Нѣкоторые изъ реформатскихъ церковныхъ общинъ смотрѣли на должность кистера, какъ на переходную ступень къ званію проповѣдника, и въ этихъ случаяхъ кистерами назначалось богословски образованное лицо. Въ обязанности обучать юношество катихизису и пѣнію псалмовъ лежало начало связи должности кистера съ учительскою. Связь эта не утратилась и до послѣдняго времени, когда школа стала почти независимой отъ церкви и учителя смотреть на исправленіе обязанностей кистера, какъ на что-то принижющее. Кистеръ находился въ полномъ подчиненіи у пастора и вмѣстѣ съ нимъ пользовался нѣкоторыми общественными льготами: — имѣлъ право пасты свой скотъ на приходскомъ пастбищѣ; было освобожденъ отъ обязанности кормить пастуха, давать ему ночлегъ и т. п. Въ Россіи, по уставу евангелической церкви, кистеръ, хотя и называется церковнымъ служителемъ, но къ духовенству не причисляется и служитъ по вольному найму. См. Laake, Kantor, Küster und Organistenamt in seinen Rechtsverhältnissen, Bernburg 1884.

А. Коржавинъ.

Кись см. „Саулъ“.

КИТАЙ.

I. Китайская религія (конфуціанство, таоизмъ, буддизмъ). Говоря нашимъ языкомъ, въ философіи и практикѣ Китая съ глубокой древности была развита идея макрокосма и микрокосма — міра великаго и малаго. Міръ произошелъ отъ соединенія неба (янь) съ землею (инь) — начала активнаго съ пассивнымъ, силы съ матеріей. Каждый брачный союзъ есть повтореніе и отраженіе въ маломъ этого акта міротворенія. Мужъ это — небо, жена — земля. Обязанность малаго отражать въ себѣ великое. Каждый мужчина обязанъ жениться, — этимъ онъ и подражаетъ небу, непрерывно умножающему жизнь, и исполняетъ велѣнія неба и свои

обязанности передъ государствомъ и семьею: небу онъ содѣйствуетъ въ его производительной дѣятельности, государству же даетъ гражданъ, семью, обнимающей не только наличныхъ живыхъ членовъ, но и умершихъ предковъ, онъ доставляетъ почитателей и служителей, ибо онъ будетъ производить членовъ, которые моложе всѣхъ живущихъ теперь и жившихъ нѣкогда, а обязанность младшихъ почитать старшихъ и служить имъ. Семейное право тщательно разработано въ Китаѣ. Нельзя жениться на близкихъ родственникахъ, нельзя невѣстѣ и жениху носить одну фамилію (въ Китаѣ считается 100 фамилій или родовъ), должно жениться въ раннемъ возрастѣ. Взаимоотношеніе членовъ въ семьѣ строго регламентировано, и правонарушеніе членовъ,—одинъ по отношенію къ другимъ,—карается очень строго.

Съ точки зрѣнія китайскаго умозрѣнія государство есть разросшаяся семья. Прототипъ Средняго монархія можно отыскивать въ каждомъ семействѣ китайцевъ. Въ государствѣ полновластный владыка—императоръ, въ семьѣ—глава дома; императоръ отвѣтственъ передъ небомъ за нестроенія въ государствѣ и за преступленія своихъ подданныхъ, а отецъ семейства отвѣтственъ передъ государствомъ за поведение своей семьи.

Образно Китай можно представить подъ видомъ огромнаго родословнаго дерева, въ которомъ, по воззрѣніямъ китайцевъ, живы не только теперь дающія листву и цвѣтущія пѣтви, но въ которомъ и коряя и вѣтви, повидимому переставшія жить, живутъ особою, невидимою жизнью. Почитаніе предковъ, т. е. распространеніе пятой заповѣди на загробный міръ, нигдѣ мѣсто въ Китаѣ въ такихъ широкихъ размѣрахъ, въ какихъ не существуетъ нигдѣ болѣе. Души умершихъ живы, и между ними и живущими существуетъ тѣсная связь. Живые обязаны почитать умершихъ и приносить имъ вещественныя приношенія (чай, фрукты, вино, яства), а умершіе за это содѣйствуютъ благополучію живыхъ. Не трудно видѣть, какъ этотъ культъ предковъ логически и практически связанъ съ государственными принципами и семейными началами Китая. Умершіе имѣютъ нужду въ почитаніи живыхъ, вслѣдствіе чего они заинтересованы въ томъ, чтобы ихъ родъ не угасалъ, чтобы китай-

ское государство не погибало. Въ этомъ заинтересованы и живые, потому что для каждаго изъ нихъ придетъ день, когда онъ приобщится къ предкамъ и будетъ имѣть нужду въ памятованіи о немъ потомковъ. Отсюда понятна настоятельная необходимость брака, потребность имѣть сына (жертвы приносятся мужчиною—главою семьи), отсюда же понятно развитіе института наложницъ, первую цѣлю котораго является восполненіе безплодія супруговъ. Живые въ Китаѣ все дѣлаютъ съ благословенія и разрѣшенія умершихъ. Они руководятся въ этомъ тѣмъ простымъ правиломъ, что не должно дѣлать ничего неугоднаго той силѣ, отъ которой зависишь въ своемъ благополучіи и которая желаетъ тебѣ блага.

Древнѣйшія религіозныя вѣрованія Китая получили свои опредѣленія и неизмѣнный видъ въ священныхъ книгахъ, собраніе которыхъ приписывается *Конфуцію*. Конфуціемъ называли его католическіе миссіонеры, настоящее же имя его Цзы и онъ принадлежалъ къ роду Кунъ; отсюда Кунъ-цзы, Кун-фу-цзы, Confucius. Конфуцій родился около 550 г. до р. Хр., 2-хъ лѣтъ лишился отца, 15-ти лѣтъ склонилъ свой умъ къ ученію, 19-ти лѣтъ женился, 24-хъ лѣтъ лишился матери и въ теченіе трехлѣтняго траура (собственно 27-мѣсячнаго),—надобно полагать,—выработалъ программу своего ученія и государственной дѣятельности. Конфуцій не выдавалъ себя ни за пророка, посланнаго небомъ, ни за новатора, открывшаго новыя истинныя сіюлы собственнаго мышленія. „Мое ученіе,—говорилъ онъ,—есть то, котораго держались наши предки и которое передали намъ; я ничего не прибавилъ къ нему и ничего отъ него не отнял; я излагаю его въ первоначальной чистотѣ; оно неизмѣнно,—его издало само небо. Я только, какъ земледѣлецъ, бросаю полученныя мною сѣмена неизмѣненными въ землю“.

Религіозная мысль обыкновенно вращается, какъ около двухъ полюсовъ, около идей о Богѣ и безсмертіи человѣка. О Богѣ ученики Конфуція не могли въ сущности узнать отъ него ничего, по не много они услышали отъ него и по вопросамъ о смерти и загробномъ существованіи. „Я ничего не знаю о жизни, какъ я могу знать что-либо о смерти“, говорилъ онъ. Спрошенный о томъ, гдѣ живутъ умершіе предки, онъ отвѣтилъ:

„они исчезли съ земли; обсуди это, и ты поймешь, что значить скорбь“. Любопытно то, что онъ отвѣтилъ на вопросъ о значеніи и цѣли почитанія предковъ. „Маѣ представляется,—сказалъ онъ,—неудобнымъ говорить объ этомъ вопросѣ ясно. Еслибы я сказалъ, что предки чувствительны къ оказываемымъ имъ почестямъ, что они видятъ, слышать и знаютъ, что происходитъ на землѣ, то пришлось бы беспокоиться, чтобы души, исполненные сыновней любви, не пренебрегали бы заботою собственной жизни и не предались бы всецѣло служенію тѣмъ, отъ кого они ее получили, и не стали бы служить своимъ предкамъ такъ, какъ будто тѣ были въ этомъ мірѣ. Если же я, напротивъ, скажу, что умершіе не знаютъ что дѣлаютъ живые, то пришлось бы беспокоиться о томъ, чтобы живые не пренебрегли обязанностями сыновней любви и не обратились бы къ заботамъ исключительно о самихъ себѣ, разорвавъ такимъ образомъ священные цѣпи, которыя связываютъ одинъ родъ съ другимъ. Итакъ, продолжай оказывать своимъ предкамъ должныя почести такъ, какъ еслибы они были свидѣтелями всѣхъ твоихъ дѣйствій, и не пытайся изслѣдовать это болѣе“.

Не будемъ разсуждать, а будемъ дѣйствовать. Древніе учили объ обязанностяхъ культа, о необходимости исполнять обряды. Къ этому своихъ послѣдователей призываетъ Конфуцій. „Если не соблюдать издревле установленныхъ обрядовъ, то все перемѣшается, и возникнуть нестроеніе“. Итакъ, должно знать и исполнять обряды. Но Конфуцій далекъ отъ обожествленія обрядовъ. „Въ дѣлѣ обрядовъ,—говорилъ онъ,—строгая бережливость предпочтительнѣе пышности, молчаливая скорбь предпочтительнѣе пустой помпы“. О жертвахъ предкамъ онъ сказалъ: „жертва дѣлается пріятною для тѣхъ, отъ кого мы получаемъ существованіе, не по ея стоимости, а по расположенію, съ которымъ она принесена“.

Образъ поведенія человѣка, его обязанности къ себѣ, людямъ и міру опредѣляются его природою. Согласно Конфуцію, человѣкъ по природѣ добръ. По конфуціанской теоріи нравственность человѣка должна заключаться не въ преподѣженіи влеченій собственной природы, не въ борьбѣ съ нею, не въ попыткахъ подняться выше ея, но только въ

исполненіи естественныхъ стремленій. Человѣку присущи и духовность и чувственность: объ эти стороны его природы равносущественны. Духъ не имѣетъ цѣли только въ себѣ, но и чувственность не только служебный органъ. Здоровые чувственные инстинкты здороваго человѣка должны быть удовлетворяемы сами по себѣ. Не должно быть крайностей. „Всякая добродѣтель лежитъ въ серединѣ. Если держаться середины—это значить исполнять законъ. Середина есть основаніе всего, а основаніе есть всеобщій законъ. Если середина и равновѣсіе налицо, то небо и земля находятся въ мирѣ, и все удается. Мудрый всегда держится середины, а глупецъ пренебрегаетъ ею“. Прежде всего, истинную середину человѣкъ долженъ сохранять въ себѣ самомъ, наблюдая равновѣсіе между отдѣльными стремленіями, воздерживаясь отъ аффектовъ и сохраняя душевный покой, довольствуясь своимъ жребіемъ и оставаясь невозмутимымъ при всѣхъ превратностяхъ судьбы. Добродѣтель человѣка должна обнаружиться въ его отношеніяхъ въ семьѣ. Добродѣтельный человѣкъ долженъ характеризоваться сыновнимъ благочестіемъ. Почтеніе къ родителямъ есть первая обязанность человѣка въ этомъ мірѣ—хронологически, потому что прежде всего человѣкъ вступаетъ въ сношенія съ родителями, и—этически, потому что больше всего человѣкъ обязан своимъ родителямъ. Существуетъ,—говорилъ Конфуцій,—три сорта сыновняго благочестія—памятовать о родительскихъ милостяхъ и любви, не позабывать о понесенныхъ ими трудахъ, это—малое сыновнее благочестіе; проникнутыя человѣколюбіемъ и сознаніемъ справедливости, это—среднее: стараться всѣхъ другихъ людей сдѣлать отцепочительными, это—великое сыновнее благочестіе“. Каждый по Конфуцію обязанъ имѣть друзей. „Дружба,—говорилъ онъ,—есть установленное небою отношеніе, которымъ обуславливается исправленіе характера. Дружба намѣчаетъ путь людей, и на ней низжудся ихъ высшіе принципы“. Чиновникъ долженъ съ полною тщательностію исполнять приказанія государя, независимо отъ того, будутъ ли они согласны или несогласны съ его собственными взглядами. „Всякій служащій государю, знатный или незнатный, богатый или бѣдный, ни при какихъ обстоятельствахъ своей жизни не долженъ произ-

ходить возмущений“. Это, такъ сказать, дисциплинарная. Но Конфуцій требовалъ, чтобы въ основѣ ихъ лежалъ моральный принципъ, забота о благѣ государства. „Служа государю, должно заботиться не о томъ, чтобы непремѣнно повыситься, а о томъ, чтобы уступать дорогу болѣе способнымъ людямъ“. Для государя, по Конфуцію, обязанность заключается въ устроении блага подданныхъ. На вопросы, что нужно для народа, Конфуцій отвѣчалъ: „обогатить его“ и потомъ: „научить“. Голоднѣе нельзя учить и сытаго нельзя предоставлять собственнымъ страстямъ.

Таково ученіе, которое Китай вазываютъ Ю, или конфуціанскимъ, и на которомъ утверждается весь его строй.

Кромѣ конфуціанства, на китайской почвѣ возникъ и развился **таоизмъ** и тамъ широко распространился буддизмъ.

Слово „Тао“ или „Дао“, собственно значить „дорога“, „путь“. Книги таоизма опредѣляютъ его образно и многообразно. Основателемъ таоизма былъ старшій современникъ Конфуція **Лаодзи**. Лаодзи говорилъ: „еслибы я былъ одаренъ благоразуміемъ, я шелъ бы по великому Тао... Великій путь совершенно равенъ, но люди любятъ ходить по тропинкамъ... Тао больше, чѣмъ путь. Это—путь и путникъ вмѣстѣ. Это—вѣчная дорога, которую проходятъ существа и предметы. Ея не создало никакое существо, такъ какъ оно само есть сущее. Оно все и ничто, причина и слѣдствіе. Все происходитъ изъ Тао, пребываетъ въ Тао и возвращается въ Тао... Тао наполняетъ вселенную своимъ величіемъ, хотя оно такъ утонченно, что вполне помѣщается на концѣ паутиной нити. Оно заставляетъ солнце и луну идти по ихъ путю и даетъ жизнь мельчайшему насекомому; безформенное, оно—источникъ всякой формы; беззвучное, оно—источникъ всѣхъ звуковъ; невидимое, оно—основа всякаго видимаго предмета; бездѣйствующее, оно—причина всякаго дѣйствія, оно—безлично и безстрастно, безжалостно достигаетъ своихъ цѣлей и однако всюду распространяетъ благоденствіе“. Позволительно думать, что мы будемъ недалеко отъ мысли философа-отшельника, если руководясь приведенными и подобными опредѣленіями Тао, резюмируемъ ученіе о немъ такимъ образомъ. Тао,

это—естественные законы бытія и вмѣстѣ осуществленіе ихъ въ бытіи. Законы бытія, это—премудрость, осуществленіе ихъ, это—благо. Отсюда мораль: должно осуществлять естественные законы, должно жить согласно съ природою.

Но горе въ томъ, что кромѣ природы естественной явилась природа искусственная. Если у меня мало на головѣ волосъ, то это—природа естественная, а если я прикрою парикомъ этотъ недостатокъ, то это будетъ природа искусственная. Въ философіи Лаодзи замѣчательно подробно и основательно выяснено, что не только проявленіе природы искусственной есть признакъ паденія и зла, но и разсужденіе о природѣ естественной является уже зловѣщимъ симптомомъ. Таовскій философъ Сыма-цянъ передаетъ слѣдующій разговоръ Конфуція съ Лаодзи. На сообщеніе Конфуція, что основа „И-кинъ“ (—книга переменъ) есть разсужденіе о человѣколюбіи и справедливости, Лаодзи сказалъ: „чѣмъ справедливость и человѣколюбіе только пустой звукъ. Они лишь прикрываютъ жестокость и смущаютъ сердца людей. Никогда не было большихъ смутъ, чѣмъ теперь. Голубь не купается каждый день, чтобы выгладить бѣлымъ, и ворона не красится каждое утро, чтобы казаться черною“. Смыслъ словъ Лаодзи тотъ: еслибы голубь началъ купаться, а ворона краситься, то это было бы признакомъ того, что они утратили естественную окраску. То же и съ людьми. Еслибы всѣ люди были человѣколюбивыми, почтительными и преданными, то никто не толковалъ бы объ этихъ качествахъ, коиъ никогда и не называли бы. Еслибы всѣ люди были бы добродѣтельными, то самыя названія пороковъ не были бы извѣстны. Рѣчь о добродѣтели, это—первый ступень нравственнаго регресса, который Лаодзи изображаетъ въ слѣдующей схемѣ: когда исчезаетъ Тао (безсознательное осуществленіе добродѣтели), является добродѣтель (сознательное осуществленіе ея возможно въ человѣкѣ только при пониманіи порока); когда исчезаетъ добродѣтель, является снисхожденіе (съ терпѣніемъ, но безъ любви оказываемое добро); когда исчезаетъ снисхожденіе, приходитъ справедливость (нравственность смѣняется правомъ), когда исчезаетъ справедливость, приходитъ при-

лячіе, т. е. попросту лицемѣріе. Переставъ быть справедливыми, люди продолжаютъ еще дѣлать усилія казаться справедливыми. Лаодзи не идетъ далѣе, но остающаяся ступень нравственнаго паденія повятна сама собою. Человѣкъ становится на нее, когда сбрасываетъ съ себя послѣдній покровъ стыдливости и, не прикрываясь никакими фразами, рветъ и отнимаетъ у себя все то, что только можетъ, для удовлетворенія своего эгоизма. Изъ схемы Лаодзи вытекаетъ, что существованіе высшаго добра возможно тогда, когда не будетъ изученія добродѣтели и не будетъ борьбы, напряженій и усилій въ ея осуществленіи. Мудрецъ становится на послѣднее мѣсто, т. е. не пробиваетъ себѣ дороги, и потому занимаетъ первое. Не должно бороться, не должно противодействовать событіямъ, самое большее—нужно примѣняться къ нимъ. Пассивность и самоотреченіе, вотъ — принципы, выдвигаемые Лаодзи. Примѣняя ихъ къ правителямъ, онъ говорилъ: „мудрый правитель помнитъ, что «народъ» растетъ, а не создается человѣческими руками“. И еще Лаодзи сказалъ о правителяхъ: „тотъ, кто приметъ на себя безцестіе страны, называется ея властителемъ, а тотъ, кто приметъ на себя ея бѣдствія, называется царемъ міра“. Лаодзи приписываютъ изреченіе: „воздавай за зло добромъ“. Сущность добра въ человѣкѣ онъ подгадалъ въ состраданіи, умѣренности и смиреніи. Будучи сострадательнымъ, я могу быть храбрымъ; будучи умѣреннымъ, я могу быть щедрымъ; будучи смиреннымъ, я могу начальствовать надъ людьми.

Не трудно видѣть, что въ ученіи Лаодзи заключалось много началъ, которыя должны были направлять его послѣдователей къ мысли о пустыннотельствѣ и отшельничествѣ. Хотя самъ Лаодзи нигдѣ и ни въ чемъ не высказывался противъ государства, но его теорія естественной природы явно ведетъ къ пассивной революціи. Государство, конечно, представляетъ собою не естественную, а искусственную природу: въ природѣ нѣтъ ранговъ, нѣтъ темницъ, уголовного кодекса,—все это искусственно. Но, по теоріи Лаодзи, искусственную природу должно препобѣждать не силою, а отступая передъ нею.

Въ ученіи Лаодзи китайская мысль под-

нялась до наибольшей духовной высоты и въ развитіи этого ученія она испустилась до самыхъ низменныхъ и грубыхъ заблужденій и суетврій. Изъ отшельниковъ таоизма вырождается классъ таоистскихъ жрецовъ — грубыхъ шарлатановъ, продавцевъ напитка безсмертія, изгонителей демоновъ. У таоистовъ существуетъ воззрѣніе, что Лаодзи въ сущности вѣченъ, что онъ неоднократно воплощался на землѣ. Не только Лаодзи не могъ умереть, но неудобно умереть и для многихъ жрецовъ таоизма, ибо для самой наивной вѣры должно представляться страннымъ, что смерть можетъ овладѣвать продавцами напитка безсмертія. Такковыя, по таоизму, живыми переселились на небо. Пантеонъ таоизма страшно обширенъ. Кромѣ множества святыхъ изъ таоистовъ,—звѣзды, воздухъ, море, земля, горы, рѣки, провинціи, города, деревни имѣютъ своихъ боговъ частныхъ. Почитаются животныя, напр., змѣя. Почитаются даже неорганическіе предметы. Одною изъ своеобразныхъ специальностей таоистовъ является званіе геомантіи. Таоистскіе жрецы знаютъ наилучшія мѣста для могилъ.

Буддизмъ принятъ въ Китаѣ въ его сѣверной формѣ. Будда въ существованіи и одного міра видѣлъ великое зло, а сѣверные буддисты насчитываютъ существованіе десяти міровъ и не тяготятся этимъ. Высшіе изъ этихъ міровъ—міръ бодисатвъ и міръ буддъ или нирвана. Бодисатвы—это люди, достигшіе высокой степени блаженства (покаятиски—пусахъ), они должны подвергнуться еще одному воплощенію, чтобы стать буддами (совершенными — по-китайски Фо; отсюда *название китайскаго буддизма религіей Фо*). Существовало много буддъ, и будда Шакіамуни не сразу достигъ своего величія, прежде чѣмъ родиться отъ Маи, а въ предшествовавшій вѣкъ онъ спустился съ неба на землю на бѣломъ слонѣ о шести клыкахъ. Кромѣ буддъ людей („макуши буддъ“) школа махаяна знаетъ еще „діани буддъ“ или буддъ созерцація. Они вдохновляютъ и руководятъ буддъ человѣческихъ. Важнѣйшій изъ Діани-буддъ Амитабха пользуется великимъ почитаніемъ въ Китаѣ. Онъ представляетъ собою божество погребальное и завѣдуетъ подземнымъ раемъ—Сукховати. Отъ его взгляда родилось божество Авалокитес-

вара, называемое въ Китаѣ и представляемое здѣсь обыкновенно въ образѣ женщины Кванъ-йинъ, которое пользуется еще большею популярностью, чѣмъ Амигтахъ. Сострадательная богиня, — она общалась проявляться во всѣхъ безчисленныхъ мірахъ, чтобы спасти ихъ обитателей. Съ цѣлю спасенія она посѣщала и ады. Вотъ одна изъ популярных молитвъ, съ которою обращаются къ ней: „пусть всевидящая и всемогущая Кванъ-йинъ въ силу своего обѣта придеть сюда на наши молитвы и избавить насъ отъ трехъ препятствій“ (нечистыхъ помысловъ, словъ и поступковъ). Стараясь всѣхъ привести въ рай Амигтахъ, Кванъ-йинъ заботится и о земномъ благополучіи людей. Она считается покровительницею дѣтей, и ея изображенія, указывающія на это ея значеніе, весьма сходны съ изображеніями мадоннъ. Словословія въ честь ея, или вѣрнѣе — заклинанія ея именемъ, повидимому, должны помогать въ самыхъ различныхъ случаяхъ. „Слава доброй сострадательной Кванъ-йинъ. Еслибы я былъ брошенъ на грудь ножей, они не повредили бы мнѣ! Еслибы я былъ поверженъ въ огненное озеро, оно не сожгло бы меня! Еслибы я былъ окруженъ голодными духами, они не тронули бы меня! Еслибы я былъ отданъ во власть демоновъ, они не коснулись бы меня! Еслибы я былъ превращенъ въ животное, и тогда я попалъ бы на небо! Слава сострадательной Кванъ-йинъ“. Большое значеніе имѣетъ еще у китайцевъ Майтрейя (Ми-ли-фо) — Будда будущаго, къ которому обращаются нѣхъ упованія уже въ настоящемъ. Китайскій буддизмъ имѣетъ сложную іерархію, но въ собственномъ Китаѣ нѣтъ однако папы по образу Далай-ламы въ Тибетѣ. Имѣется много китайскихъ монастырей; есть и женскіе.

Прослѣдить развитіе буддизма на китайской почвѣ и оцѣнить его значеніе является дѣломъ чрезвычайно труднымъ. Съ вышней стороны эта исторія чрезвычайно проста. Въ II-мъ вѣкѣ до р. Хр. въ Китаѣ явились восемнадцать буддійскихъ миссіонеровъ, которымъ удалось привлечь на свою сторону послѣдователей, во которые потомъ подверглись преслѣдованію со стороны конфуціанъ и таоистовъ. Въ I-мъ вѣкѣ до р. Хр. буддійская пропаганда продолжалась, а въ I-мъ вѣкѣ по р. Хр., именно въ 61 г., императоръ Минг-ти сталъ на сторону буд-

дизма, согласно китайской легендѣ, — вслѣдствіе того, что ему явился во снѣ самъ Фо. Минг-ти отправилъ посольство въ Индію для полученія наставленій относительно буддизма, и изъ Индіи явились жрецы, буддійскія книги, идолы и изображенія и священныя реликвиі (кости Будды). Послѣ этого буддизмъ постепенно утвердился прочно въ Китаѣ, хотя у буддистовъ возникали столкновенія съ конфуціанами и таоистами. Возникаютъ они порою и теперь. Но это — внѣшняя, такъ сказать, экзотерическая исторія буддизма; а онъ имѣетъ еще и эзотерическую исторію. Повидимому, таонизмъ явился дважды плагиаторомъ по отношенію къ буддизму. О Лаодзи повѣствуютъ, что онъ подобно греческимъ мудрецамъ путешествовалъ по разнымъ странамъ. Это совершенно исключительное сказаніе, потому что китайцы по вопросу о пользѣ посѣщенія иноземныхъ странъ, повидимому, до селѣ держатся воззрѣнія, которое такъ формулировалъ одинъ китайскій императоръ: „я слышалъ, что варвары (въ составъ которыхъ этотъ императоръ великодушно включалъ и европейцевъ) научились кое-чему отъ китайцевъ, но я никогда не слышалъ, чтобы китаицы научились чему-либо отъ варваровъ“. Но философія Тао обнаруживаетъ такое поразительное сходство съ индійскою, что все заставляетъ думать, что тѣмъ или инымъ путемъ Лаодзи прежде познакомился съ послѣднею, а потомъ уже составилъ первую. Это — первое предположительное (за отсутствіемъ историческихъ доказательствъ) вліяніе буддизма на Китай. Вторичное — именно вліяніе ритуала и канонической системы сѣвернаго буддизма на таоистическое устройство должно утверждать уже не предположительно, а положительно. Таонистскіе обряды — подражаніе буддійскимъ съ нѣкоторыми варіаціями. Даже магія таонистовъ, можетъ быть, развивалась безъ буддійскаго вліянія. Только у таонистовъ преимущественно жрецы являются магами, волшебниками и заклинателями, а буддисты раздаютъ заклинательныя формулы и заговоры для самостоятельнаго употребленія всѣмъ. Рабочій утромъ, прежде чѣмъ приступить къ работѣ, сжигаетъ бумажку съ заклинаніями. Да и ученые, выказывающіе по внѣшности презрѣніе къ буддизму, на самомъ дѣлѣ находятъ нужнымъ звать и

употреблять заученныя наизусть магическія изреченія буддистовъ. Даже въ китайской пагодѣ видятъ вліяніе буддизма; ея устройство символизируетъ буддійское представление вселенной; нижній этажъ — земля, площадка надъ нимъ — небо, высшіе этажи — это рядъ буддійскихъ небесъ, въ которыхъ обитаютъ духи, бодисатвы и будды.

Ю, таоизмъ и Фо въ настоящее время три государственныя религіи Китая. Въ теоріи и на словахъ между ними не рѣдки столкновенія. Иногда эти столкновенія и не ограничиваются словами. Не рѣдко таоисты пронизировали надъ конфуціанами. Конфуціане не оставались въ долгу. Настоятельные рационалистически, они часто осмѣивали мистицизмъ таоистовъ и буддистовъ, но съ наибольшею враждой, кажется, они относились къ буддистамъ. Буддійскія молитвы за умершихъ они объявляли оскорбленіемъ для умершаго, ибо эти молитвы *implicite* содержатъ въ себѣ признаніе, что умершій былъ дурной человѣкъ и самъ по себѣ не заслуживаетъ небеснаго блаженства.

Однако, вообще и Фо, и Ю, и таоизмъ мирно уживаются между собою. Это ясно можно видѣть въ отношеніяхъ къ нимъ императоровъ, въ каковыхъ отношеніяхъ, конечно, отражается и настроеніе всего Китая. Встрѣчая новый годъ, императоръ отправляется прежде всего въ шаманскій храмъ. Теперь царствуетъ манджурская династія, сохранившая шаманство, какъ въру своихъ предковъ. Шаманство есть вѣра въ духовъ и въ возможность воздѣйствовать на духовъ кудесническими средствами, которыми располагаютъ лишь нѣкоторые лица — шаманы. Отдавъ дань шаманизму, императоръ приноситъ жертву въ храмъ предковъ по конфуціанскому обряду, далѣе отправляется на поклоненіе идолу Фо (сдѣланному изъ сандалнаго дерева и считающагося современнымъ Буддѣ); послѣ этого онъ затѣжаетъ въ таоистскій храмъ вѣтра. Здѣсь (нужно) видѣть не просто терпимости и не государственныя такты, а осуществленіе политеистическаго обычая, котораго держались всѣ народы древности, кадившіе не только своимъ, но и всевозможнымъ чужимъ богамъ. Презрительное отношеніе китайскаго сановника къ Фо, это — рефлексія по-

здѣйшаго времени и довольно исключительное явленіе въ родѣ скептически презрительнаго отношенія къ почитанію персидскаго Митры въ Римѣ со стороны Лукіана, который говорилъ: „что это за богъ, который не знаетъ погречески и даже не понимаетъ, когда пьютъ за его здоровье?!“. Многие русскіе XI вѣка и многіе инородцы нашихъ дней живутъ по двумъ вѣрамъ — азыческой и христіанской. Для китайца жить по тремъ вѣрамъ представляется дѣломъ несравненно болѣе удобнымъ, чѣмъ ходить путями двоевѣрія для нашихъ инородцевъ; каждая изъ китайскихъ государственныхъ религій имѣетъ свою сферу, въ которой преобладаетъ ея вліяніе. Конфуціанство регулируетъ правила семейнаго, общественнаго и государственнаго поведенія, оно освящаетъ традиціонный строй китайской жизни, но таоизмъ — уже потому, что онъ самъ возникъ и выросъ на китайской почвѣ, — не можетъ идти противъ китайскаго строя, а буддизмъ вообще не существуетъ не касаясь формъ обществитія. Далѣе, таоизмъ служитъ человѣку при различныхъ практическихъ нуждахъ, — при болѣзняхъ, начатіяхъ дѣла, путешествіяхъ. Здѣсь главнымъ образомъ дѣло сводится къ обману таоистскихъ жрецовъ, но рядомъ со сверхестественными и бесполезными пособіями они могутъ подавать и полезныя лекарства и полезныя совѣты. Въ буддизмѣ находятъ удовлетвореніе китайская забота объ умершихъ близкихъ и любимыхъ людяхъ. Разумъ и совесть китаецъ, конечно, заставляютъ его понимать и чувствовать, что умершій имъ любимый человѣкъ имѣлъ недостатки и грѣхи и что хорошо бы было найти какое-либо средство ихъ загладить и восполнить: — и вотъ является буддизмъ съ своею теоріей возможности облегченія участи усопшихъ при помощи жертвъ, дѣяній и молитвъ живыхъ. Такъ, у китаецъ недостаточность и неполнота одной религій восполняется другими, но несомнѣненъ фактъ, что если изъ данныхъ религій ни одна не можетъ удовлетворить человѣка, то никакимъ образомъ не можетъ удовлетворить его и вся ихъ совокупность. Синкретизмъ религіозный — явленіе постоянное, но никогда не дававшее благихъ результатовъ. Изъ нѣсколькихъ невѣрныхъ оуясненій физическаго явленія не можетъ получиться научной истины и

изъ нѣсколькихъ невѣрныхъ принциповъ поведенія не можетъ составиться идеальной этяки.

Литература. Важнѣйшія иностранныя сочиненія о китайскихъ религіяхъ указаны въ „Иллюстрированной исторіи религіи“ *Шантени де-ля-Соссей*, I, стр. 53—83. Важнѣйшими въ настоящее время должны быть названы труды и переводы *J. Lege'de'a*. Весьма удобочитаемою и снабженною хорошимъ указателемъ является книга *A. Revillé'a*, *La Religion chinoise*, 1889 (болѣе 700 стр.). На русскомъ языкѣ свѣдѣнія о китайской религіи можно получать изъ слѣдующихъ самостоятельныхъ и переводныхъ изданій: о *Такиновъ* (Вичурина), Китай въ гражданскомъ и нравственномъ отношеніи; проф. *Васильева*, Религіи Востока (капитальный, но не имѣющійся въ продажѣ трудъ); *Георгиевскаго*, Первый періодъ китайской цивилизаціи. Принципы жизни Китая. Важность изученія Китая. Мнѣскія воззрѣнія и мнѣя китайцевъ; проф. *С. С. Глаголева*, Религіи Китая; *Веттани и Дугласа*, Великія религіи Востока. Книга о почитаніи родителей (перев. *Д. П. Конисси* въ „Вопрос. философ. и психол.“ 1896 г. кн. 5—6); *Конфуція*, „Средина и постоянство“ (перев. *Конисси* *ibid.* 1895 г. кн. 4). *Конисси*, Лао-Цзы, *Лао-Цзы-Тао-те-Кингъ* (перев. *Конисси*). *М. Мюллера*, Религіи Китая. *Цеткова*, О сектѣ дасовъ („Труды членовъ пекинскихъ миссіи“, т. III). Затѣмъ изложеніе китайскихъ вѣрованій находится въ общихъ трудахъ по исторіи религіи: анонимнаго автора „Истор. религ. и тайныхъ обществъ“; архимандр. *Хрисанова* († еписк. Ретивцева), *Мекзиса*, *Шантени*. Наконецъ, китайскимъ религіямъ всегда удѣляется мѣсто и въ общихъ сочиненіяхъ о Китаѣ [† Арх. *Такиновъ* (о немъ см. „Эвц.“ VI, 11—12). Описаніе религіи ученыхъ, Пекинъ 1906. *Кондратъ Крымскій*, Изложеніе сущности конфуціанскаго ученія, Пекинъ 1906. Для обзора китайской литературы см. очеркъ *Wilhelm Grube* у *Paul Hinneberg*, *Die Kultur der Gegenwart I Theil*, VII Abt. (Berlin und Leipzig 1906), S. 313—359. *П. Фоссовъ*, Религіозныя воззрѣнія китайцевъ, Спб. 1908 г.].

С. Глаголевъ.

II. Исторія христіанства въ Китаѣ.

Исторія христіанства въ Китаѣ далеко еще не изучена и памятники, касающіеся ея, еще не собраны. Доселѣ наука располагаетъ только крайне скудными и разомненными источниками: краткими замѣтками позднѣйшихъ свирійскихъ и армянскрахъ хронистовъ, отрывочными извлеченіями изъ китайскихъ лѣтописей, случайными со-

общеніями путешественниковъ и нѣсколькими надписями. Поэтому дать полную картину постепеннаго распространенія и прошлыхъ судебъ христіанства въ Китаѣ—въ настоящее время невозможно. Преданія, возникшія въ то время, когда для христіанъ каждой страны хотѣли указать родоначальника въ лицѣ какого-нибудь Апостола (мысль, высказанная еще Иринеємъ и Оригеномъ), приурочиваютъ начало христіанства въ Китаѣ то къ Апостолу Томѣ, то къ Варооломею, то къ Фаддею или ученику его Аггею и даже Андрею. Свѣдѣтельства свирійскихъ и греческихъ лѣтописей о проповѣди въ Китаѣ Варооломея (см. *Le Quien*, *Oriens Christ.* II), Фаддея или Аггея (*Ios. S. Assemani*, *Bibl. Orient.* III, стр. 3, 11, 16, 17, 20, 25) и Андрея (Софроній въ *De vitis apostolorum*; Appendix 1 ad Hieron. *Catal. scr. eccl.* стр. 224 по изд. Фабриція) слишкомъ темны и обязанности своимъ возвышеніемъ старому географическому заблужденію, смѣшивавшему Китай съ Индіей или даже съ Персіей; они не нашли себѣ защитниковъ въ исторической литературѣ, тогда какъ мысль о первоначальномъ распространѣніи христіанства въ Китаѣ Ап. Томомъ долгое время защищалась учеными (*Ant. de Gouvea*, *Jornadae Arcebispo de Goa I*, 1; *La Croze*, *Hist. du Christianisme des Indes I*, 38; *N. Frigavtius*, *De Christ. expedit. apud Sinas I*, 124; *Athan. Kircher*, *China illustrata II*, 57, VII, 91; *De Premare*, *Lettres edific. et. curieuses des missions étrangères XIX*, 449 и особенно *P. Huc*, *Le Christianisme en Chine I*, Парижъ 1857, ср. *Andr. Müller*, *Hebd. observ. Sinic.*, стр. 10, и *Lud. Le Comte*, *Memoires de la Chine II*, 140). Но извѣстія о проповѣди Ап. Томы въ Китаѣ, хотя и болѣе многочисленны, однако также поздны, спутанны и неопредѣленны, какъ и извѣстія относительно другихъ Апостоловъ, почему со времени Ренессанса (*Sur les ancien. relations des Indes et de la Chine*, стр. 230) фактъ проповѣди Ап. Томы въ Китаѣ оспаривается большинствомъ ученыхъ (Ф. Куплетъ, Брюзъ, Безоборъ и др.). О существованіи христіанства въ Китаѣ до IV вѣка свѣдѣній не сохранилось. Мало достовѣрный писатель Арнобій (II, 50; ср. „Эвц.“ I, 1046—1047) упоминаетъ въ числѣ народовъ, принявшихъ христіанство, и серовъ, т. е. китайцевъ.

Сирийские памятники свидетельствуют, что христианство процветало в IV вѣкѣ в соединеніи китаю Харазавѣ (Ass., Bibl. Or. III, стр. 426). Изъ списка епископовъ, изданнаго Guidi („Zeitschr. d. d. Morgen. Ges.“ XLIII, 388—414), видно, что в Гератѣ уже в 430 г. былъ епископъ, а в 588 г. митрополитъ; в 577 г. былъ епископъ въ Самаркандѣ (?), в 553 в Мервудѣ. Амръ Ибнъ Матта тирханскій (писатель 1-й половины XIV в.; см. о немъ Райтъ, Краткій очеркъ ист. сирийской лит., стр. 182—183 и др.) каедромитрополита китайскаго по древности ставить непосредственно вслѣдъ за каедромъ индійской, древность которой доказана Ла-Крозомъ (см. Ass., Bibl. Or. II, гл. 42, стр. 458). Болѣе важное свидетельство Эбедъ-іешу (Абдишо; см. Райтъ op. cit. 22), что Аха, католикосъ Селевкии (съ 416 г.: Райтъ, 32—33) поставилъ митрополитовъ въ Самаркандѣ и Шину, т. е. Китай. Тоже сдѣлалъ и три его преемника. Отсюда Эбедъ-іешу дѣлаетъ выводъ, что китайцы еще задолго до V вѣка были обращены въ христианство и имѣли у себя пресвитеровъ и епископовъ (см. Ass., Bibl. Or. III, часть II, гл. IX, § 17, стр. 521). Особенно успѣшна была проповѣдь христианства въ Китаѣ несторіанскихъ миссіонеровъ. По свидетельству Прокопія (De Bello goth. IV, 17), несторіанскіе персидскіе миссіонеры проникли въ Китай и вывели отсюда въ царствованіе Юстиніана шелковичнаго червя въ греческую имперію. Самый цѣнный и обстоятельный матеріалъ о дальнѣйшей исторіи христианства въ Китаѣ даетъ знаменитый китайско-сирийскій христианскій памятникъ, открытый въ 1625 году въ Синанфу, западной столицѣ Китая.

Памятникъ этотъ — громадная (5 × 10 футовъ) гранитная доска, съ китайско-сирийскою надписью, разлагающейся по своему содержанію на три части: 1) обширное введеніе богословско-историческаго характера, 2) китайская надпись съ хронологическою датой и перечисленіемъ участниковъ по сооруженію памятника и 3) сирийская надпись, перечисляющая 60 проповѣдниковъ христианства и лицъ, соорудившихъ памятникъ, также съ датой. Объ этомъ памятникѣ существуетъ обширная иностранная (лучшее изслѣдованіе: Wylie, On the Nestorian

Tablet of Se-gan-Foo) и русская литература (Спасскій, Описаніе древняго христианскаго памятника, открытаго въ Китаѣ въ 1625 году; Историческій очеркъ христианской проповѣди въ Китаѣ въ „Тр. Киев. Дух. Акад.“ 1860 г. ч. II, 112—172; З. О. Леонтьевскій далъ переводъ надписи; проф. А. А. Спасскій, Сиро-халдейскіе христіане въ „Бог. Вѣстн.“ 1898 г., май, 227; егоже, Древнѣйшій памятникъ христианства въ Китаѣ, ibid. 1901 г., іюль—августъ, 609—625; Робертсонъ и Герцогъ, Ист. хр. ц. I, 686 и особенно С. С. Слущкій, Древнѣйшій христианскій памятникъ въ Китаѣ въ „Русскомъ Вѣстникѣ“ 1901 г., январь, стр. 151—165; лучшее изданіе Pautier, L'inscription Syro-Chinoise de Sin-gan-Foo, Парижъ 1888). Подлинность надписи, оспаривавшаяся, начиная съ Вольтера и Дидро, многими учеными, считавшими ее поддѣлкой іезуитовъ, въ настоящее время не допускаетъ никакихъ сомнѣній. Надпись въ первой своей части рисуетъ судьбы христианства въ Китаѣ болѣе чѣмъ за полтора столѣтія (635—781 г.). Въ царствованіе Тай-сунъ (второй императоръ 13-й фамилии Танъ, царствовавшій въ 627—650 г.) въ 9-й Чинъ-куань (636 г.) прибылъ въ Чанъ-Нань А-ло-пен (по Assemani — искаженное сирское Яб—алаха = Теодоръ), неся писанія. Императоръ торжественно встрѣтилъ его, велѣлъ перевести священныя книги и черезъ 3 года издалъ указъ, повелѣвающій распространять христианство въ имперіи, построить сирийскій храмъ въ столицѣ и собрать туда 21 священника.

Христианство продолжало распространяться и при его преемникѣ Као-Цунѣ (650—684 г.), но при дальнѣйшихъ государяхъ оно подверглось преслѣдованіямъ, пока священникамъ Лохану (глава священниковъ = Іоаннъ), Кили и другимъ не удалось въ 713 г. убѣдить императора Хуань-цуня (712—757 г.) въ высотѣ христианскаго ученія. Покровительство императоровъ христианству продолжалось и все послѣдующее время, кончая царствованіемъ Куанъ-чуня (780—805 г.), современника самой надписи. За это время изъ Сиріи въ Китай, — по свидетельству надписи, — приходили и новые проповѣдники. По сирийскому тексту, памятникъ былъ воздвигнутъ, во дни отцовъ господина Ханавъ-Исуса, каеоличе-

скаго патріарха (Іоаннъ Іисусъ католикосъ † 778 г., за три года до основанія памятника, о чемъ не звали, по предположенію Ассемана, въ Китаѣ за дальностью разстоянія), и Адама, пресвитера, хорепископа и папы китайскаго, 1092-й годъ греческой эры“ (781 по р. Хр.). Сообщаемые памятникомъ факты подтверждаются и другими извѣстіями, относящимися къ тому же времени. Несторіанскіе писатели сообщаютъ, что несторіанскій католикосъ Сѣлба-Зехъ (713—729 г.; см. Райтъ 130) возвелъ китайскую каведру на степень митрополита *Ass., Bibl. Or. III, часть II, стр. 426*; ср. *Yule, Cathay and the Way thither, I, London 1866, prelim. essay, стр. XCI*; съ этимъ вполне гармонируетъ извѣстіе памятника о покровительствѣ христіанству императора Хуань-цуня (712—757 г.) и о прибытіи новой миссіи въ 715 году изъ Сиріи. О несторіанскихъ миссіонерахъ, оставившихъ памятники въроуценія, говорится и въ китайской книгѣ Куи-ю-ту (см. Труды членовъ русск. дух. миссіи въ Пекинѣ, т. III, статья „Христіанство въ Китаѣ“). Для дальнейшей исторіи христіанства приходится довольствоваться отрывочными замѣчаніями арабскихъ и сирійскихъ писателей. Повидимому, много было сдѣлано для миссіи въ Китаѣ при католикосѣ Тимоѳеѣ I (съ мая 780 до 819—823 г.; см. Райтъ 135—137 и др.), ревностно распространявшимъ христіанство въ средней Азіи, такъ что въ христіанство будто-бы обратился и самъ хаканъ тюрокъ (*Ass., Bibl. Or. III, I. 160. II, 478—482*). Миссіонеръ Субхальешу, посланный при немъ въ прикаспійскія области, отправился отсюда въ глубь средней Азіи и дошелъ до Китая. Въ Китай Тимоѳей послалъ митрополитомъ какого-то Давада (*Mosheim, Hist. Eccl. Tartar., часть I, стр. 13—16; Thomas Margensis, Hist. Monastica, кн. I, гл. XX; Renaud G., Ancienn. relat. des Indes et la Chine, стр. 319*). Около этого же времени въ Китаѣ появились и манихеи. Манихейство было очень распространено между сосѣдними съ Китаемъ народами. По свидѣтельству Масуды, между тузугурами и уйгурами (см. *G. Flugel, Mani, Лейпцигъ 1862, стр. 381*), а по свидѣтельству Бируни (*Chronol. изд. Sachau 1878 г.*)—и между восточными турками, тибетцами и индусами. Больше всего распространяли ма-

нихейство въ Китаѣ уйгуры. Въ „Исторіи династіи Танъ“, по переводу Іакинфа (I, 415), сказано, что уйгурскіе манихей (Мони) въ первый разъ прибыли въ Китай въ 806 г.; но архим. Палладій, ссылаясь на ту же „Исторію дин. Танъ“ говоритъ, что манихей были извѣстны въ Китаѣ уже въ VI вѣкѣ, что въ 768 г. въ столицѣ и нѣкоторыхъ другихъ городахъ были построены монастыри для уйгурскихъ Мони (Восточный сборникъ I, стр. 51; ср. проф. В. Бартольдъ, О христіанствѣ въ Туркестанѣ въ домонгольскій періодъ въ „Запискахъ восточнаго отдѣла. Импер. Русск. Археол. Общ.“ т. VIII, вып. 1—11, Спб. 1893, 1—33; это цѣнное изслѣдованіе В. Бартольда издано въ нѣмецкой переработкѣ д-ра *Рудольфа Штубе*, Тюбингенъ и Лейпцигъ 1901). Упомянутые въ открытой въ 1895 году китайской надписи „Kara Balgassun“ Мони суть манихей, а не несторіане (см. R. E. v. Herzog-Hausk XII³, 224). Несомнѣнно все же, что манихейство было гораздо менѣе распространено въ Китаѣ, чѣмъ несторіанство. И послѣ Тимоѳея I, преемники его, багдадскіе католикосы, также называвшіеся Тимоѳеями, продолжали посылать въ Китай митарановъ или митрополитовъ до конца XIII в., о чемъ свидѣлствуютъ сказанія вышеупомянутаго Амръ-Ибнъ Матта тирхавскаго. Такъ какъ въ несторіанской церкви, какъ и въ другихъ восточныхъ церквяхъ, титулярныхъ епископовъ не существовало, то назначеніе особыхъ митрополитовъ для Китая указываетъ на значительные успѣхи здѣсь христіанства. На это же намекаетъ и повышение китайскаго митрополита въ іерархическомъ рангѣ: въ IX вѣкѣ онъ ставится не послѣ митрополита индійскаго, но на первомъ мѣстѣ послѣ шести первенствующихъ митрополитовъ несторіанской церкви. Въ девятомъ же вѣкѣ китайскому митрополиту было дозволено католикосомъ не являться лично къ нему, а лишь письменно извѣщать его о состояніи церкви въ Китаѣ чрезъ каждые шесть лѣтъ. Абульфараджъ (см. „Энц.“ I, 82—83), путешествовавшій по Китаю въ серединѣ IX вѣка, говоритъ, что онъ видѣлъ въ городѣ Тагоу много христіанскихъ монаховъ, посланныхъ сюда католикосомъ (Le-Quien, *Oriens Christ.* т. II, гл. XIII, стр. 1268; ср. *Aellius, Not. in Abulpharag.*, стр. 76). Ибнъ - Бароѣ, бывшій въ

Китай въ второй половинѣ IX в., разсказываетъ, что мятежникъ Вайхи умертвилъ въ г. Канъ-фу (Кантонъ) множество христіанъ за то, что они не хотѣли измѣнить законному императору, и что императоръ китайскій показывалъ ему изображеніе Ноя, Моисея и Христа, къ которымъ онъ относился съ благоговѣніемъ. (*Eus. Renaud., Annal.* подъ 851 или 877 г. по другому изданію и въ *Encien. relat. des Indes et de la Chine*, стр. 51. 63 и 72). О положеніи христіанства въ Китай въ дальнѣйшее время до завоеванія его татарами во второй половинѣ XIII в. свѣдѣній почти не сохранилось, но можно думать, что христіанство здѣсь продолжало существовать. Это (помимо факта назначенія китайскихъ митрополитовъ) косвенно доказывается силою несторіанской пропаганды за это время, обратившей въ несторіанство около 1007 года многочисленное сосѣднее Китаю племя херантовъ и вообще успѣвшей сдѣлать новыя завоеванія среди сосѣднихъ Китаю народовъ, что повело, между прочимъ, къ созданію легенды о пресвитерѣ Іоаннѣ (см. „Энци.“ VII, 92—97 а также Исторію Монголовъ *Региндъ-ед-дина* въ „Трудахъ вост. отдѣл. Имп. Арх. Общ.“ ч. V, стр. 94, Спб. 1858; † проф. Н. О. *Храносельцевъ*, Западная миссія противъ татаръ язычниковъ, Казань 1872, стр. 8—98; *Бартольдъ* loc. cit.). О силѣ несторіанской пропаганды свидѣтельствуютъ и несторіанскія надписи въ Семпрѣченской области XII—XIV в. (см. проф. Д. А. *Хвольсонъ*, *Syrische Grabinschriften aus Simirjetschie* въ „Mém. de l'Acad. Imp. des Sc. de St. Petersb.“ VII серия, т. XXXIV, № 4; *Его же* *Syrisch-Nestorien Grabinschriften...* ibid. VII серия, т. XXXVII, № 8, 1890; *Его же*, *Syrisch-Nest. Grabinschr...* neue Folge, Спб. 1897; *Райтъ-Ноксонецъ* op. cit., 136; С. С. *Слуцкий* и О. Е. *Коринъ*, Древности восточныя, Москва 1889 и 1891. т. I, стр. 3—66, 67—72 и 176—194). Продолжало существовать христіанство въ Китай и тогда, когда восточные татары завоевали Китай подъ предводительствомъ Кублая (1259—1302 г.) и основали тамъ монгольское государство со столицею въ г. Ханъ-Балыкъ (Пекинъ). Источникомъ свѣдѣній служатъ теперь, кромѣ восточныхъ писателей,—и западные миссіонеры. Сирійскія лѣтописи сообщаютъ, что Коблай, уважавшій

предпочтительно предъ другими религіями христіанскую, итѣлъ въ своей столицѣ Ханъ-Балыкъ митрополита, подчиненнаго несторіанскому католикусу. По кончинѣ этого митрополита († 1279 г.), католикосъ Іоаннъ Деньга прислалъ по просьбѣ влхана Коблая митрополитомъ Симеона Варъ Калина, архіепископа харазанскаго города Товзы. За неповиновеніе католикусу этотъ Симеонъ былъ скоро сосланъ, а на его мѣсто назначенъ пекинскій монахъ, уйгуръ по національности, Муркосъ, предпринявшій путешествіе изъ Ханъ-Балыка чрезъ Табеть и восточный Туркестанъ въ сѣверную Месопотамію вмѣстѣ съ другими монахомъ. Описаніе этого путешествія, сообщающее цѣльныя свѣдѣнія объ исторіи христіанства въ Китаѣ, издано въ 1888 г. въ Парижѣ Веджаномъ (2 изд. 1895; см. Райтъ, 210—212). Но Муркосу не пришлось возвратиться въ Китай, такъ какъ онъ былъ избранъ—по смерти католикоса Іоанна Деньга его преемникомъ подъ именемъ Ябъ-алахи III (1281—1317 г.) и послалъ въ Китай митрополитомъ Варъ-Сергія вмѣсто себя. Варъ-Сергій съ подчиненными епископами и монахами неутомимо и съ большимъ успѣхомъ распространялъ несторіанство въ Китаѣ и построилъ тамъ много великолѣпныхъ церквей. Онъ былъ послѣднимъ несторіанскимъ митрополитомъ въ Китаѣ, и управлялъ китайскою митрополіею до конца XIII вѣка (см. *Bibl. Orient.* II, стр. 259 и 557 ibid. Абдулфараджъ; *Mosheim*, *Hist. Tartar.*, часть I, § XIX; *Oriens christ.*, т. III, гл. XIII). Западные путешественники, бывшіе въ концѣ XIII вѣка въ Китаѣ, сообщаютъ новыя подробности. Вильгельмъ Рубруквизъ, бывшій въ 1253—1254 г. у великаго хана Менгу, брата Кублая, сообщаетъ, что въ 15 городахъ, лежавшихъ по главной китайской дорогѣ, онъ видѣлъ много несторіанъ; что несторіанскій епископъ жилъ въ г. Сегивѣ (вышеупомянутомъ Сяняфу), что у несторіанъ былъ и митрополитъ, зависѣвшій отъ багдадскаго католикоса, но въ то же время каведра его была праздною (см. *Средневѣковья путей, посѣщавшія Россію* въ „Чтен. въ Общ. ист. и древн.“ 1864 г., кн. 3, стр. 179—180, ср. *Oriens Christ.* II, гл. XIII, стр. 1263). Марко Поло, описавшій путешествіе въ Ханъ-Балыку своихъ отца и дяди въ 1260 году и свое собственное въ 1280—

1295 г.г., говорить, что въ имперіи Кублая христіане составляли значительную партію, которая подъ предводительствомъ племянника Кублая Наяна сдѣлала даже неудачную попытку оружіемъ получить преобладаніе и что самъ Кублай благосклонно относился къ христіанству. При осадѣ Синанфу Кублаю помогали бывшіе съ нимъ христіанскіе мастера. Въ городѣ Синанфу, — добавляетъ по этому поводу Марко, — были христіанскія церкви несторіанъ, построенныя митрополитомъ Варъ-Сергіемъ, посвященнымъ по приказанію великаго хана въ 1288 г. католикосомъ багдадскимъ. Повидимому, несторіанскіе храмы были въ Китаѣ многочисленны, ибо Марко Поло подчеркиваетъ, какъ исключеніе, тотъ фактъ, что въ одномъ городѣ былъ только одинъ (*una solum ecclesia*) несторіанскій храмъ (см. Путешествіе Марко Поло въ „Чтен. въ Общ. ист. и др.“ 1861—1862 г.г.). Іоаннъ Монте-Корвиню, прибывшій въ Ханъ-Балыку въ 1291 г., сообщая о результатахъ своей миссіи въ донесеніи папѣ отъ 8 января 1305 года, пишетъ между прочимъ, что... „императоръ монгольскій оказываетъ многія благодеянія христіанамъ“, что „несторіане такую силу имѣютъ въ этихъ странахъ, что не дозволяютъ, чтобы христіанамъ какого-либо другого обычая имѣлъ хотя бы маленькій молитвенный домъ или проповѣдывать какое-либо другое ученіе, кромѣ христіанскаго. Въ 1909 году въ Китаѣ было 38 анатолійскихъ викаріатствъ и двѣ апостольскихъ префектуры съ 801.621 католиками, 915 европейскими миссіонерами и 409 туземцами и 4.839 церквами и часовнями. Іоанну удалось обратить въ католичество одного изъ царей этой страны несторіанина Георгія, потомка Ванъ-хана (см. Іоаннъ Пресвитеръ: „Энцикл.“ VII, ст. 92—97). и большую часть его народа, но, когда Георгій умеръ (1299 г.), братья его вмѣстѣ съ народомъ обратились въ прежнюю схизму Монте-Корвиню самыми мрачными красками рисуетъ нравственное состояніе несторіанъ и враждебное отношеніе ихъ къ католикамъ, но, повидимому, эти отрывки далеко не безпристрастны, а враждебное отношеніе было вызвано чуть ли не самимъ Монте-Корвиню, такъ какъ вообще несторіане очень терпимо относились ко всѣмъ вѣроисповѣданіямъ и сами призывали къ монголамъ,

священниковъ разныхъ исповѣдній (см. Бартольдъ *op. cit.*, 11). Монте-Корвиню началъ ожесточенную борьбу съ несторіанскимъ духовенствомъ, окончившуюся въ его пользу. Въ 1305 году императоръ далъ повелѣніе „проповѣдывать однимъ францисканцамъ, несторіанамъ же, какъ еретикамъ и гонителямъ невинныхъ, не только воспрещено было учить, но и вѣрно удалиться изъ имперіи“. (*Mosheim*, *Hist. Tart. eccl.* часть II, § 31). Еще ранѣе титулъ митрополита китайскаго былъ соединенъ съ титуломъ индійско-малабарскаго митрополита. Сильный ударъ христіанству къ Китаѣ нанесла смѣна династій. Монгольская династія смѣнилась въ 1369 г. китайскою династіей Минъ. Вмѣстѣ съ монголами должно было пасть и все, чему они покровительствовали, а особенно христіанство, которое держалось въ Китаѣ главнымъ образомъ среди монголовъ и благодаря ихъ благосклонности. Католическіе миссіонеры были изгнаны; изгнанію, преслѣдованіямъ и насиліямъ подвергались и несторіане, а ихъ храмы были разрушены. Послѣ этого христіанство продолжало существовать въ Китаѣ лишь тайно. Еще болѣе сильнымъ ударомъ для китайскаго христіанства было паденіе несторіанской, сирійско-халдейской церкви, отъ которой оно получило начало. Не смотря на свои успѣхи, несторіанство въ Китаѣ не могло сдѣлаться основой національной жизни; оно было лишь наноснымъ явленіемъ, державшимся постояннымъ приливомъ свѣжихъ силъ изъ Сиріи. Но, когда нашествіе Тимура почти смело съ лица земли сирійское несторіанство, источникъ, питавшій китайское христіанство, изсякъ, а за нимъ исчезло и оно само. Возобновившіе католическую миссію въ Китаѣ въ XVI вѣкѣ іезуиты нашли здѣсь лишь слабыя слѣды христіанства (*Christ. exped. apud. Chinas*, кн. I, гл. IX, стр. 121 сл. *Dugald*, *Description de la Chine* I, стр. 175; *Andr. Müller*, *Chataia*, стр. 58); и малочисленные христіане въ это время такъ погрязли въ языческихъ суевѣріяхъ, что многіе путешественники не могли отличить ихъ отъ язычниковъ и утверждали, что въ Китаѣ нѣтъ никакого слѣда христіанства (*Eus. Renaud*, *Relationes antiquae Indorum et Sinarum*, стр. 270).

III. Инославныя миссіи въ Китаѣ.

Миссіонерское дѣло въ Китаѣ—государствѣ съ 400 миллионнымъ населеніемъ, разбѣяннымъ на 18 почти самостоятельныхъ провинцій,—соединено съ особенными трудностями, каковы: трудный языкъ, гордое самодовольство его обитателей, консерватизмъ ихъ и ненависть къ иностранцамъ, неразрывная связь всей государственной и общественной жизни съ конфуціанствомъ и господствующій надъ всѣмъ культъ предковъ.

Католическая миссія здѣсь являлась много раньше протестантской. Уже въ XIV вѣкѣ здѣсь была французская миссія (Іоаннъ Монте-Корвино), погибшая въ 1370 г. Возстановлена она была іезуитами Францискомъ Ксавье († 1552 г.) и его преемниками, отправившимися на португальскую колонію Макао. Особенно замѣчательнъ изъ его преемниковъ Маттео Риччи (1582—1610 г.). Благодаря своимъ математическимъ познаніямъ, онъ достигъ высшихъ государственныхъ должностей и пользовался благосклонностію самого императора. Его миссіонерскій методъ состоялъ въ приспособленіи христіанства къ мѣстной религіи: проповѣдуемое имъ христіанство мирилось и съ культомъ предковъ и съ почитаніемъ Конфуція, требуя только почитанія распятія, иконъ и т. п. Подобнымъ образомъ дѣйствовали и его преемники, ставшіе нужными людьми для Китая своими техническими знаніями. Особенно успѣшно пошла дѣятельность іезуитовъ послѣ указа императора Кванги (Канхи), дозволившаго принимать христіанство своимъ подданнымъ. Въ концѣ XVII вѣкѣ въ Китаѣ было уже около 30 тысячъ христіанъ. Съ 1630 г. появились многочисленныя доминиканскія и францисканскія миссіи, также усвоившія приспособительный методъ. Когда папа послалъ легатовъ для искорененія неблаговидныхъ миссіонерскихъ приемовъ, миссіонеры посадили одного легата въ тюрьму, другого изгнали изъ Пекина. Преемникъ императора Кинхи († 1723 г.) Юнгъ-Чингъ, считая опаснымъ вѣзвѣстательство папы, запретилъ христіанство. При послѣдовавшемъ гоненіи число христіанъ быстро уменьшилось. Изъ всѣхъ орденовъ остались одни іезуиты, придерживавшіеся (не смотря на папскую буллу) прежней практики. Уничтоженіе ордена

іезуитовъ и рядъ гоненій на христіанъ совершенно подорвали дѣло католической миссіи. Снова начинается оно роста послѣ мира въ Нанкинѣ (1842 г.), по которому Китай вынужденъ былъ дозволить католическую религію. По пекинскому миру (1860 г.) католикамъ возвращены были даже ихъ прежнія церковныя владѣнія. Католическая миссія опирается на вооруженную силу европейскихъ государствъ, особенно Франціи, крупныя суммы, благодаря дипломатическому давленію, вышоченныя Китаемъ миссіи за преслѣдованіе христіанъ, дали возможность широко развить дѣло, но вызвали и особенное недовольство народныхъ массъ, чему способствовали еще возвышеніе духовныхъ лицъ въ роли мандариновъ и подсудность христіанъ только суду католическаго духовенства. Во время боксерскаго возстанія 1900 года погибло 35 европейскихъ католическихъ миссіонеровъ и около 20.000 туземцевъ христіанъ. Число христіанъ послѣ 1900 года уменьшилось. До этого возстанія христіанъ католиковъ въ Китаѣ насчитывалось 762.758 съ 942 европейскими миссіонерами, а послѣ возстанія — 720.540 съ 904 миссіонерами. *Протестантская миссія* явилась въ Китаѣ только послѣ мира 1842 года, открывшаго для европейцевъ 5 гаваней. Въ окрестностяхъ этихъ гаваней и дѣйствовали протестантскіе миссіонеры, хотя и не особенно успѣшно: число христіанъ до 1862 г. не достигало и трехъ тысячъ. Гораздо успѣшнѣе пошло было обращеніе съ 1862 г., когда была дана религіозная свобода. Благодаря главнымъ образомъ неутомимому миссіонеру Гудсону Тэйлору и его „Внутренней Китайской миссіи (China-inland-Mission), миссіонерскіе пункты явились во всѣхъ 18 китайскихъ провинціяхъ и число христіанъ протестантовъ дошло въ 1900 году до 200.000 (въ томъ числѣ въ Манджуріи около 40.000). Протестантскихъ миссіонерскихъ обществъ въ Китаѣ насчитывается до 40 съ 1800 миссіонерами (1100 мужчинъ и 700 женщинъ) и съ 2079 школами. Во время возстанія 1900 года протестантская миссія пострадала еще больше католической. Тысячи христіанъ и 187 миссіонеровъ были убиты, имущество миссій было разграблено. Насколько виновны сами миссіонеры, — судить трудно, но во всякомъ случаѣ болѣе

виновата католическая миссія, всегда впе-
тавшая въ свои дѣла политику, чѣмъ про-
тестантская. Особенно виновенъ католиче-
скій нѣмецкій епископъ Анцеръ, хвалившійся
тѣмъ, что приобретіемъ Кіао-Чао Германія
обязана ему. Несомнѣнно также, что глав-
нымъ виновникомъ возмущенія были не
миссіонеры, а нехристіанская политика за-
хватовъ европейскихъ государствъ, оскор-
блявшая національную гордость китайцевъ.
Послѣ подавленія возстанія убытки, причи-
ненные миссіямъ, были возмѣщены и дѣло
миссій опять было поставлено на прочную
почву. Особенно притязательными оказались
при этомъ католическія миссіи. [О проте-
стантскихъ и католическихъ, а частью и
о другихъ христіанскихъ миссіяхъ въ Китаѣ
см. еще брошюру *Marinepfarrer Albert Klein*'a, *Die evangelische und die katholische Mission in China: ein kurzes Wort zur Orientierung*, Gütersloh 1905.].

IV. Русская православная миссія въ Китаѣ. Изъ Россіи въ Китай христіан-
ство впервые было занесено еще въ XIII вѣкѣ
нѣсколькими тысячами русскихъ плѣнниковъ,
потомки которыхъ, составлявшіе особый от-
рядъ еще въ 1331 г., впоследствии совер-
шенно исчезли въ громадной имперіи. Въ
1681 году въ Дауріи была отправлена мис-
сія изъ игум. Θεодосія и чернаго попа Ма-
карія съ братіей, снабженная отъ тобольскаго
митрополита Павла особою инструкціей. Въ за-
воёванномъ русскими казаками г. Албазинѣ бы-
ла православная церковь. Но ни одно изъ ука-
занныхъ событий не имѣло важныхъ послѣд-
ствій для распространенія христіанства въ
Китаѣ,—и прочное основаніе русской мис-
сії тамъ положено было нѣскольکو позднѣе.
Именно, когда въ 1685 году г. Албазинъ
былъ снова взятъ китайцами,—часть рус-
скихъ плѣнныхъ, въ числѣ 45 человекъ съ
нѣсколькими женщинами и дѣтьми, пожелала
принять китайское подданство и, уходя изъ
Албазина въ Пекинъ, насильно увела съ со-
бою русскаго священника Максима Леонтьева,
захватила также церковную утварь и иконы.
По прибытіи въ Пекинъ плѣнникамъ, по
распоряженію императора Канхи (или Квангя),
былъ отданъ участокъ земли въ с.-в. углу
города, буддійское капище и клалбище за
городомъ; сами же они были зачислены въ
войска. Капище было передѣлано въ ча-

совню св. Николая Чудотворца, и о. Мак-
симъ открылъ въ ней богослуженіе. Нужда
въ храмѣ заставила о. Максима обратиться
къ тобольскому митрополиту съ просьбою
объ открытіи церкви. Митроп. Игнатій въ
1695 г. прислалъ съ верхотурскимъ свящ.
Григоріемъ и діакономъ тобольскаго собора
Лаврентіемъ Ивановымъ антиминъ для освя-
щенія церкви въ честь Софіи Премудрости
Божіей, а также богослужебныя книги, соу-
ды, миро и свою грамоту, въ которой,
привѣтствуя невольника, повелѣлъ молиться
о китайскомъ ханѣ. Церковь была освящена
въ 1696 г. и о. Максимъ дѣятельно про-
должалъ свой апостольскій подвигъ еще до-
лгое время († 1711 или 1712 году). Алба-
зинцы, получившіе въ жены китайокъ изъ
разбойничьяго приказа, скоро было совсѣмъ
забыли своего пастыря и церковь,—и дѣлу
русской миссії грозила опасность. Тогда то-
больскій митрополитъ послалъ обличитель-
ную грамоту (1711 г.), и это образумило
албазинцевъ. Въ тоже время торговые сно-
шенія Россіи съ Китаемъ увеличились и рус-
скимъ гостямъ по Нерчинскому договору
(1689 г.) дозволено было торговать на осо-
бомъ подворьѣ, въ южной части города.
Такія событія скоро дошли до свѣдѣнія
Петра I, и онъ задумалъ дѣло миссій по-
ставить довольно широко; съ этою цѣлью,
по совѣту съ п. Адрианомъ, 18 іюня 1700 г.
царь издалъ указъ, коимъ повелѣлъ по дѣ-
ламъ распространенія христіанства въ Ки-
таѣ писать митроп. кievскому (Варлааму
Ясневскому), чтобы онъ нашелъ для занятія
митрополичей каведры въ Тобольскѣ чело-
вѣка добраго и ученаго, который бы могъ
успѣшно вести дѣло, а митрополиту повелѣ-
валось избрать 2—3 молодыхъ людей для
изученія китайскаго и монгольскаго языковъ,
чтобы они впоследствии могли распростра-
нять христіанство въ Китаѣ, поддерживать
его среди русскихъ поселенцевъ и „своимъ
благимъ житіемъ хана китайскаго и ближ-
нихъ его людей и обще ихъ народъ приве-
сти къ тому святому дѣлу“. Этимъ указомъ
обезпечивалось на будущее время существо-
ваніе миссій и въ тоже время определя-
лись и ея задачи: 1) быть посредницею
между Россіей и Китаемъ, 2) поддерживать
христіанство среди русскихъ поселенцевъ и,
по возможности, привлекать къ христіанству
китайцевъ и 3) доставлять драгомановъ,

каковыми, дѣйствительно, до самого послѣдняго времени были члены пекинской миссіи. По полученіи согласія отъ китайскаго хана на принятіе русской миссіи, послѣдняя была утверждена въ 1712 г. и, въ составѣ архимандрита Иларіона (Лежайскаго, восп. кiev. Дух. Акад.), іером. Лаврентія, іеродіака Филиппа и 7 причетниковъ, была отправлена въ Пекинъ, куда и прибыла въ 1715 году. Члены этой миссіи получили щедрое вспоможеніе отъ хана Кханги и были опредѣлены на службу съ жалованіемъ 428 р. 70 к. въ годъ на всѣхъ.

О дѣятельности первой миссіи мало сохранилось свѣдѣній; составъ ея скоро разстроился: архимандритъ черезъ годъ 9 мѣ. умеръ, 4 члена вернулись въ Россію, а въ Пекинѣ остался только одинъ священникъ съ причтомъ изъ 3 человекъ. Дѣло миссіи однако не умерло; предположено даже было въ противовѣсъ католикамъ основать епископію. Переговоры по этому дѣлу были поручены капитану Измаилову, прибывшему въ Пекинъ въ 1720 г. вмѣстѣ съ новымъ архимандритомъ Антоніемъ (Платковскимъ). Но это посольство успѣха не имѣло, и прибывшій къ границамъ Китая съ грамотою отъ Святаго пекинскому инородческому Приказу Иннокентій (Кульничій, см. „Энци.“ V, 942—944), назначенный (5 марта 1721 г.) на епископство въ Пекинъ, не былъ допущенъ въ Китай по просякамъ іезуитовъ. Послѣ вторичной неудачной попытки утвердить католіку (1725 г.), пришлось назначить начальникомъ миссіи архим. Антонія съ тѣмъ, чтобы онъ взялъ съ собою священника, діакона и трехъ учениковъ пркутской монгольской школы и изъ кievской Академіи, которымъ данъ былъ приказъ изучать бытъ и нравы Китая. Не смотря на то, что, по смерти хана Кханги, пропаганда была запрещена, по Кяхтинскому договору (1728 г. § 5) дозволено было жить одному русскому священнику и другимъ, которые могли прибыть изъ Россіи, на посольскомъ дворѣ, гдѣ и устроена была церковь во имя Свѣтленія Господня. Съ этого же времени опредѣлено было впредь посылать чрезъ каждыя 10 лѣтъ архимандрита, 2 іеромонаховъ, іеродіакона, 2 причетниковъ и 4 учениковъ изъ среднихъ дух. учеб. заведеній. Всѣмъ членамъ платилось жалованье, но никто изъ нихъ не имѣлъ права уѣзжать изъ Пекина до окончанія срока.

Новая миссія (1729 г.) расположилась въ посольскомъ подворьѣ, гдѣ съ этого времени и жила по 1863 г., когда она вернулась на прежнее свое мѣсто. Такъ устроилась русская миссія въ первое время, а потомъ она продолжала свою дѣятельность, руководствуясь сначала грамотами тобольскихъ и пркутскихъ архипастырей, затѣмъ—наказами министерства иностранныхъ дѣлъ и, наконецъ, окончательно отдѣлившись отъ дипломатической миссіи, перешла въ вѣдѣніе Св. Синода. Миссіонерская дѣятельность пекинской миссіи, къ сожалѣнію, еще долгое время не была плодотворна. Этому способствовало, то обстоятельство, что въ составѣ членовъ миссіи въ XVIII ст. преобладали малороссы (Лежайскій, Платковскій, Иларіонъ Трусы, Николай Цвѣтъ, Шитковскій), не отличавшіеся усердіемъ. Въ первое время своего пребыванія они готовы были посвятить себя миссіонерской дѣятельности, но у нихъ не хватало энергіи, и часто члены миссіи предавались картежной игрѣ и пр. Само правительство посылало далеко не лучшихъ людей, да и сами миссіонеры смотрѣли на свое пребываніе въ Пекинѣ, какъ на ссылку или, въ лучшемъ случаѣ, какъ на переходную ступень къ занятію высшей должности. Миссія часто бѣдствовала, получая отъ правительства жалованье на нѣсколько лѣтъ „мягкою рухлядью“. Все это губительно отражалось на дѣлахъ миссіи: паства сократилась, зданія требовали ремонта. Правда, въ миссію Амвросія Юматова (1755—1771 г.), бывшаго учителя пѣтки въ славяно-греко-лат. Академіи, церкви и другія зданія были отремонтированы, и имъ было крещено 200 албазинцевъ, но скоро опять все пришло въ упадокъ, — тѣмъ болѣе, что миссіонеры больше были заняты дипломатіей. Для постановки дѣла на практическую почву, начальникъ 8-й миссіи Софроній Грибовскій предлагалъ завести русскія школы для обученія молодого китайскаго поколѣнія, а въ миссію присылать молодыхъ лицъ, окончившихъ, по крайней мѣрѣ, духовную Семинарію, чтобы они могли изучать китайскій языкъ. Проектъ однако не былъ осуществленъ, и въ началѣ XIX вѣка церковь посѣщало только одно семейство старшины русской роты, прочіе же албазинцы превратились въ совершенныхъ маляжуровъ. Церковь Свѣтленія не имѣла никакихъ украшеній, а Успенская была ветха.

Въ такомъ положеніи принялъ русскую миссію Іакинвъ Вичуринъ („Энци.“ VI, 11—12) и передать ее своему преемнику съ 1818 г. архимандриту Петру Каменскому. При Каменскомъ была устроена школа для албазинцевъ, при чемъ для привлеченія къ занятіямъ имъ платили по 3 р. въ мѣсяцъ; на школу отпускалось 1.500 р., а на всю миссію 16.250 р. Въ миссію, организованную при Азіатскомъ Департаментѣ въ 1839 г., были приглашены и студенты с.-петербургской Духовной Академіи для изученія Китая, — и она, дѣйствительно, много сдѣлала для науки, давъ замѣчательныхъ синологовъ. Тогда же астрономомъ Гошкевичемъ было положено начало астрономическимъ наблюденіямъ при русскомъ подворьѣ. На новый и вѣрный путь вступила русская миссія, когда начальникомъ ея сталъ архим. Гурій Карповъ (впосл. епис. таврическій), переведшій на китайскій языкъ Евангеліе. Въ то же время политическія событія русская миссія была выведена изъ спячки. По Тяньзыньскому договору (1858 г.) была разрѣшена пропаганда во внутреннихъ областяхъ Китая и миссіонерамъ позволено въѣзжать, когда и куда угодно. Пользуясь этимъ, русская миссія по новой инструкціи (1859 г. § 1) отступила отъ обычной системы преувеличенія числа христіанъ и поддержки христіанства только среди албазинцевъ. Расходы по содержанію миссіи были возложены всецѣло на русское правительство; изъ ея вѣдѣнія изъяты были все свѣтскія дѣла по дипломатической части, а тѣмъ и сама она была переведена на северное подворье. Все это благоприятно повлияло на дѣятельность пекинской миссіи, — тѣмъ болѣе, что она имѣла такихъ выдающихся членовъ, какъ — архим. Палладій Кавазоровъ († 1878 г.) и іеромонахи Ісаія Пешкинъ († 1871 г.). Архим. Палладій долгое время былъ занятъ обработкою „Китайско-русскаго словаря“ (изд. въ 1889 г. П. С. Поповымъ); а о. Ісаія работалъ надъ устройствомъ миссіи на новомъ ея мѣстѣ и, въ то же время, явился дѣятельнымъ и убѣжденѣйшимъ проповѣдникомъ. Онъ много дѣлалъ для успѣха миссіи, положавъ твердое начало переводу богослужебныхъ книгъ на китайскій языкъ, составленіемъ двухъ словарей: одного общаго содержанія, другого специально богословскаго и церковнаго.

Онъ же положилъ начало распространенію православія среди китайцевъ за предѣлами Пеккина, окрестивъ нѣсколько китайскихъ семействъ (1868 г.) въ деревнѣ Дунь-дзянь-ань, гдѣ потомъ была построена церковь во имя Иннокентія Иркутскаго. Переводъ богослужебныхъ книгъ и отдѣльных нѣснопѣтій быстро подвигался впередъ. До 1860 года были сдѣланы переводы со славянскаго языка „м литвы Господней“, „Символа вѣры“, утреннихъ и вечернихъ молитвъ и послѣдованій ко св. причащенію, теперь же, благодаря трудамъ архим. Палладія и особенно о. Ісаія дѣло перевода богослужебныхъ книгъ настолько было успѣшно, что въ 1866 г. позволено открыть богослуженіе на китайскомъ языкѣ, хотя и съ нѣкоторыми сокращеніями. Слѣдующая миссія, во главѣ съ архим. (потомъ митрополитомъ кіевскимъ) Флавіаномъ (Городецкимъ), занята была учено-издательскою дѣятельностію. Его помощники іеромонахи Алексій Виноградовъ (окончивъ курсъ въ Сиб. Дух. Акад.) и Николай Адоратскій (изъ казан. Дух. Ак., историкъ миссій въ Пекинѣ) занялись собираніемъ и протѣркою прежнихъ переводовъ и они же принимали участіе при переводѣ Октоиха. Благодаря дружной работѣ, богослужебныя книги были изданы въ 1884 г. въ 20 томахъ. Держась инструкціи 1863 г., русская миссія направила свою дѣятельность на поддержаніе православія среди албазинцевъ и обращенныхъ китайцевъ и на улучшеніе церковнаго пѣнія, проповѣди и преподаванія въ школахъ. Однако, все это мало способствовало распространенію православія въ Китаѣ; недостатокъ же средствъ препятствовалъ развитію болѣе широкой дѣятельности. Впрочемъ, при преемникѣ Флавіана архим. Амфилохія Луговникова (1884—1895 г.) православное служеніе, кромѣ пекинскихъ подворій и деревни Дунь-дзянь-ань, совершалось еще въ Ханькоу, Тяньцзинѣ, Кайганѣ и Ургѣ. Школа при подворьѣ состояла изъ мужского и женскаго отдѣленія; въ томъ и другомъ обучалось до 60 человекъ въ возрастѣ отъ 6 до 16 лѣтъ. Нравственный уровень пасомыхъ пекинской миссіи, по свѣдѣтельству миссіонеровъ, часто не возвышается надъ нравственностію языческаго большинства, вслѣдствіе постоянного вліянія этого послѣдняго. Женщины христіанки выходятъ замужъ за язычниковъ и навсегда

пропаганды для православия; матушки, выходившие из школы, уподоблялись своим отцам язычникамъ.

Во время известнаго боксерскаго движенія (1900 г.) русская миссія спасалась въ зданіи англійскаго посольства. Мятежниками были сожжены: русскія церкви въ Калганѣ, дер. Дунъ-динъ-анъ, въ Пэлтохо, въ Пекинѣ съв. подворье. Изъ имущества миссін, кромѣ церковной утвари, ничего почти спасти не удалось. Особенно важна была потеря типографіи, гдѣ погибло до 30.000 вырѣзанныхъ на деревѣ китайскихъ значковъ и досокъ съ текстомъ богослужебныхъ книгъ; погибъ и вѣстѣрь съ архивомъ миссін (съ 1863 г.) въ которые дѣловые, неизданные труды архим. Паладія и о. Исаи. Паства потеряла изъ 1.000 до 300 убитыми и, кромѣ того, многие отреклись отъ Христа. Но вскорѣ же для русской миссін наступили и блѣднѣе дни: 25 мая 1902 г. бывшій начальникъ миссін архим. Иннокентій (Фигуревскій) назначенъ былъ епископомъ въ Китай съ наименованіемъ „Переславскій“. Затѣмъ, 10 іюня того же года, утверждены были и новые штаты и оклады: во главѣ миссін долженъ быть епископъ и при немъ состоятъ 2 іеромонаха или священника, 1 іеродіаконъ и 2 причетника. Изъ суммъ государственнаго казначейства на содержаніе ихъ постановлено ежегодно отпускать 10.000 руб. и 6.800 руб. въ распоряженіе епископа. При миссін же должны быть 3 іеромонаха, 1 священникъ, 1 катехизаторъ и 3 учителя китайскаго языка. Послѣ возвращенія миссін изъ Шанхая, куда она выѣзжала на время послѣ своего освобожденія международными войсками, ею возстановленъ на мѣстѣ разрушеннаго подворья первоклассный (съ 1864 г.) Успенскій монастырь. Здѣсь же построены церковь Успенія, трапеза, корпусъ для братскаго общежитія, школа, гдѣ въ настоящее время обучается 30—40 мальчиковъ, домъ съ церковію св. Иннокентія Иркутскаго для епископа, церковь Всѣхъ Святыхъ на мѣстѣ погребенія кигайскихъ мучениковъ-христіанъ, метрологическая станція, пріютъ; на кладбищѣ достраивается церковь св. Серафима Саровскаго. Въ послѣднее время въ подворьѣ жили: настоятель монастыря, архимандритъ, 7 іеромонаховъ, 1 іеродіаконъ, 3 монаха, 3 рясофорныхъ, 10 послушниковъ, 2 свя-

щенника и 2 діакона изъ китайцевъ. При миссін въ 1902 году учреждены женская община со школою для дѣвочекъ, помѣщаящаяся въ зданіи на особомъ монастырскомъ дворѣ. Въ своемъ вѣдѣніи миссія имѣетъ, кромѣ того Срѣтенскую церковь при дипломатической миссін, церкви въ Ургѣ (съ 1860-хъ г.), г. Ханькоу (съ 1884 г.), Пэлтохо (съ 1901 г.), на станціи Манчурія (съ 1902 г.) и въ Харбинѣ (съ 1903 г.); затѣмъ—миссіонерскія отдѣленія: Тяньцзинское (1904 г.), Хайларское, Тяньцзинское съ вагономъ-церковью (съ 1904 г.), Юмпиньфуское съ церковью и школою для мальчиковъ, Шанхайское съ церковью и школою для мальчиковъ, молитвенный домъ и мужскую школу на 30—40 мальчиковъ въ Пекинѣ при кирпичномъ заводѣ и пекинское подворье съ воскресной школою въ Петербургѣ (Воронежская ул., д. № 110, съ 1903 г.).

Въ видахъ устройства церковно-приходской жизни на строго каноническія началахъ въ г. Харбинѣ въ 1904 г., по инициативѣ еп. Иннокентія, было учреждено „Братство Православной Церкви въ Китаѣ“, отъ членовъ котораго требовалось строгое соблюденіе всѣхъ церковныхъ постановленій истинно—христіанская жизнь и постоянное общеніе въ молитвахъ и собесѣдованіи. Братство имѣло свои отдѣленія на ст. Хань-даохуэцзы, Манчурія, Пограничная и Цицикарты; съ 25 марта 1904 г. братство издаетъ „Извѣстія Братства Православной Церкви въ Китаѣ“, дающія всѣ свѣдѣнія о мѣстной православной церкви. Наконецъ, съ проведеніемъ Сибирской ж. д. на многихъ ея станціяхъ были построены такъ называемыя церкви-школы, которыхъ въ послѣднее время на территоріи Китая насчитываютъ до 10. Въ они находятся въ вѣдѣніи миссін. Въ 1904 г. при нихъ было школъ 7, обучалось до 330 мальчиковъ и до 200 дѣвочекъ. Школы принадлежатъ министерству финансовъ; священнослужители состояли при нихъ, какъ законоучители, остальное преподаваніе велось учителями или учительницами. Упомянутыя церкви на станціяхъ, равно какъ и церкви въ Новомъ Харбинѣ и въ усадьбѣ Старога Харбина—приходскія. Во время послѣдней войны были уразднены церкви въ г. Дальнемъ, Люянѣ и часовня въ с. Юнь-цзп-коу. (Хубейск. провинц.). Предположено возстановитъ цер-

ковъ въ дер. Дунь-динь-анъ, Калганъ и вновь построить въ Урулицахъ (провинція Синь-цзянь). Война нисколько не отразилась на успѣхѣхъ миссіонерства и въ послѣдній годъ было обращено до 65 язычниковъ-китайцевъ.

Главная заслуга пекинской русской миссіи заключается въ томъ, что, во-первыхъ, она своими переводами священныхъ и богослужебныхъ книгъ отвѣтила религіозно-нравственнымъ потребностямъ не только китайцевъ, но и родственныхъ имъ корейцевъ, японцевъ, манчжуровъ и др.; во-вторыхъ, она воспитала въ своей средѣ лучшихъ синологовъ и чрезъ нихъ обогатила науку.

Литература. I) О несторіанствѣ въ Китаѣ, кроме упомянутой въ текстѣ литературы, см. еще статьи въ новыхъ журналахъ: „Oriens christianus“, изд. въ Римѣ съ 1901 г. Антономъ Баумштаркомъ; „Bessagione“ тамъ же съ 1 марта 1896 и „Revue de l'Orient chrétien“ съ Recueil trimestriel съ 1898 г. въ Франціи; *Samuel Giamil* Cenninae relationes inter sedem Apostolicam et Assyriorum orientalium etc., Римъ 1902; *Brochelmann* въ „Archiv für Religionswiss.“ VI, стр. 198 сл.; *Chabot* въ „Revue critique“ 1902 г., nouv. serie, т. 54, стр. 441 сл. Китайскіе эмигранты въ семпръченской области Туркестанскаго края и распространение среди нихъ христіанства въ „Прав. Собесѣдн.“ за 1879 г., мартъ, стр. 56 сл.; іером. *Алексій* (Виноградовъ), Китайская бібліотека и ученые труды, Спб., 1889—1891 въ 5 книгахъ; *его же*, Исторія Библіи на Востокъ, Спб. 1881—95. II) О миссіяхъ западныхъ—*Henriou*, Histoire générale des missions catholique depuis le XIII siècle., Paris 1846, 4 тома; *Hahn*, Gesch. d. Kath. Miss., Köln 1857—1863 въ 5 томахъ; *Kalkar*, Den katholske Missionshistorie, Копенгагенъ 1862, а вѣм. пер.—Зрлягенъ 1867; *Missiones Catholicae*, изд. въ Римѣ съ 1886 г.; *China Miss. Handbook*, Шанхай 1896; *Bromhall*, Martyred Missionaries of C. I. M., Лондонъ 1901; *Schlatter*, Die chinesische Fremden und Christen ver. folgung im Sommer 1900, Базель 1901; *Prof. D. Warnecke* въ R. E. v. Herzog-Nauk-XIII, 116—117, 162—164; *E. H. Parker*, China and Religion, Лондонъ 1906; *J. B. Piolet*, La religion catholique en Chine, Парижъ 1906; † проф. *Н. О. Красносельцевъ*, Западныя миссіи противъ татаръ язычниковъ, Казань 1872, стр. 98—129; *Робертсонъ* въ Герцогъ, Исторія христ. церкви II, 1036; *Л. Ратке*, Римскіе папы, ихъ церковь и государство въ XVI и XVII ст., Спб. 1869, II, 243 сл.; о *Алексіи* (Виноградовъ), Миссіонерскіе діалоги мисс. Риччи съ китайскимъ ученымъ; *его же*, Труды западной миссіи въ Китаѣ. [J.

Brucker у *Vakant et Mangenot* въ Dictionnaire de la théologie catholique II, col. 2364—2391: art. „Chinois rites“ „The Jewish Encyclopedia“ IV, p. 33—38. *W. E. Soothill*, A Mission in China. *M. Chin*, Untersuchung über Zivilisation, Moral und Evangelium in China, Berlin 1907. *D. MacGillivray*, A Century of Protestant Missions in China. 1807—1907, London 1907. Prof. *Michael*, Handlexikon I, München 1907, Sp., 898—901. *Henri Cordier*, Dictionnaire bibliographique des ouvrages relatifs à l'empire Chinois (Paris 1879) и въ The Catholic Encyclopedia III (London 1908), p. 663—688. Rev. *A. H. Smith*, The Uplift of China, London 1907. Handbooks of English Church Expansion 3. *Chinaby Rev. E. R. Norris*, London 1908. Rev. *P. J. MacLagan*, Christianity and the Empire in Rome and in China въ „The Hibbert Journal“ VII, 3 (April 1909), p. 639—648. Проф. прот. *Т. И. Бушкевичъ*, О миссіяхъ католической и протестантской, Спб. 1908. стр. 95—96]. III) О миссіи русской—II. *Плугинскій*, Наши сношенія съ Китаемъ 1567—1805 г. въ „Русскомъ Архивѣ“ 1879 г. № 6; *Мартемьевъ*, Россия и Китай, Спб. 1881; *Трусовичъ*, Посольскія и торговыя сношенія Россіи съ Китаемъ 1689—1881. Спб. 1889: Труды членовъ Росс. дух. миссіи въ Пекинѣ ч. I (1852 г.); ч. II (1853 г.), ч. III (1857 г.) и ч. IV (1866 г.); *Н. Вентинъ-Каменскій*, Дипломатическое собр. дѣлъ между Россіей и Китайскимъ госуд. съ 1619 по 1792, Казань 1882: Сборникъ договоровъ Россіи съ Китаемъ, Спб. 1889: О православ. духовной миссіи въ Китаѣ въ „Прав. Обзорѣнн“ за 1884 г., сентябрь; *А. Яковлевскій*, Богослужебныя книги правосл. церкви на китайскомъ языкѣ въ „Христ. Чтеніи“ за 1885 г.; іером. *Николай* (Адоратскій), Православная миссія въ Китаѣ за 300 лѣтъ ея существованія въ „Прав. Собес.“ за 1887 г. (см. здѣсь подробное указаніе и другой упомянутой у насъ литературы); Православіе и устройство церковныхъ дѣлъ въ Дауріи Монголіи и Китаѣ въ XVII и XVIII вв. въ „Прав. Благовест.“ за 1896 г.: Къ вопросу о двухсотлѣтнемъ юбилеѣ китайской миссіи въ „Прав. Благов.“ за 1898 г.; Страница изъ исторіи православной миссіи въ Китаѣ въ „Богосл. Вѣстникъ“ за 1897 и 1898 гг. *И. Коростовецъ*, Письма изъ Пекина миссионера въ Китаѣ и антиеврейское движеніе: *его же*, Китайцы и ихъ цивилизація, гл. VI и XVIII, Спб. 1898; архим. *Авраамъ* Пекинское сидѣніе, „Христ. Чтеніе“, январь 1901 г. (и другія его сообщенія тамъ же послѣ); *С. Архателовъ*, Наши заграничныя миссіи (Спб.); „Извѣстія братства правосл. церкви въ Китаѣ“, выпуски 1 и 2 (Харбинь, 1904), выпускъ 3 и слѣд. (Пекинъ 1904 и слѣд.) и другія изданія братства, „Приб. къ Церк. Вѣдом.“ 1905 № 47; Энци. Словарь Брокгауза и Ефрона статья „Китай“, гдѣ указана и другая литература;

см. также *Мезовъ*, Русская истор. библиография VI, Спб. 1886, стр. 262—263. [Архим. *Лакинъ*, Китай въ гражданскомъ и политическомъ состояніи I—IV (Спб. 1848) † архим. *Софроній*, Извѣстія о китайскомъ, нынѣ манчжурско-китайскомъ государствѣ, Москвы 1861. Матеріалъ для истории Россійской духовной миссіи въ Пекинѣ, изд. подъ ред. проф. *Н. И. Весселевскаго*, вып. 1, Спб. 1905: архим. *Петръ*, Записка объ Албазинцахъ 9 января 1831 года въ Пекинѣ, Пекинъ 1906; *А. А. Берсъ* въ „Миссионерскомъ Обзорѣ“ 1906 г. № 7—8; Русская духовная миссія въ Китаѣ въ 1903 г. въ „Прибавл. къ Церк. Вѣдомостямъ“ № 1 за 6 января 1907 г., стр. 32—34; протоіерей *Е. К. Смирновъ*, Очеркъ историческаго развитія и современнаго состоянія русской православной миссіи, Спб. 1904 (и поанглійски: A Short Account of the Historical Development and Present Position of Russian Orthodox Missions, London 1903) въ VІІІ-й главѣ стр. 83—84. Ср. еще объ архим. Софроніи Гривовскомъ, бывшемъ въ 1794—1808 начальникомъ русской миссіи въ Пекинѣ, въ „Журналахъ совѣта кievской Духовной Академіи“ за 1903—1906 г., Киевъ 1907 г. стр. 486—489. Описание документовъ и дѣлъ, хранившихся въ архивѣ Св. Синода, напр., т. XXVI, Спб. 1907. „Прибавл. къ Церк. Вѣдом.“ 1908 г. № 9, стр. 443—445. (1909 г., № 12, стр. 579—581). Труды православныхъ миссій Восточной Сибири, Иркутскъ 1893. † Еп. *Мелетій*, Древнія церковныя грамоты Восточно-Сибирскаго края и свѣдѣнія о Даурской миссіи. Казань 1875; *его-же*, Пустынники Варлаамъ, основатель скита на границахъ китайской Монголіи, въ Чкайскихъ горахъ за Байкаломъ, изд. 4-е, Рязань 1901; *его-же*, Православіе и устройство церковныхъ дѣлъ въ Даурии (Забайкальѣ), Монголіи и Китаѣ въ XVII и XVIII столѣт.; Историческое изслѣдованіе, Рязань 1901. Прот. *А. И. Малецовъ*, Православныя церкви и русскія учрежденія за границею. Спб. 1906, стр. 279—299.

С. Гроуцкій.

Китронъ — городъ въ колѣнѣ Завулоновомъ. Сыны Израилевы хотя и подчиняли себѣ этотъ городъ, но жителей его — хананеевъ не изгнали, и хананеи продолжали жить между ними, платя имъ дань (Суд. 1, 30). — У І. Нав. 19, 15, вмѣсто *Китрона*, употреблено названіе „Каттафъ“ (См. „Каттафъ“ въ „Энци“ IX, 267—268).

Прот. *П. Елеонскій.*

Киттимъ, киттимская земля, киттимскіе корабли. — Киттимъ — имя одного изъ сыновей лавана, — внука Іафета

(Быт. 10, 4, 1 Пар. 1, 7), происшедшаго отъ него народа (Иса. 23, 12) и населяемой имъ страны (Числ. 24, 24. Иса. 23, 1. Іер. 2, 10. Іез. 27, 6. Дан. 11, 30). Но гдѣ она лежала, какія земли входили въ ея составъ, — все это составляетъ предметъ разногласія между учеными. Одни, сближая Киттимъ съ извѣстнымъ изъ финикихскихъ источниковъ финикийскимъ городомъ Кегъ на островѣ Кипрѣ, разумѣютъ подъ Киттимомъ финикийскую колонію на этомъ островѣ, самый островъ [см. „Кипръ“ въ „Энци.“ выше стлб. 63—67], а равно всѣ острова и сѣверныя берега Средиземнаго и Егейскаго морей. Подобнаго взгляда держались уже Іосифъ Флавій (Древности 1, 6: 1) и Епифаній кипрскій. „Названіе Киттимъ употреблялось, — замѣчаетъ послѣдній, — о киприанахъ, родосянахъ и македонянахъ, такъ какъ они были кипрскаго или родоскаго происхожденія“ (Толкованіе на кн. пр. Іереміи въ „Хр. Чт.“ 1879 г., январь — февраль, и отд.). Изъ новѣйшихъ экзегетовъ давнее мнѣніе раздѣляется Гезениусомъ (Thesaurus, p. 509), Кнобелемъ (Kurzgefasste Exegetische Handbuch XII, S. 12), Римомъ (Handwörterbuch I, S. 234), изъ русскихъ — іеромонахомъ (епископомъ) Платономъ Рождественскимъ (Древній Востокъ при свѣтѣ откровенія, стр. 150), іеромон. Ѡадеемъ (Еднство-кн. пр. Исаіи, стр. 116), З. Рагозиной (Древнѣйшая исторія Востока: исторія Ассиріи, стр. 97. 305—306, ср. стр. 489). Въ пользу подобнаго пониманія указываютъ, между прочимъ, на то, что у пр. Исаіи и Іезекиіа (мѣста см. выше) Киттимъ ставится въ самое ближайшее отношеніе къ финикіянамъ, разсматривается, какъ главная станція въ ихъ морской торговлѣ. Другіе принимаютъ Киттимъ въ болѣе узкомъ значеніи, — разумѣютъ подъ нимъ или только островъ Кипръ (*Hengstenberg*, Die Geschichte Bileams, S. 199 ff. *Schrader*, Die Keilinschriften und das Alte Testament, S. 85—86) или (согласно 1 Макк. 1, 1. 8, 5, гдѣ Александръ македонскій называется вышедшимъ изъ земли Киттимъ, и Персей, сынъ македонскаго царя Филиппа III, — царемъ киттимскимъ) — Македонію (*Михаэлисъ*; см. у *De Geer*, Dissertatio de Bileamo, p. 125); наконецъ, нѣкоторые, при-
нимая во вниманіе пророчество, о „корабляхъ киттимскихъ“ Валаама (Числ. 24, 24)

и Давида (11, 29, 30), видать въ данномъ названіи указаніе не только на Македонію, но и на послѣдующія царства, въ частности на рипское (*Bochart*; см. *De Geer*, *ibid.*, p. 125).

Совершенно иной взглядъ высказанъ недавно въ русской литературѣ преосв. Серафимомъ (Мещериковымъ) въ изслѣдованіи „Прорицатель Валаамъ“. По его словамъ, Киттимъ не могъ обозначать первоначально (въ устахъ Моисея и Валаама) ни острова Кипра, ни тѣмъ болѣе—далекихъ береговъ Балканскаго и Итальянскаго полуострововъ. Все это было неизвѣстно Валааму и Моисею. Напротивъ, очень вѣроятно, что оба они разумѣли подъ Киттимомъ могущественное около ихъ времени царство Хета, лежавшее къ сѣверо-западу отъ Харрана въ отрогахъ хребтовъ Амануса и Тавра, т. е. въ сѣверной Сиріи, Киликіи, Ликаоніи, Каппадокии. Арменія до рѣки Ховара и озера Ванъ, а затѣмъ, вообще, всѣ страны, лежація къ сѣверо-западу. Это предположеніе оправдывается у автора слѣдующими данными. LXX читали и понимали Киттимъ почти сходно съ Хеттеи, именно *Hatti* (3 Цар. 10, 29 4 Цар. 7, 6). Въ ассирійскихъ клинообразныхъ надписяхъ очень часто упоминается земля Хатти, Хета. Данное имя встречается уже въ цилиндрической надписи Тиглатъ-Пилезера I (около 1000 лѣтъ до р. Хр.) и съ этого времени вплоть до Ларгаддона, исчезая при его сынѣ Ассурбанипалѣ. Изъ сравненія относящихся къ данному вопросу надписей видно, что Хеттеи жили къ западу отъ средняго Евфрата до Оронта. Съ постепеннымъ неуклонно продолжающимся завоеваніемъ обитаемой Хеттеями области со стороны ассирійцевъ со времени Тиглатъ-Пилезера II (745—742 г.) имя Хатти было отнесено въ своемъ приложеніи дальше на западъ, и даже филистинскій Азотъ назывался именемъ города Хиттимъ. При Сенахиримѣ имя Хатти переносится на прибрежныя страны Хавана и Палестины, равно какъ на Едомъ, Моавъ и Аммонъ. Далѣе, и по египетскимъ надписямъ земля Хатти называлась Китти, Хиттимъ, Киттимъ, а живущій въ ней народъ занималъ господствующее положеніе въ сѣверной Сиріи и далѣе на западъ въ Малой Азіи. Что библейскій Киттимъ тождественъ съ Хиттимъ, Киттимъ египетскихъ памятниковъ и Хатти

ассирійскихъ, это утверждаетъ 1 Макк. 13, 5, гдѣ македонскій царь Персей называется βασιλεὺς Κιτταίων, и 1 Мак. 1, 1, гдѣ говорится, что Александръ македонскій вышелъ изъ земли Киттимъ; но извѣстно, что онъ вышелъ (а не приплылъ на кораблѣхъ со стороны Киттима, какъ въ евр. чтеніи) изъ Малой Азіи и, какъ разъ, чрезъ средину бывшей земли Хатти, египетскаго Хиттимъ. Затѣмъ, въ пользу данного предположенія говорить сходство въ національности Киттимъ (Быт. 10, 4) съ Хатти, или Хита. Библейскій Киттимъ называется потомствомъ Іафета; равнымъ образомъ и по египетскимъ и клинообразнымъ надписямъ Хатти, Хиттимъ не можетъ быть отнесенъ къ семитической расѣ, а скорѣе къ іафетической, такъ какъ имена его городовъ, царей очень сходны съ греческими. Если принять, наконецъ, во вниманіе, что царство Хиттимъ сдѣлалось съ XIII в. мнѣнію греческихъ и свирѣвыхъ ассирійскихъ царей и въ результатѣ распалось съ ихъ сокрушительныхъ набѣговъ, при чемъ часть хеттеевъ спаслась отъ свирѣвыхъ сыновъ Асура на острова и полуострова Греціи и Италіи, то станеть совершенно ясно, почему слово Киттимъ у пророковъ Исаіи, Іезекиіи и Даниила какъ бы обнимаетъ всѣ острова и прибрежныя страны Средиземнаго моря (стр. 225—228, прим. 3).

Какъ ни строгому предположенію автора, по признать его справедливымъ не представляется возможнымъ. И прежде всего Хатти ассирійскихъ надписей и Китти, Хиттимъ египетскихъ не тождественны съ библейскимъ Киттимъ уже потому одному, что они не принадлежатъ къ происшедшей отъ Іафета расѣ. Если судить по ихъ филологическимъ признакамъ, воспроизведеннымъ на египетскихъ памятникахъ: большой носъ, малый подбородокъ, широкія щеки съ выдающимися скулами, желтаго цвѣта безбородое лицо, черныя волосы, собранные въ три, виспадающія на спину уряды (*Sayce, Patriarchal Palestine*, стр. 46—47), то естественно думать, что они относятся къ монгольской, хамитской расѣ. По мнѣнію некоторыхъ,—это народъ, родственныи китаичамъ (іером. [спискомъ] *Платонъ* [Рождественскій], Древній Востокъ при свѣтѣ откровенія, стр. 137; ср. стр. 510—511). Ни откуда, далѣе, не видно и ничѣмъ

нельзя доказать, что во время нашествія ассирійцев „часть Хатти, Киттимъ спаслась на острова Греція, Италиа“, сообразно съ чѣмъ послѣднимъ и было усвоено имя „Киттимъ“. По мнѣнію ученыхъ, Хатти ассирійскихъ надписей и Киттимъ египетскихъ тождественны не съ Киттимъ, а съ извѣстнымъ Библии народомъ „Хиты“ (Быт. 23, 10. Числ. 13, 30. Втор. 7, 1). Имя этого народа, дѣйствительно, провозносилось у LXX смячѣнно, и о немъ-то, а не о Киттимѣ, говорятъ 3 Цар. 10, 29 и 4 Цар. 7, 6.

Свящ. А. Петровский.

Киѳа—[арамейское כִּיפָא, а евр. только во множ. ч. כִּפְיִם Iep. 4, 29 и Іовъ 30, 6.; ср. *P. de Lagarde*, Uebersicht über die im Aramäischen, Arabischen und Hebräischen übliche Bildung der Nomina, Göttingen 1889, S. 58]—„камень“,—имя, данное Иисусомъ Христомъ Симону, сыну Іоннну, при первой встрѣчѣ съ нимъ (Ин. 1, 42), повторенное послѣ исповѣданія имъ своей вѣры во Христа, какъ Сына Божія (Мѳ. 16, 16—18), и указывающее на твердость вѣры и характера. И дѣйствительно, жизнь Ап. Петра свидѣтельствуетъ, что онъ отличался этими чертами характера. По одному слову Иисуса Христа онъ послѣдовалъ за нимъ вмѣстѣ съ братомъ своимъ Андреемъ и былъ неотлучнымъ. Его ученикомъ и спутникомъ (Мѳ. 4, 18—20, Лк. 5, 10—11, Мрк. 1, 16—18). Вслѣдствіи, когда по случаю бесѣды Господа о Себѣ, какъ о хлѣбѣ жизни, многіе изъ учениковъ хотѣли оставить Его, и Онъ спросилъ Апостоловъ: „Не хотите ли и вы отойти отъ Меня?“ Петръ отвѣчалъ: „Господи! къ кому намъ идти? Ты пмѣешь глаголы вѣчной жизни“ (Ин. 6, 68). По сошествіи Св. Духа, Петръ является во главѣ Апостоловъ и, сильный вѣрою,—распространяетъ Евангеліе между іудеями и язычниками (Дѣян. 1—4, 8—11, 15). Подъ именемъ Киѳа Ап. Петръ извѣстенъ въ посланіяхъ Ап. Павла (I Кор. 1, 12, 3, 22, 9, 5, 15, 5 Гал. 2, 9).

Свящ. А. Петровский.

КИШИНЕВСКАЯ ЕПАРХІЯ.

1. Историческій очеркъ. Епархія фактически существуетъ съ конца сентября 1812

года, когда бывшій экзархъ молдовлахійскій, митрополитъ Гавріилъ (см. очеркъ о немъ въ „Энци.“ IV, 8—11) со всѣмъ штатомъ своего духовнаго управленія прибылъ изъ Яссы въ Кишиневъ. 30 сентября были сдѣланы первыя распоряженія къ устройству епархіальнаго управленія, 2 октября открыта духовная дикастерія. Но официально епархія ведетъ начало только съ 21 августа 1813 г., когда былъ Высочайше утвержденъ докладъ Синода объ учрежденіи кишиневской епархіи, согласно предложенію митрополита Гавріила („Киш. Еп. Вѣд.“ 1871 г. № 19; 1878 г. № 7). Первымъ кишиневскимъ пресвященнымъ былъ митрополитъ *Гавріилъ* (Ванулеско-Водони), скончавшійся 30 марта 1821 г. (см. „Энци.“ IV, 8—11; „Киш. Еп. В.“ 1890 г. №№ 9—12; 1891 г. № 10; 1899 г. №№ 18—20; 1900 г. № 4; 1902 г. № 17). За нимъ слѣдовали: 2) *Димитрій* (Даніилъ Судныма); онъ родился 1772 г. въ харьковской губ. и принадлежалъ къ извѣстному въ Малороссіи дворянскому роду; отецъ его былъ протоіереемъ; образованіе получилъ въ харьковскомъ коллеіумѣ и „екатеринославской“ (полтавской) Семинаріи; здѣсь выдѣлился необычайною памятью: зналъ значеніе всѣхъ словъ латинскаго лексикона; по окончаніи семинарскаго курса въ 1795 г. остался въ Семинаріи учителемъ; 24 ноября 1794 г. рукоположенъ былъ во священника въ г. Полтавѣ и назначенъ префектомъ Семинаріи, въ 1800 г. произведенъ въ протоіерея, въ 1806 г. перешелъ къ адмиралтейскому собору въ г. Николаевъ. Какъ выдающійся дѣятель, вообще обращалъ на себя вниманіе общества, а экзархомъ Молдавіи и Влахіи митрополитомъ Гавріиломъ (Ванулеско-Водони) былъ вызванъ въ Яссы—сначала для временныхъ порученій, а потомъ, когда овдовѣлъ, остался викаріемъ митрополита. Хиротонисанъ во епископа бендерскаго и аккерманскаго 16 іюля 1811 года, съ пребываніемъ въ монастырѣ Голіа, гдѣ и былъ по декабрь. Затѣмъ наступилъ двѣнадцатый годъ, вызвавшій нѣкоторое измѣненіе границъ Россіи; молдовлахійскій экзархатъ закрылся: изъ уступленной Турціею (по договору 5 мая 1812 г.) Россіи бессарабской области образована была кишиневская епархія; пресвященный

остался викариемъ у митрополита Гавріила, занимавшаго кишиневскую каедрю, а по его смерти названный архіепископомъ кишиневскимъ 18 (11) іюня 1821 г. Въ бытность епископомъ бендерскимъ преосвященный Димитрій положилъ много труда на благоустройство монастырей въ Бессарабіи и завелъ много школъ при монастыряхъ и въ уѣздахъ. Преосвященный составилъ русско-молдавскій букварь и словарь, перевелъ на молдавскій языкъ краткій катихизисъ, инструкцію приходскимъ и монастырскимъ благочиннымъ. Псалтырь, Общую Минею, Служебникъ, Требникъ, Молебникъ, Святительское поученіе, Службы св. Симеону, св. Владиміру князю, св. князю Александру Невскому, св. княгини Ольгѣ, наставленіе объ обязанностяхъ монашествующихъ, панихидный реестръ, инструкцію для болгарскихъ колонистовъ, водворенныхъ въ Бессарабіи, и переводилъ другія разныя officialныя бумаги; вообще, — по словамъ біографа, — оставилъ „многочисленные переводы богослужебныхъ книгъ, каноновъ и акоеястовъ, святымъ, замѣчательныхъ твореній отцовъ церкви, учебныхъ книгъ, правительственныхъ указовъ и распоряженій“. Его переводы иногда редактировалъ или просматривалъ митрополитъ Гавріилъ. Въ епархіи, — по отзыву біографовъ, — преосвященный Димитрій оставилъ о себѣ память, какъ о „самомъ заботливомъ отцѣ и истинномъ святителѣ, который съ пламенною ревностью утверждалъ православіе въ пасомыхъ, строго хранилъ уставы церкви и отеческія преданія“; къ подчиненнымъ онъ былъ строгъ и взыскателенъ, но къ себѣ самому еще болѣе; былъ доступенъ и, говоря вообще, отличался „святостію и важностію“. Скончался 4 августа 1844 г. („Киш. Е. В.“ 1867 г.: 1870 г. №№ 10 и 11; 1894 г. № 16; 1907 г. № 6; 1908 г. № 40). Орывки изъ его „замятокъ и бумагъ“ напечатаны въ „Кишин. Е. В.“ 1884 г. №№ 15 и 17 (записи на календарь — о пребываніи государя въ Кишиневѣ), письма его къ митрополиту московскому Филарету въ „Христ. Чт.“ 1898 г. № 8, письма м. Филарета къ нему — въ „Кишин. Е. В.“ 1895 г. № 23. — 3) *Принархъ* (Поповъ), назначенный епископомъ кишиневской каедры 12 ноября 1844 г. (см. Очерки вологодской епархіи и воронежской: острожское викаріатство, въ

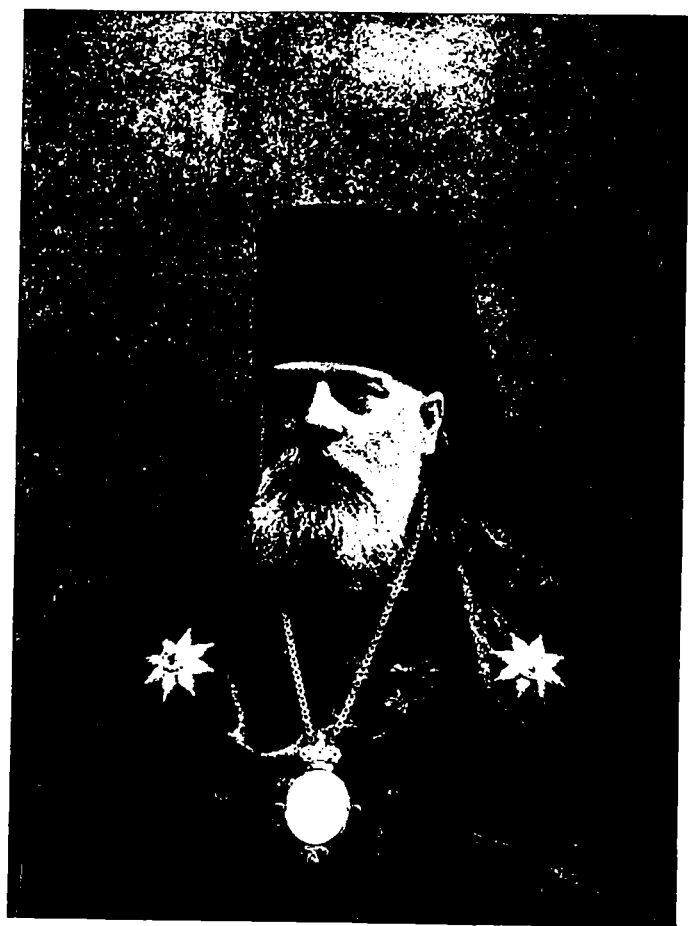
„Энци.“ III, 713—714 и 847). Въ Кишиневѣ онъ въ 1845 г. получалъ архіепископство; 17 марта 1858 г. переведенъ на подольскую каедрю: скончался на покое въ ризанскомъ Троицкомъ монастырѣ 25 сентября 1877 г. въ глубокой старости („Киш. Е. В.“ 1877 г. № 20; 1882 г. № 11). Письма его къ митрополиту моск. Филарету напечатаны въ „Христ. Чт.“ 1898 г. № 7. — 4) *Антоній* (Алексѣй Андреевичъ Шокотовъ), сынь діакона харьковской епархіи, магистръ кіевской Академіи, былъ съ 1823 г. учителемъ полтавской Семинаріи, съ 1825 г. бакалавромъ, профессоромъ и инспекторомъ кіевской Академіи, причемъ въ 1829 г. принявъ священство и назначенъ къ Церковно-наставнической церкви въ Кіевѣ, въ 1834 г., какъ вдовый, принялъ монашество, въ 1836 г. назначенъ ректоромъ полтавской семинаріи, въ 1841 г. перемѣщенъ во иковскую, 2 апрѣля 1850 г. хиротонсанъ во епископа вольскаго, викаріи саратовской епархіи, и въ томъ же году, за упраздненіемъ этого викаріатства, назначенъ епископомъ старорусскимъ, викариемъ новгородской — с.-петербургской митрополіи, въ 1853 г. получалъ оренбургскую каедрю, 17 марта 1858 г. переведенъ въ Кишиневъ, въ 1861 г. получилъ архіепископство, скончался 13 марта 1871 г. (скоропостижно). Всюду онъ отличался особымъ почетомъ и духовно-учебныхъ заведеніяхъ, немало жертвовалъ въ пользу бѣдныхъ духовнаго званія. Въ свое время имъ были изданы „Слова и рѣчи на разные случаи“. Служеніе на кишиневской каедрѣ совпало съ эпохою преобразованій, которыя и выполнены были при его участіи („Кишиневскія Епар. Вѣд.“, 1868 г. № 3; 1871 г. №№ 6—9; 1897 г. № 16; 1898 г. №№ 4, 5; 1909 г. №№ 25—26. *К. Я. Здравомысловъ*, Іерархи новгородской епархіи, Новгородъ 1897. „Христ. Чт.“ 1883 г. № 5). — 5) *Павель* (Лебедевъ), пзвѣстный духовный ораторъ и дѣятель, назначенъ былъ на кишиневскую каедрю въ 1871 году; 23 іюля 1879 г. получалъ архіепископство, 16 іюня 1882 г. назначенъ экзархомъ Грузіи (см. Очеркъ грузинскаго экзархата въ „Энци.“ IV, 730—731), скончался въ Казани въ 1892 г. („Киш. Е. В.“ 1871 г. № 18; 1881 г. №№ 17, 23; 1882 г. №№ 7, 8 и сл.; 1892 г. № 9). — 6) *Сергій* (Ляпидевскій).

переведенъ въ Кишиневъ изъ архіепископствъ казанскихъ 21 августа 1882 г., а 12 января 1891 г. переведенъ въ Херсонъ (о немъ см. Очеркъ казанской епархіи въ „Энци.“ VII, 721—722); скончался митрополитомъ московскимъ. — 7) *Исаакій* (Положевскій), переведенъ въ Кишиневъ изъ Томска 12 января 1891 г. и 21 ноября того же года переведенъ былъ въ Астрахань, но туда не отправился, вышелъ на покой и скончался въ 1894 г. (о немъ см. Очеркъ енисейской епархіи въ „Энци.“ V, 436; „Киш. Е. В.“ 1891 г. №№ 7, 9, 13—14). — 8) *Неофитъ* (Николай Васильевичъ Певодчиковъ), изъ дворянъ екатеринославской губ., родился въ Петербургѣ въ 1822 г., получилъ образование въ екатеринославской Семинаріи и московской Дух. Академіи, которую окончилъ въ 1844 г. Около 6-ти лѣтъ состоялъ секретаремъ при А. С. Стурдзѣ, съ 1850 г. былъ преподавателемъ въ кишиневской Семинаріи, въ 1858 г. рукоположенъ во священника къ Благовѣщенской церкви при сиротскомъ домѣ женскаго благотворительнаго общества въ Одессѣ, съ 1861 г. былъ преподавателемъ въ одесской Семинаріи, съ 1864 г. — инспекторомъ, съ 1868 г., по выходѣ изъ Семинаріи, состоялъ законоучителемъ одесскаго коммерческаго училища и одесской 2-й гимназіи, въ 1876 г. получалъ санъ протоіерея, 17 мая 1880 г. принялъ монашество и 10 августа былъ хиротонисанъ въ Одессѣ во епископа елисаветградскаго, второго викарія херсонской епархіи; 6 августа 1883 г. назначенъ епископомъ туркестанскимъ, а 21 ноября 1892 г. архіепископомъ кишиневскимъ. Въ бытность преподавателемъ кишиневской Семинаріи составилъ статью о началѣ и распространеніи христіанства въ кишиневской епархіи, въ Одессѣ принималъ участіе въ изданіи мѣстныхъ епархіальныхъ вѣдомостей и издавалъ подъ своей редакціей „Одесскій воскресный листокъ“, — еженедѣльное общедоступное изданіе; въ „Одесскомъ Вѣстникѣ“ напечаталъ двѣ статьи о Стурдзѣ (1854 и 1855 гг.), сотрудничалъ въ дѣтскихъ журналахъ А. О. Ишимовой „Лучи“ и „Звѣздочка“, помѣщая статьи религіозно-нравственнаго содержанія и стихотворенія, за подписью Диктюдисъ (переводъ фамиліи Наводчиковъ на греческій языкъ); печатался также въ „Библиографическихъ Запискахъ“,

въ „Русскомъ Архивѣ“ и „Кишиневскихъ Епархіальныхъ Вѣдомостяхъ“. 26 го января 1898 года уволенъ по преклонности лѣтъ на покой. Серія его духовныхъ стихотвореній напечатана въ №№ 19—21 „Киш. Еп. Вѣд.“ за 1908 г. („Киш. Е. В.“ 1893 г. №№ 5 и 13 и 1908 г. № 18). — 9) *Іаковъ* (Иванъ Андреевичъ Питицкій), уроженецъ калужской епархіи, по окончаніи курса московской Дух. Академіи въ 1870 г. остался въ Академіи помощникомъ секретаря совѣта, въ 1872 г. назначенъ смотрителемъ мещевскаго Дух. Училища, калужской еп., въ 1873 г. перешелъ въ преподавателя виоанской Семинаріи, въ 1878 г. получалъ степень магистра, въ 1886 г. принялъ монашество и, по прозводствѣ въ священныя степени, назначенъ ректоромъ виоанской Семинаріи, 28 апрѣля 1891 г. хиротонисанъ во епископа балахнинскаго, викарія нижегородской епархіи, 29 сентября 1892 г. назначенъ епископомъ уманскимъ, третьимъ викаріемъ кievской епархіи, 16 января 1893 г. — епископомъ чигиринскимъ, вторымъ викаріемъ, 26 января 1898 г. — епископомъ кишиневскимъ, 12 августа 1904 г. архіепископомъ ярославскимъ („Киш. Е. В.“ 1898 г. №№ 4 и 6; 1904 г. № 18) [въ 1906 г. былъ членомъ Предсоборнаго Присутствія и состоялъ председателемъ III-го его отдѣла о реформѣ церковнаго суда 25 января 1907 г. переведенъ на сибирскую кзюедру]. — 10) *Владиміръ* (Филаретъ Спныковский), уроженецъ таврической епархіи, образованіе получилъ въ одесской Семинаріи, въ 1867 г. рукоположенъ былъ во священника къ церкви мѣстечка Каховка, днѣпровскаго у., въ 1875 г. перешелъ въ алтайскую миссію, въ 1882 г. — въ киргизскую, въ 1890 г. опредѣленъ помощникомъ начальника алтайской и киргизской миссій, принялъ монашество и возведенъ въ санъ игумена. Онъ перевелъ на киргизскій языкъ и напечаталъ первоначальныя свѣдѣнія о православной вѣрѣ для ново-крещаемыхъ киргизовъ, Евангеліе отъ Матвѣя, первоначальныя молитвы, житіе великомученика Евстагія, три части вѣрующей кнѣги протоіер. Поспѣлова и чинъ обращенія магометанъ. Обращалъ къ православнои вѣрѣ 285 магометанъ и язычниковъ. Въ 1891 г. возведенъ въ архимандрита и хиротонисанъ во епископа бійскаго, викарія

томской епархіи, въ 1893 г. назначенъ епископомъ владикавказскимъ, 12 августа 1904 г. кишиневскимъ („Киш. Е. В.“ 1904 г. № 17—19 и 1908 г. № 44 и 46) [и въ „Энци.“ III, 545—549, гдѣ помѣщенъ и портретъ преосвящ. Владимира, который по всеподданнѣйшему Св. Синодалу докладу, Высочайше утвержденному 16 сентября 1903 г., назначенъ архіепископомъ донскимъ и новочеркасскимъ: см. „Церк. Вѣдомости“, 1908 г., № 39, стр. 297—298]. 11) *Серафимъ* (въ мірѣ Леонидъ Михайловичъ Ччаговъ, — изъ костромскихъ дворянъ, потомокъ адмираловъ В. Я. и П. В. Ччаговыхъ. внукъ послѣдняго. Родился 9 іюня 1856 г.; въ 1875 г. окончилъ Пажескій Его Величества корпусъ по первому разряду и произведенъ офицеромъ гвардейской конной артиллеріи [см. и у *Д. М. Лешина*, Пажескій корпусъ за сто лѣтъ, гдѣ во 2-мъ томѣ (Сиб. 1902) есть архимандритскій портретъ преосв. Серафима]. Въ 1877—1878 гг., въ чинѣ поручика, участвовалъ въ турецкой кампаніи, событія которой описалъ въ популярныхъ книжкахъ, имѣя заглавіе: „Доблести русскихъ воиновъ. Примѣры изъ прошлой войны. Описаніе отдѣльныхъ солдатскихъ подвиговъ 1877—1878 (вып. I—II, изд. 3-е, Спб. 1891). За отпѣчіе на войнѣ награжденъ орденами: св. Анны 4 ст. съ надписью „за храбрость“, свв. Станислава и Анны 3-ихъ ст., съ мечами и бантомъ. Съ этихъ поръ быстро растетъ его карьера, сопутствуемая литературною извѣстностію среди военного міра. Въ 1880 г. онъ состоитъ адъютантомъ при товарищѣ генералъ-фельдцейхмейстера графѣ А. А. Баранцовѣ и, по порученію Императора Александра II, составляетъ: „Дневникъ пребыванія его въ Дунайской арміи 1877—1878 гг.“ (Спб. 1885), выдержавшій три изданія (3-е 1903 года) и удостоенный вниманія Фердинандомъ, кн. болгарскимъ, разрѣшившимъ помѣстить портретъ автора въ національномъ музеѣ гор. Софія. Въ 1881 г. командированъ во Францію для изученія техники военного дѣла, результатомъ чего была трудъ о французской артиллеріи, переведенный на французскій языкъ и снискавшій автору орденъ Почетнаго Легіона. Принимаетъ участіе въ разрѣшеніи вопросовъ о вооруженіи крѣпостей на западной границѣ и въ дѣлѣ вооруженія

болгарской арміи, за что награжденъ Александромъ, кн. болгарскимъ, орденомъ св. Александра 2 ст., со звѣдою. Въ это же время издаетъ въ „Русской Старинѣ“ „Записки адмирала Ччагова (Пав. Вас.), заключающія то, что онъ видѣлъ и что, по его мнѣнію, зналъ“ (1886 г., т. 50—52, 1887 г., т. 55 и 1888 г., т. 59—60) и статью: „Адмиралъ П. В. Ччаговъ. Записки о событіяхъ его жизни и времени Императора Павла I“ (ibid., 1883 г., т. 38, стр. 487—506). Въ 1891 г., уже въ чинѣ полковника гвардіи и адъютанта Вел. Кн. Михаила Николаевича, выходитъ въ отставку, переезжаетъ въ Москву и, не безъ вліянія о. Іоанна Сергія (Кривинскаго), энергично готовится на служеніе св. церкви, не оставляя литературныхъ занятій, плодомъ которыхъ въ этотъ періодъ явились: „Что служитъ основаніемъ каждой науки“ (М. 1890), „Медицинскія бесѣды“, ч. I—II (М. 1892), III—IV (М. 1895) и „Краткое изложеніе медицинскихъ бесѣдъ“ (М. 1892). Въ 1893 г. рукоположенъ въ священника къ московской синодальной церкви 12-ти Апостоловъ, реставрируетъ на свои средства храмъ и основываетъ общество Бѣлаго Креста, имѣющее задачей прирѣваніе офицерскихъ дѣтей. Въ 1895 г. протопресвитеромъ военного и морскаго духовенства опредѣленъ къ церкви для частей, заведеній и учреждений артиллерійскаго вѣдомства м. сковского военного округа, на старомъ Ваганьковѣ, и опять на собственные средства реставрируетъ этотъ храмъ, принадежавшій Румянцевскому Музею и въ теченіе 30-ти лѣтъ столпшій закрытымъ. Овдовѣвъ въ 1898 г., принимаетъ монашество и причисляется къ братіи Троице-Сергіевой лавры. Въ 1899 г. опредѣленъ настоятелемъ первокласснаго Спасо-Вифиміевскаго Суздальскаго монастыря, возведенъ въ санъ архимандрита и назначенъ благочиннымъ монастырей владимірской епархіи. Здѣсь въ пятнадцатое служеніе заявилъ себя заботливымъ реставраторомъ этого древняго монастыря, приведшимъ его въ лучшее состояніе и обратившимъ особенное вниманіе на арестантское отдѣленіе—извѣстную Суздальскую крѣпость, отремонтировавъ ее, устроивъ бібліотеку для узниковъ и психодатативовавъ освобожденіе для некоторыхъ изъ нихъ (См. „Воскрес. День“ 1908 г., № 43). По Высочайшему повелѣнію отъ

Репродукция Емельяна Кумуновского и Николасова

22 ноябр. 1902 г. принимает видное участие въ подготовительныхъ работахъ къ торжеству прославленія извѣстнаго старца Серафима (Саровскаго), напечатать предъ этимъ: „Краткое содержаніе лѣтописи Серафимо-Дивѣвскаго монастыря съ жизнеописаніемъ основателей А. С. Мельгуновой, о. Серафима Саровскаго и подвижниковъ обители“ (М. 1896). Послѣ событія прославленія св. мощей, 19 июля 1903 г. награжденъ лично Государемъ Императоромъ драгоценною митрой. 14 фвр. 1904 г. назначается настоятелемъ Воскресенскаго Ново-Іерусалимскаго монастыря и за одинъ годъ своего настоятельства реставрируетъ величественный соборъ его. За это время составляетъ: „Житіе Ефимія преподобнаго священно-архимандрита Суздальскаго чудотворца“ (Спб. 1904), а еще раньше: „Зосимова пустынь во имя Смоленской Божіей Матери, владим. губ., александров. уѣзда. Лѣтописный очеркъ“ (М. 1899). Въ 1905 г. хиротонисавъ во епископа сухумскаго, а въ 1906 г. переведенъ на орловскую кафедру, гдѣ [въ тревожныя времена „освободительной смуты“ энергически трудился надъ оживленіемъ и устроеніемъ церковной жизни для чего] при немъ организованы и учреждены церковно-приходскіе совѣты. Въ сессію 1907—1908 г. былъ присутствующимъ членомъ въ Св. Синодѣ [и много потрудился здѣсь—особенно—по церковно-приходскому вопросу, о которомъ читалъ и специальный докладъ, напечатанный въ „Прилож. къ Церк. Вѣдом.“ 1908 г. №№ 18, 19 и 21]. По всеподданнѣйшему докладу Св. Синода, Высочайше утвержденному 16 сент. 1908 г., назначенъ епископомъ кишиневскимъ и хотинскимъ въ Бессарабію, по которой, въ 1877 г., шелъ походомъ дорумынской раницы.—*П. Т.—скій*.

Викаріатство. При открытіи кишиневской епархіи изъ бывшаго молдавляхійскаго экзархата въ нее вошелъ и бывшій викарій экзархата, епископъ „бендерскій и аккерманскій“ 1) *Димитрій* (Судима); съ назначеніемъ его въ 1821 г. архіепископомъ кишиневскимъ викаріатство упразднилось (см. выше стлб. 526—527). Возстановлено было викаріатство по докладу Синода, Высочайше утвержденному 10 декабря 1868 г. („Киш. Е. В.“ 1893 г. № 6 и 1908 г. № 39). Епископомъ викаріемъ назначенъ былъ

2) *Петръ* (Платонъ Алексѣевичъ Троицкій); сынъ священника владимірской губ., окончивъ курсъ кіевскій Духовной Академіи со степенью магистра и былъ съ 1835 г. профессоромъ въ кіевской Семинаріи; лишившись жены, онъ 10 апрѣля 1852 г. принялъ монашество, былъ рукоположенъ во священныя степени и затѣмъ назначенъ инспекторомъ, а потомъ ректоромъ Семинаріи съ настоятельствомъ въ Кіево-Пустынно-Николаевскомъ монастырѣ. 15 июля 1858 г. назначенъ настоятелемъ посольской церкви въ Константинополѣ, а въ 1860 г. переведенъ въ Афины. 29 мая 1869 г. былъ хиротонисанъ во епископа аккерманскаго, викарія кишиневской епархіи. Скончался 10 октября 1873 г., 61-го года, и погребенъ въ Курковомъ монастырѣ, котораго онъ былъ настоятелемъ. Часть его бумагъ хранится въ церковно-археологическомъ музеѣ при кіевской Дух. Академіи („Киш. Е. В.“ 1873 г. № 20; 1885 г. № 15 и 16; 1908 г. № 42). Послѣ его кончины викаріатство опять упразднилось и снова было возстановлено въ 1882 г. Викаріемъ назначенъ былъ 16 октября преосвященный 3) *Августинъ* (Гуляницкій); 30 сентября 1887 г. онъ былъ переведенъ епископомъ аксайскимъ, викаріемъ доводской епархіи (см. Очеркъ доводской епархіи въ „Энци.“ V, 12—13, и особо въ „Энци.“ I, 119; „Киш. Е. В.“ 1908 г. №№ 43, 44, 47 и 49, біографія съ портретомъ). Послѣ него викаріемъ назначенъ преосвященный 4) *Аркадій* (Филоновъ), изъ епископовъ муромскихъ, викаріевъ владимірской епархіи („Киш. Е. В.“ 1900 г. №№ 1, 2, 5, 9; 1907 г. № 51—52 съ портретомъ; 1908 г. № 48 съ портретомъ, 51—52; 1909 г. №№ 1, 2, 7, 13—14; І. Пархомовичъ, „Прогос. Аркадій“, Кишиневъ 1909; см. Очеркъ владимірской епархіи въ „Энци.“ III, 600); 12 октября 1907 г. уволенъ на покой, но по присклонности лѣтъ не могъ выѣхать въ означенный ему для пребыванія Курковскій монастырь и скончался въ Кишиневѣ 11 сентября 1908 г.; погребенъ въ Николаевскомъ придѣлѣ кафедральнаго собора. Памятникомъ двадцатилѣтняго епископства его на аккерманскомъ викаріатствѣ остался заботливо имъ устроенный „псаломщическій классъ“. Нынѣ священствуется на аккерманскомъ викаріатствѣ преосвящен-

ный 5) *Никодимъ* (Николай Васильевич Кротковъ) сынъ священника костромской епархіи, овя, по окончаніи мѣстной Семинаріи въ 1889 г., былъ рукоположенъ во священника въ 1890 г.; овдовѣвъ, поступилъ въ кievскую Академію, въ которой на 4-мъ курсѣ принялъ монашество, и по окончаніи академическаго курса въ 1900 г. назначенъ былъ смотрителемъ владикавказскаго Духовнаго Училища, въ 1902 году возведенъ въ санъ игумена и назначенъ и. о. инспектора кутаисской Семинаріи, въ 1902 г. — ректоромъ ардонской (тогда миссіонерской) Семинаріи, съ возведеніемъ во архимандрита, въ 1905 г. перемѣщенъ въ псковскую Семинарію, 11 ноября 1907 г. хиротонисанъ во епископа аккерманскаго („Киш. Е. В.“ 1907 г. №№ 46 и 47).

II. Статистическій обзоръ. Православнаго населенія въ 1906 г. было 1.524.160 д., родившихся 78.257, умершихъ 46.706, браковъ 19.671. Всѣхъ *церквей* въ епархіи (зданій) 1.087, въ томъ числѣ каменныхъ 781, деревянныхъ 267 и кирпичныхъ 37; приходскихъ церквей 909, приписныхъ 82, соборовъ 13, монастырскихъ 44, домовыхъ 20, кладбищенскихъ 16, единодѣрскихъ 3; 50 двуклirныхъ, 1 трехклirная и 1 четырехклirная. Изъ числа приходовъ 45 имѣютъ прихожанъ мужскаго пола менѣе 200, 1 приходъ — свыше 4.300, наибольшее число приходовъ имѣютъ прихожанъ мужскаго пола отъ 300 до 700. Церкви въ большинствѣ очень просты и скромны, но зато нѣтъ почти ни одной населенной мѣстности, въ которой бы не было храма. *Духовенства*: 35 протоіереевъ, священниковъ 991, діаконѡвъ 55 и псаломщиковъ 1.051. *Монастырей* 19: мужскихъ 14 и женскихъ 5; изъ нихъ 3 мужскихъ и всѣ женскіе имѣются *скитами*. Кроме того, *архіерейскій домъ* въ Кишиневѣ въ *епископальный домъ* въ Измаилѣ. *Монашествующихъ*: 6 архимандритовъ, 3 игумена, 1 игуменья, 69 іеромонаховъ, 35 іеродіаконовъ, 4 схимника, 4 схимницы, 146 монаховъ, 227 монахинь, 115 послушниковъ и 80 послушницъ. *Церковныхъ школъ* въ 1907 г. было 606, въ томъ числѣ 8 двухклассныхъ, 176 грамоты, 408 — одноклассныхъ; 8 воскресныхъ и 6 второклассныхъ, кроме того, 2 образованныхъ при Семинаріи и женскомъ Училищѣ. *Учащихся* было 31.000. церковныхъ

братствъ 7, *церковно-приходск. попечительствъ* 67, *богатыленъ* при церквахъ 3. *Библіотекъ* при церквахъ 96 и окружающихъ благочиническихъ 10. *Расколъниковъ* въ районѣ епархіи до 29.000 душъ, *сектантовъ* свыше 1.600, *римско-католиковъ* до 15.000, *армяно-грегоріанъ* свыше 2.600, *протестантовъ* до 64.000, *евреевъ* свыше 252.000.

III. Епархіальное управление. Во главѣ управления епархіею стоитъ *епархіальный п/еосвященный*. Преосвященному *викарію* предоставлено назначеніе и перемѣщеніе псаломщиковъ согласно ихъ прошеніямъ, утвержденіе въ должности церковныхъ старостъ, дѣла по прошеніямъ о возобновленіи пропущенныхъ и объ исправленіи неправильно записанныхъ метрическихъ актовъ разрѣшеніе на вступленіе въ бракъ лицамъ въ тѣхъ степеняхъ родства, въ которыхъ разрѣшать бракъ право предоставлено епархіальнымъ преосвященнымъ, разрѣшеніе браковъ не достигшихъ совершеннолѣтія (до полугода).

Консисторія состоитъ изъ шести членовъ изъ коихъ 4 штатныхъ и 2 сверхштатныхъ. *Благочинныхъ* надъ церквами 34, надъ монастырями 1. Благочинные получаютъ по 300 р. жалованья отъ духовенства, а въ пзмалыскомъ уѣздѣ по 500 р. отъ казны. У благочинныхъ имѣются помощники: у 28-ми по одному, а у 6-ти по два. Для разбора незначительныхъ недоразумѣній, возникающихъ среди духовенства изъ-за раздѣла братскихъ доходовъ и пользованія подцерковною землей, нанесенія обидъ другъ другу и свѣтскимъ лицамъ, существуютъ съ 1871 г. *благочинническіе совѣты*, въ составъ которыхъ входятъ: благочинный, его помощникъ, духовный слѣдователь, духовникъ и два выборныхъ священника. Совѣты дѣйствуютъ по правиламъ, напечатаннымъ въ № 23 „Киш. Е. Вѣд.“ 1893 г. Въ 1903 г. совѣтовъ было 108. Въ 1903 г. было 4 *сѣзда* депутатовъ духовенства: 1 общепархіальный и 3 училищно-ограждающіе. *Епархіальный училищный совѣтъ* имѣетъ 8 уѣздныхъ отдѣленій. *Епархіальное попечительство о бѣдныхъ духовнаго званія* состояло изъ 3-хъ членовъ, изъ городскихъ священниковъ, при секретарѣ — протодіаковѣ.

VI. Духовноучебныя заведенія и церковныя школы. *Кишиневская Духовная Семинарія* имѣла въ 1908 году 478 воспитанниковъ и при пяти классахъ — параллельныя отдѣленія; въ семинарскомъ зданіи помѣщалось 166 воспитанника, остальные — у родственниковъ и на частныхъ квартирахъ. Учреждена Семинарія вмѣстѣ съ образованіемъ епархіи и на первыхъ порахъ, по особому Высочайшему повелѣнію, въ виду удовлетворенія особыхъ мѣстныхъ нуждъ, была предназначена для образованія не только духовнаго, но и свѣтскаго юношества. Семинарская бібліотека имѣетъ до 10.000 книгъ (до 5.000 названій). При Семинаріи имѣется *трехсвятительское братство* для вспоможенія воспитанникамъ; въ 1908 г. оно израсходовало свыше 1.600 р. Содержаніе Семинаріи стоитъ до 150.000 р.

(«Киш. Е. В.» 1871 г. № 19; 1878 г. № 1; 1883 г. №№ 9, 15; 1888 г. №№ 4, 6 и др.; 1890 г. №№ 1, 2, 19; 1892 г. № 12; 1895 г. №№ 19—24; 1902 г. №№ 16—23; 1903 г. № 10; 1905 г. № 15, 21).

Кишиневское Духовное Училище имѣло въ 1908 г. 356 учениковъ; параллельныя отдѣленія были при всѣхъ классахъ, кромѣ приготовительныхъ; въ училищѣ два приготовительные класса — старшій и младшій. Библіотека имѣетъ до 800 названій (до 1.600 книгъ). Содержаніе стоило въ 1907 г. свыше 57.000 р.

Измайльское Духовное Училище имѣло въ 1903 г. 119 воспитанниковъ, въ бібліотекѣ до 2.200 названій (и книгъ), содержаніе обошлось въ 22.000 р. («Киш. Е. В.» 1909 г. №№ 25—26 и 31).

Единецкое Духовное Училище имѣло 220 воспитанниковъ; съ сентября 1903 г. параллельные отдѣленія оставлено только при 3-хъ классахъ; бібліотека имѣла свыше 800 названій, содержаніе обошлось въ 40.000 р. Открыто 4 сент. 1869 г. въ г. Бѣльцахъ, въ м. Единцы переведено съ 1 августа 1874 г.

(«Киш. Е. В.» 1894 г. №№ 23, 24; 1909 г. № 28).

Епархіальное женское училище основано въ 1864 г. преосвященнымъ Антоніемъ, преобразовано изъ трехкласснаго въ шестиклассное въ 1872 г., имѣетъ нынѣ съ 1898 г. параллельныя отдѣленія во всѣхъ

классахъ; въ 1908 г. въ училищѣ было 616 воспитанницъ (въ томъ числѣ 20 инословныхъ и 21 приходскихъ); бібліотека имѣла до 3.800 названій (до 5.600 томовъ); содержаніе обошлось въ 120.000 р.

При училищѣ имѣется образцовая школа и пенсіонная касса, съ 1906 г. открыты 7-й, дѣлительный классъ.

(«Киш. Е. В.» 1875 г. №№ 1, 2, 8—10 23; 1877 г. №№ 1, 10—13; 1882 г. № 19; 1906 г. №№ 16—19 и 1909 г. №№ 3 и 29 въ приложеніи).

Училища при монастыряхъ (5 при мужскихъ и 5 при женскихъ) имѣютъ цѣлью подготавливать сыровъ и дѣтей бѣдныхъ родителей къ поступленію въ духовныя училища. Во всѣхъ 10 такихъ училищахъ въ 1903 г. воспитывалось 56 мальчиковъ и 80 дѣвочекъ. Въ пособіе на содержаніе школъ монастырямъ отпускается изъ доходовъ съ имѣній заграничныхъ монастырей въ Бессарабіи 6.200 р. Училища эти существуютъ съ 1878 г. и находятся въ заведѣваніи епархіальнаго попечительства о бѣдныхъ духовнаго званія. Въ учебномъ отношеніи они съ 1894 г. преобразованы въ церковно-приходскія.

Церковныя школы одноклассныя главною массою располагались при церквяхъ отъ-части при монастыряхъ, при Семинаріи, женскомъ училищѣ и второклассныхъ школахъ. 8 школъ имѣли миссіонерское направленіе. Изъ числа учившихся въ церковныхъ школахъ 31.000 дѣтей 737 не принадлежали къ православному исповѣданію: раскольники, сектанты, католики, протестанты, армяне и даже евреи. При 50 женскихъ школахъ производилось обученіе рукодѣліямъ. На содержаніе школъ изъ казны поступило до 119.000 р. и разныхъ мѣстныхъ средствъ до 50.000 р.

(«Киш. Е. В.» 1909 г. №№ 1—2).

V. Просвѣтительныя, благотворительныя и взаимно-вспомогательныя епархіальныя учрежденія. *Кишиневское христоторожественское братство* открыто въ 1899 г. съ миссіонерскими цѣлями и дѣятельность свою обнаруживаетъ въ изданіи и распространеніи русско-молдавскихъ листковъ религіозно-нравственнаго содержанія, славяно-молдавскихъ молитвосло-

вовъ и религіознопросвѣтительнаго журнала на молдавскомъ языкѣ „Думпнѣ торюлѣ“ (пр.-свѣтитель), въ вѣдѣніи за религіозно-правственными чтеніями и собесѣдованіями старообрядцами и сектантами и въ заботѣ объ учрежденіи школъ съ миссіонерскимъ направленіемъ. Въ 1907 г. братство считало въ своемъ составѣ 26 членовъ, записало въ расходъ свыше 10.000 р. и въ остатокъ къ 1908 г. 21.394 р.

(„Киш. Е. В.“ 1900г. № 1—3; 1905 г. №№ 10—12, прилож.; 1906 г. №№ 4, 20, 23—26 и 1908 г. № 36 въ приложеніи).

Бендерское александровское братство.

(см. „Киш. Е. В.“ 1897 г. №№ 7—9.

Покровское богородичное братство при Введенской церкви въ с. Введенскомъ (Тамурь), аккерманскаго у., содержитъ устроенную имъ богадѣльню на 150 душъ обоого пола; богадѣльня обезпечена неприкосновеннымъ капиталомъ въ 60.000 р. и 450 дес. земли; основано въ 1872 г. („Киш. Е. В.“ 1881 г. № 1).

Александровское братство въ г. Кишиневѣ, при кафедральномъ соборѣ, заведывающій *богадѣльней* въ оградѣ кишиневской клзбищенской церкви; въ 1903 г. въ богадѣльнѣ на призрѣніи было 190 душъ обоого пола. Братство основано въ 1865 г. („Киш. Е. В.“ 1884 г. № 6).

Богородичное кишиневское при Вознесенскомъ соборѣ.

Вознесенское аккерманское при соборѣ.

Владимірское въ с. Чичмѣ, измайльскаго у.

Церковно-приходскія попечительства главною задачею ставятъ изысканіе средствъ на построеніе новыхъ церквей; въ другихъ отношеніяхъ ихъ дѣятельность не выдѣляется. Въ 1906 г. всѣ попечительства израсходовали на поддержаніе и украшеніе церквей до 200 р. и на школы и благотворительныя учрежденія въ приходѣ до 200 р.

Бессарабское церковно-археологическое общество открыто 4 апрѣля 1904 г. по инициативѣ преосвященнаго Іакова („Киш. Е. В.“ 1904 г. № 8; уставъ—№ 7; отчетъ за первый годъ—1905 г. № 7; см. 1906 г. № 27 и 1908 г. № 37, прил.). Къ 1909 г. общество располагало остаточнымъ капита-

ломъ свыше 1.500 р., при расходѣ въ 1907 г. въ 58 р.

Епархіальный комитетъ православнаго миссіонерскаго общества существуетъ съ 1880 г. За 25 лѣтъ комитетъ собралъ до 65.000 р., которые и переданы почти всѣ на пущы сибирискихъ миссій („Киш. Е. В.“ 1905 г. № 4). Въ 1908 г. собрано до 2.900 р., къ 1909 г. записано въ остатокъ 5.108 р. („Кишин. Е. В.“ 1909 г. № 21, прил.).

Миссіонерскій комитетъ кишиневской епархіи существуетъ съ 1892 г.

Епархіальный отдѣлъ православнаго палестинскаго общества открытъ 2 января 1897 г., въ 1908 г. имѣлъ 39 членовъ, записалъ на приходъ до 2.000 р., которые и были отосланы въ Палестинское Общество („Киш. Е. В.“ 1897 г. № 3; 1909 г. № 18 въ приложеніи).

Епархіальное попечительство о бѣдныхъ духовнаго званія въ 1907 г. имѣло на приходъ до 5.300 р., въ расходѣ свыше 4.000 р.; въ остаткѣ къ 1908 году было попечительскихъ свыше 62.000 р. и частныхъ сиротскихъ суммъ свыше 50.000 р. („Киш. Е. В.“ 1905 г. № 19; 1908 г. №51—52).

Кромѣ попечительства, организована по благотворительнымъ округамъ изъ особыхъ суммъ выдача постоянныхъ пособій (до 60 р. въ годъ); въ 1903 г. такихъ пособій выдано было 860 лицамъ свыше 9.000 р.

Эмеритальная касса духовенства епархіи къ 1908 году имѣла капитала до 426.000 р. Касса существуетъ съ 1839 г., въ 1900 г. уставъ кассы былъ переработанъ. Нынѣ дѣйствующій уставъ утвержденъ въ 1907 году. Въ 1907 г. поступило на приходъ свыше 40.000 р. („Киш. Е. В.“ 1881 г. № 1—проектъ устава; 1898 г. №№ 3, 7, 10; 1905 г. №№ 20 и 21; 1908 г. №№ 1 и 46 въ прил.).

Общество взаимнаго вспоможенія духовенства епархіи, дѣйствующее при эмеритальной кассѣ, учреждено въ 1894 г., въ 1897 г. свои правила переработало, нынѣ дѣйствующія правила утверждены въ 1907 г., въ 1907 г. имѣло на приходъ свыше 51.000 р., въ расходѣ свыше 52.000 р., въ остаткѣ къ 1908 г. свыше 6.000 р. („Киш. Е. В.“ 1897 г. № 20—

правила 1908 г. №№ 46 и 47, прил. и 1907 г. № 17, прил.).

Въ епархіи заведено, что—въ случаѣ смерти (или лишенія способности къ работѣ) священника—производится едина-временный сборъ въ пользу его семейства со вѣхъ священниковъ по 1 рублю; въ случаѣ смерти діакона или псаломщика—со вѣхъ диаконовъ и псаломщиковъ по 25 к.

Ссудная касса духовенства, учрежденная въ 1903 г., записала въ 1907 г. на приходъ 1% -наго сбора съ церквей епархіи до 3.000 р. и % на ссуды свыше 1 000 р., всего, исключая возврата ссудъ, свыше 6.600 р.; къ 1908 г. имѣла наличными до 500 р. и въ ссудѣ 21.000. („Кш. Е. В.“ 1908 г. № 7).

Строительный комитетъ, учрежденный въ 1903 г., заведуетъ дѣлами о постройкѣ, покупкѣ и ремонтѣ церковноприходныхъ домовъ. Средства комитета слагаются изъ ежегодныхъ отчисленій изъ свѣчнаго завода по 10.000 р. и сбора съ церквей по 10 к. за бракъ и 2 к. за крещение, а съ духовенства въ двойномъ размѣрѣ. Въ 1906 г. поступило 10.331 р. осталось къ 1907 г. 450. р.

Епархіальный свѣчный заводъ, состоящій въ вѣдѣніи епархіальнаго духовенства съ 1883 г., имѣлъ къ 1908 г. наличности денегъ свыше 56.000 р., имущества на 15.000 р., въ матеріалахъ и въ долгу свыше 300.000 р. Заводъ имѣетъ одну центральную и 18 окружныхъ лавокъ („Кш. Е. В.“ 1905 г. № 18). Въ 1907 г. заводъ получилъ чистой прибыли свыше 66.000 р. и выдалъ изъ нея на нужды епархіи свыше 55.000 р. („Кш. Е. В.“ 1906 г. № 46 и 1908 г. № 3 и № 41 въ приложеніи).

Епархіальная типографія открыта 26 октября 1906 г. съ цѣлью главнымъ образомъ для печатанія священныхъ и богослужебныхъ книгъ на молдавскомъ языкѣ, а также листовъ, брошюръ и книгъ религіозно-нравственнаго содержанія на русскомъ, молдавскомъ, а со временемъ на болгарскомъ, гагаузскомъ и малорусскомъ языкахъ („Кш. Е. В.“ 1906 г. № 40). Въ епархіальной типографіи печатаются и Епархіальныя Вѣдомости.

VI. Монастыри. Въ прежнее время въ Бессарабіи было много монастырей и ски-

товъ, мужскихъ и женскихъ, „до 40“. Такое большое ихъ число объясняется, съ одной стороны, религіозностью мѣстнаго населенія и особымъ расположеніемъ и уваженіемъ къ монашеской жизни, а съ другой — обиліемъ свободныхъ земель. Большинство монастырей къ настоящему времени, однако, прекратило свое существованіе, частью до присоединенія Бессарабіи къ Россіи, частью же послѣ. Въ числѣ послѣднихъ болѣе извѣстныхъ: *Вережяны*; *Гиртоны* (*Гертонъ*), женскій скитъ въ оргѣвскомъ у., упраздненный въ 1812 г. („Кш. Е. В.“ 1893 г. № 16); *Гитича*; *Городищи*, въ оргѣвскомъ у., прежде скитъ, а съ 1815 г. гордіицескій монастырь, въ 70 в. отъ Кишинева, упраздненъ въ 1892 г. („Кш. Е. В.“ 1883 г. № 16; 1898 г. № 17); *измаильскіе* монастыри Николаевскій мужской и Успенскій („Кш. Е. В.“ 1898 г. № 24); *Каратуры*; *Косовицы* (*Косоуцы*), въ лесскомъ цинутѣ, основаны въ 1729 г., до 1812 г. былъ скитомъ („Кш. Е. В.“ 1883 г. № 16); *Ломаново*, въ 55 в. отъ г. Вѣлецъ, при Днѣпрѣ, основанъ въ 1728 г. монахиню Елизаветой на землѣхъ заграничнаго молдавскаго монастыря Рокитосы („Кш. Е. В.“ 1883 г. № 16); *Печетеры* (*Фынтына Домни* или *Доамней*), женскій скитъ въ оргѣвскомъ у., упраздненъ въ 1815 г. („Кш. Е. В.“ 1898 г. № 16); *Пештеры*; *Поповицы*, женскій скитъ въ оргѣвскомъ у., упраздненъ въ 1815 г. („Кш. Е. В.“ 1898 г. № 17); *Поляна*, мужской скитъ въ сорокскомъ у., упраздненъ въ 1816 г. („Кш. Е. В.“ 1898 г. № 17); *Рудь* или *Руди* Грошкскій мужской скитъ, въ хотинскомъ у., въ 105 в. отъ Хотина, при Днѣстрѣ, основанъ въ 1772 г. купцомъ Симеономъ Дочуломъ („Кш. Е. В.“ 1883 г. № 16); *Рызана* (*Резина*), женскій скитъ въ 95 в. отъ Кишинева, основанъ въ 1770 г. священникомъ Романомъ Церетятковичемъ, упраздненъ въ 1829 г. („Кш. Е. В.“ 1881 г. № 3; 1883 г. № 16; 1898 г. № 17); *Сорока-николаевскій* мужской скитъ, въ 50 в. отъ г. Вѣлецъ, при Днѣстрѣ, основанъ въ 1752 г. бояриномъ Емадакиемъ Русетомъ. Нынешніе монастыри кишиневской епархіи съ вѣншей стороны имѣютъ ту особенность, что они почти не имѣютъ ограды; это просто группа келлій,

разбросанных без всякаго плана; среди келлій помѣщаются и гостинницы; свобода входа и выхода, при такихъ условіяхъ, почти не ограничена. Всѣ монастыри заштатные.

Гербовецкій Успенскій мужской монастырь имѣетъ мѣстною чтимую икону Божіей Матери, пребывающую, впрочемъ, свыше полугодомъ, въ зимнея сезонъ, въ церкви архіерейскаго дома. Монастырь имѣетъ 536 дес. земли, *пріютъ* для сиротъ духовнаго званія со *школою*; расположенъ при д. Гербовецъ въ оргѣвскомъ у., въ 60 в. отъ Кишинева, построенъ въ 1730 г. молдавскимъ бояромъ Армашемъ Константиномъ Каркузомъ и названъ Гербовецъ потому, что первый настоятель Іоаннъ былъ горбать („Кш. Е. В.“ 1883 г. № 16).

Гиржавскій Вознесенскій мужской монастырь, состоящій въ непосредственномъ вѣдѣніи епархіальнаго архіерея, имѣетъ свыше 2.600 дес. земли, *пріютъ* для сиротъ духовнаго званія со *школою*. Расположенъ въ оргѣвскомъ у., въ 50 в. отъ г. Оргѣва и 68 в. отъ Кишинева. Основанъ въ 1849 г. монахомъ Иннокентіемъ (Сеовымъ), постриженнымъ въ Иссахъ, уроженцемъ с. Каларашъ, на принадлежавшемъ ему участѣ земли, въ видѣ скита, а преобразованъ въ монастырь въ 1818 г. Прп обмежеваніи въ 1811 г. земли за скитомъ осталось 2.084 дес., почти сплошь покрытой лѣсомъ. Значительная часть земли пожертвована была родственниками основателя изъ фамиліи Бадю. Монастырь благоустроенъ настоятелемъ Спиридономъ (Филиповичемъ, 1818—1846 г. г.). Послѣ его кончины въ 1846 г. переданъ въ непосредственное управленіе епархіальнаго архіерея („Кш. Е. В.“ 1885 г. № 5—7; 1883 г. № 16).

Добрушскій мужской монастырь имѣетъ до 2.200 дес. земли, *пріютъ* для сиротъ духовнаго званія со *школою*; въ 100 в. отъ Кишинева, въ оргѣвскомъ у., у ручья Добруша, основанъ въ 1783 г. іеромонахомъ Іоасафомъ; до 1817 г. былъ скитомъ („Кш. Е. В.“ 188 г. № 16). Принадлежитъ побратскому монастырю.

Каларашевскій Успенскій мужской монастырь, въ сорокскомъ у., въ 180 в. отъ Кишинева, при р. Днѣстрѣ, основанъ въ 1782 г. купцомъ хаджа Маркомъ; до 1812 г. былъ скитомъ („Кш. Е. В.“

1883 г. № 16); принадлежитъ монастырю св. Саввы въ Иссахъ.

Курковский (Куртескій) мужской Рождествобогородичный (Димитрія Солунскаго) монастырь имѣетъ до 3.500 дес. земли, *пріютъ* для сиротъ духовнаго званія со *школою*. Расположенъ въ 40 в. отъ Кишинева, въ оргѣвскомъ у. Основанъ монахомъ Іоанномъ Куркою (или Куртемъ, или Куртю), около половины XVIII в. До 1810 г. числялся скитомъ. Состоитъ въ непосредственномъ вѣдѣніи викарія кишиневской епархіи. („Кш. Е. В.“ 1896 г. № 7—10; 1883 г. № 16).

Сахарнянскій Троицкій мужской монастырь расположенъ на берегу Днѣстра при с. Сахарнѣ, оргѣвскаго у. „на трехъ хорошо выровненныхъ и обложенныхъ камнемъ уступкахъ, между тремя какъ бы разсѣвшимися горами“, въ 85 в. отъ Кишинева. Годъ основанія неизвѣстенъ. Монастырь обновленъ былъ въ 1777 г. іеромонахомъ Варооломеемъ. До 1813 г. именовался скитомъ („Кш. Е. В.“ 1873 г. № 6 и 7; 1883 г. № 16).

Фрумошкя-Успенскій или Фрумошскій мужской монастырь, въ 50 в. отъ Кишинева, оргѣвскаго у., основанъ жителемъ с. Олишканъ Ефремомъ Юркою въ 1807 г., названіе получалъ отъ молдавскаго слова „фрумошъ“ — красивый; до 1813 г. былъ скитомъ („Кш. Е. В.“ 1883 г. № 16; 1906 г. № 21. 22).

Шабскій (Жабскій) Вознесенскій мужской монастырь имѣетъ *пріютъ* для сиротъ духовнаго званія со *школою*; расположенъ въ 125 в. отъ Кишинева и въ 40 в. отъ г. Сорокъ, при р. Днѣстрѣ, у горы Блохи, близъ сс. Жабки и Вошки (нынѣ Севатовки), прежде именовался Жабскимъ. Основанъ въ первой половинѣ XVI в. Переименованъ изъ скита въ монастырь въ 1812 г. („Кш. Е. В.“ 1876 г. № 18; 1882 г. № 13—17, 19—22; 1871 г. № 7; 1883 г. № 6).

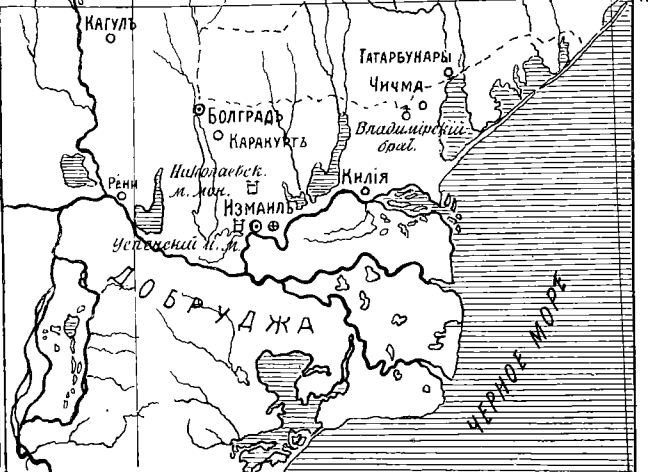
Монастырь *Новонямецкій Вознесенскій* при с. Кляцканахъ, бендерскаго у., въ 58 в. отъ Кишинева получаетъ изъ доходовъ отъ находящихся въ Россіи имѣній лавры 12.500 р., состоитъ въ непосредственномъ заведѣваніи епархіальнаго начальства. Значился приписаннымъ къ за-

КАРТА КИШИНЕВСКОЙ ЕПАРХІИ

0 10 20 30 40 50 верст

УСЛОВНЫЕ ЗНАКИ:

- ⊙ ГУБЕРНСКИЙ И ЕПАРХИАЛЬН. ГОРОДЪ
- ⦿ УЪЗДСКИЙ ГОРОДЪ
- БЕЗУЪЗДСКИЙ ГОРОДЪ, МЪСТЕЧКО
- ▣ МЪСТНАЯ ДУХОВНАЯ СЕМИНАРІЯ
- ⊕ ЕПАРХИАЛЬНОЕ ЖЕНСКОЕ УЧИЛИЩЕ
- ⊕ ДУХОВНОЕ УЧИЛИЩЕ
- ⦿ МУЖСКОЙ } МОНАСТЫРИ И СКИТЫ
- ⦿ ЖЕНСКИЙ }
- ⦿ БРАТСТВО

границной Нямецкой лавръ („Киш. Е. В.“ 1880 г. № 19—22; 1857 г. № 11).

Кипріяновскій Успенскій въ с. Кипріянахъ, кишиневскаго у., въ 25 в. отъ Кишинева приписанъ съ 1698 г. — Зографскому Георгіевскому монастырю на Аювѣ („Киш. Е. В.“ 1883 г. № 16); получаетъ изъ доходовъ съ монастырскихъ имѣній 60.00 р.

Кондрицкій-Николаевскій мужской скитъ, въ кишиневскомъ у., отъ Кишинева въ 25 в., основанъ въ 1783 г. іеромонахомъ Іосифомъ на землѣ Кипріяновскаго монастыря, у рѣчки Каторга („Киш. Е. В.“ 1883 г. № 16).

Суручанскій Георгіевскій мужской скитъ, въ 15 в. отъ Кишинева, при рѣчкѣ Суричи, основанъ въ 1793 г. черногорскимъ іеромонахомъ Іосифомъ („Киш. Е. В.“ 1883 г. № 16).

Цыганецкій Успенскій мужской скитъ, въ 35 в. отъ Кишинева въ оргѣвскомъ у., близъ р. Иккла и с. Цагавештъ, построенъ въ 1741 г. молдавскимъ бояромъ Луппомъ Дѣбукою („Киш. Е. В.“ 1883 г. № 16).

Кромѣ того, *измаильскій епископальный домъ*, въ г. Измайлѣ, въ 250 в. отъ Кишинева, съ приписаннымъ къ нему *Ѳерапонтовскимъ скитомъ*.

Гинкульскій первоначально Параскевинскій женскій монастырь, въ 50 в. отъ Кишинева, въ кишиневскомъ у., основанъ въ 1678 г. молдавскимъ помѣщикомъ Михаиломъ Гинкуломъ по желанію дочери, въ вдовствѣ Параскевы; прежде былъ скитомъ, въ 1816 г. переименованъ въ монастырь („Киш. Е. В.“ 1900 г. № 10; 1883 г. № 16).

Женскіе скиты: *Варзарецкій Димитріевскій*, — имѣтъ школу для сиротъ духовнаго званія; расположенъ въ оргѣвскомъ у., въ 62 в. отъ Кишинева; основанъ монахомъ Варлаамомъ, но когда, — не извѣстно („Киш. Е. В.“ 1883 г. № 16).

Кошелевскій женскій скитъ имѣтъ приютъ для сиротъ духовнаго званія со школою, при р. Черной, на скалѣ, въ 110 в. отъ Кишинева, въ сороковомъ у., основанъ въ 1790 г. въ монахиню Митродорой („Киш. Е. В.“ 1883 г. № 16).

Речульскій женскій скитъ имѣтъ приютъ для сиротъ духовнаго званія со школою, въ 50 в. отъ Кишинева, въ оргѣв-

скомъ у., при рр. Икклѣ и Речулѣ, основанъ въ 1798 г. священниками с. Пашканъ Іоанномъ Харею и Леонтіемъ Варякомъ съ жителями Ив. Рошкомъ и Самсономъ и Конет. Стратонами („Киш. Е. В.“ 1883 г. № 16).

Таборскій женскій скитъ имѣтъ школу для сиротъ духовнаго званія, въ 35 в. отъ Кишинева, въ оргѣвскомъ у., при р. Ватичѣ, основанъ въ 1779 г. Даріемъ Карпомъ („Киш. Е. В.“ 1883 г. № 16).

Хировскій женскій скитъ имѣтъ приютъ для сиротъ духовнаго званія со школою, въ оргѣвскомъ у., въ 35 в. отъ Кишинева.

Кромѣ того, упоминается еще нѣтъ уже не существующій *Каратурскій Благовѣщенскій женскій скитъ*, въ 90 в. отъ Оргѣва, въ оргѣвскомъ у., при Двѣстрѣ, основанный, въ 1771 г. монахами Гудинломъ и Рафанломъ („Киш. Е. В.“ 1883 г. № 16).

С. Рункевичъ.

Кишиневскія Епархіальныя Вѣдомости стали выходить 1 іюля 1867 г., два раза въ мѣсяцъ, по цѣнѣ 6 р., обычными тетрадьми въ цвѣтной обложкѣ.

Первый № вышелъ подъ редакціей ректора семинаріи архимандрита *Варлаама* (Чернявскаго, впоследствии епископа минаскаго) и профессора семинаріи *М. Скворцова*. Съ 1 февраля 1906 г. выходятъ еженедѣльно. Первый годъ изданія былъ подписной, а не гражданскій, и закончился іюнемъ 1868 г., а съ 1 іюля 1868 г. нумерація пошла на новый годъ, съ № 1; но съ концомъ года этотъ неудобный порядокъ былъ измѣненъ и въ 1869 г. 1 января вышелъ № 1. Первое время журналъ печатался въ двухъ параллельныхъ текстахъ на русскомъ и молдавскомъ языкахъ. Статьи безъ перевода появлялись, какъ рѣдкое исключеніе, и при томъ только въ приложеніи. Въ 1869 г. статьи безъ перевода стали появляться и въ самомъ журналѣ, все въ болѣе и болѣе значительномъ количествѣ: переводились только статьи преимущественно назидательныя и общедоступныя, да продолженіе прежнихъ. Съ этимъ сталъ вѣскольکو мѣняться и характеръ печатаемаго матеріала: появились, видимо, кандидатскія диссертациі новыхъ преподавателей изъ студентовъ Академіи, или же,

быть можетъ, магистерскія прежнихъ; характеръ журнала дѣлался все болѣе книжнымъ, научнымъ. Статьи появлялись также историко-статистическіе матеріалы, миссіонерскія статьи. Съ 1872 г. переводы прекратились. Съ № 2 редакторомъ остался одинъ Скорцовъ.

Михаилъ Ивановичъ Скорцовъ, сынъ извѣстнаго профессора — протоіерея И. М. Скорцова; по окончаніи кіевской Академіи въ 1849 г. онъ служилъ въ Одессѣ инспекторомъ Дух. Училищъ и — съ 1853 г. — въ Елисаветградѣ ректоромъ Дух. Училища; въ 1866 г. перешелъ въ кишиневскую Семинарію преподавателемъ философскихъ предметовъ, а послѣ преобразованія Семинаріи въ 1870 г. занялъ должность помощника инспектора. Скончался 1 декабря 1871 г. Въ „Киш. Е. В.“ имъ напечатано (1867—1871 гг.) объясненіе воскресныхъ апостоловъ въ порядкѣ годичнаго круга („Киш. Е. В.“ 1871 г. № 23). Съ № 13 за 1870 г. сталъ подписываться вторымъ редакторомъ *П. Паховскій*, съ № 22 за 1871 г. сдѣлавшійся единоличнымъ. Съ № 2 за 1872 г. къ нему присоединился *М. Ганицкій*, оставшійся съ № 3 за 1875 г. также единоличнымъ.

Михаилъ Антоновичъ Ганицкій, сынъ священника кіевской епархіи, по окончаніи курса кіевской Дух. Академіи въ 1867 г. поступилъ на службу въ кишиневскую Семинарію, въ 1883 г. перешелъ въ законоучителя кишиневскихъ гимназій, а въ іюні 1885 г. назначенъ ректоромъ Семинаріи и возведенъ въ протоіерея; скончался 18 сентября 1886 г., („Киш. Е. В.“ 1886 г. № 19). Его самостоятельное редакторство продолжалось недолго. Уже съ № 5 за 1875 г. онъ вернулся на прежнее мѣсто второго редактора и оставался на немъ до конца 1880 г. Первымъ же редакторомъ сталъ священникъ

Хрисанъ Ивановичъ Бочковский; уроженецъ полтавской епархіи, сынъ причетника, онъ по окончаніи въ 1861 г. кіевской Академіи поступилъ преподавателемъ въ кишиневскую Семинарію, въ 1864 г. принявъ священство, въ 1887 г.; выслуживъ пенсію, оставилъ учебную службу, всецѣло посвятивъ себя епархіальной дѣятельности, съ 1893 г. былъ кафедральнымъ протоіереемъ, скончался 21 октября 1903 г.

(„Киш. Е. В.“ 1903 г. № 22). При немъ вторымъ редакторомъ, послѣ Ганицкаго, былъ: *Л. Шпановскій* въ 1881 г. № 1—14, *П. Чудецкій*, съ № 17 за 1881 г. по № 8 за 1883 г. и *М. Енури* съ № 11 за 1883 г. по № 10 за 1885 г.

Макарій Ивановичъ Енури, сынъ псаломщика кишиневской епархіи, по окончаніи курса кіевской Академіи въ 1873 г. назначенъ преподавателемъ кишиневской Семинаріи, въ 1885 г. назначенъ смотрителемъ кишиневского дух. училища, скончался въ ночь съ 22 на 23 октября 1901 г. („Киш. Е. В.“ 1903 г. № 23). Съ № 18 1887 г. протоіерея Бочковского замѣнилъ преподаватель семинаріи

Авксентій Георгиевичъ Стадниückій; сынъ священника кишиневской епархіи, по окончаніи семинарскаго курса въ 1880 г. онъ былъ годъ учителемъ единецкаго духовнаго училища, въ 1881 г. поступилъ въ кіевскую Академію и по окончаніи академическаго курса въ 1885 г. назначенъ былъ преподавателемъ въ кишиневскую Семинарію. Въ 1895 г. за сочиненіе: „Гавриилъ Вавулевски-Бодони, езархъ молдовахійскій (1808—1812 гг.) и митрополитъ кишиневскій (1813—1821), Кишиневъ 1894“, удостоенъ степени магистра богословія. Затѣмъ онъ рѣшилъ принять монашество и былъ назначенъ инспекторомъ новгородской духовной Семинаріи; постриженъ въ Петербургѣ 30 декабря 1895 г. съ именемъ Арсеній. Послѣ этого былъ ректоромъ новгород. Семинаріи, инспекторомъ и ректоромъ московской Духовной Академіи, 28 февраля 1899 г. хиротонисанъ во епископа волоколамскаго, оставаясь ректоромъ Академіи; 5 декабря 1903 г. назначенъ на псковскую кафедру, въ 1904 г. получалъ въ кіевской Академіи степень доктора церковной исторіи за „Исслѣдованія и монографія по исторіи молдавской церкви“ (Спб. 1904), удостоенныя въ 1906 г. Академіею Наукъ Уваровской преміи. Въ концѣ 1905 г. назначенъ былъ предсѣдателемъ Учебнаго Комитета при Св. Синодѣ, съ оставленіемъ на псковской кафедрѣ, съ 20 февраля 1907 г. оставилъ должность въ Комитетѣ по случаю избранія членомъ Государственнаго Совета, при чемъ возведенъ въ архіепископа (о немъ см. „Киш. Еп. Вѣд.“ 1896 г. № 2; 1899 г. № 7; 1904 г. № 23 и 24). [Въ 1906 г. былъ членомъ Предсоборнаго Присутствія и

состоялъ въ немъ предѣтелемъ V-го Отдѣла—о реформѣ духовно-учебныхъ заведеній]. Съ его редакторства „Кишиневскій Епарх. Вѣдомости“ получили болѣе жизненный характеръ; появилось много статей назидательнаго содержанія, стали разрабатываться практическіе вопросы епархіальной жизни—о расколѣ, сектанствѣ, бібліотекахъ, церковной школѣ, содержаніи духовенства, церковно-свѣтной операціи и т. п. Самъ редакторъ напечаталъ въ „Киш. Еп. Вѣд.“ за время своего редакторства множество статей. Важнѣйшія: о церковномъ чтеніи (1887 г.), о постѣ по ученію св. Василія в. (1887 г.), побѣдка въ Новонямецкій мн-рь (1887 г.), дѣятельность перваго всероссійскаго миссіонерскаго противураскольническаго съѣзда въ Москвѣ въ 1887 году (1887 г.), Іосифъ Рабиновичъ, какъ представитель новаго сврейскаго толка (1887 г.), мѣры къ развитію просвѣщенія въ Бессарабіи по присоединеніи ея къ Россіи въ 1812 году (1888 г.), попытка открытія перваго женскаго училища въ Бессарабіи (1888 г.), краткій очеркъ исторіи происхожденія и образованія пѣснопѣнія православной церкви съ его богослужебной и музыкальной стороны, I—IX вв. (1888 г.), о заслугахъ св. Владимира для просвѣщенія Россіи (1888 г.), записка И. С. Аксакова о бессарабскихъ раскольникахъ (1888 г.), характеръ церковнаго чтенія, пѣнія и исполненія церковныхъ пѣснопѣній въ древней христіанской церкви (1888 г.), обычай двумерности въ древней Руси (1888 г.), матеріалы для исторіи кишиневской Семинаріи (1888, 1890 и 1892 г.г.), состояніе раскола и сектанства въ Бессарабіи (1888—1891 г.г.), о священныхъ одеждахъ священнослужителей (1889 г.), происхожденіе обычаевъ гаданія накануне св. Андрея (1889 г.), семидесятилѣтіе кишиневской Семинаріи (1889 г.), о дѣятельности митрополита Гавріила по управленію молдавскійскимъ экзархатомъ, 1808—1812 г.г. (1889 г.), по вопросу о почитаніи дней воскресныхъ и праздничныхъ въ Бессарабіи,—матеріалы для біографіи митрополита Гавріила (1889 г.), объ иконѣ Божіей Матери, именуемой Троеручицею (1890 г.), о христіанскомъ мнрѣ (1890 г.), объ отношеніи между вѣрою и знаніемъ (1890 г.), Амфилохій, епископъ хотинскій (1890 г.), разборъ книги „Исторія

молдавской и сочавской митрополіи и митрополійчѣй каведры въ Яссахъ, Константина Ербячяну“ (1890 г.), страданія св. великомученика Іоанна Новаго, глаголемаго сочавскаго, мученнаго въ Вѣлградѣ (Аккерманѣ), съ историческими примѣчаніями (1891 г.), воззваніе митрополита Гавріила, пернаго архипастыря Бессарабіи, къ духовенству явѣренной ему паствы (1891 г.), бессарабская старина: о причинахъ нежеланія жителей бессарабской области строить церкви (1891 г.), дѣятельность втораго миссіонерскаго противураскольническаго съѣзда въ Москвѣ въ 1891 году (1891 г.), архимандритъ Анонимъ, игуменъ кыпріановскаго монастыря (1892 г.), бессарабская экзархическая типографія при кишиневскомъ архіерейскомъ домѣ (1892 г.), матеріалы для исторіи кишиневскаго архіерейскаго дома (1892 г.), матеріалы для исторіи инославныхъ исповѣданій въ Бессарабіи (1892 г.), разборъ изданной П. Н. Ватюшковымъ книги „Бессарабія“, историческое описаніе, Спб. 1892 (1892 г.), пятидесятилѣтіе памяти преподобнаго Сергія Радонежскаго (1892 г.), учрежденіе викаріатства для Бессарабіи (1893 г.), воззваніе Амфилохія, епископа хотинскаго, къ архимандриту Кіево-Печерской лавры Зосимѣ (1893 г.), пропавшо-лимайска епархія (1893 г.), пастырское наставленіе Гавріила, митрополита кишиневскаго и хотинскаго, соборіанамъ о достоинствѣ исполненія ими своихъ обязанностей (1893 г.), историческій очеркъ благороднаго пансіона, учрежденнаго при кишиневской Семинаріи въ 1814 году (1895 г.), объ образованіи характера, какъ цѣли воспитанія (1900 г.). Кромѣ того, напечатано въ „Вѣдомостяхъ“ немало мелкихъ статей, касающихся преимущественно румынорусскихъ отношеній. Отгѣльными изданіями—кромѣ упомянутыхъ уже диссертаций магистерской и докторской,—вышли слѣдующіе труды преосвященнаго Арсеція: 1) Дневникъ студента-паломника на Афонъ, Кіевъ 1886; 2) Положеніе православнаго духовенства въ Румыніи, Кишиневъ 1889; 3) Румыны, получившіе образованіе въ русскихъ духовно-учебныхъ заведеніяхъ, Кишиневъ 1891; 4) Журналъ секундъ-маіора фонъ-Раана о войнѣ при завоеваніи Молдавіи и Валахіи въ 1787—1790 г.г., съ историческими и топографическими примѣчаніями, Кишиневъ

1892; 5) Архимандритъ Андроникъ, игуменъ Новономечкаго монастыря въ Вессарабіи, Кишиневъ 1895; 6) Изъ современной церковной жизни въ Румыніи, Сергіевъ Посадъ 1891; 7) Въ странѣ священныхъ воспоминаній,—описание путешествія во Св. Землю, совершеннаго лѣтомъ 1900 г. со студентами московской Духовной Академіи и нѣкоторыми профессорами, Москва, 1902. Слова и рѣчи печатались въ „Кишиневскихъ Еп. Вѣдомостяхъ“, „Новгородскихъ Еп. Вѣд.“, „Московскихъ Церковныхъ Вѣдомостяхъ“, „Богословскомъ Вѣстникѣ“, „Церковныхъ Вѣдомостяхъ“ и „Псковскихъ Епарх. Вѣдомостяхъ“.

Съ № 1-го 1896 г. редакторомъ сталъ ректоръ Семинаріи, протоіерей *Александръ Васильевичъ Яновскій*; сынъ священника волынской епархіи, по окончаніи курса петербургской Дух. Академіи въ 1873 г. былъ преподавателемъ таврической Семинаріи, съ 1874 г.—по избранію духовенства—смотрителемъ кременецкаго Дух. Училища, съ 1883 г. инспекторомъ подольской Дух. Семинаріи, съ 1886 г.—ректоромъ кишиневской Семинаріи, 26 октября 1905 г. уволенъ по прошенію отъ духовно-учебной службы и 31 октября опредѣленъ настоятелемъ Покровской церкви въ г. Одессѣ; оставилъ въ Кишиневѣ самыя добрыя о себѣ воспоминанія („Киш. Еп. Вѣд.“ 1905 г. № 23). Съ № 23 за 1905 г. редакторомъ сталъ преподаватель семинаріи *Лосифъ Пархомовичъ*.

За 40 лѣтъ „Киш. Е. В.“, кромѣ сообщеній и замѣтокъ изъ текущей дѣятельности, дали значительное количество статей по многимъ отраслямъ богословскихъ знаній.

По *Священному Писанію*: Еклезіастъ Соломона (1868—1869 гг.), 53 гл. пр. Исая (1898 г. №№ 16—17), Книга Іова (1888 г. съ № 16 въ приложеніи), Книга Притчей Соломоновыхъ (1869 г. съ № 12), Псалмы 15, 39, 44, 67, 71, 88, 94, 108, 109 (1880—1882 гг.), Пѣсья Пѣсней (1870 г. съ № 16), Евангеліе отъ Матвея (1868—1871 гг.), объясненіе Агостала по церковному кругу (1867—1871 гг.), Посланіе Ап. Павла къ галатамъ (1869 г.), богословскія замѣтки, содержащія толкованія отдѣльных мѣстъ и выраженій (1886 г. съ № 17).

Отрывки изъ *святоотеческихъ* твореній: изъ Августина (1897, 1899 гг.), Ефрема Сирина (1898, 1900 гг.), Іоанна Златоуста (1897—1899 гг.), Тихона Задонскаго (1897, 1900 гг.).

Изъ *евангельской исторіи*: о состояніи чловѣческаго рода предъ пришествіемъ Спасителя (1870 г.), Іисусъ Христосъ—переводъ соч. Прессанса (1868—1870 гг.), изображеніе Іисуса Христа (1908 г. № 31—32). Отъ Геесіамані до Голговы (1884 г. съ № 5).

Изъ *церковной исторіи*: Іаковъ, братъ Господень (1898 г. №№ 20—21), Іустинъ философъ и его апологія (1870—1871 гг.), соч. Иринея лѣонскаго противъ ересей (1870 г. съ № 8), праздники въ первые три вѣка (1884 г. съ № 7), Пятидесятница (1887 г. №№ 17—19), вѣтшій видъ Іисуса Христа и нѣкоторыхъ святыхъ (1869 г. №№ 8—10), преп. Анна Кашицкая (1909 г. №№ 23. 24. 27), св. муч. Христѣфоръ и его изображенія (1908 г. №№ 37. 38, въ прил.), преп. Нилъ сорскій (1908 г. №№ 20. 21. 27—30), краткій историческій очеркъ развитія церковнаго пѣнія (1908 г. №№ 15—16. 22—23. 31—32 въ прил.), очеркъ исторіи пѣнія (1888 г. №№ 21—22), духовное образованіе въ Россіи (1880—1881 гг.), австрійское священство (1884 г. съ № 13), протопопъ Аввакумъ (1869 г. съ № 19), Амвросій бѣлокриницкій (1884 г. съ № 13), Анатолій Мартыновскій (1899—1903 гг.), архим. новонамечскій Андроникъ (1894 г. №№ 17—21, 23; 1895 г. № 5), Екатерина II (1897 г. №№ 3—7), Иннокентій Борисовъ (1900 г. № 24; 1901 г. №№ 1—2), Иннокентій Веляминовъ (1898 г. №№ 8—9), о. Іоаннъ кройшадтскій (1909 г. №№ 1. 2. 8), м. молдавскій Іосифъ II (1902 г.), м. Іосифъ Сѣзашко (1868 г. №№ 11—12 въ прилож.), Станиславъ Ожеховскій (1870 г. съ № 11), Памсіи Величковскій (1883 г. №№ 4, 8; 1898 г. №№ 18—24), Серафимъ саровскій (1902—1903 гг.), Софроній, патр. іерус. (1868—1869 гг.).

По *богословію*: сборники догматическихъ отрывковъ (1867—1871 гг.), о бракахъ (1875 г. №№ 12—16), объ антихристѣ (1896 г. №№ 13—16), обязанности къ другимъ (1869 г.), семейная нравственность христіанъ (1886 г. съ № 14), о любви къ Богу (1868 г. №№ 5—10), обязанности въ отношеніи къ вѣтшему благополучію

(1869 г. съ № 11), христiанское отношенiе къ женщiнѣ (1908—1909 г. г.), исповѣдь (1909 г. №№ 11. 17; 1907 г. № 10. 12).

По *проповѣдничеству*: Иоаннъ Златоустъ, какъ проповѣдникъ (1867—1868 гг.), уроки проповѣдничества въ исторiи евангелiеской и апостольской (1888 г. №№ 1—12), учительство мiрянъ (1893 г. №№ 17—19), катихизическiя поученiя (1886 г. въ прилож.).

По предметамъ *воспитанiя и обученiя*: о нравственномъ воспитанiи дѣтей по Иоанну Златоусту (1868 г. съ № 21), сельскiй священникъ и народная школа (1876 г. съ № 10), законоучитель въ церкви и его ученики (1876 г. №№ 9—11), обученiе закону Божию въ народной школѣ (1882 г. № 24; 1883 г. съ № 1), родной языкъ (1879—1880 гг.).

Изъ *церковной практики*: отвѣты на недоумѣнные вопросы (1892—1894 гг.). церковно-свѣтной вопросъ въ Россiи (1895 г. №№ 1—5).

Изъ *миссiонерской области*: обличенiе древнерусскихъ суевѣрiй (1878 г. съ № 8), мѣстныхъ суевѣрiй (1873 г.), о мѣрахъ противъ развитiя сектантства (1894 г.), исторiя русскихъ рационалистическихъ сектъ (1894 и 1895 гг.), бесѣды и материалы о старообрядчествѣ (1897, 1898, 1900 гг.).

Путешествiя: Авонъ (1886 г. съ № 16), афонскiй русскiй Пантелеймоновскiй монастырь (1868—1870 гг. историч. акты).

Наибольшее мѣсто занимаетъ, во всякомъ случаѣ, *лиственная исторiя*. Не повторяя цитатъ, упомянутыхъ въ очеркѣ исторiи епархiи, слѣдуетъ указать, какъ болѣе значительныя, статьи: о происхожденiи молдаванъ (1898 г. №№ 11—15), изъ исторiи румынъ (1884, 1885 гг.), православное духовенство въ Румынiи (1889 г. №№ 18—21), румыны, получившiе образованiе въ русскихъ духовно-учебныхъ заведенiяхъ (1891 г. №№ 9—12), молдовлахiйскiе господа и ихъ историческое значенiе (1884—1885 гг.), бессарабская старина (1891 1897 гг.), бывшее Бессарабiи (1903 г. №№ 10—20), материалы по исторiи Бессарабiи (1879 г. съ № 2, 1892 г. №№ 4, 12), историческiй очеркъ благороднаго павсiона при кишиневской Семинарiи (1895 г. №№ 19—24), журналъ секундъ-маiора Раана. при завоеванiи Молдави и Валахи

(1892 г. №№ 1—12 въ прилож.), хотинская епархiя (1890 г. № 21), молдовлахiйскiй экзархатъ (1884 г. № 12, 1893 г. № 6), проилаво-изманильская епархiя (1893 г. № 20), молдавское книгопечатанiе (1907 г. №№ 2—5), бессарабскiя богослужебныя книги на румынскомъ яз. (1908 г. №№ 29—32. 39), молдавскiй языкъ и молдавское церковное пѣнiе (1907 г. № 27—28; 1908 г. № 46; 1909 г. № 17), молдавскiй журналъ Люмиль-торюль (1908 г. №№ 3. 8. 15. 20), народные обычаи въ Бессарабiи (1870 г.), католическая пропозганда въ Буковинѣ (1887 г. №№ 13—15), викарии кишиневской епархiи (1908 г. №№ 39—52), с. Каперченъ (1870 г. съ № 5), пмѣвiя въ Бессарабiи, принадлежащiя заграничнымъ монастырямъ (1890 г. №№ 4—7), монастыри въ Бессарабiи, упраздненныя (1898 г. въ №№ 16—17), гиржавскiй (1875 г. №№ 5—7), изманильскiе (1898 г. № 24), курковскiй (1896 г. съ № 7), нововицкiй (1880 г. №№ 19—22), шабскiй (1871 г. № 7, 1872 г. №№ 13—22, 1876 г. № 18), чудотворныя иконы—гербоведкая (1893 г. №№ 9—10; 1896 г. № 21, 1908 г. № 38), нямецкая (1896 г. № 4), изъ исторiи молдавскаго книгопечатанiя въ Бессарабiи (1907 г. №№ 3 и слѣд.); о мѣстоположенiи древняго Орхеля (1907 г. №№ 9—11), древнѣйшiя церкви бессарабской губернiи (1907 г. №№ 43—45. 50; 1909 г. №№ 9. 10. 13. 18. 19. 22. 23), дѣтiищскiя церкви с. Ходжп-Курды (1908 г. №№ 19. 29—30), П. А. Крушевскiй (1909 г. №№ 24. 28). Духовныя *стихотворенiя* печатались въ 1893, 1894 и 1908 гг. въ особомъ изобилiи. Въ 1892 г. напечатанъ очеркъ 20-лѣтiя „Вѣдомостей“ (№№ 18, 20, 22—24). Заслуживаютъ также вниманiя статьи: главнѣйшiя проблемы этики въ философскомъ освѣщенiи (1908 г. №№ 19—23), типы духовенства въ современной беллетристикѣ (1907—1908 г. г.), объ „Гулѣ“ Андреева (1908 г. №№ 15—17), воспоминанiя изъ семинарской жизни (1908 г. №№ 5. 7. 13. 27—30. 51—52), о псаломчическiхъ курсахъ (1908 г. №№ 22—23. 36. 37), по социализму и рабочему вопросу (1907 г.). Въ послѣднее время въ приложенiи къ „Вѣдомостямъ“ издаются назидательныя листки христiорожественскаго братства съ переводомъ на молдаванскiй языкъ.

Съ № 5 за 1906 г. „Киш. Е. В.“ претворились, согласно постановленію съѣзда духовенства, въ еженедѣльное изданіе (1906 г. далъ 48 №№) и стали отдавать свои страницы преимущественно духовно-публицистическому матеріалу, столь вообще оживившемуся въ ожиданіи Собора. Умѣлое веденіе хозяйственной части даетъ возможность редакціи, при 975 подписчикахъ, покрывать расходъ по изданію объемистыхъ тетрадокъ епархіального органа и выдавать гонораръ сотрудникамъ, разсчитываемый по пяти разрядамъ, отъ 6 р. 24 к. до 31 р. 20 к. за листъ („Киш. Е. В.“ 1908 г. № 9).

С. Рункевичъ.

Кишій — левитъ изъ племени Мерари. Онъ упоминаетъ въ Вавилѣ, какъ отецъ Еванна, одного изъ пѣвцовъ, служившихъ при скинии со временъ Давида до построенія Соломонова храма. При отправленіи своего служенія пѣвцы размѣщались въ извѣстномъ порядкѣ, слѣдуя опредѣленному уставу. Еванна сынъ Кишія, становился по лѣвую сторону главнаго пѣвца Еманна (1 Пар. 6, 31, 32, 44).

Прот. Н. Е.

Кишіонъ — городъ въ колѣнѣ Иссахаровомъ, данный левитамъ (1. Нав. 19, 20, 21, 28). Очень можетъ быть, что *Кишіонъ* находился при потокѣ *Киссонъ*, протекавшемъ въ своей верхней части по удѣлу Иссахарову, и далъ этому потоку свое имя. Въ 1 Пар. 6, 72 вмѣсто *Кишіонъ* неправильно поставлено *Кидеъ* (См. „Кидеъ 3“ въ „Энци“ IX, 361).

Прот. Н. Елеонскій.

Киевскій роспѣвъ сохранился въ рукописяхъ и печатныхъ нотныхъ книгахъ юго-западнаго происхожденія XVII и XVIII вв. По характеру своихъ напѣвовъ киевскій роспѣвъ представляетъ собою въ значительной части не самостоятельный роспѣвъ, а лишь особую редакцію великорусскаго знаменнаго роспѣва, при томъ — скорѣе малаго, чѣмъ большого знаменнаго. Киевскій роспѣвъ вошелъ цѣликомъ въ такъ наз. южнорусскіе прологіоны. Въ великой Россіи появился лишь въ XVII в., когда въ Москву переселились пѣвцы изъ Кіева, и когда

такъ наз. „Киевское знамя“ (см. ниже), т.-е. нотнo-линейная система, вошла въ употребленіе на Руси. Самое названіе было присвоено только въ великой Россіи. При своемъ появленіи здѣсь киевскій роспѣвъ былъ пѣніемъ одногласнымъ. Въ такомъ видѣ вошелъ въ нотныя печатныя книги 1772 г. Специальное изслѣдованіе о киевскомъ роспѣвѣ принадлежитъ протоіерею *І. Вознесенскому*.

А. Преображенскій.

Киевское знамя. Такъ назывались нѣкогда линейныя церковныя ноты, появившіяся первоначально въ Кіевѣ и подъ именемъ „киевского знамени“ перешедшія въ Великороссію и замѣнившія собою прежніе крюки или безлинейныя нотныя знаки. Эта замѣна нотныхъ знаковъ крюковыхъ линейными произошла въ періодъ общихъ преобразованій русскаго церковнаго пѣнія въ половинѣ XVII в., когда русская церковь, ставши въ близкія отношенія съ православными греко-славянскими церквами, вмѣстѣ съ напѣвами послѣднихъ, приняла отъ нихъ и новую линейную систему музыкальныхъ знаковъ. Линейная система нотациі во 2-й половинѣ XVI в. уже была извѣстна славянскимъ землямъ, какъ доказываетъ псалтырь Іоанна Гуса, напечатанная линейными нотами. Въ концѣ того же вѣка познакомились съ линейными нотами и южно-русскія церкви. Въ первой половинѣ XVII в. обученіе церковному пѣнію въ школахъ православныхъ юго-западныхъ братствъ совершалось уже систематически по учебникамъ написаннымъ киевскимъ, т.-е. линейнымъ знаменемъ, которое тогда хорошо было извѣстно всей южной Руси — малой, бѣлой и черной. Въ великой Россіи „киевское знамя“ стало извѣстно около половины XVII в. Чрезъ южно-русскихъ выходцевъ, принесшихъ съ собою и напѣвы и нотныя книги и утвердилось въ ней покровительствомъ патр. Никона и царя Алексѣя Михайловича, особенно же въ началѣ XVIII в. покровительствомъ имп. Петра I. Перемѣна нотациі произошла не вдругъ и не безъ борьбы между защитниками и противниками той и другой системы. И доселѣ сужденіе о сравнительномъ достоинствѣ этихъ системъ нотациі различно (см. стат. Ст.

В. Смоленскаго въ журналѣ „Прав. Собесѣдникъ“ за 1887 г., стр. 242—243), а равно понятѣ крюковая нотациа не вышла изъ употребленія у приверженцевъ старины. Причиною перемѣны системы нотописанія въ самой южной Россіи было не столько вѣтшнее вліяніе, сколько, главнымъ образомъ, удобство линейной нотописки для школьнаго обученія. Линейныя ноты, представляя для обучающихся раздѣльнѣе и нагляднѣе, чѣмъ крюковыя, двѣ стихіи пѣвія—высоту и продолжительность звуковъ, а съ другой стороны—имѣя гораздо меньшее количество знаковъ, содѣйствовали скорѣйшему нотному обученію въ школахъ и болѣе быстрому усвоенію и воспроизведенію мелодій. Причиною перехода отъ безлинейныхъ нотъ къ линейнымъ въ Москвѣ, а затѣмъ и въ великой Россіи, по замѣчанію прот. Д. В. Разумовскаго, послужили: 1) примѣръ южно-русскаго пѣвцовъ, явившихся въ Москвѣ съ линейною системою; 2) совершенство самой линейной системы въ педагогическомъ отношеніи; 3) господство ея въ хорѣ государевыхъ пѣвчихъ дьяковъ и подъяковъ; 4) покровительство линейной нотописки патр. Никона и царя Алексѣя Михайловича и наконецъ, личный примѣръ Петра I и другихъ особъ царствующаго дома. Что касается теперь вопроса о томъ, откуда заимствовала южно-русская церковь линейную нотную систему, то на этотъ вопросъ историки не даютъ точнаго отвѣта: одни говорятъ, что она пришла изъ западной Европы, хотя изображеніе нотъ ея совсѣмъ непохоже на изображеніе нотъ западно-европейскихъ; другіе говорятъ, что она есть чисто русское изобрѣтеніе. Но вѣроятнѣе полагать, что линейная система перешла въ южную Россію и собственно въ Кіевъ, какъ центръ музыкальной образованности того времени, еще ранѣе въ XVI в., въ не вполне усовершенствованномъ видѣ изъ западной Европы, когда тамъ развилась такъ называемая мензуральная (mensuralis-измѣрительная) теорія въ видѣ точнаго измѣренія и обозначенія длины и времени звука *) и продолжая здѣсь разрабатываться, выдѣлилась уже какъ самостоятельный продуктъ русской изобрѣ-

тельности. Въ настоящее время ливейныя церковныя ноты, по формѣ своего начертанія, въ отлчіе отъ нотъ итальянскихъ—круглыхъ, называются квадратными и употребляются исключительно въ церковно-богослужебныхъ нотныхъ книгахъ синодскаго изданія.

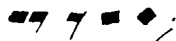
Н. Вознесенскій, Кіевскій роспѣвъ. Прот. Д. В. Разумовскій: Церковное пѣніе въ Россіи; Теорія и практика церковнаго пѣнія. Музыкальный словарь Римана въ переводѣ Юренсона.

Протоіерей А. Митропольскій.

Кіевъ былъ матерію городовъ русскіхъ и купелію крещенія русскаго народа.

Поселеніе на мѣстѣ нынѣшняго Кіева относится къ числу самыхъ древнихъ поселеній. Оно находилось въ странѣ скивовъ, къ числу которыхъ относилось и племя роксолановъ, принимавшее участіе въ войнахъ Митридата Понтійскаго и бывшее союзникомъ даковъ въ войнѣ ихъ съ Траяномъ. Яснѣе выступаютъ русскіе славяне со своими опредѣленными названіями въ слѣдовавшій за скивскимъ періодъ владычества готовъ, народа германскаго происхожденія, который, двинувшись въ концѣ II вѣка по р. Хр. изъ Скандинавіи, въ III и IV вв. владѣлъ всѣмъ югомъ нынѣшней Россіи. Историкъ готовъ Іорнандъ, писатель VI в., въ числѣ подчиненныхъ готамъ народовъ упоминаетъ венетовъ, дѣлвшихся на антовъ и скловеновъ (славянъ), и рокосовъ или роксолановъ, изъ коихъ послѣдніе у византійскихъ писателей носятъ названіе россовъ, соотвѣствующихъ лѣтописнымъ полянамъ. Во времена господства готовъ въ Подпирровѣ встрѣчается названіе готскаго города Данпарштадта, т. е. днѣпровскаго города, подъ которымъ ученые разумѣютъ Кіевъ.

близительно размѣрами нотной головки:

обращенный внизъ хвостикъ долженъ былъ наглядно обозначать отягченіе, удлинненіе ноты; наоборотъ, обращенный вверхъ хвостикъ служилъ какъ бы нагляднымъ показателемъ ихъ болшей подвижности. Въ XIV в. введены были въ употребленіе бѣлыя нотныя головки, извѣстныя теперь у насъ подъ именемъ итальянскихъ нотъ круглыхъ или овальныхъ.

*) Старинное мензуральное нотное писмо выражало длительность тона при-

Въ концѣ IV в. готское царство было разрушено гуннами, которые провластвовали въ Подѣпровьи до 468 года. Ихъ смѣнили хазары, которые подчинили себѣ славянскія племена, обитавшія въ южной Руси, и содѣйствовали торговымъ сношеніямъ кievской Руси съ востокомъ. Но въ IX и X вв. подѣпровская Русь имѣла уже собственныхъ князей, и ея главный городъ назывался уже Кіевомъ. По словамъ арабскаго писателя Ибнъ-Хаукала, „царь (одного племени Русовъ) живевъ въ городѣ, называемомъ Куяба, который больше Волгара“. Другой арабскій писатель аль-Масуди упоминаетъ даже имя русскаго царя Дира, рядомъ съ которымъ наша начальная лѣтопись славить имя другого кievскаго князя Аскольда, даващаго имя кievскому урочищу „Аскольдова Могила“.

Около 882 г., по сказанію нашей лѣтописи, явился въ Кіевъ наслѣдникъ новгородско-норманскаго князя Рюрика Олегъ и Игорь п, убивъ Аскольда и Дира, завладѣвъ Кіевомъ. Тѣла Аскольда и Дира погребены въ Кіевѣ: Аскольда на горѣ, гдѣ нынѣ урочище „Аскольдова Могила“, а Дира — „за святою Ориною“, т. е. за Чудинымъ монастыремъ, который впоследствии основанъ былъ Ярославомъ I недалеко отъ чытѣшняго Кіево-Софійскаго собора, на юго-западѣ отъ него. Овладевъ Кіевомъ, Олегъ сказалъ своей дружинѣ: „се буди мати градомъ русскимъ“, т. е. сдѣлалъ его столицею своего русскаго государства. Вскорѣ онъ покорялъ своей власти сосѣднія славяно-русскія племена и, собравъ большое ополченіе изъ подчиненныхъ и союзныхъ ему разныхъ племенъ, на 2000 ладьяхъ предпринялъ морской походъ на Царьградъ. Подъ стѣнами его онъ заключилъ договоръ съ греческими царями Львомъ и Александромъ, которые обязывались давать дань какъ столицѣ Олега Кіеву, такъ и подвластнымъ ему городамъ. По народному преданію, сходному со скандинавскими сагами, Олегъ умеръ, согласно предсказанію жрецовъ, отъ яда змѣи, выползшей изъ черепа любимаго имъ коня. Онъ умеръ около 912 г. и погребенъ на Щекавицѣ: „есть же могила его до сего дне, — говоритъ лѣтописецъ, — слово же могила Олега“.

По смерти Олега, Кіевъ со всѣми подвластными ему землями перешелъ къ Игорю Рюриковичу, который продолжалъ объедине-

предпринималъ два похода на Царьградъ, въ 941 и 944 годахъ, заключивъ въ 945 г. договоръ съ греками. Въ этомъ договорѣ есть указаніе и на крещеную Русь. Въ числѣ пословъ Игоря, отправленныхъ имъ въ Царьградъ для заключенія договора, были и христіане, которые въ соборной цареградской церкви клялись своею кievскою церковію пророка Іліи, а также крестомъ и грамотою. Въ слѣдъ затѣмъ, для обмѣна договора, пришли въ Кіевъ, вмѣстѣ съ русскими, и греческіе послы. На слѣдующій день Игорь призвалъ греческихъ пословъ, и „приде на хонмъ, гдѣ стояше Перуть, покладоша оружье свое, и щиты, и золото, и ходи Игорь ротѣ, и люди его, елико поганныхъ Русі; а хрестеяую Русь водиаша ротѣ въ церкви св. Іліи, яже есть надъ ручаемъ конецъ Пасынчѣ бесѣды и Козарѣ, се бо бѣ соборная церкви; мнози бо бѣша варязи хрестеяни“. Въ числѣ русскихъ пословъ Игоря упоминается и посолъ Боричъ, по всей вѣроятности давшій названіе Боричеву взвозу въ Кіевѣ. Въ 945 г. князь Игорь злѣрски убитъ былъ древлянами, къ которымъ онъ отправился для сбора дани и производства суда и расправы между жителями.

Послѣ Игоря владѣтелями Кіева и всей русской земли остались вдова его Ольга и малолѣтній сынъ Святославъ. Первымъ дѣломъ Ольги было, по обычаямъ того времени, отомстить древлянамъ за смерть Игоря. Прежде чѣмъ разгромить древлянъ въ ихъ гнѣздѣ, она предварительно два раза истребляла древлянскихъ пословъ въ Кіевѣ, однажды въ бавѣ, а другой разъ въ ямѣ, причемъ лѣтописецъ, рассказывая объ этой мести, указываетъ нѣкоторыя подробности положенія и устройства Кіева. Верхній Кіевъ въ это время былъ обведенъ крѣпостію, — и Ольга имѣла здѣсь два терема или дворца, одинъ въ городѣ, т. е. въ крѣпости, а другой каменный въ града, за св. Богородицею (т. е. Десятиннымъ храмомъ св. Владиміра), надъ горою, съ которой былъ видѣнъ Боричевъ взвозъ. Слѣдовательно, этотъ взвозъ лежалъ приблизительно тамъ, гдѣ нынѣ проходятъ улицы „Андреевскій спускъ“ и „Черная грязь“. Въ виду Боричева взвоза, между Подоломъ и Днѣпромъ и параллельно съ послѣднимъ, протекала р. Почайна, которая служила пристанью для судовъ, при-

ходящихъ по Дятбру къ Кіеву, чѣмъ-то въ родѣ константинопольскаго Золотаго Рога, съ которымъ въ послѣдствіи сравнивала ее сама Ольга.

Но, справивъ кровавую тризну по своему мужу, Ольга вскорѣ приняла христіанство, совершила поѣздку въ Константинополь со своимъ священникомъ Григоріемъ и съ почетомъ принята была византійскимъ императоромъ. По возвращеніи въ Кіевъ, она построила при своемъ теремѣ, около нынѣшней Десятинной церкви, деревянный Софійскій храмъ, сгорѣвшій въ 1017 году. По свидѣтельству лѣтописи, св. Ольга положила первые зачатки гражданскаго устройства въ своемъ государствѣ, именно: регулировала взиманіе дани и оброковъ и княжеское право охоты (перевѣсша и ловища) и установила погосты.

Сынъ и преемникъ св. Ольги Святославъ не былъ крещенъ. Онъ былъ нрава суроваго и воинственнаго и мечталъ только о битвахъ и завоеваніяхъ. Усмнивъ древлянъ, покоривъ вятичей и побѣдивъ хазаръ, кочевъ и ясовъ, Святославъ предпринялъ войну съ Болгаріею и, вытѣсненный оттуда византійскимъ императоромъ Іоанномъ Цимисхіемъ, погибъ на возвратномъ пути въ Кіевъ въ битвѣ съ подстерегавшими его печенѣгами.

Послѣ смерти Святослава, часть покоренныхъ Русью племенъ отложились отъ нея, а нѣкоторые сосѣди стали грабить Русь или увеличивать насчетъ ея свои собственные предѣлы. Но младшій сынъ Святослава Владиміръ, по смерти старшаго брата своего Ярополка, объединилъ всѣ русскія земли подъ своею властью, усмиривъ отложившихся радимичей и вятичей, отражалъ набѣги печенѣговъ и ятвяговъ, воевалъ съ подкарпатскими славянами или бѣлыми хорватами, съ поляками и камскими болгарами, а въ заключеніе рѣшился вступить въ борьбу съ Византіею, чтобы возстановить славу русскаго оружія и добиться отъ грековъ почетнаго мира. Для этого онъ предпринялъ походъ на греческія владѣнія въ Тавриду или нынѣшнемъ Крыму и въ частности на Херсонесъ или Корсуанъ, близъ нынѣшняго Севастополя. Эта война получила великое значеніе въ нашей исторіи: она сопровождалась крещеніемъ Владиміра и окончательнымъ водвореніемъ православной вѣры на Руси.

До принятія христіанства князь Владиміръ отличался свойственною язычникамъ жестокостію и особливую ревностію къ идолопоклонству. Онъ пытался поддержать упадавшее славяно-русское язычество, воздвигая идольскіе встуканы и приносилъ имъ обильныя жертвы, даже человѣческія: „пача княжити Володимѣръ въ Кіевѣ единъ, — говоритъ лѣтопись, — и постави кумиры на холму въѣ двора теремнаго: Перуна деревянна, а главу его серебрянну, а усь златъ; и Хорей, и Дажбога и др. Жряху имъ наричуще я боги, привожаху сыны своя и дщери, и жряху бѣсомъ, оскверняху землю требами своими, и осквернися кровми земля русска“. Холмъ этотъ, въѣ двора теремнаго, очевидно, былъ тотъ же, на которомъ стоялъ Перунъ и при Игорѣ, вѣроятно низверженный св. Ольгою. Возстановивъ идолослуженіе и языческое жертвоприношеніе, Владиміръ хотѣлъ привлечь къ нему и кіевскихъ христіанъ. Въ 983 г., послѣ удачнаго похода на ятвяговъ, Владиміръ велѣлъ принести богамъ человѣческую жертву. Кіевляне бросили жребій на своихъ дѣтей и жребій палъ на сына одного крещенаго варяга, не бывшаго на вѣчѣ. Варягъ не отдалъ своего сына на жертву идоламъ и вмѣстѣ съ нимъ убитъ былъ разъяренною толпою. Православная церковь причисляла ихъ къ лику святыхъ, подъ именами Теодора и Іоанна, и празднуетъ память ихъ 12 іюля.

Сталкиваясь въ своихъ походахъ и завоеваніяхъ съ различными вѣрами и знакомясь съ представителями ихъ въ самомъ Кіевѣ, Владиміръ, какъ человѣкъ любознательный и умный, естественно могъ задаваться вопросомъ о томъ, какая же изъ этихъ вѣръ есть истинная. Это религіозное раздумье Владиміра и выражено въ позднѣйшемъ сказаніи о посольствахъ къ Владиміру отъ разныхъ народовъ, съ предложеніемъ отъ cadaго изъ нихъ Владиміру своей вѣры. А непосредственное знакомство съ греческою вѣрой и вообще съ христіанскимъ просвѣщеніемъ и жпзнію въ Корсуни рѣшило его выборъ въ пользу православной греческой вѣры, которую онъ и принялъ во взятomъ имъ Херсонесѣ. Тамъ же онъ вступилъ въ бракъ съ греческою царевною Анною, заключивъ мирный договоръ съ греками.

Возвратившись въ Кіевъ съ православ-

нымъ духовенствомъ, Владиміръ крестилъ все свое семейство и началъ ревностно вводить новую вѣру въ русской землѣ. При помощи своей дружины, среди которой и въ прежнее время встрѣчались христіане, Владиміръ сокрушалъ и сожигалъ идоловъ, а Перуна велѣлъ привязать къ конскому хвосту, подъ ударами палокъ стащить его съ холма по Боричеву ввозу и бросить въ рѣку. Когда тащили идола по Боричеву, его сопровождала народная толпа, которая плакала, смотря на поруганіе своего прежняго

вишихъ на Подолѣ, на берегу Почайны и здѣсь совершить надъ ними крещеніе. Прибылъ на берегъ и самъ князь съ духовенствомъ и со своими новокрещенными дружинниками и боярами. Судя по многочисленности крещаемыхъ, которые притомъ-же раздѣлены были на особые группы мужчинъ и женщинъ, крещеніе киевлянъ совершалось на большомъ разстояніи, именно: между нынѣшнюю Киевоподольскую Борисоглѣбскую (Рождество-Предтеченскую) церковію и бывшія устья Почайны около нынѣшняго

Соборъ св. Владиміра въ Кіевѣ.

бога и даже провожала его по Почайнѣ и Днѣпру. Особые воины приставлены были для того, чтобы отталкивать Перуна отъ берега, еслибы онъ присталъ къ нему. На одномъ изъ мѣстъ остановки идола,—по позднѣйшимъ преданіямъ,—основанъ Выдубицкій монастырь.

Народъ колебался въ своей прежней вѣрѣ, видя ничтожность и безсиліе своихъ боговъ и,—наставляемый привезенными изъ Корсуны священниками,—склонялся къ принятію крещенія. Тогда Владиміръ велѣлъ собрать киевлянъ, преимущественно жи-

кратичкаго источника или вишняго памятникъ св. Владиміру.

Тотчасъ же послѣ всенароднаго крещенія киевлянъ, Владиміръ повелѣлъ строить церкви, особенно на тѣхъ мѣстахъ, гдѣ стояли идолы. На перуновомъ холмѣ князь поставилъ деревянную церковь во имя своего святаго покровителя Василія. Въ Вышгородѣ имъ сооружена была деревянная церковь св. Василія, на Берестовѣ—такая же церковь Петропавловская. Но самый величественный храмъ, и при томъ каменный, Владиміръ воздвигъ во имя Пресв. Богоро-

дицы на мѣстѣ мученической ковчины взыгровъ Феодора и сына его Іоанна. Для построенія храма князь призвалъ греческихъ мастеровъ. Въ немъ помѣщены были мощи, иконы и церковныя утварь, привезенныя изъ Корсуни. Храмъ этотъ строился въ теченіи 5 или 6 лѣтъ; освященіе его сопровождалось великими пирами, которые князь давалъ дружинѣ и граждамамъ, а также богато раздавалъ милостыни нищимъ и убогимъ. Князь назначилъ на содержаніе храма и его причта десятую часть отъ нѣкоторыхъ своихъ доходовъ, отчего храмъ этотъ и сдѣлался извѣстенъ болѣе подъ именемъ Десятиннаго. Здѣсь св. Владиміръ и погребенъ былъ († 1015 г.) рядомъ съ сурругою своею Анной.

Со времени принятія св. Владиміромъ православной вѣры, открывается широкій просторъ влиянію Византии на Русь не только въ церковномъ и просвѣтительномъ, но и въ художественномъ, бытовомъ и государственномъ отношеніяхъ. Появляется сплоченная церковная іерархія, которая давала внутреннее объединеніе всему государству и тѣмъ усиливала его и во внѣшнемъ отношеніи, разливая въ то же время свѣтъ духовнаго просвѣщенія по всей Руси. При всеобщемъ крещеніи кіевлянъ и непосредственно послѣ него, кіевская Русь довольствовалась священнослужителями изъ Херсонеса. Таврическаго и составляла какъ бы часть херсонской епархіи, но въ 991 году получила изъ Царяграда въ своего митрополита, который поставилъ епископовъ по важнѣйшимъ городамъ русскимъ. Сама государственная власть великаго князя кіевского, будучи поддерживаема и освящаема православною церковію, получила особый священный характеръ и вѣчность. Опираясь на православіе, св. Владиміръ рѣшилъ, что прочность государственной власти не должна зависѣть отъ воцѣвленной и своевольной дружины, какъ то было прежде, а должна опираться на правильное гражданское устройство; этимъ и объясняются рѣшимость св. Владиміра распустить свою дружину и культурный характеръ его княженія.

Къ сожалѣнію, идея государственнаго единства Руси встрѣтила непреодолимую преграду для своего развитія въ удѣльно-вѣчевомъ укладѣ русской государственной жизни, все болѣе и болѣе дробившемъ Русь

на мелкіе удѣлы и постепенно ослаблявшемъ ее въ государственномъ отношеніи.

Еще при жизни своей св. Владиміръ раздалъ города и области своего государства въ удѣлы своимъ сыновьямъ, которыхъ лѣтописи насчитываетъ до 12-ти, оставивъ въ личномъ своемъ управленіи область кіевскую. По кончинѣ св. Владиміра, между сыновьями его, рожденными отъ разныхъ женъ, изъ-за великокняжескаго стола начались междоусобія, жертвою которыхъ прежде всего сдѣлались младшіе сыновья Владиміра, святые мученики Борясъ и Глѣбъ, вѣролюбно умерщвленные старшимъ изъ Владиміровичей Святополкомъ Окаяннымъ. Междоусобія прекратились въ 1025 году раздѣломъ русской земли по Днѣпру между Ярославомъ I кіевскимъ и Мстиславомъ Чернымъ черниговскимъ. Когда же въ 1036 году умеръ Мстиславъ, то Ярославъ I еще разъ соединилъ въ своихъ рукахъ всѣ русскія области, за исключеніемъ полоцкаго удѣла, и сталъ единодержавнымъ владителемъ Руси.

Въ самый годъ смерти Мстислава, когда Ярославъ I отлучился въ Новгородъ, печенѣги воспользовались его отсутствіемъ и въ большомъ числѣ подступили къ Кіеву. Ярославъ поспѣшилъ на помощь Кіеву съ варягами и новгородцами и вошелъ въ стольный свой городъ. Въ это время укрѣпленія Кіева занимали собою небольшое пространство нынѣшняго верхняго или стараго города, такъ называемое Андреевское его отдѣленіе, обнесенное землянымъ валомъ, который шелъ отъ нынѣшней Андреевской церкви на югъ до оврага, отдѣлявшаго нынѣшнюю Трехсвятительскую церковь отъ Михайловскаго монастыря, отсюда поворачивалъ, мимо нынѣшняго реального училища, на Большую Житомирскую улицу, а затѣмъ отиравался къ сѣверной сторонѣ опоясываемаго имъ пространства и по-за Десятинною церковію выходилъ къ той же Андреевской церкви, отъ которой и начался. Въ укрѣпленіи были ворота: сѣверо-восточныя на вершинѣ Боричева взвоза или нынѣшняго Андреевскаго спуска, южныя—тамъ, гдѣ Трехсвятительская улица, начинаясь отъ Андреевской церкви, выходитъ къ Михайловскому монастырю, и западныя—по нынѣшней Десятинной улицѣ, передъ пересѣченіемъ ея Большою Житомирскою улицей. Вышедши изъ послѣднихъ воротъ, Яро-

славъ I далъ рѣшительную битву печенѣгамъ и нанесъ имъ полное пораженіе; во время бѣства много ихъ потонуло въ Сѣтомли, гдѣ-то около вышшняго вокзала, и въ ближайшихъ рѣчкахъ.

На мѣстѣ этой побѣды и въ память ея, Ярославъ въ слѣдующемъ 1037 году заложилъ „градъ великій Кіевъ“, присоединивъ къ прежнему городу значительное пространство на западъ и сѣверо-западъ отъ него, и, обнесши это пространство стѣною и валомъ, устроилъ на западной сторонѣ этого укрѣпленія каменныя Золотыя Ворота, съ такою же церковію Благовѣщенія на нихъ, которыя весьма напоминаютъ собою донныя сохранившіяся древнія врата Кіево-Печерской лавры, съ Троицкою церковію на нихъ. Золотыми они названы отъ золоченой главы на церкви.

Среди новаго укрѣпленія Ярославъ заложилъ каменную кафедральную церковь св. Софій и украсилъ ее золотомъ, серебромъ, драгоценными камнями, дорогими сосудами, мозаикою, фресками и иконами, изъ коихъ чудотворная икона св. Николая Мокраго и доселѣ хранится на хорахъ Кіево-Софійскаго собора. Влѣзъ Кіево-Софійскаго собора Ярославомъ I сооружены были еще два каменные храма съ монастырями при нихъ: одинъ на западѣ отъ собора, передъ Золотыми воротами, во имя св. покровителя своего св. великомученика Георгія, гдѣ нынѣ Георгіевская церковь, а другой—на юго-западѣ отъ Софій, во имя зягела супруги Ярославовой Ирины, близъ вышшняго Иринеянскаго памятника. Въ 1039 году окончено было обновленіе и совершенно освященіе Десятинной церкви, сильно пострадавшей отъ пожара 1017 года. Для себя Ярославъ построилъ во Владиміровомъ городѣ „великій дворъ“.

При Ярославѣ I пріѣхали къ намъ изъ Греціи церковныя пѣвцы, которые научили русскихъ осмогласному или такъ называемому демественному пѣнію. Много также заботился Ярославъ и о распространеніи книжнаго просвѣщенія среди русскаго народа: поручалъ церковнослужителямъ обучать дѣтей грамотѣ и учреждать училища, собиралъ писцовъ для списыванія болгарскихъ рукописей, при чемъ иногда поручалъ переводить прямо съ греческаго или исправлять болгарскіе переводы, и даже самъ спи-

салъ нѣкоторыя священныя книги и принесъ ихъ въ даръ созданному имъ храму св. Софій. При Ярославѣ I съ его поощренія появилось и стало распространяться на Руси монашество, много содѣйствовавшее книжному просвѣщенію. Въ послѣдніе годы княженія Ярослава I преподобный Антоній Печерскій положилъ начало знаменитой впоследствии Кіево-Печерской обители. Ярославъ I началъ также приводить въ систему дѣйствовавшее въ то время обычное русское право и составилъ сборникъ „Русскую Правду“, которая продолжала редактироваться и при его преемникахъ. Съ именемъ Ярослава извѣстна также редакція церковнаго устава, заимствованнаго изъ византійскихъ источниковъ.

При Ярославѣ I Кіевъ былъ славенъ не только на Руси, но и далеко за ея предѣлами. Ярославъ I Мудрый вступилъ въ семью христіанскихъ западно-европейскихъ государей и породнился съ нѣкоторыми изъ нихъ. Дожилъ онъ до глубокой старости и умеръ на 76 году отъ рожденія, въ 1059 году, въ Вышгородѣ, откуда тѣло его перевезено въ Кіевъ и положено въ Софійскомъ соборѣ въ мраморной гробницѣ, украшенной рѣзбою въ византійскомъ духѣ.

Но Ярославъ I возстановилъ единство русскихъ земель только для того, чтобы укрѣпить ихъ за своимъ собственнымъ семействомъ, а не для того, чтобы водворить на Руси единодержавіе. Послѣ его смерти, всѣ его княжества раздѣлили между собою три оставшіеся въ живыхъ его сына. Образовались три самостоятельныя княжества—кіевское, черниговское и переяславское, при чемъ два послѣднія призывали лишь старшинство кіевского князя; но старшинство это было больше почетно, чѣмъ дѣйствительно, и основывалось лишь на родовомъ счетѣ старшинства среди братьевъ, а не на принципѣ государственнаго единства и зависимости. Да и эти старшіе князья встрѣтили протестъ еще со стороны многочисленныхъ своихъ племянниковъ, требовавшихъ на свою долю удѣловъ въ государствахъ. Напрасно старшіе князья выдвигали и пытались отстаивать принципъ такъ называемаго изгойства, въ силу котораго дѣти князя, умершаго при жизни своего отца, должны были лишаться права на наслѣдство и оставаться только служилыми князьями. Борьба съ князьями-

Изображеніе Великаго Князя Ярослава съ сѣмьею на фрескѣ Кіево-Софійскаго собора, по рисунку 1651 года, сохранившемуся въ копіи конца XVIII в. въ собраніи короля Станислава Августа, нынѣ въ библіотекѣ Академіи Художествъ въ С.-Петербургѣ.

изгоям продолжалась около полустолѣтія и, наконецъ, разрѣшилась въ пользу послѣднихъ на Любечскомъ съѣздѣ князей въ 1097 году, гдѣ собравшіеся постановили: „пусть каждый владѣть своей вотчиной“. Послѣ Любечскаго съѣзда князь кіевскій уже не есть князь всего русскаго государства, а только незначительнаго удѣла, занимавшаго около $\frac{2}{3}$ нынѣшней кіевской губерніи, около половины воынской и небольшою южный отрѣзокъ минской губерніи. А между тѣмъ столица этого удѣла Кієвъ, по традиціи, все еще считалась стольнымъ городомъ всей Руси, вслѣдствіе чего и князь его считался старѣйшимъ и самымъ почетнымъ въ родѣ. Каждому князю и княжескому роду хотѣлось захватить Кієвъ и основать въ немъ свою династію. Борьба за Кієвъ ведется главнымъ образомъ между тремя княжескими вѣтвями: между Ольговичами черниговскими, между потомками Мономаха отъ старшаго сына его Мстислава князьями воынскими и смоленскими и, наконецъ, между могущественнымъ родомъ князей суздальско-ростовскихъ, потомками младшаго сына Мономаха, Юрія Долгорукаго. Въ эту борьбу по временамъ вмѣшивались и потомки Изяслава полоцкаго и нѣкоторые другіе княжескіе роды. Но ни одна княжеская династія не могла прочно установиться на кіевскомъ престолѣ и смѣнялась одна другою.

А той порой въ южныхъ степяхъ Россіи на смѣну печенѣговъ явились новые кочевники половцы, которые не опускали случая въ вторгаться въ русскія владѣнія и грабить ихъ и даже приглашаемы были самими русскими князьями для участія и помощи въ ихъ междоусобныхъ войнахъ. Это хищническое племя, развлекая силы русскихъ князей въ разныя стороны и ослабляя ихъ, въ свою очередь не мало подготовило Кієвъ къ окончательному его паденію и покоренію татарами.

Среди этой борьбы область кіевская и въ особенности городъ Кієвъ сильно страдала. Два раза русскіе князья, ожесточенные междоусобною борьбой, разрушали городъ. Такъ, въ 1169 году рать, присланная изъ Ростова Андреемъ Боголюбскимъ, взяла приступомъ Кієвъ, который былъ отданъ на разграбленіе ей: два дня побѣдители грабили и жгли дома, убивали гражданъ, гра-

били церкви, выносили иконы, снимали колокола. Четверть вѣка спустя Кієвъ былъ вновь разрушенъ и разграбленъ во время борьбы Юрия Ростиславича съ Романомъ Мстиславичемъ. Юрикъ, соединившись съ Ольговичами, а также съ Кончакомъ и другими половецкими ханами, взялъ Кієвъ приступомъ и, вмѣсто платы за ихъ услуги, отдалъ городъ на разграбленіе союзнымъ войскамъ. Послѣ этого второго разоренія богатство и значеніе Кієва упали еще больше. Старшіе въ родѣ князья уже не стремятся, какъ прежде, занять кіевскій столъ, а посылаютъ или младшихъ изъ князей, или даже просто намѣстниковъ некаяжскаго рода.

Не смотря, однако, на постепенное паденіе Кієва и кіевской земли, внутреннія духовныя силы князей и народа, оживляемые православною вѣрою, отличаются замѣчательною свѣжестью и бодростію, которая долго еще задерживала окончательное паденіе Кієва и обезпечивали будущее возстановленіе русскаго государства. Именно въ это время княжескихъ усобицъ и нападеній кочевниковъ православная вѣра и христіанская культура Византіи глубже и всестороннѣ охватываютъ все слои русскаго народа, вслѣдствіе чего дотатарскій періодъ въ исторіи Кієва въ культурномъ отношеніи является блестящимъ періодомъ исторіи древней Руси. О высотѣ духовно-нравственной жизни въ это время свидѣтельствуетъ уже одно то, что въ непродолжительный сравнительно удѣльный періодъ является въ Кієвѣ цѣлый рядъ христіанскихъ князей-рыцарей, блаженныхъ мужей и жевъ, подобныхъ и святымъ угодникамъ Божиимъ и безчисленный сонмъ преподобныхъ печерскихъ, въ числѣ которыхъ были люди всехъ сословій, не исключая и низшаго класса народа. Получаютъ особенное развитіе славяно-русская письменность и литература, блестящая отзвукомъ которой является знаменитое „Слово о полку Игоревѣ“. Все виды искусства перешли изъ Византіи въ Россію и особенно въ Кієвъ и здѣсь начинали усваиваться и русскими мастерами, какъ-то: фрески, мозаики, иконописъ, производство перегородчатыхъ эмалей и чеканка монеты съ славяно-русскими надписями.

Внутреннее благочестіе находило естественное выраженіе для себя въ построеніи

храмовъ Божіихъ и монастырей, въ украшеніи ихъ и въ установленіи церковныхъ празднествъ. Монастыри и церкви строились ивогда монашествующими лицами и общинами, какъ, напр., въ пзвѣстной мѣрѣ, Кіево-Печерскій монастырь, Гиплецкій или Глушецкій монастырь Пречистыя за мѣстечкомъ Катаевымъ, близъ с. Прохова¹⁾, и, можетъ быть, монастыри Стефанчевъ, въ нынѣшнихъ Липкахъ, гдѣ нынѣ 1-е епархіальное женское училище, и Германечъ Спаскій на Верестовѣ, названный такъ отъ имени своего игумена. Иныя церкви, особенно на Кіевоподолѣ, строились мѣстнымъ торгово-промышленнымъ населеніемъ и пріѣзжими купцами, какъ, напр., Новгородская божница или Михайловская церковь гдѣ-то около нынѣшняго Кіевоподольскаго Успенскаго собора, и, можетъ быть, Турова божница около нынѣшней Рождество-Предтеченской или Борисоглѣбской церкви. Небольшой храмъ Іоанна Предтечи, пристроенный къ сѣверо-западному углу великой лаврской церкви и нынѣ входящій въ ея составъ, сооруженъ былъ на средства боярскаго сына Захарія, а Никольская церковь на Аскольдовой Могилѣ сооружена была на дворѣ нѣкоего Ольма и возлѣ нея были пещеры, съ начертанными на стѣнахъ иконами подвижниковъ „Ивана грѣшнаго“ и „Геофила“, открыты въ 1853 году. Но большинство храмовъ и монастырей этого времени, особенно каменныхъ, построено великими князьями кіевскими и отъ-части удѣльными. Каждая изъ вѣтвей Ярославова рода, заявлявшая притязанія на кіевскій престолъ, достигавъ его, основывала „отніе“ (отеческіе) родовые храмы и монастыри и какъ бы соперничала съ другими вѣтвями въ церковномъ строительствѣ. Укажемъ главные княжескія вѣтви, владѣвшія Кіевомъ, и построенныя ими здѣсь церкви и монастыри.

Старшій изъ оставшихся въ живыхъ сыновъ Ярослава Мудраго Изяславъ, сдѣлавъ пристройки галлерей и другой башни къ Софійскому собору, построилъ въ Вышгородѣ новую деревянную церковь во имя святыхъ Бориса и Глѣба, а въ самомъ Кіевѣ—Дмитріевскій монастырь, находившійся въ оградѣ нынѣшняго Златоверхо-Михайловскаго

монастыря. Супруга Изяслава построила Николоавскій женскій монастырь, въ которомъ приняла монашество мать преподобнаго Феодосія Печерскаго. Сынъ Изяслава Ярополкъ—Петръ основалъ въ Дмитріевскомъ монастырѣ каменную церковь св. Петра. Другой сынъ Святополкъ—Михаилъ Изяславичъ въблизи Дмитріевской и Петровской церковей соорудилъ каменную церковь во имя архангела Михаила, существующую и доселѣ въ Златоверхо-Михайловскомъ монастырѣ, и положилъ здѣсь мощи св. великомученицы Варвары, полученныя имъ отъ византийскаго императора.

Другой сынъ Ярослава I Святополкъ черниговскій, овладѣвъ Кіевомъ, уступилъ землю подъ постройку великой церкви Печерской лавры, самъ копалъ рвы для ея фундамента и далъ на ея сооруженіе 100 гривенъ золота. Ему принадлежитъ также постройка въ Кіевѣ монастыря св. Симеона на Копыревѣ концѣ, вверху нынѣшняго Вознесенскаго спуска. Внуку его Всеволоду Ольговичу, захвативъ въ 1139 г. Кіевъ, передъ смертію своею, послѣдовавшею въ 1146 году, принялъ иночество съ именемъ Кирилла и, вѣроятно, завѣщалъ супругѣ своей Маріи Мстиславовнѣ построить Кирилловскую церковь и монастырь, гдѣ нынѣ помѣщаются Кирилловскіе богоугодныя заведенія. Сынъ Всеволода Ольговича Святославъ II Всеволодовичъ въ 1184 г. построилъ и освятилъ церковь св. Василія на великомъ Ярославовомъ дворѣ, которую мы отождествляемъ съ нынѣшней Трехсвятительскою церковью, близъ Михайловскаго монастыря; но самъ онъ погребенъ былъ въ Кирилловскомъ монастырѣ. Изъ этого же рода происходилъ князь—псковъ Никола Святоша, которому предавіе приписываетъ построеніе св. вратъ Кіево-Печерскаго монастыря и надѣвни—Троицкой церкви.

Продолжательнѣе всѣхъ владѣла Кіевомъ и больше оставила въ немъ по себѣ памятниковъ третья, наиболее даровитая вѣтвь Ярославова рода, ведущая начало свое отъ Всеволода Ярославича. Самъ Всеволодъ Ярославичъ, еще не будучи великимъ княземъ кіевскимъ, въ 1070 г. основалъ внѣ Кіева Выдубицкій монастырь, возлѣ котораго находился и его загородный „Красный дворъ“, а въ званіи великаго князя кіевскаго построилъ въ верхнемъ Кіевѣ, въ

¹⁾ О Гиплецкомъ монастырѣ см. „Церковныя Вѣдомости“ 1904 г., № 11, стр. 386.

Андреевскомъ отдѣленіи его, Андреевскій Ячинъ монастырь для дочерей своихъ Яки (Анны) и Евпраксіи. Сынъ его Владиміръ Мономахъ соорудилъ въ Вышгородѣ каменную Борисоглѣбскую церковь, куда и перенесъ торжественно мощи святыхъ страстотерпцевъ Бориса и Глѣба, и еще, — можетъ быть, — каменную церковь Спаса на Верестовѣ. При немъ же построена была въ 1121 г. въ Кіевѣ церковь св. Іоанна на Копыревѣ концѣ, гдѣ нынѣ помѣщается кіевская Дух. Семинарія. Сынъ Владиміра Мономаха Мстиславъ построилъ въ Кіевѣ Феодоровскій монастырь на сѣверо-востокъ отъ Десятинной церкви и вблизи его свой княжій дворъ. Въ этомъ монастырѣ началось мученіе св. князя-пнкоа Игоря Ольговича, убіеннаго кіевлянами въ 1146 г., а пкона Богородицы предъ которою молился этотъ князь, нынѣ находится въ Богословскомъ придѣлѣ великой лаврской церкви. Тотъ же князь, Мстиславъ Владиміровичъ, положилъ основаніе церкви Пресв. Богородицы Пирогошей, которую отождествляютъ съ нынѣшнимъ Кіево-подольскимъ Успенскимъ соборомъ. Отъ третьяго сына своего Ростислава Мстиславъ Владиміровичъ имѣлъ, между прочимъ, внуковъ Рюрика и Мстислава Храбраго. Первый, т. е. Рюрикъ, построилъ въ Кіевѣ церковь св. Василія „на новомъ дворѣ“ и обвелъ каменною стѣной Выдубицкій монастырь; а сыну Мстислава Храбраго Мстиславу Удалому приписываютъ построеніе каменной Крестовоздвиженской церкви на мѣстѣ Васильевской св. Владиміра, гдѣ нынѣ стоитъ Андреевская церковь.

Кромѣ того, въ великокняжескій періодъ исторіи Кіева получили начало Николаевская Іорданская церковь, около нынѣшней Іорданской церкви, извѣстная по совершившемуся въ ней чуду вадъ половичномъ, и Межигорскій монастырь, существующій и донныѣ, а равно упоминаются монастыри св. Минны, Лазаревскій, Воскресенскій и Космо-Даміанскій, неизвѣстно гдѣ находившіеся.

Если перечислить древніе храмы и монастыри кіевского великокняжескаго періода по времени ихъ основанія, то окажется, что большая часть ихъ основана въ началѣ этого періода. Разгоравшіяся все болѣе и болѣе княжескія междоусобицы препятствовали созиданію и украшенію храмовъ Во-

жинъ, а печенѣжскіе и половецкіе набѣги совершенно оторвали кіевскую Русь отъ непосредственнаго общенія съ истиннымъ тогдашней культуры Византією. Въ разгаръ княжескихъ усобицъ нѣкоторые князья, не надѣясь удержать за собою Кіевъ, или же, стремясь унижить его и возвысить свои собственные уѣды, увозили съ собою изъ Кіева его святыни. Такъ, Андрей Боголюбскій, уходя изъ Вышгорода на сѣверъ, взялъ отсюда съ собою чудотворную икону Богородицы, называемую теперь, Владимірскою. Сынъ его Мстиславъ Андреевичъ, взявъ въ 1169 г. Кіевъ приступомъ, унесъ изъ него на сѣверъ много святынь и сокровищъ. Вѣроятно, въ это время унесена была изъ Кіева и чудотворная икона св. Николая Добраго, находящаяся нынѣ въ новосильскомъ Свято-Духовскомъ монастырѣ, тульской епархіи. Въ самомъ концѣ XII вѣка изъ Вышгорода перенесены были въ Смоленскъ мощи святыхъ страстотерпцевъ Бориса и Глѣба. Данилъ Романовичъ Галицкій, устранивъ свой городъ Холмъ, принесть сюда изъ Кіева и Овруча иконы и колокола. Въ концѣ первой четверти XIII вѣка перенесены были изъ Кіева, черезъ Смоленскъ, Ригу, Кесъ (Венденъ) и Новгородъ, въ рязанскую землю образъ св. Николая Зарайскаго ¹⁾.

Но рѣшительный ударъ Кіеву нанесенъ былъ татарами въ 1240 г.

Еще за годъ до разоренія Кіева Батыемъ — ханъ Меагу, двоюродный братъ Батыя, подошелъ къ Кіеву съ черниговской стороны и изъ „Песочнаго городка“, около нынѣшняго села Вигуровщины, „соглядаялъ“ Кіевъ, удивлялся его красотѣ и величію и предлагалъ тогдашнему великому князю кіевскому Михаилу Всеволодовичу сдаться, обѣщая пощаду, но получилъ рѣшительный отказъ. Осенью слѣдующаго 1240 года Батый двинулся со всею своею ордою на западъ и прежде всего обрушился всѣми своими силами на Кіевъ, откуда бѣжалъ въ Венгрію великій князь Михаилъ Всеволодовичъ. Кіевъ взялъ себѣ Данилъ Романовичъ Галицкій и оставилъ для защиты города боярина своего Дмитра. Приблизитель-

¹⁾ См. объ иконѣ св. Николая Зарайскаго въ 1-мъ томѣ „Трудовъ десятаго археологическаго съѣзда въ Ригѣ 1896 г.“ (Москва 1898 г.).

но въ ноябрѣ Батый перешелъ черезъ Днѣпръ и приступилъ къ Кіеву съ юга, со стороны Лядскаго воротъ, и съавобитными машинами началъ разбивать городскія стѣны. Послѣ нѣсколькихъ сутокъ непрерывной работы, стѣны были пробиты, и татары прорвались въ великій градъ Ярославъ; но кіевляне, упорно отбиваясь отъ татаръ, отступили чрезъ Софійскія ворота въ древній городъ Владиміровъ. Отдохнувъ день и ночь, татары начали ва это послѣднее укрѣпленіе. Снова началась „брань велика“. Населеніе съ наиболѣе дорогимъ изъ имущества укрылось въ Десятинную церковь; но хоры не выдержали тяжести, и стѣны рухнули: „и принятъ бысть сие градъ воими“. Взятіе Кіева произошло, но однимъ извѣстіямъ, 6 декабря, а по другимъ 19-го ноября. Особенно пострадали храмы и зданія, стоявшіе на пути побѣднаго шествія татаръ, по нынѣшней Десятинной улицѣ, тогда какъ Кіево-Софійскій соборъ, Златоверхо-Михайловскій монастырь и Трехсвятительская церковь, стоявшіе въ сторонѣ отъ этого пути, сохранились почти въ цѣломъ видѣ.

Послѣ Батыева разгрома, Кіевъ навсегда потерялъ свое прежнее значеніе столицы русскаго государства и сошелъ на степень областнаго городоу, хотя и продолжалъ имѣть для русскаго народа обаяніе средоточія древнихъ русскихъ святынь и памятниковъ и долго еще считался каедромъ для всероссійскихъ митрополитовъ, служившихъ знаменемъ духовнаго единства русскихъ земель. Бывшій великій князь кіевскій Мпхаилъ Всеволодовичъ въ 1243 г. потребованъ былъ Батыемъ въ орду на поклонъ ему и тамъ замученъ былъ выѣстъ съ бояриномъ своимъ Феодоромъ. Кіевскими князьями становятся преемственно владиміро-суздальскіе князья Ярославъ Всеволодовичъ и сыновья его Александръ и Андрей; но они ограничивались только титуломъ кіевского князя, тогда какъ на самомъ дѣлѣ Кіевъ перешелъ въ непосредственную зависимость отъ татаръ, которые управляли имъ чрезъ своихъ намѣстниковъ, носившихъ названіе князей. Изъ такихъ служилыхъ татарскихъ князей кіевскихъ упоминаются Дмитрій Друцкій, Святославъ, Иванъ, Владиміръ Ивановичъ, Станиславъ около 1320 г. и Феодоръ, упоминаемый въ 1331, 1361 и 1362 годахъ.

Въ это время непосредственной зависимости Кіева отъ татаръ кіевскіе митрополиты, хотя и продолжали считать Кіевъ своимъ митрополіей, но вели странническую жизнь, тяготѣя больше къ сѣверу Россіи, чѣмъ къ югу, и, наконецъ, вовсе переселились на сѣверъ, во Владиміръ и Москву, на жительство. Св. Алексій митрополитъ при своемъ постановленіи въ 1364 г. исходатайствовалъ у царьградскаго патріарха постановленіе, „чтобы сей преосвященный митрополитъ русскій и всѣ его преемники пребывали и находились во Владиміръ, имѣя здѣсь постоянное и неотъемлемое мѣстожителство, такъ, чтобы Кіевъ, если онъ останется цѣлъ, былъ собственнымъ престоломъ и первымъ сѣдалищемъ архіерейскимъ, а послѣ него и выѣстъ съ нимъ—святѣйшая епископія Владимірская была бы вторымъ сѣдалищемъ и мѣстомъ постоянного пребыванія и успокоевія митрополитовъ“. Но отъ окончательной гибели Кіевъ спасло литовско-русское государство.

Литовское племя, арійскаго происхожденія, жило да и теперь живетъ въ нынѣшнихъ гродненской, вилеской, ковенской и отъ-части въ смежныхъ съ ними губерніяхъ и, врѣзываясь острымъ клиномъ между русскими и польскими землями, часто безпоклоло ихъ своими набѣгами, но въ просвѣщеніи и гражданственности уступало своимъ сосѣдямъ и подчинялось имъ. Сначала литовцы, пользуясь усобицами русскихъ князей, распространяли свою власть на сосѣднія славянорусскія племена, обитавшія въ нынѣшнемъ сѣверо-западномъ краѣ Россіи, и сроднились съ ними по народности и вѣрѣ. Ко времени завоеванія Кіева и южной Руси Батыемъ, образовалось уже довольно сильное литовско-русское государство, счтавшее себя естественнымъ наслѣдникомъ какъ всей южной Руси, такъ и въ частности Кіева, разоренныхъ татарами и лишившихся своихъ русскихъ князей. Съ другой стороны, имѣя частыя военныя столкновенія съ католическими рыцарскими орденами и особенно съ католическою Польшей, литовцы ассимилировались съ ними и особенно съ поляками въ государственномъ устройствѣ, религіи и народности. Въ 1386 г. состоялась между Литвою и Польшею государственная сдѣлка, въ силу которой оба государства соединились подъ властію одного

государя, при чемъ великіе князья литовскіе обязывались принимать католическую вѣру и распространять ее въ своемъ государствѣ. Въслѣдствіе этого литовско-русское государство постепенно становится польско-литовскимъ государствомъ.

Этотъ двойственный до противоположности характеръ вліяній, воздѣйствовавшихъ на литовское племя, бывший одною изъ коренныхъ причинъ внутренняго разложенія его и вѣдущаго упадка, въ послѣдствіи времени отразился и на судьбахъ Кіева съ того времени, когда онъ поступилъ подъ литовскую опеку. Въ XV вѣкѣ устроена была въ Кіевѣ бискупская кафедра. Сначала Кіевомъ управляютъ литовско-русскіе князья православнаго исповѣданія на правахъ удѣльныхъ князей; потомъ эти кievскіе удѣльные князья замѣняются воеводами литовско-русского же происхожденія, частію католиками, но больше православными; наконецъ, кievскіе воеводы безразлично назначаются изъ литовцевъ и поляковъ, но непременно изъ католиковъ, которые принимаютъ рѣшительныя мѣры къ ополяченію Кіева.

Въ 1362 г. Кіевъ взятъ былъ великимъ княземъ литовскимъ Ольгердомъ; который назначилъ удѣльнымъ княземъ кievскимъ одного изъ старшихъ сыновей своихъ Владимира. Желая возстановить митрополитскую кафедру въ Кіевѣ, Владимиръ Ольгердовичъ призналъ и постоянно поддерживалъ посвященнаго для Литвы митрополита Кипріяна и устранилъ избранный въ Москвѣ на митрополию Діонисій, задержавъ его въ Кіевѣ, гдѣ онъ и скончался. Правилъ Владимиръ своею землею вполне самостоятельно и чеканилъ монету со своимъ именемъ и гербомъ литовскимъ, но съ прибавленіемъ татарской тамги. Но такая самостоятельность Владимира не понравилась преемнику Ольгерда, великому князю Витовту, который, поэтому, въ 1392 г. предпринялъ походъ противъ Владимира за то, что послѣдній, „бывши въ Кіевѣ, не всхотѣ поворы учинити и челомъ ударити“, и въ 1395 г. вывелъ его изъ Кіева и далъ ему незначительный копильскій удѣлъ, передавъ кievское княженіе Скиргайлу Ольгердовичу; однако, тѣло Владимира погребено было въ Печерскомъ монастырѣ.

Новый князь кievскій Іоаннъ Скиргайло также оставался православнымъ и былъ

преданъ русской народности, которая платила ему искреннюю любовь. Польскій историкъ замѣчаетъ, что князь этотъ „больше старался объ умноженіи святыхъ по греческому обряду, нежели о распространеніи католической вѣры, потому что съ первоначальнаго возраста онъ воспитывался среди русскихъ“. Скиргайло скоропостижно умеръ въ 1397 г. и погребенъ въ Кіево-Печерскомъ монастырѣ.

По смерти Скиргайла, Витовтъ не отдалъ Кіева никому изъ князей, а управлялъ имъ чрезъ своихъ намѣстниковъ. Первымъ такимъ намѣстникомъ или воеводою кievскимъ былъ его ближайшій сподвижникъ и родственникъ, служившій князь Иванъ Ольгумутовичъ Гольшанскій, изъ рода котораго происходила св. Іуліанія Гольшанская. Пользуясь междоусобіями татарскихъ хановъ, Витовтъ вмѣшался въ татарскія дѣла и тѣмъ вызвалъ татарскія нападенія на Кіевъ. Въ 1399 г. Темиръ-Кутлукъ (Тамерланъ) напалъ на Кіевъ и взялъ съ него окупъ въ 3.000 рублей серебра и особо съ Печерскаго монастыря 30 рублей. Въ 1416 г. военачальникъ Темиръ-Кутлука Эдигей снова напалъ на Кіевъ, воевалъ около Кіева и монастырь Печерскій пограбилъ и пожегъ.

Въ 1435 г. Свиргаило Ольгердовичъ, сторонникъ русской партіи въ Литвѣ, ведя борьбу съ братомъ своимъ польскимъ королемъ Ягайломъ Ольгердовичемъ и съ великимъ княземъ литовскимъ Казиміромъ Кей-стутевичемъ и потерявъ сраженіе, напелъ себя убижице въ Кіевѣ и держался здѣсь до 1440 г. Въ этомъ году новый великій князь литовскій Казиміръ Ягайловичъ возстановилъ кievскій удѣлъ и отдалъ его князю Олельку (Александру), сыну бывшаго кievскаго князя Владимира Ольгердовича.

Олелько Владиміровичъ оказалъ большую услугу русской православной церкви, предотвративъ первую попытку церковной уніи съ Римомъ и изгнавъ изъ Кіева принявшаго Флорентинскую унію лжемитрополита Исидора. Олелько призналъ власть московскаго митрополита св. Іоны и далъ кievской митрополиту грамоту, которую обезпечивалась неприкосновенность доходовъ кievской митрополитіи и освобождались отъ княжескаго суда жители митрополитскихъ земель. Онъ умеръ въ 1455 году и погребенъ въ Кіево-Печерскомъ монастырѣ.

Сынъ его Симеонъ Одельковичъ получилъ Кієвъ лишь въ пожизненное владѣніе, а не на правахъ наследственной вотчины. Онъ возстановилъ великую церковь Кієво-Печерскаго монастыря, лежавшую въ развалинахъ со времени Эдигеева нашествія на Кієвъ въ 1416 г., „украсилъ ее иконнымъ писаніемъ и обогатилъ золотомъ, и серебромъ, и сосуды церковными“. Онъ умеръ въ 1471 г., а погребенъ въ возобновленной имъ великой церкви Кієво-Печерскаго монастыря.

По смерти Симеона Одельковича, Казиміръ Ягайловичъ рѣшилъ назначать въ Кієвъ не князей, а воеводъ. Первымъ воеводоу кієвскимъ назначенъ былъ Мартинъ Яновичъ Гаштольдъ, котораго кієвляне не пустили въ городъ, „яко не токмо не князь бѣ, но болѣе яко ляхъ бѣ“, и просили короля назначить правителемъ Кієва Михаила Одельковича, или другого князя православною вѣры. Но Казиміръ не уважилъ просьбы кієвлянъ: Гаштольдъ отправленъ былъ на воеводство съ литовскимъ войскомъ и долженъ былъ начать свое управленіе съ того, что взялъ приступомъ главный городъ своей области. А въ 1472 г. казнень былъ въ Кієвѣ, передъ воротами кієвскаго литовскаго замка, князь Михаилъ Одельковичъ, по обвиненію въ заговорѣ противъ Казимира Ягайловича. Съ тѣхъ поръ Кієвъ навсегда лишился своихъ удѣльныхъ князей и управлялся велико-княжескими намѣстниками или воеводами. До начала XVII вѣка эти воеводы назначались изъ литовско-русскихъ вельможъ и не рѣдко были православными, какъ, напр., Иванъ Ходкевичъ (1482 г.), Юрій Михайловичъ Монтовтовичъ (1507—1508 гг.), Андрей Якубовичъ Немпровичъ (1514—1539 гг.), князь Юрій Ивановичъ Дубровицкій (1542 г.), Григорій Александровичъ Ходкевичъ (1554 г.) и князь Константинъ Константиновичъ Острожскій (1557—1608 гг.).

При воеводѣ Иванѣ Ходкевичѣ, союзникъ великаго князя московскаго Іоанна III крымскій ханъ Менгли-гирей съ многочисленными конными полчищами явился въ 1482 г. на берегахъ Дѣпра, овладѣлъ Кієвомъ и произвелъ въ немъ такое страшное опустошеніе, какъ вькогда прежде. Для возобновленія города и его заселенія вызвано было, по повелѣнію Казимира, до 20.000 народа изъ поддѣпровскихъ и дру-

гихъ западно-русскихъ областей, особенно же изъ Сѣверщины и Вѣлоруссіи. Этому пестрому, сводному населенію Кієва великій князь литовскій Александръ Казимировичъ подтвердилъ въ 1494 г. Витовтову грамоту, обезпечивавшую права мѣщанъ, а около 1499 г. представилъ кієвскимъ мѣщанамъ самоуправленіе по магдебургскому праву въ томъ объемѣ, въ какомъ пользовались имъ жители столичнаго города Вильны. Въ силу этого права, кієвскіе мѣщане становились неподсудными мѣстному воеводѣ и судились собственнымъ магистратомъ и войтомъ. Городскіе промыслы, торговля и занятія были или вовсе освобождены отъ пошлинъ, или обложены умѣренной податью въ пользу государства и воеводы. Сверхъ того, кієвскіе мѣщане получили право безпошлинной торговли во всѣхъ земляхъ и городахъ великаго княжества литовскаго. Обязанности, возложенныя на мѣщанъ, состояли въ томъ, что они должны были, по призыву воеводы, ѣздить въ погону за татарами, держать полевую сторожу на татарскихъ шляхахъ (путяхъ) и „отправовати оборону и сторожу“ въ кієвскомъ замкѣ. Съ теченіемъ времени права эти расширились болѣе и болѣе, въ виду пограничнаго, опаснаго положенія Кієва и необходимости образованія для него самообороны. Пользуясь этими правами, предприимчивые кієвляне достигли значительной степени благосостоянія и даже богатства и развили въ себѣ достаточно силы и воинственности для защиты отъ вѣншиныхъ и внутреннихъ враговъ. Въ то же время на югѣ отъ Кієва возникаетъ запорожское казачество для войны съ невѣрными, которое окончательно сложилось и устроилось къ походу XVI столѣтія.

Вмѣсто старыхъ укрѣпленій до татарскаго періода на верхнемъ городѣ, въ литовскій періодъ исторіи Кієва вновь выстроенъ былъ укрѣпленный замокъ на нынѣшней горѣ Киселевкѣ, господствующей надъ Подоломъ и названной такъ по имени послѣдняго польскаго воеводы въ Кієвѣ Адама Киселя. Здѣсь жили литовско-русскіе удѣльные кієвскіе князья, имѣя загородные дворцы, однакъ на нынѣшнемъ Печерскѣ, а другой за Дѣпвромъ, около села Вигуровщины. Здѣсь же на Киселевкѣ кієвскій воевода Мартинъ Гаштольд принималъ вене-

ціанскаго посла Бонтарини. Въ это время замокъ былъ деревянный, и внутри его ограды находился домъ воеводы. По разрушеніи этого замка Менгли-гиреємъ въ 1482 г., новый замокъ построенъ былъ на мѣстѣ стараго лишь въ первомъ десятилѣтіи XVI в. Онъ занималъ всю вершину Киселевки и состоялъ изъ 133 участковъ или деревянныхъ „городенъ“, изъ коихъ каждую городили землѣю или жители извѣстныхъ волостей. На стѣнахъ выдавались 15 шестиугольных трехъ этажныхъ башенъ съ бойницами, а въ двухъ башняхъ помѣщались выѣзжія ворота: одни *воеводскія*, обращенныя на сѣверъ къ горѣ Щекавицѣ, а другія—*драбскія* (солдатскія), обращенныя на юго-западъ къ горѣ Кляйцу и къ нынѣшней Андреевской церкви. Небольшая площадка предъ этими воротами, находившаяся вѣѣ замковыхъ укрѣпленій, на уступѣ горы, составляла лобное мѣсто, на которомъ приводились въ исполненіе смертныя приговоры. Внутри крѣпостныхъ стѣнъ тѣснились многочисленныя постройки: домъ воеводы и ротмистра, дома для помѣщенія солдатъ, пороховой и артиллерійскій склады, подворья монастырей Печерскаго и Никольскаго и дома знатныхъ лицъ изъ мѣщанъ и крестьянъ. Кромѣ этихъ зданій, въ замкѣ находились: три православныя церкви, изъ коихъ одна св. Николая,—можетъ быть, еще уплѣвшая отъ до татарскаго періода,—другая, извѣстная вполѣдствіи подъ названіемъ Покровской, а также католическая каплица.

Торговая и промышленная жизнь преимущественно сосредоточивалась на Подолѣ, который застроенъ былъ неровными и тѣсными улицами. Нѣкоторые ремесленники, напр., *кожеляки* и *гончары*, жили въ особыхъ кварталахъ или улицахъ, удержавшихъ эти названія и до настоящаго времени. Всѣ дома были деревянные, невзрачные и плохіе. Деревянные же были церкви и монастыри, за исключеніемъ каменнаго Успенскаго собора. Изъ другихъ подольскихъ монастырей и церквей, до нашествія Менгли-гирея на Кіевъ, упоминаются только Флоровскій женскій монастырь и Борисоглѣбская „небесн подобная церковь“. Но въ описаніи кіевскаго замка 1545—1552 г.г. перечисляются еще подольскія церкви: Воскресенская, Набережно-Никольская, Николо-Притнская, существующія и доселѣ, Спас-

ская, бывшая на нынѣшней Спасской улицѣ, и какая-то Аванасевская. Среди Подола находился также и армянскій кварталъ со своею Рождество-Богородичною церковью, гдѣ нынѣ православная Покровская церковь, и генуэзскій торговый дворъ.

Что касается верхняго или стараго Кіева, то и онъ не запустѣлъ совершенно послѣ Батыева разоренія. Здѣсь уплѣвли древнія церкви св. Софіи, въ которой въ 1497 г. положены были мощи священномученика Макарія, митрополита кіевского, убитаго въ этомъ году татарами, Златоверхо-Михайловскій монастырь, упоминаемый въ 1398 г. и небольшая церковь на Золотыхъ воротахъ. Въ 1289 г. упоминается Іоанно-Богословскій монастырь, можетъ быть, тотъ самый, который основанъ въ 1121 г. при Владимірѣ Мономахѣ, на Кошаревѣ концѣ. До Менгли-гиреева разоренія, 1482 г., существовала и Десятинная церковь, въ которой находился древній образъ Богородицы, около 1500 года перенесенный въ Минскъ, и нынѣ находящійся въ минскомъ Петропавловскомъ кафедральномъ соборѣ. Въ описаніи кіевскаго замка 1545—1552 г. г., въ числѣ другихъ церквей, упоминаются древняя Воздвиженская церковь, стоявшая на мѣстѣ нынѣшней Андреевской, и Спасская—на нынѣшней Большой Житомирской улицѣ при соединеніи ея съ Мало-Владимірскою, кажется, находившаяся въ непосредственномъ заведываніи кіевскихъ митрополитовъ, которая „обвалилась“ около 1585 г. Въ позднѣйшихъ документахъ упоминаются еще на старомъ городѣ древняя Василевская или Трехсвятительская и Никитская церкви.

По окраинамъ Кіева и вѣѣ его процвѣтали въ литовскій періодъ исторіи Кіева Печерскій и Пустынно-Никольскій монастыри и упоминаются въ описаніи кіевскаго замка 1545—1552 г.г. церковь Николы Межигорскаго въ Петровцахъ и Выдубицкій монастырь. Изъ нихъ Печерскій монастырь продолжать существовать послѣ разоренія Кіева Батыемъ, и братія его собиравалась для богослуженія въ малую Іоанно-Предтеченскую церковь; а въ 1288 г. Печерскій монастырь отпустилъ къ брянскому князю Роману Михайловичу три иконы, а именно Печерской Возжіей Матери, съ предстоящими Антоніемъ и Теодосіемъ, копія съ которой и доселѣ хранится въ Кіево-Печерской лаврѣ,

св. Николая и святых Аѳанасія и Кирилла¹⁾.

Съ 1569 г. во внутренней жизни литовскаго государства произошел рѣшительный переломъ въ пользу польской народности и католичества, вслѣдствіе провозглашенія въ этомъ году насильственного соединенія Литвы съ Польшею въ государственномъ отношеніи. Поляки теперь получили право селиться на жительство во всѣхъ областяхъ и городахъ литовскаго государства и занимать въ немъ государственныя должности, а, слѣдовательно, привносить съ собою и увеличивать польско-католическую стихію. Прямымъ послѣдствіемъ государственной уніи Литвы съ Польшею была и церковная унія южно-русской церкви съ католическою, превозглашенная въ Брестѣ въ 1596 году, не смотря на несогласіе на нее со стороны громаднаго большинства русскаго населенія, вельможъ и духовенства съ нѣсколькими епископами. Православные признали какъ бы несуществующими передъ закономъ, и достоиніе русской православной церкви стало расхищаться уніатами и католиками. Первый уніатскій митрополитъ Михаилъ Рагоза († 1599 г.) чрезъ своего намѣстника Яна Хруслинскаго занялъ полуопустѣвшій Києво-Софійскій соборъ и Выдубицкій монастырь. Около 1605 года къ Києво-Софійскому собору была приписана Софійская слобода, т. е. старый или верхній городъ съ его полуразрушенными и отъ-части надстроенными церквами Десятинною, Васильевскою и Воздвиженскою, вскорѣ переименованною въ Симеоновскую²⁾, которая поэтому и стали считаться уніатскими церквами. Въ 1604 г. королевскимъ указомъ отдана была кіевскому латинскому бискупу часть Кієвоподола за канавою, къ горѣ Щекавицѣ, подъ которую находились и дворецъ бискупа; а бискупъ, вслѣдъ затѣмъ, отнялъ у магистрата и все пространство со дворами до Іорданскаго озера, присвокуивъ къ нему и все урочище Кожемяки. Земли эти

носили тогда названіе Бискупщины. Урядники бискупа заняли замокъ на Кудрявцѣ, принадлежавшій православнымъ митрополитамъ и вступили въ управленіе всѣми митрополичьими угодьями. Польское правительство поддерживало всячески кіевскихъ доминиканъ, подтверждая и расширяя ихъ прежнія права, и дало имъ возможность выстроить въ Кієвѣ, въ концѣ XVI или въ самомъ началѣ XVII в., новый великолѣпный костелъ, въ значительной части изъ матеріаловъ древняго православнаго Борисоглѣбскаго храма въ Вышгородѣ.

Но Кієвъ сохранялъ еще значительныя силы для сопротивленія польско-католическимъ покушеніямъ. На рубежѣ этого періода кіевскимъ воеводою въ теченіе свыше 50 лѣтъ (1557—1608 гг.) былъ могущественнѣйшій въ то время въ польско-литовскомъ государствѣ защитникъ православія и русской народности князь К. К. Острожскій, который не допускалъ особеннаго развитія католичества и польщины въ Кієвѣ, возстановлялъ его древніе храмы и вообще покровительствовалъ русской народности и православію въ Кієвѣ. По словамъ уніатскаго митрополита Ипатія Поцѣя, князь К. К. Острожскій былъ схизматикъ и притѣснялъ его, митрополита: не допускалъ до визитацій, поотбиралъ маетности, не дозволялъ ему пріѣзжать въ Кієвъ и жить здѣсь. Съ другой стороны, князь К. К. Острожскій вызвалъ изъ родоваго гнѣзда своего г. Острога въ Кієвъ въ 1599 г. старца Аѳанасія, а въ 1605 г. другого старца Василія Красовскаго „Чорнобрівца“, поручивъ первому возстановить Межигорскій, а второму Кирилловскій монастыри. Да и независимо отъ князя Острожскаго, сами кіевскіе мѣщане, а особливо запорожскіе казаки, готовы были грудью постоять за свою вѣру и народность. Около 1599 г. гетманъ Самойло Кушка построилъ на Подолѣ Добро-Николаевскую церковь; въ 1602 г. кіевскіе мѣщане Онисимъ Ходковичъ и другіе построили Кієво-Подольскую Рождество-Предтеченскую церковь на мѣстѣ стараго доминиканскаго костела, перенесеннаго за Дѣйпръ.

Послѣ смерти князя Острожскаго († 1608 г.), уніаты и католики начинаютъ смѣлѣе и рѣшительнѣе дѣйствовать въ Кієвѣ. Послѣ князя Острожскаго и до возстанія Богдана Хмельницкаго, въ кіевскіе воеводы назна-

¹⁾ См. „Историко-археологическій очеркъ Брянска“ въ „Трудахъ Кіевской Дух. Академіи“ за январь 1901 г.

²⁾ О Воздвиженско-Симеоновской церкви см. статью проф. С. Т. Голубева въ „Трудахъ Кіевской Дух. Академіи“ за декабрь 1904 г.

чались исключительно польско-католики, которые старались ограничивать права киевскаго магистрата, притѣснили православныхъ и покровительствовали польско-католикамъ. Въ первой половинѣ XVII вѣка появляются въ Кіевѣ католическіе монастыри бернардинскій и іезуитскій. „А въ Кіевѣ,—говоритъ лѣтописъ самовидца,—тежъ утискъ немалый церквамъ Божиимъ старожитнымъ чинили такъ воевода кіевскій Тышкевичъ, на тотъ часъ будущій, яко тежъ езуиты, доминиканы, бернардины и иные законы, наѣздами права митрополиту утискуючи и науки школъ забороняючи“. Тышкевичъ, между прочимъ, упразднилъ въ кіевскомъ замкѣ православную церковь св. Николая.

Но чѣмъ сильнѣе была опасность для православія и русской народности отъ уни и католичества, тѣмъ сильнѣе было и противодѣйствіе имъ со стороны православныхъ киевлянъ. Съ 1610 г., когда ярко обозначился характеръ церковной уни, киевподольскіе священники, на настоянію киевскихъ мѣщанъ, перестали ходить на соборное богослуженіе въ Кіево-Софійскій соборъ и стали ходить для этой цѣли въ Кіево-Подольскій Успенскій соборъ, а запорожскіе казаки умертвили двухъ представителей униатскаго митрополита въ Кіевѣ, Антонія Грековича и Іоанна Юзefовича. Усиливается постройка новыхъ храмовъ Божіихъ, какъ, напр., Кіево-Богоявленскаго монастыря и церкви Васильевской казацкой (возлѣ Флоровскаго монастыря), Ильинской и Свято-Духовской на Подолѣ, Златоустовской на старомъ городѣ и пр. Особенную же черту этого времени составляетъ соединеніе православныхъ киевлянъ разныхъ сословій и классовъ общества въ церковныя братства, имѣвшія главною цѣлю противодѣйствовать униатамъ и католикамъ. Юридическое основаніе для этихъ братствъ коренится въ магдебургскомъ правѣ, въ силу котораго кіевскій воевода князь К. К. Острожскій еще въ XVI вѣкѣ разрѣшалъ братствамъ *замковыихъ* ремесленниковъ кіевскихъ имѣть особенную денежную кассу („скринку“) братскую и сытитъ „канувъ“ (медъ) къ извѣстнымъ годовымъ церковнымъ праздникамъ. Тѣмъ болѣе кіевскіе мѣщане, не зависѣвшіе отъ кіевского воеводы, должны были имѣть свое церковное братство. Оно

учреждено было при Кіевоподольскомъ Успенскомъ соборѣ, а потомъ перенесено, въ качествѣ всесословнаго, въ Богоявленскій училищный монастырь, основанный въ 1615 г. Совокупными усиліями разныхъ сословій и классовъ общества, соединившихся въ церковное братство около Богоявленскаго училищнаго монастыря, въ 1620 г. восстановлена была въ Кіевѣ православная іерархія; а въ 1632 г. она разрѣшена была и польскимъ правительствомъ. Возвращены были православнымъ Кіево-Софійскій соборъ, Выдубицкій монастырь и церкви верхняго Кіева Трехсвятительская и Воздвиженско-Симеоновская и возобновлена Спасская церковь на Берестовѣ. Когда же снова усилились притѣсненія православнымъ южно-руссамъ со стороны польско-католиковъ, то въ 1648 г. послѣдовало извѣстное возстаніе Богдана Хмельницкаго противъ поляковъ, приведшее къ воссоединенію въ 1654 г. Кіева съ московскимъ государствомъ.

Со времени воссоединенія Кіева съ Россіей Кіевъ и Малороссія, пользуясь полною свободой вѣроисповѣданія и развитія своей русской народности, постепенно закрѣпляются за русскимъ государствомъ и даютъ послѣднему перевѣсъ въ роковой борьбѣ Польши и Россіи за преобладаніе и даже существованіе, снабжаятъ сѣверную Россію своими учеными и распространяють въ ней просвѣщеніе, преимущественно духовное; а съ другой стороны—постепенно приравниваются во внутреннемъ устройствѣ и управленіи къ остальнымъ частямъ русскаго государства.

Тотчасъ по присоединеніи Кіева къ Россіи въ 1654 г. начинаются почти непрерывныя войны изъ-за него съ одной стороны съ Польшею и съ переходившими на ея сторону частями малороссійскаго казачества, а съ другой—съ татарами и турками, назвававшимися иногда своихъ гетмановъ для западной, правобережной Украины. Во время этихъ войнъ и смутъ въ самой Малороссіи Кіевъ становится самымъ важнымъ пограничнымъ опорнымъ пунктомъ для военныхъ силъ Россіи, а потому сильно укрѣпляется московскими людьми. Въ 1654 г. по занятіи Кіева русскими войсками, московскій воевода князь Федоръ Семеновичъ Куракинъ, оставивъ замокъ на Киселевкѣ, сталъ возобновлять древнія укрѣпленія верхняго Кіева Владиміровы

и Ярославовы и распространить ихъ въ слѣдующемъ 1635 г. Въ это время построенъ былъ форпостъ или земляной валъ противъ Печерскихъ (прежнихъ Лядскихъ) воротъ старо-кіевской крѣпости, надъ „Хрещатою долиною“, около нынѣшняго института благородныхъ дѣвицъ. Въ 1665 г. обведенъ землянымъ валомъ Златоверхо-Михайловскій монастырь съ восточной, южной и западной сторонъ.

Послѣ взятія Чигирива турками въ 1678 г., когда угрожала опасность самому Кіеву, московскія и казацкія войска, собравшіяся подъ Кіевомъ, въ 1679 г., обвели великій градъ кіевскій многими крѣпкими валами, при чемъ прибавили тогда къ старому городу, съ юга, значительное пространство, оградивъ его новымъ крѣпостнымъ валомъ по Крещатицкой сторонѣ, начиная отъ Михайловскаго монастыря, мимо костела, по Михайловскому переулку и Мало-Подвальной улицѣ. Въ то же время казацкія войска, подъ наблюденіемъ гетмана Ивана Самойловича, сдѣлали земляной валъ около Печерскаго монастыря. Къ 1682 г. и „Кіевъ нижній градъ“, т. е. Подолье, обнесенъ былъ насыпью съ деревянными стѣнами и пѣсьяными воротами. Въ 1706 г. Петръ I, въ виду предстоявшей рѣшительной битвы со шведскимъ королемъ Карломъ XII, самъ лично заложилъ новую Печерскую крѣпость, которую тогда же начали строить малорусскіе казаки подъ смотрѣніемъ гетмана Мазепы. Сюда съ 1711 г. перешли на жительство начальники города и губерніи и перенесена губернская канцелярія. Въ 1713 г., въ виду предстоявшей опасности отъ турокъ, казацкія войска стояли подъ Кіевомъ и дѣлали укрѣпленіе отъ Печерской крѣпости по-надъ Лыбедью до стараго или верхняго города и Подола. Часть этого укрѣпленія, идущая отъ Печерска, по-надъ Лыбедью, до стараго города, съ прибавленіемъ особой крѣпостцы „Скородумъ“ надъ Крещатицкимъ источникомъ, обозначена на одномъ чертежѣ 1718 г.; другая же часть его, примыкая на нынѣшнемъ Львовскомъ базарѣ къ древнему Ярославову валу, шла по нынѣшней Бульварно-Кудрявской улицѣ, огнивала астрономическую обсерваторію и погостъ нынѣшней Вознесенской церкви, оттуда шла по горѣ до угла Подвального и Кудрявскаго переулковъ и по послѣднему до-

ходила опять до Ярославовыхъ укрѣпленій. Въ это же время проложенъ былъ и Александровскій спускъ отъ Печерска къ Крещатицкой улицѣ и Подолу. Укрѣпленія эти окончены были въ 1716 г. и возобновлены, по случаю русско-турецкой войны, въ 1730 годахъ фельдмаршаломъ Минихомъ, который къ прежнимъ укрѣпленіямъ прибавилъ, повидимому, новый валъ отъ погоста нынѣшней Вознесенской церкви по южной сторонѣ Юрковицы, спускающійся мимо Іорданской церкви къ Днѣпру, какъ это видно на планѣ Кіева 1745 г.

Благодаря укрѣпленіямъ Кіева, населеніе его увеличивается и раздвигается въ разныя стороны; вслѣдствіе чего увеличивается и число храмовъ Божіихъ. Храмы возобновлялись и строились и казацкими чинами, и духовенствомъ, и мѣщанами, и кромѣ того — бывшими въ Кіевѣ московскими войсками, воеводами и генераль-губернаторами, и — наконецъ — самими русскими государями; которые, со времени Петра I, нерѣдко навѣщаютъ Кіевъ и даже имѣютъ здѣсь свои дворцы.

Гетманъ Мазепа построилъ каменные церкви въ монастыряхъ женскомъ Вознесенскомъ на Печерскѣ, Пустынно-Никольскомъ, чинить военный Николаевскій соборъ, и въ Кіево-Подольскомъ Богооявленскомъ училищномъ монастырѣ, обнесъ каменною оградой Кіево-Печерскій монастырь и въ 1704 г. построилъ двухэтажный корпусъ для кіевской Академіи. Кіевскій полковникъ Григорій Карповичъ Коровка или Волескій соорудилъ каменную Рождество-Предтеченскую церковь на Подолѣ. Другой кіевскій полковникъ Константинъ Мокіевскій построилъ церкви Борисоглѣбскую въ Вышгородѣ и Θεодосіевскую и Воскресенскую на Печерскѣ. Стародубскій полковникъ Михайлѣ Миклашевскій воздвигнулъ каменные церкви Георгіевскую и Преображенскую въ Выдубицкомъ монастырѣ; кіевскій митрополитъ Варлаамъ Явнскій началъ возобновлять Кіево-Софійскій соборъ и испросилъ себѣ каменное зданіе кіевского по-доминиканскаго костела, образовавъ изъ него православный Петропавловскій монастырь, а также возобновилъ, при содѣйствіи генеральнаго судьи войска запорожскаго В. Кочубея, древнюю Трехсвятительскую церковь. Особенно много построено было храмовъ монастырями или для себя,

или для своихъ подданныхъ. На Печерскѣ, который тогда принадлежалъ Кіево-Печерскому и отъ-части Пустынно-Никольскому монастырямъ, кромѣ Спасской на Берестовѣ, Теодосіевской и Воскресенской церквей, были еще приходскія церкви для монастырскихъ подданныхъ ветхая Пятницкая гдѣ-то за лаврою, около нынѣшней Воскресенской, Вознесенская, оставшаяся по перенесеніи около 1712 г. Петромъ I Печерскаго женскаго монастыря на Подолѣ, на мѣстѣ нынѣшняго арсенала, Іоанно-Богословская за бывшимъ женскимъ Печерскимъ Воздвиженскимъ монастыремъ, Звѣринецкая, Кловская на Печерскомъ подворьѣ, гдѣ нынѣ Кіевское 1-е женское епархіальное училище и Владимірское на Печерскѣ съ 1755 г., вполнѣдствіи перенесенная на Новое строеніе. Въ концѣ XVII вѣка Кіево-Братскій монастырь перенесъ свою старую деревянную церковь на мѣсто древней Крестовоздвиженской церкви и переименовалъ ее въ Андреевскую. На мѣстѣ древняго Копырева конца стояло теперь митрополичье село Кудрявецъ, съ приходскою церковію, извѣстною вполнѣдствіи подъ именемъ Вознесенской. Кирилловскій монастырь построенъ на развалинахъ древней Никольской церкви, извѣстной по чуду съ половиною, деревянную „церковь св. Николая Іорданскаго“, при которой вскорѣ учреждены были два женскихъ Іорданскихъ монастыря Николаевскій и Богословскій. Во второй половинѣ XVII вѣка появляются приходскія церкви Царе-Константиновская и Введенская въ Плоскомъ участкѣ и Покровская на мѣстѣ бывшаго армянскаго костела—въ подольскомъ участкѣ. Въ 1692 г. мѣщанинъ Петръ Гудима построилъ вмѣсто деревянной каменную Ильинскую церковь на Подолѣ, а въ 1748 г. Артемъ Кожемяка—такую же Воздвиженскую церковь на Кожемякахъ.

Со времени воссоединенія Кіева съ Россіей, и московскіе люди, патріархи и сами государи стали созидать или возобновлять въ Кіевѣ храмы. Московскіе ратные люди во второй половинѣ XVII вѣка построили для себя свои церкви при всѣхъ крѣпостныхъ воротахъ верхняго Кіева: Троицкую при Лядекихъ или Печерскихъ воротахъ, въ которой помѣщена была икона Богородицы, прежде находившаяся на Золотыхъ воротахъ; Срѣтенскую или Скорбященскую, съ иконою Богородицы Всѣхъ Скорбящихъ Радости, при

Львовскихъ или Ивановскихъ воротахъ; Героіевскую на мѣстѣ древней Ярославовой, при Золотыхъ воротахъ, и надстроили Десятинную церковь при воротахъ Кіевскихъ, ведущихъ на Подолѣ. Кромѣ того, до 1699 г. существовала на Печерскѣ, —вѣроятно, для части московскихъ войскъ,—Покровская церковь, которая въ этомъ году перенесена была полковникомъ кіевского полка Михаиломъ Сухаревымъ въ Печерское отдѣленіе Старо-Кіевской крѣпости и просуществовала здѣсь до 1787 года. Въ 1676—1690 г.г. Межигорскій монастырь обновленъ былъ иждивеніемъ, его постриженца, московскаго патріарха Іоакима Савелова. Около 1715 г. кіевскимъ генералъ-губернаторомъ Дим. Голицынымъ построена нынѣшняя каменная церковь Пустынно-Никольскаго монастыря. Наконецъ, нынѣшняя Андреевская церковь, на мѣстѣ обвалившейся деревянной, заложена была въ 1744 г. лично императрицею Елизаветою Петровною и сооружена на ея средства.

Влнжайшимъ послѣдствіемъ политическаго и гражданскаго воссоединенія Малороссіи и Кіева съ Россією было постепенное уничтоженіе особенностей въ церковномъ и гражданскомъ управленіи Малороссією и пріобрѣтеніе ея къ результатамъ исторически выработавшихся въ Россіи гражданственности и просвѣщенія. Послѣ окончательнаго присоединенія Кіева къ Россіи, въ 1686 году, послѣдовало подчиненіе кіевской митрополіи московскому патріарху вмѣсто цареградскаго. А политическая неустойчивость нѣкоторыхъ малорусскихъ гетмановъ XVII в. и особенно измѣна Мазепы Петру I-му въ 1709 г. подали поводъ къ ограниченію нѣкоторыхъ правъ Малороссіи и особенно права избранія гетмана вольными голосами. Гетманство восстановилось въ 1728 и 1750 годахъ. Но послѣдній гетманъ К. Г. Разумовскій своими домогательствами восстановленія прежнихъ правъ Малороссіи и учрежденія наслѣдственнаго гетманства въ его родѣ достигъ прямо противоположныхъ тому результатовъ. Императрица Екатерина II въ 1764 г. упразднила малороссійское гетманство и рѣшила уравнивать Малороссію съ остальными частями Россійской имперіи. Въ 1775 г. уничтожена была безпокойная Сѣчь Запорожская, служившая прежде для охраны южныхъ русскихъ границъ, а теперь ставшая анахро-

низомъ. Въ 1783 г. упразднено и малороссийское казачье войско, съ переименованіемъ начальствующихъ лицъ въ соответственные гражданскіе чины Россійской имперіи. Съ изданіемъ въ 1785 г. городского положенія, оно было распространено и на Кіевъ, хотя и съ сохраненіемъ нѣкоторыхъ мѣстныхъ особенностей, обусловливавшихся магдебургскимъ правомъ. Въ 1786 году и въ Малороссіи введены были духовные штаты, вслѣдствіе чего въ Кіевѣ и его окрестностяхъ монастырскія земли взяты у монастырей въ казну или отданы кіевскимъ мѣщанамъ, сокращено число монашествующихъ лицъ и закрыты монастыри Межигорскій, Кпріловскій, женскій Іорданскій Богословскій, Кіево-Софійскій, съ обращеніемъ храма его въ кафедральный соборъ и Петропавловскій, вскорѣ, впрочемъ, переданный кіевскимъ грекамъ; но за-то прибавилась около этого времени новал Щекавицакая церковь на одномъ изъ загородныхъ кладбищъ, отведенныхъ послѣ чумы 1769—1771 г.г. Самый Кіево-Подольскій Екатерина II предполагала перенести на Печерскую и Кловскую возвышенности, но не успѣла, привести въ исполненіе этого предположенія.

Сынъ и преемникъ Екатерины II Павелъ I, желая исправить мнимыя неправды своей веллпкой матери, возстановилъ прежнія права и привилегіи города Кіева и, сдѣлавъ Кіевъ губернскимъ городомъ для нѣкоторыхъ частей правобережной Украйны, недавно перешедшихъ къ Россіи отъ Польши, усилилъ польскій элементъ въ Кіевѣ и предоставилъ полякамъ извѣстную долю самоуправленія. Въ 1797 г. онъ перенесъ изъ г. Дубно, волынской губерніи, въ Кіевъ ярмарку, извѣстную подъ названіемъ Контрактовъ. Въ 1799 г. построенъ былъ на Печерскѣ польско-католическій костелъ, вмѣстѣ котораго впоследствии построенъ нынѣшній костелъ близъ Михайловскаго монастыря. Эти права г. Кіеву и полякамъ подтверждены были и преемникомъ Павла Александромъ I. Облагодѣтельствоваанные кіевляне въ 1802 г. соорудили каменный памятникъ съ фонтаномъ надъ Крещатицкимъ источникомъ, называемый обыкновенно нижнимъ памятникомъ св. Владиміру, и учредили тамъ ежегодно „торжественнѣйшій крестный ходъ“ 15 іюля, совершаемый и доселѣ. Но магдебургскія права Кіеву, равно какъ и привилегіи поля-

камъ, отиѣнены были императоромъ Николаемъ I.

Въ 1811 г. городъ Кіевъ постигло большое несчастье. Въ этомъ году страшный пожаръ истребилъ всю наиболѣе тогда заселенную и наилучше отстроенную часть города Кіево-Подоль, отъ котораго остались только груды развалинъ. Отъ кіевоподольскихъ церквей Спасской, Васильевской, Казацкой и Свято-Духовской не осталось и слѣда. Правительствомъ принято самое дѣятельное участіе въ судьбѣ города; на отстройку Вратскаго монастыря было опредѣлено 200.000 рублей. Но этотъ же пожаръ содѣйствовалъ и послѣдующему улучшенію Кіевоподола. Въ слѣдующемъ 1812 году утвержденъ новый, правильный планъ для Кіевоподола, существующій и доселѣ, и съ того времени стали умножаться каменные постройки въ этой части города. Въ томъ же году открыта была въ Кіевѣ первая высшая гимназія, помѣщавшаяся на Кловѣ, гдѣ нынѣ 1-е епархіальное женское училище.

Въ царствованіе императора Николая I настала очередь для переустройства, возобновленія и расширенія нагорныхъ частей Кіева. Съ 1830 года началась постройка крѣпости на Печерскѣ, вслѣдствіе чего сломано много частныхъ домовъ, а домовладѣльцамъ отведены новыя мѣста для построекъ близъ рѣчки Лыбеди и тамъ положено основаніе новой части города, Лыбедской или такъ называемому Новому строенію. Въ 1833 г., по распоряженію генераль-губернатора графа В. В. Левашова, распланировано урочище Кловъ или Липки, стало застраиваться частными домами и вскорѣ образовало особую и самую лучшую, въ нѣкоторыхъ отношеніяхъ, аристократическую дворцовую часть города. Въ 1834 г. утверждено положеніе объ устройствѣ Кіева, имѣвшее цѣлю украшеніе города правильными и прочными зданіями, исправнымъ состояніемъ домовъ, заборовъ, мостовъ, публичныхъ зданій, садовъ и пр., и въ томъ же году открытъ кіевскій Университетъ св. Владиміра. Въ 1831 г. планированіе распространилось на древніе валы стараго Кіева, который поэтому совершенно началъ измѣняться къ лучшему. Въ 1838 г. послѣдовало открытіе кіевского института благородныхъ дѣвицъ. Въ 1845 г. необычайнымъ разливомъ Днѣпра затопило и

почти разрушило два квартала Плоской части или Заканавья, вслѣдствіе чего домовладѣльцы этихъ кварталовъ стали переселяться частью на сѣверную часть стараго или верхняго Кіева около Житомирской дороги, частью на возвышенности Юрковицы между Шековицкимъ кладбищемъ и Кирилловскими богоугодными заведеніями и образовали новые кварталы съ правильными улицами. Въ 1849 г. начата постройка огромнаго красиваго зданія кадетскаго корпуса. Въ 1853 г. оконченъ и освященъ цѣпной мостъ черезъ Днѣпръ и открытъ памятникъ св. Владимиру на уступѣ горы ниже Михайловскаго монастыря. Въ 1856 г. окончена постройка новаго каменнаго театра недалеко отъ Золотыхъ воротъ.

Въ послѣдующее царствованіе императора Александра II, въ 1857 г. освящены оконченныя къ этому времени присутственныя мѣста на старомъ городѣ, учреждено множество учебныхъ заведеній разныхъ вѣдомствъ, открыто Свято-Владимірское Братство и нѣсколько ученыхъ обществъ, въ томъ числѣ историческое св. Нестора при Университетѣ и церковно-историческое и археологическое съ музеемъ при кievской Духовной Академіи, возведено новое укрѣпленіе, по новой системѣ, на Лысой горѣ, окончены и освящены Императорскій дворецъ въ Липкахъ, желѣзныи мостъ черезъ Днѣпръ и желѣзно-дорожный вокзалъ; основана городская публичная бібліотека, открытъ памятникъ графу Вобринскому и пр. Съ проведеніемъ двухъ желѣзнодорожныхъ линій Кіево-Врестской и Курско-Кіевской, связавшихъ Кіевъ съ югомъ и сѣверомъ Россіи, городъ быстро сталъ обстраиваться прекрасными домами и общественными зданіями, чему много способствовали открывшіеся къ тому времени банки и кредитныя учрежденія, а также новое городовое положеніе, введенное въ Кіевѣ съ 1871 года. Въ числѣ новыхъ сооруженій слѣдуетъ упомянуть зданіе городской думы, построенное въ 1878 г. Устроенъ также городской водопроводъ.

При Государѣ Императорѣ Александрѣ III, въ 1888 году торжественно отпраздновано въ Кіевѣ 900-лѣтіе крещенія русскаго народа и открытъ памятникъ Богдану Хмельницкому. Въ 1891 г. утвержденъ проектъ памятника Императору Николаю I, открытаго въ 1896 г. Къ удобствамъ кievской

жизни въ это царствованіе учреждены были: адресный столъ, городская желѣзная дорога съ постепеннымъ примѣненіемъ къ ней электрической тяги, электрическое освѣщеніе, мало-по-малу расширяющаяся и на второстепенныя улицы, городская общественная канализація.

Въ нынѣшнее царствованіе Императора Николая II учреждены въ Кіевѣ политехническій Институтъ за городомъ, религіозно-просвѣтительное Общество съ собственнымъ зданіемъ на старомъ городѣ, церковно-учительская школа на Лукьяновкѣ, построены городской музей общества изящныхъ искусствъ, народный домъ на Троицкой площади, обширный Дегтяревскій богадѣльни и новый театръ на мѣсто прежняго, сгорѣвшаго, и устроена кievская гавань.

Рядомъ съ постепеннымъ ростомъ города выросли въ немъ и новые храмы Божіи и монастыри, или же перемѣщались прежнія на новыя мѣста, и восстанавлилась священная старина Кіева. Перемѣщены были на новыя мѣста и вновь отстроены церкви: Владимірская съ Печерска и Троицкая со стараго города въ Лыбедскую часть или на Новое строеніе, Златоустовская со стараго города на Галицкую площадь и здѣсь построена вся изъ желѣза, а Вознесенская—съ Вознесенскаго спуска на Львовскую улицу. Построены на старыхъ мѣстахъ, вмѣсто прежнихъ обветшавшихъ церквей и часовень, фонтанъ Самсона на толкучемъ Кіевоподольскомъ рынкѣ въ 1807 г., Николаевская церковь на Аскольдовой Могилѣ въ 1810 г., Десятинная въ 1842 г., Введенская за Канавою около 1892 г. Вновь воздвигнуты церкви преимущественно на окраинахъ Кіева: Ольгинская на Печерскѣ и Димитріевская на Байковой горѣ въ 1839 г. Особенно много построено церквей со времени царствованія Александра II, какъ-то: Теодоровская на Лукьяновкѣ, Александро-Невская въ Липкахъ, Маріинско-Благовѣщенская на Новомъ строеніи, Макаріевская на Верхней Юрковицѣ, Деміевская, Куруневская и Шулявская на сопкахъ и въ предмѣстьяхъ Кіева и Платоновская на предмѣстьи Соломенкѣ. Но самую большую и величественную изъ новопостроенныхъ церквей является Владимірскій соборъ на Вибиковскомъ бульварѣ, художественно росписанный и отдѣ-

ланный во всѣхъ частностяхъ. Онъ заложенъ еще въ 1862 г., но внутреннее убранство его закончено въ 1896 г., въ которомъ онъ и освященъ былъ торжественно въ присутствіи Государя Императора Николая II и Государыни Императрицы Александры Теодоровны.

Кромѣ соборныхъ и приходскихъ церквей, въ послѣднее время устроено въ Кіевѣ множество домовыхъ церквей при разныхъ учебныхъ, общественныхъ и благотвори-тельныхъ учрежденіяхъ.

Со времени царствованія Императора Александра II вновь учреждены въ Кіевѣ и его предмѣстьяхъ Введенская женская община Краснаго Креста съ Введенскою же церковію на Печерскѣ, недавно обращенная въ монастырь, монастыри мужской Троицкій Іонинъ близъ Выдубицкаго монастыря и Покровскій женскій, основанный Великою Княгинею Александрою Петровною, съ которыми соединенъ и возстановленный въ 1884 г. древній Межигорскій монастырь, и возстановленъ древній Гнилецкій мужской монастырь Пречистыя на урочищѣ Церковщина, принадлежащемъ Кіево-Вратскому монастырю, за Китаевомъ. Построено новое зданіе кіевской Дух. Семинаріи на Кудравцѣ, на предполагаемомъ мѣстѣ древняго Іоанновскаго монастыря на Копыревѣ концѣ, съ Іоанно-Богословскою церковію.

Вмѣстѣ съ умноженіемъ новыхъ храмовъ, и древніе храмы Кіева мало-по-малу возстановляютъ свою прежнюю красоту. Открыты и возстановлены древнія фрески и мозаики въ Кіево-Софійскомъ соборѣ, Злато-верхо-Михайловскомъ монастырѣ, въ храмѣ бывшаго Кирилловскаго монастыря и въ Спаской на Берестовѣ церкви. Вмѣстѣ съ тѣмъ, подъ влияніемъ изученія древняго устройства православныхъ храмовъ, возникаетъ и усиливается стремленіе расписывать новые или возобновляемые храмы, по образцу древнихъ храмовъ, священными настенными изображеніями и замѣнять прежніе высокіе многоярусные иконостасы болѣе или менѣе низкими алтарными преградами.

Литература. Обзорѣніе Кіева въ отношеніи древностей *Фундуклея* (1847). Сборникъ матеріаловъ для исторической топографіи г. Кіева (Кіевъ 1884). Собраніе сочиненій *Мих. Ал. Максимовича*, т. II (Кіевъ 1877). Монографіи по исторіи западной и юго-западной Россіи проф. *Вл. Б. Антоновича*,

т. I (Кіевъ 1885). Историко-топографическіе очерки древняго Кіева проф. *Н. И. Петрова* (Кіевъ 1897). Публичныя лекціи по геологіи и исторіи Кіева профессоромъ *П. Я. Архангельскаго* и *Вл. Б. Антоновича* (Кіевъ 1897). Кіевъ въ 1654—1855 годахъ, проф. *В. И. Ст. Иконникова* въ „Кіевской Старинѣ“ за 1904 годъ въ особыми отисками. [Проф. *Н. И. Петровъ*, Новоткрытый альбомъ видовъ и рисунковъ достопримѣчательностей Кіева 1651 года въ „Трудахъ Кіевской Духовной Академіи“ 1905 г., № 7, стр. 431—472. *Я. П. Смирновъ*, Рисунки Кіева 1651 года по копіямъ изъ копна XVIII вѣка (Москва 1908), листъ. *Л. С. Матвѣевичъ*, Къ матеріаламъ для исторической топографіи Кіева: † прот. *П. Г. Лебединцевъ*, Кіевъ за 60 лѣтъ предъ симъ въ „Трудахъ Кіев. Дух. Академіи“, 1909 г., № 2, стр. 311—314; 314—336].

Н. Петровъ.

Кіевская митрополія—епархія.

1. Историческій очеркъ образованія кіевской митрополіи — епархіи. Кіевская митрополія—епархія окончательно образовалась, съ характеромъ епархіальнаго института, какимъ она остается доселѣ, только въ 1685—86 г. Правда, кіевская митрополія существовала и раньше 1685—86 г., но тогда она занимала совсѣмъ иное положеніе въ русской церкви, чѣмъ какое занимаетъ теперь, равно какъ и самый внутренній характеръ ея тогда былъ совсѣмъ иной. Со времени своего первоначальнаго учрежденія и до половины XV в. кіевская митрополія была епархіею митрополита кіевского и всея Россіи, т. е. единого митрополита, управлявшаго всею русскою церковію, которая находилась тогда въ зависимости отъ константинопольскаго патріарха. Съ половины XV в. и до 1685—86 г. кіевская митрополія—епархія была епархіею митрополита, который назывался по прежнему митрополитомъ кіевскимъ и всея Россіи, но управлялъ одною только западно-русскою православною церковію, существовавшею отдѣльно отъ сѣверо-восточной русской церкви и находившеюся подъ властію вселенскаго патріарха. Въ 1685—86 г. кіевская митрополія—епархія, подчинившись московскому патріарху, котораго въ 1721 г. замѣнилъ Св. Синодъ, вошла въ составъ все-россійской православной церкви и окончательно приняла внѣшній, такъ и внутренній видъ, дѣлавшій ее подобною другимъ нашимъ епархіямъ. Впрочемъ, въ томъ и дру-

гомъ отношеніи она и теперь имѣла свои довольно значительныя особенности, которыя сохраняла до самого конца XVIII в. Только уже въ концѣ XVIII в. (съ 1797 г.) кіевская митрополія—епархія имѣла при ней свой выѣшній видъ, при чемъ сдѣлалась во всемъ одинаковою съ другими епархіями русской церкви, за исключеніемъ нѣкоторыхъ чисто мѣстныхъ и выѣшнихъ особенностей въ бытѣ и положеніи духовенства, равно какъ и въ жизни мірянъ.

II. Границы и составъ кіевской митрополіи—епархій. Кіевская епархія за время своего существованія 1685-6—1797 г. состояла изъ двухъ половинъ. Одна изъ нихъ—большая и главная—находилась въ предѣлахъ русскаго государства и была расположена частію на правомъ (западномъ) берегу р. Дѣпра, а большею частію на лѣвомъ (восточномъ) берегу этой рѣки въ предѣлахъ нынѣшнихъ черниговской и полтавской губерній; эта половина кіевской митрополіи—епархія называлась тогда *собственною кіевскою епархіей*. Другая же—меньшая часть кіевской епархій находилась въ предѣлахъ польско-литовскаго государства, за границею Россіи, почему и называлась *заграничною*. Заграничную часть кіевской епархій въ XVII—XVIII вв. составляли монастыри и приходскія церкви. Заграничные монастыри кіевской митрополіи—епархій въ XVII—XVIII вв. раздѣлялись на нѣсколько группъ, а именно: 1) *литовскую*, называвшуюся еще иначе *виленскимъ старшинствомъ*, потому что всѣми монастырями этой группы заведывалъ *виленскій старшій*, т. е. игуменъ Св.-Духовскаго монастыря; 2) *слуцкую архимандрію*, называвшуюся такъ, потому что всѣми монастырями этой группы управлялъ архимандритъ слуцкаго Св.-Троицкаго монастыря, называвшіеся *наместниками* кіевского православнаго митрополита; 3) *бѣлорусскую*; 4) *подляскую*; 5) *польскую* и 6) *украинскую*, называвшіеся такъ по мѣсту нахождения монастырей, которые составляли ту или другую группу. Такимъ образомъ, заграничные монастыри кіевской митрополіи—епархій XVII—XVIII вв. были разбѣяны по всему пространству Западной Руси, входившей въ составъ польско-литовскаго государства. Число этихъ монастырей было не всегда одинаково, такъ

какъ нѣкоторые изъ нихъ со временемъ превращались путемъ разныхъ насилій на унию. Всего изъ нихъ сохранилось въ православіи до конца XVIII в. 36 обителей. Всѣ онѣ имѣли чрезвычайно важное историческое значеніе, ибо служили свѣточамъ, оплотомъ и центромъ непрерывно продолжавшейся въ теченіе XVII—XVIII в. в. борьбы Западной Руси за вѣру православную и народность русскую. Въ частности, много значило то, что эти монастыри принадлежали именно къ епархій кіевского митрополита, который, живя въ Россіи, хотя и не могъ имѣть непосредственнаго архипастырскаго надзора за ними, но въ то же самое время могъ сильно защищать и дѣйствительно, защищалъ ихъ отъ преслѣдованій со стороны латино-униатовъ, для чего пользовался содѣйствіемъ и нашего правительства. Кромѣ монастырей, заграничную часть кіевской митрополіи—епархій XVII—XVIII вв. составляли еще приходскія церкви, которыя находились преимущественно на Польшѣ, въ предѣлахъ нынѣшней минской епархій. Здѣсь было нѣсколько (до 100) церквей приходскихъ, составившихъ 6 протопоій: 1) слуцкую, 2) мозырскую, 3) петриковскую, 4) пинскую, 5) туровскую и 6) давидгородскую. Въ вѣдѣніи же кіевского митрополита въ XVIII в. находилась и польская православная церковь въ Варшавѣ, извѣстная въ исторіи кіевской митрополіи—епархій XVII—XVIII вв. подъ именемъ *варшавской капеллани*. Собственная кіевская митрополія—епархія въ XVII—XVIII вв. находилась только отчасти на правомъ (западномъ) берегу р. Дѣпра, а преимущественно она была расположена на лѣвомъ берегу его въ предѣлахъ нынѣшнихъ черниговской и полтавской епархій. Границы и территориальный составъ кіевской митрополіи—епархій въ XVII—XVIII вв. весьма часто мѣнялись и иногда довольно существенно. Такъ, съ 1685-6 до 1701 г. кіевская митрополія обнимала собою на правомъ берегу р. Дѣпра почти всю территорію нынѣшней кіевской епархій (небольшая только часть этой территоріи, приблизительно на 25 верстъ около Кіева, находилась тогда въ предѣлахъ Россіи, а остальное пространство принадлежало Польшѣ), всю территорію нынѣшней полтавской епархій и значительную часть нынѣшней

черниговской епархій. Въ 1701 г. было учреждено переяславское коадьютарство (викаріатство), въ составъ котораго вошли всѣ церкви Переяславскаго полка (на лѣвомъ берегу р. Дѣпра) и запустѣлые монастыри—Каневскій и Трехтемаровскій (на правомъ берегу р. Дѣпра). Въ 1715 г. во владѣніе переяславскаго коадьютора, пользовавшагося извѣстными правами самостоятельности въ отношеніи къ кіевскому митрополиту, были переданы на правой сторонѣ р. Дѣпра церкви Корсунскаго и Богуславскаго полковъ, т. е. каневского, черкаскаго и звенигородскаго уѣздовъ нынѣшней кіевской губерніи. Впослѣдствіи территория кіевской митрополіи—епархій терпѣла въ теченіе XVIII в. еще болѣе значительныя перемѣны. Такъ, напр., въ 1756 г. отъ нея были перетислены въ переяславскую епархію церкви крыловской и новоміргородской протопоіи, находившихся на правой сторонѣ р. Дѣпра. Въ 1776 г. нѣкоторые монастыри и церкви кіевской митрополіи—епархій, находившіеся въ южныхъ предѣлахъ нынѣшней полтавской губерніи, были отдѣлены въ составъ новообразованной тогда славянской и херсонской епархій. Въ 1777 и 1778 гг. многіе монастыри и церкви кіевской митрополіи—епархій были перетислены въ переяславскую епархію. Въ 1785 г., по случаю уравниванія границъ кіевской митрополіи—епархій съ границами кіевского намістничества, территориальный составъ кіевской митрополіи—епархій совершенно измѣнился. Въ 1790 годахъ территория кіевской митрополіи—епархій также измѣнялась болѣе или менѣе значительно, хотя она по прежнему оставалась почти цѣликомъ на лѣвомъ (восточномъ) берегу р. Дѣпра. Наконецъ, только 1 сентября 1797 г. кіевская митрополія—епархія была образована въ нынѣшнѣе ея видѣ и составѣ. Съ этого времени кіевская митрополія—епархія вся находится на правомъ берегу р. Дѣпра и совпадаетъ съ границами кіевской губерніи. Въ 1844 г. къ кіевской митрополіи—епархій былъ причисленъ отъ волинской епархій г. Бердичевъ съ уѣздомъ. Съ того времени составъ и границы кіевской епархій остаются безъ перемѣнъ.

III. Іерархія кіевской митрополіи—епархій. Кіевскою митрополіей—епархіей, со времени ея образованія, имено какъ

епархія, управляли слѣдующіе архипастыри:

1) *Гедеонъ князь Святополкъ Четвертинскій, митрополитъ кіевскій, галицкій и всея Малыя Россіи* (1685—1690 г.). Онъ происходилъ изъ древняго и славнаго русскаго рода князей Четвертинскихъ, ведущаго свое происхожденіе отъ св. Владиміра чрезъ его правнука кн. Святослава Изяславича. Митр. Гедеонъ принадлежалъ къ 10 колѣну этого рода и назывался въ мірѣ Григоріемъ Захаріевичемъ старшимъ. Время рожденія его неизвѣстно. Воспитывался онъ, вѣроятно, въ одной изъ православныхъ школъ, существовавшихъ на Волыни: острожской или луцкой. Въ самомъ концѣ 50-хъ или же въ самомъ началѣ 60-хъ годовъ XVIII в. Гедеонъ Святополкъ Четвертинскій былъ избранъ епископомъ луцкимъ и острожскимъ. Архіерейское служеніе его въ Луцкѣ продолжалось болѣе 20-ти лѣтъ и было исполнено многими славными и самоотверженными трудами и подвиговъ его на пользу православія и русской народности въ Зап. Россіи. Какъ человѣкъ образованный и чисто русскій, Гедеонъ былъ убѣжденнымъ противникомъ происходившаго тогда въ Польшѣ усиленнаго окатоличенія и ополяченія западно-русскаго народа. Значеніе Гедеона особенно возвысилось съ того времени, когда въ 80-хъ годахъ XVII в. онъ остался единственнымъ православнымъ епископомъ въ Польшѣ. Благодаря своему положенію и своимъ заслугамъ, Гедеонъ сдѣлался тогда духовнымъ главою и руководителемъ всего западно-русскаго православнаго народа въ его борьбѣ за вѣру и народность; кромѣ того, онъ былъ убѣжденнымъ сторонникомъ той идеи, народившейся уже давно, но теперь только воплотившейся, что Западная Русь одними своими силами не въ состояніи отстоять свою самостоятельность и что для этого ей необходима помощь со стороны единовѣрной и единоплеменной Россіи. Эту идею Гедеонъ открыто высказывалъ во время своихъ сношеній съ правительствомъ Россіи и понятно, что всѣмъ этимъ успѣлъ нажить себѣ множество противниковъ въ Польшѣ. Его начали гнѣснить, преслѣдовать судебными процессами, отнимать имѣнія и даже угрожать его свободѣ и жизни. Все это и заставило Гедеона въ 1684 г. оставить Польшу и переселиться въ Россію, именно въ Малороссію, гдѣ онъ былъ радушно принятъ гетманомъ Ив. Самойлови-

чемъ, съ которымъ былъ въ дружбѣ, а затѣмъ и породнился. Въ 1685 г. Геденъ былъ избранъ въ санъ кіевского митрополита, причѣмъ онъ согласился принять посвященіе отъ московскаго патріарха и подчиниться его власти, чего не желали сдѣлать остальные представители высшаго малороссійскаго духовенства. 8 ноября 1685 г. Геденъ былъ посвященъ патр. Іоакимомъ въ московскомъ Успенскомъ соборѣ въ санъ митрополита. Кіевскую митрополію—епархію онъ управлялъ до 1690 г., въ каковомъ году 6 апрѣля скончался. 2) *Варлаамъ Ясинскій, митрополитъ кіевскій, галицкій и Малыя Россіи* (1690—1707 г.). Изъ воспитанниковъ, профессоровъ и ректоровъ кіевской Коллеіи онъ былъ избранъ сначала (въ 1684 г.) архимандритомъ Кіево-Печерской лавры, а потомъ (въ 1690 г.) въ кіевскіе митрополиты. Варлаамъ управлялъ кіевскою митрополію—епархію до лѣта 1707 г., когда скончался. Былъ онъ очень умный архипастырь, талантливыи администраторъ, выдающійся духовный писатель и покровитель просвѣщенія (см. о немъ подробно „Энци.“ III, 147—148). 3) *Іоасафъ Кроковскій, митрополитъ кіевскій, галицкій и Малыя Россіи* (1708—1718 г. см. о немъ въ „Энци.“ VII, 177—180).

Въ теченіи времени около 1718—1722 г., послѣ смерти митр. Іоасафа Кроковского, кіевская митрополичья кафедра оставалась, по разнымъ обстоятельствамъ и соображеніямъ, свободною. Епархіальнымъ управленіемъ вѣдала въ это время духовная консисторія, а ставленниковъ, посвящавъ епископъ, перемыславскій Кириллъ Шумлянскій, коадьюторъ кіевской митрополіи, или же греческіе архіереи, проживавшіе тогда въ Кіевѣ.

4) *Варлаамъ Ванатовичъ, архієпископъ кіевскій и галицкій* (1722—1731 г.), родился въ Ярославѣ, находившемся въ Западной Руси, бывшей подъ польскимъ владычествомъ. Образованіе свое онъ получилъ въ кіевской Академіи, гдѣ учился до „философіи“ а монашеское постриженіе принявъ въ Тихвинскомъ монастырѣ новгородской епархіи. Впослѣдствіи онъ служилъ духовникомъ при новгородскомъ архієпископѣ Θεодосіи Яновскомъ и флотскимъ оберъ-іеромонахомъ. Изъ оберъ-іеромонаховъ флота былъ сдѣланъ 2 февраля 1719 г. архимандритомъ Тихвинскаго монастыря, откуда

въ началѣ 1722 г. былъ избранъ и 14 мая того же года посвященъ въ санъ кіевского архієпископа. Предоставленіе Варлааму только архієпископскаго, а не митрополичьяго сана было обидно не столько ему, сколько всей кіевской митрополіи и даже всей вообще Малороссіи. Это дѣло устроилъ, кажется, Теофанъ Прокоповичъ, который самъ желалъ занять кіевскую митрополичью кафедру, но его не желалъ отпустить изъ Петербурга императоръ Петръ I. Изъ-за этого, или же по другимъ какимъ-либо болѣе важнымъ обстоятельствамъ, между Теофаномъ Прокоповичемъ и Варлаамомъ установились съ первыхъ же лѣтъ служенія послѣдняго въ Кіевѣ недружелюбныя отношенія, которыя для Варлаама закончились трагическою развязкой. Дѣло происходило такъ. Варлаамъ вообще отличался характеромъ твердымъ и рѣшительнымъ. Своєю митрополію—епархію онъ управлялъ крѣпкою рукою. Различныя представленія и отвѣтныя доношенія его Св. Синоду также звучатъ твердостію, иногда даже рѣзкимъ тономъ. Не разъ Варлааму приходилось получать за это внушенія отъ Св. Синода, или—правильнѣе—отъ Теофана Прокоповича. Послѣдній, видимо, искалъ и ждалъ случая, чтобы раздѣлаться съ непокорнымъ архієреемъ. Скоро такой случай представился въ доносѣ кіевского войта Димитрія Полоцкаго, который давно уже враждовалъ съ Варлаамомъ, о неслуженіи этимъ послѣднимъ молебна въ одинъ изъ высокаторжественныхъ дней. Указомъ 3 августа 1730 г. Варлаамъ вмѣстѣ со всѣми членами кіевской консисторіи былъ взятъ изъ Кіева и доставленъ въ Москву, гдѣ его предали суду. Варлаамъ во все время суда велъ себя исполнѣ достойно и спокойно. По рѣшенію суда онъ былъ лишенъ сана и священства и, въ качествѣ простого монаха, былъ сосланъ въ Кирилло-Бѣлозерскій монастырь на всегдѣшнее пребываніе тамъ. Только черезъ 10 лѣтъ, послѣ воцаренія императрицы Елисаветы Петровны, 15 декабря 1741 г. Варлаамъ былъ возвращенъ изъ ссылки и восстановленъ въ санѣ. Варлаамъ самъ пожелалъ жить на покой въ Тихвинскомъ монастырѣ, гдѣ принявъ схиму съ именемъ Василія и скончался въ 1751 г. Отъ него осталось весьма много любопытныхъ распоряженій подъ именемъ „архієрейскихъ универсаловъ“, характеризующихъ его,

какъ хорошаго администратора, и современное ему состояніе кіевской митрополіи—епархіи. Послѣ удаленія съ кафедръ до назначенія ему преемника епархіальнымъ управленіемъ въ Кіевѣ вѣдала консисторія, а посвященіе ставленниковъ было поручено Св. Синодомъ греческому константинопольскому митрополиту Митрофану, жившему въ Кіевѣ съ 1728 г. 5) *Рафаилъ (въ мѣръ Михаилъ) Заборовскій (сначала архієпископъ, а потомъ) митрополитъ кіевскій, галицкій и Малыя Россіи* (1731—1747 г.), родился въ м. Заборовѣ (подъ Львовомъ) въ Галиціи около 1676 г. Отецъ его былъ католикъ, а мать—православная. Онъ обучался сначала въ заграничныхъ школахъ, а затѣмъ, послѣ смерти отца, отправился въ Кіевъ, гдѣ учился въ Академіи въ классѣ философіи, и, наконецъ, перешелъ въ Москву, гдѣ въ законодательской Академіи окончилъ свое образованіе. Послѣ принятія монашества, Рафаилъ былъ назначенъ учителемъ риторики въ той же московской Академіи. Впослѣдствіи онъ служилъ оберъ-іеромонахомъ во флотѣ, а въ 1723 г. былъ опредѣленъ архимандритомъ Троицкаго Калязина монастыря въ Твери, при чемъ одновременно былъ и ассессоромъ Св. Синода. 15 августа 1725 г. Рафаилъ былъ посвященъ въ санъ епископа псковскаго и вмѣстѣ съ тѣмъ былъ членомъ Св. Синода, а 13 апрѣля 1731 г. былъ переведенъ въ Кіевъ съ званіемъ архієпископа; 11 июня 1743 года Рафаилъ былъ удостоенъ званія *митрополита*; скончался 22 октября 1747 г. на 71 г. отъ роду. 16-лѣтнее управленіе его кіевскою митрополіей — епархіей отмѣчено, помимо благочестивой жизни, ревностными и неутомимыми заботами о благѣ всей епархіи и особенно кіевской Академіи. Рафаилъ весьма значительно улучшилъ не только внѣшній бытъ Академіи, но и внутреннее устройство ея. Въ благодарность за это кіевская Академія приняла и долго послѣ того носила названіе *Могило-Заборовской*. Рафаилъ отличался исключительно щедрою благотворительностью на дѣла просвѣщенія и украшенія кіевскихъ святыхъ. Предъ смертію онъ самъ указалъ себѣ преемника въ лицѣ тогдашняго архимандрита Кіево-Печерской лавры, который и былъ, дѣйствительно, назначенъ. 6) *Тимофей (въ мѣръ Тихонъ Ивановичъ) Щербакій, митрополитъ*

кіевскій, галицкій и Малыя Россіи, родился въ 1698 г. въ м. Трипольѣ и былъ сынъ малороссійскаго мѣщанина Ивана Щербака. Въ малолѣтнемъ возрастѣ онъ былъ взятъ въ пѣвческую придворную капеллу императора Петра I; по возвращеніи въ Кіевъ, поступилъ въ кіевскую Академію, гдѣ и окончилъ свое образованіе. Послѣ принятія монашества въ Кіево-Софійскомъ кафедральномъ монастырѣ, Тимофеевъ въ теченіи многихъ лѣтъ, при архієпископахъ—Варлаамѣ Ванатовичѣ и Рафаилѣ Заборовскомъ, былъ кафедральнымъ писаремъ кіевской митрополіи-епархіи. Въ 1737 г. онъ былъ назначенъ игуменомъ лубенскаго Мгарскаго монастыря, откуда въ томъ же году былъ переведенъ игуменомъ Кіево-Выдубицкаго монастыря. Черезъ два года послѣ того, въ 1739 г., Тимофеевъ былъ опредѣленъ архимандритомъ Кіево-Михайловскаго монастыря, откуда 14 апрѣля 1740 г. былъ избранъ братствомъ Кіево-Печерской лавры въ архимандриты ея. Послѣ смерти Рафаила Заборовскаго, по его предубавленію, Тимофеевъ былъ избранъ кіевскимъ митрополитомъ и 10 марта 1748 г. посвященъ въ С.-Петербургѣ въ придворной церкви. 22 октября 1757 г. Тимофеевъ былъ переведенъ на московскую кафедру и въ Москвѣ 18 апрѣля 1767 г. скончался, будучи первымъ изъ русскихъ архієреевъ отпущенъ по чину священническаго погребенія, послѣ чего то же самое начали дѣлать у насъ и въ отношеніи ко всѣмъ вообще нашимъ архієпископамъ. Продолжительное предварительное служеніе въ должности кафедральнаго писаря благопріятно отразилось на административной архієрейской дѣятельности Тимофеева, которая одинаково была направлена къ устройству дѣлъ епархій въ обѣихъ ея частяхъ—собственной и заграничной. Замѣчательныя реформы, проведенныя Тимофеевымъ въ отношеніи заграничныхъ монастырей кіевской митрополіи—епархіи и кіевской Академіи. Тимофеевъ пытался завести при своемъ митрополитскомъ домѣ особую типографію, но это ему не удалось и даже, въ связи съ нѣкоторыми другими обстоятельствомъ, послужило причиною перемѣщенія его на московскую архієрейскую кафедру. 7) *Арсеній (въ мѣръ Алексѣй) Могилянскій, митрополитъ кіевскій, галицкій и Малыя Россіи* (1757—1770 г.).

При этомъ архипастырѣ въ 1767 г. кіевскими митрополитами было запрещено писать въ титулѣ митрополитомъ и *Малыя Россіи* на томъ основаніи, что Малороссія обнимала не одну только кіевскую митрополию, но также и черниговскую и переяславскую епархіи. Управление Арсеніемъ кіевскою митрополіею—епархіею было ознаменовано, между прочимъ, защитою со стороны этого архипастыря мѣстныхъ особенностей и привилегій кіевской епархіи. Замѣчательны также заботы его объ улучшеніи быта кіевской Академіи, которая имѣла въ немъ усерднаго покровителя и внимательнаго начальника. Заслуживаетъ еще упоминанія участіе Арсенія М. въ составленіи пунктовъ малороссійскаго, въ частности, кіевского духовенства, выражавшихъ его *pia desideria* по вопросу объ улучшеніи быта и положенія его и представленныхъ въ 1767 г. въ Екатерининскую комиссію по составленію новаго уложенія (прочія биографическія свѣдѣнія см. въ „Энци“ I, 1071). Со времени Арсенія М., именно съ 1767 г. кіевскіе архипастыри именуются *митрополитами кіевскими и галицкими*. 8) *Гавріилъ (въ мѣръ Григорійъ Θεοδοροβιχъ) Кременецкій* родился въ 1707 г. въ г. Носовѣ, кіевского полка, гдѣ отецъ его занималъ должность городского старшины; воспитывался сначала въ кіевской Академіи, откуда въ 1732 г. перешелъ въ харьковский Коллегіумъ, незадолго предъ тѣмъ открытый и прекрасно устроенный бѣлгородскими епископомъ Епифаніемъ Тихорскимъ; закончилъ свое образованіе въ московской Академіи (куда поступилъ въ 1733 г.), подъ руководствомъ земляка и друга его отца, Стефана Калиновскаго. Въ 1736 г. послѣдній, будучи уже архимандритомъ Александро-Невскаго монастыря въ С.-Петербургѣ, вызвалъ пзъ Москвы въ числѣ другихъ молодыхъ ученыхъ и Григорія К., который много потрудился надъ устройствомъ вновь введенной тогда Александро-Невской Семинаріи. Въ 1739 г. онъ принялъ монашество и былъ назначенъ ректоромъ Александро-Невской Семинаріи. Въ 1748 г. Гавріилъ былъ назначенъ архимандритомъ Новоспасскаго монастыря въ Москвѣ и выѣхъ съ тѣмъ членомъ Св. Синода, а въ слѣдующемъ 1749 г. произведенъ въ санъ епископа коломенскаго; 19 сентября 1755 г. пере-

веденъ въ Казань, между прочимъ, съ спеціальною цѣлію умиротворенія дѣйствіей епархіи, гдѣ предъ тѣмъ происходили важныя безпорядки, по случаю волнений мѣстныхъ татаръ, бывшихъ недовольными дѣятельностію христіанскихъ миссіонеровъ. Архипастырское служеніе Гавріила въ Казани сопровождалось извѣстнымъ успѣхомъ, въ награду за что онъ 25 іюля 1762 г. и былъ переведенъ въ С.-Петербургъ въ санѣ архіепископа, а отсюда 22 сентября 1770 г. уже въ санѣ митрополита—былъ перемѣщенъ на кіевскую кафедру. Въ Кіевѣ въ то время происходила сильная моровая язва, почему Гавріилъ въ дѣйствительное управленіе кіевскою митрополіею-епархіею вступилъ уже только въ 1772 г. Довольно продолжительное архипастырское служеніе Гавріила въ Кіевѣ было сопряжено съ весьма значительными затрудненіями, въ виду происходившихъ тогда политическихъ событій, особенно въ слѣдствіе оживившейся тогда враждебной въ отношеніи къ православно-русскому населенію Западной Россіи дѣятельности католическо-уніатскаго духовенства. Гавріилъ былъ щедрымъ меценатомъ кіевской Академіи, въ пользу которой завѣщалъ весьма значительный капиталъ. Гавріилъ скончался 9 августа 1783 г. 9) *Самуилъ (въ мѣръ Семенъ Григорьевичъ) Миславскій* (1783—1796 г.) родился 24 мая 1731 г. отъ священника с. Полошекъ Глуховскаго полка и образованіе свое получилъ въ кіевской Академіи; по окончаніи академическаго ученія, 12 іюня 1754 г. принялъ монашество и былъ опредѣленъ учителемъ своей родной Академіи. Самуилъ обладалъ выдающимися способностями ума и характера, почему уже въ 1757 г. 7 ноября онъ былъ опредѣленъ префектомъ Академіи, а въ 1762 г. сдѣланъ былъ и ректоромъ ея, съ возведеніемъ въ санъ архимандрита Кіево-Братскаго монастыря. 12 августа 1768 г. Самуилъ былъ назначенъ настоятелемъ Кіево-Никольскаго пустыннаго монастыря; въ томъ же году былъ вызванъ въ С.-Петербургъ на чреду священнослуженія, гдѣ 28 декабря 1768 г. хиротонисанъ во епископа бѣлоградскаго и обоянскаго. Въ слѣдствіи съ 24 сентября 1771 г. Самуилъ былъ епископомъ крутицкимъ и членомъ Св. Синода, съ 17 марта 1776 г. архіепископомъ ростовскимъ, а 22

сентября 1783 г. былъ назначенъ кіевскимъ митрополитомъ. Въ управленіе Самуила кіевскою митрополіей-епархіей произошли многія и весьма важныя событія и перемены въ жизни этой послѣдней. Особенно замѣчательна реформа 1786 г., когда въ кіевской митрополіи-епархії, равно какъ и въ другихъ малороссійскихъ епархіяхъ, были введены штаты. Въ награду за содѣйствіе правительству Екатерины II въ проведеніи этой важной реформы Самуилъ получилъ въ свое управленіе Кіево-Печерскую лавру, при чемъ именно съ него кіевскіе архипастыри стали именоваться священно-архимандритами этой лавры. При Самуилѣ въ 1785 г. былъ возобновлено перелаславское коадьюторство кіевской митрополіи-епархії, при чемъ первому (возстановленному) коадьютору Виктору Садковскому было поручено заведываніе исключительно заграничною частію кіевской митрополіи-епархії. Самуилъ дѣятельно помогалъ коадьютору своими руководствомъ и своими совѣтами. Какъ бывшій ученикъ, учитель и затѣмъ ректоръ кіевской Академіи, онъ съ большимъ вниманіемъ относился къ этой послѣдней, въ бытность свою кіевскимъ митрополитомъ, и много хорошаго сдѣлалъ для ея вѣдѣнія и—особенно—для внутренняго благоустройства. Наконецъ, при Самуилѣ кіевская митрополія-епархія получила новый, нынѣшній свой видъ и составъ. Это послѣдняя перемена въ жизни кіевской митрополіи-епархії вызвала новыя заботы со стороны кіевского архипастыря, но онъ всею своею тяжестію пали на преемника Самуила. 10) *Герошей Малицкій* управлялъ кіевскою митрополіей-епархіей съ 1796 г. по 1799 г. (см. о немъ подробно въ „Энци.“ VI, 360—361). 11) *Гавріилъ (въ мѣртъ Григорій Григоріевичъ) Банулеско-Бодони* — управлялъ кіевскою митрополіей-епархіей съ 1799 по 1803 г. (см. о немъ подробно въ „Энци.“ IV, 8—11). 12) *Серапіонъ Александровскій* (1803—1822) родился въ городѣ Александровѣ, владимірской губерніи, 22 іюля 1747 г.; образованіе получилъ въ троице-сергіевской Семинаріи, гдѣ съ 1770 г. былъ учителемъ. 8 февраля 1771 г. онъ принялъ монашество и въ январѣ 1772 г. былъ опредѣленъ на должность проповѣдника въ московскую славяно-греко-латинскую Академію. 15 марта 1775 г. Серапіонъ былъ назначенъ игуменомъ московскаго Кресто-Воздвиженскаго монастыря и вмѣстѣ членомъ московской консисторіи; 27 января 1776 г. былъ перемѣщенъ игуменомъ Знаменскаго московскаго монастыря, а 17 февраля 1779 г. произведенъ въ архимандрита Боголюбленскаго московскаго монастыря. Въ 1782 г. Серапіонъ былъ вызываемъ въ С.-Петербургъ на чреду священнослуженія, въ 1785 г. былъ назначенъ духовнымъ цензоромъ въ Москвѣ и 6 мая 1788 г. былъ назначенъ первымъ викаріемъ московской епархії съ званіемъ дмитровскаго епископа. Въ 1799 г. Серапіонъ былъ переведенъ епископомъ въ Калугу, но прежде чѣмъ онъ отправился туда, его перемѣстили на казанскую епархію, откуда 11 декабря 1803 г. онъ былъ назначенъ кіевскимъ митрополитомъ. Серапіонъ управлялъ кіевскою митрополіей-епархіей 18 лѣтъ, отличался ровнымъ, кроткимъ и добрымъ характеромъ. Былъ онъ также чрезвычайно аккуратнымъ архипастыремъ, что особенно видно изъ его рукописнаго дневника, веденнаго имъ регулярно изо дня въ день и содержащаго въ себѣ весьма много исключительно-любопытныхъ данныхъ для характеристики самого автора и для состоянія кіевской митрополіи-епархії его времени. 24 января 1822 г. Серапіонъ, по болѣзни, былъ уволенъ отъ управленія епархіею, а 14 сентября 1824 г. умеръ, 80 лѣтъ отъ роду, въ Кіевѣ. 13) *Евгеній (въ мѣртъ Евимій Алексѣевичъ) Болховитиновъ* (1822—1837 г.г.), ознаменовавшій свое управленіе кіевскою митрополіей-епархіей многими учеными трудами, между прочимъ, и по исторіи кіевской епархії и г. Кіева, равно какъ и рѣдкою административною дѣятельностію (см. о немъ подробно въ „Энци.“ V, 188—191). 14) *Филаретъ (въ мѣртъ Теодоръ Григоріевичъ) Амфитеатровъ* (1837—1857 г.г.) родился въ 1779 г. отъ священника орловской губерніи. Окончилъ курсъ сѣвской Семинаріи и, послѣ принятія монашества, былъ учителемъ и затѣмъ ректоромъ нѣсколькихъ Семинарій—сѣвской, уфимской и тобольской. Въ 1813 г. онъ былъ вызванъ въ С.-Петербургъ и назначенъ ректоромъ здѣшней Академіи, въ 1816 г. былъ сдѣланъ ректоромъ московской Академіи. За отличную дѣятельность и ревностную службу въ двухъ академіяхъ Филаретъ былъ удостоенъ степени доктора богословія. Рукоположенный въ

номъ московскаго Кресто-Воздвиженскаго монастыря и вмѣстѣ членомъ московской консисторіи; 27 января 1776 г. былъ перемѣщенъ игуменомъ Знаменскаго московскаго монастыря, а 17 февраля 1779 г. произведенъ въ архимандрита Боголюбленскаго московскаго монастыря. Въ 1782 г. Серапіонъ былъ вызываемъ въ С.-Петербургъ на чреду священнослуженія, въ 1785 г. былъ назначенъ духовнымъ цензоромъ въ Москвѣ и 6 мая 1788 г. былъ назначенъ первымъ викаріемъ московской епархії съ званіемъ дмитровскаго епископа. Въ 1799 г. Серапіонъ былъ переведенъ епископомъ въ Калугу, но прежде чѣмъ онъ отправился туда, его перемѣстили на казанскую епархію, откуда 11 декабря 1803 г. онъ былъ назначенъ кіевскимъ митрополитомъ. Серапіонъ управлялъ кіевскою митрополіей-епархіей 18 лѣтъ, отличался ровнымъ, кроткимъ и добрымъ характеромъ. Былъ онъ также чрезвычайно аккуратнымъ архипастыремъ, что особенно видно изъ его рукописнаго дневника, веденнаго имъ регулярно изо дня въ день и содержащаго въ себѣ весьма много исключительно-любопытныхъ данныхъ для характеристики самого автора и для состоянія кіевской митрополіи-епархії его времени. 24 января 1822 г. Серапіонъ, по болѣзни, былъ уволенъ отъ управленія епархіею, а 14 сентября 1824 г. умеръ, 80 лѣтъ отъ роду, въ Кіевѣ. 13) *Евгеній (въ мѣртъ Евимій Алексѣевичъ) Болховитиновъ* (1822—1837 г.г.), ознаменовавшій свое управленіе кіевскою митрополіей-епархіей многими учеными трудами, между прочимъ, и по исторіи кіевской епархії и г. Кіева, равно какъ и рѣдкою административною дѣятельностію (см. о немъ подробно въ „Энци.“ V, 188—191). 14) *Филаретъ (въ мѣртъ Теодоръ Григоріевичъ) Амфитеатровъ* (1837—1857 г.г.) родился въ 1779 г. отъ священника орловской губерніи. Окончилъ курсъ сѣвской Семинаріи и, послѣ принятія монашества, былъ учителемъ и затѣмъ ректоромъ нѣсколькихъ Семинарій—сѣвской, уфимской и тобольской. Въ 1813 г. онъ былъ вызванъ въ С.-Петербургъ и назначенъ ректоромъ здѣшней Академіи, въ 1816 г. былъ сдѣланъ ректоромъ московской Академіи. За отличную дѣятельность и ревностную службу въ двухъ академіяхъ Филаретъ былъ удостоенъ степени доктора богословія. Рукоположенный въ

1819 г. въ санъ епископа, онъ занималъ послѣдовательно калужскую (1819—1825 г.), рязанскую (1825—1828 г.), казанскую (1828—1836 г.) и ярославскую (1836—1837 г.). 18 апрѣля 1837 г. Филаретъ изъ архіепископовъ ярославскихъ былъ назначенъ кіевскимъ митрополитомъ; управлялъ кіевскою епархіей 20 лѣтъ и скончался 21 декабря 1857 года. Еще въ 1841 г. онъ принялъ схиму съ именемъ Феодосія. Филаретъ памятенъ Кіеву и кіевской епархіи своею кротостію, благочестіемъ, строгимъ подвижничествомъ и любовію къ монашеству.

15) *Исидоръ (въ мѣръ Іаковъ Сергѣевичъ) Никольскій*, назначенный на кіевскую митрополію 1 марта 1858 г., управлялъ ею около 2 лѣтъ и 1 июля 1860 г. былъ переведенъ на с.-петербургскую митрополію (см. о немъ подробно въ „Энци.“ V, 1071—1073).

16) *Арсеній (въ мѣръ Теодоръ Павловичъ) Москвитинъ* управлялъ кіевскою митрополіей-епархіей съ 1860 до 1876 г. (см. о немъ подробно въ „Энци.“ I, 1071—1073).

17) *Филовей (въ мѣръ Тимофей Григорьевичъ) Успенскій* (1876—1882 г.) родился въ 1808 г. въ семьѣ діакона с. Закобякина, ярославской губерніи; по окончаніи курса въ ярославской Духовной Семинаріи, въ 1828 году поступилъ въ московскую Духовную Академію, гдѣ въ 1832 году окончилъ высшее образованіе со степенью магистра богословія и въ томъ же году былъ постриженъ въ монашество. Въ сентябрѣ того же 1832 года Филовей былъ назначенъ бакалавромъ по кафедрѣ словесности въ московскую Духовную Академію, а черезъ годъ (въ октябрѣ 1833 г.) былъ перемѣщенъ на кафедру герменевтики и библейской археологіи. Въ 1838 г. былъ опредѣленъ на должность инспектора с.-петербургской Духовной Академіи, гдѣ въ 1839 г. былъ возведенъ въ санъ архимандрита. Въ 1842 г. Филовей былъ назначенъ ректоромъ харьковской Духовной Семинаріи, изъ которой въ томъ же году былъ переведенъ ректоромъ въ виванскую Семинарію, а въ 1847 г. въ московскую Духовную Семинарію. Черезъ два года послѣ того Филовей былъ хиротонисанъ (въ 1849 г.) во епископа дмитровскаго, викарія московской епархіи. Впослѣдствіи онъ былъ епископомъ костромскимъ (1853—1857 г.) и тверскимъ (1857—1876 г.), при чемъ въ 1861 г.

былъ сдѣланъ архіепископомъ. 5 мая 1876 г. Филовей былъ назначенъ кіевскимъ митрополитомъ и управлялъ кіевскою епархіей до 29 января 1882 г., когда послѣ продолжительной и весьма тяжелой болѣзни, пріисшедшей, между прочимъ, вслѣдствіе сильнаго потрясенія страшнымъ событіемъ 1 марта 1881 г., скончался. Управление кіевскою епархіей Филовей, пока онъ былъ здоровъ, отличалось твердостію и справедливостію, а жизнь этого іерарха была исполнена строгихъ монашескихъ подвиговъ.

18) *Платонъ (въ мѣръ Николай Ивановичъ) Городецкій* (1882—1891 г.) родился 2 мая 1803 г. и былъ сынъ священника посада Погорѣлаго Городища, зубцовскаго уѣзда, тверской губерніи; послѣ обученія въ мѣстныхъ духовно-учебныхъ заведеніяхъ тверской епархіи, закончилъ свое образованіе въ с.-петербургской Духовной Академіи въ 1827 г. со степенью магистра богословія и тогда же былъ назначенъ профессоромъ орловской Духовной Семинаріи, откуда въ 1829 г. былъ переведенъ въ с.-петербургскую Духовную Академію бакалавромъ сначала греческаго языка, а затѣмъ богословскихъ наукъ. Въ 1830 г. онъ принялъ монашество и былъ назначенъ инспекторомъ Академіи; въ слѣдующемъ 1831 г. былъ возведенъ въ санъ архимандрита, а въ 1837 г. былъ назначенъ ректоромъ костромской Духовной Семинаріи. Въ 1839 г. Платонъ былъ переведенъ въ Вильну настоятелемъ Св.-Духовскаго перво-класснаго монастыря, при чемъ здѣсь принималъ участіе въ воссоединеніи литовскихъ униатовъ съ православною церковію, будучи дѣятельнымъ сотрудникомъ митр. Іосифа Сѣмашко. Въ 1843 г. Платонъ былъ хиротонисанъ въ санъ епископа ковенскаго и назначенъ вторымъ викаріемъ литовской епархіи; въ 1848 г. перемѣщенъ на рижскую архіерейскую кафедру, гдѣ въ 1850 г. былъ возведенъ въ санъ архіепископа. 17-лѣтнее управленіе Платона рижскою епархіей было ознаменовано заботами его о возвышеніи православно-русскаго знамени въ Остзейскомъ краѣ; съ этою цѣлію имъ была устроена Духовная Семинарія въ Ригѣ для образованія православнаго духовенства и принимались дѣятельныя мѣры къ уничтоженію различныхъ стѣсненій православнаго мѣстнаго (латышскаго) населенія со стороны протестантско-нѣмецкихъ владѣльцевъ. Такая

чисто русская дѣятельность Платона въ Ригѣ вызвала противъ него недовольство въ средѣ господствовавшего вѣмецкаго класса, и въ 1867 г. онъ неожиданно былъ переведенъ изъ Риги въ Новочеркасскъ — донскимъ архіепископомъ. Послѣ 10-лѣтняго управленія донскою епархіей Платонъ въ 1887 г. былъ переведенъ въ Одессу, откуда 4 февраля 1882 года былъ назначенъ кіевскимъ митрополитомъ. Почти десятилѣтнее управленіе Платона кіевскою епархіей было всецѣло посвящено имъ энергичнымъ заботамъ о благоустройствѣ епархіи со стороны административной, о принятіи мѣръ къ предотвращенію сильнаго распространенія штудантской секты, заботамъ о сиротахъ и бѣдныхъ. Особенно энергичною была дѣятельность Платона на первыхъ порахъ управленія его кіевскою епархіей. Въ послѣдніе годы силы его, подъ вліяніемъ старческихъ лѣтъ и перенесенныхъ болѣзней, значительно ослабѣли, а вмѣстѣ съ тѣмъ ослабѣла и обычная энергія его. Платонъ умеръ 1 октября 1891 г. Онъ оставилъ въ Кіевѣ память о себѣ, какъ объ архіпастирь добромъ, простомъ и общедоступномъ 19) *Іоанникій (въ мѣртъ Іоаннъ) Рудневъ* (1891—1900 г.). Общія біографическія свѣдѣнія о немъ и, въ частности, о его управленіи кіевскою епархіей см. въ „Энци.“ VI, 771—778). 20) *Феоноста (въ мѣртъ Георгій Ивановичъ) Лебедевъ* (1900—1903 г.) родился въ тверской епархіи въ 1830 г., первоначальное образованіе получилъ въ мѣстныхъ духовно-учебныхъ заведеніяхъ. Въ 1849 г. онъ поступилъ въ с.-петербургскую Дух. Академію, въ которой и окончилъ курсъ ученія въ 1853 г. съ званіемъ магистра богословія. 14 марта 1853 г. принялъ монашество, а 31 октября того же года былъ назначенъ ректоромъ кирилловскаго Дух. Училища новгородской епархіи, гдѣ служилъ до 1856 г. Впослѣдствіи онъ исполнялъ должности: профессора с.-петербургской Дух. Семинаріи (1856—1857 г.), инспектора новгородской Семинаріи (1857—1861 г.), ректора орловской (1861—1864 г.) и каменецъ-подольской (1864—1866 г.) Дух. Семинаріи, при чемъ еще въ 1858 г. былъ возведенъ въ санъ архимандрита. Хиротонисанный 23 января 1867 г. во епископа балтскаго, Феоноста около семи лѣтъ (съ небольшимъ промежуткомъ

1870—1874 г., когда онъ управлялъ астраханскою епархіей), посвятивъ на служеніе каменецъ-подольской епархіи, гдѣ заявлялъ себя, какъ добрый, внимательный къ нуждамъ паствы и энергичный архіпастирь. Въ 1878 г. Феоноста былъ назначенъ епископомъ владимірской епархіи, которую затѣмъ управлялъ въ теченіи 14 лѣтъ, будучи возведенъ здѣсь въ санъ архіепископа. Управленіе Феоноста владимірскою епархіей, — по свидѣтельству непосредственныхъ наблюдателей, — было расцвѣтомъ архіпастирской его дѣятельности (подробности см. въ „Энци.“ III, 596—597). Въ 1892 г. была восстановлена самостоятельная новгородская архіерейская кафедра, на которую 21 ноября того же года былъ назначенъ Феоноста. Возведенный здѣсь въ 1895 г. въ званіе члена Св. Синода, онъ немало потрудился въ Новгородѣ надъ организаціей самостоятельнаго епархіальнаго управленія. Дѣятельность его здѣсь особенно ознакомила съ оживленіемъ мѣстнаго св.-софійскаго братства, увеличеніемъ числа церковно-приходскихъ школъ и — больше всего — обновленіемъ и украшеніемъ св. Софіи новгородской, освященіе которой, послѣ обновленія, совпало съ назначеніемъ Феоноста на кіевскую митрополию каедрю. Кіевскою епархіей Феоноста управлялъ съ 13 августа 1900 года до 22 января 1903 г. Не смотря на свой преклонный возрастъ и ослабленное здоровье, Феоноста въ Кіевѣ, какъ и вездѣ раньше, старался все дѣлать самъ, при чемъ послѣ окончанія широкихъ начиваній своего предшественника, обращалъ особенное вниманіе на церковно-приходскія школы, внушая духовенству необходимость заведенія не только мужскихъ, но и женскихъ школъ. Посреди занятій 21 января 1903 г. въ С.-Петербургѣ Феоноста и скончался. 21) *Флавіанъ (въ мѣртъ Николай Николаевичъ) Городецкий*, нынѣ управляющій кіевскою епархіей съ 1 февраля 1903 года, происходитъ изъ дворянъ орловской губерніи, родился въ 1840 г.; первоначальное образованіе получилъ въ орловской Гимназій, откуда поступилъ въ московскій Университетъ на юридическій факультетъ. Обладая отъ природы выдающимися способностями, онъ съ жаромъ принимался за изученіе наукъ избраннаго имъ факультета, усердно слушалъ лекціи про-

Высокопреосвященный
Флавіанъ,
Митрополитъ Кіевскій и Галицкій.

фессоровъ и въ то же время съ искреннею върой и глубокимъ смиреніемъ исполнять всѣхъ христіанскія обязанности. Глубокая релігіозна настроенность и искреннее стремленіе къ возможному осуществленію высшаго идеала христіанской жизни располагали молодого студента, при мысли о своей будущности, къ предпочтенію иночества предъ мірскою жизнью. Посему, выйдя изъ Университета до окончанія курса, онъ въ апрѣлѣ 1861 г. поступилъ въ Николаевскій Пѣношскій монастырь, московской епархіи, откуда потомъ перешелъ въ московскій Симоновъ монастырь и здѣсь 10 декабря 1863 г. былъ опредѣленъ въ число штатныхъ послушниковъ, а 17 февраля 1866 г. принялъ монашество и 18 февраля былъ посвященъ во іеродіакона. Въ 1867 г. былъ перемѣщенъ въ Спасо-Преображенскій монастырь въ г. Казани и здѣсь 9 апрѣля того же года былъ рукоположенъ въ іеромонаха. Въ 1868 г. былъ причисленъ къ братству таврическаго архіерейскаго дома. Во время служенія въ симферопольской епархіи, онъ исправлялъ различныя порученія начальства: совершалъ богослуженіе и христіанскія требы въ Феodoro-Стратилатской церкви и. Алушты, ялтинскаго уѣзда, былъ инспекторомъ классовъ и законоучителемъ таврическаго епархіальнаго женскаго Училища (съ 23 марта 1871 г.) и настоятелемъ бахчисарайскаго скита. 6 іюня 1873 года въ жизни владыки произошла важная перемѣна: въ этотъ день онъ былъ назначенъ членомъ Пекинской духовной миссіи. Дѣятельность іеромонаха Флавіана въ этой новой должности была весьма плодотворна, отличаясь истинно апостольскимъ духомъ. Сознавая всю необходимость усвоенія китайскаго языка для успѣшнаго веденія просвѣтительной дѣятельности среди китайцевъ, онъ, тотчасъ по прибытіи въ Пекинъ, со всею ревностію принялся за изученіе китайскаго языка. Довольно скоро овладѣвъ не только устною, но даже и письменною китайскою рѣчью, онъ принялъ на себя, по порученію начальника миссіи, отвѣтственный трудъ перевода на китайскій языкъ книгъ релігіозно-нравственнаго содержанія, исполняя въ то же время обязанности священнослужителя при миссіи. Были составлены имъ нѣкоторыя самостоятельныя сочиненія, цѣнныя по содержанію, полезныя

въ дѣлѣ просвѣщенія язычниковъ и имѣвшія благотворное значеніе для китайцевъ-христіанъ. Капитальнѣйшимъ же трудомъ іеромонаха Флавіана было приведеніе въ порядокъ оставленныхъ ему архимандритомъ Палладіемъ (Казааровымъ) матеріаловъ для китайско-русскаго словаря. 2 января 1879 года іеромонахъ Флавіанъ былъ назначенъ начальникомъ той же Пекинской миссіи, съ возведеніемъ въ санъ архимандрита. Просвѣтительная дѣятельность миссіи съ того времени стала замѣтно возрастать, такъ что не проходило года безъ того, чтобы китайская православная паства не увеличилась на нѣсколько новокрещенныхъ. Благодаря заботамъ начальника миссіи, богослуженіе въ ней стало совершаться на китайскомъ языкѣ. Для большаго успѣха въ миссіонерскомъ дѣлѣ архимандритъ Флавіанъ считалъ необходимымъ имѣть въ числѣ своихъ сотрудниковъ духовныхъ лицъ изъ мѣстныхъ уроженцевъ. Съ этою цѣлію онъ въ 1882 г. отправлялся лично къ преосв. Николѣю въ Яціюю для предоставленія ему къ рукоположенію достойнаго кандидата на священство изъ китайцевъ. Между тѣмъ десятилѣтніе непрерывные труды и лишения необходимо требовали отдыха для поправки ослабленнаго здоровья. 25 октября 1883 г. архимандритъ Флавіанъ испросилъ у Св. Синода увольненіе отъ службы въ Пекинѣ. Китайцы христіане чувствовали, что они болѣе не увидятъ своего духовнаго отца, къ которому подѣтки привязались. Потому они не желали отпустить его отъ себя. Узнавъ о предстоящемъ отъѣздѣ архимандрита Флавіана въ Россію, православные китайцы толпою явились къ нему и умоляли его не оставлять ихъ. Въ то же время они обратились къ русскому посланнику въ Китаѣ съ коллективною просьбою объ оставленіи архимандрита Флавіана у нихъ навсегда;—фактъ особенно примѣчательный, если припомнить обычную неприязнь китайцевъ къ европейцамъ-христіанамъ. Но просьбы православныхъ китайцевъ не могли быть уважены потому, что увольненіе архимандрита Флавіана уже совершилось и ему былъ назначенъ преемникъ. По возвращеніи въ Россію, архимандритъ Флавіанъ вступилъ, согласно своему желанію, въ братство Александро-Невской лавры въ Петербургѣ. Вскорѣ онъ былъ назначенъ епископомъ.

29 января 1885 г. совершилось наречение, а 2 февраля была хиротонія архимандрита Флавіана въ епископа акасайскаго, викарія донской епархії. На Дону владыкъ Богъ привелъ прослужить весьма недолго, не смотря на то, что онъ заявилъ себя въ теченіи весьма короткаго времени кипучею энергіей, особенно во время объѣздовъ приходовъ обширной епархії. 29 іюня 1885 г. послѣдовало Высочайшее соизволеніе на перемѣщеніе преосв. Флавіана на кафедру епископа люблинскаго, викарія холмско-варшавской епархії. Хорошо узнавшій, по достоинству оцѣнившій и искренно любившій его членъ Св. Синода архіепископъ варшавскій Леонтій не упустилъ призвать именно его на помощь себѣ въ окранный епархії, которая была переполнена бывшими униатами, недавно обратившимися въ православіе. Архіеп. Леонтій, дѣйствительно, встрѣтилъ въ немъ энергичнаго помощника и наилучшаго исполнителя своихъ начпаний и мѣропріятій въ отношеніи къ такъ наз. упорствующимъ. 14 декабря 1891 г., послѣ назначенія архіеп. Леонтія на кафедру московской митрополіи, владыка, какъ уже испытанный въ борьбѣ съ полонизмомъ и съ католическою пропагандою въ краѣ, былъ назначенъ епископомъ холмскимъ и варшавскимъ. Къ этому времени онъ уже близко и хорошо зналъ свою епархію. Принятыми имъ мѣрами Флавіанъ въ значительной степени содѣйствовалъ умиротворенію и успокоенію своей паствы. 15 мая 1892 г. онъ былъ возведенъ въ санъ архіепископа, а въ 1895 г. ему былъ пожалованъ орденъ св. Владиміра 2 ст. Въ то же самое время высокопреосв. Флавіанъ принималъ непосредственное и дѣятельное участіе въ высшемъ церковномъ управленіи, будучи вызываемъ для присутствованія въ Св. Синодѣ (въ 1892 и 1894 гг.). Памятникомъ архипастырской попечительности владыки о церковно-религіозныхъ нуждахъ православнаго населенія Варшавы осталась крестовая Преображенская церковь варшавскаго архіерейскаго дома, на расширеніе и украшеніе которой онъ употребилъ изъ собственныхъ средствъ до 11.000 рублей, за что 2 октября 1893 г. ему была выражена Св. Синодомъ признательность. Управление холмско-варшавскою епархіей высокопреосв. Флавіанъ продолжалъ болѣе 6 лѣтъ, послѣ чего онъ

былъ призванъ къ руководству церковными дѣлами на другой окраинѣ Россіи. 21 февраля 1898 г. высокопреосв. Флавіанъ былъ назначенъ архіепископомъ карталинскимъ и кахетинскимъ, съ званіемъ члена Св. Синода и экзарха Грузинъ, при чемъ ему былъ пожалованъ, при Высочайшемъ рескриптѣ, брилліантовый крестъ для ношенія на клобукѣ, какъ видный знакъ особеннаго Монаршаго вниманія къ понесеннымъ владыкою „мисіонерскимъ трудамъ въ Китаѣ, равно какъ и къ многотрудному и много-полезному служенію его въ холмско-варшавской епархії“. Прибывъ въ Тифлисъ, высокопреосв. Флавіанъ, при первомъ своемъ служеніи въ Сіонскомъ кафедральномъ соборѣ, обратился къ своей новой паствѣ съ воодушевленною рѣчью, въ которой высказалъ свое „горячее желаніе послужить на пользу св. церкви грузинской для спасенія душъ“ своихъ пасомыхъ. Своими трудами на пользу церкви, а также своею отзывчивостію на все доброе, пониманіемъ нуждъ паствы, своею опытностію, доступностію и „умѣніемъ выслушать просителя“ высокопреосв. Флавіанъ въ самое короткое время успѣлъ снискать себѣ въ Грузіи уваженіе и любовь. Яркимъ выраженіемъ этихъ чувствъ духовенства и паствы грузинской явилось поднесеніе ими своему экзарху 18 февраля 1899 года, по случаю его тезоименитства, иконы Божіей Матери, покровительницы Грузіи, съ лампадою для нея, и адреса. Въ то же самое время полезная и выдающаяся дѣятельность высокопреосв. Флавіана въ Грузіи вызвала достойную оцѣнку со стороны общества и высшей власти. Въ 1898-99 гг., высокопреосв. Флавіанъ былъ избранъ почетнымъ членомъ Духовныхъ Академій—казанской и с.-петербургской, а 6 мая 1900 г. былъ награжденъ орденомъ св. Александра Невскаго съ грамотою. Служеніе высокопреосв. Флавіана на грузинской кафедрѣ было, однако же, весьма непродолжительно: 10 ноября 1901 г. онъ былъ назначенъ архіепископомъ харьковскимъ и ахтырскимъ вѣсто скончавшагося архіепископа Амвросія (Ключарева), съ оставленіемъ притомъ въ званіи члена Св. Синода. Во главѣ харьковской епархії высокопреосв. Флавіанъ стоялъ также недолго:—всего 14 мѣсяцевъ, но и за это короткое время владыка снискалъ себѣ въ Харьковѣ любовь и

уваженіе въ средѣ какъ духовенства, такъ и паствы, что особенно ярко обнаружилось во время прощанія его съ харьковскою паствой. Въ бытность свою харьковскимъ архіепископомъ, высокопреосв. Флавіанъ 28 декабря 1902 г. благословилъ, между прочимъ, доброе начало „учрежденія въ Харьковѣ религіозно-просвѣтительнаго общества“; результатомъ этого добраго начинанія были организація особенныхъ проповѣдническихъ кружковъ для веденія религіозно-просвѣтительныхъ чтеній въ различныхъ пунктахъ г. Харькова и выработка устава братства. Въ бытность свою харьковскимъ архіепископомъ, 8 декабря 1902 г. высокопреосв. Флавіанъ былъ избранъ и утвержденъ въ званіи почетнаго члена кіевской Духовной Академіи. Между тѣмъ 21 января 1903 г. скончался въ С.-Петербургѣ кіевскій митрополитъ Теофигіосъ. 25—27 января высокопреосв. Флавіанъ, по порученію Св. Синода, совершилъ погребеніе почившаго кіевскаго архіепастыря. Уже въ это время духовенство кіевской епархія и вся вообще кіевская паства выражали горячее желаніе имѣть своимъ архіепастыремъ высокопреосв. Флавіана, насладившись величественнымъ совершеніемъ имъ богослуженія. Желаніе кіевской паствы исполнилось, — 1 февраля 1903 г. высокопреосв. Флавіанъ былъ назначенъ митрополитомъ кіевскимъ и галицкимъ и священно-архимандритомъ Кіево - Печерской Успенской лавры. Дѣятельность владыки по управленію кіевскою епархіею на глазахъ у всѣхъ. Она отличается тѣми же качествами, какія явилъ владыка во время прежняго продолжительнаго своего служенія въ различныхъ мѣстахъ нашего отечества. Съ рѣдкою доступностію, гуманностію и добротою соединяются въ этой дѣятельности твердость и полное безпристрастіе. Особенное вниманіе высокопреосв. Флавіанъ обратилъ на состояніе сектантства въ кіевской епархія и на дѣятельность мѣстной миссіи. Между прочимъ, въ 1904 г. имъ, съ разрѣшенія Св. Синода, учрежденъ особый миссіонерскій комитетъ, который, подъ личнымъ предсѣдательствомъ и руководствомъ архіепастыря направляетъ дѣятельность миссіи не столько мѣрами бюрократическими — циркулярами, указами и взысканіями, сколько общимъ обсужденіемъ мѣръ лучшаго содѣйствія духовенству путемъ изданія и разсылки бро-

шюръ, листовъ и т. п. Обращено также вниманіе и на усиленіе надзора за дѣятельностію приходскаго духовенства, съ какою цѣлію значительно увеличенъ составъ благочинническаго института и уменьшенъ объемъ благочинническихъ округовъ. Въ изданныхъ чрезъ посредство консисторіи и особенно миссіонерскаго комитета распоряженіяхъ своихъ, равно какъ и въ опубликованномъ 1 сентября 1905 года окружномъ посланіи къ духовенству кіевской епархія, высокопреосв. Флавіанъ преподалъ цѣлый рядъ практическихъ указаній и совѣтовъ, касательно пастырской дѣятельности духовенства кіевской митрополія—епархія, въ виду быстро и сильно измѣнившихся условій жизни и положенія православной церкви въ нашемъ отечествѣ. За свою продолжительную ревностную службу высокопреосв. Флавіанъ 6 мая 1906 г. награжденъ знакомъ ордена св. Александра-Невскаго съ брилліантовыми украшеніями.

Викариатства кіевской епархія.

Вопросъ о викариатствѣ въ кіевской епархія былъ возбужденъ очень рано, въ самомъ началѣ существованія кіевской митрополія—епархія. Уже второй кіевскій митрополитъ, послѣ образованія кіевской епархія, Варлаамъ Ясинскій началъ хлопотать о назначеніи ему помощника. Послѣ долгихъ переговоровъ и переписокъ съ московскимъ правительствомъ, въ 1700 г. былъ назначенъ Варлааму Ясинскому помощникъ въ лицѣ *Захаріи Корниловича*, который получилъ наименованіе коадьютора и долженъ былъ жить въ Переяславѣ—Полтавскомъ. Впрочемъ, какъ Захарій Корниловичъ, такъ и его преемникъ Кириллъ Шумляевскій (съ 1715 г.) не были въ собственномъ смыслѣ слова викаріями, такъ какъ они пользовались въ извѣстныхъ отношеніяхъ большею самостоятельностью, чѣмъ настоящіе викаріи, и жили въ Кіевѣ и далеко отъ него. Въ скоромъ времени переяславское коадьюторство и совѣтъ отдѣлилось отъ кіевской митрополія—епархія, составивъ особую самостоятельную епархію. Только уже въ 80-хъ годахъ XVIII в. снова было восстановлено переяславское коадьюторство, но съ особою цѣлію. Переяславскій коадьюторъ (знаменитый Викторъ Садовскій) долженъ былъ завѣдывать значительною частію кіевской епархія—митропо-

поліи, или, точнѣе говоря,—всѣми переяславскими монастырями и церквами, находившимися въ Польшѣ. Въ теченіи конца XVII в. и всего XVIII в. кіевскіе митрополиты пользовались помощію и услугами греческихъ іерарховъ, которые почти постоянно проживали въ Кіевѣ и помогали кіевскимъ митрополитамъ тѣмъ, что совершали богослуженія и—особенно—рукополагали ставленниковъ.

Первое викаріатство въ кіевской митрополіи—епархія было учреждено въ 1799 г. съ именемъ *чигиринскаго*. Впослѣдствіи были учреждены въ Кіевѣ еще два викаріатства:—въ 1874 г. *уманское* и въ 1884 г. *каневское*. Долгое время *чигиринское* викаріатство было неразрывно соединено съ настоятельствомъ въ *Кіево-Михайловскомъ* монастырѣ, а *уманское* съ настоятельствомъ въ *Кіево-Братскомъ* монастырѣ. Теперь іерархическое положеніе кіевскихъ викаріевъ не связано ни съ наименованіемъ, ни съ мѣстопребываніемъ ихъ. Распределеніе занятій между кіевскими викаріями по управленію епархіею устанавливается кіевскимъ митрополитомъ.

Чигиринское викаріатство занимали слѣдующіе епископы: 1) *Оеоданъ Шияновъ* (1800—1807 г.), бывшій впослѣдствіи полтавско-перяславскимъ епископомъ († 1811 г.). 2) *Ириней Фальковский* (1807—1823 г.); въ 1812 г. онъ былъ назначенъ смоленскимъ епископомъ, но скоро возвратился, по собственному желанію, на чигиринское викаріатство, на которомъ и оставался до самой своей смерти [см. „Энци.“ V, 1023—1024]. 3) *Ананасій Протопоповъ* (1823—1826 г.), бывшій впослѣдствіи тобольскимъ архіепископомъ († 1842 г.). 4) *Мелетій Леонтовичъ* (1826—1828 г.), скончавшійся 29 февраля 1841 г. въ санѣ харьковскаго архіепископа. 5) *Кирилль Куницкій* (1828—1835 г.), скончавшійся на покое 16 апрѣля 1836 г. 6) *Владиміръ Аладинъ* (1835—1836 г.), бывшій впослѣдствіи тобольскимъ архіепископомъ († 20 мая 1845 г.). 7) *Инокентій Борисовъ* (1836—1841 г.), скончавшійся въ 1858 г. въ санѣ архіепископа херсонскаго и таврическаго [см. „Энци.“ V, 954—962]. 8) *Іеремія Соловьевъ* (1841—1843), впослѣдствіи бывшій нижегородскимъ епископомъ и скончавшійся въ 1868 г. на покое

[см. „Энци.“ VI, 311—312]. 9) *Варлаамъ Успенскій* (1843—1845 г.), впослѣдствіи бывшій тобольскимъ архіепископомъ и скончавшійся на покое въ Вѣлгородѣ, курской губерніи. 10) *Аполлинарій Вигиланскій* (1845—1853 г.), скончавшійся въ Кіевѣ чигиринскимъ викаріемъ. 11) *Антоній Амфитеатровъ* (1858—1859 г.), скончавшійся (8 ноября 1870 г.) въ санѣ казанскаго архіепископа [см. „Энци.“ I, 889—891]. 12) *Серафимъ Аретинскій* (1859—1865 г.), скончавшійся въ санѣ воронежскаго архіепископа [см. „Энци.“ III, 846]. 13) *Порфирій Успенскій* (1865—1877 г.), скончавшійся (въ 1885 г.) въ званіи настоятеля моск. Новоспасскаго ставропигіальнаго монастыря. 14) *Іоаннъ Ждановъ* (1878—1883 г.), скончавшійся 14 января 1883 г. въ званіи чигиринскаго епископа въ Кіевѣ. 15) *Виталий Іосифовъ* (1883—1885 г.), скончавшійся въ Кіево-Троницкомъ монастырѣ во время управленія калужскою епархіею. 16) *Іеронимъ Эжмеллярскій* (1885—1890 г.), скончавшійся въ 1905 г. архіепископомъ варшавскимъ. 17) *Ириней Орда* (1890—1892 г.), скончавшійся въ 1894 г. въ санѣ орловскаго епископа. 18) *Іаковъ Пятницкій* (1892—1898 г.), нынѣ архіепископъ ярославскій [см. въ Очеркѣ кишиневской епархіи выше стлб. 530]. Всѣ вышепоименованные епископы съ званіемъ чигиринскихъ викаріевъ соединяли настоятельство въ Кіево-Михайловскомъ монастырѣ. 19) *Димитрій Ковальницкій* (1898—1902 г.), нынѣ архіепископъ херсонскій и одесскій, до назначенія своего чигиринскимъ викаріемъ бывшій профессоромъ (1867—1895 г.) и инспекторомъ (1895—1898 г.) кіевской Духовной Академіи. 20) *Платонъ Рождественскій* (съ 1902 г. до 7-го іюня 1907 г.), уроженецъ курской губерніи; окончилъ курсъ въ курской Дух. Семинаріи (въ 1886 г.), послѣ чего 4 года былъ сельскимъ священникомъ въ родной епархіи; овдовѣвъ, поступилъ (въ 1891 г.) въ кіевскую Дух. Академію, по окончаніи курса въ которой, былъ оставленъ профессорскимъ стипендіатомъ для приготовленія къ занятію катедры въ Академіи, 1896—1898 г. былъ п. д. доцента, 1898—1902 г. инспекторомъ и профессоромъ въ званіи архимандрита и съ 1902 г. ректоромъ Академіи въ званіи чигиринскаго епископа, второго викарія кіев-

ской митрополіи - епархія. Преосвященные чигиринскіе — Димитрій Ковальницькій и Платонъ Рождественскій соединяли съ званіемъ чигиринскаго викарія настоятельство въ Кіево-Вратскомъ монастырѣ и ректорство въ Академіи. Онъ издавалъ съ 1906 г. журналъ „Церковь и Народъ“. 7-го іюня 1907 г. преосвящ. Платонъ назначенъ архі-епископомъ Сѣверо-Американскимъ. 21) 3 января 1908 года второй викарій, епископъ уманьскій *Агапитъ*, сдѣлавъ первымъ викаріемъ и наименованъ чигиринскимъ, что было вполнѣ согласно съ вѣковою традиціею, въ силу которой первый кіевскій викарій всегда именовался чигиринскимъ и былъ настоятелемъ Кіевского Златоверхо-Михайловскаго монастыря. 16 сентября 1908 г. преосв. Агапитъ назначенъ епископомъ владикавказскимъ и моздокскимъ. 22) 14 октября 1908 г. первымъ викаріемъ кіевской епархія, епископомъ чигиринскимъ и настоятелемъ Кіевского Златоверхо-Михайловскаго монастыря назначенъ вдовый протоіерей кафедральнаго Кіево-Софійскаго собора Павелъ Григорьевичъ Преображенскій, съ принятіемъ монашества и съ оставленіемъ прежняго имени *Паала*. Онъ — сынъ священника ярославской епархія, род. въ 1843 г., въ 1869 г. окончилъ курсъ кіевской Дух. Академіи съ званіемъ кандидата богословія, былъ и. д. секретаря кіев. Дух. Академіи 1869—1870 г., преподавателемъ кіев. Дух. Семинаріи 1870—1889 г., священникомъ Кіево-Подольской церкви св. Николая Добраго 1883—1903 г., съ 1888 г. протоіерей, состоялъ благочиннымъ кіево-подольскихъ церквей 1885—1892 г., членомъ кіевской духовной консисторіи 1892—1908 г., законоучителемъ кіево-подольской женской гимназіи вѣдомства Императрицы Маріи съ 1889 г., кафедральнымъ протоіереемъ Кіево-Софійскаго собора 1903—1908 г. и членомъ многихъ обществъ просвѣдительныхъ и благотворительныхъ въ г. Кіевѣ, имѣетъ знаки отлѣчія до ордена св. Анны 1 ст. (1906 г.) включительно. Хиротонисанъ во епископа 26 октября 1908 года въ С.-Петербургѣ.

Уманьскими викаріями кіевской митрополія-епархія были слѣдующіе епископы:

1) *Филаретъ Филаретовъ* (1874—1878 г.), бывшій вмѣстѣ съ тѣмъ и ректоръ кіевской Дух. Академіи, скончался въ

званіи рижскаго епископа 23 февраля 1883 г. 2) *Михаилъ Лузинъ* (1878—1883 г.), бывшій также и ректоромъ кіевской Дух. Академіи, а передъ тѣмъ долгое время (1859—1878 г.) служившій въ московской Дух. Академіи въ званіи бакалавра, профессора, инспектора и ректора; онъ имѣлъ высшую степень доктора богословія и извѣстенъ многими учено-богословскими трудами, въ особенности „Толковымъ евангелиемъ“; † 1887 г. въ званіи курскаго епископа. Филаретъ Филаретовъ и Михаилъ Лузинъ съ званіемъ уманьскихъ епископовъ соединяли настоятельство въ Кіево-Вратскомъ монастырѣ. 3) *Поликарпъ Розановъ* (1884—1888 г.), скончавшійся въ званіи епископа екатеринбургскаго и прѣбскаго [см. „Энцикл.“ V, 346—347]. 4) *Ириней Орда* (1888—1890 г.), переименованный въ 1890 г. въ епископа чигиринскаго и скончавшійся епископомъ орловскимъ. 5) *Іаковъ Пятницкій* (1890—1892 г.), переименованный въ 1892 г. въ епископа чигиринскаго и служавшій нывѣ въ санѣ ярославскаго архі-епископа. 6) *Анатолій* (1892—1883 г.), скончавшійся на покой въ московскомъ Новоспасскомъ монастырѣ. 7) *Іоаннскій Надеждинъ* (1893—1896 г.), скончавшійся на покой въ Кіево-Печерской лаврѣ (см. о немъ „Энцикл.“ I, 1097—1099). 8) *Сергій Ланинъ* (1896—1902 г.), скончавшійся въ санѣ ярославскаго архіепископа 5 августа 1904 г. и оставившій по себѣ добрую память въ Кіевѣ своею энергичною дѣятельностію на пользу епархія. 9) *Агапитъ Вишневскій* съ 7 апрѣля 1902 г. (см. выше стлб. 621). Съ 1883 г. до 1898 г. уманьскіе викаріи были настоятелями Кіево-Никольскаго Пустыннаго монастыря, а съ 1898 г. они управляли Кіево-Михайловскимъ монастыремъ. 10) 3 января 1908 г. вторымъ викаріемъ кіевской епархія, епископомъ уманьскимъ и настоятелемъ Кіево-Вратскаго Богоявленскаго монастыря назначенъ преосвящ. *Теодосій Олтаржевскій*, избранный 19 декабря 1907 г. совѣтомъ кіевской Дух. Академіи ректоромъ сей послѣдней. Онъ — сынъ протоіерея кіевской епархія, род. 1 дек. 1857 г., окончилъ въ кіевской Дух. Акад. 1893 г., былъ учителемъ уманьскаго Дух. Училища 1893—1895 г., 1895 г. постриженъ въ монашество въ Кіево-Печерской лаврѣ,

14 сент. 1895 г. іеромонахъ, 5 дек. 1895 г. смотритель кіево-подольскихъ Дух. училищъ, 1898 г. инспекторъ кіевск. Дух. Сем., 1899 г. ректоръ волыиск. Дух. Сем. и архимандритъ, 1900 г. магистръ богословія, 1901 г. ректоръ кіевск. Дух. Сем., 4—30 ноября 1903 г. епископъ елисаветградскій, викарій херсонск. еп., 18 іюля 1905 г. епископъ чистопольскій, первый викарій казанской епархій. 27 авг. 1905 года, согласно прошенію, по болѣзненному состоянію, уволенъ на покой, впредь до выздоровленія, съ назначеніемъ мѣстопробыванія ему въ Григоріево-Визюковомъ монастырѣ херсонской епархій, въ декабрѣ 1905 г. епископъ прилуцкій, викарій полтавской епархій. 6 мая 1908 г. награжденъ ордевомъ св. Анны 1 ст.

Каневское викаріатство кіевской митрополіи-епархій со времени его учрежденія занялъ 1) преосвященный *Сильвестръ* (въ мѣрѣ *Стефанъ Васильевичъ*) *Малевапскій* (1885—1905 г.). Сынъ священника волынской епархій, преосв. Сильвестръ родился 9 января 1828 г. и получилъ образованіе въ волынской Духовной Семинаріи, полный курсъ которой, съ званіемъ студента, окончилъ въ 1847 г. Въ слѣдующемъ году онъ былъ опредѣленъ священникомъ въ село волынской епархій и служилъ до 1852 года; овдовѣвъ, въ 1853 г. поступилъ въ кіевскую Дух. Академію, гдѣ въ 1857 г. окончилъ курсъ первымъ магистромъ и тогда же былъ опредѣленъ на службу въ родной Академіи въ званіи учителя богословскихъ наукъ. Дальнѣйшая служба преосв. Сильвестра протекала въ одной родной Академіи, въ которой онъ занималъ послѣдовательно должности бакалавра, экстраординарнаго профессора, инспектора, ординарнаго профессора и, наконецъ, съ 1883 г. ректора Академіи. Въ 1862 г. онъ былъ возведенъ въ санъ архимандрита, а 20 января 1885 г. былъ хиротонисанъ въ санъ епископа каневского, каковымъ назначенъ 22 декабря 1884 г. Въ 1873 г. преосв. Сильвестръ получилъ высшую ученую степень доктора богословія. Преосвящ. Сильвестръ извѣстенъ въ богословской наукѣ весьма многими научными трудами, изъ которыхъ капитальнѣйшимъ является „Опытъ православно-догматическаго богословія“ въ пяти томахъ. Особенно замѣчательна служба преосв. Силь-

вестра въ кіевской Духовной Академіи, которой онъ отдалъ большую часть своей многолѣтней жизни (41 годъ) и лучшія силы своего ума. Въ 1898 г. преосв. Сильвестръ уволился отъ должности ректора кіевской Дух. Академіи, оставшись первымъ викаріемъ кіевской митрополіи—епархій и сохранивъ за собою управленіе Кіево-Пустыннымъ Никольскимъ монастыремъ (съ 1883 г. до 1898 г. онъ управлялъ Кіево-Братскимъ монастыремъ). Преосв. Сильвестръ состоялъ почетнымъ членомъ всѣхъ четырехъ Академій и многихъ другихъ ученыхъ и благотвори-тельныхъ учреждений въ Россіи. 14 апрѣля 1906 г. преосвящ. Сильвестръ совѣмъ уволенъ на покой [и проживалъ въ пред-ставленныхъ ему митрополитскихъ келіяхъ Кіево-Софійскаго кафедральнаго собора, гдѣ и скончался въ ночь на 12 ноября 1908 г.; см. о немъ брошюру „Памяти Преосвященнаго Сильвестра“, Кіевъ 1909, по оттиску изъ „Трудовъ кіевской Духовной Академіи“ 1909 г., № 1, стр. 136—201]. 2) 12 мая 1906 г. на мѣсто Сильвестра Высочайшимъ повелѣніемъ назначенъ епископомъ каневскимъ *Иннокентій Ястребовъ* съ настоятельствомъ въ Кіево-Пустынскомъ Никольскомъ монастырѣ. Уроженецъ астраханской епархій, онъ кончилъ казанскую Дух. Академію въ 1892 г., а въ 1893 г. опредѣленъ н. д. доцента по кафедрѣ калмыцкаго языка, въ 1898 г. — по полученіи степени магистра богословія—утвержденъ доцентомъ, въ 1902 г. постриженъ въ монашество и въ 1905 г. возведенъ въ санъ архимандрита].

IV. Статистическій обзоръ. Кіевская епархія занимаетъ пространство въ 44.778 квадр. верстъ, населенія въ епархій всего 3.559.229 обоого пола, въ томъ числѣ православныхъ до 3.107.256 душъ обоого пола; въ 1904 г. родившихся православныхъ было 161.187, браковъ 25.794, умершихъ 96.653, присоединившихся отъ римско-католичества 73, лютеранства 9, реформатства 4, раскола 40, сектантства 158, еврейства 132; храмовъ въ кіевской епархій всего 1.707, въ томъ числѣ соборныхъ 14 (при нихъ теплыхъ 2), при монастыряхъ мужскихъ 30, при женскихъ 20, приходскихъ одноклнрныхъ 1.325, двухкнрныхъ 2, трехкнрныхъ 1, при казенныхъ и богоугодныхъ заведеніяхъ церквей, имѣющихъ причтъ—30, не имѣющихъ причта—5, домовыхъ 5, кладбищен-

скихъ 11, въ томъ числѣ имѣющихъ причтъ 2 и не имѣющихъ причта 9, ружныхъ 1 (св. Ап. Андрея Первозваннаго въ Кіевѣ), единадцатречисныхъ 2 и приписныхъ 135; изъ всего числа храмовъ въ епархіи насчитывается деревянныхъ 1.454 и каменныхъ 251; часовенъ и молитвенныхъ домовъ 115. *Духовенства* въ кіевской епархіи въ 1904 г. на дѣйствительной службѣ состояло: протоіереевъ 67, священниковъ 1.365, діаконовъ 185, псаломщиковъ 1.398. Въ числѣ показанныхъ священно- и церковно-служителей, окончившихъ полный богословскій курсъ Академіи или Семинаріи было протоіереевъ 67, священниковъ 1.276, діаконовъ 11, и псаломщиковъ 46; остальные получили образованіе частію въ низшихъ классахъ Духовныхъ Семинарій, частію — въ Учительской Семинаріи и уѣздныхъ Духовныхъ Училищахъ, нѣкоторые же, впрочемъ, весьма немногіе — въ церковно-приходскихъ школахъ.

Монашескаго духовенства въ епархіи въ 1904 г. было всего 1.498 лицъ, изъ нихъ монаховъ 395, послушниковъ 64, монахинь 393 и послушницъ 646; по штату положено монаховъ 106 и монахинь 66.

Школъ церковныхъ въ 1904 г. въ епархіи было 1855 съ 113.802 учащихся (въ томъ числѣ 22.956 дѣвочекъ). Школы распредѣлялись слѣдующимъ образомъ: церковно-учительская школа 1, второклассныхъ 12, двухклассныхъ 51, одноклассныхъ 1.298, школъ грамоты 493, образцовыхъ 4—при Семинаріи Духовной, при Семинаріи Учительской и при двухъ женскихъ Училищахъ духовнаго вѣдомства.

Церковныхъ библиотекъ: 1 епархіальная, 48 окружныхъ при благотворительныхъ округахъ, 1.270 при церквахъ. *Народныхъ библиотекъ-читаленъ* 2.

Библии въ монастыряхъ было 1 и при церквахъ 1, въ которыхъ содержалось до 1.016 лицъ.

Богатѣльнъ было при церквахъ 6, въ которыхъ содержалось до 414 лицъ.

Церковно-приходскихъ попечительствъ въ епархіи было 415, которыя располагали въ теченіи 1904 г. до 52.000 руб., собиравшихся почти исключительно посредствомъ добровольныхъ пожертвованій.

Старообрядцевъ разныхъ согласій въ епархіи было до 12.107 человекъ, *сектан-*

товъ—*штундистовъ* разныхъ толковъ до 7.026 человекъ.

V. Епархіальное управленіе. Кіевская духовная консисторія въ 1904 г. состояла изъ 7 членовъ, изъ нихъ 4 было штатныхъ и 3 сверхштатныхъ. Каждый изъ членовъ заведуетъ порученнымъ ему разрядомъ дѣлъ. Подъ начальствомъ секретаря консисторіи находится канцелярія, состоящая изъ 7 столоначальниковъ, казначея, регистратора, архиваріуса и 43 писцовъ, болѣею частію вольнонаемныхъ. *Благочинныхъ* въ епархіи 79 надъ приходскими церквами и два архимандрита надъ монастырями. *Сотрудниками* благочинныхъ надъ приходскими церквами являются въ каждомъ округѣ: помощникъ благочиннаго, духовный слѣдователь, цензоръ проповѣдей, миссіонеръ и два члена строительнаго комитета, заведующаго причтовыми постройками, которыя производятся на казенный счетъ. Кромѣ того, при благочинныхъ кіевской епархіи существуютъ особые *благочинническіе совѣты*, учрежденные въ 1868 г. Они состоятъ изъ благочиннаго, какъ председателя, помощника благочиннаго и одного члена, по выбору духовенства и съ утвержденія архіерея. Благочинническіе совѣты занимаются предварительнымъ разсмотрѣніемъ дѣлъ, возникающихъ по взаимнымъ недоразумѣніямъ и жалобамъ членовъ причта другъ на друга (главнымъ образомъ, изъ-за раздѣла доходовъ отъ земельныхъ угодій), провѣряютъ клировыя и исповѣдныя вѣдомости, обыскныя и метрическія книги церковей мѣстнаго округа, назначаютъ пособія вдовамъ и сиротамъ изъ суммъ, находящихся въ распоряженіи епархіальнаго попечительства. Благочинническіе совѣты оказываютъ громадную пользу епархіальной власти въ разрѣшеніи разныхъ сложныхъ и запутанныхъ вопросовъ—преимущественно—матеріальнаго свойства и въ то же время пользуются исключительною любовью со стороны духовенства.

VI. Духовно-учебныя заведенія. Въ кіевской епархіи существуютъ слѣдующія духовно-учебныя заведенія: Духовная Семинарія, 4 мужскія Духовныя Училища и 2 женскихъ. *Кіевская Духовная Семинарія* въ нынѣшнемъ ея устройствѣ и характерѣ получила свое начало съ 1817 года. До того времени въ Кіевѣ существовала одна школа—*Старая Академія*, совмѣщавшая

въ себѣ курсы низшаго, средняго и высшаго образованія. Въ началѣ XIX в. рѣшено было преобразовать всѣ духовныя школы, въ томъ числѣ кіевскую Академію. Эту послѣднюю рѣшено было раздѣлить на три отдѣльныя учебныя заведенія, соотвѣтствующія Училищу, Семинаріи и Академіи, по новому преобразованію. Но сразу эту реформу въ отношеніи кіевской Академіи оказалось трудно провести. Тогда было рѣшено въ 1817 г. преобразовать Семинарію и Училище. Они были помѣщены временно въ зданіяхъ Старой кіевской Академіи. Открытіе преобразованной кіевской Академіи, по разнымъ соображеніямъ, было отложено на два года. Оно состоялось 28 сентября 1819 г., когда Семинарія и Училище были переведены въ зданіе, находившееся на берегу Дѣпра и бывшее извѣстнымъ подъ именемъ „бурсы“. Зданіе это было и ветхо и тѣсно. Въ 1832 г. Семинарія была выведена изъ него и помѣщена въ зданіяхъ бывшаго греческаго Петропавловскаго монастыря, каковыя зданія нарочито для этой цѣли были расширены и обновлены. Съ того времени Семинарія оставалась въ означенномъ помѣщеніи до конца XIX в. Но тѣснота зданій и крайнія неудобства, происходившія отъ нахожденія его на базарной (толкучей) площади, давно всѣмъ бросались въ глаза. Съ переходомъ приснопамятнаго митр. Іоанника на кіевскую кафедру, онъ обратилъ самое серьезное вниманіе на неудобство зданій Семинаріи, въ которой онъ когда-то служилъ ректоромъ, и задумалъ построить новое (лучшее и на болѣе удобномъ мѣстѣ) зданіе для Семинаріи. По его указанію, духовенство начало производить сборы на задуманную постройку. Митр. Іоанникій благословилъ закладку новаго зданія Семинаріи на возвышенной площади (Кудрявицѣ), принадлежащей кіевскому митрополитичьему дому и уступленной епархіяльному духовенству въ долгосрочную аренду, но не дожидъ до окончанія постройки зданія. Главный трудъ по устройству этого послѣдняго вынесъ на своихъ плечахъ сотрудникъ почившаго митрополита также почившій преосв. Сергій (Ланниъ), бывшій тогда уманьскимъ епископомъ, викаріемъ кіевской епархія. Кіевская Семинарія—одна изъ многочисленныхъ въ Россіи; она имѣетъ параллельныя отдѣленія при всѣхъ 6 классахъ. При Семинаріи для вспомошествованія бѣд-

нымъ воспитанникамъ существуетъ Петропавловское братство, поддерживаемое добровольными взносами епархіяльнаго духовенства.

Кіево - подольское Духовное Училище получило начало одновременно съ Духовною Семинаріей, т. е. 27 октября 1817 г. До осени 1891 г. оно помѣщалось въ зданіяхъ Старой кіевской Академіи вмѣстѣ съ преобразованною кіевскою Духовною Семинаріей, одновременно съ которою же оно было перемѣщено и въ зданіе на берегу рѣки Дѣпра. Въ этомъ послѣднемъ зданіи оно оставалось до 1902 г., когда, послѣ соединенія его съ богуславскимъ Духовнымъ Училищемъ, оно было помѣщено въ зданіяхъ кіевской Духовной Семинаріи на Подолѣ.

Кіево - софійское Духовное Училище образовалось посредствомъ выдѣленія его изъ Кіево-подольскаго Духовнаго Училища. Главною причиною этого выдѣленія послужила крайняя тѣснота зданій, въ какихъ должно было помѣщаться кіевское Духовное Училище. Въ 1837 г. рѣшено было половину этого училища выдѣлить въ особое помѣщеніе, каковымъ было избрано зданіе, находящееся около Софійскаго кафедральнаго собора и построенное кіевскимъ митрополитомъ Арсеніемъ Могиланскимъ въ 1763—1767 г. Домъ, въ которомъ было помѣщено Кіево-софійское Духовное Училище, первоначально предназначался для монашескихъ келій и въ немъ помѣщался штатъ митрополитчаго дома. Но когда митр. Филаретъ Амфитеатровъ избралъ для себя постоянное мѣстожителство въ лаврѣ, то домъ этотъ оставался свободнымъ и былъ уступленъ митрополитомъ для Училища. Въ немъ впослѣдствіи были произведены значительныя передѣлки, но не смотря на это, зданіе не можетъ быть признано вполне удовлетворяющимъ своему нынѣшнему назначенію.

Училища *черкаское, уманьское и богуславское* были открыты въ 1818 г. Два первыхъ изъ нихъ и доселѣ существуютъ въ уѣздныхъ городахъ кіевской губерніи—Черкассахъ и Умані, отъ которыхъ получили и названіе свое. Богуславское же Духовное Училище, существовавшее до 1902 г. въ мѣст. Богуславѣ, кавевского уѣзда, въ этомъ послѣднемъ году, какъ сказано было раньше, соединено съ Кіево-

подольскимъ Дух. Училищемъ и переведено въ Кіевъ. Зданія его остаются пока свободными и предназначаются для *епархіальной богадѣльни*, которую рѣшено устроить въ память митр. Іоаннікія и на устройство которой собрано уже болѣе 120.000 руб. денегъ.

Женскія училища духовнаго вѣдомства. Въ кіевской епархіи существуютъ два женскія Училища, которыя оба находятся въ г. Кіевѣ и предназначаются для воспитанія дочерей духовенства кіевской епархіи. Они образовались путемъ раздѣленія одного Духовнаго Училища, которое существовало въ Кіевѣ первоначально. Это послѣднее Училище было открыто 15 октября 1861 г., при живомъ и главномъ участіи извѣстнаго кафедральнаго протоіерея І. М. Сворцова. Одно помѣщалось первоначально въ соборномъ Кіево-софійскомъ домѣ, откуда въ 1863 г. было переведено въ Липки, въ зданіе, которое нѣкогда принадлежало Кіево-Печерской лаврѣ, а потомъ поступило въ вѣдѣніе гражданскаго начальства и служило помѣщеніемъ для первой кіевской Гимназіи, а въ 1862 г. снова было уступлено духовному вѣдомству подъ Училище для дѣвицъ духовнаго званія. Перестроенное и обновленное въ 1862—1863 г., зданіе Училища вмѣстѣ съ церковью было освящено 22 сентября 1863 г., а въ 1865 г. расширено. Со времени своего открытія Училище было принято подъ покровительство Императрицы Маріи Александровны и въ 1866 г. получило уставъ, которымъ опредѣлялись права учащихся и учащихся. Съ теченіемъ времени зданіе Училища сдѣлалось замѣтно тѣснымъ, по причинѣ наплыва ученицъ. Въ виду этого отъ Училища были отдѣлены параллельные классы, помѣщенные въ особо выстроенномъ зданіи на усадьбѣ бывшей Васильевской (Трехсвятительской) приходской церкви. Со временемъ эти параллельные классы совершенно отдѣлились отъ основныхъ и образовали самостоятельное учрежденіе. До 1893 г. управленіе женскими Училищами духовнаго вѣдомства носило въ значительной степени домашній, неустановившійся характеръ. На это обратилъ вниманіе почившій митр. Іоаннікій, по инициативѣ котораго Училища были преобразованы въ 1893 г. по общему плану, съ тою только особен-

ностію, что кіевскія женскія Училища духовнаго вѣдомства остались по прежнему подъ Августѣйшимъ покровительствомъ Императрицы. Оба Училища теперь имѣютъ благоустроенныя зданія, одинаковое управленіе въ видѣ особаго училищнаго совѣта и (въ послѣднее время) 7-классныя курсы обученія.

VII. Просвѣтительныя, благотворительныя и взаимопомогательныя епархіальныя учрежденія. а) Во главѣ просвѣтительно-благотворительныхъ учреждений кіевской епархіи, по справедливости, должно быть поставлено *Свято-Владимірское братство*. Это братство, подобно древнимъ православнымъ западно-русскимъ братствамъ, учреждено было съ цѣлію противодѣйствія латинно-польской пропагандѣ въ Юго-Западномъ краѣ Россіи, такъ энергично заявившей себя въ концѣ 50-хъ и въ самомъ началѣ 60-хъ годовъ XIX в. Положительною задачей его было содѣйствіе успѣхамъ православія и церковно-народнаго образованія въ Юго-Западномъ краѣ. Свято-Владимірское братство было открыто 15 іюля 1864 г. Благодаря энергичной дѣятельности своихъ первыхъ членовъ, оно скоро привлекло живое сочувствіе общества къ себѣ, собрало обширный кругъ членовъ и жертвователей и открыло свою дѣятельность въ широкихъ размѣрахъ, по возможности удовлетворяя самымъ разнообразнымъ нуждамъ преимущественно Юго-Западнаго края въ духѣ основной своей идеи. Братство заботилось о поддержаніи и преуспѣяннн возникшихъ тогда церковно-приходскихъ школъ, снабжая ихъ книгами и другими учебными принадлежностями, заводя при школахъ библіотеки, помогая учителямъ и т. п.; братство оказывало пособіе бѣдѣйшимъ церквамъ утварью и другими церковными принадлежностями, заботилось объ открытіи церковно-приходскихъ братствъ, объ искорененіи пьянства, помогало иновѣрцамъ, желавшимъ принять православіе. Съ теченіемъ времени эта широкая благотворительная дѣятельность братства стала постепенно сокращаться. Въ послѣдніе годы вниманіе братства сосредоточилось на устройствѣ и поддержаніи братской школы и пріюта, равно какъ и на содѣйствіи евреямъ и другимъ иновѣрцамъ, при принятіи ими православія, денежными пособиями, помѣщеніемъ готовящихся къ кре-

щенію въ приюѣ и обученіемъ ихъ молитвамъ и догматамъ православной церкви. При братствѣ существуетъ епархіальная бібліотека, начало которой въ 1896 году положилъ бывшій кафедральный протоіерей П. Г. Лебединцевъ пожертвованіемъ своей бібліотеки. Братство содержитъ также читальню, ведетъ релігіозно-нравственныя чтенія по воскреснымъ и праздничнымъ днямъ, издаетъ и распространяетъ въ народѣ поучительныя листки путемъ бесплатной раздачи и рассылки. При содѣйствіи Владимірскаго братства, въ 1904 г. были обращены въ православіе: 66 евреевъ, 4 магометанина и, кромѣ того, присоединены къ православію: 3 греко-уніата, 13 католиковъ, 2 лютеранина, 5 ипоповцевъ, 2 безпоповца и 1 молоканинъ. Братство имѣетъ собственный домъ, въ которомъ помѣщаются всѣ вышеуказанныя учрежденія его.

б) *Релігіозно-просвѣтительное общество*, возникшее въ 1893 году, по примѣру петербургскаго такого же общества. Главною задачею релігіозно-просвѣтительнаго общества служить распространеніе просвѣщенія среди народа въ духѣ православной вѣры, равно какъ и содѣйствіе къ вразумленію заблуждающихся (сектантовъ) и, по возможности, возвращенію ихъ въ православіе. Мысль объ учрежденіи въ Кіевѣ релігіозно-просвѣтительнаго общества съ такими задачами первоначально возникла въ небольшомъ кружкѣ мѣстныхъ священниковъ, сознавшихъ недостаточность раздѣльной церковно-просвѣтительной дѣятельности пастырей и находившихъ необходимымъ создать изъ духовныхъ и свѣтскихъ лицъ такое общество, которое бы путемъ вибгоислужебныхъ собесѣдованій, чтеній въ разныхъ пріютахъ, мастерскихъ, ночлежныхъ домахъ сообщало народу здравыя и истинно-христіанскія понятія о вѣрѣ и нравственности. Мысль эта получила полное одобреніе и благословеніе митр. Іоаннікія, а также весьма сочувственно была встрѣчена бывшимъ тогда кіевскимъ генералъ-губернаторомъ гр. А. П. Игнатьевымъ и лучшимъ кіевскимъ обществомъ. При такихъ счастливыхъ условіяхъ, общество было открыто въ 1893 г. и сразу же завоевало широкія симпатіи въ Кіевѣ своею энергичною и благотворною дѣятельностію. Вели-

чайшую поддержку юному обществу оказала и кіевская Духовная Академія въ лицѣ славныхъ своихъ профессоровъ — И. И. Малышевскаго († 1897 г.), В. Θ. Пѣвницкаго, А. А. Дмитріевскаго и др. Кіевская же Духовная Академія дала обществу и двухъ предсѣдателей—бывшаго профессора протоіерея І. Н. Королькова и преосв. Платона, б. епископа чигиринскаго, ректора Академіи, нынѣ архіеп. С.-Американскаго. Расцвѣтъ дѣятельности общества падаетъ на время предсѣдательства въ немъ преосв. Сергія, бывшаго епископа уманьскаго, викарія кіевской епархіи. Въ теченіи своего 12-лѣтняго существованія общество, кромѣ веденія противосектантскихъ собесѣдованій, публичныхъ богословскихъ чтеній для образованной публики и церковныхъ бесѣдъ для простаго народа, построило еще храмъ и школу въ одной изъ отдаленнѣйшихъ и малокультурныхъ частей г. Кіева—Юрковичъ и собственный величественный домъ съ церковію и обширнымъ заломъ для чтеній, освященный 17 октября 1903 г.

в) *Кіевскій Комитетъ Православнаго миссіонерскаго Общества* открытъ 14 сентября 1870 г. Комитетъ имѣетъ своєю задачею оказывать матеріальную помощь російскимъ православнымъ миссіямъ въ дѣлѣ обращенія живущихъ въ предѣлахъ Россіи нехристіанъ въ православную вѣру и утвержденія обращенныхъ въ истиннахъ ея и въ правилахъ христіанской жизни. Значительное денежное пособіе Комитетъ оказываетъ кіевскому Св.-Владимірскому братству на миссіонерскія нужды его. Комитетъ во всемъ дѣйствуетъ по указаніямъ и распоряженіямъ „Православнаго Всероссийскаго Миссіонерскаго Общества“. Ближайшее заведѣваніе дѣлами Комитета сосредоточено въ особомъ распорядительномъ совѣтѣ, предсѣдателемъ котораго состоитъ митрополитъ кіевскій (Флавіанъ), а товарищемъ — преосв. викарій (Агапий, епископъ чигиринскій).

г) *Кіевскій Отдѣлъ Императорскаго Православнаго Палестинскаго Общества* открытъ 6 декабря 1902 г. съ цѣлію оказывать матеріальную помощь „Палестинскому Обществу“ въ его заботахъ о поддержаніи православія въ Св. Землѣ и о распространеніи просвѣщенія въ духѣ православной церкви среди бѣднаго населенія православныхъ арабовъ. Кіевскимъ Ко-

митомъ за короткое время его существованія собраны довольно значительныя денежныя пожертвованія на это доброе дѣло, организованы во многихъ мѣстахъ кіевской епархіи чтенія о православномъ Востокѣ, которыми въ самомъ Кіевѣ завѣдуетъ особая коммиссія. Отдѣлъ имѣетъ свою небольшую бібліотеку, которая помѣщается въ читальнѣ кіевского Св.-Владимірскаго братства. Предсѣдателемъ отдѣла состоитъ митрополитъ кіевскій (Флавіанъ), а товарищемъ одинъ изъ преосвященныхъ викаріевъ его.

д) *Кіевскій Отдѣлъ Общества ревнителей русскаго историческаго просвѣщенія въ память Императора Александра III* открытъ 14 марта 1902 г. и съ того времени ежегодно устраиваетъ торжественныя публичныя собранія съ чтеніями въ память императора Александра III, привлекающими многочисленную публику. Отдѣлъ владѣетъ небольшою бесплатною бібліотекою, которая помѣщается въ читальнѣ кіевского Св.-Владимірскаго братства. Почетнымъ предсѣдателемъ отдѣла состоитъ митрополитъ кіевскій (Флавіанъ), дѣйствительнымъ — одинъ изъ его викаріевъ.

е) *Епархіальное попечительство о бедныхъ духовнаго званія.* Дѣлами его завѣдуетъ комитетъ изъ 4 священниковъ подъ предсѣдательствомъ одного изъ членовъ консисторіи. Сотрудниками состоятъ всѣ благочинныя епархіи. Оно располагаетъ капиталомъ до 140.000 рублей; въ теченіи 1904 г. поступило въ распоряженіе попечительства до 105.000 рублей, которые почти всѣ и расходовались. Главнымъ источникомъ попечительскихъ средствъ служатъ кружечный сборъ по церквамъ епархіи и добровольныя пожертвованія духовенства по подписнымъ листамъ. Главный предметъ расходовъ попечительства составляетъ выдача денежныхъ ежегодныхъ и единовременныхъ пособій заштатнымъ, больнымъ и пострадавшимъ отъ пожара священно-церковно-служителямъ, а также ихъ вдовамъ и сиротамъ. Сумма спеціального кошельковаго 1% сбора расходовалась псключительно на леченіе въ больницахъ и на призрѣніе въ Кіево-Кирилловскихъ богоугодныхъ заведеніяхъ тяжело и неизлечимо больныхъ священно-церковнослужителей епархіи

и членовъ ихъ семействъ. Въ распоряженіи попечительства находится спеціальныи капиталъ до 120.000 рублей, образовавшійся изъ 50.000 рублей, пожертвованныхъ митр. Іоанникіемъ въ день 50-лѣтняго юбіяя его служенія, и изъ собранной духовенствомъ по этому поводу суммы. Капиталъ спеціально предназначенъ на устройство богадѣльни для престарѣлыхъ и заштатныхъ священно-церковнослужителей, а также вдовъ и сиротъ духовенства. Богадѣльню предполагается помѣстить въ приспособленныхъ для того зданіяхъ бывшаго богуславскаго Духовнаго Училища, съ устройствомъ при ней начальной школы для дѣтей лицъ, которые будутъ призрѣваться въ пріютѣ.

ж) *Кіевскій епархіальный свѣчной заводъ.* Онъ открытъ былъ въ 1890 г. съ цѣлію снабженія церковей епархіи свѣчами изъ частаго печельнаго воска по возможно дешевымъ цѣнамъ, а также ради предохраненія дорогихъ иконостасовъ и прочихъ церковныхъ украшеній отъ порчи копотью и дымомъ, которыми отличаются свѣчи, приготовляемыя частными предпринимателями изъ разныхъ суррогатовъ воска. Кіевскій епархіальный свѣчной заводъ, долгое время находившійся въ неустойчивомъ положеніи, на твердую почву былъ поставленъ митр. Іоанникіемъ. Съ того времени онъ началъ постепенно развиваться и къ концу жизни митр. Іоанникія достигъ уже того состоянія, въ какомъ находится теперь. Нынѣ заводъ имѣетъ свое помѣщеніе, ежегодно выдаетъ изъ своихъ средствъ довольно значительныя суммы на нужды духовно-учебныхъ заведеній и другихъ учрежденій епархіи и, кромѣ того, уплачиваетъ долгъ епархіи центральному управленію за старое зданіе Семинаріи въ размѣрѣ 212.000 рублей.

з) *Комитетъ по образованію пожарнаго капитала духовенства* кіевской епархіи учрежденъ въ 1893 г., по инициативѣ митр. Іоанникія, съ цѣлію уменьшенія издержекъ по ежегодному страхованію церковныхъ и причтовыхъ зданій, а также для образованія въ будущемъ капитала, процентамъ съ котораго можно было бы покрывать всѣ убытки отъ пожаровъ въ епархіи, такъ чтобы со временемъ церкви кіевской епархіи могли быть свободны отъ обязательныхъ взносовъ за страхованіе церковныхъ и причтовыхъ зданій. Комитетъ принимаетъ

на страхъ церковныя и причтовыя зданія по слѣдующей весьма умѣренной расцѣнкѣ: 1) по 1 р. — 1 р. 50 к. отъ тысячи за зданія каменные, крытыя жѣлѣзомъ; 2) по 2 р. — 2 р. 50 к. за деревянныя, крытыя жѣлѣзомъ; 3) по 2 р. — 3 р. за деревянныя, крытыя досками, и 4) по 4 р. за деревянныя, крытыя соломой. Комитетъ въ настоящее время располагаетъ капиталомъ до 237.000 рублей.

и) *Взаимовспомогательное общество духовенства кіевской епархіи* открыто въ 1893 г., по инициативѣ митр. Іоаннікія, въ выдачѣ вспомоществованія зажиточнымъ священно-церковнослужителямъ и семействамъ умершихъ членовъ причта. Оно начало свои операціи съ 1 января 1904 г. Въ теченіи 1904 г., при поступленіи 117.611 руб. 81 коп., израсходовано было на выдачу пенсій 91.715 руб. 66 коп. Къ первому января 1905 г. общество располагало капиталомъ въ 285.619 руб. 47 коп. Въ самое послѣднее время при обществѣ открыто специальное отдѣленіе — *похоронная касса*, участники которой, за извѣстные взносы, приобретаютъ право на выдачу ихъ семействамъ опредѣленнаго единовременнаго пособія, въ случаѣ ихъ смерти.

VIII. Монастыри кіевской епархіи. Въ самомъ Кіевѣ и ближайшихъ къ нему окрестностяхъ находятся слѣдующіе монастыри.

1) *Никольскій Пустынный Слупскій или Столповый*, иначе называемый *монастырь Николая Малаго*, — одинъ изъ древнѣйшихъ монастырей въ Кіевѣ. Онъ находится въ Печерской части г. Кіева, въ недалекомъ разстояніи (около версты) отъ Печерской лавры, на пути отъ этой послѣдней въ г. Кіевъ. Мѣстность, занимаемая теперь монастыремъ, начала освящаться построеніемъ на ней храмовъ Божіихъ, или учрежденіемъ монашескихъ обителей съ самыхъ первыхъ временъ христіанства въ Россіи. По сказанію нашей первоначальной лѣтописи, въ нижней половинѣ нынѣшней монастырской усадьбы, на томъ мѣстѣ, гдѣ теперь находится Аскольдова могила и гдѣ, по преданію, Аскольдъ былъ убитъ Олегомъ, нѣкто Олма построилъ храмъ во имя святителя Христова Николая. Нѣкоторые думаютъ, что вблизи этого храма въслѣдствіи св. великою княгиней Ольгою былъ учрежденъ

женскій монастырь, гдѣ была пострижена въ монашество мать препод. Феодосія печерскаго. Съ теченіемъ времени на томъ же самомъ мѣстѣ, или рядомъ съ женскою Св.-Николаевскою обителью образовался мужской монастырь во имя святителя Николая. Сохранилось преданіе, что въ 1113 г. кіевскій великій князь Мстиславъ Владиміровичъ, охотясь въ поздній часъ въ той мѣстности, гдѣ нынѣ находится Пустынно-Никольскій монастырь, заблудился въ чащѣ дремучаго лѣса. Разыскивая дорогу, онъ увидѣлъ яркій свѣтъ, который, какъ оказалось, исходилъ отъ образа св. Николая. Образъ этотъ стоялъ на высокомъ пнѣ дерева, у той самой дороги, которую искалъ князь. Въ память этого событія князь построилъ на мѣстѣ явленія образа храмъ во имя св. Николая и при немъ учредилъ мужской монастырь. Въслѣдствіи, во время нашествія на Кіевъ татаръ, монашескіи обители, существовавшія на мѣстѣ нынѣшняго Пустынно-Никольскаго монастыря, наравнѣ съ другими кіевскими монастырями и церквами, вѣроятно, подверглись раззоренію. Но съ теченіемъ времени онѣ были возобновлены. По крайній мѣрѣ, въ началѣ XV в. мы снова видимъ здѣсь Никольскій мужской монастырь, находившійся уже на мѣстѣ нынѣшней Аскольдовой могилы. Въ теченіи XV—XVIII в.в. Пустынно-Никольскій монастырь былъ однимъ изъ самыхъ значительныхъ и славныхъ монастырей въ Кіевѣ и въ юго-западной Руси вообще. Особеннымъ вышнимъ благосостояніемъ монастырь пользовался въ XV—XVI в.в. Съ конца XVI в. и особенно въ первой половинѣ XVII в., когда православная вѣра въ юго-западной Россіи начала сильно притѣсняться польскимъ правительствомъ, католиками и униатами, стали значительно сокращаться и владѣнія Пустынно-Никольскаго монастыря. Но съ половины XVII в., когда Кіевъ снова перешелъ подъ власть Россіи, прежнія потери Пустынно-Никольскаго монастыря въ значительной степени были вознаграждены новыми приобрѣтеніями, хотя, впрочемъ, и теперь благосостояніе его немного сравняется съ тѣмъ, какимъ оно было прежде. До конца XVII в. Пустынно-Никольскій монастырь находился въ нижней половинѣ нынѣшней усадьбы его, — тамъ, гдѣ теперь находится Аскольдова могила. Здѣсь именно мы видимъ его

на плані г. Києва, изданномъ въ 1638 г. печерскимъ монахомъ Аванасіємъ Кальво-фойскимъ. Здѣсь же видѣль Пустынно-Никольскій монастырь и Павелъ Алеппскій, описатель путешествія отца его—антіохійскаго патріарха Макарія въ Россію, во второй половинѣ XVII в. Въ концѣ XVII в. и въ началѣ XVIII в. въ жизни Пустынно-Никольскаго монастыря произошли важныя событія. Въ 1690—1696 г.г. малороссійскій гетманъ Іоаннъ Мазепа, съ разрѣшенія московскихъ царей Іоанна и Петра Алексѣевичей, на горѣ, подъ которою до тѣхъ поръ находился монастырь, на томъ мѣстѣ, гдѣ былъ такъ наз. „виноградъ“ и гдѣ, по свидѣтельству митрополита кievскаго Сильвестра Коссова, были выданы въ его время (1635 г.) „фундаменты“ древняго Никольскаго монастыря, построилъ каменную церковь во имя святителя Николая (что нынѣ военный Никольскій соборъ), а также трапезную церковь во имя Покрова Пресв. Богородицы и келіи для братіи. Тогда Пустынно-Никольскій монастырь былъ перенесенъ съ нижней части своей усадьбы въ верхнюю, при чемъ прежняя деревянная монастырская церковь была обращена въ кладбищенскую. Въ 1713—1715 г.г. кievскій губернаторъ кн. Д. М. Голицынъ на мѣстѣ прежней часовни — столба (stupa) построилъ небольшую каменную церковь во имя святителя Николая, которая ви́шнимъ своимъ видомъ напоминала столбъ и потому въ памятникахъ называлась *столбовой или слупскою* (откуда и одно изъ историческихъ наименованій монастыря); въ эту же церковь былъ перенесенъ и образъ святителя Николая, находившійся прежде въ часовнѣ. Въ концѣ XVIII в. начинается цѣлый рядъ неблагопріятныхъ событій, которые привели древнюю „славную и преславную“ обитель къ сильному обдѣльію и оскудѣнію, такъ что одно время она едва было совсѣмъ не прекратила своего существованія. Прежде всего, въ 1786 г. у Пустынно-Никольскаго монастыря наравнѣ съ другими обителями г. Києва, были отобраны въ казну почти всѣ его обширныя имѣнія, вмѣсто которыхъ ему было назначено штатное казенное содержаніе въ количествѣ 2.317 руб. 50 коп., 1 подъячій, 24 штатныхъ служителей и нѣсколько не совсѣмъ удобныхъ угодій. Вскорѣ послѣ того, именно въ

1811 г., по случаю сильнаго пожара, истребившаго всю Подольскую часть г. Києва, монахины Києво-Флоровскаго монастыря, зданія котораго также сгорѣли, были переведены въ зданія Пустынно-Никольскаго монастыря, а братія послѣдняго была временно помѣщена въ Печерской лаврѣ. Въ слѣдующемъ году флоровскихъ монахинь вывели изъ Пустынно-Никольскаго монастыря, но зданія его, однакоже, были отведены для временнаго помѣщенія военнопленныхъ и больныхъ воиновъ въ помощь кievскимъ госпиталямъ, при чемъ въ монастырѣ должны были совершаться богослуженія для больныхъ инвалидовъ. Только около 1817 г. братія Пустынно-Никольскаго монастыря получила возможность возвратиться въ свою обитель и принялась было за возстановленіе ея зданій, но, къ сожалѣнію, въ 1827 г. монастырь подвергся сильному пожару, произведшему большіе опустошенія. Впрочемъ, всѣ эти превратности и бѣдствія были еще ничто по сравненію съ тѣмъ, что ожидало монастырь въ ближайшемъ будущемъ. Въ концѣ 1830 г. было сдѣлано правительственное распоряженіе о томъ, чтобы зданія Пустынно-Никольскаго монастыря (кроме лавокъ при оградѣ) и соборную церковь его, построенную гетманомъ Іоанномъ Мазепомъ, сдать въ военно-инженерное вѣдомство съ тѣмъ, чтобы церковь была обращена въ военный соборъ, а въ монастырскихъ зданіяхъ были размѣщены арестантскія роты, назначенныя для производства работъ по расширенію кievской крѣпости. Тогда въ началѣ 1831 г. братія монастыря переселилась на свое подворье, въ деревянныя келіи, находившіяся около церкви св. Николая такъ наз. столбоваго, или слупскаго. Монастырь рѣшился было обратиться къ правительству съ просьбою объ ассигнованіи на устройство обочанной обители до 376.233 руб. Но въ отвѣтъ на это ходатайство получило распоряженіе о совершенномъ закрытіи монастыря и о распредѣленіи его монаховъ по другимъ обителямъ. Тогда монастырь отказался отъ своего прежняго ходатайства и обязался собственными средствами устроиться. И только сильное ходатайство митрополита Евгенія (Волховитанова) и губернатора Левашова спасло древній и славный прежде монастырь отъ совершеннаго закрытія. Съ

того времени и доселѣ Пустынно-Никольскій монастырь существуетъ безъ особенныхъ перемѣнъ. Въ немъ двѣ церкви: I) одна наверху трехпрестольная, съ главнымъ придѣломъ во имя св. Николая, и II) другая—вызвз на Аскольдовой могилѣ во имя св. Николая, съ круглымъ куполомъ древнегреческой архитектуры, построенная въ 1809—1813 г. Съ 1884 г. Пустынно-Никольскій монастырь управляется архіереями, викаріями кіевской епархіи. Съ 1860-хъ годовъ находящаяся въ усадьбѣ монастыря Аскольдова могила получила значеніе аристократическаго кладбища для богатѣе жителей г. Кіева.

2) *Златоверхо - Михайловскій* монастырь находится въ части такъ наз. Старога Кіева, именуемой „Михайловскимъ отдѣленіемъ“. Первоначально онъ назывался *Димитріевскимъ* по соборной Дмитріевской церкви, построенной въ 1062 г. в. кн. кіевскимъ Изяславомъ (въ крещеніи Дмитріемъ) Ярославичемъ. Сынъ его—Ярополкъ-Петръ построилъ въ томъ же XI в. другую церковь во имя св. Петра, по которой и самый монастырь въ XII в. назывался *Петровскимъ*. Въ XIII в. монастырь снова назывался *Димитріевскимъ*. Дмитріевскій-Петровскій монастырь, какъ основанный и поддерживаемый князьями, отличался богатствомъ и въ XI в. конкурировалъ съ Печерскимъ монастыремъ. Но уже въ XII в. онъ подпалъ подъ власть послѣдняго. Еще въ 1108 г. великій кіевскій князь Святополкъ-Михайлъ (сынъ Изяслава Ярославича и братъ Ярополка Изяславича) около прежнихъ церквей—Димитровской и Петровской—построилъ новую каменную церковь во имя Архангела Михаила. По уничтоженіи Димитровской и Петровской церквей (что могло случиться во время Батыева нашествія на Кіевъ) монастырь сосредоточился около Святополковой-Михайловской церкви и получилъ отъ нея свое новое названіе, съ которымъ ясно выступаетъ съ конца XIV в. Къ этому времени монастырь совершенно оправился отъ разоренія татарами и обстроился. Но въ 1482 г. крымскій ханъ Менгли-гирей снова разорилъ Михайловскій монастырь, который долго послѣ того находился въ запустѣніи и завѣдываніи отдѣльныхъ лицъ. Въ 1520 годахъ монастырь былъ восстановленъ и началъ постепенно оправляться. Въ началѣ XVII в. пмъ хотѣли

овладѣть уніаты, но православные отстояли монастырь; послѣдній съ 1620 г. до 1633 г. служилъ резиденцію кіевскихъ митрополитовъ Іова Ворецкаго и Ісаіи Копинскаго, которые содѣйствовали благоустройству обители. Іовъ Ворецкій построилъ деревянную трапезную церковь во имя св. Іоанна Богослова. Въ началѣ XVIII в. разными благотворителями были устроены боковыя придѣлы Святополковой-Михайловской церкви—Варваринской и Екаториненской, а также каменная трапезная церковь во имя св. Іоанна Богослова. Въ 1850-хъ годахъ были устроены въ Михайловскомъ монастырѣ архіерейскій домъ съ церковію во имя св. Николая и гостиница съ церковію во имя иконы Смоленской Божіей Матери. Съ 1734 г. Михайловскій монастырь управлялся архимандритами (до того же времени игуменами), а съ 1799 г. и доселѣ архіереями-викаріями кіевской епархіи. Главную святыню Михайловскаго монастыря составляютъ мощи св. великомученицы Варвары, присланныя—по первоначальному преданію—греческимъ императоромъ въ даръ в. к. кіевскому Святополку-Михаилу, женатому на его дочери.

Въ вѣдѣніи Михайловскаго монастыря находится *скитъ Теофанія*, расположенный на юго-западъ отъ Кіева, въ нѣсколькихъ верстахъ отъ него. Сначала это была загородная дача архіереевъ—настоятелей монастыря, названная первымъ изъ нихъ Теофаномъ (Шіановымъ)—„Теофанією“. Теперь это—весьма благоустроенный скитъ со многими храмами и кладбищемъ для умирающей братіи Михайловскаго монастыря. 11 іюля 1908 г. торжественно, въ присутствіи 3 митрополитовъ и болѣе 40 епископовъ, монастырь отпраздновалъ 800-лѣтіе со дня основанія соборнаго храма.

3) *Братскій Богоявленскій* монастырь находится на Подолѣ, на площади, расположенной среди послѣдняго. Онъ основанъ „братствомъ“ кіевскимъ на мѣстѣ, подаренномъ братству въ 1615 г. дворянкою Галшкою (Еленю) Гулевичевою Лозкиною. Въ 1620 г. братство начало строить Богоявленскую соборную церковь, кромѣ которой тогда же существовала еще Благовѣщенская церковь,—быть можетъ, домовая, находившаяся въ домѣ, который былъ пожертвованъ Галшкою Гулевичевою. Въ 1630-хъ годахъ кіевскій митрополитъ Петръ Могила обстро-

плъ монастырь п, сверхъ прежде бывшихъ въ немъ храмовъ, устроилъ церковь трапезную двухэтажную съ престоломъ во имя св. князей Бориса и Глѣба. Онъ же передалъ Братскому монастырю отнятыя имъ отъ униатовъ Воздвиженскую и Трехсвятительскую (теперь Васильевскую) церкви со всѣми имѣніями, принадлежащими имъ. Въ 1650-хъ годахъ, во время казачьихъ войнъ съ поляками, монастырь подвергался опустошеніямъ и, наконецъ, сгорѣлъ. Обновленіе его началось только въ 1680-хъ годахъ, когда Кіевъ перешелъ подъ власть Москвы. Нынѣшняя Вогоявленская каменная церковь монастыря построена гетманомъ Іоанномъ Мазепою въ 1693 г. Въ теченіи XVIII в. монастырь терпѣлъ матеріальную нужду. Изъ мѣстныхъ архипастырей этого вѣка особенно заботился о немъ Рафаилъ Заборовскій, радя бывшей въ монастырѣ Духовной Академіи. Рафаилъ Заборовскій построилъ нынѣшнюю конгрегационную академическую церковь. Въ 1785 г., во время введенія въ Малороссію монастырскихъ штатовъ, монастырь былъ закрытъ, но въ 1799 г. онъ снова былъ возобновленъ, съ перемѣщеніемъ въ него штата сгорѣвшаго въ 1795 г. Гамалѣвскаго монастыря. Въ 1811 г., во время страшнаго пожара на Кіево-Подолѣ, монастырь сильно обгорѣлъ, и только къ 1826 г. окончилось его возобновленіе, при помощи казеннаго денежнаго пособія. Въ Братскомъ монастырѣ, со времени его основанія и доселѣ, помѣщается кіевская Духовная Академія (см. о ней статью проф. Н. И. Петрова ниже стлб. 678—694).

4) *Видубицкій св. Георгіевскій* монастырь находится на югъ отъ Печерской лавры, верстахъ въ двухъ отъ нея, на живописномъ горномъ уступѣ, гдѣ, — по лѣтописному сказанію, — *выдыбалъ* (отсюда и названіе монастыря) вдоль Перуна, низвергнутаго крещеными кіевлянами. Въ монастырѣ находятся три церкви: 1) древняя Михайловская, заложенная княземъ Всеволодомъ Ярославичемъ въ 1070 г., когда онъ управлялъ еще Переяславомъ. Освященіе церкви совершилось только въ 1088 г. При церкви былъ тогда же устроенъ монастырь, около котораго находился красивый Всеволодовъ дворъ. Въ концѣ XII в. Михайловской церкви, стоявшей надъ самымъ Днѣпромъ, угрожала опасность обвалиться, отъ чего предохранилъ ее кіев-

скій князь Рюрикъ Ростиславичъ, построившій каменную опорную стѣну. Въ XV или XVI в. восточная часть Михайловской церкви, кажется, обрушилась въ Днѣпръ, при чемъ и самый монастырь, повидимому, опустѣлъ. Монастырь былъ возобновленъ около 1585 г., но скоро послѣ того имъ завладѣли уніаты; древняя Михайловская церковь была возобновлена митроп. Петромъ Могилою въ 1630-хъ годахъ. II) Соборная Георгіевская церковь, заложенная въ 1696 г. стародубскимъ полковникомъ Мих. Миклашевскимъ и оконченная въ 1701 г. III) Трапезная Покровская церковь, построенная тогда же и тѣмъ же Миклашевскимъ.

5) *Троицкій общежителный мужской монастырь* находится рядомъ съ Выдубицкимъ, на горѣ, у подошвы которой расположенъ этотъ послѣдній. Онъ основанъ въ 1864 году старцемъ іеромонахомъ Іоною, скончавшимся въ санѣ архимандрита и настоятеля монастыря. По имени своего основателя и самый монастырь извѣстенъ въ народѣ подъ названіемъ „Іоинна“. Въ монастырѣ соблюдаютъ строгіе общежительные порядки и чинное богослуженіе. Братство монастыря состоитъ изъ лицъ преимущественно крестьянскаго происхожденія. Монастырь пользуется исключительно любовью народа. Въ монастырѣ два храма: одинъ малый, устроенный основателемъ монастыря, и другой соборный во имя Св. Троицы, построенный въ послѣднее время.

6) *Екатерининскій греческій мужской монастырь* находится на Подолѣ, на площади посреди этого послѣдняго, по соседству съ Братскимъ монастыремъ. Онъ основанъ въ 1748 г. около Екатерининской церкви, построенной въ 1741 г. на усадьбѣ грека Астаматія Николаева для проживавшихъ въ Кіевѣ грековъ монахами спинаскаго монастыря, въ вѣдѣніи котораго онъ и находится. Въ 1786 г. для Екатерининскаго греческаго монастыря была испрошена архимандрія второго класса.

7) *Флоровскій Вознесенскій женскій монастырь* находится на Подолѣ, у подошвы, горы Киселевки п отъ-части, расположенъ на самой этой горѣ. Онъ существовалъ, вѣроятно, еще въ XV в. и пережилъ Менгли-гиреево опустошеніе Кіева въ 1482 г. По документамъ, онъ становится извѣстнымъ съ половины XVI в. До начала сороковыхъ годовъ

XVII в. монастырь находился во владѣніи Іакова Гулькевича и его потомковъ. 17 августа 1651 г. монастырь былъ истребленъ пожаромъ, но скоро обновился. Въ 1711 г., по волѣ императора Петра I, къ Флоровскому монастырю былъ присоединенъ Вознесенскій женскій монастырь, находившійся до того времени противъ западныхъ вратъ Печерской лавры. Въ 1718 г. монастырь снова былъ опустошенъ пожаромъ, отъ котораго постепенно оправился, благодаря особенно щедрымъ жертвамъ жившей въ обители во второй половинѣ XVII в. княгини Натальи Борисовны Долгоруковой (монахини Нектаринъ). Въ 1811 г. монастырь еще разъ былъ опустошенъ пожаромъ. Существующія теперь въ монастырѣ церкви—Вознесенская, Казанская, Тихвинская и Троицкая кладбищенская—и др. здания устроены въ XIX в.

8) *Покровскій женскій монастырь* находится въ Лукьяновской части Кіева, на склонѣ Кудрявской горы, за новою Вознесенскою приходскою церковію. Монастырь основанъ 20 іюля 1889 года вел. кн. Александромъ Петровымъ, названною въ монастырѣ Анастасіею. Въ монастырѣ нѣсколько храмовъ: 1) Соборный во имя св. Николая, заложенный въ 1896 г. и доселѣ еще строящійся; 2) Покровскій съ придѣлами во имя прор. Іиліи и всѣхъ святыхъ; 3) трапезная церковь во имя св. Архистратига Михаила. При монастырѣ имѣется образцовая бесплатная больница и лѣчебница имени императора Николая II, устроенная основательницею монастыря, съ церковію во имя преп. Агапита врача и другою во имя В. М. Всѣхъ Скорбящихъ Радости. Съ 1894 г. въ вѣдѣніи Покровскаго монастыря состоитъ.

9) *Межигорскій Преображенскій монастырь*, находящійся на берегу р. Дѣбѣра, въ нѣсколькихъ верстахъ выше Кіева, въ долинѣ, окруженной съ трехъ сторонъ горами. Межигорскій монастырь былъ основанъ не позже XII в., подвергался много разъ опустошеніямъ, послѣ которыхъ возстановлялся, въ XVII в. считался козацкимъ монастыремъ, въ 1687 г. получалъ отъ патр. Іоакима, своего бывшаго постриженника, права ставропігіи, въ 1786 г. былъ обращенъ въ военный госпиталь и до послѣдняго времени находился въ болышомъ запустѣніи. Теперь онъ постепенно возстановляется и украшается.

10) *Введенскій женскій монастырь* находится на Печерскѣ на углу Московской п Рыбальской улицъ, въ 1901 году преобразованъ изъ женской общины, которая была учреждена 4 марта 1878 года, по прошенію вдовы капитана Матрены Александровны Егоровой. Въ монастырѣ имѣется домовая церковь во имя Введенія во храмъ Б. М., съ придѣломъ во имя св. великомуч. Дмитрія Солунскаго.

Кромѣ этихъ собственно кіевскихъ п пригородныхъ монастырей имѣются еще въ кіевской епархіи слѣдующія иноческія обители.

1) *Корсунскій Свято-Онуфріевскій монастырь (мужской)* находится въ каневскомъ уѣздѣ недалеко отъ м. Корсуня, на островѣ р. Роси, называемомъ Валковскимъ, такъ какъ окруженъ древнимъ валомъ. Время происхожденія монастыря въ точности неизвѣстно, но восходитъ не ранѣе XVI в. Гетманъ Сагайдачный и жена Богдана Хмельницкаго были замѣчательными благодѣтелями монастыря, но особенно полковникъ Гуляницкій и его жена своими щедрыми пожертвованіями содѣйствовали благоустройству монастыря, который потому въ XVII и XVIII в.в. назывался иногда даже Гуляницкимъ. Въ XVIII в. (до 1768 г.) имъ владѣли уніаты.

2) *Виноградскій Успенскій (мужской)* находится въ черкасскомъ уѣздѣ надъ Ирдынскими болотами, окруженнымъ лѣсами. Первоначальный монастырь, основаніе котораго относится къ полоніи XVI в., назывался Ирдынскимъ Преображенскимъ и находился въ 4-хъ верстахъ отъ нынѣшняго, на берегу р. Ирдыни, на мѣстѣ называемомъ Монастирище. Въ первой половинѣ XVII в. этотъ первоначальный монастырь былъ разоренъ поляками или татарами, и братія его, удалившись за Дѣбѣр, положила основаніе Золотоношскому Преображенскому монастырю. Гетманъ Богданъ Хмельницкій возстановилъ Ирдынскій монастырь, надѣливъ его многими угодьями. Въ 1668 г. монастырь снова былъ разоренъ, при чемъ братія его удаллась опять въ Золотоношскій монастырь. До второй половины XVIII в. Ирдынскій монастырь находился въ запустѣніи и имъ владѣли иногда уніаты. Только съ этого времени монастырь сталъ устраниваться на нынѣшнемъ своемъ мѣстѣ, гдѣ до того вре-

менш былъ виноградный монастырскій садъ, давшій настоящее названіе монастырю.

3) *Жаботинскій Св.-Онуфріевскій монастырь* (мужской) находится въ черкасскомъ уѣздѣ недалеко отъ м. Жаботина при ручьѣ Жабянкѣ, впадающемъ въ рѣку Тясминъ. Время основанія его съ точностію неизвѣстно. Въ XVIII в. онъ прославился особенно доблестною борьбой братья его за православіе противъ католичества и униі.

4) *Матренинскій Св.-Троицкій монастырь* находится въ чигиринскомъ уѣздѣ среди густого лѣса, извѣстнаго подъ названіемъ Матронина. Время основанія его съ точностію неизвѣстно. Нѣкоторые относятъ его первоначальное происхожденіе даже къ дотатарскому времени. Матренинскій монастырь дѣлается извѣстнымъ со времени половины XVI в. Въ XVII в. онъ пользовался покровительствомъ гетмановъ малороссійскихъ, но много терпѣлъ отъ татарскихъ набѣговъ. Сожженный и разоренный татарами во второй половинѣ XVII в., онъ къ концу этого вѣка былъ возстановленъ. Въ первой половинѣ XVIII в. Матренинскій монастырь былъ обновленъ и устроенъ, при дѣятельномъ участіи переяславскихъ епископовъ, особенно Кирилла Шумлянскаго. Въ началѣ второй половины XVIII в. здѣсь дѣйствовалъ знаменитый игуменъ Мелхиседекъ Значко-Яворскій, бывшій однимъ изъ главныхъ виновниковъ возстановленія православія на Украинѣ и прозванный отъ поляковъ „схиматикимъ царемъ“.

5) *Медвѣдовскій Св.-Николаевскій* (мужской) монастырь находится въ чигиринскомъ уѣздѣ на островѣ, образуемомъ р. Тясминомъ близъ с. Медвѣдовки. Онъ дѣлается извѣстнымъ съ половины XVII в., когда пользовался покровительствомъ и благодѣяніемъ малороссійскихъ гетмановъ. Въ началѣ XVIII в. вслѣдствіе татарскихъ разореній, Медвѣдовскій монастырь почти совсѣмъ было опустѣлъ. Съ 20-хъ годовъ XVIII в. началось постепенное возстановленіе его. Во второй половинѣ XVIII в. онъ былъ наибольшимъ (по количеству братіи) и главнымъ среди украинскихъ монастырей, которыми руководили его игумены,—особенно извѣстный Виссаріонъ,—въ борьбѣ съ католичествомъ и унией.

6) *Мошногогорскій Вознесенскій мужской монастырь* находится въ черкасскомъ

уѣздѣ среди горъ и лѣсовъ. Основаніе его относится къ половинѣ XVII в. Въ XVII и XVIII в.в. онъ много терпѣлъ отъ татаръ, поляковъ и униатовъ, послѣдніе изъ которыхъ одно время и владѣли монастыремъ.

7) *Богуславскій Николаевскій женскій* (съ 1904 г.) монастырь находится въ каневскомъ уѣздѣ на правомъ берегу р. Роси близъ м. Богуслава. Первоначальный Богуславскій монастырь, находившійся на другомъ мѣстѣ, въ 3-хъ верстахъ отъ Богуслава, и называвшійся Рождество-Богородичнымъ, былъ основанъ богуславскими полковникомъ около 1580 г. Въ концѣ XVI в. онъ былъ уже разоренъ татарами. Въ 30-хъ годахъ XVII в. монастырь былъ возобновленъ отступникомъ отъ православія богуславскимъ старостой Янушемъ Острожскимъ и населенъ базилианами (униатскими монахами). Когда Богданъ Хмельницкій завладѣлъ Богуславомъ, то прогналъ униатовъ и передалъ монастырь православнымъ инокамъ. Около 1700 г. малороссійскій полковникъ Самусь возобновилъ Богуславскій Рождество-Богородичный монастырь, который вскорѣ послѣ того былъ разоренъ Орликомъ, извѣстнымъ соперникомъ Мазепы. Неизвѣстно, когда именно монастырь потомъ былъ возстановленъ и, по имени вновпостроенной здѣсь церкви во имя святителя Николая на нынѣшнемъ мѣстѣ, сталъ называться Николаевскимъ. Но скоро Богуславскій монастырь былъ обращенъ въ унию и завѣтъ базилианами. Въ 1768 г. православные изгнали базилианъ изъ Богуславскаго монастыря, который былъ населенъ монахами, пришедшими изъ Молдавіи и изъ-за Днѣпра. До самаго конца XVIII в. монастырь находился въ бѣдственномъ состояніи. Въ концѣ 1904 г. онъ изъ мужскаго обращенъ въ женскій монастырь.

8) *Лебединскій Св. - Николаевскій женскій монастырь* находится въ чигиринскомъ уѣздѣ недалеко отъ с. Лебедина. Основанъ онъ въ 1770-хъ годахъ монахинями, вышедшими изъ молдавскаго Калигурекскаго Успенскаго монастыря, послѣ разоренія его турками. Устройству монастыря много содѣйствовали вѣстные владѣльцы и, между ними, особенно князь Любомирскій.

9) *Чигиринскій Св.-Троицкій женскій монастырь* находится недалеко отъ Чигирина надъ р. Тясминомъ. Первоначально онъ былъ мужскимъ. Время его происхожденія съ точ-

ністю невідомо. В XVII в., при митр. Іосифі Нелюбовичі-Тукальському, онъ былъ резиденцією кієвскаго митрополита. В концѣ XVII в. въ началѣ XVIII в.в. онъ подвергався много разъ разореніямъ отъ татаръ и поляковъ. Около 1730 г. монастырь былъ возстановленъ и скоро послѣ того былъ обращенъ въ женскую обитель. Одно время монастырь былъ во владѣніи уніатовъ. Съ окончательнымъ переходомъ монастыря подъ власть кієвскаго митрополита, монастырь обстроился и достигъ извѣстнаго благосостоянія, въ какомъ находится и нынѣ.

10) *Ржищевскій Преображенскій женскій монастырь* находится въ кієвскомъ уѣздѣ надъ р. Дибровъ около м. Ржищева. Первоначально онъ былъ мужскимъ монастыремъ, и происхождение его скрывается въ невідомой глубокой древности. Въ XVII в., послѣ нѣкотораго процвітанія, монастырь былъ разоренъ „прагами святаго креста“ и долго находился въ бѣдственномъ положеніи. Одно время имъ владѣли латиняне и уніаты. Только въ XIX в. монастырь былъ возстановленъ и обстроился. Въ 1852 г. онъ былъ обращенъ въ женскій монастырь.

IX. Кієвскія Епархіальныя Вѣдомости

начали издаваться съ 1861 года. Инициаторомъ учрежденія ихъ и вмістѣ первымъ редакторомъ ихъ былъ *П. Г. Лебединцевъ*, въ то время священникъ Кієво-Подольскаго Успенскаго собора и заковучитель второй Гимназіи въ Кієвѣ, а впослѣдствіи бывшій кафедральнымъ протоіереемъ въ Кієвѣ. Программа была взята въ готовомъ видѣ программы „Херсонскихъ Епархіальныхъ Вѣдомостей“. П. Г. Лебединцевъ желавъ изданіе К. Е. В. сдѣлать независимымъ отъ кієвской духовной консисторіи, что ему въ значительной степени и удалось, — впротѣмъ, послѣ упорной борьбы, во время которой протоіерей Лебединцевъ сильно поддерживалъ кієвскій митрополитъ Арсеній. Борьба затихла съ тѣхъ поръ, какъ прот. Лебединцевъ былъ назначенъ членомъ консисторіи, гдѣ, при поддержкѣ митр. Арсенія, скоро сдѣлался всесильнымъ. Протоіерей П. Г. Лебединцевъ былъ дѣятельнымъ редакторомъ К. Е. В., въ которыхъ при немъ принимали участіе такіа выдающіеся ученые силы, какъ М. А. Максимовичъ. *Θ. Г. Лебединцевъ* (братъ редактора), Е. М. Кры-

жановскій, прот. Н. А. Фаворовъ и др. Первое редакторство прот. П. Г. Лебединцева продолжалось 13 лѣтъ. Участіе редактора въ извѣстной коммисіи по преобразованію духовнаго суда въ 1870—1873 г. и обнаруженная имъ солидарность съ митр. Макаріємъ (Вукаковичемъ) поколебали исключительно добрыя отношенія митр. Арсенія къ прот. П. Г. Лебединцеву, который, — должно думать, — подъ вліяніемъ этого, съ 1 явваря 1874 г. уволился отъ должности редактора К. Е. В. Оригинальный умъ и сильный характеръ перваго редактора К. Е. В. замѣтно отражались на содержаніи и направленіи епархіальнаго органа, который имѣлъ *исключительно мѣстный колоритъ*. Среди другихъ преимуществъ статьи мѣстнаго церковно-историческаго характера, что не нравилось многимъ... На первыхъ порахъ протоіерей П. Г. Лебединцевъ думалъ К. Е. В. сдѣлать частнымъ и свободнымъ органомъ, т. е. необязательнымъ для выписки въ монастыри и церкви кієвской епархіи. Но подписка шла очень туго, такъ что редакція вынуждена была просить епархіальное начальство объ устанавленіи обязательной выписки К. Е. В. Митр. Арсеній, еще раньше согласившійся на обязательность подписки на К. Е. В., въ 1859 г. въ отвѣтъ на домогательство редакціи объ усиленіи надзора за обязательностію подписки въ епархіи, устроилъ своего рода плебисцитъ, допустивъ приходскому духовенству высказаться о желательности или нежелательности выписывать К. Е. В. Но желающихъ выписывать, — особенно на свой, а не на церковный счетъ, — оказалось такъ мало, что К. Е. В. грозила опасность совсѣмъ прекратить свое существованіе. Тогда митр. Арсеній 26 ноября 1870 г. пришелъ на помощь редакціи и велѣлъ выписку К. Е. В. оставить обязательною, попрежнему, но съ тѣмъ только, чтобы въ уплатѣ за нихъ $\frac{1}{3}$ священники приняла на свой собственный счетъ, а двѣ остальные части на счетъ церковный. При заявленіи желанія или нежеланія выписывать К. Е. В. нѣкоторые священники дѣлали всегдѣ рѣзкій отзывъ о содержаніи епархіальнаго органа. Съ 1874 г. до 1878 г. редакторомъ-издателемъ К. Е. В. былъ протоіерей *Алексій Михайловичъ Коло-*

киевской Духовной Академіи, законоучителем и ректоромъ черниговской Духовной Семинаріи, а во время редакторства состоявшій приходскимъ священникомъ въ Киевѣ. Редакторство его было весьма не продолжительно. 26 октября 1878 г., по распоряженію митр. Филовея, послѣдовавшему въ отвѣтъ на ходатайство ректора кievской Духовной Академіи, епископа Михаила (Лузина), право изданія К. Е. В. было передано Академіи. Редакцію К. Е. В., по порученію Совѣта Академіи, занимались профессоры: И. И. Малышевскій, А. Д. Воронцовъ, Н. И. Петровъ и др. Академія принесла много новаго въ изданіе К. Е. В., которыя стали выходить еженедѣльно и въ большемъ сравнительно съ прежнихъ форматѣ (въ 4-ю долю листа). Но самая главная особенность, каковую приобрѣли К. Е. В., съ переводомъ въ Академію, заключалась, безъ сомнѣнія, въ содержаніи и направленіи изданія. Освободившись отъ консисторій, которая обязана была доставлять новой редакціи одни только официальные свѣдѣнія, К. Е. В. въ лицѣ своихъ редакторовъ и сотрудниковъ начали свободно и непринужденно, — иногда прямо критически, — обсуждать не только событія текущей церковно-общественной жизни, но даже и распоряженія своего епархіального начальства. Понятно, что это многимъ было весьма неприятно. Но пока былъ живъ митр. Филовей, расположенный къ Академіи, всѣ молчали. Со вступленіемъ въ управленіе кievскою митрополіею-епархіею митр. Платона, громко заговорили средн. духовенства (особенно — близкаго къ консисторіи) относительно, будто бы, ненормального направленія К. Е. В. Съѣздъ епархіального духовенства, бывшій въ первой половинѣ октября 1882 г., также выразилъ недовольство К. Е. В. и пѣз направленіемъ и даже высказался за отобраніе пѣхъ отъ Академіи. Вѣроятно, это съѣзду было подсказано другими... Въ числѣ недовольныхъ былъ и самъ основатель и первый редакторъ К. Е. В. протоіерей П. Г. Лебединцевъ, находившійся въ тѣни при митр. Филовеѣ и снова сдѣлавшійся всесильнымъ при митр. Платонѣ. Этотъ послѣдній, вскорѣ послѣ вступленія въ управленіе кievскою митрополіею-епархіею, обратился съ любопытнымъ предложеніемъ (писаннымъ въ

оригиналѣ рукою прот. П. Г. Лебединцева) къ ректору кiev. Дух. Академіи преосв. Михаилу. „По ходатайству бывшаго митрополита кievскаго Арсенія, опредѣленіемъ Св. Синода, изъясненнымъ въ указѣ отъ 8 января 1861 г., — писаль митр. Платонъ преосв. Михаилу, — разрѣшено кievскому епархіальному началству издавать К. Е. В. по представленной программѣ, каковыя Вѣдомости до 1874 г. выходили подъ непосредственнымъ наблюденіемъ сего начальства и за его цензурой. Но по представленію вашего преосвященства, предметникъ мой, преосвященный митрополитъ кievскій Филовей, резолюціей своей отъ 20 октября 1878 г., право изданія К. Е. В. предоставилъ кievской Духовной Академіи, безъ прошенія на сіе разрѣшенія Св. Синода. По вступленіи моемъ въ управленіе кievскою епархіею, статьи, предназначенныя для помѣщенія въ К. Е. В., не были мнѣ представляемы на разсмотрѣніе и, какъ оказалось, онѣ издаются безъ предварительной цензуры, тогда какъ парагр. 177—180 академическаго устава Академіи предоставлено право мнѣ собственную цензуру только для періодическихъ трудовъ ученаго содержанія. Пожелавъ же ближе ознакомиться съ содержаніемъ сихъ Вѣдомостей, я усмотрѣлъ, 1) что онѣ, наполняясь болѣею частью перепечатками изъ другихъ изданій и корреспонденціями о современной приходской и общественной жизни, не представляютъ ни поученій лучшихъ проповѣдниковъ, которыя могли бы служить образцами для сельскихъ священниковъ, ни матеріаловъ для исторіи кievской епархіи, и 2) что въ этомъ изданіи, которое должно служить органомъ епархіального управленія и защищать его интересы предъ обществомъ, помѣщаются иногда заявленія о подвѣдомственныхъ епархіальному началству лицахъ и учрежденіяхъ такого рода, оглашать которыя въ печати было только въ интересахъ недоброжелателей церкви и духовенства. Таковы, напр., сообщенія о безпорядочномъ содержаніи большаго отдѣленія при Києво-Флоровскомъ монастырѣ, которое, будто бы, служить логовищемъ голодныхъ и оставленныхъ безъ всякаго попеченія послушницъ (№ 9 за 1879 г.); о состояніи и процвѣтаніи церковно-приходскихъ училищъ кievской

епархія на бумагах (№ 7 за 1880 г.); о невыдачѣ приходскимъ священникомъ не вѣстѣ предбрачнаго свѣдѣтельства изъ желанія тѣмъ угодить помѣщику и ксендзу и тому подобныхъ обстоятельствахъ, не обслѣдованныхъ, сомнительныхъ, или вовсе несправедливыхъ. Встрѣчаются даже статьи, направленные къ порицанію дѣйствій самаго епархіальнаго управленія въ кievской епархіи; таковы, напр., „Эпизодъ изъ приходской жизни“ (№ 10 за 1882 г.) и „Путевыя впечатлѣнія отъ береговъ Днѣпра до береговъ Росіи по пути въ Кіевъ“ (№ 19 за 1882 г.), изъ коихъ въ первой статьѣ выставляются въ неблаговидномъ свѣтѣ распоряженія по опредѣленію на священническія мѣста въ кievской епархіи, а въ послѣдней статьѣ — заботливости каменецъ-подольскаго преосвященнаго о благоустройствѣ церквей подольской епархіи противопоставляются неблаговидность храмовъ сельскихъ въ кievской епархіи и нерадѣніе о семъ духовенства, соединенное съ пренебреженіемъ свят. мѣстъ, обращенныхъ яко бы „въ мерзость запустѣвѣя“. Въ заключеніе митр. Платонъ, въ удовлетвореніе желанія духовенства и для устранинія отмѣченныѣмъ недостатковъ, предлагалъ ректору Академіи посылать всѣ статьи, касающіяся кievской епархіи, для предварительной цензуры протоіерею П. Г. Лебединцеву, возстановить прежній форматъ К. Е. В., помѣщать въ нихъ по преимуществу образцы лучшихъ проповѣдей и статьи церковно-историческаго характера, касающіяся описанія кievской епархіи. Въ случаѣ непріемлемости такихъ предложеній, митр. Платонъ предлагалъ Академіи передать редакцію К. Е. В. въ вѣдѣніе кievской дух. консисторіи. Академія на этотъ разъ выдержала себя и подчинилась поставленнымъ ей условіямъ, какъ ни непріятны и тяжелы они ни были. Къ тому же скоро перемѣнился и ректоръ Академіи. Послѣ описаннаго прискорбнаго случая, Академія продолжала въ лицѣ своихъ профессоровъ держать редакцію К. Е. В. до 1886 года, при чемъ въ теченіи всего этого времени со стороны протоіерея П. Г. Лебединцева велась непрерывная негласная борьба, направленная къ отобранію редакціи К. Е. В. отъ Академіи. Когда же въ 1886 г. вѣздъ духовенства, не безъ посторонняго вліянія, рѣшилъ издавать К. Е. В. въ видѣ

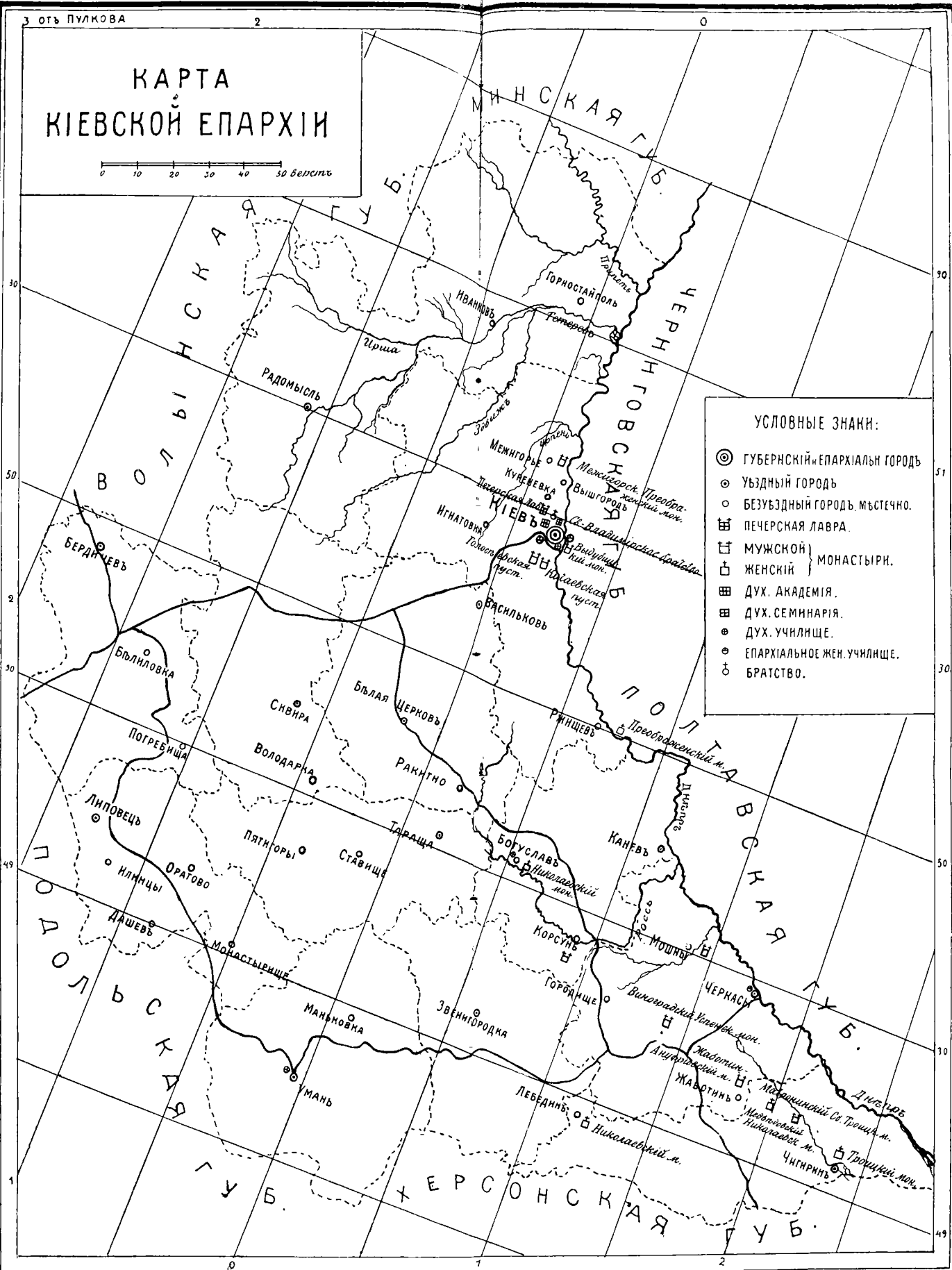
одного только офіціального отдѣла, Академія, само собою разумѣется, отказалась отъ редакціи его. Тогда 18 сентября 1886 г. редакторомъ К. Е. В. былъ назначенъ ключарь Кіево-Софійскаго кафедральнаго собора, бывшій прежде того (1873—1882 г.) ректоромъ черниговской Духовной Семинаріи, протоіерей *Василій Михайловичъ Розовъ*. Онъ оставался редакторомъ К. Е. В. до своей смерти, послѣдовавшей въ 1890 г. Послѣ его смерти редакцію К. Е. В. снова взялъ въ свои руки протоіерей П. Г. Лебединцевъ. Теперь К. Е. В. принялъ свой прежній видъ и по вѣщности, и по количеству выпусковъ (2 раза въ мѣсяцъ), и по характеру содержанія (преимущественно мѣстнаго церковно-историческаго). Второе редакторство протоіерея П. Г. Лебединцева было непродолжительнымъ (1890—1894 г.). 3 января 1894 г. Св. Синодомъ былъ утвержденъ въ должности редактора К. Е. В. протоіерей *Павелъ Антоновичъ Троцкий*, бывшій законоучитель кievскаго кадетскаго корпуса, а во время редакторства состоявшій настоятелемъ Кіево-Сръбтенской приходской церкви. При немъ К. Е. В., сохраняя свой прежній видъ, получили преимущественно церковно-практическое направленіе, хотя попрежнему въ нихъ часто помѣщались проповѣди и статьи мѣстнаго церковно-историческаго характера. Съ 6 февраля 1897 года редакція К. Е. В. раздѣлилась, при чемъ редакторомъ офіціальной части былъ назначенъ секретарь кievской духовной консисторіи *Николай Васильевичъ Соловьевъ*. Послѣ смерти протоіерея П. А. Троцкаго († 5 іюня 1900 г.), по иніціативѣ бывшаго викарія кievской епархіи преосвященнаго Сергія, епископа уманьскаго, была составлена новая программа К. Е. В., которая вмѣстѣ съ проектомъ увеличенія объема, количества выпусковъ (52 №№ вмѣсто прежнихъ 26 №№) и увеличенія подписной платы была представлена въ Св. Синодъ, который и утверждалъ все это. Тогда же 13 февраля 1901 года редакторомъ неофіціальной части К. Е. В. назначенъ профессоръ кievской Духовной Академіи, протоіерей *Θ. И. Титовъ*, а помощникомъ редактора утвержденъ законоучитель 4-й Гимназіи священникъ *І. И. Троцкий*. По новой программѣ, К. Е. В. должны заключать въ себѣ отдѣлы: 1) ру-

КАРТА КИЕВСКОЙ ЕПАРХІИ

0 10 20 30 40 50 верст

УСЛОВНЫЕ ЗНАКИ:

- ⊙ ГУБЕРНСКИЙ ЕПАРХІАЛЬН ГОРОДЪ
- УЪЗДНЫЙ ГОРОДЪ
- БЕЗУЪЗДНЫЙ ГОРОДЪ, МЪСТЕЧКО.
- ⊞ ПЕЧЕРСКАЯ ЛАВРА.
- ⊞ МУЖСКОЙ } МОНАСТЫРН.
- ⊞ ЖЕНСКОЙ }
- ⊞ ДУХ. АКАДЕМІА.
- ⊞ ДУХ. СЕМИНАРІА.
- ⊞ ДУХ. УЧИЛИЩЕ.
- ⊞ ЕПАРХІАЛЬНОЕ ЖЕН. УЧИЛИЩЕ.
- ⊞ БРАТСТВО.

ководящія статьи по вопросам церковно-приходской жизни и практик, или образцовыя поучения; 2) миссіонерскій отдѣлъ; 3) церковно-историческій, посвященный систематической разработкѣ исторіи кievской епархіи-митрополіи; 4) текущая епархіальная жизнь; 5) обзоръніе внеепархіальной жизни; и 6) отзывы, или обзоръніе новѣйшихъ сочиненій въ области богословской, преимущественно церковно-практической литературы. За время 44-лѣтняго существованія К. Е. В., въ нихъ было помѣщено немало солидныхъ статей богословскаго, или церковно-историческаго и церковно-практическаго содержанія. Существовать въ печати спеціальныя *указатели неофициальной отдѣла К. Е. В.* — первый за 1861—1870 гг. (напечатанъ въ приложеніи къ К. Е. В. за 1870 г.) и второй за 1871—1895 гг., напечатанный отдѣльно въ 1896 г. Въ послѣднее время главное вниманіе редакціи обращено на то, чтобы К. Е. В. были, по возможности, самымъ полнымъ и точнымъ выразителемъ жизни кievской епархіи — жизни современной и прошедшей.

Литература. Систематическихъ спеціальныхъ трудовъ, относящихся къ исторіи кievской митрополіи-епархіи и обнимающихъ болѣе или менѣе полно свой предметъ, немного. Ихъ всего можетъ быть названо два: 1) м. *Евгеніи* (Волховитиновъ), Описание Кіево-Софійскаго собора и кievской іерархіи, съ присовокупленіемъ разныхъ грамотъ и выписокъ, объясняющихъ оное, также плановъ и фасадовъ Константинопольской и Кіевской Софійской церквей и Ярославова надгробія, Кіевъ 1825 и 2) проф. *В. И. Титовъ*, Русская православная церковь въ польско-литовскомъ государствѣ въ XVII и XVIII вв., томъ II: Кіевская митрополія-епархія въ XVII—XVIII вв., Кіевъ 1905 г. Изъ трудовъ, освѣщающихъ предметъ съ одной какой-либо стороны, заслуживаютъ особаго вниманія слѣдующіе: 1) проф. *С. А. Терновскій*, Исслѣдованіе о подчиненіи кievской митрополіи московскому патріарху, Кіевъ 1873 (сначала было напечатано въ V томѣ первой части „Архива Юго-Западной Россіи“, въ видѣ предисловія къ актамъ, относящимся къ дѣлу о подчиненіи кievской митрополіи московскому патріарху и напечатаннымъ въ томъ же томѣ, а затѣмъ и отдѣльно), 2) † проф. *Ф. А. Терновскій*, Очерки изъ исторіи кievской епархіи въ XVIII столѣтіи, на основаніи документовъ

синодальнаго архива, Кіевъ 1879. 3) *Е. М. Крысановскій*, Собраніе сочиненій его, т. I, Кіевъ 1890; здѣсь напечатано нѣсколько небольшихъ очерковъ Крыжановскаго, относящихся къ исторіи кievской митрополіи-епархіи, изъ коихъ особенную цѣнность представляетъ статья подъ заглавіемъ: „Кіевская Духовная Консисторія въ XVIII в.“ (стр. 440—487). 4) *М. А. Максимовичъ*, Собраніе сочиненій, т. II, Кіевъ 1877; здѣсь напечатано нѣсколько мелкихъ, но цѣнныхъ изслѣдованій, замѣтокъ и т. п. произведеній, относящихся преимущественно къ исторіи монастырей и церквей К. Е. В. и кievской митрополіи-епархіи. Кроме того, множество статей, содержащихъ въ себѣ или сырые матеріалы, или же научныя обработанныя свѣдѣнія по исторіи кievской митрополіи-епархіи, напечатано въ кievскихъ изданіяхъ и журналахъ, а именно: 1) въ „Архивѣ Юго-Западной Россіи“, части первой; 2) въ „Матеріалахъ архива кievскаго губернскаго правленія“, изданныхъ *А. Андріевскимъ* въ нѣсколькихъ томахъ; 3) въ „Чтеніяхъ въ Историческомъ Обществѣ Нестора Лѣтописца“ при Университетѣ св. Владиміра; 4) въ „Чтеніяхъ въ Церковно-Историческомъ и Археологическомъ Обществѣ“ при кievской Духовной Академіи; 5) въ „Актахъ, относящихся къ исторіи кievской Духовной Академіи въ XVIII в.“ изданныхъ Академіею подъ редакціею особой комиссіи; 6) въ „Трудахъ кievской Духовной Академіи“ (академическомъ журналѣ); 7) въ „Кіевской Старинѣ“ и, наконецъ, 8) въ „Кіевскихъ Епархіальныхъ Вѣдомостяхъ“. Въ 60-хъ годахъ прошедшаго столѣтія въ Кіевѣ существовалъ даже особый комитетъ, учрежденный для историко-статистическаго описанія кievской епархіи. Къ сожалѣнію, кievскій комитетъ подобно большинству такихъ комитетовъ, существовавшихъ тогда въ другихъ епархіяхъ, не оставилъ по себѣ почти никакихъ слѣдовъ своей дѣятельности. По крайней мѣрѣ, не смотря на самые тщательные поиски, мы не могли разыскать даже тѣхъ матеріаловъ, какіе были собраны означеннымъ комитетомъ. Въ самое послѣднее время „Историческое Общество Нестора Лѣтописца“ при Университетѣ св. Владиміра собрало матеріалы для историко-статистическаго описанія церквей и монастырей епархіи Юго-Западнаго края Россіи, между прочимъ, и кievской епархіи. Собранные имъ матеріалы, присланные въ отвѣтъ на предложенныя программы, хранятся въ Центральномъ архивѣ при Университетѣ св. Владиміра. Еще никѣмъ не использованные матеріалы для исторіи кievской митрополіи-епархіи находятся въ архивахъ и бібліотекахъ: 1) Кіево-Софійскаго собора, 2) кievской Духовной Академіи, 3) Кіево-Печерской лавры 4) кievской духовной консисторіи, 5) Кіевскомъ Центральномъ архивѣ при Универ-

сигетъ, 6) московскомъ Главномъ архивѣ министерства иностранныхъ дѣлъ, 7) московскомъ Архивѣ министерства юстиціи, 8) московской Синодальной (бывшей патріаршей) бібліотекѣ и 9) въ Синодальномъ архивѣ въ С.-Петербургѣ.

Протоіерей *О. Титовъ*.

Кіево-Печерская лавра.

1) Мѣсто ея въ ряду другихъ русскихъ монастырей и значеніе ея въ исторію русской церкви и русскаго народа. Кіево-Печерская лавра, по справедливости, занимаетъ выдающееся мѣсто среди всѣхъ иноческихъ обителей православной Россіи. Такое положеніе ея содзалося на почвѣ не одной только исторической традиціи, но и дѣйствительнаго значенія, какое имѣлъ въ исторіи Россіи этотъ монастырь. Кіево-Печерской лаврѣ принадлежитъ, безспорно, пальма первенства въ ряду всѣхъ русскихъ монастырей, существовавшихъ, прежде и теперь существующихъ, не только потому, что она была дѣйствительно первымъ истинно-русскимъ народнымъ монастыремъ (въ собственномъ смыслѣ этого слова) въ Россіи, по времени своего происхожденія, но также и по суммѣ того духовнаго блага, какое она принесла русскому народу и какое неизмѣнно превосходитъ заслуги всѣхъ другихъ позднѣйшихъ русскихъ монастырей на пользу русскаго народа и государства. Правда, и позднѣйшіе наши монастыри, несомнѣнно, сослужили свою великую службу для русскаго народа. Но всѣ они трудились, если можно такъ выразиться, на полѣ, уже отъ-части воздѣланномъ, или, по крайней мѣрѣ, значительно очищенномъ отъ сорныхъ травъ. Первоначальники же Кіево-Печерской лавры были первыми ратаями на великомъ русскомъ полѣ, первыми работниками на поприщѣ духовнаго образованія и воспитанія русскаго народа въ самомъ широкомъ, даже всеобъемлющемъ смыслѣ этого выраженія. Позднѣйшіе монастыри,—даже тѣ изъ нихъ, которыми, волею Божию, было указано трудиться въ необитаемыхъ странахъ великой Россіи, среди непроходимыхъ болотъ и лѣсовъ,—имѣли уже передъ собою готовый образецъ въ видѣ подвижнической жизни и дѣятельности первоначальнаго русскаго монастыря—Кіево-Печерской лавры. Одинъ этотъ при-мѣръ значительно облегчалъ ихъ трудъ осо-

бенно въ нравственномъ отношеніи. Заслуги и славы Кіево-Печерскаго монастыря воодушевляли позднѣйшихъ русскихъ иноковъ въ ихъ высокомъ служеніи обществу, возбуждали и усиливали ихъ энергію, освѣщали имъ путь къ достиженію высокой цѣли ихъ призванія. Особенно замѣчательна всеобъемлемость подвига и служенія, которыми приобрѣла пальму первенства во всѣхъ отношеніяхъ среди русскихъ иноческихъ обителей и создала свою славу Кіево-Печерская лавра. Всѣ позднѣйшіе монастыри прославились своею дѣятельностію преимущественно на одномъ какомъ-либо поприщѣ: или учительномъ, или просвѣтительномъ, или миссіонерскомъ, или церковно-политическомъ, а Кіево-Печерская лавра, особенно въ первый періодъ своего существованія, была одинаково славна во всѣхъ этихъ отношеніяхъ. *Она была тогда истиннымъ средоточіемъ христіанско-просвѣтительной дѣятельности среди русскаго народа, центромъ всей русской христіанской образованности.* Кіево-Печерская лавра сіяніемъ высокихъ нравственныхъ подвиговъ, явленныхъ передъ русскимъ народомъ ея первыми иноками, оказала могучее содѣйствіе христіанскому солнцу, взойдшему надъ русскою землею при св. кн. Владимірѣ, для разсвѣтленія того тумана, той тьмы, которая окружала тогда русскую землю, освѣщенную пока на одѣхъ только вершинахъ ея. Благодаря такому исключительному своему положенію среди русскихъ монашескихъ обителей и значенію, Кіево-Печерская лавра произвела глубокое и неотразимое впечатлѣніе не только на современниковъ ея происхожденія, но и на отдаленныхъ потомковъ ихъ. Та величайшая сила человеческого духа, какую явилъ міру первые русские монахи, лучше во всѣхъ отношеніяхъ представители святой Руси, въ подземномъ, пещерномъ кіевскомъ монастырѣ, неудержимо влекла и теперь влечетъ сотни тысячъ русскаго народа въ Кіево-Печерскую лавру на поклоненіе ея многочисленнымъ и замѣчательнымъ святынямъ. Сила эта нисколько не умалилась и не ослабла даже и въ то время, когда внѣшность Кіево-Печерской лавры утратила было на время свою первоначальную красоту, когда монастырскіе храмы и стѣны лежали въ развалинахъ, когда сама лавра вмѣстѣ съ Кіевомъ и со всею Запад-

ною Русью находилась под чуждымъ владычествомъ. Наоборотъ, въ періодъ чуждаго владычества въ Юго-Западной Руси (сначала татарско-монгольского, а потомъ польско-литовскаго) слава и сила нравственнаго обаянія Кіево-Печерской лавры сияли для русскаго народа еще ярче и сильнѣе прежняго: тогда она была истиннымъ фокусомъ, въ которомъ слились лучшіе и сильнѣйшіе лучи русской народной вѣры, нравственности и образованности. И нынѣ Кіево-Печерская лавра

Любеча черниговской области. Отправившись на православный Востокъ, онъ посѣтилъ Аѳонскую гору, въ одномъ изъ монастырей которой принялъ иноческое постриженіе. По возвращеніи въ Россію, преп. Антоній задумалъ основать свой монастырь и мѣсто для него избралъ въ 3 верстахъ отъ (тогдашняго) города Кіева внизъ по теченію р. Дѣпра на высокомъ берегу его. Здѣсь онъ сначала поселился одинъ въ пещерѣ, которую выкопалъ для себя спящен-

Кіево-Печерская лавра.

Общій видъ съ южной стороны.

является славнѣйшимъ и любимѣйшимъ среди всѣхъ русскихъ монашескихъ обитателей мѣстомъ паломничества для нашего благочестиваго русскаго народа. Самый Кіевъ свое высокое значеніе „русскаго Іерусалима“ имѣетъ въ глазахъ русскаго народа благодаря именно Кіево-Печерской лаврѣ и ея святынямъ.

2) Основаніе и первоначальное устройство Кіево-Печерской лавры. Основаніе Кіево-Печерской лавры положилъ въ половинѣ XI в. преп. Антоній. Онъ былъ уроженецъ города (нынѣ мѣстечка)

внѣкѣ сѣдѣнаго великокняжескаго села Вєрєстова Іларіонъ и которая оставалась свободною, послѣ избранія Іларіона въ 1051 г. кіевскимъ митрополитомъ. Слава о подвигахъ преп. Антонія распространилась среди окрестнаго населенія, и къ нему начали собираться люди, искавшіе мѣста для уединенныхъ подвиговъ. Въ числѣ другихъ къ преп. Антонію явился (около 1055—1056 г.г.) преп. Ѳеодосій, который и сдѣлался настоящимъ устроителемъ Кіево-Печерской лавры. Преп. Ѳеодосій родился въ г. Василевѣ (нынѣ Васильковѣ) кіевской обла-

сти. Когда онъ былъ еще въ малыхъ лѣтахъ, родители его переселились въ Курскъ, гдѣ преп. Θεодосій провелъ свое дѣтство и юность. По смерти отца, Θεодосій остался на попеченіи матери, которая горячо любила своего сына и желала видѣть его наслѣдникомъ отцовскаго имѣнія. Но самъ преп. Θεодосій, по природному расположенію, стремился къ удаленію отъ міра. Нѣсколько попытокъ его бѣжать изъ-подъ родительскаго крова въ Кіевъ были предупреждены и разстроены матерью. Но въ концѣ концовъ преп. Θεодосію все-таки удалось тайно уйти въ Кіевъ. Здѣсь онъ явился къ преп. Антонію, который, послѣ непродолжительнаго колебанія (въ виду особенной молодости просившаго), принялъ его въ свое братство. Между тѣмъ самъ преп. Антоній, всегда стремившійся къ уединенію и созерцательной подвижнической жизни, оставилъ первоначальную пещеру, которая приняла видъ подземнаго, пещернаго монастыря, и удалился на ближайшую гору, гдѣ ископалъ для себя новую пещеру. Скоро около него образовалось новое небольшое монашеское братство, которое вело подвижническую жизнь въ пещерахъ, извѣстныхъ теперь подъ именемъ *ближнихъ*, или *Антоніевыхъ* пещеръ. Надъ прежнимъ братствомъ, оставшимся въ пещерахъ, въ которыхъ первоначально подвизался преп. Антоній и который теперь извѣстенъ подъ именемъ *далнихъ* или *Θεодосіевыхъ* пещеръ, преп. Антоній поставилъ игуменомъ Варлаама. Когда же этотъ послѣдній былъ взятъ вел. кн. Изяславомъ въ игумена для устроеннаго имъ Дмитріевскаго монастыря, то пещерное братство избрало, съ согласія преп. Антонія, своимъ игуменомъ преп. Θεодосіа. Въ это время въ монастырѣ было всего 20 инокъ, которые, по происхожденію своему, принадлежали преимущественно къ высшимъ классамъ русскаго общества. Преп. Θεодосій сталъ принимать въ монастырь всѣхъ вообще русскихъ людей, не исключая и простыхъ, подъ условіемъ искренняго расположенія къ монашеской жизни, и скоро собралъ до 100 инокъ. Преп. Θεодосій ввелъ въ своемъ монастырѣ строгій уставъ, по образцу греческаго такъ наз. Студійскаго. Преп. Θεодосій, съ благословенія преп. Антонія и съ разрѣшенія вел. кн. Изяслава, перенесъ монастырь на близлежащую гору, на то мѣсто,

гдѣ онъ и нынѣ находится. Послѣднія свои заботы о благоустройствѣ Кіево-Печерской лавры преподобные Антоній и Θεодосій выразили тѣмъ, что въ 1073 г. заложили каменную церковь во имя Успенія Пресв. Богородицы. Въ 1073 г. скончался преп. Антоній, а 3 мая 1074 г. умеръ и преп. Θεодосій. Устройство великой монастырской церкви продолжали преемники преп. Θεодосія—игумены печерскіе: Стефанъ, Никонъ и Іоаннъ. Строили ее греческіе мастера, которые привезли съ собою и икону Успенія Божіей Матери, составляющую донынѣ величайшую святыню Кіево-Печерской лавры. Въ 1077 г. церковь была готова вчернѣ и въ такомъ видѣ оставалась до 1083 г. Въ этомъ послѣднемъ году явились греческіе мастера, которые начали украшать церковь мозаикою, фресками и иконами. Въ писаніи иконъ для великой лаврской церкви принималъ участіе и русскій ученикъ греческихъ мастеровъ—преп. Алпій иконописецъ. Къ 1089 г. церковь была вполне окончена и 14 августа того же года была освящена кіевскимъ митрополитомъ Іоанномъ. Съ освященіемъ великой церкви, закончилось первоначальное устройство Кіево-Печерской лавры.

3) Краткій очеркъ исторіи Кіево-Печерской лавры. Въ теченіи многолѣтняго, болѣе чѣмъ восьмисотлѣтняго своего существованія Кіево-Печерская лавра, раздѣлявшая общую историческую судьбу русской церкви и русскаго народа, претерпѣла много важныхъ перемѣнъ, въ результатъ которыхъ и явилось нынѣшнее ея состояніе. Съ этой стороны исторія Кіево-Печерской лавры можетъ быть раздѣлена на слѣдующіе періоды: 1-й) 1089—1240 г., 2-й) 1240—1362 г., 3-й) 1362—1687 г., 4-й) 1687—1786 г. и 5) 1786 до настоящаго времени. 1) Въ теченіи перваго періода своего существованія Кіево-Печерская лавра, находясь подъ защитою великихъ князей и пользуясь любовью всего русскаго народа, продолжала внутренно развиваться и съ вѣнчившей стороны возрастать и укрѣпляться. Неизвѣстно въ точности, когда и при какихъ обстоятельствахъ (—по традиціи самой Кіево-Печерской лавры при вел. кн. Андрѣ Боголюбскомъ и по его почину—), она уже въ это время приобрѣла права патріаршей ставропигии и наименованіе лавры, а игумены ея—

звание архимандритовъ. Тогда же, частію путемъ покупки, но преимущественно путемъ добротныхъ пожертвованій отъ князей и другихъ благотворителей, Кіево-Печерская лавра приобрѣла большія недвижимыя имѣнія и другія обширныя средства. Обиліе средствъ давало ей полную возможность проявлять широкую общественную благотворительность и въ то же время устраниваться самой. Послѣ 1106 г. бывшимъ черниговскимъ княземъ Николю Святосею, постригшимся въ Кіево-Печерской лаврѣ, былъ устроенъ въ ней большіиный монастырь съ церковію во имя Пресв. Троицы; въ 1108 г. въ Кіево-Печерской лаврѣ была устроена каменная трапеза; во второй половинѣ XII в. монастырь былъ обнесенъ кругомъ каменною стѣной. Кромя того, въ 1109 г. на погостѣ великой церкви у юго-западнаго угла ея было погребено тѣло княжны Евпраксин, дочери в. к. Всеволода Ярославича, и надъ ея прахомъ была построена часовня. Но вмѣстѣ съ тѣмъ Кіево-Печерская лавра, раздѣляя судьбу Кіева, подвергалась бѣдствіямъ и раззореніямъ, вслѣдствіе междоусобныхъ войнъ русскихъ князей, или же нападеній иноземныхъ враговъ. Такъ, напр., 20 іюня 1096 г. половцы вторглись въ монастырь, ограбили церковь и обитель. Въ 1240 г. Батый совершенно раззорилъ Кіево-Печерскую лавру, превративъ обитель въ развалины. Нѣкоторые думаютъ, что послѣ Батыева погрома уцѣлѣли только стѣны великой церкви, маленькій храмъ Предтеченскій, пристроенный къ ней, и еще Троицкая церковь на святыхъ воротахъ. 2) Въ теченіи слѣдующаго періода (1240—1362 г.) Кіево-Печерская лавра находилась, кажется, все время, въ запустѣніи подобно тому, какъ и самъ Кіевъ въ то время опустѣлъ. Монахи печерскіе жили въ окрестныхъ лѣсахъ и пещерахъ, собирався въ монастырь только для слушанія службы, которая совершалась въ маломъ уцѣлѣвшемъ храмѣ обители. 3) Съ переходомъ Кіева и съ нимъ Кіево-Печерской лавры подъ власть сначала великихъ князей литовскихъ, а затѣмъ, послѣ соединенія Литвы съ Польшею въ 1386 г., польскихъ королей, Кіево-Печерская лавра начала постепенно оправляться, обстраиваться и возстановлять свое прежнее внутреннее и внѣшнее устройство. Постепенное возстановленіе Кіево-Печерской лавры совершилось средѣ

многихъ неблагоприятныхъ условій. Попрѣжнему продолжались разрушенія ея татарами, напр., въ 1399 и 1416 г. Въ 1470 г. великая церковь Кіево-Печерской лавры была возстановлена изъ развалинъ намѣстникомъ кievскимъ княземъ С. А. Олельковичемъ, а въ 1480 г. кн. Ю. С. Гольшанскій жалованною грамотою подтвердилъ права Кіево-Печерской лавры на владѣніе нѣкоторыми землями. Кіево-Печерская лавра начала было устроиться, но не надолго. 1 сентября 1482 г. татарскій ханъ Менгли-гирей раззорилъ Кіевъ и вмѣстѣ съ нимъ Кіево-Печерскую лавру, которая послѣ того опять запустѣла. Въ XVI в., благодаря возникновенію на югѣ Россіи козачества, которое приняло подъ свою защиту и Кіево-Печерскую лавру, послѣдняя снова начала постепенно, хотя и медленно, поправляться и устраниваться. Матеріальное положеніе ея, — особенно при обильныхъ жертвахъ въ пользу ея со стороны разныхъ благотворителей изъ среды западно-русскихъ ревнителей православія, — было въ это время, можно сказать, даже удовлетворительное. Больше всего она терпѣла теперь отъ произвола и вмѣшательства въ ея внутреннія дѣла со стороны польскихъ королей и вообще правительствъ польскаго. По этой причинѣ открылось широкое поле для всякихъ искательствъ, притиргъ и борьбы изъ-за доходнаго архимандричьяго мѣста въ Кіево-Печерской лаврѣ со стороны разныхъ шляхтичей, которые искали этого сана, привлекаемые не внутреннимъ расположеніемъ къ монашеству или желаніемъ потрудиться на пользу монастыря, а исключительно „духовнымъ хлѣбомъ“, т. е. богатствомъ его. Оттого среди архимандритовъ Кіево-Печерской лавры въ XVI в. стали появляться иногда недостойныя лица, производившія въ обители разныя безпорядки. Съ конца XVI в., когда въ Западной Россіи была введена церковная унія, начались усиленные попытки латинно-униатской партіи привлечь Кіево-Печерскую лавру на сторону уніи. Къ счастью, въ это же время на архимандричьемъ мѣстѣ Кіево-Печерской лавры появлялись выдающіеся ревнители и борцы за православіе (напр., Елисей Плетенецкій, Захарія Копыстенскій, Петръ Могила и др.), благодаря чему Кіево-Печерская лавра является теперь однимъ изъ главнѣйшихъ свѣтильни-

ковъ и оплотовъ православія въ Западной Руси и центромъ борьбы за вѣру и народность русскую. Такими направленіемъ дѣятельности Кіево-Печерской лавры обусловлено было появленіе въ ней просвѣтительныхъ учрежденій въ видѣ типографіи, школы и др., равно какъ оживленіе книгоиздательства, имѣвшего полемическій характеръ. Важное значеніе для Кіево-Печерской лавры въ ея борьбѣ за свою самостоятельность и за православіе имѣло еще и то обстоятельство, что она во все это время была ставропигією патриаршей, т. е. находилась подъ защитою константинопольскаго патриарха. Съ 1654 г., т. е. со времени присоединенія Малороссіи къ Московскому государству, обозначается начало новаго направленія въ жизни и дѣятельности Кіево-Печерской лавры. Она въ лицѣ своихъ архимандритовъ начинаетъ теперь принимать дѣятельно участіе въ церковно-политической жизни Кіева и всего Юго-Западнаго края, постепенно переходившаго фактически и юридически подъ власть Россіи. Въ слѣдъ за подчиненіемъ кievской митрополіи московскому патриарху и присоединеніемъ Кіева къ Россіи (въ 1685—1686 г.), Кіево-Печерская лавра была сдѣлана (въ 1686 г.) ставропигією московскаго патриарха и тогда началась новая жизнь Кіево-Печерской лавры. 4) Ровно въ теченіи столѣтія (1687—1786 г.) она живетъ подъ управленіемъ своихъ архимандритовъ, избираемыхъ (за рѣдкими исключеніями, напр., Іосифа Оранскаго) братією, и подъ высшею властію сначала московскаго патриарха и его мѣстоблюстителя, а затѣмъ Св. Синода. Не смотря на то, что въ это время ей пришлось перенести нѣсколько опустошительныхъ пожаровъ, особенно пожаръ 1718 г., когда всѣ храмы и зданія (кромя Троицкой церкви на св. вратахъ), древнія грамоты, драгоценности, богатая бібліотека и архивъ ея сдѣлались жертвою огня,—не смотря на это, Кіево-Печерская лавра въ теченіи XVIII в. обновилась, обстроилась, украсилась и значительно увеличила свои имуществъ и средства. 5) Въ 1786 г. Кіево-Печерская лавра приведена на штатное положеніе, когда многія имѣнія ея были отобраны въ казну, и поставлена подъ управленіе кievскаго митрополита, получившаго званіе священноархимандрита Кіево-Печерской лавры. Съ того времени

начался новый періодъ въ исторіи Кіево-Печерской лавры, продолжающійся доселѣ, при чемъ теперь, не смотря на значительное сокращеніе средствъ, вслѣдствіе отобранія имуществъ въ казну, благочестивое усердіе государей и благоговѣнное уваженіе всего православнаго русскаго народа къ лаврской святынѣ даютъ возможность Кіево-Печерской лаврѣ поддерживать вышнее благолѣпіе и благосостояніе славной обители на высотѣ, соотвѣтствующей ея великому историческому значенію.

4) Храмы Кіево-Печерской лавры и ихъ святыни.

1) *Соборная, или великая церковь.* Построена она была, при извѣстныхъ уже намъ обстоятельствахъ, греческими мастерами въ византійскомъ стилѣ XI в. Въ 1470 и 1722—1729 г.г. она была возобновлена, при чемъ хотя первоначальный планъ ея и былъ удержанъ, но фасадъ подвергся измѣненію, особенно карнизы, фронтоны и главы на куполѣхъ. Въ это же и въ другое время къ первоначальной церкви были сдѣланы пристройки съ сѣверной и южной сторонъ ея. Въ послѣднее время церковь капитально ремонтирована—въ 1879—1880 г.г., снаружи, и въ 1890-хъ годахъ, внутри. Кромѣ главнаго Успенскаго престола, въ ней имѣются еще придѣльные: а) внизу: 1) Михайловскій, 2) Богословскій, 3) Трехсвятительскій, 4) Стефановскій, 5) Предтеченскій (въ сѣверо-западномъ углу); б) вверху: 1) Андреевскій, 2) Преображенскій, 3) Антоніевскій и 4) Θεοδοсіевскій. Главнѣйшую святыню великой церкви и вообще Кіево-Печерской лавры составляетъ чудотворная икона Успенія Вожіей Матери, помѣщаящаяся надъ царскими вратами. Въ великой же церкви Кіево-Печерской лавры находятся: икона Пресв. Богородицы, пещенаяя Игорева, такъ какъ предъ нею молился кн. Игорь Ольговичъ предъ убіеніемъ его кievлянами въ 1147 г., и св. мощи въ особыхъ ракахъ: св. кн. Влаадимира (глава), св. митр. Михаила, преп. Θεοδοсія (подъ спудомъ), всѣхъ печерскихъ угодниковъ (частичъ) и архидіакона Стефана; подъ поломъ въ Стефановскомъ придѣлѣ лежитъ нетлѣнное тѣло митр. тобольскаго Павла (Конюсевича), а подъ поломъ главнаго (средняго) храма погребены тѣла нѣкоторыхъ архимандритовъ Кіево-Печерской лавры и князей—ея покро-

вители; на погостѣ около церкви также погребены были тѣла многихъ архимандритовъ и др. пивенитыхъ людей.

II) *Трапезная во имя преп. Антонія и Θεодосія церковь*, находящаяся рядомъ съ великою церковію, по правую сторону ея, построена въ 1893—1895 г. г. на мѣстѣ Петропавловской, первоначально устроенной еще въ домонгольскій періодъ и возобновленной въ 1720 г.; въ началѣ XX стол. эта церковь внутри росписана живописью; рядомъ съ нею, въ одномъ зданіи, помѣщается братская трапеза, художественно росписанная. III) При митрополитѣемъ домѣ находящаяся *церковь во имя св. Михаила перваго кіевского митрополита* въ началѣ XX стол. перестроена на мѣстѣ прежней, построенной въ 1840 г. въ примыкавшемъ къ настоятельскому дому одноярусномъ зданіи, служившемъ до того времени парадной столовой въ большіе праздники Кіево-Печерской лавры. IV) *Троицкая церковь* на святыхъ вратахъ, устроенная въ домонгольскій періодъ и возобновленная гетманомъ И. С. Мазепою въ концѣ XVII в.; замѣчательна особенно иконостасъ этой церкви, представляющая любопытный памятникъ южнорусской церковной росписи самаго начала XVIII в. V) *Николаевская церковь* въ т. наз. больничномъ монастырѣ, находящемся въ сѣверо-западномъ углу лаврской усадьбы и основанномъ въ домонгольскій періодъ; сама церковь построена въ XVIII в.; въ ней находятся чтимыя иконы св. Николая и великомуч. Варвары стариннаго письма. VI) *Больничная церковь во имя иконы Божіей Матери: „Утоли моя печали“* находится надъ вышеупомянутою Николаевскою церковью и устроена въ 1861 г. во второмъ этажѣ большого зданія, построенномъ въ 1860 г. VII) *Церковь во имя всѣхъ святыхъ на т. наз. экономическихъ воротахъ* Кіево-Печерской лавры построена въ 1698 г. гетманомъ И. С. Мазепою. VIII) *Церковь во имя иконы Божіей Матери Всѣхъ Скорбящихъ Радости* устроена въ 1865 г. въ верхнемъ этажѣ каменнаго зданія странопримной больницы, которая находится за оградою Кіево-Печерской лавры, во дворѣ. IX) *Крестовоздвиженская церковь* надъ входомъ въ ближнія пещеры Кіево-Печерской лавры устроена въ 1700 г. X) *Церковь во имя*

всѣхъ печерскихъ преподобныхъ, построенная въ 1839 г. въ концѣ галлерей, ведущей въ вышеозначенную Крестовоздвиженскую церковь. XI) *Срътенская церковь*, деревянная, при келіи блюстителя ближнихъ пещеръ, устроенная въ 1854 г. XII, XIII и XIV) *Антоніевская, Введенская и Варламовская церкви*, находящаяся подъ землею въ ближнихъ пещерахъ, при чемъ первая двѣ изъ нихъ были устроены еще въ домонгольскій періодъ, а послѣдняя въ 1691 г. кіевскимъ митрополитомъ Варлаамомъ Ясинскимъ, бывшимъ архимандритомъ Кіево-Печерской лавры. XV) *Рождество-богородичная церковь*, устроенная въ 1696 г. кіевскимъ полковникомъ Константиномъ Мокіевскимъ, на вершинѣ холма, при дальнихъ пещерахъ, на мѣстѣ прежней деревянной, устроенной еще въ домонгольскій періодъ. XVI) *Церковь во имя зачатія св. Анны*, построенная въ 1809—1811 г. надъ входомъ въ дальнія пещеры, на мѣстѣ прежней Зачатіевской же церкви, построенной въ 1679 г. XVII, XVIII и XIX) *Благовѣщенская, Христорождественская и Θεодосіевская церкви*, устроенныя, вѣроятно, еще въ домонгольскій періодъ (о Благовѣщенской ц. это несомнѣнно извѣстно).

Пещеры Кіево-Печерской Лавры. Величайшую достопримѣчательность Кіево-Печерской лавры, благотворѣею ночному русскимъ народомъ, благодаря почивающимъ здѣсь св. мощамъ печерскихъ угодниковъ составляютъ пещеры ея — ближнія и дальнія. Происхождение ихъ намъ извѣстно. Кіевскія пещеры устроены, подобно лабиринту, настолько разнообразно и сложно, что человѣку, незнакому съ ихъ расположеніемъ, весьма трудно найти выходъ изъ нихъ безъ опытнаго проводника. Пещеры эти не суть произведеніе природы, но дѣло рукъ древнихъ печерскихъ подвижниковъ, тѣла которыхъ въ продолженіи нѣсколькихъ столѣтій почиваютъ здѣсь нетлѣнными. Кіевскія пещеры съ древнѣйшаго времени производили неотразимо сильное впечатлѣніе на посѣтителъ ихъ. Посему онѣ часто бывали предметомъ горячій полемикъ между православными и латинско-уніатами. Главнымъ предметомъ полемикъ служило нетлѣніе мощей, находящихся въ кіевскихъ погостахъ. „Не качество почвы причиною этому, — доказыва-

ли обыкновенно православные полемисты XVII в., — другія тѣла, тамъ же положенныя, превращались въ прахъ, но печерскіе угодники удостоены нетлѣнны за святость своей жизни и особенную любовь къ Богу. Начатое преп. Антоніемъ и Теодосіемъ, печерное подвижничество продолжалось послѣ нихъ въ теченіе нѣсколькихъ столѣтій. Печерскіе подвижники отнюдь не были „пещерными людьми“, какъ думаютъ ныне. Наоборотъ, печерскіе подвижники были носителями и воплощателями началъ высшаго нравственнаго совершенства, выразителями побѣды духа надъ плотію. Пещерное подвижничество отнюдь не было ничего недѣланимъ; наоборотъ, оно было выраженіемъ и плодомъ высшаго напряженія сильной, высокой и чистой религіозно-нравственной жизнедѣятельности, содержаніе которой составляли: постоянная молитва, строгій постъ, изнурительные тѣлесные труды и непрерывная борьба духа со зломъ и страстями. Съ давняго времени, когда кіевскій Печерскій монастырь былъ выведенъ на поверхность земли и перенесенъ на настоящее свое мѣсто, пещеры кіевскія сдѣлались кладбищемъ пноковъ. Въ теченіе восьми столѣтій, вслѣдствіе землетрясеній и другихъ причинъ, кіевскія пещеры подвергались и нѣкоторымъ перемѣнамъ, но въ большей своей части онѣ сохранились до насъ почти въ первобытномъ своемъ видѣ. Теперь въ кіевскихъ пещерахъ, приведенныхъ въ настоящій свой видъ, заботами митрополитовъ — Петра Могила, Евгенія Волховитинова и др., кромѣ перечисленныхъ церквей, находятся въ особыхъ нишахъ, расположенныхъ по обѣ стороны подземныхъ корридоровъ, св. мощи печерскихъ угодниковъ. Въ ближнихъ пещерахъ почиваютъ мощи 73 святыхъ угодниковъ и 30 мирооточивыхъ главъ, а въ дальнихъ пещерахъ — мощи 45 святыхъ угодниковъ и также 30 мирооточивыхъ главъ.

Ризница Кіево-Печерской лавры. Одну изъ важныхъ достопримѣательностей Кіево-Печерской лавры составляетъ ризница. Эта послѣдняя съ давняго времени помѣщается въ юго-западномъ углу великой лаврской церкви, въ особомъ отдѣленіи. Въ ней хранятся древнія вещи церковной утвари и драгоценности, пожертвованныя Кіево-Печерской лаврѣ въ разное время

русскими царями и царицами, императорами, малороссійскими гетманами, русскими вельможами и духовными лицами. Здѣсь собрано и содержится въ образцовомъ порядкѣ множество драгоценныхъ евангелій, крестовъ, чапъ, панагій, саккосовъ, ризъ, митръ, архіерейскихъ жезловъ и др. вещей. Наибольше древними вещами въ лаврской ризницѣ являются евангеліе рукописное и кадильницы отъ XVI в., а всѣ прочія вещи относятся къ XVII и XVIII вв.

5) Типографія Кіево-Печерской лавры. Въ особомъ зданіи, находящемся къ востоку отъ великой лаврской церкви, прямо противъ алтаря ея, и построенномъ въ 1720 г., помѣщается типографія Кіево-Печерской лавры, представляющая одинъ изъ важнѣйшихъ органовъ замѣчательной и высокоблаготворной для всего русскаго народа православнаго и даже для всего вообще православнаго христіанства просвѣдательной дѣятельности Кіево-Печерской лавры. Типографія эта была заведена архимандритомъ Елисеємъ Плетенецкимъ (1595—1624 г.), который приобрѣлъ стряпкинскую типографію, оставшуюся послѣ смерти шляхтича Теодора Балабана († 24 мая 1606 г.). Вопросъ о началѣ книгопечатанія въ типографіи Кіево-Печерской лавры доселѣ остается открытымъ. Со времени м. Евгенія Волховитинова въ наукѣ преобладаетъ мнѣніе, что первыми книгами, напечатанными въ типографіи Кіево-Печерской лавры, былъ „Часословъ съ Богомъ“... 1617 г. и Анеологіонъ 1619 г. Но это мнѣніе, поскольку оно отождествляется съ мнѣніемъ о началѣ вообще типографіи Кіево-Печерской лавры, основано на шаткихъ и слабыхъ аргументахъ. Необходимо замѣтить, что традиція Кіево-Печерской лавры начало книгопечатанія въ типографіи ея отодвигаетъ до 1608 г. и даже до 1606 г. Эта традиція имѣетъ основанія — и теоретическія, и фактическія (въ видѣ нѣкоторыхъ указаній, находящихся въ лаврскомъ архивѣ). Типографія Кіево-Печерской лавры была учреждена ея основателемъ и поддержана первоначальными ея дѣятелями съ тою цѣлію, чтобы, какъ они сами говорили, — „отклонить православныхъ отъ черпанія воды отъ чуждыхъ ученій и предоставить имъ для питья воду отъ своихъ студенецъ и источниковъ, и чтобы вѣчно и непероружно соблюсти отече-

ское благочестіе и церковное правило". Эта высокая цѣль достигалась типографіей Кіево-Печерской лавры посредствомъ печатанія и распространенія среди православнаго народа частію полемическихъ сочиненій, защитавшихъ православную вѣру отъ различныхъ обвиненій и нападокъ на нее со стороны латино-уніатовъ, на польскомъ, какъ государственномъ тогда въ краѣ, и на старо-русскомъ языкахъ, большею же частію и преимущественно церковно-богослужебныхъ книгъ и свято-отеческихъ твореній, доставлявшихъ православному народу здравую и чистую духовную пищу и утверждавшихъ его въ благочестіи. Эту высокую цѣль типографія Кіево-Печерской лавры преимущественно преслѣдовала и осуществляла отъ начала своего существованія до 1688 г., при чемъ во все это время она вмѣстѣ съ самою лаврой находилась подъ благословеніемъ константинопольскаго патріарха и подъ дѣйствіемъ (до 1654 г. фактическимъ и до 1686 г. только юридическимъ) правъ и законовъ польско-литовскаго государства. Съ конца XVII в. и въ теченіи XVIII в. просвѣдательная дѣятельность типофіи Кіево-Печерской лавры выражалась въ печатаніи и распространеніи среди православнаго русскаго народа преимущественно и даже почти исключительно церковно-богослужебныхъ книгъ на славянскомъ и отчасти на греческомъ и другихъ иностранныхъ языкахъ. Во все это время типографія Кіево-Печерской лавры, состоя подъ непосредственнымъ управленіемъ архимандритовъ съ ихъ „капитулою“, или позднѣе духовнаго собора, независимыхъ отъ кіевскихъ митрополитовъ, находилась „подъ благословеніемъ“ и вѣдѣніемъ сначала московскихъ патріарховъ, а потомъ съ 1721 г. Св. Синода, которые особенно внимательно слѣдили за тѣмъ, чтобы типографія Кіево-Печерской лавры „не печатала никакихъ книгъ, кромѣ церковныхъ прежнихъ изданій, и эти послѣднія печатала въ совершенномъ согласіи съ великороссійскими и московскими образцами“. Эта опека, — должно сказать, — сильно и безъ нужды стѣсняла типографію Кіево-Печерской лавры. Въ такомъ положеніи типографія Кіево-Печерской лавры находилась до 1786 г. Ставъ 10 апрѣля 1786 г., вмѣстѣ съ Кіево-Печерской лаврой, подъ власть кіевскихъ митрополитовъ, получившихъ теперь

званіе священно-архимандритовъ Кіево-Печерской лавры, типографія ея уже въ слѣдующемъ 1787 г. получила важное право печатать, кромѣ славянскихъ церковно-богослужебныхъ книгъ, разные сочиненія на русскомъ и другихъ разныхъ иностранныхъ языкахъ. Это право, выразившееся реально въ открытіи т. наз. академической типографіи при типографіи Кіево-Печерской лавры, внесло значительное оживленіе въ дѣятельность лаврской типографіи. Съ того времени, подъ высокимъ покровительствомъ и сильною защитою своихъ священно-архимандритовъ, типографія Кіево-Печерской лавры начала постепенно расширяться и во всѣхъ отношеніяхъ совершенствоваться, пока не достигла современнаго своего состоянія. Теперь типографія Кіево-Печерской лавры занимаетъ довольно обширное $2\frac{1}{2}$ этажное зданіе (два этажа по фасаду, отъ великой церкви, и три этажа со стороны Дѣбѣра), въ нижнемъ этажѣ котораго помѣщается паровикъ, дающій отопленіе для всего зданія и приводящій въ движеніе машины, станки печатные и токарные, въ среднѣмъ — нѣсколько (7) усовершенствованныхъ скоропечатныхъ машинъ и ручныхъ станковъ, и въ верхнемъ — сушильня, литографія, хромо-литографія и ксилографія. И теперь типографія Кіево-Печерской лавры печатаетъ преимущественно церковно-богослужебныя книги, которыми пользуется значительная часть церквей нашего отечества и всего православнаго славянскаго міра, равно какъ и книги Св. Писанія, церковно-историческія, нравоучительныя и отчасти учебныя пособія. Немалую часть своихъ издѣлій, которыя по красотѣ шрифта, изяществу отдѣлки и добротѣ бумаги равняются изданіямъ лучшихъ нашихъ типографій и даже превосходятъ ихъ, Кіево-Печерская лавра безвозмездно жертвуетъ бѣднымъ церквямъ не только въ Россіи, но и въ Греціи, Болгаріи, Сербіи, на Афонѣ и пр.

6) Библіотека и архивъ Кіево-Печерской лавры. На юго-западъ отъ великой церкви Кіево-Печерской лавры находится большое, высокое и красивое зданіе, представляющее главную лаврскую колокольню. Колокольня Кіево-Печерской лавры построена въ 1731—1745 г.г. по проекту архитектора Шейдена. Высота ея съ крестомъ равняется 46 саж. Снаружи она украшена колоннами

различных архитектурных орденовъ: дорического, ионическаго и коринтскаго. Внутри колокольни состоятъ изъ нѣсколькихъ ярусовъ. Верхніе ярусы заняты колоколами. Въ самомъ нижнемъ ярусѣ помѣщается теперь архивъ Кіево-Печерской лавры. Дѣла, хранящіеся въ этомъ архивѣ, начинаются только съ 1718 г. Болѣе раннія дѣла погибли въ пожарѣ и только нѣкоторые древніе документы уцѣлѣли, преимущественно, въ видѣ копій. Архивъ подраздѣляется на нѣсколько отдѣловъ и находится въ порядкѣ. Въ одномъ изъ среднихъ ярусовъ колокольни Кіево-Печерской лавры, представляющемъ довольно просторное и свѣтлое помѣщеніе, находится теперь *библіотека* Кіево-Печерской лавры, перенесенная сюда сравнительно недавно съ хоръ великой церкви, гдѣ она помѣщалась прежде. Библіотека Кіево-Печерской лавры сравнительно новаго собранія. Древнее собраніе книгъ ея, очевидно, погибло въ огнѣ во время пожара 1718 г. Нынѣшняя библіотека, образовавшаяся преимущественно по завѣщаніямъ настоятелей, ученой братіи Кіево-Печерской лавры и нѣкоторыхъ стороннихъ жертвователей, состоитъ изъ довольно значительнаго числа печатныхъ книгъ и рукописей. Всѣхъ рукописей въ библіотекѣ Кіево-Печерской лавры насчитывается теперь до 429 №№. Онѣ поступали сюда частію изъ филиальныхъ библіотекъ, существовавшихъ при монастыряхъ—больничномъ, ближнихъ и дальнихъ пещеръ и уцѣлѣвшихъ отъ пожара 1718 г., большею же частію написаны были уже послѣ этого года. По языку рукописи библіотеки Кіево - Печерской лавры раздѣляются на славяно - русскія (276), латинскія (133), польскія (4) и греческія (2), по матеріалу—на пергаментныя (3) и бумажныя (412), по времени написанія—на рукописи XIV в. (2), XV в. (5), XVI в. (до 40) и прочія XVII и XIX в.в., по содержанію—на относящіеся къ Свящ. Писанію, толкованію его и библейской исторіи (18), къ литургикѣ и каноническому праву (66), къ основному богословію и философіи (47), къ догматическому богословію, правоученію и аскетикѣ (64), къ общительному и сравнительному богословію (17), къ патристикѣ (74), къ проповѣдничеству (11), къ словеснымъ наукамъ (43), къ грамматикѣ и языковеднѣ (3), къ исторіи гражданской и церковной, всеобщей и русской (65) и къ духов-

ному образованію (9). Печатное и рукописное собраніе библіотеки Кіево-Печерской лавры имѣетъ каталоги писанные; кромѣ того, существуетъ печатное описаніе рукописей (проф. Н. И. Петрова), а для печатныхъ книгъ печатный каталогъ.

7) Просвѣтительныя и ремесленныя заведенія Кіево-Печерской лавры и благотворительная дѣятельность ея. Кіево-Печерская лавра на свой счетъ содержитъ двухклассную церковно-приходскую школу, въ которой безмездно обучаются дѣти. При ней существуютъ также слѣдующія ремесленныя заведенія: 1) живописная школа; 2) позолотное отдѣленіе той же школы; 3) мастерскія: слесарная, малярная, столярная, переплетная и словолитная (для типографіи). Кіево-Печерская лавра, исполняя завѣтъ своихъ основателей и устроителей—преп. Антонія и Θεодосія, ведетъ доселѣ весьма широкую общественную благотворительность: содержитъ больницу, страннопріимницу, кормитъ ежедневно множество бѣдныхъ, жертвуетъ щедро на общественныя нужды; напр., за время русско-японской войны (1904 и сл. г.г.) Кіево-Печерская лавра пожертвовала государству и обществу въ общемъ на сумму болѣе 100.000 рублей.

8) Монашескія пустыни, находящіяся въ вѣдѣніи Кіево-Печерской лавры. Въ вѣдѣніи Кіево-Печерской лавры находятся теперь пустыни: I) *Китаевская*, II) *Преображенская* и III) *Голостевская*, расположенныя подъ Кіевомъ. I) Китаевская пустынь находится въ 9 верстахъ отъ Кіево-Печерской лавры внизъ по теченію р. Дѣпра, на правомъ берегу его. По традиціи Кіево-Печерской лавры, основаніе этой пустыни относится къ домонгольскому времени и приписывается кн. Андрею Боголюбскому, прозывавшемуся „Китаемъ“. Окружація Китаевскую пустынь горы утѣяны пещерами, похожими на пещеры Кіево-Печерской лавры. Въ XVII в. въ Китаевѣ несомнѣнно существовалъ небольшой скитокъ. Въ 1716 г. кіевскій военный губернаторъ кн. Д. М. Голицынъ возобновилъ пустынь, построивъ въ ней деревянную церковь во имя преп. Сергія Радонежскаго и при ней братскія деревянныя келліи. Въ 1767 г. на мѣстѣ обветшавшей деревянной церкви была устроена нынѣшняя каменная Троицкая церковь съ двумя придѣлами—во имя преп.

Сергія и св. Димитрія Ростовскаго. Въ 1835 г. здѣсь была построена теплая церковь во имя 12 Апостоловъ при братской трапезѣ и каменная колокольня, а въ 1845 г. каменный двухэтажный братскій корпусъ. До 1870-хъ годовъ Китаевская пустынь служила мѣстомъ погребенія умершихъ иноковъ Кіево-Печерской лавры. А когда китаевское кладбище оказалось недостаточнымъ, то новое кладбище было устроено въ одной верстѣ къ западу отъ Китаева, въ мѣстности, называемой Кругликъ. Для молитвы объ усопшихъ здѣсь была устроена въ 1873 г. каменная церковь во имя Преображенія Господня и съ того времени положено основаніе I) *Преображенской пустыни*. Нѣсколько раньше того, въ 1869 г. былъ устроенъ деревянный храмъ во имя иконы Пресв. Богородицы „Взысканіе погнбшихъ“ на островѣ Жуковѣ, въ 4 верстахъ отъ Китаева, при лаврскомъ хуторѣ, находящемся здѣсь. III) Въ 3 верстахъ на сѣверо-западъ отъ Китаевской пустыни находится *Голосѣвская пустынь*. Первоначально въ этомъ мѣстѣ, среди уединенной и живописной лѣсной дачи, находился хозяйственный хуторъ Кіево-Печерской лавры. Еще митр. Петръ Могила обратилъ вниманіе на особенную красоту мѣста, построилъ здѣсь церковь во имя одного изъ св. угодниковъ родной ему Молдавіи— Іоанна Сочавскаго и при ней домъ для себя, развелъ садъ и положилъ основаніе небольшому пустынному скиту. Преемники Петра Могила заботились о поддержаніи послѣдняго, особенно архим. Зосима Валькевичъ, которому, по увольненіи его въ 1786 г. отъ управленія Кіево-Печерской лаврой, Голосѣвская пустынь была дана въ пожизненное завѣдываніе. Въ 1845 г. митр. Филаретъ (Амфитеатровъ), особенно любившій эту пустынь, построилъ въ ней нынѣшнюю каменную Покровскую церковь съ двумя придѣлами— во имя св. Іоанна Сочавскаго и трехъ святителей. Въ настоящее время Голосѣвская пустынь служитъ мѣстомъ для лѣтняго пребыванія священно-архимандритовъ Кіево-Печерской лавры— кіевскихъ митрополитовъ.

9) Управленіе Кіево-Печерской лавры. Со времени своего устройства, Кіево-Печерская лавра, состоя подъ главнымъ начальствомъ кіевскихъ митрополитовъ, находилась въ непосредственномъ распорядкѣ

женіи своихъ архимандритовъ, избравшихся монашескимъ братствомъ. Но уже во второй половинѣ XII в. Кіево-Печерская лавра, по сохранившейся въ ней традиціи, приобрѣла себѣ права ставропигіи великокняжеской и независимости отъ кіевскихъ митрополитовъ. Во второй половинѣ XV в. Кіево-Печерская лавра сдѣлалась ставропигіею константинопольскаго патріарха и продолжала управляться архимандритами, которые избирались вольными голосами братіи и представителей свѣтскаго общества. Въ 1685 г. Кіево-Печерская лавра временно была поручена власти кіевскаго митрополита, подчинившагося тогда московскому патріарху. Но въ 1688 г. Кіево-Печерская лавра снова была изъята изъ-подъ власти кіевскихъ митрополитовъ и признана ставропигіею московскаго патріарха, а съ учрежденіемъ Св. Синода переименована была въ ставропигію его. Въ 1786 г. Кіево-Печерская лавра была подчинена кіевскимъ митрополитамъ, которые стали съ того времени называться священно-архимандритами ея. Теперь къ Кіево-Печерской лаврѣ высшая правительственная и распорядительная власть принадлежитъ священно-архимаандриту, которому помогаетъ Духовный Соборъ, состоящій изъ высшихъ членовъ лаврской братіи, вѣдающій преимущественно судебными и хозяйственными дѣлами и имѣющій всѣ права присутственныхъ мѣстъ. Во главѣ Духовнаго Собора стоитъ намѣстникъ, носящій санъ архимандрита и имѣющій общій надзоръ и руководство по всѣмъ частямъ управленія Кіево-Печерской лавры.

Литература. Источники: 1) для древнѣйшаго періода исторіи Кіево-Печерской лавры главнымъ источникомъ служатъ *Кіево-Печерскій патерикъ*. Онъ представляетъ собою сборникъ нѣсколькихъ сказаній о жизни и подвигахъ печерскихъ угодниковъ. Начало составленію его положилъ авторъ первоначальной лѣтописи, а затѣмъ продолжали его Симонъ, епископъ владимірскій, и архим. Поликарпъ. Кіево-Печерскій патерикъ первоначально хранился въ рукописи, а затѣмъ въ 1635 г. былъ напечатанъ на польскомъ языкѣ Сильвестромъ Коссовымъ, бывшимъ впоследствии кіевскимъ митрополитомъ. Впослѣдствіи онъ нѣсколько разъ издавался на славяно-русскомъ языкѣ. О самомъ Кіево-Печерскомъ патерикѣ существуетъ литература: а) *М. Викторевъ*, Составители Кіево-Печерскаго патерика и позднѣйшая

его судьба; историко-литературный очеркъ, Воронежъ 1876 г.; б) проф. *Н. И. Петровъ*, О происхожденіи и составѣ славяно-русскаго печатнаго пролога, Кіевъ 1875; в) *Яковлевъ*, Древне-кіевскіе религиозныя сказанія, Варшава 1875; д) акад. *А. А. Шахматовъ*, Кіево-Печерскій патерикъ и Печерская лѣтопись въ „Извѣст. Отдѣл. русск. яз. и словесн. Императ. Акад. Наукъ“, Спб. 1897 г., ч. II, кн. 3, стр. 795—844 и другія произведенія того же автора, посвященные Кіево-Печерскому монастырю и его основателямъ; е) *Д. И. Абрамовичъ*, Исслѣдованіе о Кіево-Печерскомъ патерикѣ, какъ историко-литературномъ памятникѣ, Спб. 1902 и мн. др. статьи, упоминавшіяся въ духовныхъ журналахъ, напр. „Странникъ“ и др. 2) Нѣкоторые свѣдѣнія первоисточныя по исторіи Кіево-Печерской лавры за древнѣйшее время даетъ наша первоначальная лѣтопись, равно какъ и другіе источники по исторіи русской церкви, ибо судьба Кіево-Печерской лавры была тѣснѣйшимъ образомъ связана съ судьбами всей древне-русской церкви. 3) Для дальнѣйшей исторіи Кіево-Печерской лавры за время ея нахождения въ польско-литовскомъ государствѣ (XV и XVI вв.) нѣкоторые свѣдѣнія можно находить въ документахъ, сохранившихся въ архивѣ западно-русскихъ униатскихъ митрополитовъ: см. печатное „Описаніе документовъ архива западно-русскихъ униатскихъ митрополитовъ 1470—1700 гг.“ I, Спб. 1897. [II, 1701—1839, гт. Спб. 1907.] 4) Подобные же документы, касающіеся въ особенности имущественныхъ владѣній Кіево-Печерской лавры находятся въ кіевскомъ Центральномъ архивѣ, при Университетѣ св. Владиміра въ Кіевѣ. 5) Документы по исторіи Кіево-Печерской лавры за XVII в., во множествѣ сохранились въ московскихъ архивахъ, преимущественно въ слѣдующихъ: а) въ Главномъ Московскомъ Архивѣ Министертства Иностранныхъ Дѣлъ, особенно въ отдѣлахъ его—польскихъ и малороссійскихъ дѣлъ; б) въ Архивѣ Министертства Юстиціи, особенно въ отдѣленіяхъ его,—столбцовъ и книгъ Малороссійскаго приказа и с) въ Синодальной (бывшей патриаршей) бібліотекѣ. 6) За то же время и отъ-части за начало XVIII в. документы по исторіи Кіево-Печерской лавры сохранились въ архивѣ Св. Синода. 7) Исторія Кіево-Печерской лавры съ 1718 г. можетъ быть вполне восстановлена на основаніи архива самой лавры, о которомъ у насъ была выше рѣчь. 8) Нѣкоторые документы по исторіи Кіево-Печерской лавры за XVIII в. и отъ-части за болѣе раннее время сохранились и въ другихъ кіевскихъ архивахъ, напр., Губернскаго Правленія, Казенной Палаты и др. 9) Нѣкоторые документы по исторіи Кіево-Печерской лавры были напечатаны въ различныхъ изданіяхъ, напр., а) въ „Кіевскихъ

Губернскихъ Вѣдомостяхъ“ за 1870 г., „Матеріалы для исторіи Кіево Печерской лавры“, б) въ примѣчаніяхъ къ изслѣдованію проф. *С. Т. Голубева*: „Кіевскій митрополитъ Петръ Могила и его сподвижники“, т. I, Кіевъ 1883, в) въ различныхъ томахъ „Архива Юго-Западной Россіи“, изданныхъ Кіевскою Археографическою Коммиссіей, и д) въ различныхъ томахъ „Актовъ Южной и Западной Россіи“ и др. изданіяхъ. Послѣдніе: а) по исторіи Кіево-Печерской лавры существуютъ слѣдующія спеціальныя сочиненія: 1) *М. Самуила* (Миславскаго), Краткое историческое описаніе Кіево-Печерской лавры, изд. Кіевъ 1791, 1795, 1801, 1805 и 1817; 2) *М. Евгения* (Болховитинова), Описаніе Кіево-Печерской лавры, Кіевъ 1826, 1831, 1837 гг.; 3) *П. П. Л.*, Кіево-Печерская лавра въ ея прошедшемъ и нынѣшнемъ состояніи въ „Кіев. Стар.“ 1886 г., а отд. изд. первое 1886 г. и второе 1894 г. 4) *D-r. Leopold Götz*, Das Kiever Höhleklöster, als Kulturzentrum der vormongolischen Russlands, Passau 1904—Л. К. Гётцъ, Кіево-Печерскій монастырь, какъ культурный центръ домонгольской Россіи [часть передана порусски *А. В. Звѣрвымъ* въ „Душеполезномъ Чтеніи“ 1906 г., № 10, стр. 278—289]. Здѣсь излагается исторія Лавры до 1240 г. и во второй части его выясняется значеніе Лавры для русской церкви и государства въ домонгольскій періодъ (см. подробный отзывъ о немъ у о. проф. *Θ. И. Титова*, Критико-библіографическій обзоръ новѣйшихъ трудовъ по исторіи русской церкви, вып. IV, Кіевъ 1905, стр. 1—22). 5) Кромѣ того, съ исторіей Кіево-Печерской лавры можно познакомиться по общимъ систематическимъ курсамъ исторіи русской церкви, особенно въ трудахъ проф. *Е. Е. Голубинскаго*, Исторія русской церкви т. I, половинны 1 и 2 (вышли уже вторымъ изданіемъ) и *М. Макарія*, Исторія русской церкви I—XII вв., при чемъ свѣдѣнія по исторіи Кіево-Печерской Лавры можно находить почти во всѣхъ томахъ ея въ соотвѣтствующихъ отдѣлахъ. 6) Изъ спеціальныхъ церковно-историческихъ изслѣдованій, посвященныхъ другимъ вопросамъ, но содержащихъ въ себѣ цѣнныя свѣдѣнія по исторіи Кіево-Печерской лавры, можно указать на слѣдующія: а) проф. *Пл. Н. Якуковича*, Сеймовая борьба православнаго западно-русскаго дворянства съ церковной унией (до 1609 г.), Спб. 1901 (особенно отд. I, гл. гл. IX—X, и отд. II); б) проф. *С. Т. Голубева*, Кіевскій митрополитъ Петръ Могила и его сподвижники (опытъ историческаго изслѣдованія), т. I, Кіевъ 1883 (особенно гл. IV, стр. 241—412, гдѣ описывается состояніе Кіево-Печерской лавры въ XVI в. и дается очеркъ дѣятельности ближайшихъ предшественниковъ Петра Могила по Кіево-Печерской архимандріи — Никифора Тура, Елисея Плетенецкаго и За-

харін Копыстенскаго, равно какъ и первоначальной дѣятельности самого Петра Могила по управленію Кіево-Печерской лавры) и с) *В. Зингори*, Очерки изъ исторіи Малороссіи въ XVII в. I: Сношенія малороссійскаго духовенства съ московскимъ правительствомъ въ царствованіе Алексѣя Михайловича, Москва 1899 (здѣсь въ различныхъ главахъ изображается церковно-политическая дѣятельность архимандрита Кіево-Печерской лавры Инокентія Гизеля, равно какъ сообщаются нѣкоторыя свѣдѣнія и о состояніи самой Кіево-Печерской лавры). Свѣдѣнія о Кіево-Печерской лавры по части археологической и топографической можно находить почти во всѣхъ „описаніяхъ Кіева“, при чемъ особеннаго вниманія заслуживаетъ статья, посвященная Кіево-Печерской лаврѣ и находящаяся въ извѣстномъ „Описаніи Кіева“ *Н. Закревскаго*, Москва 1868; менѣе обстоятельныя, но все же цѣнные свѣдѣнія имѣются у *Похилевича*, *Фундуклея* и др. Самые обстоятельныя и точныя свѣдѣнія по части топографіи Кіево-Печерской лавры находятся въ сочиненіи проф. *Н. И. Петрова*, Историко-топографическіе очерки Кіева, Кіевъ 1897. Выясненію значенія Кіево-Печерской лавры въ исторіи русской церкви, русскаго народа и, въ частности, русскаго монашества, кромѣ упомянутаго изслѣдованія Л. К. Гѣтца, посвящены еще журнальныя статьи и сочиненія: 1) † проф. *П. Ѳ. Николаевскаго*, Кіево-Печерскій монастырь въ древней Россіи („Христ. Чтен.“ 1876 г.); 2) проф. *С. И. Смирнова*, Значеніе Печерскаго монастыря въ начальной исторіи русской церкви и общества („Вогословскій Вѣстн.“ 1896 г., кн. 10); 3) † проф. *П. С. Казанскаго*, Исторія православнаго русскаго монашества отъ основанія Печерской обители до основанія лавры св. Троицы, Москва 1853. Съ вопросомъ о пещерахъ Кіево-Печерской лавры можно познакомиться по слѣдующимъ статьямъ: 1) *И. Новицкаго*, Іоганнь Гербиній, виленскій пасторъ полов. XVII в. и его подземный Кіевъ („Вѣстп. Запад. Россіи“ 1871 г.); 2) *И. В.*, Кіевскія пещеры („Домашняя Бесѣда“ 1872 г.) и др. Вопросъ о св. мощахъ печерскихъ угодниковъ, ихъ нетлѣннѣ и чудесахъ разсматривается въ старыхъ и новыхъ трудахъ: 1) *Silvestra Kossowa*, Paterikon abo Zywoity s's. oycow Pieczarskich, K. 1635; 2) *Athanasiusza Kalnofoyskiego*, Терастоуруна libo cuda... K. 1638 (разборъ ихъ см. у С. Т. Голубева, Кіевскій митрополитъ Петръ Могила и его сподвижники т. II, Кіевъ 1893, гл. III, стр. 268—309) и 3) *Оеофана Прокоповича*, Разсужденіе о нетлѣннѣй мощей св. угодниковъ Божіихъ въ кіевскихъ пещерахъ, Кіевъ 1876 г., изд. 3 и 1905 г. изд. 4-е). Съ вопросомъ о началѣ книгопечатанія въ Кіево-Печерской лаврѣ и ея типографіи можно познакомиться по слѣдующимъ

статьямъ: 1) *П. Троицкаго*, Типографія Кіево-Печерской лавры („Труд. Кіев. Дух. Академіи“, 1865 г., кн. 5—6); 2) † *П. А. Гильдебрандта*, Кіевскія и Волынскія старопечатанія („Древн. и Нов. Россія“ 1880 г., т. I, 1—4, стр. 183—188); 3) проф. *С. Т. Голубева* (кромѣ IV гл. I т. изслѣдованія о кіевскомъ митрополитѣ Петрѣ Могилѣ еще) статья „О началѣ книгопечатанія въ Кіевѣ“ въ „Кіев. Стар.“ 1882 г., т. II, кн. 6, стр. 382—400; 4) *И. Каманина*, Къ исторіи Кіево-Печерской лаврской типографіи („Кіев. Стар.“ 1894 г. т. XLVI, кн. VIII, стр. 276—278); 5) Докладъ синодальный о возобновленіи въ кіевской митрополіи типографіи („Чтен. въ Импер. Общ. Ист. и Древн. Рос. при Моск. Университ.“ 1861 г., кн. 3-я, отд. V, стр. 17—21) и 6) Процессъ по дѣлу объ учрежденіи типографіи при кіевской митрополіи („Времен. Имп. Моск. Общ. Ист. и Древн. Рос.“ кн. 22-я, Москва 1885 г., отд. III стр. 1—6). Съ вопросомъ о живописи и икономѣ росписанія Кіево-Печерской лавры можно познакомиться по статьямъ проф. *Н. И. Петрова*, Объ упраздненіи стѣнописи Кіево-Печерской лавры, Кіевъ 1901. Съ бібліотекою Кіево-Печерской лавры и, въ частности, съ рукописнымъ собраніемъ ея можно познакомиться по труду проф. *Н. И. Петрова*, Описание рукописныхъ собраній, находящихся въ городѣ Кіевѣ, выпускъ II, Москва 1897, стр. 3—129. Другія, болѣе мелкія статьи и замѣтки по исторіи Кіево-Печерской лавры въ различныхъ отношеніяхъ см. у † *В. В. Зверинскаго*, Матеріалы для историко-топографическаго изслѣдованія о православныхъ монастыряхъ въ Россійской имперіи съ бібліографическимъ указателемъ, т. II, Спб. 1892, № 871, стр. 175—182.

Протоіерей Ѳ. Титовъ.

Кіевская Духовная Академія.

Кіевская Академія была старѣйшимъ въ Россіи высшимъ учебнымъ заведеніемъ. Она неразрывно связана была съ Кіево-Братскимъ училищнымъ монастыремъ и вмѣстѣ съ нимъ основана въ 1615 году дворянкою Галшкою (Еленою) Гулевичевою Лозкинкою, которая пожертвовала въ этомъ году на вѣчныя времена, — какъ она пишетъ: „дворъ свой власный на всемъ и 3 плядомъ... на монастырь ставропигіонъ патріаршее общее житіе по Василію Великому, такъ же тежъ и на школу детемъ такъ шляхетскимъ, яко и местскимъ, а при томъ и на гостиницу странниковъ духовныхъ... И обы тежъ тая фундація skutokъ свой брала, теды заразъ въ той дворъ и на его пляцъ ду-

ховныхъ и свѣдкихъ православныхъ, а меновите благовѣрнаго священноинокъ отца Исаія Купинскаго и прочіихъ 3 чернцовъ, такъ же тежъ и школу впровадити и впроважаю“, и проч.

Но Галшка Гулевичевна была лишь одною изъ многихъ другихъ личностей, сознавшихъ назрѣвшія потребности южно-русской народности и церкви въ борьбѣ съ латинско-польскою пропагандой, усилившеюся въ юго-западной Руси со времени присоединенія ея отъ Лавы къ Польшѣ въ

образомъ, и начала строиться, съ 1620 г., Богоявленская церковь Вратскаго монастыря. Въ это время іерусалимскій патріархъ Теофанъ, прибывъ въ Россію для сбора милостыни, посѣтилъ и Кіевъ и остановился въ страннопріимномъ домѣ Вратскаго монастыря. Имѣя полномочіе отъ константинопольскаго патріарха, патріархъ Теофанъ возстановилъ южно-русскую православную іерархію, прерванную униєю, двухъ изъ новопоставленныхъ іерарховъ, Борцакаго и Копинскаго, посвятилъ въ Вратской, въ-

1) Великая Богоявленская церковь Кіево-Вратскаго монастыря.
2) Главный корпусъ Кіевской Духовной Академіи.

1569 году и провозглашенія церковной униі съ Римомъ въ 1596 году. Къ концу того же 1615 года или, по меньшей мѣрѣ, въ началѣ слѣдующаго года около основанныхъ Галшкою Гулевичевною Лозкинью учрежденій появляется всесословное церковное братство, которое беретъ подъ свою защиту и покровительство помянутыя учрежденія, устраиваетъ въ домѣ жертвовальницы или около него Благовѣщенскую церковь и полагаетъ основаніе новому обширному храму Богоявленія Господня. Вскорѣ въ число кіевскихъ братчиковъ записался славный запорожскій гетманъ Петръ Конашевичъ „Сагайдачный“ со всѣмъ своимъ войскомъ, на средства котораго, главнымъ

роятно, Благовѣщенской церкви и далъ Вратскому монастырю право патріаршей ставропигіи, водрузивъ крестъ „при церкви святыхъ Богоявленій и Благовѣщенія“. Въ слѣдующемъ 1621 году патріархъ Теофанъ, прощаясь съ Кіевомъ и Вратствомъ, благословилъ послѣднее своимъ кипариснымъ крестомъ, который донныя хранится надъ царскими вратами Богоявленской братской церкви. Въ 1622 году умеръ гетманъ Сагайдачный, отдавъ передъ смертію для новосозидаемаго храма большой золоченый серебряный крестъ, обсаженный 9-ю камнями, и,—по древнимъ свидѣтельствамъ, „погребенъ въ монастыри братства кіевскаго“, или „погребенъ при церкви школы

словенское, въ мѣстѣ, на Подолѣ честно, въ дому братства церковного“, вѣроятно при Благовѣщенской церкви, а не Богоявленской, которая продолжала еще строиться. Къ 1625 году храмъ съ престолами „Богоявленія Господа Бога и Спаса нашего Іисуса Христа, иже на Іордані, Благовѣщенія Пречистой Его Матери и преподобныхъ отцовъ Антонія и Теодосія Печерскихъ“ былъ чернѣ оконченъ, имѣлъ пять куполовъ, но не былъ покрытъ желѣзомъ и не украшенъ честными иконами, вслѣдствіе чего кіевскіе братчики обратились къ царю Михаилу Теодоровичу съ просьбою о пособіи на окончаніе достраивающейся церкви. Вѣроятно, около этого же времени построена была братская трапеза съ алтаремъ святыхъ Бориса и Глѣба, упоминаемая К. Саковичемъ въ его „Дезидерозусѣ“ 1625 года. Въ 1629 году обыватели воеводства кіевского исходатайствовали у короля Сигизмунда III утвержденіе существованія и правъ кіевского братства милосердія по чину Василія великаго и при немъ богадѣльни и церкви.

Что же касается братской школы, прародительницы кіевской Академіи, то она учреждена была въ одно время съ основаніемъ Кіево-Братскаго монастыря, т.-е. въ 1615 году, и на первый разъ составлена была, повидимому, изъ учениковъ кіевскихъ церковно-приходскихъ школъ и особенно изъ школьниковъ кіевоподольской Воскресенской церкви. Преподаваніе и курсъ наукъ въ этой школѣ были такіе же, какіе и въ болѣе раннихъ южно-русскихъ школахъ—лывовской, виленьской, острожской, могилевской и другихъ, съ преобладаніемъ языковъ греческаго и славяно-русскаго. Но такъ какъ Греція сама въ это время находилась въ упадкѣ и подъ чужеземнымъ игомъ и не только не могла быть источникомъ научнаго просвѣщенія, но,—въ лицѣ лучшихъ представителей своихъ,—сама заимствовала его съ запада Европы, то и кіевская школа съ преобладающимъ греко-славянскимъ направленіемъ и характеромъ не могла услѣжить соперничать съ латинопольскими, стоявшими на уровнѣ современныхъ научныхъ и педагогическихъ требованій. Это вполне сознавалъ воевода молдавскихъ земель Петръ Могила, самъ получившій образованіе въ латино-польскихъ

школахъ. Поэтому, сдѣлавшись въ 1627 г. архимандритомъ Кіево-Печерской лавры, онъ задумалъ основать въ ней монастырское училище по образцу тогдашнихъ латинопольскихъ коллегій и академій и отправилъ нѣсколько молодыхъ людей въ латинопольскія и заграничныя школы для довершенія образованія и приготовленія къ учительству. Училище открыто было въ 1631 г. въ лаврѣ, въ Вольничномъ лаврскомъ монастырѣ, съ благословенія константинопольскаго патріарха Кирилла и кіевского митрополита Исаи Копинскаго; но на первыхъ же порахъ,—по кознямъ униатскаго митрополита Іосифа Вельямана Рутскаго,—возбудило неудовольствіе и даже открытое возмущеніе кіевского общества и казаковъ противъ себя, учителей его и самого Петра Могила за вхъ яко бы приверженность къ протестантству и социніанству. Въ томъ же году и Богоявленское Братство просило Петра Могила перевести учрежденную имъ коллегію въ Братскій монастырь и соединить ее съ прежнею Богоявленскою школой,—и Петръ Могила, для успокоенія кіевского общества и казаковъ, долженъ былъ дать согласіе на эту просьбу, но съ тѣмъ условіемъ, чтобы ему быть пожизненнымъ опекуномъ, блюстителемъ и защитникомъ Братской церкви, монастыря, школъ и всего къ нимъ принадлежащаго.

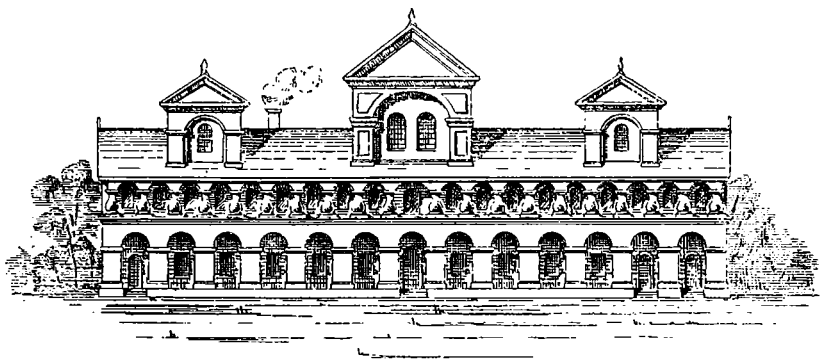
Въ 1632 году Петръ Могила сдѣлался кіевскимъ митрополитомъ, оставаясь вмѣстѣ и священно-архимандритомъ лавры. Принявъ въ свою опеку и попечительство Богоявленскій Братскій монастырь и Коллегію, онъ задумалъ было сдѣлать свою коллегію Академію, т.-е. высшій учебный заведеніе, отъ котораго зависѣли бы другія низшія коллегіи или учебныя заведенія. Но польское правительство не разрѣшило Академіи; да и въ самой кіевской Коллегіи дозволило преподавать науки только по логикѣ включительно, безъ богословскихъ наукъ. Тѣмъ не менѣе и въ этихъ тѣсныхъ рамкахъ кіевобратская Коллегія сразу же стала въ учебномъ отношеніи въ уровень съ соответствующими ей латинопольскими, особенно іезуитскими и піарскими (т.-е. католическаго монашескаго ордена „піаровъ“) Коллегіями.

Напрасно, впрочемъ, польскій историкъ кіевской Академіи А. Яблowski усили-

вается доказать, будто бы кіевская Коллегія, переименованная потомъ въ Академію, будучи учреждена по примѣру латинопольскихъ Коллегій и Академій, была проводникомъ польской культуры не только въ южную Русь, но и въ Великоросію, куда съ XVII в. весьма часто вызывались кіевскіе ученые. Прежде всего нужно замѣтить, что латинопольская ученость носила тогда формальный, схоластическій характеръ, не давала какого-либо новаго содержанія культуры, а служила для кіевскихъ ученыхъ лишь средствомъ къ научной разработкѣ своего русскаго содержанія и своей православной вѣры. Да и это латинопольское образованіе не было исключительнымъ, національнымъ достоя-

ніемъ, Боговляевская церковь въ срединѣ монастыря и монастырская трапеза съ Богорисоглыбскимъ алтаремъ на мѣстѣ нынѣшней трапезы.

Послѣ смерти Петра Могилы († 1646 г.), со времени возстанія Богдана Хмельницкаго противъ поляковъ, Братскій монастырь и Коллегія переживали тяжелую пору, а иногда подвергались и опустошеніямъ. Въ 1653 и 1655 годахъ Кіево-Братскій монастырь, повидимому, оставался въ прежнемъ положеніи, какъ это можно видѣть изъ описанія его у архидіакона Павла алеппскаго. Въ 1655 году онъ даже обогатился новою святыней. Въ іюні этого года Кіево-Братскій игумень и ректоръ Коллегіи Лазарь

Старый корпусъ Кіевской Духовной Академіи, устроенный на средства гетмана И. С. Мазепы въ 1703—1704 гг., до реставраціи его при митрополитѣ Рафаилѣ Заборовскомъ въ 1725 г.

ніемъ поляковъ, а заимствовано ими съ запада Европы, куда впоследствии стали непосредственно обращаться и кіевскіе ученые.

Сдѣлавшись патрономъ Боговляевскаго Братства и Коллегіи, Петръ Могила снабжалъ монастырь земельными участками и угодьями, отобралъ отъ униатовъ Трехсвятительскую и Воздвиженскую церкви съ принадлежавшими имъ землями и угодіями, передавъ ихъ Боговляевскому училищному монастырю, а по смерти отказалъ ему значительную часть своего движимаго и недвижимаго имущества.

При Петрѣ Могила въ Кіево-Братскомъ монастырѣ, кромя Коллегіи, были: Благовѣщенская церковь при входѣ въ монастырь съ юго-запада новыми академическими во-

Барановичъ привезъ изъ Вѣлороссіи чудотворную икону Богородицы и помѣстилъ ее въ Боговляевскомъ храмѣ Братскаго монастыря.

Въ 1658 году гетманъ Иванъ Выговскій, измѣнивъ Россіи и предавшись на сторону Польши, Гадяцкимъ договоромъ съ поляками выговорилъ, между прочимъ, слѣдующіе пункты: „6) Академія въ Кіевѣ быть съ преимуществами, равными Краковской, съ тѣмъ однако-жъ, чтобъ здѣсь не было ни профессоровъ, ни учениковъ исповѣданія аріанскаго, кальвинскаго и лютеранскаго; прочія же всѣ школы католическія, какія дотолѣ были въ Кіевѣ, вывести въ другія мѣста, гдѣ нѣтъ русскихъ жителей; 7) дозволить и другую Академію завести на томъ же основаніи, гдѣ способѣе усмотрится,

въ томъ мѣстѣ другимъ иновѣрнымъ школамъ также не быть“. Но измѣна Выговляго привела только къ междоусобной войнѣ между самими козаками, во время второй въ 1658 году Братскій монастырь къ храмамъ Богоявленскимъ и Благовѣщенскимъ и со школами истребленъ былъ пожаромъ. Можетъ быть, въ связи съ этими смутами и пожаромъ стоятъ перенесеніе чудотворной Купятицкой иконы Богородицы, около 1658 года, изъ Братскаго монастыря въ Кіево-Софійскій соборъ, гдѣ она находится и доселѣ. Но, — что важнѣе всего, — само русское правительство стало теперь подозрительно смотрѣть на кіевскую Коллегію.

Когда получено было въ Москвѣ челобитье о возобновленіи и поддержаніи кіевскихъ школъ, то московское правительство дало знать тогдашнему кіевскому воеводѣ боярину Шереметеву, что лучше бы тѣхъ школъ не заводить, если то „кіевскимъ жителямъ противъ ихъ вольностей будетъ не въ оскорбленіе“. Но просвѣщенный вельможа Шереметевъ отвѣчалъ, что упразднить ту школу никакъ нельзя, потому что кіевскимъ жителямъ будетъ то въ великое оскорбленіе. Поэтому московскимъ правительствомъ сдѣлано было только ограниченіе, чтобы въ ней обучались кіевскіе жители, а изъ непріятельскихъ и другихъ городовъ никого не принимать, дабы отъ сего не произошло смуты и всякаго дурна. Ученіе въ Коллегіи возобновилось приблизительно съ 1660—1661 учебнаго года, но Богоявленскій храмъ не возобновлялся до 1671 года. Единственнымъ храмомъ въ монастырѣ оставалась трапезная Борисо-Глѣбская церковь, въ которой въ 1662 году временно помѣщена была чудотворная Братская икона Богородицы, въ этомъ году чудесно переселившаяся въ Кіево-Братскій монастырь изъ разореннаго въ то время татарами Вышгорода.

По Андрусовскому договору 1667 года, Кіевъ оставленъ во владѣніи московскаго государства только на два года; но въ дѣйствительности онъ навсегда уже сдѣлался достояніемъ Россіи и въ XVII вѣкѣ тщательно оберегался московскими войсками. Подъ охраною ихъ и подъ покровительствомъ Россіи, съ 1671 года началъ возстановляться Богоявленскій храмъ Братскаго монастыря.

Въ 1686 году, по договору Россіи съ Польшею, Кіевъ, а вмѣстѣ съ тѣмъ и Богоявленскій училищный монастырь отошли навсегда къ Россіи. Кіевская Коллегія, не стѣсняемая болѣе ограниченіемъ преподавать науки не далѣе логики, съ 1689 года вводитъ въ кругъ своихъ наукъ богословіе, первымъ преподавателемъ котораго былъ здѣсь Іоасафъ Кроковскій. Она получаетъ также разрѣшеніе принимать въ среду своихъ студентовъ и иностранцевъ, устанавливаетъ у себя нѣкоторые академическіе порядки, перенятые у заграничныхъ латинско-польскихъ академій, и испрашиваетъ у русскихъ государей царское жалованье, утвержденіе прежнихъ своихъ правъ и преимуществъ и пожалованіе новыхъ, съ переименованіемъ изъ Коллегіи въ Академію. Въ связи съ преподаваніемъ полного курса философіи и богословія нужно поставить учрежденіе или возстановленіе Іоасафомъ Кроковскимъ студенческаго братства или конгрегаціи, раздѣлявшейся на старшую подъ именемъ Благовѣщенія Пресв. Богородицы, къ которой принадлежали студенты богословія и философіи, и младшую подъ именемъ Зачатія Пресв. Богородицы, къ которой принадлежали остальные ученики низшихъ классовъ. Конгрегаціонная Благовѣщенская церковь устроена была надъ монастырскою трапезною Борисоглѣбскою церковью, въ верхнемъ ярусѣ ея, и оставалась здѣсь до 1740 года. Въ 1693 году гетманъ Мазепа окончилъ постройкою вышнюю величественную Богоявленскую церковь Братскаго монастыря, а въ 1704 г. выстроилъ для Академіи каменный корпусъ, съ деревянною, кажется, надстройкой въ полтора этажа. Въ послѣдствіи времени кіевскій митрополитъ Рафаилъ Заборовскій (1731—1747 гг.) замѣнилъ верхній деревянный этажъ мазепинскаго академическаго корпуса каменнымъ, въ которомъ, — по плану архитектора Шейдена, — устроилъ огромный конгрегаціонный залъ, съ колоннами и хорами съ обѣихъ сторонъ, и академическую Благовѣщенскую конгрегаціонную церковь, тогда какъ бывшая надъ трапезною прежая конгрегаціонная церковь обращена была подъ академическую бібліотеку. Для помѣщенія бѣдныхъ студентовъ существовала особенная бурса внутри монастыря. Въ 1719 году митрополитомъ Іоасафомъ

Кроковскимъ построена была новая деревянная бурса гдѣ-то на южной сторонѣ Кіево-Братскаго монастыря, а въ 1760-ихъ годахъ, по обветшаніи этой бусы и пожарѣ ея, новая каменная бурса построена была на берегу Днѣпра, гдѣ недавно помѣщалось Кіево-Подольское Духовное Училище.

Вмѣстѣ съ постройкою новыхъ зданій, для Кіево-Братскаго монастыря и Академіи, начинается быстрое оживленіе внутренней и вѣдшей жизни Академіи. Кіевскіе ученые уже не довольствуются теперь одною польско-латинскою схоластическою наукою, а обращаются иногда непосредственно на западъ Европы и истощиваютъ науку изъ

ской науки Теофанъ Прокоповичъ оказалъ составленнымъ имъ „Духовнымъ Регламентомъ“, въ которомъ онъ хотѣлъ ослабить господствовавшее тогда латинско-польское схоластическое образованіе и оживить его новымъ духомъ. Теофанъ Прокоповичъ думалъ даже основать новую Академію съ Семинаріями, на новыхъ началахъ, но не имѣлъ возможности осуществить своего намѣренія, а потому кіевская Академія попрежнему удерживала за собою первенствующее положеніе, по-

Старый корпусъ Кіевской Духовной Академіи, построенный въ 1703—1704 гг. на средства гетмана И. С. Мазепы и реставрированный митрополитомъ Рафаиломъ Заборовскомъ, по проекту архитектора Штейна, въ 1735 г.

болѣе свѣжихъ источниковъ. Таковъ былъ особенно Теофанъ Прокоповичъ II, закончившій свое образованіе въ Римѣ. Во время заграничной своей жизни онъ познакомился съ сочиненіями нѣкоторыхъ представителей такъ называемой эпохи возрожденія и, можетъ быть, и протестантской науки и является въ Россіи представителемъ эпохи возрожденія. Всѣ его уроки и лекціи по политикѣ, риторикѣ, философіи и богословію, преподаваемые въ кіевской Академіи, отличаются сравнительною живостію, даже страстностію и захватывающимъ интересамъ, и въ послѣдствіи нашли себѣ рьяныхъ почитателей и послѣдователей въ средѣ академическихъ профессоровъ. Но могущественное вліяніе на дальнѣйшія судьбы рус-

степенно и мало по малу дѣлая уступки и новымъ требованіямъ „Духовнаго Регламента“. Съ одной стороны, она получаетъ большую извѣстность и за границей и дѣльными сотнями привлекаетъ въ свои стѣны заграничныхъ воспитанниковъ православнаго исповѣданія, а съ другой — даетъ массу образованныхъ людей для всѣхъ слоевъ общественной жизни Малороссіи и, наконецъ, снабжаетъ сѣверную Россію и русское правительство просвѣщенными дѣятелями на разныхъ поприщахъ церковно-общественной дѣятельности и особенно на духовно-просвѣтительномъ поприщѣ. Въ первой и отчасти во второй половинѣ XVIII вѣка всѣ духовныя школы Россіи получали своихъ наставниковъ и начальниковъ преимуще-

ственно изъ Кіева. Изъ Кіева же иногда посылались учителя и къ заграничнымъ сербамъ. А учителя и начальники духовно-учебныхъ заведеній были первыми кандидатами на церковно-іерархическія должности архіереевъ, архимандритовъ и т. п.

Но уже одно это сильное отвлеченіе ученыхъ силъ отъ кіевской Академіи нѣсколько ослабляло ея собственныя силы. Къ тому же, кіевская Академія, дотолѣ пользовавшаяся особыми правами и привилегіями, съ конца царствованія Петра I подвергается различнымъ ограниченіямъ въ своихъ правахъ. Со времени изданія „Духовнаго Регламента“ въ 1721 году, на кіевскую Академію начинаютъ смотрѣть не какъ на представительницу свободныхъ учений, а какъ на епаршескую школу имѣющую своимъ назначеніемъ готовить кандидатовъ на священнослужительскія мѣста въ епархіи, и, слѣдовательно, какъ на сословную школу. Правда, кіевская Академія отстаиваетъ свободу ученія для заграничныхъ и инословенныхъ учениковъ; но зато дѣти духовенства все болѣе и болѣе укрѣпляются за духовнымъ сословіемъ, обязательно принуждаются обучаться въ кіевской Академіи въ надеждѣ полученія священства, а въ послѣдствіи и оказывать въ ней полный курсъ ученія. Какъ особое сословіе, бѣлое и черное духовенство въ Малороссіи „рѣшительными пунктами“ 1728 года лишено было законнаго права вновь приобрѣтати недвижимыя имущества, послѣдствіемъ чего были расхищеніе и почти полный упадокъ духовныхъ особенно монастырскихъ и архіерейскихъ недвижимыхъ имуществъ. Въ связи съ этимъ запрещеніемъ строить и запрещеніе поступать въ духовное званіе, съ одной стороны, членамъ козацкой старшины и козакамъ безъ вѣдома полковой старшины и даже гетмана, а съ другой — и посиолитымъ или крестьянамъ, по мѣрѣ закрытія ихъ за малорусскими помѣщиками. Кіевская Академія все болѣе и болѣе становилась сословнымъ духовно-учебнымъ учрежденіемъ, хотя въ ней, по старымъ традиціямъ, и продолжали еще учиться дѣти мѣстныхъ разночинцевъ. Послѣдній элементъ значительно ослабѣлъ въ виду открытія на сѣверѣ Россіи академическаго Университета и академической гимназіи и особенно московскаго Университета (въ 1755 г.), куда дѣти дворянъ стали по-

ступать теперь большими массами. Сама кіевская Академія, съ царствованія Екатерины II, стала разсматриваться и оцѣниваться свѣтскими людьми по норуѣ Университетовъ и другихъ свѣтскихъ учебныхъ заведеній. Является пѣлый рядъ проектовъ о преобразованій кіевской Академіи въ Университетъ, для малорусскаго шляхетства, съ богословскимъ факультетомъ. Въ кіевскую Академію вводятся новыя науки и новыя методы преподаванія, вслѣдствіе чего кіевскіе воспитанники посылались въ московскій Университетъ и въ учительскую Семинарію, для приготовленія къ учительству въ родной Академіи. Подобныя экспериментальныя подвергались измѣнію и средніе классы кіевской Академіи, въ которые введены были свѣтскія науки, естественная исторія, математика, архитектура, живопись и проч., съ указаніемъ при томъ опредѣленныхъ руководствъ и пособій. Кругъ наукъ увеличился значительно, но уровень ихъ преподаванія сильно упалъ противъ прежняго: указаніе опредѣленныхъ учебниковъ и пособій стѣсняло и даже дѣлало невозможнымъ свободное чтеніе академическихъ лекцій. Счастливое исключеніе представляло изъ себя только богословіе, которое теперь стало расчленяться на составныя своя части и специализировать ихъ, какъ это мы видимъ въ инструкціи 1763 года, въ которой намѣчаются будущія науки академическаго богословскаго образованія: нравственное богословіе, Свящ. Писаніе, ученіе объ отцахъ и учителяхъ цркви, основное богословіе, всеобщая церковная исторія и др. Со второй половины XVIII вѣка появляются и печатныя труды кіевскихъ ученыхъ по православному и догматическому богословію, какъ напр., Чтенія Теофана Прокоповича, изданныя Самуиломъ Миславскимъ, Compendium theologiae Иринея Фальковского и др.

Незавидно было, съ конца XVII вѣка, и матеріальное положеніе Кіево-Братскаго монастыря и Академіи. Лучшія имѣнія Братскаго монастыря остались за польскою границей и навсегда ихъ были потеряны, а остальные имѣнія не только не приращались, а постоянно расхищались представителями другихъ сословій, лишались прежнихъ доходовъ и облагались общегосударственными налогами и повинностями. Независимо отъ земельныхъ имуществъ, Братскій монастырь и Академія получали царской руги по 80 руб.

въ годъ, пособія изъ войскового скарбу по 200 руб., которое съ 1728 года прекращено бы по возобновленіи въ 1741 году, и митрополитанской консолидіи до 200 руб. въ годъ изъ вѣчныхъ пошлинъ по кievской епархіи, остававшихся въ распоряженіи епархіальнаго архіерея. Но всѣхъ этихъ средствъ далеко недостаточно было для содержанія монастыря и Академіи. Въ 1742 г. кievская Академія чрезъ своего митрополита ходатайствовала предъ Св. Синодомъ, хотя и безплодно, объ уравниеніи ея содержанія съ московской Академіей. Что же касается крупныхъ, экстраординарныхъ расходовъ по ремонту прежнихъ и постройкѣ новыхъ зданій въ монастырѣ и Академіи, то они обыкновенно производились насчетъ сбора милостыни отъ добрыхъ дѣтелей. Съ 1766 года, по ходатайству кievскаго генералъ-губернатора, на кievскую Академію, въ замѣнъ прежнихъ денежныхъ пособій, стало отпускатся изъ казны по 500 руб. въ годъ, а съ 1786 года, по отобраніи монастырскихъ имуществъ въ казну по 9.000 руб., изъ коихъ 500 рублей должна была выдавать на содержаніе перяславской Семинаріи. Съ 1797 г. она получила на свое содержаніе по 12.000 р., а съ 1812 года по 24.000 руб. Кроме того, съ 1771 года, благодаря введенію кредитныхъ билетовъ и установленію кредитныхъ учреждений, при Академіи образуется изъ пожертвованій отдѣльныхъ лицъ собственный неприкосновенный капиталъ, который къ къ 1841 году возросъ до 253.516 руб. 75 коп.

Въ страшный пожаръ 1811 года сильно пострадали отъ огня какъ монастырь, такъ и Академія: всѣ деревянныя постройки сгорѣли до тла; два купола на большой церкви обрушились; колокола на Братской колокольнѣ расцѣпились. Тотчасъ послѣ пожара наскоро исправлена была монастырская трапеза, въ которой поставленъ былъ иконостасъ сгорѣвшей кievоподольской приходской Свято-Духовской церкви, вслѣдствіе чего и сама эта церковь стала называться вмѣсто Борисоглѣбской, Свято-Духовскою. Дальнейшее возстановленіе монастыря и Академіи произведено было насчетъ государственнаго пособія и закончено уже въ 1826 году.

Въ 1819 году кievская Академія преобразована по проекту духовныхъ Академій, Высочайше утвержденному въ 1814 году и

стала въ рядъ другихъ Духовныхъ Академій петербургской и московской, къ коимъ съ 1842 года присоединилась казанская. Вмѣстѣ съ ними она испытала и послѣдующія преобразованія въ 1869 и 1882 годахъ. По послѣднему уставу Духовныхъ Академій 1881 г. казеннокоштныхъ воспитанниковъ полагается 120 человѣкъ. Но, сверхъ казенныхъ окладовъ, кievская Дух. Академія имѣетъ еще до 40 постоянныхъ студенческихъ стипендій. Кроме того, въ эту Академію, какъ самую южную, обыкновенно направляются молодые люди изъ южныхъ православныхъ странъ, желающіе получить академическое образованіе, какъ, напр., южные славяне, греки, арабы, сирійцы и т. п., съ назначеніемъ для нихъ временныхъ стипендій отъ духовнаго и свѣтскаго привѣтства, такъ что число всѣхъ воспитанниковъ кievской Дух. Академіи вмѣстѣ со своекоштными, доходитъ почти до 200 человѣкъ. Съ 1874 года ректоры Академіи, состоящіе вмѣстѣ и настоятелями Києво-Братскаго монастыря, носятъ епископскій санъ и считаются викаріями кievской епархіи.

Въ 1872 году при кievской Дух. Академіи учреждены Церковно-Историческое и Археологическое общество и Церковно-Археологическій музей, помѣщающійся въ нижнемъ этажѣ стараго мазепинскаго корпуса академическаго. Въ музеѣ въ настоящее время насчитывается до 32.000 №№ предметовъ, кромѣ рукописей и книгъ. Овъ составился главнымъ образомъ изъ частныхъ коллекцій, пожертвованныхъ въ музей бывшими ихъ владельцами или ихъ наслѣдниками. Таковы: коллекція русскихъ иконъ, свыше 200, начиная съ XIV вѣка, прибрѣтенная для музея бывшимъ ректоромъ Академіи епископомъ Филаретомъ (Филаретовымъ) у московскаго мѣщанина А. Сорокина, коллекція кипрскихъ и вообще классическихъ древностей, монетъ и рукописей покойнаго начальника русской миссіи въ Іерусалимѣ архимандрита Автонова (Капустина), коллекція иконъ и другихъ священныхъ древностей извѣстныхъ русскихъ паломниковъ А. Н. Муравьева и пресвященнаго Порфірія (Успенскаго), коллекція Е. П. Демидовой, княгини Санъ-Донато, Н. А. Леонардова, В. Н. Фальковского и др. Музей получилъ большую извѣстность не только въ Россіи, но и за границей. На содержаніе музея и общества не получается никакой

казенной субсидіи; но изъ добровольныхъ взносовъ и пожертвованій членовъ общества составилъ неприкосновенный капиталъ до 13.500 руб., проценты съ котораго и составляютъ теперь постоянный и главный доходъ общества и музея. [Необходимо до-бавить умолчанное авторомъ этой статьи о самомъ себѣ, что своимъ процвѣтаніемъ и достойною извѣстностію Церковно-Археологическій музей при кіевской Дух. Академіи (чуть ли не) больше всего обязанъ само-отверженнымъ трудамъ, научной энергіи в многостороннимъ знаніямъ заслуженнаго ординарнаго профессора этой Академіи Николая Ивановича Петрова. См. о немъ и у проф. *И. А. Бродовича*, Тридцатилѣтіе Церковно-Археологическаго музея въ „Трудахъ Кіевской Духовной Академіи“ 1903 г., № 2, стр. 231—253.—*Н. Г.*].

Литература. 1) Исторія Кіевской Академіи іеромонаха († митр.) *Макарія* (Булгакова), Спб. 1843 г.; 2) Кіевъ съ его древнѣйшимъ училищемъ Академіею † *В. И. Аскоченскаго*, въ трехъ частяхъ (Кіевъ 1855—1856 гг.); 3) Кіево-Братскій училищный монастырь *Н. Ѳ. Мужина* (Кіевъ 1893); 4) Исторія Кіевской Духовной Академіи проф. *С. Т. Голубева*, вып. I (Кіевъ 1886); 5) Кіевская Академія во второй половинѣ XVII столѣтія проф. *Н. И. Петрова* (Кіевъ 1895); 6) Кіевская Академія въ концѣ XVII и въ началѣ XVIII столѣтія (рѣчь) *С. Т. Голубева* (Кіевъ 1901) [и ср. у него же въ

„Трудахъ Кіевской Духовной Академіи 1906 г., № 12, стр. 537—540 въ примѣчаніи]; 7) Кіевская Академія въ первой половинѣ XVIII столѣтія *Д. К. Вишневскаго*. (Кіевъ 1903); 8) Акты и документы, относящіеся къ исторіи Кіевской Академіи, серія II (1721—1795 гг.), изд. подъ редакціей *Н. И. Петрова*, т. I, ч. 1 и 2 (Кіевъ 1904); 9) Кіевская Академія съ половины XVIII в. до преобразования ея въ 1819 году *В. Серебrenникова* (Кіевъ 1897); 10) Юбилейный сборникъ Кіевской Духовной Академіи 1869 г. (Кіевъ 1869); 11) *Akademia Kijowsko-Mohilanska A. Яблоновскаго*, Krakow 1899—1900 гг. (тенденціозная) [12] проф. *Н. И. Петрова*, Кіевская Академія въ германство Кирилла Григорьевича Разумовскаго (1750—1765 гг.) въ „Трудахъ Кіев. Дух. Акад.“ 1905 г., № 5, стр. 51—93].

Н. Петровъ.

Кіюнь, св. мученикъ кандавальскій, III—IV столѣтія. Родомъ пзъ селенія Кандавала, онъ вмѣстѣ съ *Теодоромъ*, *Міакомъ* и *Іуліаномъ* въ царствованіе имп. *Максиміана* (286—308 г.) претерпѣлъ многообразныя мученія; наконецъ, всѣ они были изрублены на куски и сожжены. *Память ихъ 4 сентября*.

АА. SS. Boll. сентябрь II, 207 (при *Максиміанѣ Галеріи*); *Мниологіи Василовія* (*Μνιολογίης*); *Никодимовъ Зоофанистъ* (*Κεντιρίων*); *Макар. Ч.*—*Минея*; прологъ. По *Іеронимову* мартирологу, мученики пострадали въ *Никомидіи*.—*Сергій*.

Хр. Л.—въ.

Оглавление X-го тома

„Богословской Энциклопедии“.

К.

(Продолжение).

- 1) Киннамовъ см. „Корича“, стлб. I.
- Кинноръ. Свящ. А. А. Глаголевъ, 1—3.
- Кинновія. Проф. И. И. Соколовъ, 3—16.
- Киноникъ. Свящ. А. В. Петровскій, 16—18.
- 5) Кипарисовъ В. Ө. Еписк. Евдокимъ, 19—22.
- Кипарисіотъ I. Проф. И. И. Соколовъ, 22—25.
- Киперъ. Прот. Н. А. Елеонскій, 25.
- Киприлла или Кирилла. Хр. М. Лопаревъ, 25.
- Киприановичъ Г. Я. Свящ. Н. В. Поповъ, 26—28.
- 10) Кипріанъ, св.-муч. корине. Хр. М. Лопаревъ, 28.
- Кипріанъ, св.-муч. никомид. Хр. М. Лопаревъ, 28—29.
- Кипріанъ, или Киринъ. Хр. М. Лопаревъ, 29.
- Кипріанъ, Фасцій Цецілій, еп. кореаг. Проф. Л. И. Писаревъ, 29—37.
- Кипріанъ конст. патр. Проф. И. И. Соколовъ, 37—39.
- 15) Кипріанъ стороженскій. А. С. Судаковъ, 39—40.
- Кипріанъ суздальскій. А. С. Судаковъ, 40.
- Кипріанъ устюжскій. А. С. Судаковъ, 41.
- Кипріанъ, св. митроп. Проф. Н. Н. Глубоковский, 41—60.
- Кипріанъ Старорусенниковъ. К. Я. Здравомысловъ, 60—61.
- 20) Кипріанъ Жоховскій. Проф.-прот. Ө. И. Титовъ, 61—62.
- Кипріанъ, бывш. расколоуч. А. С. Судаковъ, 62—63.
- Кипръ, островъ. Проф. Н. Ө. Мухинъ, 63—67.
- Кипръ въ христіанской исторіи. Проф. И. И. Соколовъ, 67—69.
- Кипрская православная церковь. Проф. И. И. Соколовъ, 69—183.
- 25) Кипрская латинская церковь. Проф. И. И. Соколовъ, 183—195.
- Кира, препод. Хр. М. Лопаревъ, 195.
- Киргизы ихъ религія. Проф. Н. Ө. Катановъ (и свящ. Г. Л. Крашенинниковъ), 195—201.
- Киреметь. П. К. Жузе, 201—202.
- Кирена, см. „Кирпнея“ (стлб. 422—423), 202.
- 30) Киренаика, прежде Кирена. С. В. Троицкій, 202—294.
- Киренскій Св.-Троиц. мон. (см. „Энци.“ V, 1035—1036), 204.
- Киренское викаріатство (см. „Энци.“ V, 1032—1033), 204.
- Кирік и его Вопросаніе. Проф. С. И. Смирновъ, 204—212.
- Кирікъ, св.-муч. тарсійскій. Хр. М. Лопаревъ, 213.
- 35) Кирилл, см. выше (стлб. 29) „Кирилла“, 213.
- Кириллица и глаголица. Проф.-акад. А. И. Соболевскій, 213—228.
- Кириллова книга. Проф. Н. И. Ивановскій, 228—231.
- Кирилловъ А. А., редакт. „Донск. Епарх. Вѣд.“ (см. „Энци.“ V, 22), 231.
- Кириллъ, св. еп. катанскій. Хр. М. Лопаревъ, 231—232.
- 40) Кириллъ, св. священ.-муч. гортинскій. Хр. М. Лопаревъ, 232.
- Кириллъ, св.-муч. севастійскій. Хр. М. Лопаревъ, 232.
- Кириллъ, св.-муч. иліопольскій. Хр. М. Лопаревъ, 232—233.
- Кириллъ Филеотъ. Хр. М. Лопаревъ, 231—237.
- Кириллъ, архіеп. іерусалим. Проф. П. П. Попомаревъ, 238—246.
- 45) Кириллъ, архіеп. александ. Проф. Л. И. Писаревъ, 246—279.
- Кириллъ Скиеопольскій. Проф. И. И. Соколовъ, 279—285.
- Кириллъ философъ, св. Проф. Г. А. Воскресенскій, 285—325.
- Кириллъ I Лукарісъ. † Проф. Ал. П. Лебедевъ, 325—328.
- Кириллъ Лукарісъ и вопросъ о его православіи. † Проф. Ал. П. Лебедевъ, 329—348.
- 50) Кириллъ Лукарісъ и приписываемая ему „Наука о противной уніи“. А. В. Поповъ, 348—353.
- Кириллъ II Контарісъ. Проф. И. И. Соколовъ, 353—356.
- Кириллъ III Спаносъ. Проф. И. И. Соколовъ, 356—357.
- Кириллъ IV Проф. И. И. Соколовъ, 357—359.
- Кириллъ V. Проф. И. И. Соколовъ, 359—363.
- 55) Кириллъ VI. Проф. И. И. Соколовъ, 363—368.
- Кириллъ VII. Проф. И. И. Соколовъ, 368—371.

- Кириллъ II, патр. іерусал. Проф. И. И. Соколовъ, 371—377.
- Кириллъ св., одинъ изъ 7-ми братьевъ Алфановыхъ или Сокольниковъ. А. С. Судаковъ, 377—378.
- Кириллъ, астрах. игум. А. С. Судаковъ, 378.
- 60) Кириллъ преп. Вѣлозерскій. Хр. М. Лопаревъ, 378—387.
- Кириллъ вельскій. А. С. Судаковъ, 387.
- Кириллъ пустынь. вологод. А. С. Судаковъ, 387.
- Кириллъ препод. Новозерскій. А. С. Судаковъ 388—389.
- Кириллъ I и II, ростовскіе. А. С. Судаковъ, 389—390.
- 65) Кириллъ сырьинскій. А. С. Судаковъ, 390.
- Кириллъ преп. челяскій. А. С. Судаковъ, 390—391.
- Кириллъ и Марія правед., родители преп. Сергія Радонежскаго. А. С. Судаковъ, 391—392.
- Кириллъ I, митроп. кievскій. Свящ. Н. В. Поповъ, 392—393.
- Кириллъ II, митроп. кievскій. Свящ. Н. В. Поповъ, 393.
- 70) Кириллъ III, митроп. кievскій. В. И. Груздевъ, 393—397.
- Кириллъ VI, митроп. всероссійскій. В. И. Груздевъ, 397.
- Кириллъ Туровскій, еп. Проф.-прот. Ѳ. И. Титовъ, 398—401.
- Кириллъ Терлецкій, еп. лунскій. Проф.-прот. Ѳ. И. Титовъ, 401—403.
- Кириллъ (Завидовъ), митроп. ростовскій. В. И. Груздевъ, 403—404.
- 75) Кириллъ Транквилианъ-Ставровецкій. Проф.-прот. Ѳ. И. Титовъ, 404—405.
- Кириллъ Шумлянскій, еп. переяслав. Проф.-прот. Ѳ. И. Титовъ, 405—407.
- Кириллъ (Флоринскій), архим. Свящ. Н. В. Поповъ, 407—410.
- Кириллъ Стефановичъ. Проф.-прот. Ѳ. И. Титовъ, 410—411.
- Кириллъ (Богословскій-Платоновъ), архіеп. кам.-подольскій. В. Ст. Яворскій (и † А. С. Родосскій), 411—414.
- 80) Кириллъ (Наумовъ), еп. мелитопол. Проф.-прот. Ѳ. И. Титовъ, 414—418.
- Кириллъ (Ляшевскій), еп. (см. „Энци.“ III, 840), 418.
- Кириллъ (Орловъ), еп. (см. „Энци.“ III, 849—850, V, 346), 418.
- Кириллъ (Лопатинъ), архим. В. В. Колокольцевъ, 418—419.
- Кириллъ, авторъ апологовъ. В. И. Груздевъ, 419—422.
- 85) Киринея или Кирена. Прот. Н. А. Елеонскій, 422—423.
- Киринъ или Квиринъ. Хр. М. Лопаревъ, 423.
- Кириакиа, св.-муч. ником. Хр. М. Лопаревъ, 423.
- Кириакиа, св.-муч. Кесарія палест. Хр. М. Лопаревъ, 423—424.
- Кириакъ, св.-муч. италійск. Хр. М. Лопаревъ, 424.
- 90) Кириакъ, св.-муч. памфил. Хр. М. Лопаревъ, 424.
- Кириакъ, св. воинъ. Хр. М. Лопаревъ, 424—425.
- Кириакъ, св.-муч. римск. Хр. М. Лопаревъ, 425.
- Кириакъ или Іуда, свящ.-муч. іерус. Хр. М. Лопаревъ, 425.
- Кириакъ, св. отшел. палест. Хр. М. Лопаревъ, 425—426.
- 95) Кириакъ, св.-муч. александр. Хр. М. Лопаревъ, 426.
- Кириакъ, муч. папа. С. В. Троицкій, 426—427.
- Кириакъ, патр. конст. Проф. И. Д. Андреевъ, 427—429.
- Кириакъ, митр. караг. Г. В. Прохоровъ, 229.
- Кириакъ сырьинскій (см. выше „Энци.“ X, 390), 429.
- 100) Кириаанъ (1—2). Прот. Н. А. Елеонскій, 429—430.
- Кириаеъ. Прот. Н. А. Елеонскій, 430.
- Кириаеъ-Арба см. „Хевронъ“, 431.
- Кириаеъ-Іаримъ или Кириаеъ-Ваалъ. Свящ. И. Я. Богоявленскій, 431—432.
- Кириаеъ-Сеферъ, Кириаеъ-Санна. Прот. Н. А. Елеонскій, 432—433.
- 105) Кирена, св.-муч. росская. Хр. М. Лопаревъ, 433—434.
- Кирионъ или Кирій. Хр. М. Лопаревъ, 434.
- Кирионъ, католик. грузинск. Проф. А. С. Хахановъ, 434—435.
- Кирионъ (Садзагеловъ), еп. Свящ. Н. В. Поповъ (и проф. Н. Н. Глубоковский), 435—440.
- Киркегордъ СеренъОбюе. Н. А. Егоровъ (и проф. А. А. Бронзовъ), 440—453.
- 110) Кирпичниковъ А. И., проф. всеобщ. и рус. литер. Проф. Н. Ѳ. Сумцовъ, 453—459.
- Кирхарешеть. Прот. Н. А. Елеонскій, 459.
- Киръ—мѣстность. Прот. Н. А. Елеонскій, 459—460.
- Киръ, основ. персидскій монархія. Проф. В. А. Тураевъ, 460—465.
- Киръ, св.-муч. александр. Хр. М. Лопаревъ 465—, 466.
- 115) Киръ, св. патр. констан. Хр. М. Лопаревъ, 466—467.
- Киръ, греч. моноелит. патр. С. М. Заринъ, 467—472.
- Киръ-Моавъ, Кирхарешъ, Кирхарешеть, Керакъ, Харакъ. Свящ. И. Я. Богоявленскій-472—474.
- Киревскій И. В., славяноф. П. М. Ласкѣвъ, 474—479.
- Кирѣвъ А. А. Свящ. Н. В. Поповъ (и проф. Н. Н. Глубоковский), 479—432.
- 120) Кисель А. Григор. Свящ. Діонисій Кисель-Киселевскій, 482—484.
- Кисельъ. Свящ. А. А. Глаголевъ, 484.
- Киссонъ. Свящ. А. В. Петровскій, 485.
- Кислоуъ-Фаворъ (см. „Кессуловъ“, въ „Энци.“ IX, 562), 488.
- Кистеръ. А. И. Коржавинъ, 486.
- 125) Кисъ см. „Саулъ“, 486.
- Китай. I. Китайская религія. Проф. С. С. Глаголевъ, 486—499.
- II. Исторія христіанства въ Китаѣ, III. Инославныя миссіи въ Китаѣ, IV. Русская православная миссія въ Китаѣ. Литература. — С. В. Троицкій, 499—508, 509—511. 511—519. 519—521.
- Китронъ. Прот. Н. А. Елеонскій, 521.
- Киттимъ, киттимская земля, киттимскіе корабли. Свящ. А. В. Петровскій, 521—525.
- Кифа. Свящ. А. В. Петровскій, 525.
- 130) Кишиневская епархія. I. Историческій очеркъ. II.

Статистическій обзоръ. III. Епархіальное управленіе. IV. Духовно-учебныя заведенія и церковныя школы. V. Просвѣтительная и благотворительныя и взаимовспомогательныя епархіальныя учрежденія. VI. Монастыри. С. Г. Рункевичъ (и П. П. Тодорскій), 525—546.	Кишиневскія Епархіальныя Вѣдомости. С. Г. Рункевичъ, 546—555.	Кишій, левитъ. Прот. Н. А. Елеонскій, 555.	Кишинь, городъ. Прот. Н. А. Елеонскій, 555.	Кіевскій росписъ. А. В. Преображенскій, 555—556.	135) Кіевское знамя. Прот. А. А. Митропольскій, 556—558.	Кіевъ. Проф. Н. И. Петровъ, 558—596.	Кіевская митрополія—епархія. I. Историческій очеркъ, II. Границы и составъ. III. Іерархія. IV. Статистическій обзоръ V. Епархіальное управленіе. VI. Духовно-учебныя заведенія.	VII. Просвѣтительныя, благотворительныя и взаимовспомогательныя епархіальныя учрежденія. VIII. Монастыри. IX. Кіевскія Епархіальныя Вѣдомости. Проф.-прот. Ѳ. И. Титовъ, 596—655.	Кіево - Печерская лавра. Проф.-прот. Ѳ. И. Титовъ, 655—678.	Кіевская Духовная Академія. Проф. Н. И. Петровъ, 678—694.	140) Кіонъ, св. муч. Хр. М. Лопаревъ, 694.

ПЕРЕЧЕНЬ ИЛЛЮСТРАЦІЙ

Х-го тома „Богословской Энциклопедіи“.

	Столбцы.
1. Кириллица и глаголица. Таблица I	221—222.
Кириллица. Таблица II	225—226.
Свв. первоучители славянскіе Кирилль и Меѳодій. Православное авторизованное изображеніе изданія Слб. Славянскаго Благотворительнаго Общества	289—290.
Свв. Кирилль и Меѳодій. Католическое изображеніе съ видомъ на Велеградъ	301—302.
5. Киріонъ епископъ (Садзагеловъ)	435—436. 437—438.
Серафимъ, епископъ Кишиневскій и Хотинскій	531—532. 533—534.
Карта Кишиневской епархіи	543—544. 545—544.
Соборъ св. Владиміра въ Кіевѣ	563—566.
Изображеніе Вел. Князя Ярослава съ семейю на фрескѣ Кіево-Софійскаго собора, по рисунку 1651 года, сохранившемуся въ копіи конца XVIII в. въ собраніи короля Станислава Августа, нынѣ въ библіотекѣ Академіи Художествъ въ С.-Петербургѣ	567—568. 569—570.
10. Высокопреосвященный Флавіанъ, митрополитъ Кіевскій и Галицкій	611—612. 613—614.
Карта Кіевской митрополіи-епархіи	651—652. 653—654.
Кіево-Печерская лавра. Общій видъ съ южной стороны	657—658.
1. Великая Богоявленная церковь Братскаго монастыря и 2. Главный корпусъ Кіевской Духовной Академіи	679—680.
Старый корпусъ Кіевской Духовной Академіи, устроенный на средства гетмана И. С. Мазепы въ 1703—1704 гг., до реставраціи его при митрополитѣ Рафаилѣ Заборовскомъ въ 1735 г.	683—684.
15. Старый корпусъ Кіевской Духовной Академіи, построенный въ 1703—1704 гг. на средства гетмана И. С. Мазепы и реставрированный митрополитомъ Рафаиломъ Заборовскимъ, по проекту архитектора Штейна, въ 1735 г.	687—688.

Дополненія и поправки ¹⁾.

Т О М Ъ I.

Стлб.:	Строки:	Напечатано:	Нужно:
769	15 сн.	867 году	767 году.

Т О М Ъ II.

952		См. превосходное жизнеописание Франциска Борджиа par <i>P. Suau</i> (въ коллекціи „Les saints“ изданія парижскаго книгопродавца Lescoffre'a).	
1116	8—9 св.	Кирилл <i>іерусалимскій</i>	Кирилл <i>александрійскій</i>
1123	21 св.	1841 г.	1844 г

Т О М Ъ V.

28	10 св.	См. еще <i>P. Aurelio Palmieri</i> O. S. A., <i>Dositeo patriarca greco di Gerusalemme (1641—1707)</i> , Firenze 1909.

¹⁾ Редакція усерднѣйше проситъ сотрудниковъ и читателей сообщать (по адресу: С.-Петербургъ, Невскій проспектъ, домъ № 180, кв. 5) всякаго рода исправленія, дополненія, недоумѣнія, замѣчанія и пожеланія касательно содержанія „Богословской Энциклопедіи“ редактору ея профессору Николаю Никаноровичу Глубоковскому, которому принадлежать нижеслѣдующія addenda и corrigenda (за исключеніемъ подписанныхъ именами самихъ авторовъ). При этомъ для освѣдомительной оріентаціи заявляется, что „Богословская Энциклопедія“, основанная и по пятый томъ включительно веденная покойнымъ († 1904, VIII, 22) проф. А. П. Лопухиннымъ, въ дальнѣйшемъ продолженіи ставитъ своею главнѣйшею задачею сообщеніе строго точныхъ фактическихъ указаній при научномъ освѣщеніи ихъ по каждому вопросу съ возможною обстоятельностью, но безъ излишней пространности, умѣстной лишь въ изслѣдованіяхъ и специальныхъ трактатахъ. Ничуть не претендуя быть символическою выразительницей православія, „Богословская Энциклопедія“, однако, ведетъ свое дѣло и рассматриваетъ всѣ вопросы съ православной точки зрѣнія, сохраняя полную объективность въ тщательномъ и научномъ освѣдомленіи. Соответственно этому напередъ должны быть приведены всѣ необходимыя фактическія данныя (съ перечисленіемъ первоисточниковъ), потомъ уже представлены главнѣйшія научныя толкованія, объясненія и гипотезы и въ заключеніи—собственные соображенія и выводы самого автора статьи. Это условіе имѣетъ силу не только для историческихъ, библейско-богословскихъ и под. статей, но и для чисто теоретическихъ, напр., этическихъ, догматическихъ и др. При каждой статьѣ—въ концѣ—прилагается указатель литературы предмета (печатаемый пегитомъ): тутъ приводятся по возможности всѣ важнѣйшіе (именно „всѣ важнѣйшіе“, а не „всѣ“ вообще или „важнѣйшіе“ по выбору!) русскіе труды, а изъ иностранныхъ самые главные и такіе, гдѣ можно найти болѣе подробныя библиографическія свѣдѣнія, при чемъ желательно, чтобы особо выдѣлялись (краткими замѣтками) лучшія сочиненія, которыя наиболѣе полезны для подробнаго научнаго ознакомленія съ даннымъ вопросомъ. Въ исключительныхъ случаяхъ сжато излагается историческій ходъ литературнаго обсужденія извѣстнаго вопроса или предмета, но въ статьяхъ о писателяхъ (особенно русскихъ и вообще православныхъ) представляется возможно полный перечень всѣхъ (вообще, или хотя всѣхъ важнѣйшихъ) трудовъ съ обозначеніемъ существующихъ библиографическихъ указателей къ нимъ.—Въ интересахъ взаимнаго удобства, для сокращенія и облегченія редакторской работы редакція, выполнѣ надѣясь на дѣятельное сочувствіе задачамъ „Энциклопедіи“, усердно проситъ всѣхъ сотрудниковъ—постоянныхъ и случайныхъ—писать статьи и замѣтки четко (съ достаточными разстояніями между строками) и непременно лишь на однѣхъ четныхъ (оборотныхъ) страницахъ, гдѣ необходимы и поля; каждая статья должна начинаться обязательно съ новой четвертины.

Петръ Емельяновичъ Задерацкій. Къ слѣб. 633—634 въ V томѣ „Энци.“ здѣсь статья о протоіерей Петрѣ Ем. Задерацкомъ — духовномъ писателѣ — изложена очень неполно, а кромѣ того въ концѣ ея допущена ошибка — въ томъ, что приписано ему изданіе V выпуска „Славянскаго Ежегодника“ — въ Кіевѣ — въ 1882 г., не смотря на то, что въ началѣ самой же статьи „Энци.“ сдѣлано указаніе о кончинѣ протоіерея П. Е. Задерацкаго въ 1848 г. Исправляемъ то и другое.

Протоіерей П. Е. Задерацкій родился въ 1818 г. — въ той части тогдашней Кишиневской епархіи (*Очаковская область*: города Одесса, Тирасполь и Анапьевъ съ ихъ уѣздами), которая отошла въ 1837 г. къ новоучрежденной епархіи херсонской и таврической. Поэтому онъ сначала учился въ кишиневской Дух. Семинаріи, въ которой дошелъ до философскаго класса, а въ 1837 г. поступилъ въ богословскій классъ новой херсонской Семинаріи, которая основалась въ Одессѣ, каедральною городѣ новой епархіи херсонской и таврической. (Вспомогательн*ю* херсонская Семинарія въ Одессѣ переименована была въ *одесскую* Д. Семинарію, какое названіе удерживаетъ и доселѣ; тогда какъ херсонская Дух. Консисторія, находясь тоже въ Одессѣ, удержала по прежнему названіе *херсонской* Д. Консисторіи, по имени епархіи — *херсонской*). — По окончаніи богословскаго класса въ 1839 г. — въ Одессѣ, П. Е. Задерацкій поступилъ въ число студентовъ кіевской Д. Академіи II-го курса и въ 1843 г. выпущенъ изъ Академіи со степенью *младшаго кандидата*. По свидѣтельству одного своего академическаго товарища († кіевского кафедр. протоіерея Петра Гаврил. Лебединцева), „Задерацкій въ Академіи пользовался репутаціей даровитаго студента и знатока греческаго и французскаго языковъ, и еще будучи студентомъ, приготовилъ для печати нѣсколько сочиненій, изъ которыхъ *два* помѣщены были въ журналѣ „Москвитянинъ“, издававшемся проф. М. П. Погодинымъ. Дѣйствительно, въ 40-хъ гг. прошлаго вѣка, и профессора и студенты кіевской Академіи помѣщали свои статьи — одни въ „Москвитянинъ“ Погодина, а другіе — въ петербургскомъ „Маякѣ“ *Степана Отис. Бурачка*, генерала по инженерной

части, но ревностѣйшаго защитника православія и старыхъ русскихъ идеаловъ. Къ числу статей Задерацкаго, помѣщенныхъ въ „Москвитянинъ“, и относится та, которая упомянута въ „Восп. Энци.“, именно: „Болгаре, поселенцы Новороссійскаго края и Бессарабіи“ — 1845 г., № 12-й. Предметъ статьи этой былъ хорошо знакомъ для Задерацкаго, какъ уроженца Новороссіи, обучавшагося много лѣтъ въ Бессарабскомъ Кишиневѣ. — Скоро по окончаніи академическаго курса, осенью 1843 г., Задерацкій принялъ санъ священства и назначенъ былъ на приходъ въ г. Кіевѣ — къ Старо-Кіевской Свято-Троицкой церкви и сдѣлался здѣсь преемникомъ своего тестя 80-ти-лѣтняго старца протоіерея Андрея Масенкова, который служилъ при этой церкви еще съ 1796 года и въ 1843 г. вышелъ за штатъ. Сдѣлавшись приходскимъ священникомъ въ Кіевѣ, о. П. Е. Задерацкій, по словамъ того же товарища своего † о. П. Г. Лебединцева, горячо принялся за дѣло пастырскаго своего служенія. Кромѣ частаго богослуженія, онъ проповѣдывалъ слово Божіе почти при каждомъ воскресномъ и праздничномъ богослуженіи; а дома всѣ досуги свои посвящалъ духовно-литературнымъ занятіямъ. Труды эти, — продолжаетъ П. Г. Лебединцевъ, — скоро усилили зародившуюся въ немъ еще въ Академіи грудную болѣзнь, которая прекратила земные дни его 24-го декабря 1848 г. — По смерти о. П. Е. Задерацкаго, — говоритъ о. П. Г. Лебединцевъ, — осталось значительное число рукописныхъ его проповѣдей и другихъ духовно-литературныхъ сочиненій. Къ сожалѣнію, они пошли по рукамъ знакомыхъ, и большинство ихъ не разыскано. Протоіерею П. Г. Лебединцеву удалось найти только два сочиненія о. П. Е. Задерацкаго, которая и напечатаны имъ въ „Кіевскихъ Епарх. Вѣдомостяхъ“, съ сообщеніемъ приведенныхъ нами выше біографическихъ свѣдѣній объ ихъ авторѣ.

Первое сочиненіе называется: „Замѣтки о Старо-Кіевской Свято-Троицкой церкви“ („Кіев. Еп. Вѣд.“ 1864 г., №№ 2 и 3). Въ этихъ „Замѣткахъ“ тщательно собрано и записано все, что относится къ исторіи этой церкви и хранящейся въ ней иконѣ Божіей Матери, благоговѣнно чтимой кіевлянами. Описанъ также здѣсь подробно и

синодикъ Троицкой церкви, очень интересный въ археологическомъ отношеніи. Въ немъ помѣщенъ цѣлый рядъ рисунковъ (около 30), довольно замысловатыхъ по изобрѣтенію и исполненію. Рисунки эти представляютъ нѣчто цѣлое и систематическое: это цѣлый трактатъ или живое наглядное поученіе о состояніи душъ по смерти и о необходимости и пользѣ церковнаго поминовенія у сопшихъ. — Рисунки въ синодикѣ относятся къ первой половинѣ 19-го вѣка. Каждый изъ нихъ снабженъ стихотворнымъ объясненіемъ, иногда очень обширнымъ 1).

1) Для примѣра приведемъ описаніе нѣкоторыхъ картинъ — изъ первыхъ и послѣднихъ: 1) изображеніе священника въ церковномъ облаченіи, предъ жертвенникомъ, съ раскрытою книгою въ рукахъ. Надъ этою картиною, на хартіи, которую развиваетъ ангелъ, написано:

„Архіерей свѣтъ Іаковъ, братъ Божій.
Усопшихъ душамъ путь молитвенъ дати
гожій:

Въ службѣ бо души кія поминать,
Радости оныхъ многихъ поспѣшаютъ“.

Рамою этой картинѣ служатъ двѣ меньшія, овальныя. На правой: Авраамъ упокоивающій души на лонѣ своемъ. Онъ представленъ съ открытою пазухою, изъ которой выставлены маленькія головки человѣческія (это души); справа и слѣва, сплывать и толпятся въ лоно Праотца нагіе маленькіе человечки — (тоже души).

Подъ картиною подписи:

„Праведныхъ души со Авраамомъ вѣр-
нымъ
Обогатятся здѣ блаженствомъ безмѣр-
нымъ“.

Всякая душа тамо поспѣшайся,
Прелести міра всячески ошайся“ (sic).

На лѣвой, сторонѣ: изображенъ свя-
тель, въ мантии, въ клобуцѣ, съ архіерей-
скимъ жезломъ, стоитъ на берегу. Къ нему,
съ отчаяніемъ, простираетъ руки пловецъ
на доскѣ, стоящій на колѣняхъ, весь въ
черномъ одѣяніи; подпись:

„Завѣта мертвыхъ кто не исполняетъ,
Душѣ изъ муки алы тѣхъ не осво-
бождаетъ,

Митрополитъ се благъ Лука являетъ:
Яко человѣкъ въ мукахъ пребываетъ“.

2) На предпоследней картинѣ — черепъ
человѣческій, лежащій на крестообразно
сложенныхъ костяхъ (символъ смерти). На
этой картинѣ три надписи: двѣ на самой
картинѣ, а третья подъ нею.

Верхняя надпись:

Зри, человѣче, и познавай, чія оія глава?
По смерти твоей — твоя такова.

Богосл. Энц. т. X.

Другое сочиненіе о. Петра Задерацкаго
напечатано (въ „Кіев. Еп. Вѣд.“ 1865 г.
№ 2, 3 и 5) подъ заглавіемъ: „Замѣтки
объ исповѣди. (Изъ записокъ духовника)“.
Въ примѣчаніи къ этому сочиненію † прот.
П. Г. Лебединцевъ говоритъ, что она най-
дена въ числѣ бумагъ, полученныхъ изъ
Нижняго-Новгорода отъ одного изъ академи-
ческихъ товарищей покойнаго Задерацкаго.
Оно сохранилось въ довольно крѣпости,
но все таки — не конечно. Въ рукописи оно
называется „Ручникъ“ — т. е. ручная книга
духовника. Какъ видно изъ предисловія,
авторъ предназначалъ своей работѣ широкій
размѣръ. Но и то, что изъ нея напечатано,
можетъ принести большую практическую
пользу для священно-служителей — и потому
вполнѣ заслуживало бы изданія отдѣльной
брошюрой.

Теперь поведемъ рѣчь по поводу кiev-
скаго „Славянскаго Ежегодника“ 1882 г.
У протоіерея П. Е. Задерацкаго былъ сынъ
Николай Петровичъ Задерацкій. Онъ
окончилъ курсъ въ кіевскомъ Университетѣ
по историко-филологическому факультету и
былъ учителемъ кіевской 2-й Гимназіи. Былъ
страстнымъ любителемъ славянскаго филоло-
гическаго. Былъ членомъ и секретаремъ кіевского
Славянскаго Благотворительнаго Общества.
Съ 1876 г. Общество это основало свой
литературный органъ подъ заглавіемъ „Сла-
вянскій Ежегодникъ“ и выпускало его еже-
годно въ видѣ отдѣльнаго сборника. Редак-

Глаголю сія зрящему на мя:

Убо бѣхъ, якоже ты; ты же будещи, яко
же азъ.

Сія глава сама о себѣ говоритъ:

И подобіе свое намъ показываетъ.

Средняя надпись: Кости врачъ

Смерти знакъ.

Зри се всякъ:

Будещъ такъ.

„Изъ среднихъ картинъ — интересны семь
рисунковъ, представляющихъ наглядную
повѣсть о послѣдствіяхъ несправеднаго стя-
жанія богатства, роскошной жизни, жесто-
косердія и не памятованія смерти. — Под-
пись подъ первой картиною начинается
такъ: „Горѣ тѣмъ человѣкомъ, здѣ ро-
скошно живущимъ, а о себѣ и о душахъ
своихъ не радящимъ, грабящимъ, насилу-
ющимъ и при своемъ животѣ церквамъ
Божіимъ, ни служителямъ церковнымъ не
подающимъ!“

ція „Славянскаго Ежегодника“ поручена была Ник. Петр. Задерацкому, который помѣстилъ въ немъ массу своихъ статей, замѣтокъ и матеріаловъ какъ относительно современной жизни славянскихъ племенъ, такъ и по славянскимъ древностямъ. Вообще Н. П. Задерацкій съ величайшею ревностію трудился на учено-литературномъ поприщѣ. Очевидно, онъ унаслѣдовалъ любовь къ литературѣ отъ своего отца. Но къ несчастію, онъ унаслѣдовалъ отъ отца своего и расположение къ чахоткѣ, отъ которой скончался въ юліѣ 1880 г.—При своей жизни онъ издалъ *четыре* выпуска „Славянскаго Ежегодника“. Смерть его задержала дальнѣйшій выходъ этого сборника,—и только въ 1882 г. вышелъ *пятый* выпускъ подъ редакціей молодого кievскаго ученаго слависта А. В. Стороженко, магистра кievскаго Университета. Въ первомъ, наданномъ послѣ смерти Ник. Петр. Задерацкаго выпускѣ „Славянскаго Ежегодника“ новый редакторъ его, естественно, счелъ себя обязаннымъ посвятить первое слово памяти прежняго редактора - трудолюбца. Во главѣ выпуска А. В. Стороженко напечаталъ матеріалъ для біографіи Н. П. Задерацкаго,—и здѣсь довольно распространился объ отцѣ его—протоіерѣ П. Е. Задерацкомъ, провелъ ту мысль, что именно онъ внушилъ своему сыну склонность къ литературнымъ занятіямъ, такъ какъ самъ былъ не только большимъ любителемъ литературы, но и оставилъ въ своихъ рукописяхъ очень талантливыя опыты литературныхъ произведеній... Рукописи эти разсматривать г. Стороженко,—и вотъ тутъ случился съ нимъ курьезъ, который мы въ свое время отмѣтили въ газетѣ „Новое Время“ (въ одномъ изъ декабрьскихъ №№

1883 г. или январскихъ—1884 г. фельетонъ подъ заглавіемъ: „Литературный курьезъ“). Въ бумагахъ протоіеря П. Е. Задерацкаго г. Стороженко нашелъ нѣчто въ родѣ сатирическаго очерка, написаннаго очень бойко и остроумно, въ которомъ описанъ какой-то *Живановъ*... Г. Стороженко пришелъ въ восхищеніе отъ талантливости очерка—и на этомъ основаніи сталъ доказывать, какими большими литературными способностями владѣлъ протоіерей Задерацкій и какъ жаль, что его сатирическій талантъ не могъ проявиться въ печати. Что же оказалось?—Оказалось, что этотъ очеркъ, найденный г. Стороженко въ бумагахъ протоіеря Задерацкаго, есть буквальный списокъ съ одного изъ знаменитыхъ „Губернскихъ Очерковъ“ извѣстнаго нашего сатирика Щедрина (М. Е. Салтыкова), появившихся первоначально въ „Русскомъ Вѣстникѣ“ М. Н. Каткова въ 1857 г.—именно списокъ съ очерка подъ заглавіемъ: „Обманутый подпоручикъ“; только у Щедрина подпоручикъ этотъ называется *Живновскій*, а въ рукописи, найденной г. Стороженко, онъ переименованъ въ *Живанова*.

Вотъ причина, почему въ статейку „Бог. Энци.“ о протоіерѣ Задерацкомъ попало упоминаніе о кievскомъ „Славянскомъ Ежегодникѣ“ 1882 г. Онъ упомянуть здѣсь по ошибкѣ, какъ трудъ протоіеря Задерацкаго; а на самомъ дѣлѣ авторъ замѣтки хотѣлъ указать на него, какъ на *матеріалъ для біографіи* протоіеря Задерацкаго... Но этотъ матеріалъ—оказывается—*фальшивый*.

Левъ Мацневичъ.

Т О М Ъ VI.

- 205 25 св. См. еще т. VI, 1023; VII, 902; IX, 764; „Zeitschrift für Assyriologie“ 1908, November, S. 125—136: *S. Daiches*, Kommt das Tetragrammaton in den Keilinschriften? *G. E. Moore*, Notes on the Name Jahweh въ „Amer. Journ. of Sem. Lang. and Liter.“, July 1909, p. 312—318; Rabbiner Prof. Dr. *G. Kein*, Der älteste christliche Katechismus und die jüdische Propaganda-Literatur (Berlin 1909), S. 44—49: Schem hammephorasch.
- 343 32 св. См. еще т. IX, 764; „The Journal of Theological Studies“ X, 40 (July, 1909), p. 481—496: Sir *H. H. Howorth*, The Influence of St. Jerome on the Canon of the Western Church.
- 811 17 св. См. еще т. VIII, 862; IX, 765; *Theodor Innitzer*, Johannes der Täufer, nach der heil. Schrift und der Tradition dargestellt (ср. *Paul Krüger* въ „Literarisches Zentralblatt“ 1909, 12, 378—379).
- 940—941. См. еще т. VII, 905—906; *Chrys. Baur*, O. S. B., S. Jean Chrysostome et ses oeuvres dans l'histoire litteraire, Louvain (Paris) 1907; русскія статьи и изданія (напр., Спб. профф. о. С. А. Соллертинскаго, А. И. Пономарева, Н. И. Сагарды въ „Церк. Вѣст.“, „Христ. Чтеніи“ и въ отискахъ отсюда), кievскаго проф. Д. И. Богдашевскаго въ „Трудахъ Кіев. Дух. Академіи“ по случаю 1500-ти лѣтій со дня кончины св. Іоанна Златоуста (14 сентября 1907 г.); ср. и *A. Palmieri*, San Giovanni Crisostomo nella letteratura russa, Roma 1908.
- 1004 2 св. См. еще магистерскую диссертацию проф. *А. П. Дьяконова*, Іоаннъ Ефесскій и его церковно-литературные труды, Спб. 1908.

Т О М Ъ VII.

- 85 3 св. См. еще т. IX, 765; *M. Ihm*, Cassian and Pseudo-Rufin въ „Hermes“ XLIII (1908), 3, 478—480.
- 196 20 св. См. еще т. VIII, 863; *P. Fournier*, Études sur Joachim de Flore et ses doctrines, Paris 1909.
- 367 17 св. См. еще т. VI, 909; IX, 765; *Joh. Frey*, Der slavische Josephus-bericht über die urchristliche Geschichte nebst seinen Parallelen kritisch untersucht, Dorpat (Leipzig) 1908; † Prof. Dr. *W. Fell*, Der Bibelkanon des Flavius Josephus въ „Biblische Zeitschrift“ VII (1909), 1, 1—16; 2, 113—122, а о трудѣ *A. Bosse* см. „Theologische Literaturzeitung“ 1909, 16, 454—455.
- 452 21 св. См. еще у проф. *И. Н. Жуковича*, Жизнеописаніе митроп. Іосифа Вельяминна-Рутскаго, составленное митр. Рафаиломъ Корсакомъ, и сочиненіе Рутскаго объ улучшеніи внутренняго строя униатской церкви въ „Христ. Чтеніи“ 1909 г., № 8—9, стр. 1089—1108.
- 892 25 св. См. еще т. VIII, 863; IX, 765; *А. И. Миловидовъ*, Русскій календарь въ Северо-Западномъ краѣ, его исторія и значеніе, Вильна 1908; *L. Schram*, Kalendariographische und chronologische Tafeln, Leipzig (Hinrichs) 1908.

Т О М Ъ VIII.

- 64 4 св. См. еще *G. Esser*, Nochmals das Indulgenzedikt des Papstes Kallistus und die Busschriften Tertullians въ „Katholik“ 1907, 8, 184—204.
- 175—176 См. еще т. VIII, 864; IX, 766; очеркъ проф. *В. Д. Попова* въ „Трудахъ Кіевской Дух. Академіи“ 1909 г., № 9, 10 и слѣд., а также обширную иностранную литературу по случаю исполнившагося въ 1909 году 400-лѣтія со дня рожденія Кальвина.
- 235 4 св. См. еще Матеріалы для исторіи камчатской епархіи въ „Православномъ Собесѣдникѣ“ за 1909 г., № № 5, 6.
- 245 18 св. См. еще Rev. *L. Norman Tucker*, Western Kanada (въ Handbooks of English Church Expansion).

- 590 1 св. См. еще т. XI, 767; † *И. О. Синами*, История возникновенія и развитія караимизма, ч. I—II (Симферополь 1888. Спб. 1890); проф. *В. И. Протопоповъ*, Караимы въ „Православномъ Соборѣдникѣ“ 1909 г., № 5, стр. 640—658.
- 686 22 св. См. еще т. IX, 768; *A. Meriens*, De Hierarchie in de eerste eeuw des chistendoms, Amsterdam 1908 (ср. *P. Alberts*, S. J. въ „Theologische Revue“ 1909, 12, 367 — 368); проф. *В. Н. Милицынъ*, Устройство христіанской церкви въ первые два вѣка, Сергіевъ Посадъ 1909 (докторская диссертация, о которой ср. отзывы проф. *А. А. Спаскаго* и *А. И. Покровскаго* въ „Журналахъ Совѣта московской Дух. Академіи“ за 1909 г.).

Т О М Ъ IX.

- 22 13 св. Каролинговы или—вѣрнѣе—Карловы книги.
- 30 4 св. См. еще *С. Маслова*, Казанье Мелетія Смотрицкаго на честный погребъ о. Леонтія Карповича, Кіевъ 1908.
- 69 1 св. Для Лукреція Кара см. новѣйшее изданіе Бригера.
- 71 18 св. См. еще *A. Audollent*, Carthage romain (146 avant J. Chr.—698 après J. Chr.), Paris 1901 (V) XXXII—850 стр., съ библиографіей (р. XIII—XXXII) и тремя картами.
- 78 12 св. О карагенскихъ соборахъ см. статью † проф. *Т. В. Барсова* въ „Христ. Чтеніи“ 1876 г., II, стр. 405—439; 1877 г., II, 683—703.
- 125 20 св. См. еще у *P. Sophr. Pétrides* въ „Revue d'Orient Chrétien“ 1892, VII, р. 218—244.
- 151 18 св. См. еще т. IX, 769; работу † о. *П. А. Матвѣевскаго*, Катакомбы, Спб. 1867 (оттискъ изъ журн. „Странникъ“, 1867 г., май, стр. 49—77); книгу *В. П. Мордвинова*, Путеводитель православныхъ поклонниковъ по городу Раму (Спб. 1875); *Г. Буассе*, Катакомбы (переводъ Е. Д. Векиловой съ предисловіемъ В. Эрна), Москва 1907 (ср. „Гермесъ“ 1907 г., № 5, стр. 107—108).
- 180 28 св. См. еще т. IX, 769; Prof. Dr. *Henrich Kihn*, Patrologie II (Paderborn 1908), S. 441—449, а равно изд. катень *Никифоромъ Θεοτοки*: Σειρά ἐνός καὶ πεντήκοντα ὁμοῦνηματιστῶν εἰς τὴν Ὁκταβύου καὶ τὰ τῶν Βασιλείων, т. I—II, 'Εν Λειψίᾳ τῆς Βαβυλῶνος 1772—1773; акад. *Θ. И. Успенскій*, Константинопольскій сиральскій кодексъ восьмикнижія (Софія 1907). *M. Faulhaber*, Katenen und Katenenforschung въ „Byzant. Zeitschrift“ 1906, 3—4, S. 383—395.
- 180 12 св. См. еще *E. G. Gardner*, Saint Catherine of Siena: a Study in the Religion, Literature and History of the 14th Century in Italy, London 1908.
- 192 5 св. 1506 г. 1566 г.
- 202 2 св. См. еще Dompred. Priv.-Doz. *A. Lang*, Der Heidelberger Katechismen (Leo Juda's und Micon's Kleine Katechismen, sowie die zwei Vorarbeiten Ursins), mit einer historisch-theologischen Einleitung herausgegeben, Leipzig 1907 (ср. *Ferdinand Cohrs* въ „Theologische Literaturzeitung“ 1908, 23, 651—653).
- 218 14 св. См. еще „Христ. Чтеніе“ 1844 г., II, стр. 223—267; „Исповѣданіе вѣры каеволическія апостольскія восточныя церкви Петра Могила“; ср. также Historia catechismi Russorum у *Hofmann'a* въ изданіи „Правосл. Исповѣданія“ (Breslau 1751).
- 231 12 св. См. еще у о. *Тамарати*, История картвельскаго (грузинскаго) католичества (погрузински), Тифлисет 1902, и у проф. *А. С. Хажанова* въ „Богосл. Вѣстанкѣ“ 1901, II, стр. 163—180.
- 231 16—32 св. Нужно такъ: Католическая церковь... „примлагается, а по существу не можетъ быть усвоено римской церкви, ибо означаетъ только единую истинную каеволическую церковь, почему это названіе употребляется нами лишь условно—согласно неправильному ходячему литературному обычаю“.
- 237 18 св. болѣе 20 до 20
- 239 17 св. Праздникъ Сердца Иисусова переходящій.

- 239 6 св. Преображеніе и Срѣтеніе празднуются и у римско-католиковъ 6 августа и 2 февраля.
- 240 3—5 св. Но въ Римскомъ мартирологѣ именно о Пасхѣ сказано, что это solemnitas solennitatum.
- 245 4 св. 1888 1803
- 252 23 св. „Католическій социализмъ“ называется на западѣ „христіанскою демократіею“, а для библиографіи (къ слѣб. 267) см. еще „Communisme“ и „Démocratie“ въ Словарѣ *Vacant et Magenot*, vol. III (col. 574—596), IV (p. 271—321).
- 321 18 св. Дюпенъ не „полагаетъ, что 1-й вселенскій соборъ имѣлъ дѣло съ четырнадцатилѣтніями“, а защищаетъ совершенно обратное мнѣніе.
- 339 15 св. Первое научное изданіе. Первое изданіе.
- 339 5 св. Переводы Квинтиліана на русскій языкъ — полный А. Никольскаго (2 тома, Спб. 1834) и X-й книги — В. А. Алексѣева (Спб. 1896). См. также изслѣдованіе г-жи М. А. Холоднякѣ, Квинтиліанъ, какъ педагогъ, въ журналѣ „Образованіе“ 1895 г., стр. 541.
- 353 19—22 св. Разумѣются католическіе святые *François de Sales* и *Françoise de Chantal*.
- 395 8 св. См. еще въ книгѣ † А. И. Георгіевскаго, Галлы въ эпоху Кая Юлія Цезаря (Москва 1865), стр. 118 сл.
- 513 15 св. См. еще Prof. A. Deissmann, *Johann Kepler und die Bibel*, Marburg 1894.
- 569 8 св. Ср. еще въ „Христ. Читеніи“ 1863 г., III, стр. 357—368: „Латиняне на островахъ греческаго архиепископа“; изслѣдованія *Спиридона Вѣгаса* о латинскихъ епископахъ на іонійскихъ островахъ въ аѳинскомъ журналѣ „*Ἀρχαία*“.
- 722—754 Къ литературѣ *κοινή* для статьи проф. С. И. Соболевскаго (которая въ переводѣ на новогреческій языкъ *Γρ. Χρ. Παναγιώτти* перепечатана въ александрійскомъ журналѣ „*Ἐκκλησιαστικὸς Φάρος*“ за 1909 г.): Prof. Dr. *Ludwig Hahn*, *Rom und Romanismus im griechisch-römischen Osten*. Mit besonderer Berücksichtigung der Sprache. Bis auf die Zeit Hadrians. Leipzig 1909. *Gustav Adolf Gehard*, *Untersuchungen zur Geschichte der griechischen Briefe*, 1 Heft: Die Anfangsformel (Tübingen 1903). *Joseph Vogeser*, *Zur Sprache der griechischen Heiligenlegenden* (München 1907). Griechische und süditalienische Gebete, Beschwörungen und Rezepte des Mittelalters, herausgegeben und erklärt von *Fritz Pradel* (въ *Religionsgeschichtliche Versuche und Vorarbeiten*, herausg. von A. Dieterich und R. Wünsch III, 3), Giessen 1907 (со статьей проф. А. Тумба о греческомъ языкѣ молитвъ). † Прот. Д. Т. Мелорскій, Нужда исправленія церковно-славянскихъ богослужебныхъ и учительныхъ книгъ (Спб. 1904). О *Grammatik der griech. Papyri* *Mayer*'a см. Prof. A. Thumb въ „*Archiv für Papyrusforschung*“ IV, 3—4. Prof. *Jean Psichari*, *Essai sur le Grec de la Septante, extrait de la „Revue des Etudes juives“*, Avril 1908, p. 161—208 (Paris 1908), гдѣ имѣется (p. 161—163) и подробная библиографія (ср. объ этомъ трудъ у *Jacob Wackernagel* въ „*Theologische Literaturzeitung*“ 1909, 8, 227—228). P. *Kretschmer*, *Κοινή* und spätere Gräcität въ „*Glotta*“ I (1909), 4, 357—363. *Joseph Huby*, S. J., *Le Grec du Nouveau Testament d'après les travaux récents* въ „*Etudes*“ XLVI, 118 (20 Janvier 1909), p. 249—252. *Henry St. John Thackeray*, *A Grammar of the Old Testament in Greek according to the Septuagint*, vol. I: Introduction, Orphography and Accidence (Cambridge 1909). J. H. *Moulton*, *A Grammar of New Testament Greek*, vol. 1, 3 изд. Edinburg 1908 (cp. Rev. G. C. *Richards* въ „*The Journal of Theological Studies*“ X, 38: January, 1909, p. 283—290). A. *Boatti*, *Grammatica del greco del N. T.*, con raffronti all' attico, all' ellenistico ed al moderno, ai Settanta, alle iscrizioni, ai papyri, part. I: *Fonologia e morfologia* (Rom 1908). A. T. *Roberson*, *A Short Grammar of the Greek New Testament*, New York (London) 1908 (но см. A. *Debrunner* въ „*Theologische Literaturzeitung*“ 1909, 8, 228—229).

Prof. *Ad. Deissmann*, Licht von Osten, 2-е изд. (Tübingen 1909), а для 1-го ср. *Paul Fiebig*, Das Griechisch der Mischna в „Zeitschrift für die neutestamentliche Wissenschaft“ IX (1908), 4, 297 — 314. *Frederick Owen Norton*, A Lexicographical and Historical Study of *διαθήκη* from the Earliest Times to the End of the Classical Period, Chicago (The University of Chicago Press) 1908. *Charles Bray Williams*, The Participle in the Book of Acts, Chicago (The University of Chicago Press) 1909. Prof. Dr. *Emil Wendling*, Die Entstehung des Marcus—Evangeliums: philologische Untersuchung (Tübingen 1908). *Dav. Heintz Müller*: Die Bergpredigt im Lichte der Strophentheorie (Wien 1908); Das Johannes—Evangelium im Lichte der Strophentheorie (Wien 1909). Rev. *R. Martin Pope*, Studies in Pauline Vocabulary в „The Expository Times“ 1909 г., октябрь и слѣд. Rev. *A. J. Wilson*, Emphasis in the New Testament в „The Journal of Theological Studies“ X, 40 (July, 1909), p. 575—579. *H. P. Hatch*, Some Illustrations of New Testament Usage from Greek Inscriptions of Asia Minor в „Journal of Biblical Literature“ XXVII (1908), p. 134—146 (объ *ἀγάπη*, *ἀναστρέφωμαι*, *εὐσχήμων*,—*μόνος*, *ἡγεμών*, *κυριακός*, *νομικός*, *ἐξέστης*, *ὁ ἐπὶ τοῦ κοιτῶνος*, *ὁ καὶ οἰκοδεσπότης*, *σὺν καὶ*, *τίτλος*, *υἱός πόλεως* и *ὁ собств. именовъ*). Объ отдѣльныхъ словахъ и реченияхъ: *ἐνεργεῖσθαι* *John Ross* и Rev. Prof. *J. B. Mayor* (въ „The Expositor“ 1909, I, 75—77; II, 191—192); *ποταμοφόρος* в „Biblische Zeitschrift“ VI (1908), 171; VII (1909), I, 48; *κόφινος*, *σπύρις*, *σαργάνη* *Dr. F. J. A. Hort* (въ „The Journal of Theological Studies“ X, 40: July, 1909, p. 567—571); *προσκαρτέρησις* в Еф. VI, 18 Rev. *E. L. Hicks* (ibid., p. 571—572); *ἀρπαγμός* в Филипп. II, 6 *J. Ross* (ibid., p. 573—574). *M. K. Margolis*, The Particle *ἡ* in the Old Testament в „Amer. Journ. of Sem. Lang. and Liter.“, July 1909, p. 257—275. Rev. *Artur Carr*, The Meaning of *ὁ κόσμος* in James III. 6 в „The Expositor“ 1909, X, p. 318—325. Prof. *Hermann Diels*, Elementum: eine Vorarbeit zum griechischen und lateinischen Thesaurus (Leipzig 1899). *A. Lemonnier*, A propos du sens divers de *στοιχεῖον* в „Revue des sciences philosophiques et théologiques“ 1907, p. 505—506. *H. A. Kielmann*, Der „*Ἄρτος ἐπιούσας*“: eine sprachwissenschaftliche Untersuchung (Kreuznach 1883). *El. Nestle*, *Ἐπιούσας* in Hebrew and Aramaic в „The Expository Times“ XXI, 1 (October 1909), p. 43. Rev. *W. T. Whitley*, Technical Language in the New Testament в „The Interpreter“ VI, 1 (October 1909).

Т О М Ъ X.

37	11 св.	См. еще <i>Siegm. Hellmann</i> , Pseudo-Cyprian: De XII abusivis saeculi в „Texte und Untersuchungen“ XXXIV, 1, Leipzig 1909 (ср. и у <i>Jos. Denk</i> в „Theologische Revue“ 1909, 16, S. 480—483).
55	24—32 св.	См. в „Русской Исторической Библиотецѣ“, изд. Императорскою Археографическою Коммиссіею, томъ VI (подъ ред. † проф. А. С. Павлова), изд. 2 (Спб. 1908), № 17 на стлб. 159—164, гдѣ по рукописи Моск. Снн. 6-ки XV ¹ в. № 222, л. 2 напечатано „Поученіе Кипріяна, митрополита кievскаго и всея Руси, игуменовъ, и попомъ, и діакономъ, и ко монаховъ, и ко всемъ православнымъ христіаномъ“, но въ отрывкѣ Стоглаваго собора и на Московскомъ соборѣ 1503 (см. Акты Арх. Экспед. т. I, № 383, стр. 486) это произведение усвоится митр. Петру († 21 декабря 1326 г.). Ср. и у <i>H. K. Никольскаго</i> в „Христ. Чтеніи“ 1909 г., № 8—9, стр. 1110.
66	14 св.	Лаонръ
66	18—19 св.	Авлеатомъ
160	14—13 св.	іеродіаконъ
160	11 св.	утверждаемыхъ
179	23 св.	Киннаѣ
183	30 св.	Патвнская
209	28 св.	мясо, бѣлки
		VIII, Латуръ
		XI, Авлетомъ (81—58,55—52 г.г.)
		архидіаконъ
		утверждаемыя
		Киннаѣ
		Латинская
		мясо бѣлки,

- 279 5 св. См. еще *Joseph Mahe*, S. J., *La sanctification d'après saint Cyrille d'Alexandrie* въ „Revue d'histoire ecclésiastique“ X, (1900), I, p. 30—59; p. 469—492. *Jos. Sickenberger*, *Fragmente der Homilien des Cyrill von Alexandrien zum Lukasevangelium* въ „Texte und Untersuchungen“ XXXIV, 1, Leipzig 1909 (ср. „Theologische Revue“ 1909, 16, 483—485); *J. Scharnagle*, S. C. irrilli XVII homiliae sive epistolae paschalis interpretatio quae vulgo Arnobii junioris dicitur latina, Wien 1909.
- 325 20 св. См. еще *А. Князевъ*, Св. равноапостольные Кирилл и Меѳодій, просвѣтители славянъ, и вліяніе ихъ подвиговъ на народное образованіе (съ изображеніемъ гравир. Л. Сѣряковимъ), Спб. 1866.
- 377 17 св. См. еще статью: Кирилл П, бывшій іерусалимскій патріархъ, въ „Оренбургскихъ Епархіальныхъ Вѣдомостяхъ“ 1877 г., № 19, стр. 642—644; № 20, 662—666 пзъ „Церковнаго Вѣстника“ 1877, № 3, часть неоффиц., стр. 2—4: „Еще по дѣлу о патріархѣ іерусалимскомъ Кириллѣ“.
- 388 4 св. 30 35
388 10 св. слова „надо думать“—опустить!
389 4 св. Нѣсколько лѣтъ назадъ монастырь былъ опустошенъ большимъ пожаромъ.
- 389 30 св. См. еще: 1) Житія святыхъ, чтимыхъ православною церковію, составл. преосвящ. *Филаретомъ (Гумилевскимъ)*, † архіеп. Черниговскимъ, февраль (Спб. 1900), стр. 34—41. 454—455; 2) *Л. И. Денисовъ*, Православные монастыри Россійской Имперіи (Москва 1908), стр. 582, № 565 (здѣсь указана нѣкоторая литература, но цифровыя данныя невѣрны: 1507 г. вмѣсто 1517-го о времени поставленія пр. Кирилломъ келліи; 1537 г. вмѣсто 1532-го — времени кончины преподобнаго; 1649 г. вмѣсто 1648-го—времени открытія его мошей...); 3) *Софія Дестунисъ*, Житія святыхъ составл. по Четь-Минеемъ и другимъ книгамъ, февр. (Спб. 1904), стр. 25—27 (монастырь ошибочно показанъ стоящимъ отъ Вѣлозерска въ 15 верстахъ; повторена ошибка о 1649 г., какъ времени открытія мошей пр. Кирилла); 4) Минеи-Четьи на русск. языкѣ, кн. VI (Москва 1905), стр. 60—63 (тоже ошибка о 1649 г.).—*А. Бронзовъ*.
- 414 5 св. по богословію. по богословію).
435 11 св. Мцхетскому Мцхетскому
435 18 св. Хтанесъ Ухтанесъ
435 25 св. См. еще у кн. *И. А. Джавахова*, *Исторія церковнаго разрыва между Грузіей и Арменіей въ началѣ VII в. въ „Извѣстіяхъ Академіи Наукъ“*, VI серия, № 5—6.
- 499 7 св. 23 св. *Шантени Шантени*
499 О китайской религіи см. еще въ Transactions of the Third International Congress for the History of Religions, Oxford 1908.
- 511 211 св. См. еще *Sauverzwieg-Schmidt*, *Drei Jahrzehnte deutscher Pioniermissionsarbeit in Süd-China 1852—1882*, Buchh. der Berl. Miss. 1908.

Къ стлб. 618, 22 стрк. св. Кромѣ того, въ бытность кievскимъ митрополитомъ, высокопреосв. Флавіанъ принимаетъ живое участіе въ высшемъ церковномъ управленіи, для чего ежегодно въ теченіе этого времени былъ вызываемъ въ С.-Петербургъ для присутствованія въ Св. Синодѣ. Въ качествѣ члена послѣдняго, онъ принималъ участіе въ нѣкоторыхъ спеціальныхъ коммисіяхъ, напр., по бракоразводному вопросу (въ 1907 г.), по вопросу объ устройствѣ внутренней мисіи (1908 г.), о коренной реформѣ церковнаго управленія въ грузинскомъ экзархатѣ (1908 г.). Въ 1908 г. лѣтомъ, по порученію Св. Синода, высокопреосв. Флавіанъ руководитъ 4-мъ всероссійскимъ миссіонерскимъ съѣздомъ въ Кіевѣ въ качествѣ почетнаго предсѣдателя его. Въ 1906 г. высокопреосв. Флавіанъ былъ членомъ Высочайше учрежденнаго Предсоборнаго Присутствія. Лѣтомъ 1909 г. высокопреосв. Флавіанъ, по порученію Св. Синода, совершалъ торжественныя богослуженія въ Полтавѣ, въ Высочайшемъ присутствіи Государя Императора, по случаю празднованія 200-лѣтія Полтавской побѣды 27 іюня 1709 г. 28 іюня 1909 г., во время посѣщенія г. Кіева Государемъ Императоромъ, высокопреосв. Флавіанъ Всемилостивѣйше пожалованъ драгоцѣнною нагавіей, украшенною брилліантами.—Проф.-прот. *Θ. Титовъ*.

Къ статѣ „Кіево-Печерская Лавра“: 1) Трапезная Антоніево-Феодосіевская ковь недавно росписана внутри художественною живописью (къ стлб. 655, ¹¹—2) О церкви при митрополичьемъ домѣ (въ мѣсто п. III на стлб. 655, ¹⁵ св.) такъ: III) *Благовѣщенская церковь при митрополичьемъ домѣ*, начатая построй 1904 г. и оконченная въ 1905 г. Она построена иждивеніемъ митрополита Флаві мѣстъ прежней, которая была построена въ 1840 г. въ примыкавшемъ къ насти скому дому одноярусномъ зданіи, служившемъ до того времени парадною столо большіе праздники Кіево-Печерской лавры. Вновь построенная Благовѣщ церковь, замѣнившая вмѣстѣ съ тѣмъ и Крестовую церковь, находившуюся въ с митрополичьемъ домѣ, состоитъ изъ двухъ этажей и хоръ, въ коихъ устроены дующіе 4 престола: 1) главный, во второмъ этажѣ, въ честь Благовѣщенія Богородицы, освященъ 30 октября 1905 г.; 2) въ нижнемъ этажѣ,—во имя свят: Михайла, перваго митрополита кіевского, освященъ 1 ноября 1905 г.; 3) на л справа—во имя святителя Флавіана, патріарха Цареградскаго, освященъ 2 1905 г., и 4) на хорахъ слѣва—во имя святителя Митрофана, перваго епископа нежскаго, освященъ 4 ноября 1905 г.

3) О библиотекѣ добавить (къ стлб. 672, ⁶ св.): Въ 1908 г. вышелъ изъ 1 первый томъ систематическаго каталога книгъ библиотекы Кіево-Печерской ; составляемаго нынѣшнимъ библиотечаремъ лавры игуменомъ Михайломъ стянскимъ). Первый томъ каталога обнимаетъ 4.294 названія книгъ богослои содержанія. Въ 1909 г. лаврская библиотека значительно и существенно гатилась, благодаря тому, что высокопр. Флавіанъ, митрополитъ кіевс: священноархимандритъ Лавры, передалъ Лаврѣ свое обширное и цѣнное ное собраніе. Это послѣднее собраніе содержитъ въ себѣ свыше 8.298 на и 15.088 томовъ книгъ богословскаго, церковно-историческаго, историческаго, лі турнаго, юридическаго, философскаго и педагогическаго содержанія. Въ со этомъ имѣются очень цѣнныя изданія, какъ, напр., Поляглотта, патрологія и др. Очень богатъ въ немъ отдѣлъ историческій и особенно русскій церковно рическій. Замѣчательнъ также отдѣлъ сочиненій по церковному цѣнію. Высое освященный митрополитъ Флавіанъ построилъ, на собственные средства, с каменный двухъ-этажный флигель (между домами митрополичьимъ и наместнич для помѣщенія пожертвованной имъ Лаврѣ своей библиотеки. Въ верхнемъ : помѣщается самая библиотека, а нижній этажъ занятъ лаврскою читальней, для рой приобрѣтена и приведена въ порядокъ новая библиотека.

4) О Китаевской пустыни добавить (къ стлб. 673, ³ св.): Въ 1904 г. пост и въ томъ же году освящена церковь во имя препод. Серафима Саровскаго братской богадѣльнѣ Кіево-Печерской Лавры, находящейся въ Китаевской. пус Рядомъ съ богадѣльнею помѣщается лаврскій свѣчной заводъ, выдѣлывающій : выя свѣчи для потребностей Лавры и перенесенный сюда изъ прежняго пом ния при самой Лаврѣ въ одномъ изъ корпусовъ нынѣшняго лаврскаго гостеп наго двора.—Проф.-прот. *В. Титова.*